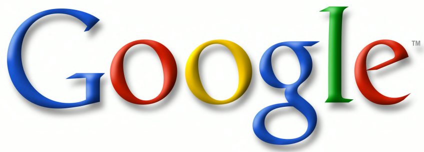


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

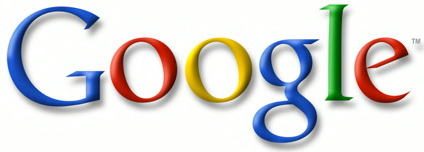
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

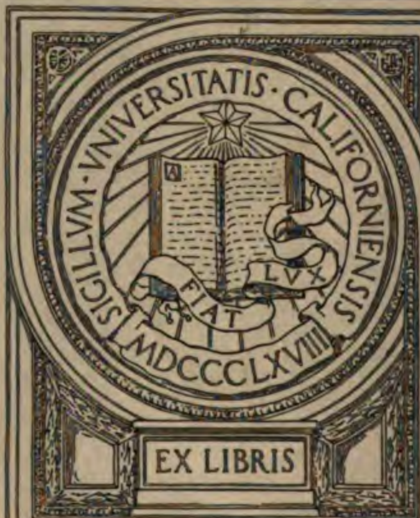
Мы также иросим Вас о следующем.

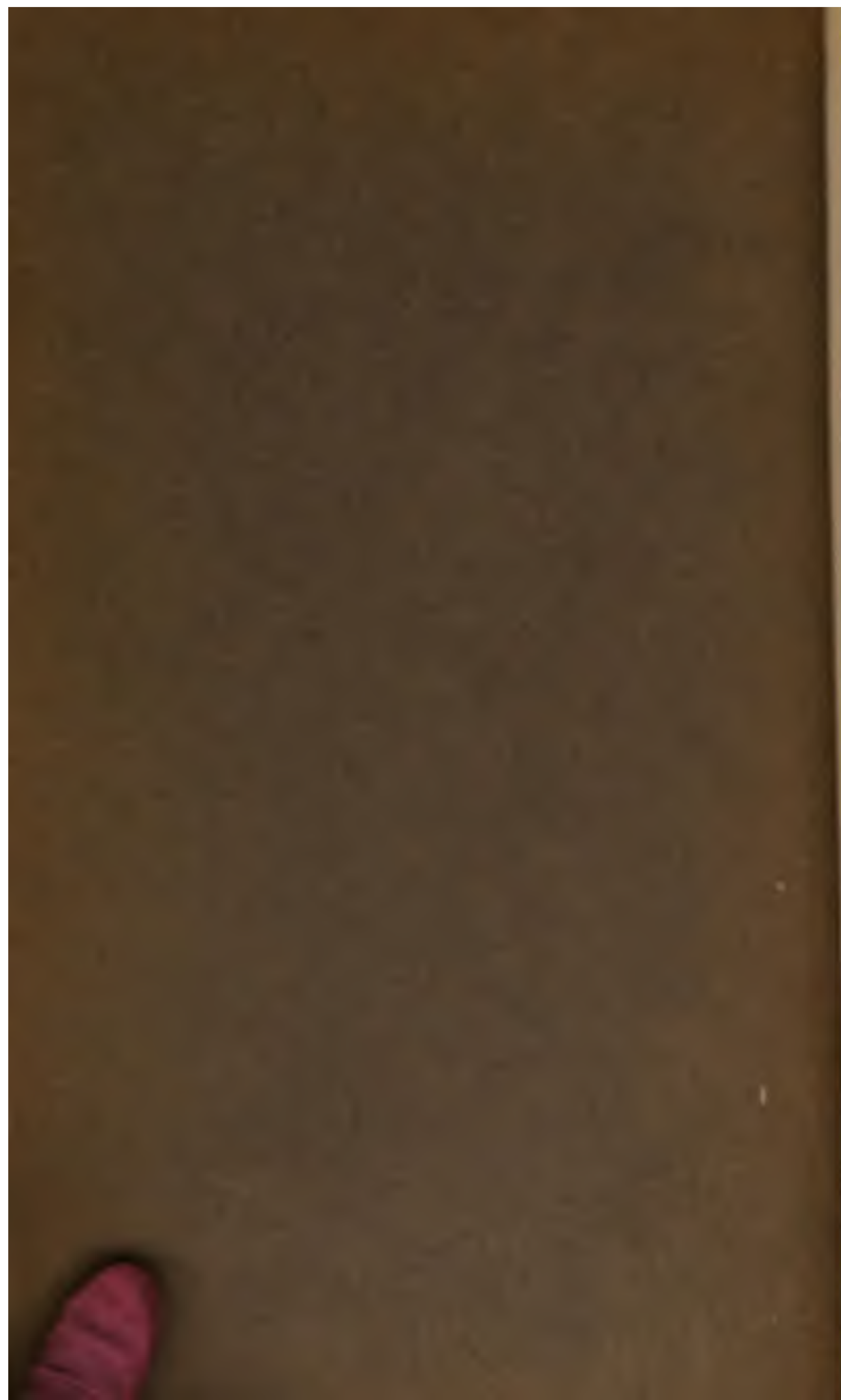
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·





АРХИВЪ
КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

v.6-7
1896-98

v.6

КНИГА ШЕСТАЯ,

изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова.

Первыя четыре книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Гербъ князей Куракиныхъ.

1896.

Printed in Russia

Printed in USSR

Въ «Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина» помѣщены и имѣютъ войти бумаги главнымъ образомъ нижеслѣдующихъ представителей рода князей Куракиныхъ: 1) кн. Григорія Семеновича, боярина, въ отбытность царя Алексѣя Михайловича (1654 г.) правителя государства, перваго воеводы въ Казани († 1682 г.), 2) кн. Ивана Григорьевича, боярина и намѣстника смоленскаго († 1682 г.), 3) кн. Бориса Ивановича, полномочнаго посла въ Англіи, Ганноверѣ, Голландіи и Франціи († 1727 г.), 4) кн. Александра Борисовича, полномочнаго посла въ Парижѣ, оберъ-шталмейстера, сенатора и конференцъ-министра († 1749 г.), 5) кн. Бориса Александровича, ген.-поручика, гофмейстера, сенатора, Камеръ и Экономіи-коллегій президента († 1764 г.), 6) кн. Александра Борисовича, полномочнаго посла въ Вѣнѣ и Парижѣ, государственнаго вице-канцлера († 1818 г.), 7) кн. Алексѣя Борисовича, генералъ-прокурора и министра внутреннихъ дѣлъ († 1829 г.), 8) кн. Бориса Алексѣевича, сенатора († 1850 г.).

Находясь въ родствѣ съ именитѣйшими русскими фамиліями, князья Куракины какъ по связямъ родства и дружбы, такъ и по служебнымъ отношеніямъ вели обширнѣйшую переписку, которая и сохраняется нынѣ у кн. Ѳ. А. Куракина, въ его родной вотчинѣ селѣ Надеждинѣ, въ количествѣ 1375 фоліантовъ. Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Надеждинскомъ архивѣ, причемъ, что очень важно, сохранились и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались князья Куракины со множествомъ лицъ обоего пола. Вотъ нѣкоторые изъ ихъ корреспондентовъ:

Имп. Александръ I, гр. Д. М. Алопеусъ, рус. мин.-резид. въ Штутгардѣ († 1831 г.), А. Л. Апраксина, с. фельдм. († 1771 г.), гр. И. А. Апраксинъ, ген.-лейт., сен. († 1818 г.), гр. П. М. Апраксинъ, бояринъ, презид. Юстицъ-Коллегіи († 1728 г.), гр. С. С. Апраксинъ. смол. губ. († 1827 г.), гр. Ѳ. М. Апраксинъ, ген.-адм. († 1728 г.), гр. А. А. Аракчеевъ, мин. († 1834 г.), Робертъ Арескинъ, лейбъ-медикъ Петра I, княгиня Е. П. Багратіонъ, кн. П. И. Багратіонъ, ген. отъ инф., сподвижникъ Суворова († 1812 г.), Ѳ. Н. Балкъ, ген.-пор. († 1739 г.), Д. Н. Бантышъ-Каменскій, тоб. и вил. губ., писатель († 1850 г.), Н. Н. Бантышъ-Каменскій, управл. архив. Коллегіи ин. д., пис. († 1814 г.), кн. Е. П. Барятинская, у. принц. Гольштейнъ-Бекъ († 1811 г.), гр. Бассевичъ, шлезвигъ-голшт. послан. († 1749 г.), свѣт. кн. А. А. Безбородко, канц. († 1799 г.), гр. Е. А. Бенкендорфъ, статсъ-дама († 1858 г.), гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, канц., фельдм. († 1766 г.), гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ, дипломатъ († 1760 г.), Брандтъ, резид. Петра I въ Амстердамѣ, гр. А. В. Браницкая, племян. кн. Потемкина, оберъ-гофм., († 1838 г.), гр. Я. В. Брюсъ, ген.-фельдцейх. († 1735 г.), Я. И. Булгаковъ, д. т. с., посланникъ, пис. († 1809 г.), гр. Е. Б. Бутурлина, с. фельдм., дочь кн. Б. И. Куракина († 1767 г.), гр. Д. П. Бутурлинъ сен. († 1829 г.), Ѳ. Ѳ. Вадковскій, д. т. с. († 1806 г.), И. П. Веселовскій, дипл. († 1754 г.), Ф. Л. Вигель, пенз. губ. († 1812 г.), Д. И. фонъ-Визинъ, пис. († 1792 г.). П. И. фонъ-Визинъ, дир. Москов. ун., сен. († 1803 г.), Г. И. Вилламовъ, статсъ-сек., пис. († 1842 г.), свѣт. кн. П. М. Волконскій, фельдм., мин. Двора († 1852 г.), кн. П. М. Волконскій, оберъ-камер., гр. С. Р. Воронцовъ, посолъ († 1832 г.), бар. И. А. Вревскій, воспитанникъ кн. Александра Бор. Куракина, ген.-м. († 1858 г.), бар. П. А. Вревскій, воспит. того же, ген.-ад. († 1855 г.), В. А. Всеволожскій, сен. († 1796 г.), кн. Е. Н. Вяземская, у. княжна Трубецкая, с. ген.-прок., статсъ-дама († 1832 г.), кн. Н. Г. Вяземскій, сен. († 1846 г.), кн. Г. П. Гагаринъ, сен., пис. († 1807 г.), кн. С. И. Гагаринъ, членъ государ. сов., пис. († 1862 г.), М. Я. Гедеоновъ, пенз. губ., свѣт. кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, фельдм. († 1813 г.), кн. А. А. Голицына, у. царевна Грузинская († 1842 г.), кн. В. В. Голицына, у. Энгельгардъ, племян. кн. Потемкина, кавалер. дама († 1815 г.), кн. П. А. Голицына, у. гр. Шувалова, пис. († 1828 г.), кн. М. М. Голицынъ, фельдм., зять кн. Б. И. Куракина († 1730 г.), кн. П. А. Голицынъ, кіев. намѣст. († 1722 г.), кн. С. Д. Голицынъ, дипл. († 1738 г.), кн. Ѳ. Н. Голицынъ, кураторъ Моск. ун., пис. († 1827 г.), И. М. Головинъ, адм. (1738 г.), гр. А. Г. Головкинъ, посл. († 1760 г.), гр. Г. И. Головкинъ, канц. († 1734 г.), Губастовъ, управ. кн. Б. И. Куракина, гр. И. В. Гудовичъ, фельдм. († 1821 г.), А. И. Дашковъ, т. с. († 1783 г.), Г. Р. Державинъ, мин. юстиціи, поэтъ († 1816 г.). кн. В. Л. Долгоруковъ, д. т. с., дипл. (казн. 1739 г.), кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ, д. т. с., сен. († 1723 г.), кн. С. Г. Долгоруковъ, полномоч. мин. († 1739 г.), имп. Екатерина I, имп. Елисавета Алексѣевна, Н. Заварицкій, вят. и потомъ сарат. вице-губ., гр. Е. А. Зотова, у. княжна Куракина († 1869 г.), В. Н. Зотовъ, казан. губ. († 1725 г.), гр. Н. И. Зотовъ, д. с. с., гр. В. А. Зубовъ, ген. отъ инф. († 1804 г.), М. М. Измайловъ, моск. ген.-губ. († 1800 г.), арх. Израиль, намѣстн. Ал.-Нев. Лавры († 1829 г.), бар. Б. В. Кампенгаузенъ, мин. вн. д. († 1823 г.), А. В. Кикинъ, приверж. цар. Алексѣя Петровича (казн. 1718 г.), О. П. Козадавлевъ. мин. внутр. д. († 1819 г.), в. кн. Константинъ Павловичъ, кн. В. П. Кочубей, канц. († 1834 г.), гр. М. Н. Кречетниковъ, тул. ген.-губ. († 1793 г.), княжна А. А. Куракина, фрейл. († 1791 г.), кн. А. И. Куракина, у. Панина († 1786 г.), кн. Е. А. Куракина, у. Бутурлина, кн. Е. Б. Куракина, у. княжна Голицына, пис. († 1871 г.), кн. Е. Д. Куракина, у. Измайлова († 1848 г.), кн. Е. С. Куракина, у. Апраксина, дочь фельдм. († 1768 г.), кн. Н. И. Куракина, у. Головина, кавалер. дама († 1831 г.), кн. Н. П. Куракина, у. Нарышкина († 1825 г.), кн. И. Б. Куракинъ, полков., кн. С. Б. Куракинъ, д. т. с. († 1805 г.), А. А. Курбатовъ, арханг. губ., гр. Г. Г. Кушелевъ, адм. († 1833 г.), Л. Ланчинскій, послан. († 1751 г.), гр. Е. В. Литта, гофмейстерина († 1829 г.), гр. Ю. П. Литта, оберъ-камерг. († 1839 г.), фонъ-Литтъ, рус. мин.-резид., кн. Е. А. Лобанова-Ростовская, у. княжна Куракина († 1791 г.), кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій, в. мин. († 1831 г.), А. Ѳ. Лопухинъ, бр. ц. Евдокіи Ѳеодоровны (казн. 1718 г.), кн. И. Б. Львовъ, дипл., А. В. Макаровъ, кабин.-сек. († 1740 г), имп. Марія Ѳеодоровна († 1828 г.), Маре, герц. Бассано, фр. мин. ин. д. († 1839 г.), гр. А. А. Матвѣевъ, дипл. († 1728 г.). кн. А. Д. Меншиковъ, фельдм. († 1729 г.), кн. П. С. Мещерскій, казан. ген.-губер. († 1799 г.), П. С. Молчановѣ, ст.-секр. Александра I, бар. П. О. Моренгеймъ, повѣрен. въ русск. дѣл. при мадрит. дв., гр. А. И. Морковъ послан. († 1827 г.), гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, т. с., пис. († 1805 г.), гр. А. С. Мусинъ-Пушкинъ, послан. († 1817 г.), гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, фельдм. († 1804 г.), гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, нач.

АРХИВЪ КН. Ѳ. А. КУРАКИНА.

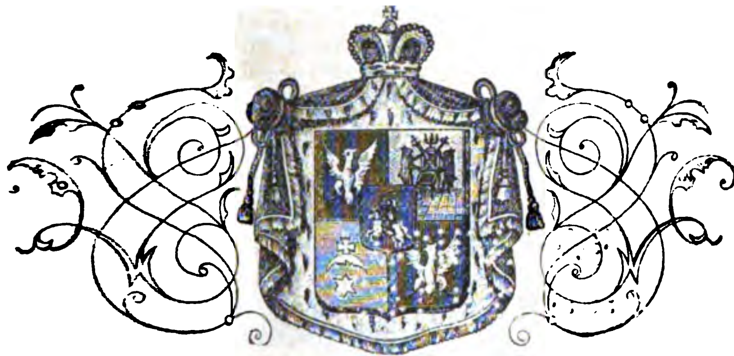
КНИГА ШЕСТАЯ,

издаваемая членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ

подъ редакціею

В. Н. Смольянинова.

Всѣ доселѣ вышедшія книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки средних учебныхъ заведеній.



Гербъ князей Куракиныхъ.

1896.

DK127
A68
v.6-7

Дозволено цензурою. Москва. 21 января 1895 года.

Miliukov

САРАТОВЪ.
Высочайше утвержденное Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“.
1896.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОЙ КНИГИ „АРХИВА КН. Ѳ. А. КУРАКИНА“.

Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина 1712—1713 гг.

Примѣчаніе 1-е. А обозначаетъ документы, представляющіе собою собственноручные подлинники, Б—подлинники, лишь подписанные собственноручно, В—собственноручные черновики, Г—черновики, лишь отчасти собственноручные, Д—черновики подьяческіе или руки разныхъ лицъ, Е—собственноручныя копіи, Ж—копіи подьяческія или руки разныхъ лицъ. Дипломатическіе мемуары писались отчасти кн. Борисомъ Ивановичемъ собственноручно, отчасти подьячими посольской канцеляріи подъ его диктовку.

Примѣчаніе 2-е. Документы, отмѣченные звѣздочкою, помѣщены, по разнымъ причинамъ, въ сокращенномъ видѣ. Обращенія въ письмахъ, а также обычныя заключительныя строки ихъ мы вообще выбрасывали.

Ред.

874983

Бумаги князя Александра Борисовича Куракина 1770—1772 гг

ромѣ продолженія дневника кн. Бориса Ивановича Куракина [1]), въ VI т. вошли 45 его писемъ и 21 письмо къ нему разныхъ лицъ, за 1712—1713 гг. Эти матеріалы относятся, главнымъ образомъ, къ Утрехтскому съѣзду и къ событіямъ, его подготовившимъ, о чемъ было подробно говорено нами въ предисловіи къ пятой книгѣ „Архива".

Что касается бумагъ кн. Александра Борисовича, то онѣ охватываютъ собою его университетскую жизнь въ Лейденѣ и пребываніе въ Англіи, продолжая удивлять читателя замѣчательной наблюдательностью юнаго князя, философскимъ настроеніемъ его мысли и исторической вѣрностью своего содержанія, указывающей на прилежное изученіе трактуемыхъ предметовъ [2]).

Корреспонденція кн. Александра Борисовича помѣщена нами за два слишкомъ года и заключаетъ въ себѣ 83 документа изъ общаго количества 323 №№ хронологической описи Надеждинскаго архива за этотъ періодъ времени. Кромѣ чисто историческаго матеріала, который будетъ рости и пріобрѣтать цѣну по мѣрѣ расширенія общественной и государственной дѣятельности кн. Александра Борисовича, мы помѣщаемъ, несмотря на указанную строгость выбора, и второстепенные документы,

---

[1]) См. т. V, стр. 1—144. Эти драгоцѣннѣйшія записки велись княземъ Борисомъ Ивановичемъ до сентября 1727 г., т. е. до самой кончины его. Ред.

[2]) Не болѣе какъ за 70 лѣтъ передъ этимъ (въ ноябрѣ и декабрѣ 1705 г.), по Голландіи путешествовалъ и осматривалъ, между прочимъ, Лейденскую Академію, князь Борисъ Ивановичъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ птенцовъ Петровыхъ, также занося всѣ свои впечатлѣнія на бумагу. Но какая разница въ развитіи между нимъ и правнукомъ его кн. Александромъ Бор.! Россія XVIII в. дѣлала исполинскіе шаги по пути прогресса, представляя единственный подобный примѣръ въ исторіи народовъ. (См. т. I „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", стр. 128—165, а также статью проф. Брикнера въ Русскомъ Обозрѣніи 1892 г. № 1, стр. 5—38, „Русскій туристъ въ западной Европѣ въ началѣ XVIII в."). Ред.

каковы письма княжны Аграфены Александровны и княгини Александры Ивановны Куракиныхъ, Аграфены Леонтьевны Апраксиной и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ какъ они или дороги семьѣ князей Куракиныхъ по родовымъ воспоминаніямъ, или важны по заключеннымъ въ нихъ даннымъ біографическаго характера. Отмѣтимъ, что съ настоящаго тома начинается печатаніе писемъ графовъ Панинихъ, которыя восполнятъ многіе пробѣлы [1]) въ исторіи этихъ честныхъ и талантливыхъ русскихъ людей.

Прошло не болѣе четырнадцати лѣтъ, какъ покойный Н. В. Калачевъ, получивъ въ свои руки небольшую и притомъ наименѣе интересную часть Куракинскихъ бумагъ, задавалъ вопросъ [2]): „Неужели князь Александръ Борисовичъ, бывши вице-канцлеромъ и посломъ, не оставилъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ своихъ занятій по сношеніямъ Россіи съ иностранными государствами?“ Какъ былъ бы радъ создатель Археологическаго Института и вообще архивнаго дѣла въ Россіи, если-бъ онъ дожилъ до настоящей минуты, когда, благодаря энергіи и затратамъ владѣльца села Надеждина князя Ѳ. А. Куракина, его архивъ даетъ возможность прослѣдить жизнь и дипломатическую дѣятельность князя Александра Борисовича годъ за годомъ, день за днемъ, однимъ словомъ, въ такихъ подробностяхъ, что по-истинѣ мало у насъ государственныхъ людей, для которыхъ память потомства была бы болѣе обезпечена. Дѣйствительно, въ Надеждинѣ не только сохраняются въ бережномъ порядкѣ письма къ князю Александру Борисовичу множества лицъ обоего пола, но имѣется не мало собственноручныхъ черновиковъ и даже подлинныхъ писемъ самого князя, такъ какъ послѣдній, по кончинѣ кого-либо изъ своихъ корреспондентовъ, обыкновенно хлопоталъ о возвращеніи своей

---

[1]) См. профес. Брикнера „Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. И. Панина“. Т. I, стр. 4 и 9. Ред.

[2]) Рѣчь его въ торжественномъ собраніи Археологическаго Института 9 мая 1882 г.—Сборникъ Археологическаго Института. 2-ая половина V книги. Спб. 1866 г., стр. 13. Ред.

переписки [1]). Такъ, напримѣръ, помѣщенныя въ настоящей книгѣ обширныя и весьма интересныя письма его къ Цесаревичу Павлу Петровичу печатались нами именно съ собственноручныхъ подлинниковъ князя [2]).

Упомянувъ объ этой перепискѣ, встрѣчавшей, конечно, благосклонный пріемъ у Великаго Князя и соотвѣтствовавшей его тогдашнему образу мыслей, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на несомнѣнное значеніе ея для характеристики Павла Петровича въ первой половинѣ его жизни.

Въ заключеніе выражаемъ нашу искреннюю благодарность почтенному издателю Русскаго Архива П. И. Бартеневу, снабдившему эту книгу многими весьма цѣнными примѣчаніями [3]), а также нашимъ сотрудникамъ А. О. Лебедеву, М. А. Горбуновой-Неандеръ, С. П. Колмогоровой и А. К. Мартэну, изъ коихъ одни занимались копировкою помѣщенныхъ здѣсь документовъ, а другіе, кромѣ того, много помогали намъ при корректурѣ.

1) Князю также были возвращены его письма, за многіе годы, къ графамъ Петру Ивановичу и Никитѣ Ивановичу Панинымъ, къ его воспитателю графу Сальдерну, къ князю Степану Борисовичу Куракину и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Къ своей корреспонденціи князь умѣлъ отнестись совершенно объективно, сберегая и такія письма, которыя, по разнымъ причинамъ, могли бы ему быть непріятны. На него не вліяли въ этомъ смыслѣ и политическія опасенія, изъ-за которыхъ его прадѣдъ князь Борисъ Ивановичъ былъ принужденъ уничтожить всю корреспонденцію съ племянникомъ своимъ Царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Ред.

2) Какъ извѣстно, по кончинѣ Павла Петровича, Александръ I поручилъ князю Куракину разобрать бумаги его царственнаго друга, при чемъ княземъ были сняты нѣкоторыя копіи съ наиболѣе важныхъ бумагъ (См. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1867 г. №№ 1 и 2, сообщенія М. И. Семевскаго, и Русскій Архивъ 1865 г., стлб. 23). Точно также, по смерти Екатерины II, князь Александръ Борисовичъ вмѣстѣ съ Ростопчинымъ, по приказанію Павла Петровича, помогалъ Великому Князю Александру Павловичу разбирать бумаги Императрицы (См. интересный разсказъ объ этомъ князя С. М. Голицына.—Русскій Архивъ 1869 г., стлб. 642—643). Ред.

3) Они помѣчены буквами П. Б.

В. Н. Смольяниновъ,

директоръ Александровскаго Саратовскаго дворянскаго пансіона и правитель дѣлъ Саратовской ученой архивной коммиссіи.

БУМАГИ

КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

1712—1713 гг.

Записки князя Б. И. Куракина о посольствахъ при европейскихъ дворахъ и переписка его съ разными лицами.

938. ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ МЕМУАРЫ КНЯЗЯ Б. И. КУРАКИНА.

[1713 г. Утрехтъ].

Съ начала сей негоціаціи цесарь и Голландія, какъ возможно, продолжали; но когда увидѣли, что не въ силѣ рукъ аглинскихъ тѣ дѣла стали, и сама Франція всему повелительница есть, тогда цесарь и господа голландцы декляровали себя Англіи весьма склонными къ миру на томъ плянѣ, какъ Англія впоследніе объявила.

И по сему сходству со стороны аліатовъ видится, что сей миръ, какъ чаяли, каждаго дня могъ заключенъ быть; однакоже видимъ его въ продолженіи и чаемъ, что Франція продолжитъ нѣкоторое время, а особливе до вступленія въ кампанію, къ чему уже виды есть, что намѣрена, вступя, атаковать Монсъ, а когда взять будетъ, тогда на Турне обмѣняетъ, который въ рукахъ голландскихъ есть. И потомъ надобно чаянію быть, что миръ учинится.

Паче сего публичнаго разсужденія, заподлинно увѣдомились, что при дворѣ французскомъ интригуются, раздѣлясь, двѣ партіи: одна къ миру, а другая противъ мира. Одна партія—принцевъ крови, которые весьма желаютъ мира, видя короля въ великой слабости, чтобы по немъ имъ остаться въ тишинѣ,—въ такомъ случаѣ свободнѣе могутъ они, принцы крови, въ молодо-

лѣтствѣ дофиновомъ взять правленіе на себя. Другая партія—ми нистерства и другихъ военныхъ правителей, какъ: марки де Торсій, маршалъ Виллярсъ, маршалъ Таллартъ, аббе По линьякъ, который нынѣ отъѣхалъ для принятія кардинальско шляпы, и другіе всѣ ихъ партіи, которые имѣютъ правленіе го сударственное въ рукахъ своихъ, весьма желаютъ продолжені войны, предлагая королю многіе резоны подъ лукавствомъ. Н въ томъ продолженіи помянутая партія склонна къ войнѣ н для государственнаго интереса, но для своего партикулярнаго Усмотря, что король въ чрезвычайную слабость пришёлъ здо ровья своего, разсуждаютъ своему интересу быть того для, чтоб оnаго смерть случилась во время войны,—въ такомъ случаѣ всѣ тѣ правители государственные останутся при своихъ сар жахъ и управительми въ малолѣтствѣ дофиновѣ и принцев крови къ правленію не допустятъ. А особливе та помянутая ми нистерская партія, при такомъ случаѣ смерти короля ихъ, уже между собою сошлась, чтобы быть шефомъ своего совѣта кардиналу Полиньяку такъ, какъ Ришельё и Мазарини.

Мадамъ Ментенонъ, вѣрная въ совѣтѣхъ королю своему, не смотря уже больше на свои интересы, но ища покоя, есть между тѣми обѣими партіи неутральна и всегда королю предлагаетъ, чтобы миръ учинить; того для вся сія негоціація продолжается, и будемъ смотрѣть, которая партія къ намѣреніемъ своимъ пресилѣетъ.

Вопросы по поводу церемоніала съ принцами, министрами и другими лицами, по пріѣздѣ въ Утрехтъ.

1713 г. января 25. Утрехтъ.

о пріѣздѣ своемъ въ Утрехтъ, всѣхъ ли министровъ обсылать и самыхъ малыхъ,—резидента генуэзскаго, или нѣтъ?

Также и другихъ малыхъ принцевъ,—дука Санктъ-Пьеръ обсылать ли?

Пальмквиста и другого шведскаго обсылать ли?

Въ обсылкѣ дистинкцію дѣлать ли и какими людьми?

Ежели кого дома застанетъ, самому ли принять, и ежели жентиломъ, другому отдавать ли ту коммиссію?

Ежели дома кого не застанутъ, отдавать ли ту коммиссію, и вмѣнится ли за обсылку?

Визиты буду отдавать, прося ли часа, обсылаючись, или нѣтъ? И ежели дома не застанетъ, вмѣнится ли за визиту?

Равнымъ образомъ и я когда визиту отдамъ, вмѣнится ли за визиту?

По тѣхъ церемоніяхъ надлежитъ, хотя и отдавъ контровизиты, информе свои визиты сдѣлать чивильты.

И ежели имъ визиты контру отдать, кому надлежитъ?

Контровизиты отдавать напредь тому, кто тебѣ прежде отдалъ; сіе усматривается между первыми.

Кресла какъ ставятъ,—у камина ли или нѣтъ?

Къ магистрату здѣшнему обсылаться ли?

У нихъ надобно привилежіе обыкновенное взять въ акцизѣ; имя свое напечатать тѣмъ обоимъ книжникамъ въ выписку министровъ выше шведскаго.

Съ полномочной копію дать или нѣтъ?

Ни венетскій и никто изъ неутральныхъ принцевъ еще по се число полномочныхъ не казали.

1713 г. января 31.

Былъ я у ратпенсіонарія и объявилъ о полученіи его царскаго величества до ихъ высокомочествъ грамоты, которую подалъ статскому президенту г. ванъ-деръ-Лиру, и съ оной списокъ при семъ объявленъ.

Списокъ великаго государя грамоты, какова послана къ Господамъ Статомъ изъ Ренсбурга генваря въ „ “ день 1713 года.

аше высокомочіе не могли бы намъ вящшаго опыта своей дружбы и добраго намѣренія оказать, какъ [то], что вы недавно чрезъ своего, при Оттоманской Портѣ пребывающаго, посла свою медіацію къ возставленію мира между нами и помянутою Портою приложить изволили,—и мы, какъ чрезъ резидента вашего, у насъ обрѣтающагося, такожде и чрезъ посла нашего,

засвидѣтельствовать повелѣли объ обязаніи, которое мы вашем высокомочію за то имѣемъ, и что мы не преминемъ при вся комъ случаѣ взаимно всѣ желаемые опыты нашей дружбы ока зать. И потому мы чаяли, что сей, чрезъ ея королевина вели чества великобританской и вашего высокомочія медіацію, межд нами и Портою заключенный миръ конечно постояненъ пребу деть, а наипаче, понеже мы съ нашей стороны, къ чему мы помянутому миру обязаны были, весьма исполнили; якоже из вѣстно есть, что мы Азовъ отдали и Каменный Затонъ и Та ганрогъ разорили, хотя мы объ истинномъ намѣреніи Порты и что она миръ съ нами содержать намѣрена, и причину имѣ ли сумнѣваться, а именно, покамѣстъ нашъ непріятель, корол шведскій, въ турецкихъ областяхъ и подъ турецкою протекціек обрѣтается. Мы также и артикулъ о Польшѣ исполнили и всѣ наши войска изъ онаго королевства до одного человѣка вывели. Однакоже, не смотря на все то, принуждены мы нынѣ слышать, что Порта паки съ нами миръ нарушила и нашихъ въ Царьградѣ обрѣтающихся пословъ, противъ всѣхъ народныхъ правъ, заарестовали подъ фальшивымъ и неосновательнымъ предлогомъ, будто наши войска еще въ Польшѣ обрѣтаются. Сіе доносилъ изъ Польши возвратившійся солохоръ.

И то весьма неправедно, понеже довольно явно есть, что ни единый человѣкъ изъ нашихъ въ Польшѣ больше не обрѣтается; но паче сіе подлинно есть, что помянутый солохоръ отъ нашего непріятеля и отъ его адгерентовъ, при его возвратѣ, который онъ нарочно для того чрезъ Бендеръ учинилъ, къ такому фальшивому доношенію подкупленъ. Сего нашего непріятеля почитай нечеловѣческое мщеніе такъ есть велико, что онъ не токмо никакого резона не слушаетъ, но паче ничего иного не ищетъ, токмо чтобы все христіанство отъ турковъ и татаръ нападено и въ крайнее разореніе приведено было. Мы то предаемъ въ разсужденіе: не имѣетъ ли каждая христіанская держава то за противно принять и смотрѣть, какъ бы благовременно такое великое и всего христіанства руины касающееся намѣреніе предупредить.

А вашему высокомочію изобрѣли мы за благо о семъ новомъ мирномъ нарушеніи объявить и васъ дружебно просить, чтобы вы, понеже чрезъ приложеніе свое и медіацію мирное заключеніе съ турками наипаче произыскали, и о содержаніи того нынѣ старалися, а для того къ своему, въ Константинополѣ обрѣтающемуся, послу крѣпкіе указы дать изволили, чтобъ онъ Порту отъ сего намѣренія всякимъ образомъ отвратить искалъ. Ваше высокомочіе окажетъ чрезъ то дѣло, съ вашимъ праводушіемъ сходное, и освободитъ все христіанство отъ угрожаемаго ему страха. И якоже чрезъ сіе ваша уже въ свѣтѣ пріобрѣтенная слава вящше умножится, тако и мы не преминемъ вашему высокомочію всякое обязательство за то имѣть и всегда пребывать вашего высокомочія добрый пріятель.

1713 г. февраля 5.

Агентъ Фанденбургъ учинилъ рапортъ сего числа, по прибытіи своемъ, въ Гагѣ, что онъ заподлинно увѣдомился о данной коммиссіи купцамъ амстердамскимъ г. Пельцу и г. Франсу отъ министровъ шведскихъ для покупки фуража и провіанта, и аммуниціи въ пристаняхъ, въ Амстердамѣ, и въ провинціи Фризіи городѣ Гарлингенѣ, откуль все то помянутое закупное на шмакахъ вскорѣ будутъ отправлять до Голштеніи въ пристань Тонингъ, для субсистенціи арміи шведской, которая нынѣ подъ командою генерала Штейнбока отъ войскъ его царскаго величества и его аліатовъ блокирована.

И на-завтрее того дня, февраля 6-го, былъ я въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ и предлагалъ, чтобы воспрещено было тѣ вышепомянутыя провизіи отпускать въ непріятельскую армію, информе протестовалъ, который взялъ на доношеніе статскому собранію.

1713 г. февраля 8.

Получено вѣдѣніе отъ двора. „Изъ прежнихъ и изъ вложеннаго при семъ извѣстно вамъ, что непріятель имѣлъ гварнизонъ въ Фридрихштатѣ, къ которому иного пути нѣтъ, токмо одна плотина на великую милю. Непріятель, чтобы насъ не

пропустить къ Фридрихштату, сдѣлалъ на той плотинѣ четыр крѣпости и наполнилъ людьми и пушками.

Вчерашняго числа царское величество своею персоною с пятью баталіоны своей гвардіи и нѣсколько драгунъ атаковал помянутыя непріятельскія крѣпости и, выбивъ изъ нихъ непріятелей, принудилъ ихъ уступить къ главному ихъ войску; гварнизонъ, который былъ въ Фридрихштатѣ, ушелъ тою же дорогою. Царское величество съ своими войски въ Фридрихштатъ вошелъ и сея ночи въ немъ ночевалъ.

Во вчерашней акціи съ нашей стороны убиты драгунскі поручикъ и одинъ гренадиръ, раненъ одинъ гренадиръ. С непріятельской стороны о побитыхъ и раненыхъ не вѣдаемъ а въ полонъ взято непріятельскихъ: 1 капитанъ, 1 прапорщикъ 1 адъютантъ, рейтаръ и солдатъ около трехсотъ человѣкъ.

Штейнбокъ съ главнымъ войскомъ стоитъ въ мѣстечкѣ с 2 мили отсюда. Правда, проходъ къ нему зѣло труденъ: иног пути нѣтъ, только одна плотина, и за великою грязью трудн везть артиллерію; также слышно, что войска непріятельскі стоятъ въ великихъ крѣпостяхъ, но всѣ тѣ трудности не помѣшаютъ намъ къ нему итить, ежели онъ насъ дождется.

Дорога толь трудна, что артиллерія и багажи войсковые другі сутки идутъ одну милю; не чаемъ еще, чтобы сегодня пришли".

1713 г. февраля 9.

Полученъ вексель съ Москвы на 5000 червонныхъ чрез письмо Александра Гавриловича Головкина.

„Доношеніе, каково учинено въ бытность въ Помераніи, его царскому величеству".

„Резолюція, какова учинен на послѣдующіе пункты под писаніемъ собственныя ег царскаго величества руки"

1713 г. февраля 16

Кораблей еще покупать ли? — Покупать, противъ указа, однакоже до тѣхъ мѣстъ, чтобъ оные конечно въ октябрѣ, или кончая въ ноябрѣ, были въ Копенгагенѣ.

Исправлено, и вновь два корабля куплены.

Когда вексели изъ Риги умедлятся, тогда для расплаты, также и отправленія, ежели такого числа денегъ не сыщется на кредитъ, указъ дать Осипу Соловьеву, чтобы при такомъ случаѣ денегъ далъ; а по полученіи векселей, ему заплачу.

Указъ не токмо къ Соловьеву, но и тѣ вексели, что̀ отъ Сената переведены будутъ, также и пошлинныя вручатся.

По указу Соловьевъ не далъ; а вексели получены.

Ѳедоръ Салтыковъ проситъ о своемъ жалованьи; срокъ прошёлъ.

Когда довольныя деньги будутъ, дать.

Жалованье ему, 1000 ефимковъ, выдано.

Пашпортъ на купленный нынѣ корабль надлежитъ послать или отъ датскаго двора требовать?

Дать.

Въ запасъ здѣсь есть.

Стельсъ въ письмѣ проситъ, когда отправитъ нынѣ корабль, по присланнымъ его счетамъ заплатить, — платить ли?

Ежели что̀ достойно, и то заплатить на Москвѣ.

Роспись послана къ Сенату, а другая къ царскому величеству, что̀ должно заплатить Стельсу за корабль.

Христофоръ Брантъ проситъ милости о шпагѣ и позволительнаго письма на то, чтобы могъ всегда носить.

Позволяется.

Бранту оный листъ позволительный отданъ.

„Описаніе бѣдственнаго припадка, приключившагося въ Бендерѣ".

(Переводъ съ новинъ послѣднихъ, каковы объявилися при цесарскомъ дворѣ, въ Вѣнѣ, сего февраля въ 21-ый день с. ст. 1713 г.).

Генваря въ 30-ый день с. ст. прибылъ въ Бендеръ Юсуфъ-ага, капиджи-баши, салтанскій верховный придверный, съ украйны, [съ] его атши-шерифъ называемымъ, къ хану крымскому въ отвѣтъ на отписки четырехъ знатныхъ вельможъ, т.-е. хана крымскаго, паши бендерскаго, верховнаго конюшаго и Мерикора-аги, чауша-паши, къ нему, салтану, прежде отправленныя.

Того же дня ханъ крымскій вышелъ изъ Бендера и стал обозомъ въ слободѣ Липковъ, насупротивъ квартиры корол свейскаго въ деревнѣ Варничи, и поставилъ въ два ря пушки противу той квартиры, велѣлъ порохъ и пульки ратем своимъ раздать, и чтобы всѣ къ-завтрее рано готовы и воор жены были. Потомъ ханъ крымскій послалъ къ четыремъ зна нымъ польскимъ господамъ, которые недавно къ нему, хан отъ короля свейскаго пріѣзжали, но потомъ къ нему, корол поворотилися, и велѣлъ ихъ спросить: хотятъ ли изъ двор короля свейскаго выйтить или вмѣстѣ съ нимъ погибнуть.

На то они отвѣчали: „Мы недавно, опасаяся въ руки ко роля Августа впасть, выѣзжали и нынѣ, ежели ханъ и прочі при немъ пребывающіе вельможи письменно насъ о нашем безопасеніи обнадежатъ, мы выѣдемъ". И на то ханъ согла сился, и далъ имъ письмо своей руки объ ихъ свободѣ и безопасеніи.

На-завтрее, т.-е. генваря въ 31-ый день, въ 9 часовъ до по лудня, всѣ турецкія и татарскія рати, изъ крѣпости Бендер ской вышедчи, пошли къ квартирѣ короля свейскаго обще с ханомъ крымскимъ, съ пашою, или сераскиромъ бендерскимъ съ верховнымъ салтанскимъ конюшимъ, съ чаушемъ-пашою Му стафою и съ судьею законнымъ, т.-е. съ кадіемъ бендерскимъ и съ прочими начальными людьми, и, заперши ворота бендер скія, привели съ собою еще двѣнадцать пушекъ. Пришедш подъ Варничи, расположили войско янычаръ съ одной сторон королевскаго двора, татаръ же и гебезіевъ—съ другой стороны а въ срединѣ пушки поставили.

Того же времени вышепомянутые господа польскіе о про вожатыхъ просили у хана и сераскира и изъ двора корол свейскаго выѣхали. Но король свейскій отъ себя выслал спальника Грота къ хану, сераскиру и прочимъ вельможам спрашивать, что они нѣчто удивительное дѣлаютъ.

На то отвѣчалъ сераскиръ: „Удивительное сіе дѣло проис ходитъ отъ самихъ васъ. Уже четыре года какъ император нашего лжами обманываете и въ отечество ваше поворотитьс

не хотите,—для того императоръ нашъ ни часа больше васъ въ своемъ государствѣ снесть не хочетъ. Если же дружбы императора нашего желаете, пойди, спальникъ, и скажи своему королю, чтобъ онъ, сего момента изъ своей квартиры вышедчи, съ нами въ Бендеръ поѣхалъ“.

На то спальникъ Гротъ отвѣтовалъ: „какъ тому возможно быть, чтобы мой король изъ своей квартиры вышелъ, не приготовя себя къ тому“.

На то опять сераскиръ сказалъ, чтобы „вышелъ сего момента и ѣхалъ съ нами въ Бендеръ; можетъ тамъ, въ которомъ дворѣ ему угодно ни будетъ, хотя въ моемъ властномъ,—который императорскимъ дворцомъ есть,—жить, пока къ пути не приготовится“.

Съ тѣмъ отвѣтомъ поворотился спальникъ Гротъ къ своему королю. И послѣ четверти часа опять пришелъ съ отвѣтомъ просительнымъ, чтобъ ему, королевскому величеству, остаться въ своемъ дворѣ, пока приготовится, ибо ему сего момента выйтить и въ Бендеръ ѣхать нельзя. И сказалъ „аманъ“ (которое слово, по обыкновенію турецкому, словомъ подданства есть), чтобы того короля оставили. Къ тому-жъ онъ, спальникъ, сказалъ: „написано есть въ вашемъ законѣ, что если кто аманъ скажетъ, да свободенъ будетъ“. Къ тому-жъ онъ, спальникъ, объявилъ, что ни салтанъ, ни королевскій посланникъ при Портѣ ничего къ королю о томъ не писали, что его изъ государства выслать велѣно.

Ханъ, сераскиръ и прочіе, сіе услышавъ, тотчасъ поѣхали и велѣли войску знать дать и изъ пушекъ дважды противу шведовъ выстрѣлить. Но янычары, хотя имъ ихъ, янычарскій, ага, сераскиръ бендерскій и прочая старшина въ бой вступать велѣли, не хотѣли того исполнить. И хотя кади, т.-е. законный судья, имъ прочелъ атши-шерифъ, т.-е. салтанскій указъ, и на тотъ внять не хотѣли, и сказали: „сей не есть салтанскій атши-шерифъ“.

Начальники, усмотря ослушаніе ихъ, янычарское, къ наступленію на короля свейскаго, велѣли имъ изъ войска выйтить и

въ Бендеръ возвратиться, и пушки всѣ опять въ городъ о везти приказали. И достальныя рати около второго часа попол дни всѣ въ Бендеръ же поворотилися.

Въ воскресенье, т.-е. февраля въ 1-ый день с. ст., в начальники янычарскіе пошли къ королю свейскому, обѣщ ему подъ присягою, что, если его величество хочетъ осо свою имъ ввѣрить, они, не выдая его ни хану, ни сераскир въ цѣлости и въ безопасеніи къ властному ихъ императо проводятъ.

Но шведы на то имъ отвѣчали: „биль дери нонъ де калма", т.-е. „дѣлайте, какъ знаете,—мы не хотимъ".

Янычары, тѣмъ озлоблены будучи и согласясь, напали шведовъ, многихъ порубили и съ 300 человѣкъ мужескаго женскаго пола въ полонъ взяли, а самъ король съ нѣкоторы знатнѣйшими офицерами заперся въ своемъ дворѣ. Хотя т тому двору стрѣляли и бомбы на него съ двухъ сторонъ бр сали, но не могли онаго до вечера добыть, и для того яныч ры и татары близъ того мѣста ночевали.

Многіе турки и татары при томъ случаѣ побиты, не толь рядовые, но и начальные. А все, чтó внѣ двора королевска къ нему надлежащаго ни нашлося, турки и татары ра несли и разграбили. Наконецъ, когда огонь во дворѣ короле скомъ загорѣлся (при которомъ случаѣ ханъ и сераскиръ были въ часъ ночи король свейскій отъ великаго жара и отъ ча принужденъ былъ выйтить съ 15-ю офицерами, которые тока въ живыхъ при немъ осталися, и взялъ его въ полонъ один татаринъ Липка; но янычары его отбили и къ сераскиру по вели. Сераскиръ, его обнявъ и увеселя, на лошадь посади и на свой дворъ отвезти велѣлъ; и держали его по обѣим сторонамъ на лошади. Онъ, король, по рукѣ и по носу легк раненъ.

Сераскиръ тѣмъ янычарамъ, которые короля въ полон взяли, 1000 ефимковъ въ награду далъ.

Пока король взятъ, около 200 человѣкъ турковъ побиты между тѣхъ многіе янычарскіе офицеры, 4 аги и мурзы. Т

подлинно есть, что ежели бы дворъ не загорѣлся, и по се время король свейскій не былъ бы взятъ.

Турки хотятъ его, короля свейскаго, въ Солунь отвезти. Однакоже, когда Мустафу-пашу спросили: къ кому его, короля, куда, и въ Адріанополь ли къ салтану отвезти велѣно,— онъ отвѣчалъ: „развѣ если на дорогѣ указъ получу, то его въ Адріанополь повезу; а инако прямо въ Солунь съ нимъ поѣду". И намѣреніе было сего февраля въ 4-ый день с. ст. подняться.

1713 г. марта 7. Гага.

Посолъ аглинскій милордъ Страффордъ предлагалъ мнѣ, чтобъ его царское величество войска свои вывелъ вонъ изъ имперіи; также равнымъ образомъ и шведы выведутъ свои войска въ Швецію.

Я не имѣлъ полной мочи въ сіе дѣло вступать, того для онъ просилъ меня доносить двору и требовать указа на то.

1713 г. марта 7. Гага.

Министръ ганноверскій баронъ Ботмаръ, бывъ у меня, сообщалъ, что конте Цинцендорфу и ратпенсіонарію желаніемъ курфюрстовымъ предлагалъ, чтобъ имъ просить у царскаго величества въ службу ихъ его войскъ. И на то оба сказали, что впредь будутъ усматривать времени.

Нынѣшняго 1713 г., по смерти короля прусскаго, министръ его, резидующій въ Гагѣ, баронъ Гимменъ не обсылалъ министровъ чужестранныхъ и другихъ съ объявленіемъ о смерти короля его нѣкоторые дни для уборовъ своихъ,—чтобы себѣ въ печальный приборъ по чину убраться, и то продолжилось съ двѣ недѣли. Потомъ объявлялъ всѣмъ чрезъ посланнаго своего секретаря, который былъ въ печальной обыкновенной каретѣ и въ епанчѣ, и шляпа съ флёромъ. И тотъ присланный, по обыкновенномъ объявленіи, назначилъ три дня, въ которые онъ будетъ примать визиты кондоленціи, и въ тѣ дни тѣ визиты начинались отъ 10-го часа и продолжались до одного пополудни.

Въ пріемѣ церемоніалъ былъ такой, также и домъ убранъ. Всякій пріѣзжій не одерживается, но тотчасъ отъ доместиковъ того дома двери перваго входа въ домъ отворяются, которыя всегда затворены бываютъ, и, вошедъ въ залу, при дверяхъ антикаморы два жентилома въ печальномъ платьѣ и въ епанчахъ встрѣчаютъ, и провожаютъ до каморы аудіенціи. Въ той каморѣ были министры прусскіе, посланникъ чрезвычайный баронъ Гимменъ, да резидентъ, оба убраны въ печальномъ платьѣ съ епанчами и съ флёрами, и встрѣчали сами у дверей, и, встрѣтя, пошедъ къ своимъ мѣстамъ, сѣли въ креслахъ обыкновенныхъ. И по отправленіи взаимныхъ сболѣзновательныхъ рѣчей, не продолжаются въ долгихъ разговорѣхъ [касательно] постороннихъ какихъ дѣлъ, — встаютъ, отъѣзжаютъ. Но господа дома провожаютъ только до дверей въ той каморѣ, а жентиломы провожаютъ ажъ до самыхъ дверей послѣднихъ дома.

Домъ, первая зала и антикамора, и пріемная убраны чернымъ сукномъ грубымъ, и окна всѣ завѣшаны, съ малымъ укрытіемъ свѣта и въ каморѣ аудіенціи, — и гораздо было темно. Доместики всѣ убраны въ черномъ толстаго сукна и стояли въ залѣ у первыхъ дверей дома, какъ обыкновенно есть въ пріемѣ визитъ публичныхъ; двери дома всегда затворены были.

Есть же обычай, какъ я усмотрѣлъ, что г. баронъ Гимменъ отвѣтствовалъ на мои слова и говорилъ все тихимъ голосомъ. Сіе притворно дѣлается для печальнаго вида. По тѣхъ дняхъ онъ отдавалъ контровизиту всѣмъ безъ епанчи, токмо въ печальномъ платьѣ.

„Рефлексіи для съѣзда утрехтскаго на дѣла наши, которыя бы могли тутъ начаты быть, и какую простороность въ тѣхъ имѣть".

1713 г. марта 10.

инистры шведскіе стараются и стараться будутъ, чтобы трактатъ вестфальскій былъ подтверженъ, и провинціи, принадлежащія къ коронѣ шведской въ имперіи, были всегда содержаны.

Больше того,—внесутъ, чтобъ оныя были гварантированы
е токмо между имперіею, но и отъ постороннихъ потенцій:
то бы ни хотѣлъ атаковать, всему имперію противу того быть.

Дукатство бременское датскаго принудить возвратить, и для
го возвращенія концертъ учинить согласна вся имперія между
обою.

О выходѣ войскъ царскаго величества изъ имперіи заклю-
ть въ одинъ нѣкоторый терминъ.

Чтобы при семъ партикулярнаго сходства не учинили Гол-
ія, мюнстерскій, прусскій и не позволили бы прохода сво-
ого войскамъ французскимъ чрезъ имперію противу дат-
ого короля, какъ уже тому примѣръ былъ послѣ мира ним-
скаго: тогда король датскій былъ въ аліансѣ противу
ранціи съ имперіею и съ голландцы, также и для своего
бственнаго интереса былъ въ аліансѣ съ курфюрстомъ бран-
бургскимъ противу шведа, и завоевали всё,—а потомъ, когда
ръ нимвежскій былъ учиненъ, были всѣ оставлены; и при-
жденъ былъ прежде датскій (чрезъ сикурсъ шведу отъ Фран-
і, что уже 20 тысячъ войскъ французскихъ въ графство
денбургское пришли) примириться, и потомъ брандебургскій
послѣдствовать. И такимъ образомъ та война окончалася, и
овинціи въ имперіи за шведомъ устояли.

...ое объявленіе письменное учинилъ въ Утрехтѣ при конгрессѣ министръ шведскій".

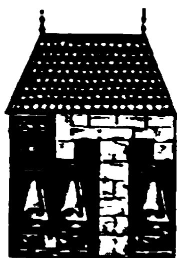
1713 г. апрѣля 1. Утрехтъ.

о понеже покоя и тишины въ имперіи чрезъ сей миръ уповать невозможно, ежели при томъ учиненныя въ Нижней Германіи безпокойства примирены не будутъ, и мирныя договаривающіяся стороны, съ общаго согласія и совокупленною
ощью, какъ междо собою, такъ и съ прочими вестфальскаго
ра союзники, свои средства наикрѣпчайше приложатъ, дабы,
угашеніи, какъ наискорѣе возможно, военнаго огня во всемъ

имперіи, все, по силѣ помянутаго мира, въ прежнее состоян
возставлено было,—того ради принцы, въ сѣверѣ воюющі
вскорѣ, по подписаніи сего трактата, имѣють напоминае
быть, дабы безпокойство общаго мира въ цесарствѣ далѣе
продолжали, но дабы оные, которые никакихъ земель въ Ге
маніи не имѣють, свои войска оттуда вывели, а прочіе,
вышепомянутомъ возставленіи, покойно тамо да пребудут
Но ежели сіи средства во время „ " мѣсяцевъ къ п
желанному концу приведены не будуть, тогда его цесарск
величество и курфюрсты, принцы и члены имперскіе, о вой
сѣверной неизвѣстные, купно съ освященнымъ королевски
величествомъ христіаннѣйшимъ, употребять способы дѣйств
тельные и совокупленными силами до того времени буду
дѣйствовать, пока во всей Германіи миръ противъ вышепом
нутой силы будетъ возставленъ и учрежденъ.

„Генеральный плянъ, о которомъ согласились между сѣверными союзники".

1713 г. апрѣля 10. Гага.



ри соединенныя сѣверныя державы обнадежен
что много въ томъ состоитъ, чтобы междо ни
доброе согласіе и совершенная любовь был
и, разсуждая, что лучшаго способа нѣтъ то
достичь, яко междо собою сдѣлать плянъ, по которому оны
поступать какъ междо собою, такъ и съ другими державам
согласились такой плянъ учинить и для того постановили п
казать всякую умѣренность въ войнѣ, дабы тѣмъ короля шве
скаго обличить. И понеже ихъ величества довольно вѣдают
что лучше другія державы увѣрить неможно, что оныя истинн
склонность къ пристойному и постоянному миру имѣють, как
чтобы генеральныя кондиціи объявить, на которыхъ миръ чи
нить хотятъ,—того ради они согласились о генеральномъ пля
нѣ къ миру, который иностраннымъ державамъ объявить хо
тятъ по послѣдующему проекту.

„Проектъ къ миру въ сѣверѣ“.

1. Чтобы король польскій покойнымъ владѣтелемъ своей короны былъ и остался на престолѣ своемъ безъ всякаго прекословія; чтобы Ригу и Лифляндію отдать королевскому величеству польскому и речи посполитой.

2. Чтобъ его царское величество, сверхъ того, что́ прежде его россійской коронѣ принадлежало, имѣлъ Эстляндію и все то, что онъ въ нынѣшней войнѣ взялъ (кромѣ того, что́ выше объявлено по силѣ трактата, учиненнаго съ королемъ польскимъ), съ сею кондиціею, чтобъ агличане и голландцы свободное отправленіе въ купечествѣ имѣли.

3. Что король датскій на обмѣнъ дастъ Бременъ и Ферденъ противъ княжества шлезвигъ-голштинскаго.

4. Чтобы Померанія въ волю имперскую отдана была, который онную провинцію расположить можетъ, какъ оный то за благо обрѣтетъ. Ежели по такому пляну иныя державы къ тому привести можно, чтобъ оныя въ наши дѣла мѣшались и искали пристойный миръ въ сѣверѣ исходатайствовать, то можно, когда негоціаціи прежде будутъ начаты, кондиціи того мира пространно изобразить, которыя больше или меньше полезны будутъ по состоянію, какъ союзничьи дѣла счастливо или несчастливо пойдутъ.

2. Ихъ величества такожде согласились своимъ министромъ, которые при иностранныхъ дворѣхъ обрѣтаются, указать междо собою согласно поступать во всемъ томъ, что́ къ тому касаться будетъ, и согласнымъ быть въ своихъ реляціяхъ, которыя они къ своимъ дворамъ о тѣхъ дѣлѣхъ чинить будутъ. Такоже такія дѣла приключиться могутъ, о которыхъ всѣ министры не одного мнѣнія суть, какъ тó часто приключается междо министрами одного государя,—то оные, которые другого мнѣнія суть, о томъ справное доношеніе къ своимъ дворамъ чинить имѣютъ, и о причинахъ, для чего оные въ своемъ мнѣніи отъ другихъ розны, дабы союзные державы междо собою согласиться и къ своимъ министрамъ указъ послать могли.

Ни къ польскому, ни ко мнѣ, ни къ датскому указовъ не дано.

А что надлежитъ до партикулярныхъ дѣлъ всякаго госуда то министрамъ указы даны будутъ другъ другу вспомо такимъ образомъ, чтобы каждый министръ отъ сихъ держ казался быть отъ всѣхъ трехъ.

3. Понеже увѣдомились, что нѣкоторыя державы подозрѣніе имѣютъ о великой силѣ его царскаго величества и мнятъ, будто онъ гораздо великія намѣренія имѣетъ, а именно: 1) бу его величество хощетъ титло цесарское, 2) что онъ себя Балтійскомъ морѣ устрашительна и сильна учинить хоще 3) что онъ намѣреніе имѣетъ себѣ Польшу иногда подвергнуть того ради ихъ величества согласились своимъ министрамъ у дать, дабы оное подозрѣніе у тѣхъ державъ отнять искали.

Сіе противно чест лучше такъ оставить, жели то объявлять.

Что́ до перваго артикула надлежитъ, то оные при слу объявятъ, что его величество никогда онымъ титломъ не пис ся, и ни въ какомъ письмѣ его канцеляріи не написано. Что седьмого пункта надлежитъ, то проектъ къ миру, въ котор о Ригѣ и Лифляндіи упомянуто, оное подозрѣніе отнять може И министры короля польскаго и царскіе объявятъ, что ихъ госуд весьма склонны съ Англіею и Голландіею о купечествѣ согласиться, и что его царское величество позволяетъ, чтобы Лифляндія королю польскому присягла, или чтобы польскія войска туда посланы были, однакоже п сею кондиціею, чтобъ его царское величество свои гварниз тамъ имѣлъ, и оная провинція его царскому величеству слушна была, какъ до сего времени, до заключенія м какъ того воинскій резонъ требуетъ. Что до третьяго артик который и туркамъ подозрѣніе подаётъ, и весьма мнятъ, бу король польскій съ его царскимъ величествомъ согласился По себѣ подвергнуть, къ которому подозрѣнію войска, бывшія обо государей въ Польшѣ, поводъ дали,—то министры ихъ ве честв представятъ, что его царское величество войско сво для какой иной причины въ Польшѣ имѣлъ, токмо́ чтобы неп теля своего изъ оной выгнать, и что король польскій тамъ н

Въ сіе, прежде не дѣла турецкія въ т ну установятся, не лежало бы письменно зываться.

…го войска не имѣлъ, какъ по прошенію самой речи посполитой, что нынѣ, когда непріятеля больше въ Польшѣ нѣтъ, ни его …олевское величество, ни его царское величество никакихъ …съ болѣе тамо не имѣютъ, которыя подозрѣніе дать могли … Сей артикулъ съ прилежаніемъ вѣнскому двору внушенъ …ъ имѣетъ, дабы оный трудился у турковъ подозрѣніе отнять, …орое они противъ его царскаго величества имѣютъ.

… 4. Понеже интересъ союзовъ въ томъ есть, чтобы другія дер…ы къ своимъ интересамъ склонить, того ради ихъ величе… согласились такія мѣры воспріять, чтобы цесаря и импе…ъ склонить, къ чему много служить будетъ миръ, который … учинится, а цесарю и имперію весьма неполезенъ будетъ. Якоже и достовѣрно есть, что вѣнскій дворъ усмотритъ, что … миръ постояненъ быть не можетъ, того ради министрамъ … величествъ сими конжюктурами [надлежитъ] пользоваться и …скому двору показать интересъ, который оный имѣетъ въ …комъ соединеніи съ сѣверными союзными. И для того ми…ры оному двору представятъ злыя слѣдованія, которыя оный …дать имѣетъ отъ сего мира, отъ великихъ силъ Франціи, и …ательство, которое сія корона съ Швеціею имѣетъ, и что …аря интересъ равнымъ образомъ въ томъ состоитъ, какъ на…ъ государей, чтобы Швецію умалить. Министры ихъ вели…ствъ такожде будутъ искать вѣнскій дворъ къ тому привести, …бъ оный исполнилъ свое обязательство, въ святомъ союзѣ …тивъ турокъ изображенное, и оному двору предъявить, что …ли одна изъ сихъ державъ сѣверныхъ союзниковъ побѣдитъ, … можетъ цесарь себѣ того-жъ ожидать. По симъ внушеніямъ …истры вѣнскому двору объявятъ, что сѣверные союзники …онны съ цесаремъ обязаться и о пристойныхъ мѣрахъ для …тоящаго и предбудущаго согласиться.

… Чтó до другихъ имперскихъ князей надлежитъ, то токмо …ребно есть прусскій и ганноверскій дворъ склонить. Чтó до …сскаго надлежитъ, понеже оный всегда отъ какого иного за…тъ, и что неможно надѣяться прямо что съ нимъ учинить,— …о ради ихъ величества согласились, что надлежитъ оную пар-

тію употребить, которую король прусскій возьметъ, дабы он дворъ въ интересы союза привести. Что до ганноверскаго дво надлежитъ, понеже оный токмо вѣнскому двору во всемъ сл дуетъ, — того ради ихъ величества постановили ганноверскій дво употребить, чтобы вѣнскій дворъ къ нимъ склонить; ибо і длинно есть, что временемъ лучше какую негоціацію произвес можно, ежели оная чрезъ третьяго чинится, нежели чтобы с мому прямо негоцировать. И понеже дворъ ганноверскій нѣк торое намѣреніе имѣетъ на Бременъ, то можно тѣмъ поль ваться, чтобъ оный дворъ въ интересы союза привесть, и м нистромъ польскимъ и царскимъ указы даны будутъ министра датскимъ въ сей негоціаціи вспомогать. Еще, сверхъ того, м нистромъ указы даны будутъ ганноверскому двору представит что, соединясь съ сѣверными союзниками, всегда сильный пс поръ имѣть будетъ, чтобъ его, въ случаѣ нужды, содержать претензіи короны аглинской.

5. И понеже голландцы равнымъ же образомъ, какъ цесар настоящею войною довольны быть не могутъ,—того ради и величества своимъ министромъ указать хотятъ, чтобы голлан цомъ почитай таковыя же представленія учинить, какъ вѣнск му двору учинены.

6. И хотя не чаемъ, чтобъ Англію весьма можно склонить и весьма отъ Швеціи отвлещи, однакоже соглашенось оную, і послѣдней мѣрѣ, къ неутральству привести, чтó король польск и его царское величество учинить могутъ, а именно—король пол скій чрезъ интересъ Англіи въ кронпринцѣ пріемлетъ, и его царск величество чрезъ торговлю въ Россіи. И якоже не сумн ваемся, — внушеніе плана къ умѣренному миру и присяга, котор король польскій отъ Лифляндіи возьметъ, утишатъ агличанъ, согласились, чтобъ еще, сверхъ того, министры отъ всѣхъ тре соединенныхъ державъ крѣпкія представленія чинили объ ава тажѣ, который Англія отъ русской торговли имѣть может Сверхъ того всего, оные еще подъ рукою и въ негоціаціи св имъ друзьямъ, которыхъ себѣ въ Англіи учинили, внушать опа ность, въ которой аглинское купечество въ Россіи обрѣтаетс

...ели съ сѣверными союзниками склоннѣе не поступятъ, но ...одолжать будутъ такое великое похлѣбство въ пользу Шве... показывать; оные такожде внушатъ, что иныя державы тѣмъ ...льзоваться могутъ, чтобы свое купечество въ лучшее постоя... привести. Да полезно бы было, чтобы такія внушенія учи...ны были такимъ особамъ, которыя въ купечествѣ интересо...ы. Но министры ихъ величествъ сіе внушатъ будто собою, ...не такъ, чтобъ указъ къ тому имѣли, наговоря будто другъ другу и разсуждая о томъ, чтó случиться можетъ.

7. Якоже все сіе служитъ, чтобъ Англію въ интересъ союза ...вести, то, однакоже, не надобно виговъ озлобить, ибо обѣ ...ріи равный же интересъ въ купечествѣ имѣютъ.

8. Такожде согласились, что надлежитъ Францію ласкать, дабы ...ствовать, чтобъ оная, по послѣдней мѣрѣ, противъ союза ...дѣйствовала, ежели въ пользу онагò ничего чинить не по...щетъ. И никто сіе ласканіе намъ за зло принять не можетъ, ...о весь свѣтъ въ прикладъ намъ служитъ, какое разсужденіе Франціи имѣетъ.

9. Что до воинскихъ дѣйствъ приналежитъ, въ томъ ихъ ...ичества особливо проектъ учинятъ.

10. Ихъ величества согласились, что вышеписанное фундамен...ъ будетъ всѣхъ ихъ негоціацій при всѣхъ дворѣхъ, и что въ ...ъ плянѣ не отмѣнятъ, развѣ такія конъюктуры приключатся, ...орыхъ предусмотрѣть неможно, въ которомъ случаѣ другъ ...гу да пріобщитъ всё, чтó приключится, дабы междо собою ...и мѣры воспріять по тому, какъ то за потребно изобрѣте... будетъ.

1713 г. апрѣля 27.

Того числа, пополудни въ часъ, отъ статскаго собранія были ...ваны министръ его царскаго величества князь Куракинъ, ...же и министръ польскій баронъ Герсдорфъ съ депутаты ...скими чужестранныхъ дѣлъ, а именно: провинціи гельдресской ...онъ де-Бракъ-Гюйсенъ, провинціи голландской г. фонъ-...льфенъ и ратпенсіонарій, провинціи зеляндской г. де-Ко-

нинкъ, провинціи утрехтской г. Блуа, провинціи фрисляндсі г. де-Бурманнія, провинціи д'Овериссель г. де-Слотъ, пр винціи Гронингенъ г. Тарминга, г. грефій Фагель, в которой присутствовалъ министръ аглинскій милордъ Стра фордъ. И въ камерѣ де-треве, чрезъ помянутаго минис аглинскаго милорда Страффорда и депутатовъ статскихъ, ми стромъ князю Куракину и барону Герсдорфу было пр ложено послѣдующимъ образомъ.

Говорилъ милордъ Страффордъ. Ея королевино величест купно съ ихъ высокомочествы Статы Генеральными, разсуд быть сходно при нынѣшнихъ случаяхъ сѣвернымъ воюющи предложить,—понеже ея величество и Господа Статы, же возставить тишину въ Голштеніи, къ чему и обязаны есть, трактатомъ и гварантіи извѣстной, сторонѣ своей о томъ имѣ нынѣ съ удовольствомъ увѣдомились, что аліаты сѣверные генераломъ Штенбокомъ въ негоціацію вступили, которая донынѣ продолжается. Для помянутой потенціи потенціи мирн [морскія?] желаютъ, дабы оная негоціація, какъ наискорѣе, окончанію своему приведена могла быть, и въ чемъ несходс есть, чтобы тѣ трудности съ обѣихъ сторонъ умалить и ско къ пожелаемому концу привести. Притомъ просятъ помяну министровъ сѣверныхъ союзниковъ дворамъ своимъ доноше учинить, а особливе за отдальностью своихъ дворовъ нынѣ ждому писать къ своему командирующему генералу надъ арміям въ Голштеніи обрѣтающимися, а именно къ фельдмаршалу кн Меншикову и къ графу Флеммингу, дабы оные, обще министры и генералы королевскаго величества датскаго, помянутую негоціацію къ скорому окончанію привести тру лися. Помянутый милордъ Страффордъ и депутаты просили семъ предложеніи сообщить королевскаго величества датск секретарію посольства г. фонъ-Штеккену, понеже иного зд министра со стороны датской не обрѣталося.

Отвѣтъ министровъ сѣверныхъ аліатовъ. О семъ предло ніи князь Куракинъ обѣщалъ двору своему доношеніе учини также и къ фельдмаршалу князю Меншикову писать; минис

льскій обѣщалъ то-жъ учинить и притомъ говорилъ: онъ, ронъ Герсдорфъ, увѣдомленъ, что оная негоціація не кончалася за несходствомъ Штенбоковымъ, но со стороны ятовъ сѣверныхъ лучше того поступить, какъ онъ, Герсдорфъ, етъ, больше резонъ военный развѣ не допускаетъ.

Потомъ въ партикулярныхъ разговорѣхъ были нѣкоторое емя со всѣми депутаты, между которыми разговоры говорили генеральномъ мирѣ въ сѣверѣ. И разсуждая, говорили они, деаты, что потенціи морскія не могутъ начать вступить инымъ разомъ въ дѣла сѣверныя, какъ нынѣ предложили, дабы покой Голштеніи прежде возставить и потомъ въ тѣ дѣла сѣвер генерально вступать. И тѣмъ та конференція окончалася.

И потомъ позванъ былъ въ конференцію посланникъ шведскій льмквистъ, которому предложено въ равной же силѣ, о кото отвѣтѣ, за краткостью времени, немочно было увѣдомиться.

1713 г. мая 2. Гага.

По указу его царскаго величества сего числа было предлоно принцу эссенъ-кассельскому Вильгельму о маріажѣ на кешѣ курляндской, племянницѣ его царскаго величества, и объ ему, принцу Вильгельму, быть дукомъ курляндскимъ. И состоитъ въ той токмо волѣ ихъ одной, какъ отца его ляндафа, такъ и его. А къ тому царское величество весьма спобствовать будетъ.

На что принцъ Вильгельмъ былъ благодаренъ и хотѣлъ сать къ отцу своему и мнѣ отповѣдь учинить. Между тѣмъ говорилъ, что къ сему имѣютъ видъ король польскій своему ну, а король прусскій своему дядѣ, принцу Альберту, обы дукомъ курляндскимъ учинить.

И на то все впредь опредѣлили сойтиться и согласиться. по словамъ его видѣлъ многую къ сему склонность.

1713 г. мая 9. Гага.

Агентъ Розенбаумъ присланъ былъ отъ статскаго собра съ обвѣщеніемъ о мирѣ съ Франціею, и кондиціи того мира печатаны. И по пріѣздѣ своемъ говорилъ: Господа Статы

Генеральные прислали его, агента Розенбаума, объявить о учиненномъ своемъ мирѣ съ его величествомъ христіаннѣйши и притомъ сообщить всѣ того мира кондиціи, и потомъ и печатанный трактатъ подалъ.

На то ему мой отвѣтъ былъ: „О семъ объявленіи учи двору своему доносъ. И я, съ своей стороны, партикуляр президента [намѣренъ] поздравить, и надѣюся, что его ца скому величеству о томъ нотификація учинена будетъ особл вая статскимъ письмомъ, по прежнему обыкновенію."

И на третій день князь Куракинъ ѣздилъ поздравлять пр зидента недѣльнаго, который называется г. Конинкъ, з ляндской провинціи.

Для вѣдѣнія здѣсь вписано.

Министръ цесарскій отвѣтствовалъ только [то], что дво своему доносить хотѣлъ, также и всѣ другіе министры цеса ственные. Но помянутые всѣ министры цесарства опредѣли между собою, что имъ президенту никакого кумплимента чинить и къ президенту не ѣхать, также и огней артофиціал ныхъ предъ своими дворами не ставить. И когда будутъ зва ввечеру смотрѣть огни артофиціальные, также и коллеціо имѣть, и тогда также министры цесарства быть не хотятъ.

А и другимъ неутральнымъ, разсуждается, трудно тутъ быть д того, чтобы въ церемоніяхъ чего не произошло, какъ въ мѣстахъ въ подносахъ, кубкахъ и питьѣ здоровья короля гишпанскаго, кор ля сицильскаго, короля сардинскаго, для чего еще оные не признан

„Министръ шведскій предложенія чинитъ Статомъ непрестанныя".

отенціи морскія гваранта- ми трактата вестфальскаго чтобы содержали или обо- ронили отъ непріятеля всѣ провинціи шведскія, ле- жащія въ имперіи.

„Противный доводъ".

1713 г. мая 31. Гаг

Гварантія потенцій мо скихъ трактата вестфа скаго состоитъ въ том чтобъ интересованн между собою того тра тата не нарушили; чрезъ нынѣшнюю вой сѣверную не можетъ бы причтено нарушеніе то

стфальскаго трактата для того: впервыхъ, его царское величество не обязанъ въ оный вестфальскій трактатъ, такъ и его союзники, какъ король датскій и король польскій; второе, его царское величество, по славной побѣдѣ надъ непріятелемъ въ баталіи полтавской, имѣлъ оказію послѣдовать съ войсками своими за непріятельскимъ корпомъ Красовымъ въ Померанію, но чрезъ прошеніе и могательство королевскаго величества польскаго послѣдованіе войскъ своихъ за непріятелемъ удержалъ, дабы тѣмъ входомъ чего къ предосужденію общаго интереса имперіи не учинить. Того для его царское величество желалъ, дабы актъ нейтральства учиненъ былъ, который, по учиненіи въ Гагѣ 1710 г., отъ аліатовъ сѣверныхъ былъ принятъ, но отъ короля шведскаго, чрезъ его грамоту и торжественную протестацію чрезъ его министра, того же года оный актъ неутральства нарушенъ,—того ради помянутое его величество съ своими союзными аліаты для своей безопасности вступилъ въ Померанію съ своими войсками и операціи военныя чинитъ, на что резонъ военный повелѣваетъ. Того же помянутаго вестфальскаго трактата не кто иной, токмо самъ король шведскій нарушителемъ есть вступленіемъ своимъ въ Саксонію.

Господа Статы обязаны давать королю шведской по трактату учиненнаго оборонительнаго союза 6000 войскъ на своихъ проторяхъ и 12 кораблей военныхъ. На все сіе требуется отъ Статовъ стороны воюющихъ сѣверныхъ резона, дабы показали, почему они не могутъ обязательствомъ въ сіе дѣло вступить, и по тому могли въ тѣхъ дѣлѣхъ вступить.

1. Обязательство Господъ Статовъ давать помощныя войска по трактату 1640 г., который есть въ той силѣ, что оная помочь шведу, ежели война будетъ съ кѣмъ у кого изъ нихъ къ предосужденію коммерціи,—въ такомъ случаѣ помогать. И потомъ въ помянутомъ трактатѣ, въ четвертомъ артикулѣ, хотя и обязанось генеральными терминами другъ другу вспоможеніе чинить, однакоже молвлено, чтобы прежде искать случая добродѣтельно примирить.

2. Король шведскій взаимно обязанъ помощныя войска давать Господамъ Статомъ, но оный, прежде заключенія мира рисвикскаго, войскъ своихъ ниже не далъ и тѣмъ тотъ трактатъ нарушилъ.

3. Помянутый трактатъ изъ своихъ лѣтъ уже 1706 г. вышелъ.

4. Но хотя бы Господа Статы и обязаны давать помощныя войска, однакоже не тому, который имѣетъ намѣреніе свое войну продолжать и быть всегда въ войнѣ для своего плезира, не являя никакой своей склонности къ миру, склонность къ противной партіи.

5. Трактатъ аліанса оборонительнаго повелѣваетъ помощныя войска давать другому въ то время, когда будетъ нападенъ отъ кого. Но королю шведскому со стороны аліатовъ сѣверныхъ многократно чрезъ другія потенціи о предложено, но на всѣ тѣ предложенія никакой склонности не являлъ, намѣренъ весьма войну продолжать, и тѣмъ себя весьма наступителемъ объявилъ.

На сіе доводитъ Гроціусъ въ книгѣ своей въ „ “ главѣ и „ “ ту.

„Реляція, какова получена при письмѣ кн. Александра Даниловича, о побѣгѣ непріяте отъ войскъ его царскаго величества къ крѣпости Абову, оставя артиллерію въ м стечкѣ Гельсингфорсѣ".

1713 г. [іюнь].

черашняго дня къ его свѣтлости князю Менши кову прибылъ отъ его царскаго величества из Финляндіи нарочный курьеръ, морского флота по ручикъ Шхелингъ, съ такою реляціею, чт 10 числа мая его царское величество съ арміе своею на транспортѣ, въ 280 парусахъ состоящемъ, къ Гель сингфорсу пришелъ къ вечеру, гдѣ былъ шведскій генералъ майоръ Аренфельдъ. И понеже непріятель имѣлъ окол онаго мѣста транжаментъ съ дефензіею и нѣсколько пушекъ того ради того же вечера стали россійскія войска выбиратьс на берегъ, дабы поутру атаковать, къ чему все было готово; но непріятель до свѣта вдругъ оное мѣсто зажегъ и ушелъ чрезъ воду въ лѣсъ, покинувъ пушки и нѣсколько тысячъ ружья и аммуниціи. Потомъ его царское величество со всѣмъ транспортомъ пошелъ отъ того мѣста къ Боргоу, гдѣ шведскій генералъ-лейтенантъ Либессеръ стоялъ, чая съ онымъ въ бой вступить. И въ 15-ый день мая, какъ пристали къ берегу, въ помянутомъ мѣстѣ никого не видали, ибо за 5 часовъ до прихода войска россійскаго непріятель ушелъ со всѣмъ войскомъ; однакожъ оное мѣсто нежженое оставилъ, въ которомъ учредя магазейнъ, его царское величество со всею арміею вскорѣ оттуда пойдетъ къ Абову, куда вышереченный непріятель побѣжалъ.

Вышепомянутый поручикъ съ сею реляціею изъ Финляндіи до Шлезвига ѣхалъ на русскомъ бригантирѣ и былъ въ морѣ тринадцать дней, понеже гонялись за онымъ шведскія двѣ шнау, отъ которыхъ принужденъ былъ опасныя мѣста объѣзжать. И такимъ образомъ въ пути остановка ему чинилась.

1713 г. іюня 1. Гага.

Сегодня, въ 11-мъ часу, Статы позвали въ конференцію министровъ ихъ царскаго величества и короля польскаго, чрезвычайнаго посла и полномочнаго князя Куракина и чрезвычайнаго посланника барона Герсдорфа; и бывъ въ той конференціи съ депутаты статскими барономъ Латмаромъ, съ ратпенсіонаріемъ и прочими, при которой присутствовали министры цесарскій баронъ Геемсъ и курфюрста ганноверскаго баронъ Ботмаръ, въ которой конференціи помянутымъ министромъ, князю Куракину и барону Герсдорфу, чрезъ президента чужестранныхъ дѣлъ барона Латмара было предложено послѣдующимъ образомъ.

Понеже министры дука голштейнскаго, администратора, генералъ Бернеръ и Петкумъ по многимъ домогательствамъ нынѣ подали меморіалъ, которымъ объявляютъ поступокъ непріятельскій и нападеніе датское въ земляхъ помянутаго дука, и чтобъ интересованныя потенціи, т.-е. цесарское величество, королева великобританская и Господа Статы Генеральные, также и принцы имперскіе, какъ король прусскій, такъ и курфюрстъ ганноверскій, какъ всѣ оные гварантами есть трактата травендальскаго, въ то дѣло вступили, по обязанію своей гварантіи, и отъ нападенія помянутаго оборонили,—того для они, статскіе депутаты, въ присутствіи министровъ вышепомянутыхъ потенцій, которыя гварантами есть, за благо изобрѣли призвать помянутыхъ министровъ, россійскаго и польскаго, какъ есть одного съ дворомъ датскимъ союза, чтобы взять лучшую информацію о тѣхъ дѣлѣхъ голштейнскихъ, и притомъ требовали резоны явные, чего для оное нападеніе датскаго учинено, и трактуется то дукатство за непріятеля; и также бы прилежность свою имѣли, и писали бы къ своимъ дворамъ и командирующимъ генераломъ, дабы трудилися оное дѣло добродѣтельно успокоить, а для лучшаго извѣстія съ меморіала помянутымъ министромъ на дворы присланы будутъ списки. Помянутые же голштейнскіе министры объявили, что генералы

россійскіе и саксонскіе учинили деклараціи письменныя, что они дука голштейнскаго за непріятеля не признаваютъ и за такого трактовать не будутъ.

На что отвѣтъ учиненъ отъ князя Куракина, что о дѣлѣ голштейнскомъ онъ не можетъ пространно никакой информаціи дать, въ какомъ намѣреніи есть топерь датскій дворъ, но сіе дѣло можетъ больше изъявлено быть чрезъ министра датскаго который въ скорыхъ дняхъ сюда ожидается.

Что же приналежитъ къ объявленію резоновъ, чего для Данія содержитъ въ трактованіи земли дука голштейнскаго такъ, какъ нынѣ есть,—и, сколько могъ увѣдомиться, объявляю при семъ партикулярно отъ себя, а не такъ, какъ бы по указу отъ двора. Король датскій въ проходѣ своемъ чрезъ Голштенію съ войски къ Висмару никакого непріятельства дуку голштейнскому не показалъ, но по несчастливой баталіи гадебужской генералъ Штенбокъ первый нападеніе учинилъ въ Голштенію и тѣмъ трактатъ травендальскій нарушилъ. И потомъ дукъ голштейнскій учинилъ декларацію, что хочетъ содержать полное неутральство, и на ту декларацію король датскій никакого непріятельства не показалъ. Но когда непріятель въ Тонингъ былъ впущенъ, тогда неутральство помянутаго дука нарушено было; и ежели что есть къ предосужденію нынѣ того дукатства, то можетъ разсудиться не инаково, токмо отъ самаго нарушенія неутральства помянутымъ образомъ,—отдачею непріятелю крѣпости Тонинга.

А о прочемъ всемъ на предложеніе взято на доношеніе ко двору, также и на описку генералу командирующему въ армію.

Министръ польскій баронъ Герсдорфъ учинилъ равный тому отвѣтъ и съ прибавкою другихъ многихъ доводовъ и взялъ на доношеніе двору своему.

Потомъ помянутые депутаты учинили другое предложеніе о генеральномъ мирѣ въ сѣверѣ, что потенціи морскія объявляютъ свои добрыя средства къ примиренію той войны.

На что помянутый князь Куракинъ отвѣтствовалъ, что его царское величество, какъ онъ чаетъ, добрыхъ средствъ не

речется; но прежде надлежитъ вѣдать намѣреніе и сходства
миру короля шведскаго, дабы что предопредѣлительными
татьями было объявлено въ удовольство помянутому вели-
честву, чтó бы могло за фундаментъ мира принято быть. Но
я подлиннаго извѣстія взято на доношеніе ко двору.

Министръ польскій отвѣтствовалъ, что его король добрыхъ
ъ средствъ не отрекается и къ миру склонность свою
иметъ. И притомъ говорилъ, что онъ не находитъ иного
шаго способа къ вступленію вскорѣ въ негоціацію, токмо
бы назначить мѣсто и время къ съѣзду и вступить въ тѣ
рные трактаты.

Потомъ ратпенсіонарій говорилъ, что въ описках ко двору
оходитъ долгое время, и того для надлежитъ министрамъ,
ющимъ въ сѣверѣ, имѣть полную мочь отъ дворовъ своихъ
ь и полныя инструкціи, дабы и впредь, не описываючись,
тѣ дѣла вступать. И равное предложеніе хотѣли учинить
нистру шведскому, дабы онъ отъ своего двора полную мочь
инструкціи требовалъ.

Въ той же конференціи учинено третье предложеніе. Какъ
и сначала въ сей конференціи предлагали о возставленіи
шины въ Голштеніи, то топерь предлагаютъ объ учиненіи
а нейтральства въ имперіи, дабы тѣмъ тишину и покой по-
вить.

На сіе помянутые министры князь Куракинъ и баронъ
рсдорфъ отвѣтствовали, что сіе можетъ быть больше къ
досужденію ихъ государей, для того что нынѣ въ состояніи
ъ кампанію свою противу непріятелей продолжать и отъ
нспорта непріятельскаго къ безопаству себя впредь привести.
И при окончаніи той конференціи депутаты статскіе повто-
и и рекомендовали, дабы, учиня доношеніе дворамъ, скорый
ѣтъ учинить.

1713 г. іюня 3. Гага.

Статы торжествовали о заключеніи мира и ввечеру жгли
и артофиціальные, и для смотрѣнія тѣхъ звали всѣхъ чуже-

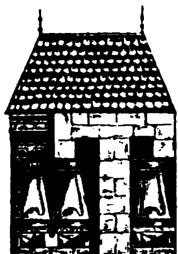
странныхъ министровъ въ одну залу опредѣленную. И когда всѣ собрались, тогда усмотрѣли, что послу аглинскому милорду Страффорду и съ его женою была отведена особая камора, и для того раздѣленная.

Престерегая каждый честь своего государя, мы съ датскимъ министромъ, также шведскій и ганноверскій изъ той залы ретировалися въ свои дома.

Потомъ статскій депутатъ баронъ Латмаръ объявилъ князю Куракину, что сіе сдѣлалось безъ позволенія ихъ, статскаго, и дѣлалъ обыкновенную экскузу.

„Что принадлежитъ выписать для вѣдѣнія впредь къ миру между сѣверными съ Швеціею и чтό шведскихъ какихъ трактатовъ“.

1713 г. іюня 7.



рактатъ 1640 г. аліанса оборонительнаго у Статовъ съ Швеціею, которымъ обязывается только помогать 4000 человѣки въ такомъ случаѣ, когда отъ кого будетъ нарушено ихъ коммерціо.

Сей трактатъ давно изъ своихъ лѣтъ вышелъ.

Въ 1679 г. учиненъ трактатъ и подтвержденъ прежній у Статовъ съ короною шведскою,—и тотъ пріискать и выписать.

1686 г. трактатъ оборонительнаго аліанса у Статовъ съ Швеціею, чѣмъ старый возобновленъ, и при томъ актъ особливый о прибавкѣ другъ другу къ прежнимъ 2000 инфантеріи и всего 6000 инфантеріи, 12 военныхъ кораблей,—3 перваго ранга, 4 второго ранга, 5 третьяго ранга и со всѣми къ нимъ приналежащими речьми.

Учиненъ на 20 лѣтъ и окончался 1706 г.

1698 г. трактатъ аліанса между короною шведскою, Англіею и Статы Голландскими, въ которомъ всѣ прежніе трактаты подтвержены, токмо не объявлено въ нихъ, чѣмъ кому помогать.

На сколько лѣтъ—не молвлено, токмо положено полномочныхъ назначить и трипле трактатъ информе учинить. И ежели по томъ времени тотъ учиненъ, знать не можемъ.

Трактатъ оборонительнаго аліанса сдѣ-
нъ чрезъ дука Мальбурга въ 1700 г.
короною шведскою.

О которомъ надлежитъ, справясь, выписать.

1713 г. іюня 19. Гага.

Въ камерѣ де-треве чрезъ депутатовъ статскихъ барона тмара и прочихъ, также милорда Страффорда, посла инскаго, предложены сѣвернымъ воюющимъ добрыя средства. на то отвѣтъ учиненъ на французскомъ языкѣ въ такой силѣ.

„Messieurs. Je vous remercie de l'offre des bons offices vous me faites de la part de Sa Majesté la Reine de la nde-Bretagne et de Leurs Hautes Puissances. Et comme Majesté, mon maître, ne souhaite rien tant que de faire une ne paix conjointement avec ses alliés, ainsi je ne doute point ces offres ne lui soient très agréables; je ne manquerai nt de lui en faire rapport".

„Держанъ протоколъ о конференціи въ камерѣ де-треве, которая началась въ 12-мъ часу, въ полдень, въ пятницу".

1713 г. іюня 27. Гага.

илордъ Страффордъ, посолъ аглинскій, и депутаты статскіе, президентъ чужестранныхъ дѣлъ провинціи гельдресской баронъ Латмаръ, провинціи голландской конселье пенсіонарій Генсъ, и другіе депутаты министромъ союзныхъ сѣверныхъ ю Куракину, барону Альфельду и барону Герсфу предлагали въ камерѣ де-треве, что онѣ, обѣ потенціи скія, многократно прежде, такъ и недавнимъ временемъ длагали свои добрыя средства къ примиренію сѣверной войны, ая видѣть тишину въ Европѣ, притомъ же и для своего собеннаго интереса коммерціи въ Балтическомъ морѣ, отъ которой ны оное коммерціо несетъ великіе убытки,—и на тѣ ихъ жнія предложенія они, министры союзныхъ сѣверныхъ, всегда

. . . ...ность къ миру и брали на доношеніе свои
. . ..дливно еще не объявили, что они добрыя средст
. . . .кихъ примаютъ. Того для нынѣ милордъ Стра
. . . ...ти указъ королевы своей, здѣсь Господамъ Стато
... своего двора объявилъ. И на то Господа Статы
... милордомъ Страффордомъ, согласились, дабы вновь пре
...жить воюющимъ сѣвернымъ добрыя свои средства и дѣйств
...тельно, безъ продолженія времени, въ дѣла къ примиренію с
верной войны вступить, и для вступленія въ тѣ дѣла чтоб
каждый свои пропозиціи къ миру объявилъ; чего для онъ, ми
лордъ Страффордъ, именемъ королевы своей, и они, депутат
именемъ своихъ Господъ Статовъ, топерь вышепомянутымъ ми
нистрамъ сѣвернаго союза добрыя свои средства къ примир
нію той войны предлагаютъ.

На то предложеніе министры союза сѣвернаго отвѣтствовал

Впервыхъ князь Куракинъ говорилъ, по обычномъ бл
годареніи за объявленіе добрыхъ средствъ, что его царск
величество весьма желаетъ учинить добрый, честный и постоя
ный, и прибыточный миръ обще съ своими аліаты. И того ра
не сумнѣвается онъ, князь Куракинъ, что добрыя средств
предложенныя нынѣ, будутъ его величеству пріятны, и
упуститъ времени о семъ донести двору своему и вѣдать подли
ное намѣреніе его царскаго величества.

Потомъ говорилъ министръ польскій баронъ Герсдорф
что онъ по предложенію сему тѣ ихъ добрыя средства, потенц
морскихъ, примаетъ, и что король его весьма склонность сво
и волю къ миру являетъ, и въ негоціацію вступить желает
Однакожъ онъ, баронъ Герсдорфъ, желаетъ вѣдать, ежели с
стороны Швеціи есть къ миру склонность, и добрыя ихъ, по
тенцій морскихъ, средства такимъ же образомъ равно приняты-л
дабы о томъ могъ двору своему донести.

Потомъ говорилъ министръ датскій баронъ Альфельд
въ той же равной силѣ и принялъ ихъ добрыя средства,
также волю и склонность къ миру короля своего явилъ. И притом
говорилъ, что со стороны короля его, также и его аліатов

е находится никакая трудность къ вступленію въ трактаты ирные, но за несклонностью короля шведскаго и донынѣ та ойна продолжается; того для надлежитъ искать способъ, дабы ю, короля шведскаго, къ миру склонить.

На тѣ его слова милордъ Страффордъ говорилъ, что ъ надѣется вскорѣ министру шведскому получить полную мочь инструкціи о вступленіи въ трактаты мирные. А ежели коль шведскій въ прежней несклонности своей къ миру будетъ, королева его съ Господами Статы намѣрена въ его отбытность противу его воли миръ учинить такимъ образомъ, чтобы ензіи, или первыя предложенія, отъ союзныхъ сѣверныхъ поданы и въ нихъ учинить плянъ мирный, и по тому атривать потенціямъ морскимъ и искать средства, чтобъ обѣ оющія стороны были удовольствованы. И ежели, хотя съ ой стороны воюющихъ сѣверныхъ, тотъ плянъ за благо знанъ будетъ, и съ потенціями морскими равно согласятся, да на такомъ плянѣ тотъ миръ учиненъ будетъ. А для шаго подтвержденія къ содержанію того мира отъ противной ы на то короля шведскаго онѣ, потенціи морскія, обяжутся каждымъ оное, чтó кому чрезъ тотъ плянъ уступлено будетъ, рантировать.

И, по окончаніи той рѣчи, онъ, милордъ Страффордъ, ворилъ князю Куракину, что онъ, милордъ, не сумнѣвался томъ, дабы и со стороны его царскаго величества нынѣ нымъ же образомъ добрыя средства потенцій морскихъ прилы не были, но видитъ, что сіе дѣло идетъ къ продолженію. надѣялся онъ, милордъ, что уже на прежнія предложенія за мѣсяца онъ, князь Куракинъ, отъ двора своего довольныя струкціи на всѣ дѣла сѣвернаго мира и полную мочь получилъ.

На что онъ, князь Куракинъ, ему, милорду Страффорду, вѣтствовалъ, что онъ въ прежней конференціи на предложенія енцій морскихъ желалъ вѣдать: ежели король шведскій лоненъ къ миру является и ихъ, потенцій морскихъ, добрыя дства примаетъ, и какія кондиціи прибыточныя его царскому ичеству и его союзникамъ обѣщаетъ,—и на то ему, князю

Куракину, никакой отповѣди не было учинено; того для медл ние двора его въ отвѣтъ о пространныхъ инструкціяхъ и полн мочи учинилося. Но нынѣ онъ, князь Куракинъ, принужде ...больше двору своему доносить и намѣреніе его царска ...хотять на предложенія вновь, что потенціи морск ... миръ въ сѣверѣ учинить, хотя въ отбытіи коро ... и противно волѣ его, о чемъ прежде сего никако ... не было.

На то милордъ Страффордъ и депутаты статскіе ем ... Куракину, повторяя, говорили и просили, чтобъ учинил ... наискорѣе, пространное доношеніе о всемъ вышепомянуто ... царскому величеству и требовалъ на то себѣ указа, даб могъ отвѣтъ учинить, примаетъ ли его царское величество их потенцій морскихъ, къ примиренію сѣверной войны добрыя сре ства, и ежели примаетъ, чтобы претензіи, или пропозиціи вступленію въ трактатъ мирный, объявить, и того для чтоб онъ, князь Куракинъ, имѣлъ довольныя инструкціи и полну мочь о вступленіи въ тѣ мирные трактаты; притомъ же опр дѣлили время, дабы отвѣтъ получить въ семь или восемь недѣл И на конецъ всей той конференціи взято все то отъ нег князя Куракина, на доношеніе двору своему.

А министры датскій и польскій обѣщали, какъ наискорѣ ко дворамъ своимъ писать, каковы должны претензіи свои, и пропозиціи къ миру, учинить, также и пространныхъ инструкці и полной мочи для вступленія въ мирные трактаты отъ дворо своихъ требовать и, какъ наискорѣе получа, здѣсь въ конф ренціи потенціямъ морскимъ объявить. И тѣмъ оная конференц окончалася.

И, по окончаніи оной, былъ призванъ министръ шведскі Пальмквистъ. Министру шведскому Пальмквисту было пре ложено въ той же равной силѣ.

„Ремарки на протоколъ".

1713 г. іюня 27. Гага.

идимо изъ предложеній потенцій морскихъ объ учиненіи мира въ сѣверѣ при двухъ случаяхъ: первое, ежели добрыя ихъ средства и медіація приняты будутъ отъ короля шведскаго, и склонность свою къ миру явитъ, то, въ такомъ случаѣ, всту- въ тѣ мирные трактаты, какъ тó обыкновенно чинится; -ое, ежели король шведскій медіаціи ихъ, потенцій морскихъ, добрыхъ средствъ не приметъ и къ миру сходенъ нынѣ не -ся, въ такомъ случаѣ, онѣ, потенціи морскія, намѣрены -ить миръ въ сѣверѣ, трактуя токмо съ одними сѣверными -ти. Сіе дѣло чрезвычайное видится, дабы миръ могъ быть -енъ противу воли и несходства одной стороны.

Однакожъ онѣ, потенціи морскія, хотятъ вступать въ тѣ -а такимъ образомъ: первое, предложить добрыя средства -ъ и учинено есть), и когда союзники сѣверные примутъ, -а отъ нихъ требовать будутъ отъ каждаго пропозицій къ -у (которыхъ уже и требуютъ); и изъ тѣхъ онѣ, потенціи -скія, будутъ трудиться о постановленіи мирнаго пляна и, -я, объявятъ союзнымъ сѣвернымъ, и ежели отъ нихъ въ -ъ будетъ несходно, то онѣ, потенціи морскія, будутъ на- -ть посредство, дабы оный мирный плянъ постановить къ -вольству какъ одной, такъ и другой стороны. И когда со- -ятся съ союзными сѣверными, и мирный плянъ на мѣрѣ -тановятъ, тогда помянутыя потенціи декляруютъ королю -дскому, также и всему правительству той короны, что онѣ -благо изобрѣли миръ учинить въ сѣверѣ на такомъ плянѣ, -ы оный миръ, ежели не отъ короля, хотя отъ прави- -ства шведскаго былъ принятъ. Но ежели принятъ не бу- -ъ, то онѣ, потенціи морскія, обязуются союзнымъ сѣвер- -ъ по тому пляну миръ твердо и ненарушимо содержать и -рантировать, и всякими образы къ содержанію того, какъ

... будетъ вспомогать. И такимъ образомъ па... Голландія, надѣется дѣла сѣверныя къ кон... и миръ учинить.

... теперь надлежитъ, предусматривая, разсуждат... по намѣренію оному потенцій морскихъ обязательст... состоятельно, и могли бы гварантіею своею соде... и не могло бы чтó къ предосужденію сѣверныхъ аліато... сей негоціаціи учиниться, или кому одному изъ нихъ, — первое будемъ объявлять къ предосужденію, а другое къ польз...

Первое. Предусматривается о вступленіи помянутымъ обр... зомъ въ трактаты къ предосужденію сѣверныхъ союзниковъ д... того, что хотя бы потенціи морскія по учиненному пляну гвара... тіею и обязалися, но усматривается по состоянію нынѣ всѣ... дѣлъ въ Европѣ, — не есть въ состояніи оное чрезъ свою гв... рантію содержать, понеже сами довольно отягчены свои... властными дѣлами и понуждены впредь себя сами престер... гать отъ всякихъ опасностей, которыя близъ видимы есть: ка... желюзія между ими, потенціями морскими, нынѣ умножаетс... такъ же и между Франціею, а особливе невозможно узнат... чтó бы могло послѣдовать изъ войны всего цесарства нынѣ ... Франціею.

Второе. Онѣ, потенціи морскія, намѣрены плянъ мирн... постановить и средства съ союзными сѣверными сыскать, даб... къ удовольству обѣимъ воюющимъ сѣвернымъ сторонамъ мог... быть. И разсуждается, всѣхъ свободнѣе согласиться корол... польскому, котораго не чаютъ, чтó-бъ больше требовалъ, ка... одной короны польской.

Но о королѣ датскомъ хотя и труднѣе, однакоже чают... что оный дукатствомъ Бременомъ и Ферденомъ доволенъ бы... можетъ.

Что же принадлежитъ до его царскаго величества, не м... гутъ знать подлиннаго намѣренія о его претензіяхъ, но по з... воеванію многихъ мѣстъ отъ Швеціи не сумнѣваются, чтоб... не быть великимъ запросомъ. И того для трудность предусма... ривается, чтобы съ его царскимъ величествомъ могло како...

редство къ удовольству обѣихъ сторонъ найдено быть, ежели по царское величество умѣренно въ своихъ запросахъ не поступить. И посему видимо, что аліаты его царскаго величества свободнѣе могутъ миръ учинить, къ чему опасенія есть, дабы же партикулярнаго мира не учинили.

Топерь объявляется о вступленіи въ ту негоціацію къ общей пользѣ союзныхъ сѣверныхъ.

Впервыхъ, союзные сѣверные, являя свою склонность къ миру до сего времени, тѣмъ помянутыя потенціи морскія отъ всякаго противнаго воспріятія до сихъ мѣстъ удерживали; особливе, по заключеніи нынѣ мира съ Франціею, онѣ, потенціи морскія, кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, обязаны по своимъ трактатамъ дать помощныя войска королю шведскому, но за несклонность его къ миру и за самовольное продолженіе войны тѣхъ помощныхъ войскъ и донынѣ не дали. Но еще больше. Подъ рукою министру шведскому здѣшняя республика объявила, что она никогда не намѣрена дать помощныя свои войска, дабы тѣмъ безобнадеживаніемъ принудить короля шведскаго къ миру. Но ежели союзные сѣверные не примутъ нынѣ отъ, потенцій морскихъ, медіаціи, ни добрыхъ средствъ, тогда невозможно узнать, какъ оное несходство къ миру сѣверныхъ аліатовъ можетъ принято быть отъ помянутыхъ потенцій; но мнится, что примутъ бо́льшую желюзію и противными могутъ явиться.

Также разсуждается небезполезно быть союзнымъ сѣвернымъ, дабы миръ въ сѣверѣ учинить, прежде нежели Франція съ цесаремъ войну свою прекратитъ: но тогда она, Франція, имѣвъ свободныя руки, конечно, замѣшается въ сѣверныя дѣла, и весьма къ пользѣ сѣверныхъ аліатовъ такъ тогда быть не можетъ, какъ нынѣ по умѣреннымъ видится поступкамъ потенцій морскихъ.

Что же принадлежитъ къ опасности особливой его царскому величеству, чтобъ аліаты его величества въ той негоціаціи по своимъ намѣреннымъ легкимъ запросамъ партикулярнаго мира не учинили,—на то разсуждается, что ежели склонность его ве-

личества аліатовъ къ миру есть, то нынѣ, вступя въ партикулярные трактаты, миръ свободно учинятъ.

О склонности къ миру и о вступленіи въ трактаты аліатовъ его царскаго величества довольно можно признать изъ отвѣтовъ тѣхъ министровъ, какъ въ протоколѣ объявлено.

„Доношеніе, что̀ принадлежитъ къ дѣламъ сѣверной войны“.

1713 г. іюня 27. Гага.

о предложенію нынѣшнему потенцій морскихъ — примать ли ихъ медіацію или добрыя средства и вступать ли въ негоціацію — я нынѣ взялъ то на доношеніе ко двору, для того что по инструкціи, мнѣ данной, не велѣно примать медіацію или добрыя ихъ средства, ежели обнадеживанія не учинятъ онѣ, потенціи морскія, о наслѣдственныхъ земляхъ безспорно въ вѣчное владѣніе его царскому величеству; а о прочихъ награжденіяхъ за понесенные убытки въ сей войнѣ впредь, по вступленіи въ трактаты, со стороны его царскаго величества объявлено будетъ. На что я, какъ депутатомъ Господъ Статовъ, такъ и милорду Страффорду, многократно предлагалъ, чтобъ они такое обнадеживаніе учинили и тѣмъ бы намъ бо̀льшую охоту или склонность ко вступленію мирныхъ трактатовъ придали.

На то мнѣ отвѣтствовали, что они такого обнадеживанія, прежде вступленія въ негоціацію, учинить не могутъ, для того что медіаторы по

„На сіе доношеніе получе[но] рѣшеніе отъ двора 17 а[в]густа сего 1713 г.“.

Отъ медіаціи, какъ во[зможно], отъ обѣихъ поте[н]цій морскихъ отговар[и]ваться, но добрыя сре[д]ства пріимать. А что х[о]тятъ, чтобы ту сторон[у], которая склонности [не] покажетъ, принуждат[ь], такожъ чтобъ имъ плян[ы] яко законъ, поставлять, - то̀ болѣе является къ пре[]досужденію интересов[ъ] его царскаго величеств[а] съ его союзники. Ибо т[о] уже не средство, но уси[]ліе, чего не точію себѣ ег[о] величество и союзник[и] его, яко натурально ест[ь] желать [не могутъ], н[о] ниже непріятелю ихъ тог[о] желаютъ. Но требоват[ь] съ ихъ стороны прямых[ъ] средствъ безъ принужде[]нія обѣихъ сторонъ (с[і]я для того, что болѣе из[ъ] сего его царскому вел[и]честву опасно, нежел[и] шведу) и пріимать с[ъ] обѣихъ сторонъ предло[]женіе о мирѣ, а не имъ самимъ потенціямъ, ста[]вить законы.

ны себя содержать неутральны, ни къ той, ни къ другой ронѣ. И притомъ сказали, что не обычай медіаторомъ есть ія обнадеживанія чинить, прежде нежели вступятъ въ негоцію, и тогда—медіаторски въ томъ трудиться и способъ исъ будутъ.

2. И ежели нынѣ его царское величео укажетъ по прежде данной мнѣ инукція такую декларацію на предложеніе нынѣшнее потенціямъ морскимъ учиъ, что безъ обнадеживанія такого, какъ інструкція повелѣваетъ, ихъ медіаціи, добрыхъ средствъ не примать и въ негоціацію мирныхъ трактовъ не вступать, тогда, получа указъ, въ отвѣтъ имъ поціямъ морскимъ, учиню. А безъ подтвердительнаго указа не ъ того объявить нынѣ для того, чтобъ изъ того какое впредь не послѣдовало.

Когда о наслѣдственныхъ земляхъ его царскаго величества нынѣ не хотятъ принять за фундаментъ, то чтобы въ начатіи негоціаціи въ прелиминарныя статьи оныя приняты были.

3. Ежели же его царское величество жетъ нынѣ тѣ ихъ предложенныя доя средства принять и въ негоціацію упать, того для требуется полная мочь орме, чтобы, при вступленіи въ дѣла, но было показать.

Добрыя средства пріимать, и полномочная послана отъ 3 іюля, такожъ и грамота къ Статомъ по присланному проекту посылается.

При семъ посылается для вѣдѣнія образя полная мочь, почитай сходна съ тѣми, каковы были даны къ ду утрехтскому, токмо съ нѣкоторою отмѣною.

4. Также требуется пространная инукція, какимъ образомъ первое предлоіе къ миру учинить,—или такое предженіе учинить по силѣ проекта, каковъ инѣ присланъ съ г. Остерманомъ.

5. И потомъ, ежели за благо изотено будетъ, чтобы двѣмя, или сколько дно, примѣрами предложенія были присланы, которыя-бъ я ъ при такихъ случаяхъ предлагать, ежели они первыя прие похотятъ, или какую трудность чинить въ оныхъ утъ.

Учинить предложеніе обще съ министры союзными на плянѣ, учиненномъ въ Гузомѣ (хотя оный и не подписанъ, однакоже безспорно всѣ союзники согласились на томъ), съ чего копія прилагается при семъ.

6. Ежели что касаться будетъ Ливоніи, и какъ въ проектѣ, присланномъ ко мнѣ, объявлено, что оная уступается коронѣ польской, также и министръ польскій въ своихъ первыхъ запросахъ предложитъ какъ объ уступленной провинціи, и потому объ оной министры польскіе съ непріятельскою стороною похотятъ трактовать и, въ такомъ случаѣ, отъ меня пожелаютъ деклярацiи, что оная провинція уступлена коронѣ польской, и что отъ нихъ, министровъ польскихъ, о той провинціи трактовано будетъ,—на все то его царское величество соглашается, тогда какимъ мнѣ образомъ поступить?

Ливонія уступается к ронѣ польской съ т кимъ предлогомъ, что оная никому иному і была отдана, но при он коронѣ содержана, ка и въ прежнихъ догов рѣхъ о томъ межъ си державами постановлен Ежели же будутъ весьі въ томъ противны, что не полякамъ, но шведо отдать Ливонію, то об явить, что его царск величество изволитъ о дать и шведомъ, еже на то король польскій речь посполитая позв лятъ, только бы дефенс фортецъ были разорен также, вмѣсто той пр винціи, Финляндію Швеція уступила бы его царскому величеству. Ежели на плянѣ мирномъ будутъ дѣлать и требовать будутъ отъ его царскаго вел чества уступки, говоря, что безъ того не бываетъ, чтобы ничего не уст пить, то изволяетъ его царское величество Финляндію уступить шведомъ.

Сіе дѣло деликатное, того для изволите согласиться съ польски дворомъ, дабы мнѣ здѣсь съ нимъ, министромъ польскимъ, сходн указы имѣть.

7. Ежели потенціи морскія похотятъ трактовать о мирѣ въ Гагѣ, — на то позволять ли, или гдѣ въ имперіи, кромѣ Гамбурга и Данцига. А о Данцигѣ мое предложеніе было, и на то склонности министры нашихъ аліатовъ, ни Англія не являютъ, и всѣ бóльшую склонность являютъ въ Брунсвикѣ, но датскій министръ—въ Любекѣ.

О мѣстѣ къ трактов нію мира, ежели весьі Гданска не захотятъ, предлагать, дабы избра былъ Бреславль, что і Шлезіи. Буде же и та за благо не изобрѣте будетъ, то въ Брунсвик а отъ Гаги и отъ други мѣстъ для дальности о говариваться, по посла ному указу отъ 3 іюля

Объ избраніи мѣста для трактованія весьма надлежитъ ны рѣшеніе учинить и, два или три мѣста избравъ, здѣсь медіаторо объявить, для того [что] обыкновенно сіе оставляется въ волю для и бранія медіаторовъ; о семъ равно согласиться съ министры наши аліатовъ, дабы мы могли о томъ говорить и мѣсто избрать.

8. Какъ слышно есть, Англія намѣрена предлагать армистицію. Ежели предложено будетъ, — что на сіе отвѣтствовать? и примать ли на доношеніе ко двору или, не описываясь, никогда не примать?

Армистицію ежели похотятъ учинить, то принять на двадцать или, по послѣдней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ. А ежели меньше, тó разумѣется, чтобы непріятелю только отдыхъ дать. И меньше того отнюдь не примать; ибо когда и въ царство дѣда его царскаго величества, князя Михаила Θеодоровича, война была съ шведомъ, тогда армистиція учинена была на тридцать лѣтъ. А нынѣ дается не токмо болѣе, и въ-пóлы.

Также о семъ равнымъ образомъ съ аліаты нашими должно соглашаться, дабы единогласно здѣсь говорить, примать ли армистицію или нѣтъ.

9. Страффордъ весьма желаетъ, дабъ о мирѣ трактовано было здѣсь. И ежели на то склонны явятся министры нашихъ аліатовъ, тогда со стороны его царскаго величества на то позволять ли?

Объявлено въ седьмомъ, выше сего, къ чему надлежитъ и министровъ союзничьихъ приводить.

Ежели на сей артикулъ позволено не будетъ, равно же мнѣніе его царскаго величества дворамъ нашихъ аліатовъ объявить.

10. И ежели позволено будетъ, тогда частыя нужды требовать будутъ курьеровъ посылать, и оныхъ отправлять ли?

Курьеровъ съ нужнѣйшими письмами посылать тогда, когда нужда будетъ требовать, а о неважныхъ дѣлѣхъ писать на почтахъ.

11. И когда позволено ихъ отправлять будетъ, то для лучшей имъ, курьерамъ, скорости чтобы были опредѣлены два въ Ригѣ, два въ Берлинѣ и два въ Гагѣ, понеже что для одному невозможно такого дальняго пути скорою ѣздою отправить.

Когда будетъ соглашенось и постановлено о трактованіи мира мѣсто удобное, тогда курьеры въ Ригѣ, и гдѣ надлежитъ, поставлены будутъ; и о томъ писать заранѣе.

12. Англія, повидимому, нынѣ не хочетъ, дабы цесарь въ тѣ сѣверныя дѣла мѣшался. Но со стороны его царскаго величества требовать ли того, дабы и цесарь при тѣхъ трактатѣхъ былъ обще съ

Въ добрыя средства какъ цесаря, такожъ и курфюрста ганноверскаго конечно присовокуплять, чтобы цесарь и тотъ курфюрстъ были обще съ тѣми же морскими потен-

ними, потенціями морскими. Но ежели изволите, чтобъ я, съ своей стороны, донёсъ, — то, правда, лучше того требовать, дабы цесарь въ тѣхъ дѣлѣхъ обще съ потенціями морскими былъ, для того что одна Голландія не будетъ въ силѣ противу Англіи балянсъ содержать, ежели оная парціально къ одной сторонѣ поступитъ. Но еще больше. Какъ слышимъ, король прусскій въ тѣ дѣла за медіатора хочетъ замѣшаться, о которомъ я весьма худого на дѣянія есть, и тогда она, Англія, паче въ дѣлѣхъ сильнѣе Голландіи будетъ; и для уравненія не безполезно бы было, против прусскаго, курфюрста ганноверскаго въ тѣ же дѣла допустить Но я хотѣлъ вѣдать нарочно мнѣнія о семъ Господъ Статовъ, — похотятъ ли они, дабы цесарь въ тѣ дѣла съ ними замѣшался

ціи. И о томъ явствен обѣимъ потенціямъ пре лагать и говорить с юзничьимъ министром чтобъ и они къ тому скло ны были; о чемъ цеса скому и ганноверско министромъ объявить п министрахъ датскомъ польскомъ для того, чтоб и ихъ тѣмъ объявленіем принудить къ тому общ му желанію.

На что мнѣ чрезъ нѣкоторыхъ первыхъ персонъ отвѣтствовано, что они противны тому не будутъ, но разсуждаютъ, чтоб топерь о цесарѣ ничего не упоминать и оставить такъ дл того: ежели о цесарѣ съ которой ни есть стороны предложен будетъ, тогда, насупротивъ, Францiя похочетъ въ тѣ же дѣл вступить, и Англія свободнѣе можетъ къ тѣмъ дѣламъ при вести её, Францію, нежели цесаря, — и тогда къ бо́льшему предо сужденію учинится. И того для нынѣ то всё дѣло оставит въ рукахъ однѣхъ потенцій морскихъ и, по вступленіи в трактаты, усматривать времени, когда бы могли цесаря въ т дѣла ввести, ежели отъ него въ томъ чается какой быть способъ

13. При такихъ нужныхъ случаяхъ, когда вступится въ трактаты мирные, надобно имѣть одного искуснаго человѣка изъ адвокатовъ для сложенія въ силѣ письменныхъ предложеній, актовъ, протестацій, меморіаловъ и прочаго. И находится здѣс къ тому годный человѣкъ, называемый Дюмонъ, который был во всю нынѣ негоціацію въ Утрехтѣ употребленъ въ таких дѣлѣхъ при министрѣ цесарскомъ графѣ Цинцендорфѣ,

Адвоката, называема Дюмонъ, принять и жалованья тысячу ефимков на годъ обѣщать.

которому отъ цесаря на годъ было опредѣлено по 2000 ефимковъ; но, по окончаніи дѣлъ въ Утрехтѣ, оный нынѣ свободнымъ есть. И ежели позволено будетъ его токмо для сей негоціаціи принять и на годъ обѣщать тысячу ефимковъ, тогда мочно ему тѣмъ довольну быть. А безъ такого человѣка весьма быть невозможно. Также и о другихъ нуждахъ должно было бы объявить, чтó надобно въ такихъ случаяхъ имѣть; но не знаю, гдѣ оные трактаты будутъ начаты, того для отлагаю на предбудущее время.

14. А ежели когда съѣздъ для мирныхъ трактатовъ назначится въ иномъ мѣстѣ, а не въ Гагѣ, тогда тотъ, кто къ тому съѣзду опредѣленъ будетъ, пространнѣе о всемъ потребномъ самъ донесетъ.

У сей негоціаціи быть ему самому, г. князю Куракину. А ежели потребенъ будетъ баронъ Шакъ къ тому, то мочно и его къ нему придать, токмо надобно о томъ заранѣе писать сюда.

15. Министры польскій и датскій мнѣ объявили, что они хотя имѣютъ какія предложенія объявить нынѣ здѣсь, но будутъ удерживать оныя до тѣхъ мѣстъ, пока я указъ получу, дабы тогда могли обще подать.

Что министры датскій и польскій умедливаютъ своими предложеніи, то не худо. Однакожъ надобно вывѣдывать конечно, какія они предложенія о томъ со сторонъ своихъ къ той негоціаціи имѣть будутъ, и то ихъ объявленіе вывѣдавъ,—писать немедленно.

16. Ежели еще въ дополненіе къ сему доношенію должно что прибавить, дабы было объявлено въ явныхъ терминахъ.

17. Въ протоколѣ я о всѣхъ разговорахъ милорда Страффорда не писалъ, для того что послѣ формальнаго предложенія говорилъ, которое при семъ слѣдуетъ.

18. Когда я взялъ на доношеніе ко двору, сіе ему, милорду Страффорду, весьма было противно. И потомъ мнѣ говорилъ, что я его, милорда Страффорда, всегда обнадеживалъ, что его царское величество склонность свою къ миру имѣетъ и что не имѣетъ такихъ намѣреній, дабы коро-

Милорду Страффорду объявить, что его царское величество съ союзники его, какъ прежде, такъ и нынѣ, съ короною шведскою мира честнаго и прибыточнаго желаетъ; и продолженіе къ миру ни отъ кого иного чинится, только отъ короля шведскаго.

ну шведскую въ разореніе привести или ею завладѣть, но токм бы силу оной короны шведской съ умѣренностью убавить. Н нынѣ онъ, милордъ, признаваетъ по сему моему отвѣту,—что беру на доношеніе ко двору, и не примаю ихъ добрыхъ средств и не вступаю въ негоціацію,—то не что иное, токмо чтоб время продолжать. Изъ сего онъ, милордъ, видитъ намѣрен двора нашего, чтó можетъ быть къ нѣкоторому дальнему вид который видъ можетъ многимъ потенціямъ въ Европѣ подозрѣ ніе придать. И притомъ же говорилъ, чтобъ я не опасен былъ въ сіе мирное дѣло вступать и добрыя средства пріимат чего для потенціи морскія со всякою умѣренностью намѣрен поступить, и надѣются, что окончаніе сего мира будетъ во вс кое удовольство его царскому величеству.

На что ему въ отвѣтъ, по многихъ своихъ разговорѣхъ, за ключилъ, что его царское величество въ прежнемъ своемъ на мѣреніи и склонности къ миру безъ всякихъ дальнихъ таких видовъ, которые бы могли дать подозрѣніе потенціямъ въ Ев ропѣ. А что онъ, милордъ, мнѣ объявилъ доброе надѣяніе имѣт при окончаніи сего мира во всякое удовольство его царском величеству, за то благодарилъ и [сказалъ], что донесу добр дѣтельное намѣреніе его царскому величеству.

Къ удовольствовані нѣкоторыхъ персонъ дачѣ подарковъ писано іюля, съ чего и дубликат посланъ, также и тр пликатъ посылается п семъ.

19. Еще къ прежнимъ моимъ доношеніямъ, которыя учинилъ подъ № 39-мъ, о дачѣ нѣкоторыхъ подарковъ, и на то, повторяя, доношу, что есть нужно нѣкоторыхъ удовольствовать при такихъ нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ, и хотя бы двухъ или трехъ пер сонъ имѣть въ самой конфиденціи, которыя въ тѣхъ дѣлѣх обращаться будутъ, дабы я всѣ ихъ секретныя намѣренія чре тѣхъ могъ вѣдать и по тому свои мѣры примать.

На все сіе прошу милостиваго рѣшенія его царскаго вели чества, всемилостивѣйшаго государя.

Во всю сію негоціацію ежели увидится, что дѣла тамошнія будутъ, ка у цесаря съ Франціею, такъ и въ Англіи, къ концу приходить, то и се негоціаціею поспѣшать. А буде тамъ далѣе въ возмущеніе приходить будут а наипаче въ Англіи, то оную, какъ возможно, до будущей кампаніи до

ть. Такожъ ежели оныя морскія потенціи будутъ зѣло жестоко принуждать къ пользѣ шведской, то объявить его царскаго величества слова, которыя его величество, будучи въ Гузомѣ, министру голландскому Гоусу объявилъ, что ежели станутъ принуждать сильно, то будетъ его царское величество противиться; а ежели за какимъ невозможествомъ удержать немочно, то прежде въ пепелъ сдѣлаются оныя мѣста, нежели уступятся цѣлыя непріятелю, ибо ежели отдать крѣпости въ руки непріятельскія, то самимъ себѣ паки змѣю впустить въ пазуху.

Затѣмъ слѣдуетъ собственноручная кн. Бориса Ивановича Куракина помѣта: „$\frac{\text{25 іюля}}{\text{5 августа}}$ Отъ двора, изъ Санктъ-Петербурга“.

„Указъ, данный отправленному курьеру Егору Бороздину“.

1713 г. іюня 28. Гага.

1. Ѣхать ему денно и ночно со всякимъ поспѣшеніемъ ко двору его царскаго величества въ Санктъ-Петербургъ.

2. А по пріѣздѣ своемъ ему въ Санктъ-Петербургѣ явиться къ великому канцлеру, превосходительнѣйшему графу Гавріилу Ивановичу Головкину.

3. И, явясь, посланныя письма помянутому превосходительству вручить, также и другія по надписямъ раздать; а кого тутъ изъ тѣхъ персонъ не случится, то отдать въ канцелярію и просить, чтобы чрезъ почты разослать. А письмо до г. Ягужинскаго самому вѣрно отдать; а ежели его тутъ нѣтъ, то оное письмо до помянутаго Павла Ивановича Ягужинскаго отдать г. Якову Павловичу Веселовскому, который нынѣ въ Санктъ-Петербургѣ обрѣтается, и просить его, дабы оное письмо къ нему, Ягужинскому, онъ вѣрно сослалъ.

4. И потомъ требовать ему отпуска для своего возвращенія ко мнѣ отъ помянутаго канцлера, также и на дорогу денегъ. И ежели ты не можешь назадъ наскоро ѣхать, или, вмѣсто тебя, иного курьера отправятъ,—тогда тебѣ ѣхать въ Ригу и явиться къ купцу одному, который называется Кордесъ; онъ тебя моремъ отправитъ.

5. Дорога твоя надлежитъ: изъ Гаги на Оснабрюкъ, отъ Оснабрюка на Ганноверъ, отъ Ганновера на Берлинъ, отъ Бер-

лина на Данцигъ, отъ Данцига на Кенигсбергъ, отъ Кениг‹ берга на Ригу, а отъ Риги до Санктъ-Петербурга.

6. И въ проѣздѣ томъ тебѣ по всѣмъ почтамъ платиı деньги. А платится съ лошади за всякую милю по полуталер нѣмецкому, а не голландскому, т.-е. двѣнадцать добрыхъ гр‹ шей, или, чаю, платится по восьми грошей добрыхъ тольк‹ И для той заплаты надлежитъ вѣдать такимъ образомъ: когд ты пріѣдешь на которую почту, то тебѣ прежде надлежит спрашивать, чтó есть отсель миль до другой почты, и по чем на милю просить будутъ,—и, по тому смѣтясь, то число де негъ и заплатить. Однакоже, для твоего вѣдѣнія, при сем объявляется, что почты обыкновенныя въ разстояніи одна от другой по двѣ мили или по три, или по четыре, а больш пяти миль никогда въ разстояніи почта отъ почты не бываетъ

7. Въ проѣздѣ своемъ въ Ганноверѣ ищи домъ министр царскаго величества барона Шлейница и подай ему мое пись мо, и поѣзжай того же часа, не мѣшкавъ. И въ Берлинъ прі ѣхавъ, ищи домъ министра царскаго величества графа Але ксандра Гавриловича Головкина и подай ему письмо, ı проси, чтобы тебя указалъ отправить до Риги немедленно.

8. Ежели несчастіе случится, что ты занеможешь, и тогда какъ ни есть, надобно доѣзжать до Ганновера или до Берлина и, туда пріѣхавъ, проси помянутыхъ министровъ, чтобы, вмѣст‹ тебя, кого иного отправили и, тѣ у тебя всѣ письма при нявъ, ко двору отправили.

9. Когда пріѣдешь въ Ригу, пиши ко мнѣ и отдай т‹ письмо на почту.

10. По пріѣздѣ въ Санктъ-Петербургѣ чтó усмотришь ı увѣдаешь, о всякомъ состояніи тамошнихъ дѣлъ пиши ко мнѣ и письмо отдай въ посольскую канцелярію.

11. Деньги, которыя тебѣ даны, записывать по вс‹ почты.

12. Отсель до Ганновера за почту всё заплачено; и тебѣ больше не платить, токмо развѣ тринкгельдъ почталіономъ давать, чтó обыкновенно даётся гроша по два или по три.

13. Къ твоему знанію, — червонный ходитъ нѣмецкихъ денегъ шестьдесятъ четыре гроша.

На оборотѣ приписано собственноручною же рукою кн. Б. И. Куракина: „Дано ему сто червонныхъ“.

„Подлинный трактатъ оборонительнаго союза между его царскимъ величествомъ и ихъ высокомочествы Статы Генеральными Соединенныхъ Нидерляндовъ въ Гагѣ 11 іюля 1713 г.“.

Понеже его освященное царское величество и ихъ высокомочества Господа Статы Соединенныхъ Нидерляндовъ издревле между собою всегда содержали тѣсную и усердную дружбу и добрую корриспонденцію, и желая нынѣ еще вящше подкрѣпить и утвердить оную древнюю и твердую дружбу,—того ради за благо разсудили къ содержанію оной придать новую силу чрезъ учрежденный трактатъ союза оборонительнаго. И къ исполненію сего толь полезнаго дѣла его царское величество, съ одной стороны, удостовѣрилъ и далъ полную мочь (имя рекъ), а ихъ высокомочества Статы Генеральные, съ другой стороны, опредѣлили и назначили (имя рекъ), которые, довольно будучи увѣдомлены о добрыхъ намѣреніяхъ своихъ государей, по взаимномъ сообщеніи полномочій (съ которыхъ на конецъ сего трактата списки отъ слова до слова написаны), договорилися объ артикулахъ послѣдующаго содержанія.

1. Его царское величество и ихъ высокомочества возобновляютъ и подтверждаютъ, по силѣ сего настоящаго трактата союза оборонительнаго, свою древнюю дружбу и доброе согласіе такъ, что да будетъ впредь между обѣими высокими договаривающимися сторонами и ихъ государствами, областьми и подданными, на сухомъ пути и на морѣ, и во всякихъ мѣстахъ, и странахъ совершенная, вѣрная и усердная дружба, миръ и союзъ ненарушимый, и да не учинитъ единъ другому никогда никакого предосужденія и убытка или безпокойства, ни его государствамъ, областямъ, ни ихъ подданнымъ.

2. Наипаче же каждая изъ договаривающихся сторонъ потщится всѣми своими силами другой сторонѣ и подданнымъ оной искать

пользы и прибытка, какъ своего собственнаго, и отвращать, препятствовать, по всей своей возможности, всякимъ убыткам предосужденіямъ и обидамъ, которые онымъ могутъ учине быть.

3. И того ради обѣ договаривающіяся стороны да содержа всегда прилежную и усердную корришпонденцію и повелятъ св имъ министромъ, при чужестранныхъ дворѣхъ пребывающим о приключающихся случаяхъ и дѣлѣхъ, которые къ обѣихъ ст ронъ интересамъ касаться будутъ, обще престерегать и добр согласіе возымѣть.

4. И понеже между его царскимъ величествомъ и ихъ высок мочествы постановленъ и заключенъ формальный трактатъ то говли и навигаціи (мѣсяца и числа) 1713 года, —того ра договоренось, дабы, для лучшаго и твердаго содержанія вол ности и безопасенія вышепомянутой взаимной торговли и нав гаціи на морѣ Сѣверномъ и Балтическомъ, помянутый тра татъ былъ подтверженъ, якоже по силѣ сего настоящаго тра тата союза оборонительнаго оный подтверждается.

5. Ежели же вольность торговли и навигаціи на морѣ Сѣве номъ и Балтическомъ будетъ обезпокоена, воспрепятствова или пресѣчена, или ежели помянутые договаривающіеся, е царское величество и ихъ высокомочества, ихъ области и по данные будутъ обезпокоены и препятствованы въ свободн торговлѣ и навигаціи на морѣ Сѣверномъ и Балтическом противу обыкновенія и народныхъ правъ, —то изобидящая ст рона дастъ о томъ знать своему союзнику, и тогда потщат вкупѣ добродѣтельно напоминать наступателю къ оставлені того и къ возставленію свободы и вольности торговлѣ и нав гаціи, дабы тѣмъ непотребно было употребить силу и оружіе Но ежели наступитель и помѣшатель не оставитъ обезпоко вать помянутую торговлю и навигацію и не похощетъ скл ниться на напоминанія добродѣтельныя, то, въ такомъ случаѣ между помянутымъ его величествомъ и ихъ высокомочеств договоренось употребить съ обѣихъ сторонъ всѣ возможны силы, дабы возставить и содержать помянутую торговлю и на

..цію и оружіе не полагать, пока достойная сатисфакція ..биженному учинена будетъ, и вольность торговли и нави..ія возставлена и приведена будетъ въ прежнее состояніе.

6. Ежели случится, что его царское величество и ихъ высо..чества будутъ привлечены въ войну ради иныхъ причинъ, ..ли какъ выше объявлено, съ какою ни есть державою, и ..онную войну невозможно будетъ отвратить чрезъ примиреніе ..дѣтельное, — то обѣ стороны договаривающіяся будутъ вспо..ть другъ другу тѣмъ образомъ, какъ впредь о семъ подлин.. договоренось будетъ. Между тѣмъ, въ такомъ случаѣ, съ ..ъ сторонъ предудерживается, чтобы послѣ дачи договорен.. помощи не быть обязану мѣшаться ближайшимъ образомъ ..дѣла] своего союзника изобиженнаго, ниже разорвать тор..ю, согласіе и дружбу, имѣющую съ наступателемъ.

7. Сей же настоящій союзъ ничего въ себѣ не содержитъ, ..бы могло изобидѣть кого ни есть, но токмо касается вза..й безопасности обѣихъ сторонъ договаривающихся и со..нія ихъ торговли и навигаціи. Того ради договоренось, .. сей союзъ пребылъ твердо и ненарушимо въ основаніе ..ъ союзамъ, которые бы впредь могли учинены быть къ ..ей безопасности и взаимнымъ пользамъ между договари..щимися сторонами; прочимъ же инымъ никакого вреда и ..шенія симъ да не учинится.

8. Сей договоръ союза оборонительнагѡ имѣетъ „ “ .., считая отъ числа сего трактата, пребыть, и, по окончаніи ..ъ, по изобрѣтеніи о продолженіи того, впредь съ обѣихъ ..онъ со всякимъ прилежнымъ стараніемъ возобновлено и ..овано да будетъ.

9. Напослѣдокъ при семъ договоренось, что ратификаціи, .. подтверженія, съ обоихъ трактатовъ учиненныхъ размѣнены .. имѣютъ во время 4-хъ мѣсяцевъ, считая отъ дня подпи.. сего союзнаго трактата, или какъ наискорѣе возможно ..ъ.

10. Во свидѣтельство всего вышепомянутаго сей вдвое изго..нный рецессъ и равно переведенный экземпляръ отъ учре-

жденныхъ къ сему съ обѣихъ сторонъ полномочныхъ подписан припечатанъ. Данъ въ Гагѣ.

P.S. Доношеніе.

Сверхъ сего, ежели что̀ за благо изобрѣтено будетъ пр бавить къ сему, то съ отмѣнками да припишется. А особл желается вѣдать намѣреніе его царскаго величества о помощни войскахъ,—какъ одной, такъ и другой сторонѣ опредѣленны числомъ вспомогать какъ войскомъ сухопутнымъ, такъ и морѣ кораблями; и о семъ будетъ ожидаться указъ отъ двор Однакоже при семъ доносится, что, когда позволено будетъ, не можетъ быть поставлено въ артикулы трактата, но способн учинится артикуломъ сепаре, для того что все то, которое дало другимъ желюзію, для содержанія въ тайности таки образомъ чинится.

„Въ какой силѣ надлежитъ Статомъ сообщить на французскомъ языкѣ“.

1713 г. іюля 22. Гага.

Высокомочные Господа́. Когда его царское величест прибылъ съ своимъ транспортомъ къ Гельсингфорсу, въ Финля дію Шведскую, гдѣ непріятельскій корпусъ обрѣтался, котор мѣсто въ приходѣ войскъ его царскаго величества отъ непріяте было сожжено, — того для весь транспортъ его помянута величества отъ того мѣста отступилъ съ восемь миль къ Бор для учиненія транжементовъ и магазина; а шаутбенахтъ гале ный г. Боцисъ съ частью скампавей оставленъ въ виду о Гельсингфорса былъ для осмотрѣнія той помянутой непрі тельской пристани, также и прихода непріятельскихъ корабле И на третій день, по отступленіи его царскаго величест всего транспорта отъ Гельсингфорса, пришёлъ къ той приста шведскій вице-адмиралъ Лили съ шквадрою непріятельск въ восьми военныхъ корабляхъ и съ двумя простыми, и торговыми, суды, которыя были подъ такими же шведски флаги; и потомъ еще прибыли три торговыхъ корабля и по

обороною тѣхъ же непріятельскихъ кораблей подъ пушками стали, а за позднимъ приходомъ на тѣхъ флаговъ неможно было видѣть. И понеже его царскаго величества помянутый шаутбенахтъ понужденъ былъ, по военному обыкновенію, искать способъ надъ непріятелемъ и, гдѣ бы возможно, атаковать,— и ночью оныя помянутыя пришедшія подъ флагами шведскими два судна, также и три послѣдующія, атаковали (не смотря на то, хотя и подъ пушками непріятельскими были, отъ которыхъ въ той атакѣ отъ великой стрѣльбы пушечной съ тѣхъ непріятельскихъ кораблей немалый упадокъ и нарушеніе судамъ были); и когда въ той великой стрѣльбѣ на тѣ суда взошли, оныя тогда зажгли, и отъ непріятельской стрѣльбы не могли съ оныхъ больше застать, и людей, которыхъ на тѣхъ судахъ взяли, во флотъ его царскаго величества къ вышнему своему командиру привезли. А на одномъ изъ тѣхъ судовъ, когда взошли войска его царскаго величества, подняли голландскій флагъ, и помянутые, взятые съ тѣхъ судовъ, сказалися подданными ихъ высокомочествъ.

Того для его царское величество указалъ мнѣ, здѣсь пребывающему своему полномочному министру, помянутыхъ взятыхъ въ тѣхъ корабляхъ имена ихъ высокомочествомъ объявить и о нихъ засвидѣтельство взять, ежели они ихъ подданные властно есть, и по тому засвидѣтельству оные взятые тотчасъ освобождены будутъ.

Также его царское величество, для содержанія всегда своей доброй дружбы съ ихъ высокомочествы, желаетъ, дабы ихъ высокомочества учинили генеральный заказъ, чтобъ ихъ подданные впредь подъ непріятельскими флаги не ходили и также при непріятельскихъ флотахъ не стояли, дабы и впредь подданнымъ ихъ, Господъ Статовъ, какихъ противностей и убытковъ, за неизвѣстіемъ, не случилось, какъ вышепомянутымъ, ежели оныя суда заподлинно были подданныхъ ихъ высокомочествъ. Что, по обыкновенію, потенцій неутральныхъ подданнымъ надлежало-было, видя флотъ его царскаго величества, послать къ командиру того объявить свои пасы и причину своего прихода,

какъ тому въ примѣръ при осадѣ [Риги] было отъ поддаı ныхъ неутральныхъ потенцій учинено, что оные, будущіе свои судами въ той пристани рижской, объявили въ обозѣ генералоı его царскаго величества свои пасы, которымъ для охраненія бы даны пасы его царскаго величества, и оные въ то время ник кого вреда не понесли. И о семъ требуется въ престорожност разсуждая быть къ интересамъ обѣихъ потенцій, понеже н пріятель весьма искать будетъ такихъ способовъ, дабы чре что могъ какую вражду между его царскимъ величествомъ, та и ихъ высокомочествы положить. Какъ и все сіе вышепомян тое дѣло видимо есть, что нѣкоторымъ образомъ съ искусст оный вице-адмиралъ сіе учинилъ и тѣ суда подъ свою проте цію взялъ, дабы чрезъ то какую ссору между его царскимъ вел чествомъ и ихъ высокомочествы возставить, какъ то явно мо но признать изъ самыхъ словъ тѣхъ взятыхъ, которые сказ ваются подданными Господъ Статовъ, что когда были вопр шены, что они стояли съ недѣлю въ виду отъ флота его ца скаго величества, и знавъ себя неутральными, для чего п обыкновенію не обсылалися своими пасы во флотъ его царска величества и о себѣ не объявили,—на который вопросъ ск зали, что воспрещены то были учинить отъ вице-адмира шведскаго.

И на конецъ сего его царское величество ихъ высокомо чествамъ такъ обстоятельно приказалъ о томъ дѣлѣ объяви и показать, какимъ незапнымъ образомъ то случилося, которо не можетъ дать ни подозрѣнія, ни какой [-либо] неблагодарност между тѣми потенціями, какъ его царскимъ величествомъ, такъ ихъ высокомочествы, которые отъ времени до времени больш въ тѣсную корреспонденцію и обязательство союза приходятъ нежели бы что къ нарушенію того чрезъ непріятелей внушен быть могло.

1713 г. [конецъ августа]. Гага.

Августа 21 дня возвратился въ Гагу курьеръ съ полным указы на тѣ мои доношенія, которыя при семъ не вписаны, н

въ габинетѣ сохраняются для многихъ секретовъ. А при семъ пишемъ, какова прислана полномочная грамота, также и вѣрющая къ Статомъ въ посольскомъ характерѣ къ тому съѣзду *).

Въ присланномъ рѣшеніи его царскаго величества на мои доношенія о мирѣ сѣверномъ повелѣно предлагать и какимъ образомъ поступать. И многое изъ того указа есть несходно съ волею потенцій морскихъ, ни съ нашими аліаты, а иное въ противность самыхъ общихъ интересовъ по частымъ премѣнамъ времянъ во всѣхъ европскихъ дѣлѣхъ. И изъ того рѣшенія тѣ пункты, которые предусматриваются къ затрудненію, объявляемъ здѣсь.

1. Отъ медіаціи оттовариваться, а добрыя средства примать.

2. Чтобы намѣренный мирный плянъ не дѣлать.

3. Чтобы въ начатіи негоціаціи наслѣдственныя земли въ прелиминарныя статьи приняты были.

5. Предложеніе первое велѣно учинить на плянѣ, учиненномъ въ Гузомѣ.

12. Весьма Гданескъ предлагать. А ежели не похотятъ, чтобъ избрать Бреславль; и ежели тамъ не похотятъ, то въ Брунсвикѣ.

21. Въ добрыя средства цесаря присовокуплять.

22. Въ тѣ же средства и курфюрста ганноверскаго присовокуплять.

23. О томъ явственно обѣимъ потенціямъ морскимъ предлагать.

25. При датскомъ и польскомъ министрахъ о цесарѣ и ганноверскомъ декляровать и ихъ къ тому принудить.

И разсудилъ за потребно всѣ тѣ помянутые важные пункты, прежде предложенія формальнаго, объявить приватными разговоры каждому въ разной силѣ (какъ ратпенсіонарію, Герсдорфу, польскому министру, Альфельду, датскому министру, Ботмару, ганноверскому, цесарскому барону Геемсу,

*) Упоминаемыя княземъ Борисомъ Ивановичемъ полномочная и вѣрющая грамоты помѣщены на стр. 64—66 II кн. „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“. 1891 г. Ред.

Гоусу, министру статскому, что при датскомъ дворѣ резид етъ, милорду Страффорду, послу аглинскому) для того, да(могъ вѣдать ихъ намѣренія и склонность къ тѣмъ и пото взять свои мѣры. И съ каждымъ изъ тѣхъ въ какой силѣ пос довали тѣ мои разговоры, то при семъ слѣдуетъ.

Съ начала своего пріѣзда въ Гагу я усмотрѣлъ нравъ ра пенсіонарія Генсіуса, что любитъ другого видѣть въ дѣлѣ и словѣ постоянна, негоряча, съ флегмою, также и человѣ правдива. Къ тому-жъ увидѣлъ весьма склонна къ интереса его царскаго величества и всемѣрно искалъ сначала своего вр мени, дабы могъ свой кредитъ у него постановить. И уже по прилежности своей учинилъ, о чемъ засвидѣтельствуютъ м ко двору доношенія.

Того для нынѣ при такихъ великихъ нужныхъ случая разсудилъ за потребно ему о всѣхъ тѣхъ вышеобъявленны пунктахъ, какъ мнѣ указъ повелѣваетъ, объявить партикуля нымъ своимъ разговоромъ, а не предложеніемъ, и требова отъ него совѣта, дабы тѣмъ знать его мнѣнія въ тѣхъ дѣлѣх также и его увѣдомить, дабы онъ, знавъ, могъ заранѣе приня свои мѣры, сходныя съ нашимъ интересомъ, какимъ образо намѣренъ я поступить и приводить ихъ въ согласіе къ то же мнѣнію, дабы о томъ онъ, ратпенсіонарій, знавъ, не имѣ какого подозрѣнія къ начатію несогласія отъ меня, или, вѣдавъ моего намѣренія, что я министрамъ нашихъ аліато не буду пространно объявлять, дабы онъ, вѣдавъ, всего объявилъ имъ.

Объявленіе мое ему, пенсіонарію, состоялось въ томъ, ч на предложенія ихъ, потенцій морскихъ, добрыхъ средствъ на доношенія свои указъ въ отвѣтъ его царскаго величества п лучилъ, что его царское величество благодаритъ за ихъ добр намѣреніе, какъ ея королевина величества, такъ и ихъ высок мочествъ, [и за] объявленныя добрыя средства къ примирені сѣверной войны, и что его царское величество съ своими в сокими аліаты тѣ ихъ добрыя средства примаетъ; токмо даб и цесарь во оныя же дѣла своими добрыми средствы обще с

и, потенціями морскими, вступилъ, для того что прежде сего
гократно было предложено обще съ нимъ, цесаремъ, и уже
царское величество нѣкоторымъ образомъ къ принятію его
рыхъ средствъ цесарскихъ обѣщалъ. А особливе интересы
высокихъ союзниковъ есть къ тому неволею привязаны,
того, какъ есть принцы имперскіе, не могутъ оныя дѣла
ь окончены безъ него, цесаря, и что его, цесарскія, добрыя
дства его царское величество примаетъ. Того для я не сумнѣ-
сь, что̀ бы могло быть за противность потенціямъ морскимъ.
На что онъ, пенсіонарій, сказалъ, что они благодарны за
итіе ихъ добрыхъ средствъ отъ его царскаго величества.
ю принадлежитъ о цесарѣ, они никакой противности не на-
тъ, токмо склонна ли къ сему явится Англія? И притомъ
уждалъ, что Франціи весьма есть оказія въ тѣ дѣла сѣвер-
топерь замѣшаться; но когда бы цесарь во оныя дѣла не
пилъ, а были-бъ однѣ потенціи морскія, тогда-бъ и Фран-
до тѣхъ дѣлъ допущена не была.
И о семъ его разсужденіи объявлено въ моемъ доношеніи
вору.
Потомъ я говорилъ, что принадлежитъ до намѣреннаго пля-
ирнаго, какъ Англія намѣрена,—и къ сему его царское
чество никогда воли своей не объявитъ, и больше къ его
предосужденію; также и самая является невозможность,
того что противу воли другого ка̀къ возможно миръ учи-
и оный содержать? Того для надѣюся, что Господа Ста-
того аглинскаго намѣренія не будутъ.
На что отвѣтствовалъ, что они никогда о томъ намѣренія
мѣли и имѣть не будутъ, для того что они не могутъ насиль-
ь образомъ въ тѣ сѣверныя дѣла вступать и замѣшиваться,
ь что свободно могутъ въ новую войну вступить; но они
еликимъ трудомъ и съ Франціею свою войну окончали,
ли въ новую принуждены будутъ вступить. И о томъ на-
ніи статскомъ меня обнадежилъ.
Притомъ я ему объявилъ, что его царское величество, съ
й стороны, объявляетъ мѣсто къ съѣзду мирныхъ тракта-

товъ—Гданескъ, какъ о томъ чрезъ меня и прежде сего бь предложено. Ежели же несходство къ тому найдется, то з лаеть въ Бреславлѣ въ Шлезіи, а уже по крайней мѣрѣ Брунсвикѣ. Но я въ предложеніи своемъ формальномъ бу предлагать Гданескъ и Бреславль, для того что, имѣвъ затр: неніе на оныхъ, всѣ сходны будутъ въ Брунсвикъ. И то: объявлю свое послѣднее сходство на Брунсвикъ, когда уви всѣхъ къ тому сходныхъ, дабы не было больше въ избра: мѣста никакой трудности.

Однакожъ о Брунсвикѣ намѣренія его царскаго величест министромъ нашихъ аліатовъ не объявлю для того,—прежде (ду вѣдать ихъ намѣренія. О польскомъ не сумнѣваюся, ч на то согласенъ будетъ; но датскаго двора въ томъ намѣре: не знаю, и опасенъ, чтобы тотъ городъ отъ датскаго бы выбранъ, для того что имѣютъ многое подозрѣніе отъ ганн верскаго двора къ предосужденію своихъ интересовъ и р: суждаютъ, что оный дворъ ганноверскій будетъ майстеромъ всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ.

На сіе мнѣ отвѣтствовалъ, что въ избраніи мѣста не бе трудности будетъ, для того что цесарь то мѣсто назначилъ съѣзду для интересовъ имперскихъ и въ декретѣ своемъ об явилъ явно, что потенцій чужестранныхъ допустить не хочет и того для Англія будетъ въ томъ немалую трудность имѣт А что принадлежитъ ко Гданску и Бреславлю, не можетъ о: знать, въ какомъ сходствѣ другія потенціи къ тому будутъ.

Я ему при томъ объявилъ, что ни здѣсь въ Гагѣ, ни другихъ какихъ мѣстѣхъ, которыя бы могли быть отъ крае: Россійской имперіи далѣе Брунсвика, его царское величест трактовать не повелитъ, и что указъ я имѣю ни въ как: негоціацію не вступать.

А для чего въ Гагѣ не трактовать, причины есть тѣ:

1. Есть предосудительно достоинству его величества, п неже ни одного примѣра не имѣли, дабы въ резиденц трактовать о мирѣ той потенціи, которая добрыя свои сре ства представила.

2. Отдальность великая отъ краевъ Россійской имперіи.

3. Что вскорѣ ожидается посолъ французскій, который вободно можетъ въ оныя дѣла замѣшаться.

4. Все мѣсто Гаги наполнено чужестранными министры, торые будутъ мѣшаться въ тѣ дѣла; изъ того оныя дѣла буть въ интригахъ продолжаться, нежели скоро къ окончанію иведены могутъ быть.

5. Не безъ труда находится, какъ намѣреніе есть его арскаго величества, дабы оный министру своему здѣсь позлилъ трактовать.

На сіе онъ, пенсіонарій, отвѣтствовалъ, что ихъ намѣреіе о трактованіи въ Гагѣ никогда не было. „И того для нѣ больше еще, не видя склонности его царскаго величества, ъ сего и другія потенціи будемъ отводить, чтобы здѣсь, въ агѣ, не трактовать“.

На что я ему сказалъ: то правда, что со стороны ихъ, осподъ Статовъ, мнѣ никакого предложенія не было, чтобы рактовать о мирѣ въ Гагѣ; но я о семъ доношеніе двору инилъ на намѣренія милорда Страффорда, что онъ мнѣ редлагалъ о семъ, и того для оный отвѣтъ получилъ.

Потомъ я ему говорилъ, что первыя предложенія здѣсь не олжно подавать, а поданы будутъ при съѣздѣ мирныхъ трактовъ. На то отвѣтствовалъ, что „есть все то въ волѣ вашей; о мы свои во всемъ должности будемъ исправлять такъ, какъ еутральные“.

И на конецъ сего я просилъ его сіе все содержать въ тайнѣ о времени, пока будемъ въ согласіи во всемъ, какимъ образъ надлежитъ намъ предложить съ министры нашихъ аліатовъ. та конференція съ нимъ, пенсіонаріемъ, тѣмъ окончалася.

Имѣлъ конференцію съ министры нашихъ аліатовъ и имъ редлагалъ въ равной силѣ, и объявлялъ, какъ мнѣ указъ повѣваетъ его царскаго величества.

Министру датскому предлагалъ, что я указы на все свое ношеніе получилъ отъ его царскаго величества впредь на редложеніе потенцій морскихъ, которыхъ содержаніе есть то:

1. Его царское величество указалъ мнѣ во всемъ том поступать съ общаго согласія съ министрами высокихъ своих аліатовъ, и того для намѣренія его царскаго величества сооб щаю, дабы могли на оныя согласиться и равной силы отвѣт учинить.

2. Его царское величество указалъ мнѣ ихъ, потенцій мор скихъ, за объявленныя добрыя средства благодарить, и что онъ вмѣстѣ съ своими аліаты примаетъ, и ничего такъ больше н желаетъ, какъ честнаго и прибыточнаго мира себѣ и своим аліатомъ. Токмо притомъ повелѣлъ мнѣ объявить, что ег царское величество нѣкоторымъ образомъ обязался цесарю так же его добрыя средства принять, и какъ уже прежде сег многократно его, цесарское, предложеніе было обще съ потенція ми морскими,—ихъ добрыя средства. Къ тому же необходим видится быть, дабы оная негоціація безъ цесаря могла быть для того что его оба высокіе аліаты есть принцы имперскіе, оба больше въ сей войнѣ сѣверной своими интересы прилежат къ имперіи.

3. О мѣстѣ съѣзда [для] мирныхъ трактатовъ, какъ я прежд сего объявлялъ, его величества царскаго желаніе есть въ Дан цигѣ, ежели не согласны къ тому будутъ, то въ Бреславлѣ И надѣюся я, что его королевское величество датскій сходств къ тому свое покажетъ, также и король польскій, для того чтобы въ близость могло быть отъ двора его царскаго величе ства; но отъ дворовъ его аліатовъ всегда въ близости будет равной такъ, какъ бы и въ имперіи было.

4. Предложеніе здѣсь весьма не должно подавать, а объявить что поданы будутъ при съѣздѣ, на мѣстѣ мирныхъ трактатовъ

И на все то отъ него, Альфельда, требовалъ его мнѣнія и какіе указы имѣетъ отъ двора своего, дабы могъ согласитьс на сіи мои объявленные пункты. На то онъ, Альфельдъ, дат скій [министръ], мнѣ отвѣтствовалъ, что не имѣетъ отъ двор своего никакихъ указовъ и будетъ о семъ отписываться ко дво ру, и просилъ пообождать отвѣтомъ до тѣхъ мѣстъ, когда от вѣтъ отъ двора своего получитъ.

На что я ему говорилъ, что безъ общаго согласія весьма него не учиню и буду ожидать столько времени, сколько ланно будетъ. Токмо при тѣхъ разговорѣхъ напоминалъ ему, льфельду, чтó онъ, Альфельдъ, въ тотъ день въ верху мнѣ бъявилъ,—что имѣетъ пространные указы отъ двора, токмо отвѣтствуетъ силою оныхъ, для того что я пространныхъ тому указовъ не имѣю. И отъ тѣхъ своихъ словъ онъ, льфельдъ, отперся и сказалъ, что, можетъ быть, оные разго- были отъ г. Герсдорфа, а не отъ него, Аль- ьда; и опредѣлилъ ожидать къ нему указовъ. Того для я ѣжалъ нарочно въ Амстердамъ и былъ въ отлученіи изъ 12 дней.

Министру польскому барону Герсдорфу отъ меня было пред- ено въ равной же силѣ, какъ выше объявлено, который на отвѣтствовалъ: о принятіи добрыхъ средствъ потенцій мор- ъ равный указъ имѣетъ, также и о цесарѣ. Что же прина- жить о съѣздѣ, онъ согласоваться будетъ со мною, для того ему именной указъ король о томъ далъ, и ежели во Гданескъ въ Бреславль,—токмо не видится къ тому сходства угихъ, и того [для] разсуждается лучше быть въ Брунсвикѣ. го ради и онъ къ Брунсвику сходство свое являетъ.

Что же до поданія первыхъ предложеній,—здѣсь ли пода- ъ и въ какой силѣ,—о томъ не имѣетъ указа и будетъ пи- ъ ко двору, что требовалъ на описку три недѣли.

Потомъ имѣлъ я конференцію съ г. Гоусомъ, который посланническомъ характерѣ при дворѣ датскомъ резидуетъ. оный здѣсь сихъ часовъ былъ для того, что ежели гдѣ въ періи мѣсто къ съѣзду назначено будетъ, то ему, Гоусу, ъ министромъ со стороны статской. И оный же помянутый Го- многую службу явилъ къ интересомъ его царскаго величе- во всю свою здѣшнюю бытность,—того ради разсудилъ быть потребно нѣкоторое ему объявить изъ указовъ ко мнѣ отъ ора.

Я ему, Гоусу, сообщилъ въ великомъ секретѣ, что я имѣю ъ отъ двора, ежели Гданескъ и Бреславль не выберутъ,

и, наконецъ, позволить съѣзду въ Брунсвикѣ быть. Токм
знавъ розныя мнѣнія министровъ нашихъ аліатовъ, а паче да
скаго двора къ тому несходства, буду на двухъ мѣстѣхъ всег
трудность имѣть; и, наконецъ, когда увижу всѣхъ склонны
въ Брунсвикъ, тогда и я на то позволю. И притомъ ему гов
рилъ, чтобъ онъ сію мою конфиденцію припомнилъ и былъ
тѣмъ благодаренъ, и во всѣхъ бы случаяхъ вспомогалъ, и что
о томъ намѣреніи моемъ онъ, Гоусъ, никому знать не давал

На тѣ мои слова онъ благодарилъ и обѣщалъ мнѣ во всѣ
случаяхъ показать себя склонна къ интересамъ его царска
величества и свои услуги показать, и притомъ же объяви
мнѣ, что будетъ писать ко двору датскому и оный дворъ
тому мѣсту Брунсвику склонять.

Конференцію о тѣхъ же дѣлѣхъ имѣлъ съ министромъ га
новерскимъ барономъ Ботмаромъ. Съ симъ помянутымъ г
сподиномъ меня неволя понудила вступить въ конференці
понеже о всѣхъ тѣхъ намѣреніяхъ его царскаго величества
ко мнѣ посланныхъ указахъ велѣно отъ двора предложеніе уч
нить барону Шлейницу, тамъ резидующему министру, и ч
онъ, баронъ Ботмаръ, уже до моего предложенія отъ двора св
его былъ извѣстенъ о всемъ томъ, какъ было чрезъ него, Шле
ница, курфюрсту предложено. Но мое намѣреніе было тако
чтобъ ему, барону Ботмару, о всемъ томъ намѣреніи его ца
скаго величества, что приналежитъ до его курфюрста, не об
являть до нѣкотораго времени для того, чтобы прежде видѣ
склонность къ тому нашихъ аліатовъ; а особливе я разсу
ждалъ, чтобы здѣсь о томъ не говорить; но какъ видится п
всѣмъ обстоятельствомъ, что съѣзду быть въ Брунсвикѣ, то, ко
да съѣдутся, чтобы при томъ мѣстѣ съѣзда мирныхъ тракта
товъ и его, курфюрста ганноверскаго, министра въ конгресс
ввести.

Но когда увидѣлъ изъ письма барона Шлейница, что онъ
получа указъ отъ двора, предложилъ курфюрсту ганноверском
о намѣреніи его царскаго величества, дабы онъ, курфюрстъ
съ потенціями морскими обще и съ нимъ, цесаремъ, трудилс

ми добрыми средствы къ примиренію сѣверной войны, и
] барона Шлейница еще весьма противу указа ко мнѣ де-
рація учинена, чтобы цесарю и ему, курфюрсту, быть медіа-
; того для я былъ принужденъ предложить ему, барону Бот-
у, что его царское величество желаетъ, чтобы цесарь,
е и его курфюрстская свѣтлость добрыми своими средствы
, обще съ потенціями морскими, къ примиренію сѣверной
ы. И притомъ я ему, Ботмару, объявилъ, что я не буду
министромъ нашихъ аліатовъ о семъ предлагать и имъ
давать, но буду прежде вѣдать ихъ намѣренія къ тому,
того что отъ датскаго двора больше трудности вижу, нежели
польскаго. И то все взялъ на доношеніе двору своему.
Потомъ, на другой день, бывъ я у ратпенсіонарія, ему
валъ о курфюрстѣ ганноверскомъ, какого намѣренія есть
кое величество, который мнѣ не отвѣтствовалъ много, токмо
алъ, что дворъ ганноверскій имъ есть добрый пріятель;
о къ начинанію самаго дѣла еще не видитъ ничего, и отъ
ихъ посредниковъ бóльшая трудность придетъ. И разсу-
ъ, что сходнѣе было бы, дабы въ тѣхъ дѣлѣхъ были однѣ
нціи морскія; но ежели другія будутъ, то весьма того
ія надобно быть, что Франція въ тѣ дѣла замѣшается.
И о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ топерь умолчалъ до предбудущаго вре-
, какъ о объявленіи министрамъ нашихъ аліатовъ о курфюрстѣ
оверскомъ, такъ и о другихъ дѣлѣхъ, и буду писать каждое
вое время, когда будетъ объявлено. Но топерь для подлин-
вѣдѣнія объявлю о всѣхъ дѣлѣхъ съ начала сей негоціаціи.
Какъ началася 1712 г., по возвращеніи моемъ изъ Поме-
, и какія инструкціи дворовыя имѣлъ во всѣхъ тѣхъ дѣ-
: 1) къ мирнымъ трактатомъ сѣверной войны, 2) къ кон-
у утрехтскому, 3) о турецкомъ примиреніи, 4) объ учи-
трактата коммерціи съ Статами, 5) о нейтральствѣ въ
ріи и о секвестраціи Помераніи, 6) о голштейнскомъ дѣлѣ,
бъ удержаніи Англіи и Голландіи, чтобы своего флота въ
ическое море не посылали,—и о всемъ томъ топерь буду
транно писать.

... въ Померанію, по именному его царскаго вели... ... въ августѣ мѣсяцѣ 1712 г. И первое вр... ... дня въ Анкламѣ имѣлъ аудіенцію его ц... ... и о всемъ, что̀ приналежало, доношеніе чин... ... такъ и письменно, и потомъ о всѣхъ дѣл... ... разсужденіе давалъ, что̀ приналежало къ ... ... царскаго величества. И оттуль, изъ Помера... ... въ пути при его царскомъ величествѣ въ Берлинѣ д... до Лейпцига, а изъ Лейпцига отправленъ я былъ въ октя... мѣсяцѣ въ Гагу къ Генеральнымъ Господамъ Статомъ чрез... ...нымъ посломъ и полномочнымъ министромъ, какъ къ ... помянутымъ высокомочествамъ, такъ и къ конгрессу утрехтско...

И по пріѣздѣ своемъ нашелъ всѣ тѣ дѣла въ такой ситуа... что дѣла союзныхъ съ Франціею въ Утрехтѣ хотя и были ... замѣшаніи, токмо окончанія оныхъ видъ являлся. И въ февр... мѣсяцѣ начали являться нѣкакіе билеты министра шведска... которые раздавалъ министромъ аглинскимъ, такъ французски... и прочимъ, и хотѣлъ, чтобы дѣла сѣверныя токмо тѣ, котор... въ имперіи есть, были тутъ къ конгрессу внесены и опредѣлен... т.-е. Померанія и дукатство бременское были возвращены. ... каковъ его, Пальмквистовъ, былъ билетъ раздаванъ, и то... при семъ слѣдуетъ.

„Понеже покоя и тишины въ имперіи чрезъ сей ми... уповать невозможно, ежели при томъ учиненныя въ Нижн... Германіи безпокойства примирены не будутъ, то мирныя до... варивающіяся стороны съ общаго согласія и совокупленн... помощью, какъ междо собою, такъ и съ прочими вестфальск... мира союзники, свои средства наикрѣпчайше приложать, да... по угашеніи, какъ наискорѣе возможно, военнаго огня во все... имперіи, все по силѣ помянутаго мира въ прежнее состоя... возставлено было. Того ради принцы, въ сѣверѣ воюющ... вскорѣ, по подписаніи сего трактата, имѣютъ напоминае... быть, дабы безпокойства общаго мира въ цесарствѣ далѣе продолжали, но дабы оные, которые никакихъ земель въ Г... маніи не имѣютъ, свои войска оттуда вывели, а прочіе

шепомянутомъ возставленіи покойно тамо да пребудутъ. о ежели сіи средства во время *) мѣсяцевъ къ по-желанному концу приведены не будутъ, тогда его цесарское личество и курфюрсты-принцы, и члены имперскіе, о войнѣ верной неизвѣстные, купно съ освященнымъ королевскимъ личествомъ христіаннѣйшимъ, употребятъ способы дѣйствитель-е и совокупленными силами до того времени будутъ дѣйство-ть, пока во всей Германіи миръ противъ вышепомянутой будетъ возставленъ и учрежденъ".

Но я, не смотря на всѣ его тѣ, Пальмквистовы, интриги Утрехтѣ, предудерживалъ себя къ объявленію своего харак-въ Утрехтѣ.

И съ начала своего пріѣзда не искалъ ничего такъ, какъ бы ъ установить свой кредитъ у ратпенсіонарія Генсіуса, и, хотя ъ великія трудности, могу себя похвалить, что пожелаемое ѣлъ. И непрестанно какъ ему, пенсіонарію, такъ графу Цин-ендорфу, полномочному министру цесарскому при конгрессѣ рехтскомъ, также и здѣсь правительствующимъ персонамъ й республики говорилъ, дабы сѣверныхъ дѣлъ не допускали инать при конгрессѣ утрехтскомъ, представляя имъ резоны, о Францiя весьма того желаетъ, дабы оныя дѣла были начаты, чрезъ то она, Францiя, хочетъ замѣшаться внутрь самыхъ лъ имперскихъ,—и не можетъ больше предосудительнаго быть сарю, какъ и всей имперіи, также и Господамъ Статомъ енеральнымъ провинцій соединенныхъ, какъ чрезъ сей каналъ мѣшанія дѣлъ въ Утрехтѣ.

И на то все мое предложеніе мнѣ отвѣтствовали, какъ рат-нсіонарій,—и прочіе, что они весьма того престерегаютъ, дабы ыя дѣла въ Утрехтѣ не начались, и обнадежили меня, что чаты не будутъ.

Правда, я весьма былъ надеженъ на тѣ обнадеживанія всѣхъ, днакожъ не упускалъ своего времени самъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ ъ Утрехтѣ надзирать, и непрестанно туда ѣздилъ для навѣ-ванія всѣхъ тѣхъ дѣлъ и престорожности къ интересамъ его

*) Въ подлинникѣ пробѣлъ. Ред.

царскаго величества. И стоялъ въ домѣхъ партикулярныхъ, хотя не объявляя своего характера, однакожъ не оставле былъ отъ всѣхъ визиты получить, кромѣ однихъ токмо мин стровъ французскихъ.

И въ мѣсяцѣ мартѣ 1713 г. уже всѣ дѣла почали пр ходить къ самому заключенію мирному, также и разглашен стало быть, что объ интересахъ шведскихъ министры французсі хотятъ говорить и въ интересъ Швеціи нѣчто бы заключит того для я понужденъ былъ весьма взять резолюцію, что ѣхать въ Утрехтъ, и уже для найма двора послалъ. Но потоі удержанъ былъ чрезъ ратпенсіонарія, чтобъ удержаться т ѣздою и усматривать времени, для того что пріѣздъ мой ту может учинить великій эклятъ и тѣмъ, можетъ быть, п нудить другихъ въ тѣ сѣверныя дѣла паче вступить.

И по нѣкоторыхъ дняхъ объявилося явнѣе, что цесарь весы не хочетъ мира такого заключить и [рѣшилъ] въ войнѣ один остаться, — того для я, усмотря, весьма взялъ резолюцію, чтоб мнѣ не ѣхать и не объявлять себя при томъ утрехтскомъ конгре сѣ, разсудя, что когда цесарь и цесарство съ Франціею [мира] і учинятъ, тогда не можетъ ничто касаться къ интересамъ е царскаго величества, понеже чтó-бъ и касаться могло, то і что иное, токмо въ дѣлахъ сѣверныхъ, которыя приналежат къ имперіи.

И когда миръ со всѣми аліаты у Франціи заключился, — 1713 г. 31 апрѣля, — тогда я доношеніе двору учинил что я, разсудя за потребно, для многихъ причинъ въ конгресс утрехтскій не поѣхалъ, усмотря, что о дѣлѣхъ сѣверныхъ ка саться не будетъ; и нынѣ, по заключеніи мира, буду ещ смотрѣть, ежели вновь дѣла цесарственныя вчинаться не будут и тогда доношеніе учиню, что о дѣлахъ его царскаго величеств ничего не касалося, и всѣ опасности прошли. И въ іюнѣ мѣсяцѣ когда уже всѣ министры цесарственные разъѣхались ко дворам своимъ, оставя конгрессъ утрехтскій, тогда помянутымъ образом двору доношеніе учинилъ, и что при всемъ томъ конгресс ничего предосудительнаго къ интересамъ его царскаго величеств

учинено. И такимъ образомъ чрезъ мою прилежность и смотрѣніе то дѣло окончалось безъ всякихъ трудностей, что́ бы могло тамъ припасть въ церемоніяхъ, также и въ понесенныхъ великихъ убыткахъ.

Я между всѣмъ тѣмъ временемъ продолженія конгресса всегда, по пріѣздѣ своемъ, въ Утрехтѣ бывалъ у министровъ ...лійскихъ, бискупа бристольскаго, такъ и милорда Страф-...рда, и имъ являлъ волю и склонность его царскаго величества ...миру, и желалъ отъ нихъ всегда вѣдать, ежели о дѣлахъ ...верныхъ что начинали дѣлать, или что хотятъ начать. Изъ всѣхъ ...хъ отвѣтовъ усматривалъ, что довольно имѣютъ своихъ дѣлъ ...вращивать, нежели въ чужія вступать. Сіе еще меня паче ...тверждало, что дѣламъ сѣвернымъ въ Утрехтѣ вчатымъ невоз-...можно быть.

„О дѣлахъ турецкихъ".

Нечаянно получена вѣдомость, что Порта нарушила миръ, ...ченный съ его царскимъ величествомъ 1712 г. 2 апрѣля ...въ Константинополѣ чрезъ пословъ его величества барона ...Шафирова и прочихъ, и что война объявлена, и помянутые ...слы его величества въ семь туръ *) посажены, и варварски ...трактованы. Того для указъ его царскаго величества изъ По-...мераніи въ декабрѣ мѣсяцѣ ко мнѣ былъ присланъ, какъ ...невозможно, трудиться при Господахъ Статахъ Генеральныхъ ...соединенныхъ провинцій, дабы по прежней своей склонности ...дружбѣ къ его царскому величеству для общей пользы ...христіанства въ сіе дѣло вступили и чрезъ своего посла графа ...Колліерса Портѣ свою медіацію предложили, дабы сію не-...правую войну прекратить.

И по полученіи того указа, здѣсь, чрезъ ратпенсіонарія ...Гейнсіуса и президента чужестранныхъ дѣлъ барона Лат-...тара, Господамъ Статамъ предлагалъ, чтобы такой указъ ...послали къ своему послу въ Константинополь; но все то мое

*) Т.-е. башенъ.—Р е д.

публичное предложеніе одну церемонію дѣлало, ниже́ что і того успѣвало. Тогда я принужденъ былъ въ семъ дѣлѣ вели трудности понесть—искать способъ къ доброму произвожде сего дѣла. И чрезъ многіе труды и свою прилежность наш такимъ образомъ, что на всѣ мои формальныя предложенія Ста явныхъ указовъ отъ своего собранія къ послу своему не пошлю Тогда я разсудилъ за потребно трудиться о секретныхъ указѣх того для предлагалъ главнымъ въ секретѣ сей республики: вн выхъ, ратпенсіонарію Генсіусу, великому казначею Гоп грефію Фагелю, статскому секретарю Шлингерлян г. Дивинфорту, первому въ кредитѣ изъ ноблесъ во в сей республикѣ, г. де-Лиру, первому изъ ноблесъ, бургумистра амстердамскимъ: г. Корверу, г. Панкрасу, Михельсо г. Витсену. И всѣ тѣ помянутые господа, съ общаго соглас безъ сообщенія статскому собранію, тайно указъ послали Константинополь къ послу своему графу Колліерсу, и велѣ трудиться со всякою прилежностью, чтобы между его царски величествомъ и Портою [миръ] возобновить и отъ войны туро отводить; и ежели за благо разсудитъ, чтобъ онъ, графъ Колліер самъ ѣхалъ въ Адріанополь, также-бъ и въ кампанію п салтанѣ послѣдовалъ, и вездѣ бы къ примиренію той вой трудился, а ежели самъ онъ, Колліерсъ, за чѣмъ не може ѣхать, то-бъ отправилъ своего посольства секретарія и велѣ бы быть при тѣхъ дѣлѣхъ. И тотъ указъ 21 генваря отъ ни Статовъ, былъ отправленъ чрезъ тайную коррешпонденцію ного купца изъ Амстердама.

И по отправленіи на третій день того указа, ввечеру, восьмомъ часу, былъ ко мнѣ присланъ отъ всего того помянута тайнаго собранія грефій Фагель съ объявленіемъ, что вып помянутымъ образомъ къ послу ихъ графу Колліерсу ук отправленъ, и притомъ обнадеживали его царское величест что они во всѣхъ случаяхъ готовы себя являть склонна интересомъ его. И о томъ я двору своему пространно до шеніе учинилъ, когда его царское величество еще былъ Голштеніи.

И по полученіи того указа, онъ, графъ Колліерсъ, всту-ь въ тѣ дѣла, и такъ въ милости Вышняго счастливо начаты и окончалися, что вновь миръ между его царскимъ вели-вомъ и Портою, 1713 г. іюня мѣсяца 22-го, въ Адріано-ѣ заключенъ и подтверженъ.

И все сіе дѣло моей прилежности и вѣрной услуги къ его кому величеству не можетъ быть скрыто, понеже всѣмъ тѣмъ, рые въ самомъ дѣлѣ есть, извѣстно, а паче изъ писемъ на Шафирова ко двору, чаю, о всемъ томъ пространно влено.

„О дѣлахъ голштейнскихъ".

Когда его царское величество послѣдовалъ за непріятельскимъ юмъ войскъ шведскихъ подъ командою графа Штенбока Голштенію, и такимъ образомъ вся война была перенесена нную провинцію дука голштейнскаго. И о тѣхъ всѣхъ дѣлѣхъ льно надобно писать, какимъ образомъ оныя дѣла военныя и, но то можетъ быть обстоятельне объявлено въ военныхъ налахъ или въ гисторіи. Но топерь объявлю, что́ прина-тъ до дѣлъ политическихъ.

Англія тогда трудилась здѣсь, при Господахъ Статахъ, ь посла своего милорда Страффорда во всю прошедшую у, дабы обще имъ, потенціямъ морскимъ, послать свои эскадры Балтическое море и короля датскаго принудить къ миру съ оною шведскою, или, по послѣдней мѣрѣ, чтобы войски ми оставилъ Голштенію. Также и другимъ образомъ она, ія, намѣрена была сквадру свою послать въ пристань нгъ и нѣсколько баталіоновъ войскъ своихъ въ ту крѣпость садить, и уже, по всѣмъ вѣдомостямъ, тотъ флотъ аглинскій 15-ти корабляхъ линейныхъ былъ во всякой готовности въ дѣ мѣсяца февраля и мѣсяца марта.

Того для, по прошенію короля датскаго, его царское вели-во послалъ свою грамоту, написавъ къ королевѣ аглинской, посланнику своему чрезвычайному г. Литу и велѣлъ

оную подать въ такомъ случаѣ, ежели весьма Англія намѣр будетъ оную эскадру отправлять. И содержаніе той грам при семъ слѣдуетъ.

„Пресвѣтлѣйшая и державнѣйшая королева, намъ любезнѣ шая сестра. Ваше королевино величество намъ столько опыто своей дружбы и добраго намѣренія до сего времени показал и мы о присодержаніи оной такимъ образомъ всегда старали что мы вѣрить не можемъ, хотя публично то разглашается, едва не отовсюду вѣдомости о томъ къ намъ приходятъ, а имен будто ваше величество намѣрена сильный транспортъ въ Го штенію шведамъ на помочь учинить, и къ отправленію она уже дѣйствительныя предуготовленія чинятся,—и мы о подли ности сего разглашенія толь вящше сумнѣваемся, понеже во всѣхъ нашихъ поступкахъ, которые мы въ разсужденіе вашему королевину величеству имѣли, ничего не находимъ, что къ таковой непріятельской резолюціи поводъ дать могло. Також и союзники наши, его королевское величество датскій и пол скій, къ такому поступку никакой причины не дали, ибо вѣстно есть, что оные паче, чрезъ перепускъ знатнаго чис войскъ своихъ и инымъ образомъ, къ счастливому произведен вашихъ и всѣхъ союзниковъ дѣлъ противъ Франціи явствен и много вспомогали. Не меньше же съ нашей стороны мы оказанію всякой дружбы и къ ближайшему вступленію съ вашим величествомъ всегда готовы были,—и для того толь мень чаять мочно, что ваше королевино величество безъ всякой о нась и союзныхъ нашихъ данной причины непріятельскую па тію принять, оному дѣйствительное вспоможеніе чинить и та явственно противъ насъ себя объявить восхотѣла. Но па уповаемъ мы отъ вашего величества извѣстнаго праводушія, ч вы равнымъ же образомъ въ настоящую шведскую войну м шаться не будете, толь меньше противъ насъ партію пріимет какъ мы въ французской войнѣ къ предосужденію вашему вашихъ союзниковъ не мѣшались.

Какъ уже чаемъ, вашему королевину величеству извѣстн какую склонность и умѣреніе имѣли по такой едва слыханн

ікторіи при Полтавѣ, по которой тотчасъ королю шведскому нерала-маеора Меерфельда, а къ сенату гехеймъ-секретаря едергельма послали, прося о мирѣ, и не желали больше тому, что́ уже имѣли, только двухъ крѣпостей для барьеры, ыборга и Корелы; но непріятель только съ безчестіемъ отвѣтвовалъ, которое его непримиримое сердце видѣвъ, понудило съ далѣе войну вести. Итако можете ваше величество раздить нашу добрую склонность къ миру, нежели къ войнѣ, что мы надѣялись вящшей дружбы и вспоможенія отъ вао величества.

Но притомъ не можемъ оставить, вамъ не объявя, что ли, паче всякаго чаянія, помянутая молва основаніе имѣетъ, ваше величество себя въ пользу шведовъ противъ насъ объявите мъ дѣйствительна вспомогать, или прямо противъ насъ, или отивъ кого изъ нашихъ союзниковъ, его королевскаго велиства датскаго или польскаго, что непріятельскаго начинать, тако на насъ наступать будете,—то натурально есть, что тогда принуждены будемъ въ нашей правдѣ всѣми силами, но съ нашими союзниками, всѣмъ тѣмъ, которые на насъ кимъ неправеднымъ образомъ наступать будутъ, противиться оборониться искать, употребляя къ тому всѣ оные способы, торые случай намъ [подастъ] и къ тому способны будутъ. И дѣемся на помощь Божію толь наипаче, [понеже] никакой ичины къ такому непріятельскому поступку и нападенію не дали, [и ничего] такъ не желаемъ, какъ чтобы до сего времеи междо нами и вашимъ величествомъ къ великой пользѣ обоъ подданныхъ бывшее доброе согласіе продолжать и прочая".

Изъ Фридрихштата, февраля 12-го 1713 г.

Въ то же время указъ его царскаго величества я получилъ, о всемъ мнѣ сообщено, и велѣно ему, Литу, во всемъ томъ оситься со мною, а мнѣ велѣно въ Утрехтѣ съ министры линскими говорить въ твердыхъ терминахъ.

И кратко объявлю, что ежели королева что́ приметъ проинаго не токмо прямо противу его царскаго величества, хотя отиву его котораго аліата, то́ весьма его царское величество

можетъ принять за нарушеніе древней дружбы и доброй ко]
ришпонденціи, и принужденъ будетъ къ оборонѣ себя и своих
аліатовъ [принять всякія мѣры], которыя не могутъ полезна
понести, кромѣ вредительнаго. И для убѣжанія отъ всѣхъ тѣх
трудностей я о семъ имъ, министромъ аглинскимъ, предлага
дабы отъ чего не учинилося предосудительнаго коммерціи, ч
есть общее къ интересамъ обоихъ народовъ, россійскаго и а
линскаго.

И въ тѣхъ нашихъ разговорѣхъ съ обѣихъ сторонъ доволь
было угрозъ.

Однакоже по нѣкоторыхъ дняхъ уже изъ писемъ аглинских
явилася нѣкоторая при дворѣ модерація, и эскадра приготс
вленная больше въ тотъ путь отставлена прибираться, так
и помянутая грамота не подана, понеже въ ней нужды не был
также и въ сильныхъ терминахъ писана, которая бы весьм
досаду могла принести; о чемъ я партикулярнымъ своимъ писі
момъ царскому величеству доносилъ, а обстоятельно о всем
дѣлѣ явно покажетъ изъ моихъ реляцій ко двору.

Правда, въ семъ дѣлѣ ни грамота бы, ежели-бъ и подана бь
ла, ни мои протестаціи, учиненныя министрамъ аглинскимъ, так
не способствовали, какъ оная самая постоянная дружба Господ
Статовъ Генеральныхъ къ интересомъ его царскаго величеств
что на всѣ домогательства аглинскія не посмотрѣли и шквадр
своей въ Балтическое море послать не хотѣли,—и тѣмъ весьм
оное аглинское намѣреніе удержано, также и по се число н
допускается. И постоянная дружба въ тѣхъ дѣлѣхъ сей ре
публики къ интересамъ его царскаго величества можетъ про
странно видима быть изъ моихъ доношеній ко двору.

Во всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ голштейнскихъ сколько здѣсь имѣл
конференцій, о томъ покажетъ въ годовомъ протоколѣ.

„О нейтральствѣ въ имперіи и о секвестраціи въ Помераніи“.

Указомъ отъ двора мнѣ повелѣно, когда будутъ предлагат
о нейтральствѣ въ имперіи или въ секвестрацію Помераніі
отдавать, тогда мнѣ велѣно поступить въ томъ во всемъ дѣл

учинить претензіи такія, какъ объявлено въ грамотѣ къ цеса-
, которая въ февралѣ мѣсяцѣ 1713 г. отправлена, также и по
ньямъ, посланнымъ къ фельдмаршалу князю Меншикову.
держаніе тѣхъ въ указѣхъ и инструкціи дворовой увидишь.
И о всемъ томъ дѣлѣ, однакожъ, здѣсь въ сію мою быт-
сть никакого предложенія не было, кромѣ токмо одного мимо-
домъ. И того же времени отвѣтствовалъ, что возьму на доно-
ніе ко двору.

„О трактатѣ коммерціи".

Съ самаго своего пріѣзда трудился о трактатѣ коммерціи
дадавъ имъ на письмѣ для вѣдѣнія на французскомъ языкѣ
кть, также и ремарки, на то требовалъ отъ нихъ отпо-
письменной; но въ томъ весьма видѣлъ отъ нихъ несход-
о, для того что письменно въ то дѣло не хотѣли обязываться,
обы не дать подозрѣнія другимъ потенціямъ, и приводили меня
тому, чтобы трактовать на словахъ. Однакоже по всемъ
емъ прилежномъ стараніи склонились, чтобы дать мнѣ пись-
нно резолюцію статскую и свои имъ ремарки, что̀ и учинено.
Но та ихъ, статская, резолюція дана такъ секретно, что токмо
общена тайному совѣту, а статскому собранію всему конечно
ю не предложено, для того что была подписана рукою,
ѣсто президента, барономъ Латмаромъ, президентомъ чуже-
анныхъ дѣлъ, и грефіемъ Фагелемъ; и какого оная есть
держанія, то увидишь въ письмахъ о торговлѣ, также и въ
ышомъ протоколѣ.

Я все то сообщилъ двору и того же времени писалъ, чтобы
томъ дѣлѣ мнѣ дали скорую резолюцію, для того что при
нѣшнемъ случаѣ нужно здѣшнимъ въ тѣ дѣла вступать,
же и съ нашей стороны чтобы времени не упустить.
итомъ же я разсудилъ за потребно послать ко двору,
лавъ образцовый проектъ трактата навигаціи и союза оборо-
тельнаго между его царскимъ величествомъ и Статами, для
о что сей трактатъ можетъ всѣхъ другихъ покрыть, и тѣмъ
трактатомъ въ бо̀льшую дружбу ихъ, Статовъ, обязать.

Насупротивъ тому и здѣшней республикѣ небезполезно ес обязаться тѣмъ трактатомъ съ его царскимъ величествомъ, д того что съ шведомъ уже весьма ссорились, и отъ прусскаго ес въ немалой опасности, также и противу Англіи и Франціи п случаяхъ всегда могутъ надежны быть.

„О трактатѣхъ сѣвернаго мира".

Въ данной мнѣ инструкціи въ Лейпцигѣ упомянулося 6-мъ артикулѣ, чтобы требовать у потенцій морскихъ обнад живанія, что наслѣдственныя земли безспорно останутся владѣніи его царскаго величества, и тогда въ негоціацію вст пать; а въ 16-мъ артикулѣ молвлено, ежели такого обнадеж ванія не учинятъ, то ихъ добрыя средства не примать и негоціацію не вступать.

Я сіе дѣло разсудилъ великой импотенціи и такъ скрыт содержалъ, что никому не сообщалъ того слова, что безъ то царское величество ихъ добрыхъ средствъ, потенцій морскихъ не приметъ; токмо одному пенсіонарію объявилъ, что могу ли они такое обнадеживаніе учинить, также и милорду Стра форду нѣкоторыми разговоры не такъ явно. Но отъ обои ихъ отвѣтъ получилъ, что они такого обнадеживанія учини не могутъ, а, вступя въ негоціацію, о томъ трудиться будут

Все сіе я скрытно велъ отъ министровъ нашихъ аліато и сему въ противность поступалъ, и являлся имъ тѣмъ лицом что наша склонность весьма къ миру есть, чтобъ имъ ник кого подозрѣнія не дать.

И многія предложенія были о добрыхъ средствахъ потенц морскихъ. И уже впослѣдніе когда предложено было, тог я ко двору доношеніе учинилъ, что лучше въ негоціацію вст пать, нежели такую противную декларацію учинить, и со мн гими резоны о томъ писалъ, какъ о томъ явлено въ моих доносительныхъ письмахъ ко двору.

И на то свое я доношеніе получилъ указъ отъ всемилост вѣйшаго государя,—велѣно добрыя средства потенцій морских

...мать и въ негоціацію вступать и прочее, для которыхъ дѣлъ сію книгу начали писать. И могу причесть себѣ за великую службу къ интересомъ его царскаго величества, какимъ образомъ я сіе дѣло производилъ и съ какою трудностью. И ...ели-бъ я по указомъ поступалъ, то бы весьма обѣ потенціи морскія согласнаго мнѣнія были и насиліемъ въ наши дѣла поступили со всякою противностью. Но нынѣшній на...го двора поступокъ весьма есть сходенъ съ мнѣніемъ Господъ Статовъ соединенныхъ провинцій, что они хотятъ трудиться добродѣтельно во всѣхъ тѣхъ сѣверныхъ дѣлѣхъ къ ...иренію сѣверной войны, а не насильными образы, какъ о ...ъ явнѣе увидишь въ резолюціи статской, данной милорду Страффорду, послу аглинскому, на его меморіалъ. Въ большомъ протоколѣ о семъ значитъ.

„Какимъ образомъ я отъ всѣхъ противностей удерживалъ сію республику и о пожженныхъ пяти корабляхъ“.

Намѣреніе сей республики всегда было, чтобы миръ въ сѣверѣ учинить, и того для, знавъ ихъ намѣреніе, я всегда всѣмъ ...ушалъ, что его царское величество весьма склонность свою ...миру являетъ, и что самъ того окончанія скораго съ своими ...іаты обще желаетъ. И чрезъ многіе договоры такъ сильно имъ ...ушалъ и показалъ о всемъ томъ, что весьма то намѣреніе ...го царскаго величества, безъ сумнѣнія, за вѣрно приняли, — и ...ого для на всѣ домогательства милорда Страффорда при Статахъ, чтобы съ Англіею насильно противныя мѣры принять противъ сѣверныхъ аліатовъ, Господа Статы не хотѣли о томъ ...ышать и взяли резолюцію ему, милорду, письменно отвѣтствовать, что они добродѣтельно и чрезъ негоціацію въ тѣ ...ла сѣверныя вступать хотятъ, а не другимъ какимъ насильнымъ образомъ.

Потомъ же я имъ внушалъ, что имъ, Статомъ, не безъ ...асности есть въ своихъ властныхъ [дѣлѣхъ] со стороны Франціи, Гишпаніи, также и самой ея, Англіи, и что она, Англія,

вводитъ ихъ, Статовъ, въ замѣшаніе новой войны съ сѣвер ными воюющими, то желаетъ со всѣхъ сторонъ здѣшней ре публикѣ всякаго непріятельства такъ, чтобы сію республику к самому разоренію привесть и всѣхъ пріятелей отъ нея отлучит между которыми наивпервыхъ считаю его царское величеств который, кромѣ обязательства своими интересы, натуральну склонность къ сей республикѣ имѣетъ; также-бъ и коммерц голландское въ Балтическомъ морѣ разорить, откуль вся Голла дія питается, и весь торгъ подробный, который больше при бытку меньшому народу приноситъ, нежели большой торг есть въ морѣ Балтическомъ. И ежели что начнется насиліем какимъ въ тѣхъ дѣлѣхъ, и потенціи морскія пошлютъ сво шквадры, то отъ насильнаго замѣшанія, конечно, полезна произойти не можетъ, но паче предосудительнаго и самим интересомъ шведскимъ, для того, ежели её, Швецію, возставлят къ продолженію сѣверной войны, то къ ея властному разоренію, - ежели противную партію принуждать имъ, потенціямъ морским къ такому миру, къ какому они хотятъ, весьма онѣ внѣ сил своей и состоянія есть.

И притомъ я внушалъ чрезъ г. Гоуса, что въ нужном и противномъ случаѣ его царское величество будетъ противитьс противу всѣхъ, и, наконецъ, объявлю, что не будетъ менажи ровать ни одной непріятельской фортеціи, имѣющей въ руках но все обратитъ въ пепелъ.

И сіе между здѣшнею республикою великую силу придало к удержанію ихъ противнаго пріятія.

939. Князь Б. И. Куракинъ—Г. И. Волкову.

1712 г. іюля 1. Гага.

е чаю симъ трудъ вамъ нанести, чего для я разсудилъ быть сходно вамъ, мой господинъ, обстоятельно написать о дѣлахъ нынѣшняго такъ деликатнаго времени, которыя и къ нашимъ интересамъ принадлежатъ.

Съ начала сего конгресса утрехтскаго въ рапортѣ моемъ ...у объявлялъ, что Голландія намѣрена продолжать; тó и ...нѣ есть. Но, по пріѣздѣ милорда Страффорда, на сихъ ...лахъ оному продолженію чаемъ къ концу своему пріити, ... принуждены здѣшніе господа будутъ брать резолюцію—или ...у, или миръ. Есть нѣкоторый видъ,—не токмо Англія миръ ...тикулярно учинить намѣрена, но всѣ чаянія того, что по ...дложеніямъ своей медіаціи, которая никогда принята не ...детъ, войну здѣшнимъ декляруетъ. Для чего такія трудности ...несходность къ миру у здѣшнихъ съ Англіею находятся? Для ...о,—Англія плянъ мира объявила; а [какъ] вы уже извѣстны, ...шніе усматриваютъ, что Англія не токмо войну желаетъ пре...тить, но ищетъ Францію въ прежнюю силу возставить для ...о, что чрезъ ту силу принца Галлиса на королевство воз...вить и повелительства голландскаго свободится.

Статы требуютъ мира такого, чтобы Каталонія съ полови...о другихъ провинцій всей Гишпаніи и половина Индіи и съ ...енденціями Италіи [была уступлена] дому аустрійскому, а ...гая половина Филиппу.

Смотри, какое время—желаемое намъ исполнить и обяза...льство союза съ здѣшними учинить; могу сказать, или ны..., или никогда. Но нѣкакій развѣ секретъ къ сему не допу...етъ, который моему разсужденію непонятенъ есть. Что же ...у разсудить, при семъ объявляю: здѣшнихъ слабость ви...ся отъ несогласія сѣверныхъ аліатовъ, что каждый партику-

лярнаго нынѣ интереса ищетъ, ниже́ общаго, или помогать н шему. Но могу сказать, что, испустя нынѣ благополучное вр мя, наконецъ, оба обманутся.

Конецъ невидимый прогрессовъ сей кампаніи многія пр мѣны въ дѣлѣхъ сѣверныхъ являетъ. Но здѣшніе, бывъ слабости, желали бы пристать къ пользующимъ, нежели тѣмъ, какъ впредь чающимъ немощь.

Многому разсужденію придаетъ удержаніе долгое непріяте въ Бендерѣ и его проходъ чрезъ Польшу.

Англія, учиня миръ,—разсуждаютъ,—что́ бы могла дѣлать?- Франціи помогать и шведа въ прежнюю силу возставить. То для, усматривая, здѣсь чаютъ лучше неутральными себя къ с верной войнѣ явить, нежели съ тою или другою стороною со зомъ обязаться.

Всѣ помянутыя причины не воспретили бы здѣшнимъ нами въ союзъ вступить, ежели бы видѣли согласіе союзны сѣверныхъ; чего для при нынѣшнемъ случаѣ польскій и да скій каналы нашему дѣлу могутъ быть чрезъ свои войска, к торыя на заплатѣ аглинской есть, но нынѣ чрезъ новый тр ктатъ здѣшніе принуждены будутъ брать, а паче всего желаю вѣдать нашихъ запросовъ. Я быть разсуждаю безотвѣтныхъ наши предложенія по се число тѣхъ ради причинъ, ежели б демъ запрашивать всего того, то лучше начинать не хотятъ.

Топерь, ежели бы кто мнѣ сказалъ, что я о всѣхъ тѣхъ н мѣреніяхъ свѣдомъ и по состоянію дѣлъ могъ бы кондиц премѣнить,—могу сказать, что несвѣдомъ. И ежели бы нын учиня здѣсь намъ отвѣтъ, попросили проектовъ, я бы въ ко фузію пришелъ, какимъ образомъ написать, чего для въ и струкціи упомянулося токмо о помощныхъ войскахъ. И то- обыкновенная отдача войскъ, а не трактатъ аліанса, которы при нынѣшнихъ случаяхъ обѣимъ странамъ нужнымъ есть, в которомъ кондиціи по претензіямъ бо́льшія могутъ быть, нежел въ трактатѣ о помощныхъ войскахъ.

И въ нынѣшнихъ случаяхъ для премѣнъ частыхъ въ д лѣхъ ко всѣмъ новыми инструкціи подтвержаютъ. Такъ равн

къ намъ надлежало бы частыя инструкціи присылать, разсуждая къ своему интересу изъ доношенія при чужестранныхъ дворѣхъ всѣхъ министровъ также кондиціи заранѣе постановить, и многими примѣрами, не однимъ; и ежели бы не могли всѣхъ войскъ на своей заплатѣ имѣть, кромѣ фуража, провіанта и квартиръ, то нѣкоторую часть на своей заплатѣ обѣщать, усмотря, есть ли то сходно съ интересомъ.

Для чего такъ заранѣе надобно знать? Для того всѣ тѣ намѣренія двора надобно заранѣе знать и по тому здѣсь третьею особою постороннею давать знать, чтобы тѣмъ охотнѣе здѣшнихъ въ дѣло приводить.

Ежели желать въ семъ дѣлѣ окончанія добраго, паче всего приводить въ согласіе своихъ аліатовъ: чрезъ то согласіе помышляемое можно получить, чего для здѣсь въ нихъ больше нужды имѣютъ для ихъ войскъ, которыя въ службѣ аліатской, нежели о другихъ.

940. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 1. Гага.

Министры аглинскіе съ Статы имѣли по два дня конференціи, въ которыхъ ничего, кромѣ принятія армистиціи, не предлагали. Но изъ всѣхъ тѣхъ конференцій, чтó нужно къ вѣдѣнію, доношу.

Милордъ Страффордъ объявилъ имъ, чтобъ была резолюція о принятіи армистиціи принята въ двои сутки; притомъ многіе въ противныхъ терминахъ одни другимъ отвѣтствовали. Потомъ Страффордъ сказалъ, что они, Статы, намѣрены продолжать войну, и въ какое намѣреніе, о томъ королевѣ извѣстно. Но именемъ ея объявляетъ, что она весьма намѣрена миръ учинить, не смотря ни на чьи къ тому помѣшательства; и подтвердилъ, чтобъ они, Статы, не продолжая времени, армистицію принимали, а ежели не примутъ, принуждена королева будетъ примать иныя мѣры.

Статы, съ своей стороны, объявляли, что они безъ при-
щенія провинціямъ того учинить не могутъ и безъ согла-
всѣхъ аліатовъ, и требовали отъ него, Страффорда, вѣд-
причину, чего для Англія ускоряетъ армистиціею. На то с-
залъ имъ явно, что они въ продолженіи безъ армисти-
опасны, чтобы войска аліатскія противъ непріятеля аванта-
не имѣли; а чрезъ то весь проектъ у нихъ, агличанъ,
Франціею можетъ нарушенъ быть, какъ и нынѣшнимъ взяті-
города Кенау уже немалое несходство есть. На конецъ в-
того милордъ Страффордъ, не учиня того, отъѣхалъ въ ар-
въ Брабантъ, а они, Статы, взяли резолюцію требовать
провинцій ихъ мнѣнія. Но голландская провинція взяла р-
люцію армистиціи не принимать, прежде нежели Франція
объявленныя ихъ кондиціи къ тому себя не объявитъ, так-
плянъ о мирѣ къ интересамъ ихъ не изобразитъ; къ тому
и безъ согласія всѣхъ аліатовъ не примать, также и для о-
деженія дать имъ нѣкоторыя мѣста, какъ и Дюнкирхенъ о-
щанъ Англіи. Сей резолюціи равно, чаемъ, будутъ послѣдст-
вать и другія всѣ.

Между тѣмъ, какъ здѣсь конференціи у аглинскихъ
нистровъ были съ Статы, послали указъ принцу Евжен-
отлучась отъ дука д'Ормонда, дать баталію. И на сихъ дн-
ожидаемъ вѣдомости, чтó изъ того можетъ быть.

Отъѣздъ милорда Страффорда,—впервыхъ, чтобы во-
ауксиліарныя при командѣ дука д'Ормонда содержать и о-
съ ними отъ аліатскихъ ретироваться; притомъ же буде
искать случая, чтобъ имѣть ему конференцію съ министр-
французскими, которымъ начаются уже въ Камбре, объ ус-
новленіи, какимъ бы образомъ могли армистицію между А-
гліею и Франціею постановить и въ Дюнкирхенъ гварнизо-
аглинскій ввести. Сіе дѣло придаетъ не что иное знать, ток-
партикулярный миръ у Англіи съ Франціею. Но, по отъѣз-
его, милорда Страффорда, здѣсь вновь ничего не явилося.

Министры прусскіе декляровали, что войска короля ихъ х-
и на заплатѣ аглинской, однакоже весьма принуждены бы

ри арміи алiатской, чего для отлучиться интересы общіе им-
еріи не позволяютъ; также и другіе всѣ сему же послѣдствуютъ.
Что же принадлежитъ къ нашимъ интересамъ, я ни отъ
ого отвѣта по се число къ себѣ не имѣлъ; а съ нашей сто-
оны о томъ при нынѣшнихъ случаяхъ не упускается.
Указъ адмиралтейству каковъ данъ, чтобы подъ конвоемъ въ
идъ никакихъ кораблей, ни подданныхъ голландскихъ, кото-
е будутъ въ Ливонію торговать, не брать (и тѣмъ вся та
мерція пресѣклася), о семъ, чаю, уже агентъ изъ Амстер-
а до вашего превосходительства писалъ.
И сего утра съ ратпенсіонаріемъ говорили, чтобы конвою
режнему до Зунда провожать позволено было. Притомъ
ъ разсуждалъ, что то сдѣлано для того, что шведы хотятъ
хъ флотъ визитовать, и, убѣгая отъ такихъ ссоръ, для того
миралтейство такимъ образомъ учинило; и обѣщалъ о томъ
ъ собраніи говорить и впредь отвѣтствовать. Притомъ же онъ
казалъ, что увѣдомился чрезъ корришпонденцію о королѣ швед-
скомъ, который намѣренъ еще іюль мѣсяцъ въ Бендерѣ про-
ить, для того смотрѣть будетъ, ежели по трактату все со сто-
оны его царскаго величества содержано будетъ.
Сего утра датскій и польскій позваны въ конференцію,—
ля чего, еще не могу вѣдать; на предбудущей буду писать.
Я опасенъ, чтобы намѣреніе датское къ бременской провин-
ціи помѣшано не было, что уже цесарскіе министры къ сему
стъ первымъ инструментомъ.

941. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 4. Гага.

Союзничьи министры цесарскіе,—прусскій, ганноверскій,
алатинскій,—были позваны въ конференцію съ депутаты стат-
скими, и желали отъ нихъ вѣдать намѣренія ихъ при нынѣш-
нихъ конжюктурахъ о тѣхъ трупахъ, которые на заплатѣ аглин-
ской. И на то цесарскіе къ прежнимъ своимъ проектомъ уже

информе объявили, что цесарь для содержанія тѣхъ войс: обѣщаетъ Статомъ въ помочь 900 тысячъ гульденовъ, толь для содержанія сей кампаніи на четыре мѣсяца; къ тому-з иныя многія обѣщанія дѣлали къ продолженію войны. А на бóльшій пунктъ изъ тѣхъ, что цесарь хочетъ третьею части помогать въ Гишпаніи, а чаютъ, на половинѣ сойдутся. Пру скій къ прежнему своему объявленію обѣщаетъ въ предбудущ кампанію отозванные 9 баталіоновъ возвратить и на сво заплатѣ ихъ содержать. Палатинскій и ганноверскій всѣ св трупы на своей заплатѣ обѣщали содержать, токмо просят чтобы заслуженныя деньги, когда Англія платить не будет имъ были заплачены.

Сія сходность аліатовъ многую охоту придаетъ здѣшни къ продолженію войны.

Потомъ, на другой день, позваны были въ конференцію м нистры нашихъ союзниковъ,—польскіе и датскій,—которымъ і такихъ же терминахъ предложено, чтобъ о тѣхъ трупахъ, к торые на заплатѣ аглинской они имѣютъ, объявили свое мн ніе; но помянутые министры требовали отъ нихъ, депутатов прежде вѣдать ихъ мнѣнія.

По многихъ спорахъ, кому напередъ мнѣніе свое объ влять, министръ датскій объявилъ,—хотя онъ еще отъ дво своего указа никакого не имѣетъ, токмо надѣется, что коро его въ тѣхъ войскахъ всякую склонность покажетъ; токмо еже Статы съ своими союзники за то взаимно королю его и е высокимъ союзникомъ въ сѣверной войнѣ къ интересамъ и полезное обѣщаютъ и трактатомъ обяжутся, также и заслуже ныя деньги, которыя ежели отъ Англіи удержаны будутъ, з платятъ. На что ему депутаты за намѣреніе доброе благод рили и сказали, что они не оставятъ приложить своего труд чтобы сѣвернымъ воюющимъ учинить миръ постоянный и тверды

Потомъ г. Альфельдъ говорилъ, что можетъ ихъ обн дежить о союзныхъ его короля, что есть въ добромъ н мѣреніи къ интересомъ ихъ, статскимъ, и въ состояніи себя н ходятъ довольное число помощныхъ войскъ здѣшнимъ аліатом

службу дать съ добрыми кондиціи. На что ему сказалъ изъ
ъ депутатовъ грефій Фагель, что они о такомъ добромъ
ѣреніи союзныхъ сѣверныхъ уже извѣстны и взаимно къ
пересомъ ихъ, аліатовъ сѣверныхъ, намѣрены во всемъ пре-
регать.

При тѣхъ же разговорѣхъ онъ, министръ датскій, имъ объ-
лъ, какая опасность есть въ семъ дѣлѣ его королю изъ
зараціи статскаго секретарія, учиненной именемъ королеви-
ъ, о которой уже имъ извѣстно, что скорѣе всѣхъ моремъ
Англіи можетъ непріятельство быть показано; того для ко-
ъ его нынѣ прежде пожелаетъ отъ нихъ, Статовъ, безопас-
и при такихъ случаяхъ. И потомъ взялъ о всемъ на доно-
іе своему двору и впредь намѣреніе короля своего обѣщалъ
ъ сообщить.

Министры польскіе разговоръ имѣли почитай равно тому.
мо графъ Вертернъ сказалъ, что онъ не можетъ за вѣрно
ъ, депутатовъ, обнадежить, ежели король его сей кампаніи мо-
ъ войскъ къ продолженію войны прибавочныхъ что дать; но
предбудущую кампанію надѣется быть въ состояніи обще
юзнымъ сѣвернымъ нарочитое корпо войскъ помощныхъ дать.
то сказалъ ратпенсіонарій, что оныхъ въ состояніи та-
ъ они находятъ, но желалъ вѣдать, на чьей бы платѣ со-
жаны быть могли, предъявляя свою невозможность. На то
нутый графъ ему сказалъ, что, смотря по прибыльнымъ
диціямъ учиненнаго трактата, можетъ быть, нѣкоторое число
а своей платѣ будутъ содержать. И потомъ взялъ на доно-
ніе двору и впредь мнѣніе короля своего обѣщалъ сообщить.

И того же дня помянутые министры, датскій и польскій
афъ Вертернъ, мнѣ о всемъ томъ сообщали и притомъ ска-
ли, что они въ семъ дѣлѣ будутъ все съ общаго согласія дѣ-
ъ и къ интересамъ престерегать. А польскій особливе ска-
ъ, что онъ имѣетъ указъ нарочно отъ короля своего общимъ
гласіемъ въ семъ дѣлѣ поступить, и просилъ, чтобы такъ об-
тельно двору своему я донесъ. То топерь до вашего пре-
сходительства пишу.

Я обоимъ имъ предлагалъ,—когда будутъ впредь въ конф ренцію позваны, или отвѣтъ будутъ чинить и мнѣніе на вып помянутое предложеніе дворовъ своихъ объявлять,—чтобъ из депутатамъ, говорили, что они по обязанію своего союза царскимъ величествомъ должны съ общаго совѣта во всемъ то поступать; и того для желаютъ, чтобъ они на извѣстное пр ложеніе министровъ его царскаго величества свое мнѣніе об явили и обще съ ними въ то дѣло вступили. И на то мнѣ об щали такимъ образомъ говорить.

Изъ всѣхъ тѣхъ вышепомянутыхъ конференцій съ минис союзничьи еще неможно знать здѣшнихъ намѣренія, ежели вой продолжать будутъ; токмо вышепомянутымъ образомъ про учинена.

Я разсуждаю своей повинности быть все доносить, чтó м говорено. По тѣхъ разговорѣхъ наединѣ помянутый минист датскій мнѣ говорилъ, что онъ недавно имѣлъ случай говор изъ первыхъ персонъ здѣшнихъ, и усматриваетъ изъ словъ и немалую трудность, наивпервыхъ, о вступленіи съ нами трактатъ изъ нашихъ запросовъ, т.-е. о гварантіи всѣхъ воеванныхъ мѣстъ,—что помянутые Статы, разсуждая съ ни какъ онъ могъ признать, неохотны являются къ удержанію вс Ливоніи; и сказалъ: натурально, что они разсуждаютъ весь къ предосужденію своей коммерціи. На то имъ онъ объявил что прошлаго года нѣкоторыми предложеніи, или деклараціе отъ двора его царскаго величества было объявлено о Ливо въ нѣкоторыхъ терминахъ, которые-бъ имъ, Статомъ, прот ны не могли быть. Но тѣ слова проходили между нами за сл вомъ, какъ между пріятели, и я отъ него не прималъ то доношеніе ко двору; также и онъ объявлялъ то мнѣ токмо д знанія, въ какомъ мнѣніи здѣшніе господа о семъ находят Притомъ я, съ своей стороны, ему говорилъ, что его ц ское величество отъ турецкой войны и понесенныхъ велик убытковъ не можетъ находиться о томъ дѣлѣ въ прежнемъ с емъ намѣреніи безъ излишняго предъ прежнимъ отъ непріят награжденія.

Изъ сего изволите видѣть, что сіе за начало принять мож-новыхъ трактатовъ между аліаты нашими и здѣшними, чрезъ который каналъ надѣялся бы и намъ по предложеніемъ своимъ ступить. Того для я чаялъ бы, что изволите новыми инструк-ціями о всемъ обстоятельно опредѣлить, чтобы заранѣе свѣдо-мымъ намъ быть, для того что прежнія инструкціи не могутъ быть на всякое время дѣйствительны, а особливе при нынѣш-нихъ частыхъ премѣнахъ въ дѣлахъ здѣшнихъ.

Въ инструкціи прежней явлено, чтобы нѣкоторое число войскъ помощныхъ аліатомъ здѣшнимъ въ службу отдать,—и тотъ трак-татъ не можетъ причесться за трактатъ аліанса, по которому другъ другу взаимно интересы свои могли престерегать; также и о другихъ дѣлѣхъ, о которыхъ сами изволите разсудить изъ разговоровъ вышепомянутыхъ министровъ съ депутаты статскими, къ чему бы должно заранѣе мѣры свои взять.

Изъ Брабанта еще никакихъ вѣдомостей не получили, токмо армія не маршируетъ, но ожидали пріѣзда милорда Страф-форда.

942. Графъ Г. И. Головкинъ—А. А. Матвѣеву.

1712 г. іюля 7. Кенигсбергъ.

По доношенію вашему, о чемъ надлежало, царскому вели-честву я докладывалъ, и по указу его величества симъ отвѣт-ствую. Что министръ курфюрста ганноверскаго баронъ Бот-маръ, именемъ своего курфюрста, вамъ предлагалъ о дружбѣ и взаимной пересылкѣ того курфюрста съ царскимъ величествомъ, и что по даннымъ отъ него указомъ министры его, при цесар-скомъ дворѣ сущіе, ищутъ цесаря привести съ его царскимъ величествомъ въ аліанцію, и уже цесарь объявилъ себя къ тому склонна,—и за сіе имѣете ваша милость отъ страны его царскаго величества ему, курфюрсту ганноверскому, чрезъ того министра его барона Ботмара благодарить и обнадежить, что взаимно тому его царское величество, съ своей стороны,

въ интересахъ его курфюрстской свѣтлости никогда не ос
витъ всякія склонности чинить.

Что же принадлежитъ о желаніи цесарскомъ, дабы ц
ское величество то предпріятое о союзѣ трактованіе изво
поручить природному царскаго величества министру, понеже
барономъ Урбихомъ невозможно въ то дѣло вступать,
именно, [чтобы] представили къ тому г. князя Куракина,
то о семъ такожде писалъ сюда изъ Ганновера послані
г. баронъ Шлейницъ.

А понеже уже до полученія такихъ отъ министровъ
новерскихъ предложеній посланъ ко двору цесарскаго вел
ства г. Нарышкинъ, съ объявленіемъ цесарю о его царс
величества дружбѣ и о склонности къ вступленію въ ближай
союзъ съ дворомъ аустрійскимъ, и хотя притомъ съ нимъ
посланы о трактованіи того дѣла къ барону Урбиху довол
инструкціи и полномочная,—однакожъ, ежели онъ усмотритъ
дворѣ цесарскомъ, что оный недоволенъ барономъ Урбихо
и, въ такомъ случаѣ, велѣно ему, г. Нарышкину, предложи
дабы для трактованія того дѣла присланъ былъ отъ двора
сарскаго ко двору царскаго величества, а именно—при нын
немъ случаѣ по близости въ Померанію,—министръ его цес
скаго величества съ полною мочью, съ которымъ найлу
возможно будетъ трактовать и постановить. Того ради н
его царское величество указалъ мнѣ къ вамъ и къ бар
Шлейницу писать, дабы вы министрамъ ганноверскимъ тако
предложили, что когда цесарь не изволитъ того дѣла чрезъ
рона Урбиха трактовать повелѣть, то изволилъ бы отъ с
прислать министра съ полною мочью ко двору его царск
величества и съ тѣмъ бы о томъ трактовать и постанови
а г. князя Куракина бытность въ Голландіи для нынѣшн
конжюктуръ его величеству потребна, и отлучить его н
оттуда немочно. И о семъ такожде и г. Нарышкину писа

По желанію вашему объявляю, что на постановленные
давно въ Царьградѣ мирные подтвердительные договоры ме
его царскимъ величествомъ и салтаномъ турскимъ, о котор

ъ, по письму вице-канцлера г. барона Шафирова, по-
нно извѣстно, ратификація отъ его царскаго величества г.
ону Шафирову и г. графу Шереметеву послана, [а так-
и] характеръ полномочныхъ пословъ. А съ тою ратификаціею
съ вѣрющею тѣмъ грамотою съ Москвы поѣхалъ Аврамъ
доровичъ Лопухинъ.

О померанскихъ дѣйствахъ, надѣюся, что ваша милость по
ости и по имѣющей корреспонденціи съ г. фельдмаршаломъ
омъ Меншиковымъ извѣстны. Однакожъ и я вамъ со-
ю, что уже послѣднія войска царскаго величества подъ
дою генерала князя Репнина, туда опредѣленныя, въ
нь пришли, и на сихъ дняхъ надѣемся въ Помераніи
ъ.

Я такожъ уповаю, что вашей милости было слышно о всту-
іи въ Польшу писаря коронного Потоцкаго и регимента-
Грудинскаго, посланнаго отъ короля свейскаго и воево-
кіевскаго, съ войски польскими, между которыми такожъ
и воры-запорожцы, волохи и нѣсколько шведовъ, и что
е нечаянно напали и разбили нашъ Кіевскій драгунскій
ъ. Но потомъ генералъ-лейтенантъ г. князь Долгору-
й съ партіею нашихъ войскъ, состоящей въ 2500 чело-
ъ, ходилъ на тѣхъ партизановъ свейскихъ; іюня 15-го,
нашелъ ихъ у мѣстечка Загоры въ 15000 человѣкъ и
тихъ изъ нихъ побилъ; прочіе же, оставя багажъ побѣжали,
Калишу, гдѣ стоялъ посланный отъ гетмана коронного ре-
ентарь Брюховской съ войски коронными, которому тамо
ьскія хоронгви сдались, а запорожцевъ и волохъ, и шве-
ъ многихъ побили, а иные разбѣжались же. И при первой
іи Кіевскаго полка офицеры и драгуны многіе, бывшіе у
ъ въ полонѣ, отбиты. И по той счастливой акціи вышере-
ный князь Долгорукій такожде пошелъ въ Померанію.

Царское величество сего числа прибылъ счастливо въ Ке-
сбергъ и отсюда чрезъ Эльбингъ изволитъ путь свой въ По-
анію отправлять, и сего же числа походъ свой отсюда
пріиметъ.

Хотя изъ многихъ вашихъ реляцій видимо, что ваша 1 лость въ дѣлѣхъ общихъ интересовъ съ министры союзнико его царскаго величества, ихъ величествъ королей датскаго и по скаго, всегда имѣете согласіе и отправляете общими совѣты, однакоже короля датскаго секретарь г. Фалькъ проси здѣсь, дабы къ вашей милости еще о томъ указомъ (величества подтвердить, и притомъ пріобщилъ копію съ 1 сланнаго отъ короля его къ министру, въ Гагѣ пребывающе указа, съ котораго переводъ здѣсь прилагается *). И поне царскаго величества интересъ того требуетъ, дабы въ общи интересахъ по союзу, постановленному между всѣми высоки союзники, министрамъ ихъ сообщаться и общіе совѣты имѣть, того ради изволите вы въ такихъ случаяхъ съ датскими польскими министры согласно и общими совѣты поступать, ка о томъ и прежъ сего его царскаго величества указомъ къ ва многократно писано; однакоже надлежитъ притомъ имѣть вс кую осторожность къ своей безопасности по вашему ра смотрѣнію.

943. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. іюля 7. Съ яхты отъ Кенигсберга.

Изъ письма милости вашей, отъ 6-го дня прошедшаго іюн усмотрѣлъ я, что вашей милости не будетъ пріятно, еж ли бы вамъ быть при дворѣ цесарскомъ. И хотя я проше шаго іюня 29-го дня по указу царскаго величества писал что когда вы получите вѣдомость о пріѣздѣ цесаря въ Фран фортъ, тогда прибыть вамъ ко двору царскаго величества, однакожъ, извольте, ваша милость, быть свѣдомы, что то вамъ ко двору позывъ не для того, чтобы васъ употреби при дворѣ цесарскомъ; но когда цесарь прибудетъ въ Фран фортъ, тогда его царское величество хочетъ васъ послать 1 Франкфортъ къ цесарю на малое время только для обнад

*) Помянутаго приложенія въ подлинномъ томѣ нѣтъ. Ред.

нія цесаря о доброй своей склонности и дружбѣ. А для
говованія объ извѣстномъ дѣлѣ требуется присылка цесарскаго
нистра къ нашему двору, какъ изволите изъ письма моего
г. послу Матвѣеву подлиннѣе усмотрѣть. И понеже осо-
о къ вамъ о томъ писать не успѣли, того ради изволите съ
о его письма взять себѣ копію.

944. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 8. Гага.

Изъ Брабанта получена вѣдомость: принцъ Евженій со
арміею аліатскою и со всѣми тѣми трупы, которые на
атѣ аглинской были, маршируетъ осаживать Ландресы;
дукъ д'Ормондъ съ аглинскою арміею (и при немъ оста-
только изъ помощныхъ войскъ 2 баталіона голштейнскихъ)
шируетъ къ Кипру провинціями французскими и оттуль бу-
проениматься къ Дюнкирхену, откуль разсуждаютъ тран-
рту быть всѣхъ тѣхъ войскъ въ Англію.

По полученіи вчерась сихъ здѣсь новинъ, Статы министрамъ
тскимъ сообщали и заплату тѣхъ войскъ, которыя съ ними
чилися, выдавать велѣли.

Здѣсь разсужденіе къ сему дѣлу многихъ, что бы могло
лѣдствовать.

Англія, принявъ Дюнкирхенъ, какъ учитаютъ, что уже сего
отданъ, объявитъ миръ съ Франціею партикулярный, а
омъ предложитъ свою аліатомъ медіацію. И ежели не при-
ъ, то уже довольно о семъ надобно разсуждать, чтó бы
ло послѣдствовать.

По-завтрее будетъ здѣсь Статовъ Голландскихъ собраніе, и
утъ брать резолюцію на нынѣшнія дѣла. И правда, всѣ
винціи уже согласны, кромѣ голландской, продолжать войну.
и при вышепомянутомъ собраніи не чаютъ, чтобы декларо-
явно о продолженіи и французскихъ министровъ изъ Ут-
хта отлучили; но будутъ по своимъ обыкновеннымъ тихимъ

и нескорымъ поступкамъ безъ всякой декляраціи кампанію пр должать, а между тѣмъ съ Франціею трактовать, гдѣ и А глія станетъ труды свои прилагать. И, хотя съ продолженіем больше чаютъ по состоянію всѣхъ дѣлъ, что Франція всѣ аліатовъ удовольствуетъ, токмо же не Каталоніею, и ми безъ разъѣзда утрехтскаго собранія учинитъ.

Что же о продолженіи, по всѣмъ обстоятельствомъ ны здѣшнихъ дѣлъ многіе чаютъ,—продолжится до зимы и далѣ

Я чаю, какое предложеніе учинилъ г. баронъ Урби при цесарскомъ дворѣ, вашему превосходительству уже из стно,—что обѣщалъ цесарю и аліатомъ помощныхъ войс царскаго величества безъ субсидій и на своей заплатѣ 20 т сячъ, токмо квартиры и провіантъ аліатскій. И ежели та намѣреніе весьма есть, я бы чаялъ нѣкоторую часть и здѣ предложить, токмо сперва довольно пять тысячъ объявить своей заплатѣ, и тѣмъ здѣшнимъ бо́льшую охоту къ вступле съ нами въ ту негоціацію придать. А чтобы такое число ве кое обѣщать, не чаю, чтобы могли выдержать, разсуждая здѣшнимъ краемъ; также хотя-бъ и возможно было, но пре нежели обѣщаютъ что въ нашъ интересъ явно и вступя въ самую негоціацію, не надлежитъ всего нашего намѣре объявлять.

Мы здѣсь, по полученіи такой вѣдомости, ожидаемъ н престанно, чтобы намъ цесарскіе министры о вышепомянуто дѣлѣ что начали говорить, но по се число еще не слыха И ежели уже нынѣ по такому предложенію тотъ дворъ въ дѣло не вступитъ, то явно покажетъ, какую склонно имѣетъ къ интересамъ его царскаго величества, что и напр упованіе малое надобно имѣть.

Министры польскій и датскій на сихъ дняхъ будутъ имѣ конференцію съ депутаты статскими, при которой и о наше интересѣ будутъ упоминать.

О конвоѣ кораблей торговыхъ въ Ливонію, чаю, буде г. Матвѣевъ писать, для того что онъ сей день видѣ съ ратпенсіонаріемъ.

945. Князь Б. И. Куракинъ — кн. Ѳ. Ю. Ромодановскому.

1712 г. іюля 19. Гага.

Одиночество мое понудило васъ, мой государь, просить о протекціи мнѣ и оставшимъ моимъ въ отечествѣ; того для, надѣюся, по обыкновенной своей женерозитѐ ко многимъ, оною же частію и на сіе мое прошеніе милость свою покажете и убѣжище свободное домовнымъ моимъ учинить повелите.

Взаимно сему, хотя не есть въ состояніи, но ежели бы возмогъ, паче властнаго моего интереса принужденъ былъ и вамъ, мой государь, и всему дому вашему мои услуги показать.

Приписка: „Таково письмо послано также къ князю Петру Алексѣевичу Голицыну“.

946. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. іюля 25. Гага.

Письмо, отъ № 24-го, вашего превосходительства получилъ и въ путь свой завтрее съ поспѣшеніемъ отъѣзжаю.

Сего дня, бывъ у ратпенсіонарія, объявлялъ ему о своемъ отъѣздѣ и притомъ требовалъ рѣшенія на наши предложенія, и что о тѣхъ дѣлѣхъ въ тѣхъ разговорѣхъ было, о томъ по пріѣздѣ самъ словесно донесу.

А что принадлежитъ о свободномъ коммерціи въ Ригу и другія мѣста, и на то мнѣ объявилъ,—за словомъ, чтобы до времени содержать секретно,—что завтрашній день Статы резолюцію возьмутъ для безопасности ихъ коммерціи въ Балтическомъ морѣ посылать конвой,—и сказалъ мнѣ,—ажъ до самой Риги. А нынѣ отсель тотъ конвой въ первый путь свой пойдетъ подъ видомъ до Копенгагена, а оттуль нечаянно и далѣе. И того для тайно до времени содержать упоминалъ.

947. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. іюля 27. Изъ обоза при Штетинѣ.

Я уповаю, что сіе мое письмо еще васъ въ Голландіи застанетъ, и для того изволите ваша милость по посланному при сей почтѣ указу, за приписаніемъ собственныя его величества руки, который включенъ въ письмѣ г. посла Матвѣева, предложеніе Господамъ Статамъ учинить обще съ нимъ, г. посломъ Матвѣевымъ, и, получа на то резолюцію, указалъ царское величество вамъ съ оною сюда къ себѣ быть на почтѣ. Ежели-жъ они, Господа Статы, будутъ тою резолюціею медлить, то извольте, и не взявъ той резолюціи, сюда пріѣзжать. И можетъ тоё резолюцію г. посолъ Матвѣевъ, и по отъѣздѣ вашемъ принявъ, сюда ко двору царскаго величества прислать.

948. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. октября 13. Карлсбадъ.

Объявляю милости вашей, что его царское величество изволилъ прибыть сюда въ 8-ой день сего мѣсяца и, при помощи Господней, началъ пользоваться здѣшними водами. Дай, Боже, во здравіе. И указалъ мнѣ его величество къ милости вашей писать: когда будетъ генеральный миръ у соединенныхъ съ Франціею послѣдовать вскорѣ, и тогда ваша милость трудились бы въ службу его царскаго величества принять изъ генераловъ-поручиковъ или изъ генераловъ-майоровъ добрыхъ и искусныхъ въ воинскихъ дѣлѣхъ людей. А кого пріищете, о томъ извольте писать, на какомъ жалованьи въ службѣ его величества они похотятъ быть; и изволь нынѣ заранѣе о нихъ провѣдывать отъ постороннихъ, кто искуснѣе.

Къ г. посланнику Литу изволь, ваша милость, отписать, обнадежа его, что, конечно, когда счетъ его я получу съ

Москвы, то трудиться буду по оному о заплатѣ ему. А жалованье, уповаю, уже съ Москвы къ нему переведено, ибо не единократно о томъ отъ меня подтвержено. Такожъ и о присылкѣ иного кого на его мѣсто стараться будемъ, въ чемъ бы онъ былъ надеженъ и малое время потернѣлъ.

949. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. октября 17. Амстердамъ.

Въ проѣздѣ своемъ вчерась чрезъ Утрехтъ что могъ увѣдомиться о состояніи дѣлъ нынѣшнихъ, при семъ доношу.

Хотя Голландія городъ Лилль Франціи уступаетъ, но проситъ взаимно городъ Ипръ, Контей къ основанію своего барьера. Франція весьма тому противна есть, и обѣщаетъ городъ Ипръ Голландіи уступить, но взаимно проситъ отъ нихъ, голландцевъ, Турнэ. И то несходство Англія взяла на себя, и королева обнадежила Статы, что она надѣется Францію къ тому концу привести. И посему многіе разсужденія есть такого: ежели не учинится какого развращенія въ дѣлахъ въ Англіи,—къ чему уже видъ есть,—то больше надѣются, что на такомъ основаніи барьера, какъ Голландія требуетъ, миръ учиненъ будетъ. Есть же другіе мнѣнія противно сему разсужденію,—что оная Голландія при начинаніи нынѣшняго парламента являетъ нарочно къ миру свою склонность, чтобы тѣмъ её, Англію, къ несогласію съ Франціею привести и показать непостоянство Франціи по счастливыхъ ея прогрессахъ нынѣшней кампаніи, [для того] что оная постановленныя свои кондиціи о барьерѣ съ нею, Англіею, не токмо нынѣ содержать не хочетъ, но еще во всемъ бóльшую амбицію кажетъ и отдачи Турнэ отъ голландцевъ требуетъ.

О начинаніи нѣкакихъ несогласій въ Англіи, чаю, уже донесено чрезъ г. Матвѣева прежними почты. И нынѣ больше о тѣхъ дѣлахъ не могу донести, токмо всѣ чужестранные министры на сей почтѣ оттуль къ себѣ никакихъ писемъ не полу-

чили, кромѣ одного бискупа бристольскаго; того для разсу[ж]ждаютъ быть тамъ нѣкакимъ новымъ дѣламъ и премѣнѣ.

Вечóръ видѣлся я съ министромъ польскимъ графомъ де Вертерномъ, и что принадлежитъ къ интересамъ сѣверно[й] войны, мнѣ сообщалъ, что онъ, графъ, получилъ нынѣ указ[ъ] отъ короля своего учинить здѣсь декляраціи, что король ег[о] заподлинно увѣдомился о намѣреніи шведскомъ, что оные хотятъ въ провинціи меклембургскія вступить, отчего можетъ общимъ интересамъ высокимъ союзнымъ учиниться [вредъ]. Тог[о] для разсудилъ король его за благо упредить тому злому намѣренію шведскому,—своими войсками въ тѣ провинціи меклембургскія вступить и удобные пасы къ вступленію отъ непріятел[я] принять. И такую декляраціи онъ, Вертернъ, на предбудущей недѣлѣ учинить хотѣлъ.

Я сему безмѣрно сходенъ явился, и разсуждаю быть к[ъ] лучшему, что такая декляраціи учинена отъ нихъ будетъ, [а] не отъ насъ. А впредь, ежели указомъ царскаго величеств[а] чтó будетъ повелѣно чинить, о томъ буду ожидать.

Онъ же, графъ, мнѣ объявилъ: графъ Цинцендорфъ, министръ цесарскій, ему сказалъ, что онъ указъ отъ цесар[я] получилъ предложить свою медіацію намъ информе.

Я, по прибытіи своемъ въ Амстердамъ, пробуду дней с[ъ] шесть для извѣстныхъ дѣлъ и потомъ поѣду въ Гагу, и п[о] пріѣздѣ своемъ о дѣлахъ впредь донесу.

950. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. октября 30. Карлсбадъ.

Письмо милости вашей, ко мнѣ писанное отъ 17 октябр[я] изъ Амстердама, я здѣсь еще первое получилъ и по оному ег[о] царскому величеству о всемъ доносилъ, на которое симъ моим[ъ] отвѣтствую.

Принадлежащее о меклембургской землѣ, которую реляцію по указу его королевскаго величества польскаго, министръ ег[о]

графъ де-Вертернъ имѣлъ учинить, его царское величество пріемлетъ за благо. И ежели случится, что будутъ о томъ и вашу милость спрашивать, то по тамошнему состоянію и по своему разсмотрѣнію можете тогда о томъ объявить противъ того же содержанія. А Шлейницъ на предложеніе свое, которое ему велѣно по указу предлагать мекленбургскому князю, съ отказомъ отъѣхалъ.

При семъ же въ извѣстіе вамъ объявляю. Г. Нарышкинъ предъ нѣсколькими днями сюда возвратился и объявилъ, что съ Урбихомъ извѣстнаго вамъ оборонительнаго союза, котораго проектъ ему данъ, дѣлать не хотятъ, а пришлютъ сюда графа Вильчека и ему дадутъ о томъ инструкцію, который послѣ его сюда пріѣхалъ и, бывъ на аудіенціи у его царскаго величества, поздравленіе отъ цесаря при поданіи грамоты отправилъ. И потомъ былъ со мною въ конференціи, на которой никакихъ предложеній не чинилъ, токмо о томъ проектѣ оборонительнаго союза говорилъ, что ему оный тамо не сообщенъ, а указано о томъ только выслушать и ко двору писать; однакоже не чаетъ онъ, чтобы прислана была къ нему полная мочь о трактованіи и заключеніи онаго, на что бы посланъ былъ кто отъ его царскаго величества къ его цесарскому величеству для заключенія онаго. И по указу его царскаго величества тотъ проектъ ему сообщенъ, чтобъ онъ послалъ ко двору и просилъ бы указа отъ двора, дабы могли съ нимъ объ ономъ здѣсь согласиться, а для заключенія онаго его царское величество потомъ уже къ его цесарскому величеству кого послать изволитъ, чтó онъ и учинилъ.

Изъ Константинополя имѣемъ письма отъ пословъ нашихъ, отъ 25 сентября, въ которыхъ пишутъ, что турки еще новыя претензіи всчинаютъ, дабы войскамъ его царскаго величества, обрѣтающимся въ Помераніи, не имѣть прохода чрезъ Польшу, когда возвращаться будутъ, и въ томъ просятъ обязательства отъ нихъ, пословъ; на что ему, царскому величеству, позволить весьма невозможно, о чемъ къ нимъ, посломъ, посланъ указъ,— не велѣно тѣмъ обнадеживать. А солохоръ, посланный отъ

Порты, отъ гетмана Синявскаго отправленъ изъ Львова, съ объявленіемъ тѣмъ отъ гетмана и отъ другихъ многихъ сенаторовъ, ему даннымъ, что войскъ его царскаго величества никакихъ нѣтъ въ Польшѣ, а далѣе ради осмотра оныхъ въ Польшу не ѣздилъ. И изъ сего чтó происходить будетъ, о томъ вскорѣ время покажетъ.

Его царское величество изволитъ отсюда идти сего мѣсяца въ 31-ый день въ Теплицы, а оттуда водою до Дрездена, гдѣ чаемъ, съ недѣлю побыть изволитъ.

Изъ Помераніи пишутъ, что генералъ Штенбокъ войска съ острова Рюгена переправляетъ и ставится у Стральзунда въ транжементѣ, а наши, укрѣпя линіи, стоятъ, куда и гвардія его царскаго величества приведена, и его королевское величество польскій еще тамо изволитъ обрѣтатися.

951. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. октября 31. Гага.

По пріѣздѣ своемъ въ Гагу, на другой день бывъ у рата пенсіонарія, объявилъ о резиденціи своей отъ его царскаго величества при Статахъ Генеральныхъ и притомъ со стороны его царскаго величества обнадеживалъ въ продолженіи доброй коррипонденціи и дружбы съ ихъ Господами Статы; на что обыкновенный комплиментъ учиня, имѣли разговоры партикулярныхъ дѣлъ, между которыми мнѣ объявилъ.

Вчерашняго дня Статы получили вѣдомость отъ посла своего изъ Константинополя, который пишетъ, что предъ отправленіемъ того письма позванъ къ великому везирю въ конференцію, гдѣ будетъ послѣдняя взята резолюція о высылкѣ какъ наискорѣе, короля шведскаго изъ Бендера; а о содержаніи всей той конференціи впредь обѣщалъ въ Статомъ доношеніе учинить.

Въ томъ же доношеніи своемъ къ Статомъ онъ, посолъ, писалъ, что его царское величество милостивно изволилъ удовольствовать письмомъ своимъ какъ къ нему, такъ и къ аглинскому министру, также и портретъ свой чрезъ министровъ его царскаго величества былъ ему объявленъ; на что онъ нынѣ отъ Статовъ проситъ позволенія то принять. И потомъ онъ, пенсіонарій, благодарилъ именемъ статскимъ за показанное такое награжденіе послу ихъ.

На другой день, бывъ у статскаго президента, отдалъ вѣрющую грамоту съ обыкновеннымъ поздравленіемъ и взаимно съ стороны ихъ также имѣлъ, и обыкновенные визиты и отъ иностранныхъ министровъ и отъ другихъ здѣсь первыхъ персонъ имѣлъ, и еще донынѣ продолжаются.

При свиданіи съ министры нашихъ аліатовъ, датскимъ и польскими, ничего о дѣлахъ нашихъ чрезвычайнаго не могъ вѣдать. Токмо вчерашній день, ввечеру, польскіе министры были позваны въ конференцію къ ратпенсіонарію съ министры цесарскими, которымъ объявили, что они трупамъ саксонскимъ, которые на заплатѣ аглинской были, платили до нынѣшняго ноября мѣсяца, а нынѣ съ сего мѣсяца платить не будутъ. Но графъ Вертернъ мнѣ объявилъ, что онъ имѣетъ указъ отъ короля своего оные трупы отозвать. А датскому и прусскому о нихъ же трупахъ никакого предложенія еще не учинено.

По указу каково предложеніе велѣно учинить о супружествѣ принцу Вильгельму гессенъ-кассельскому, и до моего пріѣзда сюда оный проѣхалъ въ Кассель. Того для я къ нему писалъ и желалъ вѣдать его намѣреніе, ежели онъ сей зимы прибудетъ въ Гагу, и когда прибудетъ, противъ указа ему предложу. Но слышалъ здѣсь, что онъ былъ въ намѣреніи изъ Касселя самъ прибыть къ его царскому величеству въ Карлсбадъ, или гдѣ въ иномъ мѣстѣ въ Саксонію.

Дѣла мирныя здѣсь въ тишинѣ состоятъ и будутъ до пріѣзда милорда Страффорда, котораго по недѣлѣ сюда чаютъ.

Здѣсь принцъ Евженій хотя и часто въ конференціяхъ бываетъ о пріуготовленіяхъ къ предбудущей кампаніи, но еще

никакой резолюціи Статы ему не объявляють. И помянут
принцъ на предбудущей недѣлѣ до Вѣны отъѣзжаеть и обѣща
возвратиться сюда въ шесть недѣль.

Министры цесарскіе, еще вновь свой проектъ учиня, м
нистромъ принцевъ имперскихъ роздали къ продолженію войн
какимъ образомъ должны всякій участокъ войскъ своихъ пос
вить, и всѣ обѣщають впредь отповѣдь учинить, но смотря
на подлинную резолюцію статскую.

Въ письмахъ аглинскихъ объявляють, что ко двору агли
скому ожидають изъ Гишпаніи отъ дука д'Анжу вскорѣ чр
курьера присланный актъ информе о ренунціаціи наслѣдс
короны французской, равнымъ же видомъ и отъ французск
двора; и по полученіи оныхъ, Англія намѣрена чрезъ милор
Страффорда объявить кондиціи мира письменно. И ежели к
не приметъ, то Англія, оставляя тѣхъ, миръ съ Франці
объявить. И при поворотѣ милорда Страффорда что въ се
учинится, буду смотрѣть.

Многіе здѣсь находятся того мнѣнія, будто Голландія у
во всемъ по предложенію Англіи сходна есть. Токмо тру
ность есть о барьерѣ, какъ я прежнимъ своимъ доносилъ, ч
она, Голландія, уступаетъ Франціи Лилль, а взаимно отъ н
проситъ Ипръ и Контей, и такимъ образомъ барьеръ св
хотятъ содержать, то-есть: Монсъ, Контей, Турнэ, или До
никъ, Ипръ, Асъ и Остендэ. Но Франція Ипръ за Лилль ус
паетъ, а Контей не отдаетъ; также еще проситъ возврат
Турнэ, и будто для сего одного мѣста всѣ сіи несходства
миру. Но, я чаю, все сіе—продолженіе времени, но труднос
есть большія, которыя намъ впредь окажутся.

Министры португальскіе съ французскими учинили догово
объ армистиціи на 4 мѣсяца, съ котораго переводъ *) при се
прилагаю. Сіе многимъ придало нѣкоторый видъ къ слабос
аліатской. Но въ скоромъ времени ожидаемъ того-жъ и о
савойской стороны.

*) Упомянутаго перевода въ Надеждинскомъ архивѣ не находится.

Р к

952. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 7. Гага.

Вчерашняго числа въ консиліи статскомъ опредѣлили указы ...ь о рекрутованьи войскъ, также и цѣлые регименты набрать, ...сто тѣхъ, которые сей кампаніи изъ трехъ гарнизоновъ ...ольниками учинены; сіе учинено по многимъ прилежностямъ ...ща Евженія. Однакожъ еще по се число подлинной резо...ціи Статы о пріуготовленіи къ предбудущей кампаніи не взяли, ...дая отвѣта изъ Англіи на учиненный свой мирный плянъ. Топерь доношу, въ какой ситуаціи нынѣ дѣла здѣшнія нахо...ся. Помянутаго пляна статскаго содержаніе каково есть, о томъ, ...о, изъ прежнихъ доношеній до меня извѣстно. Но бóльшая ...дность есть та: Франція проситъ возвратить Турнэ, а Контей ...запросамъ голландскимъ не уступаетъ, но уступаетъ Ипръ, ...сто Лилля, [для того] что уже объ уступкѣ того мѣста Гол...дія себя объявила. Но нынѣ изъ Англіи увѣдомились, что Фран... одного города Лилля отдачею со стороны голландцевъ удо...ена быть не можетъ и весьма проситъ Турнэ; но здѣшнимъ ...сподамъ сіе мѣсто такъ нужно, что барьеръ ихъ отвореннымъ ...етъ быть каждаго времени, и отъ внезапнаго входа непріятеля ...прежнемъ опасеніи будутъ.

И по всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ уже видится, что миръ ... продолженіе войны есть нынѣ въ рукахъ Франціи, а не ...ландіи, какъ съ начала сей негоціаціи медленность Статовъ ...шнихъ видѣли.

Здѣсь многихъ разсужденіе есть такое, что Франція о ...ѣ такой весьма нужды не имѣетъ, какъ Голландія. Но ... себя въ добромъ состояніи, и для своихъ счастливыхъ ...грессовъ нарочно ту въ претензіяхъ трудность чинитъ, про...жая время къ предбудущей кампаніи, гдѣ надѣется еще ...льшій свой авантажъ имѣть, знавъ несогласіе аліатское и ...бость, что не могутъ быть въ состояніи въ той силѣ, какъ

были. А ежели она, Францiя, не похочетъ продолжать время усмотря нѣчто въ свой интересъ, и оставитъ голландцомъ в барьеръ ихъ Турнэ, то миръ генерально со всѣми алiаты скор можетъ къ концу своему приведенъ быть. И будемъ на конец сего дѣла смотрѣть.

При поворотѣ милорда Страффорда изъ Англiи, ежел продолжаться будетъ, и министры французскiе до февраля от вѣта информе никакого не дадутъ, то больше чаянiя быть надобн о предбудущей кампанiи, нежели о заключенiи мира до весны

Что же принадлежитъ до Англiи, то оная хотя партикулярная мира и не объявитъ, но будетъ желать, чтобы всѣхъ алiатов обще замирить, и будетъ продолжать свою армистицiю до самаг конца мира.

Дукъ Мальбургъ получилъ позволенiе изъ Англiи отъ ѣхать въ имперiю и оттуль въ Италiю; но указъ ему данъ от двора, чтобъ ему въ пути своемъ не быть ни въ Голландiи ни при цесарскомъ дворѣ въ Вѣнѣ.

Министры польскiе въ порядочномъ со мною обхожденiи но слышу, что оные не безъ жалобы на насъ есть въ содер жанiи войскъ его царскаго величества въ Померанiи, будт король ихъ на великихъ своихъ иждивенiяхъ содержитъ. Ми нистръ датскiй есть со мною во всякомъ прiятельскомъ обхо жденiи, и о дѣлахъ обоихъ тѣхъ не имѣю что доносить; а чт трудятся, ищутъ способа о мирѣ, то уже старое намѣренi ихъ есть, но видятъ сами, что сiе есть бездѣйствительно з отлученiемъ и упрямствомъ бендерскаго жителя.

О войскахъ ихъ, польскихъ и датскихъ, которыя въ служб алiатской, еще никакого опредѣленiя нѣтъ.

Изъ Францiи здѣсь получена вѣдомость заподлинно, что ге нералъ шведскiй Шпаръ къ прежней дачѣ 200 тысячам ефимковъ еще получилъ 300 тысячъ ефимковъ отъ того двора которая сумма чрезъ Гамбургъ коммиссарамъ шведскимъ платит опредѣлена.

Съ министры цесарскими, также и ратпенсiонарiемъ съ прi ѣзда своего и по се число при многихъ свиданiяхъ довольные раз

ори имѣли о другихъ дѣлѣхъ, но о вступленіи въ аліансъ или помощныхъ войскахъ ничего въ словахъ не упоминаютъ, равъ же образомъ и я, съ своей стороны, въ молчаніи оставляю. Министръ датскій имѣлъ со мною конференцію, въ которой общалъ, въ отбытность мою, дѣлъ своихъ, и притомъ желалъ ать, въ какомъ состояніи при отъѣздѣ моемъ осталися дѣла Помераніи. И, межъ тѣми словами, говорилъ, что не смотря здѣшній аліатскій миръ или продолженіе войны, для того Англія весьма свободныя имѣть будетъ руки, отъ которой ую опасность намъ надобно имѣть, чтобы на весну своей дры противу короля его въ Балтическое море не послали; для надобно искать способъ къ своей безопасности, и не одитъ иного, токмо чтобъ его царское величество свою дру, какъ наивозможно сильную, вооружилъ, и съ флотомъ оля его совокупясь, могли бы безопасны быть отъ противныхъ ѣреній аглинскихъ, также и отъ другихъ. Притомъ же голъ: ежели его царское величество не вспоможетъ королю деньгами для вооруженія флота, не чаетъ, чтобы могли они ъ свой въ предбудущую кампанію поставить, развѣ ко нѣкоторую эскадру.

По указу, министра годнаго, чтобъ употребить къ аглинскодвору, пріискиваю, токмо въ краткомъ времени годнаго сыъ трудно. И ежели кого пріищу, буду впредь доносить.

953. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 10. Дрезденъ.

Его царское величество изволилъ прибыть сюда въ 6-ой сего мѣсяца и изволитъ идти въ армію свою, откуда емъ вѣдомость, что генералъ Штенбокъ, собравшись и ъ людей съ острова Рюгена и изъ Стральзунда, въ 15 тыхъ пошелъ въ мекленбургскую землю и намѣренъ взять изъ смара еще 2000, за которымъ его королевское величество ьскій съ войски своими и россійскими пошелъ, и уже вблизи

обѣ арміи межъ собою обрѣтались неподалеку отъ Рошток
А чтó учинится, время окажетъ. Дай, Боже, счастія.

Его царское величество, по желанію его королевскаго ве
личества польскаго, изволилъ пріобщить съ данныхъ указов
милости вашей и барону Урбиху силу оныхъ, съ чего пр
семъ посылаю списокъ. И изъ того изволите ваша милост
усмотрѣть, о чемъ сообщено и о чемъ не сообщено, проти
инструкціи, вамъ данной, по чему можете ваша милость п
ступать съ польскими и съ датскими министры, ибо о томъ
властно такъ пріобщить велѣно и его королевскому величест
датскому послу г. князю Долгорукову, и отправится ему
сихъ дняхъ. Въ прочемъ же изволите во всемъ поступать так
какъ въ инструкціи написано, а сіе токмо для извѣстія къ м
лости вашей посылаю.

Писалъ ваша милость къ его царскому величеству о пр
сылкѣ къ себѣ кредитива, о иманіи въ Голландіи въ заемъ д
негъ, который, какъ ваша милость извѣстенъ, у насъ дав
приготовленъ былъ; но понеже вы при отъѣздѣ своемъ и
Лейпцига ничего о томъ напоминать не изволили, того ра
тотъ тогда и не подписанъ. А когда нынѣ о томъ пишете,
такіе два кредитива, розными образцы написанные, за прип
саніемъ его царскаго величества, посылаются къ милости в
шей при письмѣ его величества.

954. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 11. Гага.

Третьяго дня министры датскій и польскій позваны бы
къ статскому собранію, которымъ чрезъ депутатовъ объявле
резолюція статская о дачѣ денегъ на рекруты и на лошади,
дабы они дали указы своимъ командирующимъ генераломъ, чт
бы рекрутованье солдатъ и покупка лошадей были управле
марта къ первымъ числамъ. Притомъ же оные министры г
ворили о половинѣ войскъ своихъ, которыя были на запла

нинской, дабы оныя были плачены такъ, какъ и другія; на о безъ всякаго определенія съ ними разошлись.

И потомъ польскіе министры мнѣ сообщили, что они конно дадутъ указъ маршировать въ Саксонію той половинѣ йскъ, которая на заплатѣ аглинской была, которыхъ учинитъ баталіоновъ и шесть шкадроновъ, для того что ни квартиръ ниихъ, ни субсидій на тѣ войска здѣсь имъ не даютъ. А скій о своихъ войскахъ мнѣ не объявилъ ничего и оставетъ ихъ впредь до указа отъ двора.

Министрамъ прусскому, палатинскому, ганноверскому равъ образомъ вышепомянутая резолюція отъ Статовъ сообще. И изъ тѣхъ конечно чаютъ, что прусскія войска отозва будутъ; и когда оныя маршировать будутъ, уже прямой къ миру есть, что оныхъ войскъ въ службѣ своей не рживаютъ, и тогда помянутый прусскій дворъ подъ нынѣшй случай небезсильнымъ себя можетъ находить.

Когда увѣдомились здѣсь о входѣ войскъ шведскихъ въ лембургскую землю, тогда немалое разсужденіе къ сему имѣ и имѣютъ. А особливе принцъ Евженій при свиданіи со ю говорилъ, что ежели тому войску шведскому дано будетъ бодно быть въ меклембургскомъ княженіи нѣкоторое время, опасность есть, чтобъ оное войско не умножилось такъ, какъ въ Саксоніи, и многій вредъ учинитъ не токмо дѣламъ сѣрнымъ,—и здѣшнимъ. Того для разсуждаетъ, чтобы, не упуя времени, непріятеля искать и принуждать къ баталіи,—ели ретируется въ которое мѣсто, конечно блокировать.

Здѣсь приняли гораздо за непріятно, каковъ отвѣтъ Штенкъ учинилъ посланному короля прусскаго. Тотъ присланный стороны короля своего говорилъ, чтобъ онъ разореніе мекбургской землѣ не чинилъ, знавъ, что есть членъ имперіи. то ему отвѣтствовалъ генералъ Штенбокъ, что не знаетъ цесаря, ни цесарства, ни ихъ членовъ, но хочетъ всему у послѣдствовать, какъ указы короля его повелѣваютъ.

Здѣсь чаютъ, конечно войска непріятельскія маршъ свой къ штеніи примутъ и прежде отъ Гамбурга и Любека доволь-

ную сумму возьмутъ, которые охотно дадутъ, къ тому-жъ Франція не оставитъ. Ежели резолюція будетъ взята о вступлении нашими войски въ мекленбургскую землю, конечно, я чаю здѣсь за противность не возьмутъ, и хотя бы далѣе, для того что здѣсь никто о томъ не говоритъ.

Опасность есть въ томъ, ежели непріятель, получа сей сумму денегъ, маршъ свой учинитъ, наприкладъ, чрезъ владѣнія короля прусскаго въ Саксонію съ довольною всѣмъ вездѣ заплатою, то нашимъ войскамъ послѣдствовать, не имѣя своего удовольства, не безъ трудности и озлобленія другимъ будетъ.

Дѣла здѣшнія до возвращенія милорда Страффорда в тишинѣ пребываютъ.

955. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 14. Гага.

По отправленіи моего письма прошлой почты, вновь здѣсь въ дѣлахъ статскихъ ничего не произошло, и при собраніи Статовъ Голландскихъ сей недѣли больше не опредѣлили, как о рекрутахъ, такъ же о зимовыхъ квартирахъ и о фуражѣ; а о вступленіи въ предбудущую кампанію обыкновенные указы выдали токмо для пріуготовленія фуражей къ 25 марта. А о прибавочныхъ войскахъ, также и на учиненные проекты принца Евженія,—какимъ образомъ кампанія должна начата быть,—и все то резолюціи отъ Статовъ не взято, для того, чтобы цесарь съ цесарствомъ по учиненнымъ прежде проектомъ и своему обѣщанію въ собраніи войскъ 100 тысячъ, также и 4-хъ милліоновъ талеровъ, себя дѣйствительно опредѣлили. Потомъ и они, Статы, смотря на то, не упустя времени, предбудущей кампаніи во всемъ себя опредѣлятъ и резолюцію скорую возьмутъ.

Здѣсь между провинціями великое несогласіе есть. Какъ недавно провинціи утрехтская, фришляндская, тонингская себя объявили, чтобы конечно миръ учинить; но другія провинціи еще себя умѣренно въ томъ содержатъ и смотрятъ, ежели сходно

ъ ихъ интересы миръ учинить. А хотя-бъ и хотѣли, есть мно-
ое въ томъ разсужденіе, что Францiя уже сама нынѣшнюю
мпанію продолжать хочетъ. И того для многіе разсуждаютъ,
то городъ Амстердамъ политикою поступаетъ, будто не являетъ
ебя склонна къ продолженію войны, хотя видя всю голланд-
кую провинцію къ продолженію войны склонна; но тѣмъ сво-
мъ несогласіемъ или медленіемъ продолжаютъ время, а между
имъ конечно чрезъ Англію ищутъ мира съ Францiею. И по
сѣмъ обстоятельствомъ здѣшнихъ дѣлъ видится, что негоціація
рехтская продолжаться будетъ.

Принцъ Евженій вчерашняго дня отъѣхалъ до Вѣны и обѣ-
щалъ возвратиться тогда, ежели Статы возьмутъ подлинную
езолюцію къ продолженію войны и поставятъ свои войска въ
равной силѣ противъ непріятеля.

Изъ Англіи получена вѣдомость о ренунціаціи, которую обѣ-
щалъ Филиппъ учинить о наслѣдствѣ короны французской, что
нъ и домъ бурбонскій объявили нынѣ Англіи, что они ре-
нунціацію прежде не могутъ учинить, ежели домъ аустрійскій
е учинитъ равной ренунціаціи о монархіи гишпанской. Одна-
коже заподлинно еще здѣсь сіе не объявилось, но окажется
е въ пріѣздъ милорда Страффорда.

Вчерашняго дня бывъ я у ратпенсіонарія, о трактатѣ ком-
мерціи говорилъ, и постановили на предбудущей недѣлѣ ре-
марки и проекты старые снести, также и вновь объявить. При-
томъ мнѣ онъ, пенсіонарій, говорилъ: министръ шведскій Пальм-
квистъ, бывъ въ Утрехтѣ, имѣлъ по три дня сряду кон-
ференціи съ министры французскими, и потомъ вскорѣ отъ
министровъ французскихъ курьеръ отправленъ ко двору ихъ.
О силѣ тѣхъ конференцій онъ, ратпенсіонарій, увѣдомился
и мнѣ объявилъ, что министры французскіе, шведскимъ проекты
ныя о корпусѣ войскъ подъ командою Штенбока, на-
мѣреніе того генерала двору своему сообщили, и требуютъ еще
вспоможеніе денегъ, чего для онъ, пенсіонарій, чаетъ,
можетъ то учиниться чрезъ Гамбургъ. Притомъ министръ швед-
скій ему, пенсіонарію, говорилъ, для чего Статы здѣшніе и

вся имперія упускають датскому королю въ разореніе прив
дить Гамбургъ и такую сумму денегъ брать, а Статомъ Го
ландскимъ особливе тотъ городъ престерегать для своей ко
мерціи. И того для ежели они, Статы, находятъ за бла
чтобъ оный городъ Гамбургъ отъ того освободить, то войска и
подъ командою Штенбока, пришедъ къ тому городу, могу
свободно непріятеля отбить; токмо желаетъ, чтобъ они, Стат
также и другіе принцы имперскіе нѣкоторую помощь въ то
имъ подали. На то все ратпенсіонарій ему отвѣтствовалъ, ч
они по се число въ дѣла сѣверныя не мѣшались и нынѣ д
своихъ дѣлъ здѣшнихъ мѣшаться не могутъ.

Здѣсь разглашено между многими, что, по вступленіи
меклембургскую землю, Флеммингъ имѣлъ конференцію
Штенбокомъ, при которой ни нашихъ министровъ, ни да
скихъ не было. Сіе придаетъ многому подозрѣнію,—нѣкаки
интригамъ при томъ съѣздѣ. А особливе остатней почты пис
мами подтвердили, что король польскій возвращается въ Пол
шу, а оставляетъ въ командѣ трехъ персонъ: Флемминга, бар
на Левендаля, барона Геемса, о которыхъ разсуждает
что не для военныхъ дѣлъ остаются, но больше о вступлен
въ трактатъ партикулярнаго мира съ Штенбокомъ.

956. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 19. Берлинъ.

Объявляю милости вашей: г. Матвѣевъ къ его ца
скому величеству прибылъ въ Дрезденъ и оттуда отправле
ко двору цесарскаго величества, яко полномочный министръ,
время для того дѣла, о которомъ вамъ извѣстно. При отъѣз
нашемъ говорилъ, чтобы мнѣ писать къ милости вашей, да
оставшихся въ Голландіи при немъ бывшихъ подьячихъ къ не
въ Вѣну отправить на почтѣ приказали, которые прислали сю
челобитную: бьютъ челомъ о заплатѣ долговъ ихъ и о да
на проѣздъ. И ваша милость изволите оныхъ, изъ долговъ в

…пя и давъ на дорожный проѣздъ, что пристойно, отправить …ъ Вѣну на почтѣ. А деньги изволите на ту дачу держать изъ …исланныхъ къ милости вашей по векселямъ за смолу, о ко…рыхъ писали ко мнѣ съ Москвы секретари, что оные къ …лости вашей посылаютъ. И изволите, мой государь, ихъ …нечно выслать не умедля, понеже г. Матвѣеву въ нихъ есть …жда. Только изволь, мой государь, въ дачѣ денегъ учинить по …оему разсмотрѣнію, дабы лишняго не дать.

957. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 21. Гага.

Здѣсь дѣла всѣ, такъ и въ Утрехтѣ, въ молчаніи есть до …ѣзда милорда Страффорда, котораго вскорѣ сюда ожи…ютъ и чаютъ, что будетъ съ послѣднимъ пляномъ мирнымъ, …торый по пріѣздѣ своемъ аліатомъ предложитъ. А ежели не …мутъ того, то, оставя ихъ, аліатовъ, Англія объявитъ свой …ръ партикулярный.

Трупы саксонскіе хотя и намѣрены были маршировать, какъ своими прежде доносилъ,—о чемъ мнѣ и сами министры …льскіе сказывали,—но оные и по се число отъ марта удер…лися. И по всему видимо, что не хотятъ отлучиться отъ …ужбы аліатской.

Курфюрстъ ганноверскій далъ указъ войскамъ своимъ, …торыя на заплатѣ аглинской были, маршировать въ отече…во. Но министръ его баронъ Ботмаръ ратпенсіонарію объ…илъ, что его курфюрстъ причину имѣетъ оныя войска отзы…ть, впервыхъ, что Статы тѣмъ ничего не платятъ, также и … осторожности своихъ краевъ, чего для въ близости война …ть.

Что же изволили ваше превосходительство о цесарскомъ …орѣ и о другихъ приказать ко мнѣ писать, за что по уни…енномъ моемъ благодареніи, прошу приказать впредь тѣмъ же …бразомъ продолжать. А о цесарскомъ дворѣ я весьма того

мнѣнія есть, что сіе дѣло окончано не будетъ. А и здѣсь мною того двора министровъ обхожденіе гораздо холодное.

О Штенбоковыхъ маршѣхъ здѣсь слухъ есть, что с раетъ лошадей довольство и хочетъ, свою пѣхоту на лошади по дя, маршировать близъ Эльбы рѣки, чрезъ брандебургскую зем въ Саксонію. Но другіе чаютъ, больше тѣмъ наслушаніе дае чтобы наши войска туда отвести, а потомъ пройти чрезъ I меранію; также и Гарцъ уже шведы, будто, намѣрены ата ковать своимъ гарнизономъ изъ Штетина. Могу сказать, здѣсь партія аліатская генерально всѣ желаютъ, дабы о непріятельское войско оружіемъ его царскаго величества ра рено было.

Что же объ артикулахъ инструкціи моей и барона Урби изволили сообщить двору польскому и датскому, и по тому тѣми министры буду здѣсь поступать. Токмо мое мнѣніе об являю, что въ пунктѣ о предложеніи медіаціи упомянулося „обнадеживанія о наслѣдственныхъ земляхъ", также и въ д гомъ пунктѣ на медіацію Франціи—„о декляраціи со сторо ихъ", чаялъ бы лучше оное тѣмъ дворамъ не объявлять, особливе польскому, отъ котораго мы больше въ подозрѣн себя видимъ, хотя и несостоятельныхъ ихъ интригъ,—для тог когда то намѣреніе царскаго величества сей дворъ увидѣлъ, весьма скрытно отъ меня съ французскими о медіаціи здѣ будутъ дѣлать, разсудя, что французскимъ такую деклярац учинить будетъ трудно. А обнадеживаніе о наслѣдственны земляхъ, можетъ быть, по премѣнамъ здѣшнихъ дѣлъ усмо рятъ несостоятельно, и потому весьма партикулярнаго буду искать мира и отлучатся. Но я, по пріѣздѣ своемъ, министра датскому и польскому внушалъ, что его царское величество аліаты своими есть весьма во всѣхъ интересахъ склоннымъ къ миру обще хочетъ согласенъ быть; но чрезъ сіе желаю, чтоб могли быть со мною въ лучшей конфиденціи.

958. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 25. Гага.

Въ прошлую субботу, чрезъ почту гамбургскую и ганновер-ую, въ письмахъ объявлено, что миръ сѣверной войны въ омераніи нынѣ учиненъ, а обстоятельно о томъ не упомина-ся. А въ одномъ письмѣ явилося, что оный миръ учиненъ ежду королемъ польскимъ и шведскимъ на такихъ кондиціяхъ, юбы королю Августу быть королемъ польскимъ и давать ѣкоторое число денегъ Станиславу по его животъ. И юго же дня сносилися мы съ министромъ датскимъ со всѣми ими новинами и письмами, которыя отъ своихъ дворовъ по-учили. И онъ обнадеживалъ, съ своей стороны, что король ю, отлучась отъ царскаго величества, того мира не учинилъ. заимно и я его обнадеживалъ со стороны его царскаго вели-ества. И того же дня, ввечеру, былъ я у министра польскаго арона Герсдорфа, хотя вѣдать о тѣхъ новинахъ и видѣть ъ его разговоровъ, и о тѣхъ новинахъ мнѣ отвѣтствовалъ вѣдѣніемъ. И при томъ часѣ графъ Цинцендорфъ, прі-давъ, сказалъ, что онъ письмо изъ Гамбурга видѣлъ, и объ-вляютъ именно, что оный миръ заключенъ въ Ростокѣ.

Но на-завтрее того дня министръ шведскій публиковалъ, что ъ Помераніи между саксонскими и шведскими войски учинена рмистиція на 15 дней. Но мы здѣсь, какъ датскій, и я, во еякомъ невѣдѣніи отъ тѣхъ новинъ остаемся.

Топерь объявляю здѣшнее разсужденіе: при такомъ случаѣ, жели бы тотъ миръ учиненъ или учинится, чтó бы могло по-ѣдствовать.

Разсуждается, ежели король польскій миръ учинилъ, оставя орону польскую, то бы могло лучшее быть къ нашему инте-есу, нежели онную удержитъ, для того что республика, избравъ оваго короля, содержала бы обще наши интересы. А ежели бы ороль Августъ удержалъ корону польскую, то сей миръ или е можетъ быть твердъ и постояненъ, или король Августъ не-

пріятельски противу насъ поступитъ; для того, ежели въ ми
ныхъ договорѣхъ заключено, чтобы войскамъ шведскимъ
Польшу не вступать и оставить ее неутральной, то не може
содержанъ быть оный миръ королемъ шведскимъ никогда. А
вступленіи своемъ шведы въ Польшу весьма явятся неполез
королю Августу и республикѣ; но при такомъ случаѣ паче чая
весьма его отлученія отъ той короны, и Лещинскій утве
жденъ будетъ, для того что Швеція не токмо въ одинъ св
интересъ ищетъ, равнымъ же образомъ и Франціи того желает
Но король Августъ, будучи королемъ польскимъ, никогда пр
тивнаго имперіи учинить не похочетъ и не можетъ.

А ежели король Августъ, учиня тотъ миръ, вступитъ
аліансъ съ короною шведскою,—къ чему есть многіе то
чаянія, разсуждая примѣръ дука савойскаго, который учини
при начинаніи сей войны съ Франціею, что сперва былъ
союзѣ съ Франціею и командировалъ войски, а потомъ, учи
аліансъ съ аліаты, противу Франціи непріятельски поступил
какъ и донынѣ видимъ,—тогда смотрѣть, ежели тѣмъ посту
комъ короля польскаго республика будетъ довольна. Но весь
чаянія надобно быть такого, что будетъ недовольна, и отъ не
отлучится, и право имѣть будетъ, не хотя потерять свою во
и быть невольниками въ рукахъ шведскихъ.

Что же принадлежитъ объ армистиціи, уже сего дня, п
утру, подтверждается. Но при семъ есть многое разсуждені
но паче всѣхъ смотрѣть, чтобы конечно польскій король
трактатъ не вступилъ; какъ мнѣ сообщено изъ корришпонденц
статской нынѣшняго же дня, что уже проектъ о мирѣ конеч
учиненъ между Флеммингомъ и Штенбокомъ, въ ко
торомъ упомянуто, чтобы быть Станиславу на его земляхъ
и писаться королемъ, и давать ему по вся годы съ королевст
польскаго 100 тысячъ ефимковъ.

Все сіе дѣло примѣромъ объявлю нынѣшняго дѣла Англ
съ Франціею и съ аліаты, и, смотря на сей примѣръ, таки
предосторожности надобно примать, а паче всего, чтобы всяк
предложенія со стороны непріятельской не могли быть чрезъ ру

переписки Флеммингова, но сами бы чрезъ себя, дабы льскимъ министрамъ всѣхъ дѣлъ и кредитъ въ руки не дать, властно смотря на Англію, какъ нынѣ все то въ своихъ кахъ содержитъ.

Ратпенсіонарій объявилъ мнѣ, что Статы опредѣлили Кранбургу, посланнику ихъ, ѣхать въ Померанію къ королю льскому; также надѣются, что оному будетъ нѣкоторая коммисдана и до двора его царскаго величества. И объявилъ мнѣ, ему въ инструкціяхъ его опредѣлено имѣть стараніе, чтобы лучшее согласіе приводить сѣверныхъ воюющихъ аліатовъ.

959. Аврамъ Веселовскій—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 26. Сапендорфъ.

О послѣднемъ нашемъ свиданіи съ Штенбокомъ вамъ пишу, при которомъ его свѣтлость и самъ былъ, что при мъ положено унятіе оружія токмо на 15 дней, пока даль- отъ его царскаго величества указъ и соизволеніе отъ коля датскаго получимъ, которому, надѣюсь, за-утро быть заочену; и тогда имѣетъ или продолженіе войны, или армищіумъ объявлено быть. А между симъ временемъ поставляъ мы войска свои на кантониръ-квартиры въ тѣхъ же мѣхъ, гдѣ нынѣ стоимъ. И сіе мы не ради иного чего учили, токмо ради необходимой нужды, понеже донынѣ стоять армія подъ небомъ на дождѣ и снѣгу принуждена была, къ му-жъ и скудость въ хлѣбѣ превеликая. А нынѣ, вначалѣ бравъ всѣ свои войска изъ гварнизоновъ и дождавшись трехъ лковъ саксонской кавалеріи, которые по трехъ дняхъ изъ льши прибудутъ сюда, такожде случась съ Бауэровымъ пусомъ, съ помощью Божіею, по исшествіи 15 дней, пойъ сами на нихъ. А можетъ, между тѣмъ, къ намъ прибыть датская кавалерія, которая сюда прислана быть обѣщана, и да непріятель всеконечно можетъ пропасть, ежели всемогуй Богъ намъ подастъ помощь.

960. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. ноября 29. Гага.

Здѣсь получена вѣдомость объ учиненной армистиціи і Помераніи между войски его царскаго величества, короля пол скаго, также и шведскими, на 15 дней; о чемъ министръ да скій отъ меня подлиннѣе желалъ вѣдать, и въ немаломъ п дозрѣніи себя находитъ, какъ могъ признать изъ словъ его. говорилъ, что оная армистиція учинена безъ согласія коро. его, того для онъ опасенъ, чтобы маршъ ихъ, войскъ датских удержанъ не былъ. Притомъ же говорилъ, что онъ видѣ изъ писемъ, будто, по выхожденіи термина 15 дней, буде учинена армистиція на 3 мѣсяца; изъ того разсуждаетъ бы немалому предосужденію въ дѣлахъ нашихъ. На всѣ тѣ е слова не могъ инымъ чѣмъ отвѣтствовать, токмо невѣд ніемъ.

Вчерашняго дня при разговорѣхъ ратпенсіонарій о томъ з меня спрашивалъ и сказалъ заподлинно, что оная армистиц учинена, какъ выше упомянулъ я. Но я о тѣхъ дѣлѣхъ ничеі по се число вѣдѣнія не имѣлъ и не имѣю. Прошу, мой гос дарь, приказать ко мнѣ обстоятельно отписать и о кондиція той армистиціи.

Министръ шведскій Пальмквистъ, также и другіе в Утрехтѣ наслушаютъ, что та армистиція учинена не по ихъ тр бованію, но, будто, со стороны нашей.

Милордъ Страффордъ четвертаго дня сюда пріѣхалъ того же дня былъ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ, а н завтрее статская депутація была, также и вчерашняго дня него съ Статами была конференція. Но о всѣхъ тѣхъ дѣлѣх подлинно еще знать не можемъ, а о чемъ могли увѣдать, пр семъ доношу.

На предложеніе послѣднее статское онъ, милордъ Страф фордъ, объявилъ, что королева его по всѣмъ возможностям въ интересъ ихъ у Франціи трудилася, чтобы города Турн

...ntей, Ипръ, также и весь барьеръ по ихъ прежнему жела... былъ уступленъ. Но Францiя себя объявила Ипръ уступить ...ъ, голландцомъ, а взаимно отъ нихъ требуетъ Лилль, въ ...ъ съ обѣихъ сторонъ сходно принято; о Контеѣ весьма от...ла. Объ уступленiи Турнэ имъ, голландцомъ, она, Францiя, ... нынѣ объявила, токмо предложила новый плянъ, какимъ ...зомъ они, голландцы, должны будутъ своими гварнизоны ...й барьеръ содержать.

Въ томъ своемъ плянѣ она, Францiя, предлагаетъ, чтобы ...всѣхъ Фляндрахъ и Брабантѣ Статы никакой крѣпости сво... гварнизономъ однимъ не содержали, но имѣли бы въ тѣхъ ... часть: два баталiона были бы дома аустрiйскаго, а тре...ихъ, статскiй; также коменданты были бы дома аустрiй...го, а баталiона ихъ, статскаго, одинъ майоръ.

Притомъ же предлагается о дукатствѣ люксембургскомъ, ...ъ отдано было дуку баварскому въ награжденiе Верхняго ...латината, который отданъ курфюрсту пфальцскому. А о Сицилiи ...нтересахъ имперскихъ еще подлинно увѣдомиться не можемъ.

Также Францiя желаетъ, чтобы Гандъ, Остенда, Ньюпортъ ... содержаны гарнизонами аглинскими.

И на всѣ тѣ предложенiя здѣсь имѣютъ разсужденiе такое: ... о содержанiи гарнизоновъ, то не что иное, токмо тѣмъ це... съ голландцы въ ссору привести и всегда ихъ въ желю... между собою содержать; также и о дукатствѣ люксембург...ъ и о гарнизонахъ аглинскихъ во Фляндрахъ—все то за ...возможность считается принять.

Еще же слышимъ, что милордъ Страффордъ во всѣхъ ...ихъ конференцiяхъ о коммерцiи, кромѣ терминовъ генераль...ъ, не говорилъ и о тарифѣ отъ 64 года ничего не упо...лъ. Сiе многому разсужденiю есть здѣсь,—когда городъ Ам...рдамъ увидитъ слабость въ дѣлѣхъ своихъ о коммерцiи, тогда ...ются ему быть иного мнѣнiя, нежели сходна къ миру, какъ ...лся до сихъ мѣстъ.

На все сiе будемъ смотрѣть, что из провинцiй рѣшенiе ...ятъ на вышеупомянутыя предложенiя, и впредь доносить буду.

Третьяго дня былъ я у милорда Страффорда. Между др гими всѣми разговоры мнѣ сказалъ, что онъ не имѣетъ ник кого указа отъ королевы своей, чтó бы дотыкалося до интер совъ сѣверныхъ; но токмо имѣетъ указъ—въ терминахъ ген ральныхъ предлагать добрыя средства.

Подьячихъ отсель въ Вѣну отправлю. О дѣлѣ министра шве скаго Фризендорфа еще знать не можемъ, и не ча что-бъ иное было, токмо о гварантіи вестфальскаго мира, ч принадлежитъ къ провинціямъ ихъ въ имперіи.

961. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. ноября 30. Мѣстечко Лаго въ Меклембургіи.

Объявляю вашей милости, что его царское величество изв лилъ прибыть сюда въ армію сего мѣсяца въ 26-ой день намѣренъ надъ непріятелемъ, при помощи Господней, поис чинить въ скоромъ времени, дождавшись его королевскаго в личества датскаго съ войски въ слученіе, о которомъ вѣдомос имѣемъ, что съ войскомъ своимъ въ слученіе съ соединенною а міею идти изволитъ, и уже вошелъ въ сію землю; о чемъ п всечасно ожидаемъ подлиннаго увѣдомленія чрезъ г. генерал адъютанта Ягужинскаго, который къ его королевскому в личеству отправленъ отъ его царскаго величества изъ Демин

Непріятель стоитъ попрежнему у Ростока и у Швана крѣпкомъ пасѣ, съ которымъ до прибытія его царскаго вел чества сюда положено на словахъ, чтобы во время двухъ н дѣль съ обѣихъ сторонъ никакихъ непріятельскихъ дѣйствъ чинить и стоять войску на контанирахъ, до котораго срока дн съ 5 осталося. Сіе было учинено ради малаго отдохновен войску.

962. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 2. Гага.

По отправленіи прошлой почты моего доношенія, о предл женіяхъ милорда Страффорда еще по се число письмен

...ать не можемъ, чего для въ секретѣ содержится между нимъ, ...лордомъ, и Статами; однакоже на сихъ дняхъ уже явнѣе намъ ...рылося.

Онъ, милордъ Страффордъ, предложилъ имъ, Статомъ, ... королева его у Франціи исходатайствовала, по желанію ихъ, ...скому, о барьерѣ, какъ я въ прежнемъ своемъ доносилъ, ...е. она, Франція, Ипръ взаимно за Лилль уступаетъ имъ, Ста...мъ, также и Турнэ. А о кондиціяхъ, какимъ образомъ гварни...и въ Брабантѣ цесарю и голландцомъ содержать, то имъ, ...томъ, будто, въ предложеніи не было, но партикулярно о ...ъ говорилъ одному Цинцендорфу; а о Контеѣ имъ, Ста...мъ, объявилъ, что Франція уступить того никогда не хочетъ. Дукатство люксембургское и графство намурское уступлены ...уть во владѣніе дуку баварскому до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ ...гражденъ будетъ отъ дома аустрійскаго отъ всѣхъ убытковъ, ...сенныхъ въ нынѣшнюю войну. Ему же, дуку баварскому, ...ъ аустрійскій долженствуетъ возвратить всю Баварію, и при...мъ будетъ за курфюрста отъ цесаря и отъ всего имперія, и ...ъ имѣть будетъ седьмымъ; а въ награжденіе Верхняго Па...лината ему же, дуку баварскому, отдастся королевство сардин...е и съ титуломъ, въ которомъ отъ всѣхъ аліатовъ долженъ ...ъ признанъ.

Что принадлежитъ объ интересахъ имперіи,—Страсбургъ ...нція уступать имперіи никогда не будетъ, а Ляндау и Фи...исбургъ обѣщаетъ разорить; королевство сицильское усту...ится дуку савойскому и съ титуломъ, въ которомъ отъ всѣхъ ...товъ долженъ быть признанъ.

Что же принадлежитъ о коммерціи тарифа, который есть ...ьма нуженъ голландцомъ,—онъ, милордъ, объявилъ, что Фран...я, кромѣ четырехъ сортей товаровъ, на всѣ позволяетъ. О ...гой коммерціи—въ Гишпаніи—генеральными термины объя...лъ, что королева его обѣщаетъ содержать въ прежнемъ порядкѣ ...ъ до нынѣшней войны было. И при тѣхъ же всѣхъ вышепо...мянутыхъ предложеніяхъ имъ, Господамъ Статомъ, онъ, милордъ ...раффордъ, говорилъ, что онъ надѣется отъ нихъ подлинную

резолюцію на все вскорѣ получить. И сказалъ, хотя кто из аліатовъ склоненъ къ миру и не явится, но королева его весма миръ свой намѣрена съ Франціею учинить и вскорѣ будет декляровать.

Но Господа Статы, принявъ всѣ тѣ предложенія, третья дня по провинціямъ послали, и будутъ на то отъ всякой про винціи ожидать ихъ мнѣнія. Но голландская провинція назн чила Статомъ собраніе свое учинить въ нынѣшнюю среду, будемъ смотрѣть, какое рѣшеніе приметъ.

Милордъ Страффордъ повседневно въ конференціяхъ съ вы бранными персонами секрета статскаго, и о нѣкоторыхъ тай ныхъ его предложеніяхъ имъ, Статомъ, нынѣ слухъ происходит предлагаетъ Статомъ, чтобы Брабантъ и всю Флядрію во вла дѣніе и суврансство имъ, Статомъ, себѣ взять и отъ дома ау стрійскаго то отлучить; также и при конгрессѣ въ Утрехт чтобъ аустрійскій домъ ренунціацію учинилъ о монархіи гишпан ской равнымъ образомъ, какъ дукъ д'Анжу—отъ короны фран цузской. И о семъ слышимъ, хотя можетъ быть и несостоя тельно, токмо на домъ аустрійскій нарочно та тягость налагает ся, чтобы то уступить, а въ другихъ претензіяхъ по намѣрені своему окончать. Также слышимъ, что уже Статы о Конте хотятъ предложить, когда Франція имъ уступить не хочетъ чтобъ оная фортеція была разорена.

И на всѣ тѣ дѣла такъ въ краткихъ дняхъ узнать труд и сказать, что вскорѣ учинится миръ, или продолженіе войн будетъ. Но здѣсь во всѣхъ семи провинціяхъ партіями разд лены: однѣ къ миру, другія къ войнѣ. И уже видится, ч партія къ миру умножается, и здѣсь изъ статскихъ первых персонъ больше являются къ тому; токмо ратпенсіонарій с нѣкоторыми своей партіи весьма тому по се число былъ про тивенъ. Но будемъ смотрѣть, ежели и того самая невозмож ность въ дѣлѣхъ къ тому же миру склонна не приведетъ.

Министры цесарскіе никогда такъ смущены не были, как нынѣшняго времени, что уже не токмо монархіи гишпанско домъ аустрійскій отлученъ, но и Сицилію Англія отнимаетъ

еще больше—и Сардинію, какъ прошлаго парламента королева аглинская объявила въ арангѣ своей конечно то дому аустрійскому.

Изъ всего того предложенія, что королевство сицильское уступается дуку савойскому, тѣмъ многую слабость всѣмъ аліатскимъ дѣламъ придало нынѣ, что уже дукъ савойскій весьма партія аглинской и обще миръ съ Англіею изъ того своего интереса учинитъ.

На все то по состоянію нынѣшнихъ дѣлъ разсуждается такимъ образомъ сильно, что Голландія хотя похочетъ и миръ учинить, но цесарь, хотя видѣвъ себя безсильна и не смотря на касаемое себѣ разореніе, не похочетъ такой убыточный и безчестный, и непостоянный миръ учинить, и будетъ продолжать войну, хотя Франція такою сильною потенціею въ наслѣдственныя земли дома аустрійскаго войски своими вступитъ, также и внутрь имперіи; то, въ такомъ случаѣ, разсуждается здѣ, чтó бы могла Голландія дѣлать. И предусматриваютъ, что они никогда домъ аустрійскій въ разореніи, также и армію французскую внутри имперіи видѣть не похочетъ, и самый интересъ ихъ, голландцевъ, отлученнымъ быть отъ дома аустрійскаго и имперіи не позволитъ. Того для господа голландцы здѣ немалую трудность имѣть будутъ, ежели отлучиться отъ Англіи или отъ дома аустрійскаго.

Милордъ Страффордъ, бывъ у меня, между другими разговоры, сказалъ мнѣ явно, что они миръ свой учинятъ въ четыре или въ пять недѣль отсель, хотя и аліаты къ тому съ ними согласны не будутъ; но онъ надѣется, что Голландія отъ нихъ не отстанетъ, и тому другіе послѣдствовать всѣ будутъ. А что принадлежитъ до интересовъ его царскаго величества и обще къ сѣверной войнѣ, какъ я въ прежнемъ своемъ письмѣ упоминалъ, что, будто, онъ, милордъ, не имѣетъ иного указа, только предлагать добрыя средства; но при другомъ нынѣ свиданіи въ моемъ домѣ говорилъ, какъ своимъ со мною партикулярнымъ разговоромъ, что онъ великую видитъ трудность, какимъ бы образомъ миръ сѣверной войны могъ учиненъ быть,

для того что его царское величество и его аліаты все заво ванное хотять содержать, но, противно тому, король шведс хочеть, чтобъ оное возвращено было. Но онъ, милордъ, час сходно быть, ежели бы сѣверные воюющіе нынѣ при съѣз въ Утрехтѣ прелиминаріи опредѣлили и потомъ, вступя въ тра тать, претензіи каждаго лучше бы могли къ концу своему пр ведены быть.

На все то, видя его партикулярнымъ разговоромъ, а предложеніемъ, я, съ своей стороны, сказалъ кратко, не вступ съ нимъ въ дальніе разговоры, что его царское величест добрыхъ средствъ ея королевина величества обще съ аліа своими не отрекается, но желаютъ вѣдать прежде къ удовол ствованію своему намѣренія со стороны шведской.

Министры цесарскіе писали къ министру своему, котор при датскомъ дворѣ, чтобы весьма старался оный дворъ пр вести, дабы войскамъ ихъ, датскимъ, въ Померанію маршироват для того что интересъ нынѣ ихъ самый есть, чтобы Штенбо съ войски шведскими умножиться въ имперіи не допусти который бы развращенія дѣламъ аліатскимъ не могъ учини

Я увѣдомился здѣсь, что курфюрсть ганноверскій пре лагалъ королю польскому, чтобъ онъ на всѣ нынѣшнія пре ложенія шведскія къ миру надеженъ не былъ, изъ чего н можно иного сподѣваться себѣ, токмо кромѣ обмана.

По указу я здѣсь непрестанно ищу искуснаго министр которому бы можно вручить дѣла въ Англіи, на мѣсто г. Ли но по се число не могу найти такого человѣка и вскорѣ на ти трудно, кому бы можно въ такихъ дѣлахъ повѣрить. Но здѣсь увѣдомился, что г. посолъ аглинскій Витвортъ в вращается въ Англію и отпускъ отъ его царскаго величест изъ Берлина уже взялъ; того для доношу и нахожу сход чтобы г. де-Бека учинить резидентомъ хотя до тѣхъ мѣс пока Англія министра своего вновь въ характерѣ назнач и пришлетъ, котораго присылкѣ вскорѣ я весьма быть чаю. А между тѣмъ временемъ онъ, г. Бекъ, для одной к риспонденціи весьма годенъ и тамъ свѣдомъ о всѣхъ дѣлѣ

ежели изволите взять на то резолюцію, изволите прислать грамоту, какъ обычай резиденту, также и жалованье опредѣлить, и оное я къ нему отправлю, и учиню съ нимъ аккордъ по обыкновенію, также и присягу въ услугахъ вѣрности его. И такимъ образомъ г. Литъ нынѣ вскорѣ оттуль освобожденъ можетъ быть, и объ отъѣздѣ своемъ онъ, г. Литъ, ко мнѣ непрестанно пишетъ.

О трактатѣ коммерціи доношу. По двумъ имѣющимъ прежнимъ конференціямъ съ ратпенсіонаріемъ о томъ согласились, чтобы мнѣ подать, съ своей стороны, проектъ съ ремарки, который прошлой недѣли я подалъ. И сего утра бывъ нарочно, желалъ отъ него вѣдать, что опредѣлили на тѣ мои проекты и ремарки. И сказалъ, что, по пріѣздѣ милорда Страффорда, и нынѣшними суетами отвѣта не можетъ дать до предбудущей недѣли.

Полученъ здѣсь курьеръ отъ курфюрста ганноверскаго, который принесъ указъ, чтобы трупы его, которые было велѣно посылать, нынѣ, по прошенію цесаря и голландцевъ, остановить въ Брабантѣ попрежнему.

Коммиссары кампаніи ливонской изъ Амстердама прислали ко мнѣ копіи съ писемъ, каковы убытки учинены ихъ шиперамъ и другимъ подданнымъ въ Ригѣ, и жалобы великія въ томъ приносятъ. И изъ приложенныхъ при семъ копій изволите усмотрѣть и указъ дать впредь такихъ обидъ не дѣлать. А изъ такихъ обидъ можетъ коммерціи великая остановка учиниться.

963. Князь Б. И. Куракинъ—царевичу Алексѣю Петровичу.

1712 г. декабря 5. Гага.

По указу вашему о покупкѣ извѣстныхъ вещей здѣсь освѣдомился, и то будетъ съ флотомъ весною отправлено. А сервизъ серебряный станетъ и съ работою 1888 ефимковъ, для того что здѣсь вся работа дѣлается гораздо толста. И буду на то вашего милостивѣйшаго указа ожидать, ежели изволите на

такую цѣну дѣлать; также и деньги нынѣ способнѣе изъ По
раніи, чрезъ кого укажете, на вексель перевесть. А другая
купка будетъ управлена, не трясючи топерь денегъ.

964. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 5. Гага.

Здѣсь разглашаютъ непрестанно о трактатахъ мирныхъ Помераніи сѣверной войны, о чемъ третьяго дня меня ратис сіонарій спрашивалъ, будто бы съ подозрѣніемъ, чая, что тѣ дѣ нынѣ дѣлаются чрезъ интриги французскія, и что Станисла Лещинскій себя декляровалъ, что никакой претензіи коронѣ польской имѣть не будетъ, но будетъ доволенъ пре нимъ своимъ воеводствомъ и нѣкоторымъ пенсіономъ. Но хотя безъ всякаго извѣстія, однакожъ о томъ объявлялъ е что все то разглашеніе неправое есть, и Франція никаки своими интриги при дворѣ царскаго величества дѣйствител быть не можетъ.

Статы Голландскіе въ собраніи своемъ начали быть третья дня для опредѣленія на предложенія мирныя; но еще по число не слышимъ, какую бы резолюцію могли взять на предложенія милорда Страффорда.

Милордъ Страффордъ, сверхъ извѣстныхъ предложеній, ч принадлежитъ о мирѣ съ Франціею, подалъ Статомъ имене королевы своей проектъ. Содержаніе онаго есть: первое, уч нить трактатъ о барьерѣ ихъ, голландцевъ, который постав вленъ нынѣ будетъ при мирныхъ договорѣхъ въ Утрехтѣ, именно всѣ тѣ крѣпости того барьера,—о чемъ нынѣ схо ство есть,—кромѣ Контея, изображены будутъ въ семъ тра татѣ, и обязуетъ себя она, Англія, въ томъ барьерѣ гвара тиромъ быть. Второй пунктъ,—дабы утвердить наслѣдство к роны аглинской въ линіи протестантской, а именно дома га новерскаго, и взаимно-бъ она, Голландія, въ томъ гварантиро была. И, наконецъ, молвлено, что сей союзный трактатъ имѣе

..ть оборонительнымъ между двухъ потенцій морскихъ. И при..ъ объявляетъ, во время случая другъ другу взаимно какимъ ..сломъ какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути вспомогать; а ..ели кто изъ другихъ ихъ союзниковъ пожелаетъ въ оный ..боронительный союзъ вступить, то съ общаго согласія примать.

И при отданіи того проекта онъ, милордъ Страффордъ, ..ъ, Статовъ, обнадеживалъ, что онъ имѣетъ указъ королевы ..ей, какъ наискорѣе, сей трактатъ окончать и заключить ..реже заключенія мира съ Франціею; того для желаетъ отъ ..ъ, Статовъ, скораго на то рѣшенія.

.. Сей вышепомянутый проектъ многимъ придалъ здѣсь сла..ъ, и тѣмъ, которые были противны миру, а склонны къ ..должению войны.

.. Здѣсь слухъ втайнѣ проходитъ, и уже чрезъ нѣкоторыхъ ..стныхъ людей увѣдомленъ былъ, будто учиненъ проектъ .. имперіи между цесаремъ и другими принцы для собранія ..ого корпуса войскъ въ Саксоніи нижняго циркуля для охра..ія интересовъ имперскихъ отъ войны сѣверной въ Помера..и. А въ проектѣ томъ обязуются: цесарь, король прусскій, ..фюрстъ ганноверскій, вольфенбюттельскій, гессенъ-кассель..й, мюнстерскій, и уже будто опредѣляютъ сбирать свои ..иска вскорѣ. Но въ какое намѣреніе то чинится, знать не ..жемъ.

965. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 6. Гистрау.

По его царскаго величества именному указу выбрано изъ ..ковъ двадцать девять человѣкъ офицеровъ русскихъ и отпу..ены отсюда въ Голландію для лучшаго обученія офицерскаго ..а въ войскахъ чужестранныхъ, о которыхъ его царское ве..чество повелѣлъ мнѣ къ милости вашей писать, дабы вы оныхъ ..ставили, при которыхъ имъ войскахъ быть и за волонтеровъ

или въ службѣ пребывать; какъ вы наилучше за благо, по :
мошнему состоянію смотря, изобрѣтете, такъ съ ними и у
нить извольте, чтобъ имъ способнѣе надлежащему обученію оф
церскому обучаться возможно было. А нынѣшней зимы до пр
ходящей кампаніи могутъ они межъ тѣмъ языкомъ обучать
Извольте ихъ рекомендовать, ежели за потребно разсуди
принцу Евгенію или другимъ генераломъ, дабы имъ при с
емъ войскѣ въ волонтерахъ или въ службѣ свободно и бе
препятія быть позволили. И въ прочемъ во всемъ изволишь ва
милость имѣть ихъ въ своемъ надзираніи и употребить ихъ
тому обученію, какимъ образомъ способнѣе разсудите, еже
предаётся наипаче въ ваше разсужденіе. А денегъ имъ да
на то иждивеніе каждому по триста рублевъ. А ежели
Франціи съ высокосоединенными миръ учинится, то из
лишь ихъ тогда отпустить къ Ригѣ или къ Кенигсбергу
корабляхъ.

Таково письмо подано въ Амстердамѣ чрезъ Кошелева января 21
1713 года. А въ Гагѣ явились изъ вышепомянутыхъ офицеровъ: капитанъ-
ручикъ Михайло Епищевъ, поручикъ Петръ Шиповъ, подпоручи
Григорій Плохово, подпоручикъ Матвѣй Масловъ.

966. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 9. Гага.

Собраніе Статовъ провинціи голландовой еще продолжает
и, чаю, продолжится до предбудущей недѣли, и рѣшенія е
на предложенія милорда Страффорда никакого не учинил
а отъ другихъ провинцій еще сего мѣсяца не чаютъ отповѣ
получить. Но изъ разсужденій здѣсь многихъ статскихъ пе
сонъ можно видѣть, что отъ дня до дня слабы въ ре
люціяхъ своихъ являются къ продолженію войны, но весь
къ миру.

Цесарскіе министры, видя слабость здѣшнихъ Господъ, о
ставя всѣ свои прежніе проекты, трудятся, чтобы Господа Ст

учинили на нѣсколько мѣсяцевъ армистицію, а какъ слы-, желаютъ хотя-бъ и на годъ, опасаючись, чтобы при ны-нѣмъ краткомъ времени, какъ Англія намѣрена генваря свой декляровать, и Господа Статы не заключили тотъ миръ е съ Англіею; какъ уже примѣръ тому былъ при рисвик-съѣздѣ, что цесарь былъ оставленъ, а потомъ дано ему было на три мѣсяца свою резолюцію брать, такъ и ны-сему чаютъ многіе быть. Но помянутую армистицію Англія Франція весьма учинить не похотятъ.

Здѣсь, какъ можемъ слышать, въ собраніи ихъ, стат-, большая часть на предложенія милорда Страффорда являются и Контей изъ барьера своего намѣрены уступить, токмо трудность находятъ въ томъ. И трудятся о обѣ, чтобы могли надежны быть на тѣ предложенія отъ ціи, что Франція оныя вѣрно содержитъ и претензій другихъ къ нимъ, ни къ ихъ аліатомъ больше никакихъ не учинитъ, того что Франція себя прямо имъ, голландцомъ, ни дру-аліатомъ не объявила. А чрезъ Англію весьма въ томъ чаютъ быть надежны и опасаются, что Франція, приведя на ецъ зимы, учинитъ большія претензіи къ барьеру, котораго лландія требуетъ.

Что же принадлежитъ къ интересамъ его царскаго вели-,—здѣсь разглашеніе есть, будто Станиславъ Лещинскій ласѣхъ короля польскаго поѣхалъ чрезъ Польшу въ Бен-приводя короля шведскаго къ миру, и учинитъ ренунціа-отъ себя о коронѣ польской, для того что уже онъ, въ, о томъ королю Августу свою деклярацію

Вчерашняго числа былъ я въ конференціи съ ратпенсіона-и говорилъ о трактатѣ коммерціи, и требовалъ отъ него, ы свои ремарки и отповѣдь на тотъ проектъ учинили. И ъ, что до окончанія сей недѣли сидѣнья Статовъ провин-голландской въ семъ дѣлѣ отповѣди учинить не можетъ. Прежде сего изъ письма вашего превосходительства я ура-ѣлъ, что его царское величество указалъ брать въ службу

добрыхъ генераловъ-поручиковъ и генераловъ-майоровъ. И к
видится по всему, что миръ сей зимы учинится, и оныхъ
вольно будетъ,—того для прошу мнѣ приказать прислать
домость окладовъ дачѣ жалованья тѣхъ двухъ помянутыхъ р
говъ, для того, когда будутъ спрашивать, чтобы могъ
объявлять.

Объ извѣстномъ дѣлѣ принца гессенъ-кассельскаго я не
ношу, для того что еще сюда не бывалъ, и уже ко мнѣ пи
момъ отозвался, и обѣщалъ по 4-хъ недѣляхъ сюда прибы

Министръ шведскій Пальмквистъ, непрестанно въ Утре
бывая въ конференціяхъ съ министры французскими и бис
помъ бристольскимъ, уже противное намъ, какъ слышу, пре
готавливаетъ, а паче къ интересамъ, что принадлежитъ
имперіи къ ихъ провинціямъ. И уже онъ, Пальмквистъ, дво
въ Утрехтѣ взялъ и вскорѣ жить переѣдетъ.

Я въ предбудущую недѣлю намѣренъ въ Утрехтъ ѣхать
о всѣхъ тѣхъ интригахъ, навѣдавшись подлиннѣе, оттуль бу
писать.

Писемъ дворовыхъ уже четыре почты не имѣлъ. Книги, к
торыя велѣно купить, всѣ будутъ съ оказіею до Берли
отправлены.

967. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 13. Амстердамъ.

Дѣла здѣсь мирныя состоятъ въ рѣшеніи Господъ Статов
токмо еще по се число ничего въ собраніи ихъ не опредѣлен
И по всѣмъ обстоятельствамъ дѣлъ здѣшнихъ видимъ, что н
волею принуждены есть послѣдствовать аглинскимъ предлож
ніямъ и миръ учинить такой, который весьма къ удовольст
здѣшнихъ не можетъ быть.

Въ собраніи статскомъ прошлаго вторника депутаты горо
Амстердама первые голосъ свой дали къ миру. И какъ здѣ
могъ увѣдать по пріѣздѣ своемъ, весьма продолженія вой

хотять, для того что не имѣють надежды на своихъ аліатовъ ихъ несогласія, а особливе на цесаря отъ безденежства, же и видять здѣшнія другія провинціи внѣ состоянія къ проженію войны; но всѣ тѣ тягости отъ недостатка денегъ уть дотыкаться сего города Амстердама, и того для весьма я опредѣлили къ миру.

О дѣлахъ, чтобы могло дотыкаться интересомъ его царскаго чества при съѣздѣ въ Утрехтѣ и въ Гагѣ, еще ничего по число нѣтъ, но всѣ смотрять на дѣла наши померанскія; оторыя конференціи начинаются быть въ Брунсвикѣ, — и о больше, чаю, ваше превосходительство можеть вѣдомости ъ, также и отъ г. Шлейница; но здѣсь разсуждають, изъ того собранія плода никакого быть не можеть, а и-бъ и былъ, то не чають въ нашъ интересъ.

968. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 15. Гистрау.

Объявляю вашей милости о случившейся здѣсь, въ Меклембурпри Гадебушѣ, сего мѣсяца 9-го дня, между датскою и непріяскою шведскою арміею баталіи, колико мы объ оной извѣстны. Когда королевское величество датскій съ арміею своею приъ въ Гадебушъ, а царское величество и королевское велитво польскій обрѣталися тогда съ своими войски въ Гистрау, король датскій требовалъ къ себѣ въ слученіе нѣсколько сонской конницы и россійской пѣхоты. И по тому его треанію, по совѣту съ королевскимъ величествомъ польскимъ, равлено отсюда сперва къ его королевскому величеству датму въ слученіе саксонской конницы, подъ командою генералъльдмаршала графа Флемминга, тридцать шквадроновъ нáро, которые съ датскими въ день баталіи и соединилися. А же времени изволилъ его царское величество самъ туда и отсюда 8 декабря съ гвардіею своею и притомъ еще полка другихъ пѣхоты, а его королевское величество

польскій поѣхалъ на сеймъ въ Варшаву. И того 8 декаб прибылъ его царское величество со всею пѣхотою въ мѣстеч Кривицы, которое отъ того мѣста, гдѣ помянутая баталія бы за четыре мили, куда пришедъ, увѣдомились, что генера шведскій Штенбокъ, стоящій при Висмарѣ, упреждая сл ченіе нашей арміи съ датскою, собрався своими войски и взя въ прибавку людей еще изъ Висмара и многое число пушек въ одинъ маршъ подъ датскія войска пришелъ и, не допус случиться, 9 декабря, предъ полуднемъ о 10-мъ часу, на да чанъ напалъ, и баталія межъ ними была, при которой непрі тель хотя напослѣди поле одержалъ, однакоже такъ съ вел кимъ урономъ своихъ людей, что, чаемъ, малую себѣ утѣ изъ того имѣть будетъ.

Съ датской стороны большой при томъ уронъ въ инфа теріи, а конница мало претерпѣла, и всегда оная въ ту батал надъ непріятельми побѣдительна была. Но пѣхота за худымъ м стомъ не могла стоять, отчего непріятелю послѣ, по уступлен датской пѣхоты, и поле осталось. Однакоже потомъ датча и саксонская притомъ конница, уступя отъ непріятеля, па собрались добрымъ порядкомъ и неподалеку онаго нынѣ стоят Его царское величество хотя изъ Кривицъ съ своею пѣхот на ту баталію изволилъ-было иттить, но уже увѣдомлены бы что оная окончалась. Итако его царское величество изъ Кр вицъ паки возвратился. А войска его царскаго величества стоя нынѣ между Кривицъ и Гистрау по деревнямъ.

969. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 16. Гага.

По возвращеніи моемъ изъ Амстердама, о дѣлахъ здѣ мирныхъ еще вновь предъ прежними моими доношеніи ниче не учинено, и статское собраніе чрезвычайно продолжать будетъ еще предбудущую недѣлю. Провинціи утрехтская фрисландская резолюцію свою Статомъ объявили на предлож

...е милорда Страффорда весьма миръ чинить, а съ другихъ ...е ожидается.

Графъ Цинцендорфъ, получа указъ отъ двора своего, ...едлагалъ милорду Страффорду учинить на нѣсколько мѣся...въ армистицію. Но помянутый милордъ въ томъ весьма от...залъ и сказалъ, что имѣетъ указъ отъ королевы своей конечно ...едложеніе отъ аліатовъ объ армистиціи не примать; также Франція нынѣ того учинить не похочетъ, а со стороны Ста...въ о томъ по се число предложено не было. И посему ...ится, что съ обѣихъ сторонъ есть проба, а не самое же...е того дѣла: какъ Англія упрямится армистицію принять, ... равнымъ видомъ и цесарскіе—предлагать. Можетъ быть, ... Англія, не хотя дать знать намѣренія своего о предложеніи ...й негоціаціи, чтобы къ бо̀льшему авантажу чрезъ то себя и ...нцію привесть, и являетъ себя будто несклонна,—однакожъ ..., Англія, нынѣ вновь съ Франціею армистицію учинила до ...едбудущаго апрѣля 4-го числа; о чемъ увѣдомились чрезъ ...слѣднюю почту третьяго дня.

Сіе придало здѣсь многому разсужденію, что конечно Ан...ія негоціацію продолжить хочетъ, чтобы къ веснѣ, приведя ...іатовъ и видя въ бо̀льшемъ несогласіи и неготовости, принца ...аллиса въ Англію перевезть и его въ парламентѣ чрезъ ...ъ наслѣдникомъ короны учинить.

Въ Утрехтѣ министръ шведскій Пальмквистъ имѣлъ ...ногое домогательство у аглинскихъ министровъ, чтобы декля...вали себя при конгрессѣ къ содержанію провинцій въ имперіи ... королемъ его по трактату о гарантіи вестфальскому. И на ... онъ, бискупъ бристольскій, ему декляровалъ въ приватной ...ей конференціи, что королева весьма по трактату вестфаль...ому гарантію содержать намѣрена, чего для властный инте...ъ есть Англіи для релижіи, такъ и для потенціи дома ...трійскаго, содержать тѣ провинціи имперіи подъ короною ...едскою. Равнымъ же видомъ ему, Пальмквисту, объявилъ, что ...ролева его также понести не можетъ, чтобъ и о Саксоніи ка...е разореніе или другими какими виды къ предосужденію учинить-

ся могло, но будетъ содержать весьма тишину и покой в империи.

Министръ датскій баронъ Альфельдъ, третьяго дня по луча указъ отъ двора своего, вчерась отъѣхалъ ко двор и надѣется быть въ Помераніи и видѣть при съѣздѣ съ кор лемъ его его царское величество, о которомъ кратко мо засвидѣтельствовать, что есть весьма человѣкъ умный и добры и склонный къ нашимъ интересамъ. Того для надѣюся, что е царское величество всякую милость къ нему покажетъ, так и ваше превосходительство пріятельскую склонность ему явит И надѣюся, что откровенно онъ, баронъ Альфельдъ, рапор учинитъ о здѣшнихъ дѣлѣхъ.

Г. Витвортъ, прежде бывшій аглинскій посолъ, третья дня изъ Утрехта сюда прибылъ и по двухъ дняхъ отъѣзжает

Подьячіе отправлены въ путь свой до Вѣны. А долго ихъ заплачено немалое число, и по которымъ, за ихъ рукам росписямъ оные долги заплачены, съ тѣхъ при семъ посылают списки. А что̀ имъ дано на дорогу, о томъ будетъ впре прислана вѣдомость.

На проекты о коммерціи не могу что доносить, для то уже по многимъ моимъ домогательствамъ, отговариваючись мн годѣльствомъ нынѣшнихъ дѣлъ, не отвѣтствуютъ.

Вчерашняго вечера графъ Цинцендорфъ, бывъ у мен сообщилъ мнѣ непріятныя вѣдомости и казалъ письмо прин Трауцена, въ которомъ пишетъ, что они получили курье изъ Константинополя, что салтанъ 13 ноября по ново перемѣня везиря, декляровалъ войну противъ его царскаго в личества и пребывающихъ тамъ пословъ въ семь туръ пос дилъ; а генералъ-майора Гольца, посланника королевска величества польскаго, въ Адріанополь за арестъ послалъ, так и посла польскаго, который уже въ пути, велѣно въ Адріан полѣ же за арестъ посадить. А королю шведскому для собр нія войскъ Порта отправила 1200 мѣшковъ, также и ха крымскому въ подарокъ 40 тысячъ червонныхъ; и указъ оно данъ, дабы нынѣшней зимы въ земли его царскаго величест

...ль. А самъ салтанъ декабря послѣднихъ чиселъ намѣренъ ...быть въ Адріанополь и пріуготовленіе къ предбудущей кам... ...чинить, и самому своею особою при войскѣ быть.

Сего дня желалъ видѣться съ ратпенсіонаріемъ, но за ...годѣльствомъ его до-завтрее не могъ.

970. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 18. Гага.

По отправленіи прошлой почты, на другой день былъ я у ...нсіонарія и желалъ вѣдать о новинахъ изъ Константино...; но оный мнѣ объявилъ, что равныя вѣдомости тому, какъ ...ъ прежнемъ доносилъ, о турецкихъ дѣлѣхъ они получили ...своего министра, который при вѣнскомъ дворѣ, а изъ Кон...тинополя отъ посла своего графа Колліерса они никакой ...домости не получили. И не сомнѣвается, ежели такъ остро ...та къ войнѣ резолюцію взяла, то надѣются прибыть сюда ...сланному нарочно отъ посла ихъ.

Притомъ же пространный разговоръ съ нимъ имѣли о не...стливой баталіи войскъ датскихъ. Ежели такое несчастіе слу...юся заподлинно, какъ прошлой почты въ письмахъ объявляли, ... инфантерія вся на мѣстѣ осталась, также артиллерія и ба...ъ потеряны, и войска датскія въ Голштенію ретировалися,— ..., въ такомъ случаѣ, разсуждаетъ быть послѣдствованію худому ...ъ интересамъ его царскаго величества и его союзниковъ, ...ъ равное предосужденіе и интересомъ здѣшняго союза вою...щихъ противу Франціи; а особливе при нынѣшнихъ случаяхъ ...гоціаціи въ Утрехтѣ, впервыхъ, разсуждаетъ погрѣшенію отъ ...танъ великому быть, ежели то правда, что ретировалися въ ...лштенію. Но, хотя и по упадкѣ своемъ, надлежало бы, ко...чно ретировавшись, сойтиться къ войскамъ его царскаго ве...чества, и потомъ могли бы надежнѣе быть въ своихъ намѣ...ныхъ дѣлахъ. Но ежели оныя ретировались, трудно разсудить ...жно, ежели его царское величество своими войски продол-

жать время въ Помераніи больше будетъ. Но ежели есть в состояніи, также и войска саксонскія, соединясь, —лучшаго сп соба не находится, чтобы надъ непріятелемъ поискъ учинит нежели, по выступленіи своемъ изъ Помераніи, непріятеля свое въ такой силѣ оставить, который, весьма усилившись въ имперіи повелителемъ въ дѣлѣхъ многимъ будетъ. Паче же всего Са ксонію и Голштенію въ крайнее разореніе приведутъ и, собра шись, нападеніе въ Польшу учинятъ.

Притомъ же разсуждалъ, ежели правда, что Порта вої ну декляровала противъ его царскаго величества, и слагая ава тажи шведскіе, какъ чрезъ нынѣшнюю баталію датчанъ, та и чрезъ декларацію той турецкой войны, съ здѣшними интерес обязанными ихъ съ Франціею, предусматриваетъ онъ впредь н малымъ премѣнамъ быть въ Европѣ не токмо тѣмъ къ пред сужденію ближнимъ, но и дальнимъ, для того что Франці бывъ и есть въ прежней своей амбиціи, при такихъ нынѣш нихъ ей счастливыхъ случаяхъ авантажа своего искать не ост витъ. И при всѣхъ тѣхъ разговорѣхъ оба тѣ несчастливые по мянутые припадки прималъ съ сожалѣніемъ, вмѣняя, яко влас ный свой интересъ.

Но я, съ своей стороны, при всемъ томъ не могъ ч партикулярно предлагать ему, не имѣя указа еще отъ двора не знавъ состоянія дѣлъ тѣхъ, въ генеральныхъ терминахъ пр силъ въ осмотрѣніи имѣть всѣ интересы и его царскаго вел чества, и его аліатовъ при такихъ нынѣшнихъ случаяхъ, особливе, чтобъ указъ дали своему министру при датскомъ дв рѣ оный дворъ къ содержанію въ союзѣ съ его царскимъ вел чествомъ подтвержать, который дворъ, можетъ быть, находи ся при нынѣшнемъ случаѣ въ нѣкоторыхъ своихъ слабых разсужденіяхъ. И о томъ указъ къ министру своему обѣ щалъ дать.

Я о датскомъ дворѣ напоминалъ ему для того, что послан никъ ихъ, голландскій, Гоусъ въ своемъ рапортѣ къ Статом объявилъ, что какъ скоро король датскій въ Голштенію на сво квартиру поворотился, тогда же призывалъ помянутаго ихъ ми

стра статскаго и имѣлъ съ нимъ долгую конференцію, изъ орой есть здѣсь слухъ, что миръ намѣренъ искать; одна-же, чтобъ увѣдать изъ самаго того доносительнаго къ Ста-ъ письма обстоятельно, не могъ достать. И правда, хотя предложенія и есть, токмо не чаю, чтобы здѣшніе на то ступили и отъ нашего аліанса датскаго оторвали, но развѣ ія въ томъ трудъ свой приложитъ.

О дѣлахъ здѣшнихъ доношу. Уже къ прежнимъ провин-ъ, какъ я въ прежнемъ своемъ объявлялъ, которыя къ миру декляровали, еще вновь гельдресская равно-жъ объявила; ъ Зеляндіи еще вѣдомости не получили. Статы голланд-провинціи завтрашній день разъѣдутся и всѣ свои резо-держать нынѣ въ великомъ секретѣ. Однакоже, какъ могъ ать, на предложенія извѣстныя о мирѣ милорда Страф-рда опредѣлили дать своимъ полномочнымъ министрамъ въ ехтѣ вновь инструкціи и, впервыхъ, по желанію Англіи, съ истры аглинскими о барьерѣ и о наслѣдствѣ короны нской въ линіи протестантской трактовать и, по окончаніи о, въ конгрессъ публичный о мирныхъ дѣлѣхъ вступать. Труд-, чтобы могъ донести той инструкціи всѣ партикуляритé; но ринципальныхъ пунктахъ слышу, что они, Статы, не могутъ всѣ пункты предложенія милорда Страффорда себя простран-изъявить, прежде нежели Францiя не удовольствуетъ ихъ, товъ, въ барьеръ Контеемъ, а имперія—Страсбургомъ.

Топерь будемъ смотрѣть: ежели милордъ Страффордъ то етъ на доношеніе двору, то голландскій есть авантажъ; для знакъ тому, что Англія какъ ни спѣшила партикулярнымъ омъ, но, знать, дворъ тотъ опасность отъ народа имѣетъ лучиться отъ Голландіи. А ежели опасности той не имѣютъ, министры аглинскіе должны вскорѣ миръ свой партикуляр-й, учиня, декляровать.

Но по всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ здѣшнихъ видимо, какъ прежде своими съ пріѣзда доносилъ, что миръ учинится. акоже негоціація еще до весны продолжится.

971. Графъ Болинброкъ (Сентъ-Джонъ)—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 19. Уайтголлъ.

Monsieur. La reine m'a ordonné de vous faire sav qu'elle a été très-fâchée de trouver par les représentatio que vous m'avez faites, au sujet du Post-Boy du 4 de mois, que l'auteur de ce papier a osé parler du Czar, vo maître, d'une manière à vous donner une si juste cause plainte, et Sa Majesté a commandé à son procureur-géné de poursuivre cet auteur suivant toute la rigueur des lo Je suis, Monsieur, votre très-humble et très-obéissant servit Bolingbroke.

972. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1712 г. декабря 21. Грабоу.

Понеже получили мы въ сихъ дняхъ нечаянную вѣдомос чрезъ Вѣну отъ барона Урбиха, что турки, не смотря исполненіе всего со стороны его царскаго величества по д говору, миръ паки нарушили и нашихъ пословъ заарестова по ложнымъ доношеніямъ посланнаго въ Польшу отъ салта солохора, подъ предлогомъ, будто еще войска его царска величества обрѣтаются въ Польшѣ; того ради указалъ м его царское величество къ милости вашей писать, дабы вы и волили имъ, Статомъ, именемъ его царскаго величества о се объявить и ихъ просить, дабы они послали свой указъ въ Ко стантинополь къ послу своему, чтобъ онъ трудился, яко меді торъ, Порту отъ того неправеднаго начинанія отвратить, пре ставляя имъ, что со стороны его царскаго величества по с держанію мирнаго договора все исполнено, и что Портѣ сол хоръ о войскахъ его царскаго величества донесъ ложно, буд еще оныя есть въ Польшѣ; ибо оныя изъ всѣхъ мѣстъ вс конечно давно выведены, и нигдѣ ни единаго человѣка ни

…торомъ городѣ не обрѣтается, и который былъ гварнизонъ …ъ Эльбингѣ, и тотъ еще въ сентябрѣ выведенъ. И знатно, что … донесъ онъ, солохоръ, лживо по подкупленію непріятель…ому, ибо онъ, солохоръ, самъ писалъ къ Портѣ изъ Львова, … войскъ его царскаго величества въ Польшѣ нигдѣ нѣтъ, и … того далѣе въ Польшу не поѣхалъ. Но потомъ, возвра…сь изъ Польши, онъ заѣзжалъ въ Бендеръ къ королю швед…у и, оттуда пріѣхавъ къ Портѣ, то ложное доношеніе учи…ъ. А ежели-бъ онъ, солохоръ, ѣздилъ по всей Польшѣ, то … самъ никогда не увидѣлъ, и невозможно бы дерзнуть по …упленію непріятелей такую ложную Портѣ реляцію учинить. …ую о семъ отъ Статовъ резолюцію получите, о томъ из…ите къ намъ немедленно писать.

О здѣшнемъ объявляю, что генералъ шведскій Штенбокъ …ширует со всѣмъ войскомъ къ Голштеніи. И для того дат…й и саксонскія войска имѣютъ вскорѣ съ нашими войски …окупиться и надъ онымъ непріятелемъ чинить, при помощи …іей, поискъ.

973. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 23. Гага.

О турецкихъ дѣлѣхъ третьяго дня Статы отъ своего посла графа …лліерса изъ Константинополя получили письмо, отъ 18 ноября …анное, изъ котораго содержанія къ многому есть разсужденію. Содержаніе того письма есть. Салтанъ чрезъ интриги хана …скаго и неправое доношеніе того посланнаго паши въ …шу войну противъ его царскаго величества декляровалъ, …слы его величества въ семь туръ посажены, для которыхъ …ено вновь довольно камеръ въ томъ мѣстѣ сдѣлать; пожитки …ъ переписаны, и часть помянутымъ посламъ отдана. Бывшій …ръ сосланъ, и пожитки его велѣно распродавать. Салтанъ …рѣ объявилъ свой походъ въ Адріанополь, гдѣ будетъ …готовленія къ кампаніи имѣть. И уже указы войскамъ да-

ны, которыя по сю сторону въ Европѣ, для пріуготовленія в[а] предбудущую кампанію; также государю молдавскому и валах[с]скому велѣно самимъ въ предбудущую кампанію [быть]. А вой[]скамъ азіатскимъ и. въ Анатоліи еще указа никакого не дан[о] для того что еще ожидается на декларацію сей войны сенте[н]ція, или приговоръ, отъ муфтія, который есть весьма противе[нъ] намѣренію салтанскому и разсуждаетъ противу алкорана их[ъ], для того что онъ, муфтій, и другія знатныя персоны при Пор[тѣ] знаютъ подлинно, что по неправымъ доношеніямъ и интрига[мъ] хана крымскаго та война весьма противу закона ихъ нач[и]нается. И изъ того что̀ будетъ послѣдовать, обѣщалъ им[ъ] Статомъ, впредь доносить.

Притомъ же объявлялъ свои разсужденія, что сія дек[ла]рація войны учинена противу ихъ обычаевъ древнихъ не в[о] время. И того для народамъ въ дѣйствахъ ихъ военныхъ ча[я]нія есть худого, также и по состоянію здѣшняго правленія, ка[къ] можетъ знать, что армія турецкая не можетъ выйти въ камп[а]нію прежде послѣднихъ чиселъ іюня или первыхъ іюля. И пр[и]томъ онъ, графъ Колліерсъ, объявлялъ, что хотя съ трудо[мъ] токмо будетъ послѣдствовать за дворомъ какъ до Адріанопол[я] такъ и въ кампанію, и по прежнимъ указомъ ихъ, статским[ъ] будетъ во всемъ поступать; однакоже требовалъ для премѣн[ы] нынѣшнихъ дѣлъ еще вновь указовъ, ежели что сходно будет[ъ] къ интересамъ ихъ, статскимъ.

Притомъ объявлялъ, что прибылъ туда къ Портѣ министр[ъ] Станислава Лещинскаго, которому салтанъ объявилъ, чт[о] онъ, кромѣ его, иного за короля польскаго не признаваетъ, [и] обѣщаетъ самъ своими войсками въ Польшу вступить и его [въ] королевствѣ утвердить.

Порта вскорѣ отправляетъ чрезвычайнаго своего посланник[а] къ цесарю. Наконецъ, онъ, графъ Колліерсъ, при письмѣ сво[]емъ заключилъ, что онъ въ сей новой войнѣ многимъ премѣ[]намъ чаетъ быть и больше трудность находитъ, чтобы сал[]танъ въ самое дѣйство по намѣренію могъ привесть, для тог[о] что всѣ противны неправому сему объявленію войны, зная

…о со стороны его царскаго величества все содержано; а …собливе нынѣ послѣдняя на словахъ декларація пословъ его …рскаго величества учинена, что не токмо войска всѣ изъ …ольши его царское величество вывелъ, но и всѣ магазины …залъ вывозить. Къ тому же наипервыя персоны при Портѣ …суждають, что не могуть себѣ на конецъ сей войны ника…го интереса получить за отдаленіемъ краевъ россійскихъ.

…Сего момента онъ, Коллiерсъ, увѣдомился, что Порта ре…люцію береть указъ дать хану съ войски татарскими, какъ …скорѣе, съ королемъ шведскимъ нынѣ въ Польшу марширо…ть и съ войски шведскими соединиться, о которыхъ объявилъ …нистръ шведскій, что уже въ 20 тысячъ корпусъ войска ихъ …Польшу маршируетъ.

…Я, сего утра бывъ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ, …у предлагалъ, чтобы въ подтверженіе къ прежнимъ указомъ …фу Коллiерсу данъ былъ указъ искать способъ къ утишенію …ихъ тѣхъ интригъ при Портѣ короля шведскаго и хана крым…го. На что мнѣ обѣщалъ конечно, учиня рапортъ Статомъ, …ъ къ послу своему послать, чтобы трудился весьма къ утише…ю той войны и при всѣхъ случаяхъ въ интересъ его царскаго …ичества, также, ежели салтанъ въ кампанію самъ пойдетъ, …бы за нимъ послѣдствовалъ.

…Дѣла здѣшнія состоять топерь въ конференціяхъ утрехт…ихъ, для того что отсель уже они, Статы, о предложеніи …своей стороны инструкціи дали своимъ полномочнымъ, какъ …въ прежнемъ своемъ доносилъ. Къ сему же Статы всю резолю…ю какову взяли, писали грамоту къ королевѣ въ такихъ же терми…ахъ. И будемъ смотрѣть, что̀ будетъ изъ сего происходить.

974. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1712 г. декабря 26. Гага.

…Въ прежнемъ своемъ я доносилъ, какую Статы резолюцію …ли и инструкціи своимъ депутатомъ въ Утрехтъ дали, ко…рые, прибывъ туда въ прошлую субботу, съ аглинскими ми…

нистры имѣли конференцію, въ которой по инструкціи сво[...] имъ, бискупу бристольскому и милорду Страффорду, пр[...] лагали, что они, депутаты, имѣютъ указъ отъ Господъ Стат[...] на предложеніе милорда Страффорда въ негоціацію мирн[...] договоровъ вступить. И объявили, что Господа Статы, об[...] съ Англіею, себя къ миру склонно объявляютъ и согласно [...] другими своими аліаты, которымъ бы могло быть сходно [...] ихъ интересы; токмо, прежде нежели въ партикуляритé на в[...] пункты могутъ себя по предложенію милорда Страффорда об[...] явить, желаютъ, дабы могли быть удовольствованы отъ Фран[...] въ барьеръ свой городъ Контей, а имперіи Страсбургъ. Они ж[...] депутаты, имѣютъ указъ объявить, что въ томъ же помянуто[...] предложеніи нѣкоторыми термины упомянулось объ интерес[...] ихъ аліатовъ, а особливе дома аустрійскаго, чего для и[...] Господа Статы надѣются, что ея королевино величество учин[...] ихъ свободныхъ отъ такихъ дѣлъ, которыя бы предосудител[...] могли быть ихъ аліатомъ. Притомъ же упоминали о тари[...] 1664 года, который принадлежитъ къ коммерціи.

Всѣ тѣ ихъ, депутатскія, предложенія лордъ бискупъ [...] Страффордъ выслушали. Но послѣдній изъ тѣхъ имъ, депу[...] томъ, отвѣтствовалъ, что онъ, милордъ Страффордъ, крат[...] имъ отвѣтъ учинитъ, что они, министры аглинскіе, имѣю[...] указъ королевы своей и полную мочь безъ премѣны на тако[...] основаніи, какъ было отъ него, милорда Страффорда, пред[...] жено, миръ учинить; и того для они, лорды, съ ними, деп[...] таты, не могутъ больше ни въ какую негоціацію вступить, [...] желаютъ отъ Господъ ихъ Статовъ получить отвѣтъ и подлинну[...] резолюцію,—хотятъ ли согласно на объявленномъ основан[...] миръ учинить или нѣтъ. И по многимъ разговорамъ, проти[...] нымъ одни другимъ, они, депутаты статскіе, просили министров[...] аглинскихъ, дабы взяли то на доношеніе своему двору,—в[...] чемъ имъ весьма отказали. Но депутаты статскіе, возвратя[...] ни съ чѣмъ изъ той конференціи, были на третій день, в[...] понедѣльникъ, вновь въ конференціи у нихъ, министровъ аг[...] линскихъ, и повторительно о томъ же предлагали, чтобы взял[...]

ихъ предложеніе на доношеніе къ своему двору; на что нскіе министры также отказали. И притомъ они, депутаты, ъ, министрамъ аглинскимъ, объявили, что того же времени, ъ имъ, депутатомъ, инструкціи дали, ихъ Господа Статы равили грамоту до ея королевина величества равно въ тѣхъ инахъ, каково предложеніе они, депутаты, имъ, лордамъ, ли; и того для они, депутаты, нынѣ не могутъ ни въ ую матерію дѣлъ мирныхъ вступить, прежде нежели ихъ пода Статы на ту посланную грамоту отъ королевы отвѣтъ учать. И съ тѣмъ разъѣхавшись изъ той послѣдней конренціи, и донынѣ тѣ дѣла такъ остались.

Но какъ нынѣ слышимъ заподлинно, что министры аглинхотя являлися депутатомъ статскимъ съ противностью, коже на другой день имѣли тайную конференцію съ мири французскими и о томъ предложеніи статскомъ имъ явили, къ чему министры французскіе показали себя нена и гораздо высоко въ отвѣтѣ явили. И слышимъ, что , аглинскіе министры, возвратились отъ нихъ неудовольны. бискупъ бристольскій въ конференціи съ нѣкоторыми пріяразсужденіе имѣлъ, что онъ, бискупъ, нынѣ, видя всѣ въ Европѣ премѣнны, въ великой опасности есть, чтобъ въ намѣреніяхъ своего двора не могли быть обмануты, того что война турецкая, также и авантажи шведскіе въ мбургской землѣ обратятъ Францію въ другія мнѣнія, нев чемъ сходны являлись. И уже онъ, бискупъ, видитъ, она, Франція, больше не въ силѣ ихъ рукъ находится.

Но, сей здѣсь секретный разговоръ увѣдавъ, многіе изъ ыхъ персонъ, которыя и сходны къ миру являлися, начиотъ быть другого мнѣнія.

Къ сему же сходно есть, что изъ тайной коррипонденціи Франціи увѣдомились на сихъ дняхъ, что г. Прайоръ, ланный министръ изъ Англіи во Францію, тому двору предлоъ тотъ же плянъ о мирѣ, каковъ здѣсь объявилъ своимъ преденіемъ милордъ Страффордъ. Но дворъ французскій тотъ ъ отъ него, Прайора, не принялъ и явился противъ Вѣны.

И по всѣмъ тѣмъ новинамъ признаваемъ,—и какъ зд… разсуждается,—что, конечно, Франція при такихъ случа… своего великаго авантажа, что никогда себя такъ счастлива… видала, т.-е. турка въ войну поднявъ, шведа въ имперіи… немалыми войски видитъ, отъ котораго еще бóльшаго ча… своимъ интересомъ впредь есть, то бóльшія претензіи къ ми… учинитъ предъ тѣми, каковы прежде было-объявила Англ… и не смотря больше на Англію, для того что уже она, Франц… нынѣ ее, Англію, имѣетъ въ рукахъ своихъ, для того что… министерство аглинское, уже обязавшись, принуждены буду… какой ни есть миръ учинить, токмо бы головъ своихъ… потерять.

Но всѣ тѣ дѣла собравъ, какъ я доносилъ, еще тру… отгадать, чтó бы могло послѣдствовать, для того что ча… острыя премѣны въ дѣлѣхъ съ другихъ сторонъ дѣлаются,… прикладъ, авантажъ непріятеля противу датскихъ весьма зд… дѣламъ многую премѣну учинилъ. И всѣ топерь на тѣ о… роты Штенбоковы смотрятъ. И слышно здѣсь, что намѣре… онъ, Штенбокъ, съ войски своими впасть въ Голштенію и… контрибуцію положить; также и съ Гамбурга и Любека ден… проситъ, и будто Любекъ нѣкоторое число уже дать ден… аккордовали. И разсуждается здѣсь, что они, шведы, при в… деніи томъ въ Голштенію и получа довольную сумму ден… съ контрибуцій изъ помянутыхъ городовъ, ежели свободн… руку имѣть будутъ, въ малое время приведутъ себя въ велик… силу и потомъ многимъ будутъ въ имперіи предписывать закон…

И ежели онъ, Штенбокъ, будетъ приходить въ такую си… весьма здѣсь премѣны въ дѣлѣхъ учинятся. И конечно види… что Франція сію негоціацію утрехтскую должна продолжать,… то продолженіе, по всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ видится,… бóльшій интересъ Франціи есть, а не аліатомъ, ежели счастли… оружіе его царскаго величества непріятельскую армію не ра… рушитъ.

Графъ Цинцендорфъ получилъ указъ отъ двора свое… что послѣднюю резолюцію цесарь взялъ и при послѣднемъ случ…

лѣть объявить въ конгрессѣ утрехтскомъ, что онъ такого честнаго и убыточнаго мира, также и предосудительнаго всей Европѣ, не учинитъ, и намѣренъ, хотя оставшись одинъ, войну продолжать. Однакоже на сіе разглашеніе министровъ французскихъ уповать неможно, но будемъ смотрѣть, ежели впредь дѣйствительно такъ поступятъ.

Третьяго дня комитетъ-раатъ, взявъ резолюцію, дали указы на рекруты деньги выдавать, такъ и магазины къ предбудущей кампаніи обыкновенные заготовлять. Симъ являютъ нѣкоторую свою бодрость; однакоже не можетъ здѣшнихъ закрыта быть ихъ слабость.

Изъ Константинополя чрезъ партикулярныя письма здѣсь объявилось, что посолъ французскій, приводя къ войнѣ противу его царскаго величества, письменно Порту именемъ короля своего обнадежилъ, что король его войну въ Европѣ не прекратитъ, ежели Порта войну съ которымъ христіанскимъ потентатомъ начнетъ. И по разсужденію здѣсь многихъ, конечно, Франція дальній видъ имѣетъ въ своихъ намѣреніяхъ, и подобные многое сей деклараціи министра французскаго придаетъ войны турецкой противу дома аустрійскаго.

Разсужденіе есть въ такой силѣ, что Порта никакой претензіи къ его царскому величеству не имѣла, какъ объ Азовѣ и о другихъ мѣстѣхъ, которыя уже туркомъ возвращены. А нынѣ больше претензій не имѣетъ, также и за дальностью продолжать войны не будетъ; но токмо, давъ протекцію королю шведскому, ежели можетъ намѣреніе свое Порта исполнить, пришедъ на границы польскія, похочетъ утвердить Станислава Лещинскаго на королевствѣ польскомъ. И приведя въ согласіе всю Польшу съ шведомъ и съ татары противу его царскаго величества, и потомъ Порта со всею своею потенціею свободныя руки будетъ имѣть противу цесаря войну начать.

Концертъ каковъ въ Вольфенбюттелѣ учинили къ содержанію тишины въ имперіи, — о чемъ уже вашему превосходительству есть извѣстно, — и о той матеріи не продолжаю. Но мое мнѣніе объявляю, чтобы сіе весьма при нынѣшнихъ случаяхъ могло

быть въ нашъ интересъ, токмо ежели бы оные принцы имперскі[е] которые въ томъ себя обязали, могли то дѣйствительно учинит[ь].

Третьяго дня, чрезъ почту гамбургскую, въ письмахъ здѣ[сь] объявили, что его царское величество изволилъ аліатомъ свои[мъ] декларовать, что четыре недѣли обѣщаетъ еще быть съ войс[ки] своими въ Помераніи, и чтобы, соединясь, дѣйствительно проти[въ] непріятеля поступить; а по выхожденіи того термина, прину[ж]денъ будетъ для деклараціи турецкой войны въ Польшу уст[у]пить. Но я, не имѣя никакого извѣстія о томъ, не могъ о[т]вѣтствовать министромъ своихъ аліатовъ.

Что же принадлежитъ къ интересамъ его царскаго вел[и]чества и дѣлъ померанскихъ, здѣсь во всякомъ молчаніи о тѣх[ъ] дѣлѣхъ есть: ни намъ противность какую являютъ, ни отъ на[съ] чего требуютъ, токмо всѣ смотрятъ, чѣмъ тѣ дѣла могу[тъ] окончаться. И сего момента, чрезъ ганноверскую почту, [въ] письмахъ здѣсь явилося, что уже войска его царскаго велич[е]ства не въ дальнемъ разстояніи съ непріятельскими находятс[я]; того ради просилъ Вышняго, дабы благословилъ счастливо[е] оружіе его царскому величеству славную викторію надъ непрі[я]телемъ одержать. . . . .

Вчерась, ввечеру, ратпенсіонарій желалъ со мною видѣться. И того же вечера, бывъ я у него въ домѣ, имѣлъ со мно[ю] разговоры довольные о дѣлахъ померанскихъ, и притомъ м[нѣ] объявилъ, что они дали еще въ подтвержденіе указъ министр[у] своему Гоусу при датскомъ дворѣ, чтобъ оный дворъ подтве[р]жалъ въ слабыхъ мнѣніяхъ того двора и въ бо́льшее бы со[]гласіе съ его аліаты приводилъ. Но они какъ могутъ видѣт[ь] изъ разныхъ писемъ, его царское величество въ нѣкоторомъ несогласіи находится съ своими аліаты, о чемъ сбо́лѣзнуя, говорилъ и чтобъ искать способы въ бо́льшую гармонію привести. И потомъ, минувъ тѣ разговоры, началъ говорить о турецкихъ дѣлѣхъ, и разсуждалъ, что онъ видитъ изъ письма графа Колліерса, посла своего, небезнадежна впредь къ премѣнѣ тѣхъ турецкихъ дѣлъ; того для чаетъ, что его царское величество изволитъ нѣкакихъ искусныхъ эмиссаровъ, хотя

ной націи, въ тѣ краи послать, и тайнымъ образомъ мо- ть дѣйствовать между народомъ и другими, какъ бы и бличные министры. И притомъ окончалъ, что они указъ ли графу Колліерсу, послу своему, во всемъ такъ трудиться интересамъ его царскаго величества, сколько возможно, и оный за салтаномъ послѣдствовать будетъ, не отлучаяся, дѣ.

Изъ всѣхъ тѣхъ его закрытыхъ словъ, что мнѣ не хотѣлъ мо говорить, я могъ признать, что чрезъ такихъ тайныхъ ссаровъ и чрезъ ихъ министра, какъ въ интересъ свой Портѣ его царскому величеству будетъ дѣлать, такъ и шпонденцію о всемъ имѣть. И хотя ту коррищпонден- посолъ для своего характера своимъ лицомъ дѣлать смо- ъ для убѣжанія всякихъ случаевъ, но можетъ чрезъ своихъ естиковъ.

975. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 2. Гага.

Доношу о дѣлахъ здѣсь мирныхъ, что по извѣстныхъ пред- женіяхъ пляна мирнаго отъ милорда Страффорда, такъ и то отвѣтъ отъ Статовъ чрезъ министровъ ихъ полномочныхъ Утрехтѣ, какъ уже я прежними доносилъ, и, по отправле- грамоты къ королевѣ, всѣ тѣ дѣла нынѣ въ молчаніи есть, ожидается отвѣтъ изъ Англіи.

Топерь секретъ аглинскій открывается, который былъ и ъ между дворомъ тѣмъ и савойскимъ, въ плянѣ мирномъ: нглія объявила о королевствѣ сицильскомъ въ награжденіе у савойскому, и въ такихъ терминахъ генеральныхъ она, нглія, равно Франціи предложила, къ чему она, Франція, къ слышимъ, сходна была. Но помянутая Англія, таясь отъ ранціи и отъ всѣхъ своихъ аліатовъ, учинила трактатъ пар- икулярный съ дукомъ савойскимъ, что ему, дуку савойскому, имѣть во владѣніи все королевство сицильское, а порты мор-

скіе Мессину и другой—Палермо содержать имъ, агличаномъ въ своемъ правленіи и осадить своими гарнизоны. И указ тайные отъ нея, Англіи, уже были даны дуку д'Аргайлю, который нынѣ губернаторомъ въ портѣ Магонъ, чтобы въ готовости имѣлъ учинить транспортъ и осадить гварнизонами аглинскими тѣ помянутые порты при взятіи поцесса того королевства дукомъ савойскимъ. И отъ тѣхъ непорядочныхъ предуготовленій дука д'Аргайля то обязательство между Англіею и савойскимъ открылося. Сія причина хотя здѣшнимъ великую желюзію и придала, но не есть въ состояніи, чтобы могла сей тѣмъ помѣшать.

Но Франція, какъ слышимъ, весьма въ подозрѣніи отъ Англіи есть и неблагодарна себя за такой Англіи поступокъ являетъ и конечно къ тѣмъ намѣреніямъ аглинскимъ допустить не хочетъ, чтобъ она, Англія, могла имѣть помянутые порты Мессину и Палермо въ рукахъ своихъ, разсуждая для того что уже она, Англія, въ томъ Медитерранскомъ морѣ имѣетъ два порта Кадиксъ и другой портъ Магонъ. А ежели будетъ имѣть вышепомянутые два, то будетъ имѣть четыре наилучшихъ порта въ Медитерранскомъ морѣ, чрезъ которые можетъ Англія быть майстеромъ всего того моря и всегда, когда похочетъ, какъ Франціи, такъ и Гишпаніи, свободно войну чинить, и коммерцію въ томъ морѣ обѣихъ тѣхъ потенцій заперетъ.

Министры цесарскіе, получа указъ отъ двора своего на предложенію аглинскому, чтобъ Италію оставить цесарю въ неутральствѣ, ежели похочетъ войну продолжать, и цесареву изъ Каталоніи со всѣми войски Англія обѣщала перевезть,—съ ними, аглинскими министры, тайно о томъ неутральствѣ трактуютъ, также и чрезъ аглинскихъ съ французскими. Но какъ слышимъ, французскіе весьма противны тому являются и не хотятъ, чтобъ Англія изъ Каталоніи цесарское войско перевезла, прежде нежели цесарь мира генеральнаго не учинитъ съ нею, Франціею, для того: ежели цесарь, оставшись въ войнѣ, принужденъ будетъ оныя войска всѣ въ Каталоніи потерять,

она, Францiя, можетъ пресѣчь коммуникацiю моремъ съ про-
винцiями итальянскими, откуль рекрутами и другимъ тѣ войска
цесарскiя содержатся, также и въ бóльшемъ безсилiи безъ тѣхъ
войскъ съ сей стороны имперiи можетъ быть.

Но все то дѣло не можемъ узнать, ежели прямо цесарскiй
дворъ въ томъ дѣлѣ поступаетъ или политикою, усмотря, что
Францiи сiе противно, и чтобы чрезъ какiе ни есть способы
, Францiю, съ Англiею въ несогласiе привесть.

Здѣсь Господа Статы прiуготовленiя свои къ кампанiи дѣ-
лаютъ обыкновенныя.

Вчерашнiй день бывъ у ратпенсiонарiя, желалъ вѣдать, еже-
ли что имѣли новинъ изъ Константинополя, и потомъ, какъ
съ прежними доносилъ, больше въ подтвержденiе новинъ ни-
какихъ Статы не имѣли. Онъ, ратпенсiонарiй, говорилъ, что
до того времени, какъ Порта намѣрена въ кампанiю вы-
ступить, т.-е. въ iюнѣ мѣсяцѣ, онъ надѣется многимъ пре-
мѣнамъ быть.

Я, ожидая указа отъ двора, что принадлежитъ въ тѣхъ дѣ-
лахъ турецкихъ, здѣсь, между тѣмъ, не могъ иного что дѣлать,
только предлагалъ Господамъ Статомъ, чтобы дали указъ своему
послу въ Константинополь интересы его царскаго величества
остеречь и трудиться къ утишенiю той войны. И разсудилъ
потребно, бывъ на сей недѣлѣ въ конференцiи, объявить
ратпенсiонарiю, что его царское величество по трактату мир-
ному съ Портою все содержалъ и войска свои изъ Польши вы-
велъ; а Порта нынѣ, по доношенiю неправому посланнаго па-
ши въ Польшу, войну его царскому величеству объявила для
того, будто его царскаго величества войска еще есть въ Поль-
шѣ. И притомъ просилъ, чтобы Господа Статы послу своему
объявили о неправомъ доношенiи того паши, и что его цар-
скаго величества въ Польшѣ никакихъ войскъ не было. И взялъ
онъ, пенсiонарiй, на доношенiе Статомъ.

Я доношу вашему превосходительству, что все то чрезъ
такое предложенiе не можетъ быть такъ дѣйствительно, какъ
чрезъ письменное какое объявленiе. А особливе нахожу сход-

но,—ежели за благо мое доношеніе изволите принять,—чтоб грамотами отъ царскаго величества Статомъ, такъ и въ Англ обстоятельно объявить съ начала мирныхъ трактатовъ съ По тою, и что миръ оный чрезъ ихъ медіацію былъ подтвержден А самая нужда есть объявить неправый претекстъ отъ Порты для чего начинаетъ войну, и что войска его царскаго вел чества изъ Польши уже давно выведены; а при другихъ дв рѣхъ, хотя не грамотами, но декляраціями учинить. И чрез такія публичныя письменныя объявленія можетъ къ лучшем дѣйству въ интересъ его царскому величеству произойти; и м нистру голландскому, резидующему при Портѣ, способнѣе в дѣлѣхъ поступить, для чего здѣшніе Господа принуждены б дутъ информе указъ своему послу дать съ объявленіемъ, р нымъ тѣмъ, какъ будетъ къ нимъ вышепомянутою изображен

При окончаніи сего, получилъ я вашего превосходительст письмо; отъ 8-го нумера, и по указу вновь предлагать буд Однакожъ уже до указа многія предложенія чинилъ, и обнаде женъ заподлинно, что указъ уже посланъ, и велѣно весьм въ интересъ его царскаго величества стараться послу ихъ и к утишенію сію войну приводить. А пространнѣе изволите увѣ домиться изъ прежнихъ моихъ, отправленныхъ отсель.

Курфюрстъ ганноверскій два регимента кавалеріи и четыр баталіона беретъ изъ Брабанта къ себѣ, которые будутъ упо треблены участкомъ его въ корпусъ войскъ циркуля Саксоні Нижней, который по концерту, учиненному въ Вольфенбюттел долженъ быть вскорѣ собранъ. А здѣшнихъ Господъ Статовъ ми нистръ ганноверскій обнадежилъ, что тѣ войска къ предбудуще кампаніи назадъ возвратитъ. Здѣсь всѣ того чаянія, что по сем концерту принцы имперскіе во всемъ дѣйствительно поступять

Здѣсь Статы заподлинно увѣдомились чрезъ своего министр **Гоуса**, что двору датскому есть предложеніе о мирѣ со сто роны шведской чрезъ дворъ голштейнскій, и что министръ пер вый того двора баронъ **Герцъ** при дворѣ датскомъ уже дво жды былъ. И опасно здѣсь примается, чтобы дворъ датскій к тому склоненъ не явился. И отсель вновь указъ данъ помяну

…у ихъ министру Гоусу, чтобы весьма датскій дворъ удер…алъ отъ партикулярнаго міра и подтверждалъ бы, какъ воз…но, быть тверду съ аліаты своими.

976. Князь Б. И. Куракинъ—А. В. Макарову.

1713 г. января 3. Гага.

Коробка зашитая запечатана подъ именемъ вашимъ и чрезъ …ксандра Гавриловича Головкина послана. И когда оная …чена будетъ, прошу изъ оной вынуть порцелинныя шесть ча…ъ съ блюдечки среднихъ и шесть меньшихъ и два кувшинца и …ть государынѣ царицѣ; а достальное всё, что въ той ко…кѣ обрѣтается, пожалуй отдай и съ письмомъ, приложен…ъ при семъ, Павлу Ивановичу Ягужинскому. И по по…ніи сего, прошу ко мнѣ отписать.

977. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 6. Гага.

Въ собраніи статскомъ предложено, ежели за благо изобрѣ…ъ, послать великую депутацію во всѣ города провинціи гол…дской, также и въ другія провинціи, для понужденія къ за…тѣ денегъ войскамъ чужестраннымъ, для того что многія …винціи своего участка не платятъ. Сіе, разсуждаютъ, есть …ко одинъ претекстъ для помянутой заплаты; но самое дѣло …тайныхъ инструкціяхъ будетъ дано, чтобы провинціи приво…ь къ одному мнѣнію въ согласіе или къ миру, или къ войнѣ. …еще резолюція статская по предложеніямъ о посылкѣ той де…таціи не взята, для того что многіе статы въ несогласіи къ …у, и депутатство великое бываетъ въ нѣкоторые годы и то …самыхъ нужныхъ дѣлъ.

Дѣла мирныя всѣ состоятъ въ прежнихъ мѣрахъ за обо…ніемъ отповѣди на грамоту статскую отъ королевы. О неут-

ральствѣ Италіи хотя цесарскіе и трактуютъ, токмо еще чаемо скораго конца тому; также и дѣло конте Рехтер къ окончанію не приведено, и ожидается отповѣдь чрезъ курье изъ Парижа о послѣднемъ намѣреніи королевскомъ въ сатисфакц

Третьяго дня министръ польскій баронъ Герсдорфъ, бы у меня, объявилъ мнѣ, что одинъ полковникъ въ службѣ ре посполитой венетской, въ свитѣ посла ихъ, венетскаго, ны здѣсь, въ Голландіи, родомъ палатинецъ, называется Геслер бывъ у него, барона Герсдорфа, объявилъ ему, что онъ, Ге леръ, желаетъ знаемство со мною взять и мнѣ нѣкотор предложеніе секретное учинить, которое надлежитъ къ интер самъ его царскаго величества къ нынѣшней начинающей вой съ турки. И на-завтрее того дня онъ, баронъ Герсдорфъ, помянутымъ полковникомъ былъ у меня, который мнѣ, свер словеснаго своего предложенія, подалъ проектъ письменный, котораго копію при семъ посылаю, изъ того изволите о все пространнѣе увидѣть. И притомъ объявилъ: когда его царск величество за потребно сей проектъ изобрѣтетъ и съ ним полковникомъ, кому о томъ дѣлѣ укажетъ трактовать, и тому дѣлу своихъ коммиссаровъ повелитъ прислать, тогда он Геслеръ, объявитъ пространнѣе со всѣми обстоятельствы.

Къ сему же посланному проекту приводя резоны мног говорилъ, что ежели со стороны Медитерранскаго моря явят войска его царскаго величества, тогда мальтійцы, также и ду флорентскій въ аліансъ противу турка вступятъ и помога будутъ. Къ тому же не сумнѣвается, что и папа того аліан не отлучится.

Что же принадлежитъ къ речи посполитой венетской, ка оная весьма неутральна себя содержать хощетъ, того для на лежитъ искать нарочно способы, чрезъ которые бы съ Порт тоё републику ссорить, что принуждена будетъ въ войну турки вступить. И надѣется онъ, Геслеръ, при такомъ случ то учинить, ежели войска его царскаго величества въ тѣ назначенныхъ мѣстѣхъ, по проекту его, будутъ. И просилъ меня чтобы мнѣ, учиня доношеніе двору, учинить ему отповѣдь. Тог

надѣюся, что ваше превосходительство прикажете ко мнѣ писать, чтобъ ему отповѣдь могъ учинить.

По указу каково предложеніе учинить велѣно Статомъ о неправомъ рапортѣ солохоровомъ къ Портѣ, и то письменно учинилъ, и просилъ, чтобы Господа Статы послу своему, резидующему въ Константинополѣ, указъ дали то неправое доношеніе солохорово Портѣ изъявить и притомъ же по прежней своей медіаціи къ утишенію той войны стараніе приложить и къ начинанію войны Порту не допустить. И депутаты то предложеніе взяли на доношеніе собранію статскому секретныхъ дѣлъ.

Вчерашняго числа, бывъ у меня изъ собранія статскаго, Дивинфортъ, который есть по кредиту первымъ человѣкомъ въ здѣшней республикѣ, обнадеживалъ меня, что уже Статы конечно тайный указъ послу своему графу Колліерсу дали, чтобы весьма трудился къ утишенію той войны. И сіе содержатъ секретно они, Статы, чтобы не дать желюзіи ни Англіи, ни шведу.

Сего утра бывъ я у ратпенсіонарія, хотя навѣдаться о дѣлахъ здѣшнихъ, а особливе о конференціи, которую третьяго дня имѣлъ съ депутаты министръ шведскій Пальмквистъ, и объявилъ мнѣ, что помянутый Пальмквистъ предлагалъ Статомъ: первыхъ, чтобы министръ ихъ, статскій, въ Константинополѣ въ какія дѣла, которыя дотыкаются интересамъ его короля, не мѣшался и содержалъ бы себя посредственна; а ежели мѣшаться будетъ, то король его приметъ за нарушеніе трактата, который съ ними имѣетъ; второе,—предлагалъ, чтобъ они, Статы, въ нынѣшнемъ случаѣ, по обязательству своему травендальскаго мира, содержали гварантію, дабы примирить короля датскаго съ ними. И потомъ на все то онъ, пенсіонарій, такими словами обнадежилъ, чтобъ его царское величество въ тѣхъ дѣлѣхъ отъ Статовъ въ подозрѣніи не былъ. И надѣется онъ, пенсіонарій, что Статы всѣ свои мѣры возьмутъ на тѣ Пальмквистовы предложенія инымъ образомъ, нежели ему способныя.

Потомъ говорилъ со мною о дѣлѣ турецкомъ. И сказывалъ, что послѣ первой одной вѣдомости, которую оттуль получили,

больше вѣдомости не имѣли, и признаваетъ быть нѣчто чре
вычайному, что замедлились ихъ письма, для того что обык
венно каждыя двѣ недѣли письма оттуль они получаютъ.

Притомъ же спрашивалъ меня, ежели при аглинско
дворѣ такое же предложеніе велѣно учинить о неправомъ д
ношеніи Портѣ отъ посланнаго солохора, каково здѣсь
по указу учинилъ, но я отвѣтствовалъ невѣдѣніемъ. И меж
тѣми разговоры объявлялъ мнѣ, чтобъ Англіи такимъ же обр
зомъ предлагать о неправомъ доношеніи солохоровомъ Порт
хотя и знавъ ее, Англію, въ иномъ нынѣ мнѣніи къ интереса
царскаго величества, токмо для того, чтобъ Англія къ здѣ
нимъ Господамъ Статомъ въ томъ дѣлѣ въ подозрѣніи
была; также и объявленіе то о неправомъ доношеніи солох
ровѣ что будетъ при многихъ дворѣхъ разглашено, то скор
внушено можетъ быть.

Я разсудилъ за потребно, хотя не имѣвъ указа отъ двор
писать сегодня къ г. де-Литу и объявилъ ему, ежели онъ ука
отъ двора о семъ не имѣлъ, по повинности своей, какъ м
нистръ, собою предложилъ бы двору аглинскому токмо о непр
вомъ доношеніи солохоровомъ Портѣ, и что войска его ца
скаго величества изъ Польши уже давно выведены, также
гарнизонъ эльбингскій въ сентябрѣ мѣсяцѣ; а чтобы проси
медіацію ея, Англіи, о томъ я умолчалъ, оставляя на ука
отъ двора.

Предъ нѣсколькими днями здѣсь увѣдомлены были, ч
цесарскіе министры, подъ претекстомъ неутралиты въ Итал
трактуютъ съ министры французскими тайно о десяти прови
ціяхъ нижнихъ, т.-е. Брабантахъ и Фляндрахъ, что все
цесарь уступаетъ на обмѣнъ во владѣніе курфюрсту баварском
а Баварія должна остаться во владѣніи дома аустрійскаго.
нынѣ Господа Статы въ большомъ подозрѣніи отъ цесарски
застаютъ отъ помянутой негоціаціи, когда увѣдомились о то
въ подтверженіе чрезъ коррипонденцію отъ двора францу
скаго. И ежели такой трактатъ цесарскіе правдивымъ намѣр
ніемъ чинятъ и окончаютъ, то къ великому предосужденію м

...етъ быть здѣшнимъ Господамъ Статамъ, для того что отъ ...желаемаго своего барьера они, Статы, ни одной крѣпости не ...лучать и принуждены будутъ остаться при своихъ старыхъ ...ницахъ. И смотрѣть будемъ, что̀ изъ сего произойдетъ. Токмо ... дѣло разсуждается, что цесарскіе въ то дѣло вступаютъ и ...мъ даютъ подозрѣніе здѣшнимъ нарочно, чтобы привести ихъ, ...ковъ, чрезъ какіе ни есть способы къ бо́льшей резолюціи ... продолженію сей кампаніи.

Министру шведскому третьяго дня депутаты статскими объ...лено, что Господа Статы примаютъ сіе властно, какъ къ ...ему собственному интересу, въ разореніи и пожженіи города ...ны, и тѣмъ поступокъ генерала Штенбока не могутъ ...ко вмѣнить, какъ самый барбарскій. И многимъ ихъ под...ннымъ статскимъ учинено немалое разореніе и убытокъ, и чтобъ ...редь онъ, Штенбокъ, отъ своихъ намѣренныхъ барбарскихъ ...ступковъ себя удержалъ. На то помянутаго министра швед...аго была отговорка тѣми доводы, какъ Штенбокъ въ письмѣ ...оемъ писалъ; о чемъ уже вамъ извѣстно. Но я, съ своей ...роны, тому противно объявлялъ, что войска его царскаго ...чества никакого разоренія въ Помераніи не чинили, и то ..., Штенбоково, разглашеніе есть фальшивое.

На дорогу подьячимъ до Вѣны каждому дано по двадцати чер...нныхъ, для того что вы изволили мнѣ приказать ихъ отправить ...езъ почту, а ежели бы на простомъ фурманѣ, то бы дешевле.

978. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. января 6. Ванцбергъ.

Хотя я къ вашей милости напредь сего изъ Гистрау, де...бря отъ 15-го, подъ № 7-мъ, писалъ о бывшей баталіи при ...дебушѣ межъ датскими и свейскими войски, какимъ оная ...учаемъ, прежде слученія войскъ его царскаго величества, ...шлась, однакожъ еще симъ паки въ пополненіе прежняго, ...ля всякаго случая, объявляю. Когда король датскій при-

шелъ съ войскомъ своимъ въ Гадебушъ, то прислалъ съ ув домленіемъ о томъ къ царскому величеству въ Гистрау ген ралъ-адъютанта Вильдебоу и требовалъ къ себѣ въ случе двадцать шквадроновъ кавалеріи да двухъ полковъ пѣхоты гва діи царскаго величества, по которому его требованію отпр влено тогда изъ Гистрау сперва саксонской конницы тридца шквадроновъ, подъ командою г. фельдмаршала графа Флеминга; а того же времени изволилъ его царское велич ство съ первою дивизіею пѣхоты своей, гдѣ и гвардія был туда же самъ идти. И тогда-жъ отправленъ къ королю да скому помянутый генералъ-адъютантъ съ извѣстіемъ о томъ, дабы онъ, король датскій, искалъ удобнаго случая со всѣ тѣми, пошедшими отъ Гистрау, войски случиться, не испуск времени, чтобы, случась съ датскими войсками, общими сил ми противъ непріятеля надежнѣе дѣйствовать. Но онъ, коро датскій, хотя отъ непріятелей былъ свободенъ, умѣшкалъ Гадебушѣ 5 дней; а тѣмъ временемъ генералъ шведскій Ште бокъ, не допустя нашихъ войскъ до слученія, его атаковал И была та баталія, къ которой токмо приспѣла въ тотъ де саксонская конница. Сіе я пишу къ милости вашей для тог что ежели о томъ кто-либо будетъ говорить, для чего войска наш на ту баталію съ датскими не поспѣли, то извольте по выш писанному содержанію отвѣтовать, какимъ то случаемъ уч нилось.

О здѣшнемъ поведеніи объявляю, что его царское велич ство съ арміею своею и притомъ съ датскою и саксонско конницею прибылъ въ Голштенію, и нынѣ обрѣтаемся въ п лумилѣ отъ Гамбурга. Генералъ шведскій Штенбокъ, услыш вступленіе наше, сюда маршируетъ съ войскомъ своимъ вда Голштеніи и обрѣтается нынѣ въ четырнадцати миляхъ от насъ, въ дитмаршеской землѣ, за которымъ наши имѣют маршъ свой, елико могутъ продолжать.

979. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 13. Гага.

На прошлой почтѣ при аглинскомъ дворѣ резидующій министръ статскій писалъ сюда, что онъ, при поданіи ремарокъ шихъ, разговоръ видѣлъ непріятный отъ статскаго секретарія, первыхъ, что Контей Франція никогда не уступитъ, также не чаетъ, чтобы могло больше отмѣнено быть предъ тѣмъ, къ чрезъ милорда Страффорда послѣдній плянъ мира явленъ; однакожъ впредь обѣщалъ письменно отвѣтствовать, же рѣшеніе учинитъ королева.

Секретарій датскій фонъ-Штеккенъ получилъ указъ отъ ра своего и третьяго дня по тому объявилъ, что король ту половину войскъ, которая была на заплатѣ аглинской, изъ бинта отзываетъ, съ которымъ корпусомъ велѣно дуку Вюртенбергу самому маршировать; о чемъ онъ, дукъ, вчерашняго бывъ у меня, самъ сообщалъ и сказывалъ, что уже указъ къ войскамъ далъ, чтобы по пятнадцати дняхъ были въ готовности, а онъ самъ по десяти дняхъ надѣется отъѣхать до бурга напредь. Числомъ тотъ корпусъ, кавалеріи и пѣхоты, ло шести тысячъ.

Здѣсь въ великой конфузіи себя при помянутомъ отзывѣ войскъ датскихъ находятъ, для того что тѣ войска первыми союзныхъ во всей ихъ арміи аліатской находятся. Также саксонскія вскорѣ будутъ маршировать, а ганноверскія и кассельскія уже въ маршѣ. И убавки у нихъ, аліатовъ, въ Брабантѣ учинится съ 15 тысячъ войска, опричь прусскихъ, который же, какъ слышимъ, намѣренъ съ 8000 отозвать. И уже по всѣмъ обстоятельствомъ, безъ всякихъ дальнихъ разсужденій, дится здѣсь, что Францiя сей весны прежде мира возвратитъ оружіемъ всё, что̀ потеряла.

Здѣсь съ великимъ желаніемъ ожидаютъ всегда полезныхъ вѣдомостей о дѣйствахъ счастливаго оружія его царскаго величества и его аліатовъ, и при такомъ случаѣ могли бы себя

въ лучшее состояніе привести, нежели топерь, безъ всяко впредь отсюду надежды. И какъ слышу въ разсужденіяхъ здѣшнихъ, что за нѣсколько времени сія республика такъ в опасности не была, какъ нынѣ находится: впервыхъ, наипаче всего между ними несогласіе, и многіе партикулярныхъ своихъ интересовъ смотрятъ, нежели отечества; второе, недостатокъ денегъ,—однакожъ, ежели бы доброе согласіе, могли бы способъ найти; третье, чрезъ свою негоціацію Франція всѣхъ алiатовъ къ такому несогласію привела и всё то мирное дѣло в мочь рукъ своихъ взяла, что больше въ тѣхъ дѣлѣхъ къ своему авантажу не имѣютъ упованія.

Здѣсь увѣдомлены о проектѣ Штенбока съ Веллингомъ, что оный Штенбокъ баталіи не намѣренъ давать и будетъ ретироваться внутрь Ютландіи и на узкихъ пассажѣхъ везде удерживать армію его царскаго величества, сколько можетъ, и чрезъ то фатиговать войско и продолжать время, слагая с дѣлы турецкими и входомъ его короля въ Польшу, для того разсуждая, что будто его царское величество принужденъ будетъ съ войски своими выступить въ Польшу.

Но здѣсь разсужденія многихъ противу того проекта Штенбокова и Веллингова, для того что онъ, Штенбокъ, не въ состояніи на пассажѣхъ войска его царскаго величества удерживать, а особливе, не имѣючи довольно пѣхоты. Также разсуждается, что датскія войска, съ той стороны совокупясь, которыя из Норвежіи пришли, при крѣпкихъ и узкихъ мѣстѣхъ не допустятъ его, Штенбока, внутрь своей земли дойти. И, наконецъ, видится весьма ихъ паденію шведскому и разоренію всей ихъ той арміи.

Вчерашняго дня бывъ въ конференціи съ ратпенсіонаріемъ, желалъ отъ нихъ на предложеніе мое отповѣди, чтобъ указъ дали послу своему неправое доношеніе солохорово Портѣ объявить и трудиться къ примиренію той войны. На что онъ мнѣ, ратпенсіонарій, по многихъ разговорѣхъ сказалъ, что со стороны ихъ въ томъ дѣлѣ не упущено ничто, и посолъ ихъ уже указы о томъ имѣетъ; токмо сіе дѣло деликатное. Того для

…жить сіе дѣло искусно повести, для того что министры …анцузскій и аглинскій, весьма помѣшатели будуть; а объ …ѣтѣ мнѣ информе письменномъ онъ, пенсіонарій, будеть …е въ тайномъ собраніи говорить. И притомъ мнѣ сказалъ, … они получили отъ посла своего изъ Константинополя вѣдо…сть, отъ 12 декабря, въ которой на прежнія свои подтвер…ѣть, а особливе объявляеть, что муфтій еще сентенціи …ей къ войнѣ не далъ, и азіатскимъ войскамъ указъ не …алъ, а салтанъ со всѣмъ дворомъ въ Адріанополь поѣхалъ. …ъ будеть смотрѣть на французскаго и аглинскаго, поѣдуть …ли нѣтъ, и по тому будеть примать свои мѣры. А нынѣ …, всѣ министры, секретаріемъ своимъ при дворѣ послѣд…вать велѣли.

Прошу, мой государь, повелѣть ко мнѣ прислать окладомъ …ъ генералъ-лейтенанта и до полковника вѣдомость для найма, …тивъ указа, офицеровъ, для того, чтобы зналъ, имъ что обѣщать.

980. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 15. Гага.

Изъ публичныхъ вѣдомостей я увѣдомился о скоромъ походѣ … царскаго величества до С.-Петербурга. Того для по…дило меня симъ ваше превосходительство просить о рѣшеніи … дѣла, которыя прилежатъ къ съѣзду утрехтскому, и при …ъ послать нѣкоторые пункты, также и на примѣръ формы …омочной и вѣрющихъ, а для лучшаго извѣстія и копіи взя…ыхъ отъ министровъ польскихъ, о которыхъ прошу скрытно …ъ польскаго двора содержать. И на все то буду ожидать чрезъ …ше превосходительство указа его царскаго величества. А когда …олите такія прислать, то копіи извольте прислать только на …скомъ языкѣ, а здѣсь будеть на латинскомъ поставлено или … французскомъ для лучшей силы.

Всѣ опредѣленные министры къ съѣзду въ Утрехтѣ имѣ…ютъ чинъ статскій тайнаго совѣтника. Того для не имѣю на-

...ѣрами просить ваше превосходительство о томъ себѣ чин... ...нами прошу для одного нынѣшняго случая съѣзда въ Утрех... ...вся написать министромъ статскимъ, какъ я при посланных... ...копіяхъ при семъ нарочно означилъ. И сіе мое прошеніе ... для чего иного, токмо для убѣжанія мнѣ партикулярна... стыда.

981. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. января 15. Ренсбургъ.

Его царское величество повелѣлъ мнѣ къ милости ваш... писать, что понеже, можетъ быть, при мирныхъ впредь ... шведомъ трактатахъ трудность большая будетъ о Ригѣ, кот... рой морскія державы, а особливо Голландія, при насъ остатьс... или наипаче онуя, какъ имъ уже объявлено, полякомъ отда... весьма не похотятъ, и тѣмъ онѣ могутъ въ миротвореніи пр... пятіе чинить,—того ради изволите ваша милость, при разг... ворѣхъ о сихъ дѣлахъ съ ратпенсіонаріемъ, объявить ему пр... стойнымъ образомъ, якобы не имѣя о томъ его царскаго вели... чества указа, нижѐ вѣдая о семъ его царскаго величест... намѣренія, отъ себя въ разговоръ, что ежели бы тотъ город... Ригу, ради пресѣченія впредь о ней будущихъ трудностей, ост... вить вольнымъ подъ протекціею польскою такъ, какъ Гданеск... пріятно ли то Господамъ Статомъ будетъ. И за такую его цар... скаго величества уступку (понеже въ томъ будетъ наивящша... Голландіи прибыль и размноженіе въ торгахъ) чтó при буду... щемъ съ шведомъ мирѣ могутъ въ интересъ его царскаго вели... чества учинить? И чтó на сіе отъ него, пенсіонарія, въ отвѣт... получишь, и какія онъ о томъ разсужденія отъ себя подават... будетъ, о томъ изволь къ намъ немедленно писать. И при тѣх... разговорѣхъ увѣрь его, пенсіонарія, въ томъ, чтобъ онъ о се... до времени другимъ не объявлялъ.

982. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. января 15. Ренсбургъ.

Посылается при семъ его царскаго величества грамота къ сподамъ Статомъ объ объявленіи отъ турокъ противъ его рскаго величества войны, дабы они въ отвращеніе оной, езъ посла своего въ Константинополѣ, представленіи своими помогали, съ которой, для извѣстія милости вашей, прила- о списокъ по-русски, а при подлинной грамотѣ приложена ія на латинскомъ языкѣ. И ваша милость извольте ту гра- у Господамъ Статомъ подать и по содержанію оной у нихъ гаться, чтобъ они турковъ отъ того неправеднаго начина- войны чрезъ добрыя средства, яко медіаторы, отвратить лися и къ послу своему въ Константинополь крѣпкій о ъ указъ дали, за что ихъ обнадежить взаимною пріязнью бязаніемъ его царскаго величества.

Такая же грамота равнаго содержанія послана нынѣ и къ олевѣ аглинской, но не знаемъ, какъ оная въ томъ посту- ъ; о чемъ изволите корреспондовать съ г. Литомъ и об- ъ согласіемъ при тѣхъ дворѣхъ о томъ трудиться.

Писалъ ко мнѣ изъ Гаги неоднократно священникъ Аѳана- Аѳанасьевъ, бывшій при г. Матвѣевѣ, котораго онъ ъ по отъѣздѣ своемъ оставилъ, прося себѣ указа объ от- ѣ къ Москвѣ и о дачѣ на дорожный проѣздъ жалованья. вашей милости симъ напоминаю, что ежели тотъ священ- ъ вамъ потребенъ, то извольте у себя удержать; а ежели отребенъ, то, давъ ему на дорожный проѣздъ, что пристойно, устите его въ Россію на корабляхъ къ городу или къ Ригѣ, бы онъ тамо туне не нищенствовалъ. А что изволите ему проѣздъ денегъ дать, тó милости вашей немедленно запла- о будетъ.

О здѣшнемъ объявляю вашей милости, что его царское ве- ество съ войски своими, а притомъ съ совокупленными дат- ми и саксонскими, слѣдуя за непріятелемъ въ Голштенію,

прибылъ въ Ренсбургъ, къ которому и помянутая соединенн армія вся пришла. Непріятель обрѣтается нынѣ отсюда 4-хъ миляхъ около Гузена, надъ которымъ на сихъ дняхъ ч ненъ будетъ надлежащій промыслъ, къ чему даждь, Вышні намъ счастіе.

983. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 16. Гага.

Статы третьяго дня съ почтою получили отъ королевы с повѣдь на извѣстную грамоту, которая въ генеральныхъ терм нахъ писана, что она дала указъ на ихъ присланныя ремар своимъ полномочнымъ въ Утрехтѣ въ конгрессѣ генерально объявить, и все то надѣется быть къ ихъ интересу и удово ству всѣхъ аліатовъ.

Войска датскія отзываются изъ службы ихъ, статской, ка я о томъ прежними своими доносилъ. И нынѣ изъ разговоро какъ ратпенсіонарія, такъ и другихъ депутатовъ я себѣ в дѣлъ, что они имѣютъ упованіе немалое въ семъ дѣлѣ на е царское величество, что онъ чрезъ свои добрыя средства да скій дворъ приведетъ къ тому, чтобъ оныя войска тотъ дво оставилъ въ ихъ, статской, службѣ, что они, Статы, за д брую пріязнь его царскаго величества примутъ. И разсуждаю въ томъ быть при нынѣшнихъ случаяхъ властно какъ бы со ственнаго интереса его царскаго величества для того, чтоб видѣть здѣшнихъ аліатовъ противу Франціи въ силѣ и въ с стояніи добромъ; а ежели будутъ въ безсиліи и безсчастни и худой миръ учинятъ, то тогда и аліатомъ, воюющимъ въ сѣвер худое упованіе имѣть можно будетъ въ дѣлѣхъ своихъ.

И я доношу о томъ къ сему, чтобы чрезъ резидующа его царскаго величества министра при датскомъ дворѣ в семъ дѣлѣ къ интересамъ ихъ, статскимъ, стараніе показат Министръ польскій баронъ Герсдорфъ мнѣ говорилъ, ч и онъ отъ короля своего объ отзывѣ войскъ декляровать указ

мѣетъ, и подъ нынѣшній случай удерживаетъ, чтобы бо́льшую обу здѣшнимъ не придать, для того что помнятъ, будто то согласію съ датскимъ дворомъ учинено, для чего есть некое подозрѣніе въ отзывѣ датскихъ войскъ, что то чрезъ анцузскія интриги чинится того для, что уже предъ нѣсколь- мъ временемъ изъ Франціи въ письмахъ здѣсь являлось, что оръ французскій надѣяніе имѣетъ объ отзывѣ датскихъ войскъ. сіе подозрѣніе придаетъ чрезъ тѣ же французскія интриги миру партикулярному того двора съ шведомъ.

Прошлой почты я писалъ вашему превосходительству, что енсіонарій на извѣстное мое предложеніе о дѣлѣ турецкомъ далъ еще въ тайномъ собраніи говорить и мнѣ отповѣдь ать. И вчерашняго дня, ввечеру, былъ у меня самъ грефій гель и объявилъ мнѣ, что Статы на предложеніе мое треть- дня, во вторникъ 13 января, себя рѣшили и послать указъ Константинополь, сверхъ прежде посланныхъ, изъ секрета нѣ къ послу своему графу Колліерсу велѣли, который сей ницы завтрее отправленъ будетъ.

Содержаніе того указа есть, чтобъ ему, послу графу Кол- рсу, ѣхать немедленно въ Адріанополь и послѣдствовать при ртѣ вездѣ и въ кампаніи неотступно, и, что къ пользѣ ересовъ ихъ, статскихъ, также и всего христіанства, во мъ престерегать, и въ томъ такимъ образомъ со всякою при- ностью поступать, какъ онъ за благо и сходно найдетъ по енію и случаемъ тамошнихъ дѣлъ. И притомъ онъ, грефій гель, мнѣ объявилъ, что сей указъ данъ въ такихъ терми- ъ, что его можетъ употребить публично и при случаяхъ азать какъ Портѣ, такъ и министромъ чужестраннымъ, что , по указу статскому, будетъ при дворѣ послѣдствовать вездѣ. сверхъ сего помянутаго указа, объявилъ мнѣ за самый се- етъ, что еще къ прежнимъ въ подтверженіе нынѣ они дали ъ ему, графу Колліерсу, пространный, чтобы трудился къ миренію той войны съ его царскимъ величествомъ по всей ей возможности и неправое доношеніе паши, бывшаго въ ньшѣ, тамъ внушалъ, и кредитъ на купцовъ тамошнихъ ад-

ресовали нѣкоторой суммы денегъ для нужныхъ ему расходовъ И притомъ просилъ меня онъ, грефій Фагель, чтобъ я име немъ Господъ Статовъ обнадежилъ его царское величество, чт весьма во всѣхъ случаяхъ не оставятъ должности своей пока зать, гдѣ возможно, къ интересамъ его царскаго величества.

Сего утра бывъ я у ратпенсіонарія, что принадлежало, го ворилъ о коммерціи и о томъ указѣ статскомъ. Немногим разговоры мнѣ на вышепомянутое подтвердилъ и разсуждалъ что чаяніемъ надѣется къ доброму окончанію сему турецкому дѣлу приведену быть. А сила въ томъ дѣлѣ та есть, чтоб показать Портѣ о неправомъ доношеніи, что войска его цар скаго величества уже давно выведены изъ Польши; того д нынѣ не надлежитъ войскамъ его царскаго величества въ Польш вступать, но смотрѣть тамошнихъ надобно на послѣдованіе дѣл имѣть добрую коррипшонденцію оттуль и, слагая тѣ дѣла, п тому и мѣры свои примать. И притомъ объявилъ, что граф Колліерсъ нынѣ въ послѣднихъ своихъ письмахъ не объявлял ничего о томъ, какъ онъ прежде объявлялъ, что Порта при маетъ резолюцію, чтобы королю шведскому дать нынѣ нѣкото рое число войскъ для его вступленія въ Польшу. И посе видимо, что еще по желанію шведскому не всё исполняется

Я доношу вашему превосходительству и нахожу сходно, чтоб вы изволили къ графу Колліерсу письмомъ своимъ интересы е царскаго величества рекомендовать и притомъ въ награжден ему что обѣщать. А я здѣсь оказію добрую имѣю то письм къ нему сослать; токмо не сумнѣваюсь, что вы изволите при казать то не въ явныхъ терминахъ написать для всякихъ слу чаевъ. Но я, съ своей стороны, до него, графа Колліерс сего же дня при посланномъ указѣ писалъ и рекомендовалъ инте ресы его царскаго величества. А того человѣка, который мн обязался чрезъ себя сію коррипшонденцію съ нимъ, графом Колліерсомъ, продолжать, не могъ нынѣ больше инымъ чѣм удовольствовать, токмо тѣми пятью парами соболей, котор въ Лейпцигѣ ваша милость мнѣ изволили дать; а не худо б что еще ему изъ тѣхъ же или чего иного прибавить.

984. Князь Б. И. Куракинъ—кн. В. Л. Долгорукову.

1713 г. января 17. Гага.

Дукъ Вюртембергъ четвертаго дня получилъ указъ отъ
ра датскаго здѣсь Статомъ декляровать, что король его ука-
ъ ему маршировать въ Голштенію съ войски датскими тѣ-
, которыя на заплатѣ аглинской были, что̀ всѣхъ учинитъ
6000 человѣкъ. И объявилъ, что по пятнадцати дняхъ бу-
ъ маршировать. Здѣшніе Господа въ великой конфузіи на-
тся, для того что наилучшія ихъ датскія войска изъ служ-
отойдутъ; также и саксонскихъ 4000, также нѣсколько ган-
ерскихъ, цельскихъ, прусскихъ, что убавокъ учинитъ въ
сахъ аліатскихъ съ 20 тысячъ, а французскихъ прибудетъ.
И по той деклярацiи третьяго дня депутаты статскіе мнѣ
орили, хотя не предложеніемъ, но своимъ разговоромъ, что̀
признавъ, примаю за самое предложеніе, что они, Статы,
нынѣшнихъ случаяхъ весьма обязаны интересы взаимно
ъ другу престерегать съ сѣверными аліаты, и ежели одна
гую сторону увидитъ къ паденію, то весьма равная опас-
ть другой можетъ быть; того для они, Статы, надѣются,
его царское величество приложитъ свой трудъ и датскій
ръ отъ того предудержитъ, чтобы тѣ войска изъ службы
, статской, отозваны не были.

Я, съ своей стороны, не могу вамъ свое мнѣніе прямо
ъ, не знавъ состоянія тамошнихъ дѣлъ, чего для оставляю
ваше разсужденіе. Но ежели миновать можно, весьма бы
дно было къ общимъ интересамъ, чтобы тѣ войска датскія
авлены въ здѣшней службѣ были, для того что сѣверные
ющіе только однихъ имѣютъ себѣ пріятелей, какъ здѣшнюю
ецію. А ежели здѣшнимъ удовольства не будутъ чинить,
видѣть здѣшнихъ въ несчастіи, то весьма худое упованіе
ъ своихъ властныхъ интересахъ имѣть можемъ.

О дѣлахъ турецкихъ ежели всѣ тѣ вѣдомости розныя опи-
ать, то требуетъ долгаго времени; но изъ тѣхъ всѣхъ крат-

ко объявлю, что есть не безъ упованія впредь, что може сіе дѣло примирено быть, токмо бы нашихъ фотовъ не бы или какой непрестороѫности.

Мирныя дѣла состоятъ въ томъ, что ожидается извѣстіе и Англіи, и миръ конечно сего года учиненъ будетъ; ток Франція весьма кампанію начнетъ, и взятые города всѣ от бравъ, оставя здѣшнихъ Господъ безъ барьера, миръ учини

Я васъ, мой государь, повторительно прошу показать св прилежность при томъ дворѣ, чтобы датскихъ войскъ не отз вать. И уже здѣсь чрезъ письма изъ Франціи является, ч тотъ дворъ надежнымъ есть, что датскія войска будутъ и службы статской отозваны. Сіе придаетъ многому разсуждені что уже факція французская внутрь того датскаго двора воші И посему видится, что тотъ дворъ датскій будетъ себѣ иска способа чрезъ тотъ французскій и къ миру партикулярному, убѣжать всѣхъ себѣ злостей.

985. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. января 19. Гага.

Сболѣзнуя сердцемъ о несчастливомъ вамъ, мой государ припадкѣ и примая то, якобы самому себѣ, надѣюся, что Вы ній васъ освободитъ изъ того несчастливаго случая, и дѣла в лучшее состояніе прійти могутъ.

Топерь объявляю о дѣлахъ. Здѣшнія дѣла такъ въ худо состояніи со стороны аліатовъ находятся, что Франція къ св имъ рукамъ въ силу привела, что она есть майстеромъ мир чинить и войну продолжать; и хотя миръ сего лѣта учинен будетъ, однакоже кампанія начнется. И уже предвидѣно, ч Франція, при начинаніи сей кампаніи, потерянное все отберет еще къ тому что и чужого прихватитъ, для того что войск будетъ предъ аліатами имѣть съ 50 тысячъ лишку. Англ весьма въ интересъ Франціи, токмо тамъ всегда надобно ожи дать премѣны.

О дѣлахъ нашихъ. Штенбокъ въ 14 тысячахъ побилъ въ Висмара датчанъ и артиллерію, и багажъ взялъ, и 3000 ону, и потомъ впалъ въ Голштенію. А царское величество всѣми своими войски маршируетъ за нимъ, и уже по вченюю почту объявлено, что въ Ренсбургъ его величество шелъ, а шведы ретируются въ Ютландію. Намѣреніе того нбока внутрь провинцій датскихъ войти и принудить къ тикулярному миру, къ чему есть такая опасность, что ежели ска его царскаго величества ничего не учинятъ, то весьма учемъ будетъ.

Его царское величество на сихъ дняхъ возвращается въ ербургъ, а государыня царица напредь уже пошла. Дѣла въ нѣ въ старыхъ премѣнахъ идутъ.

Надѣюся,—прежде бывшій труды прилагалъ и прилагать буъ, который довольно наказанъ о томъ. И мы, безъ сумнѣ, къ доброму концу надежни есть.

986. Князь Б. И. Куракинъ—А. А. Матвѣеву.

1713 г. января 20. Гага.

Министры аглинскіе въ Утрехтѣ третьяго дня, бывъ въ конференціи съ министры статскими, на посланныя ремарки отъ татовъ пунктуально на всё отвѣтствовали, и по желанію ихъ, татскому, въ главныхъ пунктахъ о Турнэ и о другихъ прилежащихъ дѣлѣхъ къ барьеру Франція себя сходна явила. что принадежитъ о разореніи фортеціи Контея и о тарифѣ ихъ запросамъ, статскимъ, и на то аглинскіе министры объли имъ, министромъ статскимъ, что о томъ они будутъ шаго способа къ удовольству ихъ искать, вступя въ генеральную конференцію съ министры французскими. И того для двухъ дняхъ начнется генеральный конгрессъ, и предложе тѣ съ обѣихъ сторонъ публично объявятся.

О нейтральствѣ Каталоніи и Италіи уже цесарскіе минира, какъ слышимъ, въ конференціи съ французскими всту-

пять, и чаемъ, что сіе дѣло къ окончанію приведено буд
вскорѣ.

Здѣсь, по полученіи вышепомянутаго отвѣта изъ Англіи, в
весьма есть, что миръ вскорѣ учинится, токмо смотрѣть
демъ, ежели со стороны Франціи того вскорѣ желается. Ка
видимъ нынѣ, министры французскіе третьяго дня объя
ли аглинскимъ, что конечно ни въ какую конференцію ген
ральную не вступять прежде, ежели Статы удовольство въ дѣ
конта Рехтерна безъ малаго изъятія по всѣмъ ихъ запрос
учинять. Того для вчера въ собраніи статскомъ довол
диспута было, однакоже, наконецъ, по желанію помянут
принуждены будуть все учинить.

Объ отзывѣ войскъ датскихъ, какъ я упоминалъ прежн
своими, уже больше нѣтъ вида къ тому, чтобы тѣ мо
удержаны быть здѣсь, и въ предбудущую недѣлю марширов
будуть. Саксонскія указа подлиннаго еще о маршѣ своемъ
имѣють, также и прусскія. Я сумнѣваюся, чтобы по обѣщані
своимъ оный дворъ то могъ исполнить и указъ дать въ Ко
стантинополь къ своему министру объ извѣстныхъ дѣлѣхъ, д
того что г. Далманъ, резидующій того двора министръ, у
абшидъ свой отъ Порты взялъ и въ пути есть.

Что же принадлежить въ томъ дѣлѣ смотрѣть мнѣ, преб
ваючи здѣсь, то весьма не упущено въ томъ ничего такъ, ка
бы годно всякому смотрѣть. Я надѣюся впредь свободенъ бы
отъ такихъ экспрессій, которыя бы только долженъ получи
отъ двора. Корришпонденція между министры не можетъ
иномъ состояться, токмо откровенный рапортъ чиня единъ др
гому о дѣлахъ при своей резиденціи.

987. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. января 24. Утрехтъ.

По пріѣздѣ своемъ, въ Утрехтѣ въ какомъ состояніи дѣ
здѣшнія нашелъ, топерь объявлю.

На извѣстныя ремарки Статовъ королева аглинская въ о

...ъ имъ учинила, что ничего премѣнить не можетъ больше, ...ъ уже прежде плянъ имъ, Статомъ, чрезъ посла ея милорда ...раффорда показанъ. И на ту отповѣдь здѣшніе Господа ...ъ себя явили къ миру склонна, что отдались весьма въ ...и королевѣ аглинской и трудятся чрезъ ея министровъ, ...ъ бы наискорѣе миръ, съ Франціею учинить, не допустя до ...упленія въ кампанію.

И четвертаго дня полномочные министры статскіе съ аг...скими трактатъ о барьерѣ и сукцессіи заключили и размѣ...ись, о которомъ я предъ нѣсколькими недѣльми двору до...илъ. Хотя подробно не можемъ вѣдать содержаніе того ...тата, но, какъ слышимъ, генерально барьеръ тотъ весь ...держенъ, какъ Англія хотѣла, также и сукцессія о коронѣ ...нской, въ которомъ пассажѣ былъ терминъ „эквивакъ", и ...ъ нѣкоторымъ образомъ премѣнили явнѣе. И на тѣ трак...ы вскорѣ ожидаютъ изъ Англіи ратификаціи.

Сей учиненный трактатъ о барьерѣ знакъ скорому окончанію ...ральнаго мира. И повседневно министры аглинскіе съ це...скими и французскими въ конференціяхъ бываютъ и тру...ся о неутральствѣ въ Италіи, также и о транспортѣ цеса...ы и войскъ цесарскихъ изъ Каталоніи, и уже къ сходству ...обѣихъ сторонъ приходитъ. Токмо цесарскіе трудятся, чтобы ...оль Филиппъ амнистію всѣмъ каталонцемъ учинилъ и со...жалъ бы ихъ въ прежнихъ привилежіяхъ, какъ были прежде ...о за королемъ гишпанскимъ.

Министры французскіе въ томъ сходны не являются, но ...являютъ, чтобъ они, цесарскіе, трактовали, по прибытіи ...да, съ министры гишпанскими; также цесареву и войска ...сарскія перевезть изъ Каталоніи прежде не хотятъ позволить, ...ели миръ генеральный отъ нихъ, цесарскихъ министровъ, ...дписанъ не будетъ; не хотятъ въ Гишпаніи учинить арми...щію партикулярно, кромѣ здѣшнихъ краевъ. И по всѣмъ сла...мъ поступкамъ министровъ цесарскихъ видимъ, что сіе по...нутое дѣло окончается скоро. А когда сіе о неутральствѣ ...транспортѣ изъ Каталоніи къ окончанію приведено будетъ,

то и миръ генеральный уже почитай учиненъ есть. И ежел
какихъ нечаянныхъ премѣнъ не припадетъ, то, какъ може
видѣть нынѣ, генеральный миръ совсѣмъ окончается въ мар
мѣсяцѣ на такомъ основаніи, какъ Англія прежде сего всѣ
объявила и повелѣла.

Правда, всѣмъ дивенъ поступокъ министровъ цесарск
нынѣ, какъ вдругъ, оставя свою спесь, раболѣпно къ аглиі
скимъ и французскимъ поступаютъ и весьма ищутъ, чтобъ о
господъ голландцевъ въ трактатахъ мирныхъ не отстать; мн
гимъ та ихъ торопость къ разсужденію розному придаетъ.
отъ нѣкотораго заподлинно мнѣ сказано, что вѣнскій дво
весьма въ опасности есть чрезъ нѣкоторые уже виды вой
турецкой, и будто для сего къ скорому здѣсь окончанію св
дѣла привести хотятъ.

Во всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ по поступкамъ министровъ фра
цузскихъ признать не можемъ, ежели оные прямо намѣре
сію негоціацію прежде вступленія въ кампанію окончать ил
продолжить для того, чтобы, вступя въ кампанію, видя сл
бость аліатскую, могли что еще взятаго отобрать. Но чаемъ, п
согласію ихъ съ Англіею, она, Франція, уже больше не намѣ
рена себѣ иного авантажа искать, какъ довольно нынѣ имѣетъ
и заключеннаго о барьерѣ трактата, учиненнаго съ Англіею
она, Франція, нарушить не похочетъ, и ни въ какое несогл
сіе съ нею, Англіею, она, Франція, нынѣ не поступитъ дл
установленія на тронъ принца Галлиса и къ окончанію по
слѣдняго своего намѣренія.

Министръ шведскій Пальмквистъ объявилъ уже пред
нѣсколькими днями свою полномочную и непрестанно бываетъ
въ конференціяхъ съ министры французскими, также и аглиі
скими. О всѣхъ тѣхъ его интригахъ еще вскорѣ увѣдомитьс
не могъ, но слышу, что французскіе министры уже готовы
при окончаніи всѣхъ дѣлъ, вступить въ интересъ шведскій и
по гварантіи вестфальскаго мира, всѣ провинціи за шведом
въ прежнемъ владѣніи непоколебимо содержать и гварантиро
вать.

И помянутый Пальмквистъ прошлой недѣли говорилъ
фу Цинцендорфу, есть ли имъ уже время вступать въ
а партикулярныя принцевъ неутральныхъ и гварантію вест-
льскаго мира подтвердить. На что Цинцендорфъ, не хотя всту-
ть съ нимъ въ тотъ дишкурсъ, сказалъ, что еще дѣла ихъ
стная требуютъ многаго труда и долгаго времени.

Министръ польскій графъ Вертернъ мнѣ сказывалъ, что
ъ при многихъ случаяхъ рекомендовалъ интересъ короля своего
нистромъ аглинскимъ, которые ему съ немалою противностью
казываютъ, что королева ихъ всѣ интересы короля его оста-
ла, для того что король намѣренъ сына своего принудить
олицкую вѣру принять; того для всѣ интересы короля его
дутъ оставлены. На что онъ, графъ Вертернъ, мнѣ объя-
лъ, что писалъ къ своему двору, чтобы король, ежели за
аго изобрѣтетъ, далъ ему указъ объявить о вышепомянутомъ
неправое наслушаніе.

Послѣзавтрее возвращусь чрезъ Амстердамъ въ Гагу и буду
отрѣть,—ежели дѣла мирныя всѣ къ концу своему скоро при-
дить будутъ, то принужденъ буду въ Утрехтъ ѣхать и себя
томъ съѣздѣ объявить.

О священникѣ, когда корабельный отпускъ будетъ, по ука-
отпущенъ будетъ.

Прошу ваше превосходительство, извольте опредѣлить кого
есть, какъ обыкновенно у всѣхъ здѣсь, дворянъ человѣка
тыре токмо для перваго пріѣзда; а безъ нихъ быть неможно,
для того что съ перваго пріѣзда установленъ пріемъ въ визи-
тахъ съ жентиломами. И того для хотя недѣли на двѣ изво-
лите приказать быть при мнѣ изъ здѣшнихъ молодого шляхет-
ства, которые въ Амстердамѣ, и тѣмъ отъ дѣла своего от-
лучены быть не могутъ, и къ практикѣ своего дѣла могутъ
отсель свободны быть; но все то оставляю въ разсужденіе
вашего превосходительства.

988. Князь Б. И. Куракинъ—царевичу Алексѣю Петровичу.

1713 г. [января 30].

Получа всемилостивѣйшій вашъ указъ, отъ 8 генваря, и по оному все исправлено будетъ. И сервизъ уже начатъ дѣлать; и буду смотрѣть, какъ возможно, чтобъ исправить дешевле. Также и другую покупку, исправя, пришлю; а чаю отправить будущаго марта все то въ Ревель, ежели способа не найду,—и до самаго Санктъ-Петербурга.

989. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 1. Гага.

Возвратясь изъ Утрехта третьяго дня, статскому президенту г. ванъ-деръ-Лиру грамоту его царскаго величества подалъ, которая принадлежитъ въ дѣлѣхъ турецкихъ, и на ту буду впредь требовать отвѣта, который отвѣтъ будетъ учиненъ токмо для одной формы. А уже указы къ послу ихъ, дѣйствительно, давно посланы, о которыхъ вашему превосходительству извѣстно, на которые больше непотребно требовать, развѣ въ подтвержденіе, въ чемъ престережено не будетъ.

Г. де-Литу грамота послана, и будемъ въ семъ дѣлѣ съ нимъ сноситься, и впредь вашему превосходительству писать.

Священникъ Аѳанасій будетъ по указу отправленъ на корабляхъ; а что̀ ему дано будетъ на проѣздъ, впредь донесу.

Четвертаго дня явилось здѣсь семь человѣкъ офицеровъ, которые мнѣ подали письмо вашего превосходительства, что велѣно мнѣ по указу его царскаго величества ихъ рекомендовать въ службу здѣсь генераломъ, о чемъ стараться буду; токмо чаю,—сей весны миръ учинится, и дѣла имъ здѣсь не будетъ, то исправлю по указу.

За отходомъ скорой почты не могъ исправиться всѣ обстоятельно донести имѣющія конференціи послѣдняго дня въ

Утрехтѣ съ бискупомъ бристольскимъ и милордомъ Страффордомъ, о чемъ буду доносить на предбудущей почтѣ.

Полиньякъ, министръ французскій, позванъ ко двору, и третьяго дня изъ Утрехта въ Парижъ поѣхалъ. Отъѣздъ его многимъ разсужденіемъ есть, но чаемъ больше всего для инструкцій вновь мирныхъ дѣлъ.

990. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. февраля 3. Фридрихштатъ.

Указалъ его царское величество къ милости вашей писать, дабы вы о городѣ Ригѣ, чтобъ оный вольнымъ оставить подъ протекціею короля польскаго, какъ Гданескъ, такое же предложеніе учинили, которое велѣно вамъ, по письму моему изъ Ренсбурга, подъ нумеромъ 2-мъ, ратпенсіонарію отъ себя объявить и агличаномъ, кому вы за благо разсудите, при разговорѣхъ же публичнымъ образомъ, такожде дабы и увѣдать о томъ ихъ мнѣніе. И чтó на сіе отъ оныхъ въ отвѣтъ получите, о томъ извольте къ намъ писать.

Объявляю вашей милости симъ въ извѣстіе. Когда царское величество и королевское величество датскій, по воспріятомъ маршѣ отъ Ренсбурга, о которомъ я напредь сего къ вамъ писалъ, переправясь рѣку Трену въ двухъ миляхъ отъ Фридрихштата генваря 30 дня, пришли съ арміею въ Гузомъ, то получена [была] вѣдомость отъ взятыхъ въ полонъ шведовъ, которые близъ того города стояли на пасѣ на караулѣ, а именно—одного поручика и одиннадцати рядовыхъ, что непріятель стоитъ, расположась въ Эдерштедскомъ округѣ и на проходахъ, которыхъ только два къ нему обрѣтаются,—одинъ отъ Гузома подлѣ моря, другой при рѣкѣ Тренѣ къ Фридрихштату,—гораздо тѣсные и грязные, чрезъ дамы, и сдѣланы редуты и шанцы, и осажены оные людьми и пушками. Того ради по учиненному воинскому совѣту изволилъ его царское величество съ частью войска коннаго и пѣхоты идти 31 генваря изъ

Гузома къ рѣкѣ Тренѣ въ мѣстечко Швабштедъ для атаковані оттуда учиненныхъ шведскихъ при Фридрихштатѣ шанцевъ и редутовъ. А король датскій съ войски своими, такожъ и съ саксонскими, и съ 4-мя полками пѣхоты россійской остался при Гузомѣ противъ помянутаго другого паса, дабы чрезъ оный непріятель не прошелъ. И непріятель, видя приближеніе нашихъ войскъ, заперъ тотчасъ всѣ обрѣтающіяся кругъ себя слюзы, отчего не токмо рвы, но и всѣ луга и поля наполнилися водою, и токмо остался отъ Швабштеда къ Фридрихштату одинъ вышеписанный путь чрезъ дамъ, который гораздо узкій и грязный, и учинены на немъ редуты съ пушками. И 1 февраля поутру рано, его царское величество изволилъ идти съ частью конницы и пѣхоты изъ помянутаго мѣстечка къ Фридрихштату тѣмъ дамомъ на непріятельскіе редуты, и непріятель у тѣхъ редутовъ жестоко отъ насъ держался, но, однакожъ, оные отъ нашихъ по многой стрѣльбѣ взяты. И при той акціи непріятелей побито немалое число, да въ полонъ взято солдатъ и кавалеріи больше трехсотъ человѣкъ, межъ которыми много и нынѣ еще оныхъ по нѣскольку наши приводятъ, ибо они, шведы, по той акціи разбѣжались съ редутовъ врознь по деревнямъ. А нашихъ при томъ убито: 1 поручикъ да 1 рядовой, да ранено: 1 капитанъ и 4 рядовыхъ.

По взятіи вышеписанныхъ редутовъ, его царское величество изволилъ прибыть того же дня въ Фридрихштатъ, куда и армія вся пришла и стала кругъ сего города по деревнямъ. И вчерашняго же дня отправлены три полка пѣхоты нашей съ генераломъ-маеоромъ Лесли для занятія у непріятеля поста, отсюда въ полумилѣ, въ село Витвартъ. А напредь той пѣхоты пошелъ генералъ-поручикъ Бауръ съ кавалеріею россійскою предъ самого непріятеля, который обрѣтается отсюда, какъ сказываютъ, въ полуторѣ или въ двухъ миляхъ, со всею арміею при Гардингѣ, и стоитъ зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ, имѣя около себя весьма тѣсные проходы и дамы, и каналы, и поля, наполненныя водою, и учинены предъ нимъ на тѣхъ проходахъ многіе редуты съ пушками. Однакоже наши будутъ паки надъ

...мъ при помощи Божіей надлежащій промыслъ чинить. И, ...видимому, непріятелю немочно никуда отъ насъ уступать и ...одить, ибо чрезъ рѣку Эдеръ, которой ему одинъ путь есть, ... разлитіемъ водъ невозможно переправляться.

991. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 3. Гага.

Я разсудилъ за потребно о посланной грамотѣ къ королевѣ ...нской министромъ ея здѣсь объявить и обстоятельно съ ними ...орить, какъ его царское величество по обязанію мирнаго ...ктата съ Портою все исполнилъ, и изъ Польши россійскія ...йска уже предъ нѣсколькими мѣсяцы выведены, а по непра...у доношенію посланнаго солохора въ Польшу нынѣ Порта ...праведно вновь войну противъ его царскаго величества начи...етъ. Того для его царское величество есть надежнымъ, что ... королевино величество для пользы всего христіанства, при...мъ и властнаго своего интереса, укажетъ послать указъ къ ...нистру своему, дабы трудился къ примиренію сей новой войны. И потомъ мнѣ отвѣтствовалъ бискупъ бристольскій, что ...нитъ доношеніе своему двору и надѣется, что его королева ...бя къ интересамъ его царскаго величества склонна явитъ.

Потомъ милордъ Страффордъ говорилъ по обыкновен...й своей смѣлости, что онъ, милордъ, подъ сумнѣніемъ былъ, ...объ его царское величество въ семъ дѣлѣ при Портѣ требо...лъ чего отъ его королевы, для того, какъ слышитъ онъ, ми...рдъ, о наслушаніи отъ всѣхъ имъ противной партіи, при ...нѣшнимъ случаѣ, будто, она, Англія, весьма къ предосу...денію всѣхъ интересовъ его царскаго величества является. ... то наслушаніе есть неправое, и Англія никогда къ пре...дужденію его царскаго величества интересомъ не чинила ... чинить не будетъ для своихъ властныхъ интересовъ, какъ ... коммерціи, такъ и [для] другихъ. И притомъ просилъ ...ня, чтобъ я особливе донесъ его царскому величеству, что ...ъ именемъ королевы своей обнадеживаетъ его величество,

что весьма королева его не есть противна, но паче склон къ интересамъ его царскаго величества.

А что принадлежитъ до интересовъ шведскихъ, то онъ, ми лордъ, топерь мнѣ объявляетъ натурально, что Англія никог не похочетъ видѣть въ разореніи и безсиліи корону шведску И подлинное есть намѣреніе ея, Англіи, чтобы потенціи на сѣверѣ содержать попрежнему въ балянціи, въ чемъ она, Ан глія, и резонъ имѣетъ. И притомъ говорилъ, что онъ, милорд находитъ сходно, чтобы трудиться къ примиренію сѣверн войны, и они къ тому весьма свое намѣреніе имѣютъ, для то го, чтобы, прекратя имъ свою войну съ Франціею, покойны быть и коммерціо свое вольное вездѣ имѣть. И объявилъ мн что министръ шведскій Пальмквистъ имѣетъ указъ отъ ко роля своего трудиться за прелиминаріи къ миру постанови съ королемъ датскимъ травендальскій трактатъ, а съ королем польскимъ—альтранштатскій. И о первомъ разсуждаетъ онъ милордъ, что могло бы принято быть безъ труда; а о дру гомъ великую находитъ трудность, чтобы прежде мира корол Августъ уступилъ корону польскую. И хотя то уступленіе мо гло бы сдѣлаться при мирныхъ трактатахъ, токмо въ прелим наріяхъ учинить ему, королю польскому, никоими мѣрами н возможно. И о томъ онъ, милордъ, Пальмквисту довольно го ворилъ. А что приналежитъ къ его царскому величеству, ч онъ, милордъ, великую трудность находитъ, что его величест намѣренъ все то удержать въ своемъ владѣніи, которое завое валъ отъ короны шведской; а противно тому король шведск весьма ни малой черты уступить не хочетъ. И какъ онъ, ми лордъ, чаетъ, Ливонія отъ короны шведской на конецъ се войны отлучена быть не можетъ. И надѣется онъ, милорд что его царское величество можетъ быть удоволенъ Петербу гомъ, и какъ о томъ намѣреніи уже будто они есть извѣстн

Я на всѣ тѣ его слова съ должными резонами отвѣтство валъ, продолжая нарочно, хотя вѣдать больше о всѣхъ тѣх ихъ намѣреніяхъ. И говорилъ, что ежели-бъ отъ сего времен шесть лѣтъ назадъ, до понесенныхъ великихъ убытковъ о

должениія войны короля шведскаго, а паче отъ великихъ ытковъ, учиненныхъ отъ войны турецкой, могло бы быть, царское величество наслѣдственными своими возвращенны- провинціи и еще къ тому нѣкоторыми въ прибавокъ въ гражденіе военныхъ убытковъ удовольствовался, но нынѣ сьма безъ награжденія, уравненнаго убыткомъ, трудно его рскому величеству такой миръ учинить.

Потомъ онъ, милордъ, прекратя тѣ слова, говорилъ о по- женіи тѣхъ провинцій и разстояніяхъ между Петербурга и рвы, также и Ревеля, и Риги, и о Нарвѣ гораздо умножалъ своихъ словахъ, что есть обѣимъ потенціямъ нужна та фор- ія по ситуаціи мѣста. И на конецъ конференціи при отхо- моемъ просилъ повторительно обнадежить его царское ве- чество, какъ выше объявлялъ, а о дѣлѣ турецкомъ хотѣлъ нить доношеніе двору своему.

Изъ всѣхъ тѣхъ его разговоровъ самое ихъ то намѣреніе знаваю въ тѣхъ дѣлѣхъ, что уже съ министры француз- ми и шведскими конечно нѣчто между ними трактуется, и скому и польскому, посему вижу, предложенія весьма есть. о польскихъ еще наипаче признаваю изъ всѣхъ ихъ со мною откровенныхъ поступковъ, что они сами у нихъ, аглинскихъ нистровъ, мира партикулярнаго ищутъ. И буду смотрѣть, изъ сего будетъ впредь происходить.

Вчерась получилъ я вѣдомость изъ Утрехта, что министры анцузскіе на сей недѣлѣ намѣрены предлагать всѣмъ аліа- мъ, что король ихъ гварантиромъ былъ трактата вестфаль- го, и того для нынѣ по оному содержать все хощетъ, и бы въ имперіи провинціи, приналежащія къ коронѣ швед- ой, были попрежнему содержаны, и нынѣ вновь при семъ актатѣ гварантировать, а особливе завоеванную провинцію, жество бременское, отъ датскаго короля возвратить. И бу- дъ смотрѣть, ежели такія предложенія учинены будутъ, и изъ того будетъ послѣдствовать.

Я какъ могу видѣть и по должности своей долженъ доно- ть, что при всѣхъ такихъ случаяхъ мы съ своими союзники

ни на кого уповать не можемъ, кто бы намъ былъ помощ комъ: впервыхъ, министры цесарскіе, видя свое безсиліе, дѣлѣхъ весьма менажируютъ шведа; здѣшніе Господа Ст хотя бы что и намѣрены въ нашъ интересъ учинить, но са въ безсиліи находятся и во всемъ по повелительству аглинска являются.

Пальмквистъ, министръ шведскій, съ другими минист принцевъ протестантскихъ, что приналежитъ къ релижіи, у почитай къ концу своему привели, и четвертый артикулъ тра тата рисвикскаго будетъ отставленъ.

Должность моя вашему превосходительству донести о Литѣ, что во всѣхъ своихъ письмахъ пишетъ ко мнѣ о св емъ отзывѣ отъ того двора, и объявляетъ, что ежели получитъ о томъ указа, то весьма намѣренъ сего февраля и марта, оставя ту свою резиденцію, ѣхать и причину то объявить. Я желаю, чтобы сего не допущено было, для то что можетъ великій стыдъ изъ сего быть, и придастся много худое мнѣніе, [такъ]-что впредь трудно въ службу его царска величества добрыхъ людей находить. Я, по указу, на его мѣс довольно искалъ, токмо сыскать не могъ, чтобы годнаго чел вѣка и вѣрнаго въ то употребить.

По указу офицеровъ по се число нѣсколько годныхъ п искалъ, о которыхъ при семъ объявлю: въ службѣ статск генералъ-маеоръ графъ Штейнъ отъ кавалеріи, который пр шлаго года въ экспедиціи былъ во Францію по самый Париж объявилъ себя готова въ службу его царскаго величества генерала-лейтенанта, токмо ежели миръ здѣсь съ Франціе учиненъ будетъ; полковникъ отъ артиллеріи Вержиръ, к торый при всѣхъ атакахъ сей войны былъ здѣсь, и челов искусный; оберъ-инженеръ Гертеръ, также искусный чел вѣкъ. Всѣ тѣ въ службѣ статской, и обѣщаютъ идти въ служ его царскаго величества, ежели миръ здѣсь учинится.

И когда вступятъ въ контрактъ, требуютъ отъ меня, что(имъ сообщилъ полную мочь, по чему я долженъ съ ними то контрактъ учинить, и, по учиненіи тѣхъ контрактовъ, подтве

ю бы было подписаніемъ властныя руки его царскаго вели-
ва. А о запросахъ своихъ мнѣ не объявляютъ, но желаютъ
жде вѣдать отъ меня объ окладахъ такихъ чиновъ его цар-
ю величества жалованья; о чемъ я предъ нѣсколькими
ями къ вашему превосходительству писалъ, чтобъ оклады
генерала-лейтенанта и до полковника мнѣ дать знать, и
дь того буду ожидать. А еще впредь что офицеровъ пріи-
ю будетъ, впредь буду доносить.

992. Князь Б. И. Куракинъ—А. А. Матвѣеву.

1713 г. февраля 6. Гага.

Дѣла мирныя въ Утрехтѣ приходятъ къ своему концу, и
стороны аліатовъ нѣтъ ни одного,—желаютъ какъ наиско-
прежде кампаніи миръ заключить. Но теперь продолжается
стороны Франціи, и отзывъ г. Полиньяка многому раз-
денію есть. И хотя не подлинно, но слышимъ, что будто
его мѣсто будетъ аббе Помпонъ. И ежели оный правдиво
ченъ, то весьма Францiя продолжать негоціацію будетъ до
. И уже есть видъ многій къ осадѣ Монса.

Изъ Англіи пишутъ: секретарій Гаррисонъ, посланный
трактатомъ, заключеннымъ о барьерѣ, въ Англіи былъ; и
ъ ожидать на тотъ ратификацій, и ежели будетъ сооб-
ь парламенту. Однакоже многіе подъ сумнѣніемъ есть, что-
парламентъ могъ начаться, преже нежели генеральный миръ
тся.

Статы Голландскіе уже третій день въ собраніи есть для
нутой же взаимной ратификаціи о барьерѣ, на которую безъ
а позволятъ.

Трупы датскіе уже въ маршѣ обрѣтаются, также и дукъ
ртембергъ скоро отъѣзжаетъ; а саксонскіе и ганновер-
, хотя съ трудомъ, однакожъ еще удержаны.

983. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Трубецкому.

1713 г. февраля 7. Гузомъ.

Его царское величество повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать, понеже въ инструкціяхъ вамъ написано, чтобы вы королевскому личеству польскому и речи посполитой о Ригѣ при случаѣ, а и но, когда съ польской стороны домогаться и того требовать буд объявили, что для лучшаго въ отдачѣ впредь увѣренія со ляетъ царское величество въ тотъ городъ нѣсколько гарни польскаго впустить (которое предложеніе отъ васъ тотчасъ с было-ль, о томъ вы еще къ намъ не писали),—а нынѣ предла здѣсь его царскому величеству графъ Флеммингъ, дабы вящшее увѣреніе королю его и речи посполитой позволить н рижаномъ и лифляндцомъ въ вѣрности учинить присягу. Т ради вы о семъ его королевскому величеству и речи посполи предложили бы соизволеніе его царскаго величества двѣмя ни писанными образы, а именно:

1. Его царское величество, въ увѣреніе своего обѣща позволяетъ нынѣ ввесть въ городъ Ригу его королевск величеству и речи посполитой часть гарнизона своего и он тамъ купно съ гарнизономъ его царскаго величества б однакожъ подъ такою, именно, кондиціею, что онымъ во что до скончанія сей войны не вмѣшиваться, ни отъ ж лей или земли что требовать, но такъ, какъ въ залогѣ, увѣренія тамъ быть.

2. А ежели его королевское величество и речь посполи оставя то, требовать будутъ, чтобы, по предложенію гр Флемминга, рижскіе жители и лифляндская шляхта его к левскому величеству и речи посполитой нынѣ присягу учин то его царское величество и на то соизволяетъ, чтобы по нутымъ имъ присягу учинить, что оные, по скончаніи сей шведомъ войны, его королевскому величеству и речи посполи вѣрны и послушны быть хотятъ; а между тѣмъ и до око

войны по прежней учиненной присягѣ его царскому
ству вѣрны и послушны будутъ.
ежели сіе послѣднее за благо примутъ, то могутъ его
ское величество и речь посполитая кого съ полною
отправить, чтобы такую присягу, какъ выше объявлено,
рижскихъ и лифляндскихъ жителей принялъ. Но въ обоихъ
случаяхъ, на который бы изъ тѣхъ двухъ пунктовъ ни
или, надлежитъ королю и речи посполитой письменно
ься, что, по скончаніи съ шведомъ войны, имъ того
Риги ни подъ какимъ предлогомъ коронѣ шведской, ни
никому не отдавать; такожде, чтобъ оные за такую его
го величества уступку его царскому величеству при на-
ей отъ турокъ начатой войнѣ по имѣющему союзу долж-
дѣйствительное вспоможеніе учинили, какъ то въ вашей
укціи вящше и обстоятельнѣе изображено.

994. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 7. Гага.

ъ дѣлахъ мирныхъ въ Утрехтѣ вновь ничего не произо-
какъ доносилъ прежними моими, но ожидаются отповѣдь
Франціи на дѣла о Каталоніи, также изъ Англіи ратифи-
на трактатъ заключенный барьера.
ретьяго дня Статы въ собраніи своемъ на предложеніе ми-
овъ аглинскихъ взяли резолюцію дать пашпорты мини-
ъ гишпанскимъ короля Филиппа для пріѣзда ихъ въ
ессъ утрехтскій, а въ пашпортахъ написать, не имено-
короля ихъ, токмо властныя ихъ имена, какъ дука д'Ос-
и марки Монтеліонъ. И тѣ пашпорты уже даны,
ихъ прибытія въ Утрехтѣ будемъ ожидать вскорѣ.
гентъ Фанденбургъ, третьяго дня прибывъ сюда, учи-
мнѣ рапортъ, что купцы голландскіе Пельцъ и Десесъ
въ пристани амстердамской, такъ и во Фризіи, въ при-
города Гарлингена закупаютъ фуражъ и провіантъ сол-

датскій многое число и грузять на шмаки для отправленія Голштенію, въ пристань Тонингъ, для субсистенціи арміи шв ской, которые по десяти дняхъ или двухъ недѣляхъ въ п идти намѣрены. Того для былъ я вчерашняго числа въ конфер ціи съ ратпенсіонаріемъ, которому предлагалъ, чтобы тѣмъ к цамъ воспретить и указомъ статскимъ заказать, вмѣняя неп теля осажена. И хотѣлъ Статомъ рапортъ учинить, и прит говорилъ, что онъ трудность находитъ немалую, чтобы Ст могли воспретить купцамъ своимъ торгъ имѣть, и хотѣлъ м отвѣтствовать.

Я, чая здѣшняго продолженія, помянутому агенту вел трудиться у магистрата амстердамскаго, хотя, ежели публичн указомъ не могутъ въ томъ воспретить, подъ какимъ ни е претекстомъ нѣкоторое время удержать.

Я слышу, что въ Глюкштатѣ есть нѣсколько фрегат короля датскаго, и ежели-бъ онымъ вскорѣ возможно вы и противъ той пристани тонингской стоять, и тѣмъ тѣхъ ш ковъ проходъ пресѣчь.

Поздравляю ваше превосходительство съ счастливою акці взятіемъ города Фридрихштата, и прошу ваше превосходите ство обстоятельнѣе впредь приказать отписать, чтó буд происходить въ военныхъ дѣлѣхъ.

Получилъ я челобитную отъ навигаторовъ и съ роспи ихъ жалованья, которую при семъ посылаю. И буду ожи указа для того, чтобы въ продержаніи ихъ здѣсь бóльш убытка не понести.

995. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 10. Гага.

Въ дѣлахъ мирныхъ въ Утрехтѣ больше не поновил какъ я послѣднимъ своимъ доносилъ; токмо-что францу цесарскимъ вновь предложили, что король ихъ дукатство ксембургское отдаётъ дуку баварскому въ награжденіе за п

..ть Верхняго Рена, а ежели домъ аустрійскій помянутое ..тство похочетъ имѣть себѣ, то долженъ заплатить помяну.. дуку баварскому въ награжденіе девять милліоновъ.

Всѣ дѣла въ Утрехтѣ въ большомъ молчаніи есть для ..зда аббата Полиньяка, который при отъѣздѣ своемъ о ..ъ дѣлѣхъ взялъ на доношеніе своему двору, и оттуль будетъ ..аться по его пріѣздѣ отповѣдь.

Объ интригахъ и проектѣ слышу здѣсь, который Англія Франціею дѣлаетъ въ интересъ шведскій, видя въ нынѣш..ъ случаѣ Штенбока съ войски шведскими въ самой тѣс.. и чая ему самаго разоренія. Того для въ сикурсъ помя..у Штенбоку предлагаютъ прусскому двору, чтобы, со..ъ войскъ своихъ нѣсколько тысячъ, въ интересъ шведскій ..гъ и того Штенбока съ войски освободилъ. И за то ему, ..скому, обѣщаютъ она, Франція, и Англія въ награжденіе ..ть нѣчто по его претензіямъ въ генеральномъ мирѣ. И ..ъ министры французскіе съ аглинскими министрамъ прус..ъ предложеніе чинили.

Я изъ сего предложенія и интригъ французскихъ опас.. не имѣю, для того что дворъ прусскій въ такое безо..тельное дѣло себя не обяжетъ и не въ состояніи есть, ..ы могъ учинить. Также сумнѣваюся, чтобъ Англія мѣшала въ дѣла себя, еще не видя конца своимъ властнымъ дѣламъ.

Надѣюся, что агентъ Фанденбургъ будетъ къ вашему пре..одительству писать изъ Амстердама, какую резолюцію возь..ъ тотъ магистратъ на предложеніе его къ удержанію закуп.. провизіи въ армію шведскую.

Дѣла здѣшнія нынѣ вновь являются быть премѣнными со сто.. Франціи, и чаемъ, что кампанія начнется. Однакоже ..озможно себя на томъ основать, того для здѣсь пріуготов..ія скорыя къ кампаніи начали чинить, и уже вновь шесть ..іоновъ въ лоттерею намѣрены Статы Голландскіе своею про..цією положить. Также, видя лукавство Франціи въ продол..іи сей негоціаціи, уже городъ Амстердамъ, который склон.. былъ всѣхъ въ миру, въ раскаяніе приходитъ и мѣры свои

иныя примаетъ. Токмо здѣшніе Господа со всѣми своими аліа хотя-бъ и съ Англіею соединясь вмѣстѣ, нынѣшней камп противу Франціи могутъ быть дефенсиве. Однакоже не може на тѣхъ всѣхъ новинахъ и разсужденіяхъ себя основать, д того что все мирное дѣло въ рукахъ Франціи есть, и еже похочетъ, то въ скорое время миръ заключить можетъ.

О турецкихъ дѣлѣхъ здѣсь вѣдомостей уже чрезъ нѣскол недѣль никакихъ не получили, и нѣчто чрезвычайнаго въ дѣл тамъ признавается.

Вашего превосходительства письмо и съ приложенны отъ 4 нумера, получилъ, и что приналежитъ о городѣ Ри то въ такихъ разговорѣхъ отъ меня партикулярныхъ, какъ м указъ повелѣваетъ, а не предложеніемъ, съ ратпенсіонаріе говорилъ, токмо время изыскиваю пространное взять его о то мнѣніе, чтобы подлиннѣе двору могъ донести; также и аглинскихъ что мнѣніе ихъ увѣдаю, буду впредь доносить. То для въ Утрехтъ по окончаніи сей недѣли на время поѣду. еще вовся себя объявлять не хочу, не усмотря самаго времен для того что дѣла непостоянныя есть. И опасаюсь, еже кампанія съ Франціею продолжится, то я принужденъ буду ликіе убытки въ тамошнемъ житьѣ понести безъ всякаго пло

996. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 14. Гага.

О покупкѣ провіанта и фуража въ отпускъ въ шведск армію въ Амстердамѣ и Фризіи, какъ я прежними д носилъ, на письма отсель тайнаго собранія бургумистры а стердамскіе отвѣтствовали, что они до сего числа ни о че извѣстны не были. Токмо нынѣ увѣдомились, что помянут купецъ Пельцъ, который коммиссію имѣетъ, купилъ 300 л стовъ ржи, которой часть нѣкоторую уже отправилъ въ Га бургъ и въ Голштенію для прибытковъ своихъ, торгуя о себя, знавъ въ тѣхъ краяхъ великую дороговизнь при нынѣ

ъ случаяхъ; а отъ шведовъ о томъ никакой коммиссіи не етъ. А изъ Фришля еще отъ магистрата отповѣди не учили.

И съ польскимъ министромъ, сколько возможно, трудимся, бы въ отпускѣ тѣхъ припасовъ, какіе бы ни могли быть, зъ учинить въ провозѣ до Голштеніи. И о публичномъ зѣ великую трудность находятъ, а особливе о провинціи дляндской, которая весьма съ нашими интересами не обя- ь есть. А въ Амстердамѣ, хотя не публичными указы, но ими образы къ нашему интересу престережену быть, къ у отъ депутатовъ того города мы здѣсь обнадеживаніе нѣ- рое имѣемъ.

Сюда вскорѣ ожидается министръ отъ голштейнскаго дука, оторомъ слышу, что будетъ здѣсь предлагать жалобу на ска его царскаго величества, также и короля датскаго, и етъ просить протекціи, и отсель вскорѣ отъѣдетъ въ Ан- о для той же жалобы и протекціи. Но я отъ здѣшнихъ подъ въ той протекціи никакой опасности такъ не имѣю, ь отъ Англіи. И уже въ послѣднихъ письмахъ сюда оттуль лося, что тамъ вооружаютъ одну шквадру кораблей, и хотя одлинно не вѣдаютъ, но признаваютъ, что оная будетъ от- влена въ Балтическое море.

Четвертаго дня чрезъ почту получена здѣсь вѣдомость, что дскій гарнизонъ въ крѣпость дука голштейнскаго Тонингъ елъ, и посему здѣсь разсуждается, что непріятели въ лучшее тояніе пришли предъ тѣмъ, какъ въ крайней нуждѣ были; акоже тѣмъ себя не освободятъ, но токмо время продол- ъ. Я сіе здѣшнихъ разсужденіе повиненъ доносить нарочно звѣстію, какъ разсуждаютъ о послѣдованіи впредь тѣхъ дѣлъ.

Топерь всѣ того чаянія, что его царское величество съ ими аліаты принудитъ непріятеля всею его арміею ретиро- ься въ ту помянутую крѣпость и потомъ бомбардировать. И и за великимъ у нихъ достаткомъ провіанта неможно ихъ ъ къ сдачѣ принудить, но токмо кавалерію ихъ всю разорить потомъ непріятеля блокировать довольно будетъ войскъ

датскихъ, которыя принудятъ къ сдачѣ и къ разоренію ...
пріятельской арміи. Но, хотя-бъ и въ поле вышли, безъ кав-
леріи не въ силѣ будутъ противу датскихъ войскъ стоять.

И того же дня помянутой почты въ письмахъ изъ тѣ...
голштейнскихъ краевъ сюда явилося, что опасаются, да...
союзники сѣверные за сдачу шведамъ того города Тони...
провинціи дука голштейнскаго мечомъ и огнемъ не разори...
И въ такомъ случаѣ, какъ здѣсь разсуждается, весьма Анг...
протекцію дастъ и къ отмщенію королю датскому прежде всѣ...
себя явитъ. Я не могу сказать и о здѣшнихъ, ежели по обяза...
съ Англіею и имперіею въ то дѣло не вступятъ.

А ежели въ контрибуцію та провинція голштейнскаго ду...
положена будетъ въ продолженіе времени той при Тонин...
атаки, и на ихъ проторяхъ войско содержано будетъ, то хо...
здѣсь и будутъ довольно на насъ кричать и противны являть...
токмо наружно, а не внутренно, не прямымъ ихъ намѣреніе...
для того что не хотятъ видѣть при нынѣшнихъ случаяхъ, что...
Штенбокъ свободныя руки имѣлъ, чего для Франція тог...
паче себя не явитъ склонна къ миру, какъ уже и нынѣ н...
которые виды къ тому есть.

Министръ польскій баронъ Герсдорфъ, вчерашняго д...
бывъ у меня, за секретъ объявилъ мнѣ, что Статы въ та...
номъ своемъ собраніи взяли резолюцію дать указы полномо...
нымъ своимъ въ Утрехтѣ, чтобы, съ министры цесарскими с...
гласясь, трудиться, какими-бъ образы возможно нынѣ при ко...
грессѣ утрехтскомъ воюющихъ сѣверныхъ примирить. На ч...
я отъ него желалъ вѣдать, ежели та статская резолюція уч...
нена по предложенію его, барона Герсдорфа. И сказалъ, ч...
они, Статы, — усматривая своего собственнаго въ томъ инт...
реса, а не по его предложенію.

Я хотя о томъ и въ Утрехтѣ увѣдомленъ былъ, что он...
польскіе министры, ищутъ того, чтобъ о мирѣ сѣверной вой...
при нынѣшнемъ съѣздѣ въ Утрехтѣ предложено было, но ны...
явно можно видѣть, что по ихъ предложенію то чинится, д...
того что мнѣ отъ собранія статскаго ничего по се число

мъ не объявлено; но ежели-бъ они, Статы, отъ своей воли намѣреніе имѣли, то бы, конечно, мнѣ такъ объявлено ю, какъ и онъ, Герсдорфъ, о томъ вѣдаетъ. И предъ отсомъ предбудущей почты буду нарочно говорить съ ратпенаріемъ и другими и о томъ о всемъ и ихъ мнѣнія вѣдать; да пространнѣе о всемъ донесу.

Но мое мнѣніе о семъ мирномъ дѣлѣ есть такое, что анція весьма къ окончанію сѣверной войны допускать нынѣ будетъ и короля Августа на тронѣ польскомъ оставить похочетъ, въ чемъ она, Францiя, свой интересъ немалый атриваетъ; а паче будетъ желать, чтобы сѣверная война должалася, отлуча датскаго короля.

Тотъ же помянутый баронъ Герсдорфъ мнѣ говорилъ, что ъ получилъ письмо изъ Англіи отъ министра своего, котой ему объявляетъ, что онъ по указу короля своего съ мистры того двора имѣлъ многія конференціи, на которыхъ силъ королеву аглинскую, дабы при нынѣшнихъ случаяхъ интересъ короля его спомоществовать и дать указы къ мистрамъ въ Утрехтъ; и не получа на всѣ тѣ предложенія отвѣди, онъ, министръ польскій, принужденъ быть на аудіени о склонности ея, королевы, къ интересамъ короля своего осить. На что она, королева, ему отвѣтствовала, что она но подозрѣніе имѣла и нынѣ заподлинно увѣдомилась, что роль его намѣренъ принудить сына своего принять релижію олицкую и донынѣ для того держитъ его въ Италіи,—того она, королева, не будетъ никогда себя мѣшать въ дѣлахъ интересамъ его короля, чего для разсуждаетъ весьма ту мѣну въ релижіи къ предосужденію интересамъ аглинскимъ. притомъ объявила, чтобы король его сына своего изъ Италіи нѣ взялъ и письменно-бъ её обнадежилъ, что сына своего ринца содержитъ всегда безъ премѣны въ релижіи протеатской. И съ тою отповѣдью тотъ министръ польскій изъ лiи отправилъ нарочнаго къ королю курьера.

Я больше его, барона Герсдорфа, о причинѣ не хотѣлъ рашивать, къ какимъ интересамъ склонности отъ королевы

требовалъ, для того, зная, что не что иное, токмо ищут
какимъ бы образомъ съ шведомъ примириться. И правда, ежел
Англія въ сіе вступится, то свободнѣе всѣхъ можетъ учинит
и ея властный интересъ есть, чтобы короля Августа на тро
польскомъ видѣть.

Топерь напоминаю о маріажѣ принца эсенъ-кассел
скаго, о чемъ я словесный указъ имѣлъ предлагать. И
пріѣздѣ своемъ къ нему писалъ, и обѣщалъ сюда быть
шесть недѣль, и по се число еще не бывалъ; того для по
число медлилъ двору доношеніе чинить. И сумнѣваюся, что
сіе дѣло къ концу могло приведено быть, для того, какъ сл
шимъ, что наслѣдственный принцъ трактатъ маріажа на сест
короля шведскаго учинилъ. И нашему намѣренію сіе дѣло, ча
помѣшаетъ; а ежели тотъ принцъ сюда впредь прибудетъ,
предлагать буду.

Дѣла въ Утрехтѣ, по отправленіи прошлой почты, ес
безъ всякой прибавки, токмо-что полномочные аглинскіе, п
луча ратификацію отъ двора на трактатъ барьера и гварант
о сукцессіи, съ министры тамъ статскими размѣнялись.

997. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 17. Гага.

По указу его царскаго величества, чрезъ письмо ваше
превосходительства, о Ригѣ многажды искалъ случая съ ра
пенсіонаріемъ пространно говорить и о томъ намѣренія и
вѣдать, но его обыкновенное молчаніе въ такихъ деликатны
дѣлѣхъ до сихъ мѣстъ не допустило меня доношеніе дво
учинить. Но вчерашняго числа принужденъ я былъ имѣть ко
ференцію съ нимъ, пенсіонаріемъ, что приналежитъ о намѣр
ніи Англіи къ посылкѣ шквадры, и объ указѣ милорду Стра
форду, чтобы здѣсь Статомъ предлагалъ, о чемъ пространн
изволите увидѣть изъ другого письма. И между всѣми о то
и о другихъ дѣлѣхъ имѣлъ я довольный съ нимъ разговоръ

...ѣ въ той силѣ, какъ мнѣ указъ повелѣвалъ, отъ себя ...тикулярно, а не указомъ отъ двора, чтобъ, убѣгая всѣхъ ...дностей съ обѣихъ сторонъ и не оставя себя подозритель... быть, ни отъ его царскаго величества, ни отъ Польши ... удержанія за собою Риги, ежели бы помянутый городъ ... на такомъ основаніи вольнымъ подъ протекціею короны ...ьской, какъ Гданескъ, былъ оставленъ, пріятно ли бы то ...ю быть морскимъ державамъ, а особливе Господамъ Ста...ъ, за тую уступку его царскаго величества къ властному ... интересу для распространенія ихъ коммерціи въ Балтиче...мъ морѣ. И ежели-бъ его царское величество такое подлинное ...ѣреніе въ томъ имѣлъ, желалъ отъ него, пенсіонарія, ...ать, чтó бы за такую склонность и уступку его царскаго ...ичества въ интересъ Господъ Статовъ взаимно при мирныхъ ...верной войны трактатахъ въ интересъ его царскаго вели...ства учинили.

На что онъ мнѣ, ратпенсіонарій, разсуждая сказалъ: по всѣмъ ...стоятельствомъ дѣлъ нынѣшнимъ видимо, что потенціи мор...ія не въ прежнемъ согласіи между собою есть, и трудно знать ...ѣреніе Англіи къ тому. Что же приналежитъ къ нимъ, гол...ндцамъ, онъ, съ своей стороны, весьма въ томъ интересъ свой ...ходитъ. И сказалъ, что надлежитъ прежде предусматривать, ...ели время самое позволитъ такой миръ учинить, чтобы шведъ ...ставилъ Ригу и Ливонію, въ чемъ онъ есть подъ сумнѣніемъ, ...же чаеть, чтобы король шведскій безъ Ливоніи помирился, ...особливе по премѣнѣ всѣхъ дѣлъ нынѣшнихъ между ими и ...анціею и Англіею. Хотя заподлинно они вѣдать не могутъ, ...мо есть слухъ, что между помянутыми потенціи и шведомъ ...шенъ проектъ къ дѣламъ дальняго вида, чтó можетъ со вре...енемъ оказаться не токмо къ предосужденію интересамъ сѣ...верныхъ аліатовъ, но и другихъ. И посему видно есть, что ...глія ищетъ весьма не токмо отъ него, шведа, чтó убавить, ... въ прежнее состояніе его возставить.

Потомъ я ему, ратпенсіонарію, съ своей стороны, напоми...лъ его со мною бывшіе разговоры еще прошлаго года, что

онъ, разсуждая, находилъ свой интересъ, чтобы миръ въ с
верѣ учиненъ былъ прежде ихъ съ Франціею мира. И то
разсуждали, что къ примиренію той войны за упрямствомъ к
роля шведскаго нѣтъ иного способа, что аліатомъ, согласяс
его, шведа, къ миру принудить; такъ и нынѣ они, Статы,
цесаремъ и цесарствомъ учинить то могутъ.

На что онъ, пенсіонарій, мнѣ отвѣтствовалъ кратко, ч
они не есть въ состояніи съ тѣми своими аліаты не токмо
жіе интересы престерегать и другимъ помогать, но и свои и
принуждены отдать въ руки Англіи, которая уже, не содержа
въ своихъ рукахъ, упустила въ силу и волю Франціи, и ч
не могутъ уповать во всѣхъ своихъ нынѣ дѣлѣхъ на оконча
благое, кромѣ самаго предосужденія. И потомъ окончалъ в
ту нашу конференцію послѣднимъ словомъ, что ежели-бъ о
находили себя въ прежнемъ состояніи, могъ бы его царс
величество конечно надѣяться, чтобы со стороны Господъ Ст
товъ къ предосужденію его величества ничего не было. И тѣ
та наша конференція окончалася.

Съ министры аглинскими еще не говорилъ о Ригѣ, проти
указа, и на конецъ сей недѣли, бывъ въ Утрехтѣ, съ ни
буду говорить и впредь буду доносить.

Въ ту же свою бытность у него, пенсіонарія, говори
чтобъ отвѣтъ учинили на грамоту его царскаго величеств
поданную чрезъ меня, о турецкомъ дѣлѣ, и противъ того б
ежели за благо разсудитъ, публичный указъ къ министру сво
му въ Константинополь послать велѣли. На то сказалъ, ч
указъ министру своему тайный [дали] въ интересъ его ца
скаго величества довольный, о чемъ я прежде сего чрезъ не
и грефія Фагеля увѣренъ былъ; а ежели публичный ука
послать, чтобы тѣмъ больше зла дѣламъ не сдѣлать, для то
что Франція нынѣ при Портѣ въ великой силѣ есть и, уві
давъ, можетъ больше прешкожать нашимъ намѣреніемъ, ка
нынѣ не такъ подозрительнымъ есть.

998. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 17. Гага.

Министръ польскій графъ Вертернъ, получа указъ отъ ...ора своего, оставляетъ свою коммиссію въ Утрехтѣ графу ...онскy, а самъ сегодня отъѣзжаетъ къ королю и больше ...да не возвратится.

И при отъѣздѣ своемъ вчерась и третьяго дня имѣлъ со ...ю нарочныя конференціи для вѣдѣнія мнѣ дѣлъ ихъ, что ...исходило въ бытность его въ Утрехтѣ. Предъ самымъ его ...ѣздомъ, за день, министры аглинскіе, бискупъ бристольскій ...милордъ Страффордъ, вступя съ нимъ, графомъ Вертер...нъ, въ конференцію, объявили ему, что они получили чрезъ ...рочнаго курьера указъ отъ королевы къ себѣ деклировать ему, ...фу Вертерну, именемъ королевы своей, что они, полномоч...е аглинскіе министры, силою того указа ему, графу Вертер...у, декляруютъ, что ежели король его сына своего курпринца ...ъ Италіи вскорѣ не возьметъ и не оставитъ его въ релижіи ...отестантской, какъ былъ, а принудитъ его принять релижію ...олицкую (чего для королева ихъ заподлинно увѣдомлена о ...мѣреніи томъ чрезъ министра своего изъ Флоренціи), то Ан...і весьма противна интересамъ короля его будетъ и явно пар...ю шведскую возьметъ, и непріятелемъ себя деклируетъ. И при...ъ говорили они, аглинскіе министры, ему, графу Вертерну, ...бъ отправилъ съ тѣмъ нарочнаго курьера къ королю своему, ...тѣмъ того же дня и отправленъ.

Я, хотя вѣдать отъ него, графа Вертерна, обстоятельно ...чину того дѣла, для чего Англія въ такое домовное дѣло ...ется, что-было не прилежало ей никогда чинить,—на что ...ѣ сказалъ, что Англія имѣетъ въ томъ желюзію, чтобы съ ...момъ аустрійскимъ домъ саксонскій въ аліансъ свойства не ...пустить; а паче сего, что она, Англія, ищетъ претекстъ, чрезъ ...о бы могла явнымъ образомъ шведу помогать. Притомъ же ...ворилъ, что чрезъ многихъ онъ увѣдомленъ, а нынѣ больше

по такому поступку Англіи можетъ завѣрно принять, что ме
шведомъ, Англіею и Франціею проектъ учиненъ, чтобы ко
шведскаго ввести въ имперію и войну новую въ интересъ
лижіи начать, и не могутъ къ начатію ближе иного канала на
какъ Саксонію.

Я при семъ случаѣ нахожу себя такого мнѣнія, е
возможно, чтобы короля Августа неотмѣнно содержать о с
его въ томъ намѣреніи, въ которомъ до сего времени застав
для того, ежели сынъ его приметъ релижію католицкую,
того весьма чаю быть нашего интереса для многихъ прич
впервыхъ, что уже всегда Саксонія непріятелемъ шведс
будетъ, также и обязаніе свойствомъ съ домомъ аустрійск
намъ предосудительно не можетъ быть, а особливе при нын
нихъ случаяхъ; что онъ, король польскій, въ несогласіи съ
гліею будетъ, то лучше къ намъ невольною любовью привя
имѣетъ быть; а ежели онъ, король Августъ, съ Англіею
согласіе придетъ, тогда къ бо́льшей намъ опасности буд
чтобы партикулярнаго мира съ шведомъ при такомъ слу
ежели турки войны не начнутъ, чрезъ посредство Англі
учинилъ. А что хотя Англія нынѣ ему и угрожаетъ, но ещ
свои интересы властные къ концу своему не привела. И тру
сказать, что здѣсь миръ учинится, къ чему многіе иного м
нія являются, и опасны, чтобы Франція кампаніи не начала

Помянутый же графъ Вертернъ объявилъ мнѣ, что мно
кратно съ министры аглинскими говаривалъ, чтобы вступал
дѣла къ примиренію нынѣ сѣверной войны, на что они
всегда отказывали. А бискупъ бристольскій впослѣдніе ему
залъ, что нынѣ, не учиня своего мира прежде, о мирѣ сѣ
номъ трудиться не будутъ; а по учиненіи своего мира, к
лева въ состояніи себя найдетъ по своему желанію ту во
прекратить. И между всѣхъ тѣхъ разговоровъ объявилъ
онъ, бискупъ, что онъ заподлинно вѣдаетъ намѣреніе кор
шведскаго, что никогда не помирится, ежели все отъ него
тое не возвращено будетъ отъ аліатовъ сѣверныхъ. И прит
онъ, Вертернъ, разсуждалъ, что по всѣмъ разговоромъ его,

упа, видится, что Англія съ Франціею въ согласіи дать шведу ободныя руки, чая его быть въ силѣ чрезъ армію Штенбока турецкую войну,—и того для не будутъ искать способа къ миренію той войны. А ежели тѣ оба упованія ихъ въ ничто ратятся, такъ-что война турецкая не начнется, Штенбокъ съ міею разоренъ будетъ, то тогда будутъ въ дѣла сѣверныя къ ру вступать и медіацію свою предлагать.

Прошлой почтой увѣдомились, что король датскій во влаіе свое взялъ провинціи всѣ дука голштейнскаго, изъ тѣхъ огимъ деревни подданнымъ своимъ раздаётъ. Здѣсь сія но- многимъ непріятна есть, и, конечно, ни сами Статы не тупятъ на то, чтобы допустили короля датскаго то дукато подъ своимъ владѣніемъ имѣть.

И вчерашняго числа дука голштейнскаго министръ графъ ндернатъ сюда прибылъ и, какъ слышу, будетъ многія юбы чинить. Однакоже здѣсь всё то не произойдетъ такъ орѣ въ дѣйство, какъ въ Англіи, куда по нѣкоторыхъ дняхъ тою же жалобою отъѣзжаетъ.

Я по его туда пріѣздѣ опаснымъ есть, чтобъ Англія не отвила своей шквадры въ Зундъ, къ чему топерь претекстъ гутъ свободно сыскать по трактату травендальскому, въ коромъ она, Англія, и Голландія были гварантирами.

Министръ шведскій въ Утрехтѣ цесарскимъ и полномочнымъ тскимъ предлагалъ о партикулярномъ мирѣ съ датскимъ коемъ, котораго пропозиціи, хотя мимоходомъ, приняли. И ьма въ сіе дѣло партикулярнаго мира тѣ обѣ потенціи не тупаютъ, а особливе здѣшніе Господа Статы, развѣ по учиіи своего мира, здѣсь вступятъ къ примиренію голштейнскаго а, въ чемъ обязаны есть, яко гварантиры.

Заподлинно не могу знать, токмо слышу, что милордъ траффордъ получилъ указъ отъ двора Статомъ объявить мѣреніе королевы его о посылкѣ эскадры въ Балтическое море, чтобъ они, Статы, вѣдавъ, отъ того никакого подозрѣнія не ѣли. Я того для, упреждая, говорилъ съ ратпенсіонаріемъ, объ искать способъ къ недопущенію той аглинской посылки.

На что мнѣ сказалъ, что онъ еще отъ милорда никакого пр
ложенія не слыхалъ, и ежели предложитъ, то по его слова
можетъ со мною о томъ говорить.

Также слышу, что дворъ аглинскій намѣревается г. Ви
ворта послать во Гданескъ, чтобъ ему, бывъ, усматрива
войну сѣверную, и когда время будетъ, то чрезъ него начну
предложенія о мирѣ воюющимъ въ сѣверѣ, для того что е
находятъ свѣдуща въ интересахъ войны въ сѣверѣ.

Здѣсь явилось въ письмахъ изъ Слезіи, что ханъ крымс
съ воеводою кіевскимъ побранился и посадилъ его за арес
и войска его всѣ разогналъ. Желаемъ конфирмаціи, чтобы
правда была.

Дукъ Вюртембергъ, генералъ въ службѣ датскаго ко
ля, вчерашняго дня отсель отъѣхалъ до короля въ Голштені

О турецкихъ вѣдомостяхъ не могу доносить, что уже Ста
многія почты отъ министра своего никакихъ писемъ не получи

Указъ я имѣлъ писать во Францію объ архитекторѣ, ко
раго велѣно взять въ службу царскаго величества, и чрез
все свое стараніе не могъ сыскать годнаго; а который бы
пріисканъ секретаріемъ Волковымъ, называемый Меро
и тотъ также не ѣдетъ. О семъ дѣлѣ ожидаю послѣдней вѣд
мости изъ Парижа.

999. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 20. Гага.

Въ дѣлахъ въ Утрехтѣ министры цесарскіе съ французски
о Каталоніи и о неутральствѣ въ Италіи во всемъ сход
явились, и сего дня тамъ надѣются сему трактату быть закл
чену. Содержаніе того: цесарь оставляетъ Каталонію и гар
зонъ свой изъ Барселоны выводитъ, но Франція обѣщаетъ св
бодный транспортъ всѣхъ войскъ цесарскихъ въ Италію, так
и цесаревы. Италія оставляется въ неутральствѣ, и войны
той стороны противу Франціи не будетъ, но цесарь во всѣ

въ провинціяхъ, которыя ему прилежатъ въ Италіи, больше повиненъ держать своихъ войскъ и съ гарнизоны, какъ тысячъ.

Хотя давно о тѣхъ интригахъ прусскаго двора было разшеніе, что тотъ дворъ съ французскимъ трактуетъ о Верхней льдріи, но нынѣ то въ самомъ дѣлѣ объявилось въ Утрехтѣ жду французскими и прусскими. Король прусскій проситъ Франціи, вмѣсто княжества оранскаго, Верхнюю Гельдрію, торая прежде сего приналежала къ Брабанту во владѣніи роны гишпанской, и въ началѣ сей войны Статы Генералы ту провинцію взяли, и своими гарнизоны осадя, и по се ю содержатъ; но Франція чужое, не имѣвъ въ рукахъ ихъ, нынѣ ту провинцію уступаетъ королю прусскому за иваленть помянутаго княжества оранскаго. И по увѣдомленіи го дѣла, нынѣ Господа Статы здѣсь въ великій алярмъ шли, что король прусскій трактуетъ съ Франціею о такой овинціи, которая въ рукахъ ихъ содержится гарнизонами. та провинція Верхней Гельдріи всей Голландіи весьма есть жна для прохода водяного Мозою рѣкою, также и въ абантѣ съ нѣкоторыми фортеціи, съ Мастрихтомъ, Льежемъ и другими, коммуникація пресѣчена будетъ; также и проходъ йскъ изъ имперіи въ Брабантъ и во Фляндры чрезъ ту прощію бываетъ. А паче всего разсуждается изъ сего дѣла ъ опасности той, чтобы король прусскій болѣе какого проекта Франціею не учинилъ и въ согласіе чрезъ сіе дѣло съ нею пришелъ.

О дѣлѣ генеральнаго мира еще въ Утрехтѣ ничего не прошло за ожиданіемъ курьера изъ Франціи съ указы къ ихъ истрамъ по доношенію аббата Полиньяка.

Что приналежитъ къ интересамъ его царскаго величества и аліатовъ, вновь здѣсь, по отпускѣ прошлой почты, ничего воновилося, какъ я прежними своими доносилъ; токмо слы, что король польскій вновь отзываетъ свои войска изъ служ здѣшнихъ. Я истинно доношу, чтобы, какъ возможно, при ихъ тѣхъ дворѣхъ, датскомъ и польскомъ, трудиться на-

шимъ министрамъ, чтобъ они войска свои въ службѣ Госпо
Статовъ на нынѣшнюю кампанію здѣсь оставили, и тѣмъ
имъ, Статомъ, могли причесть обще мы въ великую облига
и въ доброе согласіе къ своимъ интересомъ больше-бъ и
привели, хотя на конецъ сего мира лучше видѣть своихъ прія
лей въ бо́льшей силѣ, нежели въ безсиліи, на кого бы п
случаѣ въ своихъ интересахъ могли лучше уповать.

Я о семъ доношу пространно для того, что мнѣ доволь
говорено отъ депутатства здѣшняго, а особливе отъ пенсіонар
какъ я уже прежними объ отзывѣ датскихъ войскъ писалъ.

О голштейнскомъ дѣлѣ,—ни о посылкѣ шквадры изъ А
гліи въ Балтическое море, ни здѣсь предложенія какого о
милорда Страффорда еще по се число не явилося; то
отъ времени до времени больше разглашается, что Англія
Францiя при датскомъ дворѣ примирить съ шведомъ трудят

Офицеры, посланные съ письмомъ вашего превосходите
ства, уже многіе сюда явилися, и о нихъ, сколько возмож
стараюся; и трехъ человѣкъ волонтерами въ полкъ инфанте
генерала Фагеля отправилъ, токмо безъ денегъ своихъ бы
никоими мѣрами невозможно. А чтобъ имъ сыскать слу
въ офицеры, и тому невозможно статься, для того что
умѣютъ языка, также и офицеры здѣсь всѣ свои мѣста по
паютъ немалыми деньгами. И хотя волонтерами ихъ отправл
трудно, чтобы всѣхъ могъ управить, развѣ нѣкоторыхъ; т
для прошу объ указѣ, ежели недостатокъ въ деньгахъ буде
чѣмъ имъ питаться. Но я и топерь иныхъ вижу въ вели
скудости.

При окончаніи сего письма получили здѣсь вѣдомость
смерти короля прусскаго, чего для въ дѣлѣхъ надѣемся б
нѣкоторой малой премѣнѣ, а особливе больше чаютъ скл
ности кронпринца къ интересамъ аліатскимъ, нежели фр
цузскимъ.

Я въ доношеніи предъ симъ запамятовалъ написать,
датскому министру г. Розенкранцу въ Англіи статскій
кретарій милордъ Болинброкъ такую же декларацію учини

и польскому. И ежели король польскій намѣренія своего премѣнить, то королева весьма противъ короля его явно въ ересъ Швеціи непріятельски поступить. А г. де-Литу ни-ой декларацій не учинено, и посему не къ лучшему при-аю къ своимъ интересамъ.

Здѣсь чрезъ послѣднюю почту изъ Голштеніи явилося, что огіе необыкновенно переметчики есть изъ арміи непріятель-й въ наши войска, между которыми нѣсколько и офицеровъ юся. О семъ здѣсь разсуждается нѣкотораго вымысла отъ тенбока, что онъ для недостатка провіанта нарочно де-орами войска свои убавляетъ; а по свободѣ изъ нашихъ скъ, оные явятся въ гарнизонахъ шведскихъ въ Висмарѣ и другихъ.

Въ тѣхъ же письмахъ является, что онъ, Штенбокъ, на-ень со всею своею арміею транспортировать себя въ бре-скую провинцію, и будто нѣсколько судовъ при себѣ имѣетъ.

Здѣсь многія персоны изъ правительства ласкаютъ себя шей склонности быть нынѣшняго короля прусскаго, нежели его, и надѣются весьма, что факція французская при томъ рѣ угаснетъ.

1000. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. февраля 20. Ганноверъ.

По письму вашей милости, № 4-ый, требованныя отъ васъ утрехтскому съѣзду полномочная и вѣрющія, противъ проекта его, написаны и при семъ къ вашей милости посылаются, итулъ вамъ въ оныхъ тайнаго совѣтника данъ.

Что же вы требовали опредѣленія, какъ вамъ при съѣздѣ ехтскомъ съ министры другихъ потенцій всей Европы себя держать,—и его царское величество повелѣлъ мнѣ къ вамъ сать, дабы вы при томъ случаѣ съ министры всѣхъ потенцій ерживали себя въ равной мѣрѣ съ датскими министры, ко-рые какъ будутъ въ мѣстахъ съ прочими поступать, то и вы

по тому равно по пристойности можете обходиться со всѣ
А хорошо бы по всякой возможности тѣхъ церемоній, прит
ради всякихъ случаевъ, какимъ образомъ возможно мино
искать, что наипаче полагается на ваше благоизвѣстное
кусство. Въ прочемъ же, ежели сей миръ у союзныхъ съ Фр
ціею на такомъ основаніи состоится, что дукъ д'Анжу Ф
липпъ королемъ гишпанскимъ, дукъ савойскій королемъ
цильскимъ, дукъ баварскій королемъ же сардинскимъ учине
и отъ цесарскаго величества и отъ всѣхъ державъ призн
будутъ, и вашей милости о томъ формальное объявленіе о н
учинятъ, то оныхъ такожде можете за королей признать.

Дворянъ для визитъ при томъ съѣздѣ съ другими минист
указалъ царское величество взять вамъ къ себѣ 4-хъ че
вѣкъ изъ тѣхъ, которые нынѣ въ Голландіи обучаются на
гаціи, кого вы за благо разсудите. И совѣтую я вашей м
лости, дабы вы изволили испросить впредь у его царскаго
личества, чтобы при васъ изъ сихъ шляхтичей человѣка
всегда ради случающихся дѣлъ и пересылокъ обрѣтались,
торые къ тому по вашему разсмотрѣнію будутъ потребны;
его царское величество нынѣ позволилъ такожде г. послу кня
Долгорукову взять для такого случая къ себѣ изъ Голл
діи Оладьина и другого еще пріискивать, которые бы всег
при немъ безотлучно были. И ежели кого изволишь выбра
о томъ изволь къ государю отписать.

Хотя ваша милость имѣете у себя кондиціи, опредѣленн
съ нашей стороны къ миру съ шведомъ, въ которыхъ меж
инымъ о Ригѣ и Лифляндахъ написано, что оные его царск
величество королю польскому и речи посполитой отдать об
щаетъ,—однакоже, что нынѣ о той провинціи въ подтвержд
ніе въ прежнихъ его царскаго величества объявленіяхъ къ княз
Трубецкому, обрѣтающемуся нынѣ при польскомъ двор
писано, съ того письма, для извѣстія вамъ, при семъ коп
прилагается, по котораго содержанію при случаѣ, когда ли
васъ о томъ союзничьи министры вопрошать или напомина
будутъ, можете по пристойности объявить, при какой резолюц

… царское величество о Лифляндахъ пребываетъ; о чемъ я, …жде для извѣстія, и къ г. Матвѣеву писалъ.

Каково нынѣ послано отъ меня письмо къ г. де-Литу, …жъ при томъ и грамота отъ царскаго величества королевѣ …кобританской, по желанію королевскаго величества датскаго, …намѣряемой посылкѣ кораблей аглинскихъ и французскихъ …да къ Голштеніи на помочь шведамъ, съ тѣхъ при семъ, … извѣстія милости вашей, списки прилагаю. Изволите о томъ …мѣ поступать общимъ согласіемъ съ г. Литомъ, усматривая …ошнія состоянія, и какъ о томъ къ нему, Литу, въ письмѣ …емъ обстоятельно писано.

Посылаются при семъ къ милости вашей три паса кора…льные, которыхъ вы требовали чрезъ письма свои къ цар…ому величеству. Такожде прилагаю, для извѣстія вамъ, копію … грамоты царскаго величества, отправленной къ цесарю въ …ѣтъ на его грамоту, въ которой онъ писалъ о выводѣ войскъ …шихъ изъ имперскихъ провинцій, и [ежели] что-либо о семъ дѣлѣ … кого отзовется, то можете по содержанію сей царскаго …ичества грамоты отвѣтовать.

Царское величество изволилъ отъ арміи своей изъ Фрид…штата пойтить 14-го сего мѣсяца и третьяго дня сюда въ …новеръ прибылъ, а завтра изволитъ идти въ Вольфенбют…ъ на малое время и оттуда пойдетъ чрезъ Берлинъ въ Пе…бургъ. Того ради изволите впредь письма свои адресовать … вамъ чрезъ Берлинъ.

1001. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. февраля 23. Брауншвейгъ.

Принятъ нынѣ въ службу царскаго величества баронъ …акъ, бывшій прежде въ службѣ датской, и отправляется …юда въ Англію на мѣсто г. де-Лита. И ваша милость …ольте ему, барону Шаку, дать изъ переведенныхъ къ вамъ … Москвы денегъ за смолу пять тысячъ ефимковъ альберту-

совыхъ и въ прочемъ къ нему являть свою пріязнь, и м
съ нимъ корреспонденцію. Таковде изволите ему настав
учинить, какъ ему въ дѣлахъ при аглинскомъ дворѣ посту
надлежитъ.

1002. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 24. Гага.

Графъ Вандернатъ, министръ дука голштейнс
третьяго дня предлагалъ Статомъ о посылкѣ шквадры их
Балтическое море, сообщась съ аглинскою, что они, Ст
по обязанію своему, какъ есть гварантирами трактата тра
дальскаго, должны ту эскадру послать и датскаго короля
Голштеніи принудить выступить, и дуку его все и съ убы
возвратить. И то все его предложеніе взято на доношені
статскомъ собраніи.

Я съ министромъ польскимъ противно сему, съ своей
роны, предлагаемъ, объявляя, что всему тому самъ онъ,
голштейнскій, есть причиною, для чего гарнизонъ непріят
скій свободно впустилъ въ фортецію Тонингъ и непріятел
себя тѣмъ явилъ. И надѣемся, что помянутаго Вандер
коммиссія дѣйствительна такъ не будетъ, какъ въ Англіи,
онъ въ скорыхъ дняхъ отъѣзжаетъ. И въ надѣяніи такомъ е
что Англія конечно свою шквадру въ Балтическое море пошл

Помянутый Вандернатъ здѣсь разглашаетъ, что его цар
величество съ королемъ датскимъ учинилъ проектъ, чтобы вес
нынѣшнею частью россійскихъ войскъ учинить десантъ
Шканію.

Въ прежнемъ письмѣ я объявлялъ, что французскіе съ
сарскими о Каталоніи и о неутральствѣ въ Италіи во в
сошлись, и чаяли, что оный трактатъ прошлой пятницы
детъ заключенъ. Но министры французскіе, хотя и на м
тотъ проектъ поставили, подписать не похотѣли, ожидая
нистровъ гишпанскихъ, для того что тѣмъ гишпанскимъ

тромъ то приналежитъ учинить. Изъ сего признавается, е со стороны французской къ продолженію времени.

Здѣсь со всякою прилежностью трудятся, чтобы прусскаго роля привести въ интересъ свой, и частыхъ курьеровъ туда правляютъ. И, вопервыхъ, ищутъ способъ, чтобы министерство роль премѣнилъ, а особливе Ильгена и фонъ-Принца, торые факціи французской есть. А ежели оные министры премѣнены не будутъ, то, разсуждается, не къ пользѣ шнихъ аліатовъ отъ того двора будетъ. И хотя нынѣ коль прусскій по прежней своей склонности къ аліатомъ таъ же себя показывать будетъ, и помянутые два министра содержанія своего при немъ въ кредитѣ прямымъ образомъ предосужденію аліатовъ въ интересъ Франціи являться не уть,—но многіе разсуждаютъ, чтобы не начали его, короля, водить въ интересъ шведскій, и въ войну бы сѣверную не мѣшались. И чрезъ то равное же предосужденіе аліатомъ нено [можетъ] быть.

Я увѣдомился чрезъ нѣкоторыхъ персонъ: Господа Статы, способъ, чтобъ его, короля, привести сходна къ общимъ интересамъ, знавъ его охоту и склонность къ войнѣ, учии проектъ къ цесарскому двору, дабы обще предлагать ему, олю, главную команду надъ войски въ имперіи при рѣкѣ ѣ или при Мозелѣ и собрать войскъ довольное число, а ъ командою его королевской особы первымъ командиромъ бы быть дуку Мальбургу такъ, какъ принцу имперскому, того, зная склонность давнюю его, короля, къ нему, дуку, же и для добраго совѣта и удержанія отъ скорыхъ резолюцій.

Здѣсь на всѣ тѣ дѣла къ своимъ интересамъ упованіе имѣютъ на нца д'Ангальта, который у него, короля, есть фаворитомъ.

Графъ Тилли, генералъ командирующій арміи статской, по ъ дняхъ въ войска отъѣзжаетъ, и двадесятое число указъ ютъ съ войски въ поле выступить. И больше здѣсь нынѣ предбудущей кампаніи говорятъ, нежели о мирѣ. Однакоже ежъ смотрѣть, чтó Франція чрезъ ожидающаго курьера буъ отвѣтствовать.

Изъ Англіи въ письмахъ объявляютъ, что никогда такъ было вида къ революціи между тамошнимъ народомъ, ка нынѣ; и чѣмъ парламентъ начнется, то многимъ премѣна чаютъ быть, а особливе отъ бискуповъ и другихъ духовны начнется.

О присланныхъ офицерахъ сюда еще напомяную ваше превосходительству, чтобъ изволили о нихъ опредѣлить.

О турецкихъ дѣлѣхъ Статы уже четыре недѣли не имѣ вѣдомости отъ посла своего.

Здѣсь въ тайномъ собраніи увѣдомленось заподлинно, ч Франція короля польскаго къ своимъ интересамъ сходна пр вела и въ дѣла его вступила, и съ королемъ шведскимъ об щала примирить, содержа его на тронѣ польскомъ. Сія нови разсуждается гораздо быть сходна съ дѣломъ турецкимъ: еже въ интересъ шведскій Порта не вступаетъ такъ, какъ о Франція, и шведъ желали, то будутъ искать способъ таки образомъ, какъ выше явлено.

Къ сему же равно разсуждается премѣна его, короля по скаго, министровъ: изъ Утрехта графъ Вертернъ отозван а Ланяско оставленъ, для того что есть внутреннимъ фра цузомъ.

1003. Князь Б. И. Куракинъ—гр. Г. И. Головкину.

1713 г. февраля 27. Утрехтъ.

Здѣсь непрестанныя конференціи имѣютъ, токмо ни од дѣло къ окончанію не приведено.

Трактатъ о Каталоніи и о нейтральствѣ въ Италіи е по се число не подписанъ за ожиданіемъ указа изъ Гишпа къ министромъ французскимъ.

Пашпорты для пріѣзда министровъ гишпанскихъ треть дня аглинскіе, взявъ у министровъ статскихъ, отдали мин стромъ французскимъ, которые на-завтрее отправлены въ Париж и посему чаемъ вскорѣ тѣмъ гишпанскимъ министромъ сю быть.

Дѣла всѣ здѣсь главныя въ несходствѣ есть тѣ. У Англіи Франціею и съ Гишпаніею что̀ учинено, того знать не мо-ть, кромѣ наружнаго, что уже гварнизоны она свои въ тѣ Магонъ и въ другихъ имѣетъ. Токмо слышимъ, что належитъ о торгѣ, она, Англія, еще по се число съ тѣми енціями ничего не учинила, а особливе тарифъ свой еще подтвердила, который весьма противенъ есть интересамъ нціи, и состоятеленъ быть не можетъ.

Съ Голландіею Францiя о барьерѣ сходна есть. Токмо, что належитъ къ тѣмъ завоеваннымъ мѣстамъ отъ нея, Франціи, уступку,—приналежащія провинціи и каштелянства, съ ко-хъ доходы немалые есть, такъ-что они, Статы, тѣми до-могутъ содержать гарнизоны въ тѣхъ завоеванныхъ мѣ-ъ,—и о томъ есть несходство; однакоже чаютъ въ томъ оторые средства сыскать къ удовольству обѣихъ сторонъ. А приналежитъ объ ихъ съ Франціею тарифѣ, то еще не инали; а о торгѣ съ Гишпаніею оставлено до пріѣзда ми-тровъ гишпанскихъ, съ которыми будутъ трактовать. И по-утымъ голландцомъ есть труднѣе всѣхъ дѣло здѣсь нынѣ, Францiя, не имѣвъ у себя въ рукахъ, чужое, а не свое, хнюю Гельдрію, уступаетъ королю прусскому вмѣсто княже-оранскаго. И нынѣшняго короля намѣренія еще не вѣ-ютъ, и начаются здѣсь иного поступка къ своимъ интере-ъ, нежели умершій король.

Что же приналежитъ къ интересамъ дома аустрійскаго, и Франціею еще довольно трудностей осталося: впервыхъ, о аріи и о возвращеніи дука баварскаго въ первое его до-инство, также и о королевствѣ сардинскомъ въ награжденіе сто Верхняго Палатината,—и еще ни объ одномъ начала ъ. О Баваріи чаютъ, что домъ аустрійскій возвратитъ, а бы въ первое достоинство допустить и быть первымъ кур-стомъ, въ томъ не токмо цесарь, но и другіе всѣ кур-сты противными есть и допустить не хотятъ.

Францiя предлагаетъ,—когда цесарь не хочетъ уступать динію, то чтобы возвращено было ему, дуку баварскому,

верхнее палатинство. Курфюрстъ палатинскій къ сему сход являяется, токмо проситъ за награжденіе дукатство люксемб ское, Намуръ и прочія. И къ сему ни Англія, ни цесарь схо не являются.

А между цесарствомъ и Франціею ни мало сходности нѣ такъ-что уповать неможно, чтобы Франція по ихъ запрос что могла учинить; и какъ намѣрена барьеръ свой по р Рену содержать, то и цесарство, наконецъ, принуждено буд на то позволить.

Между савойскимъ и Франціею тѣ дѣла къ концу своему уже п ведены, и королевство сицильское за нимъ удержано будетъ, ч для и со стороны цесарской уже слабыя противности являют

А что принадлежитъ въ Италіи къ интересамъ цесарским дукатство мантуйское и другія,—и о томъ министры фр цузскіе уже предлагаютъ, чтобы тѣ княжества домъ аустрій оставилъ во владѣніе принцевъ наслѣдственныхъ, кому прина житъ, и феодами къ имперіи содержалъ, а не къ своему д аустрійскому.

Интересы короля португальскаго оставлены трактовать министры гишпанскими, и чаю тѣмъ къ своему удоволь ничего не получить.

И по всему тому [можно] видѣть явно, что миръ пре кампаніи заключенъ быть не можетъ, и намѣреніе Франціи пріуготовленіемъ въ кампанію видится такое, что она, Фран всѣ свои прогрессы хочетъ искать въ имперіи и чрезъ то саря и цесарство принудить къ такимъ кондиціямъ по сво желанію, въ чемъ оные нынѣ противны являются. А з разсуждается, что Франція кампанію въ Брабантѣ дефен поведетъ, для того, чтобъ отъ голландцевъ изъ постановлен барьера чего не отлучить, и тѣмъ бы Англію не раздраж Однакоже на сіе обманное разглашеніе здѣсь не уповают пріуготовленіе чинятъ, и принца Евженія на конецъ сего сяца ожидаютъ.

Пріѣздъ мой сюда въ Утрехтъ нарочно для извѣстнаго дѣла что принадлежитъ, о Ригѣ говорить постороннимъ образомъ

стры аглинскими, какъ мнѣ о томъ указъ повелѣвалъ. И
бискупомъ бристольскимъ имѣлъ оказію пространно о дѣ
говорить, однакоже, видя ихъ по всѣмъ словамъ против-
нымъ, и того для сего времени упустилъ о той матеріи
рить до случая, а особливе при нынѣшнихъ новинахъ и
мѣнѣ дѣлъ турецкихъ въ нашъ интересъ; о чемъ не су-
аюся, что уже у двора есть извѣстія. И въ такомъ случаѣ
всудилъ, чтобъ имъ, аглинскимъ министромъ, ни мало въ
ворѣхъ не придать вида къ тому, что̀ бы къ миру войны
рной касалося. И ежели то правда,—чего отъ Вышняго
ѣлъ,—что въ интересъ его царскаго величества при Портѣ
но будетъ, то помянутые агличане, чаю, будутъ сами
ать говорить нынѣ о мирѣ сѣверной войны, а не такимъ
омъ молчать, какъ до сего времени были намѣрены, чая
короля шведскаго воставлена въ силу. И того для хо-
его оставить въ войнѣ, чрезъ что надѣялися ему прійти
режнюю силу.

при всѣхъ тѣхъ нынѣшнихъ конъюктурахъ будемъ отбѣ-
какъ возможно, отъ предложенія ихъ о мирѣ сѣверной
. Токмо паче всѣхъ опаснѣе, чтобы по слабымъ своимъ
овеннымъ поступкамъ король польскій партикулярнаго мира
инилъ, что̀ со стороны шведской при нынѣшнемъ случаѣ
ѣе можетъ быть учинено, нежели прежнее упрямство не
кало того.

азговоръ нашъ съ бискупомъ бристольскимъ состоялъ въ
что̀ принадлежитъ къ интересамъ Голштеніи и короля
каго о сынѣ. Онъ, бискупъ, говорилъ, что королева его,
бязательству гварантіи трактата травендальскаго, понуждена
ъ въ тѣ дѣла вступить и дуку голштейнскому нокой сы-
. Также и о сынѣ короля польскаго, что ежели перемѣ-
религію свою и приметъ католицкую, то весьма прину-
а будетъ его королева интересы короля **Августа** не токмо
ить, но еще и противной явиться.

, съ своей стороны, ему объявлялъ, что миру травен-
скому и ихъ, аглинской, гварантіи король датскій не есть

нарушителемъ, но надобно смотрѣть причину, откуль нач
сего дѣла произошло. И явно, что шведы первые нарушител
есть того трактата своимъ нападеніемъ въ Голштенію; та
и дукъ голштейнскій самъ причину тому подалъ, что гарниз
шведскій допустилъ въ Тонингъ. Но ежели бы шведы сказа
что резонъ военный принудилъ ихъ вступить въ Голштенію,
равнымъ образомъ тотъ же резонъ военный и датскому кор
позволяетъ то чинить. И особливе притомъ я ему, биску
говорилъ: „Я надѣюся, что его королева по домогательств
министра голштейнскаго никакихъ противныхъ мѣръ интерес
его царскаго величества и его аліатомъ къ предосужденію
приметъ. А что приналежитъ до короля польскаго въ инте
сахъ релижіи сына его, и въ томъ его царское величество
имѣетъ никакой причины мѣшаться въ тѣ дѣла релижіи; ток
ежели что будетъ касаться интересовъ короля польскаго сѣв
ной войны, то его царское величество понужденъ будетъ, п
стерегая общій интересъ, самъ противнымъ образомъ явит
тѣмъ противнымъ воспріятіемъ, которыя общимъ интерес
сѣверной войны ему и его аліатомъ откуль явятся".

На конецъ всѣхъ нашихъ разговоровъ помянутый биск
сказалъ, что его королева вмѣшать себя насильно въ дѣла
верныя не похочетъ, но будетъ искать способъ къ утише
той войны съ удовольствомъ каждому.

Министръ ганноверскій баронъ Ботмаръ, вчерашн
дня бывъ у меня, сказалъ мнѣ за секретомъ, что онъ по
чилъ указъ отъ двора своего, чтобъ ему именемъ курфюр
своего предлагать здѣсь Статомъ, также и цесарскимъ ми
стромъ, для умноженія войскъ ихъ, аліатскихъ, въ сю кам
нію искать способъ просить войскъ въ ихъ, аліатскую, слу
у его царскаго величества, такъ и у короля датскаго. И п
томъ онъ, баронъ Ботмаръ, мнѣ объявилъ, — сіе отъ дв
ихъ произошло по согласію съ его царскимъ величествомъ,
будетъ стараться, чтобы началося отъ Статовъ и отъ це
скихъ министровъ мнѣ предложеніемъ. И ежели что мнѣ пр
ложено будетъ, я, хотя не имѣвъ вновь указа, по данной м

струкціи въ то дѣло буду вступать. И ежели еще къ тому льшее намѣреніе его царскаго величества есть, то прошу мнѣ казать указами вновь подтвердить и къ инструкціи, ежели годнаго,—умножить. И въ предбудущую недѣлю онъ, баронъ тмаръ, хотѣлъ быть въ Гагу и помянутое предложеніе чинить.

По двухъ дняхъ отсель отъѣзжаю въ Гагу и буду временно съ наѣздомъ къ престереганію своихъ интересовъ, а житьемъ я не опредѣлю до тѣхъ мѣстъ, когда что коснется весьма нашимъ интересамъ.

Каковы новины здѣсь произошли о дѣлѣ турецкомъ. Въ сьмѣ графу Цинцендорфу изъ Адріанополя писано,—22 раля незапно премѣна при Портѣ учинилась: салтанъ послану въ Бендеръ далъ указъ, чтобы короля шведскаго тотчасъ слать, а ежели не поѣдетъ, взялъ бы его за арестъ, и нарѣнъ послать въ одинъ островъ. Въ другомъ письмѣ объяетъ: министръ шведскій Функъ и съ другими своей партіи о же дня взятъ за арестъ. Въ третьемъ письмѣ чрезъ Транльванію является, что дѣла всѣ при Портѣ премѣнились, и йны противу его царскаго величества не будетъ, и пословъ величества изъ семи туръ велѣно освободить.

Въ отбытность мою изъ Гаги ежели къ Статомъ пришла кая вѣдомость, о томъ буду, повратясь отсель, впредь писать.

1004. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. марта 2. Берлинъ.

Въ данной милости вашей въ Лейпцигѣ инструкціи напино, что когда, при случаѣ разговоровъ о мирѣ сѣверной йны, Соединенные будутъ упоминать о Лифляндахъ, то-бъ ъявить имъ, что царское величество при прежней деклараціи ебываетъ уступить оные коронѣ польской. А потомъ къ мисти вашей писалъ я изъ Ренсбурга, генваря отъ пятагонадетъ дня, чтобы вы ратпенсіонарію, также и аглинскимъ при зговорѣхъ объявили, вывѣдывая ихъ мнѣнія, дабы городъ

Ригу оставить вольнымъ подъ протекціею польскою такъ, ка Гданскъ. Но послѣ того король польскій и речь посполит отъ его царскаго величества требовали, чтобы тѣ Лифлян имъ нынѣ отдать, или бы, въ увѣреніе его царскаго величес имъ обнадеживанія, позволить нынѣ рижаномъ и лифляндцо учинить въ вѣрности имъ присягу.

И хотя царское величество весьма не намѣренъ той пр винціи Лифляндіи при себѣ удержать, а имъ по обѣщані своему уступить соизволяетъ; но понеже до окончанія сей шведомъ войны, за раздвоенными всегда въ Польшѣ партія и за обыкновенными ихъ несогласіями, отдать имъ той пр винціи его царское величество размышленіе имѣетъ и весь за невозможно почитаетъ, дабы они какимъ случаемъ той пр винціи паки, еще прежде окончанія сей войны, шведу (ч легко можетъ случиться) не отдали, для чего оную его царск величество при себѣ и содерживаетъ; того ради, въ увѣре королю и речи посполитой его царскаго величества въ отда оной провинціи обѣщанія, посланъ его царскаго величест указъ предъ недавними днями въ Варшаву къ г. князю Тр бецкому,—велѣно ему королю и речи посполитой польск объявить о томъ соизволеніе царскаго величества нижеписа ными двѣмя образы:

1. Что его царское величество позволяетъ нынѣ ввести Ригу королю и речи посполитой часть гарнизона своего и оны тамъ купно съ гарнизономъ царскаго величества быть.

2. А ежели король и речь посполитая, отставя сіе, буду требовать, какъ выше написано, чтобы жителемъ Лифлянд учинить нынѣ имъ присягу, то его царское величество и то позволилъ, дабы помянутымъ жителемъ имъ присягу уч нить, что оные, по скончаніи сей съ шведомъ войны, корол и речи посполитой вѣрны и послушны быть хотятъ.

Нынѣ повелѣлъ его царское величество мнѣ писать, даб вы о помянутой его царскаго величества деклараціи, котор учинить велѣно князю Трубецкому королю и речи посполит польской о Ригѣ и Лифляндахъ, Голландіи и Англіи въ удо

[день], когда за благо разсудите, объявили. А когда стали они упоминать, чтобы Рига учинена была вольнымъ [городомъ] со стороны царскаго величества,—на то изволь отвѣтствовать, что намъ того учинить невозможно, для того что обѣщали оную отдать королю и речи посполитой, чтò и учинили. А ежели объявить оный вольнымъ, то бы поляки приняли за противность и за нарушеніе съ ними имѣющихъ трактатовъ, какъ и нынѣ турецкая война не отъ кого иного, токмо отъ нихъ наведена.

А что ты говорилъ о томъ имъ отъ стороны царскаго величества, то его царское величество чинитъ въ удовольство имъ, союзнымъ, и дабы они о семъ, ежели имъ то надобно, искали впредь у поляковъ, къ чему его царское величество, съ своей стороны, подъ рукою всякое вспоможеніе чинить не оставитъ.

Если между союзными и Франціею при мирныхъ трактатахъ будутъ говорить и о примиреніи сѣверной войны, то при томъ случаѣ изволите отвѣтовать онымъ по данной вамъ инструкціи и, сверхъ того, въ прибавокъ, согласясь съ министрами датскимъ и польскимъ, имъ объявить, чтобъ, ежели до того дойдетъ, къ трактованію о томъ мирѣ опредѣлить къ съѣзду со всѣхъ сторонъ полномочнымъ онымъ мѣсто, городъ ...скъ, который всѣмъ будетъ способный; а наипаче его царскому величеству, за отдаленіемъ его государства, изъ Петербурга ближе будетъ указы къ своимъ тамо полномочнымъ посылать.

1005. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. марта 2. Берлинъ.

Въ бытность его царскаго величества нынѣ въ Ганноверѣ отъ того двора при разговорѣхъ предложено, чтобъ его царское величество, по окончаніи въ Голштеніи при Тонингѣ дѣйствъ, изволилъ изъ арміи своей перепустить въ службу Голландіи нѣсколько инфантеріи, и что оное при нынѣшнихъ конъюктурахъ

за великую пріязнь его царскаго величества принять может
И хотя того не объявили именно, однакоже можно изъ вс
видѣть, что сіе они по желанію Голландіи говорили. На
его царское величество изволилъ имъ сказать, что ежели о
турковъ никакой опасности не будетъ, такожъ и швед
Штенбоковъ корпусъ въ Голштеніи разорится, то его ве
чество можетъ онымъ въ такомъ случаѣ изъ войскъ свои
сколько мочно, на ихъ заплату перепустить.

И того ради его царское величество повелѣлъ мнѣ къ ва
писать. Когда вамъ о семъ отъ Голландіи, прямо или чре
ихъ союзниковъ, или чрезъ ганноверскій дворъ, предложе
учинено будетъ, то изволите имъ объявить, что ежели ту
отъ начатія войны совершенно удержатся, такожъ и шведо
Штенбоковъ корпусъ въ Голштеніи разоренъ будетъ, то то
соизволяетъ его царское величество перепустить Голландіи
арміи своей, которая нынѣ въ Голштеніи, шесть тысячъ инфа
теріи и двѣ тысячи кавалеріи, не требуя никакихъ на то су
сидій, только дабы они онымъ давали плату обыкновенну
квартиры, провіантъ и фуражъ, по тому основанію, какъ о
другихъ державъ войскамъ, въ ихъ службѣ обрѣтающимс
даютъ. И когда къ тому помянутый случай явится, и Голлан
того требовать будетъ, то можете съ ними о томъ въ тра
таты вступать. И за перепускъ тѣхъ войскъ вамъ прито
требовать, дабы они, Статы, въ договорѣ обязались (какъ ва
въ инструкціи написано), по окончаніи своей войны нынѣ
Франціею, привращенныя наслѣдныя земли за его царски
величествомъ удержать, такожъ и завоеванные бы города коро
шведскій при договорѣхъ мирныхъ уступилъ царскому велич
ству, а его величество обязуется по силѣ трактата, учиненна
межъ его царскимъ величествомъ съ королемъ польскимъ, Л
вонію коронѣ польской уступить. Буде же то тяжко поставят
то хотя бы наслѣдныя земли гарантовали; такожъ бы он
Статы, обязались ни при нынѣшнемъ генеральномъ съѣздѣ,
впредь къ предосужденію его царскому величеству и союзн
комъ его царскаго величества ничего не чинить, а особли

померанскомъ дѣлѣ его величеству съ его союзники, по слѣдней мѣрѣ, не мѣшать, но еще вспоможеніе въ томъ нить. А ежели того вышеписаннаго въ трактатъ внесть они похотятъ и весьма на то не склонятся, то, по послѣдней рѣ, домогаться вамъ того, чтобы въ тотъ трактатъ внесено ю, дабы они, Статы, по принятіи тѣхъ войскъ его царскаго личества въ свою службу, обязались противъ новыхъ непріятелей о царскаго величества и союзниковъ его, кто тогда будетъ прямъ или постороннимъ образомъ шведу помогать, сперва оныхъ брыми своими средствы отвращать, а ежели тѣмъ ихъ удержать можно, то чинить имъ притомъ его царскому величеству и его юзникомъ всякое вспоможеніе и тѣхъ непріятелей до того допускать. Буде же и то примать не будутъ, то хотя бы учинить оборонительнымъ видомъ,—на обѣ стороны помогать отивъ новыхъ непріятелей. А помянутыя бы войска приняли сперва полками, шесть пѣхоты и два кавалеріи, а не по слу людей, ибо надлежитъ оные дополнить, чего въ полный мплектъ не достанетъ, рекрутами изъ Россіи, которыхъ могъ они принять въ Ригѣ или въ Ревелѣ, или въ Пебургѣ при Балтійскомъ морѣ и перевезти въ Голландію кораблях, или бы приняли ихъ въ Смоленскѣ, буде ремъ не похотятъ. Итако можете на вышепомянутыхъ конціяхъ о перепускѣ тѣхъ войскъ Голландіи, когда къ тому шеописанный случай явится, трактатъ сочинять. Но о томъ длежитъ вамъ прежде корреспондовать и сноситься съ г. льдмаршаломъ княземъ Меншиковымъ, которому о емъ томъ нынѣ въ равной силѣ писано. Но ежели же къ му прежде описаннаго случая не явится, т.-е. турки отъ йны не удержатся, такожде и шведовъ Штенбоковъ корпусъ зоренъ не будетъ, то его царское величество, хотя Голлан прилежно того требовать будетъ, изъ войскъ своихъ ничего ой перепустить не можетъ, но самъ его величество въ нихъ гда нужду имѣть будетъ.

Его царское величество, ѣдучи изъ Ганновера, изволилъ ть у герцога вольфенбюттельскаго, гдѣ обрѣталась тогда и

ея высочество кронпринцесса (которая пойдетъ оттуда въ Петерсбургъ на сихъ дняхъ), а потомъ имѣлъ его царское величество свиданіе съ новымъ королемъ прусскимъ отсюда за миля въ домѣ его королевскомъ, зовомомъ Шенгаузенъ. Оный король хотя со всякою пріязнью къ его царскому величеству поступилъ, однакоже ни во что письменно обязываться, и усмотрясь еще прежде въ своемъ государствѣ, не хотѣлъ.

Его царское величество по томъ свиданіи вчера воспріялъ путь прямо, не занимая Берлина, въ Петерсбургъ, куда и завтра на почтѣ отъѣзжаю.

SOUVENIRS

DE VOYAGE

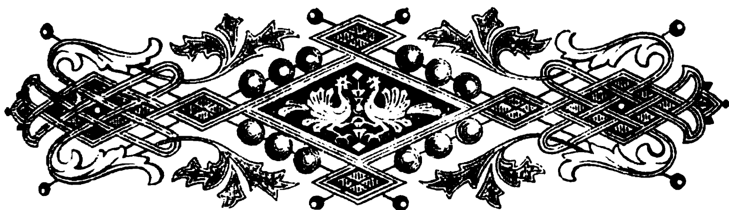
EN HOLLANDE ET EN ANGLETERRE

PAR

E PRINCE ALEXANDRE KOURAKIN

à sa sortie de l'Université de Leyde durant les années

1770—1772.



1006. Souvenirs de voyage du prince Alexandre Kourakin.

(Suite et fin).

Le gouvernement de la Cité est divisé en 26 districts, dont un est sous la direction d'un principal, nommé alderman échevin, qui est choisi par les habitants. C'est du nombre des échevins qu'on élit, à la pluralité des voix, le lord-maire, l'autorité s'étend non seulement sur toute la ville et sur grande partie des faubourgs, mais encore tout le long de Tamise, depuis son embouchure jusqu'au pont de Stains, ce fait plus de 60 milles; c'est pourquoi on lui donne le titre conservateur de la rivière. Il est le premier juge de Londres a le pouvoir de citer à son tribunal et d'emprisonner tous qui sont sous sa juridiction. Au couronnement du roi il prétendre au titre de grand-échanson.

Les aldermen ou échevins sont les premiers en dignité et pouvoir, après le lord-maire. Chacun d'eux a sous lui un ain nombre de membres du grand conseil, parmi lesquels il nd son député, ainsi que plusieurs autres officiers qui, de ne que les échevins, sont choisis par les bourgeois de chaque rict. Le lord-maire et les échevins ont le droit de choisir greffier de la ville, qui est leur juge assesseur, leur avocat icipal et leur orateur. Il doit être versé dans toutes les lois nicipales et coutumières de la ville. Les shériffs sont aussi membres considérables de la magistrature et ils ont le droit citer les bourgeois jurés parmi lesquels ils sont élus chaque

année, à la St. Jean, mais ils n'entrent en fonction qu'à St. Michel qui suit.

Le gouvernement de la Cité se compose de même que ce de la nation. L'Angleterre est gouvernée par le roi, la Chamb haute et la Chambre basse. La Cité l'est pareillement par lord-maire, les échevins et le grand conseil. Les membres grand conseil sont élus annuellement par les bourgeois, au nom de 231, pour être les représentants de la Cité.

La juridiction du lord-maire finit à Temple-Bar. C'est que commence Westminster. L'autorité civile et ecclésiasti de cette ville est remise entre les mains du doyen et du c pitre. Le pouvoir exécutif appartient, depuis la réformation, séculiers, qui sont élus par le chapitre.

Londres et Westminster forment deux villes. Elles diffèr entièrement dans leurs privilèges et leur administration in rieure. Cependant, on les comprend communément sous le n de Londres.

La résidence ordinaire du roi est à St. James, palais b par le fameux cardinal de Wolsey, qui, de fils de simple b cher, parvint aux premières dignités de l'Eglise romaine, fr la tiare, et, pendant près de 30 ans, gouverna despotiquem l'Angleterre. Wolsey céda ce palais à son maître et à son bi faiteur Henri VIII. Ce bâtiment est irrégulier, ses dehors répondent aucunement à la grandeur de la Cour britanniq ce n'est que depuis l'incendie de 1698 qui consuma le pal de Whitehal, que les rois y font leur résidence. Les appartem sont si mesquinement meublés qu'ils ne valent pas la peine qu en parle. Il est étonnant que les Anglais, cette nation si fi et si opulente, souffrent que leur roi soit logé d'une façon si convenable au rang qu'il tient parmi les souverains de l'Euro

Dès qu'un étranger a été présenté, il peut aller à la Co cinq fois par semaine, si bon lui semble. Les lundis, les m credis et les vendredis, il y a lever. Alors le roi paraît seul il n'y a que les hommes qui puissent venir lui faire la cour. s'assemble aussitôt après midi.

Les jeudis et les dimanches il y a cercle. Le roi et la reine raissent ensemble dans la chambre du dais, où se trouvent emblés les hommes et les dames, sans distinction du sexe. On peut dire que la Cour britannique est sur un pied assez ange. On n'y voit ni pompe, ni magnificence. Tout y est de plus grande simplicité. Les Anglais ne se laissent pas séduire r les dehors et semblent n'avoir à cœur que les vertus de rs souverains. Heureux le peuple qui ne dépend point des rices de son prince, et plus heureux encore le prince qui ve son bonheur et sa gloire dans l'exercice de la vertu. roi actuel, à son avènement au trône, pour se concilier l'af-tion de ses sujets, s'est imposé la règle gênante de parler ous ceux qui viendraient à St. James; mais aussi ses dis-rs ne roulent jamais que sur des choses peu importantes, es que la pluie et le beau temps, etc. La reine en fait autant. te princesse, sans être régulièrement belle, a infiniment gréments. Elle a pour principe de ne se mêler aucune-nt d'affaires, et se borne à tâcher de se gagner l'affection toutes les personnes qui l'approchent. Son esprit est vif aimable. Elle a l'art de dire à chacun quelque chose de reau et d'obligeant. Cette affabilité du roi et de la reine ait dû leur concilier tous les cœurs, mais elle est regardée me un devoir de leur part, et si, par inadvertance, il ar-que le roi et la reine oublient d'adresser la parole à lqu'un, c'en est assez pour que la personne qui a été ée de cet honneur se croie grièvement offensée, éclate en ntes et se jette dans le parti de l'opposition.

Au couronnement, et aux jours de grandes solennités, on rve à l'égard du roi une étiquette sévère et très res-tueuse. Dans ces occasions, aucun roi de l'Europe n'est servi c plus de respect que celui de la Grande-Bretagne. On le ordinairement à genoux. S'il accorde quelque grâce, si lqu'un de ses sujets lui est présenté ou prend congé de lui, doit s'agenouiller en baisant sa main. Quant aux dames, le les baise à la joue.

Les hommes font à la reine une profonde inclination. E
baise à la joue les femmes de pairs et les duchesses, ainsi
les filles des ducs, comtes et marquis. Elle donne seulem
sa main à baiser aux autres dames.

Le roi et la reine ont fixé leur demeure dans l'hôtel
Buckingham, quoique la résidence soit censée à St. James.
jours de cour, ils se rendent à St. James, en chaise à porte

La reine a un revenu annuel de 50 mille livres sterling p
ses menus plaisirs, ainsi que pour l'entretien de ses enfa
mineurs et de sa maison. Les revenus du roi se montent
nuellement à 800 mille livres sterling. Il doit entretenir a
cette somme que le Parlement lui a fixée, sa cour, ses mi
tres d'Etat, ceux qu'il a dans l'étranger, et sa famille, si
Parlement vient à lui refuser un revenu particulier, sortable
rang qu'elle occupe. Les pensions qu'il fait doivent aussi
tirer de ce même fonds.

Ce que le roi a de fixe pour ses menus plaisirs, ce sont 10
guinées neuves qu'on lui apporte chaque lundi de la Monna

Les sommes nécessaires à l'entretien de l'armée et de
flotte, ainsi que les dépenses extraordinaires sont soldées
le Parlement, d'après la demande du ministre, après s'être ass
que cette demande est juste. A la fin de chaque année,
premier ministre doit rendre compte à la Chambre des Co
munes de l'emploi des deniers qui ont été accordés pour
besoins de l'Etat.

Le gouvernement de l'Angleterre, quoique compliqué par
forme, n'en est pas moins un des plus parfaits de l'Euro
Les pouvoirs, monarchique, aristocratique et démocratique,
se contrebalancent mutuellement, maintiennent un heureux éq
libre, d'où résulte un ensemble parfait.

Le roi et les deux Chambres du Parlement constituent
gouvernement. Je parlerai en peu de mots des privilèges exc
sifs de chacun de ces trois pouvoirs.

Le roi ne trouve dans ses privilèges que la faculté de fa
le bien. Il est dans l'heureuse impuissance de faire le moin

.Son autorité ne peut enfreindre les lois qui décident dans
les cas. Il peut faire la guerre ou la paix, contracter des
ces, conclure des traités, distribuer les charges et les em-
etc. Il est encore le chef suprême de l'Eglise anglicane,
rmée et de la marine. Une de ses prérogatives exclusives,
celle de pouvoir arrêter le glaive de la justice. Il a le
de faire grâce à tout criminel condamné à mort.
malheureuse catastrophe dont Charles Ier fut la vic-
a changé en quelque façon le génie de la nation. Elle
e ne plus vouloir imputer à son roi les fautes qu'elle peut
ettre et les ministres en sont seuls responsables. Ils ré-
nt sur leur tête de toutes leurs démarches, quand même
uraient fait qu'obéir aux ordres exprès de leur maître.
ns l'approbation du roi, aucune loi ne peut exister. En
t, il est tout puissant, s'il est juste; mais si ses inten-
ne sont pas bonnes, le Parlement sait les annuler.
Parlement est composé de deux Chambres: de celle des
urs et de celle des Communes.
première est composée des pairs du royaume qui en sont
embres nés. Ces pairs sont ou spirituels ou temporels.
irituels sont: l'archevêque de Canterbury, qui est en même
primat du royaume, celui d'York qui est, pour l'ordinaire,
aumônier du roi, et 24 évêques.
évêché de Durham est le plus riche de tous. On dit qu'il
te annuellement au delà de 10 mille livres sterling.
s évêques ont le titre de milord, comme membres de la
re des seigneurs, mais leurs femmes ne sont appelées que
ss, à moins que leur naissance ou celle de leurs maris ne
orise à porter le titre de milady. En Angleterre l'état ecclé-
ue est très considéré et en même temps assez lucratif. Les
des premières familles du pays l'embrassent ordinairement
l'espoir de réparer, par ce moyen, l'état de leur fortune.
pairie temporelle est composée de 23 ducs, d'un mar-
de 76 comtes, de 13 vicomtes et de 76 barons dont je
ai bientôt avec plus de détails.

Seize pairs d'Ecosse qui doivent être choisis à l'ouvert de chaque Parlement, sans recommandation préalable du min tre, y ont aussi le droit de séance, en vertu de la célè Union de 1707 qui a réuni les deux royaumes sous le n de Grande-Bretagne.

Il est du devoir des pairs de discuter sur les affaires l'Etat, d'en porter leur jugement et de tâcher d'engager le à des décisions favorables au bien public. Ils doivent a juger en dernier ressort les causes civiles et crimine qui sont appelées par devant leurs tribunaux, et ce les pairs ont une fois résolu à la pluralité des voix, r immuablement établi. Le chancelier préside à cette aug assemblée.

Il est à remarquer qu'il fut stipulé, lors de l'Union, les pairs d'Angleterre alors existants prendraient le pas les pairs d'Ecosse, mais que ceux des deux royaumes, qui raient créés dans la suite, se rangeraient entre eux suiv l'ancienneté de leurs pairies. Il fut en même temps sti qu'aucun pair d'Ecosse ne pourrait être créé pair d'Anglete s'il était déjà majeur, mais que la pairie anglaise ne pour entrer dans les familles écossaises, qu'en élevant à cette gnité des fils ou des cousins de pairs écossais. C'est la rai pour laquelle la Chambre haute refusait constamment d'adme à ses séances les ducs de Hamilton et de Queensbu tous deux écossais qui, au mépris de cette convention, fu créés ducs de Brandon et de Douvres, par la reine An en 1711.

Il y a cette différence notoire entre les pairs d'Anglet et ceux d'Ecosse, que les premiers ont droit de séance au Pa ment par leur naissance, tandis que les seconds n'y parvien que par l'élection dont j'ai parlé ci-dessus.

Voici une liste de quelques-uns des pairs d'Angleterr d'Ecosse existants en 1772, selon leurs titres et rang q observent entre eux dans toutes les cérémonies.

Pairs du sang royal.

S. A. R. George-Auguste-Frédéric, prince de Galles, duc Cornouailles et de Rothsay, comte de Chester, prince électoral Brunswick-Lunebourg, comte de Carrick, baron de Renfrew, des îles, grand Stuart d'Ecosse, capitaine général du corps tillerie et chevalier de la Jarretière (créé en 1762, le 19).

S. A. R. Guillaume-Henri, duc de Glocester et d'Edim-g, comte de Connaught en Irlande, lieutenant-général des ées du roi, colonel du premier régiment des gardes-à-pied, celier de l'université de Dublin, grand forestier de la forêt Windsor et du parc de Hampton-Court, président de l'hôpital l'infirmerie de Londres, chevalier de la Jarretière (créé en 4, le 14 novembre). On prétend que ce prince avait tracté un mariage clandestin avec la comtesse douairière de ldgrave, fille naturelle du fameux Robert Walpole. Ce y a de sûr, c'est que le roi a assigné une pension à cette dame.

S. A. R. Henri-Frédéric, duc de Cumberland, duc de thern et comte de Dublin, grand forestier du parc de Wind-, vice-amiral du pavillon bleu et chevalier de la Jarretière é en 1766, le 22 octobre). Ce prince eut en 1770 une ture avec lady Grosvenor, qui fit beaucoup de bruit qui n'éclata pas à son avantage. Le mari de cette dame, uadé de son infidélité, résolut de se séparer d'elle. Il y int, en portant en justice ses plaintes et les preuves qu'il t pour les valider. Milord Mansfield fut le juge. Il a l'affaire selon la rigueur des lois, sans avoir égard à la sance du duc, qui dut payer au lord Grosvenor une indem-tion de 10 mille livres sterling. Depuis, ce prince s'attacha e certaine Mme de Horton, fille du lord Irnham et r du colonel Luttrel, connu pour la protection que lui orda la *Cour*, dans sa concurrence avec Wilkes, lors de ection de Middlesex.

Mme Horton, déjà veuve et d'une beauté médiocre, l'art d'engager son amant à lui donner sa main. Cette céré nie se fit clandestinement, au mois de novembre 1771. roi et la famille royale en furent extrêmement irrités. Le pu s'égaya à ce sujet, et l'on vit paraître un bon nombre de tires mordantes. Le duc crut pouvoir apaiser le roi, son pè en quittant l'Angleterre. Il passa en France. Cette démar inconsidérée ne rétablit point ses affaires. Ses amis l'ay engagé à revenir, il retourna en Angleterre, mais le roi in xible lui défendit de paraître jamais en sa présence; il enj gnit même à ses ministres et à ses courtisans de ne plus a aucune relation avec le duc, sous peine d'être privés de le emplois. Il fut également déclaré au corps diplomatique la Cour aurait pour agréable, que les ministres étrangers r pissent tout commerce avec lui. Le mariage ayant été con dans toutes les formalités de l'Eglise anglicane, les enfants, seraient nés de ce mariage, auraient eu droit de succession couronne. Plusieurs exemples, tirés de l'histoire de ce p autorisent de tels mariages. Edouard VI et Elisabe enfants de Henri VIII, montèrent sur le trône, ainsi Marie et Anne, filles de Jacques II.

La seule punition que le roi puisse infliger à son frè c'est de ne pas augmenter ses revenus; encore le duc pe se passer de cette faveur de la part de son frère, en en geant le Parlement à venir à son secours.

Outre le rapport de leurs charges, les deux frères du avaient un revenu annuel de 24 mille livres sterling, dont tiraient 12 mille de la caisse civile du roi et 12 mille du Parleme

Quelques ducs et pairs d'Angleterre.

Guillaume-Fitz-Roi, duc de Cleveland et de Southampt comte de Chichester, etc. (créé par Charles II, le 3 a 1670). Il descendait d'un bâtard du roi Charles II et de belle duchesse de Cleveland qui avait été mariée auparavant comte de Castlemaine (créé par Charles II, le 3 août 167

Charles Lennox, duc de Richmond, de Lennox et d'Au-
y, comte de March et de Darnley (créé le 9 août 1675).
C'est un descendant du roi Charles II et de la belle Ke-
alle, que son amant créa duchesse de Porthsmouth en An-
terre, et que Louis XIV créa duchesse d'Aubigny en
ce. Mlle de Keroualle accompagna en qualité de fille d'hon-
r, Mme Henriette d'Orléans, lorsqu'elle alla voir son frère
1672. Elle l'avait prise à sa suite dans le dessein de lui
e faire la conquête qu'elle fit en effet.

Auguste-Henri-Fitzroy, duc de Grafton, comte d'Euston
é le 11 septembre 1675). C'est aussi un descendant du roi
rles II et de la duchesse de Cleveland.

Le duc d'aujourd'hui est déjà marié pour la seconde fois.
vait épousé en secondes noces une nièce du défunt comte
Bedford. Il se sépara de sa première femme après dix
de mariage, à cause de la différence de leur caractère et
la passion qu'elle avait pour le jeu. Mais quelque temps
ès leur séparation, il apprit qu'elle était grosse, et le bruit
répandit bientôt dans toute la ville. Il en porta ses plain-
au Parlement qui prononça le divorce. La duchesse ré-
iée épousa le comte d'Upper-Ossory, Irlandais de na-
, qui était l'amant favorisé. On prétend qu'il n'avait rien
sa personne de ce qui peut fixer une femme, mais la
esse, se trouvant dans un instant de détresse, après avoir
une grosse perte au jeu, ne put rejeter les offres de mi-
d Ossory qui lui offrait son cœur et sa bourse. On dit de
qu'avant de succomber, elle exigea de son amant une pro-
se de 70 mille livres sterling, en cas qu'il ne consentît point
l'épouser après son divorce.

François Russel, duc de Bedford, marquis de Tavistock,
(créé le 11 mai 1694).

Il sera un jour un des plus riches particuliers du royau-
; il possède déjà 30 ou 40 mille livres sterling de revenu,
a minorité doit durer encore 12 ans. Son père milord
vistock mourut malheureusement à la chasse. Son grand-

père, le duc de Bedford, mort en 1770, avait rempli les pr
mières charges du royaume. Il avait été premier lord de l'Am
rauté, vice-roi de l'Irlande, et ambassadeur extraordinaire
Paris pour la conclusion de la paix de Fontainebleau en 176
De retour dans sa patrie, il ne se chargea plus d'aucun em
ploi public, mais il conserva toujours un si grand crédit da
les affaires, que presque rien ne s'achevait sans sa parti
pation.

Guillaume Cavendish, duc de Devonshire, marquis
Harrington, etc. (créé le 12 mai 1694). C'est un seigneur auq
on compte, dit-on, plus de 40 mille livres sterling de reve
Il a considérablement augmenté ses biens patrimoniaux par
riche succession de milord Burlington, mort sans enfa
mâles. Le duc est propriétaire de deux des plus beaux hôt
de Londres. Il a encore deux magnifiques châteaux à la ca
pagne, l'un situé dans le Derbyshire, c'est Chatsworth, et l'aut
près de Londres, appelé Chiswick.

George Spencer, duc de Malbrough, marquis de Bl
ford, etc. (créé par la reine Anne, le 2 décembre 1702).
est, sans contredit, le plus riche seigneur d'Angleterre.
porte ses revenus annuels à 60 mille livres sterling.

Jean Manners, duc de Rutland, marquis de Granby, e
(créé le 10 mars 1703). Son fils aîné, le marquis de Granb
mort en 1770, s'était distingué dans la dernière guerre cont
la France. A son retour en Angleterre, il fut nommé capitai
général, à la place du vieux maréchal Ligonier.

Quelques ducs et pairs d'Ecosse.

Scott, duc de Buccleugh, comte de Dalkeith et
Doncaster (créé en 1673). C'est un descendant du duc
Monmouth, fils naturel du roi Charles II, qui épousa l'h
ritière de la famille des Scott et du titre de Buccleug
Après la mort de son père, le duc de Monmouth, ay
aspiré au trône et s'étant engagé dans une rébellion cont

acques II son oncle, fut pris et décapité. Tous ses titres rent ôtés à ses enfants qui ne conservèrent que ceux qui leur partenaient par leur mère et qu'ils conservent jusqu'à présent.

Douglas, duc de Queensbury en Ecosse et de Douvres Angleterre, marquis de Beverley et de Drumlaring (créé 1684). Le duc d'aujourd'hui avait un fils unique, milord rumlaring, qui, après s'être marié, se tua d'un coup de stolet, en présence de tous ses parents. Il ne laissa point nfants. L'héritier actuel du duc de Queensbury est milord nte de Marsh, de la même famille que Douglas, mais il érite que de ses biens et non de son titre, qui doit s'étein- après sa mort, à moins qu'il ne soit renouvelé par une grâce rticulière.

Campbell, duc d'Argyle, marquis de Lorn (créé en 1703). tte famille est plus particulièrement connue dans l'histoire s le nom d'Argyle. Il y eut un marquis d'Argyle, qui eut tête tranchée, lors du rétablissement de Charles II. Il tait rendu coupable de haute trahison, en favorisant le répu- canisme.

Le duc d'Argyle d'aujourd'hui est marié à la duchesse douai- re de Hamilton. Elle n'était antérieurement que miss nningson, fille d'un pauvre gentilhomme, lorsque le duc, is de ses attraits, lui donna sa main.

Quelques ducs et pairs de la Grande-Bretagne.

Bertie, duc de Lancaster et de Kesteven, marquis de indsay, grand chambellan héréditaire d'Angleterre (créé par le i George Ier, le 29 juillet 1715). Celui que je connais est grand uyer du roi. Il a épousé la fille d'un piqueur de Newmarket, i avait une dot de 40 à 50 mille livres sterling. La chronique étend même qu'il perdit toute cette somme à son beau-père différents paris et que, pour se dispenser de la payer, il prit parti d'épouser sa fille. Quoi qu'il en soit, la duchesse est très

digne de sa fortune, et on l'estime moins pour son rang, q pour son amabilité et ses grâces.

Buyes, duc de Chandos, marquis de Carnaver. On racon du feu duc de ce nom une aventure assez singulière. Se pr menant un jour dans les rues de Londres, il vit un cocher q battait sa femme. Touché par les cris de cette malheureuse q peut-être n'était pas dépourvue d'agréments, il demanda mari pourquoi il la maltraitait de la serte. «Ah, monseigne reprit celui-ci, ce n'est point une femme, c'est un démon. El me fait enrager tous les jours, et je suis si las de la rosser, q je suis prêt à la céder à qui voudra m'en donner deux guinées.» I duc tire son argent, le donne au cocher et s'en retourne ch lui avec cette femme. Elle fut d'abord sa maîtresse, et el finit par prendre un tel empire sur lui, qu'elle sut l'engager lui donner sa main. De tels exemples d'une élévation si im pinée ne se rencontrent guère qu'en Angleterre.

Sackville, duc de Dorset, comte de Middlesex, etc. (cr le 13 juin 1720). Il est oncle du lord George de Sackvill qui commanda les troupes anglaises à la bataille de Minden qui refusa d'obéir au prince Ferdinand de Brunswick q était son chef. Le roi George II le rappela, et le command ment fut remis au marquis de Granby. Un conseil de guer fut ordonné pour examiner sa conduite. Il fut cassé militair ment et déclaré coupable et incapable de posséder aucune charg On intercéda en sa faveur auprès du roi, mais il fut inexorabl Sackville était un des plus anciens lieutenants-généraux. C pendant, comme il n'avait rien commis d'illégal contre sa patri on ne put le priver des droits communs à tout Anglais, et fut toujours depuis un des représentants de la nation à Chambre des Communes. Il changea son nom contre celui Germain, ayant recueilli un gros héritage qu'une de ses tant lui avait laissé à cette condition.

Egerton, duc de Bridgewater, marquis de Barckley, et Il descend du fameux chevalier Egerton, garde des sceau sous Elisabeth, et chancelier, sous Jacques Ier q

créa comte de Bridgewater le 13 juin 1720 (créé par eorge III, le 22 octobre 1766).

Percy, duc et comte de Northumberland, comte de ercy, baron de Warckworth. Le duc d'aujourd'hui était autre-is un simple gentilhomme, appelé Smithson. Les agré-ents de sa personne lui valurent une fortune brillante. Il t à lady Betty, fille du duc de Somerset, et héri-re du comte de Northumberland, mort sans enfants mâles. mort de son frère l'ayant rendue maîtresse des grands biens sa mère, elle parvint, par le crédit de ses parents, à faire nner à son mari le titre de comte de Northumberland. Celui-ci tint bientôt après, l'ordre de la Jarretière, et fut créé duc 1766, à condition que ce titre ne passerait après lui qu'aux fants qu'il aurait eus de lady Betty Percy, et que, s'il ar-vait qu'il se remariât en secondes noces, les enfants du second t ne pourraient hériter d'aucun de ses titres et porteraient n ancien nom de famille, Smithson. La duchesse de Nor-umberland était une des plus riches héritières du royaume; le avait apporté en mariage plus de 40 mille livres sterling revenu annuel. Je ne crois pas qu'il y ait de pays en Europe, les maris aient un aussi grand pouvoir sur leurs femmes et r tout ce qui leur appartient, qu'en Angleterre. Ils peuvent sposer des biens selon leur volonté, et ils sont libres de les ndre ou de les aliéner, mais ils doivent payer les dettes de rs femmes, qu'ils sont censés avoir contractées eux-mêmes. a duchesse de Northumberland a deux fils que je connais. 'aîné, le comte de Percy, est colonel d'infanterie. On pré-nd qu'il se maria, par des vues d'intérêt, à une des filles e milord Bute. Les deux époux, dont les humeurs ne s'ac-rdaient point, se séparèrent bientôt après. Son frère, milord lgernon-Percy, passe une grande partie de son temps voyager, l'air de son pays étant contraire à sa santé.

L'hôtel de Northumberland est magnifique. La grande ga-rie est décorée de cinq tableaux des plus grands maîtres. Ils t été copiés sur les originaux de Raphaël et de Guido.

L'école d'Athènes est du fameux chevalier Moengs et le
quatre autres sont de Battoni.

Montagu, duc de Montagu, marquis de Mortimer, etc
(créé le 5 novembre 1766).

Son nom de famille était Bruce de Brudennell, et so
titre, marquis de Cardigan, mais en épousant la fille et l'héri
tière du dernier duc de Montagu, il quitta son nom de famil
pour celui de son beau-père, après la mort duquel il fut cré
duc de Montagu.

Marquis de la Grande-Bretagne.

Watson Wentworth, marquis de Rockingham, comte d
Malton, etc. (créé en 1746).

Il tenait ordinairement pour le parti de l'opposition. Le
deux partis le ménageaient également à cause de ses grande
richesses. Il avait occupé pendant quinze ou dix-huit mois l
poste important de premier lord de la Trésorerie, mais s'étan
vu forcé de céder au parti opposé, il aima mieux se retire
des affaires que de renoncer à ses opinions. C'était un homm
probe et incorruptible, jouissant de l'estime publique et n'ayan
rien plus à cœur, que les intérêts de sa patrie.

Quelques comtes et pairs d'Angleterre.

Talbot, comte de Shrewsbury, lord Talbot, comte de Water
ford et de Wexford en Irlande, etc. (créé par Henri VI en 1442)

C'est un descendant du fameux Talbot, qui s'est rend
célèbre sous la régence du duc de Bedford, etc.

Stanley, comte de Derby, lord Strange, etc. (créé pa
Henri VII en 1485).

Il descendait du lord Stanley, qui épousa Marguerite d
Lancaster, comtesse douairière de Richmond et mère d
roi Henri VII.

Cécil, comte de Salisbury, vicomte de Cranburn (créé en 1605).

Il compte parmi ses ancêtres le chevalier Robert Cécil, qui remplit avec distinction la charge de secrétaire d'Etat pendant les dernières années du règne d'Elisabeth. Il fut un des partisans les plus zélés du roi d'Ecosse, aussi Jacques, en montant sur le trône, le conserva dans sa charge de ministre et eut toujours la plus grande déférence pour ses lumières. Il le créa pair du royaume. Cécil, après le décès d'Elisabeth, sa bienfaitrice, changea entièrement de maxime dans sa politique. Autant il s'était montré ennemi juré de la Cour de Madrid, autant se montra-t-il partisan des intérêts de cette puissance, sous le règne de Jacques II. C'est ce qu'on peut voir plus amplement détaillé dans les mémoires de Sully.

Cécil, comte d'Exeter, lord Burleigh, etc. (créé en 1605).

Il descend du fameux lord Burleigh, grand trésorier du royaume, sous la reine Elisabeth.

Stanhope, comte de Chesterfield, lord Stanhope, etc. (créé en 1628).

C'est un vieillard de beaucoup d'esprit et d'un savoir profond. Son grand âge ne lui permet pas de prendre part aux affaires. Il a passé par les emplois les plus distingués du royaume. Il a beaucoup connu, du temps de son ambassade à la Haye, feu mon grand-père le prince Kourakin. Il termina sa carrière politique par la charge de secrétaire d'Etat, qu'il remplit avec distinction.

Il aime les belles-lettres; son nom n'est pas inconnu parmi les auteurs et il a fait imprimer plusieurs de ses petits ouvrages. Une estime mutuelle, lien ordinaire des génies, a cimenté aussi une correspondance étroite entre lui et Voltaire. Notre Auguste Souveraine n'a pas dédaigné de l'honorer des marques de sa considération. De mon temps elle lui a fait envoyer son portrait dans une boîte d'ivoire qu'elle avait tournée elle-même.

Holles Capel, comte d'Essex, vicomte de Malden (créé en 1661).

Il s'était marié en premières noces avec la fille du chevali Hambury Williams, jadis ambassadeur en Russie. Il en e lady Betty Capel.

Howard, comte de Carlisle, vicomte de Morpeth.

C'est un joueur décidé. Il a perdu en deux années 1! mille livres sterling.

Berkeley, comte de Berkeley, vicomte de Dursley, et (créé en 1679).

La mère du comte de Berkeley, femme très galante, av épousé en secondes noces mister Nugent, créé vicomte Clare en Irlande, mais elle s'en sépara peu d'années après. E avait deux filles charmantes. L'aînée a été mariée au comte Granad en Irlande et la cadette à milord Craven. C'est cette dernière que j'aurais donné la préférence.

D'Arcy, comte de Holderness, lord d'Arcy.

Celui que j'ai connu était un homme de beaucoup d'espri Il avait longtemps séjourné en Hollande, en qualité d'ambass deur. Il s'y était marié à une femme très aimable, parente greffier Fagel. A son retour en Angleterre, le roi George le fit secrétaire d'Etat pour le département du Nord. Il exer cette charge pendant sept ans. Le fameux Pitt, ou autreme lord Chatham, était son collègue. Il fut le premier des ancie ministres qu'on congédia sous ce règne. Il obtint depuis, la su intendance des cinq ports et il accepta en 1771 la place gouverneur du prince de Galles et de son frère, l'évêq d'Osnabrück, moyennant la promesse du roi de lui confér l'ordre de la Jarretière à la première vacance.

Keppel, comte d'Albemarle, vicomte de Bury (créé 1696).

Celui que je connais commandait en chef à l'expéditi de la Havane. Les vainqueurs y firent un butin immens On assure que la part du milord Albemarle et de mis Keppel, ses deux frères, montait à trois ou quatre cent mil livres sterling.

Quelques comtes et pairs d'Ecosse.

Stuart, comte de Bute, lord Mount-Stuart. C'est un scendant d'un bâtard de Robert II, roi d'Ecosse. Le nom Bute est trop connu dans l'histoire de notre temps, pour e je fasse mention de ce personnage. Milord Bute épousa fille et l'héritière de la célèbre milady Marie Whorsley Mongu. Il eut trois fils: milord Mount-Stuart, mr. Stuart, i a adopté le nom de Whorsley, moyennant un testament sa grand-mère qui le constitua son héritier à cette condi-n, et mr. Stuart, capitaine d'infanterie, le plus bel homme e j'aie jamais vu. De ses quatre filles, trois étaient mariées: ne au riche chevalier Lowther, qui a soutenu ce grand ocès contre le duc de Portland, et dont les frais lui sont venus à 70 mille livres sterling; la seconde au chevalier George acartney, ci-devant ministre plénipotentiaire en Russie, ndant les années 1765 et 1766; la troisième au comte de ercy. Le frère de milord Bute porte le nom de Mackenzie. est garde du sceau privé en Ecosse.

Quelques comtes et pairs de la Grande-Bretagne.

Harley, comte d'Oxford et de Mortimer, lord Harley éé en 1711).

Il fut un des premiers hommes d'Etat de son siècle. Il joua grand rôle sous le règne de la reine Anne. Il fut secré-ire d'Etat, grand trésorier, après la disgrâce de milord comte Godolphin. Enfin la reine Anne le créa pair du royaume. sait combien il était zélé pour le rétablissement de la mai- des Stuarts et qu'il n'a pas tenu à lui que la famille de novre n'eût été entièrement exclue du trône.

Shirley, comte de Ferrers, vicomte de Tamworth, etc. éé en 1771).

Son frère aîné, milord Ferrers, a été pendu à Tyburn pour voir tué son maître d'hôtel d'un coup de couteau.

Wensworth, comte de Stafford, vicomte de Wenswor
Son père s'est rendu célèbre par ses négociations. N'ét encore que milord Kaby, il résida longtemps, en qualité d'amb sadeur, à la Cour de Frédéric Ier, roi dePrusse. Pollnit daus ses mémoires, parle d'une certaine intrigue qu'il doit av eue avec la comtesse de Wartenberg, femme du premi ministre. Il fut rappelé de Berlin, pour remplir la place second ambassadeur au congrès d'Utrecht.

Parker, comte de Macklesfield, vicomte de Parker (cr en 1721).

George Ier avait un chancelier de ce nom, qui fut dé de cette éminente dignité pour cause de malversation.

Howard, comte d'Effingham, lord Howard (créé 1731).

Celui que j'ai connu était un original des plus parfaits. Il trouvait en Russie, avec sa femme et son frère, en 1769. servit en qualité de volontaire dans une escadre commandée p le contre-amiral Elphinston. Il entra depuis dans le pa de l'opposition. Il ne venait que rarement à Londres et rest presque toujours à sa campagne dans l'Yorkshire. Il aime chasse et sa femme le cheval. Il est médiocrement à son ais

Walpole, comte d'Oxford, vicomte de Walpole (créé 1741).

C'est le petit-fils du fameux chevalier Robert Walpol réputé un des plus grands hommes d'Etat de son siècle. Il f un des plus fermes soutiens des intérêts de la Cour. La Chamb des Communes, dont il était membre, avait une telle déféren pour ses avis, que la moindre insinuation de sa part suffis pour faire entreprendre l'affaire la plus importante. Le co merce surtout se ressentit par un accroissement des plus r pides, de l'influence de son administration. Mais, vers la f de son ministère, il commença à rencontrer quelquefois d obstacles à ses desseins. La vieille duchesse Sarah de Ma brough, mécontente alors de la Cour et ennemie perso nelle de Walpole, lui suscita dans la personne du jeune Pi

rival dangereux. Lorsqu'elle le fit entrer dans la Chambre communes, il n'était encore que cornette dans un régiment cavalerie. Son instruction et son éloquence faisaient déjà gurer ce qu'il devait être un jour. Ses protecteurs lui avaient commandé de contrecarrer Walpole dans toutes les occasions; le fit et l'emporta souvent sur son adversaire. Encouragé par petits succès, il fut bientôt en état de tenir tête à son doutable antagoniste. Walpole, accoutumé à dicter des lois puis si longtemps, trouva insupportable de se voir un rival reux et applaudi. D'un autre côté, ses facultés s'affaiblissaient même temps que son crédit baissait. Il ne songea donc plus à faire une retraite honorable. Ce fut dans ces circonstances le roi, pour le récompenser de ses services, le fit passer s la Chambre des seigneurs, avec le titre de comte d'Oxford.

Stanhope, comte d'Harrington, vicomte de Petersham, (créé en 1741).

Celui qui fut élevé à cette dignité était le même colonel nhope qui résidait à Madrid en qualité d'ambassadeur, lors- le duc de Reperda, ministre du roi catholique, vint rcher un asile dans sa maison. Les Espagnols, au mépris droit des gens, forçèrent l'hôtel d'Angleterre, et Reperda enlevé. Stanhope prit cette affaire très à cœur et se retira ntinent de la ville. Son offense en était une pour tous les bassadeurs. Tous ceux qui se trouvaient en Espagne pré- tèrent un mémoire pour obtenir une satisfaction proportionnée 'outrage. Les choses en restèrent là, grâce aux dispositions ifiques des deux Cours. A son retour en Angleterre, Stanhope créé pair du royaume par le roi qui était très content de conduite. Il remplit depuis avec distinction la charge de rétaire d'Etat.

Milord Harrington, que je connais, a épousé une fille duc de Grafton. Cette dame tenait une fort bonne maison. étrangers étaient très bien reçus chez elle. On voyait qu'elle it été parfaitement belle. La chronique prétend qu'elle a su ttre à profit ses avantages naturels et qu'elle a joui de la

vie autant que femme au monde peut en jouir. L'humanité fais le fond de son caractère. Comment être cruelle, disait-el envers quelqu'un qui m'aime? Un certain colonel Craig, ca lier du duc de Cumberland était de mon temps l'ami favori Il était pour le plaisir, tandis que milord Harrington éta dit-on, pour la bourse. Cette répartition se trouvait confor à la justice: le premier était jeune et bien fait, le second l et âgé. Les enfants de milady Harrington étaient charman Elle avait deux fils et quatre filles. La comtesse de Sifte était l'aînée; elle dansait en perfection. La seconde était comtesse de Barrymore. La belle, l'aimable, l'intéressa lady Henriette Stanhope était la troisième. Je dois avou qu'elle avait fixé mon cœur. Je lui ai offert mon encens je ne me suis consolé d'avoir été dédaigné, qu'en voyant q les autres n'étaient pas mieux traités que moi. Henriette ét vertueuse. Elle ne cherchait dans un époux ni bien, ni nai sance, mais elle voulait rencontrer toutes les qualités qui pe vent faire le bonheur d'une femme. Le comte de March milord Villiers, fils de la comtesse de Grandisson, vire leurs hommages rejetés. Heureux le mortel que le sort lui av destiné!

Gréville, comte de Broocke, lord Gréville (créé en 174

Il avait épousé la fille du lord Archimbald de Hamilto sœur de lady Cathcart, morte en Russie, et du chanceli Hamilton, ministre plénipotentiaire à Naples.

Granville-Leveson-Gower, comte de Gower, vicomte Trentham, etc.

Il fit son chemin par le crédit de sa sœur, la duchesse Bedford. Maintenant il est revêtu de l'éminente charge président du conseil, qui lui donne le pas sur tous les autr pairs de sa classe.

Hobart, comte de Buckingham, lord Hobart.

Pendant les années 1762, 1763 et 1764, il a déployé av splendeur le caractère d'ambassadeur de la Grande-Bretagne, la Cour impériale de Russie. Son hôtel était le rendez-vous d

t ce qu'il y avait de mieux dans la ville. Son départ causa s regrets infinis. Les dames, pour lui témoigner leur reconnissance, firent graver son portrait avec des attributs très innieux et firent mettre au-dessous: «à milord Buckiniam, par les dames de St. Pétersbourg.»

Son frère, jadis son secrétaire d'ambassade, avait entrepris direction du théâtre de l'Opéra.

Wyndham, comte d'Egremont, vicomte de Cockermouth, éé en 1749).

Celui d'à présent est encore mineur. Son père avait été mmé ambassadeur au congrès, qui devait se tenir à Augsbourg, 1761. Depuis il devint secrétaire d'Etat pour le Sud. Milord lifax était son collègue pour le département du Nord. C'est s leur ministère, qu'éclata l'affaire de Wilkes, qui tourna désavantageusement pour la Cour. Milord Egremont, qui considérait comme un des principaux moteurs, en conçut chagrin si violent, qu'il se tua dans son cabinet d'un coup fusil. Sa famille a fait tout son possible pour étouffer ces its et publia qu'il était mort d'une fin naturelle. Sa veuve, refois très jolie, était dame d'honneur de la reine, et avait usé en secondes noces, le comte de Bruhl, ministre de e en Angleterre et neveu du fameux Bruhl, à condition elle conserverait le nom de son premier mari, comme plus orable pour elle et lui donnant le rang de pairesse.

Harcourt, comte d'Harcourt, vicomte de Nuneham.

De mon temps il était ambassadeur à la Cour de Versailles. Sa le-fille, milady Nuneham, était une personne fort aimable.

Seymour-Conway, comte d'Hertford, vicomte de Beaump (créé en 1750).

Il était alors grand chambellan du roi. Il avait été ambasleur en France et vice-roi en Irlande. Il épousa une fille du c de Grafton, sœur de milady Harrington, dont il a dix ou douze enfants.

Yorke, comte d'Hardwicke, vicomte de Royston, etc. (créé 1754).

Son père, de simple clerc, parvint par son mérite à la dig
éminente de chancelier ainsi qu'à celle de pair du royau
Le chevalier Yorke, ambassadeur d'Angleterre près des Et
généraux, était le second frère de milord Hardwicke.

Fok, comte d'Ilchester, lord Stavordale. C'était un
petit gentilhomme, mais son éloquence l'ayant rendu redout
à la Cour, on l'attira dans la Chambre des seigneurs, p
l'attacher au parti des royalistes.

West, comte de Delawaw, vicomte de Canteloupe (créé
George III, en 1761).

La famille des West est une des plus anciennes de l'A
gleterre. Ils étaient en possession de la pairie dès le XVI
siècle, sous le titre de barons Delawaw. Milord Delawaw,
j'ai connu, était grand chambellan de la reine. Sa sœur, l
Caecilia, qui avait épousé le général Johnson, gouvern
de Minorque, aimait beaucoup les Russes. Elle avait eu l'oc
sion d'en connaître plusieurs à Mahon, lorsque notre flotte,
appareillait dans l'Archipel, vint y mouiller.

William Pitt, comte de Chatham, vicomte de Barton-P
sent (créé en 1766).

Tout le monde sait que ce grand homme dut son avan
ment à son éloquence. Opposé à milord Walpole par la
chesse Sarah de Malbrough, il se fit bientôt un parti con
dérable. Il entraînait presque toujours l'unanimité des suffrag
La Cour lui fit à diverses reprises des offres brillantes p
l'engager à abandonner le parti du peuple, dont il était l'ido
Il passa successivement par diverses places du ministère. M
son secrétariat d'Etat mit le comble à sa gloire. Il gouver
sa patrie en maître, et dirigea la guerre avec une sagacité
des succès étonnants. Presque toute l'Europe fléchissait dev
ses volontés. Jamais d'époque plus brillante pour l'Angleter
que celle de son ministère.

Pitt se retira du ministère à la mort de George
parce qu'il voulait la guerre, tandis que George III, à l'ins
gation de sa mère et de Bute, s'étaient déclarés pour la pa

prévoyait que la France, dans l'état d'épuisement où elle
trouvait, ne pourrait guère soutenir au delà d'une cam-
ne, et qu'alors l'Angleterre aurait été maîtresse de dicter
conditions beaucoup plus avantageuses, que celles de la
de Fontainebleau. Pitt aima mieux se retirer que de
er. Cependant son zèle pour le bien public ne lui permet-
pas de rester dans une entière inaction. Il déclamait
tre la faiblesse des ministres qui lui avaient succédé et
it remarquer leurs fautes au public. Il resta dans cette posi-
n jusqu'en 1766, lorsque le roi crut devoir l'employer pour
er les mécontentements, qui commençaient à se déclarer.
reprit du service à condition qu'il possèderait la con-
ce du roi et qu'il aurait l'autorité d'un ministre sans être
tu de ce titre. Il stipula aussi que toutes ses créatures
ient placées. Ce fut dans ce temps que le jeune duc de
afton devint secrétaire d'Etat, sans n'en avoir que le nom.
se choisit la place de garde du sceau privé. Mais bientôt
ès, il se laissa entraîner à une démarche, qui lui fit un
infini et qui lui aliéna l'esprit d'un grand nombre de
partisans. Il se laissa surprendre aux amorces de la pairie,
un âge, où il n'aurait dû songer qu'à soutenir le caractère,
avait jusqu'alors déployé. Il accepta les offres du roi et
dans la Chambre des seigneurs avec le titre de comte de
tham. L'étonnement fut général. Cette démarche, dont il
it dû prévenir les suites funestes, parut d'autant plus in-
préhensible, que ses enfants avaient déjà l'expectative de la
ie, du droit de leur mère créée pairesse en 1761, sous
itre de baronne de Chatham. Milord Chatham ne sentit le
e qu'après le coup. En sortant de la Chambre des com-
es, il se vit dépouillé en grande partie de l'autorité sans
es, qu'il avait toujours exercée. La nation n'eut plus la
e confiance en lui, elle le crut corrompu comme tous les
res. Milord Chatham n'occupa cette fois le ministère que douze
inze mois. Il s'aperçut bientôt que les propositions du parti
sé étaient mises à exécution préférablement aux siennes.

Il crut qu'il y allait de son honneur de ne pas rester nul d
la direction des affaires et il remit ses emplois entre les ma
du roi. Rendu à lui même et dégagé de toute autre obligati
il travailla avec un zèle nouveau aux intérêts de ses concitoye
mais le mauvais état de sa santé et le dépérissement de
facultés ne lui permettant pas de se livrer à ses occupati
accoutumées, il s'éloigna peu à peu des affaires. Il passait
plus grande partie de son temps à sa campagne de Hayes.

Une ambition démesurée était la passion dominante de mil
Chatham. Il avait pour principe de ne jamais approuver
opinions d'autrui, quelque bonnes qu'elles pussent être. Tous
moyens lui étaient bons, pourvu qu'il arrivât à ses fins. Acc
tumé à voir ses avis reçus comme des oracles, la moindre c
trariété le révoltait. Ses connaissances en politique étaient v
tes et profondes. Il avait étudié la situation morale et physi
des empires, et l'on peut dire qu'il possédait la science des
térêts de son pays. Il joignait à une pénétration profonde
application infatigable; en un mot, il était doué de toutes
qualités qui constituent l'homme d'Etat. Si l'on peut lui
procher quelque chose, c'est d'avoir été trop entreprenant
peut-être, trop prodigue des deniers de la couronne. Quoi q
en soit, on doit rendre justice à son génie, et ses enne
mêmes ont été forcés de convenir que ses défauts ne pouvai
entrer en balance avec son mérite.

Quelques vicomtes et pairs d'Angleterre.

D'Evereux, vicomte de Hereford, premier vicomte d'A
gleterre (créé par Edouard VI, en 1549).

Le fameux Robert d'Evereux, comte d'Essex, favori
la reine Elisabeth, décapité pour crime de haute trahis
était de cette même famille. Sa bonne mine, autant que
courage et son esprit, lui valurent les bonnes grâces de sa s
veraine. On prétend même, qu'un sentiment, plus vif que ce
d'une simple bienveillance, porta la reine à élever cet orgu

.x sujet au faîte des honneurs. Cependant des personnes dignes .-foi assurent qu'Elisabeth, par un défaut de naissance, était .s l'impossibilité de se marier. C'est pour cette raison, disent-.s, que la reine flattait d'une vaine espérance tous les princes .i briguaient sa main, sans avoir jamais voulu se décider en .eur d'aucun.

Milord Essex, quoique dans un âge peu avancé, passa par . premières dignités de l'Etat. Il fut chargé de plusieurs .mmissions qui demandaient un homme de confiance, et il .n tira avec honneur. Il commanda la flotte qui bombarda .dix, et c'est sous ses ordres que les troupes anglaises mar-.èrent au secours de Henri IV, dans les guerres de la .ue. A son retour en Angleterre, ses propres succès et sa .eur l'éblouirent, et enflèrent sa vanité à un tel point que la .ne, pour l'éloigner de sa ruine qu'elle prévoyait, le nomma .e-roi d'Irlande, en le chargeant d'étouffer l'esprit de rébel-. qui commençait à s'y déclarer. La plus grande partie de . noblesse irlandaise, soutenue par les intrigues du cabinet de .drid, était contre la Cour. Essex partit pour Dublin, plein .ne confiance présomptueuse. Il disait hautement, qu'il n'avait .epté cette commission que pour relever, par des nouveaux .cès, l'éclat de ses triomphes, mais, malheureusement pour lui, .fet ne répondit point à l'espérance qu'on avait conçue de . habileté. Il est difficile de déchiffrer sa conduite à cette .oque. Quelles qu'aient été ses vues, le parti des rebelles prit . nouvelles forces et n'en montra que plus d'audace. Les An-.is en murmurèrent. Essex était au désespoir, et la reine, .contente de lui, prêta l'oreille aux discours de ses ennemis, .i profitèrent de cette occasion pour le perdre. Essex, ayant .pris les suites des bruits qui couraient sur son compte, se .ssa entraîner à l'impétuosité de son caractère et revint à .ndres pour se justifier, sans avoir égard à l'ordre précis de . reine, de ne pas s'éloigner de l'Irlande, où sa présence était .nécessaire. Cette princesse, offensée d'une désobéissance aussi .rmelle, lui fit un accueil très froid. Essex, qu'une telle réception

poussait à bout, ne put se contenir. Il éclata dans le cons en reproches amers sur l'ingratitude, dont on payait ses ser ces. Elisabeth, indignée de l'arrogance de son favori, lui l'affront de lui donner un soufflet, injure à laquelle Essex répondit qu'en portant la main à son épée. On le retint l'ordre lui fut signifié de ne pas sortir de sa maison.

La bonne harmonie fut bientôt rétablie. Essex plia, et reine pardonna. Cependant il crut son honneur trop grièveme blessé, pour en rester là. Il commença par s'éloigner de Cour, répandant le venin de son ressentiment sur toutes l actions de sa bienfaitrice. Il accueillait tous ceux qui avai sujet d'être mécontents du gouvernement et les fortifiait da leurs sentiments séditieux. Sa maison était leur asile; en un mot ne méditait rien moins qu'une vengeance éclatante. Il se co vrait du prétexte spécieux d'arracher Elisabeth à ses ministre qu'il appelait les perturbateurs du repos public, parce que, obse vateurs trop vigilants de toutes ses démarches, ils l'empêchaie de mener ses projets à leur maturité.

Il prit enfin la résolution de sortir de sa campagne à tête de trois ou quatre cents séditieux, se flattant que populace de Londres passerait aussitôt sous ses drapeau mais il se trompa. Personne ne bougea, et les gardes de reine ayant dissipé sa troupe, il se vit contraint de se rend prisonnier. Il fut alors considéré comme un criminel d'Et et jugé comme tel. Selon les lois, il devait payer de sa té son imprudence, mais la reine, conservant pour lui un res de tendresse, voulut encore user de clémence à son éga et lui fit entrevoir qu'il pourrait obtenir sa grâce, pour toutefois qu'il confessât ses torts et qu'il implorât son pa don. Essex ne voulut point consentir à plier. La modérati de la reine lui fit espérer que sa tendresse étoufferait sa justi et qu'elle lui pardonnerait sans qu'il fût réduit à s'humilie Il persista à protester de son innocence, mais ses justificatio ne furent point écoutées, et sa fermeté eut tous les dehors d'un coupable opiniâtreté. Il eut enfin la tête tranchée.

La reine, voulant effacer jusqu'à la trace des bienfaits dont
l'avait comblé, priva sa famille du titre de comte d'Essex,
is Jacques Ier, à son avènement au trône, rétablit le fils
s toutes les dignités du père. Il se maria et mourut sans
térité. En lui s'éteignit la ligne des comtes d'Essex. Des
ents collatéraux assez éloignés lui succédèrent dans le titre
vicomte d'Hereford. Sa veuve, encore très jeune, sut cap-
er par ses charmes le beau Carr, comte de Sommerset,
ori de Jacques Ier, et c'est de concert avec son amant
elle se défit du brave Ouverguerck qui s'opposait à leur
ion.

Charles II renouvela à son avènement à la couronne, la
ité de comte d'Essex, en la conférant à la famille des
pels, qui en est jusqu'à présent en possession.

Townsend, vicomte de Townsend (créé par Charles II
1682).

Cette famille est depuis longtemps en possession des pre-
ers emplois. De mon temps, l'héritier de ce nom était vice-
en Irlande. Il passait pour un zélé partisan de la Cour.
i aussi beaucoup connu un certain mr. Thomas Townsend,
avait rempli la place de chancelièr de l'Echiquier, mais qui
ait quittée pour se jeter dans le parti de l'opposition dont
lord Chatham était le principal agent. Il me fit beaucoup
loges du comte Alexandre Vorontsov, ci-devant notre mini-
e à Londres, pendant les années 1762 et 1763, avec lequel
avait été intimement lié.

Thinne, vicomte de Wegmouth.

Celui qui vivait de mon temps, avait épousé une sœur du
c de Portland. Sa conduite n'était rien moins qu'exem-
ire. Possesseur d'un bien qui lui rapportait 21 mille livres
rling, il s'était déjà tellement endetté, qu'il était réduit à
is mille livres sterling de revenu. Il était connu par son
achement pour les Stuarts. On se souvient encore qu'en
745, il but à genoux à la santé du prétendant et à l'heureux
accomplissement de son entreprise. Cela ne l'empêcha point

d'entrer dans le ministère à la sollicitation du feu duc Bedford. Il remplit pendant trois ans la place de secrétai d'Etat du Sud, quoiqu'il n'eût pas la moindre teinture de to ce qui se nomme politique. Il se démit de cette charge 1770, lors des difficultés qui survinrent au sujet des îles Falckland. Les médisants prétendent qu'il se décida à cette d marche, dans la crainte de ne pouvoir suffire aux travaux, qu'e traîne nécessairement une guerre pareille à celle qu'on pouv prévoir alors.

Quelques vicomtes et pairs d'Ecosse.

Carey, vicomte de Falckland (créé par Jacques I en 1620).

J'ai connu à Bath son frère, le lieutenant-général Care Il commanda en Portugal les troupes auxiliaires que les A glais y envoyèrent en 1762, et le roi, très fidèle, pour le r compenser de ses services, lui fit présent d'un très beau di mant qu'il ne néglige pas de montrer.

Quelques vicomtes et pairs de la Grande-Bretagne.

St. Jean, vicomte de Bolingbroke (créé par la rei Anne, en 1712).

C'est le fameux St. Jean, ministre de la reine Anne, q obtint pour sa famille le titre de vicomte de Bolingbroke, no qu'il a rendu si célèbre. La conduite de ce grand homme, da sa bonne, comme dans sa mauvaise fortune, est suffisamme connue. Celui qui portait son nom, est bien loin de posséd les mêmes qualités. Il ne se distingue que par son peu de dél catesse en fait de sentiments.

Byng, vicomte de Torrington (créé en 1721).

Son oncle, le malheureux Byng, fut arquebusé au comme cement de la dernière guerre, pour avoir perdu une bataille naval

la vue du port Mahon, contre les Français, perte qui avait traîné celle de la place.

Fitz-Gerald, vicomte de Leinster de Taplow, duc de Leinster en Irlande (créé par George II, en 1746).

Il porta d'abord le titre de comte, puis celui de marquis de Kildare. Son fils aîné avait alors ce dernier titre. La famille de Fitz-Gerald est une des plus anciennes de l'Irlande. Elle s'est presque toujours déclarée pour le parti de l'opposition, et le nom de Kildare a plus d'une fois paru avec éclat dans les troubles de l'Irlande. On dit que le duc de Leinster possédait un revenu de 40 mille livres sterling.

Quelques barons et pairs d'Angleterre.

Byron, lord Byron, de Rochdale.

Il avait été obligé de comparaître à la barre, devant la chambre des pairs, pour se justifier d'un meurtre qu'on l'accusait d'avoir commis en la personne de milord N.., avec lequel il s'était battu en duel. Il fut déclaré innocent, à la pluralité des voix. Le commodore Byron, qui a fait le tour du globe, est son frère.

Hampden-Trevor, lord Trevor.

Il a été ambassadeur à la Haye. Sa fille défunte a été mariée à milord Suffolk, secrétaire d'Etat. J'ai souvent vu son fils chez M. Pouchkine; il revenait de son voyage d'Italie. Mme Hampden, fille du général Graem, secrétaire des commandements de la reine, est extêmement aimable.

Masham, lord de Masham (créé en 1713).

Il descend de la célèbre Mme de Masham, que supplanta la duchesse Sarah de Malbrough, dans la faveur de la reine Anne.

Bathurst, lord Bathurst.

Il y a eu un chancelier de ce nom, renommé pour son érudition et son intégrité.

Marsham, lord de Romney (créé par George I, en 1716).

Il est président de la société établie pour l'encourageme des arts et des manufactures.

Bruce Brudenell, lord Bruce (créé en 1746).

Il est le frère cadet du duc de Montagu. Le co d'Aylersbury, mort sans enfants mâles, l'a fait héritier de biens. C'est pour cette raison qu'il a été créé pair. Il a be coup voyagé et il était en Russie en 1754.

Walpole, lord Walpole.

J'ai connu deux de ses frères, Thomas et Robert. premier était banquier et membre de la Chambre des comm nes, le second était ministre plénipotentiaire à Lisbonne. Il av été quatre ans secrétaire d'ambassade à Paris.

Murray, lord Mansfield.

Il est le premier juge du royaume, comme lord-chef justice du King'sbench. Ses profondes connaissances en judi ture ne l'empêchent pas d'être détesté de ses concitoye Les feuilles publiques sont journellement remplies de libel diffamatoires contre ce magistrat. On l'accuse surtout de m chanceté, mais son vrai crime aux yeux du peuple, est le zèle l'attachement qu'il porte au roi.

Hill, lord Harwich, comte de Hillsborough, en Irlan (créé en 1756).

Il est secrétaire d'Etat pour le département des coloni d'Amérique. Je connais deux de ses filles, ladies Charlot et Marie Hills, qu'on place à juste titre parmi les beau de Londres.

Lyttelton, lord Lyttelton (créé en 1541).

Sa vaste érudition et ses connaisances dans les lois l'histoire de son pays, le rendent célèbre. Il a écrit l'histo du règne de Henri II, époque très intéressante pour la n tion, puisque c'est de là que commence à dater l'existence la Chambre des communes, ce rempart de la liberté publiq C'est un ouvrage très raisonné et qui a mérité les suffra des savants. Je connais un frère de milord Lyttelton. a été gouverneur de la Jamaique et depuis revêtu du

ractère de ministre plénipotentiaire à la Cour de Lisbonne. Il a désiré remplacer le chevalier Grey dans son ambassade à Madrid, mais milord Grantham lui ayant été préféré, il a remis ses emplois au roi et s'est jeté dans le parti de l'opposition.

Petty, lord Wycombe, comte de Shelburne en Irlande (créé en 1760).

A l'avènement au trône de George III, il avait devant lui la perspective la plus riante. Elevé à la campagne de ce prince, il possédait son amitié et sa confiance. Il a rempli pendant douze ou quinze mois les fonctions de secrétaire d'Etat, mais des sujets de mécontentement l'ont engagé à quitter le ministère. Il est entré dans le parti de l'opposition dont il est devenu un membre des plus zélés. Cette démarche le rendit irréconciliable avec son maître.

Robinson, lord Grantham (créé par George II, en 1661).

Quoique jeune encore, il est ambassadeur à la Cour de Madrid. Il est fils du chevalier Robinson, qui a séjourné longtemps à Vienne et qui s'est acquis une si grande réputation par ses négociations avec presque toutes les Cours de l'Europe.

Irbi, lord Bosin (créé en 1761).

Il a été chambellan de la princesse de Galles, mère du roi. C'est pour cette raison qu'il a été élevé à la pairie.

Pelham, lord Pelham (créé en 1762).

Il est de la même famille que le feu duc Newcastle. Actuellement, il est contrôleur de la maison du roi.

Fox, lord Holland, baron de Foxley (créé en 1763).

C'est le même que son éloquence a rendu si redoutable dans la Chambre des communes. La Cour l'a attiré dans son parti par le puissant attrait des charges. Il a été revêtu de différents emplois et s'est distingué surtout dans celui de payeur-général de l'armée qu'il a exerçé longtemps et qui lui a facilité les moyens de s'enrichir. Il différait de rendre les comptes de son administration, malgré les instances réitérées du parlement. Il a toujours remis de le faire, sous différents prétextes, et même

lorsque la paix était faite, il passait ordinairement en Fran vers le temps, où le parlement devait s'assembler. On dit ses richesses sont immenses, mais il est probable qu'el ne resteront pas longtemps dans sa famille, car il a malheur d'avoir pour fils les deux joueurs les plus décidés l'Angleterre. Il a déjà payé pour eux plus de 150 mille l res sterling. Stephen, qui est l'aîné, auquel il a fait revenu de sept mille livres sterling, l'a a déjà réduit à de mille livres sterling. La conduite de ce jeune homme aussi déréglée que son corps est hideux. L'embonpoint exc sif, dont il est surchargé, le plonge souvent dans un somm léthargique.

Charles Fox, son frère, n'a pas une meilleure co duite. Il a aussi la passion du jeu, et son extrême vi cité l'entraîne souvent à de grosses pertes; ses talents son éloquence faisaient concevoir de lui de hautes espéranc A un esprit naturel et à une pénétration facile, il joi l'avantage d'une énonciation agréable. Jeune encore, il a é nommé un des sept commissaires de l'amirauté, charge qui rapporte mille livres sterling par an, mais une légère qu relle qu'il a eue avec milord North, au sujet d' emploi que celui-ci a refusé d'accorder à un de ses amis, po lequel il a demandé, l'a engagé à remettre sa charge entre l mains du roi. Cependant il n'est pas entré pour cela dans parti de l'opposition, disant qu'il fait une différence notoi entre le maître et le ministre et qu'il peut être attaché premier, quoique mécontent du second.

Pratt, lord Camden, ancien chancelier (créé en 176

Son attachement aux principes politiques de milord Ch tham l'a élevé à cette importante dignité. Son intégrité et son zè pour les immunités du peuple l'ont engagé à s'en démettre. C'est l'occasion du fameux acte du timbre et des autres affaires d colonies de l'Amérique, auxquelles il n'a pas voulu donner s consentement, qu'il a abandonné ce poste. Milord Camden e considéré comme un des plus zélés défenseurs de la liberté p

…ique. Quoique retiré du service, il a continué de recevoir une …nsion de trois mille livres sterling.

… Campbell, lord Sandbridge, duc d'Argyle, en Ecosse …éé en 1766).

Il a été créé pair d'Angleterre du vivant de son père, n'étant …s encore pair d'Ecosse par lui-même et ne portant que le …re de marquis de Lorne.

1007. Отрывокъ изъ черновыхъ записокъ кн. Александра Борисовича Куракина.

[1772 г.].

Autant que je puis me souvenir, on compte de Berlin jusqu'à …tzig 56 milles. Les meilleurs gîtes sur cette route se …uvent à Schwedt, à Stargard, à Coslin et à Stolpe. Sans être …si bien que dans les auberges de l'Angleterre, on y est pas…lement. On peut y avoir des lits assez propres, et en géné… les choses les plus essentielles pour un voyageur. Quant à … table, elle consiste en plats partout assaisonnés avec une …le propreté, mais tous selon le goût du pays, c'est à dire …c beaucoup d'épiceries et de sucre; c'est pourquoi si on a … cuisinier dans sa suite, il n'est pas mal de s'en servir le plus …on peut. Les postes sont assez bien réglées. Votre postillon …t vous mener non selon sa fantaisie, mais selon des heures … fois fixées. En y contrevenant, il risque que vos plaintes … attireront une rude punition.

Comme les postes entre Dantzig et Riga ne sont pas juste…nt sur un fort bon pied; que les chevaux sont pour la plu…t des haridelles, que souvent on n'en trouve pas assez pour … train de deux ou trois voitures, et que quelquefois on est …gé de les attendre dans des réduits très dégoûtants, il est à …férer de louer à Dantzig des voituriers qui vous mèneront à …a presque pour le même prix, et avec la même vitesse que … poste, et l'on évite par là une infinité de désagréments. Ces …ituriers sont des gens très sûrs; ils ont des chevaux excellents

et ils veillent à vos équipages avec soin, de plus les voya fréquents qu'ils sont dans le cas de faire, leur ont fait acqu une expérience relative à ce chemin qui ne laisse pas d'ê très agréable au voyageur. Toujours il faut se fournir à Dant de toutes sortes de provisions, surtout de thé, de sucre, de vi ainsi que de matelas et de coussins, car c'est devenir la victi de son attente que compter en quoi que ce soit sur ces m chantes cabanes, qu'on rencontre sur cette route et qui abusi ment portent le nom d'auberges.

Si les voitures ne sont pas trop chargées, il ne serait mal de prendre avec soi un petit nécessaire de voyage, où trouve tout ce qui est relatif au service du thé, quelques v res, cuillères, fourchettes, couteaux, etc. Venant dans le c on en verra la nécessité. Cette précaution est littéralement servée par la plupart des Russes qui sortent de leur patrie.

Arrivé à Riga, on ne doit point se laisser persuader par voituriers pour en prendre d'autres jusqu'à St. Pétersbourg. tentent ordinairement ce manège avec les étrangers. Dès qu quitte la Courlande, les postes sont à un prix très modique parfaitement bien arrangées; on peut aussi être assez cont des maisons des commissaires qu'on trouve en Livonie sur t tes les stations. Etant toutes d'un égal arrangement, on peut en recommander aucune par préférence.

A Kœnigsberg déjà, il est à conseiller de faire mettre voitures sur des traîneaux. Plus on avance, plus on trouve neige profonde et les gelées fortes, et plus par conséquent peut aller vite. En allant jour et nuit, on fait le chemin Riga à St. Pétersbourg en quatre fois, vingt-quatre heures t au plus.

Comme les ordonnances relatives à la douane sont très gides en Russie, on est exposé deux ou trois fois, avant d'a ver à la résidence, à la brutale et incommode visite de MM. douaniers; mais on peut obvier à ce grand désagrément en f sant plomber à Riga tous ses coffres.

. Notice pour un séjour à faire à Leyde dans le dessein louable d'y étudier.

[1772 r.].

Un étranger, en arrivant à Leyde, y trouve trois ou quatre rges des mieux conditionnées pour y descendre d'abord. L'étendue de cette ville, l'agrément et la commodité de la art de ses bâtiments préviennent tout l'embarras qu'il peut ir pour le choix d'un quartier conforme à ses désirs et à ses nces. S'il veut tenir son propre ménage, il trouve à louer maison avec toutes les aisances possibles pour 600 à 800 ns par an; mais comme je suppose que, pour éviter les in-tudes qui accompagnent ordinairement la direction d'un mé-e à soi, et ne voulant pas être les dupes de cette foule de s marchands qui, sans principes et sans conscience, mécon-sent tout, hors leur intérêt et le plaisir qu'ils ont d'obérer étrangers, qui ne peuvent être assez au fait des prix courants, cousins Roumiantsev préféreront et même tâcheront de ger dans une maison, où en même temps ils pourront profi-de l'avantage de la table et de tous les petits services pour rieur, je ne puis leur donner dans ce cas de meilleur con-que celui de faire ce que nous avons fait.

Nous étions trois: M. de Saldern, le comte Chérémé- et moi. Nous nous sommes logés sur la Breitstrasse, la fréquentée et la plus belle de la ville, à l'auberge qui porte eigne de la *Cour de Hollande*. Nous l'avons occupée ntier pour 1200 florins par an, sous la condition expresse pendant le temps que nous y demeurerions, l'hôte suspen-t toutes les fonctions de son état. Cependant, comme il ait une chambre qui ne nous servait de salle à manger quand nous avions du monde, nous lui permîmes par pure plaisance d'en disposer, les jours que nous n'en avions pas in.

La maison est grande, propre, bien éclairée et très joliment blée. Elle est en boyau, longue sur peu de largeur. Un

corridor communique les deux maisons, dont l'une donne su
Breitstrasse, l'autre sur le Longport. J'occupais avec M. de S
dern la première, le comte Chérémétev était seul da
seconde. Je crois que MM. les comtes de Roumiantsev fe
bien de se décider pour celle où j'ai demeuré; il y a qu
grandes chambres de maître, deux dans chaque étage, et t
chambres de domestiques dans les mansardes; il me paraît
c'est tout ce qu'il faut pour deux garçons.

L'hôte de la *Cour de Hollande* s'appelle Nagelswoon
Pendant tous les quinze mois que nous avons demeuré c
lui, il ne nous a donné aucun sujet de plainte; au c
traire, il s'est toujours mis en quatre pour prévenir en tout n
volonté. Pour le maintenir dans ses bonnes dispositions, il y a
façon de s'y prendre: c'est d'être de la dernière exactitude d
les paiements qu'on a à lui faire. Nous avions coutume de
payer chaque mois révolu tout ce qui lui revenait pour son l
et sa table. De notre temps il avait un très bon cuisin
Pour nous épargner le désagrément ou plutôt l'impossib
d'entrer dans tous les détails minutieux de la cuisine, nous a
fait avec lui un accord en gros. Sa table était bonne et
chère. Dans les jours ordinaires le prix était d'un florin et d
par tête à dîner et d'un florin à souper; il s'entend que c'
sans vin. Quand nous avions du monde chez nous, une augn
tation d'un demi florin par tête suffisait pour améliorer les
et en augmenter le nombre. Nous avions d'habitude six
à dîner et quatre à souper. Nous ne pouvions pas exiger de
des friandises; s'il y en avait qui nous tentaient, il fallait
acheter de notre bourse. Le vin et la bière, nous les fais
venir d'un marchand de vin pour le prix courant, mais com
ceux qui appartiennent à l'université jouissent de plusieurs pr
gatives, entre autres de ne reconnaître d'autre juge et d'a
supérieur que le conseil académique, et d'être exemptés jus
une certaine somme des taxes assez considérables sur les
chandises de consommation, imposées sur tous les habitants
général, il serait nécessaire que MM. les comtes de Roum

..v dès le commencement allassent prier le recteur magnifique l'université de les inscrire dans son livre en qualité d'étu-..nts. Cette incorporation fait déjà un petit article de dépense. ..us avons donné chacun six ducats au recteur et deux ducats .. pedell pour leurs peines.

Si par hasard le sieur de Nagelswoorth ne consent plus à ..er la moitié de sa maison pour un an et à un prix raison-..ble, alors le parti le plus utile à prendre c'est de s'adresser M. le professeur Pestell dont l'intelligence, la probité et le ..le pour ceux qui se confient à ses soins sont reconnus et ..ouvés. Ses connaissances sont vastes et profondes, sa réputa-..n est brillante et son cœur, sensible à l'excès, est susceptible .. toute l'énergie de l'amitié. Il en aime et en remplit les de-..irs. C'est cet homme d'or, que ma conviction me fait proposer .. mes cousins comme celui qui peut leur servir d'ami, de con-..il et de guide dans toutes les occasions et dans tout ce qu'ils ..ront à faire et à entreprendre.

A présent j'en viens à la façon dont étaient arrangées mes étu-..s, mes heures et mes journées. Une conformité de desseins, une ..nformité d'âge et de situations me fait croire et espérer que .. même arrangement pourra être approuvé, suivi et adopté par M. les comtes de Roumiantsev. Mon grand but de devenir ..toyen éclairé et un jour utile à ma patrie, le peu de temps ..e j'avais à perdre avant d'entrer dans le tourbillon du monde ..ur me former et me procurer les lumières qui me manquaient, ..ut enfin m'a servi d'émulation et tout m'a engagé d'oublier le ..ste de l'univers pendant les quinze mois que j'ai été à Leyde, ..ur ne m'occuper que de mes études et de mon application.

Leyde est vraiment le séjour des Muses; point de bruit, ..int de fracas, point de séductions: tout y est calme et tran-..ille, aucune distraction involontaire ne vous y trouble; on ..eut s'y livrer à l'enthousiasme de la science sans craindre d'en ..tre détourné par quelque autre objet, et on peut presque dire ..u'on n'y trouve de plus grande ressource que les livres et les ..ccupations qu'on sait se faire. Chez moi un jour y était com-

L'écuyer de l'université s'appelle Tielman; il prend le pr
mier mois 40 florins et les suivants 20 florins.

Le maître d'armes est M. Clermont, lieutenant de la bo
geoisie; il a porté son art jusqu'à la perfection; son prix
d'un louis d'or par mois.

M. Kerroux a été mon maître de langues latine et fra
çaise. Je le recommande à mes cousins comme un homme tr
attaché à son devoir et très versé dans les belles-lettres.
prend deux ducats par mois.

M. Colici m'a enseigné la langue italienne; il a tout pl
de talents avec de grandes connaissances dans la musique;
apprend aussi à toucher du clavecin; son prix est également
deux ducats par mois.

Le maître de danse de Leyde, Bagge, est plus que médioc
Mon conseil serait que mes cousins attendissent pour cette p
tie leur arrivée à Paris. Deux mois d'apprentissage chez Vestr
feront plus qu'une année partout ailleurs.

Il est à remarquer qu'à Leyde on compte dans un mois
leçons seize billets et non pas douze comme chez nous.

Vu l'excessive cherté des vivres, nous y avons donné à n
domestiques quatre ducats par mois, et ce n'était pas trop.

L'excellent pavé, la propreté des rues et l'admirable si
plicité, qui règne encore dans les mœurs de ce pays, sont ca
qu'on voit rouler peu d'équipages à Leyde. Les personnes
plus opulentes vont à pied. Cet exemple est trop séduisant, p
que les étrangers se trouvant sur les lieux l'admirent sans
suivre.

Toutes les fois que MM. les comtes de Roumiantsev ser
invités à des soupers en ville, ils auront la faculté de se ser
des carrosses de remise, qui sont très bien conditionnés et
très bon marché. Pour aller et venir dans l'enceinte de la vil
on ne paye, autant que je me rappelle, que deux escalins. Le p
augmente quand on va à la campagne.

Les maisons, que nous fréquentions à Leyde dans nos soir
de délassement, étaient celles de M. de Leyde d'Ostvoorn,

de Changuion, échevin de la ville. de Mme de Lamp-
g et de M. de Pestell. Ce sont les plus honnêtes gens du
de.

09. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. іюня 14. Москва.

Съ г. Кампфомъ получила я отъ васъ перстень, послѣ
раго въ короткое время и сердечко съ вашими волосами,
по сердечно вамъ благодарствую. Вѣрьте, что не инако все
принимаю, какъ за особливые знаки вашей ко мнѣ совер-
ной любви, въ которой никогда я не сомнѣвалась, и чрезъ
къ вамъ искреннюю дружбу стараюсь всегда вамъ доказать,
й вы отъ меня оборотъ имѣете, въ знакъ чего обѣ эти вещи
а на себѣ имѣю.

Крайне меня одолжите увѣдомленіемъ, получили ли вы
шкинъ портретъ, который я чрезъ г. Крока къ вамъ
ла.

Письмо ваше послѣднее Юшу у насъ не застало. Правда,
его отъѣздъ мнѣ большое оскорбленіе сдѣлалъ, особливо
, что онъ отъ своего отца безъ всякаго призора отпущенъ,
я старалась, какъ можно, исправить, и скорѣе его отпустить
ко для него, чтобы могъ застать начало кампаніи, и для
товарища, который былъ нетерпѣливъ возвратиться въ армію.
ъ онъ у насъ больше шести дней не былъ. И первыхъ
ъ воиновъ до его пріѣзда отправила, считая его не такъ
о видѣть.

Къ большому себѣ утѣшенію вижу, что вы съ нимъ очень
елюбны, чему сердечно радуюсь, и желаю, чтобъ это
къ въ васъ осталось. Мнѣ самихъ васъ увѣрять невоз-
но, а думаю, что вы довольно увѣрены о мнѣніи и спра-
вости, которую всегда вамъ даю; а вамъ о немъ скажу, что
, право, стоитъ быть вами любимъ.

О Шереметева отъѣздѣ до сихъ поръ [ничего] рѣши-
наго нѣтъ.

О царевичевой дочерней свадьбѣ удивляюсь, что вы та любопытствуете: она кончилась въ деревнѣ безъ всякаго прим чанія, и никто о ней не думаетъ, не только говоритъ. И ва совѣтую, любезный другъ, больше упражнять себя полезны дѣлами, нежели безпокоиться такой пустотой. Знаю, что ва не понравится мой совѣтъ; однако вѣрьте,—если бы я серде васъ не любила, столь открыто съ вами бы не говорила.

1010. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. іюня 30. Москва.

Хотя я увѣрена, что вы меня не забудете, однако про какъ можно чаще ко мнѣ писать, чрезъ что докажете мнѣ е больше свою дружбу, въ которой я, конечно, не сомнѣваюс Думаю, что и вы во мнѣ можете быть довольно увѣрены, ч я не лицемѣрно, а сердечно васъ люблю; для того желаю васъ чаще, какъ можно, вѣдать. Знаете, что, въ отсутств будучи, больше удовольствія нѣтъ корриспонденціи. Я же, ка обѣщала, такъ и продолжаю: всякій мѣсяцъ навѣрно пишу вамъ; когда время дозволяетъ, и по дважды. Письма мои вамъ были всегда адресованы къ Кроку такъ, какъ вы са мнѣ предписали, а теперь буду посылать черезъ петербургска почтъ-директора.

Жалѣю, если я вамъ своимъ письмомъ какое огорченіе сд лала. Если вы такъ его приняли, прошу меня простить и вѣри что я никогда о васъ дурно не думала и пороки ваши не та помню въ разсужденіе того, что вы сами въ нѣсколькихъ призн лись съ обѣщаніемъ ихъ совсѣмъ покинуть, что, завѣрно счита уже сдѣлано. Итакъ я не столь злопамятна, какъ вы себѣ пре ставляете. Думаю, хваля одного, другого еще тѣмъ не порица Что-жъ о немъ, я къ вамъ для того писала, что совсѣ противное слышала тому, какъ я его нашла. Правда, что многомъ неглижированъ, особливо въ разсужденіе письма, кот раго головой ни на какомъ языкѣ не умѣетъ, что мнѣ оче не полюбилось.

Теперь вамъ скажу, что сегодня несказанно я обрадована, [по]луча извѣстіе отъ своего Юши, что онъ благополучно до [Ар]міи доѣхалъ въ девятый день, чѣмъ мы много обязаны Кампфу, [кот]орый не только его, но и наѣхавъ на Степашу съ Лобановымъ, которые слишкомъ за недѣлю до ихъ отъѣзда отправ[ле]ны, взялъ съ собой и благополучно довезъ, чѣмъ не только [мы], но и дядя мой очень былъ доволенъ: безъ того они съ [П]исаревымъ пропластались [бы] дорогой всю кампанію.

Они теперь всѣ въ должности при дяди ординарцевъ. Знаю, [чт]о вы Юшу любите; итакъ вамъ извѣстіе скажу, что отецъ [ег]о далъ ему 500 душъ не въ зачетъ будущаго раздѣла, что [утв]ерждено закладной на имя Никиты Ивановича, чѣмъ я [теп]ерь очень довольна, что какое-нибудь ему основаніе есть.

1011. Вильнефъ—кн. Александру Бор. Куракину.

[1770 г. не ранѣе іюля].

L'idée avantageuse, que vous avez bien voulu vous faire de [mo]i et la bonté avec laquelle vous m'en écrivez, seraient deux [no]uvelles raisons de redoubler mon zèle et mes soins auprès [de] Monseigneur votre oncle et de Monsieur votre frère; mais [la] confiance dont m'honore Son Excellence Monsieur le comte [P]anine et tous les moyens naturels que ces messieurs ont de [m']affecter pour eux journellement du sentiment le plus vif et [le] plus tendre, ont tout fait sur mon cœur. Je leur suis dévoué [bie]n sincèrement et mes faibles lumières semblent répandre de [no]uvelles clartés sur mon esprit, en échauffant mes moyens [d'in]struction de toute la chaleur de mon âme.

Pour mettre en action ces sentiments auprès de ces mes[sie]urs, j'ai cru ne pouvoir pas mieux faire que de former [ex]près pour eux différents traités à la portée de leur âge sur [la] grammaire française, la morale, la rhétorique, la logique, [la] poésie théorique et pratique, la connaissance du corps hu[ma]in, la physique et une courte métaphysique; c'est à quoi je [tr]availle journellement. J'espère que ces traités clairs et concis,

tirés des meilleurs auteurs dans chaque genre, donneront assez de ressorts à leur imagination en peu de temps, pour leur inspirer le goût de la bonne littérature et de ces sciences qui constituent l'homme de lettres, l'honnête homme, l'homme aimable et l'homme utile à sa patrie.

Heureux si ces ouvrages, que je compose successivement avec autant de plaisir que d'attention, en remplissant mes devoirs auprès de ces messieurs, peuvent encore être utiles à la jeunesse du pays où je les compose; si je suis protégé sur ce désir, je lui en présenterai l'hommage, en faisant tout imprimer ici, et j'appellerai cet ouvrage en deux volumes in-8[1] „Petite encyclopédie portative des adolescents". Peut-être des personnes de tout âge faiblement instruites y trouveront-elles leur compte.

Quant aux points de vue généraux que j'ai sur l'éducation, il semble que j'aie voulu servir votre curiosité si bien placée sur cet objet par le poème sur l'éducation, que je viens de finir; la sincère amitié que j'ai pour ces messieurs m'a inspiré cet ouvrage, et c'est à la position intéressante où la Providence m'a mis, que je dois la promptitude et peut-être le degré de chaleur avec lesquels il est composé.

Comme mon invocation dans ce poème est adressée à Son Altesse Impériale, Monseigneur le grand-duc et à Son Excellence Monsieur le comte Panine, j'attends avec impatience que j'aie leur agrément pour le rendre public, s'ils l'en trouvent digne, en le faisant imprimer ici. La chose faite, j'aurai grand plaisir à vous en faire passer un exemplaire. Ce poème est divisé en cinq chants et est composé de 1260 vers. Il y a entre autre un passage qui répond assez juste à votre sentiment sur ce que vous appelez très bien „la première poussière classique". Le voici:

„L'âge où paisiblement s'ouvre l'intelligence
„Est si court, si troublé, que par trop de science
„De pédants gouverneurs gâtent tout bien souvent.
„Eh! Messieurs... s'agit-il de former un savant?

„Faisons venir le goût au plus haut période;
„Quand il sera venu, présentons la méthode.
„Tâchez que votre plan soit toujours adapté
„Au dessein de nourrir la curiosité,
„Sans la rassasier, etc.“

Voilà le point de vue que je me suis fixé, qui s'accorde …c un autre endroit relatif à l'âge de ces messieurs, où je dis:

„L'homme est venu, Mentors, ses ressorts sont montés,
„Ici le même instinct meût d'autres facultés.
„L'activité du corps cherchait à se construire,
„L'activité d'esprit maintenant veut s'instruire.
„Sur cette instruction conservons tous nos droits,
„Sans trop gêner pourtant la liberté du choix:
„A ce qu'apprend l'esprit, l'esprit prétend se plaire;
„Le travail n'est plus rien, dès qu'il peut satisfaire.
„Mais prenons garde aussi que l'inutilité
„Ne soit le triste fruit de cette liberté:
„Sur différents objets un esprit trop volage
„Contracte, en fait d'études, un vrai libertinage;
„Pour vouloir tout savoir, alors il n'apprend rien, etc.“

Je vois avec une vraie satisfaction que ces messieurs …ièrent journellement ce goût que je désire leur inspirer com…ement; ils sentent déjà la nécessité de s'instruire et ce …iment, joint à une docilité sans contrainte, me secondera, …père, d'une façon victorieuse dans mon entreprise si inté…ante.

1012. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

1770 г. іюля 5.

Permettez que je profite aussi de l'occasion du départ de …ordinaire, pour vous présenter mes très humbles hommages. …st un bonheur dont je ne jouirai plus à l'avenir aussi sou…t que je le souhaiterais: mes études y mettront des obs…les. M. de Saldern les a presque toutes arrangées, et je

crois qu'il aura l'honneur de vous en envoyer ci-joint le plan. Hier j'ai commencé déjà avec quelques-uns de mes maîtres. Comme c'est actuellement le temps des vacances, les professeurs Pestell et Allamand, chez lesquels je dois avoir des collèges sur le droit et la philosophie et l'histoire, sont partis pour l'Angleterre, afin d'y profiter de la belle saison. Pendant leur absence, je m'appliquerai d'autant plus, en ayant le loisir à mes autres études, et à leur retour, qui est fixé vers la fin du mois prochain, je commencerai chez eux. Vous pouvez être persuadé, Monseigneur, que je me livrerai de cœur et d'âme à toutes mes occupations. Que Dieu les bénisse seulement et que je puisse voir la continuation de vos bontés paternelles!

1013. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. іюля 7. Петербургъ.

C'est avec le plus grand plaisir du monde que je commence avec vous la correspondance, étant en même temps chargé par la princesse Kourakin de Moscou, de vous remettre les deux incluses ci-jointes. On m'avait conseillé d'attendre le départ d'un courrier pour vous faire tenir le gros paquet. Mais puisque cela se pourrait traîner trop longtemps, j'ai prié M. Eck d'expédier ma lettre par la poste.

Comme je prends une part sincère à tout ce qui vous arrive, je vous supplie de m'informer de l'état de votre santé, de vos occupations et de vos plaisirs et de m'adresser vos lettres pour vos parents, qui s'informent si souvent chez moi s'il n'y a point de lettres de vous.

Pour ce qui regarde les nouvelles d'ici, il n'y en a pas de fort intéressantes. L'Impératrice est partie pour Iambourg, mais cette absence ne sera que de quelques jours. Monseigneur le grand-duc se trouve à Péterhof, se portant très bien. Le jour de son nom s'est passé sans gratification, hormis que M. Strécalov a été décoré de l'ordre de Ste-Anne. Quel crève-cœur

ur les chambellans et quelques sénateurs! Le prince Baria-
inski est arrivé avec son épouse la veille de la fête; il fera,
ce qu'on dit, le service comme les autres. Monseigneur le
mte votre oncle se porte parfaitement bien, de même que
. de Saldern. Aussitôt qu'il se passera quelque chose d'inté-
ssant, vous en serez informé, mon prince. Mais marquez-moi,
vous en supplie, sur quels articles vous souhaitez d'être
airci et qui vous tiennent le plus à cœur.

1014. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1770 г. іюля 17. Лейденъ

Vivement pénétré des bontés que Votre Altesse Impé-
le a bien voulu me témoigner en tout temps et principalement
ndant mon dernier séjour à Pétersbourg, je ne saurais lui
marquer assez ma tendre et respectueuse reconnaissance.
Votre Altesse Impériale a daigné me permettre de lui écrire,
elle me l'a même ordonné en termes exprès. Je sens trop,
nseigneur, le prix d'une permission qui m'est si flatteuse,
r me priver plus longtemps de l'honneur d'en profiter. Per-
ttez donc que je fasse à Votre Altesse Impériale un petit
il du plan de mes études. L'intérêt, que vous avez toujours
n voulu prendre à tout ce qui me concerne, m'y autorise en
lque façon.

Grâce aux soins du digne et intègre ami que j'ai avec moi,
s sont déjà arrangées. La philosophie spéculative, le droit
la nature et des gens, les mathématiques et les intérêts
érents des Etats de l'Europe, relativement les uns aux autres,
sont là les sciences auxquelles je m'appliquerai principale-
nt. La langue latine prendra aussi une partie de mon temps.
oique ce soit une langue morte, elle ne laisse pas d'avoir
utilité réelle, peut-être même de l'agrément pour celui
s'en occupe. D'ailleurs, c'est votre auguste exemple qui m'a
plus excité à la reprendre et à la cultiver. Mais comme

l'assiduité, qu'exigent ces occupations sédentaires, pourrait co tribuer à l'engourdissement du corps, je l'occupe aussi à d exercices sains et utiles. J'ai par semaine quatre heures manège et deux de danse. De plus, quand il fait beau, fréquente les promenades de cette ville aussi souvent q m'est possible.

Tout ce que je puis dire pour le présent à Votre A tesse Impériale, de Leyde, c'est qu'elle est fort joliment bât Ce qui m'y a particulièrement frappé, c'est la propreté s exemple qui règne dans ses rues. Les environs en sont ch mants, on y trouve une quantité de jardins, où l'art, port la dernière perfection, a tout fait; cela forme un coup d' ravissant et qui ne laisse rien à désirer.

L'université est très renommée pour ses bons professeurs, t gens de grande réputation. M. Pestell, professeur en dr est celui qui attire le plus d'étudiants. On en compte à p sent jusqu'à cinq cents, parmi lesquels se trouvent plusie gens de marque. Le prince héréditaire de Hesse-Dar stadt est ici depuis quelques mois et il s'attire une appro tion générale, tant par son application que par sa conduite.

1015. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину

1770 г. августа 12. Москва.

Продолженіе моего водяного кура воспрепятствовало имѣть удовольствіе къ вамъ, любезный мой князь Алексан Борисовичъ, писать.

За пріятное ваше ко мнѣ приписаніе покорно благодарств Радуюсь сердечно, что вы свой путь благополучно оконч только жалѣю, что вы въ такое короткое время уже скуч въ Голландіи. Правда, что я не столько это предписываю вашей молодости, какъ къ тому, что вы слишкомъ рано и мн узнали большой свѣтъ, который къ теперешнему вашему п женію много препятствуетъ во многомъ преуспѣвать. Одн

я увѣрена,—когда захотите, себя можете преодолѣть и станете къ наукамъ прилежать, зная, что въ томъ не только собственная вамъ польза, но удовольствіе и польза всему любезному отечеству имѣть достойнаго и знающаго и ко всему способнаго человѣка, чрезъ что сдѣлается надобенъ и любимъ всему обществу. Итакъ, мой любезный другъ, не только совѣтую, но и прошу васъ быть какъ можно прилежнѣе къ наукамъ и послушнѣе тѣмъ достойнымъ людямъ, кому вы препоручены, и не думать, чтобъ это могло вамъ скуку дѣлать, а лучше принять за очень хорошую и полезную вамъ должность. Не думайте, чтобъ я хотѣла вамъ дѣлать нравоученіе: я слишкомъ знаю, что это не мое дѣло, а только, какъ васъ сердечно люблю, дружескій совѣтъ даю, чрезъ что можете видѣть, что я сердечно вамъ всякаго добра желаю.

Теперь въ удовольствіе вамъ скажу, что наши войны, славу Богу, здоровы и къ большому намъ утѣшенію: ихъ храбростью и поведеніемъ всѣ очень довольны; и нашъ князь Степанъ при первой самой вылазкѣ получилъ контузію въ бокъ, однако, славу Богу, самую легкую, которая не препятствовала ему до самаго конца акціи быть. А Юша мой уже проѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ, и на дняхъ ожидаю его назадъ отправленнымъ въ армію.

Я не имѣю отъ васъ извѣстія, получили ли вы мои письма и матушкинъ портретъ, который къ вамъ я еще въ іюнѣ послала.

Шереметевъ, которому я письмо ваше вѣрно вручила, отсюда поѣхалъ въ первыхъ числахъ нынѣшняго мѣсяца, сказывая, что и къ вамъ скоро отправится.

1016. Княгиня Наталья Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. августа 16. Петербургъ.

Здѣшнихъ новостей скажу, что мужъ мой—егорьевскій кавалеръ второго класса, графъ Румянцевъ—фельдмаршалъ и того же ордена кавалеръ перваго класса. Насъ очень Бендеры

безпокоятъ: до сихъ поръ не сдаются; всякій день вылазі дѣлаютъ и съ великимъ жаромъ. Братъ твой здоровъ и сч стливо сноситъ всѣ эти труды. Нелединскій и Лобі новъ пожалованы въ поручики. Вотъ всѣ вѣдомости здѣшні Кавалеровъ егорьевскихъ много, только не упомню всѣхъ на звать.

1017. Аграфена Леонтьевна Апраксина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. августа 31.

Другъ мой сердечный князь Александръ Борисовичъ. Я мой другъ, два письма получила отъ тебя, одно съ дороги из Умеля и при томъ приложенную роспись твоимъ долгамъ, ко торая и принята, и сообщена къ прочимъ долгамъ. Только, мо другъ, впередъ долговъ не дѣлай. Ты самъ знаешь, что до вольно и эти долги хлопотъ надѣлали. А другое письмо я от тебя получила уже изъ Ледина, которое скоро по пріѣзд твоемъ писано; а больше и не имѣла. Что-жъ я къ тебѣ н писала, причина тому—мои всегдашнія болѣзни; но нынче благодаря Бога, есть мнѣ полегче. Братья твои Алеша Иваша, слава Богу, здоровы. Я же недавно отъ Степан изъ арміи получила письмо. Онъ здоровъ и сдѣлался неустра шимый воинъ, отчего себѣ и контузію получилъ; однако, бла годаря Бога, очень легко, только сдѣлалось маленькое пят нышко на боку. И я отъ него послѣ этого два письма полу чила. Поздравляю тебя, мой другъ, со вчерашнимъ днёмъ тво его ангела. Боже, дай тебѣ милость свою. Я, мой другъ, теб самимъ Богомъ увѣщаю, учись прилежнѣе и сдѣлай себѣ к пользѣ и намъ въ утѣшеніе. Прости, мой другъ, поручаю теб въ сохраненіе Божіе. Бабка ваша Аграфена Апраксина.

Сынъ мой и братъ твой за тѣмъ не пишутъ, что ихъ дом нѣтъ. А тетка твоя Марья Степановна тебѣ кланяется

1018. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. сентября 2. Москва.

Я уже къ вамъ писала о положеніи нашихъ любезныхъ ...новъ, которые, слава Богу, заслуживаютъ своимъ поведе...иъ и храбростью милость всего общества, и Юша уже къ ...ніи воротился. Такъ какъ они оба съ Лобановымъ не ...шѣе были, какъ сержанты артиллеріи, [то] по просьбѣ дяди ...етра Ивановича пожалованы оба именнымъ указомъ въ ...ію поручиками, чѣмъ Юша безмѣрно доволенъ, чему и я ...нь рада, зная склонность его къ военной службѣ.

Вотъ, мой любезный другъ, что теперешній разъ о нихъ ...ъ могу сказать; и о Кампфѣ не оставлю вамъ сообщить, ... пожалованъ въ капитаны, и дядя взялъ его къ себѣ въ ...ютанты.

...19. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. сентября 30. Москва.

Теперь, благодаря Бога, мы всѣмъ обществомъ несказанно ...дованы, получа на дняхъ извѣстіе, что 16 числа нынѣш...о мѣсяца штурмомъ Бендеры взяли, слава Богу, съ очень ...ольшимъ урономъ. Ближніе наши и знакомые, благодаря ...у, всѣ здоровы. Съ первымъ извѣстіемъ присланъ Броунъ, ...овникъ, которому слѣдовалъ А. Ѳ. Талызинъ съ клю...и; а на дняхъ ожидаемъ съ трофеями своего князя Сте...на. Желала-бъ я знать, согласились ли бы вы такъ курье...ъ ѣздить, какъ они.

1020. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ—неизвѣстному.

[1770 г. конецъ сентября]. Лейденъ.

Monsieur. Au lieu de vous fatiguer aujourd'hui par des ...pliments ordinaires, vous me permettrez d'avoir recours à

quelque chose de plus sérieux. L'intérêt que vous daign
prendre à ma situation actuelle autorise et justifie mon inte
tion. J'ai commencé il a y déjà un mois mon Droit natu
chez M. le professeur Pestell; je viens de finir le prem
chapitre, ce qui me fournit l'occasion de vous entretenir
peu sur les nouvelles idées que j'ai acquises.

Ainsi, Monsieur, pour vous donner une légère esquisse
mes progrès, je vous dirai que, sur les principes de mon p
fesseur, je considère le Droit naturel comme la science la p
utile pour les hommes et qui leur est en quelque façon mê
indispensable. C'est elle qui nous instruit [de] nos devoirs
envers l'Etre suprême et envers nous-mêmes et envers
autres. C'est elle qui nous guide dans le sentier étroit de
vérité, et ce n'est que par elle que nous parvenons à no
but commun, à notre félicité. Que de titres pour nous en
ger à étudier une science qui doit tant contribuer à n
rendre heureux! Mes yeux se dessillent peu à peu, le band
de l'erreur tombe; je me trouve comme transporté dans
autre monde, tellement que je commence à envisager p
sieurs choses sous d'autres faces.

L'étude du Droit naturel renferme ces quatre princip
points à observer:

1°. Comment les hommes peuvent vivre heureusement, s
que, par une combinaison de causes qui ne dépend point
leur volonté, ils soient forcés de vivre isolés, ou qu'ils viv
dans cette société universelle que la nature a formée pour l
faire jouir d'un plus grand bonheur en se secourant dans le
mutuels besoins.

2°. Quels sont les droits et les devoirs mutuels des dif
rents peuples.

3°. Quelle est la relation qui subsiste entre un souver
et ses sujets, relation non fondée sur un état en particuli
mais sur tous en général.

4°. Comment il faut faire des lois pour rendre un peu
heureux et déterminer les devoirs mutuels des citoyens

aque état, non seulement entre eux, mais aussi vis-à-vis les rangers.

Dieu, voulant créer l'homme comme un être raisonnable, sceptible d'un certain degré de félicité proportionnée à sa ture et au système de la Création, a fait une telle liaison tre les choses de ce monde qu'il n'y a qu'un seul chemin i nous mène à notre bonheur. Sa sagesse et sa bonté ne mettaient pas de nous le laisser ignorer. Ainsi ayant doué tre âme d'une force représentative du monde et du Créateur, lui a donné l'entendement pour pouvoir discerner le bien le mal, la liberté pour fixer son attention sur les suites nes ou mauvaises d'une action avant que d'agir, et la voté pour nous déterminer à choisir ou à préférer un état ar qui nous plaît à celui dans lequel nous nous trouvons. liberté suppose un mouvement intérieur par lequel on se ermine à une action sans y être obligé par aucune cause ysique extérieure, c'est ce qu'on appelle spontanéité.

A quoi bon de pouvoir discerner le vrai chemin du bonr s'il n'y avait en nous quelque instinct qui ne nous mont évidemment qu'il n'est pas indifférent d'entrer dans l'un dans l'autre de ces chemins. Il y a des suites mauvaises actions, qui, par des circonstances très particulières, sont pêchées d'exister, ou qu'on peut éviter par la prudence. st alors qu'on se mettrait au-dessus de l'ordre naturel qui s conduit à notre bonheur, la morale perdrait sa force suasive. L'Etre suprême y a pourvu. Il y a donc en nous penchant qui nous excite à l'examen de nos propres tions. Cet examen porte avec soi des suites inséparables: tantôt t une douceur inexprimable que nous sentons après avoir l'harmonie entre nos actions et les règles qui nous conduit à l'accomplissement de l'intention du Créateur, et par séquent à notre bonheur, tantôt c'est un chagrin corrosif ce que nous observons le contraire. C'est à cet instinct i n'est qu'une espèce de sentiment moral que nous donnons nom de conscience.

J'avoue que le mot de conscience est souvent employé da un sens un peu différent de celui que je lui donne. Tant elle signifie la faculté de raisonner sur la moralité de s propres actions, et alors ce n'est que la raison appliquée notre propre conduite. Tantôt elle signifie l'usage que no faisons de cette faculté et le raisonnement même que no faisons sur notre conduite. C'est dans ce sens qu'on a pl sieurs espèces de consciences. Autrement il n'y a propreme qu'une seule conscience, de même qu'il n'y a qu'une se raison. Comme il y a des raisonnements certains, probabl douteux et erronés, on a aussi dans ce sens une conscien certaine, probable, douteuse et erronée.

La conscience est le tribunal le plus sévère devant leq nous ayons à comparaître: là, nous nous jugeons avec imp tialité et nous trouvons en nous-mêmes la punition qui no est due par les remords qui en résultent. Je comprends remords, le sentiment de la contradiction que nous aper vons dans notre conduite comparée avec la loi. Si la concl sion que nous faisons de la bonté ou de la perversité de n actions est certaine, alors c'est une conscience droite; mais la conclusion qu'on fait de la moralité de sa propre condu n'est que vraisemblable, on l'appelle probable. Il y a des ca dans lesquels il est impossible d'avoir la conscience certai et où il faut se contenter de la probable. Il y a aussi grand abus qu'on en fait, quand, au lieu de peser et de ca culer les probabilités, on se contente de se régler selon l sentiments qui sont à la mode ou sur l'autorité de ceux q nous imitons, même dans de tels cas, où nous aurions pu av la conscience certaine. Je n'ose pas m'expliquer sur le prob bilisme des Jésuites; les préjugés de famille et même les pr jugés nationaux en fournissent assez d'exemples. On se fa alors cette illusion: serait-il possible que je pourrais mal agi si je fais ce que tout le monde approuve, ce que même ce qui sont du bon ton jugent digne de leurs louanges? il sera bizarre de faire là-dessus des recherches, il faut suivre

le, on ne saurait s'y tromper. C'est par cette dernière sor- de conscience que se conduisent la plupart des hommes; y en a peu qui soient en état de connaître les choses par les et par principes. J'aurais été du nombre de ces malheu- x, si une main bienfaisante ne m'eût retiré de l'abîme où lais me plonger.

La conscience est douteuse lorsque l'on n'ose se détermi- à rien, en ne discernant pas clairement les raisons qui stent pour et contre, et qu'on est incertain si l'on fera bien mal. Aussitôt qu'on se trouve dans ce cas, il vaut toujours ux s'empêcher d'agir. Mais cette irrésolution ne doit pas s être un obstacle de rechercher autant qu'il est en nous vérité. C'est même un devoir dont personne ne peut se penser, car ce n'est nullement une excuse de dire que les tes de notre conscience sont si grands, que nous ne pouvons s résoudre à rien ni pour le pour, ni pour le contre.

J'en viens à la conscience erronée. C'est elle à laquelle s sommes le plus souvent sujets, et qui nous induit à com- ttre nos mauvaises actions. Je ne saurais mieux la définir en disant que c'est un faux raisonnement sur la moralité, t-à-dire sur la liberté de nos propres actions, de la vérité quelles celui qui les fait est convaincu. Cette erreur peut tre ou d'une fausse idée que l'on se fait des règles selon quelles on examine son action, ou de celle que l'on se fait circonstances du fait dont on examine la moralité, en ttant les circonstances nécessaires qui rendent le fait tout re que l'on ne se l'imagine, ou en joignant au même fait circonstances qui n'ont pas été combinées avec lui et qui xistent que dans l'imagination de celui qui se trouve dans rreur. En suivant les mouvements de cette conscience on ne rait être excusable à moins que l'erreur ne soit invincible. tte dernière ne peut avoir lieu dans les lois naturelles, qui t à la portée de chacun, mais seulement dans les lois que Souverain du pays donne, qui peuvent être si obscures que n peut s'y tromper aisément.

Pardonnez, Monsieur, si je vous arrête peut-être trop s l'article de la conscience, mais c'est un article si délicat et important qu'on ne saurait assez en dire.

Dans le cours de notre vie nous sommes ordinairem entraînés à plusieurs actions, que nous faisons ou que n omettons, par la force de l'ignorance qui est une absence certaines idées, ou un défaut de connaissances. On divise or nairement l'ignorance en efficace et en inefficace, en volonta et en involontaire.

L'homme a cela de commun avec les bêtes, qu'il ve mais il diffère d'elles en ce qu'il prévoit distinctement les sui nécessaires et contingentes d'une action future, et qu'après av examiné les suites pour et contre, il peut se déterminer préférer une action à l'autre, conformément à la représen tion prépondérante de ses suites.

En nous déterminant à vouloir, nous nous proposons t jours une fin, un but comme une suite de notre volon c'est-à-dire un bien ou un mal qui en doivent résulter. Ai la fin est en même temps et le motif prépondérant dans l'â qui la détermine à agir, et l'effet de la volonté, lequel ne p suivre qu'après l'éxécution de ce qu'on a voulu.

Lorsque l'on attribue à quelqu'un une action et que l décide qu'il en est le véritable auteur, il faut supposer q a été dans son pouvoir physique de la faire, qu'il s'y est terminé par un mouvement intérieur sans aucune cause ex rieure, et qu'il a dépendu de sa liberté d'en prévenir les su et d'agir conformément à cette connaissance.

Nous pouvons considérer nos actions sous de différe points de vue, par les différentes suites qui nous en reviennе Elles sont ou agréables, ou utiles, ou honnêtes: agréabl lorqu'elles nous causent un plaisir sensuel; utiles, lorsqu'e nous procurent des choses dont nous croyons avoir besoin, pour la nécessité, soit pour la commodité de notre vie, au bien que pour engager d'autres hommes à devenir volontai ment les instruments de notre volonté et de nos plaisirs,

ns la vue de faire noblement du bien; honnêtes, lorsque les ites en peuvent être la satisfaction intérieure que l'on sent, près avoir agi conformément aux lois.

Nos actions sont encore ou volontaires, ou involontaires, mixtes. Volontaires, lorsque nous prévoyons que les suites i en peuvent résulter sont bonnes. Involontaires, lorsque us préférons un moindre mal au plus grand, en prévoyant mauvaises suites. Mais si ces mauvaises suites qu'on cherche éviter ne peuvent exister que par la force d'un autre, alors les appelle des actions forcées. Mixtes, c'est lorsque notre tion est en quelque façon volontaire et involontaire tout semble. Involontaire, en ce que nous ne la ferions pas, s'il ait en notre pouvoir d'éviter les mauvaises suites que nous craignons, et volontaire, en ce que nous avons le pouvoir ysique de faire le contraire.

Dans les différentes causes qui font agir l'homme, il faut oir principalement égard aux dispositions de son naturel. s dernières ont la plus grande influence sur toutes nos acns. Mais il est de notre devoir de les supprimer autant 'il est en nous, dès qu'elles pourraient devenir nuisibles à société.

Nous avons en nous plusieurs instincts, c'est-à-dire des clinations innées qui nous portent à faire certaines actions nformes à notre nature. Ils viennent néanmoins se réunir s en un même centre qui est l'instinct, qui se trouve dans s les hommes en général de désirer d'être heureux. On ut les diviser en deux espèces: 1°. ceux qui nous mènent satisfaire aux devoirs que nous devons à nous-mêmes et 2°. ux qui nous portent à remplir nos devoirs envers la société. aque homme naît avec une portion de ces deux différents stincts qui lui est propre et par laquelle il diffère des autres mmes. C'est ce qui forme le tempérament d'un homme ou n caractère naturel qui diffère du caractère factice.

Lorsque l'une ou l'autre de ces inclinations naturelles deient plus forte par l'exercice, alors on l'appelle dominante.

L'homme est libre de résister à la force d'une inclinat qui veut prendre le dessus, pour empêcher qu'elle ne devien dominante. Quand elle l'est devenue, il est plus difficile de dompter, mais il n'est pourtant pas impossible d'y réussir: ne faut qu'éviter toutes les causes physiques et morales (pourraient l'accélérer et en outre opposer à cette inclinati une autre pour tenir l'équilibre.

Nous sommes aussi terriblement assujettis à la force l'habitude; la plupart de nos actions s'en ressentent. L'ha tude n'est autre chose qu'une action libre souvent répétée, bien la facilité de faire une action, laquelle facilité est acq se par la répétition des mêmes actions. Il y a différen sortes d'habitudes: aux unes, on s'accoutume de dessein p: médité, et aux autres, purement par un instinct machinal.

J'appelle passion une tendance très forte vers un objet (nous plaît ou bien une forte aversion d'une idée dont l'ex ence ou la continuation nous déplaît. Les anciens philosop ont beaucoup agité cette question, si les passions sont si p nicieuses que le sage ne doit jamais en avoir. Les stoicie avec leur rigueur ordinaire, voulaient qu'on les déracin mais les péripatéticiens ne voulaient seulement que les te pérer. Au fond, ces deux sectes n'avaient qu'une dispute mots, car leurs idées de l'essence d'une passion étaient di rentes.

Il y a des passions bonnes que le sage doit entrete et produire dans son âme, car il se trouve des devoirs d l'exécution desquels toute la force de l'âme doit se conc trer, et cela ne peut jamais arriver sans passion. Et, au re aussi, les passions ne sont pas toujours nuisibles à la san puisqu'un trop grand calme souvent n'est avantageux ni p le corps, ni pour l'âme. La plupart des passions sont indi rentes en elles-mêmes; mais elles ne deviennent mauvaises (par leur excès, c'est-à-dire par leur plus haut degré, qui cesser pour le moment tous les raisonnements et met l'â dans une si forte agitation, qu'elle ne peut pas se souve

aucune autre idée, ni en admettre une nouvelle; elle se nourrit seulement d'une seule idée qui embrase tout son intérieur un feu dévorant. La coutume contribue aussi beaucoup à rendre les passions mauvaises; alors il n'y a d'autre moyen de s'en préserver que de se connaître soi-même, soit par ses propres observations ou plutôt par les observations de son ami.

Mais après avoir reconnu ce qui pourrait devenir notre idole, il faut y opposer toujours le contraire. Ainsi il peut arriver de temps en temps que la force d'une passion, qui serait devenue dominante, sera rompue et un certain flegme raisonnable y succèdera. Les passions peuvent aussi devenir mauvaises, dès qu'elles ont pour but un point contraire aux lois.

Je vais un peu toucher ce que c'est que la maladie de l'âme. Il me paraît qu'on ne peut dire que l'âme est malade que lorsqu'elle sent une impossibilité physique de penser distinctement pour le moment, quoique son bonheur demande des idées distinctes. Ou cette maladie tire son origine de l'état du corps, à cause de l'union intime des deux substances qui composent l'homme, ou elle existe immédiatement dans l'âme même. Ce dernier cas n'arrive que lorsque l'âme se trouve dans une espèce de léthargie, ce qu'on appelle distraction, ou quand elle se trouve dans une agitation véhémente, ce qui caractérise la passion.

Une qualité essentielle de nos actions, considérées par rapport au Droit, c'est qu'elles sont susceptibles d'imputation, c'est-à-dire que celui qui les fait en peut être regardé avec raison comme le véritable auteur, que l'on peut les mettre sur son compte et l'en rendre responsable, tellement que les effets bons ou mauvais qui en proviennent lui seront justement attribués et retomberont sur lui comme en étant la cause.

L'imputation de nos actions va extrêmement loin, et quelles précautions ne doit point employer un homme, né avec un cœur sensible, avant de se déterminer à agir de quelque façon que ce soit, pour ne point s'y exposer. Il en est ainsi avec moi. Quels efforts ne dois-je pas faire pour bien employer

mon année académique de Leyde, afin d'avoir une conscie tranquille et contente et n'être pas obligé un jour de m'im ter l'omission d'un seul de mes devoirs.

Mais nos actions ne peuvent pas toujours nous être im tées, ce qui arrive lorsqu'elles ne sont pas libres, c'est-à-d quand il n'a pas été dans notre pouvoir physique d'agir aut ment que nous avons agi. Ce défaut de liberté peut décou de la force extérieure qui nous pousse à agir, sans que no eussions le choix de faire le contraire, ou quand une ig rance invincible de la loi nous a mis dans l'impossibilité choisir le parti que la loi nous prescrit, ou lorsque no omettons quelque action faute d'occasion, ou lorsque les f ces du corps et les limites de la nature humaine ne no permettent pas de faire l'opposé de ce que nous faisons.

Quelquefois aussi, on nous impute les actions d'autr ce qui arrive toujours quand une action libre d'autrui a ou dû être empêchée par nous; ou bien quand nous av contribué à faire agir un autre, quoique nous étions da l'obligation de ne concourir en aucune façon à cette mê action. Il y a des cas dans lesquels l'action d'autrui n' imputée qu'à celui qui l'ordonne, si le premier n'a eu auc droit, ainsi aucune liberté de refuser l'exécution de l'ord Pourrait-on imputer à un bourreau l'exécution d'une [senten injuste? Il n'a rien à se reprocher, n'étant pas juge de la condu de celui auquel le Souverain a confié le soin de juger. To l'atrocité du fait retombe sur celui qui a rendu la sentence. Mais il plus ordinaire de voir que l'action est imputée en même tem et à celui qui l'a commise et à un autre qui y a concouru, faisant ou en ne faisant pas certaines choses. Cette derni imputation se fait en trois manières: ou lorsqu'ils marche d'un pas égal, ou lorsque celui qui y concourt ou celui qui la m en exécution en sont regardés comme les causes principale

Voici à peu près un extrait des principes de M. Puffe dorf, qu'il nous a donné à connaître dans son premier ch pitre des devoirs de l'homme et du citoyen. La façon agréabl

[av]ec laquelle mon digne professeur me les a exposés, a beau[co]up contribué à m'en rendre la compréhension facile. Mais [a]u reste tous ces sentiments germent dans nos cœurs, il ne [fau]t que les développer et c'est en quoi consiste le grand art.

1021. Князь Александръ. Бор. Куракинъ—княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ Куракиной.

1770 г. октября 9.

Милостивая государыня бабушка. Въ самое то время, какъ [я у]же отчаяваться начиналъ въ продолженіи вашей ко мнѣ ми[ло]сти, удостоился получить неоцѣненное ваше письмо отъ 31 [ав]густа. Сколь я оному обрадовался, довольно изъяснить не [мог]у, а вы можете себѣ оное представить, знавъ мою горячую [лю]бовь. Сердечно сожалѣю, что не въ самолучшемъ состояніи [ва]шего здоровья находиться изволили. Никто болѣе меня въ [т]омъ участія брать не можетъ, и хотя на неопредѣленное [вр]емя отсутственъ, однако равно къ вамъ привязанъ и равно [ко] Всевышнему свои молитвы для вашего мнѣ столь надобнаго [со]храненія произношу. Я имѣлъ несчастіе, съ малыми случаю[щ]ееся, и отца, и матери въ нужнѣйшихъ лѣтахъ лишиться, [чт]о же будетъ со мною, когда меня Небо столь накажетъ, что [я] васъ лишуся? Не закрою вамъ, милостивая бабушка, что въ [ва]съ свое единое упованіе кладу, и не сомнѣваюсь, чтобы вы [св]оимъ добрымъ сердцемъ, мнѣ довольными опытами знаемымъ, [с]ей надеждѣ совершенно и не соотвѣтствовали.

Слезно васъ прошу, любезнѣйшая бабушка, увѣдомьте меня: [ко]нечно мой милостивый отецъ графъ Никита Ивановичъ на меня [гн]ѣвенъ, — ни малѣйшаго извѣстія не имѣю ни о его здоровьи, ни о [ег]о ко мнѣ милости. Сіе меня несказанно безпокоитъ. Вы знаете, [ск]оль я ему, выключая должной благодарности, душевно и на[ве]къ привязанъ. Первѣйшимъ несчастіемъ почитаю, если бы [д]о столь пагубнаго состоянія, чтобъ его къ себѣ милости и [ро]дительской любви лишиться, дойти могъ. Я себѣ воображаю, [ч]то онъ на меня прогнѣвался, свѣдавъ оставшіе незаплаченные [д]олги, и нѣкоторымъ образомъ, конечно, и имѣлъ причину. Я

самъ всему виноватъ; мнѣ некому пенять: я въ такихъ лѣта былъ, что бы могъ худое съ добрымъ распознать. Совѣстью ужасно какъ мучуся, что свое время въ Петербургѣ болѣе с бѣ въ пользу не употребилъ, а напротивъ того, совсѣмъ вредъ и заставилъ всѣхъ хуже о себѣ думать, нежели въ с момъ дѣлѣ я заслуживаю. Но въ нынѣшнемъ свѣтѣ все вѣроятностямъ управляется, и, слѣдственно, я не могу жал ваться: видимое меня обвиняетъ.

Бога для, я васъ прошу, любезнѣйшая бабушка, если меня еще жалуете, изобразите дядюшкѣ столь же живо, какъ вамъ описываю, несчастное сіе и безпокойствіями преисполненн сердечное положеніе. Признаюся, что инако счастливъ внутрен быть не могу, пока не удостовѣренъ, что онъ меня любитъ мною доволенъ; въ томъ все удовольствіе и все счастіе клад

Теперь приступлю вамъ сказать, что, благодаря вспомоц ствующей Всевышняго десницѣ, здоровъ и совсѣмъ къ ново образу своей жизни привыкъ. Вѣрьте, милостивая бабушк что вы меня здѣсь не узнали бы: я не тотъ Куракинъ, к тораго, можетъ быть, себѣ представляете; нѣтъ, совсѣмъ др гой. Всѣ мои мысли, всѣ мои чувства,—все соединяется одному предмету, то-есть, къ благополучному успѣху мое важнаго предпріятія для будущаго счастія и благосостоянія. совсѣмъ бы спокоенъ былъ, ежели бы меня сіи печальн мысли о дядюшкѣ, столь любимомъ, не тревожили. Край меня одолжите, милостивая бабушка, взявъ на себя мал трудъ меня точно о семъ увѣдомить, а еще болѣе бы утѣше и обрадованъ былъ, если бы дядюшка меня хотя одною стро кою своей руки удостоилъ, но мнѣ извѣстны его многоважн упражненія, и сіе уничтожаетъ меня.

1022. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

1770 г. октября 30. Лейденъ.

Monseigneur, mon très cher et très honoré oncle, daign agréer mes très humbles félicitations sur l'heureuse réussi d'un événement qui nous intéresse tous également. C'est

prise de Bender que je veux parler. Mon tendre attache-
t pour vous peut vous être un gage de la joie que j'ai
sentie en apprenant cette importante nouvelle. Je prends
p d'intérêt à la gloire de mes bienfaiteurs pour n'y pas
e des plus sensibles. Une seule réflexion a terni la séré-
é de mon âme au milieu de ses transports. Qu'il est triste
tre obligé d'avoir recours à sa plume pour exprimer les
timents de son cœur, tandis que tant d'autres jouissent de
antage de pouvoir le faire de vive voix! mais ce qui a
tribué à me consoler un peu, c'est l'espoir flatteur que
sence n'altérera en rien votre généreuse façon de penser
on égard et que vous me tiendrez autant compte de mes lettres
i sont les fidèles interprètes de mon cœur, que vous le feriez
plus vifs témoignages que je pourrais vous donner moi-même
ma sensibilité et de mon respectueux attachement.

Pour vous prouver la sincérité de mes sentiments, per-
ttez, mon tendre père, que je vous découvre ici l'état de
âme. Elle est déchirée par les plus violents remords.
aque instant du jour, je me retrace avec amertume ces
ments précieux que j'aurais pu employer si efficacement à
rendre plus digne de vos bontés. Mais un destin ennemi
empêché de me préserver des préjugés et des égarements
inaires de la jeunesse, et j'ai montré que l'art de dompter
passions m'était encore inconnu. Mettre à profit mon sé-
r de Leyde est le seul chemin qui me reste pour recouvrer
que j'ai perdu si imprudemment. C'est le prix que vous y
z mis vous-même. Je n'épargne aucun effort pour parvenir
ne fin aussi désirée. Dieu seul m'est témoin combien je le
haite!

1023. Вильнёфъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1770 г. декабря 21. Петербургъ.

Vous avez je crois ou trop d'ennuis, ou trop d'occupations,
r que je veuille les augmenter par la trivialité des com-
ments fastidieux de la nouvelle année. Si je vous savais du

temps à perdre, j'aimerais mieux prendre la liberté de vo proposer la recherche du temps où cette fade coutume a p naissance parmi les hommes, sans doute bien désœuvrés. votre côté, pour peu que ce travail ne fût pas de votre go il vous serait bien facile de l'abréger en me renvoyant Déluge et peut être par delà. Tout serait dit, sans autre plique, tout au plus que de vous rappeler au temps beauco plus rapproché du bon roi Numa.

Pour moi qui n'y entends point finesse, tout coup vaille, il sera ce qu'il vous plaira, ou à messieurs les antiquaires. respecte beaucoup Mme l'Antiquité et toute sa bruyante sui mais des soins bien plus intéressants pour mon cœur doive occuper mon peu de loisir. Il s'agit pour lui de savoir co ment vous vous portez, si vous daignez penser quelquefois moi qui ne cesse et ne cesserai de penser à mon aimal prince Alexandre envers et contre tous. Je me plais à me représenter, à son retour, un jour faire l'ornement de la p mière jeunesse la mieux élevée et la plus solidement instru de cette brillantissime Cour, et pour prix honorable de s travaux académiques, captiver à l'envi les plus judicieus comme les plus aimables de nos dames.

S'il n'y avait point d'indiscrétion dans ma demande, je vo supplierais, cher prince, de joindre à de bonnes nouvelles votre santé un petit détail de vos occupations de toute espèc je me garderai bien d'en excepter celles de votre cœur qu à votre âge, ne doivent pas être les moindres. Comptez s une discrétion sacrée de ma part et sans exception quelco que. Connaissant, comme je fais, depuis tant d'années le te rain où vous êtes, je suppose que vous y aurez trouvé u grande différence entre le beau sexe et celui de ce pays-c et que si vous y formez quelque sorte d'attachement, il vo sera bien plus facile, mais sans doute plus sujet à cauti avec les étrangères qu'avec les naturelles du pays. Je crai seulement que le vide des plaisirs bruyants n'ait répandu da votre âme une sorte d'engourdissement en égard au tumul

passe-temps dont on est souvent par contre ici comme ablé. Cette raison m'oblige à briser sur d'autres questions latives que je m'étais proposé de vous faire.

Sans doute que vous fréquentez assidûment le jeune comte hérémétev, mais j'ignore s'il voudra accepter par votre al les assurances bien sincères de mon dévouement éternel avec ins d'indifférence qu'il en a marqué pour moi, depuis qu'il passé en d'autres mains. J'avoue que je n'ai plus reconnu cœur à ce procédé qui ne fera pas son éloge au tribunal l'impartialité, encore moins à celui de la reconnaissance. n'aima jamais élèves de tel rang qu'on le suppose, on ne r fut jamais plus attaché de cœur que je le lui ai été, et ns vouloir flatter mon zèle, j'ose dire que le sacrifice, inyable àtous ceux qui ne l'auraient point vu, est, peut-être, s exemple, comme la triste récompense qui en a été le it. Il n'est point de raison politique assez forte à supposer i puisse pallier l'indifférence en pareil cas. C'est une loi vée à fond dans le livre de la nature en tout siècle et ez toutes les nations, à qui elle se fait sentir, cette tendre vraie reconnaissance qui sait l'emporter sur tout obstacle, r toute considération quelconque.

Depuis trente-huit ans que mon précepteur repose sous la tombe, mémoire me fait encore verser les plus douces larmes. Ma mille lui avait cependant assuré et fait une fortune très nnête et très solide, lorsqu'il demanda à quarante ans sa retraite lontaire, mon éducation n'étant rien moins qu'achevée, n'ayant rs moi que quatorze ans et demi, dont quatre seulement passés us sa direction; et cette fortune, qui plus est, lui fut assurée mes propres dépens de façon qu'avec le malheur des temps la fatalité des édits, je me suis vu forcé moi-même à chercher la mienne dans les pays étrangers par mille travaux et s de traverses. Quel parallèle bien différent, mon cher ince, dans la conduite du jeune comte à mon égard et d'un mte Chérémétev, fils unique, après avoir élevé tous ses frères et sœurs pendant huit ans et avoir quitté pour lui spéciale-

ment deux fils de roi et deux des plus aimables princes, po le caractère surtout, que la bonté céleste ait accordés a humains pour le bonheur de leur siècle! La douleur m'a co duit presque sans le vouloir, à cette digression. Je la so mets à votre prudence entière, bien assuré que vous n'en fer d'usage qu'avec discrétion, si le cas y échéait.

1024. Княгиня Александра Ивановна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. января 10. Москва.

Здравствуй, другъ мой, съ капитаномъ: князь Степанъ п жалованъ. Какъ мы изъ тебя хотимъ имѣть министра, та изъ него—хорошаго генерала, въ чемъ на Бога мою надеж полагаю. Поручаю васъ Богу.

1025. Степанъ Степановичъ Апраксинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. января 31.

Après bien des compliments et des souhaits de prospéri que je vous fais sur la fête dont nous approchons, je cr que vous serez bien aise que je vous informe des nouveaut et des divertissements de votre ville bien aimée Pétersbour Toutes ces fêtes se font au sujet du prince Henri qui fait u grand service à notre beau monde en ce qu'il y a tous l jours ou bals ou concerts dans les appartements de Sa Majest Notre prince a débuté par une audience secrète où n'ont pr sidé que les grands de la Cour; il y a dîné et le fait de mên tous les jours depuis son arrivée. Nous avons eu une comédi représentée par les nobles, une mascarade et un feu d'artifi qui signifiait beaucoup, mais à cause du mauvais temps il n pas eu grand succès; tout le chemin depuis la ville jusqu' Tsarskoé-Sélo fut illuminé de différentes pièces d'artifice dan une fête que la Cour y donna. L'on nous régale souvent i d'opéras, de spectacles français, d'opéras-comiques qui cepen

t ont été supprimés à cause qu'iis ont été toujours très exécutés.

Il y a environ quinze jours que nous eûmes ici un feu ifice au sujet de la célébration de Saint-Georges. Le public t encore ici il y a environ huit jours d'un bal masqué dans salle arrangée exprès et représentant les douze mois de née. On en donna encore une dans la même salle et nous ourûmes un assez grand danger à cause du feu qui prit à niche et qui en brûla quelque peu.

Le prince Henri va quelquefois à la toilette des dames, où s ne seriez pas mal, je pense.

26. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. февраля 7.

Думаю, что этимъ временемъ вы мое послѣднее письмо поли, въ которомъ я вамъ обстоятельно дала знать объ отставдяди Петра Ивановича. Итакъ, онъ, слава Богу, здо; исполнилъ чрезъ это только прихоть своей никѣмъ неимой половины, которая ничѣмъ въ свѣтѣ недовольна, ъ что дѣлаетъ его на вѣкъ несчастливымъ, а намъ всѣмъ ченія. О братьяхъ вашихъ также вы уже знаете, что князь панъ будетъ у князя Николая Васильевича. Юша ъ въ той же арміи, а Лобанова, по ихъ желанію, пошлютъ инистру въ Швецію, что̀ обѣщалъ Никита Ивановичъ. огда исполнится,—не знаю.

1027. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. марта 28. Сентъ-Джемсъ.

Cher Prince et ami. Je vous retrouve donc au moment e qu'il n'y avait plus une lueur d'espérance de recevoir vos nouvelles. Vous voulez donc, cher Prince, que j'aie le sir derechef de vous appeler mon ami. Quel plaisir pour

moi qui n'ai jamais cessé d'être le vôtre! Quelle satisfacti pour moi d'avoir été le plus constant! Oui, cher et aima ami, je n'ai pas cessé un moment de vous aimer comme n plus tendre ami; le plaisir de penser à vous perdait sans do de sa douceur parce qu'il était sans retour, mais il n'a jam perdu de sa vivacité. Comment avez-vous pu m'oublier? mes craintes étaient fondées que je vous répétais si souv dans mes lettres! Vous n'avez connu l'amitié que de nom; dois me contenter de vos excuses, je le veux bien; je ren avec vous, que cela soit pour toujours. Que je crains le gr monde et l'absence! Ils ont été mes ennemis déclarés: je flattais que mon portrait, que vous avez eu la bonté d'accep quand je vous vis pour la dernière fois chez moi à Lille, au plaidé ma cause; je crains bien que vous l'avez peu regai peut-être ne l'avez-vous plus; dans ce cas-là je suis prêt vous l'envoyer derechef, quoique je ne sois pas dans mon b pour me faire peindre, car je viens de sortir d'une longu rude maladie, qui m'a retenu plus de six semaines au lit. trefois j'osais espérer de posséder le portrait de mon ami prince Kourakin; je prie M. de Borissov de lui dir l'oreille que je le prendrai comme une marque réelle de amitié, s'il me l'envoyait à cette heure, et de son retour cère qui me rend tout-à-fait heureux.

Faites bien mes compliments à M. de Saldern et di lui mille bonnes choses de ma part.

Vous m'excuserez que je ne vous parle point des am ments de ce pays-ci; je n'en ai pas le temps aujourd'hui, sera pour une autre fois, car je me flatte que notre coi pondance ne sera plus interrompue. Que notre amitié soi même constante à jamais! C'est avec une satisfaction sans que je vous assure que je suis de cœur et d'âme votre fi tendrement attaché ami et serviteur. Ernest.

Adieu, mon aimable et charmant ami, je vous aime ne m'oubliez pas.

Mettez simplement sur mes lettres „à Londres“, comme us avez fait sur la première.

1028. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. апрѣля 14.

Мы принуждены были съ Москвы выѣхать по причинѣ нѣторыхъ поправокъ въ своемъ домѣ; топерь живемъ у сестры ними въ Петровскомъ, гдѣ ожидать будемъ просухи, по торой поѣдемъ на короткое время въ Петербургъ только ѣть удовольствіе своихъ ближнихъ видѣть. Итакъ, прошу съ не взыскать и не сумнѣваться, если вы нѣсколько времи отъ меня писемъ не получите.

О князь Степанѣ я съ вами очень единомышлена: не ько жалѣю, но за грѣхъ ставлю, что его марсомъ дѣлаютъ, ежде нежели онъ свои науки не только кончилъ, но, повиому, и не начиналъ; кажется, первое никогда бы не ушло, послѣднему время не всегда равно. Не прощаю вашей петерргской бабушкѣ, что о немъ никакого старанія не имѣла и удержала его отъ этой посылки. Онъ топерь съ нами въ тровскомъ и на будущей недѣлѣ въ первую армію отпрася.

1029. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. апрѣля 15. Брайтгельмстонъ.

Cher Prince et ami. Que je suis content de votre seconde ttre! Elle est dans le style de ses précédentes, que je garde gneusement, lorsque notre amitié était dans son premier tre et accroissement, où, cher ami, vous ne sauriez trop vent m'assurer de votre attachement. C'est un langage qui uffre la répétition, je ne me lasserai jamais d'avoir un ami l que vous et d'entendre qu'il m'assure de son souvenir. yez, en revanche, persuadé que je suis la même chose pour

... je suis votre tendre ami et le serai toute ma
... et la bague me font un plaisir infini, au m
... commencés, la possession me rendra heureu
... la ville pour six semaines et me trouve à
... un petit endroit habité par des matelots et,
... fort triste et ennuyant; mais comme je comp
recouvrer ma santé, je me mets au-dessus de cela. J'ai
... avec moi pour me tenir compagnie; la matinée
employée à se baigner et à boire l'eau de la mer; la prome
suit, ou à pied ou en carrosse, et alors le déjeuner. Le
de la journée se passe en lisant; sur le soir, une partie
cartes ou aux échecs. Jugez, cher Prince, combien de pl
vos lettres doivent me faire dans ma solitude, soyez don
ligent dans votre correspondance et dites-vous souvent
vous contribuez à la satisfaction et au contentement de votre

Je puis vous dire avec certitude que je serai encore
Angleterre au commencement d'août, mais je ne sais pa
je ne serai obligé de partir vers la fin de ce mois, vu
mon frère viendra me chercher, et, comme il est marié
ses enfants, je suppose qu'il fixera son retour pour la fi
ce mois. Je me flatte donc de vous voir et de vous ass
de bouche que je suis de cœur et d'âme votre tendre
attaché ami. Ernest.

1030. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. апрѣля 24. Москва.

Успокойтеся совсѣмъ, любезный другъ и дорогой мой
Александръ Борисовичъ, о причинѣ моего на два ваши ве
любезныя мнѣ письма до сихъ поръ молчанія. Они оба, в
и въ свое время достигнувъ, нашли сердце мое противъ
дорогой мой, какъ тогда, такъ и теперь ни въ чемъ ни
лѣйшимъ образомъ не премѣнно, преисполнено кровною любо
и искреннею дружбою. Но какъ первое изъ нихъ нашло

армія въ самое то время, когда мои обстоятельства не
о ее, но и ту службу покинуть принудили, въ которой я
ею привязанностью, любовью къ отечеству и вѣрностью
воимъ государемъ состоялъ, такъ второе—въ самое въ
ву возвращеніе съ большимъ припадкомъ подагріи и хи-
и и съ наѣздомъ обоихъ своихъ дѣтей нездоровыми, то
дни только приключенія поставили меня до сихъ поръ
въ васъ, дорогой мой другъ, въ молчаніе. Теперь же,
благодареніе, самъ освободясь отъ хирагріи, а дѣтей уви-
освободившимися отъ своихъ припадковъ, симъ присту-
ъ отвѣту на тѣ два любезныя мнѣ письма и по отзыву
у, дорогой другъ, къ сестрѣ о вашемъ обо мнѣ безпо-
ѣ, который начинаю мысленнымъ моимъ душевнѣйшимъ
объятіемъ съ чувствительнымъ возблагодареніемъ какъ за
письма, такъ особливо за такія добродѣтельныя въ душѣ
противу меня движенія и чувства, присовокупляя къ тому
сердечное навсегда признаніе и сей дружескій вамъ совѣтъ.
жалуй, дорогой и любезный князь, какъ не оставляй пи-
въ вашей благородной душѣ тѣ любочестныя чувствія,
ыя вы возымѣли при случаѣ моего крѣпости Бендерской
олѣнія и произведенія предводимой мною кампаніи съ тѣмъ
ымъ и непоколебимымъ себя обнадеживаніемъ и неуто-
ымъ стремленіемъ къ ревностнѣйшей и вѣрнѣйшей службѣ
ству и государямъ своимъ, что оныхъ ничто никогда ни-
ни посрамить и ни низложить не можетъ, но при вся-
обыкновенно случающихся отъ каверзныхъ завистниковъ
юченіяхъ истинная отечеству и государямъ служба паче
другого доставляетъ душевное спокойствіе и воздаяніе
едливымъ оной признаніемъ, почтеніемъ, честію и славою,
ляемыми изъ внутренности душъ самыхъ непорочныхъ и
дѣтельныхъ людей, въ чемъ можете, любезный другъ,
ь самый ближній примѣръ принять во мнѣ изъ того особ-
что я по моему собственному желанію и въ срединѣ
, какъ получилъ отъ нашей государыни самое всемило-
ѣйшее меня отъ всѣхъ службъ увольненіе, съ оставленіемъ

по смерть мнѣ прежняго жалованья и съ изъясненіемъ въ уво: нительномъ указѣ признанія моихъ заслугъ, такъ теперь ı слаждаюсь и въ моемъ свободномъ уже состояніи наилучши отъ собратій своихъ почтеніемъ и благодарностью къ мс службѣ; да и въ прочемъ, любезный другъ, по моему тепере нему состоянію ни о чемъ не безпокойтесь: мои ни тѣлесн болѣзни, ни душевные припадки ничего меня противъ то: какъ вы оставили, не перемѣнили, и силы мои къ подня всѣхъ ихъ еще не упадаютъ. Пребывай только ты съ Бого и не ослабѣвай возрастать и укрѣпляться во всѣхъ тѣхъ п вигахъ, кои обѣщаютъ и могутъ перенести на васъ жи: именъ какъ вашихъ собственныхъ предковъ, такъ и насъ кр ныхъ, чего всею душою желаетъ вамъ тотъ вашъ дѣдъ и дру который, повторяя здѣсь свои наидушевнѣйшія васъ объя всемъ сердцемъ вездѣ есть и никогда пребывать не перес нетъ вашъ истинный другъ и слуга графъ Петръ Панинъ.

1031. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. мая 12. Брайтгельмстонъ.

Cher Prince et ami. Votre dernière lettre me met d l'obligation de vous ennuyer. Vous voulez savoir comm j'emploie le temps? Sachez donc, cher Prince, que je suis t seul ici, dans cette petite ville avec les deux officiers (m'accompagnent. La saison des bains ne commençant qu'à fin du mois prochain, je me lève à sept heures du matin et cours vite au bain froid, où je me fais jeter toujours la t la première. Cette occupation ne prend qu'une demi-heure t au plus, je cours alors pour une heure à pied, ordinairem tout seul, à neuf heures je rentre à la maison et je déjeu après, je vais à cheval, car il faut faire autant d'exerc qu'on peut; c'est un plaisir aussi insipide pour moi, car je connais rien de plus ennuyant que de courir sans avoir but. A mon retour, je lis ou j'écris; ma correspondance

grande; les livres anglais m'amusent beaucoup, parce que mprends absolument tout et je parle passablement. A trois s, je m'habille, et vers les quatre heures je dîne, l'après-, je me promène ou à pied ou en carrosse avec mes comns, et je rentre à sept heures pour boire le thé et pour aux cartes; l'heure du souper est à dix, et je suis couché e heures régulièrement.

'aimais bien mieux Pyrmont, je m'en ressouviendrai toute e avec plaisir: que d'heureux moments j'y ai passé dans e! quelle satisfaction n'était-ce pas pour moi de dire à mis que je les aimais tendrement, et de recevoir tous urs de nouvelles marques de leur attachement pour moi! oilà, cher ami, tout ce que je puis vous dire de mon nage. Je ne me suis pas du tout changé depuis que nous us sommes pas vus, je suis toujours le même, j'aime mis, et leur souvenir m'est cher. Vous savez, cher Prince, e tout temps vous avez eu le haut bout, je vous conai cette place tant que je vivrai, mais ne me négligez Adieu, je vous embrasse mille fois en pensée et suis ur et d'âme votre fidèle et tendre ami. Ernest.

a santé va bien, et je compte retourner en ville le prede juin.

1032. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. мая 26. Сентъ-Джемсъ.

her Prince et ami. J'ai trouvé à mon retour votre charlettre; j'aurais dû y faire réponse d'abord, mais le voyage, r de naissance du roi, suivi de l'heureuse délivrance reine, ma sœur, toutes ces circonstances sont autant ses pour moi. Ce soir, que je dispose d'un moment ou, mieux dire, d'un instant, je l'emploie à vous écrire, mon e ami. Je ne suis pas encore en possession du portrait la bague, mais j'attends ces gages d'amitié avec la der-

notre impatience. Vous m'excuserez si cette lettre est si court je suis fatigué de la revue de ce matin où j'ai assisté, demain je dois aller à Windsor pour dîner avec le duc de Cumberland; il faut que j'aille me coucher. Adieu, aimable am je suis à jamais tout à vous votre fidèle ami. Ernest.

1033. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 10. Сентъ-Джемсъ.

Cher Prince et ami. A la fin je suis en possession portrait de mon tendre ami; quoique la ressemblance soit in parfaite, elle me contente et me rend heureux. Je vous f mes remerciments pour cette marque d'amitié; la bague ne quitte point; quelle jolie attention de votre part d'y avoir marq le jour qui me rendait heureux! Je vous rends justice à ce heure, vous ne m'aviez pas entièrement oublié. Quelle sat faction pour moi! Enfin je voudrais pouvoir vous exprimer que j'ai senti en ouvrant cette caisse qui renfermait de si jol choses, mais je ne puis: c'est l'effet de la joie et du cont tement que de rendre muets les gens qui sont sensibles.

Vous m'excuserez que j'ai fait passer quinze jours sans vo écrire, mais soyez bien persuadé que je n'ai pas eu le temps le faire: les revues ont pris les matinées, et le reste de la journ appartient de droit à une sœur tendrement aimée et respecté qui a besoin de compagnie, étant en couches. Elle se porte merveille, et le baptême se fera en quinze jours. Mon frère d arriver aujourd'hui ou demain; alors je pourrai vous dire co bien de temps je reste encore ici, et si j'ai de l'espéran d'embrasser mon tendre ami à Londres. Il me vient du mond je suis obligé de finir; conservez-moi votre souvenir et soy persuadé que je suis de cœur et d'âme votre fidèle ami serviteur. Ernest, Prince de Mecklembourg.

1034. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 17. Сентъ-Джемсъ.

Cher Prince et ami. Voici la troisième lettre que j'écris ...s recevoir aucune réponse; seriez-vous dejà fatigué de notre ...rrespondance? Non, j'en suis sûr, il faut que vous ayez été ...pêché. Pourvu que cela ne soit point par raison d'une in...position! Je me flatte que non.

Mon frère est arrivé la semaine passée; j'étais au lit et ...m'a éveillé; la surprise, comme elle était agréable, ne m'a ...s fait du mal, c'est ce que je craignais pourtant, car, ayant ...santé délicate, le plaisir a le même effet sur moi qu'aurait ...r toute autre personne un chagrin inattendu. Nous resterons ...i tout le mois d'août; le baptême se fera lundi prochain. Le ...i m'a fait la grâce de me nommer un des parrains du petit ...ince, et, qui plus est, il portera mon nom. Mardi nous allons ...us établir avec Leurs Majestés à la campagne; dites-moi donc, ...er petit ami, si j'aurai encore le plaisir de vous embrasser ...i ou non. Vous ne sauriez vous imaginer combien je languis ...rès ce moment heureux de vous revoir: combien de choses ... nous dirons-nous point! En attendant, je me contente de ...us assurer par écrit que je suis de cœur et d'âme votre fidèle ...i et serviteur. Ernest.

1035. Княгиня Наталія Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 17. Петербургъ.

Ma mère est arrivée heureusement ici; j'ai été à sa rencontre ...squ'à Tosna. Vous pouvez vous représenter la joie que nous ...vons eue toutes les deux de nous revoir. Elle loge dans la ...aison de M. de Saldern; il a eu la bonté de nous l'offrir encore avant son départ pour la Pologne.

1036. Герцогъ мекленбургскій Эрнестъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. іюня 27. Ричмондъ.

Cher Prince et ami. Avouez que je suis bien bon de m contenter des excuses que vous me faites pour ne m'avoir poin écrit pendant toute une semaine. Vous avez cependant raiso de dire dans votre lettre que les absents ont tort: je sais pa expérience qu'ils souffrent et qu'ils sont sujets à être oubliés Savez-vous, cher Prince, quel temps me reste à moi pour vou écrire? c'est le temps de ma toilette que je vous sacrifie et qu j'abrège pour l'amour de vous; je néglige mes atours pour m'entre tenir avec vous.

Voici à peu près comment ma journée est occupée: je m lève à sept heures, je me baigne et déjeune jusqu'à huit heures où je suis obligé de me trouver chez le Roi pour me promene avec lui à cheval; je reste avec Leurs Majestés jusqu'à une heure alors je m'habille pour les rejoindre vers les trois heures, et j ne reviens à la maison que pour me coucher. Vous voyez qu toute la journée est prise, mais je trouve toujours des instant pour mes amis.

Je prends la liberté de vous offrir un petit souvenir: c'es une bague faite de mes cheveux. Vous me ferez plaisir d l'accepter et de vous ressouvenir de temps en temps de votr ancien ami qui vous aime toujours beaucoup.

Mon départ pour l'Allemagne n'est pas encore fixé, mais j suis fâché de vous dire d'avance que je ne passerai pas pa la Hollande: étant avec mon frère, je suis obligé de le suivr à Darmstadt, où il a laissé la Princesse, son épouse, et se deux enfants; et la route de Calais est la plus courte. Je n'a pas besoin, je crois, de vous dire combien cela me fait de l peine de renoncer au plaisir de vous voir: vous savez commen je pense sur votre chapitre. Adieu, je suis de cœur et d'âm votre fidèle ami et serviteur. Ernest.

1037. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

[1771 г. іюль].

Monseigneur, mon très cher et très honoré oncle. Comme temps de mon séjour ici n'a été fixé que pour une année, s études ont aussi été arrangées en conséquence. Il y a déjà is semaines que j'ai fini mon cours de philosophie chez le ofesseur Allamand. Ses instructions m'ont été autant utiles 'agréables; il m'a facilité, autant qu'en lui a été, les questions ineuses de cette science sublime. Mon avidité d'apprendre st toujours entretenue par les nouvelles amorces qu'il m'offrit. Il a commencé par me donner une connaissance prélimiire de la physique expérimentale; il m'y a fait connaître les incipales causes de tant de merveilles de la nature que nous ntemplons, que nous admirons même, mais sans pouvoir us pénétrer de toute leur beauté. De là il est passé à la logie et à la morale. Il s'est écarté de la route ordinaire, m'a inculqué des règles de sagesse et de conduite, non idées sur celles qui sont uniquement reçues par les savants, is sur celles qui sont adoptées dans le monde tel qu'il , et dans lequel je dois vivre. Ce monde est trop parsemé épines pour que je n'aie pas senti l'importance de tous ces éceptes; je les ai saisis avec empressement, je les ai gravés ns mon cœur avec la volonté sérieuse de les mettre en œuvre lon mes forces. Dieu sera mon guide et vous serez mon modèle.

Il a fini par me donner une légère teinture de l'histoire turelle, ainsi que de la construction du corps humain. Que connaissances n'ai-je pas eu l'occasion d'acquérir à Leyde! elle gratitude ne vous en dois-je pas! Votre résolution de 'envoyer ici a été mon vrai bonheur. Avant ce temps-là, 'existant que pour moi-même, j'oubliais le but de mon Créateur, oubliais le but du bon citoyen, j'oubliais enfin celui d'un ls reconnaissant. Actuellement, dépouillé de ces dangereuses ténèbres, suites nécessaires d'une jeunesse sans expérience,

j'entrevois qu'une solide façon de penser est égale dans toute les contrées, qu'elle seule peut faire goûter une félicité pur et durable, et que ce n'est que par elle qu'on parvient à s faire aimer et à se maintenir dans une bonne réputation, obje chéri de toutes nos démarches.

Les deux collèges que j'ai chez le professeur Pestel l'un sur le droit naturel. l'autre sur l'histoire politique d l'Europe, ne sont pas encore finis; ils vont l'être dans une quinzain de jours. Alors sera achevée la carrière que vous m'avie imposée.

Jusqu'ici nous nous trouvons encore dans la plus grand incertitude sur la résolution que vous avez daigné prendre quant à ce qui nous regarde. Quelle que soit cette résolution soyez persuadé, mon tendre père, que vous ne trouverez e moi que respect, que soumission et qu'obéissance aveugle.

1038. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. августа 15. Петербургъ.

О себѣ же вамъ скажу, что мы, слава Богу, здоровы остались здѣсь до перваго пути, что́ противъ своего желані по нѣкоторымъ обстоятельствамъ принуждены сдѣлать. Есл хотите, чтобъ я вамъ правду сказала,—намъ здѣсь несказанн скучно, общества головою никакого нѣтъ, и вездѣ пусто; вре мя же безмѣрно дурно: уже мѣсяцъ ежедневно продолжаютс ужасные дожди, хотя бы среди осени.

Хотя я уже къ вамъ писала, однако, какъ вы не получили скажу вамъ, что къ утѣшенію себѣ я нашла Ивашу совсѣм не такъ, какъ мнѣ о немъ описывали: сталъ мальчикъ изряд ный, и директоръ ихъ меня увѣрилъ, что учится хорошо. Однак за несчастье ему ставлю, что онъ въ этомъ мѣстѣ и такъ странн воспитывается; мнѣ кажется, что изъ этого общества ничег путнаго не выйдетъ. Князь Алексѣй очень любезенъ, о княз Степанѣ никакого извѣстія не имѣемъ съ тѣхъ поръ, как

ъ армію по ѣхалъ,—видно, что грамоты не умѣетъ и волю аётъ своей праздности. Знаю, что вы въ Юшѣ участіе берете; ля того вамъ умолчать не хочу, что онъ нынѣшнюю кампанію роизведенъ въъ капитаны точно по выслугѣ, чѣмъ онъ очень доволенъ. Лобанова отправили въ Швецію по его желанію; вась слышу, что въ Лейденѣ еще до октября продержатъ.

1039. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. августа 21. Варшава.

En lisant et relisant votre lettre du 6 d'août que vous 'avez fait l'honneur de m'adresser, j'ai cru entrevoir que vous rez quitté quantité des anciennes folies, qui résidaient autrefois ntôt dans votre cœur et tantôt dans votre tête. Je souhaite, on cher ami, que votre conduite ultérieure me puisse garantir ntre toutes les attaques de soupçons, dont, je vous l'avoue, ne suis pas encore entièrement tranquillisé. Mais vous me uérirez entièrement, dès que je trouverai, à votre retour, que es appréhensions soient mal fondées.

Par la lettre de mon frère, je vois avec plaisir que vous us appliquez aux études. J'espère que vous n'oublierez pas tude de votre propre cœur. Au nom de Dieu, mon cher ni, pensez-y. Tout est perdu, tout est inutile, si vous ne vous nnez pas cette peine. C'est tout ce que je demande de vous ec instance et au prix de mon amitié.

Vous saurez déjà apparemment que vous allez commencer vos yages. Profitez-en, je vous prie instamment.

Je recommande à votre amitié le prince Gagarine, ou utôt M. de Penzine. C'est mon ami, c'est l'ami du Grand-uc. Je me flatte que vous le connaissez, j'espère que vous imerez. C'est un jeune homme qui promet beaucoup; je sais 'il a de l'honneur et des sentiments. Il fera les voyages ec vous en Angleterre et en France. Marquez-lui toute sorte égards et de politesses: il les mérite.

Adieu, mon cher ami, écrivez-moi souvent et soyez bi persuadé que je veux votre bien, que je vous aime du fo de mon cœur et que j'aurai tous les soins imaginables po vous. Faites de sorte que je puisse être content de vous. Pe sez à l'avenir. Perfer et obdura: dolor hic tibi proderit oli

1040. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

[1771 г. сентябрь].

Monseigneur, mon très cher et très honoré oncle. Par l dernière lettre vous avez été informé de notre tournée à A sterdam et dans les autres principales villes de ces contré il nous restait La Haye, où nous n'avions pas encore é par la crainte du dérangement que les distractions de ce résidence auraient pu causer à nos études. C'est un dev que nous venons de remplir. Ayant reçu les ordres nécessai de M. Saldern, l'ambassadeur, de quitter ce pays, ne nous y rendîmes incessamment.

Nous y avons passé cinq jours. Ce temps vous paraît peut-être court, mais il nous a été de la dernière impossibil de l'augmenter, et d'ailleurs le public de La Haye n' nullement considérable pour fixer l'attention d'un étranger pe dant plus longtemps. Après avoir vu tout ce qu'il y avait voir, nous n'avons cherché qu'à y faire la connaissance Corps diplomatique et de la Cour. Cependant le peu de séjou que j'y ai fait, ne m'a pas empêché d'entrevoir que c'était endroit charmant, et que tous ceux des ministres étrangers s'y trouvent peuvent se compter les plus heureux du mon Vivre sous un ciel qui, sans être entièrement beau, est moins tempéré, jouir de tous les agréments, de toutes les co modités, dont la vie de l'homme est susceptible, ne reconnaît d'autre règle dans sa conduite que celle de la vertu et de convenance, ne posséder l'estime publique que relativement son propre mérite et non à des qualités futiles qui, pour

plupart, ne sont que des dons du hasard, ce sont de ces avantages réels et séduisants que rarement on trouve réunis ailleurs. Vous voyez, mon tendre père, que je suis bien épris de la Hollande. Comment ne le serais-je point? outre les agréments qui sont très grands, c'est un pays, où l'on m'a appris à me connaître moi-même, à savoir résister à l'éclat trompeur des passions mondaines, à devenir un membre utile de la société. C'est ma seconde patrie: j'ai commencé à exister en Russie et ce n'est qu'ici que j'ai pu apprécier le but de mon existence.

Nous sommes revenus de La Haye avant-hier. A notre retour nous trouvâmes ici le Prince Gagarine qui vient de Varsovie, pour voyager avec nous, sous le nom de Penzine. C'est notre parent bien proche, il est tout aimable. Ce sont deux qualités très précieuses à mon âme sensible, et qui me le font aimer du fond de mon cœur. Notre départ de Leyde est fixé au deux du mois prochain. Nous allons à Londres par Anvers, Bruxelles et Calais. Nous nous arrêterons quelques jours à Bruxelles; les curiosités de bonne compagnie de cette ville ainsi que le Prince Charles, que nous désirons de connaître, en sont des motifs plausibles.

Je joins une lettre pour Monseigneur le Grand-Duc. J'ose me flatter que vous voudrez bien la lui remettre: elle m'intéresse. Je prends la liberté de lui communiquer les petites observations qu'il m'a été possible de faire sur la constitution essentielle de cette république. J'ai déjà imploré son indulgence; j'implore aussi la vôtre dans le cas que vous daignerez y jeter un coup d'œil. Ce sont les faibles efforts d'un neveu qui ne soupire qu'à se rendre digne de vos soins paternels.

J'ai reçu ces jours passés une lettre de ma tante Repnine qui m'a causé une grande joie. Elle me témoigne votre contentement; elle me flatte même d'une lettre de votre part. Moins je suis accoutumé à un tel langage et plus délicieux il m'a été. Ciel, pourrai-je enfin voir arriver cet heureux instant qui forme jusqu'à présent l'objet chéri de mes inutiles vœux?

Laissez à la nature reprendre les droits sacrés sur vo
cœur; cessez d'être rigoureux; vous ne vivez que pour le bo
heur de vos semblables.

Avant de commencer nos longs voyages, je vous deman
avec instance votre bénédiction paternelle. Accordez-la moi.

1041. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1771 г. сентября 20. Лейденъ.

Monseigneur. Je sens ma témérité; elle est grande. Vo
faire un tableau de la forme du gouvernement, des mœurs,
commerce d'une république, chef-d'œuvre de l'industrie et
travail, d'une république qui excite la jalousie autant que l'ad
ration du reste de l'Europe, c'est une entreprise bien au-dess
de mes forces. J'en fais l'aveu: je ne puis en tracer à Vo
Altesse Impériale que la plus légère esquisse.

Je vis depuis quinze mois dans un pays, dont ni l'étend
ni la nature n'est proportionnée au nombre de ses habitan
On y en compte presque deux millions. La plus grande par
jouit d'une heureuse aisance; il est vrai qu'on n'y voit point
ces fortunes qui étonnent dans un lord Clyve. Les biens so
ici plus partagés que dans les autres pays, et cette distributi
favorisée également dans toutes les classes par l'esprit industrie
et infatigable de la nation, contribue à l'opulence générale. I
constitution naturelle du gouvernement engage les habitants
entretenir cette opulence, et réciproquement leur manière
vivre et d'agir se trouve conforme à la nature et aux princip
du gouvernement. Il n'est pas partout le même. La Républiq
prise en corps est un système de confédération entre sept rép
bliques différentes étroitement unies. Sept souverains se so
indissolublement alliés par l'Union d'Utrecht pour se défendre, po
se maintenir mutuellement dans leurs prérogatives respectives
pour éviter tout ce qui pourrait rendre une province plus pui
sante par la destruction de l'autre. C'est la raison pourquoi l

naie, cette âme du commerce, doit être réglée sur le même dans toutes les sept provinces et elle l'est en effet.

L'armée, qui consiste à présent en trente-trois mille hommes, entretenue aux dépens de la généralité. Les régiments et t-major sont répartis sur chaque province en particulier. cune d'elles paye selon la cote qui lui est assignée. La ande porte la plus grande charge, étant la plus riche, la commerçante et la plus peuplée. Les sommes tant ordies qu'extraordinaires, qu'elle fournit à l'Etat, sont en propor- de la somme totale comme cinquante-sept à cent. Le nandement des troupes est confié en commission héréditaire Prince d'Orange, sous le titre de Capitaine-Général, de e qu'il dirige la marine de la République sous le nom iral-Général.

Les affaires de l'Etat, soit au dedans, soit au dehors, ayant n d'une direction toujours subsistante en temps de paix n temps de guerre, elle se trouve confiée à une assemblée éputés de chaque province confédérée, qui doivent la re- enter dans tous les cas qu'exigent l'expédition des affaires exercice de la souveraineté dans les pays conquis de la ralité, comme une partie du Brabant, de la Flandre, de neldre, etc. Cette assemblée est désignée par le nom d'Etats- raux des Provinces-Unies. Elle se tient toujours à la . C'est elle qui donne audience aux ambassadeurs et aux stres étrangers, qui reçoit leurs propositions et qui y répond s que les députés ont consulté leurs supérieurs. C'est elle déclare la guerre, qui fait la paix, qui contracte des traités es alliances. On n'y opine pas par tête, mais par le nombre provinces dont chacune y envoie autant de députés qu'elle , qui tous ensemble n'ont qu'une voix. Chaque province ide une semaine. Cet honneur est déféré au principal des tés; c'est avec lui que confèrent les ministres étrangers 'est à lui qu'ils s'adressent pour demander audience. Les missions des députés aux Etats-Généraux ne sont pas à vie, l'ordinaire elles sont triennales. Le Prince stadthouder

peut entrer dans cette assemblée pour faire des propositi qui regardent le bien public, mais il n'y a point droit de frage. On donne aux Etats-Généraux le titre de hauts puissants seigneurs. Les députés considérés dans leur indiv ne sont rien moins que souverains. Chacun d'eux reste mini de sa province; il faut qu'il lui fasse ses rapports, qu'il dema ses ordres avant de commencer et de finir toute affaire conséquence, et il est comptable de sa conduite.

Le conseil d'état est le collège principal après cette assembl Il est aussi composé des députés de toutes les provinces. Prince stadthouder y a séance et voix active. Le nombre députés de chaque province est fixé: la Hollande y en trois; la Zélande, la Frise et Groningue, chacune deux; Gueldre, Utrecht et l'Over-Yssel, chacune un. Le con exécute les ordres des Etats-Généraux, expédie des passepo a soin du revenu et des deniers de l'Etat, des fortificati etc. On n'opine point dans ce conseil par province, mais tête. Chaque député y préside une semaine, celui de la nobl de Hollande et les députés de Zélande sont inamovibles.

Chaque province a une forme de gouvernement qui lui particulière. La Frise, par exemple, en a une qui appro beaucoup de celle de l'Angleterre; quant à celles des au provinces, elles sont plus ou moins aristocratiques. Le stadth der héréditaire n'est pas souverain; c'est son avis sage son autorité qui doivent guider les délibérations dans cha province et en concilier les différents membres, quand le intérêts ou leurs passions se croisent. Ainsi le souverain invisible. Il faut le chercher dans les différents corps de cha province, dont les membres considérés séparément ne sont des sujets; et les lois du pays ont la même force contre régents qui les font que contre les autres particuliers qui exclus du droit de concourir à la législation. Les villes mê sont autant de petites républiques, gouvernées par un s qu'on nomme communément la régence. Ce sont des c politiques établis pour veiller à la police intérieure des vil

ur délibérer sur les affaires ordinaires de l'Etat, pour donner s instructions à leurs députés à l'assemblée des états de la ovince, pour administrer la justice dans leur territoire, etc. e nombre des régents est déterminé dans chaque ville; quand y a des places vacantes, alors la régence a ordinairement le oit de les remplacer en se choisissant de nouveaux collègues ns la bourgeoisie, ou bien en accordant au Prince d'Orange privilège de déclarer celui qui lui plaît le plus d'entre les ndidats qui lui sont présentés.

La République s'est soutenue jusqu'ici sous les auspices de gouvernement, quoique dans différentes époques il ait souf- rt plusieurs altérations. Cet esprit d'égalité, ce flegme ns les résolutions, cette tranquillité dans les amuse- nts, ce préjugé national de ne pouvoir vivre nulle part ec plus de commodités et d'agréments que dans un pays, l'on trouve au moyen de l'argent tout ce que renferment s quatre parties de notre globe, cet empressement de ceux i vont aux Indes de rapporter dans leur patrie de nouvelles chesses, cette tolérance de tous les cultes, ont nourri le pa- iotisme, prévenu la dépopulation et ouvert les sources de bondance publique. Le Hollandais est né avec une aversion cidée pour la violence, mais avec la politesse et le ton per- asif on peut l'engager à tout. Il est naturellement bon et main. Ce n'est que quand il s'aperçoit qu'on veut le maî- iser qu'il commence à s'irriter; il résiste avec force et est rme dans sa résistance.

La liberté de ce pays, dont on parle tant ailleurs, n'est, and on l'analyse de plus près, que ce même don que la ture confère à tous les êtres raisonnables. Aucune licence 'est tolérée ici; mais d'un autre côté, chacun peut vivre selon fantaisie, pourvu qu'il n'offre aucun spectacle de scandale. On ne force personne de rester dans le pays contre son ré, comme j'ai pu remarquer qu'on le faisait dans le voisinage e la République. Tout le monde est libre de s'expatrier, et ême on est très facile à se relâcher sur les droits de sortie

que l'on a introduits par manière de rétorsion. Mais ces ex-
ples sont rares, puisque les habitants croient ne pouvoir t
ver mieux leur compte en d'autres pays, où ils s'imagin
qu'ils seraient asservis à une contrainte odieuse. Au contra
ce sont les étrangers qui viennent en foule demeurer dans
sein de la République. La liberté de conscience, les appas
duisants de l'égalité, la tranquillité d'âme, suite ordinaire d'
vie heureuse, la conviction d'être à l'abri de toutes chican
la consolation de vivre dans un pays où l'on compte que
sagesse, la candeur et la probité ont établi leur siège,
l'on ne fait aucune attention au faux brillant de ces dons
hasard et de l'aveugle fortune, qui dans le monde sont pres
partout autant de titres légitimes à l'estime publique, où en
l'on ne distingue que le seul mérite intrinsèque; toutes
considérations, qui sont le premier des biens de tout être pe
sant, sont autant d'amorces qui y attirent la multitude.

La liberté du commerce, qui forme l'objet des éloges
de l'envie des autres puissances, me paraît ne consister que da
cette sagesse du gouvernement à s'abstenir de tout ce qui pou
rait le gêner au dedans et au dehors. En passant, il y a
an, par les Etats d'un certain monarque, le héros du siècle, j
beaucoup entendu parler de certains financiers que par dérisi
on y appelle les faiseurs du „plus“, et qui ne s'occupent qu
enfanter de nouveaux projets pour faire fleurir le commerc
Cependant l'expérience prouve, dit-on, qu'on s'y éloigne de
but autant qu'on semble le chercher avec avidité; c'est qu'
y a ce principe destructeur de n'envisager le commerce q
comme un objet propre à remplir les coffres du souverai
Ici personne n'y pense. Les commerçants ne sont pas g
nés, et le commerce fleurit. Il est néanmoins vrai qu'il a pe
du plusieurs de ses branches très lucratives et qu'à beauco
près il n'est plus si étendu qu'il l'a été il y a trente ou qu
rante ans.

Les raisons en sont toutes simples. Les puissances
l'Europe attentives à la splendeur, où étaient parvenus les H

ndais en recherchèrent les causes. L'économie et le com-
rce en étaient les véritables germes. De là, le désir ardent
se modeler d'après cette république, d'adopter ses maximes.
présent elles se disputent à l'envi, à qui protègera le plus
commerce, les manufactures, les fabriques, etc., ce qui ne
t avoir qu'une influence fatale sur le commerce d'un si
it Etat qui ne se sent que trop du progrès de ses voisins.
luxe dévorateur, incompatible avec la constitution de cette
publique, vient miner la prospérité dont elle a joui et
tribue encore plus à opérer la décadence. On n'entend
que clameurs contre un mal si grand; on crie, on se
int et déjà le soi-disant bon ton s'est malheureusement
fort introduit qu'il est presque impossible de le déraciner,
oins que les gens de poids ne soient les premiers à donner
emple de retourner à cette ancienne simplicité de mœurs
i affermit le berceau de la République et fut l'origine de
agrandissement.

Les fabriques en général tombent ici par la quantité qu'il
n a en France, en Angleterre, en Allemagne, et celles-ci
vent un débit plus facile, la main d'œuvre n'y étant pas si
re. Le commerce de frêt aussi n'est plus si considérable.
refois les Hollandais faisaient pour ainsi dire les seuls
ociants de l'Europe. Ils enseignèrent aux autres nations la
duite qu'elles devaient observer, et actuellement celles-ci
hent de faire leur commerce par elles-mêmes, du moins
ant que la forme de leur gouvernement, leur situation et
rs forces le leur permettent. Les seuls avantages qui restent
r la conservation de ces républicains, c'est le commerce
clusif des épiceries, celui des lettres de change, des assuran-
, et la pêche du hareng. Ce sont les pivots sur lesquels
rne encore le reste de la machine. La Compagnie des Indes
ientales éprouve les suites désavantageuses de la prépondé-
nce que les Anglais commencent à acquérir en Asie. Elle se
tient jusqu'à présent, mais avec une diminution considérable
de sa puissance et du gain de ses actionnaires.

Les arrangements du gouvernement pour la sûreté et po
la prospérité publiques sont, autant qu'il m'a été possible
l'approfondir, infiniment plus dispendieux que dans nul au
Etat. Le pays est exposé aux ravages de l'océan, aux déb
dements des rivières dont les lits se haussent de plus en pl
ce sont des maux qui affligent presque annuellement le laboure
De ceux-ci résultent d'autres maux: la misère d'une quant
de citoyens, la cherté des denrées, la désolation et l'effroi
s'impriment dans l'âme de ceux qui ont eu le bonheur d'éch
per cette année, mais qui craignent, qui s'attendent à en deve
les tristes victimes. Le gouvernement n'épargne rien pour p
venir ces calamités; il fait élever à grands frais des dig
pour les opposer à ces torrents impétueux.

La marine et l'armée sont encore deux objets de gran
dépense. Quoique le soldat ne soit pas trop libéralement pa
non plus que l'officier, cependant ce dernier est très cont
de son sort par la sûreté de son poste, qui ne peut lui ê
ôté que par un conseil de guerre. Les dettes que l'Etat a
contracter, surtout depuis l'avènement de Guillaume III
trône d'Angleterre, rendent nécessaire l'existence d'imp
exorbitants, dont on n'a nulle part un exemple aussi frappa
Dans un cas inattendu comme celui de 1748, on a recours
des subsides extraordinaires. Alors chacun des habitants dut pa
ici le cinquantième de ses biens et dans les Indes le quar
tième. On peut s'imaginer les sommes immenses que cet expédi
forcé a fait recueillir. Le plus étonnant, c'est que le peup
affaissé sous le poids étonnant des impôts, ne laisse jam
échapper le moindre murmure. La conviction intime que l'arg
qu'il donne n'est pas destiné aux dépenses frivoles ou à la cupid
de ceux qui sont à la tête de l'administration, mais q
est employé aux besoins réels de la patrie, lui fait suppor
le tout avec la plus grande résignation. La République
pacifique par raison d'Etat et par l'inclination de ses habitan
tout le monde étant persuadé que l'esprit de conquête lui ser
funeste, même au milieu des avantages les plus brillants.

L'autorité du stadthouder ne va pas si loin que de pouvoir
nner des ordres à cette multitude d'individus qui constituent
gouvernement de la République; il ne peut réussir que par
voix de la persuasion. Cependant il faut convenir, que malgré
enthousiasme de liberté qu'on affecte ici, tous ces républi-
ns se sont tellement accoutumés à une déférence aveugle aux
irs du Prince stadthouder, principalement depuis la révolution
1747 qui rendit le stadthoudérat héréditaire dans la maison
range, que la moindre insinuation venue de sa part est
seulement respectée comme un ordre, mais comme une loi.
ennemis du gouvernement monarchique prétendent que ce
nd nombre de régents n'empêche nullement les affaires
ller au mieux en temps de paix, et que même l'expérience
blait démontrer qu'en temps de guerre elles n'allaient pas
ins bien. On peut les réfuter non par des assertions, mais
le fait. Qu'on considère les difficultés de réunir à un seul
même but tant de personnes; surtout quand dans les provinces
férentes ou quand dans la même province les intérêts des
férents corps sont opposés. Quoique, à force de permanence
à force d'employer ces puissants ressorts qui agissent si
ement sur l'âme de l'homme, on parvient quelquefois à les
cilier, cependant il en résulte toujours une lenteur dange-
se dans les conseils et une lenteur plus grande encore dans
exécution.

La considération de ces inconvénients terribles qui néces-
rement doivent affecter tout bon patriote, me conduit au
heur que j'ai d'être né dans un empire vaste et puissant
ne reconnaît qu'un seul monarque. Dans sa volonté se
centrent les volontés de tous les citoyens, et c'est en faisant
heureux qu'il réussit lui-même à l'être. Si notre empire
ait été gouverné par des génies bienfaisants, serait-il jamais
venu à ce degré de gloire, de puissance et de félicité? Le
narque en est, si j'ose m'exprimer ainsi, l'âme vivifiante.
l'anime, il le soutient; sans ce secours les différentes parties
i le composent se détacheraient, et une machine aussi com-

pliquée s'écroulerait par son propre poids. Toute autre forı de gouvernement ferait indubitablement le malheur et la rui de la Russie: la jalousie, la discorde, fléaux ordinaires d'u cruelle anarchie, viendraient aveugler les esprits, et en méco naissant le bien public, les passions violentes, dont ils seraie la proie, les précipiteraient dans un abîme de dissensions de troubles. Dans les fastes de quelle république aperçoit- les merveilles qui immortalisent le règne de notre augu souveraine? Elle s'attire les bénédictions de ses sujets, et l de notre patrie, nous sommes les heureux témoins de l'adı ration qu'elle inspire; son nom est consacré dans le temple l'immortalité! Que de grâces n'ai-je pas à rendre au Très-H de me faire exister dans un temps où Il veille si visiblem à notre félicité! En aimant aussi ma patrie, je ne puis, M seigneur, que former les vœux les plus sincères pour vo conservation. A présent notre espoir, un jour notre père, fa seulement le Ciel que vous le soyez jusqu'à l'âge le plus avan

1042. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1771 г. октября 9. Брюссель.

La Cour du Prince stadthouder qui est montée sur un t bon pied, contribue beaucoup aux amusements de la Haye. hiver, il y a alternativement bal, concert, souper; on vient qu'étant invité. Le cercle, depuis le mariage du Prin se tient tous les quinze jours à la vieille Cour, qui est palais antique, mais ayant des appartements très spacieux, est toujours choisi pour de pareilles occasions. Lorsqu'il y cercle, l'accès en est permis à tout le monde. On y voit femmes de négociants, des juives et celles-ci sont même plus parées. Il suffit qu'elles aient de quoi se faire une r à panier pour vouloir profiter des prérogatives d'égalité, qu dit devoir exister dans une république, et la Princesse, pour choquer personne, est obligée de parler à chacune de ces dam

'y a proprement aucune étiquette à cette Cour, surtout envers étrangers, qui affectent de ne considérer le Prince d'Orange comme le premier ministre de l'Etat. Cependant son in- nce prodigieuse dans les affaires, ainsi que sa faculté de ibuer des grâces, font que ceux du pays ne sont pas si puleux à lui accorder ce qu'il semble désirer; et quoique se fasse d'une manière indirecte, il n'en résulte pas moins , sans avoir le nom de souverain, il en a presque tous les ments.

Lorsqu'on lui est présenté, il est fort poli. Tous ceux qui à lui parler s'assemblent dans une des antichambres et noncent au chambellan de service, qui vous inscrit d'abord son portefeuille. On entre chez le Prince sans aucune inction de rang, c'est selon qu'on a été inscrit. Il vous it à la porte du salon où il se trouve, et, après vous r fait asseoir à ses côtés, il s'entretient de la façon la plus geante.

La Princesse observe déjà plus de cérémonial. On tâche la faire considérer non comme l'épouse du Prince d'Orange, relativement à sa naissance, comme princesse royale, qui entraîne après soi plus d'égards, plus de respect en général plus d'étiquette. Ces prétentions, quoique au peu fondées, ne sont pourtant contestées par personne. attentions dues à son sexe et à sa naissance engagent de pas y regarder de si près. La seule ambassadrice de France à ce sujet une explication assez vive. Arrivée à la Haye commencement de cette année, elle prétendit que la Prin- e devait lui rendre la contre-visite de cérémonie, ainsi que Prince le faisait à l'ambassadeur. On lui répondit que c'était traire à l'usage et que les ambassadrices n'avaient jamais de pareilles difficultés à feu la Princesse Gouvernante, re du stadthouder. L'ambassadrice répliqua qu'elle ne pou- t nier le fait, mais qu'on devait avoir égard à ce que la ncesse d'Orange n'était que nièce de roi, tandis que la dé- te avait été fille de roi.

Ce sont de ces subtilités qui pour l'ordinaire tournent : grand désagrément de la personne forcée de s'en servir, s par le caractère dont elle est revêtue, soit par ses instructio secrètes. Témoin Mme de Noailles: brouillée avec la Cou elle doit éviter toutes les occasions, où elle pourrait se renco trer avec la Princesse, même en lieu tiers, conduite q entraîne une grande gêne dans celle que tout le monde d observer à son égard.

Il est seulement à remarquer, dès les temps les plus recul que, de toutes les Cours de l'Europe, celle de Versailles toujours été la plus empressée à faire exister de pareilles co testations; c'est comme si son ministère croyait augmenter p cette politique l'éclat, la grandeur ou la puissance du roi. Lou XIV, communément appelé le Grand, prince avide d'une vai gloire et prodigue du sang de ses sujets, enchaînait les circ stances d'une façon à faire naître de telles disputes, et p pour les vider, il faisait la guerre. Actuellement l'état intérie du royaume ne permet point de recourir à ces moyens, m on n'en alimente pas moins les causes funestes qui pourraie les produire, et quand l'élévation et la prospérité d'un Et quelconque, loin d'une juste admiration, n'excitent qu'une noi jalousie, on a recours aux armes des faibles, aux cabales, a intrigues, pour offusquer les yeux des autres puissances, po émouvoir leurs inquiétudes et en faire autant d'ennemis; c' alors que sourdement on effectue ce qu'on n'ose effectuer force ouverte.

La considération et le crédit, dont jouit le duc Louis Brunswick, sont des motifs puissants qui m'engagent à en pa ler. Son abord des plus affables prévient en sa faveur, et un esp solide, joint à une âme excellente lui concilie tous les cœur Il est maréchal-général au service de la République. C'est l qui commande en chef l'armée, c'est aussi sur lui que rou la principale direction de toutes les affaires. Initié depuis vin ans dans les mystères de l'Etat et s'étant acquitté à son gra honneur de la tutelle, dont il a été chargé pendant la minori

stadthouder, ce sont ses titres pour jouir d'une confiance
ns bornes du jeune Prince, ainsi que des égards respectueux
s régents et à plus forte raison de ceux du reste du public.
en de conséquence ne s'achève sans connaître préalablement
n avis. Son zèle pour les intérêts de son pupille s'est mani-
té dans toutes les occasions.

C'est le feu Prince d'Orange qui a jeté les fondements
cette autorité jusqu'à présent inouïe dans cette république,
i réside entre les mains de son fils, et c'est le duc Louis
i l'a menée à ce point de perfection où elle se trouve, qui
affermie et qui tâche de l'augmenter journellement. Le
itaire lui doit de grandes obligations: il l'a mis sur un pied
iniment plus respectable, qu'il ne l'a jamais été autrefois.
st avec un goût décidé qu'il vaque aux fonctions pénibles de
charge. Il affecte de ne se donner aucun instant de loisir;
travaille à la continue depuis le matin jusqu'au soir, et ce
st que par un train de vie aussi fatigant qu'il soutient son
rps accablé d'un embonpoint excessif. Il a élevé le Prince
Orange avec des inclinations entièrement martiales. Néanmoins
doit faire cette différence essentielle que le duc Louis ne
donne au militaire qu'en homme consommé et que pour y
uver l'utile et le réel; car il est incontestable que la pros-
rité de tout Etat repose en grande partie sur la situation
s ou moins formidable de ses forces: au lieu que le stadthou-
r, entraîné encore par la fougue de son âge, ne s'y livre
e pour satisfaire à sa passion et y trouver un amusement
tif à son goût. Aussi les malins ont-ils remarqué que, depuis
voyage de Berlin, toutes ces minuties qui, sans constituer
fond du service, ne servent qu'à le rendre plus piquant, ont
mmencé à être introduites avec empressement parmi les trou-
s hollandaises. C'est alors qu'on a vu paraître ces chapeaux
ormes, ces uniformes étroits et courts et, en général, ce
ant, ce pincé dans l'attirail du soldat, qui, loin de faciliter
manœuvres, plaît à la vue et ne fait que les empêcher.

La voix publique me guide en ce que j'ai l'honneur d'avai cer à Votre Altesse Impériale; la matière est trop délicate poı oser le faire de mon propre chef.

Je dois ajouter que ce Prince n'a pu éviter de tomber daı un malheur commun à presque tous les grands seigneurs. Il e entouré de gens assez lâches qui, quoique agissant par diff rents principes, concourent cependant à un même but, c'est (fortifier en lui une passion qui peut-être n'est que naissant Les uns pour avancer ainsi leur fortune sur les débris du bi(public, les autres pour le détourner d'affaires plus solides plus importantes, dont le maniement dans ce cas doit nature lement rester aux régents, souvent leurs parents et quelquefc leurs amis.

A notre retour de la Haye nous trouvâmes à Leyde prince Gabriel Gagarine qui venait de Varsovie pour voyag avec nous, sous le nom de Penzine. Grâce aux bontés de ceı qui daignent diriger nos voyages, nous formons à présent uı petite société des plus agréables, principalement pour des voy geurs, qui, inconnus partout, auraient souvent été obligés (s'ennuyer seuls dans leurs auberges. Loin d'être assujettis à (tels inconvénients, nous jouissons dans la réalité d'avantag bien grands. Les objets qui s'offrent à nos regards et qui ex(tent notre attention sont si variés et en une telle quantit qu'il est de la dernière impossibilité à un seul de les eı brasser tous; il en laisse toujours échapper quelques-uns. Mı étant en compagnie, ce qui n'est point remarqué par l'un, l'(par l'autre; on se communique réciproquement les observatio qu'on a faites, et les liens de l'amitié, fortifiés par une co fiance mutuelle, autorisent chacun à dire ingénument son sent ment. On en raisonne, quelquefois même on en dispute, c'(ainsi qu'en choisissant des voies aussi faciles qu'amusantes, no tâchons de parvenir au but que l'on nous a proposé, et qu'uı intime conviction nous fait regarder comme essentiel à not vraie félicité.

1043. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1771 г. ноября 3. Лейденъ.

Mon inquiétude était grande, mon Prince, avant que vous m'ayez fait l'honneur de m'apprendre votre trajet incommode, mais heureux. Daignez, je vous supplie, agréer mon compliment de félicitation et les grâces que je vous rends, mon Prince, des sentiments dignes de vous, dont votre honorée est remplie. Trop clairvoyant pour méconnaître ceux qui vous sont véritablement attachés, vous avez trop de respect pour vous-même, pour que vous les puissiez oublier. Je me flatte que ma manière de penser ne vous est pas inconnue: je ne me donnerai jamais le démenti dans l'empressement sincère de vous servir, vous trouverez toujours, mon Prince, le même homme enchanté de pouvoir vour rendre justice et mériter votre affection. Je ne fais qu'attendre vos ordres. Vous voilà donc dans cette île heureuse qui offre tant d'objets frappants et originaux! Combien souhaiterai-je, mon Prince, d'être avec vous dans les provinces, d'y admirer la belle nature et l'art qui doit plaire d'autant plus, qu'il approche à la nature et en est presque indivisible, et surtout d'y profiter dans l'étude de l'homme. Vous avez traversé un pays dans lequel l'un copie l'autre; en Angleterre chacun est par soi-même ce qu'il est, „a selfman". M. de Rathsamhausen m'a fait l'honneur de me mander quelques particularités des courses qu'il a faites avec le prince héréditaire. Je n'y trouve pas Bridgewater: je suis encore fâché de n'avoir pas vu cette invention peut-être unique dans son genre, toujours très curieuse. Je ne doute nullement qu'étant à Londres vous n'ayez été très content de votre réception à la cour.

Vous me demandez des nouvelles de nos contrées, mon Prince, il n'y en a presque aucune. Une vie tranquille et uniforme, qui règne partout, en fournit fort peu. Permettez-moi pourtant de vous rapporter un fait, dans lequel vous ne recon-

naîtrez pas le caractère national, puisqu'il donne trop d
le romanesque. M. Kresselmar, major aux gardes holl
daises à la Haye, a une très jolie fille avec laquelle
Schleiber, fils du président de la Cour de Hollande, va
marier. Celui-ci étant menacé par une lettre anonyme dont
lettres étaient tirées d'un livre imprimé, qu'on lui casserait
cou, quand il oserait consommer le mariage, sans se lais
ébranler, va chez sa belle qui demeure dans une campa
pas loin de la Haye. Etant de retour et seul à cheval, d
hommes habillés en matelots le prient dans un chemin étr
mettant le pistolet sur sa poitrine, de descendre et d'aller a
eux dans une prairie, où, après avoir en vain tenté de
contraindre à jurer qu'il [se] désisterait du mariage, ils lui donn
de légères blessures dans le visage, lui [le] menacent la [de] mor
cas qu'il épouserait la demoiselle et se retirent. M. Schlei
l'ayant dénoncé, la Cour de Hollande a offert un prix de m
ducats à celui qui dénoncerait les coupables et trois m
florins à celui qui donnerait des indices satisfaisants pour f
l'inquisition. Le village, dans la juridiction duquel cela s
passé, offre 300 florins, et on promet l'impunité au valet
l'un des deux fût un tel) pour dénoncer le maître. Cette mati
occupe beaucoup le public qui aime à exercer son calcul
probabilité sur les motifs et les auteurs.

1044. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1771 г. декабря 21. Лондонъ.

Vous nous savez déjà de retour à Londres; il est d
de mon devoir de vous rendre compte de nos occupations act
les. Ne croyez point, mon tendre père, que le bruyant du gr
monde nous ait éblouis au point d'étouffer en nous tout a
sentiment que celui qui nous conduirait à une dissipation p
nicieuse. Notre temps, par les soins vigilants de M. de S
dern, est partagé entre l'utile et l'amusant. Les matinées s

stinées à voir ce qu'il y a de remarquable dans la ville, à e lecture instructive et aux élaborations particulières d'un acun; quant aux après-dîners, qui ne commencent ici qu près les cinq heures, elles sont destinées à courir les amuments publics et à fréquenter les sociétés qui nous sont vertes. M. de Pouchkine contribue de toutes ses forces nous rendre le séjour de cette capitale agréable; sa maison us est un asile constant pour toutes les soirées, où nous mmes désœuvrés. Il vit parfaitement bien, et beaucoup mieux 'on n'a droit de s'y attendre, vu les deux mille livres stergs qu'il a seulement à dépenser sur un pavé si exorbitament cher. Il jouit ici d'une estime générale: on le considère mme homme de probité, et on l'aime comme homme aimable. e ce côté son sort m'a paru très heureux, car que peut-il arriver plus flatteur à un ministre étranger, que de jouir d'une reille approbation dans le pays où il réside? J'ai en mon rticulier de grandes raisons de me louer des politesses et ême de l'amitié qu'il me témoigne. Sachant que votre but incipal, en m'envoyant hors de ma patrie, a été de m'instruire r les mœurs, les usages et les maximes fondamentales des fférents peuples, parmi lesquels je séjournerais, il s'empresse e me procurer toutes les connaissances qui sont à sa portée. regrette vivement de n'avoir pas le bonheur de vous conître personnellement; il ne vous connaît que par vos bienfaits i ont imprimé en lui une juste gratitude, jointe à la vénération plus profonde pour votre personne.

1045. Князь Александръ Бор. Куракинъ—княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной.

1771 г. декабря 25. Лондонъ.

Je vais épancher dans votre sein, ma très chère tante, la istesse profonde dont je suis ulcéré. J'ai perdu une grand' ère chérie et en elle une amie respectable. Il semble que e suis destiné par le sort rigoureux à essuyer toujours d'aussi

rudes assauts. Ce n'était pas assez d'avoir perdu père et mèr
il fallait encore être privé de ceux de mes parents q
m'aimaient le plus et qui s'intéressaient le plus vivement à n
destinée. Jusqu'à présent je n'ai pas été directement inforı
de cette triste nouvelle. Je considère le silence que vous av
gardé sur cet évènement, non comme un oubli, mais comı
une attention très tendre de votre part, pour ne point donn
lieu au libre cours de mes justes larmes.

La situation de mon oncle Apraxine est à plaindre. Ass
raisonnable pour sentir la grandeur de sa perte, il est trop jeu
pour se gouverner soi-même. Sa jeunesse invoque les soins et l
bontés d'un troisième. J'espère que mon tendre père augmente
en lui le nombre des heureux qu'il fait; ne suivant que l
mouvements de sa générosité, il le prendra sous ses auspices, et
sera son bienfaiteur, ainsi qu'il l'est de toute notre famille. M
frère Alexis en profitera également. Je doute qu'on veuille
séparer de son oncle, avec lequel il a été élevé dès sa premiè
enfance. Rien de mieux ne pourrait leur arriver, que de l
envoyer hors du pays, et je sais, que, si j'avais voix
chapitre, je préfèrerais Leyde à tout autre endroit. La cél
brité de cette académie m'est connue par ma propre expérienc
j'en ai retiré toute l'utilité possible, et de plus nous y connai
sons les meilleurs professeurs, qui certainement s'empresseraie
de leur communiquer leurs lumières avec le plus grand zèl
Il s'agit seulement de trouver un homme de probité et d
conduite, auquel on pût confier un dépôt qui nous est
précieux.

Apres avoir parlé pour d'autres, j'ai à parler pour mo
même. Je m'adresse à vous comme à une tante que j'aim
comme à une amie sensible qui daignera ne rien épargn
pour faire réussir celui qui espère en elle. Je me trouv
dans le cas des Suisses. Vous savez que, quand ils sont lon
temps absents de leur patrie, un penchant invincible les
rappelle. Depuis quelque temps déjá je suis en guerre ave
moi-même, à la fin je succombe. Vous n'ignorez point que, par l

emier arrangement fait à mon départ, mon retour était fixé mois de septembre prochain. Il n'y faut plus penser. Nos rnières lettres de Varsovie nous apprennent que nous devons er en Italie, ce qui prolonge mon séjour dans les pays angers pour le moins d'une année. Je suis réellement igé de ce contretemps. Quelque charmé que je serais de r tous ces pays dans un autre temps, je ne le suis point s ma situation actuelle, et je regarderais comme un grand heur si, dispensé de ce nouvel arrangement, je pouvais ourner chez moi selon ce qui en a été premièrement décidé. n retour anticipé ne doit point déranger le voyage de mes pagnons; après notre séjour de Paris ils continueront leur te, tandis que je rétrograderai.

1046. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну.

1772 г. январь. Лондонъ.

J'eus la témérité de vous promettre dans ma lettre précédente vous communiquer mes observations sur les principes de ce istère. Le peu de temps que nous sommes ici et ma pénétra-n, trop faiblement encore exercée, sont les entraves qui ne nt guère permis de les approfondir beaucoup. Je m'acquit-i cependant aujourd'hui de cette tâche tant bien que mal. ne sais si j'ai saisi les choses dans leur véritable point de . Toujours je n'ai rien épargné pour y réussir, et ce zèle torise à me fortifier de l'idée consolante de trouver en vous père indulgent.

Le Roi est un prince d'un cœur excellent. Incapable de e du mal à personne, il n'a d'autre désir que de satisfaire n humeur pacifique et de régner en paix. Il n'est dominé aucune passion violente, et c'est cet état d'indifférence i lui fait regarder avec la plus grande tranquillité toutes les rses révolutions, qui se passent sur le continent. Elevé par mère dans une crainte pusillanime, il continue d'avoir une

déférence aveugle à ses conseils. Accoutumé aussi dès sa p tendre jeunesse d'aimer milord Bute, jadis son principal é cateur, il a placé en lui toute sa confiance.

C'est la Princesse de Galles et Bute, qui lui ont tr un plan de gouvernement, tout différent de celui de ses ancêtr On prétend qu' ils l'ont tiré d'un certain passage de l'hist de Rapin-Thoyras; l'objet essentiel en est d'étendre limites de l'autorité royale. Tous ceux qui aspirent aux bienf de la Cour doivent promettre d'agir conformément à ce pl auquel est inviolablement attaché le roi, séduit par l'espéra flatteuse des fruits qu'il pourrait en cueillir.

On ne doit point croire que les fréquents changeme arrivés déjà sous ce règne dans le ministère, aient été aut de changements dans les principes fondamentaux du gouver ment. Ceux-ci, à l'envisager d'une certaine face, restent in riables. Le Roi change quelquefois ses ministres pour céder murmures importuns du public, qui leur attribue tout sans r référer à sa personne, mais en les changeant il impose nouveaux la condition de rester dans le même sentier que anciens. A dire vrai, cette condescendance ne peut être très nuisible aux affaires, car quoique le gouvernail soit c stamment dirigé vers un même point, il est conduit par di rents pilotes, et ceux-ci diffèrent essentiellement entre eux leur façon de penser, par leurs génies et par leurs intér Les uns agissent avec une hauteur capable d'irriter les esp les plus doux, d'autres adoptent des maximes opposées et s vent déjà une modération condamnable, les troisièmes e sont encore d'un autre genre: ils ne considèrent leurs empl que comme des moyens pour améliorer leus fortune et c de leur famille, et en conséquence ils ne songent qu'à se ma tenir et à placer avantageusement ceux qui leur appartienne

Autant que les précédents rois de la Grande-Bretagne av ent à cœur de conserver une influence prépondérante dans affaires politiques de l'Europe, même au prix du sang et bourses de leurs sujets, autant celui d'à présent, effrayé par

-erres que ses prédécesseurs ont eu à soutenir et par les subsi-
-s immenses qu'ils étaient obligés de payer à plusieurs Cours,
-mble ne s'embarrasser de ce qui se passe sur le continent
-'autant qu'il ne peut raisonnablement s'en dispenser. Les
-inistres actuels, trop occupés des affaires intérieures du
-yaume et de la réussite épineuse de leur plan, tâchent d'af-
-iblir le plus qu'ils peuvent les fortes connexions qu'on pourrait
-oir avec d'autres Cours, par l'appréhension que celles-ci ne
-s entraînassent déjà malgré eux dans des querelles étrangères.
-s sont de l'opinion qu'aussi longtemps qu'ils goûteront les
-uceurs de la paix, il leur est de la dernière inutilité de
-menter leurs alliances sur le continent. L'économie a aussi
-aucoup de part à cette conduite, où ils épargnent des
-mmes considérables. Ils prétendent même que les critiques
-s plus austères ne peuvent jamais avoir de juste prise sur
-x, puisqu'en temps de guerre ils se flattent d'obtenir au
-ix de leurs guinées l'amitié et l'assistance de tous les princes
-'ils rechercheront. Je ne sais justement, si cette attente
-est pas illusoire. On ne peut en porter que des simples con-
-tures; c'est le temps seul qui pourra déchirer le voile de
-certitude qui jusqu'à présent cache tous ces principes.

Le parti de l'opposition dont on crie tant ailleurs, et qu'on
-oit si formidable, n'est, quand on l'examine de près, qu'un
-mposé de plusieurs factions, qui ne subsistent et ne doivent
-r existence qu'à l'impétuosité des passions personnelles des
-rticuliers. Le bien public, l'amour de la patrie et celui de
- gloire de son souverain,—ce sont là les beaux noms qui
-lorent leurs véritables démarches, et dont ils se servent pour
-teindre le but auquel leur ambition les instigue. Autant que
-on peu d'expérience m'a permis de le remarquer, les moyens
-écessaires pour assouvir cette dernière passion varient dans
-us les Etats selon la différence du gouvernement. Dans une
-onarchie on s'efforce de se concilier la bienveillance du
-onarque comme de celui qui seul met en mouvement tout
- corps et qui seul peut en vivifier ou anéantir les parties;

mais dans cette île, où la forme du gouvernement est compliquée, et où l'argent, ce nerf si indispensable, qui don ou ôte la vigueur aux opérations de l'administration, dép uniquement du bon plaisir de la nation, il est aussi bea coup plus utile de se concilier préalablement la confiance l'amour de celle-ci, car par là on se procure autant de deg pour monter aux emplois les plus éminents, et on se trou encore dans le cas d'être recherché par la Cour, plutôt q de la rechercher.

On compte actuellement dans l'opposition jusqu'à h différentes factions, qui, sans pouvoir être d'accord ce qu'elles veulent, contribuent elles-mêmes à diminuer c te considération, dont elles devraient indubitablement jo au moyen d'une bonne harmonie solidement établie. Les s gneurs anglais font consister leur principal point d'honneur avoir dans la Chambre des Communes le plus de voix qu peuvent à leur disposition. Plus ils en ont, et plus ils jou sent de la faculté de prétendre aux bienfaits du roi et mê souvent d'en disposer, soit en leur propre faveur, soit en celle leurs amis, en obtenant ou des places lucratives, ou des no veaux titres, ou bien des fortes pensions. Si au contraire tel seigneur, mécontent de la Cour, rejette ses offres et ent dans l'opposition, il y est également reçu à bras ouver De sorte que, de quelque côté qu'il se tourne, partout il considéré, partout déjà il peut donner un certain poids a affaires.

La plupart de ceux que je connais ici ont été à pl sieurs reprises tantôt de l'un, tantôt de l'autre parti; c'ét selon que des circonstances plus ou moins favorables l'exigeaie et en général l'on m'a fortement assuré qu'ils ne connaissaie de plus grande règle que celle de la convenance. Pour réu sir à obtenir ces avantages imaginaires ou réels, mais serva cependant à contenter leurs passions, ils n'épargnent auc argent. Ils vont même si loin, que souvent ils deviennent l tristes victimes de leur folle prodigalité. On a des exemples qu

s élections des membres de la Chambre basse ont coûté à simples particuliers plus de 80 mille pièces. Quelle contra-ction! Les Anglais élèvent leurs clameurs contre la Cour; ils plaignent amèrement de ce que leurs subsides sont employés grande partie à les corrompre, tandis qu'eux-mêmes, pour r conformément à l'ambition qui les agite et non au vrai n public qu'ils n'allèguent que dans leurs vaines paroles, se servent de leurs richesses que pour se jouer mutuelle-nt le même tour.

L'animosité de la nation contre milord Bute ne lui permet nt de se mêler ouvertement dans les affaires publiques, mais n'en est pas moins celui sans l'avis duquel rien ne s'achève. pouvoir sur l'esprit du Roi est si grand, que ce ne sont prement que ses sectateurs qui peuvent aspirer à obtenir place dans le ministère. Il est toujours dans une campagne che de la ville, et c'est en conservant l'incognito le plus fond qu'il a ses conférences avec le Roi ou avec sa mère.

Le ministère d'Angleterre est proprement composé de six sonnes. On compte de ce nombre le premier lord de la sorerie. Il est à la tête des affaires de l'intérieur, il a le niement des finances du royaume, et ses lumières doivent iger les opérations de ses autres collègues, qui sans lui ne vent rien entreprendre. C'est une place enfin à laquelle t attachés tous les agréments et presque toute l'autorité due n premier ministre. Le lord North, fils du comte de ildford, en est actuellement revêtu. Le comte de Gower président du conseil privé, le duc de Grafton garde des aux, les comtes de Rochefort et de Suffolk secrétaires tat pour les affaires étrangères—le premier ayant le dépar-ent du Sud et le second celui du Nord—et le comte de ndwich premier lord de l'Amirauté.

A ce qu'on m'a assuré, les affaires ne s'achèvent jamais seul consentement du ministre au département duquel elles artiennent. Il y a six boîtes pour celles qui exigent résolu-n, et elles doivent faire la ronde de tout le ministère; en-

suite elles passent entre les mains du roi, qui les remet dé au ministre, qui par sa fonction en doit être l'exécuteur. U taverne est le rendez-vous ordinaire des ministres pour délibér sur la politique. Quelquefois aussi ils s'assemblent dans u des salles du vieux palais Whitehall, mais il faut que le c soit bien grave et bien extraordinaire. Je ne connais point pays, où ceux qui se vouent au service de leur patrie et leur souverain soient mieux payés qu'ici; par exemple la char d'auditeur de l'Echiquier, que possède actuellement le duc Newcastle, rapporte par an jusqu'à 18 mille livres sterlin celle de premier lord de la Trésorerie jusqu'à 10 mille chacun des secrétaires d'Etat peut compter jusqu'à huit mil pièces par an, outre les extraordinaires qui montent aussi f haut.

Ce que je trouve encore de très attrayant dans cette bienheureuse, c'est que, sans être gêné en rien dans sa faç de vivre, chacun peut penser et agir absolument comme il juge à propos, pourvu qu'il ne soit pas un perturbateur la société civile. De cette source découlent cette infinité d'or ginaux, que nous ne pouvons contempler qu'avec une surpri stupide des plis différents que l'esprit humain peut se donne sans parvenir jamais à les approfondir et encore moins à l imiter. L'estime publique n'est point attachée ici au faux éc des dignités et des rangs, que le souverain confère souve d'une main trop prodigue, mais uniquement au prix intrinsèq des qualités de l'esprit et du cœur. Si un ministre flaire temps en temps la suave odeur des roses, il est obligé revanche d'obvier bien souvent aux incommodités des ronces des épines, dont sa place est parsemée.

Je n'ose laisser un libre cours aux réflexions, qu'une im gination, trop échauffée par les objets que je vois et par l récits que j'entends, pourrait me suggérer. Chaque lettre do vous offrir une nouvelle matière.

1047. Иванъ Ивановичъ Крукъ—ки Александру Бор. Куракину.

1772 г. января 4. Петербургъ.

Apprenez, Monsieur, que Sa Majesté Impériale vous a mé son gentilhomme de chambre. Je vous en fais, mon nce, mon très humble compliment de félicitation en vous haitant du fond de mon cœur la continuation non interpue de toutes les prospérités imaginables. Vous ne douterez assurément de la sincérité et de la ferveur de mes vœux, naissant la part que mon attachement pour votre personne fait prendre à tout ce qui vous regarde. Pour satisfaire otre curiosité, j'ai l'honneur de vous mander qu'il y a encore t personnes qui sont nommées gentilshommes de chambre, oir: les princes Youssoupov, Gagarine, Dolgorouki, . Zagriaski, Domachnev, Samarine, Potemkine e comte Munnich qui épousera dans peu de jours la come Anne Efimovski. La nouvelle d'aujourd'hui est trop éressante pour la confondre avec d'autres. Aussi n'y en a-t-il beaucoup à présent.

C'était avec une attention toute particulière que le Grand- s'est fait lire votre relation sur vos voyages dans les vinces d'Angleterre. Tout le monde a applaudi à l'exacti- avec laquelle elle était écrite, et on s'est convaincu que s avez profité, on ne le pourrait plus, de votre séjour à de et en Angleterre. Votre modestie, mon Prince, m'épar- a le détail des éloges qu'on vous a donnés.

1048. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Маріи Степановнѣ Талызиной.

1772 г. января 10. Лондонъ.

Бывъ самъ наиглубочайшею неожиданно общею нашею поею ввергнутъ въ печаль, всеконечно, болѣе заслуживаю алѣнія, нежели въ состояніи малѣйшее до столь поразительо взаимной чувствительности удара касательное сдѣлать увѣніе. Лишилися мы и матери, и благодѣтельницы; и всѣ наши

слезы недовольны для оказанія должной благодарности за и любовь, за всѣ милости и за всю искренность, оною при в комъ случаѣ нелицемѣрно намъ оказанныя. Въ малолѣтс имѣлъ несчастіе потерять отца; когда зачалъ себя чувствова лишился матери, а теперь лишаюсь и той, которая, перв своею горячностью занявъ мѣсто, истинно въ трудностяхъ су свѣтскихъ руководствовала и вѣрнымъ въ моихъ до сего в мени еще маловажныхъ злоключеніяхъ служила прибѣжище Кладу всю въ осиротѣломъ состояніи надежду на любовь и лость настоящаго моего отца и покровителя; кладу же о и въ справедливо отъ васъ ожиданной взаимности, уважая тѣ навѣкъ вамъ непоколебимо посвященные сентименты. Р ному мы нашимъ событіемъ обязаны источнику, равная въ н кровь, и тѣмъ, неоспоримо, живѣе моя къ вамъ преданнос

Коль счастливымъ себя, моя милостивая тетушка, поч найдя въ васъ стремительно желаемый мною оборотъ! Возвра ніе въ отчизну во всей вамъ пространности искренность мою о жетъ, окажетъ же и мнѣ, коликою о васъ ласкаться могу дeждою. Отсутственнаго не забудьте, а предстоящаго изво те на пути чести и правды исцѣлительными своими удер вать наставленіями. Вотъ, о чемъ прошу и объ исполне чего внѣдрившимся во мнѣ о добромъ вашемъ сердцѣ поз ніемъ успокаиваюся.

1049. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 января 13. Село Никольское.

Чувства мои, кои вы, дорогой другъ князь Александръ рисовичъ, во мнѣ возбудили любезнѣйшимъ вашимъ письмо отъ 13 декабря минувшаго года, изъ Лондона пущенны тѣмъ наипаче теперь произвели первое сіе движеніе, что сленно бросаюсь на вашу шею, объемлю и цѣлуя поздрав наиискреннѣйшимъ образомъ васъ въ камеръ-юнкерахъ ком ты нашей всемилостивѣйшей государыни. Боже, Творецъ в ленной, да устроитъ своимъ милосердымъ промысломъ все

ю можетъ возвести васъ, любезный мой, на вышнюю степень шего собственнаго удовольствія въ славу предковъ и потомвъ вашихъ и на мою собственную совершенную радость.

Благодарствую всей душою за оное ваше письмо. Оно изъявніемъ душевныхъ вашихъ драгоцѣнныхъ добродѣтелей, привязансти ко мнѣ и благороднаго подражанія доброй славѣ, указавши итомъ и успѣхъ вашихъ пріобрѣтеній, восхитило меня радостію удовольствіемъ до пораженія. И я, вторично еще васъ терь мысленно объемля, прошу и всѣмъ сердцемъ желаю, — да рѣпляйтесь вы, драгоцѣннѣйшій другъ, въ непоколебимости хъ вашихъ душевныхъ расположеній, кои, всеконечно, одинъ настоящій источникъ къ созиданію человѣковъ на украшеніе оего отечества и всѣхъ вообще людей. Я тутъ тогда найду впреткновенное себя обрадованіе въ заключительной уже въ мнѣ моей сладкой сей надеждѣ, что дѣти мои по мнѣ и ши невзрослые братцы пріобрѣтутъ въ васъ къ своему мѣру и ихъ предводительству то, что по счастію вы братѣ моемъ и во мнѣ сами познаёте, и что конечно услажеть наши души больше всякаго наружнаго могущаго быть здаянія.

Недавно князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ любезнымъ мнѣ письмомъ далъ спознать его къ вамъ присоединеніе и равданіе моему о его весьма добродѣтельныхъ качествахъ заюченію. Я, теперь здѣсь же и васъ, дорогой мой свойственкъ и пріятель, всею душою благодарствуя, обоихъ васъ, юбезные друзья, совокупно прошу преумножить вашу ко мнѣ ривязанность тѣмъ, чтобы соединиться между собою въ вѣрдю ближнихъ свойственниковъ любовь, дружбу и взаимное одого противъ другого подражаніе въ добродѣтеляхъ и подвикъ, составляющихъ истинную вѣрность къ своему обладателю, юбовь къ отечеству, способность къ принесенію собою плодовъ лезныхъ и украшенію славы предковъ и предводителей вашихъ. ъ семъ Господь, Творецъ вселенной, да подкрѣпляетъ васъ своею лосердою и промышляющею о нашемъ отечествѣ спасительою десницею!

Пожалуйте, друзья мои сердечные, исполняйте ваше ко м обѣщаніе намѣренными меня увѣдомленіями. А отъ васъ, д рогой князь Александръ Борисовичъ, я того письма не п лучалъ, на которое вы моего отвѣта не имѣли. И неудивител но, что въ оныхъ было препятствіе по извѣстнымъ здѣ нимъ общимъ несчастливымъ приключеніямъ. Но чтобы вы об дорогіе, и по оному высвободились изъ большого сомнѣнія, я прибавляю къ сему потребное ради того увѣдомленіе: о обоихъ нашихъ злоключеній не толико изъ вашихъ ближних но и никто изъ благородныхъ не претерпѣлъ. А одно и оныхъ пресѣчено препохвальнѣйшею патріотизмою и мужество нашего же любезнаго Петра Дмитріевича Еропкина въ с момъ его началѣ безъ всякой отрыжки; а въ другомъ заразо поражались единственно неостерегающіеся отъ ближняго соо щенія и прикосновенія, коя и обратилась между одною по лостью, а лучшаго оной житья всѣ спаслись. И теперь с гнѣвъ Божій повсемѣстно коли не совсѣмъ, то, по послѣдн мѣрѣ, почти до неуваженія прекратился. Да хранитъ тол спасительная десница при наступленіи лѣта! Однакоже всѣ ч ловѣческія къ тому предосторожности предприняты, лишь бы он превозмогли случаи обыкновеннаго людямъ злоупотребленія небреженія.

Я съ іюня мѣсяца, выѣхавъ для употребленія пирмонтскихъ вод держался въ Петровскомъ графа Кирилла Григорьевич до тѣхъ поръ, пока объявлено было, чтобы неимѣющіе пр вязанности къ Москвѣ службою отъ оной, въ разсужденіе тѣсно поотдались на время. Тогда въ половинѣ сентября мѣсяц когда моръ взошелъ уже больше половины своей степени, пер ѣхалъ сюда въ деревню брата покойной моей жены, гдѣ с безвредностію всѣхъ моихъ имѣю всякое возможное споко ствіе и удовольствіе и гдѣ такъ, какъ и во всякомъ мѣстѣ, с преисполненною душою любви и дружбы всегда обоимъ преб ваю вашимъ сіятельствамъ, дорогіе друзья, вѣрный и искре ній слуга. Графъ Петръ Панинъ.

1050. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Никитѣ Ивановичу Панину.

[1772 г. середина января].

Je viens de recevoir la nouvelle inattendue que Sa Majesté npératrice a daigné me nommer son gentilhomme de Cham-. Je sais apprécier mon peu de valeur avec trop d'exacti-le pour oser croire que cette faveur me regarde parti-ièrement. Je sens que c'est l'unique bonheur de vous appar-ir de si près qui me l'a procurée. Que ne vous dois-je nt tout! je ne vis, je n'existe que par vous. En entrant s les droits d'un père tendre, vous entrez aussi dans ceux bienfaiteur généreux. J'admire vos vertus; je suis si étré de reconnaissance, d'amour et d'attachement qu'il ne st plus possible de vous rien consacrer que vous ne édiez déjà depuis longtemps. Il me reste seulement à prouver par le fait, combien je suis inébranlable sur t ce qui vous concerne, et combien j'ai à cœur de justi- tout ce que vous voulez bien faire pour mon établissement.

Quoique je me trouve actuellement bien éloigné de ma rie, au milieu d'un pays étranger, d'un pays qui par ses ntés différentes offre de très grandes amorces, et que dans je verrai des contrées peut-être plus belles, plus délicieuses, vous supplie néanmoins d'être persuadé que tous ces objets, lque séduisants qu'ils soient, ne pourront jamais effacer moi les sentiments d'un patriote zélé et sensible. Je tâche considérer mon existence non en épicurien, mais en cosmo-ite qui se dévoue à l'utilité publique. Une indifférence, s même, un mépris total sont les suites non douteuses de façon de penser du premier; tandis qu'une estime affectu-e et universelle est la récompense de celle de l'autre. Ser- ma patrie et ma Souveraine avec distinction, être aimé de s parents, avoir des amis tendres et m'acquérir dans le nde une opinion avantageuse surtout de mon caractère moral,— sont là les seuls buts, auxquels j'achemine tous mes désirs, tous

mes vœux. En prodiguant mes jours, mon sang et second de la bénédiction divine, j'espère pouvoir atteindre le premi de ces buts, à moins que je ne sois arrêté par un de ces malheurs que le destin prépare et que l'homme, dont les faibles connaissances, sans pénétrer dans l'avenir, ne s'étendent que sur le passé et sur le présent, ne peut prévoir. Une déférence aveugle à vos volontés et une conduite réglée sur les maximes les plus rigides pourront m'assurer du second. Le troisième dépendra en partie d'une certaine sympathie qui se rencontre parmi nous et en partie des circonstances; mais quant au quatrième, c'est le plus épineux, le plus difficile et le moins déchiffrable à mes yeux.

Etre exposé au venin de l'adulation, à la séduction dangereuse de nos passions qui, sous le masque de l'agrément, ne font que nous précipiter dans un cours d'infortunes, être assailli par tout ce que la jalousie, la calomnie de nos envieux et de nos ennemis ont de plus noir, et cependant fuir les uns, terrasser les autres, se rendre invulnérable aux traits empoisonnés des troisièmes et sortir de tous ces dangers le cœur non perverti, la conscience tranquille, n'ayant commis aucune action dont on puisse ensuite rougir, et être couronné des applaudissements de ceux avec qui on a eu à faire, c'est mettre en œuvre les facultés inestimables de cette raison que le Très-Haut nous a donnée en partage, c'est s'éloigner de la route erronée que prend la plupart du vulgaire, c'est se montrer enfin tel qu'on doit être. Mais comment ne pas broncher sur cette scène raboteuse, comment demeurer dans ce tourbillon tumultueux aussi inflexible qu'un rocher qui résiste aux vagues assaillantes d'une mer orageuse? Je ne connais qu'un seul moyen et il est aussi salutaire qu'efficace: c'est de posséder l'affection d'un protecteur généreux, d'être éclairé par ses lumières bienfaisantes et d'en être guidé dans ces sentiers inconnus qu'une longue expérience lui a rendus familiers. Ayant le bonheur de vous posséder, mon tendre père, je crois posséder déjà tous ces avantages. Vous m'av

ris sous vos auspices dès ma tendre enfance, vous m'avez ccordé le nom précieux de votre fils; que de motifs pour ue vous daigniez influer également sur mon bien-être futur! 'est de cette seule influence que j'attends tout mon bonheur.

Je ne puis vous cacher qu'en réfléchissant sur les événements de ma vie, je deviens souvent la proie des regrets les lus cuisants. Je me trouve encore parmi cette classe de itoyens qu'on ne connait que par l'oui-dire et qui, n'étant ien, ne sont que préparés à devenir quelque chose; et par os bontés j'aurais pu être du nombre de ceux qui, travaillant our l'Etat, reçoivent tous les jours de nouveaux aiguillons leur zèle, à leurs travaux, soit par les faveurs du monarque, oit par l'approbation de leurs supérieurs. J'ai à rejeter le ut sur moi-même: je suis le seul fautif et il est juste que n porte aussi la peine. Que d'occasions ne m'avez-vous pas urnies! Je pouvais et je devais en profiter; mais malheureument trop faible, trop léger, je souffris que des erreurs pardonnables fascinassent ma vue sur mon vrai bien. Je égarais, et en m'égarant j'aliénais de moi tous ceux qui m'aiaient le plus.

1051. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. января 16. Лондонъ.

Nous avons assisté le 10 (21) du courant à l'ouverture du Parment. C'est une des cérémonies les plus augustes et les plus posantes que j'aie jamais vues. Elle m'a trop vivement frappé ur que je ne m'en serve d'occasion afin de faire à Votre tesse Impériale une faible esquisse de l'heureuse forme du uvernement de ce pays. Il vous est connu, Monseigneur, 'elle est une des plus compliquées et, malgré cet inconvént, une des plus parfaites de l'Europe. On y aperçoit un lange de la monarchie, de l'aristocratie et de la démocratie, c'est de ce mélange que sort un tout admirable. Le roi et deux Chambres du Parlement constituent ici le gouverne-

mes vœux. En prodiguant mes jours, mon sang et secou
de la bénédiction divine, j'espère pouvoir atteindre le prem
de ces buts, à moins que je ne sois arrêté par un de
malheurs que le destin prépare et que l'homme, dont
faibles connaissances, sans pénétrer dans l'avenir, ne s'étend
que sur le passé et sur le présent, ne peut prévoir. U
déférence aveugle à vos volontés et une conduite réglée
les maximes les plus rigides pourront m'assurer du second.
troisième dépendra en partie d'une certaine sympathie qui
rencontre parmi nous et en partie des circonstances; m
quant au quatrième, c'est le plus épineux, le plus difficile
le moins déchiffrable à mes yeux.

Etre exposé au venin de l'adulation, à la séduction da
gereuse de nos passions qui, sous le masque de l'agrémen
ne font que nous précipiter dans un cours d'infortunes, ê
assailli par tout ce que la jalousie, la calomnie de
envieux et de nos ennemis ont de plus noir, et cepend
fuir les uns, terrasser les autres, se rendre invulnérable a
traits empoisonnés des troisièmes et sortir de tous ces da
gers le cœur non perverti, la conscience tranquille, n'ay
commis aucune action dont on puisse ensuite rougir,
être couronné des applaudissements de ceux avec qui on a
à faire, c'est mettre en œuvre les facultés inestimables
cette raison que le Très-Haut nous a donnée en partage, c'
s'éloigner de la route erronée que prend la plupart du vulgai
c'est se montrer enfin tel qu'on doit être. Mais comment
pas broncher sur cette scène raboteuse, comment demeur
dans ce tourbillon tumultueux aussi inflexible qu'un rocher q
résiste aux vagues assaillantes d'une mer orageuse? Je
connais qu'un seul moyen et il est aussi salutaire qu'effica
c'est de posséder l'affection d'un protecteur généreux, d'êt
éclairé par ses lumières bienfaisantes et d'en être guidé da
ces sentiers inconnus qu'une longue expérience lui a rend
familiers. Ayant le bonheur de vous posséder, mon tend
père, je crois posséder déjà tous ces avantages. Vous m'av

…s sous vos auspices dès ma tendre enfance, vous m'avez …cordé le nom précieux de votre fils; que de motifs pour …e vous daigniez influer également sur mon bien-être futur! …est de cette seule influence que j'attends tout mon bonheur.

Je ne puis vous cacher qu'en réfléchissant sur les événe…nts de ma vie, je deviens souvent la proie des regrets les …s cuisants. Je me trouve encore parmi cette classe de …oyens qu'on ne connaît que par l'ouï-dire et qui, n'étant …n, ne sont que préparés à devenir quelque chose; et par … bontés j'aurais pu être du nombre de ceux qui, travaillant …r l'Etat, reçoivent tous les jours de nouveaux aiguillons …leur zèle, à leurs travaux, soit par les faveurs du monarque, … par l'approbation de leurs supérieurs. J'ai à rejeter le …t sur moi-même: je suis le seul fautif et il est juste que … porte aussi la peine. Que d'occasions ne m'avez-vous pas …nies! Je pouvais et je devais en profiter; mais malheureu…ent trop faible, trop léger, je souffris que des erreurs …rdonnables fascinassent ma vue sur mon vrai bien. Je …garais, et en m'égarant j'aliénais de moi tous ceux qui m'ai…ent le plus.

1051. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. января 16. Лондонъ.

Nous avons assisté le 10 (21) du courant à l'ouverture du Par…ent. C'est une des cérémonies les plus augustes et les plus …osantes que j'aie jamais vues. Elle m'a trop vivement frappé …r que je ne m'en serve d'occasion afin de faire à Votre …esse Impériale une faible esquisse de l'heureuse forme du …vernement de ce pays. Il vous est connu, Monseigneur, …lle est une des plus compliquées et, malgré cet inconvé…t, une des plus parfaites de l'Europe. On y aperçoit un …nge de la monarchie, de l'aristocratie et de la démocratie, … c'est de ce mélange que sort un tout admirable. Le roi et … deux Chambres du Parlement constituent ici le gouverne-

ment; ainsi pour en parler intelligiblement, je vais en dissé les parties. Je crois de mon devoir de communiquer à V Altesse Impériale sans réserve tout ce qui peut m'affecter. ne tâche point d'y prêter un ornement illusoire par le fard la fiction et de l'éloquence; vous n'y trouverez que l'ingénu de la nature innocente.

La Chambre des Communes qui est proprement le fiscal Royaume est composée de cinq cent treize membres p l'Angleterre et de quarante-cinq pour l'Ecosse. Ce sont députés qui représentent, soit des comtés, soit des villes. comtés envoient toujours deux députés, quant aux villes, nombre n'est pas égal: tantôt un, tantôt deux, tantôt tr Londres seul a le droit d'en envoyer quatre, et si l'on y aj comme de raison ceux de Westminster et de Southwark, al elle en envoie huit.

Cette Chambre s'occupe principalement des impôts en général des finances. Elle a un orateur qui y pré et qui doit y veiller au bon ordre. Les affaires s'y dé dent ainsi que dans la Chambre haute à la pluralité voix. Quand le terme de la durée du Parlement est évolu que le roi veut en convoquer un nouveau, il faut que villes et les comtés procèdent à de nouvelles élections députés qui doivent les représenter. Ces élections se font d des assemblées libres des pères de famille dans les comtés des bourgeois dans les villes. Pour qu'un père de fam puisse devenir électeur, il faut qu'il possède, selon une loi p mulguée sous Henri II, un bien-fonds qui lui rapporte revenu de quarante schellings, somme qui, alors très consi rable par la rareté de l'argent, n'est de nos jours que des p communes. Chaque cultivateur peut presque se dire propriét d'un tel bien, ce qui, augmentant le nombre des électeurs i gents, augmente naturellement la facilité de les corromp

Etonné qu'après une suite de cinq à six siècles on laissât subsis une loi, qui par son exécution s'était tellement éloignée du sens législateur, je m'en suis expliqué envers plusieurs Anglais. M

ur réponse a été, que c'était dans cet inconvénient même, i on osait le nommer ainsi, qu'il fallait chercher les véritables urces du maintien de la liberté britannique sur un pied able, puisque par là tous les moyens étaient ôtés aux grands fouler les indigents, car leurs intérêts, exigeant d'avoir à ur disposition le plus d'électeurs qu'ils peuvent, ils se voient écessités de les ménager dans toutes les occasions. Quand un éputé est une fois légalement élu, il conserve pendant toute durée du Parlement un droit sur son emploi, que personne peut lui ôter, à moins qu'il ne soit trouvé coupable par la ntravention de quelque loi; et ceux qui l'ont élu doivent déjà tiemment souffrir ses démarches, supposé même qu'elles raient directement opposées aux instructions qui lui ont été nnées à cet égard.

Les deux Chambres du Parlement travaillent séparément au ême but qui est la félicité de leur patrie, sans qu'aucune elles puisse s'ingérer dans les affaires ou dans les décisions l'autre. Tout membre de la Chambre des Communes, avant n entrée en fonction, doit prêter serment d'observer et de connaître les quatre points suivants:

1°. La suprématie du roi dans l'Eglise, selon l'acte de 1534.

2°. L'acte du Test, fait sous Charles II en 1674.

3°. L'acte de 1702 qui exclut les Stuarts du trône.

4°. Le serment prescrit en 1706 après la conspiration des udres.

Ces quatre articles ont été établis, comme on le sent parfitement, pour éloigner les catholiques des affaires. Dans ce mps ils étaient très redoutables par rapport à leurs connexions, quoiqu'ils ne le soient plus à l'heure qu'il est, on continue pendant les mêmes usages que la méfiance avait autrefois t établir.

La Chambre des Communes ne permet jamais que celle s seigneurs s'ingère de décider, si un de ses membres été éligible ou non, s'il peut être chassé ou s'il doit être nservé. Les prérogatives diverses de cette Chambre ne sont

pas bien éclaircies jusqu'ici, non plus que celles de la Chamb haute. Chaque membre de la Chambre des Communes don son suffrage pour soi-même; la procuration n'y est pas admi mais bien dans la Chambre des seigneurs, et encore n'est que tant que ceux du parti opposé veulent l'accepter, sans q ce ne sont que les présents dont les voix sont compté L'orateur, élu à la pluralité des suffrages et nommé par Cour, préside dans la Chambre des Communes; chaque memb ose pourtant faire une proposition qu'on appelle „bill". Cel ci ne peut jamais passer sans avoir été lu et examiné tr fois, précaution admirable contre tous les abus, qui pourrai y intervenir, et un bill ne peut autrement obtenir force loi que par l'approbation expresse du roi; alors il change nom et prend celui d'Acte du Parlement.

Le Parlement, à moins que d'être cassé à l'occasion d' cas extraordinaire, doit actuellement rester assemblé durant s ans; c'est ainsi qu'il en a été décidé sous le ministère du c lèbre chevalier Robert Walpole. Cette innovation a été des premiers chefs-d'œuvre de ce grand ministre, et c'est à c proprement qu'il faut attribuer l'affermissement du trône de Grande-Bretagne dans la maison de Hanovre.

Autrefois le Parlement était triennal, ce qui n'avait li qu'au grand détriment de la Cour; par là les cas, où la corrupti était nécessaire, se répétant infiniment plus souvent, il arriv que le roi ne pouvait suffire à ces grandes et fréquentes dépe ses qui en étaient des suites indispensables. Il en résultait au que le parti opposé aux vues de la Cour, reprenant une no velle vigueur, ne pouvait faire dans tous les cas qu'une résistan d'autant plus efficace. Jadis ces deux partis se distinguaie par les noms de whigs et de tories. Les premiers s'étaie décidés pour la succession protestante, au lieu que les secon penchaient en faveur des Stuarts et de l'établissement d pouvoir arbitraire.

La grande révolution de 1688 plaça les rênes du gouverneme entre les mains des whigs; ils en furent en possession jusqu'

11, que l'aventure la plus étrange les en déposséda, en privant de rs emplois le fameux duc de Malborough et le comte de dolphin qui en étaient les deux chefs. Ce changement de ne fut très favorable aux tories: ils se parèrent incontinent toutes les dépouilles de leurs antagonistes. Le duc d'Ornd devint capitaine général, Harley, comte d'Oxford, grand orier et le docte St. Jean, vicomte de Bolingbroke, secrére d'Etat. Constamment occupés de mettre en œuvre d'aussi nds desseins, leurs soins principaux se fixèrent sur les affaires érieures de leur patrie. Ils considérèrent la guerre que gleterre avait alors sur les bras, quelque glorieuse qu'elle , comme un obstacle invincible à tout ce qu'ils pourraient reprendre, par les frais énormes et l'attention vigilante qu'elle geait. Cette disposition, au fond peu patriotique du ministère lais, sauva la France. Dix ans d'adversités l'avaient mise aux is et on ne sait pas les dures conditions auxquelles elle ait été obligée de souscrire sans l'armistice, que le duc rmond fit publier d'abord après son arrivée en Flandre. uis XIV reprit courage et, n'étant plus si pressé de tous és, il repoussa ses autres ennemis avec vigueur ainsi qu'avec succès qui déjà lui était presque inconnu.

Les négociations de paix, si souvent entamées et plus souvent ore rompues, furent reprises à Utrecht. On en vit bientôt éclore fruit bienfaisant qui, en arrêtant le cours des fureurs de Bellone, blit le repos d'une partie de l'Europe par la paix de 1713. te paix, quoique conclue au grand détriment des couronnes la maison de Bourbon, n'assurait pas à l'Angleterre tous avantages qu'elle avait droit d'espérer comme une suite de victoires multipliées. Les Anglais, indignés de cette faiblesse, l'attribuèrent qu'aux vues personnelles des tories ce qui, issant les esprits contre eux, contribua à diminuer le nombre leurs partisans et à affaiblir en eux tout espoir de réussite. trop grande timidité de milord Bolingbroke et la mort ite de la reine Anne achevèrent de renverser et de faire ouer tous leurs projets qui, conduits autrement, auraient

suivant cette méthode, elle peut obliger et s'attacher plusieu
au lieu de n'en obliger qu'un seul. C'est aussi sur ces mêm
principes que la charge de grand-amiral a été suspendue, po
être exercée par sept députés, à la tête desquels se trouve
comte de Sandvich. Il ne possède cet emploi que dep
l'hiver passé. Il y a succédé à l'amiral Hawke, dont on a é
assez mécontent. La réputation qu'il s'était acquise par s
victoires navales lui avait fait confier après la conclusion de
paix la direction de toute la flotte, mais de fréquentes maladi
l'empêchèrent d'y vaquer avec cette vigilance et cette exactitu
qui y sont nécessaires.

Tout dépérissait lorsque l'affaire de Falckland, venant réveill
les Anglais de cette profonde sécurité, où ils étaient ensevel
fit penser sérieusement à des préparatifs de guerre. Malgré
presse des matelots et l'armement le plus forcé, on ne p
mettre en mer que dix-huit vaisseaux de ligne. Quelle prodigieu
différence de ce nombre à celui de près de trois cents qu'
ont eus il n'y a que dix ou douze ans! Cette époque, si j'
excepte les dépenses inutiles qu'elle a occasionnées, a produ
un grand bien: elle a engagé l'Angleterre de veiller plus so
gneusement à la conservation de l'état florissant de cette part
de ses forces, la plus utile pour sa situation et la plus fo
midable pour ses voisins.

L'activité et le zèle laborieux de milord Sandvich a
contribué à remettre son département sur un meilleur pied, et
a tout lieu d'attendre que tous les jours ce ne pourra aller q
de mieux en mieux. Ce ministre s'est déjà fait connaître p
ses autres commissions publiques, surtout par son ambassade
congrès d'Aix-la-Chapelle, et par la place de secrétaire d'Et
qu'il a occupée les deux premières années de ce règne.

Le comte de Gover est président du conseil-privé. Il
père de la duchesse douairière de Bedford, dont le génie n'
que trop connu. C'est par le crédit de sa sœur qu'il parvi
à être créé pair du royaume sous George II, et qu'il obti
sous ce roi-ci la Jarretière et sa charge actuelle.

Les sceaux privés sont à présent entre les mains du duc de rafton. Votre Altesse Impériale le connaîtra déjà de répution. Il se trouve dans le ministère depuis 1765. Au retour ses voyages et dans un âge, où jamais il n'aurait osé aspirer un emploi aussi considérable, il fut fait secrétaire d'Etat à la commandation particulière de milord Chatham. Ensuite il ssa à la direction de la Trésorerie, qu'il conserva jusqu'en 1770. s désagréments, que lui occasionnèrent les affaires des colos de l'Amérique, les suites qu'il en craignait et l'éloignent où il était obligé de vivre des plaisirs, auxquels on préd qu'il n'est que trop attaché, l'engagèrent de remettre au i, sous le prétexte d'une santé délabrée, l'emploi pénible qui avait été confié. Comme on voulut cependant le conserver s le ministère, on fit en sorte que le comte de Bristol, devant ambassadeur en Espagne, lors de la rupture entre les x couronnes en 1761, lui cédât les sceaux pour la place de emier chambellan du roi.

Les deux secrétaires d'Etat sont les comtes de Rochefort de Suffolk, le premier pour le département du Sud et le nd pour celui du Nord. Milord Rochefort s'est acquis de la utation par ses longues ambassades aux cours de Madrid et de rsailles. Quant à milord Suffolk, c'est de sa vie pour la emière fois qu'il est employé; il possède même assez faiblement langues étrangères. Une éloquence naturelle, dont il a su se vir avec avantage dans les séances du Parlement, a montré Cour la grande utilité de l'avoir des siens, et c'est alors pour lui faire abandonner le parti de l'opposition, on lui rit le secrétariat d'Etat, qu'il ne tarda point d'accepter.

L'armée est sous la direction spéciale du roi, qui y vaque nt assisté de deux ou trois généraux, qu'il choisit à cet et. Le vicomte de Barrington est chargé du secrétariat la guerre, et conséquemment de tous les devoirs qui y sont exés.

Je vous supplie, Monseigneur, de daigner me pardonner, je me suis écarté de nouveau de cette brièveté, que je me

propose depuis longtemps; la fécondité du sujet m'a entraîn
J'omets les détails de l'étiquette, qui s'observe à la Cour, ai
que de plusieurs cérémonies, auxquelles nous avons assisté, l
considérant absolument comme des minuties indignes de fix
votre attention. D'ailleurs, si Votre Altesse Impériale désire
un jour d'en être mise au fait, je pourrai la satisfaire beauco
plus à mon retour de vive-voix, que je ne puis le faire actu
lement au moyen de ma plume. Il me reste encore plusieu
autres objets très intéressants, qui formeront le sujet de qu
ques-unes de mes lettres à venir.

1052. Степанъ Степановичъ Апраксинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. января 27. Петербургъ.

Vous avez dû être informé de la grâce que Sa Majeste Impériale
daigné me faire de la remise des 20 mille roubles que feu ma chè
mère devait à la Banque. Mes trois tuteurs, M. le comte P
nine, M. Talisine et le comte Apraxine, ont disposé
tout au mieux, selon leur prudence ordinaire. La plupart d
gens de feu ma mère ont eu les uns la liberté absolue, d'autr
une retraite assurée dans les villages, tous récompensés. L
deux premiers Zachar et Alexis ont eu chacun cent roubl
de pension viagère et cinquante roubles pour le logement de la pr
mière année. Pour Moussorine, il conserve sa place. Quant
ce qui me regarde, j'ai toujours mon cher M. de Vill
neuve qui vous présente ses respects et les autres maîtr
qui étaient de votre temps. On me promet que, dans un
ou environ, j'irai continuer mes études dans la ville qui vo
a formé.

1053. Графъ Сальдернъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. февраля 4. Варшава.

Je reçois toujours avec satisfaction les lettres que vo
m'écrivez, mais celle du 14 janvier, où vous me parlez su
la politique, m'a fait un plaisir d'autant plus sensible, qu

remarque que vous aimez à vous appliquer au sérieux et vous détaillez avec exactitude ce dont vous voulez m'informer. vous en remercie beaucoup et souhaite très sincèrement vous puissiez tourner à votre avantage les remarques faites vous-même. Soyez persuadé que la propre conviction sur bien ou le mal des choses, appuyée par les raisonnements ceux que leur âge et l'expérience met en droit de le mieux maître, est la voie la plus sûre de parvenir à être heureux. st le but auquel nous visons tous et que nous pouvons ement manquer, tant que nous prendrons pour base de notre duite l'amour de la patrie et de notre prochain.

C'est avec la même satisfaction que je viens de recevoir re lettre du 30 janvier. Malgré qu'elle ne soit qu'historique, m'a rappelé avec plaisir les événements que j'avais presque liés. Permettez-moi que j'y ajoute une seule réflexion qui est peut-être échappée, que mylord Bolingbroke, étant des premiers hommes d'Etat de son siècle, était en même ps un homme sans religion, sans loi et sans foi. Il me faire à cette occasion une petite digression.

Vous êtes actuellement en Angleterre; il me paraît que ce pays, me en général toute la nation, vous plaisent beaucoup. Si cela comme je me l'imagine, réfléchissez aussi un peu combien la gion influe sur le caractère d'une nation. J'espère que vous rez que je parle de cette espèce de religion qui influe sur cœur d'un homme, sur ses sentiments, sur ses vertus et vices et qu'il ne s'agit pas dans ces moments du culte rne, si indifférent aux hommes qui pensent bien. Rappelez s, mon Prince, ce que je vous disais si souvent sur cet icle, et n'oubliez jamais qu'un homme sans religion est si prisable, qu'un homme sans honneur ne peut jamais l'être. touche à dessein cet article, connaissant combien peu on réfléchit à votre âge. Vous savez le peu de cas qu'on fait lheureusement, dans le monde où nous sommes, de la religion.

Avant de finir, mon cher ami, il faut que je vous dise ces s sur la nouvelle dignité que l'Impératrice vous a conférée.

Ah! monsieur le courtisan, vous êtes actuellement, par vo charge et par le privilège [qui] y [est] attaché, un illus fainéant. Mais non: j'espère que vous envisagerez ce pas p vous rendre digne d'autres emplois et que vous ne l'envisa rez [que] comme un mal nécessaire de percer la foule. Si n'en étais pas persuadé, je vous proteste que je ne me c solerais pas et que j'envisagerais comme un malheur l'Impératrice vous a nommé le gentilhomme de Chambre.

1054. Князь Александръ Бор. Куракинъ—Ивану Ивановичу Ирку.

1772 г. февраля 7. Лондонъ.

Je vous suis sensiblement obligé de m'avoir informé nom de ceux qui ont été avancés en même temps que m mais je vous serais encore plus obligé si vous vouliez av la bonté de me marquer quelle ancienneté nous observer entre nous, qui est le premier, qui est le dernier, et comm nous avons été rangés dans l'ukase qui a été envoyé au sé à cet égard? Excusez mon importunité; il ne vous en coût qu'une légère information.

Je suis enchanté d'avoir le prince Youssoupov parmi m collègues. Il est aimable, modeste, et ce qui [est] plus, [il] rempli de connaissances. J'ai toujours été de ses grands am j'ai même ardemment souhaité de pouvoir voyager ensemble, qui malheureusement ne put se faire par des raisons qu'il m' superflu et d'ailleurs trop long de détailler ici. Vous aurez bonté de lui faire parvenir cette lettre que je lui écris, et vous charger de toutes celles qu'il poura m'adresser. J'atte cette complaisance de votre amitié.

1055. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину

1772 г. февраля 11. [Петербургъ].

Что же вы желаете знать о положеніи оставшихъ пос покойной Аграфены Леонтьевны,—начинаю тѣмъ ва сказать, что тетушка ваша съ своимъ любезнымъ супруго

...сѣмъ въ домъ покойной переѣхали. Итакъ, несчастныя си...ы подъ ихъ опекунствомъ. Можно сказать, что, кто былъ ...вязанъ къ этому дому, нынче безъ огорченія въѣхать не ...жетъ оттого только, что печаль въ очень короткое время ...новалась... comme si rien n'était.

О перстнѣ своемъ будьте спокойны: онъ вѣрно проданъ ...будетъ; книги же, сказываютъ, у Крока, а въ домѣ тутъ ...тъ.

О князѣ Алексѣѣ вамъ скажу, что большую надежду ...етъ быть своимъ въ утѣшеніе и полезнымъ отечеству; при...жностью его къ наукамъ очень довольны, и скажу, что я его ...рдечно люблю.

Князь Степанъ здѣсь уже мѣсяцъ живетъ, надняхъ от...вляется къ Бибикову, въ Польшу. Признаюсь, что ...мнѣ очень жалокъ тѣмъ, что его время ни къ чему про...ло: прошедшую кампанію ни къ чему его потѣшили, что ...слали въ армію, гдѣ онъ головой ничего не дѣлалъ, а ...ько былъ дежурнымъ при фельдмаршалѣ и, не дождавшись ...нца кампаніи, отпросился домой. Юша дѣйствительно слу...итъ, очень доволенъ, что за взятіе Перекопа пожалованъ въ ...питаны, для чего нынѣшнюю зиму сюда не будетъ; съ полкомъ ...оимъ топерь пошелъ въ Смоленскъ, гдѣ станетъ ожидать сво...о жребія.

Дядя Петръ Ивановичъ съ самаго того времени, какъ ...ало быть опасно въ Москвѣ, живётъ въ деревнѣ своего шу...на Татищева, которая отъ Москвы разстояніемъ верстъ ...семьдесятъ; по письмамъ видно, что, слава Богу, здоровъ. ...стра княгиня Катерина Александровна до самой зимы ...ла въ своей Волоколамской деревнѣ, топерь въ Москвѣ по ...ричинѣ полученія наслѣдства послѣ смерти ихъ тетки Кан...темировой, которое очень знатно, а большой ихъ сынъ въ ...Швеціи, по ихъ желанію, при нашемъ министрѣ.

Вотъ, мой дорогой другъ, я обстоятельно васъ извѣстила о ...сѣхъ нашихъ ближнихъ. О себѣ-жъ много не могу вамъ ска...зать, что здѣсь въ превеликой скукѣ живёмъ и въ ужасной

пустотѣ. Хотя жалѣю, что съ вами долго не увижусь, од не только вамъ совѣтую, а прошу быть терпѣливѣе—не т скоро желать возвратиться, а пользоваться какъ можно бол этимъ временемъ, чтобы свѣтъ видѣть, зная, что никогда опоздаете быть на здѣшнемъ паркетѣ.

. . . .

1056. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. марта 6. Лейденъ.

Je m'acquitte de ma promesse, en ajoutant quelques ob vations sur les impôts de ce pays-ci. Si elles ne répondent en tout à votre attente, mon Prince, je vous prie de ne l'imp pas à mon application à vous servir, mais à mon ignorance vos intentions. Après en être informé je pourrais donner éclaircissements ultérieurs autant que je les puis avoir ou don J'ai lu la note sur l'immunité que le duc d'Aiguillon a mise aux ministres publics qui résident à la Cour de Fra et serais charmé d'apprendre ce que vous en jugez, mon Pri et ce qu'on en pense en Angleterre. On nie que celle-ci fe une loi dans une affaire si délicate, et pourtant cette loi ex depuis plus d'un demi-siècle. On allègue le procédé à Vie touchant M. de Chernichov; mais, comme on m'assure, comte n'était pas accrédité à la Cour impériale, et ainsi n'a [pas] plus de droit qu'un autre étranger de distinction, Enfin, si j'ose le dire, il me paraît que cette pièce conti des principes opposés à ceux qui sont reçus jusqu'ici et désavantageux à tout le corps respectable des ministres, et faits ou insuffisants pour fournir une preuve dans un poi considérable, ou sans application.

Les nouvelles de ce pays-ci sont peu importantes. On ici sur l'ancien pied, mais votre mémoire, mon Prince, et c de M. le baron de Saldern et de M. le comte de Ché métev est toujours très précieuse à tous ceux qui ont eu bonheur de vous connaître.

1057. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну.

1772 г. марта 6. Лондонъ.

Je vous supplie d'être persuadé vous-même et de persuader ssi mon cher oncle, qu'un jour de retour chez moi ma con-ite sera tout autre qu'elle n'a été autrefois. Alors j'étais aveugle, is à présent j'espère être un peu plus clairvoyant, surtout des choses qui me regardent de si près. Qu'est-ce qui peut eux nous forcer à devenir sages, si ce n'est une propre érience assez triste? Les devoirs annexés à ma charge ne t pas si étendus, pour qu'ils puissent me prendre tout mon ps, ils ne me prendront que six ou huit jours par mois t au plus. Mon dessein est de prier instamment mon cher le de me permettre d'écrire sous sa dictée, de travailler s sa chancellerie ou bien dans tel bureau qu'il jugera le convenable. C'est cette permission que je regarderai comme nouveau bonheur, et que je m'efforcerai d'obtenir. L'envi-ant de ce côté, mon retour dans ma patrie ne peut m'être des plus utiles; car plus tôt je serai introduit dans cette ière qui jusqu'à présent m'est inconnue, et plus tôt j'en rai ressentir les bénins effets à l'avenir. Je me réfère à lumières, à votre tendresse; daignez me communiquer ce elles vous dicteront, et principalement daignez vous souvenir c'est un fils sincère et obéissant qui vous écrit. Je désire oir si tôt mes dieux pénates en bon parent, en citoyen et patriote.

Demain nous partons pour la France, pour ce pays, siège la frivolité et des plaisirs, mais actuellement, par la persé-ion des parlements, par l'oppression du peuple, siège du grin, de l'effroi, de l'affliction et des troubles.

En analysant les voyages avec un peu d'exactitude, on trouve n parvient à voir une quantité de bâtiments, parmi lesquels en a de beaux et de mauvais, plusieurs peuples, et avec une foule de folies, de préjugés et de toutes sortes de

vices. Si on a le bonheur d'être aussi bien conduits que n le sommes, on ne peut que profiter d'un pareil spectacle, doit imprimer une véritable aversion. Le guide vigilant observer les bonnes choses comme des exemples à suivre, les mauvaises comme des pièges dangereux à éviter. La lect nous peint les hommes avec les couleurs les plus avantage tandis que souvent l'effet ne répond nullement à l'attente qu s'en forme, et rarement les nations gagnent à être connues près, surtout celles dont on a des idées préliminaires t flatteuses.

1058. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. марта 12 [1], Лондонъ.

Nous sommes déjà sur notre départ. Je dois avouer que n'est pas sans regret que je quitte Londres. On nous y comb de politesses, et nous vivions très contents, après nous è un peu accoutumés aux mœurs et à la façon de vivre de nation. J'aurais toujours regretté de n'avoir pas vu l'Anglete de mes propres yeux. On débite sur ce beau pays tant contes, qu'il est presque impossible de ne pas s'en laisser sédui mais à présent je sais du moins à quoi m'en tenir, et je p apprécier plus au juste le prix de tout ce que je serai d le cas d'en entendre dire.

De tous les peuples qui habitent sur notre globe, Anglais sont à ce que je crois les plus heureux et plus à envier. Non soumis à la volonté arbitraire ou plu au caprice d'un seul, ils n'obéissent qu'à des lois dictées la sagesse même, et que forma la seule unanimité. L vie ne peut devenir la victime des passions vicieuses d troisième; leurs biens sont à l'abri de toute violence. Le actions sont spontanées et absolument destituées d'une g odieuse. Ils n'ont rien à craindre ni de la disgrâce du souvera ni de la haine des ministres et des courtisans: leur excelle Constitution est l'égide redoutable qui les garantit de to

justice. Ils n'ont enfin qu'à jouir de leur existence, chacun lon son bon plaisir et sa fantaisie; mais la plupart n'en issent pourtant qu'en gens sensés qui connaissent et le but celui qui les a créés, et jusqu'où s'étend la chaîne de leurs voirs envers eux-mêmes et envers les autres. Je suis si pé-tré de cette situation que, si je n'étais attaché à ma patrie r des liens aussi indissolubles, et ayant à choisir en même mps le pays auquel je devrais consacrer et ma vie et mes vaux, l'Angleterre serait sans aucun doute celui que je oisirais par affection autant que par conviction.

Nous allons diriger nos pas vers un royaume qui de tout mps est entré en concurrence avec celui que nous quittons, nt la principale ambition n'est que de conserver dans toutes parties une prééminence flatteuse, et qui peut-être dans sieurs l'a effectivement obtenue. La lecture d'une infinité teurs assez partiaux, des dictions invétérées de l'enfance, eauté du climat, la gaieté et l'agrément du caractère national, — t me parle en faveur de la France. Sans y avoir jamais , je lui cède déjà une partie de mon admiration. Je ne s si les objets, qui se présenteront à mes regards avides, rront réaliser les idées avantageuses que je m'en forme. Je erai d'approfondir tout ce qui excitera mon attention avec œil curieux, mais impartial. Je bannirai toute prédilection, te prévention; elles sont des plus pernicieuses à cet égard, si, peut-être, trop faible, je serai prêt à succomber, j'ai un idote merveilleux, pour me faire recouvrer d'abord mes pre-ers sentiments, ce sont les avis sages, les conseils tendres mon guide actuel. Trop persuadé de son amitié, je ne puis evoir qu'avec une déférence illimitée tout ce qui me vient sa part.

Je vous supplie aussi, mon tendre père, d'être pleinement vaincu que j'emploie tous mes efforts, pour ne pas ressembler eaucoup de nos compatriotes qui, sans avoir bien étudié ce ils ont vu, et ridiculement éblouis du premier éclat qui les frappés, donnent incontinent dans un enthousiasme hébété

et conçoivent injustement du mépris pour les lieux qui les vus naître. Nous voyons chez nous plusieurs de ces pau esprits qui, pour avoir été quelques mois dans un pays étran croient avoir acquis en revenant chez eux le droit de censurer et de tout mépriser, et par là ils deviennent eux-mê à juste titre la risée et le rebut de tout le monde. Que me garde de pouvoir donner le moindre soupçon d'un p travers! Je désire m'orner l'esprit, pour communiquer à concitoyens les lumières faibles ou utiles que j'aurai eu l'occa d'acquérir, et non pour m'en prévaloir contre eux.

1059. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Курак

1772 г. марта 16. [Петербургъ].

Князь Степанъ въ концѣ прошлаго мѣсяца отправ въ Варшаву, князь Алексѣй здоровъ и очень любез Меньшого самаго уже нѣсколько мѣсяцевъ не видала, о н ничего не знаю, какъ и объ Юшѣ ничего сказать вамъ могу: очень давно писемъ отъ него не имѣю, считаю въ пох

Думаю, вы моимъ письмомъ будете недовольны. Вѣр мой дорогой, что я сама очень желала бы васъ видѣть, то въ этомъ никакъ помочь вамъ не могу,—знаете, что мой лосъ въ своей семьѣ никогда ни въ чемъ не предуспѣетъ.

1060. Графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ—кн. Александру Бор. Куракин

1772. г. марта 30. Лондонъ.

Les avantages que vous acquièrent vos connaissances m'e gagèrent dès le commencement à y donner toute mon attenti celle d'approfondir votre caractère a mis le comble à ma sat faction. Elle vous acquit tout d'abord l'estime la plus sinc avec l'intérêt le plus vif. Vous ne sauriez être indifféren ce tribut que mon cœur rend avec tant de plaisir. Il en g rantit la conservation invariable, d'autant mieux qu'il ne se lai

prendre trop légèrement. Votre bonne maman vous en assure t autant, et vous nous trouverez l'un et l'autre toujours ccord sur ce chapitre, comme nous le sommes avec nos in-ations. Elle ne peut pas vous le dire aujourd'hui elle-même, maux de tête l'en empêchent; à peine me laissent les ns la force de vous écrire. Mon envie de me dédommager peu de votre absence surmonte seule ce cruel empêche-nt qui me fait tant souffrir; il m'ôte même la faculté de ser, il ne me laisse presque que celle de sentir. Aussi me ervé-je à une autre fois une discussion plus suivie d'un pa-llèle qu'il y aurait à faire entre le pays que vous habitez et i où l'on vous regrette tant.

Rien n'est plus juste cependant que ce que vous dites du actère national qui est encore préservé de cette teinte qu'on elle „astuce“, introduite par l'Italien Mazarin et de ce x vernis qu'on attrape à Versailles. L'art d'embellir paraît e le fort de cette nation-là. C'est lui peut-être qui a fait ner à l'industrie le besoin pour mère. Cet aiguillon, joint la sûreté du produit, donne à l'esprit humain une activité nnante, et c'est elle qui soutient un commerce immense de atelles les unes plus frivoles que les autres, parce qu'elles tent et plaisent. L'opinion en est donc la base et le besoin cheville ouvrière, mais elle est un peu oppressée.

1061. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

[1772 г. апрѣль].

L'obligation est très grande que je vous ai, mon Prince, au milieu des plaisirs et du grand monde vous ne cessez de penser à ceux qui vous sont véritablement attachés. séjour à Londres ne peut avoir que beaucoup de charmes r vous, mon Prince. Le prince de Mecklembourg, la ison de Monsieur l'envoyé de Russie toujours réputée pour une i fait le meilleur accueil aux étrangers et plus encore aux

seigneurs de Russie, les Anglais naturellement portés pour ê bien avec les étrangers dont ils connaissent le mérite et veulent un peu entrer dans leur manière de penser, — tout c doit concourir, mon Prince, à vous faire souhaiter, qu'il v soit permis de rester plus longtemps dans cette capitale pres du monde.

Vous demandez, mon Prince, une description détaillée nos impôts; je ne manquerai pas de vous la donner av votre départ pour Paris, il me faut un peu de temps p en donner une description raisonnée, puisque la nature de impôts, la manière de les lever et leur destination diffèrent d chaque province. La ville de Leyde a trouvé depuis peu u nouvelle source de ses revenus. Le gazetier hollandais ét subitement mort, la ville vendit bien cher la permission continuer la gazette; la veuve du défunt l'a rachetée moy nant 8375 florins qu'elle paye tous les ans à la trésorerie 600 florins à la Maison des orphelins. Combien le mari ne d pas avoir gagné par an! Voici un revenu auquel on pen peu dans d'autres pays. A Amsterdam on vend tous les sam dis le billet de l'église, portant le nom de ceux qui doiv prêcher dans toute la semaine. On dit que celui qui le fais imprimer en gagnait tous les ans une somme de 20 jusq 30 mille florins. Après sa mort la ville a incorporé ce reve à la trésorerie et fait imprimer ce billet à ses dépens.

Il n'y a point de nouvelles ici, dignes de votre attentio M. Oakes qui a quitté cette académie l'année passée ira Pétersbourg en qualité de secrétaire d'ambassade. Les princ de Volkonski se portent bien, le prince de Galitzi aussi. Les premiers s'appliquent au droit naturel, le derni fait beaucoup de cahiers remplis de l'histoire de l'Empire. reste on vous rend justice ici, mon Prince, ce dont je s charmé.

1062. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. апрѣля 6. Парижъ.

Les deux lettres dont Votre Altesse Impériale m'a honoré,
e du 14 octobre, l'autre du 25 janvier, m'ont comblé de
joie la plus vive. J'en ai été si pénétré, qu'à peine j'osais
ire ce que je lisais. Qu'il m'est doux, Monseigneur, de voir
l'absence n'ait pu m'effacer de votre souvenir! Ma recon-
sance est proportionnée à mon attachement tendre et
ectueux. Vos bontés vous soumettent mon cœur par des
its plus forts encore que ceux du devoir. Heureux de les
séder, j'en connais tout le prix. Je sens que je ne puis
faire pour n'en être pas indigne dans la suite.

C'est le 15 (26) du mois passé que nous sommes arrivés ici;
contentement égala ma curiosité. J'avoue qu'une trop
sante prédilection avait couvert mes yeux d'une faible gaze:
is disposé depuis longtemps à voir tout en beau, aussi voyais-
out du bon côté. Le mauvais cependant ne m'a pas échappé;
suis même de l'opinion, que s'il y avait à faire quelque
rme générale, la France pourrait en être tout autant sus-
ible que ces pays qu'on lui suppose si inférieurs. Je me
sur les chemins, sur les auberges, sur la malpropreté et
isère dans les provinces; ces objets perdent trop à être
parés avec ce que j'ai vu dans l'heureuse Angleterre.

Ce qui parle en faveur des Français, c'est la beauté de leur
at, c'est leur industrie et surtout cette fécondité d'imagina-
qui ne se trouve au même degré dans aucune autre nation.
suis bien loin d'entendre par ce mot de fécondité tout ce
peuvent embrasser les facultés de notre esprit; d'autres
ples ont montré que l'art de penser était aussi leur apanage,
que peut-être ils pensaient plus solidement; mais je n'entends
là que cette facilité qu'ils ont d'inventer tout ce qui peut
menter les agréments de notre vie et qui sont également
essaires au philosophe et à l'homme du monde, au citoyen
au guerrier, à l'agricole et au citadin.

Paris ne gagne pas au premier coup d'œil. La hau des bâtiments ne permet point que du carrosse on en p contempler la belle structure. On aperçoit seulement des fangeuses, étroites et remplies d'un monde prodigieux. oreilles ont été étourdies d'un fracas continuel, et nos y frappés d'une rapide ondulation d'objets de toutes les espè ne savaient où préférablement ils devaient se fixer. Je con que je me suis demandé en moi-même, n'est-ce que Est-ce là le beau, le grand, le merveilleux Paris? Je ne vais concilier ce que je voyais avec ce que je m'étais fig Je flottais dans cette incertitude jusqu'au lendemain.

Nous allâmes voir le grand Opéra. Le tumulte de mes occasionné par la beauté du spectacle, me dit assez combien j'a eu tort de permettre aux premières apparences de faire que impression sur mon âme. Le goût des décorations, la pro titude des machines, la délicatesse des danses, la décenc le bon ordre qu'observaient les spectateurs, tout m'ench Je n'ose hasarder mon sentiment sur le chant national: le l ce serait heurter contre l'avis d'un public connaisseur, blâmer ce serait me servir d'un ton de suffisance que j'abh

Nous avons aussi assisté à la représentation d'une nou tragédie intitulée „les Druides". Elle renferme de très g des beautés; l'auteur qui est un nommé Le Blanc s'est é de la route ordinaire: ce n'est ni dans les élans de l'am ni dans des fureurs guerrières, qu'il a puisé son s mais c'est la religion la plus épurée, c'est la vertu la raisonnée qui en constituent la base, et les éloges d'une tolérance et les réflexions les plus philosophiques sur le ger des erreurs, sur la destination de l'homme en forment incidents. L'auteur ne s'est pas contenté de nous présente vers bien rimés, il nous a offert des maximes, et des max d'une sagesse si évidente, qu'il serait à désirer pour le de l'humanité, qu'elles fussent mises en œuvre plus scr leusement. Alors la félicité seule régnerait sur la terre, existerait peut-être cet âge d'or tant vanté par les poète

Brizard dans le rôle du Pontife-suprême a excité toute
tre admiration et la Sainvar a su émouvoir nos cœurs. Molé
a paru excellent dans l'action, mais il a à lutter contre un
nd désagrément naturel, qui est une poitrine fort faible. Il
s reste à voir Lekain et la Dumesnil, ces deux orne-
nts du théâtre français.

Les spectacles, fermés depuis une dizaine de jours, vont
mmencer après la quinzaine. Alors nous ne croirons mieux
e qu'en leur accordant tous nos instants de loisir. Etre
nger à Paris et ne pas tâcher de se former le goût, ce serait
r contre son vrai bien. Quels moyens plus utiles à corriger
vices du cœur et à perfectionner les facultés de l'esprit,
de fréquenter ces écoles du bon goût et des bonnes mœurs?
r en retirer cette utilité il faut se ranger du nombre des
ctateurs raisonnables, et non de ceux qui n'y viennent que
r étaler leurs vaines grâces et pour se séduire eux-mêmes
séduisant les autres.

Ce sont les Italiens que nous avons fréquentés jusqu'à présent
plus souvent: l'attrait des charmants petits opéras nous y a
rés. En voyant Carlin on ne peut s'empêcher de rire. Mme
Ruette chante avec une mélodie merveilleuse. Clairval
éresse autant par la noblesse de sa figure que par celle de
jeu; quant à Caillaut je ne puis lui accorder que tous mes
ges réunis. Pour le naturel on le croit bien supérieur même
Lekain et on ne lui compte que Garrick pour égal.

Samedi passé la foire de St. Germain a également été
mée. Le Vauxhall d'hiver était charmant: sans être trop
cieux, il offrait le coup d'œil le plus ravissant; glaces,
ntures, dorures, rien n'a été épargné dans la décoration; un
t exquis perçait dans toutes les parties. L'assemblée était
s les soirs fort nombreuse, et on y voyait du nouveau dans
ustement de chaque personne. Les Français en de pareilles
asions sont très polis; ils n'omettent rien de tout ce que
scrit la bienséance, mais du reste ils sont d'un abord presque
ccessible aux étrangers et il faut se borner absolument aux

seuls compliments d'usage; avec toute la bonne volonté qu' témoigne et toutes les avances qu'on fait, on ne saurait gu aller plus loin.

Mardi passé nous avons été présentés à Versailles. C avec de grandes idées que je suis parti de Paris: mon ima nation m'exagérait tous les objets. Mais il m'arriva cette comme tant d'autres: l'effet fut inférieur à l'attente. Je trou un vaste bâtiment qui en imposait par sa grandeur. Jadis avait été éclatant par sa magnificence, mais le temps en a terni l'éclat: je n'en aperçus que quelques vestiges épars, encore néglige-t-on de commencer une réparation nécessai

C'est l'introducteur des ambassadeurs qui nous a présen au Roi et à la famille royale. Louis XV à son premier asp annonce ce qu'il est; il a une grande noblesse dans tous traits, sa physionomie frappe, et malgré le poids de l'âge, est toujours bel homme. La Dauphine est d'une figure à épui tous les éloges; elle est plus que jolie.

Voilà, Monseigneur, les petites remarques que j'ai faire dans le peu de jours que nous sommes à Paris. Il plusieurs articles que je ne touche point. Je me réserve de v en faire un jour de vive voix un rapport plus exact et p fidèle.

J'ai encore un million de grâces à rendre à Votre Alte Impériale pour la permission qu'elle a daigné m'accorder aut fois de parcourir seul et en sa compagnie tous les ouvra d'architecture, qui se trouvent dans sa bibliothèque. C'est actu lement que je ressens la grande utilité de ce passe-temps, q je regardais plutôt comme un simple amusement. Blondel traité amplement des principaux édifices de cette ville, et c' avec attention que je les ai examinés. Je n'ai qu'à me rappe ce que j'ai vu, et je reconnais ce que je vois, cependant a cette différence essentielle, que sur les planches tout ét représenté si avantageusement, que je ne saisissais que le be au lieu qu'à présent voyant la réalité, je vois et les beau et les défauts.

1063. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. апрѣля 6. Парижъ.

Le peu de séjour que nous avons encore fait à Paris ne permet guère de vous en entretenir beaucoup. Tout ce que uis dire avec fondement c'est que les idées, que je m'en ais avant de l'avoir vu, étaient infiniment plus brillantes lus flatteuses, que celles que j'en ai actuellement, et Dieu celles que j'en aurai encore au bout de trois mois. Je atis du fond de mon cœur à la conduite d'une infinité de compatriotes, qui, se laissant éblouir par le faux-brillant nombreuses frivolités qu'on voit ici, s'oublient au point amnable d'éteindre en soi tout amour de sa patrie, et tout d'y retourner. Quant à moi, je puis attester que plus rends à connaître l'étranger chez lui, et plus mon attache- pour mon pays natal prend racine dans mon cœur. Il vrai qu'on trouve chez nous une quantité d'articles qui nt réforme; mais quels sont les pays qui ne soient pas le même cas, et même ceux que nous tâchons de prendre modèles, ceux que nous croyons plus accomplis que le , n'offrent-ils point un égal spectacle d'abus, d'erreurs, et réjugés? Au reste, où peut-on être mieux qu'au sein de mille, surtout quand, ainsi que moi, on a le bonheur de er parmi les siens des exemples aussi glorieux qu'utiles à e? Partout ailleurs on ne goûte que des plaisirs fades et ides; ce n'est que chez soi qu'on est à même de savourer lupté réelle.

n doit avouer que Paris est vraiment la capitale des arts, on goût, des modes, des plaisirs; l'homme y trouve en dance de quoi satisfaire à ses besoins et à ses caprices. a qu'à avoir de l'argent; les moyens de le dépenser ne lui queront point. Mais le grand désagrément pour le voyageur, l'accès difficile ou plutôt impossible des sociétés nationa-

les, et pourtant c'est un but principal, en voyant un pays, q de vouloir connaître ceux qui l'habitent. Les Parisiens allègue une raison qui leur semble assez plausible. Ils disent qu'en liant avec un étranger, c'est s'assujettir à des regrets, s'il aimable et s'il reste peu de temps parmi eux, et qu'au contra c'est se précipiter dans d'autres inconvénients, si c'est un av turier ou quelque mal-moriginé. C'est en s'acquérant une certai réputation et en restant ici plusieurs mois, qu'on parvient s'initier dans ces coteries; avantage qu'on doit se croire t heureux d'obtenir.

Il est aisé de prévoir le temps immense que nous aur de cette façon à notre entière disposition, mais notre c guide, toujours vigilant sur ce qui regarde notre bien, déjà su le partager à notre plus grande utilité. Toutes matinées sont prises; elles sont destinées à une étude ré chie du vrai génie et des beautés de la langue françai à une teinture de l'italien et à l'acquisition de toutes ces b gatelles, qui servent à décorer l'extérieur et à prêter au moy de la danse des manières plus aisées sans affectation. Je compte point parmi les occupations sérieuses notre empressem à courir voir ce qu'il y a de remarquable dans la ville et d les environs; c'est plutôt une récréation.

Mardi passé nous avons été à Versailles. Le duc d'Aigu lon nous a témoigné beaucoup d'attentions, et selon coutume nous avons dîné ce jour chez lui. De tout le co diplomatique le comte de Creutz, ministre de Suède, jusqu'ici celui qui nous a fait le plus de politesses. S accueil est tel, que jamais nous ne pouvions nous y attend Avant même que nous lui eussions fait notre premi visite, il nous invita à dîner, et ces jours-ci apprenant qu'u légère indisposition me retenait à la maison, il n'eut rien plus pressé que de venir me voir. Il faut nécessairement q ait eu l'honneur de vous connaître à Stockholm, et peut-ê qu'il ait éprouvé quelque effet de vos bontés.

Графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. апрѣля 24. Лондонъ.

Si vous pouviez, mon Prince, connaître tout le plaisir que eu en lisant votre charmante lettre du 12 avril, vous iez sans doute amplement dédommagé de la peine que vous prise à me l'écrire. Rien n'est plus juste que les réflexions vous faites en chemin faisant sur la capitale qui vous sède. Elle doit à plus d'un égard l'emporter avec vous de férence sur celle qui vous regrette encore. Je ne parle t de l'avantage de savoir la langue seulement, mais de celui re préparé par toute l'éducation de l'extérieur à ne pas y étranger. Mœurs, façons, goût, plaisirs même, tout vous t commun avec ses habitants. D'ailleurs les agréments de is sont l'effet d'un système politique pendant que ceux de dres ne le sont que ceux de l'opulence réelle. Ici le luxe naturel, là il n'est qu'artificiel. Colbert crut devoir encou- er l'industrie; mais il ne vécut pas assez longtemps pour rcevoir que c'était aux dépens de l'agriculture. Cette erreur encore à corriger. Cependant les sources des richesses se èchent et se tarissent, le brillant éblouit et cache le squelette; ainsi qu'il l'emporte en tout. Les spectacles, comme les oits les plus fréquentés, substituent l'illusion à la vérité; la lité ne pense pas plus loin et prend l'éclat pour de la té. Vous avez donc vu, mon cher Prince, les Italiens? vez-vous les comparer aux pièces de Corneille, Racine, ? Je ne dis pas à leurs meilleures pièces. Ce sont ces iples et rivaux de Sophocle et d'Euripide, de Térence et chyle qui ont valu aux récits de leurs drames la belle ination d'école de mœurs, mais aux Italiens.... Je crains que mœurs ne se corrompent et qu'un homme sage n'y trouve du joli, vide d'intérêt et souvent de sens. L'œil et l'oreille sans doute de quoi s'y satisfaire: que tout y est beau et lant j'en conviens; mais qu'en restera-t-il dans l'âme? Et

voilà la provision que je voudrais qu'on fît dans le printem pour les jours de l'hiver. On a tant de temps à passer av soi-même, et il y a tant d'instants dans la vie à remplir! L'a de penser est le seul qui peut alors dédommager des plais de la jeunesse.

Pour soutenir mon ton de pédagogue, permettez-moi vous dire que je n'aime ni la froideur affectée des Fra çais, ni leurs politesses qui consistent en phrases seulem bien tournées et en lieux communs. Je connais cependant d Français d'autant plus estimables qu'ils joignent la candeur l'âme à la politesse qui caractérise leur nation et qui ét l'exemple pour l'Europe du temps de Louis XIV. L'Eur copie encore quand l'original s'est gâté. Votre description d ameublements de Versailles trouve ici tout naturellement place, on n'en voit que des vestiges, dites-vous. C'est très vr

Богъ избави насъ такого министра, какого прочитъ тен Францiя въ особѣ г. Бролio: смѣшаетъ онъ небо съ земл а оный не перемѣнилъ своего сварливаго нрава. Братъ его г цогъ—человѣкъ предостойный. Часъ съ часа ожидаю я извѣс о перемирiи, а миръ, конечно, вскорѣ воспослѣдуетъ: опасно повѣтрiя не мало и насъ заставляетъ того желать. Польс дѣла въ самомъ кризисѣ. Король прусскiй, вѣнскiй дворъ и посылаемъ туда новыя войска для утушенiя огня,—вдругъ всѣхъ сторонъ. Чѣмъ же все то кончится—не знаю, да и зн напередъ нельзя.

О датскихъ дѣлахъ писалъ я г. Сальдерну; прошу е отъ меня поклониться, равно какъ и любезнымъ вашимъ то рищамъ и сопутникамъ.

Le prince Ernest est parti il y a longtemps. Le Prin polonais est aussi disparu du théâtre du monde; c'est une fl qui n'a brillé qu'un jour et qui a vécu trop d'un jour.

Kochelev est si enfoncé dans son anglais que je ne vois qu'au hasard.

1065. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. мая 2. Петербургъ.

Pour satisfaire à vos ordres, je vous manderai, mon Prince, ute sorte de nouvelles. Vous n'exigerez pas de moi cet ordre cette élégance dans le style, que vous possédez dans un gré aussi parfait. Le temps ne me permet pas d'y étudier à peine en ai-je aujourd'hui autant pour écrire cette lettre.

La fête du 21 s'est passée sans quelque gratification particuère. Les trois majors-généraux: Stcherbatchov, chef de la emskoï, Maslov, major aux gardes, et Rjevski,—au corps troupes en Pologne, ont reçu l'ordre de Ste-Anne. Le 23 mpératrice s'est rendue à Tzarskoé et le 25 le comte Gréire Orlov est parti pour le congrès qui se tiendra peut-être Bukharest. Vous saurez peut-être que le comte Orlov est le remier et M. Oubril est le second plénipotentiaire. Le comte édor Orlov, le général Lœven du service de Holstein, ommé de [par] Sa Majesté Impériale il n'y a que quelques urs son chambellan actuel et quelques gentilshommes russes livoniens y vont comme volontaires. Le capitaine aux gardes . Nolken fait le voyage comme maréchal de l'ambassade. . Nabokov est chef de la chancellerie et M. Kozlovski e trouve auprès de la personne du comte Orlov comme son crétaire. M. de Talisine se porte parfaitement bien et m'a xpressément chargé de vous faire mille compliments de sa art. Il est conjointement avec Son Excellence M. le comte Paine, votre grand-oncle, tuteur de M. Apraxine qui est gé chez le premier dans la maison de feu madame la maréchale. 'autre maison est louée au comte Munnich, marié avec la mtesse Yéfimovski. Mme de Talisine, qui a beauoup souffert après la mort de madame sa mère, se porte à résent un peu mieux. Son époux n'est pas encore major, uoiqu'il en fasse le service depuis longtemps.

M. d'Osterwald vous fait bien ses compliments. Il est xtrêmement chagrin et principalement madame, de ce qu'ils

viennent de perdre leur fils âgé d'une année et quelques moi M. la Fermière se trouve bien flatté de l'honneur de trouv tant de belles choses à son sujet dans votre lettre à moi. vous conserve, mon Prince, un attachement zélé.

Tout ce que vous dites, mon Prince, au sujet de M. d Pouchkine n'est que trop vrai. C'est un des plus digne hommes que je connaisse. J'espère de la bonté de M. le com Panine qu'il aura soin de soulager son état. La paix q paraît se conclure cette année-ci y fournira l'occasion.

Le Grand-Duc qui se trouve incommodé depuis quelqu jours d'un rhume de cerveau se réserve le plaisir de vo écrire lui-même. Son Excellence le comte Panine m'a expre sément chargé de vous faire bien des compliments de sa pa et de vous assurer qu'il vous écrira dans ces jours-ci. J doute, mon Prince, que ses affaires le lui permettent si tô

1066. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. мая 7. Село Никольское.

Невозможно больше никому и ничѣмъ, какъ вы, любезнѣ шій мой внукъ и дорогой другъ князь Александръ Борисович воздвигнули въ душѣ моей чувствительнѣйшія движенія рад сти, признанія, благодарности и утвержденія въ надеждѣ, васъ мною предположенной, а вамъ уже до сего извѣстно чрезъ любезное мнѣ ваше письмо, отъ 28-го числа проше шаго февраля мѣсяца пущенное, но до меня на сихъ дня только дошедшее. Оно всеконечно преисполнено существите ныхъ изъявленій вашихъ какъ природныхъ дарованій, такъ во веденія ихъ на лучшую степень прилежнымъ вашимъ употр бленіемъ себя въ науки и проницанія, къ оному способствующі

Я столько, мой любезный, всѣмъ симъ о васъ объят что и теперь, равно какъ при первомъ прочитаніи ваше письма, не могу инымъ зачать, какъ съ испущеніемъ радос ныхъ слезъ, мысленно бросившись на вашу шею, лобыза

въ всѣмъ сердцемъ. Воспріимите, дорогой другъ, такое мое вась заочное движеніе съ соотвѣтственнымъ драгоцѣнной душѣ шей чувствованіемъ и приносимое чрезъ сіе мое признательное благодареніе за оное ваше письмо, изъявившее столько ваго утвердительнаго благорасположенія ко мнѣ и къ себѣ собственно. Да укрѣпитъ васъ въ ономъ вышняя десница и благословитъ всѣ ваши подвиги, съ таковыми благонамѣрении воспріемлемые на всякое лучшее ваше благополучіе и возвышеніе, въ чемъ, дорогой другъ, и не сумнѣвайтесь. По испытаніямъ, многими и мною собственно о семъ сдѣланнымъ, въ теченіе человѣческой жизни, располагаемой по правилъ истинной добродѣтели, никто безъ внутренняго воздаянія правосуднаго Промысла не оставался и не останется; а внутреннее воздаяніе, т.-е. всегдашнее спокойствіе души, конечно, достнѣе всѣхъ другихъ блистательныхъ, коихъ услажденіе получается только при достиженіи оныхъ, а потомъ безпокойными новыхъ пожеланій, такъ сказать, мгновенно проходитъ. услажденіе душевнаго спокойствія, въ чувствіяхъ своего поденія во всемъ на правилахъ истинной добродѣтели, остается и подаетъ удовольствіе навсегда.

Не попускай, любезный другъ, вашу душу, до толикой степени познанія добродѣтелей дошедшую, въ погрѣшеніе и о томъ, когда она своею справедливостью представляетъ вамъ въ братѣ моемъ прямо отеческое о вашемъ благѣ попеченіе, то и будетъ ввѣриться ему въ вашемъ въ отечество возвращеніи и всемъ прочемъ больше, нежели собственнымъ прельщаемымъ воображеніямъ. Въ немъ видимыя всему свѣту неошибки въ избраніи настоящаго, въ прозрѣніи будущаго и въ соображеніяхъ къ избраніямъ самаго лучшаго и удобнаго къ благодостиженіямъ, совокупно съ истинною къ вамъ его отеческою любовью и попеченіемъ, могутъ уже безпрекословно утверждать васъ о своемъ жребіи самымъ лучшимъ спокойствіемъ. И я увѣренъ, что онъ въ томъ столько ничего не пропуститъ, какъ о сынѣ собственномъ или о моемъ.

Я теперь хотя въ отдаленіи отъ большого свѣта, но пр[…] душная моя привязанность о промышленіи вамъ лучшаго […] прочнаго блага принуждаетъ признаться предъ вами и с[…] ственно въ моемъ о вашемъ возвращеніи такомъ соображе[…] что я желаю видѣть его хотя не столь скоро, но съ т[…] уже, чтобы вы, любезный другъ, прибыли не для практи[…] комнатной службы, а, съ уваженіемъ васъ, къ употребленію […] государственныя способствованія.

Повѣрь, любезный, гласу вашихъ сердечныхъ друзей, ч[…] всѣ прочія прельщающія выгоды нималѣйшаго сравненія […] своей прочности и въ истинныхъ услажденіяхъ съ тѣмъ […] имѣютъ, что̀ во зрѣломъ вѣкѣ приноситъ поставленіе с[…] достойнымъ въ важное государственное споспѣшествова[…] Сего единаго мы оба вамъ предпочтительнѣе всякихъ друг[…] выгодностей всѣмъ сердцемъ и желаемъ.

Въ похвальное ваше попеченіе о тѣхъ двухъ женщина[…] отъ коихъ вы въ воспитаніи заслугу за собой признаёте, […] конечно, не оставляю сдѣлать достойное соотвѣтствіе ваш[…] желанію. Князь Гаврила Петровичъ меня утѣшилъ […] креннимъ желаніемъ съ удобовозможнымъ стараніемъ сво[…] пріобрѣсти вашу къ себѣ любовь съ довѣренностью, и […] дежду въ ономъ полагаетъ на ваше драгоцѣнное, а къ не[…] благообращаемое сердце. Вы знаете, драгоцѣнный другъ,—м[…] извѣстныя сего молодца поведеніе и душевное расположеніе […] предвозвѣщаніями будущихъ вашихъ жизненныхъ теченій во[…] ражаютъ полезнымъ пріобрѣсти вамъ между собою и любо[…] и истинную дружбу. Онъ хотя имѣніемъ не богатъ, но ч[…] ствіемъ истинныхъ добродѣтелей и прилежаніемъ къ познані[…] изобиленъ.

Здѣсь пріобщенное скажетъ во всей ясности моей Мар[…] Родіоновны къ вамъ настоящее душевное расположеніе, […] мнѣ и остается только присовокупить, что я съ нею и съ об[…] ими дѣтьми въ изрядномъ здоровья состояніи, и что по н[…] нѣшней въ Москвѣ безвредности скоро переѣдемъ на лѣто […] Михалково, княгини Дашковой подмосковное, и что же[…]

дѣ и всегда съ сердцемъ, преисполненнымъ къ вамъ любви, ужбы и привязанности, пребываю на всю жизнь вашего тельства усердный дядя, вѣрный другъ и слуга. Графъ етръ Панинъ.

1067. Графиня Марія Родіоновна Панина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. мая 7. Никольское.

Votre charmante lettre, mon aimable Prince, m'a pénétrée sentiments de reconnaissance pour toutes les marques d'amitié e vous me témoignez et d'estime pour vos bonnes qualités votre façon de penser qui me fait autant de plaisir, qu'elle t honneur à mon cher neveu que j'aime de tout mon cœur, pour le lui prouver, je ferai tout mon possible pour empêcher n retour à Pétersbourg où il peut tout perdre sans rien gner, étant continuellement sur le théâtre parmi les mauvais teurs, où à la fin il sera obligé de jouer avec eux de vilains les ou d'être ridicule; car il n'y a rien de plus ridicule au nde qu'un courtisan qui pense bien en dépit de tous les tres.

Ainsi, mon cher Prince, vous voyez bien que vous avez isi un très mauvais avocat pour plaider votre retour auprès votre oncle qui malgré vous, mais pour votre bien, est si de mon sentiment là-dessus. Cependant vous devez être r, qu'en différant votre retour, je n'en désire pas moins de us voir, mais tant que je ne pourrai pas le faire, sans vous ire, j'aimerais mieux me priver de ce plaisir et vous prier me donner toujours de vos nouvelles avec des remarques r les pays où vous serez et les choses que vous trouverez nes de votre attention.

Quant à moi, vivant dans un coin du monde assez peu arquable, dans le climat le plus affreux et n'ayant qu'une iété à peine sociable, je n'ai rien autre chose à vous dire, on que, malgré tout cela, je me porte assez bien et que,

avant que l'ennui me tourne la tête, vous pouvez être sûr q
je serai toujours avec une estime distinguée et l'attachem
le plus sincère votre très affectionnée comtesse Marie
Panine.

1068. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. мая 7. Ліонъ.

Les plaisirs et les distractions de Paris n'ont pu nous éblo
au point de nous faire négliger les règles que nous presc
notre religion. Nous avons fait nos dévotions aussi scrupul
sement et avec le même jeûne que si nous avions été au s
de notre patrie. Je m'y suis porté avec un empressem
d'autant plus vif, qu'il m'avait été de toute impossibilité
vaquer l'année dernière. Notre aumônier est un très gal
homme. Ses missions durent depuis dix-sept ans. Il a ado
avec facilité les manières étrangères, et il parle plusieurs la
gues. Seulement il a conservé un certain faible pour sa vénéra
barbe, qui l'a empêché de s'en défaire. Il ne risque rien d
les pays catholiques: les yeux y sont accoutumés à voir
capucins, mais ce serait autre chose parmi les protestants,
surtout en Angleterre. Deux ou trois de nos prêtres, t
attachés à leurs anciens usages, ont eu le désagrément
souffrir les avanies d'une populace grossière et accoutumée
une grande licence.

1069. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. мая 12. Ліонъ.

C'est de Lyon que j'ai l'honneur d'écrire à Votre Altes
Impériale. Nous avons entrepris ce voyage pour une quinzai
de jours; les fréquentes indispositions du comte Chérémét
en ont été le motif. Il a consulté plusieurs habiles médeci

ême le fameux Tronchin, et tous se sont réunis à l'assurer
'elles ne provenaient que de son ver solitaire qu'à différentes
prises il avait tâché de chasser de son corps, mais qui
ujours opiniâtre avait résisté aux remèdes et persévérait à
tourmenter. Ils lui conseillèrent comme dernière ressource
avoir recours à la poudre du Sr Pouteau, qui dans toutes
s cures avait eu le succès le plus heureux. Ce conseil fut
ffisant pour nous décider dans l'instant. Trop occupés du
en-être de notre compagnon, nous ne songeâmes qu'à lui faire
couvrer sa santé. La voix de l'amitié prévalut sur l'instinct
i nous attachait peut-être au séjour de la capitale.

Lyon a ses grandes beautés. C'est une ville de commerce,
he, opulente et très peuplée; elle est censée être la seconde
le du Royaume. On y compte jusqu'à 180 mille habi-
nts, dont les trois quarts sont des ouvriers employés aux
briques. C'est un siège archiépiscopal, et depuis la réforme
s parlements, celui d'une Cour souveraine de justice, qui
rte le nom de Conseil supérieur. L'on prétend que toute la
ussite des grands projets de M. de Meaupou dépendait de
n établissement. S'il était venu à manquer, aucun des desseins
ce chef de la magistrature n'aurait réussi. Le chapitre de
cathédrale est très illustre: les chanoines pour être reçus
ivent faire preuve de noblesse. Ils ont le titre de comtes
Lyon, et leur marque distinctive est une croix d'or, attachée
un large ruban rouge bordé de bleu qu'ils portent au cou.

La ville est bien bâtie. A juger par la hauteur des édifi-
s, on dirait que Lyon forme deux ou trois villes entassées
s unes sur les autres. Les maisons sont en pierre de taille,
toutes à cinq ou six étages. Les rues ne sont pas également
rges, quelquefois étroites, et par là même elles attestent une
ute antiquité. La place de Bellecour, où est placée la statue
uestre de Louis XIV, est la plus vaste et la plus belle.
n voit à un des côtés de la statue, une allée d'arbres fort
uffus, qui sert de promenade publique.

La situation de Lyon est charmante. Au confluent de de rivières navigables du Rhône et de la Saône, elle a l'utile l'agréable. De tous les côtés s'offrent des points de vue délicie les tableaux sont variés: on se plaît à considérer les batea les barques, les gondoles qui voguent à l'infini sur ces rivièr on voit des collines fertiles, ornées de vignes et de boca riants; on admire des plaines qui portent les plus rich moissons. De jolies maisons de campagne, et les demeur rustiques de l'heureux villageois, qui s'élèvent du sein de c beautés champêtres, contribuent à rendre ce mélange pl curieux et en délassant la vue, la fixent encore plus agréableme

On peut dire avec fondement que tous les habitants Lyon sans exception ont été frappés du caducée de Mercur Ils ne veulent se vouer à aucune autre occupation, qu'à cell qui sont relatives à leur commerce. Absorbés dans leurs tr vaux, leurs calculs et leurs spéculations, ils ne songent qu le faire fleurir, qu'à le soutenir et qu'à l'étendre. C'est ain que s'enrichissant eux-mêmes, ils enrichissent aussi le souv rain dont ils sont les sujets. Ils payent au roi des dro énormes; ces sommes montent à des millions. Heureux est pays, où les citoyens, méprisant les peines et les fatigues, so animés de la noble émulation de coopérer également au bi général, car de la félicité du tout résulte nécessairement félicité des parties!

La proximité de l'Italie avantageuse pour l'importatio des soies, les eaux de la Saône excellentes pour la teintur des couleurs, et celles du Rhône favorables pour le tran port des marchandises, en Suisse et aux ports de la M diterranée,—voilà les raisons qui engagèrent à faire de Lyo le centre de l'industrie. On m'a assuré qu'on y travaillait jou nellement à plus de quatre mille métiers pour étoffes, et quinze cents métiers pour bas de soie. Ces fabriques fournisse la France et travaillent encore bien plus au compte de l'étra ger. La solidité de leurs étoffes, l'éclat des couleurs, le go des dessins et la modicité du prix, les font préférer à tout

…es qui se fabriquent ailleurs. Les fabricants, loin de man…r d'ouvrage, n'en sont que trop surchargés. Ils avouent …endant que leur commerce a perdu depuis quelques années …tité de ses branches. Plusieurs monarques, pour encourager …dustrie de leurs sujets et favoriser leurs propres manufactures, … entièrement prohibé toutes importations étrangères, ou bien … tolèrent, mais en les soumettant à des taxes exorbitantes; … voit ces exemples en Angleterre, en Danemark, en quel…s parties de l'Allemagne, etc.

Les Lyonnais se plaignent beaucoup de la guerre. Ils …nt qu'elle donne de grandes entraves à leur négoce dans …nord. Ils unissent leurs vœux aux nôtres pour en voir bientôt …fin. Ils espèrent que des jours plus calmes, plus sereins …céderont à ces temps orageux, et que par là leur marchan…e trouvera plus de débit.

Henri IV voulut priver l'Italie de l'argent qu'elle tire …ellement de la France, en équivalent de la soie qu'elle … livre. Il fit venir des mûriers, ainsi qu'on le voit dans les …moires de Sully, et il ordonna de les planter dans les provin… méridionales de son royaume, mais cette soie est trop rude. …r les étoffes fines on a toujours besoin de celle d'Italie; on …loie aussi celle de la Chine, surtout lorsqu'on veut faire …lque chose de durable.

Il n'y a presque point de noblesse à Lyon. Les nobles qui … trouvent ne peuvent guère montrer une longue suite d'aïeux. …n'est pas une noblesse obtenue au prix du sang et de la …ur; elle s'acquiert par les différents degrés de la magistra…. Henri IV aimait cette ville, et voulant lui perpétuer les …ques de sa bienveillance, il anoblit la charge des échevins. …me ce n'est pas une ville frontière, le roi n'y entretient …t garnison. Les bourgeois se gardent eux-mêmes; c'est un … de l'humeur sage et tranquille des négociants. Après leur …merce ils ne pensent à rien tant qu'à conserver la paix … leurs ménages, et la fougue d'une jeunesse aimable qui …vent est désœuvrée, leur est trop redoutable.

Pour venir à Lyon, nous avons préféré la route qui t verse la Bourgogne. C'est une bien belle province; les vig y occupent la meilleure partie du terrain. Les lieux princip par où nous avons passé, sont Sens, Auxerre, Dijon, Beau Mâcon, Châlon, etc. Je ne m'arrêterai pas à en faire la d cription; il est impossible de connaître une ville en cour la poste. Je puis dire seulement que la France ne gagne à être vue incontinent après l'Angleterre; ce n'est ni la mê propreté, ni la même opulence.

Il faut convenir que la France n'est pas actuellement d cet état florissant, où elle pourrait et devrait être, mais ne peut en tirer aucune conclusion, qui lui soit foncièrem désavantageuse. Je puis me tromper, mais autant que la fai expérience que j'ai pu tirer de mes voyages me l'apprend, c le pays sur lequel la nature a le plus richement versé dons divers. Beauté de climat, fertilité de terrain, popul suffisante, abondance de tous les produits et de toutes les espè qui servent à satisfaire et les besoins réels de l'homme et besoins d'opinion, soit de luxe, soit de pure fantaisie,—tout trouve, et encore avec une telle profusion, qu'il y en a s samment pour être exportés chez l'étranger. C'est dans exportation qu'on trouve une source féconde des richesse pays; elle nourrit l'esprit laborieux des habitants, elle aiguillonne au travail et les pare en même temps, d'une f légitime et par un consentement mutuel, des dépouilles autres nations.

La France renferme dans son sein tout ce qui est néces pour sa propre consommation. Elle se suffit à elle-même, n'a presque rien à envier à ses voisins dans le physique. contraire tous les peuples de l'Europe par la force de l'us autant que par celle de l'éducation, ne peuvent se passer très difficilement de ses productions. Souvent ils affrontent dangers de longues et périlleuses navigations pour venir chercher. Ils y apportent les fruits des travaux de l'homm ils reçoivent en échange les fruits de la terre. Il est a

ceptible, combien cette situation est heureuse, combien grand est l'avantage, et quels profits immenses on en doit reti-. Tout semble concourir à rendre la France un royaume issant et capable de faire régner au dedans la félicité et primer au dehors le respect et la terreur. Ici l'on se pelle à chaque instant avec extase l'éclat du siècle de uis XIV. On l'admire, on admire ceux qui ont contribué à grandeur, mais ce ne sont que de vains sentiments, trop les encore pour faire exister une certaine égalité entre héros morts et leurs descendants.

1070. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. мая 29. Парижъ.

C'est depuis avant-hier que je respire de nouveau l'air de is. A peine arrivé j'eus le bonheur de recevoir la gracieuse e du 9 mars, dont Votre Altesse Impériale m'a honoré en mier lieu, et qui m'est une preuve nouvelle de ses bontés. i lu avec un ravissement inexprimable les réflexions que re Altesse Impériale a daigné me communiquer; je les ai vées dans mon cœur. Elles méritent d'être recueillies et ient autant d'honneur au prince de qui elles viennent qu'à nation dont il sera un jour le monarque. Quel bonheur r l'humanité, si tous les souverains pouvaient penser de me! Leur propre gloire et la félicité de leurs sujets découlient alors d'une seule source. Les lumières que vous vous déjà acquises, Monseigneur, celles que l'expérience vous tine et surtout ce cœur excellent que la nature vous donna que vous tâchez de former avec tant d'empressement,—ce t là des gages sûrs de ce contentement inaltérable, que nous rons goûter sous votre règne. Très heureux déjà par la mère, s le serons aussi par le fils. Son exemple illustre vous sera nouvel aiguillon de ne rien tenir que de la vertu, de ne vous écarter de son glorieux sentier, et d'immortaliser si votre nom jusque dans les siècles les plus avancés.

Je sais la vénération profonde qui est due à l'éclat qui vous vironne, je sais ce que je dois à mon souverain futur; mais a j'ose distinguer en lui l'homme, j'ose l'aimer. Né pour votre sujet, toutes mes obligations, et envers mon créateu envers la société, m'ordonnent de vous être attaché, sou fidèle; mais en même temps né homme avec la libre fac de penser, je pense et je vous aime. Ces sentiments n contredisent point; ils se réunissent et tendent tous au m but. L'un est l'effet de mon devoir, l'autre celui de l'incl tion, plus même, de la sympathie,—mouvement si impérieux l'âme que je ne saurais définir et que je me crois presque i

Je reviens à mon état de voyageur. Je vais narrer. F tainebleau se trouve sur le grand chemin qui conduit à Ly Nous nous y sommes arrêtés pour parcourir cet antique teau qui, avant que Louis XIV eût prodigué ses tréso embellir Versailles, passait pour le plus beau de tous qu'avaient les rois de France. Le château a plusieurs co et il est très vaste. Ce sont différentes maisons ensemble, ont été jointes les unes aux autres graduellement et sans a ordre. Toutes ces maisons forment une grande masse con et mal entendue, qui cependant ne laisse pas d'être plein grandeur.

Chaque roi y a fait quelque augmentation. Il date Louis VIII. Le roi par exemple couche dans la chambre Henri IV, son antichambre était celle de St-Louis, et salle des gardes servait au même usage à un autre de prédécesseurs. Il est impossible de ne rien dire sur l'archi ture: elle y est trop irrégulière.

La situation en est basse et a quelque chose d'horri Fontainebleau est au milieu d'une grande forêt; on voit à l tour de la maison quantité de collines couvertes de roches, ne produisent aucun fruit, et ne font qu'attrister la vue. forêt est pleine de cerfs; c'est ici la chasse favorite. jardins ne veulent rien dire, et les appartements encore mo point d'enfilade, point de riches meubles.

Le roi vient y passer six semaines de l'année avec toute Cour, il y reste depuis le 4 octobre jusqu'à la mi-no-bre. Quantité d'étrangers et nombre de seigneurs du pays rendent alors avec la permission d'assister à ces magni-es chasses. C'est le temps où la Cour est la plus brillante. dit qu'elle abonde en plaisirs, c'est pour ainsi dire son aval. Matin—chasse, soir—spectacle et bal jusqu'à ce que rore vienne dissiper les ténèbres de la nuit; c'est de cette n que se passent les journées. La Dauphine et Mme de ovence, princesses vives, jeunes et belles, sont l'âme de plaisirs: elles s'amusent elles-mêmes, elles égayent la Cour appellent aux vieux courtisans leur printemps passé.

Le théâtre de Fontainebleau a été construit sur les débris la salle de bal de Henri IV. Il est de toute beauté et, que d'une grandeur médiocre, il ne laisse rien à désirer, u côté de l'arrangement, ni du côté des ornements. On assuré qu'il y avait des décorations superbes, enrichies de res de strass et de marcassites, faites encore du temps de is XIV, ensuite rongées par la poussière dans un vieux e-meuble, mais déterrées et renouvelées à l'occasion des x derniers mariages.

Après les vacances de Pâques nous avons assisté à la rentrée de x Académies, de celle des sciences et de celle des belles-lettres, les deux de la fondation de Louis XIV, de ce prince, pro-eur des neuf sœurs et de tout leur brillant cortège. Ces démies tiennent leurs assemblées au Louvre: celle des belles-es dans un salon du rez-de-chaussée, et celle des sciences s une des grandes antichambres au premier. Des tableaux oriques du pinceau du célèbre Lebrun décorent ces asiles és du savoir et servent à éterniser leur auguste fondateur. séances ne doivent jamais durer au delà d'une heure et ie. Durant l'assemblée on fait la lecture de différentes piè-de la composition des membres, mais pour se séparer on tend point la fin de la dissertation qui se lit, on attend lement la fin du temps prescrit. Cette manière de procéder

m'a, je l'avoue, paru très étrange, et elle a ses grands inconv nients. Messieurs les académiciens, jaloux d'attirer les applaudi sements des auditeurs aux efforts de leurs génies, s'empresse de faire la lecture de leurs ouvrages. Il en résulte qu'à for de se hâter trop, souvent ils se rendent inintelligibles, et lo que nous y fûmes, celui qui tenait l'assemblée en pria plusie à haute voix de modérer leur impatience.

M. Lebeau, auteur de l'excellente histoire du Bas-Emp et secrétaire perpétuel de l'Académie des belles-lettres, ouv la séance, en indiquant les prix qui avaient été gagnés ce année et ceux qui étaient à gagner l'année prochaine. Il l ensuite, selon l'institut, les éloges de deux membres de l'a démie morts, de M. Gibert, avocat au Parlement de Pa et de M. Schœpflin, fameux professeur d'histoire politique Strasbourg. Ces éloges étaient beaux, éloquents, énergiqu M. Lebeau avait su y allier le sublime de l'art oratoire a ce pathétique qui va droit au cœur. Les défunts y étai loués avec vérité, mais sans ostentation. Il avait saisi les acti de leurs vies les plus remarquables, il en avait tiré p et les auditeurs émus, en accordant leur admiration à celui avait écrit les éloges, ne purent accorder que leurs regrets ceux qui en étaient les objets. M. de Sigrais présida cette assemblée.

Le lendemain se fit l'ouverture de l'Académie des scien au même temps et à la même heure, ce qui était à qua heures de l'après-midi. On y suivit exactement le même ord On commença par indiquer les prix. Notre savant Eul avait gagné celui de cette année; le secrétaire lut un él de sa composition du Sr Morgani, célèbre anatomiste et p fesseur à Padoue; puis on nous régala de quelques dissertati très abstraites de physique. Le marquis de Paulmy, anc ministre et secrétaire d'État ayant le département de la guer ancien ambassadeur du roi en Pologne et à Venise, comm deur de ses ordres et membre honoraire de l'Académie, y p sida.

Il devint secrétaire d'Etat très jeune, dans cet âge encore, la théorie tient seule lieu de pratique. Il avait obtenu la rivance de son oncle le comte d'Argenson qui, comme on sait, a été revêtu de cet emploi durant plusieurs années. de Paulmy le céda au maréchal duc de Belle-Isle au mencement de la dernière guerre. On crut alors non sans dement que pour conduire des opérations militaires dans un s ennemi, un vieux routinier du métier valait bien un jeune me qui ne pouvait se régler que sur des principes généraux. la mort d'Auguste III arrivée en 1763, il fut chargé de bassade de Varsovie; il est connu comme il en partit. De retour France, le Roi lui accorda le poste de Venise, dont plusrs de ses ancêtres s'étaient acquittés à leur grand honneur; République même en reconnaissance des services que les yer lui ont rendus, leur a accordé la permission distinguée érer le lion de St-Marc dans leurs armes. M. de Paulmy déjà quitté Venise, et c'est le baron de Zuckmantel cint envoyé à la cour de Dresde qui l'y a remplacé l'année ière en qualité d'ambassadeur.

1071. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. іюня 13. Парижъ.

J'ai encore à vous adresser une prière, dans un autre genre st vrai, mais qui ne laisse pas de m'intéresser beaucoup. i augmenté ici ma garde-robe de quelques habits. Les prendre c moi, serait un trop grand embarras dans un long voyage, s n'emportons absolument que l'indispensable. Je suis déminé à les envoyer par mer à St-Pétersbourg sous votre . Vous daignerez m'accorder cette permission et en même ps la grâce de les faire retirer de la douane sous le titre vos propres effets. J'ose vous prévenir que la plupart de habits sont en broderie de soie, il y en a peu en or, mais me semble que ce dernier article est chez nous de contre-

bande, surtout lorsqu'il doit passer pour neuf. Je prendrai
précaution de leur faire donner l'air d'avoir été portés, j'ab
donne le reste à vos bontés. A présent je me trouve un p
équipé pour ma première entrée. Considérez combien il ser
désagréable, et à ma bourse et à moi en personne, d'en ét
privé par un accident que votre nom seul peut parer.

1072. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. іюня 13. Парижъ.

Le 7 de ce mois, jour de la Pentecôte, nous fûmes de b
matin à Versailles pour y assister à la cérémonie des che
liers de l'ordre du St-Esprit. On ne s'attendait à aucune p
motion, vu que le jeune duc de Bourbon, quoique déjà d
l'âge prescrit, n'était pas encore reçu. Cependant on se trom
le Roi nomma cinq nouveaux chevaliers, dont les plus quali
sont les ducs de Villeroi et de Tresmes. La cérémonie
simple et sans pompe. Les chevaliers revêtus de leurs hab
d'ordre s'assemblèrent dans l'antichambre du Roi qu'ils acco
pagnèrent dans la chapelle. Tous assistèrent à une me
pontificale officiée par l'archevêque de Paris. La messe achev
ils retournèrent dans le même ordre qu'ils étaient ven
L'arrivée et le départ du Roi furent annoncés au bruit d
timbales et des trompettes. Les chevaliers n'eurent point l'ho
neur de dîner à la table du Grand Maître; ici il est d'us
que le roi ne mange en public qu'avec sa famille.

L'habit de l'ordre n'a rien de particulier; il est moi
magnifique que celui de St-André. Les chevaliers ont d
habits d'étoffe noire et un manteau par-dessus de cette coule
qui leur descend jusqu'aux genoux. Les parements et la ve
sont ordinairement pareils à la doublure du manteau, et
dépend de chacun de les faire tels que bon lui semble. L
uns les ont en drap d'or ou d'argent, les autres en ric
broderie. Le cordon bleu est mis en écharpe sur l'habit, et

llier de l'ordre est passé par dessus le manteau. Ceux des evaliers qui sont décorés de la Toison d'or, censée ordre de mille depuis l'avènement des Bourbons au trône d'Espagne, ivent en porter les colliers au bas de celui du St-Esprit. s chevaliers ecclésiastiques paraissent à la cérémonie avec urs camails et leurs rochets. Les jours de solennité et de te l'accès des grands appartements de Versailles est ouvert tout le monde. On les voit remplis d'une foule prodigieuse; s différentes classes de citoyens y sont confondues. On ne stingue les seigneurs qu'à la richesse de leurs vêtements et leurs autres décorations extérieures. Si j'ose en dire mon inion, cette popularité me paraît extrêmement louable. Pouri interdire aux sujets la vue de leur souverain? N'est-il pas r père, et des enfants n'ont-ils pas le droit incontestable de voir, de le connaître, et d'en être connus?

L'après-dîner nous allâmes voir le petit Trianon; c'est ainsi e s'appelle un pavillon que Louis XV a fait construire au lieu d'un des bosquets de l'ancien Trianon. Ce nouveau timent n'a rien de grand ni de majestueux; ce n'est proement qu'une petite maison de particulier. Elle a été bâtie ur servir aux parties privées du roi. Il y a son appartement, e du Barry a le sien; quelques autres sont destinés aux rtisans admis à la familiarité du monarque. Ces appartements t plus élégants que riches.

Le petit Trianon a été élevé sur les dessins de M. Gabriel, emier architecte de la Cour. La vue en est très bornée; il se ouve environné de bois. Comme le Roi témoigne assez de ût pour les fleurs, on y en voit en quantité. Entre autres nous y a montré un parterre en escalier de fleurs de toutes espèces, qui formaient la devise: „Vivat rex dilectissimus". s fleurs blanches composaient la devise, et des nuances riées remplissaient les vides. Ce spectacle produisait un effet luisant. Il était une suite des soins ingénieux du jardinier, i, connaissant combien la satiété avait émoussé les goûts de n maître, voulut lui causer une surprise agréable et dans un nre nouveau.

A peu de distance de ce pavillon se trouve l'ancien Trianon Ce palais n'est que trop connu par les descriptions multipliée qu'on en a faites. C'est un vrai séjour des fées. Le palais n' qu'un rez-de-chaussée; un péristyle de colonnes de marbr rouge superbes divise le bâtiment. Des colonnes pareilles déco rent tout l'édifice entre les croisées. L'aile droite est la plu grande; c'est là qu'est logé le roi, sa famille et une parti de ses courtisans. C'était la retraite favorite de Louis XI dans ses vieux jours. Les appartements sont très bien éclairés ils ont tous une belle hauteur, et on pourrait en faire quelqu chose de beau. Les meubles sont presque tous de l'ancie temps; magnifiques alors, ils sont dégoûtants à présent. L plupart des chambres sont dégarnies de tapisseries; quelque tableaux et des ornements de stuc en blanc en forment tout la décoration. Ce palais tombe en ruines, et les frais de l réparation ont été parmi les motifs qui engagèrent le Roi l'abandonner.

Les jardins de Trianon offrent tout ce qu'on peut voi d'agréable. Il y a des parterres nuancés du coloris le plus vif On dit que du temps de Louis XIV ils changeaient de fleur tous les quinze jours. Les allées y sont à perte de vue, e l'ombre, qui y est des plus épaisses, y fait goûter les charme du printemps au milieu des chaleurs les plus brûlantes. Si o le voulait absolument, on pourrait compter Trianon comme un dépendance de Versailles, quoiqu'il porte le nom d'un châtea particulier. Trianon est à la droite du grand canal qui fait fac au château de Versailles, et la ménagerie est à sa gauche.

Marly est à une petite demi-heure de Versailles; on y est con duit par une très belle avenue. Les jardins y sont délicieux, et e quelque façon je les préfère à ceux de Versailles. Il est vra qu'ils ne sont ni si magnifiques ni si recherchés; on n'y voi point tant de beaux marbres, et en général les chefs-d'œuvr de sculpture ne s'y trouvent pas également prodigués; mais e revanche la situation naturelle est infiniment plus belle. Marl est sur une élévation, d'où l'on jouit de tous côtés de vu

ravissants: l'œil s'y promène sur des plaines aussi vastes que riantes. Les jets d'eau y sont de toute beauté. La machine, au moyen de laquelle les eaux y sont conduites, est fameuse dans toute l'Europe par sa merveilleuse construction. Le château n'est pas grand; il est en carré et situé aux bords du grand bassin, aux deux côtés duquel sont bâtis symétriquement douze pavillons pour le logement des courtisans.

Je reviens au jardin de Versailles, à ce chef-d'œuvre de l'art. La nature avait refusé à Versailles une belle situation; il était réservé à Louis XIV de faire heureusement disparaître ce défaut et de créer une nature nouvelle. Guidé par la richesse de son imagination, et au moyen des grands hommes qu'il a su employer à l'exécution de ses projets, il s'est formé un point de vue des plus beaux, et d'un lieu ingrat et sauvage il en a fait un lieu de délices. Voyant tous ces grands ouvrages achevés, il est impossible de leur refuser son admiration. Louis XIV, grand en tout, s'est surpassé lui-même. Il a montré à l'Europe étonnée ce que pouvait un roi de France avec une administration sage, bien entendue et vigilante. Les frais énormes des guerres continuelles qu'il soutint au dehors, l'entretien des forces navales et de celles de terre, ses grandes largesses faites aux gens de lettres et à ceux de sa Cour,—rien ne put être un obstacle à la réussite de ses vastes desseins. Il suffit à tout.

Le jardin de Versailles est planté par le fameux Le Nôtre et par la Quintinie. On y trouve réunies toutes les beautés du jardinage. Les allées sont d'une variété charmante; le clair et l'obscur y sont artistement ménagés. On peut jouir à découvert de toute la beauté du ciel, et aussi on peut y goûter le plaisir de la promenade, en y trouvant un voile continuel contre les rayons du soleil.

Les beautés principales de ce jardin unique consistent dans les bosquets, qui se trouvent artistement arrangés des deux côtés de la grande allée du milieu. Si ces bosquets étaient entretenus convenablement, on ne pourrait les attribuer qu'à

quelque puissance magique. L'art y éclate dans tout son bril-lant. Destinés à surprendre agréablement, on y a construit de fontaines superbes. Celles-ci vont à l'infini et se présenten toujours sous des décorations nouvelles, les unes plus intéres-santes que les autres. La colonnade, les bains d'Apollon, l labyrinthe où l'on voit quarante fontaines différentes ornée d'autant de groupes en bronze doré, faisant allusion aux fable d'Esope, la pyramide, etc., sont les plus remarquables d'entr les bosquets. La curiosité, irritée et jamais satisfaite, ne sai où se fixer et par où commencer. Le plus beau marbre y est prodigué; sa rareté atteste la richesse de ces monument de goût, et l'habile marteau du grand Girardon, ainsi que d tant d'autres artistes non moins savants, leur ont prêté un expression qui ne laisse rien à désirer. Les allées sont parse mées de statues. Toutes d'un travail achevé, elles représenten les plus belles antiques connues. Si ces copies n'égalent poin leurs originaux, elles n'en sont pas moins dignes de servir d modèles à la postérité.

On peut juger de l'immensité des sommes que Versailles a coûté à construire par celles qui sont annuellement nécessaire pour son entretien. Elles sont si considérables et les besoin de l'Etat si multipliés, que depuis plusieurs années on n'a pu les fournir. Un dépérissement total en est une suite bien visible. Les eaux sont arrêtées, les fontaines ne jouent plus le bronze exige réparation, les statues pour la plupart mutilées la charmille mal entretenue,—tout enfin dans ce beau jardin présage une prochaine décadence. Ce qu'au commencement on aurait pu prévenir par de petits frais, à présent il faut y employer des sommes très considérables, et encore l'œil d'un maître amateur y est-il également nécessaire. Car quelle est la cause principale du dépérissement de Versailles? On aurai toujours trouvé l'argent dont on avait besoin; mais c'est que le Roi hait les beautés de l'art et ne se plaît que dans la simplicit de la nature; la chasse est son amusement favori. Depuis ving ans déjà il n'a mis le pied dans un jardin unique, et où i

n'avait qu'un escalier à descendre. Telles ont été ses propres paroles. Il les adressa à Mme de Provence, en la conduisant dans les bosquets.

Du côté de l'entrée le château ne présente rien de grand. C'est un bâtiment écrasé, la façade en est irrégulière, il est surchargé d'ornements, et l'on peut aisément voir que c'est à des reprises différentes qu'on l'a augmenté. Le défaut principal vient de ce que Louis XIV en l'embellissant voulut, par respect pour la mémoire de son père, conserver l'ancien palais qu'il avait habité. La chambre à coucher de Louis XIII est jusqu'à présent celle du Roi. C'était donner des entraves à l'imagination de l'architecte et lui lier les bras pour toute l'exécution de l'édifice. Aussi Mansart, malgré la perfection de son art, n'a pu parvenir à rendre cet inconvénient imperceptible. Mais autant que la façade sur la cour est informe, autant celle des jardins est grande, belle et majestueuse. Après la fameuse colonnade du Louvre, c'est ce qu'il y a de plus beau en France dans ce genre. La prodigieuse malpropreté, qui règne dans tout Versailles, ne contribue pas peu à en diminuer l'éclat. Elle se fait apercevoir aussi bien au dehors, que dans les appartements. Les dorures sont ternies, les parquets non cirés, les peintures les plus rares flétries par la poussière, les tapisseries sans couleurs,—en un mot partout on ne saurait se méprendre aux traces manifestes de la vétusté et de la négligence impardonnable de ceux qui par leurs charges doivent en entretenir la propreté.

La grande galerie et la chapelle sont les deux pièces les plus remarquables du château, par les belles peintures de Lebrun qui en décorent les plafonds. Celui de la galerie présente plusieurs tableaux, dont les sujets sont tirés de l'histoire de Louis XIV dès l'instant où il prit lui-même les rênes du gouvernement en 1661, jusqu'à la conclusion de la paix de Nimègue en 1678. Ce sont des allégories ingénieuses sur les conquêtes de ce monarque, sur la sagesse de son administration, sur la protection qu'il accorda aux arts et aux sciences, et sur

toutes ses grandes et belles actions. On y admire et le pinceau délicat du peintre et le feu de son imagination.

Les grands appartements qui précèdent la galerie méritent aussi d'être remarqués par la beauté de leurs plafonds; on aperçoit de la magnificence dans le reste de leurs ornements, mais c'est une magnificence surannée et qui cesse de l'être de nos jours. On sait que les deux salons de la Paix et de la Guerre terminent la galerie. Comme le premier faisait partie de l'appartement de la feue reine, il ne s'ouvre plus au public. Le dernier est décoré en sculptures de marbre superbes; entre autres on admire un bas-relief qui représente Louis XIV à cheval de grandeur naturelle.

Le grand escalier, nommé l'escalier des Ambassadeurs, peut passer pour très beau; la rampe en est large et commode, la peinture et le marbre en forment les ornements. J'y ai vu au bas et sur le palier plusieurs boutiques symétriquement arrangées; on y trouvait à acheter des livres, des odeurs, des pommades, et en général toutes sortes de petites marchandises. J'avoue que j'ai été très étonné qu'on le souffrît dans le château du monarque, et même si près de son appartement.

Les chambres du roi sont plutôt laides que belles; leur arrangement est connu. La salle des gardes est un sombre et vaste réduit très malpropre. La salle du grand couvert n'est guère mieux éclairée; de vieilles tentures des Gobelins et quelques tableaux,—voilà ce qui s'y voit. L'antichambre dite l'Œil-de-bœuf à cause d'une fenêtre ronde qui lui donne le jour d'un côté, brillait autrefois par ses glaces et ses dorures, mais ces beautés, loin d'avoir conservé leur premier éclat, sont à présent toutes ternies. La chambre à coucher est en velours cramoisi, relevé d'un galon d'or; la broderie du lit est d'une grande richesse; aux deux côtés sont pendus deux excellents tableaux, l'un de Raphaël, l'autre du Dominiquin. Le lit est derrière une balustrade.

Les appartements de la Dauphine sont ceux où règne le plus de magnificence et de goût. Les princes voient les étrangers

ans leurs cabinets, et les princesses les voient dans leurs hambres à coucher; c'est là l'étiquette. Le salon d'Hercule ui précède la chapelle est recommandable par ses peintures; plafond représente l'apothéose de ce demi-Dieu et vis-à-vis cheminée est placé le grandissime tableau de Paul Véro-èse, dont la République de Venise fit présent à Louis XIV rs la fin du siècle passé. Les ministres occupent les ailes parées du château.

Le séjour continuel de la Cour depuis près d'un siècle à ersailles en a fait une petite ville fort jolie. Les artisans s'y nt transportés en foule, mais ce qui a le plus contribué à n embellissement, c'est la quantité de seigneurs et de per-nnes obligées par leurs emplois de suivre lá Cour, dont acun a voulu y avoir un chez-soi commode et agréable.

Je borne ma description de Versailles à ce peu de mots. ois avenues viennent y aboutir. Celle du milieu conduit à aris; on a besoin de deux heures pour faire ce chemin à son se; il est très agréable: on passe continuellement par des bitations, des jardins, des champs labourés et chaque pas offre n nouveau tableau. En sortant de Paris on traverse Chaillot, llage rempli de maisons de campagne. On côtoie la Seine squ'à Sèvres qui est à mi-chemin. Là on aperçoit à droite la ande grille de St-Cloud, et à gauche, sur une élévation, Belle-ue, château jadis appartenant à la marquise de Pompadour actuellement au Roi. A la fin du bourg de Sèvres se trouve vaste édifice nouvellement construit à l'usage de la fabrique e porcelaine, qui y a été transférée de Vincennes.

Mais c'est assez entretenir Votre Altesse Impériale de beau-és muettes et inanimées; je passe à ces intelligences pures que nous nous sommes fait un devoir de rechercher pour les progrès de notre raison. Nous avons été introduits chez Mme Geoffrin. C'est une femme qui a su se faire connaître très avantageusement. Restée veuve avec un bien considérable, elle s'est livrée en entier à son goût pour les sciences. Sa maison est devenue le sanctuaire des muses et du bon goût. Les savants

viennent lui offrir leurs hommages certains jours de la semai les artistes renommés en ont d'autres, et les gens les plus sei de Paris se font un titre de gloire de son amitié. Il sen qu'elle imprime sur tout ce qui l'environne le caractère génie. Elle reçoit parfaitement bien son monde; polie s contrainte et sans ostentation, elle semble craindre qu'on s'aperçoive de son mérite; elle parle peu, mais toujours a grâce et justesse. Naturelle dans son maintien, sublime d ses pensées, elle n'a ni le jargon, ni les prétentions d'ı précieuse. Le plaisir que cause sa conversation fait oubl qu'on est vis-à-vis d'une vieille octogénaire.

C'est à Mme Geoffrin, que le roi de Pologne aujourd' régnant doit la meilleure partie de son éducation. Etant à P comme comte de Poniatowski, il se fit pour ainsi dire disciple, et elle lui donna des conseils qui furent des leço Elevé par la fortune à un rang que sa naissance ne sembl point lui destiner, il n'eut pas honte de témoigner publiquem sa reconnaissance envers sa bienfaitrice. Il l'engagea de ve à Varsovie, il la logea dans son château, il la traita de m et tous à l'exemple de leur roi s'empressèrent de la comb de politesses. L'intention était de lui faire oublier le séjour Paris, mais trop de charmes l'y attiraient: elle y avait maison, sa fille, ses amis,—motifs bien puissants sur une â sensible. Elle suivit les mouvements de son cœur, n'acce rien, et interdisant à la vanité ses amorces dangereuses, e retourna dans sa patrie pour y faire les délices de ses conna sances et n'en plus sortir.

Il y a à Paris plusieurs de ces maisons, où sont admis l savants, les artistes, les amateurs des sciences, et où la co versation ne roule que sur des objets d'érudition et de littératur On les appelle bureaux d'esprit; jamais nom ne fut donné pl convenablement. Parmi ces bureaux le plus fameux est cel de Mme Geoffrin, ensuite viennent ceux de Mme du Bocag de M. de Mirabeau, du duc de Nivernais, etc.

Nous avons aussi formé la connaissance de Diderot. La [ré]putation de ce philosophe sublime a pénétré jusqu'à Votre [Alt]esse Impériale. Il vous est connu, Monseigneur, par les [bien]faits magnanimes qu'a versés sur lui votre auguste mère. [Pro]tectrice des vertus et des talents, elle a récompensé le sage [qui] consacrait son temps et ses lumières à l'utilité des hommes. [Ell]e n'a pas fait un ingrat; toutes ses paroles, tous ses discours [ne] tendent qu'à exprimer sa reconnaissance. Il ne cesse de [pub]lier les louanges de la main bienfaisante, qui l'a retiré de [l'in]digence, et ne cesse de la bénir. „Dans ma patrie, dit-il, [j'a]vais pu regorger d'honneurs, on m'estime, on me respecte,. [j'os]e même assurer qu'on m'aime. Des mœurs irréprochables et [une] vie retirée ne pouvaient dônner prise à la jalousie, et [enc]ore moins à la haine de mes chers concitoyens; mais avec [tou]s ces avantages, vœux les plus précieux de l'homme opulent, [je] périssais de misère, je fus obligé de vendre ma bibliothèque, [et] vous savez, messieurs, ajouta-t-il, que quand un ouvrier est [for]cé de vendre ses outils, c'est la plus grande marque d'un [bes]oin urgent. Enfin ce que je ne trouvais point chez moi, mon [ang]e tutélaire me le fit trouver dans le Nord, à quatre cents [lieu]es de ma patrie: votre grande Impératrice de la façon du [mo]nde la moins attendue et la plus généreuse changea ma [situ]ation; elle la rendit aussi riante qu'elle était déplorable, [et] tout nouvellement encore elle vient de m'enfouir dans un [mon]ceau d'or".

Ce sont ses expressions; j'ai entendu dire que Sa Majesté Im[péria]le a daigné lui faire payer sa pension pour plusieurs années [d'a]vance. «Non, [ajouta-t-il], je ne' suis pas content de lui porter [mo]n admiration de loin, je veux aller à St-Pétersbourg, je veux [me] jeter à ses pieds». Effectivement son départ paraît fixé au [pri]ntemps prochain, et il compte passer chez nous les quatre [sais]ons. Dans la conversation il est plus qu'aimable; de sa [sub]limité je n'en parle point, on s'y attend déjà. Il descend à [la] condition de ceux avec qui il converse et dédaigne de faire [se]ntir sa supériorité; profond avec le philosophe, il est enjoué

avec l'homme du monde. Sans être un moraliste sévère, il s
sert avec succès du langage séduisant de la persuasion. Sc
air honnête et modeste prévient en sa faveur, et toutes s
paroles sont portées droit au cœur. J'ose assurer Votre Altes
Impériale, qu'une demi-heure d'entretien avec Diderot pe
faire plus d'impression qu'une lecture de deux heures du liv
le mieux écrit.

Il a une fille unique, qui reçoit une éducation conform
aux lumières du père; il l'adore. Elle a un talent supérie
pour la musique. En notre présence il la fit toucher du clavec
Elle n'exécuta que des impromptus, et cependant elle sut no
étaler toute l'harmonie de son instrument. A moins d'avoir d
organes émoussés, il est impossible de ne pas être ravi d
son jeu.

1073. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. іюня 26. Лейденъ.

La lettre, que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, n
fait que me confirmer dans l'idée que j'ai toujours eue de v
sentiments. Au milieu des distractions agréables et varié
que la ville, qu'on fait passer pour la capitale du monde, vo
offre à tout moment, mon Prince, vous ne cessez pas de pe
ser à ceux qui vous sont dévoués. En goûtant les plaisirs d
monde, vous ne perdez pas de vue de rentrer dans vous-mêm
et d'acquérir un fond de gaieté, qui vous mettra à l'aven
autant au-dessus de tout ennui, qu'il vous fera d'honneur
vous rendra respectable aux yeux de l'univers.

Combien souhaiterais-je que les circonstances me permisse
de faire un tour pendant les vacances! Je viendrais à Pa
pour être témoin oculaire de cette manière d'agir, dont je fa
les plus heureux présages, et serais enchanté de ce doux plai
de vous revoir et de vous rendre en personne l'hommage d
mon parfait attachement et respect.

Le siècle de Louis XIV était celui des arts. Avec peu de naissances il avait beaucoup de goût. Tous les nerfs de la tion, si j'ose m'exprimer ainsi, étaient alors dans leur pre- re vigueur. Ayant vu l'Italie, vous jugerez mieux que je le saurais faire, si le siècle d'Auguste peut être comparé celui de Louis XIV. Quant aux productions de l'esprit, l'élo- nce était mâle aussi bien dans l'une que dans l'autre époque, t qu'elle le peut être dans un Etat purement monarchique, s les poètes les plus favorisés par Auguste me semblent passer ceux du siècle passé.

Le grand but des voyages dans les pays étrangers est, me vous remarquez, mon Prince, de connaître bien la na- . On manque donc son but, quand la nation se cache et e d'admettre les étrangers à leurs coteries.

Il n'y a aucune nouvelle remarquable de ce pays-ci. Nous sommes pas pour cela moins heureux. La vie uniforme et quille a aussi ses attraits quand on y est accoutumé. M. La erre se porte bien, mais il n'est pas encore grand-père. Il très sensible, mon Prince, à l'honneur de votre souvenir. Colici s'est marié. M. Kerreux mène encore le même n de vie, et M. Fass se porte fort bien. On a fait des ditions très avantageuses à la Cour de Son Altesse Impé- e Monseigneur le Grand-Duc au neveu de M. Allamand. Kolitchov fait à présent les fonctions de secrétaire à la Haye. Je ne doute pas, mon Prince, que le prince votre frère isième et M. le comte d'Apraxine ne vous ressemblent. z par cela, je vous supplie, combien je serais charmé de voir témoigner à l'occasion de leur séjour à Leyde qu'il n'y personne qui vous soit plus attaché avec un zèle vif et une sidération plus distinguée que celui qui a l'honneur de se dire qu'au tombeau, mon Prince, votre très humble et très obéis- t serviteur. Pestel.

1074. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. іюля 13. Парижъ.

Les spectacles ici sont une ressource si agréable et
féconde pour les étrangers, que j'espère que Votre Altess
Impériale daignera me pardonner si j'ose l'en entretenir. J'avo
que le sujet n'est ni grave, ni intéressant, mais s'il peut to
au plus amuser, c'est tout ce que je désire. Il me souvie
d'en avoir légèrement parlé dans ma première lettre de Pari
Aujourd'hui j'en ferai mon objet principal, et je tâcherai
n'oublier aucune des circonstances, capables d'en offrir u
image assez vive pour suppléer à la réalité.

Il y a ici trois grands spectacles réglés: l'Opéra, la Comédi
Française et la Comédie-Italienne jointe à l'Opéra-Comique. I
sont ouverts pendant toute l'année.

L'Opéra réunit en quelque sorte toutes les richesses d
autres spectacles: la pompe, l'intérêt de la scène, la varié
des évènements, la magie d'une poésie facile et lyrique, u
musique savante et le secours des premiers talents pour
jeu, pour le chant et pour la danse. Il est au Palais-Roy
Il ravit les sens par la beauté du coup d'œil; les machines
agissent avec une célérité merveilleuse; les décorations so
superbes, et les ballets tels que nulle part on ne peut en voir d
plus beaux. Les danseurs de l'Europe les plus habiles y dévelo
pent avec adresse toutes les ressources de leur art. Je ne suis p
assez connaisseur pour hasarder mon sentiment sur la musiq
française. Il faut être très grand amateur, pour qu'elle puis
plaire: elle a de ces beautés, qui ne sautent point d'abo
aux yeux, il faut les chercher, et dans cette recherche souve
on se perd d'une façon à ne pouvoir y trouver que des diffo
mités effrayantes. Je suis même de l'opinion, que la plupart d
ses partisans y tiennent bien plus par point d'honneur nation
que par l'agrément qu'ils y trouvent.

La Comédie-Française n'est pas un spectacle qui frappe les sens, mais il émeut, il attendrit le cœur. C'est l'école du bon goût, des bonnes mœurs, c'est la source bienfaisante où se puisent les grands sentiments. Nos vertus y sont exaltées et nos vices et nos travers tracés avec le pinceau le plus mâle et le plus énergique. On a le plaisir d'y entendre une déclamation pathétique, de beaux vers et surtout de belles maximes, applicables à tous les différents cas, où nous pouvons nous trouver dans notre vie. On connait les merveilleuses productions de tant de grands auteurs, ces chefs-d'œuvre de l'esprit humain qui anoblissent ce théâtre. Voltaire, Corneille, Racine, Crébillon, Molière et tant d'autres n'ont pas dédaigné de lui consacrer leurs travaux et leur temps. Ces noms, glorieux à la nation dont ils font partie et respectables à la postérité, sont immortels dans la république des lettres.

Quelques misanthropes austères ont osé avancer que les beaux-arts dramatiques, loin d'avoir servi à perfectionner nos mœurs, n'avaient contribué qu'à les corrompre. Mais il faut rechercher le mobile de ces assertions, aussi fausses dans leur origine que dangereuses dans leur application. On reconnaîtra que ces sophistes insidieux, dégoûtés du monde, insupportables à eux-mêmes, haïssant tout et n'aimant rien, n'avaient de plus grande consolation dans leur odieux état, que de priver, s'il était possible, leurs semblables du plus doux attrait de la vie, de cette sociabilité, de cette politesse, qui ne s'acquièrent pour ainsi dire que par le violent désir d'imitation qu'inspirent ces beaux modèles.

Exposer leurs paradoxes, c'est les réfuter. La grande utilité qui nous est revenue et qui nous revient des spectacles est trop sensible. Je vais plus loin. J'ose même croire, que dans la mémoire des citoyens la première place après les législateurs appartient aux bons écrivains dramatiques, principalement, s'ils voulaient employer la fécondité de leur imagination aux avantages de la société. N'est-ce pas aux Sophocle, aux Euripide, que la Grèce dut cet atticisme, qui la mettait pour lors si

fort au-dessus du barbare? N'est-ce pas aux Plaute et a Térence, que Rome, cette maîtresse du monde, fut jadis re vable de son urbanité et de son goût exquis? N'est-ce p enfin aux Molière, aux Corneille et aux Racine, que Louis X dut en bonne partie la splendeur et l'éclat de son sièc Ne sont-ce pas ces hommes divins qui par leurs écrits o corrigé leurs contemporains de cette ancienne rudesse qui l dégradait si fort? Ils ont extirpé en eux cette barbarie q exerçait sur leurs âmes un empire si absolu; ce sont eux q ont fait percer l'humanité à travers ce voile nébuleux, q depuis une suite de siècles la dérobait à tous les regards.

Actuellement la troupe des comédiens est très bien compos Mlle Dumesnil, Dubois, Vestris, Sainval brillent da le tragique.

La réputation de la Dumesnil est établie depuis longtem la destination de la Sainval est de la doubler. On prétend q rien au monde ne fait mieux déclamer la Dumesnil qu'u bouteille de vin de Champagne. C'est déjà une vieille femm Elle n'est pas égale dans son jeu: tantôt rampante, tan sublime, elle s'élance au grand avec un naturel et une fo inimitables. La Sainval n'a pas la supériorité de ses talen mais elle met beaucoup d'âme dans son geste et dans qu'elle dit.

La Dubois prévient par sa figure; grande, bien faite, el semble être née pour régner sur la scène; on lui reproch trop de froideur et trop d'affectation par le grand empresseme qu'elle a de montrer ses bras qui sont assez beaux.

La Vestris est celle qui entraîne le plus de suffrages, qu'on juge la plus digne de consoler le public de la perte Mlle Clairon. C'est dans l'école de cette admirable actri qu'elle s'est formée. Mlle Clairon haïssant le père de la Dub n'a rien épargné pour transmettre ses talents à Mlle Vestri Aussi celle-ci, ayant adopté sa manière de sentir et de pénétrer de la situation où la transporte son rôle, a aus adopté sa manière d'exprimer ce qu'elle sent.

Lekain n'a qu'à paraître pour exciter les plus grands applaudissements. C'est un juste tribut dû à son mérite. Il élève par la force, la noblesse et l'énergie, qu'il emploie dans ses rôles. Il se sert de peu de gestes, mais il met toute son expression dans sa voix, dans son maintien et surtout dans ses yeux.

Molé est le second acteur pour le tragique. Il est bon, seulement il ne sait pas modérer sa voix; il lui donne trop d'élans, et d'ailleurs il a à lutter contre un grand désagrément naturel qui est une poitrine fort faible. Je le préfère dans le comique; alors il est charmant.

Brizard est aussi compté parmi les grands acteurs. Il rend les rôles de père avec une naïveté noble et sensible. On pourrait lui reprocher, non sans fondement, de trop courir après la simplicité. Ne voulant pas être affecté, voulant être naturel, souvent il est froid.

Bellecour dans les premiers amoureux, Molé dans les mêmes rôles, l'incomparable Préville dans les valets, et la femme Bellecour, autrement dite Gogo, sont les ornements de la comédie. Je ne saurais dire assez de bien de Préville. Il joue avec tant de naturel, d'esprit et de gaieté, que sans hésiter on peut lui adjuger la palme dans son genre.

Quelquefois lorsque les pièces l'exigent on donne sur ce théâtre des divertissements, où ne dansent que des enfants de ... à quinze ans, mais qui s'acquittent assez bien de leur tâche. Le public se plaît à leur faire éprouver les effets de son indulgence. Il renonce à sa sévérité de censeur, quand il considère leur extrême jeunesse et les grâces naïves répandues sur leurs petites figures.

La Comédie-Italienne n'a en soi rien d'intéressant. C'est une rapsodie de différentes farces dont le sujet, qui roule en grande partie sur les brouilleries d'Arlequin et de Scapin, ne peut guère amuser que le paradis. L'Arlequin est le meilleur acteur, c'est le fameux Carlin. Quoique vieux et ayant un corps assez gros à mouvoir, il ne laisse pas d'avoir beaucoup

d'agilité; il rend son rôle dans tout le costume qu'il exi
Ce théâtre attire cependant la multitude; je croirais presq
qu'il est le plus fréquenté des trois. Sa réunion avec l'Opé
Comique lui a été très favorable. Tel est l'effet de la légèr
du public. Comment préférer des petits vaudevilles, des dialog
de paysans, ou bien des intrigues d'amour mal tissues et souv
massacrées en faveur de la musique, au plaisir d'entendre
beaux vers et de belles pensées, ou à celui d'enchanter
yeux par l'illusion qui frappe si fortement à la salle du Pal
Royal? Il faut convenir que les acteurs sont excellents, et c
en cette considération qu'on peut encore excuser la manie qu
a de venir les entendre. Le goût des pièces change aussi t
avantageusement: ce bas comique, qui jadis en formait
caractère, commence à en être banni.

Les compositeurs français ambitionnent d'attraper le subli
de la musique italienne, et les succès brillants des travaux
Grétry et de Monsigny prouvent combien ce nouveau ge
est préférable à l'ancien. Si le fond des accompagnement
changé, l'intrigue des pièces a également éprouvé une très gra
révolution. On a tâché d'y introduire le langage du cœur
du sentiment. On y voit des amants qui se disent qu'ils s'aime
qui en raisonnent et qui quelquefois fournissent des scènes t
intéressantes. C'est en partie à Marmontel qu'on est re
vable de ce changement. Il a enrichi ce théâtre de plusieurs
ses ouvrages, qui tous sont marqués au coin de la sensibil
et d'autres auteurs avec moins de célébrité, mais avec
moins d'imagination, se sont fait un titre de gloire de co
cette carrière nouvelle. Il y a quelques années qu'on allait
Italiens pour rire, à présent on y va pour y pleurer.

Outre la ressource de ces trois spectacles qui satisfont
yeux, l'oreille et le cœur, il existe encore en hiver celle
bal de l'Opéra, et à son défaut on profite en été des
menades, qui sans exagération ne laissent rien à désirer.
ne parle point des environs: il est constaté qu'ils sont d
cieux. Des plaines fertiles et arrosées par les eaux de

ne, des situations inégales, des maisons de campagne, un
nbre plus grand encore d'habitations villageoises, — tout cet
emble présente un aspect enchanteur. Mais la ville.... combien
promenades charmantes ne renferme-t-elle point? Les Tui-
es, le Palais-Royal, le Luxembourg ont déjà trois jardins
erts au public à toutes les heures du jour; on est sûr de
être jamais seul, on y rencontre toujours une foule de
de. C'est dans ces endroits qu'on a la satisfaction d'étudier
différents caractères des hommes, sans gène et sans con-
nte; c'est à leur mine, à leur démarche, à leur façon de
mettre, qu'on se forme des idées justes, pour l'ordinaire,
ce qui se passe dans leur intérieur. On rit de la fatuité
uns et on compatit aux airs graves et empesés des autres.
Les boulevards offrent encore ici un genre de promenade
nnu ailleurs et cependant des plus agréables. On s'y ras-
ble après les six heures du soir. La vanité est le motif
cipal qui a mis cette promenade en vogue. Les femmes y
nent pour voir et pour être vues; les hommes pour les
irer et tous pour étaler, soit leurs vaines grâces, soit leurs
pages. Le milieu de l'allée est occupé par les carrosses
quelquefois sont en quatre files, et les deux côtés sont
nés pour les piétons.

Parmi ceux-ci on ne compte ordinairement que de bons
geois; la mode exerce ici un pouvoir tyrannique, et il est
re le bon ton de descendre de sa voiture revêtu d'un habit
llé. Il est vrai qu'en secouant le joug odieux de l'usage
goûte plus de plaisir, mais on ne peut décemment pénétrer
s la foule que sous le déguisement d'un frac. Je ne con-
point de pays au monde, qui se conforme plus à des bien-
nces souvent de fantaisie, et qui s'assujettisse à des minuties
ment puériles. Je ne puis vous faire, Monseigneur, de
eau plus fidèle de cette promenade, qu'en vous suppliant
daigner vous rappeler la petite pièce de Favart, intitulée
soirée des boulevards". Elle est écrite dans l'exacte vérité.
férents jeux, des cafés, des guinguettes, des charlatans s'y

trouvent en foule, et servent d'amorce au peuple, toujo avide de nouveautés, et qui y court avec empressement, d qu'il croit pouvoir le faire sans nuire aux occupations qui l font gagner sa vie.

Je dois dire un mot du Colisée. Ce nom seul en dévelop l'idée, mais son usage est différent de celui qui existait à Rom Là, c'était un bâtiment sans toit, destiné à des jeux et à d spectacles; ici, c'est un bâtiment couvert, où s'assemble indisti tement tout le public. Le Colisée est bâti au sein des Cham Elysées. Autant qu'il m'a paru, il est octogone; chacune ses faces a une décoration et une cour particulières. Le treill ornement agréable des jardins, et le majestueux de l'archite ture antique s'y confondent et de cette confusion naît une vari des plus intéressantes. C'est un édifice immense qui peut co tenir un monde prodigieux. L'arrangement de l'intérieur d pend de la grande rotonde du milieu, pièce principale. E est en Panthéon dans le goût du petit Vauxhall d'hiver, n'en est qu'une très légère esquisse. La dorure n'y a pas épargnée; le coup d'œil en est éblouissant. On y entre quatre portes précédées de vastes péristyles à la romai ornés de colonnades et de sculpture. Ces péristyles trouv encore un ornement dans les jolies boutiques, qui y sont p cées. On y voit aussi une loterie pour amuser ceux qui ve lent bien l'être. Plusieurs salons et cabinets très jolim meublés environnent la rotonde. Le monde peut s'y retirer p jouer, ou bien pour s'y délasser du bruit continuel qui fati dans le tourbillon. De beaux escaliers conduisent au prem étage, dont la distribution est pareille à celle du bas. U plate-forme règne sur tout le bâtiment. L'entrée ne coûte trente sols; pour ce prix modique on voit une assemblée b lante, une salle superbe, un joli feu d'artifice, et on ent une assez bonne musique. Les feux d'artifice se tirent sur large bassin qui précède la belle façade. On y donne a quelquefois des joutes dans le goût des anciens. Le Colisée n' ouvert que les jeudis et les dimanches. On fait bien d'en raril

plaisir, une jouissance trop fréquente cesserait de le rendre ...ant. Tel qu'il est, il coûte déjà aux entrepreneurs au delà dix-sept cent mille francs.

Ils se sont ruinés pour s'être flattés d'une réussite supé...re à celle qu'ils ont eue et malgré la puissante protection ...ministère, ils ne peuvent s'indemniser encore de leurs avan... C'est en leur faveur que la police a défendu aux spec... des boulevards de ne plus jouer après les huit heures ...soir. Ils ont aussi obtenu le singulier privilège de ne pou... être inquités par leurs créanciers pendant neuf ans entiers. ...n'est qu'un avantage illusoire: il est bien vrai qu'ils ont ...temps de respirer, mais leur crédit est abimé, personne ...eut plus travailler pour leur compte qu'argent comptant, et ... de celui-ci ils sont obligés de se désister de quantité ...projets, dont l'exécution aurait été une source renaissante ...plaisir pour le public.

Mais si Paris abonde en objets qui éblouissent l'étranger, il ...laisse pas d'avoir ses grands désagréments. La privation de ... liaison avec les gens du pays peut être comptée comme ...des principaux. A moins de rester ici un ou deux ans, on ... absolument renoncer aux sociétés particulières. Elles sont ... accès impénétrable. On a beau tenter jusqu'à l'impossible ... y être introduit, jamais on ne réussit. Votre politesse ... n'est payée qu'en politesses simulées. Ce sont des vaines ...testations qui n'aboutissent qu'à vous nourrir dans un faux ...ir, et à la fin on part de Paris avec aussi peu de lumières ... la façon dont on vit dans les grandes et les bonnes maisons, ... lorsqu'on y est arrivé. Cette singulière conduite trouve ...se d'un certain côté; elle est moins à condamner, quand ...considère le nombre étonnant d'étrangers qui circulent et ...succèdent ici pendant toutes les saisons de l'année. Parmi ... foule, il y a une infinité de gens comme il faut, qui de... aspirent à être reçus partout, et s'ils réussissaient dans ... démarches, quels états immenses ne devraient pas tenir ... Parisiens pour y suffire et les recevoir convenablement! Ils

sentent cependant que leur conduite est susceptible de repro
et de ridicule. Comment, cette nation qui prétend être législatrice de l'univers en politesse, en civilité, en tous usages reçus dans la société, cette nation est la premièr contrevenir aux règles qu'elle prescrit! Ils allèguent plusie raisons pour leur justification, mais toutes frivoles elles peuv être renversées aussitôt que combattues.

Il faut pourtant avouer que ces inconvénients ne sont ép vés que par le voyageur qui ne reste à Paris que peu temps. Celui qui y vient avec le dessein d'y faire un long séjo et dont l'esprit, la naissance et les mœurs correspondent désirs des personnes qu'il recherche, au lieu d'éclater plaintes, n'aura certainement raison que de se louer de l'acc obligeant qu'il recevra, du bon ton, de la gaieté et de la cence qui règnent, à ce qu'on dit, dans ces sociétés. Il n'est pas nécessaire de se borner à une seule. Il y en a toutes les classes et aussi de toutes les sortes, de gaies et tristes, de badines et de sérieuses, de frivoles et de soli On en trouve chez le grand seigneur, chez le noble opul chez le financier, chez les gens de lettres, et même parm bonne roture. Les premières sont brillantes, aux secondes commence un peu plus à respirer l'air de liberté, mais deux dernières sont sans contredit les plus agréables, et ce qui doivent avoir le plus de prix envers l'homme sensé. O est libre, on y est maître de faire ce qu'on veut, tandis l'esprit d'étiquette, de contrainte et de qui-vive continuel déjà en soi un odieux qui engage à le détester et à le f plutôt qu'à le rechercher.

N'étant à Paris que pour quatre mois, nous n'avons compter que sur les amusements publics. Partout ailleurs serait insupportable: quel vide dans le journée! mais ici imperceptible. Notre curiosité nous fait employer plusieurs he à parcourir ce qu'il y a de remarquable en tous les gen les promenades nous occupent agréablement, et ensuite spectacles nous prennent toute notre soirée. Lorsque vers

uf heures nous rentrons à la maison, chacun est charmé voir quelques instants à sa propre disposition. Alors sans e troublé, je tâche de réfléchir sur ce que j'ai vu, fait et tendu pendant la journée; je vaque à ma petite correspon-ice, je fais quelque lecture, soit instructive, soit purement usante, je couche sur le papier mes faibles idées, j'y trace qui m'a le plus frappé. Ainsi mon temps se passe, si j'ose dire, avec utilité, avec agrément et sans trouver aucun vide.

Quoique plongés dans une certaine dissipation, pourtant nous perdons point de vue le grand but de notre voyage. Les s de patriotes et de sujets fidèles sont nos premiers devoirs, l'acquisition des qualités y requises forme notre plus chère bition. A Leyde nous nous sommes efforcés d'aiguiser et ner notre esprit, ici nous portons les mêmes soins à per-tionner notre extérieur, à le dépouiller de ce vernis de cherie, suite ordinaire de la vie sédentaire de l'école. Nous quérir quelques connaissances dans les belles-lettres, nous miliariser avec la langue italienne et nous appliquer au talent Terpsichore,—voilà l'objet de nos occupations journalières. s restons ici encore jusqu'à la fin du mois prochain. Alors s partons pour l'Italie, en prenant notre route par la Suisse les provinces méridionales.

1075. Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. іюля 28. Кусково.

Je vous suis infiniment obligé de la belle description que s avez bien voulu me donner de la ville de Paris et de celle Lyon. L'énergie agréable qui règne dans votre récit et les marques judicieuses qui l'accompagnent me confirment bien s la bonne opinion que j'ai eue de vous, Monsieur, que vous tiriez un fruit réel de vos voyages, et prouvent bien que votre plication est aussi solide que suivie. Je ne doute point que s ne verrez l'Italie avec les mêmes attentions et serai fort

charmé si à votre loisir vous voulez bien me communiquer ce que vous y aurez trouvé de plus remarquable.

Les nouvelles intéressantes que vous venez me donner au sujet du rétablissement de mon fils me font le plus grand plaisir du monde. Comme vous êtes dans le cas, Monsieur, de pouvoir juger de l'effet de sa cure mieux que personne, le voyant tous les jours et l'ayant connu depuis longtemps dans son état d'accablement, je m'en rapporte avec toute la confiance possible à ce que vous m'en dites et suis fort sensible à la part amicale que vous voulez bien y prendre.

N'ayant pas vu depuis quelque temps ma sœur ni ma nièce nouvellement mariée, m'étant promené dans mes terres éloignées de Moscou, mais, comme je suis de retour à Kouskovo depuis avant-hier, je serai au premier jour dans le cas de leur faire part de votre obligeant souvenir, dont certainement elles vous tiendront bon compte.

1076. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 1. Петербургъ.

Думаю, что вы, мой сердечный другъ, способъ можете имѣть достать хорошенькую французскую собаку. Очень много меня одолжите, если мнѣ её привезете. Только мохнатыхъ я не люблю; очень хочется съ низкою шерстью, очень долгія уши; хотя собака и не очень мала будетъ, только этого сорта; съ шерстью бѣлою съ какими-нинаесть пятнами,—чѣмъ меня крайне одолжишь, приму за особливый знакъ вашей дружбы.

Знаю, сколь вы своихъ сердечно любите; итакъ, безызвѣстнымъ васъ о нихъ не хочу оставить. Братья ваши оба здѣсь, слава Богу, здоровы. Вильнева отпустили, выписали на его мѣсто изъ Парижа очень достойнаго человѣка, который къ Алексѣемъ очень доволенъ.

1077. Ландграфъ гессенъ-кассельскій Георгъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 4.

Je prends la liberté de vous envoyer avec la pièce originale traduction qui est le premier essai que j'aie jamais fait dans genre; vous reconnaîtrez aussi par parenthèse, combien m'a uyé de récrire toute une pièce et de faire le copiste de n propre ouvrage; le griffonnage en est un témoin visible. Pour vous dire ce que je pense de la pièce même, je trouve le sujet est des plus beaux et des plus intéressants, puisque s manquons malheureusement d'exemples propres à nous re des actions pareilles familières, tant en exécution qu'en cipés. L'auteur, en copiant son original, y a prêté tant tention et d'exactitude que déjà dans sa préface, que je pare aux premiers contours et premières lignes de crayon n tableau, l'on trouve une annonce parfaite d'une bonne ie. Ce qui plus est, il ne s'est pas écarté du tout de son mier dessein, mais, au contraire, il en a augmenté la pertion, en donnant à son tableau un coloris vif et agréable de logues remplis de beaux sentiments et de sentences choisies, cées cependant dans un jour d'occasion qui les rend agréables les éloigne du pédantisme. L'auteur a enfin su donner à son rage une draperie si naturelle et agréable qui cache jusqu'au ps nécessaire l'intrigue et le dénouement, que, sans le savoir, conserve même durant tout le temps l'attention et l'intérêt n a eus au commencement. Il ne s'est en rien éloigné des les du spectacle en général et n'a fait que marquer en tout traits de vraisemblance et possibilité à arriver dans l'unité jour.

Il s'y peut trouver cependant quelques fautes qui paraîtront de suite aux yeux des connaisseurs; toujours je peux ncer que la pièce est bonne, en me fondant sur ce que it M. de Turenne, que ceux étaient les plus parfaits qui ient le moins de fautes.

Pour ce qui regarde ma traduction, je vous supplie de lire avec indulgence, mais de m'honorer de vos bons consei pour lui donner par là quelque degré de perfection. J'ai l'ho neur d'être, mon cher Prince, votre très humble serviteu Georges.

1078. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. августа 12. Парижъ.

Je n'ai pas encore eu l'occasion d'entretenir Votre Altes Impériale sur les détails de Paris. Si la multiplicité d'obj attrayants offre un champ très fécond, d'autres m'ont précé pour en cueillir les fleurs. Je ne pourrais rien dire de no veau; tout déjà se trouve détaillé plus amplement et av plus d'agrément dans les descriptions imprimées. Il ne reste qu'à vous exposer, Monseigneur, quelques réflexions gén rales, que j'ai eu la témérité de former. Je les soumets à vo critique.

Paris abonde en édifices remarquables, qui éblouissent l yeux de l'étranger autant qu'ils affectent délicieusement s âme. Il y en a de toutes les espèces. Les embrasser to ce serait franchir les bornes d'une lettre; je ne puis m'arrêt qu'à ceux qui m'ont frappé le plus. Le Louvre et les Tuiler étaient jadis la demeure des rois. On forma divers projets po leur embellissement; Perrault et Bernini, rivaux célèbr y épuisèrent conjointement les richesses de leur art, ma jamais on ne les porta à une entière exécution. Je m'imagi qu'alors cet ouvrage aurait été unique, puisque les parties q en sont encore informes excitent la plus grande admirati des connaisseurs.

Depuis plus d'un siècle, le Louvre n'est plus le séjour la Cour, il est devenu le sanctuaire des muses. C'est là que trouvent les quatre académies, ces asiles sacrés que Louis X accorda aux arts et aux sciences, pour les sauver à l'avenir d' naufrage pareil à celui, qui les avait pour ainsi dire anéan

ndant tant de siècles. Ce prince faisait éclore le génie, com-e il aimait à le récompenser. Avide de gloire et attentif aux ogrès des avantages de la société, il n'épargne rien pour arri-r à ces deux buts, qui lui étaient si intéressants, et dont dernier devait être un bienfait versé sur la postérité.

L'Hôtel des Invalides est un monument immortel de la andeur de son âme. Partout on y voit l'empreinte du grand narque. De quel respect ne se sent-on point saisi à la vue toutes ces victimes de la patrie! Le cœur le plus indifférent saurait y être insensible. Autrefois les officiers et les sol-s, hors d'état de servir, étaient répartis sur les abbayes, devaient pourvoir à leur entretien le reste de leurs jours, is cette disposition fut changée par Louis XIV. Il y découvrit source de gloire inconnue jusque-là. Il voulut que ces itaires, vieillis dans la poussière du camp, fussent entrete-aux dépens de cette même couronne pour qui ils s'étaient rifiés. Le clergé fut affranchi de sa première obligation, yennant une somme de 100 mille écus, qu'il doit contribuer nellement aux autres revenus que le Roi a assignés à l'Hôtel. oique toute la perception monte jusqu'à trois millions de res, elle est encore insuffisante.

Le roi a en tout plus de 20 mille invalides à nourrir. sont distribués dans les différentes garnisons de l'intérieur Royaume. Ils ne parviennent à être reçus dans l'Hôtel, qui trouve aux environs de cette capitale, que quand leurs rmités, ou bien leur grand âge, les empêchent de vaquer fonctions de soldat. Le nombre de ceux que peut contenir Hôtel n'excède point celui de trois mille. Parmi eux se trouvent si des officiers, depuis le lieutenant-colonel jusqu'à l'enseigne. sont tous très bien. Chaque grade mange à part. Leurs les ne sont pas somptueusement, mais très proprement vies; il y a toujours cinq bons plats avec la soupe. Les verts sont d'argent, et chacun a sa demi-bouteille de vin. chambres des capitaines se distinguent, parce qu'elles sont sées; ils logent deux à deux, et les lieutenants par quatre.

La même subordination, qui règne dans une garnison, assı aussi la police de cette maison. On n'exige rien de ces ancie guerriers; on veille seulement au bon ordre, et d'ailleurs ı coutumés à obéir dès leur première jeunesse, il ne leur ı nullement pénible de continuer à vivre dans la même habitu Le gouverneur est pour l'ordinaire un officier général; il y de plus un intendant, qui est toujours un homme de ro pour présider à l'économie de la maison.

Mais si cet établissement fait tant d'honneur à la magı nimité de Louis XIV, celui de l'Ecole militaire n'en fait] moins aux sentiments nobles, généreux et patriotiques de ı successeur. Il savait que les braves citoyens qui se sacrifiai pour la défense de la patrie avaient un asile assuré dans l débile vieillesse; il voulut lui préparer des défenseurs, il v lut se former des sujets capables de le servir et de mainte sa gloire et celle de la nation dans tout son brillant. Inspiré le zèle du comte d'Argenson, secrétaire d'Etat ayant département de la guerre, il fonda cette excellente institut pour l'entretien de six cents jeunes gentilshommes, qui p être reçus doivent faire preuve de quatre degrés de noble du côté paternel. Ils y restent de treize ans jusqu'à dix-hi S'il arrive qu'ils sont reçus avant cet âge, alors on les élè jusqu'à ce qu'ils y soient parvenus, en province dans des m sons dépendantes de celle-ci.

Tout dans leur éducation est subordonné aux grands mob du vrai courage et du seul héroïsme auquel des hommes peu prétendre. On leur apprend tout à la fois les exercices du guer et les vertus du citoyen, mais celles-ci ont toujours la préféren Cette jeunesse, élevée à l'ombre des lauriers dont ses institute sont couverts, puise dans leurs exemples le désir d'en faire ı prompte moisson. Ils apprennent d'eux à chérir la gloire, et p encore la vertu. Leurs études commencent à six heures du m et continuent jusqu'à huit heures du soir; ils n'ont de relâ dans la journée que le temps du repas, du goûter, du déjeun et de plus deux heures de récréation. Notre Corps des cad

ssemble à plusieurs égards à cette école. Dans celle-ci il y également des officiers, la même subordination et en été s mêmes évolutions en fait de tactique. Dans plusieurs points s cadets l'emportent, surtout pour ce qui regarde la propreté et la table.

Le bâtiment est un chef-d'œuvre d'architecture, construit r le dessin de M. Gabriel. La grande façade et la nouvelle chapelle méritent d'être remarquées. Au milieu de la cour incipale est placée la statue pédestre du Roi, que Lemoyne exécutée en marbre.

Les jeunes élèves obtiennent ordinairement à leur sortie s lieutenances. Leur uniforme est tout simple: habit bleu, ste, parements et collet rouge, avec des boutons à fil d'argent. Roi a gratifié cette Maison pour son entretien du revenu e produisent la loterie d'Etat et timbre imposé sur les cartes; s deux sommes réunies forment à ce qu'on m'a assuré un tal de six millions. Les élèves n'ont point de chambres particulières. Ils ont de grands et longs dortoirs communs; chacun a pendant une petite cellule à soi, séparée par une cloison, où est lit très dur, une chaise de bois, une petite table, avec tout ce 'il faut pour son habillement. Ces cellules ont leurs portes, i se ferment à clé, dès que les élèves sont couchés. On introduit cette coutume pour prévenir tous les désordres assez dinaires dans une assemblée aussi nombreuse de jeunes gens. s élèves les plus favorisés de la fortune n'osent se procurer cune commodité distinctive; il leur est même interdit d'avoir urs propres domestiques; ils sont tous servis par ceux qu'entrent à cet effet l'école. De plus les élèves, dès le moment de leur trée dans la Maison jusqu'à celui de leur sortie, ne peuvent n absenter ni pour voir leurs parents, ni pour visiter leurs nnaissances, qui tous en revanche ont la liberté de venir à école, sans y interrompre les occupations accoutumées.

rmi les établissements qui ne doivent leur existence qu'à générosité des particuliers, il y a principalement à admirer

la Sorbonne, le collège des Quatre-Nations et l'hôpital, (de la Charité.

La Sorbonne est le plus fameux collège de théologie (Royaume. Il fut fondé, si je ne me trompe, dans le treizièı siècle par un prêtre nommé Sorbon, et c'est en mémoire son fondateur qu'il en porte le nom. L'époque de sa pl grande célébrité date du cardinal de Richelieu; il en fut protecteur. Cet homme extraordinaire affectait un grand go pour les lettres, mais son plus grand faible fut de vouloir viv avec éclat dans la mémoire de la postérité. Il voulut s'illustr par la construction de quelque édifice remarquable; c'est l qui augmenta les fonds de la Sorbonne, qui en fit répar les bâtiments et édifier la superbe église dans l'état où (l'admire à présent. Il n'a point négligé de faire mettre parto son chiffre ou ses armes. Son mausolée, qui, de l'aveu d maîtres de l'art, est un chef-d'œuvre, est placé au milieu (chœur. Le cardinal est représenté en marbre blanc, à dem couché sur une forme de tombeau antique; la Religion soutient, la Science est à ses pieds et paraît inconsolabl deux génies portent ses armes décorées de toutes ses dignité Ce monument, compté pour le plus parfait qui existe (France, est dû au génie de Lebrun et à l'habile ciseau (Girardon. L'invention est sublime, mais l'exécution est inf niment supérieure. On rapporte ici encore avec extase, Mon seigneur, les paroles que votre auguste bisaïeul ne put s'en pêcher de proférer à la vue de ce mausolée,—paroles qui fo autant d'honneur au monarque qui les prononça, qu'à celui (faveur de qui elles ont été prononcées. Au-dessous du chœı est pratiqué un caveau de sépulture pour la famille de Rich lieu. Si je ne me trompe pas, le collège de la Sorbonne e composé de trente-six docteurs.

Le collège des Quatre-Nations, ou autrement le collège Mı zarin, est une institution du cardinal de ce nom. Emule en to de Richelieu, son prédécesseur dans le ministère, il voulı ainsi que lui contribuer aux progrès des sciences. Pour mu

plier leurs temples, il fit élever ce bel édifice. On voit dans l'église le mausolée du cardinal à genoux sur un tombeau de arbre noir. Un ange derrière lui tient des faisceaux qui rment les armes de la maison. Sur les degrés sont assises ois figures de bronze qui désignent la Prudence, l'Abondance la Fidélité. La bibliothèque mérite d'être vue; on y compte nviron 60 mille volumes, parmi lesquels se trouvent des anuscrits très estimés. On dit qu'il y a toujours quarante èves entretenus aux dépens du Collège.

La Charité est un de ces établissements qui soulagent les isères de l'humanité et qui immortalisent la bienfaisance comtissante de leurs fondateurs. Cet hôpital ne doit point son istence à la munificence royale; il n'en est redevable qu'à la nérosité de quelques particuliers. Ses fonds suffisent à son tretien, et c'est gratuitement qu'on y reçoit les malades qui présentent. Ils sont servis et soignés avec une propreté, une mmodité et un ordre admirables. L'arrangement des salles des lits vaut la peine de l'aller voir.

Paris offre aussi dans ses églises un spectacle de magnifience, et le vulgaire paraît ici persuadé que Dieu est plus and dans de superbes palais que dans d'humbles cabanes. n peut les diviser en deux classes: les antiques et les modernes. rmi les premières, Notre-Dame, qui est la métropole, obtient ns aucun doute la préférence, soit pour sa grandeur, soit ur le hardi et le délicat qu'on aperçoit dans toutes ses rties, mais quant aux secondes, il n'y en a aucune encore i puisse être comparée à celle de St-Sulpice. C'est sans conedit la plus belle église de la ville. Elle est dans le faubourg -Germain, et on y compte près de 100 mille paroissiens. 'édifice est superbe. Ce n'est que depuis quelques années qu'il été achevé sur les dessins de Servandoni. L'architecture est mâle, noble, majestueuse. Le portail est tout ce qu'on ut voir de beau. Cinq bas-reliefs qu'on y aperçoit méritent ne attention particulière. Seulement c'est dommage que ce hef-d'œuvre du goût de notre siècle ne soit point précédé

par une place publique, ou bien par une cour: le passa[ges] étant à présent des plus étroits, il est presque impossible [de] jouir de toute la beauté du coup d'œil.

C'est aux travaux et aux soins de M. de Gergy, anci[en] curé de St-Sulpice, que Paris est redevable de ce superbe m[o]nument. Ce zélé pasteur n'épargna rien pour engager le publ[ic] à contribuer à l'accomplissement d'un dessein aussi grand [et] aussi généreux. Il donna l'exemple; riche de lui-même, [il] sacrifia tout son bien à l'érection du Temple du Seigneur, [au] soutien des pauvres de sa paroisse et à plusieurs établiss[e]ments pieux, asiles de l'humanité indigente et ornements étern[els] de la mémoire de leur généreux fondateur.

En traversant la rue vis-à-vis l'église, on trouve un vas[te] bâtiment à plusieurs étages, qui est le séminaire de la p[a]roisse également existant par le zèle de M. de Gergy. C[et] homme admirable s'acquit à juste titre durant sa vie la r[é]putation la plus brillante. Bienfaiteur des pauvres, consolate[ur] des affligés, exemple des bonnes mœurs, prêtre raisonnab[le] et citoyen utile, il brillait autant par les qualités de s[on] cœur que par celles de son esprit. Toutes les dignités [de] l'église furent soumises à son choix. Les évêchés les pl[us] illustres, les bénéfices les plus riches lui furent offerts par [le] Roi; le pape voulut lui envoyer la barrette, non qu'il crût l'[en] honorer, mais pour se glorifier soi-même d'une telle nomin[a]tion. Gergy ne se démentit point de ses principes, il dédaign[a], il refusa tout. Il n'avait d'autre ambition que celle de bi[en] servir son Dieu, de remplir tous les devoirs de citoyen [et] d'être le père des infortunés. Une fois consacrée au bien de [sa] paroisse, toute sa vie ne fut plus qu'un tissu de travaux po[ur] parvenir à cette glorieuse fin. Il réussit, et après avoir jo[ui] de la rare consolation de savoir qu'il était aimé, il mourut [en] odeur de sainteté pour être encore plus révéré par la postéri[té] impartiale. On voit son mausolée dans une des chapelles [de] l'église; les cœurs reconnaissants de ses paroissiens l'ont éle[vé] à sa gloire.

L'église est infiniment plus belle au dehors qu'au-dedans. n'a pas eu le temps de prêter à l'intérieur tous les ornements qui y sont nécessaires, pour répondre convenablement beautés de la façade. On y aperçoit jusqu'ici ni marbre, belles peintures. Il faut espérer que ce léger défaut disparaîtra bientôt.

Les couvents occupent encore ici un très grand espace. curiosité nous avons été voir la Chartreuse. Il est impossible s'en former une juste idée. Voir un tel couvent, c'est, si le dire, voir le comble des erreurs humaines. La règle Chartreux, destructive de l'ordre social, injurieuse à l'humaé, me semble même odieuse à cet Etre tout bon et tout fait qu'elle se propose de fléchir. Peut-on se faire une vertu ce qui n'est que fanatisme outré? Peut-on se croire plus e des faveurs du ciel en se rendant inutile à ses semblables? te matière si importante fournit une infinité de réflexions. me borne à croire que c'est offenser la divinité que de poser qu'elle puisse voir d'un œil favorable un culte extérieur bare, contraire à toutes les lois naturelles, peut-être aux les, et dont le cœur ne sent rien.

Combien de fois ces tristes victimes de la superstition ne vent-elles point regretter la démarche précipitée et cependant importante, où un repentir ou bien un désespoir momentanés pu les entraîner! Enchaînés à leur sort par des vœux évocables, ils sentent d'autant plus vivement l'horreur de rs liens. Leurs occupations monotones, le vide qu'ils doivent essairement ressentir dans la journée, tout les plonge dans plus noire mélancolie. L'homme le plus doué d'esprit et de on est aussi le plus susceptible de regrets cuisants du ible sacrifice, auquel il s'est dévoué lui-même.

De tous les religieux, les Chartreux ont les règles les plus austè. Ils ne sont surpassés que par ceux de la Trappe, qui cependant tent par la seule tolérance du gouvernement, mais sans une confirmation du pape. Les Chartreux, dès qu'ils ont dossé l'habit de leur Ordre, sont censés morts pour le reste

du monde. Leur principe est de se mortifier en tout ce q flatte les sens. C'est dans l'église seulement qu'ils peuvent réunir, et là n'est-ce encore que pour le service. Ils ne doive jamais se parler sans prononcer le terrible „memento-mori", tout les fois qu'ils se rencontrent. Ils habitent tous des maisonnett séparées, construites sur le même modèle. Chacun cultive l même son petit jardin, et il orne sa retraite selon son pl ou moins d'industrie. Ordinairement ils travaillent beaucoup des ouvrages de menuiserie, pour suppléer par cet exerci violent à celui qui leur manque d'ailleurs. Ils ont un jour récréation dans la semaine, où au moyen de la permission supérieur ils peuvent se voir et se parler mutuellement,—pe mission qui déjà leur tient lieu des plaisirs les plus piquan Leur solitude n'est jamais troublée, et, forcés de se contempl eux-mêmes, ils ont tout le temps de s'abandonner à leurs m ditations. La lecture est une grande ressource qui les cons encore dans leurs instants de loisir; ils peuvent en profiter t qu'ils veulent. Rarement cependant leur attention se fixe s des objets utiles au monde qu'ils viennent de quitter; ils s trop occupés de celui auquel ils se préparent. La plus be des Chartreuses connues en Europe est à Grenoble; c'est pe ainsi dire la capitale de l'Ordre, c'est là que doivent se te tous les grands chapitres. Celle de Paris est très médiocre; y a à peine quarante moines.

La bibliothèque du roi mérite que j'en fasse mention. Pla dans un vaste bâtiment, voisin de celui de la compagnie Indes, qui jadis réunis formaient le palais du cardinal Ma rin, elle est, à ce que j'ose croire, la première de l'Eur après celle du Vatican, tant par sa collection nombreuse par la rareté de ses livres. On y compte jusqu'à 200 m volumes, parmi lesquels doivent se trouver près de 70 m manuscrits des plus précieux.

Au milieu d'une des salles est placé le fameux Parna français de Titon du Tillet exécuté en bronze. Il a vo mmortaliser Louis XIV et tous les grands génies qui

ustré son règne. Ce prince est personnifié dans la figure Apollon. M. du Tillet donna l'esquisse de ce monument, qui rait dû former la gloire de la nation avec un prospectus des s éloquents dans la vue qu'on l'érigeât en grand sur une place blique, mais les besoins de l'Etat ont empêché jusqu'à présent y fournir les sommes nécessaires.

La bibliothèque s'augmente tous les jours considérablement, s qu'il en coûte au roi la moindre dépense, si j'en excepte quisition des livres imprimés chez l'étranger, car pour les aires-imprimeurs de France ils doivent y déposer trois exemires de chaque ouvrage qu'ils publient.

Le Cabinet des médailles et celui des estampes du roi sont core deux collections, si j'ose le dire, uniques dans leur genre. Il sûr que l'art du burin n'a été porté nulle part à une si haute rfection qu'en France, et les estampes du roi renferment non lement toutes celles qui ont été gravées dans le pays, mais si toutes celles qui ont paru au dehors. On y voit répétés l'infini les chefs-d'œuvre si rares des plus fameux peintres, si ces copies sont destituées du coloris et des vives nuances leurs modèles, on n'y admire pas moins l'imagination féconde l'artiste, la hardiesse et la perfection de l'ouvrage. Cette he collection est composée de plus de quatre mille volumes folio.

Je me tais sur le Cabinet des médailles. Il est le fruit des cherches de Louis XIV, c'est en dire assez; on sait combien prince a répandu ses trésors pour rassembler ce que l'anuité avait de plus précieux. Ce Cabinet jouit d'une très ande réputation en fait de médailles antiques; la partie mone n'y est pas si complète, mais toujours elle peut figurer ec éclat parmi les plus riches collections de cette espèce.

Il semble d'abord que la multitude d'hôtels, qui se trouvent ns cette capitale, doivent contribuer à son embellissement. est cependant tout le contraire. Les hôtels, quoique réunisnt quelquefois les beautés différentes de l'architecture, sont our la plupart bâtis au milieu de cours fermées, de façon que

de la rue, au lieu de jouir de l'aspect du bâtiment, on ne v souvent qu'une vile muraille. Il m'est inutile de m'étendre s ceux qu'on doit discerner de la foule: Votre Altesse Impéria les connaît déjà beaucoup mieux que je ne pourrai jamais l lui dépeindre. Blondel les détaille avec une exactitude q ne me laisse qu'à m'y référer; aucun édifice remarquable n été construit depuis son temps. Actuellement le prince Condé fait faire des augmentations considérables au Palai Bourbon, dont il a hérité de sa grand-mère, fille légitimée Louis XIV et de la marquise de Montespan. Il le desti pour son fils, qui depuis une quinzaine de jours est deve père de famille à l'âge de seize ans; quant à lui il préte occuper l'hôtel de Lassay, qui en est tout voisin, et qu'il vie de faire réparer après l'avoir acheté.

Le Palais-Royal, bâti anciennement par le cardinal de R chelieu, habité par Anne d'Autriche et donné ensui par Louis XIV à son frère, a passé en succession à la mais d'Orléans. Le duc d'à présent y a fait de grands embelli sements. Le dernier incendie de la salle de l'Opéra l'av beaucoup endommagé, et il s'est servi de cette occasion po faire donner à la façade un aspect plus gracieux, sous la directi de M. Contant.

La nouvelle salle de l'Opéra a été construite par M. M reau avec toute l'élégance imaginable. Rien n'a été éparg dans la décoration: l'or y brille de tous les côtés, et l'ingénie plafond n'en attire pas moins les regards; on considère ce salle comme un modèle en son genre.

Le duc d'Orléans possède encore une superbe collecti de tableaux, rassemblée par les soins du Régent. Tant que prince eut le gouvernail en main, les arts et les sciences eure en lui un protecteur éclairé. Enviant à l'Italie ses chefs-d'œuvr il employa des sommes immenses pour en enlever autant qu lui fut possible. Les tableaux de l'école italienne sont les pl nombreux dans cette galerie; on y voit fort peu de peintr

ands. Quelques morceaux de Teniers et de Van den lde servent à décorer les petits appartements du Duc.

Le Luxembourg est un vaste palais que Marie de Médicis élever au commencement du siècle passé. Depuis la mort de demoiselle, fille de Gaston, il appartient au roi qui y rde à plusieurs de ses courtisans un logement. La fameuse rie peinte par Rubens mérite toute admiration. Ce grand tre a représenté en vingt-cinq tableaux les principaux odes] de l'histoire de la veuve de Henri IV. L'allégorie merveilleusement soutenue, et j'ose croire que la richesse l'imagination y égalise la délicatesse du pinceau.

Voilà quelques-uns des monuments les plus remarquables de s. A en entendre seulement parler, on en tire déjà sur le des conclusions également avantageuses. Cependant lors- n voit de ses propres yeux, le charme se dissipe, et on ient plus entre ses bras qu'une vaine ombre qui se dérobe cesse à vos embrassements. La ville, il est vrai, est nse; elle présente de très beaux détails, mais l'ensemble rien de conforme aux idées flatteuses dont on s'est nourri. otalité des maisons n'offre à l'œil rien d'agréable; toutes nq ou six étages, malpropres et dénuées d'ornements, elles êchent le soleil de pénétrer dans les rues et contribuent rendre obscures et fangeuses.

Sur ce point Londres l'emporte de beaucoup sur Paris. On ébloui lors de sa première entrée: les maisons quoique les y sont propres et plaisent par cette même simplicité; rues sont larges, droites, bien illuminées et ayant des deux des trottoirs aussi beaux que commodes. Mais si la pre- e de ces capitales frappe au premier aspect, la seconde revanche gagne d'autant plus à être connue. Quand on en que les parties, tous les jours on y découvre des beautés elles, et dans tous les genres on a de quoi se satisfaire.

Abusant déjà de vos bontés, Monseigneur, par la longueur de relation, je réserve à un autre ordinaire les légères observa- s que j'ai pu faire sur le caractère et les mœurs des Français.

1079. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 14. Петербургъ.

Надѣюсь, вы уже получили мое послѣднее письмо, изъ ко-
тораго свѣдали, что дядя Никита Ивановичъ очень дово-
ленъ вашимъ къ нему повиновеніемъ, чему я сердечно радуюсь,
не сумнѣваяся, чтобы вы, мой любезный другъ, чистосердечно
въ этомъ ему открылись. Но сколько однимъ былъ доволенъ
видѣть, что вы жадность къ возвращенію въ отечество отм-
нили, не меньше оскорбился вашимъ малодушіемъ касательно
до гардеробы, которая если не отправлена,—сдѣлано очень х-
рошо. Касательно же до рубашекъ, я бы для васъ ничего
пожалѣла, но, къ несчастью, первое ваше о нихъ ко мн
письмо попалось прежде матушкѣ въ руки, которая безъ вс-
каго умысла объ этомъ ему сказала, что онъ запретилъ дѣла
считая, что въ самомъ дѣлѣ правда, вамъ гораздо способн
ѣдучи назадъ чрезъ Голландію, тамъ себя этимъ снабди
въ разсужденіи полотенъ гораздо лучше ихъ найдете. Ита
мой другъ, пожалуй, на меня не огорчайтесь; знаете сами,
я ни въ чемъ никому не смѣю противорѣчить. Да и то прав
если въ этомъ будетъ вамъ нужда, по вашемъ возвращен
очень скоро можно будетъ ихъ шить.

Въ будущемъ мѣсяцѣ сюда ожидаютъ г. Сальдерн
итакъ, мы должны изъ его дома выѣхать. По сихъ по
помѣсячно не найдемъ дома нанять; итакъ, не знаю, гдѣ
демъ жить. Старались, какъ можно, отсюдова осенью ѣха
однако до перваго пути не пускаютъ, чѣмъ, могу сказать,
прямо недовольна. Признаюсь, что къ здѣшней скучной жи
никакъ привыкнуть не могу, ничего столько не желаю,—что
скорѣе домой возвратиться.

1080. Иванъ Ивановичъ Кругъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 15. Петербургъ.

Mon attachement pour vous, mon Prince, m'aurait porté trouver peut-être des moyens, tout difficiles qu'ils sont, de ver vos habits brodés que vous envoyez ici. Mais la lettre de Son cellence le comte Nikita Ivanovitch à M. de Saldern s fera voir qu'il me sera presque impossible de m'employer faveur de vos habits. Votre cher oncle est très indisposé tre vous de ce que vous montrez tant d'impatience d'entrer fonction de votre charge, et que toutes vos lettres, tant à qu'aux autres parents, en parlent. Pardonnez, mon Prince, je vous avoue que vous n'avez pas agi dans ce cas-là avec z de circonspection. Les conseils de Son Excellence, tout eux qu'ils sont, proviennent d'une tendre affection pour vous. L'Impératrice a nommé il y a quelques semaines cinq gentils-mes de chambre, savoir: les deux comtes Roumiantsev, . Spiridov, Valouïev et Vassiltchikov, officier la garde à cheval. M. le baron de Stackelberg part demain Varsovie pour y relever Son Excellence M. de Saldern, s dans le caractère de ministre plénipotentiaire. M. le eiller d'Etat de Simoline, ministre à Ratisbonne, est mé ministre plénipotentaire pour Copenhague à la place de de Philosophov qui a le malheur d'être mélancolique le plus grand degré et qui insiste sur l'idée de partir pour salem y faire sa dévotion.

Sa Majesté Impériale quittera demain Péterhof, et Mon-eur le Grand-Duc après-demain, pour se rendre à Tzarskoé- où Sa Majesté et Son Altesse passeront peut-être tout ce -ci. On dit que le Grand-Duc après son retour en ville des gentilshommes de la chambre de Sa Majesté pour service. Другого двора особливаго, какъ слышно, не бу-, а о свадьбѣ совсѣмъ не слышно.

1081. Княгиня Наталія Александровна Репнина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. августа 17. Петербургъ.

Правда, что я должна отвѣтомъ на два твои письма, д рогой князь Александръ Борисовичъ; не думай, чтобы лѣно моя тому была причиною, а мои собственныя хлопоты и лучше сказать, неудовольствія отъ сего отвели. Я призна тебѣ, что твое первое письмо меня раздразнило, и я нич по твоей просьбѣ Никитѣ Ивановичу не говорила. Од коже, какъ говорится, ты не пронялся, и самъ къ нему о звался точно съ тою же просьбою, и думаю,—отвѣтъ получ неутѣшительный.

Позволь себѣ сказать: кажется, ты предвидѣть могъ, твоему покровителю будетъ твоя просьба непріятна, зна его образъ мыслей. И для чего не повиноваться его во Если-бъ онъ считалъ за нужное тебѣ здѣсь быть, то бы, конеч не дождавшися твоей просьбы, самъ привезъ тебя сюда. I вѣрь мнѣ: время не ушло, будешь еще дежурить довольно много здѣсь твоихъ товарищей, которые желали бы быть твоемъ мѣстѣ, да не всѣ имѣютъ Никиту Ивановича, или, л ше сказать, никто! А потерянного времени возвратить нем но будетъ никогда.

На меня всегда считать можешь: я тебѣ, конечно, иск ній другъ, желаю тебя видѣть счастливаго, а во-перв достойнаго, однимъ словомъ, желаю въ тебѣ найти отца тво Думаю, что лучше пожелать тебѣ не могу, и оттого, что т люблю, правду тебѣ и сказываю.

О себѣ скажу тебѣ, мой другъ, что я очень нездорова: начала самаго лѣта имѣю лихорадку и до сихъ поръ не могу бавиться. Съ другой стороны, князь Николай Васи вичъ все неможетъ: топерича у водъ шпаскихъ. Мат осталась здѣсь до перваго пути, а тамъ ѣдетъ въ Мо Братья твои всѣ здоровы; князь Степанъ въ Варшавѣ, А л учится хорошо и имѣетъ достойнаго гофмейстера, который

доволенъ. Мои дѣти всѣ тебѣ кланяются; Полякъ добрѣетъ чень, подумай, что уже онъ верхомъ ѣздить изрядно; я его редставляла великому князю, и они очень другъ другу полюлись.

1082. Князь Александръ Бор. Куракинъ—гр. Никитѣ Ивановичу Панину.

1772 г. августа 20. Парижъ.

Je me trouve obligé de vous exposer aujourd'hui l'état de a bourse. M. de Saldern a reçu en deux reprises 22493 rins, et en ayant rabattu 888 qui lui étaient dus pour on séjour de Leyde, il en est resté 21605. De ceux-ci mille ont été d'abord destinés aux frais du voyage, et les res 5605 florins pour ma propre personne; j'en ai employé 91 aux petites emplettes relatives à mon habillement. J'ai eu soin pour mon argent de poche, depuis le premier octobre, r de notre départ de la Hollande, de 1188 florins; sous cet ticle est compris tout ce que j'ai dépensé pour lavage, frisure, ussure, livres, papier, rafraîchissements et mille autres atelles qui s'offrent tous les jours, qu'il m'est impossible détailler ici, mais qui sont exactement notées dans mon re. Ces deux sommes réunies, l'une de 4191, l'autre de 88, forment 5379 florins; ainsi vous voyez, Monseigneur, bien peu j'en ai pu conserver, et si j'ai été follement prome. Je doute que vous trouviez extraordinaire qu'il m'a llu pendant une année pour mes dépenses journalières à peine 00 roubles. Daignez songer à ce que vous m'accordiez au in de ma famille.

Le séjour, que je dois encore faire par vos ordres dans les ys étrangers, vous est mieux connu qu'à moi. J'ai à voyager ès d'un an, et les 226 florins ou 113 roubles qui me restent r mes petites dépenses, comme vous le sentez parfaitement, ne rront guère me suffire que pour quatre à cinq mois, et ce vra être avec l'observation de l'économie la plus sévère.

1083. Профессоръ Пестель—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. сентября 3. Лейденъ.

Je suis pénétré des bontés que vous continuez toujours me témoigner, et vous en ai une obligation infinie. Vous ét trop attaché, mon Prince, pour vous souhaiter du mal mê momentané, je sens pourtant que mon amour-propre n'est indifférent à vos moments d'ennui, pourvu qu'ils vous puisse engager, comme ils ont fait dernièrement, de m'écrire. Vo m'avez tracé l'intérieur de votre cœur, agréez, mon Prin que pour un retour de sincérité je vous ouvre le mien. Ne croyez pas assez pédant ou assez vieux que d'être insensil aux plaisirs du monde. Votre naissance et votre destinati vous engageraient à les aller connaître, même si le printem de votre âge ne vous y portait point.

Paris est le séjour des plaisirs, dont le grand monde ébloui. Voilà ce qu'on y appelle vivre. Voilà la source de subsistance d'une infinité de gens, qui autrement se trouverai dans un état déplorable et qui, pour leur propre intérêt, ne fo qu'entretenir et varier leur goût pour les amusements. Le se qui a autant d'esprit que de vivacité cherche à plaire; fût-ce que par ambition, l'homme se fait un point d'honne de lui plaire; la nature, ranimée par des charmes la plup plus artificiels que naturels, se mêle du jeu, et on croit penda quelques années vivre dans le paradis terrestre. Tout c contribue beaucoup à inspirer à plusieurs voyageurs un dégo pour leur patrie; étant de retour, la moindre difformité da les mœurs, qui leur paraissent les uniques modèles d'une agréable, les ennuie, et la demeure dans le sein de le concitoyens leur paraît une espèce de prison.

Voici, mon Prince, les suites, quand on s'attache trop a amusements de la capitale du monde, qui est sûrement la c pitale du règne des plaisirs. Je vois ces suites plus souvent q je ne voudrais. Jugez vous-même, mon Prince, si un attacheme

[...] fort vous puisse convenir. Appelé par votre nom et par [l'a]ttente qu'on a de vous de ne rester jamais dans une médiocrité [ob]scure, votre carrière sera glorieuse, si vous jouissez du monde [san]s succomber aux gênes des plaisirs. En dix ans la plupart [vo]us paraîtront fades; en les cherchant trop dans cet inter[va]lle, vous manquerez d'autres sources d'un agrément solide et [gra]nd, qui vous sera un contentement infini et rendra votre [no]m respectable aux gens qui pensent. Il vous arrive peut-être, [mo]n Prince, de souhaiter et d'être empêché de jouir, et cet [éta]t de dépendance vous fera quelquefois gémir. Mais, mon [Pr]ince, vous êtes dans un pays, dont le maître a déclaré très [sou]vent qu'il était quelquefois dans une impuissance heureuse [de] faire ce qu'il voulait. La considération de l'avenir, et même [d'u]n avenir heureux, sera toujours un antidote fort et suffisant [con]tre ces moments de dépit.

Vous dites, mon Prince, que la gloire n'était qu'une fumée. [Je] l'avoue, si on l'envisage d'un seul côté. Mais, mon Prince, [l'ho]mme est un animal d'habitude. Qu'est-ce qui nous empêche [d'a]voir le cœur aussi sensible à l'approbation des gens qui [no]s estiment, qu'aux œillades d'une belle femme? Celles-ci ne [fon]t qu'un plaisir passager et momentané, celle-là fait un agré[men]t durable et est un aiguillon très fort de faire beaucoup [de] bien. Vous avez un mentor éclairé qui vous aime. Une [ann]ée passera comme autant de jours, et alors vous recueillerez [les] fruits d'avoir suivi ses conseils.

1084. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Петру Ивановичу Панину.

1772 г. сентября 7. Парижъ.

Милостивый государь дѣдушка. При отъѣздѣ моемъ изъ сей [сто]ль славной, столь же и великолѣпной столицы, не хотѣлъ [мал]ѣйшаго упустить случая, не возобновивъ вамъ всѣ сердеч[ны]я мои и навѣкъ непоколебимо сохраняющіяся любви и бла[го]дарности поползновенія. По первымъ нашимъ предпріятіямъ

V!

николи бы здѣсь столь долго не остались, но побудило на
къ тому единственное ежедневныхъ отъ плоскихъ глистъ Н
колая Петровича происходящихъ припадковъ попечені
О началѣ, приращеніи и теперешнемъ его, хотя мало опасн
но пребезпокойнѣйшей болѣзни положеніи несомнѣнно уже
вѣщены. Надобно признаться, что прямое въ его лѣтахъ
счастіе съ толикимъ страдать упорствомъ, а особливо ничѣ
онаго не заслужа. По расположенію нашего естества, внутр
нія наши чувства необузданно надъ всею владычествуютъ внѣ
ностью: испытаннѣйшій мудрецъ тщетно въ подобномъ случ
собою преодолѣвать старается, а больной человѣкъ, до
твердости духа еще не достигшій, неоспоримо ничего съ у
стіемъ вкушать и къ какимъ бы то ни было предметамъ п
мѣчаніе свое обращать не можетъ.

Теперь отправляемся прямо въ Швейцарію, уваженіемъ
ступающей осенней слякоти и должнаго любопытства сію
бродѣтельною своихъ обитателей суровостью и странными с
ими мѣстоположеніями достопамятную узнать землю. Отт
воротимся въ южныя сего государства провинціи, общимъ п
знаніемъ, прелестнѣйшими натуры дарами украшенныя. Спос
нѣйшее къ познанію оныхъ время будетъ мѣсяца черезъ два: лѣт
жестокими обезпокоены жарами, а когда другія страны всѣхъ с
ихъ зимними строгостями лишаются красъ, тогда представля
еще оныя всѣ весеннія пріятности. Изъ оныхъ обратимъ на
путь чрезъ нѣкоторые знаменитѣйшіе нѣмецкіе дворы къ Вѣ
гдѣ пробывъ нѣсколько и не останавливаясь болѣе, со всев
можною поспѣшностью нашу любезную и мною столь да
втунѣ желаемую достигнуть отчизну стараться будемъ. По
шему счету, какъ и по послѣднему отъ посла изъ Варш
полученному письму, всѣ наши путешествія къ послѣдни
будущаго іюня мѣсяца числамъ въ окончаніе приведены б
должны. Вспомните, милостивый государь, всегдашнія мои
ланія, взойдите въ радостный мой восторгъ: чрезъ годъ ос
стливлюся васъ видѣть, облобызать и о всемъ внутренно ч

уемомъ самолично удостовѣрить; однимъ словомъ, я на хѣ своего буду благоденствія.

Чувствительность моя сердечная, не знавъ большаго муче непрерывныхъ моихъ о здоровьѣ драгоцѣнно любимаго дру и пріятеля безпокойствъ, безъ малѣйшаго, признаюся, вижу олѣзнованія, что предпринимающееся наше по полученнымъ шнимъ приказаніямъ Италію объѣздить совсѣмъ исчезло на- еніе. Сіе отечество всѣхъ цвѣтущихъ художествъ, думаю, же или, лучше сказать, надъ нашимъ только въ разборѣ хъ дѣйствуетъ вкусомъ, а не надъ сердцемъ или разумомъ. ономъ, по общему мнѣнію, о пріобрѣтеніи себѣ полезныхъ ершенностей старающійся мало къ своему найдетъ наученію, напротивъ того, любопытный весьма много къ насыщенію венствующей страсти своей. И заключить осмѣливаюся, что лія, своими многочисленными достопамятствами вниманіе и валы всѣхъ равномѣрно заслуживая, не инако видима быть кна, какъ отдохновеніемъ послѣ тяжкихъ трудовъ въ зрѣ- уже лѣта, когда человѣкъ своими глядѣть глазами при- ь, собственными себя вести правилами и собственными же, е чужими, разсуждать мыслями.

Позвольте, милостивый государь, васъ о дѣлаемыхъ мною людeніяхъ] о политическомъ государствъ положеніи, о про- мсленничествѣ, о способностяхъ, о нравахъ и обычаяхъ на- ръ въ отсутствіи не увѣдомлять. Предоставляю себѣ, по мъ возвращеніи, съ нужною оное учинить обширностью.

1085. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. сентября 7. Парижъ.

Jamais je n'ai commencé de lettre avec plus de timidité. dois rendre compte à Votre Altesse Impériale des petites ervations, que j'ai pu faire sur le caractère et les mœurs Français. Daignez les lire avec indulgence et les recevoir bonté. J'avoue que l'entreprise est au-dessus de mes forces, s je n'aspire pas à la palme d'écrivain; je ne prétends

qu'à la seule consolation de vous convaincre de la réalité mon attachement. Voyez en moi le sujet fidèle, soumis, respect eux, mais surtout distinguez l'âme tendre qui vous a consac toute sa sensibilité.

La France d'un aveu unanime est un pays délicieux. situation est avantageuse, le ciel y est beau et le sol fertil Les provinces méridionales offrent le spectacle d'un printem continuel, et dans celles qui sont situées vers le nord méconnaît les rigueurs de l'hiver. Cette température infl également et sur les productions de la terre, et sur le caractè national. Les fruits les plus délicieux, les moissons les pl riches semblent promettre au cultivateur l'abondance et tou ses suites précieuses. Comblé des bienfaits de la nature, devrait effectivement en jouir, si moins accablé d'impôts et vexations il pouvait se flatter de ne pas être troublé dans droits de propriété et dans le produit de ses propres travai

L'agriculture languit dans une espèce d'enfance. Tous ce qui ont été préposés jusqu'ici à l'administration publique n' ont point encore fait un objet digne de toute leur attenti Colbert, ce grand ministre, fit la même faute; il la néglig donnant tous ses soins à faire prospérer les manufactures, fabriques qu'il multiplia dans les principales villes du royaum Il augmenta dans sa patrie le luxe, il donna à ses compatrio le goût de la dépense et leur fit connaître de nouveaux soins, sans songer à perpétuer les moyens d'y satisfaire. lieu d'extirper jusque dans ses racines la tige du mal q les disgrâces précédentes avaient laissé à la France, il se conte d'en pallier les sinistres effets et par son zèle à veiller arts mécaniques il perdit de vue l'art nutricier, le plus in ressant de tous, celui qui est le plus ignoré, le moins proté et cependant le véritable germe de la félicité des peupl Colbert, échauffé par un génie aussi vaste qu'actif, le tour malheureusement vers des objets dont le succès plus pron et plus brillant aurait dû former la fin plutôt, et non le co mencement de ses opérations.

Ceux qui lui succédèrent, loin de corriger des abus que peut-être il n'avait point touchés de dessein prémédité, saisis d'une admiration aveugle pour la supériorité des talents de leur prédécesseur, ne créèrent point, mais se traînèrent servilement dans la route qu'il avait tracée. Il faut dire à l'excuse des uns et des autres que les calamités continuelles du temps ont pu être des entraves à l'exécution de leurs desseins salutaires. Présidant aux finances et obligés souvent de fournir au roi des sommes qui excédaient ses revenus ordinaires, ils devaient naturellement se complaire à inventer des sources toujours renaissantes propres à les tirer d'embarras; l'avantage du moment leur faisait illusion sur l'avenir. Mais si c'est un mal qui existe, il n'est pas irréparable: que la France goûte quelques années les douceurs de la paix, que le gouvernement porte ses regards sur cette partie jusqu'à présent abandonnée au jeu du seul hasard, alors on verra disparaître subitement ces ravages funestes, opérés par différentes causes. La misère fera place à l'opulence, et les plaintes et les gémissements des sujets seront changés en chants d'allégresse. Les libéralités de la terre y concourraient de leur côté bien plus encore que l'encouragement des dépositaires de la volonté du prince.

Certains calculateurs prétendent que la France pourrait nourrir de son propre blé près de 43 millions d'habitants, et elle n'en a actuellement qu'entre dix-sept et dix-huit. De ce superflu il lui serait aisé d'entamer avec ses voisins un commerce jusqu'ici inconnu et qui lui produirait une source féconde de richesses. Plus d'une raison contribue à cette inertie présente où se trouve l'agriculture. Tant de campagnes fertiles restent en friche parce que les préjugés ne leur arrachent que trop de bras utiles. L'aiguillon de la guerre, qui agit si puissamment dans le cœur des Français, en engage une quantité à abandonner l'héritage de leurs pères pour courir après un fantôme de gloire. Ces établissements, qu'inventa le luxe et que soutient l'industrie, en enlèvent autant. Il faut y ajouter aussi le grand nombre de ceux qui, dominés par l'indigne attrait d'une lâche

oisiveté, préfèrent de végéter dans les murs d'un cloître, o[u] bien de devenir les fléaux des bonnes mœurs, en circulant dan[s] les villes, esclaves odieux des plaisirs et des fantaisies de[s] gens opulents. Un caprice impardonnable de l'usage, qui propre[-]ment n'est qu'un écart de l'esprit, fait considérer ici cett[e] portion des citoyens, la plus utile et la plus nombreuse, comm[e] la plus vile et la plus abjecte. Une espèce d'avilissement es[t] attachée au métier de laboureur; et qui ne conviendra poin[t] que l'opinion, que nous savons que les autres ont de nous influe prodigieusement sur la nature de nos actions? Tous le[s] hommes ne sont point nés philosophes, ils le deviennent pa[r] l'étude. Comment donc prétendre que ceux, qui par leur éta[t] même sont et doivent être les plus ignorants, soient les moin[s] soumis à l'empire despotique de notre amour-propre?

Le commerce forme une branche principale des richess[es] de la France. Non seulement toute l'Europe, mais aussi plusieu[rs] des peuples les plus éloignés sont tributaires de ses excellent[es] productions, aussi bien que de l'industrie ingénieuse de se[s] habitants. Cependant il devrait être infiniment plus étendu, [si] la marine se trouvait sur un pied assez respectable pour protég[er] le commerçant. Le pays gagnerait au double, si les França[is] trafiquaient partout par eux-mêmes; actuellement ils délivren[t] leurs marchandises aux Hollandais, qui, la transportant plus loin recueillent aussi le premier gain. Le caractère national, [si] j'ose le dire, est encore un obstacle à une extension tro[p] progressive du commerce. Vifs, pétulants, impatients, ils lan[-]guissent déjà après l'instant où ils peuvent jouir de la récompen[se] de leurs peines. Un gain sûr, rapide et quoique peu importa[nt] les tente beaucoup plus que la fortune la plus considérable aperçue dans le lointain et dans les tourments de l'incertitude Avec un esprit plus subtil, mais moins fait aux spéculatio[ns] profondes et peut-être moins constant dans les adversités, il[s] ne peuvent jamais marcher d'égal sur ce point avec nos deu[x] nations maritimes. Il est d'ailleurs de l'intérêt de celles-ci d[e]

s contenir toujours dans une espèce de dépendance, qui ne ur permette point de hasarder un trop grand essor.

Ce sont les gros négociants qui doivent porter le commerce n Etat à un degré florissant; il faut qu'ils sachent préparer les ènements et les diriger, pour en assurer le succès. Une âme evée leur est tout aussi nécessaire qu'un grand esprit de mbinaison. Sans se roidir imprudemment contre les circonnces, ils sont obligés souvent d'abandonner à la fragilité de fortune et à la fureur des flots tous les biens qu'ils ssèdent; une réussite fortunée couronne bientôt ces tentatives urageuses. Si le Français ne se sert point des mêmes oyens, ce n'est pas par indifférence pour les dons de Plutus, ut-être la soif de l'or agit-elle aussi fortement sur son âme; is il ne peut jouir de tous les avantages inestimables qui coulent de cette précieuse liberté, que font éclore le gouvernent républicain des Provinces-Unies et la constitution cellente de celui de la Grande-Bretagne.

En France il y a peu de négociants, et beaucoup de marands. Chacun se borne à pouvoir maîtriser son petit commerce on les changements éphémères, qui arrivent et dans le stème politique et dans la mode. Les abus en sont très faciles corriger. Il s'agit seulement de tourner plus vers le grand des s, qui jusqu'ici ne s'étendent guère au-delà des limites oites de leur patrie.

La marine, qui doit son existence au génie transcendant du dinal de Richelieu, commence actuellement à se relever cet état de dépérissement où l'avait plongé le trop paisible leury. Les Anglais lui portèrent les derniers coups dans la nière guerre. A dire vrai, jamais elle n'a été si florissante elle aurait pu l'être. La Cour a sans cesse à combattre le jugé dominant et presque indélébile, que le service de mer st ni aussi honorable, ni aussi avantageux que celui de re. La noblesse, dominée à sa honte par cette prévention ile, dédaigne de s'appliquer à la navigation, et par ce besoin fficiers éclairés cette branche essentielle des forces du royaume

n'a pu que se flétrir et se dessécher. Les grandes cessio au-delà des mers, faites à l'Angleterre dans les deux mond par la paix de Fontainebleau, doivent être regardées comn très pernicieuses au rétablissement et à la perfection de marine. Les navigateurs, n'ayant plus la même vocation de fai d'aussi longs trajets, ne peuvent acquérir cette expérien étendue qui pour ainsi dire constitue la base de leur métie ils sont obligés de se borner à la Méditerranée et à quelqu autres excursions de peu d'importance. La nouvelle acquisiti de la Corse fait espérer d'y avoir trouvé une pépinière bons matelots. On dit les Corses familiarisés avec les onde ainsi que nous pourrions l'être avec nos champs. Le calc ordinaire détermine la marine présente à 60 vaisseaux de lig sans comprendre les frégates et autres bâtiments armés.

Quant à l'armée, elle s'est établie graduellement jusqu'à que sous Louis XIV elle est parvenue à être la terreur d puissances européennes. Ce prince a commencé le premier entretenir des troupes aussi nombreuses en temps de paix qu' temps de guerre. Dévoré des chimères de l'ambition et soupir après l'immortalité, il entretint ses voisins, pendant tout s règne qui fut si long, dans des angoisses continuelles. nécessité les força d'imiter son exemple et, pour ne pas êt victimes de son activité, d'établir des troupes toujours subsist tes. L'abus du temps dégénéra en coutume; à présent n voyons l'Europe inondée de gens armés, et ce qui devr contribuer à éteindre le feu de la guerre ne sert qu'à l'atti avec une plus grande violence.

L'armée française redoutable par le nombre de ses trou l'est encore infiniment plus par leur valeur personnelle. Je do que le point d'honneur puisse être porté plus loin que parmi soldat français: incapable de commettre une lâcheté, il ne il ne respire que pour sa gloire et la défense de sa patr Cependant il faut avouer que ce même point d'honneur, si adı rable dans ses effets, en produit d'autres aussi très désav tageux. Celui qui porte le mousquet s'émancipe jusqu'à cro

il possède tout autant de pénétration que ceux qui le
mandent. Quand il reçoit des ordres, il n'obéit pas aveuglément
me il le doit, mais il en raisonne et en porte des jugements
vent nuisibles à cette subordination, l'âme du service militaire.
s les batailles, intrépide au premier choc il ne sait point
cre la résistance de l'ennemi, et une fois subjugué par la
r, rien ne le rappelle plus à son devoir; la fuite est le
salut qu'il cherche.

On compte actuellement 150 mille combattants effectifs,
e la milice qui au moindre signal doit se ranger sous
drapeau. Les besoins de l'Etat ont engagé d'en réformer
is quelques années pour le moins le quart. Le duc de
oiseul a tâché durant son ministère d'y introduire la
ipline, les manœuvres et même jusqu'aux minuties prussien-
Ces innovations n'ont pu s'accomplir sans de grands
mures de la part des anciens routiniers. Sans vouloir
rofondir le bien qui devait en résulter, ils n'envisageaient
l'odieux de se conformer à des usages puisés dans une
ce étrangère. La constance, avec laquelle on a pressé
écution de cette réforme si nécessaire, a non seulement
venu, mais même étouffé tous les mécontentements qu'elle
t causés. Les maîtres de l'art prétendent que les troupes
çaises sont à présent de beaucoup supérieures à ce qu'elles
été, tant par la précision de leurs évolutions, que par la
ordination qu'on commence à leur faire connaître dans toute
rigidité. Il y en a fort peu ou presque point dans l'inté-
r du royaume; elles sont distribuées en quartiers sur les
tières et particulièrement sur celles de l'Allemagne. La vie
garnisons ici n'est rien moins qu'oisive; on les tient
tinuellement en haleine et dans tous leurs exercices on
che à leur retracer l'image de la guerre et à les y accoutumer.

Comme les mœurs des officiers se ressentaient des tristes suites
ravages du luxe, le duc de Choiseul, en citoyen zélé et en
istre habile, songea sérieusement à réprimer ces désordres. Il
onna que dorénavant aucun d'eux n'osât paraître en public

qu'avec son uniforme. L'ordonnance était excellente; elle allait avo son effet, lorsque le prévôt des marchands vint représenter au no de la ville de Paris, que par là son plus grand débit éta interrompu, elle ne pourrait plus continuer à payer au roi l mêmes impôts. Ces remontrances firent impression, et on oubl le grand but de ne vouloir confier la défense de l'Etat qu des gens aguerris, ennemis de la mollesse, et non à d sibarites. La mode a tellement su captiver les penchants frivol de la nation par son pouvoir tyrannique, qu'elle ne trouve des indociles, ni des rebelles. Dans les villes, surtout dans capitale, personne n'ose se faire voir avec décence, que so l'habit d'un homme du monde; ce n'est que dans les garniso qu'un militaire n'a point à rougir de son état honoré parto autant qu'il est honorable. Aucune armée ne possède plus généraux, mais ils ne font point de grand vide dans le trés royal; peu d'entre eux reçoivent des appointements, ce n'est q quand ils sont en exercice qu'ils en obtiennent de fixes.

Un autre mérite que M. de Choiseul s'est acquis enve cette partie de son ancienne administration, c'est d'avoir anéa les prérogatives que donnaient jadis l'ancienneté à l'avancemen A présent on ne suit plus l'ordre du tableau, c'est le seul méri qui en décide; l'émulation en est devenue plus forte, les recoi mandations plus circonspectes et les récompenses plus éclatante Il reste encore un abus considérable à déraciner: c'est la vénali des régiments, qui quelquefois s'étend aux simples compagnies. l malheur des temps a engendré cette coutume pernicieuse; souve on voit une jeunesse ignorante, inexpérimentée et n'ayant mérite plus solide qu'une bourse bien garnie, usurper sur talent des dignités qui en constituent le seul et unique pri

Le marquis de Monteynard, nouveau ministre de guerre, vient d'établir parmi les soldats une distinction tr louable et qui sera d'une utilité évidente au service du roi. A ciennement ils avaient beau prodiguer leur sang pour leur patr et se sacrifier toute leur vie à sa défense, ils restaient confond dans la foule. On a inventé un moyen de leur témoigner

nnaissance du souverain, en intéressant leur gloire person-
e. Les marques distinctives qu'on leur accorde sont relatives
ur ancienneté dans le service, et on les leur confère avec
e cette pompe et tout cet éclat extérieur qui en relèvent
re le prix.

La noblesse en France est très nombreuse. C'est un corps
ectable aussi bien par son antiquité que par les vertus
célébrité qui caractérisent les aïeux de plusieurs famil-
On distingue la noblesse d'épée de celle de robe. Quoique
es deux également illustres, la dernière ne se consacre
ux fonctions de la magistrature et n'aspire à rien de plus,
s que la première accumule sur sa tête tous les honneurs,
s les dignités qui peuvent allumer l'ambition. Parmi la
, les familles se soutiennent avec un éclat moins interrompu;
ros biens qu'elles sont censées posséder, l'ordre et l'ar-
ement de leurs affaires contribuent à les préserver de
ruine.

Le titre de duc et pair est le seul de tous ceux qui décorent
oblesse d'épée, qui aille à conséquence. Celui qui en est
u a par là-même droit de séance au Parlement, réputé
nbre des Pairs; il jouit de toutes les distinctions qui
ordent à la Cour, et si le cas arrivait que les Etats-généraux
nt assemblés, il est un des représentants nés de la nation.
oi confère encore les dignités de duc héréditaire et de
à brevet, mais ce sont des titres qui ne donnent des
gatives qu'à la Cour du souverain, et non devant la nation
nblée.

Les noms de comte et de marquis sont quelquefois attachés
s terres, le plus souvent cependant ils sont assez arbitraires.
voit nombre de financiers, qui au moyen de leur argent
uièrent les dépouilles des plus grandes maisons, mais ces
nes nouveaux n'en sont pas plus estimés; on sait distinguer
prix intrinsèque à travers ce faux-brillant, dont ils cherchent
louir. Les dettes qui accablent les seigneurs français et
s affaires si souvent délabrées les engagent à être moins

scrupuleux sur leurs alliances, qu'on l'est d'ordinaire d
d'autres pays; le seul intérêt les guide, tout parti leur
convenable, pourvu qu'il remplisse le vide creusé par le
profusions et toujours ce n'est pas la personne, mais son b
qu'ils épousent. L'impardonnable légèreté, dont on traite ici
devoirs sacrés de l'hymen, est une preuve triomphante de c
corruption générale, où se trouvent actuellement les mœu
Quel sinistre spectacle pour la partie sensée de la nation! Q
présage odieux! Les exemples des temps passés attestent
les mœurs ne se dépravent que pour un bouleversement s
de l'harmonie sociale.

On doit attribuer ces effets déplorables à la mauvaise é
cation de ceux, qui par leur naissance et leurs obligati
sont destinés à servir de modèle à la multitude. Malgré
de grands hommes qui ont épuisé leurs génies à épurer la rai
de leurs concitoyens, à leur démontrer l'utile influence
sciences sur tous les évènements de notre vie, ils ne s
parvenus qu'à leur donner un vernis des vertus, qui n'a s
qu'à tempérer la contagion dont ils étaient intérieurem
infectés. On ne cherche ici qu'à donner au corps toutes
grâces, sans s'embarrasser de la culture des deux facu
essentielles de notre être. Les parents, ravis des manières ai
de leurs enfants, s'en félicitent et ne les approfondissent
davantage. On oublie de former des hommes, on ne fait
des automates futiles, insipides, à qui l'arrogance tient lieu
mérite, la fadeur d'agréments et la présomption de savoir
de connaissances. C'est là l'illustre pépinière dont on doit t
ces citoyens éclairés, qui doivent présider aux destins de
patrie, assister de leurs lumières le monarque, l'aider à suppo
le poids du gouvernement et exécuter ses volontés. Tout
qui arrive ne peut plus étonner, dès qu'on connaît ainsi
principaux moteurs des fastes de l'Etat.

J'ose attribuer cette funeste décadence à la vénalité
emplois et aux faveurs trop faciles de la Cour. Il suffit d'
riche pour risquer des prétentions sur les dignités les

ninentes. Sans mérite, sans connaissances, sans capacité, on t jugé le plus digne dès qu'on répand avec profusion ce écieux métal, qui peut amollir ces âmes assez viles et assez hes pour en être tentées. Il y a encore des charges héré-aires par différentes conventions qui, souvent aussi honorables lucratives, sont exercées par des jeunes gens qui à peine vent en connaître les fonctions, de façon que ce qui s'obtient eurs comme une récompense du zèle et des services rendus st ici que l'objet d'un indigne trafic. La rapidité, avec laquelle jeunesse parvient à faire sa fortune, l'aveugle sur les qualités i y sont requises. Entretenue dans cette coupable cécité par foule de subalternes qui y trouvent leur compte, elle n'en oue jamais le joug odieux et, réduite à voir par les yeux à se conduire par les idées d'autrui, il lui manque jusqu'à première teinture des affaires.

Une seconde cause principale découle des vastes prérogatives chées à l'aînesse. Excellentes, puisqu'elles remplissent le but leur institution qui est de maintenir la splendeur et l'opulence s les familles, elles dérogent à l'humanité et sont absolument traires à tous les droits naturels. Quelle injustice pour des ents, dont la première vertu doit être une âme tendre et sible, de priver des enfants, également nés de leur sang, de rs biens légitimes pour les donner exclusivement à un seul! cette préférence servait encore d'amorce aux aînés aux grandes belles actions, elle produirait du moins un effet louable et le; mais malheureusement elle ne les excite qu'à satisfaire s les délires d'une imagination embrasée, qu'à fomenter toutes séditions de leurs passions turbulentes; elle les fait incliner tous les vices qu'engendre une fainéante mollesse, et elle les torise à ne pas rougir du nom humiliant de citoyens aussi eux qu'inutiles. Les puînés, qui n'ont à envisager dans la tune qu'une dure marâtre, ne possèdent que deux moyens ur se soustraire aux bienfaits pesamment accordés de leur é, c'est de se faire jour à la pointe de leur épée par une ériorité de talents, ou bien de trouver un établissement

avantageux sous les auspices de l'amour et à la face de l'au Une éducation négligée est ordinairement un obstacle à le tentatives, et celui, qui est assez heureux par sa constance ses travaux de vaincre ces difficultés presque insurmontabl montre suffisamment que la nature plus compatissante a déjà mis en lui le principe du grand.

L'état ecclésiastique est encore pour les puînés un a plus doux, plus sûr, plus consolant. Avec moins de peines obtiennent plus de respect et de vénération, ils se rendent arbitres pacifiques des consciences, et sur un chemin semé fleurs ils arrivent à posséder plus de tranquillité, d'éclat et biens. L'Eglise est une mère tendre qui leur tend ses m bienfaisantes; elle les reçoit dans son sein, et sous sa protect imposante ils parviennent au comble des grandeurs humain Ils n'ont besoin ni de se faire au choc dangereux des ora fréquents de la Cour, ni de partager les fatigues et les dang du soldat, ni de vieillir au milieu de la poussière de le livres, soit pour se faire un vain nom, soit pour se procu plus de commodités et d'aisance.

Pasteurs tranquilles de troupeaux soumis, ils n'ont q goûter toutes les douceurs, tous les plaisirs de cette abonda que leur assure la crédule docilité de leurs brebis. De candeur, de la probité, une foi sans fanatisme, un zèle s superstition et quelques lumières relatives à leur état, v tout ce qu'on exige d'eux. Il est vrai que la plupart, au l d'être scrupuleux à observer ces règles si simples et primiti par cette humilité apostolique qui devrait être la base de to leurs actions, s'en écartent sans pudeur et sans remords. Pa de la mitre et de la crosse, ils se croient pétris d'un li plus pur que le reste des hommes, interprètes de la pa divine, supérieurs aux plus grands et affranchis de toute puissa temporelle. L'expérience prouve que toutes les passions général et surtout l'ambition gravent de plus profonds sill dans la solitude des cloîtres qu'au sein des dissipations grand monde.

Le clergé en France est sur un très grand pied: révéré r le vulgaire, ménagé par les gens éclairés et caressé par souverain, il sait arracher de tous ces démonstrations exté-ures qui constituent la considération interne. Possesseur de s gros biens, il jouit de toutes les facultés d'être redoutable. us de 300 millions de rentes, lui facilitant les moyens tout enfreindre, lui en assurent une longue impunité. utorité royale s'abstient de toucher à ses arrangements nomiques; tout ce qui appartient au sacerdoce est réputé p sacré pour pouvoir être en proie à la cupidité profane. La ur se contente d'exposer de temps en temps ses besoins au gé assemblé, et celui-ci, après quelques délibérations assez tiles, souscrit ordinairement à ses désirs, en lui accordant subside sous le nom de don gratuit; celui de cette année tait à 12 millions.

L'Eglise gallicane a de très grandes immunités. Elle est s indépendante des papes que le reste de la catholicité. Elle connaît ses qualités infaillibles et plusieurs des points prin-aux de son autorité spirituelle. Dans le siècle dernier les ires s'aigrirent au point qu'elle fut prête de rompre ce peu liens qui existent encore, ne voulant dépendre que de ses pres synodes. Le pouvoir du pontife est tellement limité 'aucune de ses bulles, de quelque nature qu'elle soit, n'est issible qu'après avoir passé la censure préliminaire du rlement. Cette louable coutume a été établie par édit du , pour empêcher les progrès dangereux de la puissance acale, toujours prompte à se déborder depuis que la fameuse stitution Unigenitus jeta tant d'étincelles de discorde, qui ntôt et sans la vigilance particulière du ministère auraient brasé tout l'Etat. On traite avec la cour de Rome conformé-nt au concordat, conclu entre L é o n X et F r a n ç o i s Ier, i se donnèrent mutuellement ce qui ne leur appartenait pas. roi a le droit de nomination à tous les évêchés et à tous bénéfices; le pape confirme simplement et sans contester sujets nommés.

Il est connu que la France est un royaume monarchiq Depuis l'extinction des anciens fiefs, son gouvernement a souv changé de face. En le suivant graduellement, on remarque la part de la Cour un système presque toujours suivi de s' proprier le pouvoir absolu. Louis XI commença à y aspi avec moins de retenue que ses prédécesseurs et en fraya route nouvelle. Richelieu, grand homme d'Etat, mais cru fit respecter les volontés de son maître, le glaive à la main en rougissant les échafauds du sang des sujets trop ardents défendre leur cause. Louis XIV sut se faire obéir en se fais admirer, et les révolutions arrivées de nos jours sont t récentes pour qu'il me soit nécessaire d'en retracer ici la marc et les motifs. Quoique toute la forme du gouvernement rés principalement en l'unique personne du roi, elle ne laisse d'être très compliquée à l'égard de ses différentes cours sou raines; pour y voir clair, il faut avoir fait une étude particuli de la science du barreau.

Les parlements sont les premiers tribunaux de la nati et les plus augustes par l'annihilation des Etats-généraux. jugent toutes les causes civiles et criminelles. Organes lois, ils prétendent être la puissance intermédiaire entre le tr et les sujets. C'est dans leurs seins que les monarques dépos leurs intentions. Exécuteurs des ordres du prince, ils s en même temps les représentants et les avocats du peup A celui-ci ils publient sa destinée; au roi ils exposent situation, ses calamités, ses ressources. Ne se contentant po de porter de vaines paroles, ils prétendirent, en cas que le remontrances restassent sans effets, n'être point obligés souscrire à des ordres destructeurs, et ce fut par ce princ qu'ils refusèrent en dernier lieu l'enregistrement du fameux é qui a préparé leur chute.

La dernière réforme vient d'éteindre la vénalité des empl civils, inventée par le cardinal Duprat, chancelier de Fr çois Ier, et tolérée depuis par la nécessité des temps. Envisa sous cette seule face, elle est sans contredit une des excellen

opérations du siècle. A présent le roi donne des appointements à tous les présidents, conseillers et autres membres de ses parlements: la stabilité de leurs charges ne relève uniquement que de son bon plaisir. Le remboursement des anciens, auquel la Cour s'est engagée, monte à des sommes très considérables. Si le choix de ces magistrats se faisait toujours avec discernement, le citoyen aurait sans doute tout lieu d'y applaudir, voyant son sort préférablement confié à la vertu éclairée.

Le chancelier, chef de la magistrature, est le premier du royaume après les princes du sang. Il ne peut être pris que de la robe, et par là même il est privé de l'honneur de manger avec le roi et d'aller dans ses carrosses. L'étiquette est assez singulière, que l'homme de confiance du souverain, celui entre les mains de qui il remet ses intérêts les plus chers, sa propre gloire et le bonheur de son peuple, partage ses peines, ses soucis, ses travaux et non les agréments de sa vie privée.

Les intérêts politiques du Royaume, ses relations avec les autres potentats de l'Europe, les opérations de finance, les arrangements de la police générale, la réforme des abus et les dispositions militaires se discutent et se décident dans les différents conseils, où préside le roi en personne, assisté de quelques-uns de sa cour, auxquels il a cru reconnaître le plus de capacité, et de ses quatre principaux secrétaires d'Etat, dont chacun régit son département particulier.

Ceux-ci, interceptant les rayons qui émanent du trône, sont les conservateurs de toutes ses prérogatives et de toute son autorité. Ils distribuent les grâces et les châtiments, ou plutôt ils font le bien et le mal. Pilotes réels du vaisseau public, ce sont eux qui en dirigent tous les mouvements. Leur pouvoir est excessif: le roi, par des motifs qu'il ne m'est ni permis, ni séant d'approfondir, leur abandonne la plénitude de sa puissance; rarement il examine leur conduite et il approuve tout ce qu'ils lui représentent. Si, également habiles, également pénétrés de zèle, ils se donnaient la main pour travailler conjointement au salut de la patrie, quel bien immense en

résulterait incontinent! Mais au milieu de leurs grandeurs développent toutes les faiblesses de l'homme, leur élévati laisse mieux apercevoir leur petitesse, et l'intérêt person leur fait oublier leurs devoirs et le bien général.

L'état actuel des finances offre un tableau trop déplorab trop vif, pour que mon faible pinceau puisse y ajouter quelq expression. Les dépenses sont exorbitantes et excèdent beaucoup la recette. Les menus plaisirs du roi, sa chasse, l'ent tien de sa maison et de celle de ses enfants sont autant gouffres qui engloutissent les deniers du trésor public et serv à la rapacité d'une multitude de subalternes. Les sommes, q prodigue la France pour conserver sa prétendue influence d les affaires de l'Europe, et la dissipation des ministres p l'exécution de projets, souvent mal conçus et encore plus r dirigés, forment aussi un très grand objet ravi à la circulat intérieure. Outre les dépenses nécessaires, qui absorbent d les revenus de l'Etat qu'on fait monter à 300 millio il y en a quantité de superflues. Les supprimer devrait êtr premier commencement pour travailler au rétablissement de ce partie délabrée et cependant si importante de l'administrati mais aucun contrôleur général n'ose le tenter: montrer sentiments patriotiques, ce serait provoquer sa disgrâce. volonté du maître est que les besoins de sa personne soi satisfaits avant tout et lui parler d'y faire quelques retr chements ne servirait qu'à l'irriter sans succès et sans fr Ordinairement on choisit pour mettre à la tête des finan des gens accoutumés à plier et incapables de s'opposer a fermeté à des arrangements, quoique désapprouvés par leur pro conscience. Le feu primitif de leur zèle évanoui, ils ne song qu'à se maintenir, en inventant tous les jours de nouve moyens qui tournent toujours au détriment du citoyen, victi souffrante de l'inconduite des uns et des autres.

Les plus grandes sangsues du peuple sont les fermi généraux. La régie de toutes les richesses de l'Etat leur a abandonnée. On les a établis pour suppléer aux nécessi

gentes. Lorsqu'on manque d'argent, c'est dans leurs coffres l'on va librement puiser à titre d'avances pour les années à ir. On m'a assuré que le Roi avait déjà dissipé ses revenus qu'en 1785. Mais si ces messieurs sont complaisants à ce t envers le souverain, ils s'indemnisent avec d'autant plus facilité dans le reste. Exacteurs impitoyables du public, ils ltent à ses misères par le faste insolent et le sot orgueil ls étalent. Les commis, destinés à percevoir les revenus ux, s'acquittent de leurs ordres avec des cœurs de roche; fortuné habitant de la campagne, n'ayant que des larmes à donner, a le plus à gémir de leur inhumanité.

Cependant il dépend du roi de se rendre par un mot plus e de moitié. Plusieurs provinces se sont offertes à payer à Couronne le double de leurs taxes, pourvu que la Cour, nt de s'en mêler, leur permît de les lever elles-mêmes. premier aspect de cette offre est séduisant; néanmoins elle rejetée du ministère: l'idée de tolérer des assemblées prociales le révolta. On préféra de faire obéir aveuglément les nçais aux ordres absolus de leur maître, sans leur permettre se flatter un seul instant qu'ils jouissent des privilèges nations libres. On craignit les conséquences de ces assemblées ont leurs grands avantages et qui peuvent avoir de plus ds abus.

Il me reste à dire un mot sur le caractère national. A coup de pétillant dans l'esprit le Français joint peu de lité. Mais cette légèreté ne l'empêche point de porter son cation sur les sciences les plus abstraites, de les perionner en plusieurs points essentiels et d'être récompensé es travaux par des fruits aussi glorieux à lui-même qu'utiles société. La France a produit de grands hommes en tous genres; leurs noms célèbres servent toujours de modèle aux ts naissants.

Les arts et les sciences languissaient en France dans la e inertie que dans le reste de l'Europe. Le règne de nçois Ier leur fut une époque favorable. Ce prince osa

rassembler les débris de la Grèce dispersés dans l'Italie. postérité, en proie à toutes les fureurs du fanatisme, ne favoriser leurs accroissements; Richelieu vint et fut l second restaurateur. Louis XIV, persuadé que la plus gra félicité d'un Etat dépendait de citoyens éclairés, déploya magnificence à protéger et à favoriser les progrès de la rai Animé de ces sentiments, il les fit influer sur tout ce l'environnait. Il est toujours du maître de se créer des suj Néron était un vil débauché, et Rome fut dissolue; Charles était soldat, et la Suède fut militaire; Louis XIV aima talents, et la France les cultiva et fut savante. Nul règne a fécond en génies. Les lettres parvinrent avec rapidité à degré étonnant de splendeur. La protection du monarque re la nature moins tardive, et aiguillonnée par ses bienfaits se hâta de faire mûrir ses dons. Ce siècle conservera enc longtemps sa supériorité; bien peu d'auteurs vivants peuv entrer en comparaison avec ceux qui les ont précédés, et ornements les plus précieux ne consistent que dans les pouilles de ces temps féconds. La nature des ouvrages actu moins vaste, moins intéressante n'excite qu'un mouvem momentané d'admiration. Les nourrissons des muses, se born à présent au cercle étroit de leurs vies, n'ambitionnent p de régner dans la mémoire de la postérité; leur modestie sem se contenter des faibles applaudissements de l'instant, où le productions, soumises aux circonstances et à des goûts passag voient la lumière. J'aurais tort de parler généralement; il de très grandes exceptions. Les deux Rousseau, Fontenel Montesquieu, Buffon ont bien mérité d'être tirés hors de foule; et Voltaire, ce prince de la poésie, cet ami de l' manité, cet adversaire redoutable des préjugés et de la superstiti n'a-t-il pas captivé à des titres irrévocables notre vénératio notre reconnaissance? J'ose même croire que ces deux se ments si justes se perpétueront jusque dans l'éternité.

Les arts se trouvent à peu près dans un état égal à c

sciences; on a beaucoup d'artistes, plusieurs de bons, mais un qui s'élève au sublime.

Le Français sacrifie tout à son point d'honneur; que ce chimère ou réalité, c'est son idole favorite. Sa gaieté, son uement, sa politesse lui ont acquis ces manières libres et es, ce ton de société que les autres peuples s'empressent copier, rarement dans le naturel et souvent avec gaucherie excès. Son amour-propre, si ridicule aux yeux du sage, ribue à le rendre aimable; plus il croit plaire, plus il a penchant à aimer. La frivolité est une de ses qualités nctives; nuisible à la perfection de ses talents et de ses tus, elle le préserve en même temps des crimes noirs et échis; la misère est le principal écueil de sa probité. Son ur pour le sang de ses souverains est une de ses premières tus. Adorant son roi, il supporte avec patience les plus rudes pôts, dès qu'il peut seulement se flatter qu'ils seront bien ployés; s'il est persuadé du contraire, il s'en venge par un deville ou par une épigramme. Le goût de la galanterie est é en lui. La constance n'est point son partage; c'est dans hangement qu'il cherche inutilement sa félicité, et c'est en ant ses plaisirs qu'il s'efforce de les perpétuer. En général peut dire du Français, presque sans se tromper, que ses us ont peu de consistance, et que ses vices n'ont point de nes.

Quant à la France, il est impossible de lui contester qu'elle soit la demeure du bon goût, du bel esprit, en un mot de ce qui doit contribuer aux agréments de notre vie. L'homme ses différents âges y trouve sans peine de quoi se satisfaire e quoi s'occuper. Si quelques voyageurs ont peut-être donné des travers, il est injuste de l'imputer au pays: le vice ait déjà certainement dans leurs cœurs et n'attendait pour évelopper que le moment de l'irruption. D'ailleurs quiconque peut résister à l'impulsion de ses sens, n'a pas besoin de le voyage de Paris pour y succomber: le moindre hameau rra être le lieu de sa défaite.

1086. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Курак

1772 г. сентября 10. Петербургъ.

О братьяхъ вашихъ скажу, что князь Алексѣй часъ часу любезнѣе сколь хорошествомъ, и прилежаніемъ къ наук О самомъ меньшомъ иного не знаю, что изъ лазарета выходитъ,—безъ всякаго призора; и никакъ видѣть его могу: увѣряютъ, что вся голова осыпана. О князь Степ ничего больше не знаю,—только, что въ Варшавѣ; ни къ по обыкновенію своему, не пишетъ. Знаю, что вы Ю любите; о немъ себѣ очень непріятное свѣдала,—что. Полтавѣ близъ четырехъ мѣсяцевъ лежитъ боленъ лихорад что меня несказанно горчитъ, зная въ тамошнемъ климатѣ болѣзнь не только продолжительной,—и небезопасной.

Графиня А. А. Матюшкина вамъ кланяется.

1087. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. сентября 16. Петербургъ.

J'ai présenté à Son Excellence le comte Panine la de vos habits, et il m'a expressément défendu de ne m'employer sous main en faveur de votre garde-robe. Il fâché de vous, puisque vous ne l'avez pas consulté et dem premièrement la permission d'arranger votre garde-robe. Ap une telle déclaration de la part de Son Excellence, je devrais plus me mêler de rien, mais je vous suis trop atta pour ne pas songer à tous les moyens possibles d'adouci courroux de votre cher oncle et de le détourner du dessei faire confisquer votre garde-robe. Je ne sais pas si j'y réussi mais je vous conseille, mon Prince, de ne pas vous alarmer de n'intéresser personne dans cette affaire. Plus vous se tranquille, plus vous réussirez. Abandonnez le reste au tem et à mes soins que je saurai employer à propos. J'ai reçu

. de Saldern le connaissement, mais le vaisseau n'est pas core arrivé.

Votre respectable grand'mère occupait la maison de M. mbassadeur de Saldern depuis son arrivée ici, mais mme il sera lui-même ici dans trois semaines, et que Monur son frère ne la laisse pas partir pour Moscou, elle a é la maison de M. Lomonossov, près de la Moïka, à peu ès vis-à-vis du comte Zachar Tchernichov. La princesse urakin, votre tante, mérite assurément, Monsieur, votre dre attachement pour elle par les sentiments de bonté et ne affection toute particulière que je lui trouve pour vous. Vassiltchikov, nommé gentilhomme de la chambre il n'y e quelques semaines, est déclaré il y a deux semaines chamlan actuel et occupe à la Cour mes chambres près du théâtre, était ci-devant la chancellerie, et à laquelle on a ajouté ore d'autres chambres.

J'étais justement malade quand on a pris mes chams, où se trouve aussi votre bibliothèque qui, se trouvant présent dans la chancellerie de Son Excellence, sera assurént maltraitée. J'en suis bien fâché, mais je n'y puis pas reier. Mes papiers, qui ne trouveront pourtant pas tant d'amas que vos livres, sont de même dans la plus grande confusion.

Notre Cour aussi bien que celle de Vienne et de Berlin , par un plan concerté entre eux le plus amiablement monde, arrondi leurs frontières en incorporant à leurs Etats pectifs quelques provinces de la Pologne. Les gouvernements, nous sont tombés en partage et dont le comte Zachar oriévitch est nommé gouverneur général, ont déjà prêté ment.

Le comte Grégoire Orlov est de retour, puisque le congrès rompu. Il s'arrête à Gatchina par rapport à la quarantaine, on dit que sa santé l'obligera de prendre les eaux ou de tter le service.

Son Excellence votre cher oncle a été gratifié, à l'occan du plan mentionné, de la part de l'Impératrice Reine,

de son portrait richement garni de brillants, et de la p du roi de Prusse, d'une bague avec son portrait couv d'un beau brillant. On pourrait évaluer ces deux présents 25 mille roubles.

Le prince Galitzine à Vienne aura le cordon de André. M. Lassy est arrivé ici de Stockholm dans [dep trois jours pour remplacer M. Herreria, et le chambel Numsen vient d'arriver comme ministre de Danemark.

1088. Иванъ Ивановичъ Крукъ—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. октября 12. Петербургъ.

Son Excellence M. le comte de Panine a bien voulu l avec attention la lettre où vous lui demandez pardon de vanité qu'il s'est proposé de punir par la confiscation de t vos habits. Votre résignation à ses volontés paraissait le réconcil un peu, mais je crains que votre lettre à moi, dans laque vous vous informez avec impatience du sort de vos habits s'ils seraient réellement confisqués, ne l'empêche pas. V auriez dû, mon Prince, tenir au moins le même langage d votre lettre à moi. Pardonnez à ma franchise, si je vous av que vous avez trop dépensé pour votre habillement. Il me s donc très difficile de vous procurer quelque argent. En dévoué, je ferai tout ce que je pourrai.

Je crois vous avoir déjà mandé que le comte André Ras movski et les lieutenants de la garde à cheval le prince V konski, qui a épousé la frêle [Fräulein?] Chafirov, M. Vassiltchikov, frère du chambellan, ont été nomm gentilshommes de la chambre de Sa Majesté Impériale; que comte Grégoire a reçu la permission de s'absenter pour année en gardant pourtant ses postes et son appointem avec une pension annuelle de 150 mille roubles et 100 m pour l'établissement de sa maison, six mille paysans, une v selle d'argent de 200 et une autre de 100 mille roubles. a aussi la permission de demeurer à Tzarskoé-Sélo.

Il y a quelques semaines que l'Impératrice a consenti à sa mande de faire usage du diplôme du [de] prince de [du] . Empire Romain, dont feu l'empereur François l'a gratifié y a huit ans.

Je ne doute pas que le prince Youssoupov n'ait pour us, Monsieur, bien d'amitié, mais il ne s'empresse pas de s écrire quoique j'en ressouvienne presque tous les jours. Et entôt les occupations importantes l'en empêcheront, puisqu'il a mandé de Son Excellence la permission de travailler dans la ancellerie sous les auspices de M. von Wiesen.

Son Excellence M. de Saldern est, grâce à Dieu, de tour de Varsovie, mais il ne se porte pas trop bien, de sorte il n'a été qu'une seule fois à la Cour. M. de Sacken est ivé ici avant-hier.

Son Altesse Impériale se porte, grâce à Dieu, parfaitement n; il conserve pour vous la même bienveillance dont il vous toujours préférablement honoré. Son Altesse dîne à présent s les jours chez l'Impératrice, et on ne le voit que les soirs plutôt au souper.

Я надѣюсь выходить денегъ, да и о платьяхъ вашихъ рдно постараюсь.

1089. Князь Александръ Бор. Куракинъ—цесаревичу Павлу Петровичу.

1772 г. октября 17. Парижъ.

J'eus l'honneur de marquer à Votre Altesse Impériale dans dernière lettre que nous étions sur le point de quitter ris. Mais la santé chancelante et délicate du comte Chérétev a changé le plan de nos voyages. Pour lui donner temps de se rétablir, nous nous sommes décidés à prolonr notre séjour dans cette capitale. Peut-être, Monseigneur, ez-vous étonné qu'après la justice que je lui ai rendue, reste actuellement sans goût et sans intérêt. On se lasse fin d'être un admirateur continuel de beautés inanimées,

qu'on connaît et qu'on a approfondies de tous les côtés. Il e de l'homme d'être sociable et de vouloir vivre avec ses pareil c'est là le seul article qu'on ne peut obtenir ici malg les plus grands efforts. La nation s'est adopté sur ce poi une façon de penser, que rien au monde ne peut lui fai abandonner.

Les spectacles, notre unique ressource, commencent aus si j'ose le dire, à perdre leurs premiers attraits. Ils n'offre plus cette magie qui nous en imposa d'abord. Nos ore les ne sont plus que faiblement touchées de la déclam tion harmonieuse des acteurs; nos yeux se sont déjà familia sés avec tous ces objets séduisants, ces machines, ces déc rations merveilleuses qui ne pouvaient assez les rassasier; no curiosité épuisée n'a plus rien qui la réveille; et quant à n cœurs, je puis vous assurer, Monseigneur, qu'ils sont trop so mis aux absents, pour se soustraire un seul instant à un au doux empire, notre plus forte consolation dans l'éloignemen

Nous sommes nés avec l'instinct de la variété, et qu'est-ce q nous inspire un plus prompt dégoût des choses les plus agré bles, si ce n'est une monotonie assommante? S'il m'était pe mis de m'expliquer, j'avancerais que le plaisir même, quelqu piquant qu'il soit, cesse de l'être, dès que goûté insipideme il ne se trouve plus dans le cas d'être désiré. Nos jours no paraîtraient infiniment plus longs, mais grâce aux soins d notre guide qui en tout nous donne lui-même l'exemple, no tâchons de les employer davantage à une utilité réelle et d rable, qu'à un amusement futile et passager. Sans sortir d notre hôtel nous avons de l'occupation et du délassement: n différents maîtres nous occupent, et la lecture nous délasse.

Votre Altesse Impériale sait par sa propre expérience qu la littérature est un champ si vaste et si fécond, que plus o est heureux d'y faire quelques faibles progrès, et plus on s sent attiré par un charme inconnu à redoubler d'applicatio Il reste toujours de nouvelles terres à défricher, de nouvelle beautés à découvrir, et les fleurs qu'on y cueille sont souven

l'un prix à nourrir notre illusion à défaut de la réalité. Je ne parle point des autres avantages qu'on en retire; ils sont aussi manifestes que connus.

Ces jours passés il m'est tombé entre les mains un petit conte de Voltaire, intitulé la Bégueule; on le dit récemment écrit. La trempe de cet écrivain inimitable s'y fait reconnaître dans tout son brillant. Tout y est à sa place, et on n'y saurait rien ajouter ni rien supprimer, sans en diminuer le mérite. Par une fiction ingénieuse et plaisante, il y a développé avec art les deux grandes maximes, que c'est un beau secret de savoir être heureux chez soi, et que quand on est bien, on ne doit jamais chercher mieux. Elles sont simples, naturelles et se trouvent gravées en nous, mais rarement on se porte de soi-même à les éplucher et à les prendre pour règles de ses actions. Ce n'est qu'à un génie comme celui de Voltaire qu'appartient le don de savoir tout embellir et de plaire dans le temps qu'il instruit. Les dispositions de mon cœur, que je ne vous ai jamais cachées, Monseigneur, peuvent attester combien j'en ai été affecté. Déjà depuis longtemps pénétré de ces vérités, j'ai été enchanté de l'autorité irrésistible qu'elles acquièrent par la façon dont elles viennent de nous être présentées. Elles m'ont plus que frappé.

Faute de nouvelles plus intéressantes, je vais me replier sur les spectacles. Le Théâtre-français est celui que nous suivons avec le plus d'empressement, comme une école excellente pour l'esprit et le cœur. On y a donné depuis quelque temps deux nouvelles tragédies; toutes deux ont été couronnées des plus grands applaudissements, et surtout la première. C'est Roméo et Juliette, pièce tirée de l'anglais et accommodée à la scène française par un certain M. Ducis qui déjà avait réformé au goût du siècle le monstrueux Hamlet de Shakespeare. A présent l'anglomanie règne en France à un degré surprenant; non seulement que les modes en général et les minuties de l'habillement sont infectées de cette contagion, mais, se transformant en enthousiasme, elle étend ses ravages jusque sur les

opérations intellectuelles. Malgré le succès étonnant de Rom qui fut représentée dix-neuf fois de suite, sans que le pub se fatiguât de l'applaudir, elle eut plusieurs censeurs sévè assez audacieux pour publier qu'elle manquait absolument dessein, qu'il s'y trouvait à la vérité des situations intéressan et des pensées heureuses, mais que le tout était noyé dans scènes mal conduites. Sans aspirer trop témérairement à pas pour connaisseur, j'ose dire ingénûment que cette pièce ép vante plus qu'elle n'intéresse. L'amour, ce délice des â sensibles, y flétrit et déchire les cœurs bien plus qu'il ne émeut et les attendrit. Le démon de la vengeance y exh partout son souffle empoisonné. Toutes les passions en un y sont gigantesquement traitées, et la nature y est prése dans toute sa difformité. Je ne connais point sur le thé de rôle plus outré que celui de Montaigu. C'est un furi inaccessible à la raison, altéré de sang et qui se joue im nément de tout ce qui ne sert point sa rage. Cette pièce une preuve de plus, que ce qui convient à une nation ne c vient pas à l'autre, et qu'un succès, dû à des causes éphé res, ne peut continuer à exister, lorsque celles-ci ont une disparu.

La seconde tragédie, dont j'ai parlé, a pour titre „Les C rusques". Elle est imitée de l'allemand. L'Arminius de M. Sch gel a servi à M. Bauvin d'excellent original pour en ti une très mauvaise copie. Le sujet, quoique éloigné de la rité historique, serait assez beau; c'est l'instant où Armin soulève les Chérusques contre l'aigle romaine, brisant les f que Varus avait voulu leur imposer sous le nom spéci de réformateur. M. Bauvin, sans saisir l'énergie de son modè n'a pu être ni tragique, ni éloquent. On lui trouve des l gueurs insoutenables, point de chaleur dans le récit, p d'images brillantes, une versification très rude et toutes glaces d'un esprit septuagénaire. Il est facile de reconnaî qu'accoutumé dès sa jeunesse à ramper dans la poussière cl sique il a éprouvé l'impossibilité de prendre son essor vers

ublime. La pièce plus que médiocre n'était point recevable, ussi ne l'aurait-elle pas été, si un mouvement de générosité e l'avait emporté chez les comédiens par-dessus toute autre nsidération. L'auteur français, peut-être mieux partagé du té des connaissances que de celui de la fortune, avait la romesse d'une pension que les états de la province d'Artois i accordaient à condition que sa tragédie fût jouée et applau- e. Le public a été aussi compatissant que le sénat drama- que, et on ne la suspendit qu'à la huitième représentation par maladie d'un des acteurs. M. Bauvin eut même l'honneur être invité à paraître sur la planche; cette distinction flat- it autrefois le mérite supérieur, tandis qu'à présent elle est mbée en un simple usage souvent trop prodigué au faux at du beau.

Lekain, à son retour de Ferney, a remis sur le théâtre Manlius de M. Lafosse. C'est une des bonnes productions dernier siècle. Les maîtres de l'art semblent l'estimer; ils trouvent beaucoup de beautés et prétendent que Corneille ême n'aurait pas honte de s'en avouer le créateur. Les ac- urs s'y sont surpassés, et en général la pièce a causé une ès grande sensation. Il est seulement à regretter que nous vions toujours admirer des vertus qui approchent de l'hé- isme, mais qui ne sont guère praticables dans le siècle où us vivons. Tout a changé depuis: les hommes n'ont d'inva- ble que leur forme extérieure et le fond de leurs passions. haque lustre voit naître de nouvelles modifications dans nos es, et les changements dans nos mœurs et dans nos usages moindre conséquence s'opèrent encore avec plus de facilité. ue n'est-ce donc dans un espace de deux ou trois mille ans! 'est la comédie qui jusqu'ici s'est emparée du privilège de oraliser les vices et les travers du temps; il paraît que ux qui ambitionnent la couronne tragique préfèrent de tirer urs héros des époques les plus ténébreuses pour les élever tant au-dessus de la nature humaine que des bons vers sont u-dessus de la prose ordinaire.

La Cour est à Fontainebleau depuis le 6 du courant. El y restera jusqu'au 17 du mois prochain. La chasse du cer qui y est très belle, forme le principal amusement du Roi, les spectacles qu'on y donne trois fois par semaine contribue à distraire agréablement sa famille et sa Cour. Ces plaisi quoique assez variés, manquent cependant, à ce qu'on m assuré, de cette vivacité qui en doit être le premier caractèr Celui qui en est l'objet a déjà atteint un âge où, avec goût malheureusement trop émoussé par la jouissance, il trouve plus rien qui puisse exciter ses désirs, et cesser désirer, c'est perdre à mes yeux un des plus grands appuis notre existence.

1090. Князь Александръ Бор. Куракинъ—графу Сальдерну.

1772 г. октября 19. Парижъ.

L'uniformité du genre de vie que nous menons ici ne permet point de vous en entretenir. Vous en êtes assez in truit, pour savoir que malgré le préjugé général nous no ennuyons mortellement dans le chaos de l'immense Paris. récit de Monsieur votre frère pourra vous être moins suspect; jeune homme est toujours accusé de se laisser emporter p ses passions. Mais si nos plaisirs languissent, notre activi en est d'autant plus grande à ne rien omettre de ce qui pe nous procurer notre utilité. L'ennui quelquefois, il faut l'avoue est un souverain maître: son insipidité est plus imposante q l'énergie des principes les mieux établis, il nous invite à puis en nous-mêmes les ressources consolantes pour le combattr il nous fait trouver le grand art de nous passer des objets e térieurs qui nous manquent, il nous accoutume à nous suffi à nous-mêmes et à être, en un mot, aussi heureux dans solitude du cabinet, qu'on croit l'être dans le tumulte d grand monde. Je m'en rapporte à vous-même, je respec l'autorité que vous donne votre raison et votre expérienc vous savez combien nos réflexions nous entraînent malg nous, il est nécessaire de savoir tout apprécier selon sa just

leur et de se familiariser de loin avec les incidents mul-pliés qui semblent nous menacer dans le cours de notre vie, is je vous jure que souvent ces recherches, en nous faisant gir de nos vœux, ne nous conduisent qu'aux idées les plus miliantes. Pardonnez-moi, peut-être je m'abandonne un peu p à la licence de ma plume, mais elle est le pinceau fidèle mon âme, et il m'est doux de soumettre ses opérations à arbitre aussi respectable.

Je vous importunerai par une prière très instante. Voici quoi il s'agit. M. Turpin, savant d'un grand mérite, con- par plusieurs ouvrages, où l'empreinte du génie se fait ad-irer dans tout son brillant, et auquel j'ai des obligations rticulières pour les peines qu'il a prises de me familiariser c les belles-lettres de sa nation, vient de composer une his-ire de Mahomet ou de l'islamisme. Elle est écrite dans un re aussi nouveau qu'intéressant. Il ne se borne pas au sim- récit des faits; il les considère et les présente en philo-he impartial et en citoyen du monde. Pour illustrer son vrage, il désire ardemment de le faire paraître sous les aus-ces de Son Altesse Impériale, mais par un excès de délicatesse il drait en avoir la permission préliminaire. Enchanté de cette casion, je me suis chargé de porter pour lui la parole, et st à vous que je prends la liberté de m'adresser. Vous daignerez n intercéder en sa faveur auprès de Monseigneur le Grand-Duc. n'ai pas osé en écrire ni à ce prince ni à mon oncle. Un scru-le, à mes yeux très fondé, m'en a empêché: jusqu'ici j'ai assez faire pour me recommander moi-même, comment puis-je donc oir la témérité de me rendre le garant du mérite des autres?

Notre auteur, richement partagé du côté des connaissances, l'est point de celui de la fortune. Il se nourrit d'espérance, l'impression de son livre est suspendue juspu'au moment que serai dans le cas de lui donner une réponse décisive. Je us supplie de daigner informer Monsieur votre frère, si ma ière aura réussi ou échoué, car, quant à moi, je commence désespérer de recevoir dorénavant de vos nouvelles.

1091. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—кн. А. Б. Куракину и кн. Г. П. Гагарину

1772 г. октября 25. Москва.

Государи мои и дорогіе пріятели, князь Александръ Бо-рисовичъ и князь Гаврила Петровичъ. Отъ обоихъ васъ, любе-знѣйшіе, двои письма, писанныя изъ Парижа и преисполне-нныя достовѣрнѣйшихъ знаковъ вашихъ ко мнѣ и ко всему м-ему дому совершенно свойственническихъ и искренне друж-скихъ расположеній, а о себѣ собственно похвальныхъ, добро-дѣтельныхъ и прилежныхъ оказательствъ, получили мы съ Ма-рьею Родіоновною одно послѣ другого и послѣднее тол-ко третьяго дня, къ великому нашему обрадованію и къ и-полненію къ вамъ совершенно дружеской привязанности, люб-ви и надежды получить отъ васъ, дорогіе друзья, споспѣш-ствованіе полезной службѣ нашего отечества, къ возобновл-нію добраго нашего по смерти имени и къ вспомоществова-нію нашимъ дѣтямъ.

Простите, пожалуйте, что по отъѣздамъ моимъ изъ города от бывшихъ хирагрическихъ припадковъ промедлилъ я до се-отвѣтомъ на ваше изъ оныхъ первое. Теперь, мысленно всею д-шою васъ обоихъ объемля, весьма благодарю вдругъ за тѣ о-ваши драгоцѣнныя мнѣ письма, изъ коихъ послѣднее нашло і-томъ положеніи, что Марья Родіоновна на сихъ дняхъ благополу-но разрѣшилась отъ беременности, произведя на свѣтъ дочь мо-Софью, почему ея состояніе не дозволяетъ теперь самой къ вам-писать, а меня принудило и однимъ письмомъ съ обоими вам-сноситься, и его сокращать. Богу благодареніе, роженица в-обыкновенной только слабости и поручила мнѣ обоихъ васъ-любезные пріятели, возблагодарить за ваши къ ней почтител-ныя и усердныя письма и приписки, а обще со мною поруча-етъ она нашу новорожденную такъ, какъ Никитушку и Ка-теньку, въ ваше навсегда свойственническое призрѣніе-любовь.

Я со всѣми тремя теперь дѣтьми впрочемъ здоровы, кромѣ быкновенныхъ моихъ ежедневныхъ болей отъ летучей, а часто отъ настоящей подагры и хирагры. Къ тому же, дорогіе рузья, чувствую уже я гораздо, что шестой десятокъ вѣка гоздо человѣка приближаетъ къ окончанію онаго, почему тѣмъ обливѣе обрадовался я, что обстоятельства сокращаютъ ваше къ насъ дальнее отлученіе, и уже наслаждаюсь мысленно, что оро буду я существенно всею душою обнимать и благоповеніемъ веселиться тѣхъ, кого я всею душою люблю и которымъ всею искренностію съ почтеніемъ и всеусердно навсегда пребываю, вашихъ сіятельствъ, государи мои, искренній другъ слуга графъ Петръ Панинъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ШЕСТОЙ КНИГѢ

„АРХИВА КНЯЗЯ Ө. А. КУРАКИНА“.

А.

Д.

Е.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

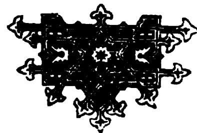
У.

Ф.

Ц.

Ч.

Ш.



АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ ПЯТОЙ И ШЕСТОЙ КНИГАХЪ *)

„АРХИВА КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА“.

A.

B.

*) Страницы, не имѣющія римской цыфры передъ собою, относятся къ VI т.

C.

I.

J.

K.

L.

M.

N.

O.

P.

Примѣчанія къ VI книгѣ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина".

На стр. 459—461 тома V „Архива кн. Ф. А. Куракина" [м]ы помѣстили списокъ бумагъ князя Григорія Семеновича К у-[р]акина, уже обнародованныхъ въ нашей исторической лите-[ра]турѣ. Въ настоящую минуту приводимъ таковой же перечень [от]носительно другихъ членовъ рода князей Куракиныхъ, на-[ск]олько намъ удалось розыскать ихъ письма, статьи и бумаги [в]ъ разныхъ книгахъ и журналахъ.

Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, бояринъ, воевода тобольскій († 1632 г.).

4 отписки его царю Михаилу Феодоровичу о путяхъ сооб-[щен]ія изъ Мангазеи на Русь, отъ 6 февраля и 22 марта 1616 г., [..] ноября 1617 г., 11 іюля 1619 г. Рус. Ист. Библіотека, [из]д. Археографическою Коммиссіею, т. II. Спб. 1875 года. [Ст]лб. 1049—1056, 1059, 1070—1073.

Князь Василій Семеновичъ Куракинъ, воевода на Москвѣ 1618 г. († 1623 г.).

Отписка воеводъ кн. В. С. Куракина и Ивана Бутурлина съ [про]сьбою недозволять служилымъ людямъ переписываться изъ [пол]ка въ полкъ. Акты Московскаго государства, изданные [Им]пер. Академіей наукъ подъ редакціей Н. А. Попова. Т. I. Раз-[ря]дный приказъ. Московскій столъ. 1571—1634 гг. Спб. 1890 г. [№] 114, стр. 149.—Отписка тѣхъ же воеводъ, что дѣти боярскія [являю]тся на службу пѣши, а потому на заставу и въ проѣзды [посы]лать ихъ нельзя. № 115, стр. 150.—Отписка тѣхъ же вое-[вод]ъ объ ослушаніи дворянъ ѣздить въ подъѣзды и на заста-[вы]. № 117, стр. 150.—Отписка тѣхъ же воеводъ о неявкѣ на [за]ставу дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, а также стремян-[ны]хъ и надворныхъ конюховъ. № 119, стр. 151.

Князь Феодоръ Семеновичъ Куракинъ, бояринъ, воевода въ Калугѣ († 1656 г.).

Отписка воеводъ кн. Ф. С. Куракина и кн. Феодора [Во]лконскаго 1633 г. объ отказѣ Ивана Кошкарова да двухъ [сто]льцевъ взять государево денежное жалованье и быть на

службѣ, по причинѣ разоренія ихъ помѣстій. Тамъ же, № 597,
стр. 555—556.—Отписка тѣхъ же воеводъ 1633 г. объ отка
служилыхъ людей брать государево жалованье и идти на слу
бу по причинѣ ихъ разоренія отъ татаръ; здѣсь же государе
грамота къ воеводамъ. № 598.—Отписка тѣхъ же воево
1633 г. о пьянствѣ служилыхъ людей. № 599, стр. 557.—Д
клады тѣхъ же воеводъ 1634 г. о количествѣ ратныхъ люд
въ Калугѣ и требующихся для нихъ зельѣ и свинцѣ: было та
со стольникомъ и воеводою кн. Ф. С. Куракинымъ пѣш
людей съ огненнымъ боемъ 1402 ч. № 603, стр. 566.—Отп
ка воеводы кн. Ф. С. Куракина 1634 г. о недостаткѣ к
скихъ кормовъ у ратныхъ людей его полка и о мѣрахъ, при
тыхъ имъ для добычи кормовъ. № 656, стр. 609.—Отписка
же 1634 г. о пожарѣ города Боровска. № 642, стр. 591-
592. О томъ же—№ 643; сгорѣло, между прочимъ, все и
щество князя: такъ исчезали фамильные документы кн. Кур
киныхъ.—Отписка калужскихъ воеводъ кн. Ф. С. Куракин
и кн. Ф. Ф. Волконскаго 1634 г. о пораженіи польско-литовски
людей въ селѣ Сухиничахъ Мещевскаго уѣзда. № 613, стр. 57
—Отписка воеводы кн. Ф. С. Куракина 1634 г. съ при
женіемъ челобитной служилыхъ людей его полка о посылкѣ и
изъ Боровска для защиты украинныхъ городовъ отъ польск
набѣговъ. № 660, стр. 613—614.—Письмо его кн. Васи
Васильевичу Голицыну отъ 3-го іюля (годъ не обозначенъ) и
Москвы. Временникъ Имп. Моск. Общ. исторіи и древност
рос. Книга XII. М. 1852 г. Смѣсь, 36—37.

Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, бояринъ († 1682 г.).

Письмо его князю Василію Васильевичу Голицыну.—Вр
менникъ Император. Москов. Общества исторіи и древност
россійскихъ. Книга VI. 1850 г. Отдѣлъ смѣси, стр. 46. Сооб
щено И. Бѣляевымъ:

„Государю моему брату князю Василію Васильевичу братишко тв
Ивашко Куракинъ челомъ бьетъ: государь, прикажи ко мнѣ писат
своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, Богъ милуе
А пожалуешь про насъ изволишь спросить: и государи мои, батюшко кня
Григорей Семеновичъ и матушка княгиня Ульяна Ивановн
и язъ з' женишкою и з' дѣтишками при государской милости царя и вел
каго князя Федора Алексѣевича, всеа великія и малыя Россіи самодержца, ію
ля по 23-й день живы, а впереди Богъ воленъ. Сынъ твой, государь, князь Ал
ксѣй Васильевичъ, въ походы за великимъ государемъ ѣздитъ. Буди, госуда
братецъ, тебѣ вѣдомо: іюля въ 20-й день женишку мою Богъ простилъ,-
родила сына, а имя нарекли Борискомъ *). А по семъ тебѣ, государю сво
ему, много челомъ бью".

*) Знаменитый князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, р. 1676 г. іюля 20, † въ Парижѣ 1727 г. сентября 1

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ († 1727).

Письмо, отъ 20 октября 1712 г., изъ Гаги къ гр. Б. П. [Ш]ереметеву.—Русская Старина 1872 г. Т. V, стр. 924.
Росписка, отъ 29 марта 1715 г., въ полученіи 5000 [ефим]ковъ на покупку часовъ для Государыни.—Сборникъ Импер. [Русск.] Ист. Общества. Т. XI. Спб. 1873 г., стр. 75.
[П]исьмо, отъ 9 октября 1716 года, къ О. А. Соловьеву, [съ] препровожденіемъ росписки объ уплатѣ денегъ за напеча[тані]е Евангелія. Тамъ же, стр. 76.
Письмо на французскомъ языкѣ, отъ 26 мая 1717 года, [изъ] Марли къ маршалу де-Тессе о дипломатическихъ перегово[рахъ] и о желаніи царя видѣть процессію съ участіемъ кар[дина]ла де-Ноаль. Тамъ же, т. XXXIV. Спб. 1881 г., стр. [207]—208.
Письмо къ Петру В. изъ Гаги, отъ 29 января 1712 г. (Каб. [дѣл.] отд. II № 15; напеч. у Берха).—Елагинъ. Матеріалы для [исто]ріи русскаго флота. Ч. I. Спб. 1865 г., стр. 273—274.
Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 1 марта 1712 г., о по[купк]ѣ корабля въ Дюнкирхенѣ и объ отправленіи капитана. [(Ка]б. дѣл. отд. II № 15; напеч. у Берха съ ошибкою въ мѣ[сяцѣ]). Тамъ же, стр. 275—276.
Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 8 іюля 1712 г., о при[ходѣ] въ Копенгагенъ корабля Эсперансъ (Каб. дѣл. отд. II [№ 1]5; напечатано у Берха). Тамъ же, стр. 293.
Выдержки изъ письма къ Салтыкову изъ Гаги, отъ 17 іюля [171]2 г. (хранятся въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ Ад[мира]лтейской канцеляріи, подъ № 17). Тамъ же, стр. 296.
Письмо къ Петру В., отъ 4 ноября 1712 г. (Каб. дѣл. отд. [II N]ё 15), и приложенныя при немъ 4 доношенія: 1) „Доно[шен]іе, каково учинено его царскому величеству для покупки [кора]блей", 2) „Что на лицо денегъ есть, и откуль надлежитъ [при]дать", 3) „Какимъ способомъ можно здѣсь деньги сыскать [у ку]пцовъ", 4) „О строеніи кораблей". Тамъ же, стр. 328—333.
Письмо къ тому же, отъ 26 декабря 1712 г. (Каб. дѣл. отд. [II N]ё 15); излагаетъ между прочимъ письмо Франца Поппа. [Тамъ] же, стр. 338—339.
Выдержка изъ письма къ Салтыкову изъ Гаги, отъ 19 января [171]3 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ Адми[ралт]ейской канцеляріи, подъ № 17). Тамъ же, стр. 340.

Выдержка изъ письма къ Петру В., отъ 14 апрѣля 1713 (Каб. дѣл. отд II № 17). Тамъ же, стр. 358—359.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 25 ію 1713 г. (Каб. дѣл. отд. II № 17), съ приложеніемъ „Вѣд нія о купленныхъ корабляхъ, которые отправлены и котор здѣсь". Тамъ же, стр. 417—418.

Письмо къ тому же, отъ 25 августа 1713 г. (Каб. дѣл. от II № 17). Тамъ же, стр. 428—429.

Письмо къ тому же, отъ 8 сентября 1713 г. (Каб. дѣ отд. II № 17), съ приложеніемъ размѣровъ корабля Форту Тамъ же, стр. 440.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 18 се тября 1713 г. Тамъ же, стр. 443.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 25 де бря 1713 г. (Каб. дѣл. отд. II № 17), съ приложеніемъ пр порціи новокупленному кораблю Леферму. Тамъ же, стр. 45

Письмо къ тому же, отъ 5 марта 1714 г. (Каб. дѣл. от II № 20; напеч. у Берха); упоминается о покупкѣ кора Ботавія. Тамъ же, стр. 464—465.

Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 3 августа 1714 г (Ка дѣл. отд. II № 20), о томъ, что онъ не можетъ „сыскать болы способа о подрядѣ прочихъ кораблей для того, что нѣтъ здѣ такой вольности, какъ въ Англіи". Тамъ же, стр. 543.

Письмо къ тому же, отъ 4 января 1715 г., о желаніи ку ца Элтона взять на себя строеніе кораблей (Каб. дѣл. отд. № 23). Тамъ же, стр. 586.

Письмо къ тому же, отъ 7 января 1715 г. (Каб. дѣ отд. II № 23), въ отвѣтъ на указы царскіе отъ 12 и 28 но бря. Тамъ же, стр. 588.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Лондона, отъ 3 ф враля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23), о купцѣ Робинсо и корабляхъ Свиверенѣ, Лондонѣ, Булимбрукѣ и Гретъ-Але Тамъ же, стр. 592.

Письмо къ тому же изъ Лондона, отъ 15 февраля 1715 (Каб. дѣл. отд. II № 23), о препровожденіи построенныхъ раблей до Копенгагена. Тамъ же, стр. 596.

Письмо къ тому же изъ Лондона, отъ 25 февраля 1715 (Каб. дѣл. отд. II № 23), съ жалобой на купца Робинсо Тамъ же, стр. 597.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Лондона, отъ 8 ма 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 599—6

Письмо къ тому же, отъ 5 апрѣля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. I № 23; напеч. у Берха), съ просьбой „объ учиненіи немед-[ле]ннаго рѣшенія о тѣхъ трехъ корабляхъ, кои Робинсонъ за-[де]ржалъ“. Тамъ же, стр. 607.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Амстердама, отъ 26 [ап]рѣля 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 613.

Письмо къ тому же, отъ 6 мая 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23; напеч. у Берха подъ 15-мъ числомъ мая), съ просьбою [при]слать денегъ на отправленіе кораблей и объ уплатѣ долга [Ро]бинсону. Тамъ же, стр. 620—621.

Письмо къ тому же, отъ 15 мая 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23; напеч. у Берха), о томъ, что адмиралъ Норисъ обѣ-[ща]лъ купленные корабли подъ свою протекцію взять и прово-[ди]ть, и объ отвѣтѣ Бернсдорфа. Тамъ же, стр. 624.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Амстердама, отъ 24 іюня [1]715 г. (Каб. дѣл. отд. № 23). Тамъ же, стр. 640.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ лагеря подъ Страль-[зун]домъ, отъ 2 августа 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). [Та]мъ же, стр. 657—658.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ Берлина, отъ 3 ав-[гус]та 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 658.

Выдержка изъ письма къ тому же изъ лагеря, отъ 30 авгу-[ст]а 1715 г. (Каб. дѣл. отд. II № 23). Тамъ же, стр. 676—[6]77.

Письмо къ тому же изъ лагеря, отъ 18 сентября 1715 г. [(К]аб. дѣл. отд. II № 23), съ приложеніемъ перевода письма [Ро]бинсона. Тамъ же, стр. 681—682.

Письмо къ тому же изъ лагеря, отъ 17 ноября 1715 г. [(К]аб. дѣл. отд. II № 23; напеч. у Берха въ сокращеніи), съ [при]несеніемъ, „каковы вѣдомости изъ Англіи получилъ“. Тамъ же, [ст]р. 694—696.

Письмо къ Девіеру, отъ 29 ноября 1715 г. (хранится въ копіи [в]ъ Главномъ Морскомъ Архивѣ, при дѣлѣ графа Апраксина, [по]дъ № 99). Тамъ же, стр. 697—698.

Письмо къ графу Ө. М. Апраксину изъ Гаги, отъ 6 фев-[ра]ля 1716 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлѣ [гр]афа Апраксина, подъ № 126), съ приложеніемъ счета издерж-[ек]ъ за корабль Булинбрукъ.—Елагинъ. Матеріалы для исторіи [ру]с. флота. Часть II. Спб. 1865 г., стр. 10—11.

Выдержка изъ письма къ Петру В. изъ Англіи, отъ 18 мая [1]716 г. (Каб. дѣл. отд. II № 27). Тамъ же, стр. 68.

Извлеченіе изъ письма къ тому же изъ Гаги, отъ 26 фев раля 1720 г. (хранится въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣл графа Апраксина, подъ № 247), съ приложеніемъ проект отправленія припасовъ къ строенію кораблей. Тамъ же, стр 450—451.

Извлеченіе изъ двухъ писемъ къ тому же изъ Гаги, от 12 марта 1720 г. (хранятся въ Главн. Морск. Архивѣ, пр дѣлѣ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 453—455

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 14 іюня 1720 г (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлѣ графа Апраксина подъ № 247), о томъ, какимъ порядкомъ принять отправленный корабль. Тамъ же, стр. 492.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 1 іюля 1720 г (хран въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, под № 247), о великой трудности выпускать новопостроенн корабли изъ пристаней голландскихъ. Тамъ же, стр. 496.

Извлеченіе изъ письма къ тому же изъ Амстердама, отъ 2 іюля 1720 г. (Каб. дѣл. отд. II № 46). Тамъ же, стр. 504—505

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 25 августа 1720 г., отно сительно „армистиціи" Швеціи и о трехъ корабляхъ (хран. в Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, под № 247). Тамъ же, стр. 519—520.

Донесеніе тому же, отъ „ " августа 1720 г., „о несчастливом случаѣ отправленнаго гекбота" (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, пр дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 521—522

Письмо къ тому же изъ Гаги, отъ 13 сентября 1720 г. между прочимъ, о способѣ отправленія гекботовъ подъ проте ціею короля прусскаго (Каб. дѣл. отд. II № 55). Тамъ же стр. 525—526.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 27 сентября 1720 г. объ отсутствіи причинъ у шведовъ для конфискаціи взята гекбота (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ граф Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 527—528.

Донесеніе тому же изъ Гаги, отъ 22 ноября 1720 г (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина подъ № 247), о поискахъ лица, съ которымъ можно было б отправить въ Остенду 2 гекбота. Тамъ же, стр. 531—532.

Донесеніе Государю изъ Гаги, отъ 3 января 1721 г., о при бытіи курьеромъ кн. Мещерскаго и объ отправленіи двух кораблей (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ граф Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 534—535.

Выписка изъ донесенія тому же изъ Гаги, отъ 27 іюня 721 г. (въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247), о двухъ гекботахъ, „кои отданы въ коммисію Варейну по согласію съ королемъ прусскимъ", и о двухъ пятидесятныхъ корабляхъ. Тамъ же, стр. 601.—603.

Письмо къ Алексѣю Васильевичу Макарову, кабинетъ-секретарю, изъ Брюсселя, отъ 13 августа 1721 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 617—618.

Выдержка изъ письма къ Государю изъ Гаги, отъ 10 октября 721 г. (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 636—638.

Выдержка изъ письма къ Государю изъ Гаги, отъ 14 ноября 721 г. (хран. въ Главн. Мор. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина. подъ № 247). Тамъ же, стр. 646—647.

Письмо къ А. В. Макарову изъ Гаги, отъ 22 декабря 721 г. (Каб. дѣл. отд. II № 60). Тамъ же, стр. 652—653.

Письмо къ Государю изъ Гаги, отъ 16 февраля 1722 г., между прочимъ, о томъ, что на четыре письма къ Марку Дюпре не можетъ получить отвѣта (хран. въ Главн. Мор. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 653—654.

Письмо къ Государю изъ Гаги, отъ 13 марта 1722 г. корабле „Принцъ Евгеній" (хран. въ Главн. Мор. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 657.

Письмо къ Государю изъ Гаги, отъ 12 іюня 1722 г., о публичной продажѣ двухъ старыхъ кораблей: Ягудіила и Уріила (хран. въ Главн. Морск. Архивѣ, при дѣлахъ графа Апраксина, подъ № 247). Тамъ же, стр. 657—658.

Письмо къ графу де-Морвиль изъ Форжа, отъ 8 іюля 1727 г. «Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ. Т. LXXV. 1891 г., стр. 38—39.

Княжна Прасковья Михайловна Куракина († 1750 г.) *).

Указъ о полученіи оброчныхъ денегъ, о построеніи Троицкой церкви и о покупкѣ рыбы, 1746 г. Сообщилъ А. И. Малышевъ, дѣйств. членъ Владимірскаго губ. статистическаго комитета.—Владимірскія губ. вѣдомости 1867 г. № 52.

Указъ о припискѣ къ Холуйской слободѣ двухъ мальчиковъ отдачѣ рекрутъ.

*) Дочь князя Михаила Ив. Куракина († 1695 г.), ближняго стольника и ...льника при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Ред.

„Подлинный указъ крѣпленъ тако: Княжна Прасковья Куракин Марта 26 дня 1747 г. Москва. Получено марта 30 дня съ попомъ Иванои Ефимовымъ." Къ сей копіи вотчинскій попъ Иванъ Ефимовъ руку приложил подлинный указъ къ себѣ взялъ".

Эта копія хранится у жителя села Холуя Мих. Петр Ші хова. Тамъ же. 1868 г. № 2.

Указъ о полученіи рыбы и оброчныхъ денегъ, о постройк церкви, о недозволеніи строить солодовни, о покупкѣ холстовъ малины и о бѣленіи скатертей, отъ 20 ноября 1747 г., изъ Москві Подлинный указъ хранится у Мих. Петр. Шахова. Тамъ же

Указъ о полученіи не въ зачетъ оброчныхъ денегъ и службѣ молебновъ иконѣ Неопалимой Купинѣ и Нерукотворе ному образу, 1748 г. Тамъ же. 1868 г. № 3.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ I († 1749 г.).

Записка, отъ 31 мая 1726 г., объ отставкѣ герцо Бурбона. Извлечено П. И. Бартеневымъ изъ тетради „Орі гинальныя письма къ кн. Ивану Андреевичу Щербатову (1724-1745 гг.)".—Зритель 1861 г. № 1, стр. 18—22.

Пять писемъ къ кн. Ивану Андреевичу Щербатову из Парижа 1727 г. (послѣднее о смерти отца, кн. Б. И Куракина, послѣдовавшей 18 (29) сентября въ 11 час. по ут ру).—Зритель 1868 г. № 8, стр. 253—255.

Письмо къ кардиналу Флёри въ Парижѣ, отъ 1 окт бря н. с. 1727 г., съ подробностями о кончинѣ кн. Борис Ивановича.—Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ. Т. LXXV. Спб. 1891 г, стр. 93—95.

30 сентября н. ст. тѣло князя было бальзамировано и перенесено въ ч совню, гдѣ и лежало до отправленія въ Россію; кн. Александръ Бор. опр вергаетъ публичность церемоніи, въ чемъ его упрекалъ кардиналъ.

Письмо, отъ 8 января 1737 г., изъ Петербурга къ оберъ гофмейстеру, ген.-адъютанту гр. Салтыкову, съ приказаніем отобрать всѣ книги библіотеки д. т. с. кн. Д. М. Голицына обвиненнаго въ госуд. преступленіи (въ числѣ 6 т. книгъ бы ло не мало рѣдкихъ, были и рукописи; куда все это дѣвал Салтыковъ, неизвѣстно).— Библіографическія Записки 1861 г № 11, стр. 319—322.

Князь Борисъ Александровичъ Куракинъ († 1764 г.).

Письмо къ Аннѣ Ивановнѣ Нелединской изъ Петербурга отъ 29 октября 1758 г., о зачисленіи въ службу фурьером шестилѣтняго внука ея Юрія Нелединскаго.—Русскій Архив 1867 г., столб. 117—118.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ II († 1818 г.).

Précis historique de la vie du comte Nikita Ivanovitch de ...nine. A Londres, 1784. 16°, 28 p.

Что брошюра эта, на коей фамиліи автора не обозначено, принадлежитъ ...ру кн. Александра Бор., видно изъ черновой рукописи, хранящейся въ ...деждинскомъ архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина.

Письмо изъ Надеждина, отъ 25 сентября 1786 г., къ Г. Р. ...ржавину съ просьбою оказать покровительство нѣкоему Ива... Прянишникову, у котораго было дѣло въ Тамбовской уго...вной палатѣ.—Сочиненія Державина, съ примѣчаніями Грота. ...е изд. Императорской Академіи наукъ. Т. V. 1876 г., стр. ...86—587.

Письмо, отъ 15 іюля 1788 г., изъ С.-Петербурга къ ка...мергеру Федору Федоровичу Вадковскому.—П. И. Бартеневъ. ...семнадцатый вѣкъ Т. IV. М. 1869 г., стр. 487. Между про...чимъ, онъ пишетъ: „Я все еще нахожусь при Государынѣ Великой Кня...гинѣ, которую люблю болѣе съ каждымъ днемъ за безграничную ея привя...занность къ ея мужу, къ этому дорогому Павлушкѣ, котораго я также люб...ю всѣмъ сердцемъ“.

Два отвѣтныхъ письма 1792 г. къ Цесаревичу Павлу Пе...тровичу объ отношеніяхъ послѣдняго къ Екатеринѣ Ивановнѣ ...Нелидовой [1]). Русскій Архивъ 1873 г., стлб. 2165—2166.

Описаніе путешествія въ 1786 г. его сіятельства Двора Ея ...Императорскаго Величества камергера и разныхъ орденовъ ка...валера кн. Александра Борисовича Куракина [2]) внизъ по Су...рѣ, отъ Красноярской до Чирковской пристани, находящейся ...при устьѣ впадающей въ Суру рѣки Инзы, съ пріобщеніемъ ...извѣстія о той рѣкѣ. Спб. 1793 г. 8°.

Въ памятной книжкѣ Пензенской губ. на 1864 г. (изд. Губерн...скаго статистическаго комитета, стр. 76 и 86) о ней говорится: „Эту весьма рѣдкую книгу намъ удалось видѣть въ библіотекѣ А. Н. За...рищкаго, находящейся Саратовской губ., Петровскаго уѣзда въ селѣ Ва...шаевѣ. Кромѣ рѣдкости, книга эта замѣчательна еще и въ томъ отноше...ніи, что сообщаетъ любопытныя подробности о рѣкахъ Сурѣ и Инзѣ“. [3])

---

[1]) Авторъ біографіи Нелидовой, между прочимъ, сожалѣетъ, что не имѣлъ ...въ рукою писемъ самого Великаго Князя къ князю Александру Борисовичу. ...Можемъ прибавить, что таковыхъ нѣтъ и въ архивѣ села Надеждина. (См. ...стр. XXX—XXI т. V „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“). Письма Нелидовой ...1792—1795 гг. къ кн. Александру Бор. Куракину были изданы въ 1896 г. кня...гиней Е. Э. Трубецкой подъ заглавіемъ „Correspondance de Sa Majesté l'Impé...ratrice Marie Féodorovna avec M-lle de Nélidov, sa demoiselle d'honneur ...(1797—1801), suivie des letres de M-lle de Nélidov au prince A. B. Kourakine“. ...Paris. Ред.

[2]) Городищинскаго уѣзда. Ред.

[3]) Въ обширной родовой библіотекѣ кн. Ѳ. А. Куракина въ селѣ Надеж...динѣ, насчитывающей до 10 тысячъ томовъ, мы этой книги не видали, но ...считаемъ своевременно перепечатать ее въ настоящемъ сборникѣ съ экзем...пляра, имѣющагося въ Чертковской библіотекѣ. Ред.

Значится также въ каталогѣ Сопикова подъ № 7705. Оди экземпляръ ея находился въ библіотекѣ Морского Министерст См. также Григорія Геннади „Справочный словарь о русск писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтія и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 г. по 1825 г." Берлин 1880 г., стр. 202.

Циркуляръ 1796 г. объ улучшеніи русскаго слога въ д ловой перепискѣ.—Русская Старина. Т. III. 1871 г., стр. 53

Восемь писемъ къ гр. Семену Романовичу Воронцову, о 20 января 1797 г. изъ Петербурга, отъ 6 марта 1797 г. и Москвы, отъ 16 іюня 1797 г. изъ Павловска, отъ 15 янва 1798 г. изъ Петербурга, отъ 12 ноября 1798 г. изъ Москв въ послѣднемъ, между прочимъ, онъ пишетъ:

„Обрадуяся душевному спокойствію, коимъ братецъ вашъ нѣскол лѣтъ уже въ уединеніи своемъ наслаждается, ѣду я теперь таковаго же и кать въ моихъ Саратовскихъ деревняхъ и оттуда буду всякій годъ толь на три зимніе мѣсяца сюда возвращаться".

Отъ 7 мая 1801 г. изъ Петербурга, отъ 11 іюля 1802 г. [1] отъ 21 іюля 1802 г. [2]).—Архивъ кн. Воронцова. Кн. XX 1884 г., стр. 475—483.

Письма къ гр. Петру Ивановичу Панину о прусских дѣлахъ 1798 г.—Русская Старина. Т. VIII. 1873 г., ст 338—373. Т. IX. 1874 г., стр. 71—85, 323—336, 561—584

Письмо на французскомъ языкѣ, отъ 20 января 1798 г. къ гр. Зубову.—Русскій Архивъ 1866 г., стлб. 964.

Письмо, отъ 20 ноября 1801 г., къ Г. Р. Державину в отвѣтъ на просьбу послѣдняго оказать протекцію племянник его Леониду Николаевичу Львову.—Сочиненія Державина. 2- изд. Академіи Наукъ. Т. VI. 1876 г., стр. 138—139.

Письмо, отъ 24 августа 1802 г., къ Г. Р. Державин съ защитой учуговъ и прежней системы рыболовства. Изъ этог же письма видно, что астраханскія рыбныя ловли, пожалован ныя Императоромъ Павломъ [3]) кн. Куракинымъ, должны был

---

[1]) Мѣсто не указано; вѣроятно, изъ Петербурга. Ред.

[2]) Мѣсто также не указано. Ред.

[3]) По указу отъ 10 апрѣля 1797 г. Помянутыя ловли были даны в вѣчное владѣніе (см. сочиненія Державина, т. VII, стр. 401), что противо рѣчитъ словамъ кн. А. Б. въ этомъ письмѣ: „въ подкрѣпленіе правъ тамош нихъ рыболовныхъ промысловъ, всемилостивѣйше пожалованныхъ мнѣ и бра ту моему, идущихъ по жизни нашей обратно въ казну". Эт богатѣйшія воды были съ 1762 г. въ содержаніи астраханскаго купечества а потому князья Куракины обязались платить въ казну вносившійся купе чествомъ оброкъ и сверхъ того въ пользу Астрахани ежегодно по 12 т. р. доходу они получали до 450 т. р. въ годъ, отдавая промыслы въ арен ду крестьянамъ села Малыкова (нынѣ Вольскъ Сарат. губ.) Сапожниковымъ Ред.

смерти обоихъ братьевъ отойти обратно въ казну. Какъ ...ѣстно изъ высочайшаго указа, отъ 27 авг. 1802 г., мнѣніе ... Александра Борисовича не имѣло успѣха. Тамъ же, ... VII, 1878 г., стр. 401—402.

Письмо изъ Петербурга, отъ 7 декабря 1805 г., къ брату ...язю Алексѣю Борисовичу Куракину, бывшему въ то ...емя въ Курской губерніи, съ рекомендаціей тамошняго предво...теля дворянства П. А. Гасвицкаго. Тамъ же, т. VI, стр. 189.

Записка, поданная имъ императору Александру послѣ Аустер...цкаго сраженія, 31 дек. 1805 г.—Русскій Архивъ 1869 г., ...б. 1125—1138. Въ послѣсловіи къ ней П. И. Бартенева гово...тся: „Записка эта печатается съ чернового подлинника, сохранившагося ...бумагахъ покойнаго Алексѣя Николаевича Шенига и сообщеннаго намъ ...обязательномъ посредствѣ кн. Николая Сергѣевича Оболенскаго. Въ то ...мя, когда писана эта записка, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ ...ственно находился не у дѣлъ: онъ носилъ званіе канцлера россійскихъ ...деновъ и состоялъ членомъ тогдашняго еще непреобразованнаго Государ...ннаго Совѣта. Другъ Императора Павла и Императрицы Маріи Феодо...ны счелъ своимъ долгомъ подать голосъ въ критическую минуту русской ...торіи, послѣ Аустерлицкаго разгрома, въ коемъ едва не погибъ самъ Го...дарь. Когда Александръ Павловичъ пріѣхалъ изъ Моравіи въ Петербургъ, ... Куракинъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ кн. Прозоровскимъ *), въ день ...рожденія, 12 декабря 1805 г., подносили ему ленту военнаго ордена, въ озна...менованіе оказанной имъ храбрости въ бою; Государь принялъ знаки ордена, ...лишь четвертой степени. Совѣтъ кн. Куракина былъ принятъ, и въ ...лѣтѣ 1806 г., по окончательномъ возвращеніи изъ похода русскихъ войскъ, ...ли въ Парижъ для переговоровъ стат. сов. Убри, подъ предлогомъ по...ненія о нашихъ плѣнныхъ. 18 іюля того же года кн. Куракинъ на...наченъ посломъ въ Вѣну.“

Утвержденное положеніе князя Александра Борисовича Ку...ракина для дарованія послѣ его смерти вѣчной свободы одной ...вотчинъ его (также на нѣм. яз.). Петербургъ. 1807 г. 4°.

Указано въ каталогѣ Смирдина, подъ № 2066, и въ каталогѣ Вольнаго ...номическаго Общества. Петербургъ. 1866 г. Стр. 422.

53 письма 1807 г. съ дороги къ Государынѣ Императрицѣ ...ріи Феодоровнѣ.—Русскій Архивъ 1868 г., стр. 23—86; 161—...0 **) и стр. 334—335 (поправки къ нимъ). Рига, Мемель, ...льзитъ. Фридланскій разгромъ. Заключеніе Тильзитскаго мира. ...льнѣйшее путешествіе въ Вѣну. Вѣна. (Письма въ видѣ ...евниковъ).

Изъ предисловія П. И. Бартенева: „Канцлеръ россійскихъ орденовъ, ...ств. т. сов. князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (род. 1752 г., ...ъ 1818 г.), правнукъ того князя Бориса Ивановича, который былъ ...къ Петру Великому (жены ихъ Лопухины—родныя сестры), по про-

*) Отецъ княгини Анны Александровны Голицыной, родной бабки изда... архива, кн. Ѳ. А. Куракина. Ред.

**) Одно изъ этихъ писемъ, отъ 3 іюля 1807 г., изъ Тильзита приводится ...статьѣ Карновича „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ“.—Русская Ста...., Т. XX. 1877 г. Стр. 542. Ред.

исхожденію, связямъ и воспитанію былъ настоящій другъ царей. Приходяс внучатнымъ племянникомъ гр. Никитѣ Ивановичу Панину, онъ учился под его надзоромъ вмѣстѣ съ Императоромъ Павломъ и съ раннихъ лѣтъ возы мѣлъ горячую, искреннюю приверженность къ своему царственному соуч нику—правнуку Петра Великаго. Эта благородная преданность составляет главную черту въ политической дѣятельности кн. Куракина. Извѣстн по преданію, что въ царствованіе Екатерины, когда Павлу Петровичу слу чалась нужда въ деньгахъ, кн. Куракинъ закладывалъ свои деревни дл того, чтобы доставить помощь Великому Князю. Извѣстно также, что он долженъ былъ долго проживать вдали отъ Двора, въ одной изъ саратовских деревень своихъ (Сердобскаго уѣзда), которую онъ назвалъ знаменательным именемъ Надеждино. Извѣстно, наконецъ, что надежда не обманула кн. Ку ракина, и что, по восшествіи своемъ на престолъ, Павелъ Петровичъ уди вилъ современниковъ обиліемъ и разнообразіемъ наградъ, излившихся н преданнаго, благороднаго друга.

Когда скончался Павелъ Петровичъ, кн. Куракину поручено был Императоромъ Александромъ разобрать и привести въ порядокъ всѣ оста шіяся послѣ него бумаги. Въ сердечной приверженности своей къ покойном Государю (съ коимъ онъ былъ связанъ по раннему товариществу, поздн дружеству и, наконецъ, по масонству) кн. Куракинъ не только сдѣлал описи этимъ бумагамъ, но и списывалъ для себя нѣкоторыя изъ нихъ.

Нота герцогу Кадорскому, отъ 1 декабря 1810 г., п поводу присоединія къ Франціи ганзеатическихъ городовъ, от чего потерпѣлъ всего болѣе дядя россійскаго Императора герцогъ Ольденбургскій; донесенія изъ Франціи Император Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ 1809—1811 гг. (Французскіе новооткрытые подлинники съ русским переводомъ).—Русскій Архивъ 1870 г., стлб. 1—136. Въ пре дисловіи, между прочимъ, говорится:

„Печатаются со списковъ, которые самъ кн. Александръ Борисо вичъ оставлялъ у себя, и которые сохранились въ бумагахъ его, доста шихся А. Н. Шенигу. Князь Куракинъ былъ переведенъ изъ Вѣны (гд пребываніе становилось невозможнымъ вслѣдствіе переговоровъ о бракѣ В ликой Княжны Екатерины Павловны) посломъ въ Парижъ. Эти донесенія о носятся къ тому тяжелому времени нашей исторіи, когда союзъ съ Нап леономъ подавлялъ Россію, и когда открытый разрывъ казался легче выну денной дружбы. Назначеніе въ Парижъ такого лица, какъ князь Куракин как бы отвѣчало тогдашнему отношенію Россіи къ Франціи.“

Письма, въ бытность посломъ въ Парижѣ, къ государствен ному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву. Съ черновыхъ подлинни ковъ 1810 г., сохранившихся у С. Н. Шенига.—Русскій Архив 1873 г., стр. 392—410.

Донесенія въ 1811 г. о враждебныхъ замыслахъ Нап леона противъ Россіи.—Богдановичъ. Исторія царствован Императора Александра I. Т. II, стр. 531.

Письмо (на франц. языкѣ съ рус. пер.) къ государствен ному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву о важномъ разговорѣ с Наполеономъ, отъ 3 августа 1811 г.—Русскій Архивъ 1870 г. стлб. 135—162.

Пять донесеній Императору Александру Павловичу и Парижа, отъ 6 фев. 1811 г., отъ 19 марта, 26 и 29 апр

іюня 1812 г. Тутъ же копія письма князя Александра рисовича, посланнаго герцогу Бассано 25 апр. 1812 г. ять донесеній и писемъ его канцлеру графу Н. П. Румянy изъ Парижа, отъ 30 ноября и 24 дек. 1811 г., 12 фев., 15, 16, 20, 24 и 27 апр. 1812 г. Тутъ же отвѣтъ за, отъ 27 апр. 1812 г., на ноту герцога Бассано.—Сбор. ер. Русск. Истор. Общества. Т. XXI. 1877 г., стр. —410.

Содержаніе: „Жалуется на неблаговидное поведеніе герцога Бассано въ шеніи его, кн. Куракина, 342—345; отвѣтъ на ноту герцога Бас по вопросу о соглашеніи, 398—400; разговоръ съ герцогомъ Басса прусскихъ и шведскихъ дѣлахъ, 248. А) Говоря объ Англіи, совѣтуетъ ѣе заключить союзъ съ нею, не обращая вниманія на разныя обязаства въ отношеніи Франціи, ибо для отраженія врага необходимо пользося всякими средствами, 336; отъ этого союза съ Англіей можетъ быть ая выгода и въ торговомъ отношеніи: съ открытіемъ портовъ для Англіи ится нашъ курсъ, и увеличится входъ денегъ въ имперію, 337; совѣтуже, при посредствѣ Англіи, заключить миръ съ турками, ибо Англія пріа особенное вліяніе на Турцію, 337; доноситъ со словъ Бассано, что чане заняли Сицилію, каковое обстоятельство заставитъ неаполитанскароля покинуть Парижъ, 393. Б) Предлагаетъ Императору Александру I, не войти въ соглашеніе съ Австріей, то, по крайней мѣрѣ, убѣдить ее нейтральной, указавъ ей на то, что родственныя связи царствующихъ ъ въ глазахъ Наполеона ничего не стоятъ и не спасутъ ее отъ поги 333—334; предлагаетъ оставить пока виды на пріобрѣтеніе Молдавіи и іи, а лучше, заключивъ оборонительный союзъ съ Австріей и Пруссіей, ться къ отраженію Наполеона, 334—335. В) Сообщаетъ, что опасеніе ановленія Польши не было основательнымъ поводомъ для войны Напо, 358; доноситъ о томъ, что Наполеонъ считаетъ герцогство варшав принадлежащимъ ему, какъ государю рейнскаго союза, 368; сообщаетъ іе Наполеона о томъ, что напрасно Императоръ Александръ хочетъ объ себя польскимъ королемъ, что черезъ это онъ потеряетъ прежде бывольскія провинціи, 377. Г) Предлагаетъ Императору Александру немед войти въ соглашеніе съ Пруссіей, предваривъ такимъ образомъ мо, когда ей придется выбирать между Россіей и Франціей, 332—333; еонъ смотритъ на Пруссію, какъ на свою союзницу, а наше вступлеъ Пруссію будетъ считать началомъ военныхъ дѣйствій, 358, 368; еонъ оскорбляется предложеніемъ нашимъ очистить Пруссію, называя редложеніе безчестнымъ, 364. Д) Предлагаетъ Императору Александру чить союзъ съ Швеціей, чтобъ обезпечить себя съ этой стороны, 336. носитъ Императору Александру, что французское вліяніе сказывается ѣхъ державахъ, и вся система дѣйствій Наполеона направлена къ ву съ Россіей, 329—331; что всѣ смотрятъ на Россію, какъ на свою ительницу (тамъ же); заявляетъ Наполеону, что движеніе его войскъ къ ставитъ Францію въ военное положеніе противъ Россіи, и что вслѣд этого движенія послѣдуетъ и выступленіе нашихъ войскъ за границы іи, 366—367; совѣтуетъ Императору Александру избѣгать генеральныхъ еній съ Наполеономъ, а слѣдовать примѣру испанцевъ, 338; мирныя оженія не имѣютъ смысла, ибо Наполеонъ не исполняетъ одного изъ ій—очищенія Пруссіи, 339—340; жалуется на то, что министръ иноныхъ дѣлъ Бассано не даетъ ему конференціи, что указываетъ на рѣ воевать и желаніе выиграть время, 341; онъ рѣшился требовать паспорты и покинуть Парижъ, такъ какъ отъ Бассано не получилъ ниъ объясненій на оффиціальныя ноты, 346—347; сообщаетъ объ отъѣздѣ леона изъ Парижа къ германской арміи, 348—349; доноситъ, что оргатся національная гвардія, идетъ новая конскрипція, что большія силы двигаются на сѣверъ Германіи, что офицеры получили большое жало-

ванье, въ госпиталяхъ готовятъ корпію для арміи, что все это явно говор за войну Наполеона съ Россіей, 351—353; доноситъ, что уже заказалъ ящ для архива, который желаетъ везти съ собою въ Петербургъ, 355—361; посольство гр. Нессельроде не будетъ имѣть никакого значенія въ пере ворахъ съ Наполеономъ о мирѣ, 355; сообщаетъ объ отправленіи съ Чер шовымъ собственноручнаго письма Наполеона къ Императору Алексан 357, 360; сообщаетъ свой разговоръ съ Наполеономъ о томъ, что послу ему поводомъ начинать съ нами войну, 375—376; заявляетъ Наполеону томъ, что если французскій посланникъ Лористонъ уѣхалъ изъ Петербур то и онъ потребуетъ у Наполеона выдачи ему паспортовъ, 378; сообща свой разговоръ съ Бассано о томъ, какимъ образомъ достигнуть соглаше двухъ имперій, не прибѣгая къ войнѣ, 380—383; Бассано убѣждаетъ его томъ, что изъ донесеній Лористона не видно военныхъ приготовленій Им ратора Александра, что путешествіе Императора по Россіи имѣетъ цѣ осмотрѣть резервы корпуса, а потому ему, Куракину, не зачѣмъ т бовать настойчиво своихъ паспортовъ, 385—390; доноситъ о томъ, что Б сано всячески старается убѣдить его о возможности соглашенія, что слухи о военныхъ операціяхъ онъ называетъ ложью, что вслѣдствіе это Куракину излишне просить своихъ паспортовъ, 391—396; герцогъ Б сано доказываетъ ему, что онъ, Куракинъ, несправедливо требуетъ сво паспортовъ, что Лористонъ не отозванъ изъ Петербурга, что онъ, Басса и Наполеонъ стоятъ за миръ, а не за войну, что отъѣздъ его, Курак дастъ поводъ думать о войнѣ съ Россіей, 400—402; по этому случаѣ кн. К ракинъ проситъ Бассано составить оффиціальную ноту, адресованную его имя, а Бассано принимаетъ это за угрозу, 403—404; Бассано не со шается вести съ нимъ, Куракинымъ, мирные переговоры, такъ какъ слѣдній не имѣетъ полномочій отъ своего Государя, 405—407; кн. Ку кинъ протестуетъ герцогу Бассано противъ ареста своего слуги, Вюстг и считаетъ это нарушеніемъ международнаго права, 407—409; рѣшительно являетъ о нежеланіи своемъ оставаться въ Парижѣ и проситъ выдачи пас товъ, на проѣздъ въ Петербургъ, себѣ и курьеру Кологривову, 410; со щаетъ о полученіи имъ паспортовъ изъ министерства въ іюнѣ 1812 348—349".

Письмо, отъ 22 мая 1812 г., о живописцѣ Жанѣ Віо —Русская Старина. Т. XXIII. 1878 г., стр. 544. Письмо находится въ архивѣ гр. Алексѣя Кирилловича Разумовска принадлежащемъ нынѣ правнуку его кн. Н. В. Репнину.

Обрядъ правила для здѣшняго образа жизни въ селѣ На деждинѣ. (Князь А. Б. Куракинъ въ селѣ Надеждинѣ Сердоб скаго уѣзда, Саратовской губ., въ концѣ XVIII в.) Сообщ И. Ф. Горбуновъ *).—Русская Старина 1887 г., т. LV стр. 618.

1. Хозяинъ, удаляясь отъ суетъ и пышностей мірскихъ, желаетъ и на дѣется обрѣсти здѣсь уединеніе совершенное и отъ онаго проистекающе счастливое и ничѣмъ неколеблемое спокойствіе духа.

2. Хозяинъ почитаетъ хлѣбосольство и гостепріимство основаніемъ вз имственнаго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно, видитъ въ оныхъ пріят ныя для себя должности.

3. Всякое здѣсь дѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято с удовольствіемъ и признаніемъ совершеннымъ.

---

*) Правила эти были составлены въ промежутокъ времени между 1782 и 1796 г., когда кн. Александръ Борисовичъ, по волѣ Императрицы, находилс въ отдаленіи отъ Двора и жилъ почти безвыѣздно въ своихъ деревняхъ. Об этомъ изгнаніи, дѣлающемъ честь чувствамъ его преданности Цесаревичу, м будемъ еще имѣть случай говорить весьма подробно. Ред.

4. Хозяинъ, наблюдая предметъ и пользу своего сюда пріѣзда, опредѣ-ѣтъ въ каждый день раздѣлять свое время съ жалующими къ нему гостьми часу пополудни до обѣда, время обѣда и всѣ часы послѣ обѣда до семи овъ вечера.

5 Хозяинъ, по вышесказанному наблюденію, опредѣляетъ утро каждаго , отъ семи часовъ до полудня, для разныхъ собственныхъ его хозяйствен-ыхъ объѣздовъ, осмотровъ и упражненій; а вечеръ каждаго дня, отъ семи десяти часовъ, опредѣляетъ онъ для уединеннаго своего чтенія или письма.

6. Хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ или два, или на многіе дни, чтобъ,бывъ въ его домѣ, почитали сами себя хо-зяеви, никакъ не помня о немъ единственно въ семъ качествѣ; приказыва-бы его людямъ все надобное для ихъ услуги и, однимъ словомъ, распо-лагались бы своимъ временемъ и своими упражненіями отъ самаго утра, каждый привыкъ и какъ каждому угодно, отнюдь не снаравливаяся къ хожденію времени самого хозяина, который чрезъ то, съ новою къ нимъ одарностію, получитъ всю свободу имъ предпринятое безостановочно и съ ложительнымъ тщаніемъ выполнять.

7. Хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день, въ девять часовъ ве-, будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ прибывшихъ къ оному; и онъ, ся дозволенія отъ онаго всегда отлучаться, проситъ также своихъ слу-щихся гостей, несмотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ ъ хозяйничать".

Souvenirs d' un voyage en Hollande et en Anglcterre par P. A. K., à sa sortie de l'université de Leyde durant les années 70, 1771 et 1772. St. Pétersbourg. 1815. (См. стр. XXXI—XXII т. V „Архива кн. Ф. А. Куракина").

№ 938, стр. 4. „Король въ чрезвычайную слабость пришелъ здоровья сво-".—Напомнимъ, что Людовикъ XIV скончался 1715 г. сентября 1 н. с., вивъ корону своему правнуку Людовику XV, имѣвшему тогда всего 5 лѣтъ.

№ 938, стр. 9. „Капиджи-баши", начальникъ капиджи, т. е. султанскихъ хранителей, находящихся при входахъ въ сераль. „Атши-шерифъ", ко-ю, турецкое слово „гати-шерифъ", именной султанскій приказъ, не-мѣнно подлежащій исполненію. „Чаушъ-паша", чиновникъ, находящій-при входѣ въ Диванъ Оттоманской порты.

№ 938, стр. 25. „На сіе доводитъ Гроціусъ въ книгѣ своей".—Здѣсь ра-мѣется его трактатъ „De jure belli et pacis". Paris. 1624.

№ 938, стр. 26. „Русскій бригантиръ", правильнѣе бригантина (итал. bri-ino, франц. brigantin) 1) судно въ Средиземномъ морѣ съ 20—40 веслами мачтами, на которыхъ поднимаются треугольные паруса; 2) небольшой ъ. „Шнау", иначе шнава, шнява, по-нѣмецки die Schnaue, родъ корабля.

№ 938, стр. 30. „Со всѣми къ нимъ принадлежащими речьми".—Здѣсь ъ" въ значеніи вещь, а потому и пишется черезъ е.

№ 938, стр. 49. „Рецессъ" (лат.) выводъ, заключеніе.

№ 938, стр. 50. „Шаутбенахтъ" (голл.), прежнее названіе рус. контръ-адмираловъ.

№ 938, стр. 74. „Менажировать" (франц.) сберегать, щадить.

№ 945, стр. 89. „Одиночество мое".—Князь Борисъ Ивановичъ съ ноя-1699 г. былъ женатъ вторымъ бракомъ на княжнѣ Маріи Федоровнѣ Уру-ой († 1731 г.), отъ которой имѣлъ дочь княжну Екатерину Борисовну 1703 г. октября 25, † 1772 г. ноября 15, съ 1730 г. въ замужествѣ за адм. гр. Александромъ Бор. Бутурлинымъ); но бракъ кн. Бориса Ив. былъ счастливъ, главнымъ образомъ, изъ-за происковъ тещи его княгини Феклы еновны Урусовой; послѣдняя помѣшала замужеству княжны Екатерины съ граф. Михаиломъ Гавріиловичемъ Головкинымъ, сыномъ канцлера. т. II „Архива кн. Ф. А. Куракина", стр. 397—402, 405—409, 411).

№ 946, стр. 89. Письмо гр. Г. И. Головкина за № 24 находится на стр. т. XI Надеждинскаго архива (1712 г. іюля 11, изъ Эльбинга): „Писалъ къ милости вашей указомъ Царскаго Величества, дабы вы, когда увѣдае-о пріѣздѣ цесаря въ Франкфортъ, тогда были ко двору Его Величества;

а нынѣ указалъ Его Царское Величество къ вамъ писать, чтобы, по получен сего, тотчасъ, не мѣшкая ни мало и оставя всѣ свои вещи въ Голландіи, п ѣзжать къ Его Царскому Величеству въ Померанію на почтѣ, не дожидая сарскаго прибытія въ Франкфортъ".

№ 952, стр. 98. „Бендерскій житель",—это Карлъ XII.

№ 953, стр. 100. „Съ чего при семъ посылаю списокъ".—Помянутаго сп ска въ Надеждинскомъ архивѣ не оказалось.

№ 962, стр. 115. „Аранга" (франц. harangue, итал. aringa)-рѣчь.

№ 977, стр. 144. „Проектъ письменный, съ котораго копію при семъ п сылаю".—Означенной копіи въ Надеждинскомъ архивѣ нѣтъ.

№ 979, стр. 150. „Многіе партикулярныхъ своихъ интересовъ смотрят нежели отечества".—Въ этомъ смыслѣ прежде не говорилось. П. Б.

№ 982, стр. 153. „На корабляхъ къ городу", т. е. къ Архангельску. П.

№ 983, стр. 155. Передъ словами „Прошлой почты я писалъ вашему п восходительству" рукою посольскаго подьячаго приписано: „При семъ пи мѣ послано за печатью о тайномъ дѣлѣ особымъ письмомъ, что при се слѣдуетъ".

№ 990, стр. 165. „Дамы" (нѣм. Damm), запруда, плотина, по нынѣшне „дамба".

№ 1000, стр. 189. „И титулъ вамъ тайнаго совѣтника данъ".—См. т. „Архива кн. Ф. А. Куракина", стр. 64—65, № 51. („Полномочная грам князю Б. И. Куракину къ съѣзду мирныхъ трактатовъ сѣверной вой междо высокими союзники и шведомъ").

№ 1000, стр. 190. „Съ того письма, для извѣстія вамъ, при семъ ко прилагается",—см. стр. 172, № 993.

№ 1008, стр. 241. Замѣтка эта, какъ и предыдущій № 1007, относи скорѣе къ 1774 г., когда графы Николай Петр. и Сергѣй Петр. Румянце были отправлены въ Лейденъ, но мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ помѣсти ее подъ 1772 г., такъ какъ по содержанію своему она тѣсно примыкаетъ № 1006. Мать графовъ Румянцевыхъ, которые были немногимъ моложе Александра Бор., графиня Екатерина Михайловна была дочь изв. петровс го фельдм. князя Михаила Михаиловича Голицына отъ втораго его брака княжною Татіаной Бор. Куракиной, родною сестрою дѣда кн. Алексан Бор. Такимъ образомъ графы Румянцевы приходились послѣднему троюр ными братьями.

№ 1020, стр. 259. Князь Александръ Бор. владѣлъ весьма изящно фра языкомъ; тѣмъ не менѣе онъ допускалъ по временамъ погрѣшности прот него, которыя мы исправляемъ здѣсь только въ томъ случаѣ, когда онѣ мѣняютъ смыслъ фразы. Такъ, вмѣсто „sont empêchées d'exister", дол быть „sont dans l'impossibilité d'exister".

№ 1026, стр. 273. „Мое послѣднее письмо",—см. т. V „Архива кн. Ѳ. Куракина", № 930, стр. 323—324.

№ 1027, стр. 274. „Je prie M. de Borissov",—это псевдонимъ кн. Алекс дра Бор., подъ которымъ онъ, а впослѣдствіи и братъ его кн. Алексѣй Б жили въ Лейденѣ.

№ 1028, стр. 275. „Живемъ у сестры въ Петровскомъ".—Здѣсь разумѣ ся, вѣроятно, княгиня Екатерина Александровна Лобанова-Ростовская. (алфавитный указатель).

№ 1028, стр. 275. „Не прощаю вашей петербургской бабушкѣ", т. е. Аг фенѣ Леонтьевнѣ Апраксиной.

№ 1039, стр. 285. „La lettre de mon frère", т. е. графа Карла-Гейнр Сальдерна, воспитателя кн. Александра Бор.

№ 1041, стр. 289. „Aux dépens de la généralité", конечно, „aux dépens la confédération".

№ 1041, стр. 289. „Вмѣсто „on y opine", слѣдовало бы сказать „on y vot

№ 1048, стр. 311. „Лишились мы и матери, и благодѣтельницы".—Р идетъ объ Аграфенѣ Леонтьевнѣ Апраксиной, родной бабушкѣ по матери Александра Бор., † 28 октября 1771 г. (См. это слово въ алфавитномъ указате

№ 1048, стр. 312. „Кладу всю въ осиротѣломъ состояніи надежду на л бовь и милость настоящаго моего отца и покровителя", т. е. графа Н. Панина, одного изъ четырехъ опекуновъ малолѣтнихъ кн. Куракиныхъ.

№ 1049, стр. 313. „Дорогой мой свойственникъ и пріятель“,—это обраще-
іе къ князю Гавріилу Петровичу Гагарину, который, между прочимъ, былъ
послѣдствіи и душеприкащикомъ гр. П. И. Панина. (См. Брикнера „Мате-
ріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина“. Т. I. 1888 г.
стр. 65).

№ 1049, стр. 313. „Вѣрность къ своему обладателю“, т. е. къ Государю.

№ 1049, стр. 314. „По извѣстнымъ здѣшнимъ общимъ несчастливымъ
приключеніямъ“, т. е. вслѣдствіе свирѣпствовавшей тогда чумы.

№ 1049, стр. 314. „Между одною подлостью“.—Здѣсь употреблено это
слово въ своемъ старинномъ значеніи—простой народъ.

№ 1049, стр. 314. „Держался въ Петровскомъ графа Кирилла Григорьеви-
ча“.—Здѣсь разумѣется село Петровское-Разумовское, въ пяти верстахъ отъ
Москвы, принадлежавшее прежде царю Алексѣю Михайловичу и подаренное
имъ тестю своему Кириллу Полуэктовичу Нарышкину; въ 1763 г. оно пере-
шло во владѣніе гр. Кирилла Григорьевича Разумовскаго, женившагося на
Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной.

№ 1049, стр. 314. „Въ деревню брата покойной моей жены“, т. е. въ се-
ло Никольское-Татищево, въ 70 верстахъ отъ Москвы, близъ Клина.

№ 1051, стр. 318. Передъ словами „La Chambre des Communes“ нами опу-
щенъ довольно большой отрывокъ объ англ. королевской власти и о парла-
ментѣ въ виду того, что здѣсь кн. Александръ Бор. повторилъ съ небольши-
ми измѣненіями то, что было сказано имъ на стр. 210—211.

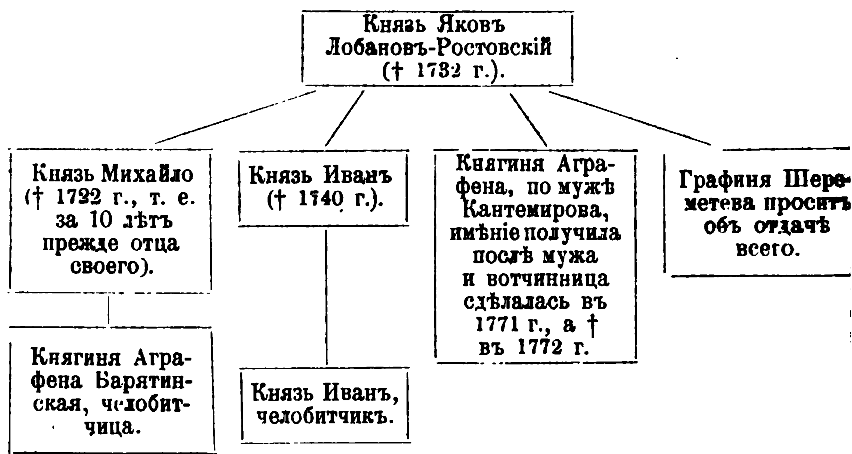
№ 1051, стр. 323. „Передъ тѣмъ, какъ говорить о политикѣ англійскаго
двора, исключенъ повторенный княземъ Александромъ Бор. довольно боль-
шой отрывокъ объ англійскомъ министерствѣ. (См. стр. 339 со словъ „Le
ministère“ и кончая словами „lord de l'Amirauté“).

№ 1051, стр. 325. Послѣ характеристики лорда Суффолька мы опустили
отрывокъ о способѣ рѣшенія дѣлъ англ. министрами, уже напечатанный на-
ми въ письмѣ къ Сальдерну (конецъ 309 и первая половина 310 стр.).

№ 1055, стр. 328. „После покойной Аграфены Леонтьевны“.—Здѣсь ра-
зумѣется бабушка кн. Александра Бор. по матери,—Апраксина, дочь кото-
рой Марія Степановна была замужемъ за т. с. Александромъ Федоровичемъ
Куракинымъ.

№ 1055, стр. 329. „По причинѣ полученія наслѣдства послѣ смерти ихъ
тетки Кантемировой, которое очень знатно“.—Помянутое наслѣдство, спустя
два года, князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій долженъ былъ усту-
пить графинѣ Фетиньѣ Яковлевнѣ Шереметевой (р. 1714 г., † 1777 г. февраля 16,)
супругѣ графа Сергѣя Борисовича Шереметева († 1768 г.), сына знам. фельдм.,
на основаніи нижеслѣдующаго именного указа Сенату, отъ 9 декабря 1775 г.:
„По прошенію, поданному Намъ отъ графини Фетиньи Шереметевой, рас-
смотрѣвъ Мы рѣшенное Сенатомъ въ прошломъ 1774 г. дѣло ея съ племян-
никомъ ея роднымъ, княземъ Иваномъ Лобановымъ-Ростовскимъ, о имѣніи,
оставшемся послѣ сестры ея родной княгини Аграфены Кантемировой, нахо-
димъ, что графиня Шереметева, рожденная отъ одного отца и одной матери
съ княгиней Кантемировою, къ сему имѣнію ближе имѣетъ право, нежели
князь Лобановъ-Ростовскій, ихъ обѣихъ племянникъ, котораго отецъ, хотя
рожденъ съ ними отъ одного отца, но отъ другой матери, и сіе имѣніе не
изъ рода Лобановыхъ до Кантемировой дошло, но досталось ей послѣ ея
мужа. Слѣдовательно, повелѣваемъ, отставя сенатское о семъ дѣлѣ рѣшеніе,
утвердить оное имѣніе за графинею Шереметевою, яко ближайшею къ оному
наслѣдницею“. (Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Т. XX. № 14406.
стр. 321).

Вотъ, на какомъ родствѣ основывалъ свой искъ кн. Иванъ Ивановичъ
Лобановъ-Ростовскій, супругъ Екатерины Александровны, ур. княжны Кура-
киной (см. т. 442 Надеждинскаго архива, стр. 125):



№ 1058, стр. 332. Это письмо, какъ видно изъ его первыхъ строчек должно предшествовать № 1057, такъ какъ князь Александръ Бор. остави Лондонъ 7 марта ст. с. 1772 г., почему № 1058 слѣдуетъ, вѣроятно, отнес къ 1-ому марта, какъ мы и поставили въ скобкахъ. Князь Александръ Бо помѣчалъ свои письма то старымъ, то новымъ стилемъ, и весьма часто опр дѣлить точную дату невозможно. Располагая документы въ хронологическої порядкѣ, мы принимаемъ за основаніе старый стиль и таковымъ помѣчае печатаемые документы.

№ 1059, стр. 334. „Князь Алексѣй очень любезенъ". — Князь Алексѣ Бор. обладалъ и впослѣдствіи превосходнымъ характеромъ, большою сн сходительностью и привѣтливостью; современники говорили, что отъ не пріятнѣе было услышать нѣтъ, чѣмъ отъ иного да. „Въ характерѣ онъ со динялъ важность съ піитическими цвѣтами..... Другая нравственная черта вел можи была, что онъ любилъ замѣчать, выводить и обязывать дѣловыхъ люде И когда изъ отставки своей онъ вызванъ былъ Императоромъ Александро въ 1802 г. для опредѣленія малорос. ген.-губ., я съ восторгомъ видѣлъ, ка зало его наполнялось съѣздомъ обязанныхъ ему выходомъ въ чинахъ и м стахъ, какъ добродушно освѣдомлялся онъ о каждомъ по роду его службы (См. записки И. Ф. Тимковскаго.—Москвитянинъ. 1852 г. № 20, стр. 54—5

№ 1059, стр. 334. „Меньшого самаго уже мѣсяцъ не видала". —Княжн Аграфена Александровна вполнѣ замѣняла малолѣтнимъ кн. Куракины родную мать и заботилась обо всѣхъ одинаково, не смотря на то, что кня Иванъ Бор., младшій изъ братьевъ, былъ почему-то мало любимъ родны можетъ быть, за свое нелюдимство и за дурное поведеніе въ шляхе номъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ получалъ образованіе. (Ср. так № 1066, стр. 422). Отецъ Николая Григорьевича Устрялова былъ крѣпос нымъ кн. Куракиныхъ и находился въ должности прикащика въ селѣ Б городскомъ Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губ. Въ своихъ воспом ніяхъ (Древняя и новая Россія 1880 г. Т. XVII. Стр. 603—604) нашъ зн менитый историкъ сообщаетъ интересныя подробности о кн. Иванѣ Бо Онъ былъ извѣстенъ необычайною тучностью; постоянно живя въ Пете бургѣ *) и Москвѣ, ни разу не пріѣзжалъ въ свое помѣстье; характера бы своенравнаго и строптиваго; письма его были написаны такимъ почерком что не было возможности разобрать ихъ.

№ 1061, стр. 335. „La maison de M. l'envoyé de Russie" и т. д. Замѣтим что графъ Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ долгое время въ чи лѣ самыхъ близкихъ друзей кн. Александра Бор. (Ср. т. V „Архива кн. (А. Куракина", стр. 379), равно какъ и его жена графиня Софія Алексѣевн ур. гр. Вахтмейстеръ (см. алфавитный указатель), дочь камергера рус. Двор гр. Акселя-Вильгельма († 1763 г.) отъ его перваго брака съ дочерью гол

*) Въ 1820 г. кн. Иванъ Борисовичъ нанималъ домъ на Мойкѣ, близ Синяго моста. Ред.

[..]тинскаго министра графиней Маргаритой-Фредерикой Бассевичъ. Графиню Софію Алексѣевну князь Александръ Бор. въ шутку называлъ „maman“.

№ 1062, стр. 340. „La Dauphine est d'une figure à épuiser tous les éloges“. —Это юношеское восхищеніе передъ Маріей-Антуанетой пережило несчастную королеву, и превосходный мраморный бюстъ въ столовой обширнаго Надеждинскаго дома еще и теперь напоминаетъ ея красивыя, правильныя черты. Когда-то онъ находился на вершинѣ колонны въ старинномъ Надеждинскомъ паркѣ. и старики-дворовые показываютъ до сихъ поръ мѣсто, гдѣ стоялъ „памятникъ Марьѣ Антоновнѣ“.

№ 1065, стр. 345. „Chef de la Yemskoï“, т. е. Алексѣй Логиновичъ Щербачовъ, д. т. сов., ген.-поручикъ (съ 10 іюля 1775 г.), ямской канцеляріи главный судья; † 1802 г. іюня 25, на 82-мъ году жизни.

№ 1066, стр. 348. „Ваше попеченіе о тѣхъ двухъ женщинахъ“.—Здѣсь разумѣются княгиня Александра Ивановна Куракина, бабушка кн. Александра Бор., и княжна Аграфена Александровна Куракина, его тетка, а можетъ быть, вмѣсто сей послѣдней, Аграфена Леонтьевна Апраксина, его бабка по матери.

№ 1072, стр. 365. Не забыто про нечистоплотность французовъ. П. Б.

№ 1076, стр. 382. „Выписали на его мѣсто изъ Парижа очень достойнаго человѣка“,—это г. Муасси, который сопутствовалъ кн. Алексѣю Бор. Куракину и С. С. Апраксину въ Лейденъ. О немъ мы встрѣтимъ не мало подробностей въ VII т. (см. также конецъ стр. 398).

№ 1077, стр. 383. „Je prends la liberté de vous envoyer avec la pièce originale“ и т. д. -Этихъ приложеній въ Надеждинскомъ архивѣ нѣтъ.

№ 1078, стр. 384—395. Куракинское описаніе Парижа было, конечно, прочтено Великимъ Княземъ и черезъ 9 лѣтъ могло быть имъ провѣрено лично. Сопровождая графа и графиню Сѣверныхъ въ ихъ путешествіи, въ 1781 г., кн. Александръ Бор. изъ всѣхъ лицъ ихъ свиты былъ наилучшимъ cicerone. П. Б.

№ 1078, стр. 389. Выраженіе „hardi et délicat“ дѣлаетъ честь художественной наблюдательности писавшаго. П. Б.

№ 1081, стр. 398. „Будешь еще дежурить довольно“, т. е. при Дворѣ; кн. Александръ Бор. незадолго передъ этимъ получилъ званіе камеръ-юнкера и рвался скорѣе приступить къ исполненію своихъ обязанностей, которымъ онъ придавалъ очень большое значеніе.

№ 1081, стр. 399. Кто этотъ Полякъ? У князя Н. В. Репнина сыновей не было. П. Б.

№ 1083, стр. 400—401. Конечно, ученикъ послушался своего професора и не возымѣлъ отвращенія къ своей непоказной и, сравнительно съ Европой, бѣдной родинѣ. П. Б.

№ 1084, стр. 401. Въ письмѣ къ графу П. И. Панину соблюденъ слогъ этого послѣдняго, вычурный и полунѣмецкій. П. Б.

№ 1085, стр. 420. Сказано хорошо о Вольтерѣ, почитателемъ котораго, впрочемъ, Павелъ Петровичъ не былъ. П. Б.

№ 1086, стр. 422. „Князь Алексѣй часъ отъ часу любезнѣе сколь хорошествомъ, и прилежаніемъ въ наукахъ“.—Илья Федоровичъ Тимковскій, секретарь князя, говоритъ про него въ своихъ запискахъ: „Онъ былъ плотенъ, величавъ, красивъ, всегда нарядёнъ, окруженъ большою свитою“ (См. Москвитянинъ 1852 г. № 20, стр. 87).

№ 1087, стр. 423. Домъ Ломоносова, невдалекѣ отъ Синяго моста (нынѣ закрытаго, подъ нимъ текла Мойка), на Б.-Морской, впослѣдствіи П. Н. Демидова, нынѣ, кажется, Стобеуса. П. Б.

№ 1091, стр. 432. „Произведя на свѣтъ дочь мою Софью,“—это Софья Петровна Тутолмина, а Катенька, т. е. графиня Екатерина Петровна Панина, умерла въ младенчествѣ. П. Б.

Что касается примѣчаній къ собственнымъ именамъ, встрѣчаемымъ въ настоящей книгѣ „Архива кн. Ф. А. Куракина“, то всѣ необходимыя объясненія и біографическія данныя помѣщены въ надлежащихъ мѣстахъ алфавитнаго указателя.

ПОПРАВКИ

къ VI книгѣ историческаго сборника „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина"

Стран.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Должно быть:
17	—	2	союзные	союзныя
69	1	—	королю	къ королю
235	—	9	extêmement	extrêmement
236	—	1	Jamaique	Jamaïque
258	3	—	il a y	il y a
264	—	17	stoiciens	stoïciens
265	8	—	aible	faible
265	—	16	l'àme	l'âme
274	—	5	égal	égale
279	—	9	passé	passés
304	—	16	préfèrerais	préférerais
306	—	7	leus	leur
323	14	—	convaincu	convaincue
342	6	—	avanturier	aventurier
342	7	—	mal-moriginé	mal-morigéné
363	1	-	ravissants	ravissante
375	—	11	leux	leur
379	10	—	inquités	inquiétés
380	—	5	le journée	la journée
381	—	1	ous	vous
385	3	—	n'épargne	n'épargna
392	—	1	mmortaliser	immortaliser
431	—	5	juspu'au	jusqu'au
445	2	—	Щербаковъ	Щербачовъ

Монастыр. пр. при Петрѣ I, А. А. Нартовъ, през. Ак. н. († 1813 г.), А. К. Нартовъ, совѣт. Ак. н. († 1754 г.), И. М. Наумовъ, пис. († 1833 г.), Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, сен.,пис. († 1829 г.), М. Я. Нарышкина, у. княжна Лобанова-Ростовская, с. оберъ-гофм. († 1854 г.), Н. Ѳ. Нарышкина, у. гр. Ростопчина, с. таврич. губ., И. И. Неплюевъ, послан. († 1773 г.), П. Х. Обольяниновъ, ген.-прокур. († 1841 г.), В. В. Оладьинъ, сек. кн. В. И. Куракина, А. Н. Оленинъ, д. т. с., дир. Имп. п. б., през. Имп. Ак. х., пис. († 1843 г.), М. Д. Олсуфьевъ, оберъ-гофмар. († 1758 г.), гр., А. И. Остерманъ, ген.-адм. († 1747 г.), гр. И. А. Остерманъ, вице-канц. († 1811 г.), гр. К. И. Остенъ-Сакенъ, одинъ изъ воспитателей цес. Павла Петровича († 1808 г.), М. И. Отто, дипл., имп. Павелъ I, Палласъ, ак. († 1811 г.), гр. Н. И. Панинъ, канц., воспитатель цес. Павла Петровича († 1783 г.), гр. Н. П. Панинъ, мин. ин. д. († 1837 г.), гр. П. И. Панинъ, ген.-анш. († 1789 г.), имп. Петръ I, П. Н. Приклонскій, камерг., поэтъ, кн. А. А. Прозоровскій, фельдм. († 1809 г.), кн. А. П. Прозоровскій, бояринъ, гр. П. К. Разумовскій, оберъ-камерг. († 1823 г.), кн. Н. А. Репнина, у. княжна Куракина, с. фельдм. († 1797 г.), кн. А. И. Репнинъ, фельдм. († 1826 г.), кн. Н. В. Репнинъ, фельдм. († 1801 г.), князь-кесарь Ѳ. Ю. Ромодановскій († 1717 г.), гр. А. И. Румянцевъ, ген.-анш., послан. († 1745 г.), гр. Н. П. Румянцевъ, канц. († 1826 г.), гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій, фельдм. († 1796 г.), гр. С. П. Румянцевъ, д. с. с. († 1838 г.), П. С. Руничъ, сек., пис. († 1825 г.), А. А. Салтыкова, у. княжна Куракина († 1836 г.), кн. А. Н. Салтыковъ. тов. мин. ин. д. († 1837 г.). В. П. Салтыковъ, т. с., оберъ-камерг., Ѳ. С. Салтыковъ, морякъ и дипл. († 1715 г.), А. А. Самборскій, протоіерей, пис. († 1815 г.), Самуилъ, мит. кіев. († 1796 г.), бар. А. Н. Сердобинъ, воспитан. кн. Александра Бор. Куракина, герц. Серра-де-Капріоля, неаполит. пос., зять кн. А. А. Вяземскаго († 1822 г.), гр. Я. К. Сиверсъ, ген. († 1810 г.), бар. О. А. Соловьевъ, торг. агентъ († 1747 г.), гр. М. М. Сперанскій, въ молодости домаш. учит. у кн. Алексѣя Бор. Куракина († 1839 г.), Станиславъ II Августъ (кн. Понятовскій), послѣд. король польскій († 1798 г.), гр. П. А. Строгановъ, ген.-ад. († 1817 г.), фонъ-Струве, дипл. († 1850 г.), В. С. Тамара, т. с., дипл. А. Г. Тепловъ, д. т. с., поч. оп. († 1826 г.), гр. П. А. Толстой, посолъ, чл. Верх. т. сов. († 1729 г.), Д. П. Трощинскій, мин. Юст. († 1829 г.), кн. Ю. Ю. Трубецкой. бояр., сен. († 1739 г.), И. А. Тутолминъ, дир. Моск. воспит. д. († 1813 г.), И. В. Тутолминъ, поч. опек. († 1815 г.), гр. Ѳ. П. Уваровъ, ген.-ад. († 1824 г.), бар. фонъ-Урбихъ, полн. мин. Петра I, кн. Ѳ. С. Урусова, бояр., теща кн. Б. И. Куракина, Фандепбургъ, аген. Петра I въ Амстердамѣ, гр. Д. И. Хвостовъ, оберъ-прокур. Свят. Син., пис., кн. А. А. Чарторижскій, мин. ин. д. († 1861 г.), Н. В. Чичаговъ, мор. мин., пис. († 1849 г.), П. А. Чичеринъ, ген. отъ кав. († 1848 г.), Шампаньи, фр. мин. вн. д. († 1834 г.), бар. П. П. Шафировъ, вице-канц. († 1739 г.), гр. Штакельбергъ, послан., И. И. Шуваловъ, основ. Моск. ун. и Ак. х. († 1797 г.), кн. А. Н. Щербатовъ, сен. († 1816 г.), кн. И. А. Щербатовъ, послан. († 1761 г.), Е. А. Энгельгардъ, пис. († 1862 г.), Х. Ѳ. Энгельгардъ, ад. кн. Потемкина († 1831 г.), гр. П. И. Ягужинскій, ген.-прокур., кабин.-мин. († 1736 г.), и мн. др.

Письма большинства означенныхъ лицъ имѣются за многіе годы и переплетены въ объемистые томы.

Кромѣ переписки, офиціальной и частной, разнаго рода мемуаровъ, рукописныхъ сочиненій и дневниковъ, Надеждинскій архивъ хранитъ въ себѣ матеріалы по исторіи Мальтійскаго ордена въ Россіи, масонства и декабристовъ.

Содержаніе вышедшихъ пяти томовъ.

I т. (подъ ред. издателя Русской Старины М. И. Семевскаго). 61 письмо Петра I кн. Б. И. Куракину. Исторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и ближнихъ къ нему людяхъ, сочиненная кн. Б. И. Дневникъ и путевыя замѣтки кн. Б. И. 1705—1708 гг. Автобіографія кн. Б. И. 1676—1709 гг. Воспоминанія кн. Б. И. о русско-шведской войнѣ 1700—1710 гг. Записка кн. Б. И. объ отношеніяхъ державъ къ Россіи и о прочихъ дѣлахъ политическихъ. 1708 г. Записка кн. Б. И. о войнѣ и мирѣ съ Швеціею. 1720 г. Родословіе кн. Куракиныхъ X—XIX вв.

II т. (подъ редакціею того же). 116 грамотъ, инструкцій и писемъ Петра I 1697—1724 гг. Грамоты и письма Екатерины I и Петра II 1725—1727 гг. Грамоты иностранныхъ государей московскимъ царямъ 1574—1688 гг. Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ при европейскихъ дворахъ 1709—1710 гг. Переписка кн. Б. И. 1710—1727. Матеріалы къ родословію кн. Куракиныхъ.

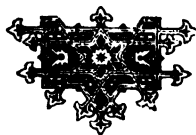
III т. (подъ редакціею Семевскаго и Смольянинова). Грамоты, инструкціи, указы и письма Петра I, записки, проекты и донесенія кн. Б. И. 1713—1723 гг. Матеріалы къ исторіи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1704—1709 гг. Статьи и замѣтки кн. Б. И. по разнымъ предметамъ 1698—1724 гг. Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1708—1710 гг. Переписка кн. Б. И. 1705—1720 гг. Généalogie historique des princes de Kourakin, issus de la maison ducale de Lithuanie, recueillie et mise en ordre par le baron de Serdobine. 1805 г. Надписи на гробницахъ кн. Куракиныхъ въ Чудовѣ и Новоспасскомъ монастыряхъ 1643—1805 гг.

IV т. (подъ ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1711 г. Грамоты царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича кн. Г. С. Куракину 1661 - 1676 гг. и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей кн. И. Г. Куракину 1682 г. Статьи и замѣтки кн. Б. И. по разнымъ предметамъ и его переписка съ разными лицами 1698—1711 гг.

ПОПРАВКИ

къ VI книгѣ историческаго сборника „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракин

Стран.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Должно быть:
17	—	2	союзные	союзныя
69	1	—	королю	къ королю
235	—	9	extêmement	extrêmement
236	—	1	Jamaique	Jamaïque
258	3	—	il a y	il y a
264	—	17	stoiciens	stoïciens
265	8	—	aible	faible
265	—	16	l'àme	l'âme
274	—	5	égal	égale
279	—	9	passé	passés
304	—	16	préfèrerais	préférerais
306	—	7	leus	leur
323	14	—	convaincu	convaincue
342	6	—	avanturier	aventurier
342	7	—	mal-moriginé	mal-morigéné
363	1	-	ravissants	ravissante
375	—	11	leux	leur
379	10	—	inquités	inquiétés
380	—	5	le journée	la journée
381	—	1	ous	vous
385	3	—	n'épargne	n'épargna
392	—	1	mmortaliser	immortaliser
431	—	5	juspu'au	jusqu'au
445	2	—	Щербаковъ	Щербачовъ

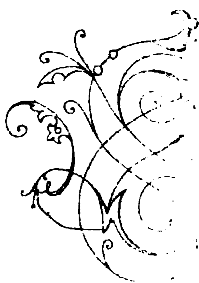


АРХИВЪ
КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

КНИГА СЕДЬМАЯ,

изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова.

Первыя шесть книгъ одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.



Гербъ князей Куракиныхъ

1898.

Printed in Russia

V т. (под. ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1711 1712 гг. Фамильные документы и переписка 1661—1712 гг. Переписка кн. Але ксандра Б. Куракина съ отцомъ его кн. Б. А., съ гр. Паниными и др. родствен никами, съ герцогомъ мекленбургскимъ Эрнестомъ и съ разными лицами, со стоявшими при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, 1763—1770 гг. Souvenirs de voyage du prince A. Kourakin en Hollande et en Angleterre, à sa sortie de l'Université de Leyde durant les années 1770—1772.

VI т. (подъ ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1713 г. Переписка его съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, гр. Г. И. Головкинымъ, кн. В. Л. Долгоруковымъ, А. А. Матвѣевымъ, барономъ П. П. Шафировымъ и др. 1712—1713 гг. «Souvenirs de voyage du prince Alexandre Kourakin» (окончаніе). Переписка кн. Александра Бор. съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, С. С. Апраксинымъ, гр. А. С. Мусинымъ-Пушкинымъ, гр. Н. И. и П. И. Паниными, профес. Пестелемъ, гр. Сальдерномъ, герцогомъ Эрнестомъ и др. 1770—1773 гг.

Списокъ рецензій объ «Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина».

Саратовскій Листокъ 1888 г. № 169, 1891 г. № 200 и 1894 г. № 97. Волжскій Вѣстникъ 1890 г № 229. Правительственный Вѣстникъ 1890 г. № 263. Новое Время 1890 г. № 5089. Журналъ Мин Нар. Пр. 18·1 . № 1. Русскій Вѣстникъ 1891 г. № 5, стр. 335—839. Вѣстникъ Европы 1891 г. № 9 стр. 310—339 . 1894 г. № 5. Книжный Вѣстникъ 1891 г. № 2. Новости 1891 г. № 65 и 1892 г. № 26. Сынъ Оте чества 1892 г. № 25. Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Археологическимъ Институтомъ, 1892 г. № 9 стр. 198—207. Русская Старина 1892 г. № 10 и 1894 г. № 7. Историческій Вѣстникъ 1892 г. № 11 и 1894 г № 7. Русская Мысль 1898 г. № 5. Московскія Вѣдомости 1890 г. № 270 и 1894 г. № 47. Саратовскій Дневникъ 1895 г. № 31. Journal de St-Pétersbourg 1895 г. № 38.

Указатель русскихъ дворянскихъ фамилій, досель существующихъ и упоминаемыхъ въ первыхъ пяти томахъ «Архива кн. Ѳ. А. Куракина».

Анненковы, Апраксины (и гр.), Апухтины, Аргамаковы, Арсеньевы, Балакиревы, Балашовы Бални, Барсуковы, Барятинскіе кн., Башмаковы, Безобразовы, Бекетовы, Бестужевы и Бестужевы-Ри мины, Бехтеевы, Бибиковы. Богдановы, Болотовы, Воровдины, Будлянскіе, Булгаковы, Бутурлины гр. Вельяминовы-Зерновы, Веселовскіе, Внуковы, Волковы, Волконскіе кн., Воронцовы, Врангели гр., Все воложскіе, Вяземскіе кн., Гагарины кн., Глѣбовы, Голицыны кн., Головины, Головкины гр., Горбен Григоровы, Грушецкіе, Даниловы, Дашковы кн., Демидовы, Дмитріевы и Дмитріевы-Мамоновы, Долго руковы кн., Дубенскіе, Елагины, Елизаровы, Ершовы, Загряжскіе, Зиновьевы, Зотовы гр., Изволъскіе Измайловы, Кавелины, Казаринновы, Камынины, Карповы, Карташовы, Квашнины-Самарины, Кикины Козловы, Кологривовы, Колычевы, Кондыревы, Корфы, Кошелевы, Красовскіе, Крашинскіе гр., Крове товы, Ладыженскіе, Леонтьевы, Лихачевы, Лобановы-Ростовскіе кн., Ломаковскіе, Лопухины, Лукины Львовы (и кн.), Макаровы, Макшеевы, Мартыновы, Масальскіе, Мещерскіе кн., Морозовы, Мусины Пушкины (и гр.), Мухановы, Мышецкіе кн., Нарышкины, Неклюдовы, Нелединскіе-Мелецкіе, Неплю вы, Нероновы, Новиковы, Ностицы (и гр.), Огинскіе кн., Одоевскіе кн., Оладьины, Орловы (и кн.) Остафьевы, Остенъ-Сакены бар. и гр., Остерманы бар. и гр., Палены бар., Панины (и гр.), Писаревы Полонскіе, Полянскіе. Порошины, Постниковы, Потемкины (и кн.), Потоцкіе гр., Протасовы, Протопо повы, Пушкины, Рагозины, Ребиндеры, Репнины кн., Ржевскіе, Ромодановскіе кн., Сабуровы, Салты ковы, Самарины, Сердобины бар., Сиверсы гр., Синявины, Собакины, Соковнины, Соловцовы, Степано вы, Стрѣшневы, Строгановы гр., Струковы, Сухотины, Сушковы, Талызины, Татищевы, Текутьевы Тепловы, Толстые (и гр.), Трубецкіе кн., Тургеневы, Убри, Ульянины, Урусовы кн., Ушаковы, Фарсо вы, Философовы, Хилковы кн., Хитровы, Хованскіе кн., Хрущовы, Чаадаевы, Черкасскіе кн., Черны шовы гр., Чичерины, Чоглоковы, Шаховскіе кн., Шереметевы (и гр.), Шидловскіе, Шиповы, Штакель берги бар. и гр., Штенбоки гр., Шуваловы гр., Шулембурги гр., Щербатовы кн., Юрьевы, Юшковы Языковы, Яковлевы.

ЦѢНА (съ пересылкою)

I тома на простой бумагѣ.................. 2 р., на веленевой 3 р.
II, III, IV, V и VI томовъ на простой бумагѣ. 3 „ „ „ 4 „

Спеціально-сдѣланные роскошные переплеты съ золотымъ тисненіемъ по 1 р. 50 к. съ пересылкою. Книги и переплеты высылаются, по желанію, наложеннымъ платежомъ. Книгопродавцамъ обычная уступка (на коммиссію книги не отпускаются).

Складъ изданія:

1. Въ Надеждинской конторѣ кн. Ѳедора Алексѣевича Куракина. Сердобскъ Саратовской губ.
2. Въ конторѣ Дома призрѣнія, учрежд. кн. Куракиными. Москва, Новая Басманная, близъ Красныхъ воротъ.
3. У редактора „Архива кн. Ѳ. А. Куракина" Владиміра Николаевича Смольянинова, директора Александровскаго Дворянскаго Пансіона. Саратовъ.

Arkhiv

АРХИВЪ

Kniazia F. A. Kurakina

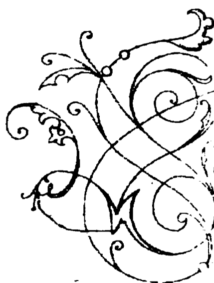
КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

v. 7

КНИГА СЕДЬМАЯ,

изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова.

Первыя шесть книгъ одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.



Гербъ князей Куракиныхъ

1898.

Printed in Russia

Въ „Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина" помѣщены и имѣютъ войти бумаги главнымъ образомъ нижеслѣдующихъ представителей рода князей Куракиныхъ: 1) кн. Григорія Семеновича, боярина, въ отбытность царя Алексѣя Михайловича (1654 г.) правителя государства, перваго воеводы въ Казани († 1661 г.), 2) кн. Ивана Григорьевича, боярина и намѣстника смоленскаго († 1682 г.), 3) кн. Бориса Ивановича, полномочнаго посла въ Англіи, Ганноверѣ, Голландіи и Франціи († 1727 г.), 4) кн. Александра Борисовича, полномочнаго посла въ Парижѣ, оберъ-шталмейстера, сенатора и конференцъ-министра († 1749 г.), 5) кн. Бориса Александровича, ген.-поручика, гофмейстера, сенатора, Камеръ и Экономіи-коллегій президента († 1764 г.), 6) кн. Александра Борисовича, полномочнаго посла въ Вѣнѣ и Парижѣ, государственнаго вице-канцлера († 1818 г.), 7) кн. Алексѣя Борисовича, генералъ-прокурора и министра внутреннихъ дѣлъ († 1829 г.), 8) кн. Бориса Алексѣевича, сенатора († 1850 г.).

Находясь въ родствѣ съ именитѣйшими русскими фамиліями, князья Куракины какъ по связямъ родства и дружбы, такъ и по служебнымъ отношеніямъ вели обширнѣйшую переписку, которая и сохраняется нынѣ у кн. Ѳ. А. Куракина, въ его родовой вотчинѣ селѣ Надеждинѣ, въ количествѣ 1375 фоліантовъ. Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Надеждинскомъ архивѣ, причемъ, что очень важно, сохранились и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались князья Куракины со множествомъ лицъ обоего пола. Вотъ нѣкоторые изъ ихъ корреспондентовъ:

Имп. Александръ I, гр. Д. М. Алопеусъ, рус. мин.-резид. въ Штутгардѣ († 1831 г.), А. Л. Апраксина, с. фельдм. († 1771 г.), гр. И. А. Апраксинъ, ген.-лейт., сен. († 1818 г.), гр. П. М. Апраксинъ, бояринъ, презид. Юстицъ-Коллегіи († 1728 г.), гр. С. С. Апраксинъ, смол. губ. († 1827 г.), гр. Ѳ. М. Апраксинъ, ген.-адм. († 1728 г.), гр. А. А. Аракчеевъ, мин. († 1834 г.), Робертъ Арескинъ, лейбъ-медикъ Петра I, княгиня Е. П. Багратіонъ, кн. П. И. Багратіонъ, ген. отъ инф., сподвижникъ Суворова († 1812 г.), Ѳ. Н. Балкъ, ген.-пор († 1739 г.), Д. Н. Бантышъ-Каменскій, тоб. и вил. губ., писатель († 1850 г.), Н. Н. Бантышъ-Каменскій, управл. архив. Коллегіи ин. д., пис. († 1814 г.), кн. Е. П. Барятинская, у. принц. Гольштейнъ-Бекъ († 1811 г.), гр. Басеевичъ, шлезвигъ-голшт. послан. († 1749 г.), свѣтл. кн. А. А. Безбородко, канц. († 1799 г.), гр. Е. А. Бенкендорфъ, статсъ-дама († 1858 г.), гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, канц., фельдм. († 1766 г.), гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ, дипломатъ († 1760 г.), Брандтъ, резид. Петра I въ Амстердамѣ, гр. А. В. Браницкая, племян. кн. Потемкина, оберъ-гофм. († 1838 г.), гр. Я. В. Брюсъ, ген.-фельдцейх. († 1735 г.), Я. И. Булгаковъ, д. т. с., посланникъ, пис. († 1809 г.), гр. Е. В. Бутурлина, с. фельдм., дочь кн. В. И. Куракина († 1767 г.), гр. Д. П. Бутурлинъ, сен. († 1829 г.), Ѳ. Ѳ. Вадковскій, д. т. с. († 1806 г.), И. П. Веселовскій, дипл. († 1754 г.), Ф. Ф. Вигель, пенз. губ. († 1812 г.), Д. И. фонъ-Визинъ, пис. († 1792 г.). П. И. фонъ-Визинъ, дир. Москов. ун., сен. († 1803 г.), Г. И. Виллановъ, статсъ-сек., пис. († 1842 г.), свѣт. кн. П. М. Волконскій, фельдм., мин. Двора († 1852 г.), кн. П. М. Волконскій, оберъ-камер., гр. С. Р. Воронцовъ, посолъ († 1832 г.), бар. И. А. Вревскій воспитанникъ кн. Александра Бор. Куракина, ген.-м. († 1858 г.), бар. П. А. Вревскій, воспит. того же, ген.-ад. († 1855 г.), В. А. Всеволожскій, сен. (1796 г.), кн. Е. Н. Вяземская, у. княжна Трубецкая, с. ген.-прок., статсъ-дама († 1832 г.), кн. Н. Г. Вяземскій, сен. († 1846 г.), кн. Г. П. Гагаринъ, сен., пис. († 1807 г.), кн. С. И. Гагаринъ, членъ государ. сов., пис. († 1862 г.), М. Я. Гедеоновъ, пенз. губ., свѣт. кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, фельдм. († 1813 г.), кн. А. А. Голицына, у. царевна Грузинская († 1842 г.), кн. В. В. Голицына, у. Энгельгардтъ, племян. кн. Потемкина, кавалер. дама († 1815 г.), кн. П. А. Голицына, у. гр. Шувалова, пис. († 1828 г.), кн. М. М. Голицынъ, фельдм., зять кн. В. И. Куракина († 1730 г.), кн. П. А. Голицынъ, кіев. намѣст. († 1722 г.), кн. С. Д. Голицынъ, дипл. († 1738 г.), кн. Ѳ. Н. Голицынъ, кураторъ Моск. ун., пис. († 1827 г.), И. М. Головинъ, адм. († 1738 г.), гр. А. Г. Головкинъ, посл. († 1760 г.), гр. Г. И. Головкинъ, канц. († 1734 г.). Губастовъ, управ. кн. Б. И. Куракина, гр. И. В. Гудовичъ, фельдм. († 1821 г.), А. И. Дашковъ, т. с. († 1733 г.), Г. Р. Державинъ, мин. юстиціи, поэтъ († 1816 г.), кн. В. Л. Долгоруковъ, д. т. с., дипл., (казн. 1739 г.), кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ, д. т. с., сен. († 1723 г.), кн. С. Г. Долгоруковъ, полномоч. мин. († 1739 г.), имп. Екатерина I, имп. Елисавета Алексѣевна, Н. Заварицкій, вят. и потомъ сарат. вице-губ., гр. Е. А. Зотова, у. княжна Куракина († 1869 г.), В. Н. Зотовъ, казан. губ. († 1725 г.), гр. Н. Н. Зотовъ, д. с. с., гр. В. А. Зубовъ, ген. отъ инф. († 1804 г.), М. М. Измайловъ, моск. ген.-губ. († 1800 г.), арх. Израилъ, намѣстн. Ал.-Нев. Лавры († 1829 г.), бар. В. Б. Кампенгаузенъ, мин. вн. д. († 1823 г.), А. В. Кикинъ, приверж. цар. Алексѣя Петровича (казн. 1718 г.), О. П. Козадавлевъ, мин. внутр. д. († 1819 г.), в. кн. Константинъ Павловичъ, кн. В. П. Кочубей, канц. († 1834 г.), гр. М. Н. Кречетниковъ, тул. ген.-губ. († 1793 г.), княжна А. А. Куракина, фрейл. († 1791 г.), кн. А. И. Куракина, у. Панина († 1786 г.), кн. Е. А. Куракина, у. Бутурлина, кн. Е. В. Куракина, у. княжна Голицына, пис. († 1871 г.), кн. Е. Д. Куракина, у. Измайлова († 1848 г.), кн. Е. С. Куракина, у, Апраксина, дочь фельдм. († 1768 г.), кн. Н. И. Куракина, у. Головина, кавалер. дама († 1831 г.), кн. Н. П. Куракина, у. Нарышкина († 1825 г.). кн. И. Б. Куракинъ, полков., кн. С. Б. Куракинъ, д. т. с. († 1805 г.), А. А. Курбатовъ, архапг. губ., гр. Г. Г. Кушелевъ, адм. († 1833 г.), Л. Ланчинскій послан. († 1751 г.), гр. Е. В. Литта, гофмейстерина († 1829 г.), гр. Ю. П. Литта, оберъ-камерг. († 1839 г.), Фонъ-Литтъ, рус. мин.-резид., кн. Е. А. Лобанова-Ростовская, у. княжна Куракина († 1791 г.), кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій, в. мин. († 1831 г.), А. Ѳ. Лопухинъ, бр. ц. Евдокіи Ѳеодоровны (казн. 1718 г.), кн. Н. Б. Львовъ, дипл., А. В. Макаровъ, кабин.-сек. († 1740 г.), имп. Марія Ѳеодоровна († 1828 г.), Маре, герц. Вассано фр. мин. ин. д. († 1839 г.), гр. А. А. Матвѣевъ, дипл. († 1728 г.), кн. А. Д. Меншиковъ, фельдм. († 1729 г.), кн. П. С. Мещерскій, казан. ген.-губер. († 1799 г.), П. С. Молчановъ, ст.-секр. Александра I, бар. П. О. Моренгеймъ, повѣрен. въ русск. дѣл. при мадрит. дв., гр. А. И. Морковъ, послан. († 1827 г.), гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, т. с., пис. († 1805 г.). гр. А. С. Мусинъ-Пушкинъ, послан. († 1817 г.), гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, фельдм. († 1804 г.), гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, кач.

АРХИВЪ КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

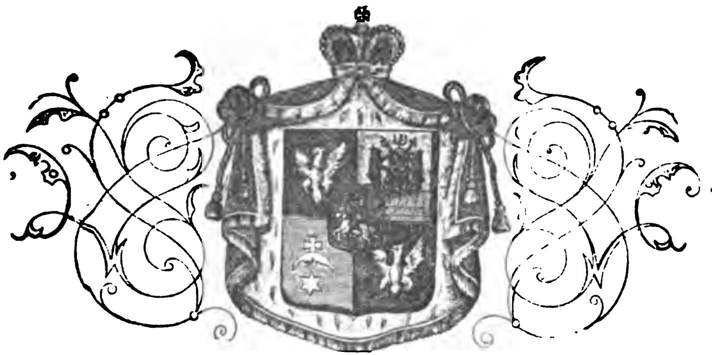
КНИГА СЕДЬМАЯ,

изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ,

подъ редакціею

В. Н. Смольянинова.

Всѣ доселѣ вышедшія книги одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

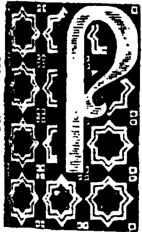


Гербъ князей Куракиныхъ.

1898.

Дозволено цензурою. Москва. 29 ноября 1897 года.

САРАТОВЪ.
Высочайше утвержденное Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“
1898.



овно годъ [1]) пробылъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ въ Парижѣ, этомъ единственномъ центрѣ европейской культуры прошлаго вѣка, и его письма на родину лучшее доказательство того, какъ разумно воспользовался онъ ...имъ путешествіемъ, провѣряя на каждомъ шагу свои впеча...нія и чуждаясь слѣпого восторга передъ иноземщиной, однимъ ...вомъ, оставаясь русскимъ по складу мыслей и православнымъ ... своихъ духовныхъ потребностяхъ.

Военная служба никогда не привлекала князя Александра ...рисовича [2]); отъ своихъ знаменитыхъ дѣдовъ онъ наслѣдо...лъ вкусъ къ дипломатической карьерѣ, и послѣдняя составляла ...едметъ всѣхъ его желаній; но, благодаря недовѣрію, которое ...тала Екатерина ко всѣмъ приверженцамъ Павла Петровича, ...ому суждено было исполниться только по ея кончинѣ. Вотъ ...служной списокъ князя Александра Борисовича за время ...ствованія Екатерины [3]).

Князь Александръ Борисовичъ родился 18 января 1752 г.; въ службу былъ ...санъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, изъ котораго переведенъ лейбъ-...рдіи въ конный полкъ и пожалованъ 25 декабря 1761 г. подпоручикомъ. Въ ...лѣ 1766 г. былъ въ первый разъ изъ отечества для наукъ посланъ, и до ...ября 1768 г. пробылъ въ Даніи и нѣмецкой землѣ; бывъ въ Копенгагенѣ, ...училъ тогда королевскій датскій орденъ Совершеннаго союза. Въ 1770 г. ...халъ вторично изъ отечества, и пробылъ три года въ Голландіи, Англіи и ...нціи; бывъ въ Лондонѣ, получилъ извѣстіе, что Ея Императорское Величе...о пожаловала его Двора своего камеръюнкеромъ, 1 января 1772 г. Въ ...5 г. былъ онъ опредѣленъ въ сенатъ къ столу генералъ-прокурора. Въ 1776 г. ...ъ принятъ членомъ Россійско-императорскаго вольнаго экономическаго ...щества, и въ томъ же году ѣздилъ съ государемъ цесаревичемъ и великимъ ...яземъ Павломъ Петровичемъ въ Берлинъ, а возвратясь изъ Берлина, былъ

[1]) Князь выѣхалъ изъ Парижа въ послѣднихъ числахъ марта 1773 г.

[2]) См. письмо № 1143, стр. 139—141.

[3]) „Родословная отъ арміи бригадира князя Степана Борисовича Кура...а", выданная изъ Герольдмейстерской конторы въ 1790 г. № 190 Надеж...скаго архива.

отправленъ къ королевско-шведскому двору съ объявленіемъ о бракосочета государя цесаревича съ принцессою Вюртембергъ-Штутгардтскою; въ Ст гольмѣ былъ онъ принятъ членомъ Стокгольмской Королевской Академіи Нау Въ 1777 г. препоручена ему должность оберъ-прокурора въ третьемъ сен департаментѣ; 21 апрѣля 1778 г. получилъ Высочайшее Ея Императорск Величества дозволеніе возложить на себя присланный къ нему отъ его вел ства короля датскаго орденъ Данеброга; 28 іюня того же года пожалов дѣйствительнымъ камергеромъ. Въ 1779 г. препоручена ему должность, вм съ прежнею, оберъ-прокурора и во второмъ сената департаментѣ. Въ 1780 при учрежденіи Санктпетербургской губерніи, по большинству дворянск балловъ былъ онъ выбранъ первымъ санктпетербургскаго Дворянства губ скимъ предводителемъ. 9 апрѣля 1781 г., по соизволенію Ея Императорс Величества, возложилъ на него государь цесаревичъ орденъ Св. Анны. Во вр путешествія по чужимъ краямъ государя цесаревича и государыни вел княгини, въ 1781 и 1782 гг., находился при ихъ императорскихъ высочеств а въ октябрѣ 1788 г., по собственному его прошенію, получилъ увольненіе всѣхъ дѣлъ.

Это увольненіе отъ всѣхъ дѣлъ было финаломъ того е мало извѣстнаго въ нашей исторической литературѣ эпизода который вызвалъ полный разрывъ между императрицей и н слѣдникомъ престола, ссылку Бибикова, преждевременную конч графа Н. И. Панина отъ удара и приказъ князю Алексан Борисовичу удалиться на постоянное житье въ Саратовс вотчину [2]).

---

[1]) Бумаги, сюда относящіяся, будутъ помѣщены въ IX томѣ „Архива к зя Ѳ. А. Куракина“.

[2]) „Извѣстно, что когда покойный государь былъ еще наслѣдникомъ п стола, то по разнымъ обстоятельствамъ того времени найдены были сред удалить князя отъ Высочайшаго Двора. Съ чувствомъ горести онъ посел тогда въ родовомъ своемъ имѣніи, называвшемся Куракино, переименовавъ Надеждинымъ. Сіе прозваніе изображаетъ мысли, въ то время утѣшительно занимавшія“ (Статья князя Алексѣя Борисовича Куракина въ Журналѣ М. Н. ч. XXII, 1839 г., отд. V, стр. 1 — 8: „Нѣсколько словъ о біогр князя Александра Борисовича Куракина въ сочиненіи г. Терещенко *Оп обозрѣнія сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи*“). См. та некрологію князя Александра Борисовича въ Русскомъ Инвалидѣ, отъ 6 сент 1818 г., № 206, стр. 829.—Князь Ѳ. Н. Голицынъ. Воспоминанія. Рус Архивъ 1874 г., стр. 1285.—Вотъ что писала Екатерина, отъ 25 апрѣля 1782 великому князю, бывшему въ то время за границею, по поводу перехва наго письма, которое послужило причиною высылки князя А. Б. Курак „На сихъ дняхъ приказала я арестовать флигель-адъютанта моего П Бибикова по причинѣ продерзостныхъ его поступковъ, кои суть примѣръ н бузданности, развращающей всѣ обязательства; изъ слога письма его, писан къ князю Куракину, можете усмотрѣть сіе пространно“ (Сборникъ Русс историческаго общества, т. IX, 1872, стр. 145).

Какъ извѣстно, Павелъ Петровичъ въ первую половину ей жизни подавалъ самыя блестящія надежды; тѣмъ болѣе ятна благородная преданность князя Куракина своему царенному другу и желаніе видѣть его скорѣе на отцовскомъ столѣ. Павелъ очень высоко цѣнилъ эти чувства и въ день его вступленія на престолъ вознаградилъ сторицею князя акина за всѣ испытанныя огорченія при Екатеринѣ, за рнадцатилѣтнее удаленіе отъ Двора и отъ карьеры: 6 ноя 1796 г. князь Александръ Борисовичъ былъ сразу продеНъ въ тайные совѣтники, 14 ноября назначенъ членомъ ѣта при Императорѣ, 16—членомъ Иностранной Коллегіи ь тотъ же день государственнымъ вице-канцлеромъ, 21—ему алованъ домъ графа Моркова въ Петербургѣ, 22—произведенъ дѣйствительные тайные совѣтники, а затѣмъ получилъ ордена имира 1-ой степени и Андрея Первозваннаго. Кромѣ того, день коронаціи ему было пожаловано 1437 душъ въ Пеургской губерніи и 2863 души въ Псковской; тамъ же онъ училъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ княземъ Алексѣемъ Боричемъ, вотчину генералъ-лейтенанта Ланского съ 7000 душъ ь Тамбовской губерніи 20 тысячъ десятинъ земли, а черезъ дней послѣ этого, 10 апрѣля 1797 г., обоимъ братьямъ алованы были астраханскія рыбныя ловли при слѣдующемъ ресномъ именномъ указѣ Сенату: „Астраханскія рыбныя и и казенные учуги, состоящіе нынѣ въ содержаніи у цовъ того города, которыми, по указу 1762 г., слѣдовало ользоваться всему обществу купечества астраханскаго, но по вкоренившимся тамо злоупотребленіямъ, городу никакого да не приносятъ, повелѣваемъ отдать въ вѣчное владѣніе ьямъ Куракинымъ, съ полученіемъ отъ нихъ въ казну нашу ѣ платимый купцами окладъ, да въ пользу города по 12 ты руб. въ годъ“. Отъ этихъ рыбныхъ ловель князья Кураы получали дохода до 400 тысячъ руб. въ годъ [1].

[1]) А. К. Бороздинъ. Къ характеристикѣ императора Павла. Историче Вѣстникъ. Книга XXII, 1888 г., стр. 649—650.—Державинъ. Полное соіе сочиненій. Т. VII, стр. 401.—М. М. Евреиновъ. Памятныя записки. кій Архивъ 1891 г., т. II, стр. 417.—А. М. Фаддеевъ. Воспоминанія. Русскій ивъ 1891 г., т. I, стр. 470.

Возвратившись на родину, князь Александръ Борисови не смотря на свои 22 года, уже почувствовалъ стремленіе женитьбѣ; свое „прелестное“ ожиданіе отъ нея онъ крас рѣчиво описывалъ графу П. И. Панину [1]). Первою невѣс на Москвѣ какъ происхожденіемъ, такъ по связямъ и бог ству, была въ то время графиня Варвара Петровна Шере тева [2]), внучка знаменитаго петровскаго фельдмаршала, отцовской стороны, и государственнаго канцлера князя Алек Михаиловича Черкасскаго со стороны матери, единствен наслѣдницы его огромнаго состоянія. Что касается отца вѣсты графа Петра Борисовича, второго сына фельдмарш то онъ и самъ по себѣ былъ очень богатъ, такъ какъ гр Борисъ Петровичъ, вѣрный идеямъ преобразователя Росс согласно извѣстному петровскому указу, избралъ его, „аки стойнѣйшаго“, наслѣдникомъ всего своего имущества. Граф Варвара Петровна родилась въ 1750 г. и, слѣдователь была на два года старше князя Александра Борисовича. С была весьма красива собою, хорошо образована по тому в мени, но въ то же время очень застѣнчива, что, впроче лишь увеличивало прелесть женщины, по взглядамъ того вр мени. Конечно, Варвара Петровна была самою подходяще невѣстою для князя Александра Борисовича, и этотъ бра лишь завершилъ бы тѣ добрыя отношенія, которыя существ вали въ теченіе четырехъ вѣковъ между Куракиными и Ш реметевыми. Но, вѣроятно, послѣдніе считали жениха слишко молодымъ, да и самъ князь Александръ Борисовичъ обнаружи валъ всегда такую нерѣшительность въ выборѣ подруги жизни что свадьба эта не осуществилась, и графиня Варвара Петр вна, въ февралѣ 1774 г., вышла замужъ за графа Алексѣ Кирилловича Разумовскаго. Графъ П. И. Панинъ далеко не сочувственно относился къ мечтамъ молодого князя о выгодно партіи. „Вы, любезный другъ, позволяете себѣ брать примѣр изъ графа Алексѣя Кирилловича, затмеваясь, что онъ къ по

[1]) Стр. 257—259.

[2]) А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. II, 1880 г., стр. 2

ражанію своему ничего другого въ предкахъ своихъ не имѣетъ, акъ въ отцѣ припадками счастія обогащеннаго празднеца, а ъ дѣдѣ уже пастуха", писалъ этотъ русскій Баярдъ, въ январѣ 1774 г., въ отвѣтъ на письмо князя, отъ 16 декабря 1773 г. [1]).

Оставалось сдѣлать выборъ изъ двухъ другихъ именитыхъ евѣстъ, но одна изъ нихъ, княжна Анастасія Михаиловна ашкова, дочь княгини Екатерины Романовны, была еще слишомъ молода, да и партія эта не встрѣчала сочувствія княжны графены Александровны Куракиной [2]), имѣвшей огромное влііе на молодыхъ князей Куракиныхъ, а другая,—графиня Еливета Гавріиловна Головкина, правнучка канцлера, со стороны ца, и внучка генералъ-фельдмаршала графа А. И. Шувалова, стороны матери, повидимому, чувствовала отвращеніе къ браку умерла дѣвицею въ одинъ годъ съ княземъ Александромъ Босовичемъ. Такимъ образомъ, Куракинымъ не судьба была подниться съ Головкиными, несмотря на то, что объ этомъ хлоталъ еще самъ сподвижникъ Петра графъ Гавріилъ Ивановичъ, тавшій въ 1718 г. женить своего сына Михаила Гавріилона на княжнѣ Екатеринѣ Борисовнѣ Куракиной [3]).

Послѣднею попыткою князя Александра Борисовича, уже 1803 г., было сватовство къ камеръ-фрейлинѣ графинѣ Аннѣ лексѣевнѣ Орловой-Чесменской [4]). Старикъ графъ очень соствовалъ этому [5]), и молодая графиня была безъ ума отъ еликолѣпнаго" князя, но и тутъ побѣдила обычная нерѣшильность Александра Борисовича. Впрочемъ, этотъ романъ пешелъ впослѣдствіи въ трогательную дружбу и задушевную реписку.

Въ настоящей книгѣ „Архива" выступаетъ на сцену даройй братъ князя Александра Борисовича князь Алексѣй Бо-

---

[1]) См. стр. 256, № 1219.
[2]) См. стр. 310, № 1265.
[3]) См. т. II „Архива князя Ѳ. А. Куракина", стр. 397—402, 404—409, 411.
[4]) Род. 1783 г. мая 2, † 1848 октября 5.
[5]) См. письма графа Растопчина къ графу Воронцову за 1793—1814 гг. сскій Архивъ 1887 г., т. I, стр. 175.

рисовичъ Куракинъ, бывшій на семь лѣтъ его моложе. Такъ как въ послѣдующихъ томахъ его переписка будетъ занимать весьм видное мѣсто, то мы считаемъ не лишнимъ познакомить чита телей съ его біографіей, составленной г. Ивановымъ [1]).

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ родился 19 сентября 1759 г. Он началъ свою службу въ гвардіи. Императрица Екатерина II пожаловала ег камеръюнкеромъ; въ этомъ званіи онъ избранъ былъ въ 1780 г. въ засѣдател 1-го департамента верхняго земскаго суда, потомъ поступилъ въ канцелярі генералъ-прокурора князя Вяземскаго, гдѣ находился подъ начальством умнаго и дѣлового А. И. Васильева, впослѣдствіи графа и министра финан совъ, подъ руководствомъ котораго и образовалъ себя для гражданской служ бы. Въ это время онъ получилъ камергерскій ключъ, награжденъ орденам Св. Анны (1793 г.) и Св. Владиміра 2-ой степени (1794 г.) и чиномъ тайнаг совѣтника (1795 г.). Когда вступилъ на престолъ императоръ Павелъ I князь Куракинъ, имѣя только 37 лѣтъ отъ роду, назначенъ былъ главным директоромъ ассигнаціоннаго банка, генералъ-прокуроромъ (4 дек. 1796 г. и присутствующимъ въ совѣтѣ Его Императорскаго Величества, пожалован далѣе кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго (19 декабря) и вслѣдъ за тѣмъ министромъ департамента удѣльныхъ имѣній, канцлеромъ россійских орденовъ, съ сохраненіемъ прежнихъ должностей, дѣйствительнымъ тайным совѣтникомъ (5 апрѣля 1797 г.), кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаг (19 декабря того же года) на 38 году отъ рожденія; затѣмъ получилъ нѣсколь деревень и богатыя рыбныя ловли на Волгѣ. Въ 1798 г. ему ввѣрено главно попечительство надъ новоучрежденнымъ государственнымъ банкомъ для дво рянъ. Кромѣ того, исправляя должность генералъ-прокурора, Куракинъ завѣ дывалъ въ это же время тайною экспедиціею, коммиссіею составленія новаг уложенія (указъ 1796 г. декабря 4, № 17610); на него же возложены были обя

[1]) Опытъ біографій генералъ-прокуроровъ и министровъ юстиціи. 1864 Журналъ Министерства Юстиціи № 1 (приложеніе), стр. 65—68. Были и отдѣл ные оттиски этого сочиненія, съ портретомъ князя Алексѣя Борисовича, ра боты Скино, и съ его автографомъ. Въ вышеупомянутой родословной 1790 о князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ находятся слѣдующія свѣдѣнія: „Родился 1 сентября 1759 г. Служа въ 1774 г. сержантомъ, въ началѣ 1775 г. изъ от чества, для обученія наукъ, отправленъ въ академію лейденскую, гдѣ пробыл до августа 1776 г. Сентября 15 возвратился въ свое отечество, и 22 числ по именному Ея Императорскаго Величества повелѣнію, пожалованъ гвард прапорщикомъ и вступилъ въ службу. 1 января 1777 г. пожалованъ подпор чикомъ и отправлялъ при полку должность полкового адъютанта. Въ 1779 сентября 22 взятъ ко двору Ея Императорскаго Величества камеръюнкером При открытіи губерніи санктпетербургской, въ 1780 г., дворянствомъ выбран былъ въ засѣдатели верхняго земскаго суда. Въ 1783 г., по именному пов лѣнію, опредѣленъ совѣтникомъ въ экспедиціи по должности государственна казначея. Въ 1786 г. сентября 22 пожалованъ орденомъ Св. Равноапостол наго князя Владиміра 3-ей степени. Въ началѣ 1786 г., по выбору дворянств отправлялъ должность предводителя уѣзда софійскаго; въ томъ же году, фе враля 12, пожалованъ камергеромъ, и службу свою по сіе время продолжает въ той же экспедиціи на мѣстѣ статскаго совѣтника".

занности государственнаго казначея для управленія казенною частію. Князю Куракину, какъ генералъ-прокурору, поручено было также составленіе изъ существующихъ узаконеній трехъ книгъ законовъ: уголовныхъ, гражданскихъ и казенныхъ дѣлъ (указы 1796 г. декабря 16, 1797 г. мая 3, №№ 17752, 17654, 17978).

По вступленіи въ должность генералъ-прокурора, князь Куракинъ замѣтилъ огромное количество накопившихся нерѣшенныхъ дѣлъ въ департаментахъ сената и по общему собранію, число коихъ къ концу 1796 г. было по департаментамъ сената 11476 гражданскихъ и уголовныхъ и 360 гражданскихъ по общему собранію. Сенатъ не могъ и думать когда-либо привести ихъ къ окончанію тѣми средствами, которыя находились въ его распоряженіи. Кромѣ этихъ недостатковъ въ производствѣ, равно тягостныхъ для судей и судящихся, оказались оные и въ самомъ раздѣленіи занятій по департаментамъ: нѣкоторые изъ нихъ до того были обременены дѣлами, что не было физической возможности приготовить и половины къ докладу.

Вполнѣ постигая всю важность затруднительнаго положенія сената, отъ котораго страдало и само правосудіе, князь Алексѣй Борисовичъ немедленно представилъ Государю Императору проектъ преобразованія сената, заключавшійся въ новомъ распредѣленіи дѣлъ по департаментамъ и въ учрежденіи трехъ временныхъ департаментовъ. По проекту этому изъ всѣхъ департаментовъ должны составляться два общія собранія: одно изъ департаментовъ постоянныхъ, другое изъ временныхъ, что и было Высочайше утверждено (указы 1796 г. декабря 13, № 17639, и 1797 г. января 21, № 17751). Кромѣ того, со времени исправленія имъ должности генералъ-прокурора, обнародованы слѣдующія замѣчательныя узаконенія: 30 декабря 1796 г. установлено, въ случаѣ упущеній, учиненныхъ опекунами по дѣламъ малолѣтнихъ, дозволять послѣднимъ приносить на тѣ упущенія жалобы по достиженіи совершеннолѣтія (№ 17698); 17 января 1797 г. опредѣлено опубликовывать по имперіи правительствующему сенату исправленныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ (№ 17741); 1 апрѣля возбранено губернаторамъ отмѣнять, безъ разсмотрѣнія правительствующаго сената, наказанія, опредѣляемыя уголовными палатами (№ 17900); 5 апрѣля запрещено принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни (№ 17909); 9 іюля состоялся указъ о ябедникахъ, чтобы, сверхъ штрафа, публиковать о нихъ въ газетахъ за напрасное вчинаніе дѣлъ (№ 18055); 31 августа обнародовано наставленіе прокурорамъ межевыхъ канцелярій и конторъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „лучше представленіемъ ошибиться, нежели молчаніемъ“ (№ 18119); 25 сентября вмѣнено въ обязанность сенату обращать особенное вниманіе какъ на доставленіе, такъ и на продажу дровъ и фуража въ столицѣ (полн. собр. зак. № 18158). Съ 20 января 1797 г. велѣно ему присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Затѣмъ князь Куракинъ вышелъ въ отставку.

Императоръ Александръ повелѣлъ снова присутствовать князю Куракину въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената (1801 г.) и потомъ назначилъ его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (4 февраля 1802 г.). Онъ, благоразумнымъ управленіемъ ввѣреннаго ему края, пріобрѣлъ любовь и благодарность жителей, а сооруженіемъ каменныхъ благотворительныхъ и общественныхъ зданій въ Полтавѣ, служащихъ украшеніемъ городу, оставилъ тамъ по себѣ всегдашнюю память. Съ 1807 г. князь Куракинъ назначенъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ году (30 августа) удо-

стоенъ ордена Св. Владиміра 1-ой степени „за благовременныя распоряжені (какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ) разныхъ мѣръ, къ обезпеченію пр довольствія относящихся, расширеніе нужнѣйшихъ отечественныхъ мануфа туръ и удобнѣйшій распорядокъ медицинской части".

Въ 1810 г. князь Куракинъ отправленъ былъ государемъ въ Парижъ, д привѣтствія Наполеона, по случаю бракосочетанія его съ Маріею-Луизо Вскорѣ (1810 г.) князю Куракину повелѣно было присутствовать въ госуда ственномъ совѣтѣ, причемъ онъ исправлялъ неоднократно должность и пре сѣдателя онаго (1821 г.). Въ 1826 г. Куракинъ наименованъ канцлеромъ ро сійскихъ орденовъ, и, когда князь Лопухинъ назначенъ былъ предсѣдателе верховнаго уголовнаго суда, учрежденнаго надъ государственными преступн ками, велѣно князю Куракину, въ случаѣ болѣзни его, предсѣдательствова въ семъ судѣ.

Князь Алексѣй Борисовичъ скончался 30 декабря 1829 г., на 71 г. от рожденія, послѣ 50-тилѣтней усердной и полезной для государства службы. Имъ с ставленъ Высочайше утвержденный статутъ знака отличія безпорочной службы [1]

Князь Куракинъ оказалъ первое покровительство М. М. Сперанско знаменитому впослѣдствіи сановнику и графу. Первоначально принялъ онъ е къ себѣ въ домашніе секретари, а потомъ помѣстилъ на службу, въ 1797 г въ канцелярію генералъ-прокурора, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, по зв нію магистра, и жалованьемъ 760 руб. въ годъ. Далѣе, въ продолженіе по тора года отъ начала новаго служебнаго поприща Сперанскаго, князь исх датайствовалъ ему чины надворнаго и коллежскаго совѣтниковъ [2]). Княз Куракину также обязано улучшеніемъ своего положенія потомство Ломоносо по слѣдующему обстоятельству: Н. И. Ахвердовъ, архангельскій губернатор объѣзжая уѣзды своей губерніи, узналъ о томъ, что родная сестра Ломоносо живетъ въ крестьянскомъ быту; онъ написалъ о ней князю Куракину, а послѣдн доложилъ государю императору. Павелъ I подписалъ указъ объ избавленіи все потомства Ломоносова отъ подушнаго оклада и рекрутской повинности [3]).

Въ заключеніе позволяемъ себѣ выразить искренню благодарность почтенному издателю Русскаго Архива П. И Бартеневу, снабдившему эту книгу многими весьма цѣнны примѣчаніями [4]), а также нашимъ сотрудникамъ А. О. Лебеде и Г. П. Рофастъ, изъ коихъ первому принадлежитъ копиров помѣщенныхъ здѣсь документовъ Петровской эпохи, а второ копировка французскихъ писемъ и усердное содѣйствіе на при ихъ корректурѣ.

[1]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли Бантыша-Каменска ч. II, стр. 224—227.

[2]) Жизнь Сперанскаго, въ 1861 г. составл. барономъ Корфомъ, стр. 47.

[3]) Вѣстникъ Европы 1804 г., ч. XIV, № 8, стр. 312 „Н. И. Ахвердо или нѣчто о потомствѣ Ломоносова".

[4]) Они помѣчены буквами П. Б.

В. Н. Смольяниновъ,
директоръ Астраханской гимназіи.

БУМАГИ

КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

1713 г.

ПЕРЕПИСКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ

1092. Князь Б. И. Куракинъ—князю В. Л. Долгорукову.

1713 г. марта 3. Гага.

За отходомъ вскорѣ почты, не могу продолжить своего [пи]сьма, но объявляю вкратцѣ, что Англія нынѣ такъ къ миру [вс]ѣхъ скорому принуждаетъ, что не сумнѣваемся въ сихъ не[дѣл]яхъ уже то явнѣе видѣть, и потомъ нашимъ дѣламъ чаю [сча]тымъ быть.

Конте Вандернатъ сколько ни трудится, токмо не [ча]ю, чтобы въ дѣйство могъ произвесть. И уже въ остатней [ко]нференціи своей предлагалъ Статомъ о посылкѣ одного фре[гат]а къ Тонингу, который бы забралъ на себя всѣ письма [кан]целярныя и содержалъ въ цѣлости до окончанія дѣлъ въ [Гол]штеніи. Здѣсь на сіе обманное предложеніе догадливы, что[бы] тѣмъ однимъ фрегатомъ больше подвигнуть Англію въ по[сыл]ку своей эшквадры; и не чаю, чтобъ и на сіе резолюцію [дал]и. И чаю, что будутъ писать Статы къ королю датскому, [чт]обы тѣ письма велѣлъ сохранить при случаѣхъ, или бы ны[нѣ] приказалъ впустить.

1093. Болинброкъ (Сентъ-Джонъ)—фонъ-Литу.

1713 г. марта 6 н. с. Уайтголль.

La reine ayant considéré la lettre que vous avez rendue [de] la part de sa Majesté Tsarienne m'a ordonné de vous dire [là]dessus que le chevalier Sutton, son ambassadeur extraor[din]aire à la Porte Ottomane, ayant beaucoup surpassé dans

cet emploi le terme accoutumé, Sa Majesté avait, il y a dé quelque temps, résolu de le rappeler et de nommer un aut dans sa place. Vous voyez donc, Monsieur, que la reine i pourra plus envoyer d'ordres à un ministre qui ne sera p en état de les mettre en exécution. Sa Majesté pourra bi donner des instructions à celui qui ira remplir cette char sur les intérêts de Sa Majesté Tsarienne et elle se fera toujo un plaisir particulier d'avancer l'ouvrage de la paix de to côtés.

1094. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. марта 6. Гага.

По возвращеніи своемъ изъ Утрехта, получилъ пакетъ бо шой писемъ вашего превосходительства и съ приложенны грамотами и извѣстными письмами, и на тѣ письма ниже (ду доносить, а топерь объявляю о дѣлѣ министра голштеі скаго графа Фандерната.

Онъ, помянутый графъ, подавъ меморіалъ, имѣлъ съ (путаты конференцію, въ которой предлагалъ, чтобы Госп(Статы, по обязательству своей гварантіи, провинціи дука г(штейнскаго освободили отъ тѣхъ тягостей, которыя нынѣ і димы всѣмъ есть въ разореніи и въ насильномъ отнятіи всѣ его, дука, провинцій, отъ короля датскаго, и при томъ мно предъявлялъ резоны, что дукъ его неутральнымъ себя сод(жалъ; а что въ Тонингъ шведы вошли, то не чрезъ его, ду повелѣніе, но чрезъ обманъ военный. Къ сему-жъ объявля что сему можетъ быть причиною и самъ король датскій своими аліаты, что посланнаго курьера отъ его, дука, съ ук къ коменданту тонингскому, чтобы шведомъ отнюдь той к(пости не отдавалъ, не пропустили и въ арестѣ удержали. при всѣхъ многихъ доводахъ просилъ, чтобъ общимъ согла емъ Статомъ съ Англіею взять сходныя мѣры на то его пр(ложеніе, а особливе бы шквадру въ Балтическое море отп(вить

На то его предложеніе отвѣтъ статскій учиненъ, что они, аты, не находятъ причины никакой, чтобы трактатъ травен-льскій былъ нарушенъ со стороны короля датскаго, для того первое впаденіе учинено въ Голштейнію отъ шведовъ гра-ъ Штейнбокомъ, также и отдача крѣпости Тонинга, я и не повелѣніемъ правительствующаго дука, но дука на-дственнаго, то равно можетъ причесться со стороны его, а, несодержаніе неутральства.

Что же приналежитъ о тишинѣ въ имперіи, и того для длежитъ ему, дуку, адресоваться при собраніи министровъ перскихъ въ Брунсвикѣ и въ Вольфенбюттелѣ, чего для уже щертъ начинается дѣлать. А они, Статы, при нынѣшнихъ учаяхъ не находятъ сходна себя вмѣшивать въ другихъ ин-ресы.

И потомъ онъ, графъ Вандернатъ, видя уничтоженнымъ ъ его предложеніямъ, вдругорядь предлагалъ. Отставя всѣ и великіе запросы, просилъ Статовъ, чтобъ одну фрегату ѣли послать въ пристань Тонингскую и указъ дать капи-у, по прибытіи туда, ежели нужда требовать будетъ, чтобъ ъ, капитанъ, всѣ письма канцеляріи дука его забралъ на й корабль и содержалъ до утишенія, для того что есть сность, дабы отъ намѣреннаго бомбардированія оныя утра-ы не были. А дукъ его всѣ письма своей канцеляріи всег-содержалъ въ той фортеціи, а не въ Готторпѣ. Сіе взято доношеніе Статомъ.

И когда мы увѣдомились, то третьяго-жъ дня съ мини-омъ польскимъ многимъ персонамъ статскимъ съ своей сто-ы предлагали, чтобы того фрегата не посылать, и сія по-ка фрегата требуется не для сохраненія писемъ канцеляріи, для примѣра, къ чему-бъ охотнѣе Англія могла свою шква-у отправить. И отъ тѣхъ персонъ мы обнадежены, что всѣ предложенія за ничто здѣсь приняты; но развѣ Статы для ѣшенія дука голштейнскаго отправятъ грамоту къ королю скому, прося его, чтобы при всякихъ случаяхъ оныя письма щелярскія приказалъ хранить и дуку голштейнскому возвра-

тить, также и въ генеральныхъ терминахъ нѣчто молвять в интересъ его, дука, для облегченія отъ тягостей его землям И помянутый Вандернатъ отъѣзжаетъ скоро въ Англію.

Изъ Утрехта послѣднимъ письмомъ объявлялъ, что тра татъ о Каталоніи еще былъ не подписанъ, но прошлой су боты министры французскіе получили чрезъ нарочнаго курье указъ, чтобы тотъ постановленный трактатъ заключить и по писать. И третьяго дня цесарскіе и французскіе, и аглинск подписали такимъ образомъ.

Министры цесарскіе не хотѣли именовать въ томъ тракт тѣ Филиппа дука д'Анжу королемъ гишпанскимъ, и д убѣжанія тѣхъ трудностей они, министры цесарскіе, экземпля того трактата подписали съ аглинскими и размѣнялись; п надписаніи въ обоихъ цесарскіе, взявъ верхнее мѣсто, а п томъ аглинскіе министры, учиня другіе экземпляры, съ фра цузскими, подписавъ, размѣнялись, назвавъ короля Филип гишпанскимъ. А подписывали каждый у своего экземпляр взявъ нижнюю сторону и размѣнясь, и тѣмъ себя Франція с Англіею въ ровенствѣ показали.

Содержаніе того трактата, какъ я прежде сего доноси токмо въ прибавокъ требовано со стороны Франціи, чтобы до аустрижскій ренунціацію учинилъ вовся отъ монархіи гишпа ской,—и то не состоялось; а на требованіе цесарское, что время опредѣлить скорое о транспортѣ цесаревы и войскъ е изъ Каталоніи, и то не состоялось, а молвлено въ генера номъ терминѣ перевезти, какъ возможно наискорѣе,—а о армистиціи молвлено,—какъ въ Гишпаніи, такъ и въ Ита должна начата быть по надписаніи сего трактата въ пятна цать дней.

Той же прошлой субботы министры аглинскіе получи указъ и по тому указу четвертаго дня деклярацію именемъ к ролевы своей министрамъ аліатскимъ всѣмъ учинили, что к ролева по всѣмъ своимъ прилежнымъ стараніемъ Францію миру склонила и желаетъ, чтобы наискорѣе миръ заключить в семъ мѣсяцѣ. А особливе при томъ министрамъ статскимъ он

линскіе, объявили, что Франція къ удовольству ихъ во всемъ одна и часть каштелянства къ Ипру уступаетъ, также и къ рне, токмо безъ мѣстъ Мунтагіи и Санктъ-Амантъ; и помятыхъ министровъ статскихъ принуждаетъ, чтобы на сихъ дняхъ актать имъ вмѣстѣ съ ними, аглинскими, съ Франціею и шпаніею заключить, не предъявляя имъ много резоновъ, токо одно, что одни свои интересы всѣ вручили королевѣ ихъ, королева ихъ такимъ образомъ миръ учинить за благо находитъ.

На то министры статскіе отвѣтствовали, что учинятъ досъ статскому собранію, и при томъ говорили, чтобы вступь въ дѣла коммерціи съ Франціею и Гишпаніею трактовать, особливе о тарифѣ, прежде нежели миръ заключенъ будетъ. — то они, министры аглинскіе, имъ отвѣтствовали коротко, о коммерціи и тарифѣ могутъ трактовать послѣ заключе мира. При томъ же министрамъ цесарскимъ и цесарственъ особливе объявили, что ежели они трудность находятъ нѣ съ ними генерально миръ заключить, то королева даётъ мя до іюня перваго числа имѣть свои въ дѣлѣхъ рефлексіи въ тотъ терминъ или миръ учинить, или однимъ въ войнѣ аться. — На что графъ Цинцендорфъ сказалъ, что они ръ учинить генерально съ другими аліаты готовы, токмо онъ нужденъ будетъ послать ко двору курьера и требовать въ олненіе къ своимъ инструкціямъ указовъ.

Я на всѣ здѣшніе слабые поступки, какъ вижу, чаю, что орѣ все то учинятъ, какъ Англія нынѣ имъ повелѣваетъ, чего опасаются, чтобъ она, Англія, партикулярнаго мира заключила, что, оставшись, имъ однимъ труднѣе будетъ а свои къ концу приводить. И не могутъ быть, чтобы за діатора её, Англію, потомъ не употребить, что еще можетъ слѣдовать горшее, нежели топерь.

И чрезвычайно Статы собраніе учинили, и депутатовъ по имъ городамъ послали съ объявленіемъ помянутаго предлоиія, и на сихъ дняхъ объявится, какую резолюцію возьмутъ.

По всѣмъ тѣмъ дѣламъ изволите видѣть, какимъ насиліемъ глія со всѣми поступаетъ, а особливе съ здѣшними Господами.

Сего утра увѣдомился, что предложено въ собраніи стат скомъ о дачѣ пашпортовъ министрамъ дука баварскаго и ко лонскаго, и чаю, что вскорѣ даны и посланы будутъ.

Приватно резидующій министръ короля польскаго (называет ся Вансомъ), который уже нѣкоторые годы все былъ пр дворѣ французскомъ, при отъѣздѣ моемъ изъ Утрехта, быв у меня, говорилъ объ общихъ нашихъ интересахъ. И межд тѣмъ привелъ въ разговоръ ко двору французскому, что он того дня былъ у маршала д'Юкселя, который ему говорилъ что король его есть ли въ прежнемъ намѣреніи принять корол французскаго за медіатора. На что онъ, Вансомъ, не отреке и сказалъ, что онъ надѣется,—не токмо одинъ король его з медіатора Францію приметъ, но и его аліаты. И на то пом нутый маршалъ д'Юксель сказалъ, что королю его то пріятн будетъ, токмо онъ желаетъ, чтобы министры его царскаго ве личества и короля датскаго ему предложили, требуя медіац отъ Франціи, по чему-бъ онъ могъ свободно въ тѣ дѣла вступить рапортъ своему двору учинить. И при томъ помянутый Вансом требовалъ на то все моего мнѣнія. Чего для, видѣвъ его весьм той факціи французской, не хотѣлъ съ нимъ пространно в разговоръ вступить, сказалъ ему, что я не чаю и самого сходст къ тому короля его, такимъ же образомъ и отъ его аліатов для частыхъ премѣнъ въ дѣлѣхъ, а особливе по нынѣшним новинамъ турецкимъ, и надлежитъ прежде усматривать дѣл здѣшнія, нежели обязываться самимъ.

По сему его разговору изволите видѣть, что желаніе то польскаго двора есть, чрезъ кого бы ни есть, токмо ищет миръ съ шведомъ учинить.

О дѣлахъ аглинскихъ не пишу, для того извѣстно будетъ чре письма господина Лита. А о посылкѣ шквадры милордъ Стра фордъ еще здѣсь Статомъ не предлагалъ, токмо въ разговорѣ говорили оба министра аглинскіе министрамъ статскимъ въ Ут рехтѣ, что, по окончаніи ихъ дѣлъ мирныхъ съ Франціею, чают быть сходно съ интересы ихъ обѣимъ потенціямъ морскимъ вступит въ дѣла воюющихъ сѣверныхъ, искать способа ту войну прекратит

Баронъ Ботмаръ, министръ курфюрста ганноверскаго, еще сюды не бывалъ. И ежели здѣшнія дѣла къ миру сходны будутъ, какъ теперь чаемъ, тогда не чаю ему тѣ извѣстныя предложенія чинить.

О дѣлахъ турецкихъ не доношу, вѣдая, что вамъ извѣстно есть о томъ, что салтанъ короля шведскаго велѣлъ въ Сефа-донію сослать. Здѣсь на сіе еще мало разсужденіе имѣютъ, не чая, чтобы то могло статься.

Отъ графа Колліерса вчерась получено письмо къ Статамъ изъ Константинополя, старое, отъ 12 генваря, которое, знатно, что на дорогѣ залежалось, въ которомъ пишетъ и подтверждаетъ на прежнія свои о премѣнѣ дѣлъ при Портѣ, и что имъ было вѣдомо, что салтанъ отправилъ одного въ Бендеръ о высылкѣ короля шведскаго; и что изъ того произошло, еще о томъ они были несвѣдомы по то число.

Въ письмѣ вашего превосходительства, подъ № 6-мъ, указомъ его царскаго величества мнѣ повелѣно, въ бытность въ Утрехтѣ какимъ образомъ поступать при случаѣ въ церемоніяхъ съ министры другихъ потенцій, и по тому поступать, а паче смотрѣть буду, чтобъ убѣгать отъ церемоніала, какъ возможно.

Указано мнѣ взять четырехъ человѣкъ изъ обрѣтающихся въ ученіи навигаторскомъ,—и по тому указу возьму тѣхъ, которые мнѣ тутъ есть. А впредь прошу мнѣ опредѣлить хотя двухъ человѣкъ изъ тѣхъ навигаторскаго ученія, чтобы всегда быть при мнѣ, въ чемъ немалую нужду имѣю для посылокъ. И надѣюся впредь доносить и просить его царское величество, къ чему прошу и вашего превосходительства вспоможенія.

А о Ригѣ и Лифляндахъ нынѣ вновь опредѣленіе есть, какъ я изъ копій посланнаго указа къ князю Трубецкому уразумѣлъ, — и по тому впредь, ежели случай позоветъ, буду поступать. Токмо желаю вѣдать, ежели князь Трубецкой о семъ тому двору предложеніе чинилъ, для того, чтобы мнѣ прежде здѣсь о томъ, когда нужда позовётъ, не объявить.

Письмо къ г. Литу отправлено, и при томъ къ нему писалъ, чтобы мнѣ сообщилъ, что̀ будетъ въ тѣхъ дѣлѣхъ происходить. Я ему совѣтовалъ, чтобы не скоро въ семъ дѣлѣ по-

ступать, смотря на начинаніе нынѣшняго парламента, на что еще чаяніемъ въ премѣнѣ дѣлъ тамошнихъ нѣкако себя льстятъ, также и на дѣла здѣсь мирныя смотрѣть; хотя, и противъ всѣхъ чаянія, по вышепомянутой нынѣшней деклярацiи, ежели кампанія и начнется, то сумнѣваться надобно, чтобы резолюцію взяла Англія свою эсквадру въ Зундъ послать.

При тѣхъ же письмахъ вашего превосходительства получилъ дубликатъ отъ № 5-го, котораго орижинальное еще по се число не бывало. И въ томъ письмѣ объявлено указомъ царскаго величества мнѣ, чтобы, при заключеніи мирныхъ трактатовъ у аліатовъ съ Франціею, престерегать интересы его царскаго величества и его аліатовъ, обще согласясь съ датскимъ и польскимъ министры,—и то все по моей повинности надлежитъ мнѣ чинить, въ чемъ по се число не упущено есть, и и впредь съ тою-жъ прилежностью смотрѣть буду.

Сего ради понудило меня топерь пространно доносить, что бы при съѣздѣ въ Утрехтѣ и внѣ при заключеніи мирныхъ трактатовъ у аліатовъ съ Франціею могло касаться къ интересомъ его царскаго величества,—и на то все, усматривая по состоянію здѣшнихъ дѣлъ, въ такомъ мнѣніи себя нахожу.

По окончаніи всѣхъ главныхъ дѣлъ у аліатовъ съ Франціею министры французскіе будутъ предлагать по обязательству своей гварантіи трактата вестфальскаго, чтобъ оный былъ содержанъ во всемъ ненарушимо, а особливо провинціи въ имперіи, принадлежащія къ коронѣ шведской, по тому трактату были содержаны непоколебимо, и завоеванные, т.-е. городъ Штадъ и другіе, шведомъ нынѣ возвратить. И будутъ стараться, чтобы при нынѣшнихъ мирныхъ трактатахъ помянутый вестфальскій трактатъ подтвердить. какъ уже оная Франція въ началѣ самаго съѣзда въ Утрехтъ, въ первыхъ своихъ предложеніяхъ, упомянула.

Мое мнѣніе есть такое: Англія къ желанію Франціи помощникомъ будетъ для многихъ причинъ, какъ для интереса своего, что приналежитъ къ религіи протестантской въ имперіи, такъ и для интереса Швеціи и обязанія нынѣшней дружбы съ нею, Франціею.

Цесарь, хотя-бъ и былъ противенъ тѣхъ намѣреній, токмо состояніи слабомъ такъ есть, что и въ нужныхъ своихъ тересахъ всё упустилъ и послѣдуетъ повелѣнію другихъ. И аго слабость есть явна: что принадлежитъ къ релижіи простантской въ имперіи, уже министры имперскихъ принвъ протестантскихъ съ цесарскими нынѣ въ Утрехтѣ сописъ, что артикулъ четвертый трактата рисвикскаго имѣетъ ть отставленъ, и въ Верхнемъ Палатинатѣ и въ Ольсаціи ивилежіи вольныя релижіи протестантской имѣютъ учинены ть, какъ прежде было до того рисвикскаго мира. Цесарство е въ той же слабости находя себя, а другіе еще и паче для отестантской релижіи въ свои интересы пожелаютъ тотъ стфальскій трактатъ подтвердить.

Здѣшніе Господа Статы, хотя и не съ прямого намѣренія, равнаго мнѣнія находить себя съ другими принуждены бутъ; а для возвращенія завоеванныхъ городовъ, Стада и друхъ, заключатъ, чтобы всѣ аліаты, согласно датскаго и польаго, принудили шведу возвратить и войска свои ретировать, такимъ образомъ тишину въ имперіи постановить.

И по всѣмъ обстоятельствомъ видится, что къ предосужнію нашему сіе дѣло приведено быть можетъ. Но къ прережности помянутаго дѣла въ интересъ нашъ мы согласно, льскіе министры и я, многажды имѣли и имѣемъ нарочные зговоры съ министры цесарскими, такъ и съ Статы и другими атскими, желая ихъ вѣдать мнѣніе, какимъ бы образомъ мъ помощники явилися, и при томъ предлагая имъ, чтобы анцію, ни Англію не допускать вмѣшаться въ дѣла ихъ собвенныя въ имперіи, и чтобы тѣ дѣла здѣсь при конгрессѣ заключали, а отсылали бы до конгресса имперіи, а особве до нынѣшняго начатаго конгресса въ Брунсвикѣ и въ льфенбюттелѣ, что разсуждаемъ быть къ лучшему нашему тересу, нежели здѣсь.

На всѣ тѣ наши предложенія кратко отвѣтствуютъ, что и и въ самыхъ своихъ главныхъ интересахъ всё упустили и слѣдуютъ во всемъ Англіи и Франціи.

И по всему видится, что въ семъ дѣлѣ намъ никакого упованія нѣтъ, и ежели бы что могло еще больше учинено быть къ предосужденію нашихъ интересовъ, то весьма учинится, для того что всѣхъ своихъ пріятелей при томъ конгрессѣ имѣемъ такъ безсильныхъ, что ни сами себя въ своихъ властныхъ интересахъ могутъ охранить.—И для той слабости въ дѣлѣхъ никакого надѣянія въ нашъ интересъ не видится.

Министръ датскій въ Утрехтъ еще не бывалъ, и не слышно о томъ, что будетъ.

Министры польскіе, графъ Вертернъ отозванъ, графъ Лоняско ко двору отъѣхалъ. Я также, усматривая случай и время, объявить себя при томъ конгрессѣ удерживаю и продолжать частымъ своимъ наѣздомъ въ Утрехтъ буду для того, чтобы мнѣ своимъ объявленіемъ не позвать больше нынѣ ко вступленію Францію и Англію въ дѣла наши. А когда время и случай позовётъ, тогда принужденъ буду ѣхать и объявить себя при томъ съѣздѣ.

Я усмотрѣлъ чрезъ многія обстоятельства дѣлъ и разговоры до сего времени и до премѣны дѣлъ турецкихъ, нынѣ которыя есть въ нашъ интересъ, что Англія и Франція не намѣрены были намъ обще съ аліаты нашими свою медіацію предлагать, но намѣрены каждаго особливе нашихъ аліатовъ отъ насъ отлучить, къ миру партикулярному принудить, а потомъ насъ оставить однихъ со шведомъ въ войнѣ, и возставя его въ силу, чтобы тѣмъ образомъ могли въ прежнія его состоянія привесть.

Изволите увидѣть изъ прежнихъ моихъ доношеній разговоръ бывшій въ Утрехтѣ, со мною милорда Страффорда. Сказалъ что онъ не находитъ трудности къ миру ни датскаго короля ни польскаго съ королемъ шведскимъ такъ, какъ царскаго величества, для того что все завоеванное отъ шведа его царское величество удержать хочетъ, а со стороны Швеціи уступленія не будетъ. Также министры французскіе предъ нѣсколькими мѣсяцами предлагали свою медіацію токмо однимъ польскимъ и датскимъ, выключая министра царскаго величества.

Бискупъ бристольскій явно графу Вертерну, министру польскому, сказалъ, что онъ, бискупъ, не чаетъ, чтобы королева дала имъ указъ нынѣ, при конгрессѣ утрехтскомъ, въ дѣла сѣверныя вмѣшиваться, но будемъ потомъ искать способъ къ утишенію той войны. Еще явный въ подтвержденіе того доводъ есть, что милордъ Болинброкъ, статскій секретарь, недавно министру датскому объявилъ, что королева его намѣрена эскадру свою отправить въ Зундъ, чтобы тѣмъ принудить короля его къ миру со шведомъ.

И по всему видимо, что Франція и Англія намъ обще предлагать свою медіацію не намѣрены, и намѣрены, отлуча нашихъ аліатовъ отъ насъ, въ войнѣ насъ оставить и для своего интереса какъ шведа, такъ и Польшу въ большую силу возставить на предбудущее къ намѣреннымъ своимъ воспріяніемъ, которыя здѣсь быть могутъ, для того усматривая, хотя-бъ и миръ здѣсь чрезъ насиліе ихъ, аглинское, генеральный нынѣ учиненъ былъ, но постояненъ быть не можетъ.

Но по премѣнѣ дѣлъ турецкихъ, какъ видимъ нынѣ, въ нашъ интересъ и изъ новинъ слышимъ двояко, что король шведскій будетъ высланъ, но другіе подтверждаютъ, что за арестъ взятъ и въ Цефалонію въ ссылку будетъ сосланъ. И ежели только-что будетъ высланъ, то я того мнѣнія, что помянутыя обѣ потенціи не будутъ стараться, чтобы насъ обще съ аліаты нашими примирить; а ежели оный король шведскій въ ссылку сосланъ и въ арестѣ содержанъ будетъ, то не сумнѣваюся, чтобы намъ тогда обще онѣ, помянутыя державы, информе свою медіацію не предложили и къ принятію той не понуждали. И въ таковомъ случаѣ я по данной мнѣ инструкціи поступать буду, однакожъ для премѣнъ въ дѣлѣхъ турецкихъ, ежели король шведскій въ ссылку посланъ будетъ, и ежели бы что должно къ дополненію прежнимъ указомъ, желалъ бы мнѣнія тѣ чрезъ вашего превосходительства письмо вѣдать или и чрезъ особливый указъ.

На всѣ вышепомянутыя мои доношенія я предусматриваю въ пользу нашихъ интересовъ впредь паче всего, что чрезъ

нынѣшнюю негоціацію, какъ Англія отлучилась отъ аліатовъ сообщилась съ Франціею, и въ семъ таковомъ случаѣ показал явно, что потенція его царскаго величества есть нужна и обязанію въ общій интересъ Европы съ цесаремъ и цеса ствомъ и здѣшнею республикою, которое согласіе невольно инте ресы обязано и содержано будетъ, для того что нынѣшні миръ невольный вышепомянутымъ потенціямъ будетъ и весьм предосудительный и не можетъ впредь постоянный быть, и премѣнъ вскорѣ по заключеніи мира ожидать надобно. И так предусматривается, что новая война въ недолгомъ времени при нуждена будетъ начаться.

И таковыя мнѣнія на всѣ вышепомянутыя мои доношені по состоянію дѣлъ нынѣшнихъ видятся, но паче покажет каждое въ свое время. А хотя бы припадочные случаи премѣ ны учинили, то не можетъ причесться къ погрѣшенію.

Милордъ Страффордъ, по пріѣздѣ своемъ вчерась из Утрехта, бывъ у меня, между многими разговоры говорилъ, чт Англія никакой противности интересомъ его царскаго величе ства по се число не являла, но слышитъ онъ, милордъ, чт его царское величество неблагодарнымъ нынѣ является, и нѣ которыми образы угрозы хотятъ быть, отъ чего Англія весьм безопасна себя находитъ. И говорилъ, что не есть въ том намѣреніе самовольное его царскаго величества, но онъ чает по прошенію короля датскаго. И при томъ засвидѣтельствовалъ что Англія ничего не ищетъ, чтобы въ добромъ согласіи и любви съ его царскимъ величествомъ пребыть. На что я ему отвѣтствовалъ, что его царское величество равнымъ же обра зомъ ничего такъ не желаетъ, чтобы съ ея королевинымъ ве личествомъ въ добромъ согласіи пребыть; а чтобъ являлись нѣ которая неблагодарность и угроженіе, я ниоткуль о томъ из вѣстенъ не былъ, и надѣюся, что сіе разглашеніе для ссоры нарочное есть со стороны непріятельской. А что принадлежитъ къ интересамъ короля датскаго, то весьма его царское вели чество принужденъ на тѣ смотрѣть и хранить такъ, какъ свои. И по нѣкоторымъ о томъ разговоромъ онъ, милордъ, мнѣ объ-

лъ, что они указъ отъ королевы получили миръ съ Фран-
ею въ скорыхъ дняхъ заключить, и потомъ Англія и другія
тенціи похотятъ видѣть тишину въ Европѣ, а особливе въ
періи. Того для онъ находитъ сходно, чтобъ искать способъ
инить неутральство въ имперіи и чрезъ то бы войска его
рскаго величества изъ имперіи вывести, равнымъ же обра-
мъ и шведскія принуждены выведены быть. И ко вступленію
то дѣло, спрашивалъ меня, что я имѣю ли инструкцію и
азы на то, и полномочную, а ежели не имѣю, чтобъ о томъ
ору донести мнѣ немедленно, требуя указа въ тѣ дѣла всту-
ить. На то я ему сказалъ, что тѣ дѣла приналежатъ власт-
ихъ интересовъ имперіи, и того для надѣюся сходнѣе о томъ
актовать, ежели имперія похочетъ, при собраніи имперіи, а
обливе при конгрессѣ въ Брунсвикѣ и въ Вольфенбюттелѣ;
я указа о томъ не имѣю и буду о разговорѣхъ вашихъ
ору доносить. И услыша отъ меня о конгрессѣ брунсвикскомъ,
азалъ коротко, что тотъ конгрессъ дѣлается парціальный къ
едосужденію шведскому.

Я ему не хотѣлъ силою той грамоты, которая къ цесарю
ъ царскаго величества послана, отвѣтствовать, для того что
ъ опискѣ продолжительное время будетъ, между которымъ
еменемъ дѣла въ Голштейніи могутъ окончаться. И такимъ
епротивнымъ отвѣтомъ можетъ то время въ противныхъ сво-
ъ вымыслахъ къ нашимъ интересамъ покойнѣе быть.

Однакожъ прошу въ запасъ указа, ежели выходомъ войскъ его
рскаго величества здѣсь понуждать будутъ, какимъ образомъ въ
мъ поступать надобно. А отъ цесарскихъ министровъ и здѣсь отъ
татовъ мнѣ никакого предложенія о томъ не учинено по се число.

Здѣсь получена вѣдомость, что королева аглинская гораздо
ольна.

Министры савойскіе, португальскіе обѣщали аглинскимъ съ
ими общій миръ заключить, а прусскіе еще ожидаютъ отъ
вора указа, о чемъ нарочнаго курьера ко двору отправили.

Баронъ Ботмаръ, министръ ганноверскій, бывъ у меня
его утра, говорилъ именемъ курфюрста своего объ извѣстныхъ

войскахъ, чтобы взяты были въ службу аліатскую; съ сво
стороны, а не по желанію царскаго величества, предлага
цесарскимъ министрамъ и ратпенсіонарію. И на то графъ Ци
цендорфъ сказалъ, что согласиться надлежитъ прежде
Статы. А ратпенсіонарій ему, Ботмару, сказалъ, что нынѣшн
времена не допускаютъ къ тому дѣлу, и смотрѣть надобно
скорыхъ дняхъ, миръ ли учиненъ будетъ, или война продо
жится, и потомъ можно свою резолюцію къ тому дѣлу взя
и намѣреніе ихъ объявить.

1095. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. марта 10. Чрезъ Берлинъ.

Какъ я въ прежнемъ своемъ прошлой почты объявилъ, к
кой разговоръ имѣлъ со мною милордъ Страффордъ о в
водѣ войскъ его царскаго величества изъ имперіи, того д
желалъ вѣдать, ежели то есть въ намѣреніи другихъ, ка
цесаря и Господъ Статовъ, и говорилъ съ ратпенсіонаріем
который мнѣ сказалъ, что онъ, милордъ Страффордъ, имъ
семъ не предлагалъ. Равнымъ же образомъ чрезъ другихъ
отъ графа Цинцендорфа я также увѣдалъ. И увидѣвъ
милорда Страффорда о нихъ разнаго мнѣнія, того для проси
помянутыхъ обоихъ, цесарскаго и статскаго, министровъ, что
имѣть конференцію. И, бывъ, имъ предлагалъ. Явно изъ се
видится,—нѣкоторое намѣреніе есть Англіи и Франціи въ Р
свикѣ вмѣшиваться въ интересы имперіи, и разглашенный пре
нѣсколькимъ временемъ проектъ къ концу своему привес
хотятъ, чтобы шведу свободныя руки сдѣлать и въ импер
вновь войну о релижіи ввесть. И при томъ другія причи
объявлялъ и предлагалъ имъ, чтобъ, упреждая всего того, о
весьма престерегали не допускать въ тѣ дѣла имперіи её, А
глію, мѣшаться, также и Францію. На что оба помянутые м
нистры мнѣ обѣщали, то весьма престерегать будутъ. И г
ворили обще, ежели будетъ начинаться то дѣло предложеніе

ь нимъ отъ Англіи, то не находятъ иного способа, чтобы то ло здѣсь въ Утрехтѣ не начинать и въ собраніе Ратисбоны и въ другое мѣсто имперіи отсылать.

И при томъ графъ Цинцендорфъ говорилъ мнѣ, что шведій министръ Пальмквистъ многократно ему говорилъ, что дѣла ихъ начаты были нынѣ въ Утрехтѣ, что приналеть въ имперіи къ провинціямъ, приналежавшимъ къ коронѣ ведской, и по вестфальскому трактату оныя бы за оною роною подтвердить. И на то онъ ему, Пальмквисту, до ъ мѣстъ отговаривался многодѣльствомъ своимъ и впредь бѣщалъ также продолжать, но на конецъ сей негоціаціи, ели Англія и Франція что похотятъ учинить, трудно отъ го убѣжать.

Помянутый же Цинцендорфъ говорилъ потомъ въ разговоъ и разсуждалъ, какой конецъ можетъ быть дѣламъ въ Голштей. И ежели аліаты сѣверные не могутъ войско шведское въ штейніи разорить, или время къ тому чрезъ что не допуть, то лучше искать способъ учинить неутральство такимъ разомъ, чтобъ какъ войскамъ его царскаго величества изъ періи ретироваться и другимъ, такъ и тому шведскому корпусу въ ецію перевезену быть, и тѣмъ тишину въ имперіи постановить.

Я ему сказалъ, что сѣверные аліаты въ надѣяніи томъ, о та армія непріятельская разорена будетъ; а ежели бы случай ъ пришелъ къ нейтральству, то лучше его имъ для своего стнаго интереса учинить концертъ въ имперіи, нежели здѣсь.— ежели впредь что придетъ къ самому дѣлу до сего нейтральа, то буду поступать въ томъ по содержанію грамоты, отвленной отъ его царскаго величества до цесаря, также буду оситься съ г. фельдмаршаломъ княземъ Александромъ Даничемъ Меншиковымъ.

Объ извѣстныхъ судахъ, которыя съ провіантомъ въ Тонингъ ъ Фришляндіи были отправлены, нынѣ сюда возвратилися. А нѣ въ Амстрадамѣ два фрегата шведскіе, по 24 пушки, кумни торговыхъ людей и подъ шведскими флаги нагружаются бомъ и другими провизіи. И ищемъ какъ датскій и польскій

министръ, и я, чтобъ ихъ остановить, но отправляются о тѣхъ купцовъ подъ тѣмъ претекстомъ, что идутъ въ Лисбон И по се число обнадежены въ удержаніи тѣхъ быть не можем

Король прусскій отвѣтъ на письмо статское учинилъ Верхней Гельдріи гораздо здѣшнимъ Господамъ непріятно, ч онъ, король, въ той же претенсіи застаётъ, какъ и отецъ ег и что право имѣетъ съ Франціею о томъ трактовать, поне принадлежитъ дому Бурбонскому, или другимъ образомъ ц сарю, а не имъ, Статомъ.

Здѣсь отъ сего короля первый знакъ за худой приняли опасность находятъ, чтобы, сверхъ всѣхъ чаянія, Франція св кредитъ нынѣ паче не уставила. И разсуждается тому быть н чалу чрезъ войну сѣверную, что она, Франція, по учинен генеральнаго мира, приславъ своего посла къ тому двору, н упустить своего времени интриговать и короля прусскаго сѣверную войну приводить, и Прусами Польскими, и Курл діею прельщать.

И о той Гельдріи цесарскіе министры взялись между Ст ты и королемъ прусскимъ посредство искать, а особливе, что имъ, Статомъ, нѣчто изъ того оставлено было. И какъ здѣсь в димъ, что здѣшніе Господа готовы на все позволять, токмо бы ми скорѣе къ концу привести, опасаяся, чтобы чего отнято не был

Предъ четырьмя днями министры ихъ, статскіе, въ Утрех французскимъ предлагали, чтобы Верхней Гельдріи за ни остаться; но взаимно за то Франціи они обѣщали уступи изъ своего барьера Ипръ и Турне. И тѣ пропозиціи фра цузскіе министры откинули.

Дѣла мирныя къ концу своему коротко приходятъ, так что ежели премѣны какой незапно не придётъ, а особливе Англіи, то весьма миръ на сихъ недѣляхъ заключенъ будет И всѣ тѣ дѣла состоятся въ томъ, — въ бытность свою здѣ милордъ Страффордъ объявлялъ, что Франція миръ сошла учинить, а что еще не достаётъ, то сходство при заключен будутъ находить, и чтобы Статы обще, не отлучась отъ А гліи, нынѣ миръ съ Франціею заключили. На то они, Стат

го обнадежили и сказали, что сходны къ заключенію мира, ежмо прежде, по установленію своихъ законовъ, должны депутатовъ по провинціямъ послать и о томъ отъ нихъ только подтверженіе взять. И тѣ депутаты вчерашняго дня посланы и ъ предбудущую недѣлю всѣ поворотятся.

Между всѣмъ тѣмъ еще здѣсь на послѣднее упованіе ожиется вѣдомость изъ Англіи, какой премѣны или революціи ри входѣ нынѣшняго парламента королевы, съ объявленіемъ ира, или смерти ея, королевы, понеже какъ послѣднія письа оттуль объявляли, что она при самомъ страхѣ въ олѣзни своей обрѣталась. И на сей остатней почтѣ олучили вѣдомость, что въ Англіи съ пятьдесятъ кораблей енныхъ экипуютъ. И топерь уже двояко разсуждаютъ объ аправленіи въ Балтическое море и чаютъ, прежде не будетъ и оный флотъ употребленъ для перевоза въ Англію принца аллиса. Къ сему-жъ сходно и французскія письма являютъ, о флотъ во французскихъ корабляхъ пріуготовляется.

Того для здѣсь для всякаго случая къ своей предосторожести тайный дали указъ, чтобы готово было пятьдесятъ кооблей и нѣсколько судовъ транспортныхъ.

Какъ могъ увѣдать, что ганноверскій курфюрстъ трактатъ ъ Голландіею тайно учинилъ союза оборонительнаго и наступательнаго въ силѣ о сукцессіи короны аглинской. И потомъ акже о томъ трактатъ тройной заключенъ между помянуты-и-жъ потенціи и цесаремъ.

По всѣмъ обстоятельствомъ дѣлъ здѣшнихъ, слагая по времени, всѣ здѣсь разсуждаютъ и не сумнѣваются, чтобы премѣнъ въ Англіи и замѣшанія какого нынѣ не было. Но будемъ то желательно ожидать и не вздыхать.

Я запомнилъ въ прежнемъ письмѣ написать, что въ разговорѣхъ своихъ милордъ Страффордъ мнѣ сказалъ, что онъ летъ Витворту поворотиться или ко двору его царскаго величества, или въ иное мѣсто пристойное, гдѣ бы, бывъ, огъ въ дѣла сѣверныхъ воюющихъ вступить, для того что о сѣхъ тѣхъ интересахъ онъ свѣдомъ.

Здѣсь получена вѣдомость о королѣ шведскомъ, что взя турками и въ ссылку повезенъ, о чемъ буду ожидать обсто тельной конфирмаціи и смотрѣть потомъ, какія мѣры къ то будутъ здѣсь примать.

Въ письмѣ же вашего превосходительства, подъ № 7-м написано, что я говорилъ отъ стороны царскаго величества Ригѣ, чтобы вольнымъ (городомъ) оставить, и я о томъ только ратпенсіонаріемъ собою говорилъ, а не предложеніемъ отъ ца скаго величества,—такъ, какъ мнѣ указъ повелѣлъ.

1096. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину.

1713 г. марта 10. Гага.

Надѣяніе здѣшнихъ, по смерти отца его, отъ нынѣшня короля обратилось весьма противнаго мнѣнія, какъ прош почты Статы получили грамоту отвѣтную отъ него, коро прусскаго, на свою, что прилежитъ въ дѣлѣ извѣстно Верхней Гельдріи, въ которой твердыми термины отвѣтствова такъ, что имѣетъ къ тому претензію, какъ и отецъ его, и ч право есть ему трактовать о томъ съ Франціею, понеже пр належитъ дому бурбонскому, также и другимъ образомъ до аустрижскому, а не имъ, Статомъ.

Сей отвѣтъ не однимъ Статомъ далъ много о себѣ дума но многимъ. Но хотя думали о семъ принцѣ, что склонн былъ и будетъ, какъ нѣмцы говорятъ, a la coza commun но въ томъ мнѣніи разсуждаютъ быть обманутымъ. И весь признаваютъ, что въ томъ дворѣ факціи французской внесенн быть. Я не безъ опасности нахожу къ нашимъ дѣламъ сѣве нымъ: и ежели въ войну явно не замѣшаются, то весьма б дутъ искать быть медіаторомъ насильнымъ и при томъ урва куска себѣ изъ сей войны не упустятъ.

Помянутому дѣлу о Гельдріи посредство находятъ чрезъ м нистровъ цесарскихъ, чтобы нѣкако раздѣлить. Однакоже в противнаго чаянія, что ни прусскій дворъ, ни Франція не п

ѣетъ уступить Статомъ; но здѣшнимъ Господамъ послѣдство-
ъ будетъ во всемъ волѣ Франціи.

Министры аглинскіе уже мнѣ говорили, чтобы войска его
скаго величества выступили вонъ изъ имперіи, и я о семъ
ру доносилъ. И слышу, по заключеніи своего трактата, бу-
ъ меня атаковать во многомъ.

Здѣсь дѣла о мирѣ въ томъ состоятъ, каковы предложенія
раффордъ нынѣ вновь учинилъ, и тѣ провинціямъ послали
ортъ учинить. Однакожъ, между тѣмъ, Статы его, Страф-
да [обнадежили], что они миръ вмѣстѣ съ ними заключить
овы, токмо должно, по правомъ ихъ республики, информе
воленіе отъ провинцій на то имѣть, для чего они и депу-
овъ нарочно послали. А что приналежитъ къ городу
стердаму, будто находится въ немъ трудность, чтобы та-
ъ былъ при томъ же мирѣ заключенъ; токмо сіе, чаютъ,
будетъ внѣ окончаній оставлено.

Поздравляю съ счастливыми вѣдомостьми, что король швед-
взятъ турками и въ ссылку повезенъ. Дай, Боже, чтобъ
лъ на сіе вѣрную конфирмацію.

Господинъ Гимменъ отсель отозванъ, и велѣно быть од-
у резиденту; сіе паче непріятный знакъ придаётъ.

Громксоу здѣсь въ славѣ, и о немъ много разсуждается
есть противно здѣшнимъ, а весьма французскимъ.

1097. Князь Б. И. Куракинъ—барону П. П. Шафирову.

1713 г. марта 10. Гага.

Полезныя къ намъ пришедшія нынѣ новины дали знать о
ѣнѣ дѣлъ турецкихъ въ интересъ его царскаго величества,
король шведскій въ арестъ взятъ и высланъ вонъ безъ
кой протекціи будетъ вскорѣ. Того для въ надѣяніи себя нахо-
свободнымъ вамъ быть, мой государь, и, не упуская вре-
и, сообщаю о состояніи всѣхъ дѣлъ.

Между Франціею и аліатами, кратко сказать, что миръ на
ь недѣляхъ, а конечно до мая мѣсяца, заключенъ будетъ;

такъ Францiя въ ту силу пришла, что всѣми повелѣваетъ. I заключенiе сего мира такъ къ предосужденiю всѣхъ алiатовъ что цесарю только Миланъ и Неаполь. Дукъ баварскiй в прежнее достоинство пришелъ.

Министры гишпанскiе скоро сюда въ Утрехтъ прибудутъ.

Здѣшняя република въ такомъ страхѣ пребываетъ, что ни когда такъ была, и Верхнюю Гельдрiю, чрезъ инстанцiю Фран цiи, принуждены будутъ уступать Францiи.

Проектъ, учиненный у Францiи и королевою аглинскою, к концу своему приведенъ будетъ, и принцъ Галлисъ коне но перевезенъ будетъ.

Топерь буду объявлять о своихъ интересахъ обстоятельн Долго писать, чтó послѣдовало по моихъ послѣднихъ письмахъ отправленныхъ съ моего самаго прiѣзда.

Датскiй подъ Гадебушемъ баталiю проигралъ. Потомъ швед въ Голштейнiю напалъ; наши за нимъ послѣдовали и въ про винцiи дука голштейнскаго, близъ Тонинга, всю ту армiю в генварѣ мѣсяцѣ облегли и до сихъ мѣстъ, что принудили ег ретироваться въ помянутую крѣпость, и за недостаткомъ фу ража, онъ, графъ Штейнбокъ, шведскiй генералъ, всего оста вилъ у всякой кумпанiи по 20 лошадей, а другихъ всѣх пострѣлялъ, и въ самой скудости пребываетъ въ провiантѣ Наши войска стоятъ, облегши въ томъ намѣренiи, чтобъ ег отъ голода принудить къ сдачѣ; а ежели продолжится, къ до рому времени будутъ бомбардировать и формальную атаку чи нить. И чтó изъ того учинится, впредь буду писать. Но я в томъ мнѣнiи: конецъ сего дѣла есть трудный, и послѣдоват ничего иного не можетъ, токмо что датскiй отъ насъ отлучен будетъ.

Царское величество, оставя всю свою армiю въ Голштенi въ помощь королю датскому подъ командою князя Александр Даниловича Меншикова, самъ изволилъ идти въ путь сво до Санктъ-Петербурга, чрезъ Ганноверъ и Берлинъ, и съ кур фюрстомъ видѣлся, также и съ новымъ королемъ, котора отецъ прошлаго мѣсяца февраля скончался. О семъ прусском

рѣ кратко сказать: по заключенiи здѣшняго мира, много нынѣшнихъ случаяхъ намъ даётъ разсуждать, что полоъ во время мирное содержать 50 тысячъ своего войска и расходы лишнiе такъ отставилъ, что конечно свободно ть то число ему содержать.

Англiя уже прiуговленiе своей шквадры чинитъ, и въ первыхъ ѣля въ Зундъ пойдутъ противу датскаго, чтобъ его прину- къ партикулярному миру. Мы на сiе способа никакого не одимъ, токмо ожидаемъ всему тому послѣдствовать.

Какъ могу видѣть, все намѣренiе есть Англiи и Францiи тому, чтобы нашихъ алiатовъ отъ насъ отлучить и однихъ въ войнѣ оставить, для того [что] по нашему намѣренiю и осомъ трудно находятъ насъ къ миру привести, и чтобы Лиiю за шведомъ весьма содержать.

При всѣхъ дѣлѣхъ нынѣшнихъ такъ мы себя видимъ оди-, что ни цесарь, ни Голландiя весьма починаютъ опасность ть вступать въ наши дѣла, видя силу сообщенную ея, нцiи, съ Англiею.

Мнѣ здѣсь больше не предлагается по се число о медiани о другихъ дѣлѣхъ, и ожидаю на себя, что будетъ.

Проектъ царскаго величества учиненъ сей весны рано въ яндiю вступить и тамъ свои прогрессы дѣлать. И надѣемся, при помощи Божiей, будемъ имѣть своего флота съ пятнад- или шестнадцать кораблей военныхъ на Балтическомъ морѣ.

Литъ изъ Англiи перемѣненъ, и на его мѣсто посланъ ъ принятый министръ баронъ Шакъ, который былъ въ служ- датскаго короля.

Принцесса изъ Эльбинга возвратилась въ Вольфенбюттель; кожъ его царское величество по запросамъ въ деньгахъ ольствовалъ, и вскорѣ въ наши краи ѣхать готовится.

Князь Трубецкой нынѣ въ Польшѣ обрѣтается при скомъ дворѣ на время. Я по своей повинности столько ъ дѣлалъ, сколько возможно и надобно; о чемъ больше ается изъ указовъ отсель къ графу Коллiерсу, которое можетъ самъ сообщить.

1098. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. марта 13.

Статы дали инструкцію министрамъ своимъ полномочнымъ чтобъ они, при возвращеніи своемъ въ Утрехтъ, требовали аглинскихъ министровъ на послѣднее предложеніе милор Страффорда, что Франція сходна быть явилася къ миру н такихъ кондиціяхъ, какъ они, Статы, о барьерѣ требовали, къ Турне и къ Ипру каштелянства уступаютъ,—и чтобы на вс то министры французскіе имъ, статскимъ министромъ, при них аглинскихъ министрахъ, объявили указъ отъ двора своего декляровали, что они на такомъ основаніи миръ заключить с ними, Статами, хотятъ.

И по желанію ихъ, министровъ статскихъ, министры фра цузскіе учинили, и маркезя де-Торсія письмо объявили, в которомъ о барьерѣ ихъ, статской, и о всемъ съ предлож ніемъ милорда Страффорда есть сходно; токмо о тарифѣ и коммерціи молвлено, чтобы трактовать особымъ коммиссаро по заключеніи мира.

И нынѣ министры статскіе вступили въ дѣло, чтобы пр вести къ самому концу какъ наискорѣе. Также равнымъ обр зомъ и цесарскіе то учинять намѣрены и весьма ищутъ, чт бы вмѣстѣ съ здѣшними Господами миръ заключить.

Статы въ собраніи своемъ выбрали коммиссаровъ къ тра тованію съ министры цесарскими для опредѣленія своихъ гва низоновъ къ содержанію барьера, также и коммерціи въ Бр бантѣ и во Фляндріи.

Министрамъ баверскимъ и колонскимъ о дачѣ пашпорто резолюцію Статы взяли и ищутъ способъ, какимъ образо написать. Но слышу, что къ убѣжанію отъ другихъ ненавис пошлютъ имъ блянко.

Съ прусскимъ о Гельдріи, чаю, скоро къ концу свое приведено будетъ. Верхняя Гельдрія ему останется, развѣ с нѣкакимъ изъятіемъ берега рѣки Мозы, чтобы свободный пр

ходъ былъ водою къ Мастрихту и Льежу, и тѣмъ бы коммуникація не была пресѣчена съ здѣшними провинціи.

На конецъ сего письма объявляю, что ежели ожидаемая почта изъ Англіи, которая уже многіе дни за противными вѣтры не бывала, не принесетъ о премѣнѣ тамошняго двора какихъ новинъ, или смерти королевиной, то на сихъ дняхъ миръ заключится.

Я нахожу сходно донести, чтобы въ нѣкоторыхъ дѣлѣхъ присылать указы информе, а особливе о такихъ нужныхъ дѣлѣхъ, какъ подъ № 7 и 8-мъ*) нынѣ ко мнѣ присланы, для того [что] временно случается здѣсь указы казать, и требуется отъ другихъ видѣть за подписаніемъ властной руки его царскаго величества.

Министръ польскій Герсдорфъ получилъ указъ отъ двора своего всѣ войска изъ статской службы отозвать, и меморіалъ уже о томъ подалъ. Тотъ же министръ получилъ указъ декляцію учинить министромъ аглинскимъ, что король его, по требованію королевину, сыну своему въ Римъ ѣхать не велитъ, въ Италіи возьметъ и къ принятію релижіи католицкой не принудитъ. Изъ сего видится, въ какую силу Англія вошла и въ послушанію своему всѣхъ здѣсь привела.

1099. Князь Б. И. Куракинъ—де-Литу.

1713 г. марта 13. Гага.

La lettre que vous m'avez bien voulu écrire le 2 de février a.st. m'a donné de très bonnes lumières sur l'affaire de l'escadre. Les ministres anglais ne m'en ont parlé qu'avec grande modération et particulièrement milord Strafford qui, étant aujourd'hui arrivé, m'a fait entendre, en discourant, que si la Reine prenait une fois la résolution d'envoyer l'escadre en question sur la Mer Baltique, elle ne le ferait que dans la vue de procurer, conserver la sûreté de son commerce qui, à son dire, n'était que trop incommodé par le roi de Danemark

*) См. №№ 1004 и 1005, стр. 199–204 шестой книги „Архива".

parce qu'il avait fait arrêter quelques vaisseaux anglais dont les sujets britanniques souffraient beaucoup. De sorte, Monsieur, qu'à mesure que j'ai pu comprendre par les manières des discours des dits ministres anglais combien ils s'efforcent de garder la retenue sur ce sujet pour le présent, je croirais à propos, quant à la lettre de Sa Majesté Tsarienne à la Reine, qu'on ne la lui présenta que dans des nécessités indispensables afin de ne leur donner aucun sujet de prétexter quelques plaintes contre nous; cependant, je laisse tout cela, Monsieur, à votre jugement plus éclairé et, étant sur le lieu, vous saurez déjà bien de quelle manière on déclare aux autres alliés positivement qu'ils veulent signer leur paix particulière, et que la Hollande en dut faire autant. Cependant, il n' y a point d'apparence que cette dernière y procède si tôt, d'autant plus qu'une affaire de cette nature ne peut être résolue que du commun consentement de toutes les provinces, en quoi il y a éternellement de grandes formalités. Pour ce qui est de l'Empereur et de l'Empire, on leur a accordé un terme pour prendre leur finale résolution pour la signature de la paix, à savoir: le 1-er du mois de juin.

La Prusse, la Savoie et le Portugal, à ce qu'on assure, veulent signer la paix conjointement avec l'Angleterre. On n'ose pas encore être sûr de la véritable intention de l'Empereur, de l'Empire et de la Hollande sur cette conclusion de la paix; cependant, on a généralement plus de penchant à croire la paix infaillible.

1100. Графъ Г. И. Головкинъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. марта 16. Кенигсбергъ.

Я уповаю, что мое послѣднее изъ Берлина, отъ 3-го марта, подъ № 8-мъ, которое оттуда вдвое послано, одно на почтѣ, другое съ секретаремъ Остерманомъ, до васъ исправно дошло, въ которомъ я писалъ къ вамъ, по указу его царскаго величества, противъ предложенія курфюрста гановерскаго о пе-

...пускѣ войскъ его царскаго величества изъ корпуса, въ Голландіи обрѣтающагося, въ службу голландскую на изображенныхъ въ немъ кондиціяхъ, чего повторять уже за непотребно разсуждаю. Токмо имѣю симъ вашей милости объявить, что я, по пріѣздѣ своемъ въ Кенигсбергъ, получилъ отъ его царскаго величества письмо, мнѣ здѣсь оставленное, и при томъ копію съ письма его же величества, посланнаго отсюда о помянутомъ дѣлѣ (въ прибавокъ къ прежде посланнымъ указомъ) къ господину генералъ-фельдмаршалу князю **Меншикову**, и повелѣлъ его величество о томъ мнѣ сообщить вашей милости. И я съ того его величества письма, посланнаго къ нему, г. фельдмаршалу, прилагаю при семъ для подлиннаго извѣстія вамъ копію, по котораго содержанію изволите въ томъ дѣлѣ поступать и сноситься съ нимъ, г. фельдмаршаломъ.

Его царское величество сіе мѣсто изволилъ пройтить въ Петербургъ въ прошедшій вторникъ, а я сюда вчера пріѣхалъ и сегодня паки въ надлежащій путь за его величествомъ отъѣжаю.

Ѣдучи я сюда къ Берлину, получилъ въ Пилау отъ его царскаго величества письмо, въ которомъ изволилъ писать, что онъ въ Королевцѣ видѣлъ галіотъ голландскій, зовомый „Принцесса Дарья“, которымъ командуетъ шиперъ голландецъ Яганъ **Гелейбрандъ**, и оный его величеству понравился, и дабы тотъ галіотъ у него, шипера, купить постарался. И я съ помянутымъ шиперомъ въ Пилау видѣлся, и о продажѣ того галіота съ прилежаніемъ говорилъ И онъ сказалъ, что онъ того галіота продать безъ сношенія съ товарыщи своими не можетъ, для того что оный не одного его, но иные участіе въ немъ имѣютъ, а особливо начальнымъ въ томъ амстердамскій купецъ Яганъ **Морде-Юнга**, котораго и товарами тотъ галіотъ нынѣ нагруженъ,—и имѣетъ онъ съ оными идти по уговору въ Берлинъ (куда ужъ онъ при мнѣ изъ Пилау 14 марта и пошелъ), а оттуда паки въ Пилау возвратится и, нагрузясь, еще иттить въ Друндъ и въ Амстердамъ. Однакожъ онъ, шиперъ, къ продажѣ того галіота весьма склоненъ явился и писалъ къ выше-

писанному Юнгу въ Амстердамъ, чтобъ онъ ему тотъ галіотъ позволилъ, возвратясь изъ Бергена и не ѣздя потомъ въ Друнд[...] и въ Амстердамъ, его царскому величеству продать, и дабы онъ, Юнгъ, о томъ прислалъ къ нему отвѣтъ въ Пилау подъ адресомъ тамошняго жителя Питера Сихса. И когда онъ шиперъ, тотъ отвѣтъ и позволеніе отъ него, Юнга, о продажѣ помянутаго галіота получитъ, то онъ обѣщалъ тотчасъ изъ Пилау ѣхать прямо на томъ галіотѣ въ Ревель и оный продать его царскому величеству тамо, гдѣ и о цѣнѣ будетъ тогда договариваться.

И ваша милость извольте вышеписаннаго амстердамскаго купца Юнга склонять трудиться, чтобъ онъ помянутый галіотъ его царскому величеству продалъ, и для того послалъ бы къ оному шиперу въ Пилау о томъ письмо отъ себя безъ продолженія, дабы тотъ шиперъ, возвратясь изъ Бергена въ Пилау и не ѣздя болѣе никуда, воспріялъ путь съ тѣмъ галіотомъ по обнадеживанію своему въ Ревель. И извольте употребить въ сіе дѣло Осипа Соловьева, ибо, какъ тотъ шиперъ сказывалъ, помянутый Юнгъ ему гораздо знаемъ. И для того я о семъ всёмъ и къ нему, Осипу, нынѣ равно писалъ.

1101. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. марта 17.

Милордъ Страффордъ при окончаніи собранія Статовъ провинціи голландской, бывъ въ Гагѣ, между другими дѣлами, что приналежитъ о мирѣ, предлагалъ Господамъ Статомъ, что по всему сходству съ обѣихъ сторонъ миръ скоро видится быть заключенъ между аліаты и Франціею,—и топерь надлежитъ нынѣ согласно обѣимъ потенціямъ морскимъ вступить въ дѣла сѣверной войны и искать способъ къ утишенію, чтобы войну въ Европѣ повсюду прекратить. И ко вступленію въ дѣла сѣверной войны, впервыхъ, находитъ способъ, чтобъ обѣ потенціи морскія согласно отправили свои эскадры въ Балтическое море, чрезъ что онѣ, потенціи морскія, могутъ лучшій

респектъ имѣть отъ воюющихъ сѣверныхъ, также и безтруднѣе въ дѣла въ тѣ вступить. Притомъ же говорилъ, что они обще съ ними, Статы, и съ цесаремъ трактатъ травендальскій, какъ есть гварантирами, должны содержать и потому нынѣ дука голштейнскаго отъ нападенія датскаго освободить.

На что ему, милорду Страффорду, они, Статы, отвѣтствовали, что они къ тому сходны есть и того-жъ себя мнѣнія находятъ, чтобы, по заключеніи мира ихъ съ Франціею, искать способъ къ примиренію сѣверной войны и видѣть въ Европѣ тишину. И уже предъ нѣсколькими времены они, Статы, обще съ своими аліаты воюющимъ сѣвернымъ предлагали, также и нынѣ равнымъ образомъ со всякою умѣренностью безъ парціалиты къ онымъ всѣмъ потенціямъ поступать будутъ. И топерь разсуждаютъ, еще не есть нужда отправлять свою эскадру, и то дѣло не можетъ ся вскорѣ рѣшить, но требуетъ времени сноситься съ провинціями. Также и въ дѣлахъ Голштеніи и въ интересахъ дука голштейнскаго равнымъ образомъ надлежитъ разсмотрѣть, кто къ нарушенію того трактата и неутральства въ Голштеніи есть первымъ. А въ интересъ дука голштейнскаго они, Статы, уже писали къ министру своему, резидующему при датскомъ дворѣ, г. Гоусу, чтобы предлагалъ тому двору, дабы сыскать какой способъ къ утишенію той войны въ Голштеніи. И, наконецъ, ему, милорду Страффорду, они сказали, что топерь больше надлежитъ прилежать къ дѣламъ къ окончанію своей войны, а потомъ о другихъ прилежность имѣть.

Потомъ онъ, милордъ Страффордъ, говорилъ изъ первыхъ персонъ статскихъ здѣсь со всякимъ, изыскавъ случай, партикулярно, изъ которыхъ разговоровъ видимо, что внушалъ имъ свое разсужденіе о дѣлахъ сѣверной войны, притомъ же и желалъ ихъ вѣдать намѣренія. И тѣ помянутые разговоры при семъ слѣдуютъ.

Съ барономъ Латмаромъ говорилъ, чтобы датскаго двора амбицію поукротить и дука голштейнскаго не оставить, и чтобъ нынѣ неутральство учинить въ имперіи и другія войска всѣ

принудить чрезъ то изъ имперіи вывести вонъ. Притомъ ж ему, Латмару, говорилъ, когда миръ у нихъ, Статовъ, с Франціею учинится, тогда они, Статы, по обязанію своег трактата съ короною шведскою должны будутъ на помочь дат 6000 человѣкъ своихъ войскъ. И онъ, милордъ, надѣется, чт Статы то учинятъ и принуждены будутъ учинить. И весь тот разговоръ парціально къ интересамъ шведскимъ склонно про должалъ.

Съ пенсіонаріемъ разговоръ имѣлъ довольный, чтобы ка кимъ образомъ въ дѣла сѣверныя вступить. И притомъ говорил со всякою противностью о королѣ датскомъ, что королева вес ма будетъ искать способъ къ отмщенію тому двору, чтоб больше къ Англіи респектъ имѣлъ, для того что всѣ прот стаціи аглинскія и предложенія уничтожившаль: впервыхъ, вольномъ коммерціи въ Балтическомъ морѣ, что подданны аглинскіе отъ заарестованія въ Копенгагенѣ кораблей, под претекстомъ, будто шведскіе, великіе убытки понесли; также трактатъ травендальскій неправедно нарушилъ: съ Гамбург великую сумму денегъ взялъ; а паче всего, что войскамъ сво имъ въ Брабантѣ прошлаго года, которыя на заплатѣ агли ской были, велѣлъ отъ команды дука д'Ормонда отлучитьс и быть съ аліаты. И, наконецъ, однимъ словомъ сказалъ, чт Англія намѣрена принудить того короля миръ учинить на ст рыхъ своихъ границахъ, безъ всякаго прибавка отъ шведа, н здѣсь въ Германіи, ни на той сторонѣ въ Шканіи, и что Ан глія не можетъ понести никогда, чтобы Зундъ или рѣка Эльб въ рукахъ датскихъ однѣхъ были.

Потомъ говорилъ о королѣ польскомъ, что ежели сын своего удержитъ въ релижіи протестантской и возьметъ из Италіи, то, конечно, королева его удержитъ на тронѣ поль скомъ; а ежели противенъ въ сынѣ своемъ волѣ королевино явится, то весьма будетъ искать, чтобъ отлучить той короны

Что же приналежитъ до его царскаго величества, въ тѣх своихъ разговорѣхъ упоминалъ, что его царское величество с всякою поважностью и умѣренностью во всемъ въ сію войн

ъ Англіи поступалъ. Токмо о примиреніи съ шведомъ онъ рудность находитъ, ежели бы по запросамъ своимъ царское еличество все то могъ удержать, а особливе Ливонію,—также не безъ предосужденія можетъ быть потенціямъ морскимъ, тобы видѣть новую потенцію въ Балтическомъ морѣ.

Помянутаго-жъ милорда разговоръ съ президентомъ адмиальства амстрадамскаго и съ секретаріемъ Девельтомъ объ нтересахъ царскаго величества войны сѣверной, и что прилежитъ въ коммерціи Балтическаго моря,—что королевѣ его упечество, которое имѣетъ [торгъ] въ Балтическое море, подло проектъ, въ которомъ объявляетъ, понеже оныхъ купеество Балтическаго моря есть весьма въ паденіи и впредь къ озставленію того въ добрый порядокъ не скоро, хотя и по кончаніи сѣверной войны, могутъ привести; особливе-жъ усмаиваютъ, ежели его царское величество будетъ имѣть на поянутомъ морѣ пристани, то находятъ къ своему предосужденію торговъ, для того что помянутое величество въ той блиости подданныхъ своихъ будетъ торгъ отправлять на россійихъ корабляхъ во всѣ края, что никогда ни во Францію, ни ь Гишпанію, ни въ Италію помянутаго народа торговъ не ыло, а весь тотъ торгъ шелъ чрезъ руки ихъ, агличанъ, такe и голландцевъ. Также торгъ умножится съ подданными атскаго короля и съ Любекомъ, и чрезъ иные многіе доводы, о все то можетъ быть къ предосужденію Англіи.

При томъ же онъ, милордъ Страффордъ, помянутымъ оспода́мъ предъявлялъ, кромѣ торга, что ежели его царское еличество будетъ имѣть пристани на Балтическомъ морѣ, то ь скоромъ времени можетъ поставить свой флотъ, который ожетъ быть предосудителенъ не токмо своимъ сосѣдемъ, но дальнимъ. И, наконецъ, имъ, помянутымъ господамъ адмитейства, говорилъ, что все то, что̀ бы могло быть къ предсужденію интересамъ, какъ выше упоминалъ, не одной Англіи, но и здѣшней республикѣ, и того для обще обѣимъ поенціямъ морскимъ, упреждая, надлежитъ въ престорожность ои мѣры примать.

. Но какіе отвѣты помянутыя персоны при тѣхъ всѣхъ ра
говорѣхъ ему, милорду Страффорду, учинили,—знать не мог
И трудно мнѣ о томъ вывѣдать, чего для отъ здѣшнихъ
персонъ, которыя съ тѣми конфиденцію имѣютъ, мнѣ бы
сообщено, и для своихъ интересовъ разговоровъ тѣхъ персон
не откроютъ. Токмо я нарочно искалъ случай говорить из
тѣхъ персонъ и говорилъ съ барономъ Латмаромъ, и меж
ду разговоровъ желалъ отъ него вѣдать, чтó ихъ намѣреніе
всѣ разговоры милорда Страффорда, а особливе о посыл
эскадры и о дѣлахъ дука голштейнскаго.

На то мнѣ сказалъ, что за суетами своихъ великихъ дѣ
еще въ тѣ вступать не могутъ, и къ министру своему пр
датскомъ дворѣ писали, чтобъ искалъ способъ къ утишені
той войны, а особливе невозможно-ль сдѣлать въ имперіи ней
тральство. А о посылкѣ эскадры, по словамъ милорда Страф
форда, еще не токмо резолюціи какой брать, но и рапор
Статомъ не учинено. А хотя бы Статы свою эскадру и по
слали, но инструкціи адмираломъ даны-бъ были не въ той сил
какъ аглинскія. И къ тому сказалъ примѣръ, какъ прошл
войны 1700 года обѣ потенціи морскія посылали эскадры
примиренію датскаго короля, и тогда аглинскій адмиралъ дѣй
ствительно поступилъ и началъ бомбардировать; но ихъ, гол
ландскій, имѣлъ указы того не чинить, токмо смотрѣть на дѣ
и ожидать указы. Такъ и нынѣ равнымъ образомъ, ежели-б
случилось послать, учинено будетъ.

Всѣ темные его разговоры многое подозрѣніе придали.

Но ратпенсіонарій,—четвертаго дня, по пріѣздѣ моемъ, на
рочно къ нему [былъ],—больше на мои вопросы молчаніемъ отхо
дилъ, а объ скавдрѣ увѣрилъ меня, что Статы конечно никакой ре
золюціи не взяли, и еще о томъ доношенія обыкновеннаго имъ
Статомъ, не учинено; и довольно топерь дѣлъ имѣютъ д
окончанія своего мира, нежели въ постороннія замѣшиваться.

Министръ польскій баронъ Герсдорфъ, бывъ у меня на
рочно, и мнѣ въ конфиденціи сообщалъ о разговорѣхъ съ нѣ
которымъ статомъ милорда Страффорда о пристаняхъ е

рскаго величества въ Балтическомъ морѣ и о коммерціи въ
й же силѣ, какъ я выше сего объявлялъ. И притомъ мнѣ
ъявилъ, что онъ заподлинно увѣдомился объ интригахъ его,
лорда Страффорда, что чрезъ нѣкоторыхъ персонъ городу
истердаму то внушаетъ и къ своему мнѣнію тотъ городъ при-
дитъ. И помянутый Герсдорфъ мнѣ сказалъ, что онъ изъ
зговоровъ того человѣка, кто ему о семъ сказывалъ, видѣлъ
разсужденіяхъ многую слабость. На что онъ, баронъ Герс-
рфъ, объявлялъ ему съ своей стороны резоны, что имѣючи
о царское величество пристани въ Балтическомъ морѣ, мно-
прибытокъ націи голландской въ коммерціи придастъ, не-
ли предосудительно можетъ быть. А ежели въ чемъ есть
асность къ предосужденію коммерціи голландской, какъ ми-
рдъ Страффордъ говорилъ, что россійское купечество будетъ
правляться на своихъ корабляхъ и не чрезъ руки подданныхъ
тенцій морскихъ, но сами чрезъ себя, также и флотъ его
рскаго величества умножится,—и для убѣжанія отъ сего по-
зрѣнія и всѣхъ опасностей можно сыскать способъ такимъ
разомъ: когда трактаты мирные сѣверной войны будутъ учи-
ны, въ которыхъ именовать надлежитъ, сколько кораблей
енныхъ, также и купеческихъ его царское величество дол-
нъ содержать будетъ, равнымъ же образомъ должно и не-
ятелю опредѣлить. И такъ всякое подозрѣніе съ обѣихъ
оронъ убѣжано будетъ.

Я просилъ его, барона Герсдорфа, чтобъ нарочно поѣ-
ль въ Амстердамъ и, какъ возможно, провѣдывалъ о всѣхъ
хъ интригахъ милорда Страффорда, также-бъ и увѣдомился
намѣреніяхъ того города, и при разговорѣхъ бургумистрамъ
другимъ свое мнѣніе объявлялъ и внушалъ къ интересамъ
шимъ. Токмо притомъ его просилъ, чтобъ о содержаніи чис-
ъ кораблей не упоминалъ, чего для прежде времени лучше
томъ умолчать,—и обѣщалъ туда ѣхать.—И помянутый
рсдорфъ имѣетъ довольно своихъ сродниковъ и друзей въ
ъ городѣ, что никто изъ чужестранныхъ министровъ съ
ѣшними такой конфиденціи не имѣетъ.

Я по своей повинности со всякимъ прилежаніемъ отъ всѣх тѣхъ противностей престерегаю и здѣшнимъ наипервымъ пер сонамъ, сколько ума моего есть, разсужденіи другими внушаю И на сей недѣлѣ поѣду въ Амстердамъ, и буду съ бургомистр и другими магистрата ихъ говорить между другими дѣлами чтобъ, ежели возможно, въ помянутыхъ дѣлѣхъ и интригах милорда Страффорда что намѣренія ихъ узнать, притомъ ж и съ своей стороны имъ внушать.

И по се число, правда, къ предосужденію нашихъ инте ресовъ еще отъ здѣшнихъ Господъ Статовъ ничего не явило ся, но паче какъ они, такъ и цесарство въ нашъ интерес были, для того что имѣли во время своей войны въ нас нужду и менажировали для своихъ властныхъ интересовъ. И по учиненіи своего мира съ Франціею, нынѣ который уж близъ есть, они, Статы, и цесарство, опасенъ я, чтобы мо гли быть постоянны, къ интересамъ нашимъ и нашихъ аліатовъ въ прежнемъ своемъ намѣреніи, какъ были.

Я чаю, изъ прежнихъ моихъ доносительныхъ писемъ из вѣстно есть, что здѣшняя республика, чрезъ факцію аглинскую при начинаніи сей негоціаціи раздѣлилася на двѣ партіи,— одна склонна къ миру, а другая къ войнѣ. И о послѣдне изъ тѣхъ имѣю надѣяніе къ своимъ интересомъ, а отъ друго опасенъ быть всякой противности. Однакожъ по всѣмъ воз можностямъ будемъ съ министры своихъ аліатовъ во всем престерегать.

По моимъ предложеніемъ и барона Герсдорфа донесен статскому собранію было, что три фрегата въ пристани Ам стердамской готовятся отпущеннымъ быть съ провіантомъ в Тонингъ, также и другихъ мелкихъ судовъ нѣсколько числомъ, чтобъ оные удержать въ портѣхъ и впредь о перевозѣ тѣхъ про віантовъ запретить. И тѣ три фрегата находятся подъ флагом шведскимъ, и объявили о себѣ, что отходятъ во Францію и в Барселону; а о мелкихъ судахъ не могутъ засвидѣтельств найти, и хотя-бъ нашли, для прибытка въ купечествѣ поддан ныхъ своихъ запретить не хотятъ. И того для взяли резолю-

о и въ регистръ записали, что ежели какія суда, съ провіан-
мъ идучи къ Тонингу, подданныхъ ихъ, статскихъ, взяты отъ
скихъ будутъ, то они, Статы, протекціи своей тѣмъ никак-
й не дадутъ.

О турецкихъ дѣлѣхъ отъ своего министра Статы никакой
домости не имѣли, токмо получили письмо отъ посланника
оего, который въ Вѣнѣ. И въ томъ письмѣ имъ доноситъ о
нфирмаціи, что король шведскій отъ турокъ пойманъ и за
стомъ повезенъ въ ссылку въ Тесалоникъ. И когда въ со-
ніи статскомъ то письмо чли, то одинъ изъ Статовъ гово-
ль, что при такомъ несчастіи короля шведскаго надлежитъ
емъ разсудить, какъ есть принцъ христіанскій, и нѣкото-
е осмотрѣніе къ интересамъ, а особливе къ его персонѣ
ть.

Я, въ подтверженіе ихъ, статскихъ, указовъ къ министру
къ графу Колліерсу, прошлой бытности ратпенсіонарію
рилъ, чтобы своими указы подтвержали и намѣренія сво-
не отмѣняли, не смотря на премѣну дѣлъ тамошнихъ, что́
чилося королю шведскому, предъявляя ему, что еще пріу-
вленія военныя дѣлаются. Къ чему онъ говорилъ, что
нція еще не престанетъ своихъ интригъ дѣлать, и не о
опасности [небезопасенъ] къ премѣнамъ тамошнихъ дѣлъ
ажъ до самой высылки короля шведскаго изъ турецкой
сти. И въ новинахъ является, что оный будетъ моремъ во
нцію посланъ. И по сему не видитъ, чего бы для Статы
и иныя мѣры въ томъ дѣлѣ принять.

Топерь доношу о дѣлахъ здѣшнихъ. О прусскомъ дворѣ
времени до времени здѣсь разглашается, что факція фран-
ская при томъ дворѣ усиливается, и Франція нынѣ въ ин-
есъ его при конгрессѣ весьма является, и принуждаетъ
товъ, чтобы конечно Верхняя Гельдрія ему, прусскому, отъ
товъ уступлена была.

Третьяго дня французскіе отправили курьера съ послѣднимъ
номъ, который поданъ отъ Статовъ, также и съ пунктами,
чемъ есть несходство съ цесаремъ и цесарствомъ. И, по

возвращеніи того, чаемъ вскорѣ видѣть заключеніе мира, д того что главныя дѣла уже окончалися, какъ съ Голландіе барьеръ сходно съ Франціею постановленъ, съ цесаремъ—Б варія дуку баварскому уступается, также и колонскій въ св достоинство возвращается.—Сардинія одна въ диспутѣ заста однакожъ чаютъ, что цесарь удержать не можетъ. И крат сказать, на тѣхъ кондиціяхъ миръ дѣлается, какъ Франція Англіею хотятъ. А междо голландцы и сею, Франціею, остали въ несходствѣ нѣкоторыя малыя дѣла,—о содержаніи ихъ гар низоновъ въ Брабантѣ, о которыхъ всѣ партикуляриты не дол женствуютъ донесены быть.

Топерь начинается раздѣленіе Брабанта и Фляндріи межд цесаремъ и здѣшними Статы, и опасность есть, чтобы въ не согласіе не пришли, и что будетъ цесарь съ Статы въ не согласіе бо̀льшее приходить, то они, Статы, съ Англіею въ бо̀льшее согласіе принуждены будутъ прійти, чего для аглинскі министры въ томъ раздѣлѣ весьма въ интересъ Голландіи являются

Я не чаю, чтобы ваше превосходительство въ моихъ про странныхъ письмахъ меня зазрили, понеже нынѣ при нужныхъ случаяхъ и такихъ великихъ дѣлѣхъ понуждаетъ неволею само дѣло пространно доносить.

1102. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. марта 20. Гага.

Министры аглинскіе третьяго дня получили указъ отъ двор своего и по тому указу, собравъ министровъ аліатскихъ и французскихъ, объявили, что королева хочетъ, чтобы къ том дню, до котораго она отсрочила парламентъ, т.-е. до 2 марта, всѣ аліаты миръ свой съ Франціею заключили, отстав всѣ свои трудности, для того что она, королева, больше пар ламентъ отсрочивать не можетъ, но при начинаніи парламент миръ объявить желаетъ.

Министры французскіе взяли на доношеніе своему двору и обѣщали отповѣдь учинить въ четыре дня. Министры цесарскіе

зяли на доношеніе, а притомъ сказали, что они отповѣди въ такое краткое время получить не могутъ. Но другіе всѣ министры, какъ: прусскіе, савойскіе, португальскіе, къ заключенію мира охотна себя явили. А о здѣшнихъ еще не знаемъ, и будемъ смотрѣть, какъ скоро въ семъ поступятъ, на порядокъ здѣшняго правленія всѣхъ семи провинцій: безъ согласія къ тому общаго въ такіе скорые дни весьма учинить не могутъ.

Сія скорость аглинская и понужденіе насильное всѣхъ къ миру многимъ уже великое подозрѣніе подаютъ: или слабость здоровья королевина, или нѣкакій видъ есть въ премѣнѣ въ дѣлѣхъ и между тою націею въ Англіи.

Къ интересамъ его царскаго величества и его аліатовъ по е число еще не является, кромѣ того, что Пальмквистъ, министръ шведскій, старается при французскихъ, чтобы въ ихъ интересы вступили; но, какъ слышу, несходно въ томъ дѣлѣ ему отвѣтствуютъ. Однакожъ на сіе не уповаю и всегда ъ министры цесарскими говорю, также и съ статскими, что- ы при семъ конгрессѣ не допускали французскихъ вмѣшивать- я въ интересы постороннихъ, а особливе въ имперскіе. На ю мнѣ обѣщаютъ въ томъ престерегать для своихъ властныхъ нтересовъ.

Графъ Цинцендорфъ мнѣ сказалъ, что онъ, по подпи- ніи трактата, не будетъ мѣшкать больше одного дня, и так- е всѣ министры имперскіе ему послѣдствовать будутъ. И къ конгрессъ утрехтскій окончается. И, такимъ образомъ, а всѣ новыя предложенія министровъ французскихъ они въ ла не вступятъ.

Наконецъ, о мирѣ объявляю, что сего апрѣля заключенъ дегъ между здѣшними и Англіею; а чтобы между цесаремъ Франціею,—то развѣ потомъ, въ нѣсколько недѣль, для того что ла дука баверскаго остановятъ скорое заключеніе.

Министръ шведскій мѣшается въ дѣла дука баверскаго и очетъ быть съ дукомъ савойскимъ между домомъ аустрійскимъ помянутымъ дукомъ медіаторомъ; токмо не чаю, чтобы цесарь опустилъ.

Король польскій войска свои въ службѣ Статовъ еще и нынѣшнюю кампанію оставилъ, и тѣмъ многую облигацію здѣш нимъ учинилъ.

Изъ Англіи нынѣ министръ статскій г. фонъ-Борстер писалъ къ Статомъ, что хотя шквадра въ Англіи пріуготовл вается, какъ разглашеніе есть давно публичное, для посылк въ Балтическое море,—однакожъ заподлинно прямое намѣр ніе того двора еще знать трудно. И хотя какъ ни спѣшат вооружаючи оные корабли, однакожъ за недостаткомъ денег вскорѣ отправить не могутъ.

Министръ прусскій баронъ Гименъ сегодня будетъ бра авдіенцію у Статовъ при отпускѣ своемъ, а здѣсь въ дѣлах остается отъ прусскаго двора одинъ резидентъ.

1103. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. марта 24. Утрехтъ.

Курьеръ изъ Франціи еще не возвратился, и за тѣмъ вс дѣла въ молчаніи здѣсь есть. А между тѣмъ цесарскіе съ го ландцы трактуютъ о Врабантѣ и Фляндрахъ и отъ времени д времени въ несогласіе приходятъ.

Голландцы требуютъ по берегу отъ моря всѣ крѣпости ос дить своими гарнизонами, т.-е. въ Гентѣ, въ Эклюзахъ, в Остендѣ, въ Ньюпортѣ, а барьеръ, именованный: Турне, Ипр Монсъ и прочіе, уступаютъ дому аустрижскому и хотятъ, чтоб цесарь своими гарнизонами содержалъ, а къ тому въ приб вокъ обѣщаютъ 15 тысячъ своихъ войскъ. И такимъ образом они, голландцы, находятъ себѣ къ лучшей безопасности и пр бытку, что будутъ за чужою спиною жить, также и отъ с держанія великихъ гарнизоновъ убытка не будутъ имѣть.

Что же приналежитъ къ Верхней Гельдріи, между цесарем и Статы, и прусскимъ уже почитай сходство учинено: город Гельдрія со всѣми приналежитностями земель и съ нихъ д ходы во владѣніе самодержавное уступаются королю прусском но проходъ по рѣкѣ Мозѣ оставляется голландцомъ, также

ортеціи по той рѣкѣ: Венло, Стевенсвертъ, Руремунтъ, будутъ содержаны гарнизонами голландскими. А о послѣднемъ изъ помянутыхъ есть споръ съ цесарскими, которые хотятъ онымъ гварнизономъ осадить для коммуникаціи всего Брабанта и Фляндріи, чтобы войска свои свободно могли проводить. И же дѣло также неокончано осталося, для того что изъ Франціи на сей проектъ еще апробаціи не получили.

Третьяго дня сюды прибылъ курьеромъ офицеръ шведскій, курьеромъ посланный изъ Бендеря 24 февраля отъ Чиферса, секретарія аглинскаго, съ письмами въ Англію, также и къ Штейнбоку. И по прибытіи своемъ того-жъ дня былъ у епископа бристольскаго и милорда Страффорда и безъ всякой убавки то сказывалъ, что́ уже здѣсь изъ публичныхъ вѣдомостей давно вѣдали. Только прибавилъ, что ханъ крымскій со стороны царскаго величества былъ будто подкупленъ и хотѣлъ, короля шведскаго взявъ, отдать въ руки войскамъ его царскаго величества. А нынѣ онъ, курьеръ, надѣется, что король его уже въ Адріанополѣ и будетъ вскорѣ провaженъ чрезъ венгерскую землю. Еще подлинно о всей коммиссіи того курьера увѣдомиться не могъ, но слышу, что помянутый англинскій секретарій Чиферсъ, по слову короля шведскаго, отправилъ его въ Англію просить у королевы протекціи, чтобы бо́льшаго зла салтанъ не учинилъ.

Министръ шведскій Пальмквистъ въ великомъ смущеніи находится, и́ слышу, что помянутый курьеръ за подлинно ему объявилъ, что король ихъ внѣ ума своего есть, и ежели привезенъ будетъ въ Адріанополь, опасаются, чтобы больше учинено не было за его безумные и непорядочные поступки.

Датскій секретарій фонъ-Штекенъ получилъ указъ отъ короля своего, чтобы Статамъ предлагать о посылкѣ эскадры въ Балтическое море, для того что Англія намѣрена свою посылать, и чтобы въ противномъ случаѣ отъ Англіи ему, датскому, оная голландская эскадра помогала. И о томъ датскій секретарій предлагалъ и отвѣтъ получилъ, что они топерь не въ состояніи то учинить для нынѣшняго мира, а впредь будутъ смотривать, ежели на то время позволитъ.

Я съ польскимъ министромъ были противнаго мнѣнія о семъ и старались, чтобы не допускать къ посылкѣ той эскадры голландской, для того что Англія сама того требуетъ. Также и министръ голштейнскій Вандернатъ о томъ здѣсь старался. Но нынѣ упустимъ такъ о томъ дѣлѣ на желаніе датскаго двора. Но хотя бы та голландская эскадра и послана была, и тѣмъ только бóльшій поводъ Англіи придастъ, а въ интересъ датскаго ничего быть не можетъ.

Здѣсь разглашено, что будто указъ его царскаго величества фельдмаршалу князю Меншикову данъ, когда будетъ выступать изъ имперіи съ войски его царскаго величества, чтобы всю Померанію выжечь и разорить. И о томъ мнѣ многіе министры имперскіе говорили, что они то разглашеніе за неправое пріемлютъ и не надѣются, чтобы такое непріятельство къ всей имперіи было показано. При томъ же слышу, что датскій и польскій короли намѣрены въ противность помянутому намѣренію протестовать, что они къ тому разоренію ни сходны [не] являлись, ни намѣрены учинить.

Сего момента сказано мнѣ, что помянутый курьеръ шведскій привезъ письмо короля своего къ королевѣ аглинской, которой всѣ вручаетъ свои интересы, и при томъ желаетъ примириться какъ съ датскимъ королемъ, такъ равно и съ польскимъ, оставляя ему корону польскую.

1104. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. марта 27.

Между цесарскими и прусскимъ трактатъ о Гельдріи заключенъ такимъ образомъ, какъ я объявлялъ въ прежнемъ своемъ. А между цесаремъ и голландцы къ содержанію гарнизоновъ въ той провинціи также сходство учинено: Венло, Стевенсвертъ будутъ осажены гарнизоны голландскими, а городъ Руремунтъ будетъ содержанъ цесарскимъ гарнизономъ съ ними, Статы, пополамъ.

Другія всѣ дѣла за неприбытіемъ курьера изъ Франціи стали, котораго повседневно ожидаютъ.

Здѣсь разглашаютъ о смерти короля шведскаго, а другіе—
принужденіи его къ принятію басурманства, для того что
воими руками многихъ турокъ побилъ, бывъ въ ихъ землѣ
одъ протекціею, а не такъ, какъ непріятель, и того для ал-
ранъ ихъ къ тому принуждаетъ учинить. На все то впредь
желаніемъ будемъ ожидать конфирмаціи. А начало къ при-
нятію басурманства націи шведской въ вѣчную имъ память
же явилося въ публичныхъ газетахъ.

Здѣсь разгласилося о моровой язвѣ, начатой въ Вѣнѣ,
куль принцъ Евженій въ скорыхъ дняхъ ожидается.

1105. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. апрѣля 3. Гага.

Пятаго дня нарочно отъѣзжалъ въ Амстрадамъ и говорилъ
бургомистры Кольверомъ и Панкрасомъ, также и
бургомистромъ Вицинымъ о дѣлѣхъ тѣхъ, о которыхъ
въ прежнемъ своемъ, подъ № 20-мъ, доносилъ, что Англія
тригуется при ихъ магистратѣ и противное мнѣніе о насъ
водитъ къ предосужденію нарочно нашихъ интересовъ, а осо-
ливе въ коммерціи, и представлялъ имъ многіе резоны. И по
ногихъ разговорѣхъ помянутые господа меня обнадежили, что
сѣ тѣ коварства аглинскія за ничто здѣсь вмѣнены, и никогда
предосужденію интересовъ его царскаго величества городъ
дѣшній себя не явитъ и желаетъ бóльшаго распространенія
оммерціи его царскаго величества повсюду, чтó можетъ быть
большему прибытку ихъ подданныхъ.

И при томъ объявили, что уже домогательство Англіи есть
посылкѣ ихъ эскадры въ Балтическое море. Но они, особ-
ливе городомъ своимъ, тому есть противны и не чаютъ, чтобы
татская резолюція взята была, ежели какой чрезвычайный слу-
чай къ тому не понудитъ.

Въ ту же свою бытность со многими купцами, которые
ргуютъ къ городу Архангельскому, разговоры имѣлъ и имъ
ушалъ впредь для всякихъ случаевъ о прибыточной торговлѣ

ихъ какъ къ городу Архангельскому, но еще паче въ Балтиче ское море, о которыхъ откровенно могу донести, что уповать н нихъ во всемъ томъ неможно, чтобы къ случаю мнѣ могл пдмочь подать въ дѣлѣхъ, для того, какъ видѣлъ изъ сло ихъ, что всѣ торгомъ Архангельскаго города, такъ и другихъ находятъ себя быть неблагодарны, развѣ кромѣ двухъ и трехъ персонъ, которыя здѣсь не въ великой силѣ есть. объявляли свое неудовольство паче всѣхъ другихъ въ том что они не имѣютъ свободныхъ товаровъ, какіе бы могли п купать, кромѣ юфти и нѣкоторой части пеньки; а другіе в товары продаются съ указомъ одному, также и къ коммиса Соловьеву сюды присылаются.

Баронъ Герсдорфъ, министръ польскій, еще въ Амстр дамѣ, по обѣщанію своему, не былъ.

По возвращеніи своемъ изъ Амстрадама въ Утрехтъ, н шелъ всѣхъ министровъ въ конференціяхъ на послѣдній о вѣтъ, изъ Франціи полученный чрезъ курьера, съ котора списокъ на французскомъ языкѣ здѣсь прилагаю; изъ того и волите увидѣть, какія тягостныя кондиціи предложены цеса и цесарству.

И во вторникъ сей недѣли, 31 марта (11 апрѣля) поутру, мин стры французскіе, голландскіе, португальскіе, прусскіе, савойск имѣли конференцію въ домѣ бискупа бристольскаго и во все сошлись, и опредѣлили время заключать мирные трактаты.

Французскіе съ аглинскими свои трактаты подписали домѣ бископа бристольскаго въ четыре часа пополудни, и с войскіе въ то же время; прусскіе съ французскими подписа въ восемь часовъ пополудни, какъ король прусскій, а не так какъ курфюрстъ брандебургскій; португальскіе подписали въ д сять часовъ.—Депутаты Статовъ Голландскихъ подписали ме ду одиннадцати и полуночи двѣнадцати часовъ, что̀ считается новому,—ихъ трактатъ подписанъ 12-го апрѣля, а по наше календарю—перваго.

Всѣ тѣ мирные тракты подписаны были въ домѣ биско бристольскаго.

Министры цесарскіе и все цесарство, видя свою невоз-
жность по великимъ запросамъ, остались. И графъ Цин-
ндорфъ словесно протестовалъ противу всего того заключен-
го мира. И слышу, что будетъ вскорѣ письменно протестовать.
Всѣ министры помянутыхъ потенцій дали время цесарскимъ
цесарству приводить дѣла свои къ окончанію до перваго іюня.
ежели не будутъ окончаны, то Франція на тѣхъ предложе-
хъ, которыя объявила нынѣ, впредь себя не содержитъ.
Помянутые цесарскіе министры и все цесарство больше
хъ неблагодарными себѣ являютъ отъ здѣшнихъ Господъ
товъ паче всѣхъ другихъ, для того что безъ пріобщенія
ь, цесарскимъ, какъ обѣщали, трактатъ свой заключили.
не токмо что цесаря и цесарство оставили, но еще больше
зались они, Статы, однимъ артикуломъ Франціи (хотя веж-
ово (sic), токмо не укусно), что они, Статы, съ Франціею
Англіею чрезъ свои добрыя средства будутъ искать способа
фюрстовъ колонскаго и баварскаго въ первое достоинство
имперію возставить и за убытки отъ должныхъ всякое на-
жденіе и удовольство учинить.
И по сему артикулу они, голландцы, обязалися весьма
тиву цесаря, для того что ежели цесарь къ миру не принуж-
ъ будетъ, то до тѣхъ мѣстъ между Голландіею и Франціею
можетъ изслѣдовано быть по трактату и городами размѣненось.
Изъ сего видится, какія непостоянства между потенціями
своего партикулярнаго интереса происходятъ, и непріятель-
своему аліату являются.
Но все погрѣшеніе въ семъ дѣлѣ цесарскихъ состоитъ въ
ъ, по разсужденію здѣшнему, что онъ, цесарь, сперва въ
ихъ запросахъ неумѣренъ былъ; а потомъ какое намѣре-
имѣлъ къ удовольству своему, и того аліатомъ не объя-
лъ, чая дѣламъ премѣниться инаковымъ. И на конецъ остал-
въ такомъ случаѣ, что и дукатству милянскому, и коро-
ству неапольскому не радъ, для того что за все разореніе кур-
рста баварскаго и колонскаго принужденъ будетъ платить,
орыхъ считается съ 50 милліоновъ талеровъ.

Слышу, будто цесарскіе и цесарственные министры хотят утрехтскій конгрессъ разорвать и ѣхать ко дворамъ своимъ, продолжать войну, сколько могутъ. Но я не чаю, чтобы сі учинено было, и, конечно, цесарь и все цесарство миръ при нуждены будутъ учинить на такихъ кондиціяхъ, какъ Франці желаетъ, для того что нѣтъ иного способа.

По заключеніи сего мира, въ народѣ видимъ больше пе чальныхъ, нежели веселыхъ. И чаютъ всѣ, что вскорѣ вой будетъ начата; а особливе могутъ припадки припасть отъ ре белій аглинскихъ, которыя повсечасно ожидаются.

Впредь, получа списки трактатовъ, сообщу.

Сіе здѣшнихъ непостоянство, хотя, какъ обнадежили це сарскихъ, мнѣ въ примѣръ даётъ о нихъ, голландцахъ, имѣ въ нашихъ дѣлѣхъ худое упованіе; а еще нынѣ, по заключені мира своего, весьма не чаю быть ихъ въ прежнемъ мнѣніи в пользу нашихъ интересовъ, для того что во время своей вой ны имѣли нужду въ насъ больше, нежели топерь. И хотя про тивными намъ такъ, какъ другіе, не являются, но содержат себя неутральными; а помощниками явными конечно быть не чак

Моя должность доносить, усматривая по состоянію всѣх дѣлъ здѣшнихъ, что весьма по обыкновенной политикѣ сил ную партію раздражать не надлежитъ, т.-е. Францію и Англік впредь для всякихъ случаевъ.

Министръ шведскій Пальмквистъ письменно билет роздалъ многимъ министромъ, которые въ ихъ интересъ, ка кимъ образомъ должны внесть въ трактатъ мира нынѣшняго провинціяхъ ихъ въ имперіи, чтобы, по силѣ трактата вест фальскаго, въ нижней Саксоніи всѣ провинціи въ прежнее со стояніе приведены и содержаны были; и дабы, по надписані сего трактата въ Утрехтѣ, сообщась, всѣ договаривающіес вскорѣ между принцы сѣверными такимъ образомъ покой тишину въ имперіи возставили; но дабы оные, которые ни какихъ земель въ Германіи не имѣютъ, свои войска оттуд вывели, и сіе все добрыми своими средствы окончать понудил во время „ “ мѣсяцевъ. А ежели къ концу пожеланно

такъ приведено не будетъ, тогда цесарь и всѣ принцы ерскіе, купно съ короною французскою, употребятъ спосо- дѣйствительны и совокупленными силами до того времени уть дѣйствовать, пока во всей Германіи миръ противъ вы- омянутой силы будетъ возставленъ и учрежденъ.

И по всему сему домогательству еще явно не предложено его. И по заключеніи трактатовъ вышепомянутыхъ мирныхъ Франціею, принужденъ пріѣхать сюды искать способа при тѣхъ, чтобъ указъ дали своимъ министрамъ въ Утрехтъ у тому намѣренію шведскому прешкожать и не допускать. какъ съ ратомъ-пенсіонаріемъ, такъ и съ другими депутаты въ конференціи, о томъ имъ предлагалъ, также и партику- ными разговоры просилъ многихъ знатныхъ персонъ, но отъ ъ не малое обѣщаніе на словахъ вижу; но ежели дѣй- ительно быть можетъ, уповать не могу.—И впредь, что изъ о того будетъ происходить, не оставлю доносить, и по ъ дняхъ возвращуся въ Утрехтъ.

Конте Колліерсъ писалъ изъ Константинополя къ Статомъ, 6 февраля, и объявлялъ только еще, что салтанъ высыла- короля шведскаго изъ своей земли; а о другомъ всемъ, что илося, еще онъ знатно не былъ извѣстенъ. При томъ всемъ разсужденіе объявляетъ, что онъ чаетъ сходство къ миру съ скимъ величествомъ, и стыдъ свой турки, по неправомъ начи- іи войны, похотятъ загладить смертью хана крымскаго; о чемъ было разглашеніе, что ежели не будетъ казненъ, то будетъ въ ику сосланъ, и на его мѣсто братъ его возставленъ.

Письмо ваше, мой государь, изъ Мемеля получилъ и о по- кѣ извѣстнаго корабля стараться буду. Приложенное пись- Соловьеву отдалъ.

1106. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. апрѣля 4. Гага.

Изъ приложеннаго при семъ изволите увѣдомиться обстоя- ьне, какову реляцію двору учинилъ, что миръ у всѣхъ съ

Франціею подписанъ, кромѣ цесаря и цесарства. И хотя он являются къ продолженію войны, но не есть въ состояніи, миръ конечно и тѣ подпишутъ; но время помянутому цеса ству дано до іюня перваго числа.

О нашихъ дѣлѣхъ еще явно не начинастся, токмо уже по рукою готовятъ, и въ пользу нашу весьма ничего не будет И ежели могу дерзновенно вашей свѣтлости объявить, еже дѣла наши отсель въ мѣсяцъ окончаны быть не могутъ, весьма не допустятъ намѣренія наши исполнить не токмо к кими иными интригами, но явнымъ образомъ силою принудя насъ изъ имперіи выступить. И о семъ уже, сколько мо увѣдомиться, что проектъ между Франціею и Англіею учинён а имперія вся къ тому послушна имъ будетъ. А на здѣшни Господъ не извольте быть надежны: рады, что изъ своей обу вырвалися и въ наши дѣла за насъ мѣшаться не будутъ. Н къ лучшему нашему авантажу лучшее можетъ быть, что не тральными явятся.

Здѣсь много разглашается объ интригахъ барона Гериц и уже будто трактуется тако при датскомъ дворѣ; также Флемингъ. О чемъ пространно не доношу,—чаю, ваш свѣтлости извѣстно.

1107. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. апрѣля 7. Гага.

Графъ Цинцендорфъ отъѣхалъ изъ Утрехта во Фран фортъ для свиданія съ принцемъ Евженіемъ, и, чаю, отту принужденъ будетъ до Вѣны ѣхать. Другіе министры принце имперскихъ, въ отбытность Цинцендорфа, въ Гагу прибыли, разглашаютъ они, чтобы конгрессъ утрехтскій разорвать противу Франціи войну продолжать. Однакоже на сіе ихъ ра глашеніе всѣ согласнаго мнѣнія, что цесарь и имперія ны миръ принуждены будутъ учинить.

Аглинскіе министры еще по се число своего трактата здѣ нимъ Статомъ не сообщили. Того для подозрѣніе подаётъ здѣ

мъ, что не опредѣлено-ль чего между Англіею и Францiею Дюнкирхенѣ и Ньюпортѣ инымъ образомъ, какъ прежде въ нгѣ королевиной о томъ было сообщено.

Здѣшніе Господа также по се число своихъ трактатовъ не бликуютъ въ народъ (какъ было обыкновенно прежде сего егда то чинить), для того что обязалися нѣкоторыми артиы Франціи противу цесаря; также и по желанію Франціи и, Статы, въ своемъ трактатѣ цесаремъ не называли, также арцидукомъ аустрижскимъ, какъ Францiя желала, не назвали, сыскали посредство и называли—„домъ аустрижскій".

Господинъ Остерманъ, прибывъ сюда третьяго дня, отъ мнѣ отъ вашего превосходительства письмо и проектъ, ненный къ миру между аліатами сѣверными, и когда увѣо отъ князя Долгорукова о размѣненіи томъ, тогда по у буду во всемъ поступать. Однакоже по всему вижу, что ый не окончанъ, для того что ни польскій, ни датскіе министры мнѣ о семъ по се число не сообщали. Я слышалъ, о сей проектъ уже изъ Англіи отъ двора пересланъ министрамъ ъ въ Утрехтъ, и бристольскій бископъ, и милордъ Страффордъ его толкуютъ. Помянутый господинъ Остерманъ вчерась ель выѣхалъ ко двору, котораго письмо при семъ посылаю.

Баронъ Шакъ сюды прибылъ, и по письму вашего превосхоельства пять тысячъ альбертовъ-ефимковъ ему выдано, и по ехъ дняхъ отъѣзжаетъ въ Англію; и что́ о дѣлахъ принадлежало, всемъ съ нимъ согласилися и по тому будемъ поступать.

1108. Князь В. Л. Долгоруковъ—кн. Б. И. Куракину.

1713 г. апрѣля 7. Гановеръ.

Je ne doute pas que ma dernière lettre que je me suis nné l'honneur d'écrire à Votre Altesse, en date du 21 mars er avril), ne lui ait été exactement rendue.

J'ai attendu, jusqu'ici, l'honneur de sa réponse avec beaup d'impatience, d'autant plus qu'elle aurait pu régler ma duite, dans ce qui se passe ici par rapport aux négociations

d'accommodement contre sa majesté le roi de Danemar et son altesse l'administrateur de Gottorp et d'autres prétendues secrètes négociations par ce même canal et par le ministère de M. le baron de Goertz, entre Sa Majesté Danoise et l comte de Steinbock.

Il arriva ici, avant-hier, le 5 (16), une estafette envoyé par M. de Schulenbourg, ministre de son altesse électoral de Brunswick auprès de sa majesté le roi de Danemark, Son Altesse Electorale son maître; et le bruit se répandit, d'abor par toute la ville, qu'un accommodement entre les puissance et les généraux de la Ligue du Nord d'un côté, et du génér Steinbock de l'autre, était conclu à l'avantage des Suédois

Ce bruit me donna occasion de m'enquérir de ce qu'il e était véritable, et il ne me fut pas fort difficile de savoir qu M. le baron de Goertz de Gottorp avait donné occasion M. de Schulenbourg à l'envoi de cette estafette, en lui fai sant connaître que les négociations de l'accommodement susd pourraient aisément réussir si Son Altesse Electorale voula concourir à les ménager et à en garantir la conclusion, ajouta que les intérêts de Son Altesse Electorale exigeaient de n point refuser sa concurrence et que, sans elle, les négociation n'auraient guère de succès.

Je remarquai encore que M. le baron de Goertz, mini stre d'état privé et président de la chambre des finances d son altesse électorale de Brunswick, lié d'une étroite amiti avec le baron de Goertz, ministre de Gottorp, se donna beaucoup de mouvement dans le conseil ordinaire, dans cel de Son Altesse Electorale et dans les visites particulières aupr des ministres du conseil, pour que Son Altesse Electorale s'employ à faire réussir les négociations entamées par son cousin le ba ron de Goertz, et moi, n'ayant pas été honoré d'une répons de Votre Altesse sur le contenu de ma dernière lettre du 2 mars (1-er avril) ni d'aucun ordre de son altesse monseigneu le prince de Menchikov, qui, naturellement, m'aurait d arriver pour porter Son Altesse Electorale à des démarche

illes, étant, par conséquent, dans l'incertitude si toutes démarches qu'on faisait envers Son Altesse Electorale pour porter à la concurrence d'une négociation avec le comte de inbock, n'étaient pas à l'insu de Votre Altesse [et de] Mgr le ce de Menchikov, et, raisonnant qu'à quel prix le corps Steinbock, enfermé à Toenningen, puisse être sauvé tôt ou , il serait à la charge de Sa Majesté Tsarienne ou à celle de sa esté le roi de Pologne, je demandai, hier, une audience à Son e Electorale pour la prier de ne rien précipiter dans une ire où Sa Majesté Tsarienne et ses alliés pourraient perdre coup, et dans laquelle le roi de Suède, l'administrateur de torp ou, bien même, M. le baron de Goertz, pour son par-er, pourraient uniquement trouver leur compte. Son Altes-lectorale me fit l'honneur de me dire et de m'assurer po-ement qu'elle ne se mêlera et ne s'engagera à rien, à moins ne fût requise de toutes les trois puissances alliées le Nord et, spécialement, de Sa Majesté Tsarienne, et à s que d'autres puissances n'y concourent pendant qu'elle se trouve pas assez forte pour donner une garantie suffi-te contre le parti qui voudrait contrevenir à la convention tendue.

Je pourrais faire ici à Votre Altesse un ample récit de qui se dit dans les entretiens familiers, dans lesquels on ent que le roi de Suède étant accoutumé de désavouer le t et ses ministres, on risquait que, si on laissait transpor-le corps de Steinbock en Suède, il soit [fût] bientôt retrans-é en Poméranie, d'où ce corps irait manger la Saxe, à que Sa Majesté Tsarienne n'y mette ordre, ou bien en gne, pour exciter de nouveaux troubles, et pour les finir, te, dans les pays héréditaires de sa majesté le roi de Po-e, ou bien qu'on emploierait ce corps, qui sont les meilleu-troupes que la Suède a encore, du côté de Finlande, di-vement, contre Sa Majesté Tsarienne.

Votre Altesse me fera beaucoup de grâce de m'informer, plus tôt et au plus juste, de la situation où se trouvent ces

négociations prétendues tant entre sa majesté le roi de Danemark et l'administrateur, et, par le canal de celui-ci, entre Sa Majesté Danoise et le comte de Steinbock, pour pouvoir agir ici avec plus d'assurance et en conformité des intentions de Sa Majesté Tsarienne, notre auguste maître, et de ses intérêts et j'espère qu'elle approuvera ma conduite d'avoir [poussé] Son Altesse Electorale de se mêler de ces négociations, ou de prendre sur elle la garantie d'une conclusion jusqu'à ce que Sa Majesté Tsarienne et monseigneur le prince de Menchikov m'aient envoyé ces ordres précis, et que Votre Altesse m'ait donné toutes les lumières nécessaires.

Je la supplie, très-humblement, de vouloir bien adresser la lettre qu'elle me fera l'honneur de m'écrire en réponse à celle-ci à notre résident, à Hambourg, le sieur Böttiger.

1109. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. апрѣля 11. Гага.

По отъѣздѣ графа Цинцендорфа изъ Утрехта и по послѣднемъ поданномъ предложеніи французскомъ, закрѣпленномъ руками министровъ, въ дѣлахъ мирныхъ съ цесаремъ и цесарствомъ больше ничего не произошло. И хотя второй полномочный цесарскій баронъ Керхнеръ четвертаго дня имѣлъ конференцію съ министры аглинскими, однакожъ онъ, Керхнеръ, ни въ какія дѣла въ отбытность графа Цинцендорфа не вступаетъ. И вчерашняго дня въ Амстердамъ отъѣхалъ, и оттуда, какъ слышу, вовсе ко двору возвращается.

Министръ палатинскій, также и маянскій, оставя конгрессъ, ко дворамъ своимъ возвратилися.

Здѣсь разсуждается о мирѣ между цесаремъ и цесарствомъ и Франціею, что хотя не въ состояніи цесарь и цесарство войну продолжать противъ Франціи, такъ великой потенціи, однакоже самая нужда всего цесарства къ продолженію войны приведетъ. Разсуждая, что ежели на такихъ требуемыхъ кондиціяхъ отъ Франціи миръ учинить, то чрезъ такой миръ Фран

ія весьма монархомъ имперіи назваться можетъ, для того то чрезъ ея одной насиліе, несмотря на права имперіи, дукъ аварскій не токмо возставленъ будетъ владѣніемъ въ своей емлѣ и въ прежнее электоральское достоинство, но еще коолемъ сардинскимъ учиненъ будетъ. Равнымъ же образомъ, ромѣ одного королевства, и курфюрстъ колонскій возставленъ ь имперію будетъ, и чрезъ тѣхъ двухъ помянутыхъ курфюровъ Францiя всегда въ имперіи повелительница будетъ. И редь другіе принцы имперскіе, которыхъ есть довольно ь несогласіи одинъ съ другимъ, не будутъ больше въ Ратисонѣ сатисфакціи искать; но чаемый быть неудовольствованъ, сегда будетъ протекціи у Франціи искать. И чрезъ такіе придки видимо есть, что оная Францiя по циркулю бурбонско- у вовнутрь дѣлъ имперскихъ замѣшается, и, наконецъ, трудо будетъ всѣ тѣ интриги ея, Франціи, уже изъ имперіи выодить. Что же принадлежитъ о королевствѣ сардинскомъ, каова та трудность есть въ имперіи ихъ интересомъ, чтобы урфюрстовъ до королевскаго титула допускать, и на примѣръ му берутъ короля прусскаго, какъ уже онаго титулъ короевскій весьма нынѣ явился всей имперіи предосудителенъ, я того что чрезъ тотъ одинъ титулъ съ Франціею нынѣ могъ иръ партикулярный учинить. И какъ слышно, что чрезъ тотъ иненный трактатъ обязался онъ, король прусскій, ей, Франіи, чтобъ имперіи и цесарю, ежели продолжать войну будутъ, у, прусскому королю, не вспомогать ничѣмъ, кромѣ одного оего обыкновеннаго континжента.

И по всѣмъ тѣмъ вышепомянутымъ трудностямъ чаютъ, что есарь и цесарство продолжать войну будутъ, которая война о стороны имперіи дифенсиве свободно можетъ быть безъ сякой трудности, такъ-что со стороны имперіи одинъ противу ухъ отъ Франціи оборонительно поступить можетъ. И положеніе мѣстъ въ Ольсаціи со стороны Франціи есть трудное, я того что не имѣетъ изъ Франціи проходовъ водяныхъ, отуль бы могли магазины свои наполнить. И для тѣхъ трудостей она, Францiя, больше шестидесяти тысячъ противу им-

періи въ Ольсаціи содержать не можетъ. А чрезъ другіе ни-какіе краи войну противу цесаря и цесарства чинить не мо-жетъ же, для того Брабантъ и Флядры, также и въ Италіи и въ Каталоніи учинено нейтральство. И потому во всѣхъ тѣхъ краяхъ онъ, цесарь, можетъ во всякой безопасности быть

И, въ-первыхъ, изъ того продолженія войны разсуждается въ интересъ имперіи, что Франція, не видя способа оружіем принудить цесаря и цесарство къ миру, дастъ лучше и сход-ныя кондиціи; во-вторыхъ, чая премѣнамъ быть въ Англіи, ко-торыхъ премѣнъ всегда ожидали и ожидаютъ.

Также премѣнѣ равной и въ Голландіи надѣются быть, для того что сей миръ противу всѣхъ здѣшняго купечества сдѣ-ланъ токмо однимъ магистратомъ города Амстердама и про-винціею Утрехтскою, также и нѣкоторыми персонами заку-пленными, для своихъ партикулярныхъ интересовъ.

Что же craналежитъ къ опасности цесарю и цесарству, и паче всѣхъ разсуждается, чтобъ интриги французскія не пону-дили турка къ войнѣ противу цесаря.

Особливе при семъ, для извѣстія, доношу, что здѣшні Господа Статы, по заключеніи своего нынѣшняго трактата и хотя обязалися тѣмъ добрыми средствы цесаря и цесарства съ нею, съ Франціею, примирять, но какъ видимъ, что не с такимъ прилежаніемъ трудятся, какъ аглинскіе и савойскіе Но еще больше, нежели ихъ, статская, въ томъ неприлеж-ность есть, видимъ, будто бы больше желали того, чтобы це-сарь ту войну продолжилъ. Однакоже трудно при нынѣшних случаяхъ всѣ здѣсь секретныя хитрости усмотрѣть, или на од-номъ мнѣніи себя основать, для премѣнъ частыхъ дѣлъ.

Ратификаціи еще не бывали и на предбудущей недѣл ожидаются какъ изъ Франціи, такъ и изъ Англіи.

Дукъ д'Оссуна, министръ короля Филиппа, третья дня прибылъ въ Утрехтъ и до перваго іюня пробыть намѣ-ренъ.

Что приналежитъ до интересовъ его царскаго величества еще по се число ни въ Утрехтѣ, ни здѣсь, по разговорѣх

милорда Страффорда, о которыхъ я прежде сего доносилъ, никакого предложенія не явилося, кромѣ того, что министръ шведскій подъ рукою всѣмъ внушаетъ. Равнымъ же образомъ и съ нашей стороны не упущено.

И третьяго дня помянутый Пальмквистъ, прибывъ сюда, говорилъ съ ратпенсіонаріемъ, также и съ другими правительствующими сей республики, не предложеніемъ информе, но разговоромъ, что они, Статы, по учиненіи нынѣ своего мира съ Франціею, должны попеченіе имѣть съ другими потенціями о дѣлахъ сѣверныхъ и миръ честный и прибыточный его королю учинить. И находитъ онъ, Пальмквистъ, сходно при нынѣшнихъ конъюктурахъ, какъ они, Статы, есть уже нынѣ въ примиреніи съ Франціею, чтобы всѣ три потенціи, т.-е. Англія, Франція и они, Статы, согласясь обще, посредниками въ тѣ дѣла сѣверныя вступили. И при томъ объявилъ, чтобы не допускать въ тѣ дѣла вмѣшиваться ни цесаря, ни цесарство, для того что они участкомъ по провинціямъ шведскимъ въ имперіи могутъ быть къ одной или другой сторонѣ парціальны; также и по всему видимо, что цесарь и цесарство свою войну продолжать противу Франціи будутъ.

И на всѣ тѣ его разговоры какъ пенсіонарій, такъ и другіе обыкновенною ихъ флегмою отвѣтствовали, что сіе дѣло деликатное, и каждый изъ нихъ своего мнѣнія дать не можетъ, для того что о семъ требуетъ долгаго времени: по конституціямъ здѣшней республики надлежитъ сноситься со всѣми провинціями, и всякая провинція — со всѣми своими городами и другими правительствы.

При томъ же онъ, Пальмквистъ, говорилъ, что они должны ему способствовать по трактату вестфальскому, что̀ принадлежитъ о провинціяхъ шведскихъ въ имперіи.

На что ему сказали, — что̀ принадлежитъ къ интересамъ имперіи, они весьма готовы быть согласны во всемъ томъ съ цесаремъ и всею имперіею. И по всѣмъ тѣмъ своимъ разговорамъ и многимъ внушеніямъ отсель возвратился въ Утрехтъ съ чѣмъ.

Я, вчерась ввечеру возвратясь изъ Утрехта, еще ни с кѣмъ съ правительствующими здѣсь не видался, и впредь, св дѣвшись, о намѣреніяхъ ихъ въ дѣлѣхъ буду доносить.

Я признаваю по его тѣмъ, Пальмквистовымъ, посту камъ, что онъ самъ отъ своего произволенія въ помянутыхъ дѣлѣх поступаетъ, престерегая свою должность министерскую; а в чаю, чтобъ онъ имѣлъ указъ отъ короля своего и предлагат и трудиться о мирѣ. О семъ мнѣ придало знать больше из разговоровъ милорда Страффорда со мною.

Онъ, милордъ, между другими разговоры сказалъ, что еж ли бы король шведскій умеръ, какъ о немъ въ новинахъ яв лося, онъ бы начаялся, что не за великую печаль сенатъ в Стокгольмѣ принялъ, и больше бы себѣ интереса получил нежели какъ нынѣ руки имѣютъ связаны.

На сихъ дняхъ получилъ я чрезъ нѣкоторыя руки копію проекта, каковъ будто подалъ аглинскому двору министръ да скій г. Розенкранцъ, который уже министрамъ аглински отъ двора сообщенъ, о которомъ я не такъ явно предъ си письмомъ доносилъ,—и тотъ проектъ при семъ посылаю. М мнѣніе, что изъ сего не что иное, токмо начало партикулярн го мира. И паче всего мнѣ подозрѣніе есть, что свое все а тикулами изъявилъ, а о другихъ просто напослѣди молвил чѣмъ свое намѣреніе къ партикулярному миру будто бы да знать.

Я о семъ такъ разсуждаю, не вѣдавъ намѣренія его ца скаго величества. И, можетъ быть, что то учинено съ обща согласія всѣхъ аліатовъ сѣверныхъ; но есть подозрительно тѣм что помянутый Розенкранцъ о семъ ни г. Литу [не сообщалъ также и содержаніе того мирнаго пляна не въ той равной сил каковъ мнѣ отъ двора сообщенъ.

И ежели оный датскій министръ по указу двора своего т кмо опытъ чинитъ для общаго интереса, однакожъ я бы несх денъ съ ихъ мнѣніемъ былъ, чтобъ имъ упустить починать т общія дѣла и главнымъ въ тѣхъ дѣлѣхъ быть. И что̀ впре о семъ дѣлѣ будетъ происходить, буду впредь доносит

Однакоже ни отъ аглинскихъ министровъ, ни здѣсь у Статовъ еще о семъ ничего не явилося.

1110. Князь Б. И. Куракинъ—Ѳ. М. Апраксину.

1713 г. апрѣля 11. Гага.

Въ бытность мою въ Помераніи его царское величество, премилостивѣйшій нашъ государь, указалъ мнѣ здѣсь нѣсколько офицеровъ въ морской флотъ нанять, отъ капитана и до другихъ нижняго ранга, и до самыхъ матросовъ, столько числомъ, что́ бы могло требовать къ извѣстному отправленію изъ Копенгагена. И довольное то число нанято и отправлено, о которыхъ надѣюсь, что счастливо прибыли.

Отъ тѣхъ же нанятыхъ того времени взятъ въ службу его царскаго величества капитанъ г. Кронембургъ, который, здѣсь по засвидѣтельству многихъ, доброй репутаціи, и удержанъ здѣсь былъ до сихъ часовъ для отправленія впредь извѣстныхъ махинъ. Но нынѣ все то отправляется по указу другимъ способомъ, не заходя никуды. Того для прошу васъ, мой государь, къ нему, капитану, во всемъ свою милость явить.

1111. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. апрѣля 14. Гага.

Послѣ отправленнаго моего послѣдняго письма здѣсь въ дѣлахъ, ни въ Утрехтѣ, ничего не произошло; токмо слышимъ, что аглинскіе министры циркуль Франконіи склоняютъ неутральство принять. Министры того циркуля будто намѣрены о томъ деклярацію учинить. Ежели сіе учинено будетъ, то́—первый знакъ слабыхъ дѣлъ въ имперіи; и трудно разсудить, ежели бы цесарь могъ одинъ домомъ своимъ аустрижскимъ противу Франціи войну продолжать.

По резолюціи статской войскамъ саксонскимъ патенты о возвращеніи ихъ въ отечество даны вскорѣ будутъ, и съ 10 мая маршъ свой примутъ.

Баронъ Шакъ завтра отъѣзжаетъ.

Статы получили два письма изъ Константинополя отъ по сла своего конте Коллѣерса: отъ 12 февраля, и при том реляція о случившемся извѣстномъ дѣлѣ королю шведскому; чемъ двору давно есть извѣстно. Токмо прибавилъ, что ко роль шведскій у правой руки отъ янычерской сабли два пал ца потерялъ.

Въ другомъ письмѣ, отъ 8 марта, объявляетъ, что он отправилъ своего драгомана Тейльса въ Адріанополь къ вел кому везирю подъ претекстомъ, будто требовать указа о вы купкѣ невольниковъ, подданныхъ голландскихъ. И при томъ н казано ему, драгоману, чтобъ исходатайствовать указъ у везир дабы позволено ему, конте Колліерсу, быть въ Адріанопол также-бъ и увѣдомился обстоятельне о всѣхъ нынѣ случающи ся дѣлѣхъ. И впредь обѣщалъ онъ, конте Колліерсъ, пр странно доносить. А о свободѣ нашихъ министровъ ничего в письмахъ своихъ не объявлялъ.

1112. Князь Б. И. Куракинъ—Михаилу Павловичу N N.

1713 г. апрѣля 14. Гага.

Я ваше остатнее письмо изъ Москвы, отъ 5 марта, по лучилъ; изъ того уразумѣлъ о выдачѣ денегъ по моимъ векс лямъ моего жалованья извѣстнымъ купцамъ, и за то благода ствую. Токмо могу вамъ при семъ объявить, что г. Любса брат объявляетъ, что онъ извѣстія о томъ отъ брата своего н имѣлъ, и по се число деньги не выдаетъ. При семъ прош показать мнѣ любовь свою на прошеніе моего человѣка, ко торое будетъ въ томъ, что, по указу его царскаго величеств опредѣлено быть священнику при посольствѣ въ Гагѣ, окладъ тому учиненъ по 150 руб. на годъ, и то священническо жалованье было повсягодно отправлено при векселяхъ г. Ма твѣева. И на нынѣшній годъ то священниково жалованье сю ды ко мнѣ не прислано; я чаю, что то съ жалованьемъ г. Ма твѣева попрежнему къ нему отправлено. Того для прошу впред

священниково жалованье отправлять сюда ко мнѣ. Я же получилъ указъ здѣсь при мнѣ обрѣтающагося священника, прежде бывшаго, за долгую его здѣшнюю бытность отправить въ отечество и на его мѣсто взять иного. Того для я писалъ въ въ домъ свой и велѣлъ пріискать священника для посылки ко мнѣ. И когда будетъ объявленъ въ посольской канцеляріи, того для прошу, по обыкновенію, приказному прикажите послать память въ Духовный приказъ, или куды надлежитъ, дабы оный, за благословеніемъ архіерейскимъ, свободно служащимъ священникомъ сюды могъ ѣхать. Также прошу его опредѣленное жалованье на первый годъ приказать выдать.

1113. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. апрѣля 15. Гага.

Вашего превосходительства письмо получилъ, которымъ мнѣ объявлено указомъ его царскаго величества о присланныхъ офицерахъ, россійской націи, двадцати девяти человѣкахъ, чтобъ имъ здѣсь быть въ службѣ войскъ аліатскихъ за валентеровъ, ежели иного способа неможно сыскать будетъ. А ежели миръ у здѣшнихъ съ Франціею учиненъ будетъ, то велѣно помянутыхъ офицеровъ отправить назадъ въ отечество на Ригу и на Кенигсбергъ.

И по учиненіи нынѣ мира съ Франціею, тѣ помянутые офицеры отправлены—одни до Риги, а другіе до Кенигсберга для свободнаго имъ и безубыточнаго проѣзда, которымъ велѣно явиться вашему превосходительству.

1114. Графъ Г. И. Головкинъ—князю Б. И. Куракину.

1713 г. апрѣля 17. С.-Петербургъ.

Послѣднее мое къ вашей милости отправлено въ пути изъ Кенигсберга, марта отъ 16, съ котораго изъ Мемля 19 марта-жъ и дубликатъ посланъ, и надѣюсь, что оное до васъ исправно дошло. А потомъ продолжалъ я путь за его

царскимъ величествомъ въ Санктъ-Петербургъ, куда его величество изволилъ прибыть предъ праздникомъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы счастливо, а я пріѣхалъ сюда въ Великій Пятокъ. И въ пути ѣдучи, такожъ и сюды прибывъ, получилъ я съ разныхъ почтъ шесть писемъ, подъ №№ 16, 17, 18, 19 20 и 21-мъ, которыя всѣ его царское величество изволилъ самъ читать.

Въ отвѣтъ на оныя милости вашей симъ объявляю. Что надлежитъ о корпусѣ войскъ его царскаго величества, обрѣтающемся нынѣ въ Голштиндіи, ежели къ выступленію оныхъ высокіе союзники будутъ какія предложенія чинить или и понуждать, то изволите въ томъ поступать по содержанію грамоты его царскаго величества, посланной о семъ дѣлѣ къ цесарю, съ которой вашей милости напредь сего и списокъ сообщенъ. Но сноситься о томъ надлежитъ съ г. фельдмаршаломъ княземъ Меншиковымъ, которому какіе о томъ такожъ и о Помераніи, пункты, при отъѣздѣ его царскаго величества изъ Голштиндіи, даны, съ тѣхъ при семъ, для извѣстія вашей милости, копіи прилагаются.

Въ прочемъ же, когда у соединенныхъ доходить будетъ до заключенія съ Франціею мира, и чтó при томъ касаться будетъ къ интересамъ его царскаго величества, изволите чинить по данной вамъ инструкціи и потомъ посланнымъ указомъ. А нынѣ въ пополненіе онымъ писать что не имѣю, но предается то наипаче на ваше искусство: изволите, усматривая тамошнихъ конъюктуровъ, по надлежательству и по содержанію помянутыхъ его царскаго величества указовъ поступать, какъ того случай требовать будетъ.

О королѣ шведскомъ нынѣ имѣли мы изъ Вѣны вѣдомости, что будто онъ, когда, по взятіи отъ турковъ приступомъ изъ его двора повезенъ изъ Бендеря въ Адріанополь, больно лихорадкою, въ пути умеръ. Но надлежитъ на сіе еще ожидать конфирмаціи, ибо о томъ къ цесарскому двору, какъ пишетъ г. Матвѣевъ, подлинныхъ доношеній нѣтъ, но постороннія письма то значили. Такожъ и о турскомъ намѣреніи к

можемъ получить достовѣрныхъ вѣдомостей: иные пишутъ, что они отъ объявленной войны намъ ослабѣваютъ, а иные твердятъ, что къ оной сильное пріуготовленіе чинятъ. На что все будемъ ожидать впредь подлиннаго увѣдомленія, и вашей милости не оставлю о томъ сообщить. Токмо нынѣ сіе объявляю, что уже турскіе подъѣзды явились близъ Кіева и въ другихъ мѣстѣхъ на Украйнѣ и съ нашею противъ ихъ высланною партіею бой имѣли, и наши при томъ нѣсколько турокъ и татаръ въ полонъ взяли. И чтó впредь далѣе въ томъ происходить будетъ, о томъ время вящше явитъ.

Что же ваша милость напоминали въ письмѣ своемъ, № 19-ый, дабы къ вамъ указы о нужныхъ дѣлѣхъ, а особливо о такихъ, какъ къ вамъ писано отъ меня изъ Берлина, подъ №№ 7 и 8-мъ, присылать за подписаніемъ его царскаго величества,—и я о семъ его царскому величеству доносилъ, и его величество на то соизволяетъ, чтобы вамъ такіе указы, за его подписаніемъ, отправлять. А наипаче я, съ своей стороны, того отъ сердца желаю и стараться впредь буду, чтобъ о важныхъ дѣлѣхъ къ вамъ указы посыланы были за подписаніемъ его величества руки. И нынѣ вышеписанные указы, №№ 7 и 8-ой, переписавъ вновь, послали бы къ вамъ за его царскаго величества рукою; но понеже первый, о Лифляндахъ, нынѣ не гораздо нуженъ, ибо содержаніе онаго король польскій и речь посполитая, по предложенію въ Варшавѣ князя Трубецкого, не токмо за благо не приняли, но и весьма отвергли (а просятъ, чтобъ имъ нынѣ Ригу и Лифлянды всѣ отдать), того ради его царское величество оный и посылать къ вамъ за непотребно разсудилъ. А другой, № 8-ой, о перепускѣ войскъ союзныхъ, безъ цыфра написать невозможно, понеже въ немъ розныя кондиціи, развѣ нарочно съ тѣмъ курьера къ вамъ отправить; но нынѣ въ томъ нужды не видимъ. А когда бы до трактованья о томъ дошло, то, при случаѣ нужды, можете показать во свидѣтельство и мое письмо; ибо, какъ вы въ томъ же письмѣ напомянули, что когда французскіе министры статскимъ оное письмо о заключеніи мира маркиза де-Торсія [по-

казали], то они оному во всё вѣру яли, и, можетъ быть, и мо при нуждѣ когда-либо служить можетъ.

1115. Князь Б. И. Куракинъ—графу А. Г. Головкину.

1713 г. апрѣля 17. Гага.

О дѣлѣхъ голштинскихъ нѣкоторой части я свѣдомъ. Н еще больше, какъ могу вамъ объявить, что здѣсь заподлинн вѣдаютъ о трактованьи датскаго двора партикулярнаго мир и что оному чаютъ весьма быть къ концу своему приведену.

Здѣсь въ дѣлахъ по се число къ намъ еще не касалос но чтó и было,—все разговорами. Но нынѣ весьма начинат ся будетъ какъ здѣсь, въ Гагѣ, такъ и въ Утрехтѣ.

Дѣла цесарскія всѣ въ молчаніи есть, за отбытіемъ гр фа Цинцендорфа.

Я благодарствую, мой государь, вамъ, что вы мнѣ пр казали объявить объ отходѣ почты рижской, и потому бу писать, ежели когда нуждъ не случится, которыя часто здѣ бываютъ, а для чрезвычайныхъ дѣлъ, чтобъ и нарочно съ пис мами штафету посылали.

1116. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. апрѣля 21. Гага.

Министры аглинскіе въ Утрехтѣ со всякою прилежность трудятся, чтобы цесаря и Францію къ миру склонить, и внов въ отбытіи графа Цинцендорфа, министру цесарскому б рону Керхнеру предлагали розными образы, какое бы п средство могли найти къ удовольству дука баварскаго. И уч нили вновь плянъ они, министры аглинскіе, чтобы Сардині уступить цесарю, а дуку бы баварскому быть по свою смер губернаторомъ во Фляндрахъ и Брабантѣ подъ именемъ и вл дѣніемъ его, цесарскимъ, токмо бы во всё то время своей г верніи ему, дуку баварскому, всѣ доходы себѣ брать, кром того числа, которое должно къ содержанію гарнизоновъ как

ь барьерѣ, такъ и въ другихъ пристойныхъ мѣстѣхъ. Токмо а сей плянъ будетъ ли сходство со стороны Франціи, знать е можемъ. Но цесарскій министръ о семъ, слышу, доношеніе вору учинилъ, хотя и противу воли двора своего, для отбытости графа Цинцендорфа.

Помянутаго барона Керхнера завтре сюды ожидаютъ, и удутъ какъ милордъ Страффордъ, такъ и депутаты статкіе ему предлагать о сходствѣ къ миру. Однакоже всѣ тѣ онференціи бездѣйствительны могутъ быть до тѣхъ мѣстъ, пока будетъ доношеніе отъ графа Цинцендорфа учинено, и какая цесарская резолюція къ тому взята будетъ.

Статы, третьяго дня подписавъ свою ратификацію, послали въ Утрехтъ и вчерашняго дня размѣнялися, также и аглинкіе, и прусскіе, а о другихъ еще знать не можемъ. Однакожъ и тѣ вскорѣ, какъ получатъ, будутъ размѣнены.

Топерь будемъ смотрѣть, по размѣнѣ сихъ ратификацій, въ исполненіи со стороны Франціи по трактату, какъ положено, чтобы исполнено было въ пятнадцать дней объ отдачѣ родовъ голландцомъ, также и о разореніи Дункерхена; въ емъ многіе подозрѣніе имѣютъ, и для того Англія своихъ ойскъ изъ Финляндіи еще не перевозитъ. Но Господа здѣшніе Статы не токмо въ какой нынѣ опасности есть, чтобы Франція во всѣхъ своихъ обѣщаніяхъ устояла, но на предбудущее еще больше опасности имѣютъ. И того для взяли резолюцію, чтобы во время сіе мирное содержать имъ, Статомъ, ойскъ своихъ 85 баталіоновъ и 60 эскадроновъ, токмо не всѣхъ на лошадяхъ, но со всякаго эскадрона по 20 лошадей. Изъ сего видится, что сей ихъ миръ не оставляетъ въ покоѣ, а еще въ бо́льшемъ безпокойствѣ пребываютъ.

Принцъ Галлисъ какову протестацію при конгрессѣ трехтскомъ учинилъ, переводъ съ той при семъ посылаю. Оная протестація публикована такимъ образомъ, что къ каждому министру присланъ пакетъ за печатью, и надпись къ тому.

Генералъ Бернеръ дука голштенскаго администратора призванъ сюды министромъ, который, четвертаго дня бывъ въ

конференціи съ депутаты статскими, предлагалъ, чтобы п обязательству своего трактата, который имѣетъ съ дукомъ ег о войскахъ, данныхъ отъ него, дука, которыя были нынѣ в службѣ ихъ, статской, по оному, также и по травендальском какъ гваранты, вступилися и оборонили его, дука, отъ нападе нія какъ шведскаго, такъ и короля датскаго съ его аліаты, ко торые въ крайнее разореніе то дукатство голштенское привели

И на тѣ его предложенія депутаты берутъ всегда на доно шеніе Статомъ; но еще резолюціи по се число они, Статы, ни какой не берутъ. Но вчерашняго дня ратпенсіонарій, бывъ с мною въ конференціи, также того же дня и съ польскимъ ми нистромъ, говорилъ мнѣ, чтобы найти какой способъ, дабі оныя дѣла голштенскія къ окончанію скорому привести и ти шину тамъ постановить.

На что я ему отвѣтствовалъ, что онымъ дѣламъ въ Го штеніи чаемъ вскорѣ оконченнымъ быть какъ чрезъ нынѣшнюі негоціацію, о которой слышимъ, или чрезъ оружіе аліатові А чтобы, чрезъ негоціацію какую здѣсь, тамъ неутральство во ставить, и въ томъ несходность нахожу, для того что тѣ дѣ ла приналежатъ къ интересамъ имперскимъ. И того для на лежитъ лучше въ которомъ мѣстѣ въ имперіи о томъ тракт вать.—И объявилъ, что я буду о семъ писать къ фельдма шалу князю Меншикову, что не имѣетъ ли на то каких указовъ и полной мочи. И о томъ на сей же почтѣ до фель маршала князя Меншикова я писалъ.

О семъ же равно милордъ Страффордъ, посолъ агли скій, вчерашняго дня бывъ у меня, предлагалъ и притомъ ме ня спрашивалъ, ежели я имѣю отвѣтъ отъ двора на прежні его предложенія о семъ же дѣлѣ; о чемъ я уже предъ шесты недѣльми доносилъ. На что я ему сказалъ, что я отвѣта от двора не получилъ, и впредь ему обѣщалъ сообщить, когд указъ отъ двора получу.

Того для прошу ваше превосходительство, чтобы при ны нѣшнихъ случаяхъ на мое доношеніе все было мнѣ учинен безъ удержательства рѣшеніе; но впредь еще довольно случит

ся такихъ дѣлъ, что для отвѣта будутъ мнѣ давать время, въ которое долженъ отвѣтствовать.

Министръ Пальмквистъ шведскій предлагалъ Статомъ, что Господа Статы, по учиненному съ Франціею миру, нынѣ должны дать войскъ своихъ 6000 по обязательству своему учиненнаго аліанса оборонительнаго съ Швеціею, какъ уже они, Статы, въ началѣ сей сѣверной войны королю его войски дали, но для своей съ Франціею войны оныя возвратили. Но нынѣ онъ, Пальмквистъ, надѣется, что они, Статы, помощныхъ войскъ своихъ королю его настоящее число возвратить въ такомъ образѣ, какъ король его нынѣ есть въ оборонительной отъ нападенія своихъ непріятелей [войнѣ].—При томъ же предлагалъ, чтобъ они, Статы, какъ гаранты, содержали трактатъ травендальскій и себя-бъ, обще съ Англіею, противу нарушителя того трактата объявили.

Всѣ тѣ его предложенія взяты на доношеніе Статомъ, и рѣшенія никакого еще не взято.

Того для я съ польскимъ министромъ вчерашняго дня принуждены были имѣть съ депутаты конференцію, которымъ предлагали въ противность помянутымъ предложеніемъ,—объявляя, въ-первыхъ, что сія война по правамъ народнымъ и публичнымъ не можетъ назваться отъ стороны шведской, что на нихъ наступательная, для того что его царское величество и его аліатъ, король польскій, хотя сперва атаковали, токмо потомъ вскорѣ себя къ миру объявили и отъ тѣхъ мѣстъ и донынѣ оную склонность свою къ миру продолжали. Но несклонность короля шведскаго къ миру и продолженіе его войны сей, которая есть наступательною, а не оборонительною, и не токмо собою, но чрезъ себя ребелію между казаковъ возставилъ, турковъ въ неправую наступательную войну привелъ, отъ чего его царское величество великіе убытки понёсъ,—но еще со стороны турецкой внѣ всякаго надѣянія къ покою и донынѣ есть.— Второе,—по обязательству того трактата король шведскій въ прошлую войну до рисвикскаго мира имъ, Статамъ, войскъ своихъ противу Франціи не далъ, и тѣмъ оный трактатъ того

же времени былъ нарушенъ. И того для нынѣ имъ, Статомъ, по тому трактату и слѣдовать не надлежитъ, и не обязаны.

Что же принадлежитъ о гварантіи травендальскаго мира, о томъ имъ объявляли, что нарушительми того трактата есть шведы нападеніемъ своимъ въ Голштенію, и представляя къ тому другіе многіе резоны.

Все сіе предложеніе наше взяли на доношеніе Статомъ.

И потомъ имѣлъ партикулярные разговоры въ домѣхъ ихъ съ персонами первыми, желая отъ нихъ вѣдать ихъ въ тѣхъ дѣлахъ намѣренія. На что намъ отвѣтствовали и обнадеживали, что ничего къ предосужденію царскаго величества здѣсь принято не будетъ. И потомъ ратпенсіонарій сказалъ, что они будутъ, какъ съ одной стороны, такъ и съ шведской, примать наши резоны и тѣ резоны разсуждать, и ихъ важить; а между тѣмъ довольно времени пройдетъ.

И по обнадеживаніемъ здѣшнихъ первыхъ персонъ отъ противнаго воспріятія надежнымъ есть; но впредь сего постоянства будемъ смотрѣть.

Милордъ Страффордъ, прошлой недѣли прибывъ сюды изъ Утрехта, Статомъ предлагалъ именемъ королевы своей, чтобы нынѣ, согласясь съ Статами, вступить въ дѣла сѣверныя,— и предлагалъ имъ, Статомъ, чтобы начать при конгрессѣ утрехтскомъ.—И о семъ его предложеніи какъ мнѣ, такъ и министру польскому сообщено. При томъ же онъ, милордъ Страффордъ, объявилъ имъ, Статомъ, плянъ о мирѣ сѣверномъ, каковъ двору ихъ объявленъ чрезъ министра датскаго Розенкранца.

И на то его предложеніе еще Статы никакой резолюціи не взяли; но ратпенсіонарій мнѣ говорилъ, что онъ часто сходнѣе, чтобы дѣла сѣверныя нынѣ начать дѣлать при конгрессѣ утрехтскомъ. Но я увидѣлъ онаго желаніе, что хочетъ отъ меня вѣдать мое мнѣніе.

На что сказалъ ему, что весьма имъ, Статомъ, самимъ предосудительно есть, для того что Франція въ тѣ дѣла можетъ свободно вмѣшаться, и тогда не можетъ къ пользѣ быть

ымъ, Статомъ, но паче къ предосужденію. Къ сему-жъ еще миръ съ цесаремъ не учиненъ у ней, Франціи, и, вступя въ тѣ сѣверныя дѣла, можетъ она, Франція, ввести новый огонь въ имперію къ предосужденію цесарю и всему цесарству.

При томъ я требовалъ отъ него его мнѣнія, какимъ образомъ оныя дѣла сѣверныя намѣрены начинать. На что мнѣ сказалъ, что предложеніемъ добрыхъ средствъ, и потомъ отъ каждаго приняты пропозиціи къ миру.

На что его я спрашивалъ, что они подлинно извѣстны, что министръ шведскій Пальмквистъ инструціи къ тому и полную мочь имѣетъ. На что сказалъ, что Пальмквистъ того ничего не имѣетъ; токмо надѣются они, что о томъ имѣетъ полную мочь и инструкціи графъ Веллингъ, и того для намѣрены его призвать въ конгрессъ въ Утрехтъ.

На что я ему сказалъ, что я при всѣхъ случаяхъ буду поступать, какъ мнѣ инструкція велитъ, а о другомъ описываться. И при томъ же ему, пенсіонарію, я натурально сказалъ, что, обѣ потенціи морскія ежели есть прямого намѣренія миръ въ сѣверѣ учинить генерально между всѣхъ, то надлежитъ имъ прежде согласно, обѣимъ тѣмъ потенціямъ, свои средства приложить и турка въ мирѣ съ царскимъ величествомъ содержать, къ войнѣ не допустить. И потомъ когда король шведскій изъ турецкой земли возвратится, тогда миръ въ сѣверѣ свободно возможно учинить; а ежели война турецкая вчата будетъ, то никогда король шведскій къ миру сходенъ не явится. И того для ни графъ Веллингъ, ни другой кто не можетъ въ дѣла мирныя вступить, хотя-бъ имѣлъ старыя инструкціи; но принужденъ будетъ ожидать вновь указовъ, смотря на перемѣны дѣлъ нынѣ турецкихъ. И надѣюся, что ничего не будетъ во всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ, для того что министры шведскіе ни одинъ не имѣетъ въ тѣ мирныя дѣла вступить указовъ отъ короля своего; токмо опасенъ, что, вступя въ тѣ дѣла подъ лицомъ общимъ, не отлучили бы отъ насъ датскаго короля.

Милордъ Страффордъ въ бытность свою, при разговорахъ, со всякою учтивостью говорилъ о персонѣ царскаго ве-

личества. И при томъ говорилъ,—ежели королева шквадру свою пошлетъ въ Балтическое море для безопасности своихъ подданныхъ въ коммерціи, то не можетъ себѣ царское величество за противность принять. На что я ему сказалъ, лучше-бъ оную удержать для того, чтобы не могла подозрѣніе нѣкоторой сторонѣ дать.

И не отвѣтствуя на то, мнѣ сказалъ, что онъ вчерашняго дня получилъ письмо отъ посла своего г. Зуттона изъ Константинополя, отъ 17 марта, въ которомъ ему объявляетъ о пріѣздѣ короля шведскаго въ Адріанополь, и что всѣ виды есть въ интересъ шведскій; однакожъ есть противная партія немалая, которая весьма миръ содержать хочетъ. И предъ другими днями до отправленія сего письма посолъ голландскій графъ Колліерсъ, по указу отъ Порты, былъ въ Семи турахъ и конференціяхъ уже двожды съ послы его царскаго величества, которымъ предлагалъ вновь о мирѣ, о которыхъ артикулахъ будто къ нему, милорду, онъ, Зуттонъ, не писалъ, и въ предбудущихъ почтахъ обѣщалъ къ нему писать.

Плянъ мира, каковъ поданъ министромъ датскимъ въ Англіи, въ которомъ упомянулися два острова: Эзель и другой Даго, въ претенсіяхъ королю датскому, а въ присланномъ плянѣ ко мнѣ о тѣхъ островахъ не упомянулося. О семъ прошу повелѣть ко мнѣ отписать, для того что тѣ оба острова есть во владѣніи его царскаго величества.

Отъ князя Долгорукова никакой вѣдомости не имѣлъ, ежели тѣ экземпляры, учиненные о плянѣ мирномъ, уже размѣнены.

Писалъ я многократно къ архіерею рязанскому, чтобы на перемѣну здѣшняго священника прислалъ иного,—и въ томъ мнѣ отказалъ. Прошу ваше превосходительство приказать изъ посольской канцеляріи память въ Духовный Приказъ о посылкѣ такого священника послать, и чтобы на нынѣшнихъ осеннихъ корабляхъ былъ отправленъ, также и опредѣленное того священника жалованье приказать сюды попрежнему переводить.

При семъ посылаю проекты генераловъ, на какихъ конди-
ціяхъ хотятъ идти въ службу его царскаго величества. О семъ прошу донести. И не чаю, чтобы за великими запросами могли сойтися, и буду впредь на сіе ожидать указы.

Послѣдняя резолюція генералъ-майора инфантеріи, которая подана сего апрѣля 17-го 1713 года.

1. Онъ доволенъ первымъ артикуломъ.

2. Понеже уставъ воинскій его царскаго величества въ даче жалованья не ровенъ есть съ тѣмъ, что полковникъ здѣсь имѣетъ, того ради генералъ-майоръ не можетъ въ томъ никогда принять резолюцію, ежели ему не можетъ быть обѣщано, по послѣдней мѣрѣ, на мѣсяцъ (считая 12 мѣсяцевъ въ году), именно:

генералъ-майору	500	ефимковъ.
адъютанту	100	"
секретарю	50	"
священнику	50	"

Вся сія заплата имѣетъ быть ефимками голландскими, кромѣ фуража и прочихъ малыхъ авантажей, которые вездѣ обыкновенно даются не въ зачетъ.

3. Послѣ подписанія капитуляціи, шесть мѣсяцевъ жалованья ему и его офицерамъ напередъ, числомъ выше объявленнымъ; потомъ плачено будетъ регулярно въ первыхъ числѣхъ, въ началѣ каждаго мѣсяца.

4. Ему-жъ имѣетъ данъ быть полкъ пѣхотный, съ котораго будетъ брать 200 ефимковъ голландскихъ жалованья на мѣсяцъ, какъ полковникъ, со всѣми прочими прибытки, которые съ того бываютъ въ службѣ его царскаго величества. И то жалованье будетъ ему плачено, какъ въ вышеписанномъ артикулѣ объявлено.

5. Генералъ-майору позволено будетъ привезть съ собою, по послѣдней мѣрѣ, послѣдующихъ офицеровъ:

1 полуполковникъ, которому на мѣсяцъ жалованья 100 ефимковъ

1-му майору . . . . 80 ефимковъ
4-мъ капитанамъ, каждому на мѣсяцъ . . . 80 "
6-ти поручикамъ, каждому на мѣсяцъ . . . 50 "
которымъ будетъ плачено по силѣ третьяго артикула.

6. На его экипажъ 2000 ефимковъ голландскихъ, посл подписанія капитуляціи.

7. На проѣздъ ему и его офицерамъ на столько мѣсяцев сколько потребно пріѣхать до мѣста, гдѣ употреблены будут однакожъ о семъ договоренось будетъ прежде отъѣзда ихъ. сія дача ни подъ какимъ видомъ не будетъ зачтена въ жал ванье.

8. Капитуляція учинена будетъ на четыре года съ ген ралъ-майоромъ и со всѣми прочими офицеры. А по окончан того времени не могутъ быть задержаны, ниже въ отпус имъ отказано никакимъ образомъ.

9. На возвращеніе генералъ-майора и всѣхъ офицеровъ 4 мѣсяца жалованья.

10. Ежели его царское величество за благо разсуди прежде окончанія четырехъ лѣтъ, договорённыхъ въ капиту ціи, отпустить генералъ-майора, или кого ни есть изъ офиц ровъ, которые съ нимъ пріѣдутъ, то имъ дана будетъ пол вина жалованья сполна за все то время, сколько надлежа той капитуляціи продолжаться.

11. Ежели генералъ-майоръ, или который изъ офицеров съ нимъ пріѣзжихъ, будетъ убитъ въ службѣ его царскаго в личества, то дано будетъ наслѣдственникамъ жалованье на т мѣсяца.

12. Ежели кто-нибудь изъ нихъ будетъ изувѣченъ, то б детъ даваться генералъ-майору годового жалованья 2000 ефи ковъ голландскихъ, а прочимъ офицерамъ по пропорціи и чиновъ и жалованья.

13. Артикулъ, который гласитъ: „когда кто въ поло взятъ будетъ“, да останется въ своей силѣ.

14. Требуется ратификація договора отъ его царскаго в личества самого.

1117. Князь Б. И. Куракинъ—князю А. Д. Меншикову.

1713 г. апрѣля 21. Гага.

Я въ прежнихъ письмахъ вашей свѣтлости марта мѣсяца писалъ, каково мнѣ предложеніе учинилъ посолъ аглинскій милордъ Страффордъ о выводѣ нашихъ войскъ изъ имперіи и установленіи тишины въ Голштейніи, и желалъ отъ меня вѣдать, ежели я имѣю инструкціи и полную мочь, по чему вступить въ то дѣло,—и на тѣ мои письма я отвѣта никакого отъ вашей свѣтлости не получилъ. А нынѣ помянутый милордъ, вчерашняго числа бывъ у меня, спрашивалъ, каковъ отвѣтъ отъ двора, также и отъ васъ, мой государь, я получилъ,—и не могъ иное сказать, что еще отвѣта не получилъ. При томъ предлагалъ мнѣ вновь и просилъ, чтобъ я отвѣтъ могъ имѣть, особливе отъ васъ, мой государь, что ежели имѣете о томъ указъ его царскаго величества и полную мочь, для того что потенціи морскія обѣ нынѣ соглашаются дѣла голштейнскія къ концу своему привесть и тишину въ имперіи возставить. И буду ожидать отвѣта отъ вашей свѣтлости на сіе мое письмо, что мнѣ прикажете ему, милорду, отвѣтствовать.

Министръ аглинскій предлагалъ Статомъ, чтобъ о дѣлахъ сѣверныхъ нынѣ было начато въ Утрехтѣ, и Статы къ тому склонны являются.

Генералъ Дюкеръ и съ иными двѣмя полковники, прибывъ въ Амстердамъ, ищутъ способа, чтобъ имъ самимъ, также и пріуготовленныя суда съ провіантомъ провести въ Тонингъ; и здѣсь, по вольности торговъ, маестратомъ амстердамскимъ воспретить тому отъѣзду не могутъ. Токмо надѣюся, что фрегатами датскими престережено будетъ при рѣкѣ Эдрѣ.

Ратификаціи Англія и Голландія, и прусскіе съ Франціею розмѣнили.

1118. Князь Б. И. Куракинъ—барону фонъ-Шаку.

1713 г. апрѣля 24. Гага.

C'est avec beaucoup de plaisir que je me donne l'honneur de vous écrire celle-ci; j'espère et je souhaite de tout mon

coeur qu'elle vous trouve heureusement arrivé à Londres. Le mérites personnels de Votre Excellence ne me laissent aucu lieu de douter que sa [votre] résidence à cette Cour-là n soit autant heureuse pour vous que satisfaisante pour Sa Ma jesté Tsarienne, notre maître, qui, assurément, n'aurait p faire un choix plus digne d'elle à cette occasion que d'un personne d'aussi éclatantes qualités que vous l'êtes. Je vo prie de recevoir cela comme une marque sincère de la just ce que je ne puis pas m'empêcher de rendre à vos mérites.

La poste d'aujourd'hui ne m'a apporté aucune lettre notre Cour, en sorte que je n'ai rien à vous communiquer ce côté-là. Les avis consécutifs de Holstein ont confirmé po sûr que la négociation en question a été rompue. Les ra sons m'en sont encore inconnues, cependant quelques lettre arrivées ici depuis, disent que nos troupes ont emporté que ques postes des ennemis, en ayant fait prisonniers envir cinq cents hommes. J'attends la confirmation de ces nouve les par le premier ordinaire, et, dès que j'en aurai quelqu avis, je vous les communiquerai incessamment.

L'échange des ratifications à Utrecht s'est accroché s une difficulté survenue au sujet des lettres de renonciati exigées de la part de l'électeur de Bavière sur les Pays-B espagnols en vertu des conditions stipulées, à cet égard, da les traités entre la France et la Hollande. Les plénipote tiaires de la première se sont excusés sur le manque d'atte tion qu'on y a fait, attribuant cela à un pur effet d'un oul plutôt qu'à aucune autre raison que les parties contrariant [opposées] y veulent entendre. Pour cet effet, les dits plénip tentiaires de France expédièrent, il y a trois jours, un cou rier à Versailles pour avoir de quoi ajuster cette question.

On est encore ici autant dans l'impatience que dans l'i certitude par rapport à la résolution de l'Empereur; ce qu y a de certain, c'est que les ministres d'Angleterre et ce de cet Etat tâchent, par les voies de persuasion, de dispos les sentiments de l'Empereur pour la conclusion de la paix

our les instances que cet Etat a faites. M. le baron Visch-
er est venu ici, et l'on est d'abord entré en conférence avec
i à laquelle milord Strafford a assisté aussi. Ils s'y trou-
èrent de la part des Etats MM. Goslingen, van der Dris-
en, Randuoger et Kenswoude. Je n'ai pas pu savoir
core l'issue de ces conférences, mais son [le] sujet n'a rou-
que sur la manière d'accommoder l'Empereur avec la France.
Il y a quatre jours que milord Strafford, étant en con-
érence avec les députés de cet Etat, déclara que sa majes-
la Reine avait intention, après la conclusion de la paix gé-
érale qui venait de se faire, de mettre fin aux troubles du Nord
ec l'assistance et de concert avec les Etats; que lui, mi-
rd Strafford, avait ordre de les [leur] assurer que la Reine, sa sou-
raine, avait dessein de n'agir avec la ligue du Nord, en cet-
occasion, qu'avec toute sorte de modération et par les voies
négociation les plus douces, et aucunement par la force ou
olence envers quel que ce puisse être. Sur ces propositions,
s Etats ont tenu diverses et fréquentes conférences, ayant
élibéré par les moyens convenables pour pouvoir entamer,
une manière ou autre, l'affaire, mais, à mesure qu'ils en ap-
ochent, ils trouvent des difficultés bien embarrassantes, car,
un côté, nous trouvant des dispositions pour la paix, ils n'en
ient, de l'autre côté, aucunes de la part du roi de Suède. Le dit
ilord Strafford, aussi bien que le Grand Pensionnaire, ayant
avec moi des conférences assez amples sur ce sujet, m'ont
it des questions l'un et l'autre discussivement [successivement] de
elles voies on devait se servir pour entrer dans les affaires du
ord. Je leur répondis, après un raisonnement familier, que
i cru convenable, en cette occasion, que si les puissances
aritimes voulaient bonnement rétablir une paix générale dans
Nord et mettre, par là, l'Europe hors de troubles et hors
danger d'être troublée, que le moyen le plus sûr pour y
ussir était que les puissances maritimes envoyassent, sans
rte de temps, des ordres positifs, et de concert entre eux, à
urs ministres, qui résident à la Porte, de faire leurs derniers

efforts pour que la paix faite entre sa Majesté Tsarienne e la Porte soit maintenue dans sa vigueur; cela étant fait, le ro de Suède sera honnêtement obligé de se retirer dans so pays, et alors les puissances maritimes peuvent s'assurer plu que jamais du succès de la paix du Nord qui s'ensuivra in failliblement. Ensuite de cela, j'ai pris occasion de faire ce insinuations de la manière susdite tant à milord Straffor qu'au Grand Pensionnaire, proposant cela en mon particulie L'un et l'autre ont paru assez goûter cette proposition. Voil Monsieur, ce que j'ai cru à propos de vous communiquer su ce sujet. Je vous prie cependant de n'en faire aucune men tion à la Cour où vous êtes.

Pour les nouvelles de Turquie, l'on n'en a point de po sitives, si ce n'est que l'on apprend, par des lettres de Po logne et d'Adrianople même, que le Grand Seigneur ava envoyé ordre à Constantinople pour faire venir nos ambass deurs à Adrianople où l'on voulait entrer avec eux, de nouvea dans des négociations sur la paix; mais cela demande encor confirmation.

1119. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. апрѣля 24. Гага.

Хотя я въ прежнемъ своемъ о размѣнѣ ратификацій меж ду Англіею и Голландіею, и Франціею упомянулъ, какъ о том ко многимъ сюды изъ Утрехта было объявлено,—но третья дня подлинную вѣдомость здѣсь получили, что со стороны Ста товъ Голландскихъ, за нижеобъявленною трудностью, съ ми нистры французскими ратификаціи не размѣнены. Причина то му та есть: въ трактатѣ между ними, Статы и Франціею, по становлено, чтобы при размѣнѣ ратификацій имъ, Статомъ, бы ла отдана ренунціація отъ дука баварскаго, за подписаніем властной его руки, на весь Брабантъ и Фляндры Гишпанскі для того что онъ, дукъ, имѣлъ всегда претенсіи свои на вс тѣ провинціи по трактату и данной ему дипломатѣ отъ кор

ли Филиппа, который уступилъ ему, дуку, въ самодержавное и наслѣдственное владѣніе. Но министры французскіе при съѣздѣ для размѣны министрамъ статскимъ только объявили одну ратификацію, а помянутой ренунціаціи дука баварскаго не получили отъ двора. И сказали они, министры французскіе, что сіе учинилося забвеніемъ при дворѣ ихъ, и отправили нарочнаго курьера въ Парижъ, требуя указа объ оной ренунціаціи. И какъ здѣсь слышно чрезъ письма изъ Франціи, что дукъ баварскій въ помянутой ренунціаціи трудность чинитъ для того, что онъ не можетъ обнадеженъ быть, ежели дукатство баверское ему возвращено будетъ, и что миръ еще съ цесаремъ не учиненъ.

Однакоже сіе дѣло за важное причесть нельзя. И чаемъ, что Франція помянутаго дука принудитъ ренунціацію учинить или Господъ Статовъ—и безъ той ратификаціями размѣняться.

Здѣсь вновь Статы еще никакой резолюціи не взяли, что принадлежитъ къ дѣламъ на предложеніе министра шведскаго и дука голштенскаго; токмо слышу, что соглашаются съ милордомъ Страффордомъ, какимъ образомъ въ тѣ дѣла вступить, и будутъ предлагать намъ, также и министру шведскому, свои добрыя средства, также и о нейтральствѣ въ имперіи, и о выходѣ войскъ изъ имперіи.

Господинъ баронъ Латмаръ, президентъ чужестранныхъ дѣлъ, имѣлъ тайную коммиссію отъ Статовъ, чтобъ онъ, будто отъ себя, въ разговорѣхъ министру шведскому далъ знать, что Статы на предложеніе его по трактату оборонительнаго союза помощныхъ войскъ никогда королю его не дадутъ, и что онъ, Пальмквистъ, никогда о полученіи тѣхъ войскъ обнадеженъ быть не можетъ, для того что аліаты сѣверные согласно уже за сколько времени склонность свою къ миру являютъ; но король его всегда тому противенъ и за одно свое упрямство войну продолжаетъ. Того для они неповинны тому помогать, который за одну свою склонность и охоту войну продолжаетъ. И при томъ ему, Пальмквисту, говорилъ, чтобы писалъ къ сенату, дабы короля своего къ миру склоняли.

Господинъ Гоусъ, по пріѣздѣ своемъ предъ нѣкоторыми недѣльми въ Голландію, бывъ въ своемъ домѣ, за тѣмъ рапорта Статомъ не учинилъ. Но прошлой недѣли о дѣлѣхъ своихъ учинилъ рапортъ Статомъ въ собраніи секретныхъ дѣлъ, какъ онъ имѣлъ случай быть въ частыхъ разговорѣхъ съ его царскимъ величествомъ. И изъ тѣхъ намѣреній его царское величество состоитъ въ томъ: въ свое время, когда случай позоветъ о трактованьѣ мира сѣверной войны, тогда желаетъ его величество, чтобы быть медіаторомъ цесарю и Господамъ Статомъ Голландскимъ; чего для надѣется его величество, что помянутыя потенціи безъ всякой парціалиты поступятъ. Что же принадлежитъ до Англіи, и отъ той не отрекается, токмо по нынѣшнимъ ея, Англіи, поступкамъ и нѣкоторымъ угрозамъ не безъ подозрѣнія оную въ посредство принять. И притомъ-де его царское величество, разсуждая съ нимъ, Гоусомъ, говорилъ что онъ, съ своей стороны, всякую умѣренность и сходство къ миру явить готовъ, токмо въ такомъ случаѣ, чтобы медіаторы безъ всякихъ угрозъ, съ умѣренностью, поступали. А еже ли, согласясь, помянутыя всѣ потенціи съ угрозы и противностью намѣрены поступить, то въ таковомъ случаѣ его царское величество намѣренъ учинить такимъ образомъ, чтобы всю Ливонію и другія завоеванныя провинціи разорить такъ чтобы камень на камени не остался. И тогда ни шведу, ни другимъ кому претенсій будетъ имѣть не къ чему.

И при томъ доношеніи своемъ помянутый Гоусъ въ томъ собраніи съ повинности своей имъ резоны свои объявлялъ что весьма надобно Господамъ Статомъ со всякою умѣренностью поступать къ его царскому величеству, для того что онъ, Гоусъ, присмотрѣлъ изъ словъ о намѣреніи его царского величества весьма склонна къ миру; а съ противнымъ поступкомъ никакая потенція себѣ пользы учинить не можетъ, развѣ кромѣ предосужденія.

При томъ же онъ, Гоусъ, въ помянутомъ собраніи объявилъ планъ мирный сѣверной войны, какъ аліаты сѣверные между собою опредѣлили.

Сіе его вышепомянутое доношеніе въ собраніи статскомъ нашимъ дѣламъ немалую пользу учинило. И, конечно, хотя и до сего времени всегда съ умѣренностью поступали, но нынѣ еще паче съ бóльшею умѣренностью поступать будутъ; о чемъ уже и молордъ Страффордъ свѣдомъ, и не сумнѣваюся, чтобъ и тамъ не приняли мѣръ съ тою-жъ умѣренностью поступать.

Потомъ вышепомянутый Гоусъ, бывъ у меня, о всемъ томъ вышепомянутомъ равно мнѣ сообщалъ и казалъ учиненный плянъ о мирѣ, который учиненъ по согласію съ его царскимъ величествомъ у короля датскаго и польскаго. Токмо я тотъ плянъ нашелъ гораздо несходенъ съ тѣмъ, который ко мнѣ присланъ, и съ тѣмъ, который въ Англіи поданъ датскимъ министромъ. И обѣщалъ мнѣ дать списокъ, который на предбудущей почтѣ, для вѣдѣнія, пришлю. Также при томъ меня спрашивалъ, ежели я о томъ плянѣ здѣсь Статомъ сообщалъ, о чемъ, будто, мнѣ указъ уже былъ данъ. Но я о томъ и по се число никакого указа не имѣлъ. А который плянъ чрезъ г. Остермана и получилъ, — и при томъ указъ, въ которомъ упомянулося, когда увѣдомлюсь отъ посла князя Долгорукова, что онъ размѣнялся тѣми проектами съ министры нашихъ аліатовъ, тогда по тому пляну поступать. И по се число отъ помянутаго князя Долгорукова еще извѣстія не имѣлъ; а хотя-бъ и получилъ, — въ какомъ случаѣ по тому пляну поступать, — указа не имѣю, да и для того, что оный есть несходенъ съ моими инструкціями.

Въ инструкціяхъ мнѣ объявлено: „Ежели будутъ предлагать аліаты свою медіацію къ примиренію сѣверной войны, — и чтобы прежде обнадежили его царское величество, что наслѣдственныя провинціи къ коронѣ россійской, которыя нынѣ возвращены, остаются во владѣніи царскаго величества безспорно, а о другихъ претенсіяхъ отъ его царскаго величества будетъ при конгрессѣ объявлено. А ежели сей плянъ съ другими своими аліаты объявитъ, то, взявъ тѣ претенсіи какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, и похотя скорѣе вступить въ дѣ-

ло, назначать мѣсто къ съѣзду". И понуждены тогда всѣ вступить въ негоціацію.

Помянутый г. Гоусъ мнѣ говорилъ, чтобъ я себя сходна явилъ на тотъ планъ, который онъ объявилъ. И на то ему не отказываю, но въ терминахъ генеральныхъ обѣщаю, для того что при нынѣшнихъ случаѣхъ весьма нашъ интересъ есть, что себя склонна къ миру объявлять; понеже, знавъ несклонность и упрямство къ тому непріятеля, то чрезъ сіе всѣ потенціи неблагодарными отъ него, короля шведскаго, быть могутъ: не токмо другія, но и сама Англія тѣми упрямыми поступками скучитъ. Однакоже, когда къ дѣлу самому придетъ, какъ выше упоминалъ, что уже въ дѣла наши вступать хотятъ,—и тогда, не отлучаяся отъ аліатовъ нашихъ, нѣкакимъ видомъ на то позволю. Однакоже, причину дамъ, чтобы могъ ко двору описываться.

Между тѣмъ въ запасъ нынѣ прошу ваше превосходительство на сіе всё вышепомянутое мое доношеніе мнѣ указомъ опредѣлить; также и ежели князь Долгорукой не размѣнялся тѣми проектами, то оные дѣйствительно употреблять ли.

Вчерашняго дня помянутый Гоусъ съ барономъ Герсдорфомъ, министромъ польскимъ, бывъ у меня, говорилъ между другими разговоры, гдѣ бы пристойнѣе было мѣсто выбрать къ съѣзду для мира сѣверной войны, и что уже въ разговорѣхъ у Статовъ было, и опредѣляютъ изъ нижепомянутыхъ мѣстъ выбрать Утрехтъ, Брунсвикъ, Гамбургъ или Любекъ.

На что имъ я не объявилъ указа, но сказалъ собою, что я всѣхъ сходнѣе нахожу Данцигъ, для того что городъ вольный и въ близости для коррипшонденціи отъ всѣхъ будетъ. На что его, Гоуса, и Герсдорфа видѣлъ весьма къ тому противна, и больше склонность ихъ видѣлъ къ Гамбургу.

1120. Князь Б. И. Куракинъ—графу Г. И. Головкину.

1713 г. мая 1. Гага.

Въ отправленномъ своемъ предъ симъ, отъ № 30-го, я вашему превосходительству объявилъ о бывшихъ конференціяхъ

здѣсь между потенціями морскими, какимъ образомъ могли бы въ дѣла сѣверныя вступить,—о чемъ той почты за краткимъ временемъ не могъ писать, но теперь о томъ пространно доношу.

Прошлой недѣли въ пятницу милордъ Страффордъ, посолъ аглинскій, былъ въ конференціи съ депутаты статскими, въ которую былъ призванъ министръ курфюрста ганноверскаго баронъ Ботмаръ, для того что по близости къ тѣмъ краемъ, гдѣ нынѣ война есть, какъ въ Голштеніи и Помераніи, и его курфюрстъ къ тому интересъ имѣетъ.

И въ той конференціи милордъ Страффордъ Статомъ предлагалъ, что онъ, милордъ, о намѣреніи королевы своей имъ, Статомъ, въ прежней конференціи объявилъ, какъ по заключеніи нынѣшняго мира съ Франціею, желаетъ видѣть тишину въ Европѣ, и того для, чтобы въ сѣверѣ между воюющими чрезъ добрыя средства и негоціацію миръ учинить. И при томъ онъ, милордъ Страффордъ, требовалъ отъ нихъ, депутатовъ статскихъ, ихъ мнѣнія, какимъ бы образомъ въ тѣ сѣверныя дѣла вступить.

На что они, депутаты, ему отвѣтствовали, что они весьма намѣреніе свое равное къ утишенію войны сѣверной имѣютъ, и властный ихъ интересъ къ тому понуждаетъ для своей коммерціи въ Балтическомъ морѣ, и требовали прежде отъ него, милорда, его мнѣнія о вступленіи въ тѣ дѣла.

Потомъ онъ, милордъ Страффордъ, разсуждая, говорилъ,—ежели въ тѣ дѣла сѣверныя вступить къ генеральному миру, то надлежитъ вѣдать мнѣнія и склонности къ миру всѣхъ воюющихъ въ сѣверѣ. И за отдальностью короля шведскаго, трудно о томъ вскорѣ вѣдомость получить, а особливе для тамошнихъ дѣлъ турецкихъ, которыя привязаны нѣкоторымъ образомъ къ сей войнѣ. И не знавъ обстоятельно о всѣхъ тѣхъ дѣлѣхъ невозможно нынѣ въ тѣ дѣла сѣверныя къ генеральному миру вступать; но чаетъ онъ, милордъ, сходнѣе всего, чтобы прежде начать трудиться тишину въ имперіи постановить, а особливе въ Голштеніи, къ чему Англія и Статы чрезъ многіе

трактаты съ дукомъ голштенскимъ обязаны онаго интересъ пре-
стерегать.

На что депутаты статскіе, съ своей стороны, также мно-
гія разсужденія имѣли и говорили, чтобы въ тѣ дѣла сѣверны
вступить и парціально ни къ одной сторонѣ себя не показать
И того для чаютъ сходнѣе вступить въ тѣ дѣла сѣверныя ге-
нерально во всѣ, а не въ одни. Что приналежитъ къ тишинѣ
въ имперіи, и хотя находится трудность за отдальностью ко-
роля шведскаго, но они, депутаты, чаютъ, что министры
шведскіе имѣютъ довольныя инструкціи отъ короля своего, и
чтобы министра шведскаго Пальмквиста о томъ спраши-
вать, также и чрезъ него освѣдомиться, не имѣетъ ли под-
линныхъ указовъ о всемъ графъ Веллингъ. А ежели мини-
стры шведскіе ко вступленію въ негоціацію никакихъ указовъ
не имѣютъ, тогда и они, депутаты, сходны себя являютъ вы-
шепомянутымъ мнѣніямъ его, милорда Страффорда, чтобы
прежде въ дѣла голштенскія вступить и потомъ о тишинѣ въ
имперіи трудиться.

Потомъ изъ помянутыхъ депутатовъ статскихъ баронъ Лат-
маръ провинціи Гельдрейской и г. Альфенъ провинціи Голланд-
ской говорили: ежели скораго окончанія той сѣверной войны же-
лать, въ чемъ и весьма обще ихъ, потенцій морскихъ, интересъ есть
то надлежитъ нынѣ вступить въ тѣ дѣла, чтобы генеральный миръ
учинить. А за отдальностью короля шведскаго они никакого труд
не находятъ, для того что, когда здѣсь воюющихъ потенцій въ сѣ-
верѣ министромъ о добрыхъ средствахъ или о медіаціи потенцій
морскихъ предложено, и мѣсто къ конгрессу для мирныхъ
трактатовъ назначено будетъ, то надлежитъ въ то же время
обѣимъ потенціямъ морскимъ чрезъ нарочнаго курьера послать
указы къ посламъ своимъ въ Константинополь при Портѣ де-
кляровать, чтобъ обще потенціи морскія здѣсь воюющимъ сѣ-
вернымъ свою медіацію, или добрыя средства, предложили и мѣ-
сто къ съѣзду назначили, и разсудили за благо ей, Портѣ, о
томъ объявить, и при томъ же предложить свою медіацію
между Портою и его царскимъ величествомъ, и короною поль-

свою. И такимъ образомъ они, баронъ Латмаръ и Альфенъ, чаютъ, что вся та война сѣверная безъ протяжности окончается и примирена будетъ. А ежели такимъ образомъ потенціямъ морскимъ въ тѣ дѣла турецкія не вмѣшаться и короля шведскаго оттуль не выпроводить, то трудно миръ въ сѣверѣ генерально учинить и всегда надобно съ той стороны безпокойства ждать.

На тѣ ихъ, помянутыхъ двухъ депутатовъ, разсужденія милордъ Страффордъ и нѣкоторыя изъ персонъ несходны явились и сказали, что то дѣло продолжительное, а нынѣ интересъ ихъ, обѣихъ потенцій морскихъ, требуетъ скораго установленія тишины въ Голштеніи и въ имперіи; и потомъ могутъ въ тѣ дѣла генеральнаго мира вступить.

И по многихъ разговорѣхъ съ одной и другой стороны депутаты статскіе и милордъ Страффордъ сошлись, чтобы спрашивать министра шведскаго. И чрезъ двухъ депутатовъ посланныхъ министръ шведскій былъ спрашиванъ, что онъ, Пальмквистъ, или графъ Веллингъ, имѣютъ ли полныя инструкціи отъ короля своего ко вступленію въ трактаты мирные. На что онъ, Пальмквистъ, имъ, депутатомъ, отвѣтствовалъ, что ни графъ Веллингъ, ни онъ, Пальмквистъ, больше иныхъ инструкцій не имѣютъ, какъ онъ имъ о намѣреніи короля своего предъ нѣсколькимъ временемъ объявлялъ, на какихъ кондиціяхъ король его хочетъ мириться и за прелиминарные артикулы къ миру постановить: первое, чтобы провинціи, принадлежащія къ коронѣ шведской въ имперіи, были содержаны по вестфальскому трактату; второе, чтобъ его царское величество взятое въ сію войну все возвратилъ; третье, чтобы король датскій миръ содержалъ; четвертое, чтобы король Августъ также альтранштадтскій миръ содержалъ. А въ награжденіе для понесенныхъ убытковъ въ сію войну, о томъ будетъ трактовано впредь при конгрессѣ, гдѣ назначено будетъ. Потомъ тѣ помянутые депутаты, возвратясь въ конференцію, о всемъ томъ разговорѣ министра шведскаго объявили. И на то всѣ указали согласно, что запрашиваетъ онъ, министръ швед-

скій, того, что не можетъ статься; также, что, не имѣя ни какихъ указовъ, не можетъ что больше говорить и въ дѣл вступать и трактовать.

И по многихъ разговорѣхъ всѣ депутаты сошлись съ нимъ милордомъ Страффордомъ, чтобы прежде начать трудиться дѣлахъ голштейнскихъ, и опредѣлили учинить министромъ сѣ верныхъ воюющихъ прежде съ умѣренностью предложеніе. учинено. А ежели тѣ дѣла чрезъ негоціацію съ Штейнб комъ не окончаются, то отложили до предбудущаго времени смотря по конъюктурамъ, какія надлежитъ мѣры принять. О накоже при томъ милордъ Страффордъ разсуждалъ, что ежел аліаты сѣверные не примирятся вскорѣ и самовольно Голшт нію не оставятъ,—надлежитъ потенціямъ морскимъ декляраці учинить въ сѣверѣ воюющимъ какъ одной, такъ и другой сто ронѣ, чтобъ изъ Голштейніи выступили въ Померанію. Друг противно сему разсуждали, что сіе трудно учинить; также къ шведской сторонѣ парціально показано будетъ. Но чают сходнѣе учинить, чтобы Штейнбоку предложить о его тра спортѣ въ Швецію и къ тому его принудить и перевезти.

Въ той же конференціи министра ганноверскаго барон Ботмара спрашивали его мнѣнія, какимъ образомъ лучше б могли поступить въ дѣлахъ, что приналежитъ къ провинціям въ имперіи шведскимъ, т.-е. Помераніи и дукатству бремен скому, чтобы въ оныхъ покой постановить. На что онъ, ба ронъ Ботмаръ, прежде желалъ вѣдать ихъ, депутатовъ, и ми лорда Страффорда мнѣнія. И вступили обще всѣ въ разгов ры, разсуждая, чтобы, на основаніи прежде сочиненнаго в Гагѣ неутральства, содержать. И въ томъ нашли трудност что уже дукатство бременское есть въ рукахъ датскихъ, и то го для надлежитъ вновь актъ неутральства сочинить.

На что онъ, баронъ Ботмаръ, говорилъ, что къ содерж нію того нейтральства многія есть трудности: въ-первыхъ, ко роль шведскій какъ прежде декляровалъ, что оное нейтральств не примаетъ, такъ и нынѣ не приметъ, и всегда транспорт изъ Швеціи чинить будутъ; во-вторыхъ, союзники сѣверны

ія оное нейтральство примутъ, но похотятъ всѣ завоеванныя
ста въ Помераніи содержать до генеральнаго мира. На что
роль шведскій никогда не позволитъ, для того что вся По-
ранская провинція въ рукахъ будетъ аліатовъ сѣверныхъ, но
едамъ только останутся: городъ Штетинъ, Стральзундъ и
смаръ, и отъ содержанія въ тѣхъ гарнизоновъ Швеція же
льше убытку понесетъ. Также союзники сѣверные пожелаютъ
ъ кого гарантіи, чтобы шведамъ до окончанія сей сѣверной
йны транспорта не чинить, которой гарантіи никто на себя
возьметъ, но и взявъ содержать не можетъ. И по всѣмъ
стоятельствамъ онъ, Ботмаръ, разсуждалъ, что невозможно
ое неутральство содержать.

И потомъ совѣтовали, какое бы посредство въ семъ дѣлѣ
гли найти. И предложили, что невозможно ли всѣ провин-
въ имперіи, приналежащія къ коронѣ шведской до сей вой-
, какъ Померанія и дукатство Бременское и прочія, отдать
секвестръ другимъ потенціямъ до генеральнаго мира въ сѣ-
рѣ. И разсуждали, ежели бы шведы къ сему предложенію
онны явилися, и были нѣкоторые двоякаго мнѣнія: одни го-
рили, — сіе будетъ учинено къ лучшему ихъ, шведскому, ин-
ресу, для того, что имъ, шведамъ, съ Помераніи доходовъ
е трудно имѣть въ нѣсколько лѣтъ для разоренія той про-
нціи; а Бременская провинція не въ ихъ рукахъ находится,
еще больше убытку понесутъ для содержанія въ Помераніи
оихъ гарнизоновъ, нежели прибытку изъ тѣхъ провинцій се-
ожидать; также, взявъ свои гарнизоны изъ всѣхъ тѣхъ по-
нутыхъ мѣстъ, изъ Помераніи могутъ, перевезя въ Швецію,
потребить противу своихъ непріятелей. Однакоже на конецъ
ѣхъ тѣхъ разсужденій, хотя и въ интересъ Швеціи видится,
чаютъ, чтобы король шведскій на то позволилъ, для того
о уже войскъ своихъ на сю сторону больше перевозить не
жетъ.

Другихъ разсужденіе было, что отдача въ секвестръ будетъ
льше предосудительна королю датскому, для того что дохо-
въ съ дукатства Бременскаго лишёнъ будетъ; также и въ

оной провинціи не малое число войскъ своихъ содержалъ, которыя принужденъ будетъ вывести вонъ и содержать въ своих властныхъ провинціяхъ. И на сіе предложеніе, чтобы въ секвестръ помянутыя провинціи отдать, милордъ Страффордъ сходнѣе всѣхъ къ сему явился. Токмо-жъ и о томъ въ то конференціи ничего не опредѣлено и оставлено такъ до пред будущаго времени, смотря на дѣла, чтó учинено будетъ в Голштейніи. И тѣмъ та ихъ конференція окончалася.

Изъ той же конференціи чрезъ одного мнѣ сказано, как они признали изъ словъ милорда Страффорда, чтобы въ севестръ помянутыя провинціи отданы были Англіи. Однако сіе за невозможно разсуждается, что цесарь и цесарство, мимо принцевъ имперскихъ, которые въ близости къ тѣмъ провинціямъ есть, въ секвестръ иной потенціи внутри имперіи отдать не похотятъ.

При семъ доношу, какъ могъ увѣдомиться, для чего въ то послѣдней конференціи никакого рѣшенія иного къ тѣмъ сѣвернымъ дѣламъ не взяли, кромѣ одного извѣстнаго намъ предложенія. Хотя милордъ Страффордъ къ скорой резолюціи их Статовъ, понуждалъ, но они, по обыкновенной своей тихост въ дѣлѣхъ, неохотно въ тѣ дѣла вступаютъ для многихъ причинъ, какъ смотря на дѣла цесарскія съ Франціею, гдѣ бólшаго чаянія войны быть, къ тому не безъ опасности и са остаются; также и намъ свободнаго больше времени даютъ к окончанію нашихъ дѣлъ, которое къ пользѣ ихъ, статско есть. Другимъ образомъ, предусматривая, разсуждаютъ, чт по окончаніи дѣлъ въ Голштейніи, войска его царскаго велчества будутъ изъ имперіи ретироваться, для того что не мгутъ больше быть въ Помераніи за недостаткомъ провіанта, тогда безъ всякаго труда чаютъ тому краю въ тишинѣ остася. Но я чаю, лучше-бъ онымъ войскамъ еще въ имперіи прбыть нѣкоторое время, слагая со временемъ для дѣлъ турскихъ. Какъ уже вчерашняго дня чрезъ почту вновь подтвердли, что послы его царскаго величества при Портѣ конеч чрезъ посла голландскаго въ негоціацію вступили, и чтобы т

негоціаціи къ окончанію дать свое время и проходомъ чрезъ Польшу какого препятства тѣмъ дѣламъ не учинить.

Топерь доношу о конференціяхъ г. Гоуса, которыя съ нимъ въ собраніи статскомъ тайныхъ дѣлъ были.

На проектъ, отъ него, Гоуса, поданный, къ миру сѣверной войны, съ котораго я въ прежней почтѣ списокъ послалъ, въ помянутомъ собраніи разсуждали, въ-первыхъ, о дукатствѣ Голштейнскомъ-Готторпскомъ. И бо̀льшая часть изъ депутатовъ склонны являлись, чтобъ обмѣнъ на Бременское дукатство учинить, предусматривая впредь, что бо̀льшаго чаянія быть надобно о наслѣдствіи короны шведской дуку голштейнскому молодому, и тогда король датскій весьма въ тѣснотѣ и разореніи быть можетъ.

А что приналежитъ о Висмарѣ и Штетинѣ, чтобы вольными учинить, также артикулъ о Помераніи, то̀ бо̀льшая часть за невозможность сіе причитали, также и о размѣнахъ съ дворомъ ганноверскимъ, чего для не чаютъ, чтобы тотъ дворъ при нынѣшнихъ случаяхъ въ тѣ дѣла замѣшался.

Что же приналежитъ до содержанія пристаней его царскаго величества въ Балтическомъ морѣ, и къ тому склонность нѣкоторую являли, какъ мнѣ о томъ самъ сказывалъ г. Гоусъ, а особливе депутаты города Амстердама и роттердамскій бургомистръ Пау. Притомъ же и онъ, помянутый Гоусъ, представлялъ имъ многіе резоны, что какой изъ сего будетъ интересъ великій обѣимъ потенціямъ морскимъ въ коммерціи: ежели всѣ порты, отлученные нынѣ отъ короны шведской, въ Балтическомъ морѣ удержаны будутъ частью за его царскимъ величествомъ и частью за короною польскою, а Рига вольнымъ городомъ, какъ Гданескъ, останется, то всё купечество съ того края будетъ въ розныхъ рукахъ, которое было прежде сего въ однѣхъ шведскихъ и содержано въ такой тѣснотѣ, что подданнымъ обѣихъ потенцій морскихъ была великая трудность, и многіе налоги были; а когда въ розныхъ рукахъ и народахъ того края торги будутъ, тогда подданнымъ помянутыхъ потенцій свободнѣе и съ великими прибытки можно будетъ торго-

вать. И при томъ онъ, Гоусъ, мнѣ сказалъ, что многіе на т
его разговоры склонны являлися, а особливе на установлені
вольности города Риги. Къ тому-жъ онъ, Гоусъ, имъ объявил
намѣреніе короля датскаго, что ежели по такому извѣстном
мирному пляну потенціи морскія въ тѣ дѣла вступятъ и мир
учинятъ, то король датскій уступитъ пошлину въ проходѣ Зу
да подданнымъ обѣихъ потенцій морскихъ и постановитъ пла
тежъ малый, какъ прежде сего за нѣсколько времени было
На конецъ всѣхъ тѣхъ разговоровъ заключили тѣмъ, что на
лежитъ прежде вѣдать во всемъ томъ намѣренія Англіи, еже
ли въ тѣ дѣла похочетъ вступить. Того для онъ, г. Гоусъ, со
вѣтуя со мною о всемъ томъ, опредѣлили, чтобы писать в
Англію къ министру его царскаго величества барону Шаку
внушать тѣ же помянутые его, Гоусовы, резоны тамошнем
купечеству, также и изъ разговоровъ присматривать склонност
того двора отъ министерства нынѣшняго; о чемъ я прошло
почты къ нему, барону Шаку, писалъ.

Въ той же конференціи они, Статы, съ нимъ, Гоусом
разсуждали, какимъ бы образомъ вступить въ дѣла сѣверныя к
миру, и избирали мѣсто къ съѣзду для трактованья мирнаго
какъ я прежнимъ своимъ доносилъ о первой его, Гоусовой
конференціи. И многіе были того мнѣнія, чтобы потенціям
морскимъ, согласясь, назначить мѣсто къ съѣзду и сѣверных
воюющихъ министровъ чрезъ декляраціо къ тому съѣзду поз
вать,—и которые въ тотъ конгрессъ пріѣдутъ, тогда съ тѣм
по установленному пляну, каковъ постановятъ потенціи мо
скія, о мирѣ трактовать. А ежели которая потенція по поз
ву къ тому конгрессу министровъ своихъ не пришлетъ, то по
мянутымъ потенціямъ морскимъ, соединясь съ другими, по по
становленному пляну ту несходную къ миру потенцію прину
дить. Однакоже всѣ тѣ свои разсужденія заключаютъ тѣмъ
какъ выше упомянулъ, чтобы прежде намѣренія вѣдать къ то
му и склонности Англіи. И при томъ же избирали мѣсто к
тому конгрессу, и больше склонялись всѣ въ Гамбургъ и
Брунсвикъ.

И по той конференціи г. Гоусъ былъ у меня нарочно и вольные разговоры со мною имѣлъ, и о всемъ томъ въ вы-епомянутой своей конференціи мнѣ сообщалъ. Изъ многихъ и томъ его разговоровъ я призналъ, что онъ былъ нарочно мнѣ присланъ вѣдать мое мнѣніе. И, въ-первыхъ, онъ, Гоусъ, ня спрашивалъ, намѣренъ ли я, съ своей стороны, объя-ть сходство на проектъ, который онъ собщилъ отъ датска- двора. На что я ему сказалъ свое мнѣніе, что въ помяну-мъ проектѣ никакой противности не нахожу; токмо бы чаялъ чше написать не такъ обстоятельно, но кратко въ генераль-хъ терминахъ, для того,—ежели помянутый проектъ такъ остранный нынѣ объявить, а потомъ, прежде назначенія ста къ съѣзду, будемъ трудиться прелиминарныя статьи по-ановить, которое за фундаментъ употребится ко вступленію рныхъ трактатовъ,—и такъ захватчивы оныя прелиминарныя атьи, можемъ разсудить сами, что постановлены быть не мо-тъ. И ежели нынѣ вышепомянутый проектъ и мирный плянъ основательный декляруемъ, а потомъ что изъ него въ пре-минарныхъ статьяхъ упустимъ, то́ предосудительно будетъ тересу союзныхъ сѣверныхъ, потому что уже чрезъ то по-зано будетъ всё то, что выключено изъ проекта въ уступку пріятелю.

Потомъ помянутый Гоусъ мнѣ говорилъ, что къ сему мнѣ-ю онъ сходна себя находитъ, токмо не чаетъ, чтобы здѣсь ежде съѣзда могли постановить прелиминарныя статьи ихъ дписать, для того что никто со стороны шведской изъ ми-стровъ къ постановленію прелиминарныхъ статей не всту-тъ, понеже отъ короля своего указовъ никакихъ не имѣютъ. и напредь не чаемъ, чтобы король шведскій министрамъ своимъ зволилъ и, прежде съѣзда къ мирнымъ трактатомъ, что́, съ оей стороны, чрезъ прелиминарныя статьи уступить повелѣлъ.

На то его, Гоусово, разсужденіе я ему сказалъ, что труд- аліатомъ сѣвернымъ въ негоціацію вступать, нежели преж- необнаруженнымъ быть какимъ удовольствомъ со стороны пріятеля, или со стороны медіаторовъ.

Потомъ онъ, Гоусъ, говорилъ и увѣрялъ себя вѣрным слугою его царскому величеству, также и королю датскому. И сказалъ на примѣръ,—ежели король датскій и польскій къ на значенному съѣзду, гдѣ потенціи морскія назначать, министров своихъ пришлютъ, также и шведскіе пріѣдутъ, тогда онъ н находитъ сходно съ интересомъ его царскаго величества, что бы при томъ съѣздѣ не быть министромъ его, помянутаго ве личества.

На сіе я ему сказалъ, что аліаты его царскаго величеств для своихъ властныхъ интересовъ должны будутъ во всем согласно поступить съ помянутымъ величествомъ, и одни ре золюціи къ съѣзду не возьмутъ.

Потомъ, повторяя мнѣ, говорилъ, чтобъ я объявилъ, кото рое мѣсто къ съѣзду сходнѣе назначить. Я какъ могъ о назначе ніи къ съѣзду мѣста по всѣмъ тѣмъ его спѣшнымъ поступ камъ признать, что онъ желаетъ быть при томъ конгрессѣ с стороны Статовъ медіаторомъ.

Топерь при семъ моемъ пространномъ доношеніи разсудил сходно вашему превосходительству объявить. Въ данной мн инструкціи, въ 6-мъ артикулѣ, молвлено, что ежели медіаці союзники будутъ предлагать, а министры, датскій и польскій оную примутъ, но со стороны его царскаго величества велѣн прежде обнадеживанія требовать, чтó-бъ они могли при том мирѣ въ благопріятство его царскому величеству учинить. ежели будутъ желать, чтобы подлиннѣе объявить, примают ли ихъ медіацію, и тогда мнѣ велѣно объявить, что ежел они обнадежатъ, чтобы наслѣдныя земли, нынѣ возвращенн чрезъ войну, яко за фундаментъ, не вмѣсто награжденія, п ложены были и остались при своемъ отечествѣ,—тогда е царское величество медіацію ихъ пріемлетъ; а о прочихъ пр тенсіяхъ въ награжденіе будетъ объявлено при назначенно съѣздѣ. И я по тѣмъ прежнимъ указомъ и по своей инстру ціи донынѣ себя какъ содержу, исправлять впредь буду; и н нѣ весьма ищу способа, дабы могъ привести къ такому о надеживанію здѣшнія потенціи, или, другимъ образомъ, пр

лиминарныя статьи постановить и подписать. И правда, въ сіе дѣло еще прямо здѣсь не вступили; но когда вступятъ, не безъ труда нахожу къ намѣренію нашему то дѣло привести, слагая изъ разсужденія вышепомянутаго его, г. Гоуса, и другихъ. Однакожъ я по данному мнѣ указу въ инструкціи 16-го артикула поступать буду, ежели впредь какими новыми указы не отмѣнится. Ежели желается вѣдать, какъ могу присмотрѣть министровъ нашихъ аліатовъ,—и датскій еще не возвратился отъ двора; а о польскомъ,—какъ присмотрѣлъ, что охотно въ негоціацію вступитъ. А и о датскомъ не сумнѣваюся, какъ третьяго дня секретарій того двора фонъ-Штекенъ, бывъ у меня, казалъ письмо министра своего изъ Англіи Розенкранца, который къ нему пишетъ, что секретарій статскій милордъ Болинброкъ его обнадежилъ, что указъ данъ милорду Страффорду, чтобы по посланному къ нему пляну, который данъ отъ датскаго двора, онъ, милордъ Страффордъ, въ то дѣло вступалъ. И по сему видится, что ихъ, датская, склонность ко вступленію въ трактатъ весьма есть.

При семъ прилагаю, для вѣдѣнія, на одномъ листѣ мирный плянъ датскій и другой отъ двора, присланный ко мнѣ,— какую имѣютъ розность и съ тѣмъ артикуломъ шестымъ надеять, даннымъ мнѣ въ инструкціи, чтó отдаю все къ доношенію и въ разсужденіе вашему превосходительству.

Прошлой почты, какъ скоро увѣдалъ при отпускѣ писемъ, какъ кратко и написалъ о дѣлѣ, которое касается предложеніемъ медіаціи турецкой королю польскому. Но топерь пространно о томъ доношу.

Министръ польскій баронъ Герсдорфъ, бывъ у меня, сообщалъ, какой указъ отъ двора своего получилъ, и Статомъ въ конференціи прошлой субботы предлагалъ, что Порта послу его короля въ Адріанополѣ предложила три пункта: 1) чтобъ Украйну всю король и речь посполитая уступили во владѣніе салтану; 2) чтобы короля шведскаго проводить чрезъ Польшу съ конвоемъ 6000 человѣкъ турокъ; 3) Порта предложила свою медіацію между короною польскою и шведскою.

И о первомъ пунктѣ по многимъ трудностямъ Порта намѣреніе свое премѣнила и объявила, чтобы ту Украйну запустошить и жилью никакому не быть какъ съ одной, такъ и с другой стороны по 24 мили. И тотъ пунктъ, также и треті о предложеніи медіаціи, который всѣхъ труднѣе, взялъ онъ, посолъ, на доношеніе двору; а на другой пунктъ—для прохода короля шведскаго чрезъ Польшу онъ, посолъ, во всемъ согласился

Того для король его указалъ ему, барону Герсдорфу Господамъ Статомъ о семъ объявить и предложить всё сіе в ихъ разсужденіе. Понеже они, Господа Статы, есть гарантам трактата карловичскаго, и потому обязаны оный трактатъ со держать обще съ другими потенціями, какъ съ цесаремъ, так и съ Англіею, понеже оные того трактата также гарантами был Но по первому артикулу, для запросовъ турецкихъ объ Украйнѣ, весьма оный трактатъ карловичскій нарушается; также не есть сходно съ интересы всего христіанства, чтобы Порт допустить мѣшаться въ дѣла между христіанами и быть медіторомъ. И весьма къ предосужденію сіе будетъ многимъ потенціямъ въ Европѣ, а особливе имперіи, для того что корол его съ своими союзниками имѣетъ войну въ имперіи, и въ т имперскія дѣла по той медіаціи Порта вмѣшаться можетъ. Н все то онъ, баронъ Герсдорфъ, сіе дѣло отдаетъ въ разсужде ніе имъ, Господамъ Статамъ, и при томъ объявилъ требова ніе короля своего, чтобы Статы послали какъ наискорѣе указ къ послу своему, къ графу Колліерсу, при Портѣ, дабі оный трудился и Порту не допускалъ къ разорванію трактат карловичскаго. А что приналежитъ къ медіаціи, дабы о том посолъ ихъ, статскій, при Портѣ письменно декляровалъ, чт потенціи морскія уже свою медіацію воюющимъ сѣверным предложили, также и другія потенціи, и что она, Порта, н можетъ въ то дѣло вмѣшаться, для того, что онѣ, потенці морскія, и вся имперія, и другіе многіе принцы имѣютъ в сей сѣверной войнѣ свои собственные интересы. Все сіе его Герсдорфово, предложеніе депутаты взяли Статомъ на доноше ніе. И впредь что́ изъ сего будетъ, донесу.

Здѣсь предусматривается изъ сего великое пронырство по огласію съ турки французское, и что чрезъ тѣ факціи франузскія Порта къ сему приведена.

Я по состоянію здѣшнихъ Господъ чаю, что они, прежде ступленія въ сіе дѣло, будутъ сноситься съ Англіею.

Плянъ мира, присланный отъ двора.

1. Чтобы король польскій покойнымъ владѣтелемъ своей короны былъ и остался на престолѣ своемъ безъ всякаго преюслōвія; чтобы Ригу или Лифляндію отдать королевскому веичеству польскому и речи посполитой.

2. Чтобъ его царское величество, сверхъ того, чтó прежде его россійской коронѣ принадлежало, имѣлъ Эстляндію и все ю, чтó онъ въ нынѣшней войнѣ взялъ (кромѣ того, чтó выше объявлено по силѣ трактата, учиненнаго съ королемъ польимъ), подъ сею кондиціею, чтобъ агличане и голландцы свободное отправленіе въ купечествѣ имѣли.

3. Что король датскій на обмѣнъ дастъ Бременъ и Ферденъ противъ княжества Шлезвигъ-Голштинскаго.

4. Чтобы Померанія въ волю имперскую отдана была, которая оною провинціею расположить можетъ, какъ оная то за благо изобрѣтетъ. Ежели по такому пляну иныя державы къ тому привести можно, чтобъ оныя въ наши дѣла мѣшались и искали пристойный миръ въ сѣверѣ исходатайствовать, то можно, когда негоціаціи прежде будутъ начаты, кондиціи того мира пространно изобразить, которыя больше или меньше полезны будутъ по состоянію, какъ союзничьи дѣла счастливо или несчастливо пойдутъ.

Плянъ мира датскаго двора.

Когда шведскій корпусъ, обрѣтающійся въ Эйдерштадтѣ, разоренъ будетъ, и Тонингъ взятъ, тогда надлежитъ принять мѣры ко взятію Висмара. Хотя сіе предвосприятіе есть трудно, и сѣверные союзники чрезъ сію толь долговременную войну убыт-

ки претерпѣли, однакоже всѣ крайнія силы надлежитъ употре бить, чтобы сіе предвоспріятіе окончать. Ежели оное удастся то надлежитъ сей городъ учинить городомъ вольнымъ и цесар ственнымъ, чтобы чрезъ то показать, что оный завоеванъ н для завладѣнія, но дабы Голштенію свободну поставить от нападеній шведскихъ. Ежели бы такожде возможно было взят городъ Штетинъ и учинить вольнымъ, тó бы зѣло изрядно было дабы тѣмъ закрыть Саксонію и Польшу отъ нападеній шведскихъ

Отдать бы шведомъ островъ Рюгенъ, Стральзундъ и про чія мѣста Помераніи шведской по самую рѣку Пену, а прочі и острова имѣютъ принадлежать къ Штетину.

Понеже Дація имѣетъ нынѣ во владѣніи герцогство Бре менское, того ради отдастъ оное герцогу готторпскому, також де и при томъ графства Ольденбургское и Дельменгорстское подъ тою кондиціею, чтобы дворъ готторпскій заплатилъ дом ганноверскому деньги, которыя онъ далъ въ заёмъ на Ольден бургъ и Дельменгорстъ.

Домъ ганноверскій будетъ имѣть герцогство Ферденское, с такою ограничностью, какъ можетъ о томъ договоренось быть

Данія уступитъ цесарскому и ганноверскому дворамъ ил герцогу готторпскому тѣ острова, которые имѣетъ на рѣк Эльбѣ или въ близости отъ Гамбурга.

Курфюрстъ ганноверскій уступитъ землю лауэнбургскую ко ролю датскому, а взаимно за то возьметъ равной цѣны за пла ту земли ольденбургской и дельменгорстской; насупротивъ ж домъ готторпскій уступитъ свой участокъ въ герцогствах Шлезвигѣ и Голштейніи королю датскому.

Король шведскій уступитъ королю датскому острова: Гот ляндъ, Эляндъ, Эзель и Даго.

Царь содержитъ Эстляндію, Петербургъ, Нарву и Выборгъ и Кексгольмъ, купно и то, чтó напредь сего надлежало к Россіи, а именно, Ингерманландія и Карелія.

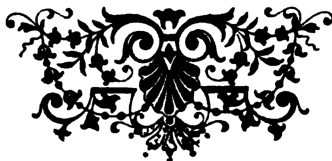
Король польскій содержитъ Польшу и Лифляндію, кромѣ Риги, которая учреждена будетъ городомъ вольнымъ, и кромѣ прочихъ городовъ, которымъ опредѣлены будутъ равные авантажи

Всѣ принцы европскіе, а особливо сосѣдственные, и въ началѣ державы морскія будутъ призваны ко вступленію въ сей проектъ. И ежели помянутыя морскія державы похотятъ оный принять и вспомогать къ изслѣдованію онаго, то король датскій оставитъ въ ихъ пользу пошлину, которая платится въ Зундѣ, и учинитъ вѣчное сходство съ Англіею и Голландіею, чтобъ оныя не платили больше одного розенобля за мащъ, какъ прежде сего, но чтобы Швеція и прочіе народы должны были платить пошлину обыкновенную.

Царь такожде опредѣлитъ нѣкоторыя пользы къ ихъ навигаціи и торговлѣ въ своихъ областяхъ; равнымъ же образомъ и король польскій въ Лифляндіи.

Въ данной мнѣ инструкціи 16-й артикулъ.

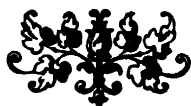
А ежели союзные его царскаго величества министры, польскій и датскій, по предложенію съ одной стороны Франціи и Англіи, или съ другой стороны—всѣхъ аліатовъ, объявятъ ему, что весьма намѣрены той или другой стороны медіацію принять, а оные медіаторы помянутаго обязательства по инструкціи 6-го артикула не учинятъ,—и безъ того обнадеженія за первое основаніе прелиминарій не примать.



БУМАГИ

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА КУРАКИНА.

РОД. 1752 г., † 1818 г.



1121. Le comte Nikita Ivanovitch Panine—au comte de Saldern.

St-Pétersbourg, 24 septembre 1771.

Vous aurez lieu, sans doute, Monsieur, d'être étonné d'un ilence si long de ma part, tandis que je vous ai les plus ortes obligations. Mais vous serez juste, et vous n'en cher-herez la cause que dans la multiplicité de mes occupations t, surtout, dans cet état continuel d'inquiétudes et d'embar-as où j'ai été, si longtemps, pendant la maladie et la conva-escence du Grand-Duc. On ne saurait sentir plus vivement ue moi, Monsieur, tout le sacrifice que vous me faites pour e bien-être de mon neveu et celui du jeune comte Chéré-étev. La famille de l'un et l'autre vous sera éternellement bligée, mais c'est à moi à n'oublier jamais que, personnelle-ent, je dois tant à l'amitié de M. votre frère et à la vôtre. e n'ai qu'à vous prier d'être persuadé du souvenir qui en estera inviolablement gravé dans mon coeur, et je suis sûr ue ce sentiment vous sera garanti par M. l'ambassadeur.

Au moment où j'ai l'honneur de vous écrire, je compte, onsieur, que vous êtes sur votre départ avec nos cavaliers our passer en Angleterre. J'ai eu communication de M. votre rère du plan de vos voyages, et j'ai trouvé le tout très sa-ement réglé. Je n'ai rien à y ajouter, et je me remets abso-ument à vous pour l'exécution. Ma confiance est entière, et

elle est trop juste, puisque, connaissant toutes les grand parties que vous possédez, je suis sûr qu'il ne s'offrira nu le part aucun avantage, dont mon neveu et son compagnon retirent le meilleur fruit.

Dès avant que j'aie su positivement le temps où vous commen cerez vos voyages, je vous ai fait remettre une lettre de crédit 10203 florins par le conseiller de chancellerie M. Kroock. compte qu'elle vous sera parvenue à temps pour fournir à la pr mière mise pour votre transport et votre premier séjour en Angl terre. Lorsque vous y serez, Monsieur, je vous prie, aussit que vous le trouverez nécessaire, de tracer [tirer] sur moi l sommes dont vous y auriez encore besoin, et, lorsque vous s rez arrivé à Paris, je vous prie de m'écrire et de m'indiqu la voie qui vous sera la plus commode pour vous faire teni ou les lettres de crédit, ou les remises dont vous aurez b soin pour la prolongation ultérieure de votre voyage. Je cro que vous êtes prévenu par M. votre frère, que l'état prése de la famille Kourakin l'engage à fixer à une somme de d mille roubles la dépense totale du voyage de mon neveu, que le comte Chérémétev en donne vingt mille à s fils pour le même objet. En remettant donc, sans réserv comme je le fais, à votre sage direction, la dépense, la marc de votre voyage, le séjour dans les lieux que vous choisir vous-même, enfin tout ce qui concerne la conduite de nos c valiers que vous voulez bien prendre sous vos auspices, la se le chose que j'aie à vous prier de prendre en considératio c'est de vous combiner, le plus qu'il sera possible, avec somme fixée pour la dépense de l'un et de l'autre.

M. l'ambassadeur, Monsieur, par pure bonté pour mon n veu le prince Gagarine, l'a envoyé auprès de vous en vo priant de vouloir bien le joindre à vos compagnons de voyag Je prends la liberté, Monsieur, de vous le recommander et vous demander pour lui les mêmes bontés et les mêmes soi que vous voulez bien donner au prince Kourakin et au com Chérémétev, et je ne souhaite rien tant que de savoir qu

'en rende digne par sa sagesse, son attention et son obéis-
nce à vos conseils. Je suis pénétré de ce surcroît de char-
e; et, quelque attachement que j'aie pour mon neveu, je vous
roteste que j'aurais cru abuser de vos bontés, en vous
nportunant encore pour lui. C'est de son propre mouvement,
ar un excès d'amitié pour moi et de bonté pour ma famille,
t, je vous jure, Monsieur, sans m'en avoir prévenu, que M.
'ambassadeur vous a envoyé ce jeune homme qui lui est con-
u, qu'il aime et dont l'éducation lui est à cœur. Je n'ai
'autre parti à prendre que de souscrire à ce qu'il en a dé-
idé, et de joindre mes prières aux siennes pour vous prier de
e point vous lasser dans les soins de votre amitié pour nous.

122. Plan d'un voyage pour voir les Pays-Bas autrichiens, la France, la Suisse, l'Italie et une bonne partie de l'Allemagne.

[1772 г.].

De Leyde on va à Rotterdam, de Rotterdam à Anvers,
'Anvers à Bruxelles, et de Bruxelles par Mons, Cambrai etc.
irectement à Paris, où, après s'être arrêté quelque temps,
n dirige sa course par la Lorraine, qu'il ne faut pas omettre
cause de Nancy et de Lunéville, à Strasbourg.

De Strasbourg on va à Bâle, de Bâle à Berne, de Berne,
ar Fribourg et Lausanne, à Genève.

De Genève on rentre en France et on va à Lyon; de
yon à Vienne en Dauphiné, de Vienne, par Valence, Avi-
non et Nîmes, à Montpellier; de Montpellier, par Arles et
ix, à Marseille, de Marseille à Toulon, et de Toulon à An-
ibes, où l'on s'embarque sur une felouque pour Gênes. Si le
ent est favorable vous y êtes rendu en moins de 24 heures. Au
este, il n'y a aucun danger à faire ce petit trajet, car on ne
erd jamais la terre de vue et, au moindre soupçon d'une
empête, vous entrez dans un des ports qui se trouvent sur
a côte.

On peut aussi entrer en Italie de Genève, mais alors o s'assujettit au désagrément de passer par le Mont Cenis, qı est inévitable, et on se prive du plaisir de voir les provinc méridionales de la France, qui méritent à tant d'égards l'a tention et la curiosité d'un étranger, et par la beauté de le climat et de leur sol, et par la beauté des villes qui s'y trouven Il ne faut pas oublier que dans cette partie de la France o voit ses plus beaux ports de mer, ses villes les plus com merçantes, ainsi que ses établissements les plus considérabl tant en manufactures qu'en ouvrages publics.

Ainsi il est à conseiller à un étranger qui veut voyag avec utilité et pour s'instruire, de préférer la route d'Antib à celle de Genève.

Dès qu'on est arrivé à Gênes, on va à Turin, de Turi à Milan, de Milan, par Pavie, Parme et Livourne etc. à Fl rence, de Florence à Rome, de Rome à Naples. De Naples o retourne à Rome, et de Rome on continue sa route, pa Lorette, Boulogne, Mantoue, Vérone et Padoue, à Venise.

Etant à Venise on voit si le temps, qui vous reste pou le retour, vous permet d'aller à Vienne; alors on y va direc tement de Venise, si non, on laisse Vienne à la droite, et o va, par Inspruck, Munich, Ratisbonne, Prague, Dresde et Leip zig, à Berlin.

Plan d'un autre voyage pour voir l'Angleterre et les pays ci-dessus mentionnés en omettant l'Italie.

De Leyde on va directement, par Calais, à Londres. D Londres on retourne à Calais, et on va à Bruxelles pour voi la Cour du prince Charles, ainsi que la noblesse du pays De Bruxelles on va à Paris, de Paris à Lyon, et de Lyon, p Genève, Berne et Bâle, à Strasbourg. De Strasbourg on t verse la Souabe, la Bavière et l'Autriche pour aller à Vien et de Vienne, en passant par Prague, Dresde et Leipzig, va à Berlin.

1123. Le comte Nikita Ivanovitch Panine—au comte de Saldern.

Tsarskoé-Sélo, 26 mai 1772.

Je cours les risques, Monsieur, de vous excéder de mes mportunités, mais il ne m'est pas possible de me refuser aux stances d'une famille que vous obligez déjà essentiellement. n parent du comte Chérémétev, officier aux gardes, part, son aveu, ou, plutôt, sous sa direction, pour aller se joine à son fils et l'accompagner dans le reste de ses voyages. e vous prie de permettre, Monsieur, qu'il grossisse le nome de vos compagnons, et daignez aussi lui accorder quelques ins et quelques bontés pour son instruction. C'est un jeune omme qui promet et qui n'a montré encore que de bonnes ualités, et c'est l'espérance que j'ai que vous serez content e sa conduite, qui me fait passer sur mes scrupules à vous onner ce surcroît de peine. Le comte Chérémétev, toute sa mille et moi, nous partageons la reconnaissance de cette ouvelle obligation, que je ne consens à m'imposer que par e confiance extrême dans votre caractère et l'amitié de M. otre frère.

1124. Le comte Nikita Ivanovitch Panine—au comte de Saldern.

St-Pétersbourg, 15 août 1772.

C'est avec bien de la satisfaction, Monsieur, que j'ai reçu otre lettre du 15 (26) juin. Si je ne réponds pas exactement toutes celles que vous me faites l'honneur de m'écrire, je e flatte que de vous-même vous voudrez bien m'excuser sur multiplicité des affaires et être persuadé que je n'en sens s moins vivement toutes vos bontés pour mon neveu. Come vous m'avez envoyé aussi une lettre de lui, je vais entrer ns quelques détails à son sujet, que cette lettre m'arrache. ose vous le dire, Monsieur, je crains que, jusqu'à ce moment, n'ait réussi à vous cacher le fond de son caractère, quoique en averti d'ailleurs sur ses goûts et sa passion favorite, du oins ne saurais-je me persuader que M. votre frère, qui les

connaît si bien, ne vous en eût rien touché. Mon neveu m fait les plus fortes protestations qu'il a renoncé à ses erreur qu'il en a reconnu le faux et le néant, et à moi il me pa raît, par la façon même dont il me proteste [de] tout cel qu'il y est plus enfoncé que jamais. Mais où il m'en con vainc à ne me pas permettre d'être sa dupe, c'est quand me parle de sa charge, de sa première entrée en charge de ses préparatifs pour sa représentation. De grâce, Monsieur dites-lui, en lui montrant ma lettre comme un ordre et u conseil non suspect, de laisser dormir tout cela, pour ne pen ser qu'à profiter de ses voyages et, surtout, de la socié d'un homme qui se consacre à son bien. Je lui vois la tê trop remplie de la haute idée de sa dignité; on n'y attacl point ici une aussi grande importance, et on lui tiendra d'au tant moins compte de son zèle et de son empressement à venir faire les fonctions, qu'on ne voit point du tout que service souffre de son absence. Les peines qu'il se don pour y débuter comme une merveille, n'annoncent pas un jug ment encore bien formé. Il n'a pas besoin de mettre en fra l'art et le goût de l'étranger; sa patrie fournit plus que su fisamment pour une représentation comme la sienne, et je vo nombre de ses égaux qui en tirent très bien parti.

Je l'ai envoyé voyager, et, à son retour, je ne veux lui ve de garde-robe que celle d'un voyageur, le nécessaire décemme et rien au delà. Point de ces envois ridicules d'habits qui décèlent trop, et de ces broderies qui, malgré toute son adre se, seront confisquées, et pour lesquelles, certainement, n'intercéderai pas. Que de peines encore, avant que je voie lui l'homme que je désire! Aidez-moi cependant, Monsieur, n'en désespérons pas. Vous voyez où il faut frapper; ne ménagez pas et rendez-lui, s'il en est encore temps, le se vice de le guérir de sa vanité. C'est à cela que je vous pr de rapporter tous vos soins et toutes vos bontés; je vous demande instamment, et c'est l'obligation la plus essentiel que je puisse vous avoir.

1125. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. октября 26. [Петербургъ].

По полученіи вашего пріятнаго письма, не хотѣла первой почты пропустить, мой дорогой князь Александръ Борисовичъ, васъ за оное благодарить; сердечно радуюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ. Сколько примѣчаю, вы своимъ пребываніемъ въ Парижѣ не совсѣмъ довольны, что̀ меня очень удивляетъ; кажется мнѣ, — это происходитъ отъ вашего нетерпѣнія возвратиться. Будьте спокойны, мой любезный другъ! Ваше желаніе скоро исполнится: какъ слышу, что будущей весной вы навѣрно здѣсь будете. И такъ, какъ другъ, вамъ совѣтую сюда меньше объ этомъ отзываться и не всѣмъ въ этомъ дѣлать довѣренность. Не льстя, вамъ скажу, что прилежностью вашей къ наукамъ и разными примѣчаніями, которыя вы дѣлали, благодѣтель вашъ очень доволенъ и совсѣмъ противъ васъ огорченія никакого не имѣетъ, будучи увѣреннымъ, что вы свой проступокъ, происходящій отъ молодости, совсѣмъ поправите; въ доказательство чего совѣтую не только вамъ [не] освѣдомляться о вашей гардеробѣ, но и прошу совсѣмъ её забыть, чѣмъ совершенно не только погасите, но и совсѣмъ утушите последнюю искру этого жара. Въ прочемъ, вѣрьте, что вы въ немъ имѣете совершеннаго милостивца и благодѣтеля, который васъ сердечно любитъ. Равномѣрно-жъ и отъ его высочества сколько мнѣ удавалось слышать, что очень доволенъ вашими реляціями, о чемъ дядюшка нѣсколько разъ самъ повторялъ. Теперь вамъ осталось стараться преодолѣть всѣ свои слабости, чѣмъ, несумнѣнно, пріобрѣтете апробацію и дружбу всѣхъ своихъ милостивцевъ и ближнихъ, которые ничего столько не желаютъ, какъ васъ видѣть совершеннымъ во всемъ, что можно.

Десятаго числа нынѣшняго г. Сальдернъ сюда пріѣхалъ, съ дороги отъ безпокойствія не очень здоровъ, отчего я почти его еще не видала; только одинъ разъ издали въ театрѣ. Я себѣ за большое удовольствіе почту быть съ нимъ знакомой, столько для того, чтобы пользоваться обществомъ достойнаго

и честнаго человѣка; не меньше и то—считаю ему доказа
чрезъ это свою благодарность, которою мы ему всѣмъ родо
должны за васъ. За лесть отъ васъ себѣ почла, что находи
во мнѣ сходство съ его нравомъ; слыша и считая его разу
нымъ, не могу себя къ нему примѣнить. Въ этомъ вы, коне
но, правы, что я неправду не люблю, и какъ къ ближнимъ,
друзьямъ всегда искренна; только ничего этимъ не выигрыва
Хотя вы, мой дорогой другъ, конечно увѣрены въ моей с
вершенной къ вамъ любви, но не оставлю вамъ сказать, ч
она еще удвоилась тѣмъ, видя вашу благодарность къ это
достойному человѣку; хотя я достоинствъ никакихъ не имѣ
а признаніе большое всегда, кому должна, не въ состояніи б
дучи никому отслужить, одолженіе никогда не забуду.

Очень чувствительна, что объ Юшѣ интересуетесь. О
съ самаго апрѣля все боленъ лихорадкою, что меня совершен
но огорчаетъ. Надежды не имѣю его никакъ видѣть: пол
ихъ въ Петербургъ будетъ весной, для карауловъ, а мы, есл
Богъ поможетъ, самымъ первымъ путемъ поѣдемъ въ Москву
За новое вамъ скажу, что Наталья Кирилловна вы
шла за камеръюнкера Загряжскаго, Анна Кирилловн
на ея мѣсто пожалована во фрейлины.

1126. Le prince Alexandre Bor. Kourakine—à M. de Moissy.

Paris, 4 (15) novembre 1772.

Sans avoir l'avantage de vous connaître personnellemen
j'ai celui de pouvoir vous apprécier par cette réputation qu
vous vous êtes si justement acquise. Je félicite, de tout mo
cœur, mon oncle et mon frère d'avoir eu le bonheur de tombe
en si bonnes mains. Le choix seul de votre personne nous don
ne déjà les espérances les plus flatteuses. Leur empressemen
à se former le cœur et l'esprit m'est trop connu, pour craindr
qu'un succès tardif vienne couronner les soins que vous vou
donnerez à leur communiquer vos lumières. Non, Monsieur
vous puiserez dans leur application un nouveau zèle, et leu

bonne volonté fera promptement fructifier le germe des vertus que vous leur offrirez. Ce n'est pas sans fondement que je me flatte de voir briller, un jour, en eux, des étincelles de ce feu qui vous a animé dans vos différents écrits. De retour dans ma patrie je me ferai gloire d'imiter leur exemple, et de profiter également du commerce intime qui pourra exister entre nous. Accoutumé, dès mon enfance, à m'abandonner à mon penchant pour la lecture, je ne saurais mieux continuer à en cueillir les fruits que sous vos auspices. Je vous demande votre amitié d'avance. Précieuse en elle-même, elle m'offre une foule d'agréments pour l'avenir. Si, pour l'obtenir, mes sentiments peuvent être de quelque prix à vos yeux, vous pouvez être persuadé que, dès à présent, vous les possédez.

Il ne m'appartient pas de vous entretenir sur le chapitre de vos deux élèves, si chers à mon cœur, et auxquels je suis attaché par les liens de la tendresse bien plus encore que par ceux du sang. Sans doute, vous les avez assez approfondis pour leur accorder plus que de l'indifférence. Le caractère excellent de mon oncle n'aura pu vous échapper. C'est la candeur, la vertu même, embellies par tout ce que la modestie et la douceur ont d'attrayant. Son esprit est aussi docile que son cœur est bon. C'est une jeune plante qui promet beaucoup; elle mérite d'être soignée et ne pourra que faire honneur à son cultivateur.

C'est avec une vive satisfaction que j'ai appris les efforts de mon frère à se bien acquitter de ses devoirs. Ma sensibilité y trouve de nouveaux aliments. Veuille Dieu qu'il persévère! Son propre bien en dépend, ainsi que la consolation de sa famille.

Je vous aurais une très grande obligation, Monsieur, si vous vouliez bien me communiquer vos idées générales sur leur éducation, et surtout quel est le plan que vous avez suivi quant à leurs études actuelles? Cette attention de votre part vous donnera tous les droits imaginables sur ma reconnaissance. Je me flatte que vous les avez trouvés suffisamment pré-

parés pour les tirer de la première poussière classique, et les initier dans des sciences plus sublimes et plus agréables. Daignez m'informer aussi quelle est l'étude favorite d'un chacun; sur quoi se fixe préalablement son imagination, et jusqu'à quel point se sont manifestés ses progrès. Ils sont dans l'âge où la nature, sans secours et sans guide, commence à opérer d'elle-même, où l'on peut discerner, en un mot, le vrai du faux, le solide du frivole, le bon du mauvais.

Vous ne devez point trouver étrange que, dans une première lettre, je vous épanche, avec tant d'effusion, mes secrets sentiments. Je cesse de considérer l'étranger; je ne vois en vous que l'ami de la maison.

1127. Le comte Alexis Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Borissovitch Kourakin.

Londres, 16 (27) novembre 1772.

Il est donc vrai, mon aimable ami, que, jusqu'au séjour de Paris même, tout a ses inconvénients! Vous les envisagez avec trop de justesse pour ne pas en tirer les plus grands avantages. Le défaut de société, qui perd tant d'étrangers, sera pour vous une heureuse ressource. Vous n'en aurez que plus de loisir de remarquer et de comparer, de vous instruire et de vous préparer enfin pour ces rôles que vous jouerez sur la scène des affaires. Votre naissance, jointe à d'autres titres, vous ont déjà fait contracter des engagements et plus étendus et plus formels que vous ne le pensez peut-être; et vous n'en êtes pas cependant moins obligé de vous en acquitter de tous.

C'est là l'usage, digne et aimable ami, que vous ferez du temps que vous laissera le tumulte de ces sociétés dont les amusements et les occupations sont aussi frivoles que répétés. Je sens qu'on les regrette à votre âge, parce qu'on s'en fait une idée bien plus agréable, et parce qu'on ignore encore que vivre dans le monde, c'est se réduire souvent à n'en connaître que quelques petites parties, et c'est finir par faire de

riens. C'est de là qu'on voit tant de personnes du monde qui, à force d'y vivre, finissent par ne pas le connaître et en sont même étonnées. Tel un voyageur, qui ne fait que courir d'un endroit à l'autre, ne se donne pas le temps ni de marquer, ni de réfléchir, revient avec tout plein d'idées sans en apporter une seule bien nette et claire. Spectateur tranquille et prudent, vous vous faites des leçons des exemples des autres. Le théâtre, cette école du sage, vous représente les vertus et les vices dans leur jour naturel. On s'y fait des règles sur les exemples, et on finit par avoir de l'expérience, sans en avoir payé la façon.

Il y a longtemps que j'eusse dû vous parler de M. Cathcart. Chargé de bienfaits, il n'a cessé de témoigner son admiration pour la Souveraine qui donne tant de leçons aux rois, et pour son ministre, modèle des vertus. Il vient d'épancher ces sentiments publiquement dans la Chambre des Seigneurs. Personne n'a jamais mieux placé un compliment vrai en parlant des apparences de notre pays; il assure combien il a été à même de voir, et la peine avec laquelle nous avons commencé la guerre, et le désir de l'Impératrice de rendre à ses sujets la paix, qu'ils ont si bien méritée par tant de victoires. Tout cela lui mérita l'applaudissement général et le mien, tout particulier. D'ailleurs, il ne cherche rien pour lui. Tout ce qu'il ambitionne, c'est de placer avantageusement ses deux fils.

1128. Княжна Аграфена Александровна Куракина—кн. Александру Бор. Куракину.

1772 г. ноября 21. [Петербургъ].

Я уже нѣсколько времени сбиралась писать къ вамъ, мой любезный князь Александръ Борисовичъ, но много тому воспрепятствовала болѣзнь тетки Катерины Борисовны, которая шестой день какъ скончалась. Описывать не нахожу нужды; можете себѣ представить, въ какой горести дочь ея осталась.

Надѣюсь, что вы это письмо вѣрно получите: какъ слышу, ваше пребываніе въ Парижѣ продолжится до февраля мѣсяца;

итакъ, сколько буду имѣть времени, не оставлю онымъ поль зоваться, чтобы къ вамъ не писать. На топерешній случа имѣю вамъ только сказать, что мы, слава Богу, всѣ здоровы Не забуду и того, что двѣ недѣли назадъ тому г. Сальдерн былъ еще впервой у насъ; бо́льшая часть конверсаціи продол жалась о васъ. Примѣтя его мысль и сентименты къ вамъ, н хотѣла оставить васъ объ ономъ безызвѣстнымъ, считая ваг его не только прямымъ благодѣтелемъ, но совершеннымъ дру гомъ, которому довольно признательну быть неможно не тольк вамъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто въ васъ участіе примаетъ. Как я, конечно, не изъ послѣднихъ въ этомъ, можете вѣрить, мо дорогой другъ, что, кромѣ его всѣхъ достоинствъ, за это ещ больше почитаю и считаю ему быть обязанной.

Что же касается до Никиты Ивановича, безъ лест васъ увѣряю, что онъ совсѣмъ противъ васъ таковъ, как прежде его знали,—очень доволенъ вашимъ упражненіемъ поведеніемъ. Итакъ, прошу васъ ни о чемъ не сумнѣваться вѣрить, что это былъ одинъ фатальный часъ, который все эт огорченіе вамъ сдѣлалъ, а топерь все прошло.

Больше писать времени не имѣю; ѣду въ печальный домъ

1129. Le prince Alexandre Bor. Kourakin—au Grand-Duc Paul.

Paris, 24 novembre (5 décembre) 1772.

J'accuse de nouveau l'uniformité de notre genre de vie qui ne me permet point d'entretenir Votre Altesse Impérial sur quelque matière intéressante et nouvelle. J'ai déjà eu le temp de m'étendre sur les différents objets qu'offre l'immense Pari J'ai parlé de ses détails, des environs, des spectacles, des mœu et même j'ai eu l'audace de pénétrer dans les mystère du gouvernement. Je ne me charge point d'entrer dans le nouveautés littéraires; elles vous parviennent en tout genre Monseigneur, infiniment mieux par le discernement de ceu que vous avez daigné en charger. La plume d'un jeune homme presque sans expérience, ne peut guère attendre un succè

flatteur dans une matière aussi riche et aussi difficile. Il ne me resterait que les nouveautés dramatiques, et encore sont-elles assez rares.

A présent nous sommes à Paris une foule de compatriotes. Notre petite société renferme déjà cinq personnes; il y a de plus le comte et le baron Stroganov, MM. Démidov et Borozdine, avec leurs épouses, Mme la comtesse Apraxine, le général Karr, le prince Serge Gagarine, M. de Moussine-Pouchkine, aide de camp général du prince Orlov, le prince Nicolas Galitsine, officier dans les gardes à cheval, M. de Sobakine, pareillement officier dans les gardes, M. Paul Démidov, neveu de celui dont j'ai fait mention ci-dessus, etc. M. Khotinski, chargé des affaires de Sa Majesté, a encore avec lui l'interprète Novicov et l'actuaire Iacovlev.

Nous avons ici une chapelle qui est desservie avec beaucoup de décence et d'exactitude. L'aumônier est un très galant homme; il donne la meilleure éducation à ses enfants, et, en général, il s'est fait aux coutumes du pays. Le seul article où il n'a pu se vaincre, c'est celui de sa barbe, qu'il a conservée en dépit de l'exemple de plusieurs de ses prédécesseurs. Notre colonie assiste régulièrement les dimanches à la messe.

Il nous est un très grand avantage d'être aussi nombreux; nous trouvons, parmi nous, ce que nous cherchons en vain parmi les Français. Quoiqu'on ne puisse disconvenir que cette espèce de sociétés ne fournit point l'utilité que les voyageurs sont en droit d'attendre de leur séjour dans les pays étrangers; cependant, c'est toujours autant de gagné pour notre délassement. Si on aime à s'appliquer par raison, on n'aime pas moins à se distraire par penchant.

Dans l'instant que j'allais fermer mes lettres, on m'apporte l'épître de Voltaire à Horace, qui a paru depuis peu, et qu'on ne peut encore avoir qu'en manuscrit. Je me suis empressé à en faire d'abord une copie pour la communiquer à Votre Altesse Impériale. Elle fait ici une très grande sensation. C'est un moment de silence pour les antagonistes de son inimitable écri-

vain, et un triomphe pour ses admirateurs. On prétend y reconnaître toute la force, toute l'énergie de son plus beau temps; en un mot, Voltaire achève de persuader à tous qu'il est, en tous sens, une intelligence supérieure.

J'ai l'honneur d'y joindre la réponse en vers que M. de Laharpe y a fait au nom de Horace. Ce jeune auteur s'est déjà fait connaître dans la république des lettres, par son comte de Warwick, sa traduction de Suétone, et plusieurs pièces, qui ont remporté, a différentes reprises, le prix à l'Académie française. Le philosophe de Ferney a, de plus, été son grand bienfaiteur; mais je ne sais quelle contestation, survenue entre le protecteur et le protégé, a, depuis, obligé ce dernier de se fixer à Paris, sans que ses premiers sentiments de reconnaissance en fussent cependant altérés.

1130. Княгиня Наталія Александровна Репнина—князю Александру Бор. Куракину.

1772 г. декабря 2. С.-Петербургъ.

За послѣднее твое письмо, отъ 4 октября, благодарю тебя дорогой мой князь Александръ Борисовичъ. Имѣешь право конечно, пенять мнѣ за мое молчаніе, когда не знаешь резоновъ а какъ узнаешь, что я отъ іюня мѣсяца одержима злою лихорадкою, которая и топерь еще не вовсе миновалася, то думаю что пожалѣешь обо мнѣ; осталася такая дурнота въ головѣ что долго писать не могу.

Отъ посторонныхъ людей вѣдаю, что вы еще находитесь въ Парижѣ; отпиши, пожалуй, какъ ты нашелъ князя Николая Васильевича. Я воображаю себѣ, что онъ очень худъ сталъ слава Богу, что безъ лихорадки. Пожалуй, мой другъ, скажи мнѣ правду! Еще же желаю знать, какъ ты свое время провождаешь, въ обществахъ бываешь ли и какъ веселишься.

Къ тебѣ принадлежащіе всѣ здоровы. Грустно мнѣ очень что матушка въ первыхъ числахъ генваря ѣдетъ; братъ твой князь Алексѣй,—дорогой малый, Moissy любитъ его очень а князь Степанъ, знаю, что въ Польшѣ и здоровъ, а писат

къ намъ не изволитъ,—видно, что одержимъ лѣнью; тетушка твоя Марья Степановна родила сына. Вотъ и всѣ вѣсти.

Дѣти мои всѣ кланяются; фаворитка твоя еще слаба, однакоже по-французски болтаетъ; полякъ добрѣетъ очень.

1131. Ivane Kroock—au prince Alexandre Bor. Kourakin.

St-Pétersbourg, 8 décembre 1772.

J'ai cru ne pouvoir mieux détailler à S. E. M. le comte de Panine vos sentiments pour lui, qu'en lui lisant, en entier, votre lettre du 30 d'octobre, dont le contenu lui faisait beaucoup de plaisir. J'en fais la conclusion que son mécontentement de vous est passé, et que l'affaire de votre garde-robe se terminera par quelques petites mercuriales, que vous aurez à entendre. J'ai fait tout mon possible pour détourner la confiscation de vos habits; mais c'est aussi tout ce que j'ai pu effectuer, et Son Excellence les garde chez elle. Peut-être que le plaisir de vous revoir un jour tel qu'il le souhaite, l'engagera à ôter le sequestre auquel votre vanité, un peu trop marquée, a donné lieu. Mais, je vous prie, mon Prince, de ne plus toucher l'article de vos habits dans vos lettres à moi, que je suis si souvent dans le cas de donner à lire. Vous sentez bien que mon attachement pour vous, dicte le conseil que je vous donne pour votre propre précaution.

Mme Talisine est, il n'y a que quelques jours, heureusement accouchée d'un fils, à qui on a donné le nom de Nikita, et qui sera baptisé demain. Mme la chancelière et M. d'Apraxine seront les parrains. La princesse Ivane Bariatinski est accouchée d'une fille, nommée Anne. Vous saurez déjà que M. Stépane Stépanovitch Zinoviev est nommé ministre en Espagne. Mme son épouse part aujourd'hui pour le joindre à Paris. Le comte Solms a reçu le cordon de l'Aigle Noir, et le prince Lobkovitch est nommé chevalier de la Toison d'or.

Le prince Orlov partira au premier traînage pour Réval, où il restera jusqu'à son départ pour les pays étrangers. Nous

n'avons point d'hiver encore, et la Néva n'est pas encore prise un cas qui n'est pas arrivé de mémoire d'homme.

Le prince Youssoupov fait toujours mille excuses de ce qu'il ne vous écrit pas. Il remet ce plaisir d'un jour de poste à l'autre. Au reste, il faut lui rendre la justice qu'on ne saurait avoir plus d'application pour les affaires qu'il a. Il est toujours dans la chancellerie en s'occupant à copier, traduire chiffrer etc., et il veille, presque toutes les nuits, avec M. le comte de Panine, étant toujours présent à toutes les affaires qui se font. Voilà tout ce que j'ai à vous dire. Tous vos parents se portent bien. La maréchale comtesse Boutourline est morte il y a deux semaines.

1132. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Bor. Kourakin.

Leyde, 10 (21) décembre 1772.

Le temps approche auquel les hommages de la bouche sont plus sincères que ceux du cœur, pour faire des compliments et des souhaits. Si je fais de même à l'occasion du renouvellement de l'année, et si je vous dis, mon Prince, que je fais des vœux ardents pour votre prospérité, que je serais enchanté de vous voir heureux, je me flatte, que vous ne prendrez pas ces expressions pour des effets d'un mouvement passager, pour le destin d'une âme glacée, mais que vous voudrez agréer ces souhaits, comme une marque de cet attachement que je vous ai donné si sincère, entier et parfait.

C'est dans vous-même, mon Prince, que vous trouvez des ressources d'un bonheur solide. J'ai été charmé de les connaître, vous en ferez toujours usage; ainsi mes présages sont fondés que l'événement répondra à mes vœux.

J'ai lu et relu votre très honorée lettre, mon Prince, et vous demande pardon, que j'y réponde un peu tard, ce dont j'ai rendu compte à votre sage et généreux mentor et ami fidèle. Aussi ma réponse ne sera pas si détaillée, qu'elle aurait été, si j'étais sûr du sort de ma lettre. Je vous reconnais, mon

ce, dans la description, que vous avez eu la bonté de me muniquer. Votre style se fleurit de plus en plus et s'occupe choses dignes de l'attention d'un observateur qui a de prit et aime à se mettre au-dessus des frivolités. Si je joins quelques petites réflexions qui me sont survenues en lisant remarques, je ne fais qu'obéir à vos ordres.

Le physique du pays, dans lequel vous demeurez, mon ce, est très bon. La nature bienfaisante y donne tout, si l'habitant n'a pas tout, c'est ou sa propre faute, ou celle l'administration. On fait valoir des grains en abondance et en manque; les mines des Pyrénées ont rendu des sommes idérables dans les temps des Romains et on ne les exploite on a des transports et toutes les commodités pour la ation, et les préjugés empêchent qu'on en fasse usage. ltaire dit quelque part que la France est un bon pays, que la preuve en est incontestable, puisqu'on a cherché à ruiner pendant 80 ans et, pourtant, on n'a pas pu parvenir but.

La proportion entre les vignobles et les terres destinées à l'agriture, entre les forêts et les autres fonds, est-elle très observée ut? Prend-on soin d'empêcher que la capitale ne devienne une tête énorme, qui attire tout le suc nourrissant du corps fait que les membres languissent? On nous a voulu persuader ièrement qu'on comptait encore 22 millions d'habitants, je ns fort que ce ne soit une erreur dans le calcul d'envi- 5 millions.

En fait des beaux arts, des belles-lettres et même des nces, vous préférez, mon Prince, le siècle de Louis XIV à i de Louis XV. J'avoue que le premier était fort brillant. me le ton flatteur approchait, dans ce temps-là, un peu plus qu'on appelle mâle et noble. Les guerres civiles avaient eillé l'esprit de liberté. Plus on s'accoutume au despotisme, on cherche les phrases, et la simplicité noble se perd. pourtant, quelques pièces, dont les gazettes étaient rem- s, il y a deux ou trois ans, étaient animées et remplies, d'un

bout à l'autre, des passages, qui font honneur à l'éloquence d
ce siècle, qu'on appelle philosophique, et que la postérité l
plus reculée marquera de l'empreinte d'antiphilosophique, v
les sentiments peu conformes à la philosophie, qui dominei
et qui se montrent à la face de l'univers, en plein jour, dans plu
sieurs lieux.

Pour revenir à la comparaison que vous faites, mon Princ
l'esprit créateur a été rarement l'apanage, encore moins le m
nopole d'une nation que j'estime infiniment à cause de plus
eurs belles qualités. Le théâtre espagnol a embelli celui d
Français; les plus grands maîtres en ont enrichi leur imagin
tion, témoin la préface de M. Linguet. Les beaux-ar
doivent leur naissance et leur perfection à l'Italie. Y arrivan
mon Prince, toutes vos idées que vous avez de tout ce q
est le plus beau à Versailles seront effacées. Quant aux scie
ces, il est clair qu'après Newton et Leibnitz, les connai
sances solides ont beaucoup gagné, et qu'un Alembert va
bien un Descartes. Même la bonne philosophie n'a p
peu contribué à réformer les jeux des mots et les argumen
frivoles, qui brillent dans les plaidoiries du siècle passé. I
connaissance du droit romain était déjà moins à la mode da
le siècle de Louis XIV, puisqu'on commençait à comprend
qu'elle était plutôt un ornement d'un homme d'étude, que, po
la plupart, une science absolument nécessaire pour un homn
d'Etat et pour un bon avocat ou juge. Je parle de cette part
qui va jusqu'aux minuties et s'occupe principalement de
critique.

En général, qu'il me soit permis de faire cette rema
que dans un certain point de vue; il est bon que nous no
imaginions que les siècles passés occupent un rang auqu
le nôtre ne saurait aspirer. Cela nous mène à profiter d
lumières et même des erreurs de ceux qui nous ont précé
et cette même idée, étant opposée à notre vanité, nous ti
toujours en haleine et vivifie notre émulation. Mais il est a
vrai que, si les arts et les sciences sont venus à un cer

point, l'admiration commence à baisser; ceux qui approchent aux premiers inventeurs ne sont plus regardés, et ce qui brillait comme extraordinaire et grand vingt ans avant, ne se présente que sous une face très ordinaire. Il fallait tripler les efforts pour se distinguer de ceux qui se sont attirés les premiers hommages de l'admiration. Ces talents si supérieurs sont rares, et même, s'il y en avait, l'impression qu'ils feraient serait moins rte que la première. Bœrhaave était le grand médecin e l'Europe; ses disciples ont fait voir des connaissances fort upérieures à celles de leur maître; mais aucun d'eux n'a le om du maître, ni même M. van Swieten, qui a suivi la oute de son précepteur.

Je viens à l'administration. Tout le monde ne sera pas du ême avis, mon Prince, par rapport à cette excellente opéraon du siècle, dont vous me faites l'honneur de me parler. ermettez, je vous supplie, de vous en écrire une autre fois, présent „manum de tabula“. Le tableau, que vous tracez, on Prince, de l'administration des finances, n'est pas consont, même pour les étrangers; si l'on veut rembourser les fices, pourquoi n'a-t-on pas fait le commencement avec les arges inutiles et très onéreuses de la Cour?

C'est là où l'on aurait pu faire une réforme dont tout le onde aurait été enchanté. Si l'on veut se tirer de l'embarras, n'a qu'à ménager les dépenses dont le public ne profite en. Tant de millions exportés, et pour quel but?

Je ne savais pas cette étiquette singulière qu'on observe is-à-vis du chancelier; elle est incompatible avec un siècle ssi éclairé qu'est le nôtre dans ces sortes de choses. Quelle ison allègue-t-on d'une coutume si peu digne d'être imitée? st-ce qu'on fait de même avec les autres ministres d'Etat? C'est core un de ces préjugés gothiques, que la robe est inférieure l'épée.

Vous verrez donc, mon Prince, après avoir demeuré dans usieurs pays, que régner est peu de chose, mais que l'art régner est un art difficile, et qu'on ne peut jamais acquérir

sans une connaissance parfaite de l'homme en général et d pays en particulier qu'on doit gouverner, soit en souverai soit en ministre d'Etat.

Je serais au comble de mes souhaits, si je pouvais fai les mêmes voyages que vous vous proposez avant que d'en ployer vos talents et vos connaissances pour être utile à vot patrie. Celle-ci vous demande; vous fixerez dans peu son atte tion, et elle reconnaîtra vos mérites. Le plaisir d'être éle successivement aux premiers grades est grand, mais toujou inférieur à la conviction intérieure de les avoir mérités.

Faites-moi la grâce de me donner bientôt de vos nouvelle je m'impatiente, mon Prince, d'en avoir. Pardonnez cette dema de à un cœur sensible, cette qualité ne saurait vous déplai

Je vous prie, mon Prince, d'assurer mes respects à MI vos compagnons de voyage, surtout à M. le comte de Ch rémétev; j'espère que celui-ci se porte mieux, et me flat qu'il ne m'oublie pas. Si vous, mon Prince, ou les seigneur qui sont vos amis, ont des ordres pour la Hollande, je vo prie de m'en charger.

Il y a fort peu de nouvelles qui vous puissent parait intéressantes. L'aîné [des] princes Volkonski est devenu gent homme de la chambre de Sa Majesté. Je ne vois plus le prin Galitsine, mais j'entends qu'il s'amuse bien. M. de Kol tchov est à Londres. Les agréments de la Haye sont toujou les mêmes. Le théâtre allemand, le croiriez-vous, y a terras pendant quelque temps le théâtre français. Un soir le directe du dernier n'avait que 16 sous. Cette troupe allemande donné six représentations ici, avec un applaudissement généi et sans exemple.

1133. Княгиня Наталія Александровна Репнина—князю Александру Бор. Куракину.

1772 г. декабря 15.

Письмо твое, отъ 11-го числа прошлаго мѣсяца, я, мой друг князь Александръ Борисовичъ, получила; благодарю тебя

ѣдомленіе твое о г. Кашинскомъ; вѣрю, что вы другъ угу обрадовались. Отпиши, пожалуй, какъ вы свидѣлися: зналъ ты прежде, кто таковъ подъ этимъ именемъ, или нечаянно идѣлъ его? И каковъ онъ топерь? Я воображаю себѣ, что ь очень худъ сталъ; онъ ко мнѣ пишетъ, что жестокими флю- и мучится. Я, признаюся, боюся сырой зимы славнаго Па- жа; опять и то думаю, что вездѣ зима дурна для больныхъ; надѣюся на милость Всевышняго Творца: Онъ его сбере- тъ.

Видѣвъ его, можешь судить и обо мнѣ, каково порази- ьно въ отсутствіи знать о миломъ человѣкѣ, что онъ страж- ъ! Я истинно не понимаю, какъ я жива еще,—это со мною ѣнная милость божеская! А что становлюся дряхла, тому удивляюся.

Если, паче чаянія, еще это письмо застанетъ его въ Па- жѣ, то, пожалуй, не кажи ему его: я знаю, что онъ послѣ ѣзни своей сталъ очень мнителенъ.

34. Княжна Аграфена Александровна Куракина—князю Александру Бор. Куракину.

1772 г. декабря 21. Петербургъ.

Незная г. Сальдерна, была очень нетерпѣлива его видѣть, ша его разумнымъ. Но думаю,—васъ не мало удивитъ, да скажу вамъ, что онъ совсѣмъ не въ нашемъ обществѣ, ѣдовательно, и незнакомъ. Правда, что съ пріѣзда своего лалъ намъ визиту наряду со всѣми, гдѣ о васъ благодѣ- ьски отзывался, чѣмъ, какъ я къ вамъ и прежде сего пи- а, меня очень обязалъ, и считаю, что вы довольно при- тельны быть ему никогда не можете, какъ и отслужить за его вамъ благодѣяніе не будете въ состояніи. Впрочемъ, ла его сколь разумнымъ, не меньше своенравнымъ, чѣмъ ьше доказываетъ, что совершеннаго человѣка нѣтъ; и въ ъ примѣчательно, что пороки, къ сожалѣнію, покоряютъ родѣтели и всѣ достоинства. Вамъ это пишу единственно для юго извѣстія, съ тѣмъ, чтобъ оно между нами осталось,

будучи увѣрена, что вы свои станете стараться преодолѣт
зная, что никто въ васъ столько несоучаствуетъ, какъ я.

1135. L. G. F. Kerroux—au prince Alexandre Bor. Kourakin.

Leyde, 22 décembre (2 janvier) 1772.

Pour la première fois de la vie, peut-être, je me trou embarrassé pour répondre à une lettre, et cette lettre est vous. En vérité, je ne sais ni que dire ni par où commenc à vous exprimer ce que j'ai ressenti et ce que je se encore à la lecture de cette précieuse lettre.

Ce préambule, mon Prince, sollicite une excuse pour le ga matias que vous allez lire. Je n'ai pas assez d'esprit, après to pour vous bien répondre; ainsi, je vais laisser ce soin à mon cœu

Oui, mon Prince, j'ai cru que M. de Borissov m'av estimé, j'ai cru, même, qu'il avait quelque bienveillance po moi. Satisfait de ces sentiments, que je ne croyais même p mériter encore, je les lui payais par les sentiments de la pl tendre et de la plus vive reconnaissance. Je sentais que l'aimais; mais à peine osais-je m'avouer à moi-même q ce sentiment me fût permis. Si, de ce que je sentais po M. de Borissov, pour ce disciple si chéri et si digne l'être, je passais à l'examen de ce que j'éprouvais pour le Prin de Kourakin, je ne trouvais plus en moi que du respect, par que je n'osais être assez téméraire pour me flatter que le prin eût gardé pour moi les sentiments du simple particulier. To mon âme, alors, se livrait sans réserve à l'amitié du cher Com mais elle éprouvait un malaise, dont elle n'osait même recherch la cause. Quelquefois je la surprenais, et mes premières lett au cher Comte en sont témoins, se demandant à elle-même: pourquoi le prince de Kourakin n'est-il plus M. de Borissov? J'os rais lui dire que je l'aime, et, à présent, je n'ose même pas penser. Ne croyez pourtant pas, cher Prince, que le son l'arrangement des six lettres qui forment ce mot m'en imposât, que l'idée, qui y est attachée, changeât mes sentiments po

s. Hélas! non, je vous aurais aimé, eussiez-vous été sur le ne. Mais j'avais la faiblesse de croire que vos idées à vous, conséquemment, vos sentiments, étaient changés. Et si la faisante lettre dont vous m'avez honoré n'était venue rendre on âme toute sa liberté, je me contenterais encore de vous orer, de vous estimer, de vous respecter dans le silence, oser peut-être m'avouer qu'il m'était permis d'avoir d'autres timents pour vous. Mais votre lettre vient déchirer le voile me cachait, pour ainsi dire, à moi-même. J'ose vous dire, répéter que je vous aime, que je vous aimais toujours, je vous aimerai, sans doute, au delà du tombeau. Oui, Prince, il n'est point d'amant, si heureux qu'il puisse , qui, lorsque l'ami de son cœur lui fait l'aveu de sa tense, éprouve la volupté que j'ai sentie, en lisant que m'aimiez.

Tendre lien, heureuse sympathie,
Sainte union des cœurs, doux baume de la vie,
Sentiments purs et délicats,
Que les dieux connaissent à peine,
Que les Rois ne connaissent pas,
Amitié, de mon cœur auguste souveraine,
Tu fais le bonheur de mes jours!
En vain, dans les leçons d'une austère sagesse,
En vain, dans les plaisirs des frivoles amours,
Je cherchais un bonheur qui me fuyait toujours;
Des plaisirs la plus douce ivresse,
De tous les sages de la Grèce
Les sublimes et froids discours
Aux blessures d'un cœur, qui se rouvrent sans cesse,
N'offraient que de faibles secours.
Mais tu viens à mon aide, et ta céleste flamme,
Douce amitié, don le plus précieux
Que puissent nous faire les cieux,
Embrase, pénètre mon âme.
Comme, à l'aspect de l'astre radieux,

On voit l'aquilon furieux,
Dont le souffle mortel empestait l'atmosphère,
Fuir dans son antre ténébreux,
Rentrer, en mugissant, au centre de la terre;
Tel, ô sainte amitié, pénétré, plein de toi,
Mon cœur reprend un nouvel être.
L'espoir que, pour toujours, je croyais loin de moi,
Dans mon âme flétrie, enfin semble renaître.
Et c'est à toi, cher prince, à toi que j'aurai dû
Mon bonheur et mon existence,
Et la tranquille jouissance
De mon honneur..... de ma vertu!

Oui, Monsieur, ce n'est que par l'amitié qu'on existe réellement, qu'on est véritablement heureux. C'est d'elle que la vertu même emprunte des charmes, que d'elle-même elle n'aurait peut-être pas.

L'amitié, je dis l'amitié pure et fondée sur une estime réciproque, exalte notre âme, l'embrase de cet enthousiasme héroïque qui ne nous fait voir dans tout l'univers que notre ami et son bonheur. Toutes nos actions, toutes nos vertus même se rapportent, du moins indirectement, à l'ami de notre cœur. C'est son estime que nous ambitionnons, c'est son approbation qui, seule, nous indemnise de nos peines et nous fait mépriser les sarcasmes de la sottise et l'oubli qui rougit lui-même de sa noire ingratitude.

Je ne répondrai point directement, mon Prince, à cette partie de votre lettre où vous m'offrez vos services, non en homme de Cour qui souvent nous insulte au moment qu'il nous soulage mais en ami, en bienfaiteur qui veut vous cacher, qui semble ignorer lui-même les bienfaits qu'il répand sur vous. Qu'y répondrai-je, mon Prince ? Tout ce que je pourrais dire est fort au-dessous de tout ce que je sens. Je me tais; mais je vous prends au mot. Un jour viendra, peut-être, que j'aurai la hardiesse de vous sommer de votre promesse. Oui, j'ai des besoins; mais, j'en prévois d'une nature à me forcer, peut-être

n jour, de mettre à la plus forte épreuve et l'amitié du prince e Kourakin et celle du comte de Chérémétev. Jusque-là, her Prince, je n'ai rien à dire. Je puis encore, sans rougir, ecevoir des bienfaits; mais qu'il m'en coûterait de devoir, eut-être, mendier un jour des secours, si j'avais à répandre on cœur ailleurs que dans le sein de l'amitié!

Vous voyez, cher Prince, que je sais profiter de la liberté e vous m'avez donnée d'être prolixe, et de m'épancher avec fusion dans votre sein. Jusqu'ici c'est mon cœur seul qui st exprimé; je vais tâcher, à présent, de répondre aux tres articles de votre lettre.

La peinture esquissée, mais vraie, que vous me faites de Angleterre, n'a servi qu'à me fortifier dans l'idée que je me is faite de cette nation célèbre. Peut-être, est-ce une suite l'espèce d'analogie qu'il y a entre le caractère national de peuple et le mien. Je pense moi-même en anglais sur les érogatives de l'homme; et plus de neuf cents ans de transntation dans un sol où les hommes naissent presque esclas, et n'osent qu'à peine s'accoutumer à penser, ne m'ont s encore fait oublier, [que], quoique né Français, c'est à un anglais e les K[errou]x se glorifient de devoir leur origine.

Cependant, cher Prince, le croiriez-vous? je préférerais ns le commerce de la vie la pétulante légèreté des habitants la France à la morgue philosophique des penseurs de e d'Albion. Et j'ose croire, c'est, peut-être, amour-propre et nité, que, si des deux peuples l'amour et l'hymen n'en saient qu'un, ils formeraient la nation la plus aimable et la us heureuse de la terre. Mais je passe à votre description Paris.

Dans le tableau saillant, où vous peignez Paris,
Je reconnais déjà le pinceau d'un grand maître.
Un même groupe à mes yeux fait paraître
Le cercle sémillant des Grâces et des Ris.
Le fat qui, pour lui seul, s'extasie et s'admire
Dans le miroir de sa fatuité,

Et la bruyante et folle alacrité
D'un peuple à Vaudeville, et qui seul pouvant rire
Des maux dont son âme soupire,
Croit bonnement, dans sa frivolité,
Etre sage et jouir de la félicité.
J'y vois le bel esprit aiguisant le sarcasme,
Le prétendu bon ton appelant près de lui
L'insipide bon mot, les cartes et l'ennui,
Et le badaud qui rit, baille et s'enthousiasme
Pour les froids drames d'aujourd'hui.
Partout je vois, dans cette ville immense,
Le plaisir abreuvé des larmes de la France,
A l'étranger séduit, ouvrir, tendre les bras;
Et couvrant sa douleur d'une gaieté factice,
Offrir, en soupirant, à son âme novice
Un bonheur qu'il promet, mais qu'il ne donne pas.
Il est vrai, la même peinture
Offre, dans le lointain, des objets moins trompeurs;
Sur un sol cultivé des mains de la nature
Je vois éclore quelques fleurs.
Le vrai bon goût, poursuivi par l'envie;
Le bon sens échappant à la cabale impie,
Qui voudrait, sous les coups de ses sombres fureurs,
Le proscrire de tous les cœurs,
Et la saine philosophie,
Et la raison, qui dévore les pleurs
Que lui fait verser la folie,
Malgré le ton du jour, et les vaines clameurs
De l'intempérant cagotisme,
Ont encore, dans Paris, contre le fanatisme,
Un asile et des protecteurs.

Voilà, cher Prince, ce que j'ai cru voir dans le table[au] que vous m'avez fait de cette ville célèbre; peut-être, trouvere[z] vous la copie que je vous en renvoie un peu rembrunie. J[e] n'ai plus, comme vous, le prestige de l'âge et l'illusion d[e]

moment. Nos idées prennent, pour ainsi dire, la teinte des objets dont elles sont frappées, suivant qu'elles aperçoivent d'une certaine distance. Au milieu de Paris, dans le sein des plaisirs que vous décrivez si bien, jouissant d'une abondance qui est à vous, et qui, comme celle des Français, ne peut être équivoque, vous ne voyez les objets que comme ils paraissent à vos yeux, parés du vernis des grâces et de la nouveauté. Moi, au contraire, éloigné de la France pour toujours, moi, qui la connais et la plains, je ne vois que ses maux et son esclavage; et, j'ose, jusque sous le masque qui vous en impose, aller chercher les pleurs que je sais qu'elle doit répandre. Mais je m'arrête; je ne puis penser à ma chère, mais malheureuse patrie, sans ressentir tous les maux qu'elle souffre, et tous ceux que je prévois qu'elle souffrira encore.

Vous vous attendez peut-être, mon Prince, que je vous dise quelque chose de ce pays. Il n'offre à mes yeux que le tableau de l'humanité peint en noir. Les hommes sont ici, tout comme ailleurs, jouets de leurs passions et victimes de leur avarice. La fureur des actions vient de renverser les meilleures maisons d'Amsterdam; et celle des Cliffort a fait, elle seule, une faillite qu'on évalue à sept millions de florins. On prévoit la chute entière du crédit qui ne se soutient encore qu'à peine.

D'un autre côté, la haine théologique s'acharne ici avec fureur contre le triomphe de la raison et du bon sens. Autrefois, les Hollandais pouvaient écrire; il ne leur sera bientôt plus permis de penser; et notre sainte Réformation, contre ses premiers principes, s'arroge un pouvoir sur les consciences et sur les opinions des hommes, qui fait plus d'honneur à son zèle qu'à ses lumières et à sa piété. Vous ne sauriez croire, mon Prince, combien le livre de Marmontel cause encore de troubles dans nos provinces. En vain, le Souverain a interposé son autorité pour faire cesser cette guerre; les auteurs, il est vrai, n'ont plus osé mettre leur nom à la tête de leurs écrits, mais nous sommes tous les jours inondés d'une nuée de brochu-

res anonymes, où le fiel du zèle théologique répand son amertume à grands flots; il n'est pas jusqu'aux défenseurs de la bonne cause qui ne se trouvent infectés de cette épidémie.

Le croiriez-vous, Monsieur, nous avons été à la veille de voir s'établir ici une inquisition littéraire. Tous les livres qui n'auraient pas eu l'approbation du saint synode de Dordrecht, auraient été proscrits, peut-être même brûlés; les auteurs ou éditeurs, les vendeurs et acheteurs, supposé qu'ils eussent été connus, punis arbitrairement. L'Edit en a été conçu, couché même par écrit et prêt à être envoyé dans les différents ressorts pour être mis à exécution. Mais le fantôme de notre liberté, que l'on fait semblant de respecter encore, a paru; il a été soutenu par le génie du commerce qui menaçait de s'enfuir si l'Edit avait lieu; et la raison et le bon sens ont eu le plaisir de voir triompher leur cause, quoique, sans doute, on ne les ait point appelés pour en prendre la défense. Je crois, mon Prince, la précaution inutile de vous recommander le secret sur ce que je vous écris, ici, si librement. On pourrait fort bien, si l'on me connaissait, m'envoyer penser entre quatre murailles, et c'est un avantage que je n'ambitionne pas encore.

N'est-il pas temps de finir, cher Prince, et n'est-ce pas trop abuser de votre loisir et de votre permission? Encore un mot des princes Volkonski; ils se portent bien, et m'ont chargé de vous faire parvenir leurs plus tendres salutations. M. le capitaine Wilkes, qui a été, quelque temps, fort incommodé, vous assure de ses respects et de toute son estime, et me prie de vous dire, de même qu'à M. le Comte, qu'aujourd'hui, 2 janvier, il a reçu des lettres de la Russie, qui fixent le séjour des Princes à Leyden pour jusque vers le mois d'août; après quoi ils se rendront à Turin pour y faire leurs exercices. Ces messieurs se flattent tous trois d'avoir la satisfaction de vous rencontrer dans le cours de leurs voyages, soit en Italie, ou en Allemagne.

Comme je me flatte que vous m'honorerez de vos lettres de tous les endroits où vous ferez quelque séjour, j'espère

aussi que vous aurez la bonté de me faire de courtes descriptions de tous les pays que vous aurez vus. J'aime à connaître les hommes; et je vous crois très propre, mon Prince, à me faciliter cette étude. Je voudrais surtout connaître les hommes célèbres dans les lettres; notre cher Comte aura la bonté de vous communiquer ce que je lui ai écrit là-dessus. Et, à ce propos, je vous prie, mon Prince, de me donner un portrait bien ressemblant du caractère moral de M. de Marmontel. J'aime cet homme célèbre, et je voudrais l'aimer toujours. D'ailleurs, j'ai un intérêt réel à le bien connaître.

Je finis, cher Prince, en vous faisant les compliments d'usage au renouvellement de chaque année (j'aurais dû, peut-être, commencer par là) et en vous priant de m'envoyer de Paris pour étrennes, ce que l'énigme ci-jointe vous demande pour moi. Si vous n'en trouvez pas le mot, je ne vous demande rien. Excusez cette liberté, mon Prince, mais j'ai tant de choses du cher Comte, que je suis jaloux de n'avoir rien de vous. Et, d'ailleurs, c'est la seule bagatelle qui me manque après les dons du Comte; mais bagatelle que je ne puis me procurer sans me mettre à l'étroit, ce que je ne veux pas faire.

Enigme.

Dans la paix comme dans la guerre,
Je porte la mort avec moi;
Et faire du mal sur la terre,
Fut toujours mon unique emploi.
Mais, quoique faite pour le crime,
Et cause de mille forfaits,
Jamais je n'abats ma victime
Sans rougir des maux que je fais.
Vierge, partout on me méprise;
Mais, si j'ai fait quelques galants,
J'imprime du respect aux gens;
Il n'est plus que l'homme d'église
Que sa soutanelle autorise

A se rire de mes talents.
Habillée, on ne me craint guère;
Coquette alors je cherche à plaire
Par mon éclat et mes pompons,
J'ai même le secret de faire
L'ornement de nos beaux garçons.
Mais dès qu'on me voit toute nue,
Objet des plus vives frayeurs,
Nouvelle Méduse, ma vue
Jette l'effroi dans tous les cœurs.
Prince, j'en ai trop dit peut-être,
Je suis trop souvent avec toi,
Pour que tu puisses méconnaître
Celle. . . mais non, devine-moi.

Ni vous, mon Prince, ni M. le Comte vous ne me dites rien de M. de Saldern. Trouverait-il mauvais que je l'assure de mes respects et de toute ma reconnaissance pour les bontés qu'il a eues pour moi?

Salmorenc, le fameux poète, est, sans doute, actuellement, en Russie, s'il a pu faire le voyage; du moins, il est parti avec un Russe dont j'ai oublié le nom, et qu'il a dû accompagner en qualité de valet de chambre ou d'homme à tout faire. A propos de Salmorenc, il a publié ici un livret: „La rhétorique d'un homme d'esprit“ qu'il a décoré d'une dédicace courte, mais pompeuse, à notre prince de Galitsine. Je voudrais, mon Prince, que vous vissiez le livre, ne fût-ce que pour lire la dédicace. Je n'en dis pas davantage.

MM. Fas et Collizzi vous rendent mille actions de grâces de votre précieux souvenir, et vous assurent de leurs sentiments respectueux. Ce n'est que par un hasard pur et le désir de me procurer votre adresse que j'ai parlé au perruquier Dupont. Depuis votre lettre reçue, je me suis informé, sous main, et de sa personne et de sa conduite. Je n'en ai rien appris, mon Prince, qui puisse vous empêcher de lui faire du bien, et je sais de lui-même qu'il désire fort entrer à votre service.

Il y a huit à neuf mois que M. Wilkes me chargea de lui parler; il aurait voulu l'engager au service des Princes; mais Dupont me répondit qu'il ne pouvait disposer de sa personne, tant qu'il pourrait se flatter que vous penseriez à le prendre. Depuis votre lettre reçue, je lui ai encore par lé une fois; sa réponse m'a satisfait, et il m'a protesté qu'il se croirait heureux s'il pouvait mériter l'honneur d'être à vous. L'intérêt de la vérité me fait seule parler en faveur du jeune homme, que je ne connais point d'ailleurs.—Suis-je assez prolixe, mon Prince?

1136. Le comte Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Kourakin.

Londres, 27 décembre (7 janvier) 1772.

En vous renvoyant, mon Prince, votre journal, il m'est impossible de ne pas vous répéter ici le plaisir que j'ai eu en lisant vos réflexions judicieuses. Il ne m'en faut point davantage pour me convaincre que mes idées n'ont pas été au delà de la vérité. Jaloux de m'acquérir de plus en plus votre confiance, je me borne à vous assurer que vous réalisez des espérances à un âge, quand, pour l'ordinaire, on se contente d'en donner seulement. Un peu d'usage dans les affaires vous suffira à vous faire soutenir avec honneur les avantages avec lesquels vous pourriez débuter sur le grand théâtre de ce monde. Eclairé par le flambeau de votre raison et de vos connaissances, vous ne sauriez qu'être la consolation de vos parents, les délices de vos amis et l'ornement de nos compatriotes.

Une critique austère pourrait, peut-être, s'attacher à des détails presque inséparables d'une plénitude d'imagination. Ce feu eut, sans doute, été plus ménagé, si vous n'eussiez écrit que simplement pour vous-même, et dans la vue de ne pas perdre aucun de ces objets différents, qui intéressent votre curiosité. L'abondance produit alors presque le même embarras que la disette: vous y obvierez en temps et lieu.

1137. Ivane Kroock—au prince Alexandre Kourakin.

St-Pétersbourg, 29 décembre 1772.

S. E. M. le comte de Panine vous a destiné pou vos petites dépenses mille roubles et les a demandés d comte Peter Ivanovitch. Mais comme il fait quelque difficultés à cette occasion à cause du dérangement de vo finances, je profiterai du premier moment pour faire à So Excellence une avantageuse représentation et la disposer vous faire remettre cet argent au plus tôt, sans attendre le arrangements de Moscou. Tranquillisez-vous, mon Prince, je fera tout pour vous.

Après ma dernière lettre, il n'est arrivé, ici, rien de plu remarquable que ce que le prince Orlov est rentré en ville il n'y a que quelques jours. Il demeure chez son frère Ivan au Galeerenhof et n'est plus servi de la Cour. Il va pourtan à la Cour, et il a l'entrée, mais sans être fort distingué.

Hier nous avons eu une grande mascarade à la Cour comme avant la guerre. On dit que nous en aurons d'autres Vos chers parents se portent parfaitement bien.

J'ai sauvé les débris de votre bibliothèque avant votre lettr dans laquelle vous me chargez de la remettre à M. votr frère. Et comme j'ai reçu de nouveau une chambre à la Cou pour ma petite chancellerie, votre bibliothèque y sera mieu que chez M. votre frère qui n'est pas assez bien logé pou la garder. Et même S. E. le comte Panine n'était pas d sentiment de la lui envoyer. Le choix d'un ministre de notr Cour à Paris n'est pas encore fixé. M. Durand est un homm de mérite, de cinquante ans passés. Sa figure n'est pa avantageuse, mais elle est bien contrebalancée par son esprit e par d'autres talents, qui le rendent un homme très aimable.

1138. Le prince Alexandre Bor. Kourakin—au comte de Saldern.

Paris, 30 décembre [10 janvier] 1772.

La santé du comte Chérémétev va de mieux en mieux. S'il n'est pas entièrement rétabli, j'ose croire, qu'il le sera, d'abord

qu'il aura respiré l'air natal. C'est la décision des principaux Esculapes, et c'est sa propre conviction.—Notre genre de vie est toujours le même. Nous ne varions point dans nos principes, ni dans la façon de les exécuter. Je m'amuse en m'appliquant chez moi et je m'ennuie dès que je sors. Les livres sont mon amusement et ma ressource. Quant aux plaisirs de Paris, très inférieurs à l'idée qu'on s'en forme ailleurs, ils n'ont pu conserver à nos yeux les attraits d'une nouveauté séduisante. Nous les connaissons, et nous y assistons, sans obtenir le but de nous distraire. La maison de Mme Démidov, qui nous était un véritable asile pour bien des soirées de la semaine, vient de nous manquer par le voyage d'Italie, qu'elle a entrepris dans cette saison si rude.

1139. Le prince Alexandre Bor. Kourakin—au Grand-Duc Paul.

Paris, 31 décembre (11 janvier) 1772 r.

Aujourd'hui, Monseigneur, je n'ai rien d'intéressant à vous marquer. Notre genre de vie que je vous ai déjà détaillé, et que nous continuons d'observer avec un égal empressement, me fournit une excuse naturelle. Ardent à saisir tous les moyens, qui peuvent nous conduire à notre perfection, nous tâchons de nous occuper d'objets étrangers le moins que nous pouvons. Nous avons fréquenté les plaisirs publics de Paris, et nous en sommes rassasiés jusqu'à les trouver insipides. Les étrangers qui, par leur situation même, sont réduits à se contenter de la compagnie isolée de leurs compatriotes, et tout ce que nous voyons, tout ce que nous entendons, tout ne fait que fortifier en nous les désirs impétueux de revoler au plus tôt dans les bras de nos familles.

Rien ne donne plus l'idée du vrai beau ou du vrai utile, que les comparaisons approfondies et impartiales qu'on est en état de former. Les pays étrangers sont à cet égard la meilleure école. On s'attend à beaucoup, on trouve peu, et on parvient à se pénétrer de l'importante vérité que, nulle part, on ne

s'exerce mieux à remplir les fonctions auxquelles le Créateur nou a destinés, que dans sa patrie. La présence de son souverain les exemples qu'on a devant soi, tout y sert d'aiguillon. Il n'e est cependant pas moins sûr, qu'en étudiant les mœurs de différents peuples, on réussit à déraciner quantité de préjugé invétérés, on sent peu à peu le bandeau de l'erreur se détacher et on apprend à apercevoir la vérité avec des regards plu clairvoyants. L'évidence de ces progrès, qui se font dans un succession très rapide et incontestable, c'est un aveu qu'o doit accorder à la véracité, obligation principale du voyageur qui s'avise de penser, de réfléchir sur ce qui le frappe, et d'e raïsonner.

Il faut que j'aie l'honneur de communiquer à Votre Altess Impériale le sujet actuel de presque toutes les conversation Il vient de paraître sur le théâtre français un phénomèn particulier qui a causé un enthousiasme général. Une jeune actric de seize ans, formée par les soins de Brizard, a début vers la fin du mois passé dans Didon, tragédie de M. Lefranc c'est le rôle le plus compliqué, le plus long, le plus difficil de la scène, et elle l'a rendu avec une supériorité de talent qui passe toute imagination. Elle n'a pas mendié les suffrage elle les a enlevés, ou plutôt ce n'était point son début, mai son vrai triomphe. Jamais je n'ai vu tant d'unanimité dans le applaudissements. Il est impossible que la seule instruction l'ai fait parvenir à une perfection si décidée; la nature a tout fai en elle, figure intéressante, taille fine et majestueuse, organ touchant, et ce qui plus est, tous les contours qui annoncen la beauté. Raucourt est son nom; elle a passé les premièrе années de sa vie chez nous, son père ayant été comédien su le théâtre de la Cour.

On parle aussi très avantageusement de son esprit; no contente d'avoir captivé l'admiration de tout le public, ell a su se frayer un chemin jusque dans les cœurs stoïques de philosophes. D'Alembert, ce sage du siècle, ce géomètr sublime, n'a pu apaiser le tumulte de ses sens. Quoique plu

ccoutumé à se concentrer dans la profondeur de ses médita-
ions, qu'à sentir, en un instant, les élans délicieux de toutes
s passions, il s'empressa de courir à la loge de l'actrice, et
près l'avoir enivrée d'éloges, il s'enhardit à lui demander
omment elle s'était prise pour jouer dans Didon avec tant de
rce et d'énergie. „C'est en lisant Virgile, [que] j'ai étudié le carac-
ère de son héroïne, et en général, répondit-elle, c'est l'histoire
ui est mon premier guide dans tous mes rôles; je tâche d'y
émêler les traits principaux des personnages que j'ai à rendre,
t je me règle en conséquence". On lui attribue quantité de
areils discours; je ne finirais pas en voulant les conter tous.
lle est, en un mot, l'idole du jour, à voir si elle saura se
outenir! Du jugement des connaisseurs elle égale Mlle Clai-
on dans son plus beau temps, et Mlle Vestris ne peut
i être comparée. Elle a continué de débuter dans Cinna et
ans Mithridate, toujours avec un même succès. Il est certain
u'aucune actrice, depuis l'origine du théâtre, n'a reçu d'accueil
lus brillant, ni n'a causé de sensation plus vive; c'est la voix
nanime.

Nous avons été à Versailles le premier de l'an, jour de
hapitre des Cordons-Bleus. Le duc de Bourbon qui attendait
ordre depuis un an en fut décoré, ainsi que les cinq cheva-
iers nommés à la Pentecôte. La cérémonie se fit dans la cha-
elle. Le roi la consomma assis sur un trône, dressé à la droite
e l'autel. Le dais était le même qui avait servi à Henri III;
n y voyait les doubles armes de France et de Pologne. Le
auphin et le comte de Provence furent les parrains du duc
e Bourbon. Tous ces chevaliers reçus étaient des jeunes gens
ntre trente et quarante ans; il n'y avait de vieillards que le
eul duc de Tresmes. C'est, je crois, le Français le plus
isgracié de la nature, petit, bossu par devant et par derrière,
oiteux, ayant une physionomie plus que désagréable, et, de plus,
ffaissé sous le poids de soixante et quelques années, autant
ue sous celui de sa bosse. Que Votre Altesse Impériale daigne
e représenter cette figure, si j'ose dire, grotesque, en habit

court de novice, en grande perruque naissante, une canne
la main à cause de l'inégalité de sa marche, et obligée d
faire des révérences à l'espagnole, à droite et à gauche. C
aspect dérida les fronts les plus austères, les plus graves e
furent déconcertés, et l'ironie se peignit sur tous les visage
Je suis bien loin de rapporter ce fait pour l'approuver; il e
injuste de se formaliser de ce qui n'est l'effet que du hasard
Le duc de Tresmes a obtenu le St-Esprit, ni par faveur, n
en récompense de quelque service éclatant, mais uniquemen
à force de persécuter le Roi et les ministres. Devenu, il y
quelques années, duc et pair et gouverneur de l'Isle de Franc
par la mort du duc de Gesvres, son frère, il n'avait plu
rien à ambitionner que cette décoration extérieure; il la ché
rissait encore plus, puisqu'il prétendait qu'elle était nécessair
à nourrir le respect de ses subalternes, et que, malgré so
rang élevé, la difformité de sa figure le faisait éclipser dan
la foule. Il crut ne pas s'avilir en plaisantant sur son propr
compte; ses plaisanteries réussirent, et il eut le Cordon-Bleu

Les princes du sang viennent de rentrer en grâce à l
Cour. Le prince de Condé et son fils ont commencé à don
ner l'exemple; les ducs d'Orléans et de Chartres les on
imités. Les princes, comme il était juste et naturel, ont fait le
premiers pas. Le projet de leurs lettres a premièrement ét
porté à Versailles par le comte de la Marche pour avoi
l'approbation préliminaire du Roi; il y a fait quelques petit
changements, auxquels ils ont d'abord souscrit. Ils ont témoign
beaucoup de soumission et d'attachement pour la personne d
Sa Majesté, sans se désister néanmoins de leur protestatio
contre toutes les innovations introduites dans la magistratur
Cette réconciliation, qu'on ne s'imaginait pas si prochaine, occu
les spéculations de tous les politiques. On est fort curieux d
événements qu'elle fera naître, toujours on s'attend à de gr
des choses.

1140. Abrégé de la route d'Italie et des distances itinéraires *).

[1773].

Pour faire complétement le voyage d'Italie, ce n'est pas sez de voir les capitales et de suivre les grandes routes; faut faire des excursions et choisir les points de départ afin 'elles ne soient pas plus longues qu'il ne faut. Je vais cer ici un petit détail de l'ordre le plus naturel et le plus mmode à suivre pour passer une année en Italie et à la n voir; le lecteur y trouvera en abrégé le plan et la distribu- n de son voyage.

En partant de Paris au mois d'août, l'on passe d'abord à Lyon i est à 96 lieues de Paris, ensuite au Pont-de-Beauvoisin, Chambéry, Montmélian, Aiguebelle, La Chambre, St-Jean de urienne, et à St-Michel qui est à mi-chemin de Lyon à Turin.

De St-Michel on va à Modane, à Lanebourg, qui est au d du mont Cenis, à la Novalèse, qui est de l'autre côté, à se, à St-Ambroise, à Rivoli, à Turin.

De Turin l'on va aux environs voir la Superga, la Vénérie, piniggi et Moncalieri.

En quittant Turin, l'on va à Verceil et à Milan, qui est 30 lieues de Turin, en ligne droite. Là, on s'arrête pour r voir les îles Borromées, qui sont à une journée de Milan; r aller à Crémone, à Côme, à Varèse, et à plusieurs belles isons de campagne des environs de Milan.

Il y a des personnes qui vont de Milan à Venise, éloignée 60 lieues, mais, je préfère la route suivante: en partant Milan on passe à Marignano, Lodi, Sorlesco, Plaisance, enzuola, Borgo, St-Donino, et l'on arrive à Parme qui à 25 lieues de Milan.

On s'arrête à Parme pour voir Colorno et les ruines de leia, ancienne ville découverte à quelques lieues de Parme.

De Parme on va à Reggio, à Modène qui est à 12 lieues Parme, et à Bologne qui est à huit lieues de Modène.

*) Les lieues dont on se servira [sert] ici sont de 25 au degré.

Florence est à 18 lieues de Bologne et à 54 de Rome. En allant de Bologne à Florence, on passe à Patra-Mala, où il a un feu extraordinaire qui mérite d'être vu.

De Florence on fait une excursion à Avezzo, une autre Prato, à Pistoia, Lucques, Massa. On peut revenir de là Pise, à Livourne, à Sienne, qui n'est qu'à 12 lieues de Florence et à 40 de Rome.

De Sienne on arrive à Aquapendente, à Montefiascone d'où l'on fait une excursion à Orviette, qui est à trois lieues de Bolséna où il y a un puits singulier à double rampe, où les chevaux montent et descendent sans se rencontrer.

De Montefiascone, l'on va à Viterbe, d'où l'on va voir les beaux châteaux de Caprarola et de Bagnaia.

On va ensuite à Ronciglione, d'où l'on peut voir Sutri, où il y a un théâtre singulier creusé dans le tuf; à Bracciano, à la Tolfa où sont les mines d'alun qui fournissent presque toute l'Europe, à Civita-Vecchia, et enfin à Rome.

De Rome on fait des excursions à Tivoli, Frascati, Albano, Subiaco, Roca di Papa, Monte-Cavo, Riccia, Gensano, Nettuno, Porto, Ostia, Fiumicino, Hola-Sacra.

De Rome à Naples il y a 23 lieues: on passe à Valmont, Anagni, Ferentino, Frosinone, Hola di Sora, Arpino, patrie de Cicéron, San-Germano, Monte-Cassino, Capoue et Caserte. Naples est à 340 lieues de Paris par la route de Turin et de Rome, mais à 290 en ligne droite.

De Naples on fait des excursions au Vésuve, à Portici, à la Torre dell Annunziata, à Pompeia, à Castellamare, à Massa, à Procida, à Ischia, à Nisida, à Miseno, à Baia, à Cume, à Pozzuoli, à Pestum, où sont les restes d'une très belle ville, et à la foire de Salerne, qui se tient au mois d'octobre.

De Naples on va encore, soit par terre, soit par mer, à Sezza pour voir les marais Pontins et les restes de la voie Appia.

De Sezza on fait des excursions à Norba, à Ninsa, où sont les ruines d'une ancienne ville, et à Fermonetta.

Pour aller de Sessa à Rome, on passe à Cisterna et à
ge où se font les chasses et les pêches les plus amusantes,
Véléta, à Marino, et l'on arrive à Rome.

De Rome on va à Citta-Castellana, à Narni voir les restes
beau pont d'Auguste; à Terni, où il y a une cascade cé-
re; on fait une excursion à Cesi, et une à Rieti, en
ant voir la cascade

Après Terni, on trouve Spolète, le Vène et Foligno.

De Foligno on fait une excursion à Assise, à Cortone, à
ruggio, au lac de Trasimène, à Gubbio où sont les célèbres
les dont l'interprétation a tant exercé les savants; une
re excursion aux bains de Nocera.

En partant de Foligno l'on va à Colsiorito, où il y a un
sur la montagne, à Camerino, San-Severo, Tolentino,
cerata; ce n'est pas un chemin de poste.

De Macerata à Ascoli, Porto d'Ascoli, Ripa Transona,
rmo, Porto di Fermo, Porto di Racanati, Monte-Santo,
a Buena-Cossi, Loreto.

De Loreto on fait trois excursions à Sirolo, à Osimo et
Feri.

De Loreto on va par Ancône, Sinigaglia, Fano, Fossom-
ne, Furlo, Urbinum, Pesaro, La Cattolica et Rimini.

De Rimini on fait une excursion à Cesena, Cesenalico,
via et une à San-Marino, petite république sur le sommet
ne montagne.

De Rimini à Ravenne, Forli, Faenza, Bologne, Ferrare,
est à 10 lieues de Bologne.

De Ferrare l'on fait une excursion aux vallées de Comac-
o, à Mestre, à Trevigo et à Bassano où est la célèbre
rimerie de Remondini.

De Ferrare l'on s'embarque sur le Pô pour aller à Venise
est à 11 lieues.

En revenant de Venise, on va voir les belles maisons qui
t sur la Brenta, ensuite Padoue, Vicenza, Verona, Man-
e et Andes, patrie du célèbre Virgile. De Mantoue on fait

une excursion à Guastalla et on revient à Castiglione, Brescia Bergame et Milan.

De Milan on va à Pavie, à Tortone, à Gênes et l'on re vient dans une felouque jusqu'à Antibes. On fait relâcher l felouque à Savone, à Final, à San-Remo, à Vintimiglia, Monaco, à Montalban, à Villefranche et à Nice.

Supposé qu'après avoir vu l'Italie on veuille aller à Vienn et de là dans le Nord; alors on doit prendre Gênes entr Turin et Milan, et de Milan on n'a qu'à observer la route ulté rieure que j'ai déjà tracée. Par la situation des lieux et pa le temps qu'on destine à les voir, il me paraît que c'est l plus convenable et la plus avantageuse. Arrivé une fois Venise, on ne rebrousse plus; on ne rencontre aucun lieu mé morable sur sa route, on n'a qu'à la continuer, sans s'arrêter vers Vienne.

J'ai supposé qu'on était parti de France au mois d'aoû pour traverser la Savoie, le Piémont et la Lombardie pendan l'été et se trouver à Naples pendant l'hiver. Dans ce cas-l on peut revenir à Rome passer le Carnaval et la semain sainte. Le Carnaval, parce que c'est le temps le plus agréabl pour les plaisirs, la semaine sainte à cause des cérémonie qui sont alors des plus pompeuses. On va ensuite à Venis voir la fête du Bucentaure, le jour de l'Ascension, et l'on re vient en France avant le temps des grandes chaleurs d'Italie C'est ainsi qu'on peut distribuer une année quand on la con sacre à un voyage d'Italie, de ce pays situé sous un si bea ciel, et où les beaux-arts fleurissent [florissent] avec un auss grand succès.

1141. Brouillon du prince Alexandre Kourakin sur la lecture.

[1773].

Tout le monde avoue l'utilité de la lecture et chacun s'empresse d'en publier les avantages. En effet, c'est elle qui étend nos connaissances, qui éclaire notre esprit et qui, en

uérissant notre raison du préjugé, la conduit à la découverte u vrai et lui en donne le pli.

L'art de lire peut seul procurer tous ces avantages et, ans le secours de ces règles, la lecture, loin d'être utile, eviendrait au moins dangereuse. Car, ou nous ne lirions pas assez et alors nous ne pourrions pas être remplis d'un assez rand nombre d'idées, nos lumières même ne pourraient s'étenre au delà d'une certaine sphère, notre raison tournerait aussi n quelque manière autour d'un cercle fort étroit, et souvent arriverait que nous aurions plus d'esprit que de connaissanes; ou nous lirions trop et, nous reposant alors sur notre émoire et nous contentant d'avoir feuilleté des auteurs qui uraient pensé pour nous, nous nous dispenserions de méditer t de raisonner et nous ne penserions pas nous-mêmes, nous e tirerions rien de notre propre fonds et alors nous ne sauons rien parce que nous saurions mal tout ce que nous sauons, deux inconvénients qui, pour être très communs, ne sont s moins nuisibles quand on veut lire avec fruit.

Lire sans choix, n'est pas un défaut moins ordinaire, ni oins pernicieux. Or, combien de lecteurs qui, aimant la vaété, dévorent tous les livres qui leur tombent sous la main, ns en digérer un seul pour ainsi dire, et ne réfléchissent mais sur la matière qui commence un second volume, lorsque peine ils ont fini le premier; qui ne conservent d'un ouvrage 'une foule d'idées faibles, confuses et désassorties, forment r mille objets des jugements entièrement bizarres; qui, ne rappelant que très confusément ce qu'ils ont lu, ne peuvent ssi en raisonner qu'avec beaucoup de confusion. De là des mières incertaines ou plutôt une lueur fausse qui les jette ns mille erreurs différentes. Trop heureux encore si ces leces faites sans choix, après avoir jeté leur esprit dans l'aveuement, ne précipitent pas leurs cœurs dans la dépravation.

La lecture est le moyen par lequel nous nous perfectionns nous-mêmes en acquérant des connaissances qui servent t à orner notre esprit qu'à servir de guide à notre juge-

ment. Le choix que nous devons faire de nos livres nous y fait parvenir; c'est ce qu'on tâche le plus à inspirer à un jeune homme dans une bonne éducation. En lui faisant lire indifféremment tout ce qui sort de la presse, on lui gâte non seulement le goût, mais même on lui absorbe les idées. Une seule page d'un bon auteur, lue avec attention, rapporte beaucoup plus d'utilité que la lecture d'un volume qu'on n'a fait paraître dans le public que pour augmenter les bibliothèques. L'attention doit présider à l'étude; sans elle tout devient infructueux. L'art de bien lire, au reste, ne consiste point à lire trop, ainsi que trop peu. Ici, il faut observer et mettre en pratique la règle générale, que le mieux est de garder, autant que faire se peut, le juste milieu. En lisant trop et sans discernement, on écarte son attention qui doit pourtant en être la base, ainsi le fruit qui doit nous revenir de la lecture nous échappe par là. Nous tombons dans le même inconvénient en lisant trop peu.

Le goût est encore nécessaire à quiconque veut profiter de la lecture. S'il en manque, les plus beaux endroits d'un ouvrage lui échappent. Il ne saurait sentir ni la richesse d'une expression, ni la force d'un raisonnement, ni la justesse d'une pensée, ni la finesse d'une réflexion, ni la délicatesse d'un sentiment. Des traits grossiers, de pompeuses bagatelles embellies d'images riantes, de mots précieux et de tours bizarrement nouveaux, l'éblouissent, l'amusent, l'enchantent, tandis qu'il se refuse aux charmes du naïf, aux éclairs d'une saillie à tout le piquant d'une ironie. Ce n'est pas le corps de l'ouvrage qu'il examine, il n'en considère que l'habit, si l'on peut s'exprimer de la sorte. Il préfère le clinquant au solide le faux au vrai. Ce ne serait pourtant pas assez que de lire ni trop, ni trop peu, et même avec choix et avec goût, il faut encore méditer, car, comme je l'ai remarqué ci-dessus, la méditation et l'attention doit [doivent] présider à la lecture; elle en est [elles en sont] la véritable clef, et, sans elles, tout devient infructueux.

1142. Notes diverses du prince Alexandre Kourakin.

[Paris, 1773].

Sept dames, à souper chez M. de Chauvelin, lui demandènt ce qu'il pensait de se trouver seul au milieu d'elles.—Je puis me flatter, répondit-il, d'être avec les Grâces, il n'y n] a que trois. Il y a neuf Muses, vous n'êtes que sept; mais y a sept péchés mortels, et c'est là, je crois, la comparaison plus juste que je puisse faire.—Les dames piquées d'un comment qu'elles n'attendaient pas, exigèrent qu'il fît des vers -dessus.—J'y consens, répondit-il, à condition que vous tirerez sort quel péché viendra à chacune.

L'Orgueil à Mme de Maulevier.

L'orgueil vous doit un changement bien doux:
Jadis il passait pour un vice,
Depuis qu'il a le bonheur d'être à vous
On le prendrait pour la justice.

L'Avarice à Mme de Montbovier.

Quoique votre péché paraisse un peu bizarre,
Si vous vouliez, il deviendrait le mien.
Iris, si vous étiez mon bien,
Je sens que j'en serais avare.

La Luxure à Mme de Furgère.

Dût-il vous en coûter quelque peu d'innocence,
Un si joli péché ne peut vous alarmer;
Vous savez trop le faire aimer
Pour ne pas lui devoir de la reconnaissance.

L'Envie à Mme d'Aiguillon.

Peut-être suis-je indulgent,
Mais à votre péché, Thémis, je fais grâce.

Ne faut-il pas que je vous passe
Ce que j'éprouve en ce moment.

La Gourmandise à Mme de Chauvelin.

En songeant à votre péché,
Et vous voyant les traits d'un ange,
En vérité, je suis fâché
De n'être pas quelque chose qu'on mange.

La Colère à Mme de Courteuil.

Sans vous défendre la colère,
Je vous y ferai renoncer;
Il ne vous serait plus permis de l'exercer
Que contre ceux à qui vous n'auriez pas su plaire.

La Paresse à Mme de Lisle.

Vous êtes paresseuse, il faut vous excuser;
Je vois votre raison. Quand on est sûre de plaire,
On peut fort bien se reposer.
Il ne reste plus rien à faire.

Impromptu de M. de Voltaire pour Mme Chauvelin.

Les sept péchés que mortels on appelle
Furent chantés par votre cher époux.
Sur l'un des sept nous partageons son zèle,
Et pour vous plaire on les commettrait tous.
C'est grand pitié que vos vertus défendent
Le plus chéri, le plus digne de vous,
Lorsque vos yeux malgré vous le commandent.

—

Couplet fait par Mme la comtesse Boufflers sur l'air „Je suis Lindor" du Barbier de Séville.

De plaire un jour,
Sans aimer, j'eus l'envie,
Je ne cherchai qu'un,
Qu'un simple amusement.
L'amusement devint un sentiment,
Le sentiment—le bonheur de ma vie.

—

Sur l'Amour, par la même.

L'Amour est un enfant qui veut être conduit,
L'Espérance est son guide, en aveugle il le suit;
Il veut qu'on le séduise, et non pas qu'on l'éclaire;
Voilà de son bandeau la cause et le mystère.

—

1143. Le prince Alexandre Kourakin—à NN.

[1773].

La confiance que vous me témoignez, mon bien cher ami, m'a pénétré au vif. Vous me priez de vous conseiller sur le choix que vous devez faire d'un service qui vous procurera les moyens de vous rendre utile à la patrie. Je ne saurais vous mieux payer d'un juste retour, qu'en vous exposant franchement mes sentiments tant sur le service militaire que sur le civil. On peut considérer ces deux services comme deux différentes routes, mais qui aboutissent pourtant au centre commun qui est le temple de la gloire et de l'immortalité. Elles sont toutes deux très épineuses et remplies de difficultés; ce n'est qu'avec un vrai mérite qu'on peut les surmonter. Le premier de nos buts doit toujours être le bien-être et la félicité de notre patrie, ainsi que la gloire de notre souverain. Nous pouvons y parvenir par chacune de ces routes. Il ne nous reste donc qu'à choisir selon les inclinations que vous vous sentez; mais d'abord que votre choix sera tombé [fait], je vous conseille de vous y donner de cœur et d'âme et de relever votre mérite encore plus par votre application.

Beaucoup de monde soutient que le service militaire est préférable à tout autre, que c'est le vrai moyen de s'acquérir de la gloire, enfin que ce doit être l'unique ressource des gents d'aussi grande naissance que vous. Ma façon de penser vous étant connue, vous pouvez aisément juger que je suis d'un sentiment tout à fait contraire. Le mien est que le ministère nous offre une perspective infiniment plus agréable et ne nous assujetit point à tant de périls. Il arrive tous les jours que c'est le ministère qui, aidant le souverain à soutenir le poids du gouvernement de l'Etat, participe aussi à sa confiance, et, par là, au bonheur et à la félicité des peuples, au lieu que le général n'est occupé, en temps de paix, qu'à faire observer la discipline militaire aux troupes confiées à son commandement ou bien, en temps de guerre, qu'à désoler et à dévaster les pays vers lesquels Bellone dirige ses pas On peut considérer le général comme une machine mouvante, qui n'agit presque jamais de soi-même dans les grandes opérations, mais toujours selon les ordres et les instructions du ministre. Etre en état de commander est plus flatteur pour un chacun que d'obéir; c'est une réflexion qui pourra vous décider, et je ne doute nullement que vous trouverez [ne trouviez] plus de gloire et d'avantages d'être utile à la patrie par les efforts de votre propre génie, que par l'exécution des plans et des projets de celui d'autrui.

Il y a encore un troisième état qu'il ne dépend pas de vous de choisir, mais qu'il faudrait que vous embrassiez: c'est celui d'être attaché à la persone du souverain par quelque charge honorable. Comme on se sert du terme moyen dans les démonstrations, on se sert aussi de cet état pour parvenir aux postes éminents qui, en vous fournissant les occasions de mettre en œuvre vos talents et de les faire briller, vous mettent aussi à portée de participer au bien général. Aux yeux du vulgaire, la situation d'un courtisan n'offre rien que d'agréable et une route parsemée de fleurs, mais lorsque l'on examine le fonds, que trouve-t-on? Toujours plus d'épines que de roses

Qu'il est difficile de pouvoir apprécier sa conduite selon le temps et les circonstances! Le grand art consiste de [à] garder un juste milieu entre la bassesse et une trop austère vertu. Quelquefois on ne saurait garder ce juste milieu; il faut choisir entre deux: par la première on gagne l'amitié du souverain, par la seconde on encourt son indignation. Il n'y a pas à balancer dans ce choix, l'honneur doit parler, et le côté vers lequel il pénètre, épargne toujours les remords auxquels on est si souvent assujeti. Il vaut mieux être en disgrâce et perdre l'amitié du souverain que de faire, par une bassesse indigne d'une âme noble, quelque action qui puisse tacher la réputation. On la perd facilement; elle ne se regagne jamais, s'acquiert difficilement et après bien des peines, et c'est ce qu'un chacun doit conserver le plus précieusement et avoir de plus cher au monde.

Voilà une ébauche de mes idées sur ces trois états qui peuvent seuls vous convenir. Je ne me décide pour aucun, vous laissant le choix. Je suis persuadé que celui qu'on fait par l'inclination qu'on se sent, est pour l'ordinaire le meilleur.

1144. Le prince Alexandre Kourakin—à Mme NN.

[1773].

J'ai une question bien épineuse à résoudre. Vous voulez savoir quel est l'état que je préfère, celui d'un courtisan ou celui d'une aimable retraite, et jusqu'à quel point je me laisse gouverner par les préjugés du siècle. Ce n'est pas une bagatelle; et il faut que je me concentre entièrement en moi pour vous répondre avec une certaine précision. Trop philosophe, trop au-dessus des vanités mondaines, je n'attache aucun prix à l'état de courtisan. Une gêne, une contrainte perpétuelles, de la duplicité dans ses actions et dans ses paroles, de la méfiance envers ses plus intimes, de l'orgueil envers ses inférieurs, voilà les qualités qui y sont requises, qualités que je déteste et que jamais je ne pourrais adopter. La réputation

d'un courtisan ne peut jamais être à l'abri de l'envie déchaînée telle qu'une barque fragile qui, ballottée pendant quelque temps sur une mer orageuse, vient enfin échouer sur un des écueils qui y sont parsemés. Un coup d'œil, une mine du souverain impriment souvent la terreur et l'effroi dans son cœur. Tantôt occupé à contenter et à deviner les fades caprices de son maître, tantôt rongé de soucis de voir un autre préféré, il ne connaît le repos ni de jour ni de nuit. Triste et déplorable situation!

1145. Le marquis de Puységur—au prince Alexandre Kourakin.

[1773].

Le nommé Feutry, avocat au Parlement, homme de lettres connu par différents ouvrages, tel que les mémoires de la Cour d'Auguste, un opuscule poétique, contenant différents morceaux comme ode, épître, dont plusieurs ont remporté le prix à plusieurs académies, etc., ayant déjà fait l'éducation du jeune marquis du Halay, venant de perdre son fils unique, jeune homme de 20 ans, de la plus belle espérance, n'a plus rien qui l'attache à Paris. Il désirerait se fixer auprès d'un jeune russe en situation de lui procurer une existence agréable et qui fût dans le cas de voyager; c'est un homme d'environ 45 ans, d'un commerce agréable, il est de plus assez bon musicien joue fort bien de la flûte. M. Diderot, dont il est [l'] ami pourrait si l'on voulait des informations plus particulières répondre et parler de lui aussi avantageusement que je le pourrais faire.

1146. Liste des habits du prince Kourakin, destinés à être envoyés en Russie.

[1773].

Hiver.

1. Habit, veste et culotte de velours à quatre couleurs, doublés de satin cerise avec une large broderie en or et paillons de différentes couleurs.

2. Habit et culotte de velours cannelé gris, veste, parements et doublure de satin rose, avec une broderie en chenille.

3. Habit, veste et culotte de velours à quatre couleurs, à bordure, doublés de satin vert pomme.

4. Habit veste et culotte de velours à quatre couleurs, fond rose, boutons d'or et doublure de satin blanc.

P r i n t è m p s.

5. Habit, veste et culotte de velours à la reine vert pomme, doublure de croisé blanc et broderie en or et paillons de différentes couleurs.

6. Habit, veste et culotte de velours de printemps rose et blanc, avec une broderie en soie.

7. Habit, veste et culotte de velours de printemps à quatre couleurs, boutons d'or et doublure de croisé orange.

8. Habit, veste et culotte de drap écarlate avec une broderie en or.

E t é.

9. Habit, veste et culotte d'égyptienne rose, à bordure.

V e s t e s.

1. Une veste pour l'hiver, fond pluie d'argent, avec une broderie en or et fleurs en chenille.

2. Une veste de cirssaka rayée en or et argent.

3. Deux vestes pour l'été, l'une fond blanc rayée en or, et l'autre fond bleu rayée en argent.

De plus 9 paires de manchettes de point d'Argentan, 3 paires de manchettes d'entoilage et 12 paires de bas de soie blancs. Encore habit, veste et culotte de drap pour le valet de chambre.

1147. Nicolas Khotinski—au prince Alexandre Kourakin.

[1773].

M. de S e q u e v i l l e avait faussement instruit tout le corps diplomatique, que le Roi prenait le deuil mardi prochain; en

conséquence de quoi, mon Prince, je vous ai induit en erreur. Ce matin, j'ai reçu de M. Sequeville un nouveau billet par lequel il m'instruit que le Roi prend le deuil d'aujourd'hui et je m'empresse à vous en faire part. On le portera un mois et les premiers quinze jours en bas noirs, épées et boucles d'argent.

1148. Diderot—à la princesse Dachkov.

[St-Pétersbourg, 1773].

Rien n'est plus vrai. Je suis à Pétersbourg; je suis venu de huit à neuf cents lieues, à l'âge de soixante ans, sous le soixantième degré, loin de ma femme, de ma fille, de mes parents, de mes amis, de mes connaissances, rendre mon hommage à une grande souveraine, ma bienfaitrice. Qu'en direz-vous? Que j'ai bien fait! et votre réponse sera celle d'une femme qui a de l'âme, de la sensibilité, et surtout une bonne dose de cette qualité sans laquelle on reste médiocre en tout genre et qu'on appelle enthousiasme. J'ai pourtant risqué de perdre deux fois la vie en chemin faisant, mais, quand l'on s'éloigne de ceux qu'on aime et dont on est aimé, on compte la vie pour bien peu de chose. Je n'aurai peut-être pas la même intrépidité en m'en retournant.

J'ai l'honneur d'approcher de Sa Majesté Impériale aussi souvent que je l'ai désiré, plus souvent que je n'aurais osé m'en flatter. Je l'ai trouvée telle que vous me l'avez peinte à Paris, avec l'âme de Brutus et les séductions de Cléopâtre. Grande sur le trône, ç'aurait été une particulière très aimable et qui aurait tourné bien des têtes. Personne ne sait mettre les gens à l'aise comme elle. Pardonnez-moi, Madame, j'ai éprouvé que vous aviez aussi ce talent-là; ou l'on est rien, mais rien du tout, ou si l'on est quelque chose, on se retrouve à côté d'elle et de vous. Vous vous rappelez sans doute, Madame, la liberté avec laquelle vous me permettiez qu'on causât rue de Grenelle; eh bien, j'ai joui de la

ême liberté dans le palais de Sa Majesté Impériale, j'ai dit out ce qui m'a passé par la tête, sage peut-être quand je me royais fou, et peut-être très fou quand je me croyais sage. es idées transplantées de Paris à Pétersbourg prennent une ouleur bien diverse. Votre nom s'est présenté plusieurs fois ans notre conversation, et si je l'ai toujours prononcé avec laisir, il m'a toujours paru qu'il était écouté avec satisfaction. ependant vous parlerai-je avec vérité; trois heures délicieuses, ous les trois jours, me laisseraient bien du temps de reste, i l'étude et les alternatives assez fréquentes de bonne et e mauvaise santé ne me sauvaient de l'ennui; ou je pense, u je souffre, et j'aime encore mieux souffrir que bâiller.

Agréez tout mon respect. Conservez-moi votre estime, uisque vous avez eu la bonté de me l'accorder. Si, malgré ce édain que vous faites de mon pays, et qu'il faut bien que je ous pardonne parce qu'il est consolant pour l'amour-propre 'avoir quelque chose à pardonner aux êtres que la perfection ève au-dessus de la sphère commune, vous daignez m'hoorer de quelques-uns de vos ordres, ils seront ponctuellement xécutés. Nous nous entretenons souvent de vous, Falconet, on élève et moi, et je crois que si vous étiez à portée de ous entendre, vous ne seriez pas trop mécontente de nous. 'est là qu'on dit la vérité; ailleurs, on se tait, excepté pourant dans le cabinet de Sa Majesté Impériale, où, je vous jure, u'on ne ment pas lorsque le philosophe y est.

Je fais tout ce qu'il m'est possible pour m'instruire, et il a deux moyens: l'un, de demander ce qu'on ignore à des ommes instruits, et c'est ainsi qu'on acquiert une vérité; 'autre, de dire une sottise quand on l'a dans la tête, parce ue, quand elle est sortie, on ferme la porte, et qu'elle ne entre plus.

A propos, vous faites donc des vers! et moi aussi. Mais ous les faites donc toujours charmants, et moi quelquefois; et ous les mettez donc en chant, et votre chant est donc doux, endre, touchant, même voluptueux, et moi je sais sentir ce

mérite, mais je ne l'ai pas. Que vous êtes heureuse d'aimer la musique! J'en dirais comme de l'amour, que je le prise infiniment pour les plaisirs qu'il donne, mais peut-être encore davantage pour les peines dont il console.

1149. Княжна Аграфена Александровна Куракина—князю Александру Бор. Куракину.

1773 г. января 18. [Петербургъ].

Къ совершенному себѣ удовольствію получила я вчерась, мой дорогой князь Александръ Борисовичъ, ваше дружеское письмо, отъ 3-го текущаго. Я не думала больше имѣть удовольствія отсюдова къ вамъ писать, считая быть въ Москвѣ еще въ прошедшемъ мѣсяцѣ, къ чему неожидаемыя препятствія сдѣлались, начинаясь тѣмъ, что до новаго году здѣсь совсѣмъ зимы не было; потомъ болѣзнь сестры княгини Н[аталіи] А[лександровны] несказанно насъ потревожила: имѣла жестокую простуду горячку, которой уже минуло три недѣли; слава Богу, почти совсѣмъ миновалась, только безмѣрно слаба. Итакъ, хотя мы совсѣмъ собрались, но день еще къ отъѣзду не назначенъ до ея совершеннаго выздоравливанія. Сколь ни огорчительно это все неустройство,—счастливы мы, что не въ дорогѣ: уже близъ двухъ недѣль стоятъ здѣсь нетерпимые морозы, для чего сегодня спектакль отказанъ.

О Строгановой вы желаете знать: хотя не въ лучшемъ она состояніи, однако недѣли съ три что ей гораздо легче. Правда, что ея безумство происходило отъ жестокой истерики, только въ жалкомъ была состояніи, въ розномъ положеніи: бóльшею частью была чрезвычайно зла, чему слѣдовали шуточныя дурачества, которыя, кажется, всѣ обратились въ жестокую меланколи.

О пропажѣ Бутурлиныхъ вамъ нелжно сказали, только не столько велика. За нѣсколько недѣль до тёткиной смерти проломали стѣну въ ихъ казенной, гдѣ вынули десять тысячъ рублевъ, которые безъ вѣсти пропали. Бутурлинъ здѣсь уже тому двѣ недѣли, во всемъ таковъ, какъ былъ; а и Катенька не загинетъ, о ней, пожалуй, не крушись.

1150. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 22 janvier (2 février) 1773.

Autrefois vous souhaitiez avoir quelques nouvelles de Leyde. En voici quelques-unes. Mme Albinus qui, peu de temps après votre arrivée ici, pleurait son mari, va se remarier pour la troisième fois avec M. Hoop, bourgmestre d'Amsterdam, lequel avait cherché sa main il y a huit ans. Mais comme M. Albinus lui fut préféré, il s'est marié, en attendant, avec une autre dame, et celle-ci étant morte, il est revenu à La Haye étant veuf, et Madame n'a plus fait de difficultés de s'engager. C'est une perte pour la ville de Leyde.

M. le professeur Allamand vient d'obtenir de MM. les curateurs qu'il puisse se débarrasser du cabinet d'histoire naturelle, et de le remettre entre les mains d'un certain docteur en médecine, qui est versé dans cette partie depuis bien des années, et qui en fera, à l'avenir, son unique étude.

Il demeure à présent, ici, un ministre français qui a été longtemps à Paris, et qui ne pouvait plus prêcher comme il a fait à La Haye; à cause d'une indisposition, [il] s'est démis de son poste. Comme il donne des instructions particulières à quelques jeunes gens qui lui sont particulièrement recommandés, je crois qu'il pourra faire autant que cet abbé dont Votre Altesse s'est servi à Paris.

J'attends dans peu de jours M. Leuchsenring qui doit faire un tour en France. Son recueil ne paraît pas encore.

Nous avons eu ici des comédiens allemands, la même troupe qui était ici pendant l'hiver. Ils ont joué à La Haye pendant la foire, et le théâtre français leur a dû céder le rang, surtout après que M. Calliot était [fût] parti.

1151. Le prince Alexandre Kourakin—à M. Oldecop.

Paris, 25 janvier (5 février) 1773.

Votre lettre du 28 janvier m'a été très bien remise par M. de Saldern, mais, je dois l'avouer, elle ne m'a pas fait

éprouver ces sentiments auxquels je m'attendais. Je me préparais à vous faire mille remercîments, et à présent je n'a lieu que de m'étonner, comment il est possible, que vous, qu avez des correspondances si étendues, n'en ayez aucune à Berlin, par vous-même ou par quelqu'un de vos amis?

C'est pourtant une ville très considérable et très florissante Enfin quelles que soient vos excuses, il ne m'appartient point d rechercher le motif qui vous a porté à me les faire. Je le crois, et je les accepte comme bonnes. Vous me parlez, Monsieur, que, peut-être, M. de Ruttebule, qui n'est autre qu M. de Saldern, aurait un banquier à Berlin, et que je n pourrais faire mieux que [de] m'adresser à lui. Vous me dites qu ce serait nous tirer d'embarras tous deux. Permettez que j vous réponde. Je n'entrevois premièrement aucun embarra qui en doive exister, surtout puisque je m'adresse à vous vous que je nomme déjà mon ami et que je mets en possession de tous les droits que ce titre vous donne sur mon cœur De plus, si j'avais voulu finir cette affaire par le canal d M. de Saldern, vous sentez parfaitement que je l'aurais fai depuis longtemps. Apparemment que j'ai des raisons qui m'e empêchent. Je vous parlerai franchement et à cœur ouvert c'est à son insu que j'ai pris à mon service le perruquie qui doit venir me joindre, et c'est de même aussi que je désirerais que vous l'expédiassiez. Vous n'abuserez pas, mo cher ami, de ma confiance. Celle que je vous témoigne m'autorise à me flatter que vous ne vous refuserez pas à ma demande elle est certainement juste.

Je vais vous fournir des moyens de ménager votre délicatesse et de me satisfaire. Nous nous quittons avec M. d Saldern à Berlin; de là, je recommence d'abord à jouir de prérogatives de liberté dûes à tout homme qui entre dans u âge mûr. Vous savez que Dantzig est sur ma route, et c'es pour cette ville que je me détermine de préférence; elle es trop commerçante pour que vous puissiez y manquer de correspondants. Je vous dirai encore plus. Je me suis entreten

avec M. de Saldern touchant le perruquier; il est vrai, qu'il n'a pas voulu s'en charger lui-même, mais toujours il m'a promis et protesté qu'il n'apporterait pas le moindre obstacle à ma volonté, pourvu que je puisse la faire réussir sans lui et sans son intermission. Qu'ai-je besoin de plus pour être tranquille? Je suis résolu de profiter de cette disposition; il s'agit seulement de vous engager à m'obliger; et c'est le grand article. Ce sera une obligation que je n'oublierai jamais, et, si vous êtes susceptible des impressions de l'amitié, vous accorderez tout à ma prière réitérée. J'ai choisi Dantzig exprès parce que c'est un endroit hors de l'Allemagne, où le valet de chambre peut arriver et m'attendre sans que M. de Saldern l'apprenne, et où son expédition peut être tenue secrète au point de n'être sue que de nous deux. Je vous aplanis toutes les difficultés que je puis prévoir. Quel sera mon chagrin, mon cher ami, si vous m'en faites des nouvelles. Voici mes résolutions finales.

Le perruquier en question s'appelle Joseph Dupont; il travaille à Leyde chez Mme Arboo sur le Lange-Brücke, proche de la Breite-Strasse. Je vous prie de vouloir bien le faire venir chez vous sans tarder pour lui dire que je vous ai écrit à son sujet, que vous veillerez à son départ, et qu'il doit se tenir prêt au moindre signal que vous lui en donnerez. Quant au chariot de poste, je sais qu'il va à Dantzig sur le même pied qu'à Berlin: il n'y a que quelques jours de plus qu'il faut donner au voyage.

Je désirerais beaucoup que Dupont partît de chez vous vers le Ier de mai. Pour lui procurer plus de sûreté vous lui obtiendrez un passeport de notre ministre, mais sans y faire mention de moi, et vous aurez la bonté de m'envoyer sa quittance après lui avoir compté l'argent nécessaire pour son trajet d'Amsterdam à Dantzig.

J'espère, Monsieur, que vous l'adresserez à quelque bon banquier, qui, à votre recommandation, en aura soin jusqu'à mon arrivée. L'argent que vous m'avancerez en le lui fournissant ne peut être considérable. Je m'empresserai de le

rembourser à celui de vos commissionaires que vous me pres crirez, soit à Dantzig, soit à Pétersbourg. A mon retour dan ma patrie, informez-moi, mon cher ami, de vos désirs, de vo souhaits. Peut-être serai-je dans la situation de pouvoir êtr l'instrument de leur accomplissement, et alors je m'en ferai u vrai devoir. Daignez me prouver premièrement que je pui compter sans réserve sur votre amitié et sur votre exactitude Ce sera un aiguillon très fort qui m'obligera à ne pas reste en arrière.

Ne me faites point languir après votre réponse. Je l'attend avec la plus grande impatience; pour obvier à tout retardement je vous envoie de nouveau mon adresse. Je suis ici sous mo véritable nom et je loge à l'hôtel d'Espagne, rue Guénégaud faubourg St-Germain. Il n'y a aucune nécessité d'enferme les lettres que vous m'écrirez dans le paquet de qui que c soit; envoyez-les-moi directement. Quand vous ferez veni Dupont, informez-moi de ce qu'il vous dira, et, en général comment vous en serez content.

Je ne suis pas sûr du temps que je reste à Paris; il s peut aisément que, dans quatre à cinq semaines, je serai dan le cas de partir. C'est pour cette raison que je vous prie d me répondre au plus vite.

1152. Le prince Alexandre Kourakin—au Grand-Duc Paul.

Paris, 30 janvier (10 février) 1773.

Le départ du prince Gagarine, qui, jusqu'ici, a été u de nos compagnons de voyage, me paraît une occasion tre favorable pour me renouveler dans le souvenir précieux d Votre Altesse Impériale, pour que je la laisse échapper san en profiter, ou plutôt pour que je ne m'en saisisse pas ave avidité.

Aucun autre changement n'est survenu dans notre genr de vie, que l'accès que nous commençons d'obtenir chez le princes du sang. Après leur réconciliation avec la Cour, il

ont ouvert leurs maisons, qui ne laissent pas d'être une grande ressource pour les étrangers, aussi bien que pour les gens du pays. Leurs assemblées ne se tiennent pas en même temps, chaque prince a son jour dans la semaine, et on y voit une foule de monde. Mlle Raucourt, cette jeune actrice, dont j'ai eu l'honneur de parler à Votre Altesse Impériale dans ma dernière lettre, a fini son début avec les applaudissements les plus suivis. Pour couronner ses talents précoces, le vieux maréchal de Richelieu, protecteur ordinaire du beau sexe, l'a fait recevoir à la Comédie. Jusqu'à présent elle n'a que dix-huit cents francs de pension, mais avec l'expectative d'avoir à son tour d'ancienneté la part entière, ce qui lui rapportera dix à douze mille francs par an. Elle a été remplacée en sa qualité de débutante par la jeune Sainval, qui cultive un tout autre genre; la première est pour le héroïque, pour le majestueux, celle-ci pour le tendre, pour le passionné. Son début, qu'elle avait commencé vers la fin de mai, a été interrompu par sa grossesse et ses couches de six à sept mois. Alors elle fut accueillie avec beaucoup d'enthousiasme. A des organes très délicats, elle ne réunit pas la figure avantageuse de Mlle Raucourt; l'œil du spectateur n'est pas autant flatté de la voir; et l'illusion du personnage qu'elle représente s'en dissipe plus aisément. On ignore si elle sera reçue ou non.

Je prends la liberté d'envoyer à Votre Altesse Impériale les lois de Minos ou Astérie, production nouvelle du génie octogénaire de Voltaire, et qui, avant de paraître, a intrigué tout le monde littéraire. On croyait que cet écrivain inimitable, par le désir pusillanime de revoir Paris, y parsèmerait des maximes, qui auraient dû légaliser celles que le gouvernement déploie depuis quelques années, pour s'attirer, par là, la faveur et la protection du chancelier. Cette tragédie part d'une plume trop célèbre pour que j'ose en faire la moindre censure. J'espère, Monseigneur, qu'elle méritera votre attention.

1153. Княжна Аграфена Александровна Куракина—князю Александру Бор. Куракину.

1773 г. февраля 2. [Петербургъ].

Примѣчательнаго отсюдова ничего не имѣю вамъ сказать, какъ только что Озерову и Боорову падчерицу пожаловали во фрейлины, а Валуевъ женится на Кошелевой. Княгиня Катерина Алексѣевна васъ благодаритъ за увѣдомленіе объ ея братѣ.

Давно я намѣрена была вамъ дать коммиссію, которою, думаю, вы не поскучите, чтобы мнѣ изъ Парижа привезти два спальные корнета, всѣ кисейные, съ такими же капюшонами называемые bat-en-œuil, чѣмъ меня крайне одолжите. Это чтобы вамъ дорогой безпокойствія не надѣлало, можете въ своемъ бѣльѣ привезти.

1154. Le prince Alexandre Kourakin—à M. Oldecop.

Paris, 6 (17) février 1773.

Vous m'avez véritablement affligé par le contenu de votre lettre du 11 de ce mois, mais vous auriez tort de croire que je vous en garde la moindre rancune. Je vous rends trop de justice pour ne pas savoir discerner ce qui vient de votre propre cœur, de ce qui vous a été suggéré par d'autres. Ce n'est pas à vous que je m'en prends, c'est uniquement à M. de Saldern. Par ses lettres, il a détourné, pour le moment toute la bonne volonté que vous m'auriez, sans doute, témoignée. Puisque vous n'avez pas voulu accepter les moyens que je vous offrais pour me satisfaire et pour ménager, en même temps, votre délicatesse, je suis obligé de trouver bonnes toutes les raisons que vous m'alléguez. Soyez content, Monsieur il ne sera plus question entre nous de cette affaire qui, à ce que je vois, vous est à charge. J'espère cependant que, quand je serai sans mentor, vous voudrez bien avoir un peu plus d'égard à mes prières; c'est une espérance fondée sur l'amitié

que vous me promettez. En revanche, ne doutez jamais de la mienne; vous avez ma parole, et je vous la tiendrai scrupuleusement.

Mon valet de chambre m'a dit qu'il avait écrit au perruquier d'aller à Amsterdam pour vous parler, et je lui fais une petite mercuriale sur sa précipitation. Vous aurez la bonté de m'informer comment il s'est présenté devant vous, ce qu'il vous a parlé, et quelle réponse vous lui avez donnée?

Notre départ d'ici est fixé au 16 du mois prochain. Nous retournons directement à Pétersbourg. Notre voyage se fera à petites journées à cause de la santé convalescente de mon compagnon, le comte Chérémétev. A Berlin, où nous comptons d'être vers la fin d'avril, nous nous séparerons avec M. de Saldern; de là, il va dans le Holstein, et nous continuerons seuls notre route.

Lorsque je serai à Pétersbourg, vous aurez la complaisance, mon cher ami, de m'adresser vos lettres sous le couvert de M. d'Eck, directeur des postes impériales. Je vous propose d'établir une correspondance réglée. Vous m'écrirez ce qui se passe de nouveau à Amsterdam et à La Haye, de l'état du cours, de la situation du commerce, des ventes avantageuses qui peuvent arriver, soit en différentes marchandises, soit en livres et en tableaux, etc. Ce sera une occasion où je pourrai vous donner mille commissions, tant pour mon compte, que pour celui de ma famille ou de mes connaissances. Je vous répondrai toujours avec exactitude, mais comme il serait injuste que vous eussiez à payer les frais de la poste, à la fin de chaque année vous me ferez tenir une notice de ce que vous aurez déboursé pour le port.

1155. Le comte Alexis Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Kourakin.

Londres, 9 (20) février 1773.

Vous vous attendrez, peut-être, à une longue lettre; et à peine ai-je le temps de répondre à celle dont vous avez voulu m'honorer en dernier lieu. L'occasion est si favorable qu'il

m'est impossible de la laisser échapper. Sans vous renouvele
les assurances de l'attachement aussi sincère que véritable qu
je vous ai voué, M. de Narichkine pourra vous en dir
tout ce que je tais ici. Je peux avoir, plus d'une fois, ét
témoin des sentiments que je vous porte très tendrement
Assurez-vous, mon cher Prince, que vous aurez toujours e
moi un ami vrai, inutile peut-être, et dans Mme Pouchkine
une femme qui vous estime et vous souhaite toutes les pros-
pérités possibles.

Vous voulez savoir de nos nouvelles. Celles du Parlemen
se réduisent à peu de chose près. Il n'y a que la majorit
qui emporte sur l'importance et la justice des cas et sans e
excepter qu'un seul, c'est celui de l'augmentation des gage
des officiers de la marine. Lord Sandwich s'y opposa pou
plaire à lord North qui voulait plutôt garder l'argent pou
la corruption. Mais comme elle tendait à le rendre indépen-
dant, le duc de Grafton en fut jaloux, et se jeta si bie
contre cette intention, qu'à force de cabale, il réduisit le mi-
nistre à 45 voix seulement, pendant que l'opposition en eut 175
et les officiers furent satisfaits. On croit que ceux de terr
en demanderont autant; et il faudra bien aussi les contente
par le principe que l'Etat est obligé à [de] procurer une aisance à
tous ceux qui sont nécessaires pour son service.

Le Ministère ne pouvant pas répondre ni aux vœux de tou
le public, ni aux soins particuliers que le Roi a paru prendr
de la diminution des prix, M. Powlule s'est exercé dan
cette affaire avec distinction et parvint au moins à réduire l
pain de 8 pences à 6. C'est sans doute quelque chose; mai
ce n'est pas ce qui peut empêcher l'expatriation, la décadenc
des manufactures, la misère des ouvriers et la famine de
pauvres. Il faudrait couper dans le vif, pour remettre en ba-
lance la quantité d'argent avec les prix qu'on a mis sur tou
les objets quelconques; et c'est cette balance qui s'est perdu
et n'a plus aucune proportion. Depuis que vous savez qu
plusieurs des législateurs n'aspirent qu'à conserver les place

qu'ils occupent, ou à en occuper des nouvelles, vous saurez aussi que le patriotisme ne subsiste plus que dans leurs discours. Ils nous font à présent un peu la moue, parce que leur propre indolence les a exclus de l'influence des affaires qui agitent à présent une aussi grande partie de l'Europe. Mais les choses pourront cependant rentrer aisément dans leur état naturel.

Je vois souvent M. votre oncle; mais pas encore assez au gré de mes vœux. Il gagne infiniment à être connu et il a gagné déjà tous mes sentiments. Je désirerais que sa santé fût meilleure.

То, что называете вы слухами, о послѣ французскомъ г. Оплешеевѣ, чуть не самая ли правда. Не могу я скрыть передъ вами ничего: первый неохотно видитъ приближеніе времени къ возвращенію своему, а послѣдній уже не въ монастырѣ ли? Жалостное его состояніе—меланхолія доходили здѣсь до высшаго степени.

Кошелевъ ѣдетъ завтра въ Оксфордъ на полгода для экспериментальной философіи.

1156. Ivane Kroock—au prince Alexandre Kourakin.

St-Pétersbourg, 16 février 1773.

Comme je m'aperçois avec chagrin que je ne puis pas venir à bout de vous procurer les mille roubles que votre cher oncle vous a déjà promis, je vous conseille de les emprunter de [à] M. le comte Nicolas Pétrovitch. A votre retour, il sera plus facile d'acquitter, ici, cette petite dette, que de vous remettre, d'ici, l'argent. La princesse Kourakin, votre chère tante, m'a suggéré cette idée, et vous en parle assurément dans la lettre que j'ai l'honneur de joindre, ici, de sa part.

Votre lettre du 7 (18) janvier m'est exactement parvenue, et j'en ai fait, comme à l'ordinaire, le meilleur usage auprès de S. E. le comte Panine.

J'espère que vous serez charmé de voir approcher l'accomplissement de vos souhaits. La présente vous trouvera, peut-être, déjà sur votre retour dans votre patrie. Je vous en fais mon compliment, et j'attends, avec impatience, le moment de vous embrasser et de vous voir dans le sein de votre famille.

En attendant, je vous marquerai ce qui se passe ici. Parm mes nouvelles, il se trouveront [trouvera], peut-être, des répé titions; mais n'importe. Cela vous convaincra de mon empres sement pour vous. Le prince Orlov est encore à Reval. O dit qu'il reviendra à St-Pétersbourg, mais ce n'est pas encor décidé. Je crois vous avoir déjà mandé que le procureur géné ral prince Viasemski a reçu le cordon de St-André, et qu M. Yélaguine est gratifié de 2000 paysans; que Mlle Böhme belle-fille du major général Bauer, est nommée frèle [Fräulei de la Cour aussi bien que Mlle Osérov, nièce de M. Vas siltchikov, et que le gentilhomme de la chambre de ce no épousera la comtesse Anne Rasoumovski. Depuis, il n s'est passé rien de remarquable. Nous avons eu deux fois b en masque à la Cour pendant le carnaval. M. de Yélaguin a eu le malheur de se casser la jambe en voulant faire u pas de danse chez la danseuse Varvarouchka, où il est présent obligé de séjourner jusqu'il sera [jusqu'à ce qu'il soi en état de quitter le lit. Votre bon Toussadier est mor il y a quelques jours, des suites d'un coup d'apoplexie; il e regretté de tout le monde. M. de Sacken qui vous fait, mo Prince, mille compliments, se porte bien, et est parti pou l'île d'Œsel pour voir ses parents. Il trouvera bien de [de l différence entre le pays d'où il vient et où il va à présen S. E. M. de Saldern se porte à présent assez bien et e fort de vos amis, et Mgr le Grand-Duc vous réserve toujou ses bonnes grâces.

M. votre frère le prince Alexis se porte bien. Il l'approbation de son gouverneur, et de tous [ceux] qui l fréquentent.

1157. Княжна Аграфена Александровна Куракина—князю Александру Бор. Куракину.

1773 г. февраля 16. [Петербургъ].

Будучи совсѣмъ на отъѣздѣ отсюдова, не хотѣла вас оставить, мой дорогой князь Александръ Борисовичъ, объ оном

известнымъ. Признаюсь, что себѣ не воображала столько огорченія,—оставить здѣсь своихъ ближнихъ, зная всегда, что должно будетъ разстаться, но видно, что натура во всякомъ случаѣ больше всего дѣйствуетъ; итакъ, ѣдемъ отсюдова чрезъ два дня.

Сегодня получила извѣстіе къ неописанному себѣ огорченію, что нашъ Михайла Григорьевичъ скончался, котораго мнѣ сердечно жаль; можно сказать, что лишились наичестнѣйшаго человѣка и сердечнаго друга.

1158. J. H. F. Oldecop—au prince Alexandre Kourakin.

Amsterdam, 18 février (1er mars) 1773.

Rien n'égale mon plaisir et ma vive joie en recevant l'honneur de votre gracieuse lettre du 17 du mois de février passé, vous en faisant mes vives et sincères sentiments [compliments].

Soyez certain, mon Prince, que je me ferai toujours un vrai plaisir et devoir d'exécuter les ordres et commissions dont vous m'honorerez et de m'en acquitter avec une exacte promptitude. Faites-moi la grâce de m'en favoriser bientôt afin d'avoir occasion de pouvoir réparer la faute précédente; je la nommerai, en sorte, pour me rendre seul coupable, que je puis [puisse] faire maintenant sans scrupule, vu que votre bon cœur m'a accordé un gracieux pardon.

Le Sr Joseph Dupont a été chez moi, il y a quelques jours passés, pour être expédié pour Dantzig; je lui ai dit que j'avais eu l'honneur de vous écrire à ce sujet et qu'il ne devait prendre de mauvaise part que je ne pouvais [n'aie pu] l'y assister, enfin, j'ai fait tout mon mieux de m'excuser le plus civilement que j'ai pu faire, j'ai cru pourtant voir qu'il en avait vent, et quoiqu'il tâchât de le cacher, d'en avoir dépit et chagrin. Il s'est retiré, et moi je me suis plaint d'être forcé à un tel procédé. Sa seule demande n'eut pour objet que l'argent pour le voyage et une bonne adresse. Au reste, il était habillé très comme il faut, bien galonné et avait l'air d'un petit-maître;

aussi avant qu'il se fît connaître je croyais recevoir un gentilhomme de la Cour. Voilà, mon aimable Prince, un récit fidèle, et la suite vous prouvera que je me fais un devoir d'agir sincèrement.

J'accepte volontiers, mon Prince, votre obligeante et gracieuse proposition d'établir une correspondance réglée, en vous faisant part de tout ce qui se passera ici et à La Haye, et, quant aux commissions dont il vous plaira de m'honorer, je m'efforcerai de vous contenter. J'envoie en abondance des tableaux, des livres, dessins, estampes et d'autres curiosités à St-Pétersbourg, des vieux vins du Rhin et de Malaga, du véritable vin de Cap, nommé Constantia, toutes sortes de marchandises et étoffes des Indes, et des provisions de bouche, et je fais cette condition avec vous, mon Prince, que vous ne me payerez que lorsque les articles à envoyer seront arrivés et approuvés. Un tel procédé me donnera, j'espère, votre confiance.

Le fameux cabinet de tableaux de feu M. le bourgmestre van der Marck à Leyde sera vendu, ici, à Amsterdam, au mois d'août prochain. M. Wielkes compte partir de Leyde pour l'Italie avec les deux princes Volkonski au mois de septembre prochain. M. de Kolitchov qui a fait un petit tour de La Haye pour Londres, en est parti en courrier pour St-Pétersbourg. Le comte Vladimir d'Orlov retourne de Londres pour Aix-la-Chapelle, où il attendra son épouse. M. Alexis de Narichkine sera déjà à l'heure qu'il est à Paris.

1159. J. A. Jungschulf de Rœbern—au prince Alexandre Kourakin.

[Paris, mars 1773].

Je me donne la liberté, mon Prince, de vous envoyer l'épître de M. Dorat à Mlle Dervieux, dont j'ai eu l'honneur de vous parler hier. Je vous prie de la garder, parce que je l'ai fait expressément copier pour vous, dans l'intention de vous rappeler un jour, en relisant cette épître, des entretiens que

eus avec vous sur son sujet. Je suis très fâché que vous yez [n'ayez] pas été au bal, dimanche passé, où vous auriez une occasion de faire sa connaissance. Elle est sûrement rmante, a infiniment d'esprit, dit les choses les plus es et les plus agréables et, en un mot, elle est pétrie du lleur limon que Dieu ait jamais employé pour former une me.

Pardonnez-moi, mon Prince, que je vous ennuie si long- ps avec de pareilles choses. Ayez la bonté de communiquer ltre à M. le comte Chérémétev qui me l'a demandée. s l'espérance d'avoir l'honneur de vous rencontrer aujourd'hui Français, je suis avec le plus profond respect.

1160. Le prince Alexandre Kourakin—au Grand-Duc Paul.

Paris, 8 (19) mars 1773.

Aujourd'hui je ne serai que nouvelliste. Peut-être même nouvelles que j'aurai l'honneur de vous marquer ne méri- nt-elles point l'attention de Votre Altesse Impériale. Dans cas j'implore son indulgence, qu'elle m'a si souvent témoignée.

Les assemblées que donnent les princes du sang ne sont moins qu'amusantes. On y joue beaucoup, et fort gros Quiconque y écoute assez sa raison, pour ne pas s'adonner ette passion ruineuse, y est moins distingué, et même il it pour sa part une bonne dose d'ennui. Les hommes sont pés à se ruiner, et les dames, spectatrices attentives, ne se eraient pas détourner de leur attention pour rien au monde. jeu favori est à présent le trente et quarante; plusieurs déjà appris à le connaître d'une manière très efficace, e autres le pauvre marquis de Conflans y a perdu, à u'on assure, au Palais-Royal, une somme de seize mille louis, ela en une seule soirée. On prétend qu'il était ivre-mort de cette perte; si même il ne l'a pas été, il y a la plus de apparence que, pour le moment, il avait une absence le de tout son bon sens.

Je crois avoir informé Votre Altesse Impériale que Mll Raucourt a achevé son début avec les applaudissements le plus mérités et les plus généraux. Melpomène ne pouvait mieu remettre son sceptre qu'entre ses mains. Ses talents précoces qui promettent aux comédiens une moisson si abondante pou l'avenir, ont été encouragés par sa réception dans leur compagnie Sa vertu rigide continue à désespérer ses adorateurs. Jusqu' présent le seul attrait de la gloire semble avoir quelque charm à ses yeux. Une autre Minerve, son égide la garantit de toute les flèches que lui décoche l'amour outragé qui n'aspir qu'à subjuguer cette beauté farouche. Si elle a été invaincue elle n'est pas invincible; je doute que la preuve en soit for éloignée. Une grande force d'âme est nécessaire, pour se pré server d'une chute sur le pavé glissant de Paris, où tout es enchantement et séduction.

Mlle Clairon, par un goût très vif pour l'histoire natu relle, avait rassemblé un très joli cabinet, qui consistait princi palement en coquillages. Elle vient de le vendre pour 30 mill francs au neveu de M. Démidov. Le bruit court que so intelligence avec M. de Valbelles a cessé, et qu'elle veut s retirer auprès du margrave d'Anspach; toujours il est sû qu'elle se défait de tous ses meubles.

Voltaire a enfanté une nouvelle épître au maréchal d Richelieu, son protecteur et son ami, et une petite bro chure, intitulée les *Probabilités*, pour servir de pièce justi ficative au criminel comte de Morangies, dont la cau qui est sur le point de finir, ne peut être inconnue à Vot Altesse Impériale. Mais il prouve que son esprit, engourdi pa les frimas de la vieillesse, n'est plus ce volcan, qui embrasa tous les champs qu'il voulait défricher, il ne jette plus qu des étincelles interrompues d'un feu pâle et faible. Il s'exhal en invectives contre les libraires de Paris, qui ont imprimé sans son aveu, sa dernière tragédie; il la renie pour sa produc tion, prétendant qu'elle a été rognée et défigurée, tandis qu la véritable se trouve, à ce qu'il dit, chez Lekain, et qu'o

n verrait la différence à la représentation, qui a été renvoyée usqu'après les vacances de Pâques.

Le 10 du mois passé il y a eu un siècle révolu depuis la nort de Molière. Les comédiens ont profité de cette occasion our célébrer l'apothéose de cet écrivain célèbre, qui s'est appliné à peindre la nature, et qui en a été, ainsi qu'en convient e philosophe de Ferney, le plus grand peintre. Deux auteurs, un bbé et le Sr Artaud, secrétaire du duc de Duras, ont été hargés de traiter le même sujet et tous deux s'en sont acquittés u mieux. La pièce de l'abbé porte le nom de l'*Assemblée*, celle u secrétaire, de la *Centenaire*. Elles ont eu un succès presque gal; les connaisseurs, cependant, défèrent la palme à la *Centenaire*. s y trouvent plus d'élégance, de chaleur, et la fiction plus che. C'est un tribut qu'offre à Molière la postérité reconnaissante. es deux pièces n'ont pour objet que ses louanges, et, par un ntiment de piété filiale, les comédiens en ont destiné le proit à l'érection de la statue de leur fondateur.

L'abbé s'est borné à l'idée la plus simple; l'apothéose de olière est chez lui une suite d'une des assemblées de la omédie-Française. Un auteur arrive pour faire recevoir sa pièce propose d'élever à ce grand homme un monument le jour ême du retour séculaire de l'année qui l'a enlevé, en faisant re à chaque acteur, à l'impromptu, tout ce qui lui viendra. Cette idée est adoptée avec acclamation, l'auteur s'échauffe par xplication du canevas, et, après une longue déclamation emphatiie, la scène change, on voit la statue de Molière placée au temple e l'immortalité et une prêtresse d'Apollon prononce ces vers:

„L'antiquité mettait jadis au rang des dieux
„Ceux qui, par leur valeur, ont délivré la terre
„Des monstres, des brigands, des tyrans furieux.
„Pourquoi ceux qui, comme Molière,
„Ont terrassé le vice encore plus dangereux,
„N'auraient-ils pas le droit d'être immortels comme eux?

a grande prêtresse continue:

„Qu'un éternel éclat environne Molière!

„Que son nom glorieux ne périsse jamais!
„Il corrigea la France entière
„De ses ridicules excès;
„Sur mille différents objets
„Sa critique savante a porté la lumière.
„Qu'un éternel éclat environne Molière!
„Que son nom glorieux ne périsse jamais!
„Qu'il vive, que toujours il soit cher aux Français!

Et en posant sur sa statue une couronne de laurier:

„Les autels des héros que nous vante l'histoire,
„Des plus rares parfums répandaient les vapeurs,
„Cet encens a péri, mais celui de nos cœurs
„Est immortel comme ta gloire.

Dans la *Centenaire* le Sr Artaud s'est servi d'une autr tournure. Il fait descendre sur la terre, par ordre de Jupitei Thalie et Momus pour savoir, si Molière y plait encore autai qu'il charme les dieux, et pour en rapporter, s'il se peut, que ques nouveaux travers, qui puissent l'égayer. Momus se méti morphose en médecin, et fait répandre partout des adress d'un charlatan, décorées d'un grand gratis, pour attirer pı là tout Paris. Thalie, sous le déguisement de la nuit, passe poı sa nièce Elle dit en parlant de Momus:

„Quelque légère nuance
„Aura suffi sans doute à ses yeux prévenus,
„Pour m'annoncer qu'on ne rit plus
„Dans mon charmant pays de France.
„Non, non, j'en crois peu ses discours.
„Ah, si mes chers Français, que j'aimerai toujours,
„De leurs tristes voisins avaient pris la manie,
„Je dois voler à leur secours;
„Et c'est un trait bien digne de Thalie,
„Que de les rappeler à l'aimable folie,
Qui fut pour eux l'époque des beaux jours.

Sosie est chargé de recevoir les curieux qui se p senteront. Thalie lui dit, qu'elle avoit épousé Moli

sous les auspices d'Apollon, mais que depuis cent ans elle est veuve.

Sosie (étonné).

„Là-haut, l'on s'épouse?

Thalie.

„Et l'on s'aime.

Sosie.

„C'est la moitié plus qu'à Paris.
„Passe encore pour des favoris,
„Mais je n'en reviens pas, quand
„Vous dites, vous-même,
„Que les Muses ont des maris.

Thalie.

„Melpomène est au quatrième.

Thalie avoue que, pour adoucir les horreurs du veuvage, elle a eu quelques amants; qu'un joueur, et puis un glorieux la fixèrent, mais que, d'un dernier surtout, son cœur est enivré, qu'il s'appelait de l'Empirée. Enfin M. Artaud introduit successivement tous les personnages que Molière a livrés au ridicule, et leur fait tenir à chacun un langage distinctif et conforme à leur caractère. Les scènes sont parfaitement bien filées, et l'imposant des maximes y soutient le sel de l'ironie. Après que l'étourdi, en accourant avec précipitation, découvre que le docteur soi-disant n'est médecin que par supercherie, Thalie s'adresse aux acteurs:

„Rendez grâce aux bienfaits,
„Que répandit sur vous un immortel génie,
„En vous peignant de ces grands traits
„Que les fureurs du temps, ni celles de l'envie,
„Ne pourront effacer jamaïs.

Momus poursuit:

„Vous l'entendez, contre le caractère
„Mes remèdes sont sans crédit;
„Et comme la déesse a dit,
„Chacun de vous l'a reçu de son père;

„Il faut s'en plaindre à celui qui vous fit.
„Où le chercher?“ demande Lélie.

La décoration change; on aperçoit la statue de Molière et Thalie répond: „Le voilà“.

Tous les acteurs s'écrient alors unanimement,

„C'est Molière; courons embrasser ses genoux“.

Les acteurs de la comédie, en habit de caractère des pièces de Molière, sont sur l'aile droite du théâtre, et les acteurs de la tragédie, en habit tragique, sur l'aile gauche. Brizard vêtu en Auguste, s'avance, met sa couronne sur la tête de la statue, et dit les vers suivants:

„Le souverain d'un vaste empire,
„Sous cet habit représenté,
„Peut-il, en ce beau jour, être mieux imité,
„Qu'en partageant un si noble délire?
„Si des humains il devint le premier,
„Rome et Paris ne sont qu'une même patrie,
„Et le plus bel emploi d'un immortel laurier
„Doit être de briller sur le front du génie.

Momus à Thalie:

„Eh bien, ce nouveau caractère,
„Que nous devions rapporter à Molière,
„Le voyez-vous parmi ces gens?
„En faveur de sa [son] centenaire,
„Vous le lui promettez depuis assez longtemps.

Thalie réplique:

„Eh, ne suffit-il pas, pour fêter un bon père,
„De lui présenter ses enfants?

L'orchestre joue la marche des apothicaires du Malade imaginaire, alternativement avec une marche caractéristique pour la tragédie; la comédie est conduite par Sosie, la tragédie par Lekain, en habit de Rodrigue dans le Cid, l'épée à la main. On va saluer la statue de Molière deux à deux; et, quand Thalie et Momus sont auprès de la statue, ils attachent au piédestal, l'un sa marotte, l'autre son masque, et Sosie plac

a lanterne dans l'attitude de Diogène. Des danses héroïques, analogues au sujet, terminent également l'*Assemblée* et la *Centenaire*.

Apres avoir tracé à Votre Altesse Impériale une ébauche légère, et peut-être imparfaite, de ces deux comédies, daignez permettre, Monseigneur, que je vous raconte une aventure, arrivée depuis peu, qui, malheureusement, est la nouvelle du jour, et qui atteste quelles sont les suites dangereuses de cette mauvaise éducation que reçoit ici la noblesse.

Le duc de Chaulnes, pair de France, a eu un démêlé avec M. de Beaumarchais, auteur du drame *Eugénie*, au sujet de sa maîtresse. Il a voulu le vider l'épée à la main, sans avoir jamais pu y faire consentir son rival, qui avait été son ami. Après l'avoir déshonoré publiquement par mille injures atroces, il se rendit chez lui sous un nom supposé, et, sans égard à son refus, il saisit un autre moyen de vengeance, indigne de tout homme d'honneur. Il se mit à lui donner à tort et à travers des coups de plat d'épée. Il reçut à son tour des coups de bâton; ils se dévisagèrent mutuellement. Les gens de Beaumarchais accoururent aux cris de leur maître, ils voulurent s'emparer de l'étranger, mais sans oser le faire, dès qu'il leur eut déclaré sa qualité de duc et pair. Sur ces entrefaites vint la femme du logis qui, par la timidité naturelle à son sexe, et craignant les conséquences de cette affaire pour son mari, tâcha de rétablir la bonne harmonie entre les deux champions échevelés. Elle y réussit en quelque façon, puisque M. de Chaulnes eut la bassesse de ne pas sentir son affront et de souper chez eux avec un entier oubli de ce qui s'était passé. Mais Beaumarchais n'eut pas l'âme si endurante; il envoya quérir le commissaire du quartier, qui dut dresser un procès-verbal de l'affaire, et le lendemain il en porta ses plaintes au tribunal des maréchaux. Pendant que ceux-ci donnaient à l'offensé et à l'offenseur des exempts pour les empêcher de se battre, et délibéraient sur ce qu'ils avaient à faire de plus, la famille du duc de Chaulnes se décida à supplier le Roi

d'accorder une lettre de cachet pour l'enfermer, et le voilà, à présent, à Vincennes, au moins pour quelques années. Quant à Beaumarchais on l'a envoyé au Fort-l'Evêque. La délicatesse de la nation en affaires d'honneur est telle que le duc de Chaulnes aura beau recouvrer sa liberté, jamais il ne recouvrera sa réputation. Il est déshonoré pour le reste de sa vie. Des coups de bâton appliqués sur le dos d'un duc et pair impriment un caractère indélébile. Le chemin des emplois et des charges lui est fermé pour toujours. Objet de la risée et du mépris du public, il ne lui restera que d'aller s'ensevelir dans quelque campagne éloignée.

Votre Altesse Impériale aura une idée plus parfaite du caractère, ridiculement romanesque, de M. de Chaulnes, en apprenant la convention singulière qu'il avait faite avec sa maîtresse, et les suites affreuses qui en résultèrent. Mlle Desmé nard, actrice de l'Opéra-Comique, jeune, belle, et surtout très spirituelle, avait une foule de soupirants. L'or et les promesses pleuvaient chez elle, mais sans succès et sans fruit. Elle ne voulait succomber que par l'instinct de son cœur, et son heure n'était pas encore venue. Dès que le duc de Chaulnes se mit sur les rangs, une certaine convenance de caractères et de goûts lui fit d'abord obtenir la préférence sur tous ses compétiteurs, et quoique sa fortune assez médiocre ne lui permît point d'améliorer beaucoup son sort, il fut pourtant l'amant heureux. Epris de la passion la plus vive, ils se jurèrent un amour éternel, s'engageant que le premier d'entre eux qui remarquerait un attiédissement dans l'attachement de l'autre devrait s'empoisonner sur-le-champ. Il y a un an que Mlle Desménard commença à ne plus apercevoir le même empressement dans les soins de son amant. Elle lui en fit des reproches, mais inutilement; une jouissance aisée avait éteint sa flamme; il adressait ailleurs ses vœux. Elle n'en reçut même, pour toute réponse, qu'un défi insultant, qu'elle n'aurait jamais le courage d'exécuter leur promesse mutuelle. Ce doute, qui humiliait son amour-propre venant se joindre au désespoir d'être

andonnée, lui fit secouer l'empire de la raison; elle avala le tal poison Comme son irruption s'opéra graduellement, le c ne put soutenir la vue des souffrances de sa maîtresse ec la même insensibilité qu'il avait soutenu ses reproches. tte action de vigueur peu commune ralluma tous les feux nt il avait brûlé, et, après avoir juré de nouveau à ses pieds lui être fidèle jusqu'à la mort, il se la conserva au moyen un antidote. Mais le venin avait laissé de profondes traces; santé, la beauté, l'humeur de Mlle Desménard en ont tièrement été altérées. Obligée de renoncer au théâtre et au onde, elle végétait dans une sombre mélancolie, quand M. de haulnes, pour lui procurer quelque distraction, présenta chez e son ami Baumarchais, qui chantait, pinçait de la guitare, avait mille petits agréments de société. Ensuite, il en devint oux, sur des soupçons mal fondés, parce que c'était un de s fats qui, trop prévenus en leur propre faveur, croient que belles doivent leur rendre les armes, et s'avisent d'en conter toutes. Il voulut lui interdire l'entrée de la maison de sa ltresse, l'autre ne voulut pas y souscrire, et de là cette enture si flétrissante à tous deux. Mlle Desménard, pour ter la honte du scandale qui rejaillissait sur elle, a demandé tre conduite dans une communauté.

Depuis quelques jours s'est encore répandu un autre bruit n duel fort singulier. Un évêque s'est battu contre un utenant général, et au lieu d'être vaincu a été vainqueur: fils de Mars a reçu deux grands coups d'épée, dont il est gereusement malade. Ils prirent querelle à un souper. Le rrier aimait le ton caustique. Une fois en train, aucune nsidération ne lui faisait supprimer un bon mot qu'il croyait isant. Ce soir-[là] il choisit pour l'objet de ses railleries le lat, qui, jeune, frais et bien portant, enfreignait, peut-être s de grands scrupules, l'austérité des règles monacales. vêque ne possédant pas le don de la parole au même degré put rien opposer à la vivacité de ses saillies, mais dès qu'on levé de table, il lui dit très sérieusement qu'il préten-

dait avoir satisfaction de sa conduite offensante, que bien que ses devoirs de pasteur lui ordonnassent de pardonner toutes les insultes, l'homme l'emportait en lui sur le prêtre, et qu'il n'était nullement d'humeur de les tolérer avec indifférence. Le lieutenant général crut que c'était un badinage, et répondit par un grand éclat de rire des plus injurieux. L'évêque, sans se décontenancer, insista, lui protestant que s'il ne consentait pas à le suivre d'abord, il le déshonorerait publiquement et le dénoncerait partout comme un lâche et un poltron. Ils se fixèrent enfin un rendez-vous pour le lendemain. Le combat tourna, ainsi que je l'ai déjà remarqué, à l'entier avantage du courageux ecclésiastique. C'est à l'évêque d'Arras, qui, lors de sa première entrée dans le monde, avait exercé le métier des armes, qu'est arrivée cette affaire, dont il s'est tiré avec tant d'honneur et de gloire. On cache le nom de l'officier général, et on ignore jusqu'ici le parti que prendra à cette occasion la Cour. L'opinion générale est qu'elle évitera d'en prendre une connaissance médiate, pour la laisser assoupir dans l'incertitude et les ténèbres. Toujours il est certain que le clergé est enchanté de ce qu'un de leur corps a prouvé si efficacement que la soutane n'étouffait point l'héroïsme naturel, et que la même main qui est destinée à porter la crosse savait aussi, dans le besoin, manier une épée, pour se faire respecter et contenir le caquet superflu des profanes dans ses justes bornes.

Selon toutes les apparences ce sera ma dernière lettre de Paris. Nous comptons en partir dans deux ou trois jours; mais, comme nous voyagerons très lentement pour ne pas altérer la convalescence du comte Chérémétev, nous n'espérons de revoir nos dieux pénates que vers la fin de juin.

En finissant, j'adresse à Votre Altesse Impériale le fameux souhait d'Ovide à Germanicus: que le Ciel vous accorde une longue vie, le reste vous le tirerez de votre propre fonds.

1161. Le prince Alexandre Kourakin—au comte Nikita Panine.

Paris, 11 (22) mars 1773.

Notre départ qui avait été fixé au 16 de ce mois, vient d'être remis au 28. J'espère qu'alors rien ne nous empêchera d'abandonner cette capitale, délicieuse en elle-même, mais qui me devient en effet insipide et odieuse par la trivialité de nos occupations et l'inutile inactivité de mon existence. La santé du comte Chérémétev s'affermit visiblement; le grand air et l'exercice du cheval, ordonnés par son médecin, lui font un bien infini. Son régime n'est plus si austère, et il sort déjà partout avec nous, il y a tout à parier que le voyage et ensuite la satisfaction d'être dans les bras paternels achèveront son entière guérison.

Nous avons pris congé de toutes nos connaissances. Quand nous avons été à Versailles, le duc d'Aiguillon nous témoigna toutes les attentions imaginables. Après les compliments d'usage, il me dit entre autres, qu'il était enchanté des sentiments de concorde et de paix, relatifs aux affaires du Nord, dont en dernier lieu vous aviez donné des assurances à M. Durand, et que, par la considération intime qu'il vous portait, il n'avait rien de plus à cœur que de cultiver ce premier germe de bonne intelligence, que vous sembliez vouloir faire éclore.

Toutes les fois que je rencontre l'ambassadeur de Suède, il ne manque pas de s'étendre en protestations d'attachement pour votre personne. Je ne le connais pas assez pour pouvoir le garantir. Je me rapporte à votre discernement et à votre expérience. Il se prétend un secours mutuel, pour vous faire apprécier à sa juste valeur l'encens qu'on vous prodigue chaque jour. Votre vertu fait trembler les vils adulateurs, tandis que l'éclat de votre poste attire l'adulation.

Je me suis trop souvent expliqué sur notre façon de vivre à Paris, pour vous en ennuyer encore à présent. Un quart d'heure d'entretien à mon retour vous en mettra plus au fait, que les

lettres les mieux détaillées. De tous nos compatriotes M. Démidov et le chambellan, baron de Stroganov, sont ceux qui nous ont fait le plus de politesses; ils nous les ont prouvées par des réalités. Leurs maisons nous étaient ouvertes à notre volonté, nous y venions quand nous voulions, et toujours nous étions les bienvenus. Charmés de ces dispositions favorables, nous en avons profité aussi souvent que nous avons pu.

1162. Le prince Alexandre Kourakin—au prince Gabriel Gagarine.

Paris, 14 (25) mars 1773.

Mon empressement à vous remercier, mon cher ami, pour votre charmante lettre, doit vous être le meilleur témoignage de la joie qu'elle m'a causée. Persuadé de votre amitié, je me flattais bien de posséder une petite place dans votre souvenir, mais, je l'avoue, je ne comptais pas avoir si tôt de vos nouvelles. L'accident qui me les procure est véritablement fâcheux. Vous étiez à plaindre, et je vous ai plaint de tout mon cœur.

Etre obligé de végéter plusieurs jours dans un endroit comme Ostromezky, car je n'accorde pas que vous y ayez vécu, se voir réduit à l'unique société d'un hussard Bramarbas et d'un maître de poste, politique ignorant et bavard insipide, perdre une bonne voiture, qui vous était indispensable pour le présent, et sur laquelle vous fondiez des espérances pour l'avenir, et, peut-être, pour comble d'infortune, devoir endurer un mauvais lit et une mauvaise chère, ce sont des épreuves très rudes et qui ont pu lasser votre patience. Vous avez entrepris votre voyage sous de bons auspices. Les vœux de vos amis vous le promettaient heureux. Mais une mer tranquille n'a pu vous conduire au port; elle s'est agitée à différentes reprises. N'en soyez pas fâché, mon cher ami, ces orages passagers ne se sont formés que pour faire luire un plus beau soleil. Vous avez dû éprouver, par ces obstacles, une nouvelle volupté, celle d'avoir su les surmonter. Toujours rendez grâce à Dieu

ce que votre santé s'est conservée; j'en juge et je m'en
jouis par la gaieté de vos expressions. L'essentiel est d'avoir
corps bien portant; l'âme dépend ordinairement de son
urreau, et toute notre façon d'exister est soumise aux révo-
tions qui lui arrivent. A l'heure qu'il est vous ne jetez sur
passé que des regards fugitifs, vous êtes au comble de vos
uhaits, votre cœur a déjà senti ces palpitations délicieuses,
ant-coureur du bonheur qu'on va goûter, le contentement a
ouillé vos yeux de larmes, votre bouche s'est collée sur celle
vos parents, vous êtes, en un mot, dans les bras de votre
mille, au milieu de vos amis, au sein de votre patrie, vous
es heureux, mon cher ami, et j'aspire encore à l'être. Per-
ettez que je m'arrache à moi-même le plaisir de me trans-
rter dans votre situation actuelle; il serait trop vif, pour
e je le goûtasse impunément. Je me borne à vous rappeler
tre promesse de m'écrire avec toutes les circonstances, dont
us sommes convenus. Je crois que ma correspondance ne
érobera pas beaucoup de votre loisir.

Notre plan de revoir nos pénates vers la St-Pierre est
muable. Nous partons pour sûr après-demain. Témoin insé-
rable de nos occupations et de nos amusements, vous pouvez
ger si c'est avec de grands regrets que je quitte Paris. Le
ésir de respirer mon air natal s'est emparé de mon âme de-
uis longtemps, et trop occupée de cette idée que fortifie le
ntiment de la nature, elle absorbe toutes celles qui pour-
ient me fixer chez l'étranger.

Vous m'avez régalé de deux traits charmants. La côtelette
t impayable, et Mostovski un original, qui, à la honte
notre espèce, n'a que trop de ses pareils. Insensibles au
dicule, qu'on fait rejaillir sur eux, ils vieillissent dans leurs
avers, et s'ils font du bien aux hommes, c'est tout au plus
r l'exemple qu'ils donnent. Votre solitude, dites-vous, est
freuse. Je le crois volontiers, mais est-ce que le sexe de
s contrées n'était pas assez appétissant pour réveiller en
ous un instinct, presque engourdi par l'inactivité, où vous

l'aviez plongé pendant ces deux ans? Souvenez-vous ici du principe de Panglos; son optimisme était le baume curatif de toutes ses plaies. Au bout du compte vous lisiez, vous écriviez, vous pensiez, vous chassiez. Des pauvres perdrix, victimes de votre ennui, attestaient votre adresse à manier un fusil, tandis que vos conversations avec vos provinciaux vous fournissaient de riches sources pour vous égayer à leurs dépens. Je parie, mon cher ami, qu'ayant une fois plume à la main, vous avez eu aussi la tentation d'écrire à V......, à dire vrai, c'était un devoir pour vous; il est juste de témoigner sa reconnaissance à des gens qui nous ont voulu du bien.

Je vais prévenir votre curiosité sur tout ce qui peut vous intéresser à Paris. Vous m'en saurez gré, et vous en ferez autant par rapport à Pétersbourg. Notre genre de vie est absolument le même, rien de changé; le matin, s'il fait beau, à la promenade, le soir au spectacle, de là chez le baron ou à la maison. Nous avons congédié Vestris il y a une quinzaine de jours, et Des-Hayes vient à sa place pour nous perfectionner dans les allemandes. Depuis votre départ il y a eu au Français trois nouvelles pièces: l'*Assemblée* et la *Centenaire*, pour célébrer l'apothéose de Molière, en un acte, et *Alcidonis* ou *La journée lacédémonienne* en trois actes. Les premières ont eu un succès prodigieux: *Alcidonis*, assez froidement écrite, était sur le point de tomber, mais l'appareil et la nouveauté de ses intermèdes l'a préservée de sa chute. Des-Hayes a mis son imaginative en quatre, pour faire du bon, et sans partialité il a réussi passablement. Il a représenté les exercices de guerre et les jeux des anciens Spartiates, selon la description qu'en donne Plutarque dans la vie de Lycurgue. Des-Hayes, entre autres, joue le principal personnage; il est vainqueur à la lutte, à la course, et l'éphore le couronne sur la scène. Imaginez-vous la plaisante fierté de son maintien pendant cette grave et majestueuse cérémonie. Les Italiens ont enfin donné le magnifique opéra en trois actes; les paroles sont de Sedaine, la musique est de Grétry. Une fable de La Fontaine en a

fourni le sujet. Les scènes sont mal cousues, les caractères mal peints, et dans les ariettes il n'y a quelquefois ni rime ni raison. En faveur de la musique on a fait grâce à la pièce. L'opéra continue les représentations de *Castor et Pollux*. Pour la capitation des acteurs on y a donné *Daphnis et Alcimadure* pastorale de M. de Mondonville, suivie d'*Endymion* ballet-héroïque de notre Vestris. Ce spectacle est charmant; on y voit réunis les premiers talents du chant et de la danse.

Galitsine est parti pour Londres mercredi passé, il sera en Russie au commencement de juin.

1163. Le prince Nicolas Repnine—au prince Alexandre Kourakin.

Londres, 22 mars (2 avril) 1773.

J'ai reçu, mon cher ami, vos lettres du 15 mars et puis après du 27 février. Cette dernière, envoyée par milady Kery, a été longtemps en chemin, c'est ce qui a fait que j'ignorais que vous retourniez en Russie. J'ai été même étonné de ne pas le savoir de vous, en ayant entendu parler à M. Pouchkine, et croyais que cela n'était pas vrai. Mais je suis enfin charmé que cela arrive. Comme vous me dites d'adresser ma réponse à Berlin, je le fais, comme vous le demandez.

Je ne m'amuserai point à vous parler des choses remarquables d'Angleterre parce que vous les connaissez, ni de milady Craven qui, comme jeune et jolie femme, ne pense qu'à ses amusements. Je vous dirai fort brièvement, mon ami, que je me porte assez bien quoique mes forces ne se rétablissent pas encore dans l'état où elles furent et, après ceci, je passe à des choses beaucoup plus intéressantes, que mon amitié pour vous va me dicter avec toute la franchise que cette même amitié exige et autorise.

Vous allez vivre et entrer dans le monde, jusqu'à présent vous ne faisiez que vous préparer. Ne vous pressez point de prendre le ton d'un homme instruit, ni de décider en quoi que ce soit, mais attendez la décision des autres; ne croyez

point perdre par là: votre modestie fera paraître davantag votre mérite que ne le ferait l'ostentation qui vous attirerait des ennemis et par-dessus cela le renom d'un homme rempl de lui-même. D'ailleurs, si vous décidiez à votre âge, ne pouvant avoir tout au plus que de la théorie et point d'expérience vous seriez à tout instant sujet à vous tromper, ce qui est d conséquence sur le théâtre où vous allez paraître. Consulte en tout votre protecteur M. de Panine et son frère; ce son les deux plus honnêtes gens de notre pays, heureux ou malheureux il faut leur être entièrement attaché. Il vaut mieux partage leur malheur qu'être heureux sans eux ou avec leurs ennemis; vou en trouverez beaucoup que vous ne comptiez pas dans ce nombre Votre situation à Paris ne m'a pas permis de vous en parler mais ceux même qui ont pris part à votre éducation ont oubli leurs bienfaits. En un mot, ne vous conduisez que d'aprè leur conseil et leur exemple; n'accordez votre confiance qu' ceux qui jouiront de la leur. Soyez ferme comme eux dan les principes d'honneur et préférez toujours la mort à la bassesse et à la lâcheté. Voilà ce que l'amitié me dicte, voilà l conduite que vous devez tenir; c'est celle de vos respectable protecteurs, c'est celle de vos défunts parents et c'est cell que prend pour modèle votre ami Repnine.

1164. J. H. F. Oldecop—au prince Alexandre Kourakin.

Amsterdam, 2 (13) avril 1773.

Le prince de Galitsine avec son épouse et le comte d Rechteren ont été quelques jours ici, étant [et sont] retourné en yacht, hier, pour [à] La Haye. Pendant leur séjour ici j me suis souvent entretenu avec le Comte; fût-ce que l'on n fût pas content de lui à La Haye, au moins il montre d'êtr bien satisfait de son ambassade. Il me semble être un aimabl homme, mais quant au commerce... je crois qu'il ne soi [n'y est] psa assez versé pour veiller aux intérêts des Hollandais La famille du Comte est une des plus illustres de la Républi

e à [dans] la province de Gueldre; mais, quelle [quelque]
ble qu'elle soit, elle n'est pas riche. Ce point et son mau-
is état de santé l'ont obligé de demander son rappel, son
npérament s'accoutumera mieux en Espagne. En attendant,
n'est pas encore décidé jusqu'ici qui le remplacera à St-Pé-
rsbourg; soit noble, soit de la magistrature, il n'y en a pas
core un qui sollicite: la République donne trop peu pour se
uvoir soutenir dans un tel poste avec honneur.

1165. Lefort—au prince Alexandre Kourakin.

Strasbourg, 4 (15) avril 1773.

Ne prenez pas une opinion désavantageuse de moi de n'avoir
s eu l'honneur, mon Prince, de vous envoyer la lettre ci-
nte par le courrier de lundi, mais j'ai été surchargé d'occu-
tions à cause de mes enfants qui ne permettaient point de
lai dans ces moments-là.

Je ne saurais assez vous exprimer, mon Prince, la joie
e j'ai eue de vous faire ma cour, surtout après les différents
tretiens que j'avais eus avec des personnes qui ont eu l'honneur
vous connaître particulièrement en Russie, en Allemagne, en
ollande et à Paris, et qui m'ont si souvent fait vos éloges.

J'envoie cette lettre, mon Prince, à M. le conseiller Leu-
chenringen qui, entre autre, me parla tant de vous à son
tour de La Haye. Si celle-ci vous trouve encore à Darmstadt,
mme je le suppose, vous êtes au centre des plus illustres prin-
sses de l'Europe. Témoignez-leur mes hommages les plus
spectueux et tous mes regrets de ne pas avoir eu l'honneur
vous accompagner dans ce pays-là. Mme la Duchesse des
eux-Ponts et Mme la Landgrave savent les raisons qui
'ont empêché de m'absenter.

Vu l'intimité qui régnait avec Mgr le prince Kourakin,
tre grand-père, et feu mon père, je crois avoir acquis des droits
ur vous demander, par ce premier entretien, une grâce au
jet du prince de Galitsine que vous avez vu partir de Pa-

ris pour Londres relativement à ses égarements de cœur, de corps et d'esprit. J'aperçois qu'à son retour en Russie il sera fort mal reçu de MM. les princes de Galitsine, ses oncles; ne pourriez-vous pas, ainsi que M. de Saldern, adoucir un peu la mauvaise et disgracieuse réception qu'on lui fera, surtout à la première entrevue. C'est une mauvaise cause à plaider que celle du prince Nicolas Alexéevitch de Galitsine; mais malgré son indolence et son silence, je m'intéresse toujours à lui. Ajoutez, mon Prince, à cette complaisance, celle de me garder le secret, et qu'il ne sache jamais la démarche que je fais aujourd'hui auprès de vous. Si son âme avait été à l'unisson de celle de son compagnon de voyage, jamais le Prince n'aurait donné, avec toute sa misanthropie, dans les écarts et les écueils, comme il a fait à Paris.

1166. Fr. Leuschenring—au prince Alexandre Kourakin.

Darmstadt, 6 (17) avril 1773.

La nouvelle de votre arrivée à Darmstadt que M. de Rathsamhausen m'a d'abord annoncée m'a fait un plaisir très sensible. Je ne prévoyais pas alors que les destinées me seraient si contraires, qu'elles ne me favoriseraient pas même d'un seul moment pour vous faire ma révérence. Au moins, mon Prince, vous auriez vu dans l'expression de ma physionomie une partie des sentiments que vous devez faire naître dans toutes les âmes honnêtes. J'ai été plusieurs fois à l'assemblée de la Cour, j'ai été hier au bal masqué, sans trouver un moment convenable de vous approcher. Encore si je l'aurais [l'avais] trouvé, aurais-je été bien sûr d'être reconnu? J'avais le même sort par rapport de [à] MM. de Saldern et de Chérémétev, et je suis presque tenté d'en conclure qu'une fée malfaisante se mêle de mes affaires. L'incluse que je viens de recevoir me raccommode un peu avec ma destinée.

Cette lettre m'a été très agréable, parce qu'elle me fournit occasion, mon Prince, de vous marquer mes regrets, et de ppeler à votre souvenir un homme qui mérite d'y avoir quelue petite place par les sentiments qu'il nourrit pour vous. ourrai-je jamais être dans le cas de vous les prouver!

Je ne sais pas si j'ose assurer, ici, MM. de Saldern et e Chérémétev de mon dévouement respectueux.

Aurai-je jamais le bonheur de me dédommager du malheur ui vient de m'arriver, en vous faisant ma cour dans votre atrie pour laquelle je me sens une espèce d'enthousiasme? e ne trouve point de raison à renoncer à une espérance si atteuse.

1167. Le prince Alexandre Kourakin—à M. Leuchsenring.

Francfort-Sur-Le-Mein, 7 (18) avril 1773.

J'avoue qu'en arrivant à Darmstadt, je me suis vivement atté du plaisir de vous revoir. L'opinion avantageuse, que ous vous êtes si légitimement acquise dans le monde, peut vous tre un garant non équivoque de mon empressement à cultiver os bonnes dispositions à mon égard. Mon amitié qui est établie ur une estime solide, est toujours la même, et je vous prie e croire que mes sentiments en général, au lieu de pouvoir tre altérés par l'éloignement, ne feront que se fortifier par accroissement de votre réputation.

J'ai passé tous les jours dans une attente vaine, le hasard e m'ayant pas favorisé au point de vous rencontrer, ou à la our ou à la promenade; je vous supposais absolument absent. a lettre obligeante que vous avez bien voulu m'écrire dissipe on incertitude, et me donne à connaître que vos occupations eules m'ont privé d'une satisfaction, à laquelle je m'étais préparé e longue main. Je sais vraiment beaucoup de gré à M. Lefort e m'avoir encore procuré l'occasion de vous dire tout ce que ous avez su m'inspirer, et au milieu de l'amusement que j'ai oûté au dernier bal, je regrette, on ne peut pas plus, de ne

vous avoir pas reconnu à travers votre déguisement; mais ce n'est pas moi que je dois en accuser, c'est vous. Aucun instinct particulier ne pouvait me faire sentir l'avantage que je possédais; vous auriez dû m'en prévenir!

Après avoir obtenu des droits irrévocables sur la considération publique par l'étendue de vos lumières, je suis enchanté que vous allez [alliez] enrichir la littérature d'un ouvrage périodique excellent, réunissant l'utile à l'agréable, et qui, effaçant l'éclat de tous ceux qui l'ont précédé, servira de modèle digne d'envie à ceux qui le suivront. Heureux pour les lecteurs avides de nouvelles connaissances de trouver de tels moyens pour les accumuler, et flatteur pour vous, Monsieur, d'être celui sur lequel se fixeront tous leurs suffrages! Prévenu, comme je le suis, en faveur de vos productions, et persuadé qu'elles doivent porter l'empreinte du génie et de la sensibilité, je vous supplie de m'envoyer votre prospectus, d'abord qu'il sera achevé. Je me ferai un plaisir d'être du nombre de vos souscripteurs, et un devoir de l'augmenter autant qu'il me sera possible.

Vous m'accordez une douce espérance, mon cher conseiller, celle de vous voir dans ma patrie. Il m'est si consolant d'y songer, que je vous prends au mot, et même je vous engage à accomplir cette idée au plus tôt. Venez chez nous, réalisez ce sentiment de feu, que vous décorez du beau nom d'enthousiasme. Il ne tiendra qu'à vous de vous former des sectateurs; on reçoit dans nos contrées à bras ouverts les nourrissons d'Apollon, et vous, cultivateur fortuné des champs de l'Olympe, aucune difficulté ne doit plus vous effrayer, celles que vous avez surmontées ne sont pas comparables aux incommodités inséparables d'un long voyage. J'espère aussi qu'un jour, de retour, vous rendrez justice au pays que vous aurez parcouru et votre témoignage servira de nouvelle condamnation aux mensonges, dont M. l'abbé Chappe d'Auteroche n'a pas eu honte de se servir à la face de toute l'Europe.

Comme vous êtes dans le cas de voir tous les jours, Mgr le prince héréditaire, présentez-lui mes sincères hommages,

avec la prière qu'il daigne assurer S. A. Mme sa mère de mon profond respect. Je suis parti de Darmstadt avec un souvenir profondément gravé dans mon cœur de toutes leurs bontés.

M. Saldern et le comte de Chérémétev vous font leurs compliments. Nous saluons in corpore M. de Rathsamhausen.

1168. Иванъ Ивановичъ Крокъ—князю Александру Бор. Куракину.

1773 г. апрѣля 8. Петербургъ.

Полно по-французски писать. Ваше сіятельство приближаетесь [къ] отечеству вашему: пора приняться за свой языкъ. Пріѣздъ г. Тира столько для васъ радостенъ, что вы, можетъ быть, и не прочтете моего письма. Но со всѣмъ тѣмъ, не могу я обойтиться, чтобы не изъявить вамъ того удовольствія и нетерпѣнія, съ которымъ я ожидаю вашего сюда возвращенія.

Завтра или конечно послѣзавтра изволитъ Государыня отправиться въ Царское Село, а Государь Цесаревичъ въ четвертокъ. Фрейлина Штакельбергъ сговорена за графа Гизенгаузена, конной гвардіи поручика. Свадьба камеръюнкера Васильчикова и Анны Кирилловны Разумовской будетъ въ Царскомъ Селѣ. Николай Ивановичъ Зиновьевъ ...еръ. Князь Григорій Григорьевичъ здѣсь и на ряду съ прочими знатными пріѣзжаетъ ко Двору, а живетъ въ домѣ брата у Галернаго двора. Вы, конечно, уже знаете, что князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій назначенъ министромъ въ Парижъ, но вы его еще здѣсь застанете. Братъ его и Александръ Сергѣевичъ получать также, по прошенію ихъ, позволеніе вояжировать. Графъ Головкинъ отправляется въ Гданскъ полномочнымъ комиссаромъ для соглашенія городскихъ споровъ съ королемъ прусскимъ. Къ вашему сюда пріѣзду ожидаемъ мы и дармштадтскихъ принцевъ.

1169. Le comte Alexis Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Kourakin.

Londres, 21 avril (2 mai) 1773.

Malgré les occupations qui semblent se multiplier, vous auriez déjà, cher et aimable Prince, de mes nouvelles si je n'eusse calculé qu'elles auraient été à Berlin longtemps avant vous. Je m'impatiente de vous en donner. Celle-ci vous y trouvera à coup sûr, non seulement en parfaite santé, mais en chemin de tous les avantages auxquels vous avez des droits.

C'est à vous, mon aimable Prince, d'honorer les places qui vous tomberont en partage. Celle même de courtisan peut être tournée à profit. L'oisiveté n'est pas faite pour quiconque sait penser et réfléchir. En homme éclairé et instruit vous y jouerez un rôle qui doit vous distinguer. A la source des motifs, vous y connaîtrez le fil des affaires, qui deviennent époque par leurs conséquences, et qui plus est vous apprendrez sur ce théâtre à connaître les hommes. Puisse cette connaissance vous devenir aussi utile et satisfaisante qu'elle est indispensablement nécessaire! Vous y apprendrez à vous faire une leçon de leurs opinions, de leur conduite et des expériences faites aux dépens d'autrui. Les jugements que portera là-dessus votre respectable oncle, affermiront le vôtre. Ses réflexions même seront pour vous des canevas dont vous ne sauriez faire une trop grande provision; ce qui serait enfin, pour un tout autre, l'objet d'une analyse pénible et difficile, deviendra pour vous à [avec] son aide une synthèse facile à concevoir et à vous en faire une règle.

Attachez-vous surtout à l'examen des branches différentes de l'administration intérieure. Cette étude vous fournira plus d'un moyen de bien mériter de la patrie par ceux que vous mettrez en œuvre pour contribuer à sa gloire et à son plus grand bonheur. Ministre ou législateur, il vous sera également aisé d'en remplir les fonctions d'après les vœux de votre propre cœur. Il ne s'agit que de se mettre bien au fait de la besogne.

Je vous conjure instamment de m'instruire de temps à autre des positions différentes dans lesquelles vous vous trouverez. Je m'intéresse trop vivement à ce qui vous regarde pour ne pas désirer de vous savoir d'abord au mieux, et puis de vous savoir occupé. Vous avez tout ce qu'il faut pour l'être utilement pour les autres et agréablement pour vous-même.

M. Koch m'a rendu votre lettre de Paris. Vous connaissez, je pense, trop bien mes sentiments, pour être persuadé des droits que vous avez eus. Son élève ne me paraît pas devoir remplir un jour le vide des gens de mérite qui se trouvent encore dans notre chère patrie. Et ils lui sont si nécessaires encore!

Le courrier de Varsovie que je n'attendais plus, vient enfin d'arriver hier matin, 12 jours plus tard que la poste ordinaire. Il n'eut pas plus à se louer de mon accueil que moi de son expédition. Je vous suis, on ne peut pas plus obligé, de la lettre charmante dont vous l'aviez chargé. Elle est pour moi du prix que je mets à votre chère amitié. Il n'y a rien que je ne fisse [fasse] pour me la conserver à jamais. Le tableau de votre voyage m'intéresse par plus d'un trait. Le départ de la Landgrave n'est plus un secret. Dieu veuille qu'il devienne époque heureuse dans les fastes d'un des plus grands empires. Il me tarde déjà d'en voir les augures. On dit que celui qui y joue le premier rôle commence à en désirer le dénouement, qui en sera un pour plus d'une affaire. Dans peu vous en saurez davantage vous-même.

Embrassez de ma part M. de Saldern. Il m'est impossible de lui écrire aujourd'hui moi-même; братъ его, сказываютъ, отмѣнился къ своему милостивцу и пристаетъ къ другимъ. Правда ли, точно не знаю, но жалѣлъ бы я о томъ очень много: поступки такіе отвращаютъ добродѣтельныя сердца отъ благодѣянія другихъ, заставляя дурно думать о непостоянности человѣческой.

Votre maman vous aime et [vous] estime toujours bien véritablement. Sa santé est toujours délicate. Elle va avec moi à Bri-

stol pour 2 ou 4 mois; mais partout où je serai, vous aurez sûrement un ami aussi sincèrement zélé qu'un serviteur bien attaché et très obéissant. Adieu, portez-vous bien et soyez heureux.

Ces pièces seraient autant de mémoires rassemblés dans un [au] point de vue le plus intéressant et souvent instructif. Ce ne serait cependant pas pour vous qui pouvez puiser à la source tout ce que la sage activité a pu joindre d'expérience et de réflexion à l'esprit le plus propre pour les grandes choses. Tenez-vous-y encore quelque temps, jusqu'à ce que votre ancienneté même vous fasse obtenir la clef. Vous en aurez, vers ce temps-là, celle de plus d'une Cour. Alors, allez en faire un usage modéré dans celle qui vous paraîtra la plus propre à vos intentions. Il vous faut, de nécessité, celle qui vous offrira le plus de travail. Il vous en faut tant pour vous-même que pour les affaires qui vous seront confiées. Le plus grand art, à mon avis, ne consiste que dans celui de ne pas les gâter. C'est cependant l'écueil contre lesquels plus d'un négociateur a échoué. Le second, c'est de n'avoir pas plus d'habileté qu'il n'en faut pour la chose en question, et de se tenir autant qu'il est humainement possible aux règles d'une probité rigoureuse.

Ce n'est que pour satisfaire à l'envie que vous paraissiez avoir, de savoir là-dessus mes idées, que je vous les ai exposées avec toute la naïveté dont mon cœur et mon amitié peuvent être capables. C'est à vous à ne les considérer que de [qu'à] ce point de vue. Je sais qu'elles seraient fautives si je voulais les étendre. Il me faudrait savoir plusieurs circonstances; il faudrait même que vous déterminiez plus positivement l'objet sur lequel vous voulez savoir mon sentiment.

Il y a déjà bien longtemps que je vous ai disculpé auprès de la duchesse de Northumberland. Ses reproches ne peuvent que vous plaire; c'était le plaisir de vous revoir à Paris qui l'a [lui a] fait sentir votre retraite.

Je désirerais fort que mon beau-frère puisse accepter votre proposition. L'espèce de faveur dont il jouit auprès du nou-

veau souverain est une illusion qui ne [se] dissipe qu'avec peine. Il s'en joint encore une autre qui me paraît être plus sensée, c'est le souvenir des services par lesquels ses ancêtres se sont distingués en Suède. Je ne blâme pas son zèle de suivre leurs traces. Je me flatte cependant que ce ne sera jamais contre la Russie. Hélas! les beaux jours sont passés et la Suède a joué son rôle; elle partage cette destinée avec Rome même.

Que je voudrais assister, quand même de loin, aux nœuds que forme le Grand-Duc, l'objet le plus chéri des vœux de tous les Russes. Puissent-ils être accompagnés de toute la félicité et faire celle de toutes les Russies!

Votre bonne-maman a été tout attendrie à [de] tout ce que son aimable et le plus chéri de ses enfants lui témoigne d'amitié et d'intérêt pour son bien-être. Aussi vous en conserve-t-elle à jamais un souvenir aussi tendre que rempli de reconnaissance.

Mme Lyle n'est pas encore de retour de Spa. M. Towenshend parle encore toujours de vous avec autant d'estime que d'amitié. Melo se cache à Amsterdam tant pour avoir contracté des dettes que pour avoir négligé son aumônier qui ne lui a pas fait de bons offices auprès [de] ce tribunal qui serait ridicule s'il était moins terrible.

Le baron Diede a manqué perdre sa femme charmante et tout aimable. Lady Barimor est veuve; et la belle Henriette est encore sans amant.

1170. Le prince Alexandre Kourakin—au comte Nikita Panine.

Berlin, 26 avril (7 mai) 1773.

Je n'ai à vous informer aujourd'hui que de notre arrivée à Berlin. Le temps qui s'est écoulé depuis le moment de notre départ de Paris est un témoignage convaincant que nous avons voyagé le plus commodément qu'il nous a été possible. Notre unique point de vue a été le maintien de la convalescence du

comte Chérémétev, qui, grâce à Dieu, commence à se porter au mieux. La réalité lui prouve que rien n'a pu lui être plus salutaire, que de changer la façon de vivre encoffré, que lui prescrivaient ses Esculapes. L'exercice et le grand air lui font tout le bien auquel nous nous sommes attendus.

Les Cours de Manheim et de Darmstadt nous ont arrêtés pendant quelques jours. J'y avais déjà été il y a cinq ans, et j'ai vu avec une satisfaction inexprimable qu'on daignait s'y souvenir encore de moi. Rien ne m'est plus précieux que de pouvoir vivre dans le souvenir des autres, surtout si je puis y parvenir par les moyens que me suppéditent [suggèrent] mon empressement et mon avidité à réussir. On nous a comblés de politesses dans tous ces deux endroits. Le dernier a été plus brillant qu'à l'ordinaire à l'occasion du margrave de Bade-Dourlach qui y était venu avec sa famille pour prendre congé de sa belle-sœur. J'ose dire que les louanges, qu'on prodigue à ce prince, ne sont pas surchargées. Une modestie extrême, des lumières très étendues, et un abord fort affable, lui gagnent tous ceux qui le connaissent, sans être dans le cas d'éprouver la bienfaisance de son caractère. Dans ses Etats, quoique très limités, il fait régner la félicité et l'abondance; il connaît les droits de l'humanité et sait les respecter.

C'est aussi avec un contentement particulier que j'ai renouvelé mon ancienne connaissance avec M. d'Assebourg. J'ai considéré en lui votre ami et l'homme de bien, a qui ce nom flatteur est assuré par les suffrages universels. Autant qu'il m'a paru, l'état de sa santé n'est pas des plus fermes. Il se plaint beaucoup d'une goutte volante, fondant un grand espoir sur les bains d'Aix-la-Chapelle, dont il compte faire usage cet été.

Le hasard nous a favorisés à Potsdam. Nous y avons vu le Roi à la tête de la garnison, lui faisant faire ces manœuvres admirables qu'il a pour ainsi dire créées et qui, seules, sans le bonheur qui l'a accompagné dans sa pratique, le font reconnaître pour le premier guerrier, pour l'Alexandre du siècle. On dit la princesse de Prusse de nouveau enceinte.

1171. Le prince Alexandre Kourakin—à l'ambassadeur comte de Saldern.

Berlin, 26 avril (7 mai) 1773.

J'ai à vous rendre compte des particularités de notre voyage. m'en acquitterais avec empressement si je ne savais pas e M. votre frère m'a [eût] prévenu à différentes reprises et à sure que nous avancions. Que ce temps ne vous étonne point. faut considérer que nous avons employé tous les moyens ssibles pour ne pas interrompre le cours de la convalescence comte Chérémétev, en l'échauffant ou en le fatigant l à propos. En France, nous sortions ordinairement à neuf ures du matin, et nous entrions dans nos gîtes entre les is à quatre heures de l'après-midi, mais dès que nous eûmes gné les chemins pierreux et détestables de la Hesse, la nécesé nous obligea de nous mettre en route vers les sept heures matin, et, souvent, pour faire sept milles, nous devions sacrir onze à douze heures, et, encore, être criblés de coups. Les principales villes, par où nous avons passé, nous ont pris acune quelques jours. Nous nous sommes arrêtés aussi aux urs de Manheim et de Darmstadt. J'y avais déjà été par vos ntés, en 1768, et j'ai vu avec une joie infinie qu'on ne m'y ait pas entièrement oublié. On nous y a comblés de polisses et d'attentions. Vous pouvez vous souvenir quelle opinion i toujours eue de l'électeur palatin, et je m'y confirme de s en plus. Comme particulier il serait charmant; ces quali augmentent de prix quand elle sont accompagnées des érogatives de souverain. L'électrice, depuis que je ne l'ai e, a beaucoup changé, si j'ose le dire, à son avantage. Elle est plus si hautaine, et met infiniment plus d'affabilité dans ccueil qu'elle fait aux étrangers.

Le jour que nous fûmes présentés, nous rencontrâmes au âteau le célèbre Radzivil, palatin de Vilna, avec deux ses frères et un cousin du même nom. Dès qu'il eut appris i nous étions, il ne manqua point de se tordre la moustache. . de Klingstet, qui nous y avait précédés, se trouvant

à l'Opéra, à ce qu'on raconte, excita la curiosité de ce polona enthousiaste qui, apprenant qu'il était au service de la Russi porta, d'abord, par une bizarrerie inconcevable, la main à so sabre. Il semble bien déchu de sa grandeur passée; conte d'avoir le nécessaire, il ne fait aucun étalage d'ostentatio hors celui de son opiniâtreté, qui, même aux yeux des pe sonnes indifférentes, n'éclate que trop dans tous ses discour

De mon temps est aussi arrivé à Manheim un envoyé d Bavière pour régler, à ce qu'on prétendait, la négociation d mariage du prince Charles des Deux-Ponts avec la princess Amélie de Saxe. Les deux électeurs le marient en dép du Duc qui, tout français dans l'âme, en allait retiré la pr messe de ne pas abandonner le célibat, et, réunissant au con traire toute son affection sur son neveu cadet Max, avait ét sur le point de contracter une alliance entre lui et Mlle Lam besc, fille de Mme de Brionne. Les deux Cours électorale qui n'avaient été consultées que fort tard, n'ont pas cru c parti assez illustre pour vouloir revivre dans la postérité q en sortirait; c'est effectivement une branche de la maison d Lorraine assez éloignée de la tige souveraine.

Mme la landgrave de Darmstadt nous a témoigné mill bontés. Je m'en rapporte sur tous les éloges qu'elle mérite à l voix publique qui, d'ordinaire, est si infaillible dans ses juge ments. La réputation de cette princesse est généralement éta blie. Aimée pour la bonté de son cœur et admirée pour so esprit, elle fait les délices de sa famille et de son pays. L Landgrave paraît avoir placé en elle une confiance sans born quant à l'administration de ses Etats. Elle est aidée par le conseils de M. de Moser, actuellement son conseiller privé jadis conseiller aulique, et qui, à la qualité de bon juriscon sulte, joint celle de littérateur éclairé. Il ne me convient poin de prononcer sur ses ouvrages, j'en ai lu quelques-uns, e j'ose être de l'avis de la multitude qui, autant qu'il m'es connu, n'en juge pas défavorablement. J'ai eu l'avantage d faire mes études à Leyde avec le prince héréditaire. Nous avi

s les mêmes collèges, et chez les mêmes professeurs, et dans s heures nous nous succédions alternativement. C'est le meil-ur prince du monde. La trempe de son âme est excellente. préfère l'amitié au respect, il ne gêne personne, et évite, ns le commerce qu'on peut avoir avec lui, toutes futilités ieuses. Ayant obtenu depuis deux ans le brevet de colonel service des Etats généraux, il a fait son possible pour y heter un régiment, mais je crains presque que les difficul-s qu'on lui en a faites, ne l'aient un peu attiédi à leur égard.

1172. Le comte de Saldern—au prince Kourakin.

Altona, 10 (21) mai 1773.

Je viens de recevoir votre chère de Stargard Vous 'y témoignez que vous sentez tout ce que votre conduite a d'irrégulier sur le chapitre que vous savez. Quoique tout la n'est [ne soit] pas un baume qui puisse guérir les plaies e vous avez laissées dans mon cœur dans un moment déli-t pour tout homme sensible, je m'en contenterai pourtant ur le moment; mais je vous avoue en même temps que si us voulez avoir mon estime, il n'y a que votre conduite qui isse m'y engager. Vous savez, et le tout, le public le sait, e je vous ai aimé et que je vous aime. Mais, cher ami, ns un âge où vous êtes, il faut aussi forcer vos amis à vous timer, sans cela la base de toute amitié ne vaut rien et 'éteint insensiblement. Je vous ai trop dit dans ma vie pour us le répéter aujourd'hui; mais je ne saurai, malgré tout cela, sez vous conseiller d'être en garde contre votre faux point d'hon-eur, contre la trop grande présomption de vous-même, contre tre mauvaise économie et contre votre légèreté.

J'aurais presque oublié votre langue indiscrète; défiez-vous-et fiez-vous sur un ami qui vous connaît si bien. Quels re-ords pour vous et quels chagrins pour moi si toutes mes peines, es soins et mon zèle devaient être infructueux. Je vous jure et

je vous proteste devant Dieu que le bonheur ou le malheur d mes jours est si lié avec celui de ceux pour lesquels je me suis s vivement intéressé que toute ma tranquillité intérieure en dé pend. Vous, Messieurs, vous seuls, chers amis, vous ferez ou l douceur ou l'amertume de ma vie. Pensez à vos remords, pen sez à mes chagrins et aux soupirs qui monteront sûrement de vant le trône d'un Dieu juste et vengeur. Ah! qu'il vous con duise sur le pavé glissant où vous devez marcher. Le cœu me saigne dans le moment, et la plume me tombe de la main quand j'y pense. Ne craignez rien, cher ami, de ma façon d penser. Je suis incapable de vouloir, encore moins de fair du mal à ceux que j'aime. Tout dépend de votre propre pru dence. Je hais le métier de rapporteur, mais je dis sans far à mes amis tout ce que l'amitié et mon devoir me dictent sauf à eux d'éviter tout chagrin eux-mêmes. Fiez-vous là-des sus. Mon cœur n'est pas capable de cette bassesse de faire d mal quand on ne peut pas faire du bien.

Sur tout ce qui me regarde je me tais aujourd'hui, ma je vous en parlerai une autre fois. Adieu, mes vœux vou accompagneront tous, et je suis presque au tombeau.

1773. La comtesse de Kaïserling—au prince Alexandre Kourakin.

Schlodien, 13 (24) mai 1773.

C'est bien avec regret que je me vois [voie] privée du plais de vous témoigner moi-même, à votre passage par Kœnigsber combien je suis sensible au désir que vous avez témoig avoir à Berlin, dont M. de Klingstet m'a fait part de me procurer l'agrément de pouvoir parler avec un aimab et proche parent de ma tendrement aimée amie la comtess de Panine.

L'attente de l'arrivée de S. M. le roi de Prusse dans ce contrées nous y enchaîne au point de ne pouvoir en bouge et nous fait, par conséquent, manquer l'avantage de vous rec voir dans notre maison qui a celui d'être, par excellence, l

artier de nos amis de Russie, et où je vous aurais fait loger, n gré mal gré, si j'avais été en place. Me voyant frustrée e ce plaisir, vous voudrez bien, mon Prince, agréer que, our m'en dédommager en quelque façon, je vous envoie les eux incluses ci-jointes, en vous priant de les faire parvenir leur destination, et que je vous supplie de me rappeler avec on mari, qui vous présente ses attentions parfaites, au souenir de LL. EE. vos deux oncles, les deux comtes de Panine, celui de la Princesse votre respectable grand'mère, de tous os parents et de toutes mes connaissances en Russie, en ssurant que je conserverai une éternelle reconnaissance des mitiés qu'on m'a témoignées dans un pays que j'aime comme a patrie.

1174. Le prince Alexandre Kourakin—au comte de Saldern.

Königsberg, 13 (24) mai 1773.

Dans ma lettre de Stargard je vous avais promis, mon her ami, de vous écrire de Dantzig; vous sentez bien que par à je me procurais un vrai plaisir, mais il m'a été de toute mpossibilité de remplir cet engagement, si précieux et si nécesaire à mon cœur.

Les visites du comte Golovkine, de M. de Rehbinder, e toutes les personnes qui sont attachées à leurs chancelleries, ous ont pris un temps infini; le délassement du voyage, le îner, les arrangements avec les voituriers nous ont rempli s autres moments. A présent vous ne nous reconnaîtriez plus. onteux de notre marche d'écrevisse, nous sommes devenus es voyageurs dans toutes les règles. Huit jours nous ont suffi e Berlin à Dantzig. Une estafette nous a toujours devancés usqu'au gîte déterminé pour la nuit suivante, nous nous levions cinq heures du matin, nous partions avant six, et quelquefois dix heures du soir nous étions encore à la belle étoile. Que e métamorphoses opérées par le cri puissant de la nature,

par l'impatience d'être au sein de sa patrie, d'arriver enfin à un port calme, tranquille, après une navigation de plus de trois ans.

La santé du comte Chérémétev va à merveille; il dort bien, il mange encore mieux, et il ne parle de sa maladie expirante que dans ses instants de grand loisir; nous y venons quand la conversation commence à tarir. Vous pouvez être assuré qu'il est en très bon train. Point d'inquiétudes, mon cher ami, l'air, les parfums de la verdure naissante, toute la saison actuelle lui servent de cure excellente. Nous ne sommes pas venus le long du Frische-Haff et par conséquent pas par Pillau; le roi de Prusse depuis sa prise de possession de cette partie de la Pologne, que lui assuraient ses anciennes prétentions, a établi une nouvelle route de poste par Elbing, et c'est celle que les voituriers doivent également suivre. Douze chevaux de Dantzig jusqu'ici nous ont coûté seulement trente-six ducats. Nos gîtes étaient assez médiocres, sans chercher le superflu, on avait peine d'y trouver le nécessaire, c'étaient des cabarets de pays sans consistant en une chambre fort longue, où tout le monde devait être pêle-mêle, et en un petit cabinet très mesquinement meublé; avant-hier le jeune Chérémétev et Tyr ont été obligés de dormir, l'un dans la voiture, l'autre dans une charrette remplie de paille. J'ai eu un très bon lit, ainsi que notre ancien compagnon. Cependant mon voisinage a eu une influence sur son sommeil; il a prétendu avoir constamment veillé par la crainte de m'incommoder. Je l'ai beaucoup remercié pour son attention, mais je l'ai en même temps prié de ne pas en faire usage à l'avenir, qu'elle était entièrement inutile à mon égard.

Je crains fort que nous soyons plus mal ces quatre premières nuits; nous avons à traverser les sables arides et profonds du Curische-Haff, et il n'a presque point d'habitants, excepté de pauvres pêcheurs. Dans neuf jours nous sommes à Riga, et dans seize ou dix-sept au plus à Pétersbourg. Sentez-vous, mon cher ami, combien ce calcul m'est avantageux, je

aignais, au commencement, de ne pouvoir profiter de la St-Pierre, tandis que selon notre compte actuel nous arriverons uatre semaines avant. Il me tarde de vous donner des avis ertains sur ma réception, sur la position présente de notre ublic, et de quelle façon je m'établirai pour exécuter les beaux rojets que vous me connaissez. L'assistance divine doit protéer et conduire toutes mes démarches; c'est elle que j'implore, 'est elle qui m'assistera! Avec les principes que vous m'avez nculqués, avec les dispositions que la nature a pu m'accorder eut-être, j'espère que le reste ira assez bien. Consolez-vous, on cher ami, cessez de vous inquiéter. Je vous ai déjà informé ue mon héros se prend dans toute sa conduite le mieux du onde. Il continue d'une façon à gagner tous les jours, non-seulement dans mon esprit qui peut être prévenu en sa faveur, ais dans celui des gens les plus rigides et les plus impartiaux. l ne me laisse qu'à former un seul vœu, celui de le conserver. Que je serais content, si de pareilles nouvelles vous faiaient changer de façon de penser sur le choix que j'ai pu aire, porté par tant de motifs!

A moins d'avoir trop d'embarras, je vous écrirai encore de iga, sans quoi vous ne recevrez de mes lettres que de Pétersurg. Informez-moi, où vous avez été, de ce que vous faites, e ce que vous comptez faire! Je ne veux point le savoir ar curiosité, c'est par le vif intérêt que je prends à vous.

1175. Князь Александръ Куракинъ—княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ Куракиной.

1773 г. мая 14 (25). Кёнигсбергъ.

Милостивая государыня бабушка. Давно къ вамъ писать ести не имѣлъ, но моему молчанію не что иное, какъ размноенные дорожные, отъ одного времени до другого откладывающіеся сборы, а потомъ и дорога сама, причиною были. Благодаря Бога, всегда здоровъ, и къ восчувствію совершеннѣйшаго въ моемъ настоящемъ положеніи удовольствія и благоенствія, по душевно искреннимъ съ ближними и друзьями въ юбезной отчизнѣ объятіямъ, ничего недоставать не будетъ.

Нынѣ долженъ я исполнить наложенную мнѣ коммиссію от его королевскаго высочества принца Гейнриха. Въ свиданіи с мною съ жадностью о васъ освѣдомлялся, каковы въ своем здоровьѣ, съ какимъ намѣреніемъ въ Петербургъ пріѣзжали, особливо поручилъ себя въ вашей возобновить памяти. Учти вость его на однихъ осталася словахъ. Въ оправданіе надобн его то сказать, что тогда ученіемъ своего полка въ Спанда былъ упражненъ и временно въ столицу пріѣзжалъ. Напротив того, въ первое мое въ Берлинѣ пребываніе, тому семь лѣт назадъ, у него я два раза ужиналъ.

Большая часть старыхъ моихъ знакомцевъ нашла мен очень перемѣненнаго, особливо въ ростѣ и толщинѣ, увѣря что съ трудомъ, выключая главнѣйшихъ лица чертъ, мен узнать можно. Ласкою и благопріемомъ всѣхъ довольно н нахвалюся; всѣ старалися насъ удержать до главныхъ королев въ окружностяхъ столицы надъ тридцатитысячнымъ войском учиняемыхъ смотровъ. Но пріѣздъ за нами посланнаго майор Тира нашу нерѣшимость рушилъ и всѣ желанія къ одно предмету съ новымъ обратилъ стремленіемъ: все покинул все бросили, поскакали, куды меня влечетъ мое сердце, м душа, куды влекутъ всѣ мои чувствія.

Князь Володимеръ Сергѣевичъ всю цѣну ваши благодѣяній и, сколько по рѣчамъ судить можно, во всей пр странности чувствуетъ. Перемѣны большой въ немъ не нашел очень потолстѣлъ, изрѣдка летучею мучится подагрою, а в прочемъ хотя въ довольномъ уваженіи, однако живетъ весь скудно, и по всему домашнему распорядку великій его нед статокъ примѣтенъ. Правду сказать, будто въ чужихъ кра все дешево, неосновательно у насъ вздумали: осемь тысяч обыкновеннаго жалованья только что на необходимости мин стру станутъ. Посланническія мѣста, съ одной стороны, пол чающею честью лестны, а съ другой стороны всего разор тельнѣе, и кто излишняго родительскаго не имѣетъ иждивен тотъ къ совершенной своей ихъ испрашиваетъ погибели. Може мнѣ отвѣчать: на что пышно жить? на что сверхъ свои

...аться силъ? никто не поможетъ и спасиба не скажетъ. Но ...вольте взять въ разсужденіе самолюбіе каждаго, умаленіе ...стать отъ своихъ ровныхъ, или, лучше сказать, ими быть ...мрачену, слыть скаредомъ и скупцомъ и важно-лестнѣйшими ...оего чина не наслаждаться пріятностями.

Отъ князя Николая Васильевича утѣшительныя изъ ...ондона имѣю письма. Онъ, благодаря Бога, въ лучшее своего ...оровья состояніе приходитъ, и теперь въ сборахъ къ отъѣзду ...ъ Спа. Онъ меня ласкаетъ точнымъ своимъ нынѣшнею осенью ...звращеніемъ. Признаюсь, милостивая государыня, видя по...ѣднее большое въ арміи производденіе, сердечно болѣлъ, что и ...ю въ числѣ обрадованныхъ не нашелъ. Касательно до разныхъ ...стоинствъ, безъ пристрастія сказать можно, что своимъ, отъ ...го теперь ушедшимъ сверстникамъ ни въ чемъ и никакъ не ...ступаетъ. Ежели не ошибаюся, онъ долженъ первымъ гене...лъ-поручикомъ остаться. Сколь ни отличенъ, сколь ни лестенъ ...й чинъ, всѣ вѣроятности къ тому ведутъ, что онъ не такъ ...оро еще изъ онаго выступитъ.

Придворному производденію сердечно радуюся. Пожалова...е старшихъ во всякомъ чинѣ новая надежда, какъ и прибли...ніе къ равной пріятности тѣмъ, которые за ними стоятъ. ...ю перемѣною мой Николай Петровичъ находится вто...мъ камеръюнкеромъ, а я еще тринадцатымъ. Конечно, не ...й предметъ въ надлежащей сего званія праздности вѣкъ ...ой провести: чту себя къ важнѣйшимъ и отечеству большую, ...жетъ быть, приносящимъ пользу упражненіямъ. Моя добрая ...ія, со временемъ долженствующая умножиться по силѣ удачи ...ихъ предпріятій, и покровительство моего милостиваго отца ...ѣ противляющіяся моему счастію препоны, надѣюся, превоз...гутъ.

Отсюда до Риги беремъ фурманщиковъ, которые отчаятельно ...го насъ повезутъ: не прежде десятаго дня туды поставить ...ять; а отъ Риги, въ разсужденіе тихой нашей ѣзды, по ...йней мѣрѣ, осемь или девять до Петербурга надобны будутъ. ...ереметевъ съ нами пять дней только остаться считаетъ.

Онъ къ отцу спѣшитъ, и сіе влеченіе въ глазахъ всѣхъ наип(хвальнѣйше быть должно. Сколько онъ счастливъ!

Я съ одною частью моей родни увижуся, а другая вс будетъ въ несносномъ отдаленіи. Жребіемъ своимъ опредѣлен я жить во всегдашней разлукѣ съ тою, которая жизнь мн даровала, съ тою, которая прямой источникъ всего моего бл гополучія, съ тою, однимъ словомъ, въ которой я нахожу мать, и друга, и милостивицу. По симъ признакамъ узнай себя, милостивая государыня; кто мнѣ васъ дороже быть м(жетъ! Мое твердое намѣреніе, пробывъ недѣль шесть и мѣсяца два при дядюшкѣ, выпроситься на 29 дёнъ къ вам Я надѣюся изъ его ко мнѣ милости, что на мое нетерпѣливо желаніе согласится, только, съ своей стороны, пожалуйте, мен подкрѣпите. Вамъ онъ еще менѣе откажетъ, нежели мнѣ Хотѣлось бы очень въ первыхъ августа числахъ выѣхать, изъ Москвы къ Александрову дню быть возвратну. Впрочем все на вашу ко мнѣ любовь предоставляю.

1176. Le prince Alexandre Kourakin—à la princesse Agrippine Kourakin.

Kœnigsberg, 14 (25) mai 1773.

Avant de venir à Berlin nous avons passé à Darmstad La Landgrave a eu mille bontés pour nous; l'événement q est sur le point d'éclore semblait les faciliter. C'est une princes des plus respectables. A présent elle est à Berlin avec sa f mille, et je crois que vous ne tarderez pas de l'avoir bient dans votre voisinage. De mon temps, il n'était pas encore d cidé si elle irait par mer ou par terre; le roi de Prusse devait déterminer.

Je ne dis rien sur les trois princesses ses filles; m pinceau n'augmentera point l'éclat des couleurs du table qu'on vous en fera après leur arrivée. Si elles ne so point des beautés accomplies, elles ont des qualités infinimen plus durables et plus estimables. Toutes les trois sont dest nées à être femmes excellentes, bonnes mères, bonnes amie

e éducation soignée, une grande bonté d'âme, de l'esprit, la vivacité, valent bien, je crois, ces vains attraits, que re faiblesse encense, dont le sexe est si fier, et qu'une cou-, qu'un accident, qu'une maladie peuvent effacer et ternir amais.

Une telle femme est un trésor rare, et que peut-on dé-r de plus pour le bonheur de la vie! Je juge d'après mon pre cœur. La contagion vicieuse du siècle m'effraie, et si le arrive un jour que les circonstances me déterminent à isir, je ne choisirai certainement que d'après les idées que vous communique.

1177. Le prince Alexandre Kourakin—à M. Kroock.

Memel, 16 (27) mai 1773.

Deux mots seulement, mon cher ami; je n'abuserai point votre complaisance. Je me porte bien, je m'ennuie un peu la longueur et des incommodités du voyage, et je vous e toujours tendrement. Vous aurez la bonté de remettre e incluse à mon cher oncle; il est de mon devoir que je donne de mes nouvelles. Pourriez-vous me faire le plaisir tercéder auprès du comte de Munich, et en obtenir qu'il ne ordonner à ses douaniers de venir, quand j'arriverai, z moi, pour visiter mes effets; ce me serait une grande modité, et je vous en aurai la plus grande obligation. A départ, sur une lettre que je lui ai écrite, il a eu cette tesse; j'espère, qu'à mon retour, il voudra être également . Entre nous soit dit, je compte vous voir dans quinze rs d'ici, si aucun accident imprévu ne vient déranger notre . De Riga je vous fixerai le jour précis de notre arrivée. s êtes du nombre de ceux pour lesquels je n'ai rien de é. Trop votre ami, je me ferais un scrupule de ne pas vous e participer à la joie que cet heureux instant portera dans cœur.

J'ignore encore où je dois loger à mon débarquement; voilà grands inconvénients de l'orphelinage [d'être orphelin]! J'ai prié

M. de Saldern, qu'il daigne m'accorder un coin dans sa maiso comme à son nourrisson, à son élève, à son ami, en attenda que mon oncle ait daigné prononcer sur mon sort. Sous quel q toit que j'habite, je serai partout au sein de personnes qui me so très chères, et par conséquent partout très bien. Je n'ai a cune inquiétude à cet égard; je suis sûr de la tendresse mon père et des soins vigilants et officieux de mon bienfa sant ami. Ils s'arrangeront entre eux, et tout sera réglé ava que je paraisse. Je serais cependant charmé de savoir, d'avanc le résultat de leur décision. C'est vous, mon cher ami, q j'ose charger de m'en informer. Vous avez tant fait pour m que vous ne me refuserez point cette dernière marque d'am tié. Que votre lettre m'attende à Narva chez le maître poste. Je volerai moi-même pour la retirer, je la dévorer et, à présent déjà, je l'attends avec une vive impatience. I général, point de réserve, point de retenue, dans cette lett qui fait la clôture de notre correspondance, marquez-moi, vous en conjure, tout ce que vous me croyez utile et néce saire, comptez sur ma discrétion, et abandonnez votre plu à l'impulsion de votre sincérité; soyez, en un mot, ami da toutes les formes et dans toutes les règles.

1178. Le prince Alexandre Kourakin—au comte Nikita Panine.

Memel, 16 (27) mai 1773.

Me reposant autant sur vos bontés paternelles qu'empêc par la crainte de vous dérober un seul instant de vos occu tions si multipliées et importantes, si glorieuses à vous-mêm si nécessaires au bien de l'humanité, si utiles à la patrie, n'ai pas eu l'honneur de vous écrire de Dantzig, mais je suis acquitté de ce devoir envers M. de Saldern, le sach plus maître de son temps que vous, et toujours empressé vous communiquer ce qu'il peut savoir de relatif à notre so Nous sommes restés dans cette ville un seul jour, et enc ne comptions-nous point sur ce sacrifice, si les attentions q

. de Rehbinder a bien voulu nous témoigner ne nous y aient en quelque façon obligés.

Le comte Golovkine, que j'y ai trouvé, m'a paru pétré de la plus vive reconnaissance pour vos nouveaux bienits. Vous considérant comme son grand protecteur, il m'a veloppé non équivoquement les dispositions de son âme par façon sincère et amicale, dont il s'est comporté vis-à-vis de oi. J'ai une lettre de sa part à vous remettre, mon tendre re, mais je dois choisir un instant où vous serez seul, et où pourrai prendre la liberté de vous en parler avec une certine étendue.

Des voituriers nous ont conduits à Kœnigsberg, en quatre urs, par Elbing. Cette route que je n'avais jamais faite, m'a rni l'accès à mille réflexions. Ce que je savais d'avantageux r la Prusse occidentale m'a engagé d'être un peu attentif en passant. Je suis enchanté de tout ce que j'ai vu. Mon cœur été réjoui, et mes yeux ont été égayés. Tout y annonce pulence et la prospérité des habitants, la solidité de leurs meures, la fertilité des terres, l'industrie de leurs cultures, débouchés sans nombre pour leurs différentes productions, cordés par la nature, entretenus par l'art. Depuis mon dért de ma chère Hollande, je puis fermement avancer que je n'ai s joui d'un pareil spectacle. Il m'a semblé rencontrer une semblance assez frappante entre ces deux pays, surtout dans physique, car, pour le moral, la superstition monacale, trop fondément enracinée encore en cette nouvelle acquisition de Majesté Prussienne, y met un obstacle considérable; je ute, d'ailleurs, que leurs principes en fait de religion, de torance, de liberté, et même de politique soient absolument plus approchants. Il vous est connu, Monseigneur, quel est sor favorable et si étendu dans ses influences, que le gounement républicain donne à tous ses sujets.

Après avoir passé un jour et demi à Kœnigsberg pour nner un petit relâche à mon compagnon, nous voilà enfin à mel. Nous sommes arrivés ce soir et nous partons demain

matin. Dans six à sept jours nous espérons d'être à Riga, e dans quinze, au plus tard, à Pétersbourg. A quels élancements à quelle joie, à quel délire de ravissement se prépare déjà mo cœur! Votre propre sensibilité peut seule vous en faire le ta bleau. Ma plume ne vous en crayonnerait qu'une ébauche trè imparfaite.

1179. George-Charles, landgrave de Hesse-Cassel,—au prince Alexandre Kourakin.

Darmstadt, 18 (29) mai 1773.

J'ai reçu, avec le plus sensible plaisir, le 17 de ce moi votre charmante lettre écrite à Berlin dans laquelle vous m donnez de nouvelles preuves d'amitié, et qui est d'un sty bien propre à servir de modèle dans son genre. J'y aura certainement répondu incessamment, si je n'avais été mala pour lors, même à garder le lit pendant quelque temps. Out les remercîments que je vous dois déjà d'une aussi gran exactitude et complaisance, je vous ai aussi l'obligation de m prompte guérison par le plaisir qu'elle m'a causé, vu la for qu'ont sur mon esprit toutes les choses qui me viennent d vous et l'influence de celui-ci sur le corps. Tout de bon, m imagination agitée auparavant par la chaleur du sang, devin sur les nouvelles d'un aussi digne et estimable ami, calme tranquille; elle se rapprochait de vous, et cette agréable id perfectionna l'effet des médecines et me rendit la santé. S chant donc, mon Prince, la vertu bienfaisante de vos lettr sur moi, vous voudrez bien, je me flatte, m'en honorer so vent, ne doutant pas qu'elles aient le pouvoir préservatif comm celui de guérison.

J'étais bien triste de n'avoir pas eu l'avantage de vous ve à Francfort; je m'en étais fait une fête avant de partir d'ici, no aurions au moins très fort desiré que vos aimables compagno de voyage (au souvenir desquels je vous prie de me rappele ne nous eussent pas refusé le souper, mais le guignon no en voulait pour ce soir-là à vos égards.

Les manœuvres dont vous faites mention, exécutées par es gardes du Roi, doivent avoir été de toute beauté pour le pectateur, je peux m'en former quelque idée par celles que e leur ai vu exécuter. Cependant, permettez-moi de faire quelques petites remarques au sujet du grand Frédéric, qui, comme ous dites, mon Prince, est à comparer certainement au grand Alexandre, tant par son bonheur que par son esprit des conuêtes, et ses troupes le sont à la phalange macédonienne si antée dans l'histoire. Je trouve, même, que, pour la science de a guerre et ses autres grandes qualités, le monarque européen urpasse infiniment le conquérant de l'Asie. Mais, par contre ussi, vous voudrez bien convenir que si le prince Henri, frère e notre héros, qui n'a fait encore aucune faute à la guerre, 'est pas à lui préféré, qui en a fait beaucoup, au moins ne i céde-t-il en rien, et, quoiqu'on n'en puisse dire autant du rince Ferdinand de Brunswick que du prince Henri, l'on eut toujours assurer, sans contredit, que sans égaler le Roi bsolument il l'approche au moins de bien près.

Si je ne craignais pas de vous ennuyer en vous disant eut-être des choses que vous savez vous-même, et si je n'apréhendais aussi que vous m'accuseriez de prolixité sur cette atière dans une lettre, chose qui cependant serait inévitable our prouver ce que je viens de dire, j'aurais pris la liberté e vous faire part de mes idées conçues d'après le jugement e persones entendues et d'après plusieurs anecdotes particuères au sujet du grand Frédéric et des causes de sa randeur personnelle.

Je vous ai bien plaint des cent vingt visites faites à Berin, c'est toujours une rude corvée (mais surtout dans des arrosses aussi bien suspendus que le sont ceux de cette ville), t qui ne saurait [sauraient] être agréable [agréables] que quand n veut connaître l'intérieur d'une ville et qu'on n'a d'autre mps à employer.

Par rapport à moi-même, trouvez bon que je vous marque i ce que par vos bontés je désirerais apprendre concernant

l'affaire en question. Encouragé par vous-même, mon Prince qui avez bien voulu vous en charger si poliment tant à Darmstadt que dans votre lettre de Berlin, j'ose ainsi vous prier de bien vouloir, préalablement, ne faire autre chose que de tâcher d'apprendre, sous main, ce que je pourrais me promettre d'obtenir à votre Cour en général (soit grades, gages ou ce que vous voudrez), et ne faisant paraître le tout que comme une idée de votre part, ayant remarqué quelque envie en moi d'entrer au service, et, qu'étant de mes amis, vous désireriez savoir si cela pourrait s'arranger. Pour moi, du consentement de mes parents, je désirerais pouvoir obtenir le grade de colonel avec une pension ou gages desquels je pourrais vivre convenablement à tel endroit que l'exigerait mon poste (sans y suppléer beaucoup de chez moi, ne voulant pas être à charge à mon père). Mais vous voudrez bien ne me faire encore entrer pour rien dans ces informations, et garder un profond secret de toute l'affaire pour le public; c'est de quoi je vous prie très instamment pour le présent. Du reste, je n'ai rien à vous recommander de plus, n'ayant pu mieux me confier qu'à vous, mon cher Prince. J'en suis honteux pour les peines que je vais vous causer et glorieux à la fois de votre conquête..

Comme je ne connais du tout les coutumes de votre pays je veux premièrement apprendre par vous ce qui pourra se faire ou non pour moi, surtout avant de parler particulièrement du second point. Vous aurez, cher Prince, la bonté de m'en donner des nouvelles au plus tôt, quand même je ne serais plus ici, elles serviront à mes parents (qui me chargent de beaucoup de compliments pour vous et se flattent toujours de votre amitié qui leur est bien intéressante).

Je suis actuellement à faire des arrangements pour rejoindre mon frère (quand il me le mandera), qui est déjà depuis quelque temps à Berlin, et qui m'a proposé d'être de ses voyages qu'il va faire, entre autre aussi celui de la Russie. Je serai donc peut-être, bientôt assez heureux de vous revoir et de contempler de mes yeux le soleil qui anime le Nord et dont les rayons mer

veilleux pénètrent jusque dans nos climats et nous entraînent à l'admiration.

Puisque, ainsi, je me trouverai moi-même à l'endroit de mes attentes en question, il est très nécessaire que nous ayons quelque avertissement de ce que nous aurons à observer à notre arrivée à Pétersbourg, afin que nous ne gâtions rien à l'affaire, ni que nous manquions, ce qui serait très possible sans cela, dans des choses de coutumes nécessaires. Dans cette vue de nécessité, je me flatte que vous voudrez avoir la complaisance de me faire part de vos bons conseils sur ces points de conduite quand vous me ferez l'honneur de me répondre à la présente. Encore, si, par un hasard fatal que je ne prévois ni espère, je ne pouvais faire ce voyage, je vous supplie, pour ne pas retarder le train de cette affaire, de me marquer en même temps, ce que dans pareil cas, étant obligé de traiter par écrit, j'aurais à observer pour obtenir l'accomplissement de mes désirs, afin que les choses aillent un bon chemin. Vous aurez la bonté d'adresser ma lettre à mon frère Louis à Berlin et de marquer sur l'enveloppe qu'en cas de son départ la lettre soit envoyée à Mme la Landgrave George de Hesse à Darmstadt. Pardonnez-moi, je vous prie, cher Prince, mes importunités sans fin, je rougis de honte, je le répète, les peines que je vais vous causer par ma grande et juste confiance.

Quant à mon père, pensez, je vous prie, il est retourné encore cette année à ce Paris que nous regrettons, je crois, encore tous les deux. Il y est déjà depuis quelques mois. Pour ma mère, elle compte aller aux bains avec ma sœur Charlotte; pour le reste, nous vivons ici dans un train de vie solitaire, qui, cependant, ne m'est pas absolument désagréable, mais surtout n'étant le maître de le changer. A la recette [réception] de la présente, vous aurez vu pour sûr ma tante et mes trois cousines, et saurez aussi les nouvelles de leur séjour à Berlin.

Pardon encore un coup, cher Prince, de l'ennui que je vous cause nécessairement par une aussi grande lettre ou plu-

tôt immense épître que celle-ci, qui ne vous entretient que de mes intérêts personnels, osant vous charger aussi de tant de choses. Mais ce qui me rassure et me fait espérer que vous voudrez lire ce griffonnage avec indulgence et bonté, c'est votre amitié dont je puis me flatter et dont je vous conjure de m'accorder la continuation en retour de la sincérité de la mienne pour vous avec laquelle je serai invariablement et pour la vie, mon Prince, votre très humble et très obéissant ami et serviteur George-Charles de Hesse.

1180. Ivane Kroock—au prince Alexandre Kourakin.

St-Pétersbourg, 29 mai 1773.

Je viens de recevoir votre paquet de Riga, et j'aurai tout le soin possible des incluses que vous m'avez recommandées. On ne saurait être plus enchanté que je le suis de vous savoir si près. Dans quelques jours j'aurai donc la satisfaction de me jeter dans les bras de mon digne et cher ami.

J'ai aussi reçu la lettre dont vous m'avez honoré de Memel. Comme je ne me trouvais pas bien et ne pouvais pas voir S. E. M. le comte de Panine qui est à Tsarskoé, je lui ai d'abord envoyé votre lettre, mais, n'ayant pas reçu de réponse, je n'ai rien à vous mander. Son Excellence s'est probablement réservé le plaisir de parler à vous-même, mon Prince, sur votre sort. Je crois que M. de Saldern sera très charmé de vous loger chez lui pour le premier temps, car vos parents, trop charmés de vous avoir chez eux, ne vous laisseront pas longtemps ailleurs. Si l'état de ma santé le permettra [permet], j'espère d'être un des premiers que vous verrez ici. C'est pour ce moment heureux que je me réserve le plaisir de vous entretenir sur bien de [des] choses.

1181. Le comte de Saldern—au prince Alexandre Kourakin.

Altona, 29 mai (10 juin) 1773.

Votre chère de Kœnigsberg m'a été bien rendue, et je languis d'apprendre votre heureuse arrivée à St-Pétersbourg. M. de Kroock vous remettra celle-ci et il vous dira, en même temps, que je lui ai envoyé aujourd'hui tous les comptes qui concernent nos dépenses dans les voyages. Vous verrez que j'aurais été presque trop libéral avec l'argent de la caisse générale; mais, en attendant, à une bagatelle près, elle a été suffisante. Pour ne pas grossir trop le paquet, la copie de tous ces comptes pour le grand chambellan à Moscou viendra avec la poste suivante. N'étant pas grand calculateur, mais ayant, pourtant, mes affaires en ordre, avec l'aide du sieur Zindel j'en suis venu à bout. Tout cela m'a pris du temps; et étant actuellement pressé pour aller à Eutin, c'est la raison que ma lettre sera très courte aujourd'hui.

Un jeune homme qui fait une collection des armes des gens de famille, m'engage aujourd'hui de vous prier de m'envoyer en simple cire, avec laquelle on cachette les lettres, les armes des gens de famille de Russie. Il n'y a rien qui presse. Vous aurez la bonté de les empaqueter dans une petite boîte et mettre en bas le nom de famille. Vale et fave.

1182. Записка Ивану Соловьеву, что исполнить къ прибытію сюда на сихъ дняхъ князь Александра Борисовича.

[1773 г. іюнь].

Извозчиковъ нанять на мѣсяцъ съ восемью лошадьми, но чтобы лошади добрыя и хомуты на нихъ хорошіе были, а для трехъ извозчиковъ купить надѣвать три русскіе вишневые кафтаны и три шляпы.

Либирею для его людей приготовить, и, буде есть, то и скороходскую, ту, что послѣ покойной княгини парадною осталась.

Приготовить ко врученію ему, за рукою Соловьева, о домѣ вѣдомость, въ коей показать слѣдующее:

1. По кончинѣ князь Бориса Александровича сколько всѣхъ крестьянскихъ душъ вступило подъ управленіе опекунское, чтó съ нихъ по старымъ окладамъ годового денежнаго и за продажный хлѣбъ, примѣрно, дохода было.

2. Сколько изъ оныхъ душъ куда выбыло, и которыя за какую цѣну проданы.

3. Сколько потомъ вступило въ домъ вновь по наслѣдству, и чтó теперь дѣйствительно душъ подъ вѣдомствомъ опекуновъ состоитъ, чтó съ нихъ нынѣ по опекунскому обложенію денежныхъ доходовъ.

4. Чтó изъ тѣхъ доходовъ нынѣ издерживается, на какое, именно, годовое положеніе, чтó, затѣмъ, отъ всякаго года оставаться-бъ имѣло, а тотъ остатокъ раздѣляя на равныя части, всякому князю по скольку въ годъ къ полученію приходитъ.

5. Сколько всей суммы долговъ оставалось послѣ князя и княгини на ихъ домѣ; сколько со оной годовыхъ процентовъ было, и сколько уплачено полученными деньгами за продажныя деревни, петербургскій дворъ, брильянты и прочее распроданное, и сколько же годовыми собственными доходами.

6. Сколько денегъ употреблено, сверхъ положеннаго годового содержанія, на ихъ бабушку.

7. Сколько денегъ издержано на строеніе мясницкаго двора и на перекрышку желѣзомъ богадѣленнаго.

8. Сколько денегъ издержано на содержаніе каждаго осóбь изъ молодыхъ князей.

9. Сколько теперь денегъ отдано кому изъ какихъ процентовъ въ число отряжаемаго капитала для содержанія со онаго процентами уже богадѣльни по завѣщанію прадѣдовскому.

10. Сколько теперь въ домѣ денегъ сверхъ оныхъ въ наличности состоитъ, изъ коихъ внести ему, князю, на собственные здѣсь расходы пятьсотъ рублевъ.

Другую вѣдомость подать ему о состоящихъ здѣсь ихъ серебрѣ, брильянтахъ и золотыхъ вещахъ.

Ему же, Соловьеву, освѣдомясь у Слеткова, гдѣ теперь чинится моя аглинская карета, подрядить оную для ѣзды князь

Александра Борисовича, какъ можно скорѣе, не только вычинивъ, но вновь, по прежнему, перекрасить, кожи и ремни вычернить, словомъ, всю подновить, но чтобъ она въ дня въ четыре совсѣмъ готова была, за которую и деньги заплатить. Графъ П. Панинъ.

1183. Le prince Alexandre Kourakin—au comte Nikita Panine.

[Moscou, juin 1773].

Peut-être, vous paraîtra-t-il étrange de n'avoir pas encore des nouvelles de mon arrivée à Moscou. J'ai fait toute la diligence imaginable, j'ai veillé, j'ai jeûné, et cependant il m'a été impossible d'être ici avant la fin du cinquième jour, les chemins sont affreux, surtout depuis St-Pétersbourg jusqu'à Valdaï; pavés de grosses poutres ils anéantissent le voyageur, ruinent la voiture, et empêchent absolument d'aller aussi vite qu'on le désirerait. Je n'ai pu attraper mon ancien compagnon qu'à Vichni-Volotchoc; étant très lestement équipé et se servant de beaucoup de chevaux, il est allé d'une vitesse extrême, et même il aurait pu me devancer s'il n'avait craint d'altérer sa santé.

Je ne vous parle point, mon tendre père, de la joie, ou plutôt du transport que j'ai eu en revoyant ma famille bien portante et toujours favorablement disposée à mon égard. Vous pouvez vous en former une idée conforme à celle que vous avez de mon cœur et de ma sensibilité. J'aime tendrement et je suis parfaitement heureux quand on daigne me payer de réciprocité. Comment vous exprimerai-je la reconnaissance dont je suis pénétré pour les bienfaits sans nombre et sans exemple de mon cher oncle le comte Pierre Ivanovitch; je n'y songe qu'en versant des larmes de tendresse; l'espace de cette lettre m'est insuffisant pour vous les peindre au juste, je me réserve de vous en faire le tableau de vive voix, et encore ne suis pas sûr d'y réussir. Je sens trop pour pouvoir bien définir toute la plénitude de mes sentiments. Mais vous n'en ignorez rien, vous avez été son coopérateur en tout; c'est à vous deux que nous sommes également redevables de notre conservation

et de notre sort; où trouvera-t-on des oncles aussi magnanimes, des tuteurs aussi généreux, des pères aussi sensibles? Des siècles entiers n'offrent que rarement de pareils modèles à suivre. Il est visible, combien la Providence a dirigé tous les événements pour sauver des pauvres orphelins innocents du précipice qui les attendait.

J'ai trouvé nos affaires domestiques dans un ordre et un arrangement inattendus, et j'avoue que jamais je n'ai pu espérer qu'elles parviendraient de sitôt à ce degré de tranquillité et de perfection. A tous ses soins, à toutes ses bontés, mon cher oncle a daigné ajouter aussi cette même affection qui vous distingue particulièrement, ces mêmes sentiments tendres et délicieux qui ne peuvent germer que dans l'âme d'un père. La semaine prochaine je vais demeurer quelques jours à Mikhalkovo, alors il daignera me communiquer ses volontés définitives par rapport à mon arrangement économique. En attendant, nous avons déjà eu une conversation générale sur ces objets. Je n'ai pu qu'être enchanté des idées qu'il veut bien avoir touchant mon quartier, et je crois qu'il vous en écrira lui-même à la première poste. Ce motif m'engage à vous supplier, Monseigneur, de daigner ordonner qu'on ne se dépêche pas à me louer une maison en mon absence. Je désirerais beaucoup de la voir avant de mes propres yeux, d'en savoir votre sentiment et de pouvoir vous exposer ce que j'en pense moi-même. Il me semble que rien ne presse, la plupart du monde sera hors de la ville jusqu'en automne, et je trouverai toujours un coin pour y attendre une occasion qui soit bonne et commode. Comme mon oncle Talisine est chargé de cette commission, je le prie de vous faire de ma part ces mêmes représentations. Je me flatte, Monseigneur, que vous n'y verrez rien de contraire à vos désirs; si ce cas pouvait malheureusement exister en quoi que ce soit, vous ne pouvez pas douter que je ne sacrifie tout seulement pour éviter les suites désagréables qui en résulteraient d'elles-mêmes. Votre amour est tout ce que j'ambitionne, votre indignation tout ce que je crains.

Je ne sais si M. de Saldern a eu le temps de vous entretenir au sujet de sa maison relativement à moi, toujours il a voulu le faire.

1184. Le prince Alexandre Kourakin—au comte de Saldern.

St-Pétersbourg, 3 juin 1773.

Nous sommes arrivés ici, comme je vous l'avais marqué, le 2 (13) du courant. Une estafette expédiée de Narva a informé M. votre frère de notre approche; il nous a attendus, avec toute sa maison et quelques amis, à 8 verstes de la capitale, à Champêtre, campagne du père de Chérémétev. Vers le soir, je me suis séparé aves mes deux compagnons, et chacun de nous est allé séparément au quartier qui l'attendait.

Je loge chez M. votre frère, qui m'a reçu plus qu'amicalement, il m'a reçu en véritable père. Nous nous sommes déjà entretenus sincèrement sur mon sort. Il m'a dit d'après une conversation qu'il avait eue, à ce sujet, avec mon oncle qu'il ne me restait d'autre et de plus utile parti que de me vouer entièrement à la carrière diplomatique, que tout poste dans l'intérieur du pays me présentait une marche plus lente, moins glorieuse, plus sujette aux échecs, aux vicissitudes de la fortune, et que le moyen le plus sûr de me faire échapper aux pièges de la Cour, en me consolidant mon bien-être pour l'avenir, était de me créer ministre le plus tôt possible. Vous pouvez deviner, mon cher ami, combien cette intention a été conforme à mes vœux. Il a ajouté que, pour le commencement, il n'y avait point de poste qui me fût plus avantageux, à tous égards, que celui de Berlin, tant par rapport à la bonne harmonie qui règne entre les deux Cours, que par l'expérience moins consommée qui y est nécessaire pour s'en acquitter. Il n'y faut, m'a-t-il dit, que de la sagesse, de l'application pour acquérir des connaissances ultérieures, et le don de s'insinuer auprès du Roi. Les dettes qui accablent le

prince Dolgorouki sont une perspective, d'où l'on peut apercevoir que son rappel n'est par fort éloigné. Mon oncle doit me parler aussi sur cette matière et m'indiquer ce que je suis obligé d'entreprendre pour parvenir à ce but. Au reste, vous sentez bien qu'un ou deux ans pour le moins se passeront avant que cette première idée se réalise, et, même alors, convenez que je serai fort heureux. Je n'ai garde de former d'autre plan; je gagne trop à celui-ci.

Je n'ai pas encore vu mon oncle. Les deux Cours sont à Tsarskoé-Sélo. Nous y allons demain sous la conduite de M. votre frère. Après y avoir été, je ne manquerai point de vous informer de l'accueil qui m'y aura été fait, et de l'impression qui m'en sera resté.

A présent, mon cher ami, je vous ai parlé sur un objet fort important, mais qui est un mystère entre mon oncle, M. votre frère et moi. Réfléchissez bien sur tout ceci; ensuite écrivez-moi franchement votre avis, je le recevrai comme venant d'un homme impartial qui m'aime et qui s'intéresse à tout ce qui peut me concerner.

Mon oncle, sans m'avoir vu, m'a déjà fait présent d'un fort beau vis-à-vis anglais, sur des ressorts, peint en vert et or, et doublé de velours bleu et blanc. M. votre frère m'a assuré qu'il lui avait coûté mille roubles.

Peut-être irai-je à Moscou, dans quelques jours, ensemble avec Chérémétev, mais ce ne sera que pour quatre semaines en tout. L'objet de mon voyage est d'y voir mes parents, et aussi d'arranger avec mon oncle, le comte Pierre, directeur en chef de nos finances, tout ce qui est relatif à ma petite économie actuelle. M. votre frère m'a confirmé dans l'idée de ce voyage, et il m'appuiera pour en obtenir la permission. Le vieux comte de Chérémétev a décidé de ne plus quitter Moscou; son fils, cependant, n'en sera gêné nullement dans son service. A propos, vous lui avez écrit une lettre qui renferme tous les genres de beauté. Elle est comme un tableau où les couleurs semblent se confondre pour mieux se réunir et former un tout exquis.

Je me tais sur le mot d'Altona que j'ai aperçu à la n] tête de votre lettre. Il n'appartient point à un vulgaire rofane de porter un regard curieux sur ce qui est couvert u voile de l'incertitude. Marquez-moi comment vous vous y ouvez, je ne puis vous souhaiter que du plaisir, de la tranuillité, du contentement.

1185. Lefort—au prince Alexandre Kourakin.

Strasbourg, 18 (29) juin 1773.

J'ai souvent pensé à vous, mon Prince, depuis les marues de souvenir que vous me fîtes l'honneur de donner avant otre départ de Francfort. Deux jours après, je reçus une rtaine lettre imprimée de M. Leuschering que j'ai lue ec d'autant plus de plaisir que je sais de l'auteur à qui elle ait adressée. J'augure très bien du journal de lecture qu'il ous promet pour l'année prochaine. C'est par une respeceuse discrétion, mon Prince, que je n'ai pas eu l'honneur vous écrire pendant votre séjour à Berlin, mais, malgré on silence, ne doutez pas un moment que j'aie été très sount occupé de vous, et que j'aie fait les vœux les plus sinres pour votre heureux retour à St-Pétersbourg.

Permettez, mon cher Prince, que je vous adresse la lettre jointe pour Mme la Landgrave dont il me tarde fort d'apendre l'heureux débarquement à Revel, ainsi que celui de nes les Princesses; vous savez combien je leur suis inviolaement dévoué.

Rien de si flatteur, mon Prince, que la lettre remplie mitié et de sentiment que vous m'avez fait l'honneur de écrire. L'amitié est le mariage de l'âme, j'envisage la tre comme un présent du Ciel, et vous en demande la conuation; la mienne vous assure d'avance que si MM. les inces, vos frères ou cousins, viennent dans ce pays-ci, que répondrai avec plaisir à la confiance dont vous voulez bien

m'honorer, mais de grâce, choisissez bien le compagnon de voyage qui aura l'honneur de les accompagner.

Qu'est devenu mon petit ami Nélédinski? Sa santé est-elle rétablie? Est-il à l'armée ou à Pétersbourg?

Ayez la complaisance de faire mes compliments à MM. de Condoïdi. Demandez, je vous prie, à l'aîné la réponse qu'il a eue de S. E M. le comte de Panine au sujet de ma fille Louise (qui a l'honneur d'être filleule de Mme la Landgrave) pour laquelle j'ai réclamé la puissante protection de Son Excellence auprès de S. M. I. l'Impératrice pour lui faire obtenir un brevet de chanoinesse et le cordon du chapitre de Walloë dans le duché de Holstein. M. de Condoïdi l'aîné vous dira où en est cette affaire-là qui tient d'autant plus à cœur à ma femme que le roi de Danemark lui a promis à Strasbourg cette place de chanoinesse dont elle a eu l'honneur dans ce temps-là de remercier Sa Majesté.

1186. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ—Ивану Соловьеву.

1773 г. іюня 24.

Когда нѣтъ случая, то, хотя черезъ нарочнаго, отпиши въ Орловскую вотчину, чтобы тотчасъ отправили въ Москву для домовнаго употребленія князю Александру Борисовичу, прибывшему изъ чужихъ краевъ: 1) цугъ вороной, молодой, состоящій въ осьми лошадяхъ, 2) того покойной княгини лакея, который при мнѣ жилъ Егора Королева, 3) конюховыхъ дѣтей: Афанасія и Никиту Павловыхъ, Петра Федорова, Антона и Осипа Егоровыхъ.

1187. Le comte de Saldern, ambassadeur,—au prince Alexandre Kourakin.

Péterhof, 25 juin 1773.

Je suis bien aise que vous êtes [soyez] heureusement arrivé dans le sein de votre famille, et d'autant plus charmé que vous sentez vivement tout ce que le général, votre oncle, a fait pour vous et pour vos frères, pour tirer vos affaires du labyrinthe où elles se trouvaient. Je passe d'une matière si riche pour vous parler de la plus vive reconnaissance que vous devez

M. votre oncle le général. Il suffit, à l'heure qu'il est, que vous graviez une telle observation dans votre mémoire, et j'espère dans la suite que vous ferez des efforts pour ne point être à la charge de vos autres frères, comme vous l'avez été jusqu'ici.

Il me fait un peu de la peine d'entrevoir que l'objet le plus principal de votre lettre y consiste de vouloir habiter la maison qui vous appartient, ou, pour dire vrai, qui appartient à toute votre famille. Agréez, mon cher ami, que je vous informe en peu de mots de mes idées, en vous disant qu'elles s'accordent parfaitement avec celles de M. votre oncle le ministre. Sachez donc, comme vous le savez, qu'à votre arrivée à St-Pétersbourg vous n'avez qu'à descendre chez moi. Vous serez, en vérité, peut-être, pendant quinze jours à l'étroit. Mais, à mon départ pour le Holstein, je vous laisserai mon antichambre et les trois chambres que j'ai habitées moi-même. Vos domestiques et votre voiture trouveront aussi leur place.

Voilà mon arrangement qui me paraît raisonnable. Vous vous trouverez honnêtement logé pendant le temps que je suis obligé de payer le loyer. Ce temps étant expiré, on pensera à vous placer d'ailleurs, car, en vérité, mon Prince, il faut agir galamment avec M. le comte Solms. Il faut lui dénoncer à temps la maison, et il me paraît qu'il vaut mieux ne rien précipiter.

1188. Княгиня Наталія Александровна Репнина—князю Александру Куракину.

1773 г. іюня 27. С.-Петербургъ.

Съ прошлою почтою послала я къ тебѣ письмо отъ князя Николая Васильевича. Онъ, слава Богу, поправляется въ своемъ здоровьѣ, только боюся, чтобы вѣдомость о братѣ его не разстроила; знаю, сколь она его огорчитъ, она и меня до глубины сердца трогаетъ. Представь себѣ, какое несчастное положеніе! О ранахъ его точно еще не знаю, опасны ли онѣ, или нѣтъ, а только то вѣдаю, что онъ раненъ въ трехъ мѣстахъ: кажется, нельзя, чтобы не тяжело ему было. Трактуютъ его хорошо, дозволили ему для услуги имѣть своихъ людей.

У насъ всѣ упражнены праздниками. Сегодня превеликая скачка изъ города; была уже повѣстка: первый день—куртагъ другой день—маскарадъ. Я туда же сбираюся. Марьѣ Степановнѣ вручу сама твоё письмо; моя квартира будетъ у нея въ Знаменскомъ. Благодарю тебя, мой другъ, за увѣдомленіе о сестрѣ моей. Яша ея жалокъ: по моему мнѣнію, худыхъ слѣдствіевъ ожидать должно. Какъ тебѣ ни весело, я увѣрена, что не просрочишься. Здѣсь въ камеръюнкерахъ нужда: иные взворовалися, иные захотѣли воевать, а на лицо очень мало; ландграфини по два дежурятъ. Какъ я тебя считаю въ числѣ годныхъ, и воевать, думаю, тебѣ не захочется, такъ для того совѣтую къ должности своей поспѣшить.

1189. Le comte de Saldern—au prince Alexandre Kourakin.

Altona, 28 juin (9 juillet) 1773.

Je suis charmé de voir dans votre lettre beaucoup de bonne volonté pour votre conduite à l'avenir. Cela m'a fait beaucoup de plaisir et je souhaite ardemment que ce beau feu dure. En attendant, cher ami, défiez-vous de vous même et observez-vous avec toute la rigueur imaginable. Vous connaissez les hommes assez pour ne pas savoir qu'eux-mêmes le feront à votre place. Faites-vous un plan d'occupations et ne vous imaginez pas trop de vous-même. L'esprit, cher ami, se rouille et l'âme est en râle si on ne les nourrit point journellement avec des choses plus qu'agréables. Il me paraît qu'à votre retour de Moscou vous devez y penser sérieusement. Pour votre destinée ultérieure, cher ami, il ne suffit pas seulement de lire les dépêches pour se mettre au fait des affaires, il faut aussi travailler. Comment travailler, cher ami, si l'on est encore novice dans les sciences indispensables pour un homme qui se voue aux négociations. Répétez et lisez tout ce qui peut vous éclaircir et donner plus d'idées dans le droit de nature et des gens. C'est la base. Accoutumez-vous à penser et raisonner juste: ceci regarde la philosophie. Etudiez les hommes et leur caractère, mais

comment faire cela si vous ne commencez pas à vous étudier et à vous connaître vous-même. Sans une profonde connaissance du cœur humain, on est la dupe des autres. On peut vous mettre mille pièges, cher ami, dans lesquels vous tomberez infailliblement si vous ne vous défiez pas de vous-même et de vos faiblesses. Ce dernier mot est, peut-être, trop doux.

Le plan dont vous me parlez est trop beau pour ne pas trouver toute mon approbation. Nous en avons parlé assez souvent. Il est sûr, cher ami, que cette place, vu la situation politique de votre patrie et l'intérêt du Prince même auprès duquel vous vous trouverez un jour, peut vous mener loin pourvu que vous vous y préparez [prépariez] bien. J'en serais charmé par [pour] plus qu'une [d'une] raison; mais allons doucement jusque-là. Altri tempi, altre cure.

N'oubliez pas de me dire un mot par rapport à la lettre de Londres. Tout me confirme dans l'idée que c'est un trait de la malice la plus noire de la part de cet homme-là. Je vous prie de m'éclaircir sur cet article franchement.

Le mot d'Altona ne doit pas vous paraître problématique. Un homme, qui aime la tranquillité et qui sait être ami dans le temps même où le soleil n'est pas serein, ne doit pas abandonner ceux, à leur propre sort, dont il a reçu mille amitiés dans un temps plus heureux. Ne croyez pas, en attendant, que je me fixerai [fixe] à Altona. Je n'attends que le retour de mon frère pour prendre mon parti. En attendant, je vis ici tranquillement, et je tâche de vivre de façon qu'aucun remords ne jette de l'amertume sur le reste des jours que j'ai, peut-être, encore, à vivre.

J'ai fait une petite tournée à Eutin, Schierensée et Bordesholm; j'ai trouvé l'évêque tourmenté par la goutte, mais je l'aime toujours parce que c'est un bon prince. Mme la D. a été fort polie et très gracieuse, mais je sais ce que l'aune en vaut. Je me tais sur le chapitre du fils et je crains, entre nous soit dit, l'avenir pour lui. Dieu veuille que je sois mauvais prophète! J'ai trouvé à Schierensée une mère de 83 ans mieux portante, grâce à Dieu, qu'aucun de ses enfants. A Bordes-

holm j'ai vu mon neveu et sa femme. Il est heureux d'avoi une femme qui ne manque pas d'esprit. Toute sa conduite a trouvé mon approbation.

1190. R. Leuchsenring—au prince Alexandre Kourakin.

La Haye, 28 juin (8 juillet) 1773.

Vous m'avez permis, mon Prince, de vous envoyer u prospectus du Recueil que j'ai la fantaisie de faire imprimer Il me paraît tout naturel de profiter d'une permission si gra cieuse, et j'espère que personne n'y trouvera à redire. Peut-êtr même qu'on pourrait me critiquer de ne l'avoir pas fait plu tôt, attendu que c'était à vous proprement, mon Prince, qu j'ai adressé, en idée, ce fragment de lettre, et qu'il y a déj plus de deux mois que ce même fragment de lettre se trouv imprimé. Mais il me semblait que j'avais encore tant de ch ses à vous dire, j'attendais un meilleur moment, et ce meille moment, malheureusement, n'est pas venu. Enfin, je me vo dans le cas, mon Prince, de vous écrire dans une des pl mauvaises matinées que j'ai eues depuis longtemps. Voilà que c'est que d'attendre. J'ai fait la même expérience av l'annonce en question. J'avais promis de la tenir prête qua le prince de Darmstadt partirait pour Berlin. Mais j'éta malade, j'avais encore des souffrances morales, une amie pr de la mort; j'espérais des meilleurs jours, je renvoyais. Enfi le jour avant le départ du Prince, je faisais la réflexi profonde qu'on ne pouvait emporter mon avertissement sa qu'il fût imprimé, et qu'il ne pouvait être imprimé avant q d'être composé.

Si je vous dis, Monsieur, que je venais de perdre m amie, que j'étais sur le point de [d'en] perdre encore de autres, et que ce n'était pas là les seules souffrances q m'accablaient.... que tout cela influait considérablement sur physique, vous conviendrez, sans peine, que ce n'était pas plus beau moment pour composer. Encore, devais-je paraît

la Cour pour introduire quelque dîner chez le prince George, ire des visites etc. J'écrivais avec précipitation, j'envoyais on manuscrit par lambeaux à l'imprimerie, et, le soir, mon vertissement était imprimé tel que vous le voyez, à quelques éfauts d'impression près, que j'ai corrigés en le faisant réimprimer à Amsterdam. Mais, mon Prince, je m'aperçois, alheureusement trop tard, que je vous dois ennuyer par cette iste généalogie. Encore n'ai-je pas le temps de copier, de chanr, de mieux faire. Vous trouverez en tout cela, Monsieur, de oi me rassurer sur le danger d'une grande réputation dont ous me menacez, et que je crains presque autant comme un tre pourrait la rechercher, parce que je connais assez les oyens par lesquels elle s'acquiert ordinairement et les danrs qui l'accompagnent. Mais si j'étais fait ou disposé de ambitionner, j'avoue que ce n'est pas par le journal ou ecueil en question que je voudrais l'acquérir. Vous vous ompez, mon Prince, si vous allez prendre cela pour un ouvement de modestie. J'ai toujours été plus vrai que moeste. Ausi, je vous avoue tout naturellement que si je ne eux pas faire ma réputation par mon Recueil, je ne désire as moins vivement qu'il ait du succès, parce que j'aime à e flatter qu'il ne sera pas tout à fait mauvais, qu'il fera uelque bien, et parce que je suis dans l'idée que la réussite e cette entreprise me facilitera l'exécution de quelques autres rojets qui sont bien plus intéressants. Tout ce que j'ambiionne le plus c'est de pouvoir me dire un jour: je n'ai pas erdu une occasion pour faire mon bonheur et celui de mes emblables, j'ai été actif, j'ai fait du bien, j'ai joui de la vie. Peut-être, j'ose vous entretenir une autre fois, mon Prince, e ces projets qui flattent tant mon imagination et mon cœur.

Permettez, qu'à présent, je prenne la liberté de vous recomnander la lettre que j'ajoute à la mienne. Il s'agit d'un certain I. de Boussairolle qui, après avoir épousé une femme rès aimable, commençait à former des projets d'un établissenent plus brillant que celui dont il jouissait. Il se laissa

entraîner par son ambition à Berlin, et, de là, en Russie. Sa femme ne voulant pas quitter ses vieux parents resta avec ceux-ci en Hollande. Elle espère depuis dix ans de voir revenir son mari, ou de pouvoir le joindre un jour. Les bonnes nouvelles qu'elle avait reçues de la réussite des entreprises de son mari, et les sentiments que celui-ci lui paraissait conserver, l'avaient consolée jusqu'ici. Mais ayant été longtemps sans lettre de M. de B., elle s'est adressée au prince Stcherbatov à Moscou, qui avait fait des avances à son mari, pour en demander des nouvelles. Le Prince lui en a donné, mais de bien affligeantes. Il dit que M. de B. néglige ses affaires, qu'il a des maîtresses, qu'il boit etc., et que lui, le Prince, sera forcé de le faire mettre en prison parce qu'il ne peut pas rembourser les avances qu'on avait faites pour lui. Peut-être, Monsieur, que vous pourriez me donner des éclaircissements là-dessus ou même porter quelques secours à M. de B. qui paraît mériter un meilleur sort, et qu'il aurait pu se distinguer s'il avait trouvé une place convenable pour déployer ses talents. Je crois, mon Prince, vous donner une preuve de mon estime en m'adressant à vous pour vous intéresser au sort d'une famille malheureuse. Si vous me faites l'honneur de m'écrire là-dessus, votre lettre me parviendra adressée à M. Marc-Michel Roy, libraire à Amsterdam.

J'ai des regrets que les circonstances ne m'aient pas permis de faire le voyage de Russie à la suite de Mmes les Princesses de Darmstadt. Mais j'espère me dédommager amplement dans une ou deux années d'ici.

Diderot se trouve [ici] depuis quelques semaines. Il paraît avoir envie de faire imprimer une collection de ses œuvres et de s'arranger avec les libraires pour une nouvelle édition de l'Encyclopédie.

M. Pestel vous aime beaucoup; comme de raison, il m'a chargé de vous présenter ses assurances de respect et d'estime. Permettez, Monsieur, que MM. le baron de Saldern et les comtes de Chérémétev trouvent ici les miennes.

On m'a parlé d'un riche particulier de la Russie qui a été en Hollande il y a quelque temps, et qui a le projet d'établir, à ses frais, une académie; j'en ai oublié le nom. Peut-être, mon Prince, que vous m'en pourrez dire quelque chose. Mais vous aurez aussi la bonté, j'espère, de m'avertir de mon indiscrétion et de me mettre sur le point ou vous souhaitez que je reste. Si vous voyez Mme la Landgrave et Mmes les Princesses, et si l'occasion se trouve assez favorable, vous voudrez peut-être bien me faire le plaisir de présenter les assurances de mon profond respect. J'écrirai moi-même à Mme la Landgrave dès que ma tête se trouvera un peu mieux.

Pardonnez l'ennui que je viens de vous causer par mon terrible barbouillage. J'ai encore de [à] me servir de l'excuse de Pascal à qui on demandait pourquoi une de ses lettres était si longue à proportion des autres? Parce que, disait-il, je n'avais pas le temps de la faire plus courte. Encore, je ne me porte pas bien.

1191. Опекунскій протоколъ по дому малолѣтнихъ князей Куракиныхъ.

1773 г. іюля 4. Москва.

Московскій опекунскій надъ домомъ князей Куракиныхъ совѣтъ, по случаю вступленія въ настоящій возрастъ бо́льшаго изъ сихъ князей брата, князь Александра Борисовича, и что онъ уже изъ чужестраннаго путешествія и отъ наукъ прибылъ ко вступленію въ дѣйствительную службу по своему у Двора камеръюнкерскому званію, принявъ въ разсужденіе объ учрежденіи ему изъ нераздѣльнаго дома годового содержанія, сходнаго по достоинству какъ фамиліи и званій предковъ его, такъ и Двора, а соображаясь съ тѣмъ, что бывшіе долги на семъ домѣ всѣ уже за уплатою въ прошломъ годѣ кончились, а и отдѣленіе капитальной суммы къ содержанію учрежденной, по завѣщанію предка ихъ, больницы съ нынѣшнимъ годомъ конецъ свой возьметъ, и по тому основанію, съ наступающаго 1774 года, имѣетъ изъ годового общаго съ сего дома дохода оставаться, за опредѣленными годовыми содержаніями ихъ бабушки и прочими домовыми расходами, примѣрно, въ годъ по двадцати по семи тысячъ по ста по сорока по шести рублевъ; но изъ частей

всякаго брата, вступающаго въ настоящій возрастъ прежде меньшихъ своихъ братій, востребующаго на содержаніе свое больше употребляемаго на воспитаніе меньшихъ, слѣдуетъ быть возвращенію въ общій домъ тѣхъ излишнихъ издержекъ, кои употребляются при приближеніи каждаго къ настоящему возрасту на главныя науки и на путешествія по чужимъ краямъ, то въ разсужденіе всего онаго теперь и опредѣляется слѣдующее:

1. Какое домовое содержаніе князь Александръ Борисовичу по топерешнему состоянію признается пристойнымъ, тому прилагается къ сему основанное, примѣрное преположеніе, по коему значитъ, что изъ годовой части, ему слѣдующей, будетъ въ общемъ домѣ оставаться по двѣ тысячи по двѣсти по сорока по пяти рублевъ въ годъ, кой остатокъ и имѣетъ поступать на возвращеніе излишнеї издержанной на него изъ общаго дома суммы.

2. По сему сдѣланному о содержаніи дома его преположенії зачать дѣлать ежегодное ему доставленіе денегъ съ будущаго 177 года, а на содержаніе ему себя нынѣшній годъ и на первослучаї ныя новыя себѣ заведенія, выдать ему нынѣ изъ наличныхъ денег три тысячи рублевъ, которые, обще и со взнесенными къ нем пятьюстами рублями при пріѣздѣ его нынѣ сюда въ Москву, за числить издержанными на него изъ общаго дома для будущаго и вышеписанному съ братьями своими расчету.

3. Въ число назначенныхъ ему, по включенному здѣсь преположенії людей доставить изъ наличныхъ домашнихъ и изъ отпущенныхъ съ н кормежными, а лошадей восемь вороныхъ молодыхъ съ орловскаго завод

4. Все наличное въ домѣ серебро, раздѣля по вѣсу на равн четыре части, одну изъ оныхъ отдать ему для передѣлки себѣ ст ловаго сервиза, за работу котораго заплатить въ свое время и общаго дохода въ согласіе тому, что изъ онаго-жъ и всѣмъ братья слѣдующія части передѣлываться будутъ въ свое время въ столов сервизы изъ общихъ же доходовъ.

5. Изъ привезенныхъ въ домъ послѣ покойной ихъ матери и распроданныхъ пожитковъ, яко старыхъ либирей, бѣлья, фарфо вой посуды и прочаго, что можетъ поспособствовать къ первослуч ному его домовому употребленію, отобравъ также и желтый брилья товый перстень, отдать ему для употребленія. Но перстень расчетомъ въ немъ впередъ съ братьями. [Далѣе собственноручн А что ему изъ оныхъ старыхъ пожитковъ, также и серебра, отда будетъ, тому приложить къ сему протоколу, за руками опекуно вѣдомость. Графъ Петръ Панинъ.

1191

Преположеніе, коликое число содержать людей, лошадей, при какихъ должностяхъ, на какомъ годовомъ жалованьѣ, на какомъ прокормленіи, и сколько на прочія годовыя какія издержки полагается денегъ князь Александръ Борисовичу изъ общаго съ братьями годового прихода при вступленіи его по камеръюнкерскому званію въ дѣйствительную у Двора службу.

А именно.	Число людей и лошадей.	Годовое содержаніе.	Руб.
Оффисіантовъ и съ камардинерами...	3	Каждому жалованія по 20 р. въ годъ, кормовыхъ на мѣсяцъ по 2 р., на платье по 40 руб. Всего........................	252
Лакеевъ............	4	Жалованья каждому по 12 р., кормовыхъ на мѣсяцъ по 1 р. 50 к. Всего всѣмъ............	150
Кучеръ...	1		
Форейторовъ	2	Жалованья по 10 р. въ годъ, кормовыхъ по 1 р. 50 к. на мѣсяцъ; на либирею имъ, лакеямъ и кучеру, всякому на годъ по 25 р. Всего......	231
Поваръ............	1	Въ годъ жалованья 30 р., на платье 40 р., кормовыхъ на мѣсяцъ по 2 р. Всего...........	94
Поваренныхъ робятъ.	2	Жалованья въ годъ по 8 р., на платье по 7 р., кормовыхъ на мѣсяцъ по 1 р. 50 к. Всего...	66
Дворникъ и дровосѣкъ............	1	Жалованья въ годъ 5 р., на платье 3 р., кормовыхъ на мѣсяцъ по 1 р. 50 к. Всего......	26
Итого всѣхъ людей.	14	Всѣмъ имъ на годовое содержаніе......	809
Лошадей въ упряжку.	8	Имъ каждой на фуражъ по 3 р. на мѣсяцъ, на ковку по 2 р. въ годъ. Всего...........	540
Верховую.	1		

На починку упряжекъ, конской сбруи и на мазь въ годъ. 100 руб.
Всего на содержаніе конюшни въ годъ.. .... 640 —
На наемъ двора.... .... 500 —

На содержаніе стола съ ординарнымъ виномъ, на всякій день по 3 рубля, въ годъ	1092 руб.
На водку и другія вина въ годъ	300 —
На сахаръ, кофе, чай и на свѣчи въ годъ	250 —
За мытье бѣлья въ годъ	150 —
На гардеробъ въ мѣсяцъ по 100 р., а въ годъ	1200 —
Сверхъ всего сего карманныхъ денегъ въ каждый мѣсяцъ по 50 р., а въ годъ	600 —
Итого на все содержаніе	5541 —
Во оное число причитается государскаго жалованья въ годъ	1000 —
Изъ общихъ съ братьями доходовъ въ годъ по	4541 —
Съ наступающаго 1774 года, по заплатѣ съ общаго дома въ минувшемъ году бывшихъ долговъ и по отряженіи капитала 35000 р. на содержаніе больницы, по примѣрному счисленію, имѣетъ приходить въ общій имъ домъ, за годовыми положенными окладными расходами, всего въ годъ по	27146 —
Изъ сей суммы, расчисляя четыремъ братьямъ по равнымъ частямъ, приходитъ каждому въ годъ по	6786р.50к.
Изъ части князь Александръ Борисовича, за вышеприписаннымъ преположеніемъ ему на годовое содержаніе, будетъ оставаться для расчета съ братьями, въ число задержанной на него нынѣ предъ другими излишней суммы, а, по заплатѣ оной, въ капиталъ ему въ годъ	2245р.50к.

Графъ Петръ Панинъ. Графъ Федоръ Апраксинъ.

1192. Марья Агалина—князю Александру Куракину.

1773 г. іюля 7.

Письмо вашего сіятельства я съ моимъ почтеніемъ получила и со слезами его читала, и все то пріемлю, что вы писать изволили, а объ извѣстномъ человѣкѣ вашему сіятельству ничего донести не имѣю, какъ я персонально съ вашимъ сіятельствомъ говорила, что до сентября мѣсяца то обо всемъ къ вашему [сіятельству] обстоятельно писать буду, и вѣрю, батюшка, вамъ, что вашему сіятельству о томъ попеченіе свое имѣть надобно. А что жалуете, изволите писать, что ни на какое время отъ меня милости своей отмѣнить не изволите, войдите, отецъ мой, въ мое горестное состояніе, какъ я лишилась батюшки вашего и матушки, и какъ они меня жаловали,

любили, и то, кромѣ горести, никакого себѣ благополучія не имѣю, да, кажется, я ничего такого не доказала какъ родителямъ вашимъ, такожъ и вамъ, милостивымъ государямъ. Итакъ, не видавъ васъ, съ прекрайнею моею горестью поѣхала въ деревнишку; и повѣрь, мой отецъ, что никогда не проходитъ тотъ день, который бы я его не оплакивала. И осмѣлилась васъ, отца моего, просить, не можно ли сдѣлать отеческую милость и попросить дядюшку, не можно ли взять моего меньшого сына ко Двору, къ его высочеству въ комнату, а онъ по-французски обученъ изрядно. Хотя бы ту милость сдѣлать, мой батюшка, и тѣмъ меня бѣдную въ горести моей утѣшить, и прошу, отецъ мой, меня по милости своей увѣдомить, какъ о пріѣздѣ вашего сіятельства въ Петербургъ, такожъ и объ эвтомъ, ежели можно. И хозяинъ мой вамъ, батюшка, кланяется и ручку вашу цѣлуетъ.

1193. Le prince Alexandre Kourakin—au comte de Saldern cadet.

St-Pétersbourg, 17 juillet 1773.

C'est avant-hier, mon cher ami, que je suis retourné de Moscou, après y avoir [être] resté un peu plus de trois semaines. J'ai tout lieu d'être content du séjour que j'y ai fait. Sans parler de l'accueil bienveillant, poli et empressé de tout le public, il ne peut être indifférent à tout cœur sensible de trouver une famille nombreuse, en bonne santé, aimable, aimée, et jouissant de toutes les prospérités imaginables. La mienne m'a comblé de caresses qui, je l'avoue, m'ont fait un plaisir d'autant plus grand que je m'en étais presque désaccoutumé depuis plusieurs années.

Pour vous tracer une ébauche des obligations plus qu'essentielles que j'ai à mon oncle le général, je vais entrer dans quelques détails concernant nos affaires domestiques. Je m'y décide par l'intérêt que vous m'accordez en tout, considération qui me fait espérer aussi qu'ils ne pourront vous ennuyer. Nos dettes exhorbitantes, qui passaient les 270 mille r., grâce à Dieu et aux soins paternels de mon oncle, ont entièrement été payées dès le commencement de l'année passée. Depuis, on nous a déjà rassemblé de nos revenus un capital de 40 mille r.

donné à intérêt. Nos revenus actuels fixes et stables de nos biens-fonds où sont domiciliés 12 mille de nos serfs, sont de 22 mille r., ajoutez-y la vente de notre blé, qui n'est pas égale toutes les années, dépendant du surplus de stérilité ou du surplus d'abondance, mais l'année la plus mauvaise ne peut nous rapporter moins de 9 à 10 mille roubles, et nous en avons eu qui nous ont rapporté jusqu'à 20 mille r. passés. Nous livrons à la Couronne, moyennant un contrat, huit mille mesures d'eau-de-vie à 90 copecks la mesure, ce qui fournit, tous frais et toutes dépenses décomptées, un profit de cinq mille roubles. Nos deux maisons de Pétersbourg, dans et hors de la ville, donnent un loyer de 1500 roubles. Combinez, à présent, toutes ces différentes sommes, vous verrez, mon cher ami, que notre recette annuelle, claire et nette, est de 37 à 38 mille roubles.

C'est d'après cet examen que mon oncle m'a accordé de notre masse commune 4500 roubles pour mon entretien; ils doivent être ajoutés à mes appointements de mille roubles pour me former en tout 5500 roubles; le restant de ma quatrième part restera dans la masse comme un fonds d'amortissement pour les 17 à 20 mille roubles que j'ai reçus de notre maison par-dessus mes frères, qui ne lui ont presque rien coûté en comparaison. Je serai liquidé de cette petite dette envers moi-même en quatre ou cinq ans; alors, j'aurai, en cas de partage, des droits égaux avec mes cadets sur notre bien meuble et immeuble. Sentez-vous, mon cher ami, l'utilité qui me reviendra de cet arrangement. Mes oncles sont de l'opinion que je dois tâcher de rester en communauté avec mes frères le plus que je pourrai, sans cependant léser en rien leurs intérêts, puisque, au bout du compte, ils sont leurs oncles et leurs tuteurs aussi bien que les miens; ils portent le même nom que moi, le même sang circule dans leurs veines, et tous ces avantages leur sont garantis de droit par la nature et par les lois divines et humaines.

Quant à mes arrangements économiques, mon oncle le général a eu la bonté d'entrer dans les plus petits détails; son

attention s'est fixée sur les moindres articles, rien ne lui est échappé, et il a tout pourvu [prévu] et arrangé au delà de ce que j'avais jamais pu espérer et attendre. Il a écrit de sa propre main la distribution de mes 5500 r. que je dois dépenser par an; l'original a été joint au protocole de tutelle dans notre chancellerie, et la copie m'en a été remise pour que je me règle et m'arrange en conséquence. Vous me permettrez, mon cher ami, de vous en communiquer la principale teneur; c'est pour vous engager à m'en dire franchement votre sentiment. J'ai une grande confiance en vos lumières. Dirigées par votre tendresse, je désirerais qu'elles puissent me guider en tout et toujours.

Je dois avoir 3 officiers de maison y compris mes valets de chambre, 4 laquais, un cocher, 2 postillons, un cuisinier, 2 garçons de cuisine, un portier ou, comme vous l'appelez en allemand, ein Hausknecht, en tout 14 domestiques, dont l'entretien, habillement, appointement et nourriture, [le tout] doit me coûter 809 roubles. Mon écurie, consistant en 8 chevaux d'attelage et un cheval de monture [selle], doit me revenir à 640r., le loyer d'une miason à 500r., ma table avec le vin à 1400r., le thé, le café, le sucre, les bougies etc. à 300r., le lavage de mon linge à 150r., 1200r. sont consacrés à ma garde-robe, et 600r. à mon argent de poche.

Par cette liste vous [vous] apercevrez que je vivrai joliment en garçon. Mes oncles veulent absolument que je sache tenir mon propre ménage, que je puisse donner la soupe chez moi à quelques amis, et, en général, que je puisse paraître convenablement dans le monde. N'ont-ils pas grande raison, et un père pourrait-il en agir autrement? Tous ces articles sont calculés exactement d'après les prix de ce pays. Je ne perdrai à aucun et je gagnerai à plusieurs, à ma table surtout. Si je reste chez moi deux ou trois jours de la semaine, c'est beaucoup, et tout ce que je pourrai faire, vu le service de la Cour et les parents et les connaissances de poids chez qui, par devoir, je serai obligé d'aller dîner. Je mets aussi, à présent, en poche les 500r. destinés pour la maison; M. votre

frère chez lequel je loge et qui s'embarque, la semaine prochaine, sur une frégate danoise, me laisse la sienne jusqu'à la St-Jean qui vient, puisqu'il est nécessité [forcé] par son contrat d'en payer le loyer encore une année entière. J'y serai parfaitement bien logé, les appartements sont grands, beaux, et très joliment meublés. A mon départ de Moscou, mon oncle m'a fait remettre 3000 r. en billets de banque pour mes dépenses de cette année-ci, car ce ne sera que du 1er janvier 1774 que je commencerai à recevoir mon argent conformément à ce qu'il a décidé.

Mais c'est assez vous parler de moi. Vous voyez que je dépose dans votre sein tout ce qui m'arrive, par votre sincérité répondez à ma confiance. Ne soyez pas inquiet de la santé du comte Chérémétev, il se porte au mieux, je l'ai laissé dans les bras paternels et dans le plus grand contentement. A la fin d'août il a l'ordre de mon oncle de revenir ici pour assister à la noce. Il reviendra seul, son père ne veut plus quitter Moscou, et il repartira probablement avec le congé d'un an par le premier traînage. J'ai eu la commission de M. votre frère, entre nous soit dit, de lui glisser, ainsi qu'au grand chambellan, que vous n'accepteriez certainement aucun bijou de leur part, ni bague, ni tabatière; mais que s'ils voulaient pourtant vous témoigner leur reconnaissance, le plus convenable était de vous envoyer une belle fourrure en qualité de curiosité; je crois donc que vous serez revêtu de quelque renard noir, ou de quelque zibeline. Mon oncle leur a fait dire que Tir doit avoir un présent entre quatre et cinq cents roubles. M. de Chérémétev est auprès de sa mère, il ne viendra reprendre son service qu'à l'expiration de son congé, au printemps prochain. Je vous envoie, de sa part, une lettre qu'il m'a remise depuis une quinzaine de jours, que j'ai conservée voulant toujours vous écrire moi-même, et n'en ayant point eu le temps jusqu'à présent.

Le prince Gagarine m'a écrit de l'armée, il s'est beaucoup distingué comme volontaire dans une première affaire

auprès du brave général de Weissmann qui, depuis, a eu le malheur d'être tué, et, à cette occasion, le maréchal Roumiantsev lui a accordé le grade de major en premier.

La lettre de Londres est vraie et fausse; c'est un chaos qu'il est impossible de débrouiller; les dehors sont parfaitement conservés, à les voir ensemble, on ne pourrait jamais dire qu'il y a [ait] eu la moindre altération entre eux. On prétend cependant qu'il y a une aigreur cachée, et qui doit son origine à plusieurs causes, datées principalement du voyage de Pologne. Ce qu'il y a de sûr, le mien souscrit à tout ce que le vôtre propose, il effectue et prévient tous ses désirs; ce qui se passe chez vous en Holstein, vos nouveaux avancements et le traité qui va être mis en [à] exécution en sont des preuves claires et incontestables. Je crois que le vôtre n'a rien de personnel contre le mien, ce n'est que contre ses alentours. En mon particulier, je ne puis en dire que mille louanges; il continue d'agir avec moi comme il a agi, c'est-à-dire en vrai père et en vrai ami.

Que me direz-vous de la nouvelle Excellence, du très illustre conseiller privé de Prangen? En trois mois, recevoir un cordon et un titre, et encore qui? Mais à propos de cet enfant de la fortune, lorsqu'il a reçu l'ordre de St-Stanislas on m'a assuré, de bonne main, que M. votre frère l'avait aussi obtenu pour vous. J'ai fortement disputé contre, connaissant votre façon de penser raisonnable, et supposant par votre amitié que vous ne m'auriez certainement pas caché un événement de cette nature. On est allé jusqu'à me demander, très sérieusement, si vous aviez porté l'ordre en voyage. Je ne sais, d'honneur, à quoi m'en tenir. Tirez-moi, mon cher ami, de mon incertitude. Le choix est tombé, dès les premiers jours, par l'inclination du promis, sur la princesse Wilhelmine qui, d'avance déjà, avait su réunir tous nos suffrages. Le sénateur Adadourov l'instruit dans la langue, et l'archevêque de Tver, le docte Platon, dans la religion. Le mariage ne sera publié solennellement qu'au retour de Tir,

qui a été envoyé, depuis trois semaines, avec cette nouvelle, chez le Landgrave à Pirmasens. On croit qu'il se fera à la fin d'octobre. Tout le monde est fort content, et mon oncle est au comble de la joie. La Cour est à Péterhof; elle ne viendra en ville qu'au commencement de septembre. On attend les deux princes George le mois prochain; le quartier leur est préparé dans une maison particulière que Kroock a dû louer, et ils auront leur propre équipage. Ils vivront ici sans aucune ostentation. L'Impératrice veut voir comment ils ont profité de leur séjour chez [à] l'étranger.

1194. George-Charles, landgrave de Hesse-Darmstadt,—au prince Alexandre Kourakin

Darmstadt, 18 (29) juillet 1773.

Je profite avec empressement du départ de M. de Mosel pour avoir le plaisir de me rappeler à votre souvenir et pour me dédommager un peu, en idée, par quelque petit entretien, du triste éloignement de vous à moi.

J'espère que vous aurez reçu ma réponse à votre chère lettre de Berlin, dans laquelle j'ai pris la liberté de vous parler de mes intérêts personnels relatifs à votre Cour, desquels enhardi par votre politesse particulière, j'ai osé vous confier les avantages. Comme cette lettre a passé par Amsterdam sous l'adresse de M. d'Oldecop conformément à votre avis, je n'ai pas lieu de craindre qu'elle se soit égarée.

Je me flatte, cher Prince, et cette idée ne saurait m'être indifférente, que, malgré les attraits qu'ont toujours pour nous les pays que nous nommons patrie, et que la vôtre vous fournit encore particulièrement, vous n'aurez néanmoins pas oublié tout à fait les climats étrangers, ni leurs habitants auxquels de votre connaissance vous avez su inspirer généralement un regret infini en vous séparant d'eux, suite naturelle du charme que l'on goûte à vous voir et à vous posséder. C'est cette réflexion, fondée sur la constance et la noblesse de vos sentiments que je connais, qui rassure mon individu sur toutes les pensées

inquiétantes que je pourrais concevoir à ce sujet. Au moins, cher Prince, vous me feriez le plus grand tort du monde de me soupçonner seulement capable de quelque indifférence à votre égard.

L'époque intéressante qui vient de commencer pour la maison de Hesse, vu le mariage futur du Grand-Duc avec ma cousine Wilhelmine et qui s'est déclaré maintenant, ne fait qu'augmenter en moi le désir d'appartenir en quelque façon à la Russie, et de tâcher de pouvoir, peut-être, avec le temps, lui être de quelque utilité par le zèle et l'inclination que je me sens pour ce service.

Je suis impatient de ce que mon frère, qui est encore à Berlin et duquel dépend particulièrement mon départ d'ici pour le rejoindre, mette un si grand retard au plaisir que j'aurai de vous revoir, l'accomplissement duquel je comptais plus prochain lors de ma première lettre que je ne le crois à cette heure par la raison de plusieurs affaires qui restent encore à finir, auparavant, à mon frère.

Mes parents me chargent de bien des compliments pour vous, mon Prince, oserais-je vous prier de faire les miens où vous le jugerez bon, mais particulièrement à ceux qui se souviendront de moi.

1195. Ernest, duc de Mecklembourg,—au prince Alexandre Kourakin.

Lille, 30 juillet (10 août) 1773.

Cher Prince et ami. Si j'avais su où adresser mes lettres, je vous aurais fait réponse sur vos lettres obligeantes que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en passant par l'Allemagne pour retourner chez vous. Que ne vous dois-je point pour les assurances de la continuation d'une amitié constante que vous m'avez vouée! Je vous paye d'un tendre et juste retour, je vous suis attaché pour la vie; ma plume n'exprime que faiblement les sentiments de mon cœur, ma bouche saurait le faire mieux, mais quel éloignement me prive de cette douce satisfaction!

J'attends de votre amitié que vous excuserez la liberté que je prends de vous recommander le porteur de cette lettre. C'est un jeune cavalier du pays, de très bonne famille; c'est un ami que je vous recommande; tout jeune qu'il est, il a éprouvé bien des revers dans la vie, il vient de perdre une jeune, belle et aimable femme qu'il adorait, qui faisait ses délices et celles de toute notre société. Son désespoir et la perte qu'il vient de faire lui rendent sa patrie odieuse; peu favorisé de la fortune, il cherche à être heureux sous la protection d'une princesse qui marque les jours et les heures de son règne par des bienfaits. Ne pourriez-vous pas, par votre intercession ou celle de vos parents, le recommander à cette Auguste Princesse, pour qu'il ait le bonheur de participer de [à] ses bienfaits. J'aurais pris le parti de me prosterner devant l'Impératrice pour lui demander cette grâce, mais, mon cher ami, je sais me rendre justice; qu'aurais-je pu attendre? par quelle raison aurais-je pu attendre d'effectuer la moindre chose? je suis un objet trop peu digne d'attention pour une si grande princesse.

1196. Le comte de Saldern cadet—au prince Alexandre Kourakin.

Altona, 13 (24) août 1773.

Votre premier arrangement trouve toute mon approbation. Le plan que S. E. le général a fait est beau et sage. Il ne dépendra que de votre bonne et sérieuse volonté de le suivre. Défiez-vous, mon cher ami, un peu de vous-même. Sur vos petites dépenses, l'article de la garde-robe et votre argent de poche, vous n'êtes rien moins qu'économe. La somme que vous avez pour ce dernier article est très raisonnable; mais je doute que 600 roubles pour votre argent de poche vous suffiront [suffisent] si vous ne changez entièrement de conduite. Croyez-moi qu'avec cette somme on ne saurait jouer gros jeu. C'est une chose que vous aimez pourtant et une malheureuse passion de presque tous les Russes que j'ai connus. Ajoutez à cela que vous n'avez rien moins que l'esprit du jeu et vous saurez

alors, sans moi, quel parti qu'il vous reste à prendre. Je vous tiens, cher Prince, grand compte que vous vous expliquez [expliquiez] si sincèrement sur ce chapitre; faites-en autant sur l'arrangement de vos occupations et n'oubliez pas les entretiens fréquents que nous avons eus sur ce chapitre. N'oubliez pas, cher ami, la répétition de votre droit naturel comme la base de votre future destination, et jetez souvent vos yeux dans la philosophie pour apprendre à juger et à raisonner plus juste que vous n'avez fait jusqu'ici. Pour le reste de vos occupations je me fie sur vous. Vous avez trop d'ambition pour ne pas vouloir connaître à fond les vrais intérêts de votre patrie, et les combiner avec ceux des autres. Vous êtes dans une bonne école et vous avez la plus belle occasion du monde d'en connaître les ressorts les plus cachés.

L'idée qu'on vous a glissée par rapport à une fourrure me paraît bien baroque de la part de son auteur, mais basta.

La nouvelle que vous me donnez du prince Gagarine me fait plaisir. Croyez-moi que je prends un intérêt vif à vous tous.

Je suis fâché d'apprendre ce que vous me marquez par rapport à la lettre de Londres. Je trouve le procédé du vôtre magnanime et plus que généreux.

Je me tais aujourd'hui par rapport à l'Excellence que vous avez. J'attends le retour pour m'expliquer sur ce chapitre plus clairement dans la suite. Je ne comprends pas, en attendant, comment vous pouvez me croire assez faux, de vous avoir caché la chose dont [sur laquelle] on vous a questionné. Croyez-moi que je ne vous en aurais jamais fait mystère, si la chose avait existé, et cela aurait été une duplicité impardonnable de ma part, ayant si souvent parlé sincèrement sur ce chapitre. En attendant, à juger par votre lettre, vous n'avez pas été au fait des choses que je soupçonne par rapport à celui qui est parti. Je m'expliquerai une autre fois, peut-être, plus clairement, sur ce que je ne dis pas aujourd'hui.

Le choix qu'on a fait de la princesse Wilhelmine me fait un grand plaisir. Dieu veuille rendre ce couple heureux,

le bonheur de tant de nations en dépend. Je vous prie de m marquer à temps le jour des noces. Le prince héréditai sera vraisemblablement déjà chez vous. C'est un bon prince qui nous a comblé de politesses. Je vous prie de lui présent mes très humbles respects. N'oubliez pas le baron de Ratl samhausen. Je l'estime et je l'aime. Il est ami de ses ami et un très honnête homme.

N'oubliez pas de me faire le portrait de [des] deux princ George. L'Impératrice agit bien grandement et généreusemer avec la ligne cadette de Holstein; c'est un exemple sa exemple. Ces deux princes auront de quoi vivre très jolimen

La comtesse de Holst de Tondern et Mme de Bulo née comtesse Laowig, demeurent ici. Mme Gahlerg ét en dernier lieu [ici], et les trois Grâces étaient complètes.

Que fait le prince Galitsine et son compagnon? J' envoyé mes rappels à C., il y a presque quatre semaines. J suis curieux, comment qu'on s'y prendra; vous m'entend bien. En tout cas, je le refuse et j'agirai en conséquence d avis que j'ai demandés d'avance.

Les chanoines de Lubeck font les précieux. Vous sav qu'avant la conclusion et la tradition, le prince Fréderic D. doit céder la place de coadjuteur, mais on les mettra la raison.

Le prince Charles de Suède veut faire un tour à Euti Je doute qu'un mariage encore très incertain et nullemer encore avantageux en soit le seul objet.

1197. J. H. F. Oldecop—au prince Alexandre Kourakin.

Amsterdam, 13 (24) août 1773.

Maintenant, il me reste encore à faire quelque réplique votre gracieuse première précédente lettre du 16 (27) juille Vous y dites, mon Prince: „Ce que je puis vous marquer ma patrie ne peut guère vous intéresser puisque vous n'e connaissez pas assez les intérêts particuliers et les dessous d

cartes“. Permettez de vous dire là-dessus que mon père a eu la grâce d'être au service de la Cour nombre d'années, qu'après sa mort, il y a 21 ans, j'ai été chargé des affaires, que le feu comte d'Ostermann a été mon parrain, qu'il fut toujours le protecteur déclaré de ma famille et que, pendant tout le ministère du feu comte de Bestoujev-Rumine, mon père et, après, moi, ont joui d'une protection déclarée. Après, ce fut feu le grand chancelier, comte de Vorontsov, dont la douairière me comble de sa protection, et, pour à présent, j'ai l'honneur d'être en correspondance avec les premiers seigneurs à la Cour, et presque pas un de nos ministres aux cours étrangères avec qui je ne suis [sois] pas lié. Vous voyez donc, mon Prince, que je ne suis pas si novice, et que l'Empire me touche vraiment au cœur, aussi je me fais un honneur d'être sujet de l'Empire, et gloire d'être agent de la Cour dans toutes les villes de la République, suivant le diplôme signé par Sa Majesté Impériale, et d'avoir déjà travaillé au bureau de mon père dès ma première jeunesse, me donne un attachement fidèle et dévoué qui me fait bien prendre à cœur ce qui intéresse l'Empire.

1198. Le prince Alexandre Kourakin—à Oldecop.

St-Pétersbourg, 13 août 1773.

J'avais permission de l'Impératrice de rester à ma campagne depuis le 1er de mai jusqu'au 1er d'août pour soigner ma santé; aussi je me suis présenté à la Cour avant expiration de ce terme. Nous nous mettons en grandes dépenses pour les fiançailles et les noces du Grand-Duc, et j'attends la remise de mes terres vers la fin de ce mois; souffrez donc quelque petit délai, tel qu'il ne m'arrivera pas chaque année.

Ne m'envoyez pas, Monsieur, davantage de vos rosiers; après tant d'épreuves les vôtres ne valent pas vis-à-vis de ceux que nous recevons d'Astrakhan, de Lubeck et de Hambourg qui sont beaucoup plus grands et se conservent beau-

coup mieux en chemin et, qui plus est, sont à meilleur marché, puisque nous recevons une centaine de bonnes racines à 5 r. J'ai une grande ménagerie, à ma campagne, remplie de volaille étrangère et exotique; vos poules de l'année passée et vos canards se sont multipliés beaucoup chez moi, par malheur votre coq a crevé cet hiver. Si vous pouvez me fournir quelque volaille en oies, en canards et en poules de temps en temps, pourvu que les animaux soient de la plus grande espèce, vous m'obligerez toujours. Procurez moi, s'il vous plaît, le printemps prochain, les paons blancs mâle et femelle, que je veux avoir par curiosité; aussi je voudrais les avoir tels que vous [les] avez envoyés, cet été, à M. le grand échanson de Narichkine. Au reste, ma ménagerie ne sera remplie d'autre volaille que de celle qui doit satisfaire notre gourmandise.

Ce jour de poste on a annoncé, dans notre gazette russe, à Pétersbourg, qu'Abraham Herritz, jardinier et courtier, demeurant à la Grande-Rue, auprès de l'école des juifs portugais à Amsterdam, vend toutes sortes d'oignons, de fleurs, de semences aussi de fleurs et de légumes etc. On y a spécifié les espèces et le prix de chacune par centaines, par paquets et par livres. Voici ce que je vous prie de me procurer de lui et de m'envoyer, cet automne, avec le dernier vaisseau, des meilleures sortes et de plus haut prix que j'ai tirés de son registre annoncé: 100 hyacinthes doubles à 20 fl., 100 tulipes à 15 fl., 100 narcisses à 15 fl., 100 renoncules à 15 fl. 100 anémones à 15 fl., 100 jonquilles à 15 fl., un paquet de fleurs diverses à 5 fl., choux-fleurs du Cap de Bonne-Espérance, une livre à 15 fl., dito d'Angleterre à 15 fl., dito de Hollande à 8 fl.

1199. Le prince Alexandre Kourakin—à M. de Simoline.

St-Pétersbourg, 20 août 1773.

Plein de confiance, Monsieur, en vos sentiments pour moi je vous adresse aujourd'hui une prière à la réussite de

elle je m'intéresse infiniment. Le baron Lefort, ancien lonel au service du Roi très-chrétien et domicilié à Strasurg, vient de m'informer que Sa Majesté Danoise, à son ssage par cette ville, a daigné lui promettre pour sa fille ouise une place de chanoinesse dans le chapitre de Walloë, que sa femme pénétrée de ce bienfait a eu alors l'honneur l'en remercier. Les événements survenus après le retour Roi l'ont apparemmeut empêché de se rappeler de cette proesse qui aurait porté la joie et la consolation dans le cœur un père, d'une famille nombreuse et dépourvue des moyens cessaires pour suffire à son entretien; elle assurait le sort sa fille d'une façon aussi agréable que distinguée. Ce qu'il a de vrai, c'est que cinq ans se sont écoulés sans qu'elle t été réalisée, ou plutôt sans qu'on ait encore songé à l'exéter. M. Lefort réclame, à cet effet, mon intercession aurès de la Cour de Danemark. On ne peut être plus porté que le suis à la lui accorder et à lui être utile, c'est un de s hommes de probité, dont la réputation, partout où elle nètre, est également établie; il a de plus captivé ma reconissance par l'attachement et le zèle qu'il m'a témoignés en us d'une occasion.

Mais, Monsieur, avant que vous fassiez quelque demande lative à cet objet, je désirerais bien que vous prissiez, votre côté, des informations, comment et sur quel pied . Lefort a reçu cette espérance, ce qui en a pu retarder xécution, et même s'il n'est pas contraire aux règles du apitre de Walloë qu'une étrangère y soit admise? Vous ntez parfaitement que mon penchant à servir mes amis se nde toujours sur les principes les plus scrupuleux de la stice et de l'impartialité.

C'est tout ce que je vous recommande, Monsieur, plus que rsuadé, d'ailleurs, de votre amitié. Je ne doute nullement e vous n'employiez toute l'efficacité de vos soins au ccès de cette affaire, pourvu seulement qu'elle soit isable.

1200. Le baron Lefort—au prince Alexandre Kourakin.

Strasbourg, 27 août (7 septembre) 1773.

J'ai lu avec une véritable joie, Monsieur, tout ce que vous m'avez fait l'honneur de me marquer relativement au sujet du séjour de Mme la Landgrave et de Mmes les Princesses à la Cour Impériale de Russie, dont Mme la duchesse des Deux-Ponts a la bonté de me faire part, de temps à autre, des nouvelles que cette respectable Princesse reçoit de Mme la Landgrave.

Je suis comblé, mon cher Prince, de voir le jeune Nélédinski répondre à la bonne opinion que j'ai toujours eue de lui. Si vous aviez lu toutes les lettres que j'ai pris la liberté d'écrire, dans ce temps-là, à son illustre protecteur et oncle qui me l'avait recommandé si fortement, vous y auriez vu que je ne me suis pas trompé sur son compte. Mais ce qu'il y a eu de singulier, c'est que j'étais le seul dans cette ville qui pensât avantageusement de cette jeune tête qui, sans l'expérience que m'a [ont] donnée mes cheveux blancs, aurait souvent échauffé la mienne qui, heureusement, a acquis cette force calme qui sait s'arrêter quand il le faut.

Il est bien flatteur, à l'âge de votre cousin, d'être à la tête d'une compagnie de grenadiers. La valeur m'a toujours paru la seule vertu qu'il n'est pas possible de contrefaire. S'il était [est] encore à Pétersbourg, grondez-le un peu de ma part de ne m'avoir pas donné signe de vie depuis si longtemps. Si j'étais à la place de M. son père, je préférerais, à la longue, le séjour de la Suisse à celui de Paris.

J'aime mon frère; j'ai fait depuis quarante ans ce que peu de frères auraient fait à ma place, et je n'y ai certainement pas regret; mais figurez-vous que, depuis deux ans, il me doit réponse à 5 ou 6 lettres. Adressez-lui vos lettres à Cassel ou envoyez-les-moi, je les lui ferai passer, ce qui, à la vérité, ferait qu'il les recevrait huit jours plus tard. Quant à mon aimable petite sœur, qui a logé un mois à Strasbourg chez

moi, elle a préféré de se fixer en Suisse où elle a choisi Morges, près de Lausanne, pour son domicile. Je lui ai donné, à Genève et dans les environs, mes amis qui lui procurèrent bien des agréments par toutes les lettres que j'en reçois exactement.

1201. Mémoires à Son Altesse le prince Alexandre Kourakin.

1773 г. сентябрь — 1775 г. іюль.

1773. Septembre. Fait habit, veste et culotte de petit velours, 6 roubles, 10 aunes de serge, à 1 r. 25, 12 r. 50, raccommodé un habit de velours 50 c., habit, veste et culotte de velours avec broderie appliquée, 6 r., 10 aunes de serge 12 r. 50, pour appliquer la broderie 8 r., derrière de la veste 1 r. 50, habit et culotte de gros de Naples, veste, parements d'étoffe et broderie appliquée 6 r., 4½ aunes de serge 5 r. 50, pour appliquer la broderie 8 r., une paire de guêtres 1 r.; 2 aunes de serge 2 r. 50, remis deux habits de livrée à la taille 4 r., bordé cinq chapeaux 1 r.; pour le coureur, habit, veste et culotte, galon sur la taille 6 r., doublure de la veste et boutonnières d'argent 1 r.

Octobre Dégraissé un habit de velours 50 c., pour le valet de chambre, veste et culotte de drap 3 r., quatre douzaines de boutons 1 r. 20, pour le nègre, un habit 4 r., doublure de la veste et boutonnières d'argent 1 r.

Novembre. Habit, veste et culotte de ratine, 6 r., une pelisse 2 r., refait parements à un habit à broderie appliquée 1 r., habit, culotte de drap, veste, 6 r., boutonnières d'or à la veste 1 r., habit, veste et culotte de velours de coton, 6 r.

Décembre. Habit et culotte velours noir 4 r. 50, remis une veste de satin brodée à la taille 1 r., raccommodé une veste d'étoffe 25 c., fait un peckisch 4 r.

1774. Février. Pour le valet de chambre, 3 habits galonnés à 6 r., 18 r., deux habits, vestes et culottes de drap, à 2 r., 4 r.

Mars. Habit, veste et culotte de drap vert, brodé, 6 r.

Avril. Cinq habits, veste et culotte de drap bleu, à 4 r., 20 r., trois habits de livrée galonnés, à deux culottes, à 7 r., 21 r., doublure de la veste et boutonnières d'argent 3 r., pour le nègre, un habit et doublé un [autre], chaîne d'argent 4 r., pour le coureur, habit, veste et culotte, galonné 5 r., doublure de la veste et boutonnières 1 r., pour le barbier, habit, veste et culotte, 4 r., pour le cuisinier, habit et culotte, 4 r., deux redingotes, vestes et culottes, à 4 r., 8 r., deux vestes et culottes, à 2 r., 4 r., habit de drap paille, veste et culotte de gros de Naples, refait galon à la polonaise 8 r., quatre habits, vestes et culottes de drap, à 4 r., 16 r., cinq surtouts, vestes et culottes, à 5 r., 25 r.

Mai. Une culotte de tricot soie blanche 1 r. 75, habit, veste et culotte de reps moiré noir 6 r., habit de camelot gris, veste et culotte noires, 6 r., bordé et boutons 2 r. 50, pour le coureur, deux habits, vestes et culottes de basin, à 4 r., 8 r., habit, veste et culotte de drap brun, 6 r., culotte de tricot soie ponceau 1 r. 75, veste et culotte blanche 2 r. 50, doublure 1 r. 50.

Juin. Veste brodée en argent 1 r. 50, veste de gros de Tours brodée en soie noire 1 r. 50, habit de camelot vert paille brodé 5 r., habit de camelot gris 3 r., habit de drap gris paille, veste et culotte, 6 r., habit, veste et culotte de gros de Tours bleu, veste d'étoffe, 6 r., habit, veste et culotte de prussien capucin, 6 r.

Juillet. Habit, veste et culotte, brodé en soie 6 r., veste et culotte d'étoffe de soie bleue et blanche 2 r., doublure 1 r, veste et culotte blanche 2 r., doublure 1 r.

Août. Fait un habit de demi-drap, veste et culotte paille, 6 r., habit, veste et culotte de drap capucin, 6 r., habit, veste et culotte d'étoffe, brodé 6 r.

Septembre. Habit, veste et culotte de drap vert de pomme, galonné 6 r., redingote de drap bleu 3 r., habit, veste et culotte de drap noir, 6 r., une robe de chambre 1 r.

Octobre. Habit, veste et culotte de velours de coton bleu, 6 r., habit, veste et culotte de velours mordoré, 6 r., habit, veste et culotte double fourreau, 7 r., habit, veste et culotte de velours, 6 r.

Novembre. Habit, veste et culotte de velours, 6 r., habit, veste et culotte de ratine, 6 r., frac, veste et culotte de drap bleu, 6 r.

Décembre. Une pelisse à broderie appliquée 6 r., deux camisoles 2 r.

1775. Février. Habit, veste et culotte de drap gris, galonné, 6 r., habit et culotte de drap bleu, veste d'étoffe, galonné, olive 6 r.

Mars. Trois habits de livrée à une culotte, à 6 r., 18 r.

Avril. Habit, veste et culotte de velours, 6 r., pour le valet de chambre, cinq habits à 5 r., 25 r., pour le coureur, habit, veste et culotte, 5 r., veste de drap bleu galonnée, et redoublé l'habit 3 r., habit, veste et culotte de drap mordoré, 6 r.

Mai. Trois vestes et culottes de basin, à 2 r., 6 r., habit, veste et culotte de camelot gris, 6 r., habit, veste et culotte de drap gris, 6 r., deux vestes et culottes 4 r.

Juin. Habit et culotte de drap bleu 4 r. 50, habit, veste et culotte d'étoffe de soie, à broderie appliquée, 6 r., pour appliquer la broderie 8 r., habit, veste et culotte de gros de Tours, brodé 6 r.

Juillet. Habit, veste et culotte, brodé sur toute la taille 8 r., habit, veste et culotte, galonné à la polonaise, 8 r., deux vestes et culottes de basin 4 r., fourni la doublure pour un habit 1 r., fait trois fourreaux 1 r., une redingote de drap 3 r., bordé et boutons 2 r. 50, pour un officiant, fait une redingote 2 r. Total 583 r. 70 c.

Fourni le 16 septembre 1773 à dîner: 1 glace au citron 1 r. 50, 1 crème à la vanille 1 r. 50, 2 assiettes montées en pastillage, garnies de bonbons, à 75 c. 1 r 50, 2 assiettes montées, garnies de fours, à 50 c., 1 r., 1 compote d'abricots 75 c., 1 compote tournée d'oranges amères 75 c., 1 framboise 60 cop., 1 gelée de groseille 60 cop. Total 8 r. 20.

1202. Le comte Alexis Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Kourakin.

Londres, 13 (24) septembre 1773.

Vous savez, aimable et cher Prince, la façon dont s'est passée une partie de l'été: c'est à soigner la santé de la meilleure moitié de moi-même et, en vérité, la mienne propre. La continuité d'une attention toujours tendue allait en épuiser les facultés, sans cette espèce de distraction à la multiplicité de embarras qui m'obsédaient dans la plus bruyante des villes. Pl

d'un incident trompa mes espérances et m'empêcha de recueillir tous les effets salutaires que j'espérais de ma cure. Tout concourait, enfin, à me faire envisager mon retour à Londres avec autant de chagrin que d'inquiétude, lorsque mon arrivée fut marquée par plus d'une circonstance, l'une plus satisfaisante que l'autre. Et croiriez-vous, cher et digne Prince, que celle d'avoir eu de vos lettres, est précisément celle qui toucha le plus mon cœur. Je sais si bien en apprécier l'expression, que je ne m'en estime que plus digne des sentiments dont vous continuez encore à m'honorer et que je désire si ardemment me conserver. Le bienfait généreux de S. M. notre incomparable Impératrice ne serait pas, mon cher Prince, l'effet du tableau que vous aviez fait de ma situation à votre oncle, le plus aimable et le plus digne des hommes. Vous n'aurez, j'en suis sûr, pas manqué de la lui peindre avec toutes les couleurs d'un intérêt vif, et son âme bienfaisante n'aura pas eu de difficultés à en recevoir des impressions en ma faveur. Cela me mène droit à la conclusion que c'est vous qui l'avez ému, et que c'est lui qui a été intercesseur, car je ne connais que la main qui m'a fait partir ce bienfait, mais j'en ignore le moteur. Eh, que j'aime à le chercher dans celui dont l'amitié fait que je m'honore! Ce double motif me rend tout à la reconnaissance la plus vraie. En tout cas, elle ne vous appartient pas moins justement par tout ce que vous avez déjà fait pour moi, et par ce que vous vous proposez encore à [de] faire. C'en est assez pour mon cœur, pour vous être dévoué à jamais, et indépendamment des effets qui en résulteront pour le bonheur et pour la tranquillité du ménage. Oui, mon cher Prince, on ne s'applique qu'avec un succès plus heureux lorsque l'esprit est dégagé des soins domestiques, et l'excès de la cherté a mis si souvent le mien à la gêne qu'à lui ôter [qu'il lui a ôté] quelquefois les facultés d'opérer.

Le bienfait dont je suis si plein, l'a tranquillisé pour le présent au point de me rendre toute la vivacité et la vigueur nécessaires pour le mériter; mais, en justice, il

faudrait une augmentation proportionnée aux prix des choses, et, à ce calcul, il n'en faudrait pas moins de 15 mille roubles par an. Cela serait digne d'une grande puissance pour mettre ses ministres à même de soutenir l'idée dans une ville qui est si remplie de noblesse et qui, en général, est si naturellement portée à tout ce qui la regarde.

Quelque peu que vous trouviez d'analogie entre votre façon de vous occuper et entre la vie que vous menez actuellement, par état, je ne saurais me dispenser de croire qu'elle ne laissera que de vous être, un jour ou autre, d'une très grande utilité. Vous prévenez même ma prophétie par l'usage que vous faites du peu de loisir que vous laisse votre position. Ce passage alternatif du cabinet sur la scène développera de plus en plus ces dispositions heureuses qui feront de vous, le dirai-je, un grand homme en plus d'un genre. Vous en avez le germe; l'étude l'a cultivé, et le sentiment le fortifie; l'exercice seul le fera fructifier. La lecture de chancellerie que vous avez entreprise est, sans doute, la route qui devrait mener le plus immédiatement au fi que vous cherchez avec un zèle aussi louable; mais les pièces qu passeront par vos mains, ne sont-elles pas plutôt des ébauches souvent imparfaites du tableau actuel, qu'un résumé des observations approfondies et fondées sur l'expérience. Toujours seront-elles des faits qui invitent à faire des réflexions; e c'est déjà quelque chose pour la plupart et assez pour vous Il serait cependant à souhaiter que les ministres de Russie e différentes villes eussent les ordres, à l'exemple de ceux d Suède, de faire, de temps à autre, des relations raisonnées e comme des résumés de tout ce qu'ils avaient écrit par lambeau et à mesure que les événements en fournissaient la matière

Les bienfaits, dont notre incomparable Souveraine a récompens le plus vertueux des ministres, sont dignes de la main qui les a donnés et de celle qui les a reçus; et c'est la postérité qu jugera qui ils honorent [est honoré] davantage, le sujet qui a rendu de [des] services si importants ou le souverain qui a su les apprécier à leur véritable valeur. Les idées qui se présentent à

naturellement sont si touchantes, sont si puissantes que la vertu seule devrait être pour un chacun le plus grand et le seul des biens.

Vous voulez savoir les nouvelles galantes. Ce n'est pas trop mon fort, mais je vais vous obéir. La pauvre Henriette est encore telle que vous l'avez connue; sage, douce, modeste, mais sans époux. Il me semble même que le vermeil de ses joues passe et que ses lèvres deviennent moins brillantes; et personne ne s'offre, les uns, par crainte d'être refusés, les autres, parce qu'ils lui supposent de la hauteur, et tous, par la facilité d'être impudemment libertins et par l'habitude qu'ils en ont contractée. Mais lady Barimore n'est devenue dans son veuvage que plus intéressante. Son sot et brutal mari s'est enfin avisé de mourir et lui a laissé 4000 l. st. de douaire. On lui suppose déjà une intrigue avec un certain M. Henge. Les jeunes femmes ici paraissent avoir le diable au corps.

Слышу, что князь Петръ Васильевичъ Репнинъ выученъ французскимъ, а не англійскимъ посломъ; жалѣю о томъ очень и приписываю болѣе оплошности персональной посла, нежели здѣшнимъ желаніямъ, намѣреніямъ и системѣ, которыя, право, состоятъ на такомъ основаніи, на какомъ бы можно желать оныя видѣть. Не достаетъ къ доказательству однихъ только случаевъ; едва можно ли быть онымъ прежде окончанія настоящей войны. Дай, Боже, славнаго и такого мира, какой бы увѣнчалъ труды и министерство общаго нашего благодѣтеля.

1203. Приказъ въ Московскую домовую контору князей Куракиныхъ.

1773 г. сентября 19.

Присланнымъ письмомъ князь Александръ Борисовичъ къ графу Петру Ивановичу просилъ: какъ, по случаю въ нынѣшнемъ году торжества свадьбы ихъ императорскихъ высочествъ, обязанъ онъ, будучи придворнымъ кавалеромъ, сдѣлать большія издержки на богатыя платья себѣ и ливрею людямъ, чего и недостаетъ у него отпущенной къ содержанію его на сей годъ денежной суммы, то, чтобы опекунскій совѣтъ благоволилъ выдать ему еще пятьсотъ рублевъ, да заказалъ въ Москвѣ сдѣлать для его парадной ливреи шести аршинъ басаману шелковаго съ серебромъ. Совѣтъ, принявъ сіе торжественное происшествіе къ излишнимъ его издержкамъ необходимымъ, опредѣляетъ изъ наличной сего дома суммы пятьсотъ рублевъ переслать къ нему съ первою почтою, а и требованный басаманъ, сдѣлавъ въ Москвѣ, къ

нему-жъ отправить и деньги за него изъ общей суммы заплатить, а всю сію сумму поставить на его особенный предъ другими братьями счетъ со всѣми прочими произведенными на него особенно изъ общей ихъ суммы издержками. Графъ Петръ Панинъ.

1204. Le prince A. Lobanov-Rostovski—au prince Alexandre Kourakin.

Stockholm, 4 (15) octobre 1773.

Mon cher cousin. J'ai reçu, il y a quelques jours, la lettre que vous avez bien voulu m'écrire. Le plaisir qu'elle m'a causé est trop sensible pour que je diffère plus longtemps à vous en témoigner ma vive reconnaissance. Je ne saurais assez vous remercier de l'intérêt que vous prenez à ma santé; les eaux de Pyrmont, que j'ai bues pendant cet été, m'ont fait un bien infini. Je vous supplie de m'informer désormais de la vôtre, et soyez persuadé que la part que j'y prends mérite cette complaisance. Je ne m'étendrai point en vaines assurances d'amitié réciproque; je vous dirai seulement qu'à l'avenir mon plus grand soin sera de rechercher les occasions par lesquelles je puisse vous donner des preuves réelles de la sincérité de mes sentiments.

Quant aux nouvelles de ce pays, je ne puis vous en dire aucune qui vous intéresse, si ce n'est que l'absence de la Cour s'est bien fait sentir dans la capitale où l'on s'est assez ennuyé. Le Roi est maintenant à Drottningholm; on se flatte qu'il rentrera en ville pour le 29 du courant. Les plaisirs de Stockholm sont maintenant bornés à deux opéras suédois, dont l'un a été donné pendant cette année, plus de vingt-cinq fois; ainsi vous pouvez juger, mon cher cousin, combien le plaisir en est usé.

Pour mes occupations, elles se bornent aux moments de lecture en différents genres de littérature. Du reste, je ne sais à quoi l'on me destine, et j'avoue que ce m'est encore une énigme, car j'ai déjà passé deux années bien inutilement.

Je vous prie, mon cher cousin, de me faire savoir s'il se trouve à vendre à Pétersbourg une carte de nos découvertes maritimes du côté de l'Amérique, faite depuis les années 66. 67 ou 68 jusqu'à présent.

1205. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1773 г. октября 18. [Москва].

Вы, мой дорогой, послѣ своихъ праздниковъ уже отдыхаете, а здѣсь начали съ прошедшаго воскресенья у князь Михайлы Н. обѣдомъ, въ понедѣльникъ балъ и ужинъ, очень огромный и порядочный, гдѣ было званыхъ больше 200 человѣкъ. Прошу отъ меня его княжнѣ сказать поклонъ, какъ и то, что мы всѣ были имъ очень хорошо угощены, и онъ самъ много танцовалъ. Сегодня же для всего дворянства даётъ маскарадъ, гдѣ, думаю, будетъ великое множество. Сказываютъ, что магистратъ намѣренъ также дать праздникъ. Не забуду-жъ и того вамъ сказать, что безумный Мамоновъ очень въ евтомъ случаѣ передъ всѣми отличился: домъ его, противъ всего города, былъ больше всѣхъ иллюминованъ, гдѣ была собрана довольная часть народа, которому онъ изъ окошка самъ бросалъ серебряныя деньги, а на улицѣ его два гайдука изъ мѣшковъ—мѣдныя, и они съ хозяиномъ всѣмъ кричали виватъ! Вотъ, мой дорогой, чтó вамъ отсюдова могу сказать.

Многіе изъ деревень съѣзжаются, для чего публичные съѣзды уже начались. Сказываютъ, будто довольно веселятся; однако я еще не соучаствовала, итакъ, сама не знаю, весело ли или нѣтъ.

Къ неожиданію своему слышу, что вы стали очень женерозны, съ чѣмъ васъ поздравляю. Жалѣю, что на этотъ случай я съ вами розна, и такъ чивостью вашей пользоваться не могу; да и то правда, что я выпрашивать ни у кого не люблю. Между тѣмъ скажу, что меня ничто такъ не удивляетъ, какъ вашъ Богомъ данный дядюшка, что старается себя во всемъ на чужой счётъ довольствовать.

Матушка приказала вамъ свой поклонъ сказать; считая, что устрицы уже къ вамъ привезены, проситъ, чтобъ ей бочку прислали, чтó, думаю, свободно можете сдѣлать чрезъ Ив. Ив. Брока.

О Марьѣ Романовнѣ для того вамъ умалчиваю, что вы довольно объ ея дурачествѣ слышали; не только быть этому солдно, но оно столько мерзко и велико, что всего упомнить неможно.

1206. Le comte de Solms—au prince Alexandre Kourakin.

[St-Pétersbourg], 21 octobre 1773.

Je suis fort aise, mon Prince, de voir que le secrétaire c M. de Ribbing ne m'a pas imposé, lorsqu'il m'a dit qu sortait de chez vous. Cela me sert au moins de justificatioı que ce n'est pas par ma faute que je vous retiens votre ma son. J'ai reçu les insinuations que ce Monsieur m'a faites (la part du B. Ribbing, hier au soir. Et ce matin, très fro dement, je lui ai fait dire nettement que, connaissant son ét délabré, il n'aurait pas dû attendre jusqu'au dernier mome pour prendre un autre quartier, sachant que le sien était loı pour le 1er novembre, et n'ayant plus de droit d'y demeure vu que son contrat avait été fini avec le dernier de septembr que je me reposais sur la complaisance de M. le prince (Kourakin, mais que j'avais honte d'en abuser, et que si devais lui demander la permission de demeurer encore pl longtemps dans sa maison, ce serait aux dépens de mon no vel hôte, puisque je tâcherai alors de prendre une autre ma son tout à fait, et que ce serait après à M. de Ribbing le dédommager de la perte. Cela a fait le plus d'impressi sur cette âme indiscrète. L'hôte y est venu appuyer encore l dessus, et, présentement, secrétaire, consul suédois et tou la nation suédoise est employée pour chercher un quarti Cependant, je doute que nous le fassions déloger avant le jeu 31 de ce mois, à moins que vous ne lui fassiez dire, m Prince, que vous le fassiez [faites] prier de sortir lundi, comı il l'avait promis positivement, puisque vous vouliez entrer da votre maison le 1er d'octobre. Pour moi, je ne peux plus ri lui faire dire, à moins que notre correspondance verbale ı devienne tout à fait désobligeante. Je lui ferai savoir pourta que vous me pressiez de commencer à déloger lundi, sur promesse que je vous avais faite sur les assurances de M. Ribbing.

Soyez sûr, du reste, mon Prince, que je me trouve ici s des charbons; j'ai déjà empaqueté beaucoup de mes effets,

que, le moment que je saurai la place vide, je commencerai à me transporter, je suivrai moi-même aussitôt que les chambres que je dois occuper soient [seront] seulement un peu nettoyées de l'ancien levain.

1207. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1773 г. октября 28. Москва.

Братъ вашъ, князь Степанъ Борисовичъ, нынѣшнюю ночь сюда пріѣхалъ; здоровъ, славу Богу. Меня удивилъ: изъ доброй воли ѣхалъ въ кибиткѣ,—говоритъ, что привыкъ. Привезъ мнѣ отъ тебя твой портретъ, который гораздо тебя хуже, и мнѣ кажется, что вся мина не твоя. Однакоже, хотя портретъ и не походитъ, только я вамъ благодарствую, что вы меня при всякомъ случаѣ стараетесь утѣшить.

Пожалуй, другъ мой, попроси у брата моего мнѣ въ табакерку шпанскаго табаку, что̀ онъ нюхаетъ. Со мною была одна табакерка и ту раздѣлила съ Марьею Родивоновною,—она полюбила его. Вы знаете, что отговориться неможно. Поручаю васъ Богу.

1208. Князь Алексѣй Куракинъ—княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ Куракиной.

1773 г. октября 30. С.-Петербургъ.

Ваше милостивѣйшее письмо меня такъ обрадовало, что вы себѣ не можете повѣрить. Вы изволите ко мнѣ писать, чтобъ я попенялъ братцу, князю Степану Борисовичу, что онъ къ вамъ не пишетъ. Ваша коммиссія была бы исполнена съ возможною точностью, ежели-бъ я могъ съ нимъ говорить; но вы сами извольте ему попенять, потому что онъ поѣхалъ къ вамъ этому двѣ недѣли. Что же касается до братцевой болѣзни, она, слава Богу, прошла счастливо. Его лѣчитъ Иванъ Филипповичъ, который скоро женится на государыниной камерьюнгферѣ, называемой Полтавцева.

Вчерась дѣдушка, графъ Никита Ивановичъ, у насъ ужиналъ.

Здѣсь мука такъ дорога, что вы себѣ не можете пре; ставить: оржаной куль продается 5 рублевъ. Итакъ, изволы подумать о состояніи барскихъ людей, которымъ даётся і 1 р. 50 к. на мѣсяцъ со всѣмъ. Наши люди не такъ жалк потому что мука домашняя есть.

1209. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1773 г. октября 31. Москва.

Я вамъ, любезный другъ, обѣщалъ прислать съ нынѣшн почтой обстоятельное описаніе моей дороги отъ васъ до сего мѣст

Поѣхавъ отъ васъ, я съ превеликимъ трудомъ и безп койствомъ пріѣхалъ въ середу поутру, въ десять часовъ, і Новгородъ, гдѣ отобѣдавъ, поѣхалъ во второмъ часу; прибы я ввечеру въ Вышній Волочокъ, а къ свѣту—въ Торжкѣ, г я нѣсколько, слава Богу, отдохнулъ отъ премерзкой дорог Въ пятницу пріѣхалъ я въ Тверь, гдѣ отужинавъ, продолжа свой путь и прибылъ въ первомъ часу въ Клинъ, гдѣ отоб давъ, поѣхалъ въ пятомъ часу далѣе и, наконецъ, въ воскр сенье, въ полночь, пріѣхалъ я въ славный градъ Москву, і бабушкѣ, гдѣ насилу могъ достучаться.

На другой день, увидѣвъ всѣхъ, слава Богу, въ добро здоровьѣ, былъ я у дѣдушки, котораго также нашелъ въ до ромъ здравіи; обѣдалъ дома. А послѣ обѣда былъ я у наш больной тётки княгини, которая очень мнѣ обрадовалась, меня про васъ спрашивала о здоровьѣ вашемъ.

Во вторникъ обѣдалъ я у князя Ивана Ивановича ужиналъ я у дѣдушки, который былъ на охотѣ. Къ крайн сожалѣнію моему, мое предвѣщаніе вамъ исполнилось: дѣду говоритъ мнѣ, что никогда отъ васъ не ожидалъ, чтобы такъ пренебрегали и отдали Александру Θедоровичу в верховую лошадь, которую онъ, любя васъ только, отдалъ ва ее получа самъ отъ друга на память. Жалѣетъ онъ весь что оная лошадь поднесена вами на жертву Александру Θе ровичу.

Нынче былъ я у дѣдушки, который приказалъ мнѣ, чтобъ чрезъ васъ, любезный другъ, выписалъ сюда, какъ вамъ жно будетъ скорѣе, для меня на волѣ живущаго повара лисѣева, брата родного тому парню Макару Васильеву лисѣеву, который жилъ у Юрія Александровича.

1210. Le comte Alexis Moussine-Pouchkine—au prince Alexandre Kourakin.

Londres, 5 (16) novembre 1773.

Comment avez-vous pu, mon respectable et cher Prince, vous ccuper d'un absent dans des temps aussi importants pour la ussie et qui devaient vous avoir laissé si peu de loisirs de este! S'il n'y a que vous qui soyez capable d'un pareil effort, il y a, en vérité, que moi qui en sois d'autant moins indigne e je sais le reconnaître dans toute son étendue. Aussi votre armante lettre du 4 (15) octobre m'a-t-elle été d'un prix fini; j'en tirais même une espèce de vanité, à en juger par la vacité de ce que je sentais en la lisant.

Vous m'aurez déjà justifié du silence que vous me reprochez, er et incomparable ami, par celle que j'ai eu l'honneur de us écrire tout en revenant de ma tournée. Nous continuons à ir du bien qu'elle nous a fait. Votre bonne, votre tendre man en a ramassé assez pour avoir déjà pu soutenir vigouusement plus d'une mauvaise influence de l'atmosphère bituuse et sulfureuse de Londres. Il semble même que le pire t déjà passé. Cette capitale pour n'avoir pas encore les membres Parlement, n'en est pas moins bruyante, tant il y a de devoirs tat et de société à rendre. Vous savez la nécessité qu'il y a vivre ici avec tout le monde, et l'impossibilité de se borner quelque coterie dont on ignore même le nom. Le genre de e, pour n'être pas le meilleur, est cependant celui qui convient plus et le mieux à Londres. Que je serais enchanté de us y revoir encore une fois!

Celui dont vous me faites, mon respectable Prince, le détail, e semble être le plus propre et le mieux combiné à vous

distinguer un jour ou autre dans tous les rôles que vous avez à jouer sur le théâtre du grand monde. Vous ne vous séparez déjà de la multitude que par ce que vous devez un jour la conduire. Elle est faite pour être toujours hors d'elle, pendant qu'il n'y a qu'un très petit nombre d'êtres assez heureusement organisés pour se plaire avec eux-mêmes, et pour oser s'examiner sans pressentir si la raison est un juge sévère. Ses décrets n'en sont que plus doux. Vous devez plus d'une fois en éprouver cette satisfaction. N'allez cependant pas vous y livrer entièrement; conservez plutôt une espèce de méfiance de ce qui nous plaît le plus. En applaudissant à la sage distribution de votre temps, permettez que je vous fasse l'observation que vous y avez omis celui qui est le plus essentiellement nécessaire pour la conservation de notre santé, le grand pivôt de toutes nos actions. Point de manège, point d'exercice journalier et régulier Croyez-vous qu'il n'en faille point? Ah, mon cher Prince, je désire que vous pussiez [puissiez] bien longtemps n'avoir point de raison à [pour] changer de sentiment! Mais croyez en un ami qui vous est on ne peut plus attaché. Accoutumez-vous à quelque exercice, soit jeu de pommes [paume], soit cheval, soit promenade, et vous ne tarderez guère à vous ressentir du bien et même de la vigueur, dans toutes vos facultés. Je pense bien que ce n'est point de cela que vous vous plaignez, mais ce n'est pas pour le temps de votre bel âge seulement que je parle. J'étends mes vœux à proportion et à mesure de mon attachement sans bornes.

Je puis donc dans peu me féliciter de vous avoir pour collègue. Je désire seulement que ce soit dans un endroit qui vous donnât [donne] de l'occupation, car rien n'est plus désagréable que de s'en procurer à force de tâtonner. On s'habitue à n'avoir que de la précaution, lorsqu'il s'agit peut-être d'agir avec courage et prudence. Ces deux qualités ne sont pas moins essentielles à un ministre qu'à un général commandant. L'inaction gâte souvent l'un et l'autre. Vous pourriez ouvrir votre carrière sous les auspices les plus heureux. Je n'ai point d'offres à vous

ire à cet égard, mais vous pouvez sûrement et hardiment ompter sur mes faibles lumières et sur tout ce qui peut seulement dépendre de moi, ici et partout où je pourrais jamais être.

1211. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1773 г. ноября 14. Москва.

Любезный другъ князь Александръ Борисовичъ! Нынѣшняго я я получилъ ваше мнѣ пріятное письмо, отъ 7-го текущаго, оторое меня весьма обрадовало со стороны полученія извѣія о вашемъ здоровьѣ; напротивъ того, со стороны вашей рали, оно весьма меня опечалило, что вы меня поставляете же самаго малаго ребенка, который до десяти перечесть не жетъ. Любезный другъ, я не знаю, когда вы примѣтили во ѣ, чтобъ я себѣ будто вложилъ въ голову, что, когда кто ситъ темлякъ, избавленъ онымъ отъ всѣхъ прочихъ наукъ и сьма. Хотя я и гораздо меньше вашего ученъ, однако я дую, что вы никогда отъ меня онаго никакъ не слыхали, неже этакъ только можетъ разсуждать самый безразсудный безграмотный офицеръ. Еще же вы мнѣ упоминаете, что во мнѣ нашли нѣсколько мнѣ особливо подлыхъ ухватокъ, торыя никто, слава Богу, во мнѣ не примѣтилъ, кромѣ съ. Мнѣ не остается больше думать иного о томъ, что вы ѣ пишете, какъ только то, что, по вашему разсужденію, я кажусь хуже самаго безразсуднаго и безграмотнаго офицера. акъ, больше не осталось о себѣ иного думать, какъ только , что я считалъ бы себя недостойнымъ назваться вашимъ атомъ, когда бы я имѣлъ вышеозначенное поведеніе и ъ бы разсуждалъ. Но, слава Богу, онаго въ себѣ не нажу, и посторонніе онаго обо мнѣ не могутъ сказать. Итакъ, тавь, пожалуй, это фальшивое обо мнѣ мнѣніе.

Любезный другъ! Поздравляю тебя на новосельѣ. Что же сается до повара, я тебѣ отвѣтствовать буду съ будущей той. Я весьма радъ, что Александръ Ильичъ останется до ти; пожалуй, увѣдомь меня, будетъ ли онъ къ намъ,—его нь сюда ожидаютъ. Весьма доволенъ Прошкой.

Не прогнѣвайся, что я вамъ отвѣтствую такъ на вашу мораль; но она такъ огорчила, что я вамъ все то написалъ, чтó думалъ я себѣ дозволить со всякою справедливостью.

1212. George-Charles, prince de Hesse,—au prince Alexandre Kourakin.

Darmstadt, 14 (25) novembre 1773.

Quoique j'aie été attristé par votre dernière lettre qui m' annoncé ou plutôt qui m'a fait craindre d'être obligé de [me] désiste de mon désir de servir votre patrie, j'ai néanmoins ressent avec bien de la joie combien vous êtes de mes amis par l franchise et la sincérité polie avec laquelle vous m'y parlez Certainement, Prince, ce trait-là ne désavoue pas votre caractère car il est beau, il sait augmenter la confiance, et il est un des preuves sûres d'un ami. Ah, Prince! que je vous envie d n'avoir pu, comme vous, être le premier à vous manifester me sentiments. Mais, en attendant, je vous prie de rendre justice mon cœur en croyant que je saisirai, avec empressement, l première occasion qui me mettra en état de pouvoir vous servi à mon tour.

Mais pour en revenir à ce que vous me dites, pour raiso des bons conseils que vous me donnez, je vous dirai en pe de mots que, considérés par eux-mêmes, je les trouve tou au mieux, mais que vous me faites tort en me supposant exigeant que de prétendre tout de suite un régiment. Non, a contraire, il m'est bien plus agréable de ne pas débuter da un service quelconque par commander, mais plus de l'être da les tout premiers temps (quoique, cependant, le commandeme d'un régiment n'est [ne soit] point ce qu'il y a de plus difficile da le militaire), et si vous voulez vous donner la peine de revoir m première lettre en réponse à la vôtre de Berlin, vous verre mon Prince, ce que j'avais désiré.

C'est infiniment obligeant de votre part de me dire qu tous les individus d'une nation ne pensent pas de même l uns que les autres, me laissant entrevoir que vous daigneri

être de ces personnes qui prennent quelque intérêt à mon sort sans en être jaloux comme d'autres l'auraient été peut-être. Puis, vous voulez me dire encore par là que cela ferait du tort à ma cousine la Grande-Duchesse dans l'esprit de votre nation, si son frère et moi étions entrés ensemble au service, et qu'on pourrait croire, par ce cas, que les étrangers seraient plus favorisés qu'à l'ordinaire, ou qu'on voulait, en même temps, marier à la Russie la princesse et toute sa famille. Oui, Prince, je reconnais ces conjectures possibles et pouvant faire du tort à la Grande-Duchesse, mais justement pour éviter toutes ces choses-là je n'ai pas voulu faire jouer les ressorts de la parenté, mais bien ceux dont tous les étrangers ont besoin, ceux du ministre. Je vous avoue même que tâcher de mériter quelque avantage et, puis, en être récompensé, m'est plus agréable que de ne devoir qu'à la protection, suite d'un heureux hasard de parenté, même quelque fortune peut-être.

En ambitionnant le grade de colonel et des gages, je n'aurais cherché qu'une chose nullement extraordinaire, puisque cela s'est accordé déjà plusieurs fois tant à des princes qu'à d'autres, et, ainsi, cette faveur n'aurait pas pu en faire soupçonner une toute particulière pour moi (qui n'en ai pas mérité encore), de plus, de cette manière ma demande n'aurait nui à personne directement. En me disant d'attendre un an, un an et demi, (je parie que c'est Ridesal qui vous a dit cela) c'est me faire désespérer d'y pouvoir entrer, surtout durant la guerre, puisque mon père, qui se donne toutes les peines pour me placer, en trouvera, j'espère, le moyen jusqu'à ce temps, et n'ayant plus d'autres espérances et ayant attendu si longtemps contre gré, mais qui peut forcer le sort! je ne pourrai plus balancer d'accepter tout de suite au premier cas, ni refuser, comme j'ai fait, ayant encore quelques espérances pour chez vous.

Enfin, je vous dirai, mon Prince, que cette délicatesse dont vous parlez, n'est pas proprement ce (je crois vous avoir assez deviné) qui m'a retenu et qui a fait reculer mon voyage; non, car je n'en aurais pas fait le semblant, puisque, quelquefois,

il faut savoir feindre, et se contraindre, n'est-il pas vrai? Mais, quoique je croie vous avoir compris là-dessus, ayez, néanmoins, la complaisance, si vous voulez me répondre, de me dire, en quelques syllabes seulement, et un peu plus clairement, le sens que vous y avez mis. La raison principale qui m'a fait passer ailleurs, bientôt ici, bientôt là, le temps que je destinais pour la Russie, est toute différente en partie; même ce ne fut, qu'environ quelques semaines avant que je comptais partir, que ces empêchements sont survenus, et puis il était trop tard pour le faire encore à temps.

J'espère que Mme Démidov, qui a eu la complaisance de passer chez vous, se sera acquittée vers [envers] vous, cher Prince, de nos compliments; en revanche, mes parents, en vous réitérant les assurances de leur parfaite estime, vous prient, et moi, de même, de saluer en notre nom Madame et sa compagnie pareillement que les messieurs de notre confiance; pardonnez, je vous prie, cette liberté.

Nous vous supplions de faire compliments à mon cousin, le Prince héréditaire.

1213. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1773 г. ноября 14. [Москва].

Будучи увѣрена въ вашей къ себѣ дружбѣ, надѣюсь, вы отъ меня не скроете, о чемъ васъ спрошу. Къ немалому себѣ удивленію слышала я, что моя сестра княгиня Н[аталія] А[лександровна] интересуется въ дѣлѣ соперниковъ князь Ив[ана] Ив[ановича] и что посылала къ Князеву, или сама ему говорила, чтобъ онъ не старался о послѣднемъ. Если это правда, представьте себѣ, какой несчастливый характеръ она имѣетъ! Нѣтъ въ свѣтѣ человѣка, кому бы хотѣла доброхотствовать, кромѣ самой себя. Знаетъ же и то, что безпристрастно всякій скажетъ, что князь Ив[ана] Ив[ановича] дѣло право, и хотя продолжится, только вѣрно въ его пользу рѣшится.

Будь дискретенъ, мой дорогой другъ, Бога ради, не давайте знать, что я объ этомъ къ вамъ писала; между тѣмъ, старайтесь отъ Князева узнать, правда ли. О чемъ ко мнѣ прошу отписать, только особливымъ письмомъ, а не въ матушкиномъ, тѣмъ меня избавите отъ крайняго огорченія. Я-жъ это стороной слышала. Кажется мнѣ, что здѣсь сестра объ этомъ не знаетъ, для чего желаю объ этомъ обстоятельно знать, чѣмъ можно будетъ лучше ту оправдать передъ здѣшней.

Здѣсь до меня дошло, что князь М. М. Щербатова сына пожаловали въ офицеры, чему я очень рада, особливо для его матери. Чрезъ это вижу, что всѣ доходятъ до того, чтó желаютъ своимъ исканіемъ. Одни только мои бѣдные племянники отъ всѣхъ отстанутъ тѣмъ, что никто вступиться въ нихъ не хочетъ. Не всегда вѣрно, однако часто удаётся, для чего вамъ свою мысль таперь открою. Вы свободное время имѣете говорить съ камергеромъ Васильчиковымъ, котораго можете попросить, чтобы моего Нелединскаго въ гвардію перевести. Убѣдить его можно тѣмъ, что онъ самъ ему родня, и весь нашъ родъ себѣ этимъ обяжетъ. Лобановыхъ же, знаю, Брюсъ любитъ и имъ хорошій пріятель, котораго можете попросить, чтобъ интересовался объ ихъ сынѣ, выпросилъ его къ себѣ въ полкъ.

1214. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1773 г. ноября 21. [Москва].

Брата вашего сердечно люблю: онъ не дуракъ и сердца очень хорошаго, только ничѣмъ не упражняется, кромѣ праздности. Здѣсь онъ еще впервóй имѣетъ въ своей диспозиціи экипажъ, которымъ только и упражненъ. Не думайте, чтобъ въ этого были какія неблагопристойности,—нѣтъ: всякій день у моей сестры, и то не отъ особливой къ ней привязанности, а только чтобы не быть дома. И мы его почти не видимъ; правду сказать, я въ немъ очень много робячества нахожу.

Кажется мнѣ, я все по вашему желанію исполнила,—от-

вѣтствовала на ваши вопросы. Таперь взаимно васъ прошу меня увѣдомить о моемъ Нелединскомъ, написавъ о немъ ко мнѣ всю правду. Я уже не помню, когда имѣла отъ него письма, чтó меня заставляетъ розно мыслить; не знаю, на чемъ утвердиться. Пожалуй, пожури его, для чего такъ измѣнился и, какъ слышу, головой отъ всѣхъ отсталъ, чтó меня очень горчитъ: ни своихъ, ни чужихъ,—никого не знаетъ. Ничѣмъ меня столько не успокоите, какъ тѣмъ, чтобы ввести его въ резонъ тотъ, чтобъ онъ въ людяхъ искалъ и своихъ не забывалъ Онъ не можетъ сумнѣваться, сколь я желаю и, гдѣ могу, стараюсь сдѣлать его благополучія; а долженъ и на то согласиться, что съ его равнодушіемъ ни до чего не дойдетъ.

1215. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1773 г. декабря 5. [Москва].

Не прогнѣвайся, пожалуй, что я къ тебѣ до сихъ поръ не отвѣчалъ и теперь еще не буду отвѣтствовать на ваше ко мнѣ дружеское письмо; развѣ коли я буду имѣть время, то съ будущей почтой конечно вы отъ меня отвѣтъ обстоятельный получите. Оное, любезный другъ, не отъ чего иного произошло, какъ только отъ того, что я приведенъ внѣ себя отъ удивленія, что моего генерала такъ скоро и нечаянно нарядили къ оной жестокой коммиссіи, которую, признаться вамъ, любезный другъ, я бы не желалъ исполнить. Но что же дѣлать, когда служба и долгъ мой онаго требуетъ. Итакъ, я не надѣюсь васъ видѣть прежде, какъ развѣ уже побѣдителемъ онаго злодѣя.

Я теперь, любезный другъ, нахожусь въ великихъ хлопотахъ къ изготовленію моему къ оной премерзкой зимней кампаніи и ожидаю сюда ежедневно своего генерала для зачатія оной кампаніи. Разсуди, любезный другъ, что я долженъ буду, исполняя свою должность, нерѣдко препроводить въ голодѣ и холодѣ. Но что же дѣлать, когда я себѣ оную легонькую службу выбралъ; быть тому уже такъ. Я только о томъ теперь прошу ежедневно, что Богъ велѣлъ бы намъ еще съ вами, любезный другъ, видѣться въ добромъ здоровьѣ.

Я желалъ бы лучше сдѣлать двѣ кампаніи противъ невѣрныхъ турковъ, чѣмъ нежели противу онаго злодѣя, для того что, ежели бы несчастіе мое было, чтобъ я попался въ неволю къ туркамъ, то я-бъ еще ласкался пользоваться своей жизнью; но, напротивъ того, когда я попадусь къ оному злодѣю, то я уже знаю, что мнѣ не миновать висѣлицы.

1216. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 7 (18) décembre 1773.

Jamais une lettre agréable ne m'est pas venue plus à temps que celle dont Votre Altesse m'a honoré. Mon fils aîné commençait alors d'avoir la rechute d'une fièvre chaude qui durait quelques jours, et se changea en fièvre hectique. Les médecins ne lui donnent aucune espérance; il souffre comme un martyr, sa nature robuste lutte contre la mort, mais en vain, selon le sentiment unanime de deux de mes collègues. Mon second fils, ayant la petite vérole, fut en grande crise, et il ne vient de se relever qu'avec beaucoup de peine. Trois de mes enfants, outre ces deux, achevèrent le tableau triste de ma maison et accablèrent le cœur d'un père sensible, lorsque votre lettre, mon Prince, me fut rendue et m'assura de votre précieux souvenir. Elle fit d'abord son effet; j'oubliais pour quelque temps mes désastres, et je m'abandonnais à la douce idée de votre bonheur.

La carrière de la gloire vous est ouverte, mon Prince. Vous y entrez, vous travaillez, voilà mes vœux accomplis. Je suis persuadé qu'en suivant toujours cette vocation intérieure qui vous appelle de vous rendre nécessaire à la patrie, vous serez heureux et n'aurez jamais de quoi vous en repentir. Les plaisirs de la Cour deviennent enfin fades à un homme qui pense. On a beau de tenter à les rendre neufs et piquants par la variation, l'ennui, ce grand fléau de ceux qui n'ont pas l'esprit bouché, les suit partout. Les affaires sont, pour ainsi dire, les épiceries des plaisirs. Ce n'est qu'après avoir bien travaillé

qu'on sent la douceur du délassement. Votre dessein est noble mon Prince; l'exécution en sera glorieuse; vos amis en seron enchantés, et vous terrasserez par cela les atteintes des jaloux

Nos gazettes ont annoncé les nouveaux traits de générosit de Catherine II, surtout ceux dont elle a reconnu les heureu soins de Mgr le comte de Panine. C'est ainsi que le souverains, en honorant le mérite, s'immortalisent. Je souhait de tout mon cœur que la providence couronne les exploit glorieux contre les Turcs. Ce sera une période brillante dan les annales de la Russie qui effacera la gloire des événement passés.

Je suis persuadé que Mgr le prince héréditaire de Hess aura abandonné, sans regret, les desseins qu'il avait, il y a quel ques années, touchant le service de la République. Je suis a comble de la joie quand j'entends quelque nouvelle agréable d Son Altesse. Faites-moi la grâce de l'assurer de mes très humbl respects. J'aurais écrit à M. de Rathsamhausen si je n crois pas [n'avais pas cru] qu'il était [fût] sur son retour. Qu beau, quel glorieux principe de la Cour de Russie de ne fai jamais les choses à demi! Je suis enchanté de voir arriver i le prince, frère de Votre Altesse, et M. le comte Apraxin Disposez de moi, mon Prince, vous connaissez la sincérité d mon dévouement.

Les princes Volkonski sont partis dans le mois d'octobr Ils ont dépensé beaucoup d'argent, du moins la somme qu' m'a nommée, était fort au-dessus de mon attente. Je n comprenais rien pendant qu'ils étaient ici, mais, après leur dépar on m'a expliqué l'énigme, en m'expliquant le ménage.

1217. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1773 г. декабря 8. [Москва].

Вы, конечно, мой дорогой другъ, не ошибаетесь и вѣрит что я, съ своей стороны, все возможное употреблю для вашег успокоенія, только возьмите терпѣніе. Вы знаете, сколь скром

за это должно приняться, для чего надо удобнаго время ждать. Резоны ваши нахожу основательными, для чего хотя еще и молоды, но въ евтомъ не противорѣчу. Боже, дай въ евтомъ предуспѣть и найти её такою, какъ вы желаете, въ чемъ я не сумнѣваюсь, слыша объ ея воспитаніи, для чего нахожу партію очень лестною со всѣхъ сторонъ.

Касательно о своемъ Нелединскомъ, я серьёзно начинаю на него сердиться. Сколько ни старалась его морализировать, къ сожалѣнію себѣ вижу, — ни въ чёмъ не предуспѣю: въ три мѣсяца насилу добилась его письма, и то не отвѣтствуетъ на мое. Можете ему отъ меня сказать, что изъ его страннаго поведенія иного не нахожу, какъ опыты дружбы его съ покойнымъ Ферзономъ, который былъ совершенный pédant. Однако съ протекціею онъ былъ уже на изрядной дорогѣ, а нашъ, къ несчастію, себя совсѣмъ теряетъ. Ничего столько отъ него не требовала, какъ знать, къ чему онъ себя до такой безпечности довелъ. Коротко сказать, что этотъ весь его безпорядокъ предписываю къ себѣ въ наказаніе; онъ знаетъ, сколь онъ мнѣ дорогъ, и нѣтъ того, чтобы для него чего я не сдѣлала; но самъ въ евтомъ никакъ помочь не хочетъ, и такъ останется жертвою своей непростительной воли, отъ чего, между тѣмъ, моя горесть умножается. Если-бъ онъ былъ глупъ, никакъ въ немъ бы не соучаствовала; но на что-жъ и разумъ, если имъ не пользоваться.

О Каровѣ вы уже знаете, что онъ давно здѣсь; дѣлается больнымъ въ горячкѣ съ самаго сюда пріѣзду, сказывается въ бреду, что́ въ самомъ дѣлѣ неправда. Только это въ самомъ существѣ, что этимъ безпутнымъ поступкомъ сдѣлался въ публикѣ единогласно ненавидимъ, и всѣ ропщутъ, что такъ снисходительно съ нимъ рѣшили. А сестра его неописанно жалка, — отъ горести слегла въ постелю, можно сказать, въ отчаяніи.

1218. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 11 (22) décembre 1773.

Il a plu à Dieu, entre huit malades, et la plupart dangereusement, que j'avais à la fois dans la maison, de [d'en] guérir sept et de retirer chez lui mon fils aîné, dans [à] l'âge de 15 an et presque 5 mois. Il est décédé le 17 du courant, aprè avoir souffert des angoisses inexprimables causées par un re doublement d'une fièvre qui l'a entièrement consommé dan peu de semaines. Cette perte m'est d'autant plus sensible, qu sa conduite académique était irréprochable et me faisait naîtr les espérances les plus flatteuses.

Voilà, mon Prince, un exemple frappant pour moi. Combien peu il y a de certitude dans les événements humains! Un jeune homme robuste, dont la mère n'annonce que la plus parfaite santé, et qui vit d'une manière réglée sans donner dan aucun excès, est énervé dans quelques semaines et s'étein comme un vieillard, faute de forces vitales. Les médecins, le plus renommés que nous avons, avouent que la cause de ce accident fâcheux, si douloureux pour le défunt, si triste pou les parents, est et reste un cas obscur. S'il y a quelque chos qui me console, c'est la religion et la résignation dans la volonté du suprême arbitre de la vie humaine qu'il fit éclore dan sa maladie.

1219. Князь Александръ Куракинъ—графу Петру Ивановичу Панину.

1773 г. декабря 16. С.-Петербургъ.

За неимѣніемъ здѣсь для вашего извѣстія никакого достопамятнаго происшествія, съ самымъ сокращеніемъ буду вас нынѣ благодарить за полученное милостивое, отъ 9-го текуща го, ваше письмо, само по себѣ много меня обрадовавшее, но съ другой стороны, и оскорбившее лишеніемъ той лестной на дежды васъ, по моему ожиданію, скоро подъ моею кровлею в въ моихъ объятіяхъ видѣть. Въ существѣ онымъ весьма оп

чаленъ; однако не могу совсѣмъ опровергнуть вашего отдаленія: неоспоримо много бы вещей увидѣли, которыя въ васъ сущее негодованіе возбудили бы безъ малѣйшей вѣроподобности оныя уничтожить или, по крайней мѣрѣ, перемѣнить. Въ такихъ случаяхъ мужу съ духомъ бодрымъ и безпристрастнымъ лучше и спокойнѣе быть въ отдаленіи: тогда ощущаетъ онъ въ своей крови менѣе волненія вреднаго и менѣе всякаго неудовольствія.

Своимъ отказомъ возбудили вы во мнѣ большое желаніе нынѣшнею еще зимою у васъ въ Москвѣ на короткое время побывать. Дня къ моему отъѣзду не опредѣлилъ и опредѣлить не въ состояніи оный, завися отъ обстоятельствъ и отъ позволенія отъ Двора. По вѣроятному моему, съ бдѣннѣйшимъ окомъ, будущаго узрѣнію, о послѣднемъ въ исходѣ наступающаго мѣсяца стараться стану, и чрезъ многіе примѣры никакъ сомнѣваться не надлежитъ, чтобы мнѣ было отказано. Симъ поступкомъ себя самого чрезмѣрно утѣшу и надѣюсь, что оный и вамъ противенъ не будетъ.

По положенному правилу въ моей душѣ ничего отъ васъ закрытаго не имѣть и съ наистрожайшею искренностью о всемъ съ вами изъясняться, позвольте мнѣ вамъ нужный къ моему успокоенію учинить вопросъ (съ непремѣннымъ ожиданіемъ, что на оный, не замедливаясь, съ равною взаимностью и съ надобными мнѣ просвѣщеніями, отвѣтствовать станете, забывъ о моихъ лѣтахъ, имѣя единственно предъ глазами мое состояніе и мои склонности, мною владычествующія): что есть мнѣ полезнѣе,—оставаться холостымъ или приступить къ предпріятію пріобрѣсти себѣ жену, почтенную, добродѣтельную и со всѣми нашимъ желаніямъ соотвѣтствующими качествами? Правда, что я еще молодъ, что отъ меня время не ушло, что всегда можно мнѣ будетъ по сердечной страсти рѣшиться; но сей страсти самой болѣе всего опасаюся: ею бывъ ослѣплены, рѣдко можемъ зло отъ блага отличать. А я предпочтительно желаю, чтобы столь важный выборъ во мнѣ единою силою разсудка и полезными совѣтами истинныхъ друзей руководство-

ванъ былъ, и чтобы, вмѣсто жаркаго любовнаго пламени, между мною и будущею моею женою сильная, тѣсная, твердая и неразрушимая состояла дружба.

Разсмотримъ, милостивый государь, несчастныя и часто необходимыя, отъ холостой жизни происходящія слѣдствія: развратъ въ нравахъ, удаленіе отъ добродѣтели, похищеніе невинности, забвеніе собственныхъ дѣлъ и собственнаго домостроительства и разныя подобныя тому неустройства. Обратимъ же нашъ взоръ на женитьбу вожделѣнную: увидимъ двухъ благополучныхъ людей, ни о чемъ иномъ не мнящихъ, какъ о взаимномъ другъ друга утѣшеніи, благоденствіе и злосчастіе, радость и печаль, отличность и гибель равно между собою и навѣкъ раздѣляющихъ, однимъ словомъ, другъ для друга токмо живущихъ. Въ сей картинѣ, любезнѣйшій благодѣтель, должны узнавать одинъ удачливый выборъ по вышеозначеннымъ правиламъ.

Не говорю я теперь о выборахъ, къ вѣчному раскаянію побуждаемыхъ и непростительною поспѣшностью или какими корыстными и тщеславными видами учиненныхъ. Предварительно извольте быть увѣрены, что мое избраніе не на иномъ будетъ основано, какъ на добросердечіи и старинномъ, скромномъ воспитаніи будущей моей невѣсты, отъ всѣхъ нынѣшнихъ самолюбивыхъ пустотъ и вѣтреностей отдаляющихъ.

Неможно оспорить ту истину, что жена и дѣти военному ремеслу посвятившемуся лишняя суть тягость; но мое положеніе чтившагося къ миролюбивой услугѣ отечеству есть совсѣмъ иное и противное. Въ супружествѣ нахожу я новый залогъ моему усердію и моей ревности: оное удѣляетъ всему поведенію новое оживотвореніе, тогда не однимъ утвержденіемъ собеннаго счастія упражняемъ буду, но и утвержденіемъ счастія отъ меня происшедшихъ. Оттого удвоенныя старанія и удвоенные труды, и тѣмъ скорѣе непорочливѣйшею дорогою до храма прямой чести и до душевнаго неоцѣненнаго спокойствія доведену быть можно.

Для вашего свѣдѣнія присовокупить надобно короткое начертаніе внутреннихъ моихъ склонностей: удалёнъ я весьма изъ

среды во всякой вещи выступать, излишностей ни въ чемъ не терплю, ненавижу отмѣннымъ образомъ всѣ страсти моихъ одногодцевъ, обыкновенно обуреваемыхъ; къ воздержности и скромности, какъ къ наилучшимъ способамъ для пріобрѣтенія довѣренности и почтенія публики, имѣю я особливое прилѣпленіе, удаленіемъ отъ всѣхъ постороннихъ смущеній; учиненіе себя годнымъ къ службѣ моего отечества есть мой большой предметъ, а достиженіе до основательности, всѣми вообще признанной, есть моя главная прелесть. Знайте-жъ и то, милостивый государь, что я весьма склоненъ къ домосѣдству,—часто провождаю я цѣлые послѣ-обѣды, цѣлые вечера самъ съ собой; ко многимъ выѣздамъ и обнятію многихъ бесѣдъ чувствую я внутреннее отвращеніе, испытавъ уже довольно тщетность и опасность оныхъ. Изъ сего нетрудно вамъ вникнуть [въ] прелестное мое ожиданіе отъ женитьбы, и сколько надѣюсь въ женѣ найти надобнаго мнѣ въ жизни друга, утѣшающаго и всё на свѣтѣ со мною раздѣляющаго.

Описалъ я вамъ, какъ отцу и благотворителю, нелицемѣрнымъ перомъ мое колебаніе, или, лучше сказать, мое душевное расположеніе, многими основательными прельщеніями распаленное и къ женитьбѣ склонное. Теперь жду съ неописанною нетерпѣливостью вашего отеческаго рѣшенія и совѣта. Еще въ другой разъ васъ прошу,—забудьте совсѣмъ, что мнѣ двадцать два года, а упражняйтесь единымъ уваженіемъ моихъ причинъ и моего состоянія: молодость не должна служить непревозмогаемымъ препятствіемъ, какъ скоро счастливый и со всѣхъ сторонъ удачливый выборъ учинить можно; не всегда, а рѣдко одинакій объектъ и одинакія обстоятельства представляются. При окончаніи утруждаю васъ и тою просьбою, чтобы настоящая моя откровенность осталась между нами тайною.

Что́ изволите думать объ увѣнчанномъ предпріятіи Алексѣя Разумовскаго?—Со всею своею флегмою своимъ примѣромъ научаетъ онъ всѣхъ молодыхъ людей и къ основательной жизни открываетъ имъ всѣмъ лучшій и безопаснѣйшій путь. Вы можете вспомнить, что во время моей слѣпоты его нареченная долго служила цѣлью всѣхъ моихъ желаній.

Я надѣюся, что сіе письмо не застанетъ болѣе тётушку Марью Родіоновну въ тягостномъ состояніи ея беременности, но уже благополучно отъ оной разрѣшенною, съ чѣмъ заранѣе васъ обоихъ изъ всего сердца поздравляя, до послѣдняго издыханія и при всѣхъ случаяхъ непоколебимо съ неограниченнѣйшею преданностью пребываю.

1220. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1773 г. декабря 19. [Москва].

До полученія еще вашего письма я себѣ воображала, мой дорогой князь Александръ Борисовичъ, какое волнованіе вамъ сдѣлаетъ извѣстіе о свадьбѣ г[рафини] Ш[ереметевой]. Но дружески скажу, что этого вамъ никакъ не прощаю, зная, что ничто не дѣлается безъ власти Всевышняго. Сверхъ того, какъ сами признаётесь, моимъ совѣтамъ не хотѣли слѣдовать; итакъ, вамъ пенять не на кого, и не можете сказать, чтоб этотъ женихъ вамъ былъ предпочтенъ, потому что съ вашей стороны никакого отзыва къ нимъ не было. Самолюбіе же ваше нахожу неограниченно: его подлымъ никакъ считать не можно, не разсуждая объ его предкахъ; правда, хотя недавно однако отецъ его на самой первой степени, мать имѣлъ самаго первѣйшаго дома. Итакъ, онъ наряду дворянинъ, для чего нахожу очень ровною партію; сверхъ всего, можетъ быть имѣетъ достоинствы, которыя мнѣ неизвѣстны, потому что я его не знаю. Итакъ, оставимъ то, что́ до насъ не принадлежитъ.

Вы уже, конечно, мое письмо получили, изъ котораго видѣли, что я никакъ вашей мысли не противорѣчу, и повторяю вамъ, мой дорогой другъ, съ своей стороны обѣщаніе всевозможные способы употребить къ вашему спокойствію. Возьмите на то терпѣніе. Вы знаете, что этотъ домъ ни съ кѣмъ не сообщается, для чего труднѣе въ евто войтить. Хотя имъ очень близко своя графиня К[атерина] И[вановна], однако очень рѣдко видятся, и все на чинахъ. Со всѣмъ тѣмъ таперь лучше способу не нашла, какъ я уже её объ этомъ просила, что́ она обѣщала начать. Я увѣрена

то она этому непротивна, со всѣмъ тѣмъ обнадежить не могу, лыша, что ея отецъ особливаго нраву и къ ней безмѣрно призанъ, для чего, думаю, не вздумалъ бы онъ какихъ претенцій, оторыя будутъ вамъ совсѣмъ безполезны,—отъ привычки, коорую онъ имѣетъ, быть неразлучнымъ съ своей фамильей. Объ я же нравѣ сколько трудно свѣдать,—и не нахожу нужды объ томъ стараться. Зная ея хорошее воспитаніе и образъ жизни, урного воображать неможно. Я, съ своей стороны, очень буду овольна, если вы въ своихъ желаніяхъ предуспѣете, для чего лучшее нахожу вамъ самимъ въ томъ матушкѣ открыться и росить её, чтобъ она въ евто вошла, не теряя время. Вы наете, въ какихъ я дома обстоятельствахъ, для чего виду объ номъ ей не дамъ, чтобъ избѣгнуть умноженія горести. Коротко сказать, если свѣдаетъ, что я въ евтомъ интересуюсь, е будетъ испорчено, чего мнѣ будетъ совершенно жаль. Такъ, васъ прошу, когда будете къ ней писать, не давать да, что вы мнѣ въ евтомъ открылись.

Не знаю, не ошибаюсь ли,—кажется, вашъ пріѣздъ сюда ого испортить не можетъ, чрезъ что можете сдѣлаться съ ми знакомы, до чего, конечно, безъ труда дойтить неможно. то же дѣлать? Безъ начала ничто не кончится. Итакъ, вы дите, что я всѣ способы къ лучшему вамъ сказываю, отытымъ сердцемъ желая вамъ всевозможное благополучіе, какое ми себѣ желаете. Будьте спокойны, мой дорогой, и вѣрьте, о во мнѣ имѣете себѣ вѣрнаго друга.

Когда же будете къ матушкѣ объ ономъ писать, совѣтую ъ интересѣ отнюдь не отзываться, чтобы не дать поводу о бѣ дурно мыслить. Безъ того резоны имѣете очень хорошіе ого союза искать въ разсужденіе ея природы и соотвѣтствуего воспитанія.

Князь Степана сегодня отпускаемъ.

1221. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1773 г. декабря 19. Москва.

Не прогнѣвайся, пожалуй, что я къ тебѣ такъ давно не писалъ; право, времени не имѣлъ, для того что я занятъ былъ приготовленіемъ къ походу. Но, наконецъ, не хотѣлъ отсюда уѣхать, чтобы тебѣ, любезный другъ, не дать знать о своемъ состояніи. Я, слава Богу, здоровъ и нынче, ввечеру, т.-е въ десятомъ часу, отправлюсь въ Казань.

При семъ письмѣ прилагаю вамъ письмо и посылку, которую прошу съ вѣрнымъ курьеромъ доставить въ Варшаву г. Остеру, адресовавъ оную посылку на имя г. Якова Ивановича Булгакова, совѣтника посольства, чѣмъ вы меня весьма одолжите. Оная посылка состоитъ изъ одного хорошаго калмыцкаго тулупа.

Покорно прошу, любезный другъ, засвидѣтельствовать мое почтеніе любезному дядюшкѣ Степану Степановичу и сказать ему отъ меня, что г. Новосильцевъ никакъ не намѣренъ ему заплатить тѣ сорокъ рублей, кои онъ ему долженъ.

Вчерашняго числа помолвили генерала Суворова на княжнѣ Прозоровской, дочери князя Андрея Ивановича.

1222. Баронъ Григорій Строгановъ—князю Александру Куракину.

1773 г. декабря 23 (января 3). Парижъ.

Ваше дружеское, любезный другъ, письмо, отъ 28 прошедшаго ноября, я исправно честь получить имѣлъ, и какъ за оное, такъ и за милостивое ваше обо мнѣ стараніе и попеченіе приношу мое покорное благодареніе. Чувствителенъ очень, усмотря изъ онаго, сколь вы многимъ меня обязываете и удостаиваете меня вѣчнымъ опытомъ любви и дружбы вашей; я себя несумнѣнно въ оную и препоручаю, и потому, слѣдуя мыслямъ и совѣту вашему, князь Николаю Васильевичу здѣсь говорилъ, который по дружбѣ своей ко мнѣ, откровенность мою взирая, увѣрилъ меня, что онъ объ ономъ писать и пріятелей своихъ просить за меня, и всевозможное исходатайствованіе употребить къ успѣху желанія моего будетъ.

Остается мнѣ, любезный мой другъ, васъ просить прилежно сдѣлать милость увѣдомить меня и предварить то. Если, по полученіи мною отъ польскаго двора дозволенія, отъ нашего принять будетъ затруднительно, такъ, чтобы не остаться нѣкоторымъ образомъ отличнымъ тѣмъ, того я очень опасаюсь. Правду вамъ пишу и ожидаю на сіе нетерпѣливо вашего увѣдомленія.

Отсюдова здѣсь достойнаго ничего не нахожу, развѣ что здѣшній народъ, кажется, быть предъ прошлогоднимъ склоннѣе къ намъ и получаетъ одержимыя побѣды надъ турками россійскимъ войскомъ поугомоннѣе, и меньше прежняго стараются затмевать славу оружія нашего. Вчерась, для новаго года, sur le Pont-Neuf пѣлъ народъ пѣсню, въ коей услышавъ поминающееся россіянъ имя, старался получить и, получа, при семъ оную вамъ посылаю. Поздравляя васъ, мой любезный другъ, съ новымъ годомъ, желаю вамъ всякаго благополучія. Поздравляю-жъ и съ новымъ камеръюнкеромъ княземъ Тюфякинымъ; пожалуй, мой другъ, поклонись ему отъ меня и поздравь, я, истинно, очень радъ его благополучію.

Табакерки у меня отправить головой не съ кѣмъ. Салтыковъ сбирается, но подлинно когда выѣдетъ—и самъ еще не знаетъ. Сюда пріѣхалъ князь Голицынъ и Домашневъ и пробудутъ до весны; Шувалова ждутъ въ мартѣ. Пожалуй, любезный другъ, поговори князь Николаю Алексѣевичу: я за него здѣсь поручился въ 22000 ливрахъ на 6 мѣсяцевъ и долженъ былъ свои заплатить, и прошло уже 9 мѣсяцевъ, онъ по сю пору мнѣ не платитъ и меня въ большую бѣду вводитъ за мою услугу. Я его выручилъ, а онъ меня, вмѣсто спасиба, проучиваетъ; я бы такого безсовѣстія отъ него никакъ неожидалъ.

1223. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. января 2. Москва.

Прошлую почту я къ вамъ, мой дорогой князь Александръ Борисовичъ, не писала, зная, что вы получите неожидаемо

непріятное письмо. Но какъ я всегда съ вами искренно говорю, скажу, что вы это заслужили: самолюбіе ваше и нетерпѣніе васъ до этого довели. Вы требовали, чтобъ я въ знаемомъ вамъ дѣлѣ была скрытна отъ всѣхъ, чтó я и сохранила, увѣряя же меня притомъ, что до времени вы никому въ евтомъ не откроетесь. Но изъ писемъ моей сестры вижу, что вы совсѣмъ не такъ пошли. На что она свое возраженіе очень справедливое сдѣлала, что никакъ, не знавъ человѣка, влюбиться неможно, а заражены достаткомъ, послѣ чего слѣдовало ваше письмо къ матушкѣ, въ которомъ ея не просите, а повелительнымъ голосомъ приказываете ей въ евтомъ интересоваться. Вздумайте только, чего вамъ послѣ этого можно было пріятнаго ждать?! Я желала и требовала, чтобы вы ей въ этомъ открылись, но не такимъ манеромъ. Таперь отъ нея никакого способства въ евтомъ не ожидаю; можетъ быть, вашъ пріѣздъ это все поправитъ.

Между тѣмъ, я, какъ и прежде вамъ сказывала, уже просила графиню К[атерину] Ив[ановну], которая обѣщала имя говорить; чтó получу въ отвѣтъ, конечно, вамъ сообщу. Такъ какъ вы этого желаете, желаю въ ономъ предуспѣть; а хотя и не удастся, большого дурна не будетъ.

1224. Le baron Le Fort—au prince Alexandre Kourakin.

Strasbourg, 4 (15) janvier 1774.

Si je n'ai pas eu l'honneur, mon Prince, de vous écrire depuis un temps infini, ne vous en prenez pas à mon cœur, mais à ma santé, ce qui fut cause que je n'ai plus écrit à Mme la Landgrave, et à Mme la Grande-Duchesse, et que, par ordre de mon Esculape, il a fallu, pour me rétablir, cesser toute correspondance et toute application.

Recevez, mon cher Prince, l'hommage de tous mes sentiments de reconnaissance des bonnes nouvelles que vous me donnâtes du 12 septembre, et qui viennent de m'être confirmées par celles du 22 décembre, au sujet de ma fille Louise qui a été agrégée [agréée] au nombre de [des] chanoinesses

n chapitre de Walloë hors du complet, et qui ne manquera as d'y prendre sa place par son droit d'ancienneté. Cette gréable nouvelle a causé à ma femme une joie inexprimable ui me charge, ainsi que la nouvelle chanoinesse, de vous en aire tous leurs remerciements. Quand cette négociation sera rminée et que j'aurai reçu de Copenhaguen le brevet et la écoration, j'aurai l'honneur d'écrire à S. E. Mgr le comte de Panine pour lui en faire tous mes remerciements, dont je ous supplie de m'acquitter, en attendant que je prenne la berté d'écrire à Son Excellence.

J'espère que le roi de Danemark aura accordé cette grâce ratis, sans être obligé de payer deux mille écus d'Allemane. A présent, mon Prince, achevez votre ouvrage et faites-oi l'amitié d'écrire à M. de Simoline en lui envoyant mon dresse pour le prier de me faire passer le brevet ou patente e ma fille Louise, ainsi que l'ordre qu'elle doit porter. On ourrait aussi adresser ce paquet à Darmstadt à Mme la andgrave qui me le fera passer à Strasbourg; au reste, arangez tout cela comme vous le trouverez à propos, mes intéêts sont en trop bonnes mains pour vous rien prescrire à ce ujet.

Ma santé m'ayant permis, Monsieur, de me rendre à Bergabern pour faire ma cour à Mme la duchesse des [de] Deux-Ponts, je m'y suis transporté il y a trois semaines, et m'y ouvai la veille du nouvel an qui fut l'époque de l'arrivée de Mme la Landgrave et de Mmes les princesses Amélie et Louise. ne ce moment fut attendrissant pour Mme la Duchesse et Mme la Landgrave ainsi que pour Mmes les Princesses, joint x dames et cavaliers qui avaient eu l'honneur d'accompaner Leurs Altesses à St-Pétersbourg. Mme la Landgrave m'a it la grâce de me dire qu'elle m'avait recommandé deux fois ès particulièrement à l'Impératrice, et je ne doute pas un oment que cette année sera [soit] heureuse pour moi et tous s objets que je porte dans mon cœur. Depuis bien des anées, je n'ai pas passé quinze jours aussi agréablement qu'à

Berg-Zabern, mais ce qui m'aurait comblé de joie, c'est que Mme la Landgrave fût revenue avec une meilleure santé. J'espère, cependant, avec l'aide du Tout-Puissant que cette adorable et incomparable Princesse se rétablira à Darmstadt, mais il lui faut avant tout du repos et de la tranquillité.

Je viens, Monsieur, d'écrire, dans le moment, à Mme la Grande-Duchesse, quoique j'aie déjà eu cet honneur-là le 5 de ce mois, pour lui rendre un fidèle compte de l'arrivée de son auguste mère. J'ose me flatter que l'éloignement et les grandeurs humaines n'effaceront jamais les sentiments d'amitié et de confiance dont Son Altesse m'a honoré depuis sa tendre jeunesse. Je suis comblé de joie de voir cette aimable Princesse heureuse et contente qui fait le bonheur de Mgr le Grand-Duc.

Mon fils aîné, qui approche de sa vingtième année, a été avec moi, pour la première fois, à Berg-Zabern, et il m'a paru que Leurs Altesses ont été contentes de l'éducation qu'il a reçue. J'avais été près de trois ans sans le voir, ayant été en Flandre à son régiment. Quoique militaire, il a un goût décidé pour les études; comme il reste cet hiver avec moi, je ne néglige rien pour perfectionner son éducation; l'histoire et le droit naturel est, dans ce moment-ci, ce qui l'occupe le plus. S'il avait l'honneur d'être connu de vous, je suis sûr que vous auriez des bontés et de l'amitié pour lui; il est vertueux par principe et par inclination. Si d'ici à deux mois, je reçois des nouvelles satisfaisantes de Pétersbourg, je projette d'aller avec lui, vers le printemps, à Carlsruhe et à Darmstadt pour y passer une quinzaine de jours.

Toutes les personnes, Monsieur, qui ont eu l'honneur d'accompagner Mme la Landgrave sont, on ne peut pas plus, contentes de leur séjour à la Cour impériale de Russie. J'ai été fort aise d revoir ma petite cousine Mme de Wurmsen et de faire co naissance avec M. et Mme de Schrautenbach et Mme de Lœbe

J'ai appris avec plaisir, mon Prince, que le prince d Galitsine a été nommé gentilhomme de [la] chambre; so silence ne m'affecte plus.

Je n'en dis [pas] autant de M. de Nélédinski, officier aux gardes, qui m'intéresse toujours malgré son long silence; s'il est encore à Pétersbourg, embrassez-le de ma part.

Je pars demain avec mon beau-frère pour aller quinze jours en [dans la] Haute-Alsace.

1225. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

St-Pétersbourg, 7 janvier 1774.

Je vais entrer, à cette heure, dans le détail de la commission dont vous m'avez chargé, qui est de vous donner des nouvelles d'ici. J'ai profité hier de la permission que vous m'avez donnée de me servir de vos chevaux, et j'ai été à la messe de la Cour avec vos deux hongres, où j'ai su un nouvel ordre que, hormis les officiers de [aux] gardes et l'état-major des régiments de campagne, personne ne peut entrer dans la chambre des chevaliers-gardes et dans la galerie, ce qui a été ordonné par la propre bouche de Sa Majesté Impériale après qu'on a eu trouvé la lettre dont vous avez entendu parler; d'où vous pouvez conclure que je n'y suis pas entré, ce qui peut vous forcer, mon cher frère, à tâcher de me tirer du rang humiliant où je suis à présent, par lequel je suis privé du plaisir d'aller à la Cour.

On a cru qu'il y aurait hier un bal dans la galerie, mais on l'a changé, et il y en a eu un dans les appartements à cause des fiançailles du duc de Courlande avec Mlle la princesse de Youssoupov.

Ce qui regarde notre bal, il a été amusant au possible, et tout le monde est resté jusqu'à trois heures environ. Nous deux avec mon oncle nous avons ouvert le bal et nous avons dansé tout au moins 30 menuets et 20 contredanses chacun. La paire de mon oncle a été Mlle Ovtsine, et la mienne n'a point été fixée. Ma chère tante Mme de Talisine y a dansé 6 menuets tout au moins.

1226. Павелъ Левашовъ—князю Александру Куракину.

1774 г. января 9. Петербургъ.

Въ упованіи, что ваше сіятельство нынѣ уже благополучн въ Москву прибыли, и тѣмъ васъ усердно поздравляю.

Искренно желаю по моей къ вамъ преданности событія всѣх благихъ вашихъ желаній и намѣреній, служащихъ къ пользѣ і всегдашнему вашему удовольствію. Надобно думать, что пред назначенная въ мысляхъ вашихъ невѣста имѣетъ весьма хороші достоинствы, потому что и другіе нѣкоторые отсюды съ тѣм въ Москву поѣхали, чтобы на ней жениться, которыхъ нужн вамъ, не упуская времени, предупредить, къ чему природныя і пріобрѣтенныя ваши качествы, конечно, послужить вамъ могут непосредственными предводителями къ туалетамъ тамошних московскихъ красавицъ, а только нужно, чтобъ онѣ васъ ко ротко узнали.

Здѣшнія новизны, надѣюсь, вамъ уже извѣстны, а именно что герцогъ курляндскій сговорилъ жениться на княжнѣ Юсу повой, и сговоръ былъ во дворцѣ, въ тронной палатѣ, а ны ѣдетъ онъ недѣли на три въ Курляндію, откуды по возвращені его сюда, и свадьба будетъ.

Его сіятельство графъ Никита Ивановичъ, вашъ дя дюшка, а мой милостивецъ, въ добромъ здравіи находится, і вчерась у него ввечеру много объ васъ разговаривали въ ваш похвалу. Смѣлость беру просить васъ засвидѣтельствовать мо нижайшее почтеніе ея сіятельству, милостивой государынѣ моей княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ, княжнѣ Аграфен Александровнѣ, такожъ его сіятельству, милостивому гос дарю моему, графу Петру Ивановичу и ея сіятельству гра финѣ Аннѣ Родивоновнѣ и, ежели увидите, княгинѣ Ека теринѣ Романовнѣ Дашковой.

1227. Etienne d'Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

St-Pétersbourg, 10 janvier 1774.

Que vous dire aujourd'hui? Je ne le sais trop. Votre frère plus prompt à se lever après un bal qui a duré jusqu'à 2 heures du matin a pris les devants, et vous a déjà informé de tout le détail que je voulais vous en faire. Il est bon cependant de vous dire, qu'en partant vous avez pour ainsi dire emporté le plaisir que nous faisait goûter, de temps en temps, la maison du comte Rasoumovski; car l'on est presque sûr que c'était hier le dernier bal. De tel [quelque] côté qu'on jetait [jetât] les yeux, l'on ne voyait que des sourires amers, des regards sournois, en un mot, le mécontentement était gravé sur les visages des personnages principaux. L'hôte en second, c'est-à-dire mon illustre parent, pour rendre la chose plus touchante, avait été du jus de la treille qui lui faisait tout faire brusquement. Cependant tant bien que mal nous avons dansé. La comtesse Elisabeth a tâché de ranimer notre ardeur dansante endormie, et a fait si bien que ma sœur, à l'étonnement de chacun, a dansé deux contredanses, et qu'elle s'en est acquittée, pour la pesanteur de son corps, assez légèrement. Nous avons tous été revus, critiqués par le superbe comte A......, qui a toujours joué son rôle de fier, en fat, comme d'ordinaire.

Il y a à la Cour un nouveau réglement, à la suite d'une lettre laissée, comme par hasard, pour l'Impératrice. Elle-même, à ce qu'on dit, a défendu, de sa propre bouche, aux bas officiers de garde, de ne laisser passer personne qui n'est [ne soit] point officier des [aux] gardes, ou bien de l'état-major, plus loin que leur poste; cela devrait vous aiguillonner à solliciter la dragonne pour votre frère.

L'on donne aujourd'hui *Les Trois Sultanes*, et *Le Sage Étourdi*; nous espérons profiter de votre équipage pour y aller.

1228. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину.

1774 г. января 10. С.-Петербургъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вы съ нами разстались, я, какъ возможно, стараюсь выучить нѣмецкій языкъ, прослушиваю исторію и учу версификацію, началъ танцовать; еще хочу взять фехтовальнаго мастера, что, я думаю, для меня нужно. Варламовъ такъ исправенъ, какъ больше неможно быть. Я хочу приказать арапу ходить всякій день къ столу ко мнѣ, потому что онъ самъ ходитъ очень часто со двора.

Вчерашняго числа я былъ на балѣ у графини Лизабеты Кирилловны, которая всѣхъ звала по карточкамъ. Никогда мнѣ не было такъ весело, для того что я танцовалъ съ Катериной Ларивоновной Овцыной, которая танцуетъ такъ, какъ ангелъ, еще легче, нежели Лизабета Кирилловна. Надобно, чтобы было очень весело, потому что тётушка не только меноветы и польскіе, но и два контраданса танцовала гораздо легче, нежели Александра Сергѣевна Кокошкина.

Покорно прошу, дражайшій братецъ, увѣдомить меня о томъ слухѣ, который здѣсь,—что, будто-бъ, Александра Ильичъ Бибиковъ не выѣхалъ изъ Москвы и репортуется больнымъ.

1229. George-Charles, prince de Hesse,—au prince Alxeandre Kourakin.

Darmstadt, 13 (24) janvier 1774.

C'est avec le plaisir ordinaire que j'ai reçu votre dernière du 18 (29) décembre qui m'a prouvé de nouveau l'intérêt que vous prenez à mon sort et que vous êtes constamment le même à mon égard. Tout ce que vous me faites l'honneur de me dire se trouve parfaitement confirmé par les lettres que je viens de recevoir en même temps de la Grande-Duchesse et du Prince héréditaire. Rien de plus obligeant que leurs intentions et les vôtres, mon Prince, mais auxquelles je ne saurai, pour le présent, répondre, par les raisons que je vous ai prédites dans

na précédente, vu que mon père est entré dans un plan pour me placer ailleurs, dont il faut attendre l'issue avant que d'accepter d'autres propositions. En attendant, j'entretiens la pensée flatteuse de voir, peut-être, les difficultés présentes se issiper et faire place à des conjonctures plus favorables qui e rapprocheront de vous, cher Prince. C'est pour moi une lusion trop agréable pour la perdre de vue; je vous prie de n'aider à l'entretenir par la continuation de votre chère amitié ui ne saurait être plus vraie ni plus tendre que celle que je onserve pour vous, ayant l'honneur d'être, mon Prince, votre rès humble et très obéissant serviteur George-Charles de Hesse.

P. S. Avouez que je suis bien malheureux à mon âge, et ue mon sort est jusqu'ici très bizarre; je parie que le projet e mon père ne réussira [pas] et qu'il se trouveront [trouvera] our lors, derechef, des raisons de chez vous qui feront qu'on e refusera ce que je désirerai et ce qu'on m'offre maintenant, mais, que de mon côté, je ne puis actuellement accepter.

30. Опись его сіятельства князя Степана Борисовича, что изъ Орловской вотчины тавшаго тамъ экипажа прислано и къ его сіятельству въ Казань отправлено, о томъ ниже сего значитъ.

1774 г. января 16.

Кровать складная съ занавѣсомъ тафтянымъ зеленымъ въ футлярѣ ко-номъ, да вложено въ него: 15 разныхъ бѣлыхъ камзоловъ, въ томъ числѣ хол-яные, суконный, китайчатый, 5 штановъ бѣлыхъ, 6 штановъ замшеныхъ, 2 чул- замшеные, 27 салфетокъ, 2 скатерти. Сѣдло аглицкое съ новой уздечкой, съ ндштукомъ, съ паперсью и съ пахвами, и ольстры; мундштукъ и уздечка, па-рсь, пахвы на красной кожѣ, новый наборъ серебряный, мѣстами заверчены бу-гою. Другой мундштукъ и уздечка, паперсь, пахвы на красной же кожѣ, наборъ олоченый, обверчено бумагой. Чепракъ, чушки по бархату малиновому, шито серебромъ и золотомъ. Двѣ сумы гусарскихъ съ приборомъ, черныя жаныя. Сабля гусарская съ мѣдной оправой посеребряная. Гусарское платье всѣмъ приборомъ и людскія. Сѣдло старое съ уздечкой, съ мундштукомъ, пахвами и съ паперсью, и ольстры Другое сѣдло гусарское съ уздечкою, мундштукомъ, съ пахвами, съ паперсью и ольстры. Два покрывала на сѣдлы жаныхъ. Два пистолета съ ольстрами. Одно ружье. Палатка полотняная со ѣмъ приборомъ. Таганъ, распоръ, вертелъ, двѣ сошки, желѣзное. Погребецъ ревянный окованный, въ немъ хрустальнаго: штофовъ 16, налиты разной иновою водкою, стакановъ 6, чарочекъ съ ручками 3. Коляска дорожная колесы, на полозкахъ зимнихъ. Двои роспуски съ колесы, на санномъ ходу. дло турецкое съ мундштукомъ и съ паперсью.

1231. Le prince Nicolas Repnine—au prince Alexandre Kourakin.

Paris, 17 (28) janvier 1774.

Je viens de recevoir, mon cher ami, votre lettre du 18 (29) décembre; il est vrai, que je ne vous ai pas écrit depuis longtemps; mais ce n'est pas ma santé qui m'en a empêché. J'aime à dire les choses telles qu'elles sont; des lettres de compliments, je ne voulais pas vous en faire, ni n'en ferai, celles d'amitié ne m'ont pas paru nécessaires; vous connaissez la sincérité de la mienne, il n'est pas besoin d'en donner de nouvelles assurances; elle est invariable; vous parler d'affaire ou de votre conduite, vous donner là-dessus des conseils, ce serait raisonner comme un aveugle des couleurs. Vous avez devant vous le modèle qu'il vous faut suivre; la conduite de votre grand-oncle et ses conseils doivent régler toutes vos démarches, avec ce guide vous n'avez besoin de personne. Quant aux nouvelles publiques, je ne m'y intéresse qu'en tant qu'elles intéressent ma patrie, et ce n'est pas des endroits où j'étais que je pouvais vous en donner de telles.

Voilà, mon ami, le sujet de mon silence: c'est que je n'avais rien à dire. Je vous fais part à présent que, dans trois jours, je pars pour l'Italie que je traverserai à petites journées pour éviter l'hiver et me rapprocher, en même temps, de notre armée, où je serai sûrement dans le courant d'avril. Je compte passer de Venise, par Vienne, à Cracovie et puis, en Moldavie

1232. Le comte Nicolas Roumiantsev—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 23 janvier [1774].

Je vous remercie de penser à moi, mon cher cousin, lorsque vous êtes à la veille de partir pour Moscou, et de trouver le temps de m'écrire, étant à Tsarskoé-Sélo, une lettre charmante et plaine de témoignage d'amitié. Je puis vous assurer que je ne suis point en reste avec vous, et que je vous paye bien l

sentiment que vous avez pour moi; conservez-le toujours, car j'en aurai toujours besoin.

Puisque vous vous intéressez à Leyde, je vous dirais qu'on y a célébré dernièrement le jubilé de l'Académie. Toutes les fêtes ont consisté en discours latins prononcés en présence du Stathouder, dans la promotion publique de quatre docteurs et [dans] un feu d'artifice; ce n'était pas grand'chose comme vous voyez, cependant cela n'a pas laissé que de nous attirer un monde prodigieux. J'avoue que l'extrême curiosité que j'aperçois dans les Hollandais me surprend infiniment. Comment la concilier avec le flegme qui leur est naturel? Quelque contradictoires que paraissent ces deux qualités, il n'en est pas moins vrai, cependant, qu'elles se trouvent réunies dans les Hollandais, et vous vous en serez sûrement aperçu.

Plus je connais M. de Pestel, et plus je vous sais gré de nous avoir conseillé de venir ici. Il peut se faire que dans les autres académies, il y a [ait] des gens d'un mérite pareil au sien, mais sûrement pas qui aient un si excellent caractère, et à mon avis, les qualités du cœur sont les plus essentielles, celles de l'esprit viennent après.

J'attends, avec la plus grande impatience, votre oncle et votre frère, et j'espère qu'ils ne tarderont pas à arriver. Je suis fâché de les aimer tous les deux pour eux-mêmes, car ce serait une occasion de vous prouver que tout ce qui vous est cher m'intéresse.

Je voudrais avoir des nouvelles de Leyde à vous donner, mais je n'en sais aucune, si ce n'est la mort de Mme Golitzi.

1233. Княгиня Наталья Александровна Репнина—князю Александру Куракину.

1774 г. января 28. [Петербургъ].

Благодарю васъ, дорогой мой князь Александръ Борисовичъ, за пріятное ваше письмо. Радуюся, что весело такъ время свое провождаете, а притомъ удивляюся, что по сю пору

не нашли способу видѣть извѣстную особу, а еще больше меня то удивило, que vous voulez courir après la gloire. Dites, je vous prie, est-ce du sérieux? je vous avoue que je n'y comprends goutte. Vous avez donc prodigieusement changé en si peu de temps! Avez-vous bien réfléchi? Il y a toute apparence que cette campagne-ci sera des plus sérieuses, et ici tout le monde vous marie et plusieurs même s'imaginent que j'en fais mystère. Bientôt je répondrai: j'ignore le destin d'une tête si chère.

A propos! dites-moi, je vous prie, que pensez-vous du trait de votre oncle au sujet de ses terres de Pologne? N'est-ce pas qu'il est unique? Je voudrais savoir qu'est-ce que l'on en dit à Moscou.

1234. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1774 г. февраля 15. Казань.

Изъ вашего письма усмотрѣлъ я, что вы намѣрены выѣхать изъ Москвы 5 февраля, однакоже вы оставляете, любезный другъ, Москву съ сожалѣніемъ для того, что вамъ въ ней очень весело показалось. Вы напоминаете мнѣ, что на пути были, чтобъ исполнить намѣреніе женитьбы вашей, для которой вы пріѣхали, что вы, было, уже начали дѣлать всякія къ оному предуготовленія, однакоже, къ сожалѣнію моему, что формальное предложеніе съ вашей стороны было отказано. Я любезный другъ, по первому вашему письму хотѣлъ, было ужъ отпроситься къ вамъ въ Москву на два мѣсяца, чтобъ имѣть удовольствіе быть у васъ на свадьбѣ, но, къ сожалѣнію моему, оная надежда моя совсѣмъ рушилась.

Вы не упоминаете мнѣ имя той, которой должно было быть вашей супругой; думаю, любезный другъ, что это та самая, на которой женится графъ Разумовскій, и если ошибся въ названіи оной, то покорно прошу меня немедленно увѣдомить объ оной невѣстѣ и обо всѣхъ обстоятельствахъ касающихся до вашего предмета; я надѣюсь, что вы меня удовольствуете увѣдомленіемъ объ оныхъ обстоятельствахъ.

1235. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1774 г. февраля 22. Казань.

Имѣю честь вамъ донести, что Александръ Ильичъ и я ъ нимъ же на будущей недѣлѣ въ среду, т.-е. 26-го сего мѣща, имѣемъ выступить изъ Казани далѣе впередъ къ нашимъ омандамъ, и что я, при отправленіи сего письма, нахожусь, омощью Божіею, здоровъ; равномѣрнымъ желаю и вамъ наждаться.

Пожалуй, любезный братецъ, прикажите портному Ивану вановичу Готфриту сдѣлать для меня два мундира, одинъ—ній, а другой—зеленый, и къ обоимъ чтобы было по двѣ ры штановъ,—по одной красной, а по другой бѣлой. Я маю, что у него мѣрка моя есть. Да еще прикажите у Роовикова на фабрикѣ сдѣлать одинъ эксельбантъ, и за все ое прошу заплатить на мой счётъ. А переслать ко мнѣ прижите попросить г. Захара Григорьевича Чернышова адъюнта Вязьмитинова, который, думаю, для меня оное сдѣть не откажется.

1236. La princesse Catherine Dachkov—au prince Alexandre Kourakin.

3 mars 1774.

Il m'est, je crois, inutile, mon cher Prince, de vous dire le aisir que m'a fait votre charmante lettre. Vous écrivez comme us sentez, c'est-à-dire avec sensibilité et délicatesse. Le peu que us m'avez vu aura suffi pour vous faire apercevoir que je suis un imal sentimental, sensible, à l'excès, à l'amitié, parce que rien utre n'intéresse mon cœur. Je suis reconnaissante envers ceux i joigne [joignent] à l'indulgence un sentiment un peu plus ndre pour moi. Concluez donc de là que votre amitié me tte, et que votre lettre m'a donné une douce sensation—et us serez juste.

Vous êtes bien obligeant, de vous occuper, comme vous faites, mes commissions; cela m'enhardit de vous en donner encore

une: c'est de me rappeler souvent à mon oncle comme un êtr qui le respecte, et qui, en l'admirant, y joint le sentiment d'u attachement vif et étendu, que notre amour-propre, rarement nous permet de réunir au premier. Je ne dirais pas assez, e je ne rendrais pas justice à mes sentiments pour lui si je disai seulement que je lui pardonne la supériorité que je reconnai en lui sur moi. Au mois de juillet, j'espère le voir et jouir d sa société. J'ai appris avec plaisir qu'il approuve un livre intitul *Le système social*, que j'ai lu deux fois avec enthousiasme. Dites moi, mon Prince, si vous l'avez lu; donnez-moi de vos nouvelles faites-moi part de vos lectures, de vos occupations. L'intérê que j'y prends, joint au plaisir de recevoir des lettres écrite comme vous écrivez, fait que je vous conjure de ne point m priver de cette satisfaction.

Mes enfants sont très sensibles à votre souvenir et m chargent de mille jolies choses pour vous, qui sont mieux dan leur bouche innocente et ingénue qu'au bout de ma plume; j vous laisse donc la petite peine de vous le dire à vous-même Je ne vous ferai point d'excuses ni sur mon style ni sur mo écriture. On ne fait que ce que l'on peut, et si je me portai bien, je ne ferais guère mieux quant au style. Pour l'écriture c'est un petit mérite, et je l'aurais si un mal de côté, qui m tient depuis quelques jours dans ma chambre, ne m'ôtait l faculté d'en avoir. Nous sommes bien machines, et c'est dom mage, car cela ne se concilie pas avec l'idée de grandeur qu nous avons de nous-mêmes. Mais je crois que j'ai usé assez d droit de mon sexe et qu'il faut que je mette fin à mon verbiag

J'ai fait la connaissance avec [de] votre cousin Неледин скій, il gagne à être connu, car il a beaucoup de talent beaucoup de solidité en même temps.

1237. Графъ Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ — князю Александру Куракину.

1774 г. марта 8. Рига.

Къ крайнему моему сожалѣнію принужденъ вашему сiятел ству изъявить о вашемъ убыткѣ: посланная со мною къ ва

бакерка, обще съ моими вещами, конфискована въ здѣшней моянѣ. Вѣрьте, ваше сіятельство, что мнѣ потеря ваша чувзительнѣе собственнаго моего убытка, потому что чрезъ меоное вамъ послѣдовало; однако я надѣюсь, что мнѣ отдана детъ справедливость, и возвратится неправедно отъ меня обранное, почему и ваша вещь дойдетъ до рукъ вашихъ.

1238. La princesse Catherine Dachkov—au prince Alexandre Kourakin.

Moscou, 17 mars [1774].

Je ne saurais assez vous remercier, mon Prince, pour votre armante lettre et pour le drap d'Espagne. L'habit que j'en ai me sera cher parce qu'il vient de vous, et me sera très de parce qu'il sera léger et chaud en même temps. Vous me rlez de mon retour à Pétersbourg comme d'une chose qui us intéresse; ainsi je vous dirai que c'est, sans faute, à la -juillet que je compte me rendre chez vous, et le plaisir de us voir n'est pas le dernier du petit nombre de ceux que je promets dans votre ville.

Je joins ici une traduction, que j'ai faite pour Петръ Ивавичъ, de deux chapitres de la Politique Naturelle; dites-m'en tre sentiment sincèrement, mais, avant de l'examiner, n'oubliez que, avec toute la richesse de notre langue, le peu d'écrivains le peu de lecteurs que nous avons, fait que la langue savante le langage philosophique est [sont] très peu étendu [étendus] et connu [connus] parmi nous en Russie, et qu'un écrivain qui veut e entendu dans des matières aussi neuves dans notre langue que t celle-là, doit sacrifier la beauté du style, quelquefois se péter, en un mot, conduire, pour ainsi dire, par force et uvent par des expressions communes, son lecteur à son but. s successeurs pourront briller par le style et être compris; ur nous, nous devons nous contenter d'être intelligibles, st-à-dire, en fait de philosophie, de science etc., car le and Ломоносовъ a réussi également dans ces deux objets, is ceux qui sont réputés maintenant pour des auteurs élégants

ne brille [brillent] par le style que parce qu'ils traite [traitent
des sujets légers.

Avez-vous reçu ma première lettre, c'est à la princesse votr
grand'mère que je l'avais remise. Je vous prie d'assurer de me
respects mon cher oncle; je serai très flatté si, dans un d
ses moments perdus, vous lui lisiez cette traduction, et qu'ell
ait son approbation.

Общество должно дѣлать благополучіе своихъ членовъ.

Общее житіе тогда только полезно человѣку, когда оно е
доставляетъ наслажденіе тѣхъ благъ, коихъ естество человѣ
желать велитъ. Чѣмъ болѣе общество ихъ утвердитъ ему, тѣ
болѣе оно совершенно, тѣмъ болѣе оно ему драгоцѣнно б
детъ и тѣмъ болѣе ему нужно. Любя своихъ сотоварищей, о
себя въ нихъ любитъ; вспомоществуя имъ, онъ самъ себѣ п
могаетъ; принесеніемъ имъ какихъ-либо жертвъ своему со
ственному благополучію онъ жертвуетъ. Однимъ словомъ, ра
судительная, или, такъ сказать, просвѣщенная любовь само
себя есть основаніе общественныхъ добродѣтелей и подви
всего того, что человѣкъ дѣлаетъ для своихъ собратьевъ. Д
бродѣтель не что иное, какъ польза людей, живущихъ въ соо
ществѣ. Быть добродѣтельнымъ—это быть хорошимъ сочлено
вспомоществовать распространенію блага тѣхъ, съ коими су
ба твою жизнь сопрягла, и, наконецъ, примѣромъ поощр
оныхъ къ тому же возмездію противъ себя.

Если сообщество или тѣ, кои его движеніями управляютъ, не д
ставляютъ членамъ его наслажденія благъ, имъ естественно сво
ственныхъ, но паче стремятся ихъ оныхъ лишить; если ихъ прину
даютъ къ безполезнымъ, горестнымъ и тягостнымъ жертвамъ; ес
препятствуютъ ихъ работамъ или промысламъ; если не утвер
даютъ ни счастья, ни ихъ надежности,—тогда человѣкъ не в
ходитъ ужъ полезности въ общежитіи: онъ тогда отъ общ
ства отдѣляется столько, сколько ему возможно; любовь его
оному умаляется. Онъ не можетъ любить общество, какъ не

вику оно способствующій инструментъ благополучія, и, наконецъ, онъ будетъ его ненавидѣть, будетъ и вредить оному, если оно не станетъ его ограждать отъ опасностей и отъ внѣшняго и внутренняго насилія.

Изъ чего заключить должно, что порочность въ обществѣ или порокъ въ правленіи дѣлаетъ сочленовъ развратными. Естество не сдѣлало ихъ ни добрыми, ни худыми; оно только вложило въ нихъ любовь къ себѣ самому, желаніе сохранить себя и волю, быть счастливымъ. Сіи чувствованія законны и дѣлаются добродѣтелями, когда они достигаютъ до своего предмета путями полезными ближнему. Напротивъ, они дѣлаются пороками, когда стремленіе оныхъ основывается на вредности своихъ сотоварищей. Добродѣтель есть полезность, а порокъ— ущербъ благосостоянію рода человѣческаго; и то, и другое суть дѣйствія воли или ихъ выгодъ, худо или хорошо понимаемыхъ.

Когда народъ или тѣ, кои имъ управляютъ, неправосудны или нерачительно долгъ свой исполняютъ, они тѣмъ ослабляютъ или разрываютъ связь общества. Тогда человѣкъ отъ него отторгается, становится непріятелемъ онаго, старается снискать свое благополучіе вредными его сотоварищамъ средствами; видя, что сообщество ему безполезно, тягостно или вредно, онъ заключаетъ, что онъ ему ничѣмъ не долженъ. Узы, соединяющія сообщество, ослабѣваютъ или разрываются по мѣрѣ умножающагося числа членовъ, отдѣляющихъ отъ онаго свои выгоды. Тогда-то каждый становится порочнымъ и преступникомъ; дѣла его управляемы тогда только ослѣпленнымъ и особеннымъ прибыткомъ; любовь къ самому себѣ принимаетъ уставы только отъ развратнаго воображенія, отъ страсти, отъ заблужденія. Всякій нарушаетъ законы, когда находитъ ихъ неогражденными отъ сего насилія, или употребляетъ хитрость для сокровеннаго избѣжанія и исполненія оныхъ. Въ худо управляемомъ сообществѣ почти всѣ члены бываютъ, наконецъ, взаимными врагами; каждый живетъ лишь для самого себя, не принимая участія въ своихъ сотова-

рищахъ; всякій, единственно, слѣдуетъ своимъ страстямъ, мыслитъ только о собственной корысти, не имѣющей никакой связи съ общей пользой. Тогда-то человѣкъ дѣлается звѣремъ противъ подобнаго себѣ, и сообщественное положеніе приноситъ тогда болѣе злополучія, нежели состояніе дикаго человѣка, въ глубину лѣсовъ скрывающагося.

Сіи правила подадутъ намъ свѣдѣнія объ истинныхъ основаніяхъ, какія должно полагать любви къ отечеству и всѣмъ добродѣтелямъ, служащимъ точно къ сохраненію политическихъ сообществъ. Они послужатъ намъ къ показанію источниковъ, изъ коихъ истекаетъ сіе опасное равнодушіе, объемлющее обыкновенно бо́льшую часть членовъ худо управляемыхъ народовъ; они дадутъ намъ чувствовать необходимо дѣйствующую силу правительства надъ нравами.

О сообщественномъ условіи.

Если человѣкъ обязанъ сообществу, то и сообщество, равнымъ образомъ, принимаетъ съ нимъ на себя обязательства. Каждый членъ условливается съ онымъ подобными сему словами: „Вспомоществуя мнѣ, вѣщаетъ онъ ему, то и я тебѣ буду вспомоществовать моими силами; снабжай меня своей помощью и ожидай оной отъ меня; пекись о моемъ благополучіи, если хочешь, чтобъ я старался о твоемъ, принимай участіе въ моихъ бѣдствіяхъ, и я твое съ тобою раздѣлять буду; доставь мнѣ столь великія преимущества, чтобы могли меня побудить къ пожертвованію нѣкоторой части тѣхъ, коими я уже пользуюсь“.

Сообщество ему отвѣтствуетъ: «Опредѣля въ пользу общества твои способности, тогда снабдимъ мы тебя своею помощью, мы умножимъ твои силы, будемъ совокупно пещись о твоемъ благоденствіи, облегчимъ недуги твои; мы утвердимъ твое спокойствіе, и усилія наши соединенныя отвратятъ отъ тебя бѣдствія, которыхъ ты страшишься, съ несравненно большею силою, нежели бы ты то могъ одинъ; силы всѣхъ будутъ тебѣ покровительствомъ, мудрость всѣхъ—просвѣщеніемъ,

воля всѣхъ—путеводителемъ, любовь, почтеніе и награжденія всѣхъ будутъ тебѣ мздою полезныхъ твоихъ дѣлъ и заплатою твоихъ трудовъ; словомъ, благо, которое тебѣ будетъ отъ насъ доставлено, изобильно замѣнитъ жертвы, кои ты намъ принести долженъ будешь».

1239. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 17 mars 1774.

Les événements dans nos contrées sont trop monotones pour que je puisse en rapporter beaucoup qui vous pourraient [puissent] intéresser. Le dey de Tripoli a envoyé un ministre qui est frère de sa favorite pour résider quelque temps à La Haye. Comme ces messieurs sont des hôtes extrêmement chers qui ne cherchent que faire leur bourse et ne s'en aller que le plus tard possible, on a fort insisté que cet envoyé ne se donnasse [donnât] pas la peine de venir, et même on lui a offert un présent considérable, lorsqu'il était à Paris pour se rendre en Hollande, mais ces représentations ne firent aucune impression sur lui; il est à la Haye, mais on lui a déclaré que ce serait à ses dépens qu'il y résiderait.

On va, dit-on, inoculer les enfants de Mgr le prince d'Orange, puisque la petite vérole naturelle a fait beaucoup de ravages à La Haye, comme ici. M. de Gordon est parti pour l'Angleterre et Madame partira dans peu. Le départ de ce ministre est fort regretté. M. de Reischach s'est rétabli contre toute attente.

Quoique vous travailliez dans le Cabinet, mon Prince, Votre Altesse aime pourtant toujours la lecture. On imprime à présent un livre, in-quarto, très intéressant sur la forme du gouvernement français. Un autre livre, qui est défendu à la réquisition du ministre français, est, dit-on, imprimé à Londres, et a pour titre „Histoire de la marquise de B. dès son berceau jusqu'au lit d'honneur". Il faut bien que ce livre existe puisqu'il est défendu; mais, jusqu'ici, on ne l'a pu trouver. Le

livre de M. Helvétius sur l'homme se lit avec plaisir, mais je crois que son principe fondamental est controuvé par l'expérience et que les conclusions qu'il en tire sont destituées [dénuées] de raisons solides.

Je ne puis rien dire de vos compatriotes, mon Prince, puisque nous n'en avons plus, excepté un cousin du ministre russien [russe] à Paris qui ne parle, dit-on, que russe, et que je n'ai pas l'honneur de connaître. MM. Sobolevski et Issaïev sont encore ici. Mgrs les princes Volkonski sont à Turin comme dans un couvent. Ils s'y font à l'art militaire.

1240. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 21 mars (1 avril) 1774.

La lettre que vous avez remise à M. le prince Youssoupov me donne une nouvelle preuve de vos bontés et de l'honneur de votre souvenir. J'en reconnais le prix, mon Prince, j'y suis sensible au dernier degré, et me ferai toujours une étude de vous convaincre de toute ma sensibilité dans toutes les occasions dans lesquelles vous m'honorerez de vos ordres. C'est déjà dans cette considération que le seigneur susnommé qui porte à présent le nom de Borissov, nom que je respecterai toujours, a tout le droit de réclamer tout mon empressement de lui être utile, mais il s'est acquis un surcroît de ce droit par ses talents, par son envie de se distinguer par ses propres mérites, par l'attachement dont il fait profession vis-à-vis de vous, mon Prince, par le respect dont il est pénétré pour S. A. Mgr le comte de Panine et par beaucoup de qualités estimables qu'il possède.

Etant passé par Leyde pour se rendre immédiatement à La Haye M. l'envoyé, prince de Galitsine, lui a donné une lettre pour M. le professeur Allamand, et les premiers arrangements économiques furent pris avant que j'aie eu connaissance de son arrivée; ainsi il me fut impossible de lui être utile dans cette occasion. Peut-être, ils ne manqueront pas d'occasion à

l'avenir, et, je vous prie, mon Prince, de vouloir bien assurer M. le prince Youssoupov que, partout où il me trouvera à propos de m'employer, il n'entrera jamais d'autre vue dans les airs que je lui donnerai que son véritable avantage autant que mes faibles lumières me le représenteront, et mes forces suffiront à y contribuer.

M. le Prince a pris Collizzi, en fait de musique, et je crois que c'est le meilleur choix qu'il aurait pu faire. Collizzi est marié, comme j'ai eu l'honneur d'écrire autrefois, et est plus régulier dans ses leçons, du moins il ne néglige point celle de ma fille Lottchen, qui profite assez bien dans le chant et sur le clavecin. Elle vous a beaucoup d'obligation, mon Prince, de l'honneur de votre compliment. Je la dois envoyer selon la coutume du pays dans une école, en pension, du moins pour un an, et je suis presque résolu de préférer celle qui est établie à La Haye à plusieurs autres qui se trouvent dans d'autres villes de la Hollande. Il faut suivre la mode qui veut que les enfants ne soient uniquement élevés par leurs parents, autrement l'avantage réel que ma fille en recueillera ne sera pas fort considérable.

M. de Borissov (permettez que je préfère ce nom agréable dont le souvenir m'est toujours doux) a pris Kerroux pour lui enseigner le latin, je lui ai fait cette proposition étant persuadé que, dans le commencement, il lui pourrait convenir. Vous connaissez l'homme, il se mêle d'être auteur...

Quant aux sciences, je pense que M. de Borissov vous en parlera lui-même. Faites-moi la grâce de m'écrire, mon Prince, s'il est content, ou s'il y a encore quelque chose qu'il souhaite. Conrad est enthousiasmé que vous ne l'avez [l'ayez] pas oublié. Il apprend facilement et conserve sa gaieté flegmatique.

Si M.M. les comtes de Roumiantsev me voudront [veulent] employer à leurs arrangements, je compte de leur faire avoir les mêmes conditions dans l'hôtel de Hollande, sous lesquelles vous y avéz demeuré, mon Prince, car, autant que je sais, vous en avez été content.

1241. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1774 г. марта 26. Бугульма.

Любезный другъ, нижайше благодарствую за ваше письмо, которое вами пущено 28 февраля, а мною получено 20 марта, на которое я буду вамъ отвѣтствовать съ первымъ курьеромъ послѣ сего, для того что не имѣлъ время вамъ отвѣтствовать за скоростью отправленія онаго курьера, г. майора Неклюдова, который посланъ къ вамъ съ извѣстіемъ о разбитіи Пугачева подъ крѣпостью Татищевой, гдѣ побито злодѣевъ болѣе двухъ тысячъ, въ полонъ взято три тысячи, а оный самозванецъ Пугачевъ едва ушелъ съ малымъ числомъ. Съ нашей же стороны побито сто пятьдесятъ, ранено двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ; штабъ- и оберъ-офицеровъ раненыхъ и убитыхъ человѣкъ до сорока, въ томъ числѣ раненъ въ правую ногу Родивонъ Александровичъ Кошелевъ. Обстоятельнѣе буду къ вамъ писать послѣ обо всемъ ономъ для того, что мы съ часу на часъ ожидаемъ курьера объ освобожденіи крѣпости Оренбургской. Къ крайнему моему сожалѣнію, не удалось мнѣ еще нигдѣ противъ злодѣевъ побывать. Я съ генераломъ прибылъ сейчасъ изъ Кичуевскаго фельдшанца въ городъ Бугульму, гдѣ мы и благодарный молебенъ служили, получа столь радостное извѣстіе.

Покорно прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ всѣмъ нашимъ сродственникамъ и любезному другу моему Павлу Александровичу Бибикову.

1242. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину.

1774 г. марта 28. Бугульма.

Хоть я теперь, любезный братецъ, времени и очень мало имѣю, но, любовью къ вамъ горя, всячески стараюсь о себѣ вамъ дать знать, что я живъ и здоровъ; дай, Боже, мнѣ и о васъ равномѣрное же слышать. Я третьяго дня къ вамъ писалъ, что мы въ Бугульму пришли, и теперь еще въ оной находимся.

Въ послѣднемъ вы писали ко мнѣ письмѣ, что я не отгадалъ для которой вы въ Москву пріѣзжали,—это правда; однакожъ я, кромѣ графини Шереметевой, означилъ вамъ домъ графа Гаврилы Ивановича Головкина, о чемъ справьтесь въ письмѣ моемъ, которое послано отъ 15 февраля, то найдете, что мысли мои съ вашими уже согласіе имѣли, хотя я вашихъ и не зналъ.

Пишете вы, чтобъ я попросилъ своего генерала, чтобъ онъ меня ко Двору послалъ съ хорошею вѣдомостью, къ чему я никакъ приступить не могу, ибо самому о себѣ просить весьма дурно, а если бы графъ Никита Ивановичъ или графъ Петръ Ивановичъ объ ономъ къ нему отписали, то бы, можетъ быть, скорѣй ихъ просьба воздѣйствовала.

Сегодня мы получили извѣстіе, что Оренбургъ уже освобожденъ, съ чѣмъ сей курьеръ ко Двору и отправленъ.

1243. Le baron Le Fort—au prince Alexandre Kourakin.

Strasbourg, 28 mars 1774.

Que les bonheurs de cette vie sont fragiles et de peu de durée! Nous venons, Monsieur, d'en faire la triste expérience, en perdant, dans cinq jours de temps, Mme la duchesse de Deux-Ponts et Mme la Landgrave de Hesse-Darmstadt. Oh, que de larmes ont été versées dans les pays de Darmstadt et de Deux-Ponts, et qu'il faudra de temps pour les essuyer! Et moi, mon Prince! Depuis 17 ans, ces deux respectables Princesses m'honoraient de leur confiance et de leur amitié, ce qui faisait un des plus grands bonheurs de ma vie. Jugez combien mon âme est affligée de cette accablante nouvelle qui nous a plongés, ma femme et moi, dans la plus vive douleur. Jamais, au grand jamais, je n'oublierai tous les entretiens que j'ai eus depuis le moment que je fus assez heureux de rendre hommage à leurs vertus, ainsi que tout ce que Mme la Landgrave me fit l'honneur de me dire à Berg-Zabern à son retour de Russie qui ne s'effacera jamais de ma mémoire. La toute

dernière, que cette grande Princesse m'écrivit, finit en ces termes: „Adieu, Monsieur, soyez persuadé que je suis toujours sincèrement votre amie, et que je la serai jusqu'au tombeau“. Et elle n'est plus! Comme j'ai été pendant 17 ans en correspondance avec Mme la Duchesse et Mme la Landgrave, jugez, cher Prince, combien toutes leurs lettres vont me devenir précieuses, et à ma famille.

Faites-moi la grâce, Monsieur, de me donner le plus tôt possible des nouvelles de Mme la Grande-Duchesse depuis que cette illustre Princesse a appris la douleureuse perte qu'elle vient de faire; les vertus, les soins, la tendresse de Mme la Landgrave avait lié son âme à la sienne. Dieu veuille que je trouve auprès de Son Altesse Impériale les mêmes sentiments dont m'ont honoré si longtemps les mânes respectables que nous pleurons aujourd'hui. Mettez-moi aux pieds de Mme la Grande-Duchesse quand l'occasion se présentera, ainsi que ma femme, et dites à Son Altesse Impériale que je perdrai la liberté de lui écrire après le départ de mes deux fils pour leur régiment, et que, en attendant, je la supplie, d'être persuadée des vœux sincères que je fais au ciel pour sa précieuse conservation et celle de tout ce qui est cher à son cœur.

1244. La princesse Catherine Dachkov—au prince Alexandre Kourakin.

[1774, fin mars ou commencement d'avril].

Que penserez-vous de moi, mon Prince, de ce que vous ne recevez pas si longtemps ma réponse à une lettre aussi charmante que celle que vous m'avez écrite; je parais inexcusable à la prima vista. Votre lettre mérite d'être imprimée, et j'ai tardé longtemps à vous en témoigner ma reconnaissance, cela est vrai, et j'en conviens. Mais j'ai pour excuse deux enfants que j'aime avec une tendresse excessive, une maison et un bien, qui leur appartient, à régir, et, avec cela, une santé faible qui m'ôte souvent la faculté d'être non seulement ce que je voudrais, mais être quelque chose. Voilà, mon Prince, mon

état; il doit m'excuser à vos yeux; trop souvent, pour pouvoir faire ce que mon devoir me prescrit, je ne puis plus faire ce que je souhaiterais. Tel est mon cas vis-à-vis de vous: chaque jour de poste me faisait espérer d'avoir le plaisir de vous écrire, et il ne me restait de force que pour remplir mes devoirs principaux.

La distinction délicate et profonde que vous faites du service militaire d'avec le civil est telle, qu'aucun écrivain ne l'aurait renié pour être de sa plume. Vous m'étonnez, mon cher ami, et la noblesse de votre style ne frappe plus après la sagesse de vos réflexions. Continuez de grâce à cultiver la capacité que vous avez, et vous serez sûrement utile à votre patrie et à la gloire de votre famille.

Je suis maintenant dans les embarras des préparatifs pour mon voyage à Troïtskoé. Ce n'est pas le voyage précisément, mais l'ordre qu'il faut mettre à toute la maison et les papiers, en quittant la ville, qui vont me prendre beaucoup de temps et me fatiguer gratuitement; parce qu'il y a beaucoup de fatigue d'esprit qui se paye par l'utile ou l'agréable, au lieu que les occupations que j'aurai ne me rapporteront ni l'un ni l'autre de ces avantages. Vous me pardonnerez donc le peu d'ordre qu'il y a dans ma lettre.

1245. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. апрѣля 10. Москва.

Письмо ваше, отъ 27-го прошедшаго, и платки получила, за что вамъ благодарствую. Я совсѣмъ забыла, что вы мнѣ обѣщали прислать; мнѣ они милы, потому что отъ васъ получила.

Объ извѣстной вамъ невѣстѣ слушала, что Голицынъ, камеръюнкеръ, сватался, и будто ему отказали а Шереметевъ не хочетъ жениться еще ни на комъ и хорошо дѣлаетъ,— лучше, чтобъ его искали невѣсты.

Брату моему скажите мой поклонъ. Сама его не безпокою письмомъ, а васъ прошу ему отъ меня припомнить о черномъ чаѣ; онъ мнѣ обѣщалъ присылать. Не рада, что къ нему привыкла, другого пить не могу, а здѣсь достать нельзя. Больше теперь писать мочи нѣтъ: не очень здорова, къ тому устала.

1246. La princesse Catherine Dachkov—au prince Alexandre Kourakin.

Troïtskoé, 12 avril [1774].

C'est d'une solitude aussi agréable que tranquille, mon Prince, que vous écrit une campagnarde, qui oublie tout dans cette retraite chérie, hors ces [ses] amis; ce n'est point dans la présomption de vous dire des choses piquantes par leur nouveauté et divèrsité que j'ai pris la plume. Que pourrais-je vous dire qui ne roula [roulât] dans le cercle étroit de ma petite famille et mon économie! J'ai donc un autre but; voici quel il est: je n'ai jamais prétendu être du goût de tout le monde, je n'ai, non plus, jamais ambitionné de vivre dans les siècles à venir (avant même que j'aie connu la fragilité des monuments les plus fastidieux), je ne puis non plus être un être passif, et, pour cet effet, je veux vivre dans le souvenir de mes amis et rendre mon existence, par là, moins végétale. C'est donc pour vous rappeler, mòn Prince, qu'il y a une Dachkov dans le monde qui vous estime très sincèrement que je me suis saisi de cette feuille; digérez-la comme vous pourrez. Mais, en conscience, le seul sujet que je pourrais traiter avec quelque succès serait sur le Physique et le Moral qui m'entoure [entourent], et si vous ne me jurez qu'une description d'un beau pays (c'est-à-dire campagne) ne vous paraîtra point un plat réchauffé sans goût et sans attraits, comme cela paraîtrait à la plupart de vos camarades, attendez-vous à ne point recevoir de mes lettres ou les voir sans queue ni tête.

Voici, en attendant, une petite commission dont je vous prie de vous charger; elle consiste à remettre l'incluse en mains propres, et sans beaucoup tarder, si cela ne vous gêne pas, cela s'entend, car pour peu que cela vous soit désagréable vous n'avez

qu'à la lui faire remettre par un émissaire de la poste ou autrement. Mais je vous prie de m'annoncer le reçu de celle-ci et le sort de l'incluse par la première poste.

Adieu, mon Prince, dormez, buvez, mangez et soyez tranquille comme nous, et vous ne pourrez vous plaindre de votre sort.

1247. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. апрѣля 14. [Москва].

За увѣдомленіе о вашемъ провожденіи времени благодарю васъ и, конечно, порочить образъ вашей жизни не могу, зная, сколь онъ основателенъ; не меньше-жъ и то похвально, что не дѣлаетесь расточителемъ своего имѣнія. Простите мнѣ, если я вамъ скажу, что̀ о васъ думаю; если не ошибаюсь, кажется мнѣ, сколь вы дѣлаетесь экономомъ, больше еще жертвою всѣхъ вашихъ денегъ. Вижу, какъ вы отчаяваетесь отъ того, что ихъ проживаете; не удивляюсь тому, что всякій день имъ у васъ расходъ. Кто домомъ живетъ и всё на купленномъ, того обойтися не можетъ. Зная же вашу къ нимъ привязанность, не думаю, чтобы вы ихъ не въ дѣло употребили. О проигрышѣ не дозволяется никакъ грустить, а стараться лучше выучиться коммерческія игры играть, что̀ для общества необходимо надо; а вы ихъ ни одной прямо не умѣете, для чего только и проигрываете. Обо мнѣ не думайте, чтобъ я сберегла деньги; вамъ извѣстенъ нашъ доходъ и образъ жизни,—не только сберечь, но часто къ окончанію года не достаетъ. Итакъ, на это иного совѣта вамъ дать не могу, какъ не такъ умножать свою гардеробу вседневно, какъ вы привыкли, и не быть къ деньгамъ привязану,—считать, что золотые равномѣрно сдѣланы на прожитокъ, какъ и другіе. Чрезъ это сами увидите, что вамъ недостатку никогда не будетъ, а имѣете, чѣмъ холостой можетъ годъ очень благородно прожить, особливо, когда домъ уже совсѣмъ заведенъ.

Шереметевъ, къ своей хвалѣ, мнѣнія своего не перемѣняетъ; утвердился въ томъ, что жениться не намѣренъ. Же-

лаю сердечно вамъ этому послѣдовать. Хотя вы меня увѣряете что объ этомъ уже не думаете, однако скрыть не можете, чт Головкина вамъ голову свертѣла, хотя не столько сама, как неизвѣстные ея доходы.

Простите мнѣ, если я вамъ что неугодное въ евтомъ письм сказала. Вы знаете, мой дорогой, сколь я съ вами всегд чистосердечна. Итакъ, видите, что я вамъ на все свое мнѣні сказала.

Въ знакъ моей къ вамъ дружбы посылаю вамъ рисунок своей спальни, какъ передѣлала. Стану ожидать, будетъ л ваша апробація. Обще съ матушкою вамъ пеняемъ,—врем уже давно устрицамъ, а мы здѣсь совсѣмъ забыты.

1248. Le professeur Pesfel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 25 avril (6 mai) 1774.

La lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire me don une nouvelle preuve combien vos sentiments sont solides enve ceux qui se font gloire de vous être dévoués. Aussi n'ai- jamais douté que ni le temps, ni l'éclat de la fortune, ni v occupations, ni même les distractions qui ne peuvent jamais ma quer dans une Cour aussi brillante que celle de Russie feraient [fissent] aucune impression sur une âme aussi noble q la vôtre, mon Prince, pour vous faire indifférent à l'attacheme sincère de ceux qui vous rendent justice.

MM. les comtes de Roumiantsev vous témoignent, apr leur arrivée, combien votre mémoire, mon Prince, est ici bénédiction. Je ne dis rien de moi, je tâcherai, plutôt par fait, d'obtenir de ces messieurs un témoignage plus authentiqu que tout ce que j'en pourrais avancer ici. Je serais enchan de leur être utile en tout, dans lequel [le cas où] ils voudraie faire usage de mon empressement à leur rendre service, et vous prie, mon Prince, de disposer de mon zèle non seulem dans cette occasion, mais aussi dans toutes les autres qui pourraient présenter. Je dois avouer que je brûle d'envie

ire connaissance avec les fils d'un guerrier qui a si bien consacré son nom dans le temple des héros, et pour lequel tout e monde a une véritable vénération. J'espère qu'avec le temps ous aurons aussi le bonheur de voir M. le prince Kourakin t M. le comte Apraxine à notre université.

Il est vrai que dans le nombre des gens qui se donnent pour es gouverneurs, il y ait [en a] fort peu qui ont cette solidité de onnaissances, même du monde, ou ce cœur plein de probité ans lequel il est impossible que l'éducation soit bonne qu'ils oivent donner à ceux qu'ils guident. Pour cacher des connaissances frivoles, et qui ne se réduisent qu'à la hardiesse de arler de tout sans savoir rien, ils s'efforcent très souvent l'inspirer à leurs élèves un dégoût pour toutes les sciences solies, comme sont l'art de gouverner, la connaissance du cœur umain, le dénouement des passions universelles ou attribuées un certain climat, l'étude des lois applicables à tous les ays ou propres à celui auquel leurs élèves se destinent, etc.; out cela n'est, comme ils disent, que l'occupation des pédants. 'out se réduit selon eux pour [par] conter quelques petites necdotes ou lâcher quelques bons mots à la toilette des dames t entendre le jeu; connaître très solidement l'histoire littéraire es acteurs et des actrices de Paris, et raconter ce que les onnaisseurs ont dit sur la différence des théâtres dans les différents pays. L'expérience m'a offert plus d'une fois des tableaux des [de] gouverneurs qui ressemblent très fort à celui ue j'ai tracé. Je souhaite, mon Prince, que vous trouviez un omme du monde, mais solide, honnête et désintéressé en nême temps.

Vous souhaitez, mon Prince, des nouvelles. Mais très souent il faut ménager les sujets, puisque vous n'êtes pas content que je ne fasse que raconter.

M. Diderot est retourné en compagnie de M. Athanase Balla. Le premier passera encore deux mois chez M. le prince Galitsine; on doute que Sa Majesté l'ait très fort distingué. Le lernier a été ici pendant quelques jours. Si j'avais su que ce Mon-

sieur venait directement de Pétersbourg, je me serais empress de lui demander des nouvelles de Votre Altesse, mais je n l'ai entendu qu'après son départ. J'ai appris, depuis, le grad qu'il occupe à Pétersbourg et la protection dont il y jouit. I ira à Spa, et de là, après avoir fait quelque séjour en Alle magne, il retournera pour [à] la capitale. Je serais charmé d voir M. Grimm dont j'ai entendu beaucoup de bien. Il ne saur [saurait] mieux peindre les merveilles de la Russie, que ne fai M. de Rathsamhausen qui écrit avec tant de zèle qu'u Russe né et heureux ne le saurait faire plus. Quelle nouvell foudroyante pour le pays de Darmstadt et pour S. A. I. M la Grande-Duchesse, que celle de la mort de Mme la Land grave. On regrette beaucoup le départ de M. de Noaille qui est, dit-on, destiné pour l'Angleterre, et auquel on donn pour successeur le fils du gouverneur du Dauphin défunt.

Etant occupé de finir cette lettre, j'apprends la maladi dangereuse du Roi le Bien-Aimé. Son âge fait craindre q l'infection ne sera [soit] supérieure aux remèdes qu'on a d'abor appliqués. Si la Providence disparaît de sa vie, il arrivera [arrivera] très probablement une grande révolution dans le affaires générales de l'Europe.

La République emploiera peut-être la somme d'un million demi, moitié pour l'armée et l'autre moitié pour la marine, moins la Hollande y a consenti. On ne croit pas qu'il y au [ait] des troubles en Suisse. Le canton de Freiberg prend, dit-o très fortement parti pour la France. Tout le monde fixe s attention sur l'issue des affaires en Amérique. Si les Bostonnie se rendent à la discussion du Parlement, et surtout certai seigneur anglais, ils sont dignes qu'on leur mette les chaîn du plus vil esclavage.

Les princes Volkonski retourneront dans peu de l'Itali Ils n'ont pas eu la permission d'aller plus loin qu'à [que] Venis où ils doivent assister à la fête de l'Ascension.

1249. La princesse Catherine Dachkov—au prince Alexandre Kourakin.

Troïtskoé, 5 mai [1774].

Il m'est inutile, n'est-ce pas, de vous assurer, mon Prince, le la douce satisfaction que j'éprouve en recevant de vos ouvelles. Pour peu que vous ayez examiné la principale arche de mon caractère, vous avez dû reconnaître que je uis un animal sentimental, qui ne connaît d'autre bonheur ue celui de l'amitié, qui aime à rendre justice aux gens, et ui, après avoir accordé son estime et son amitié, est reconaissant si on le paye du [de] retour. Jugez donc si je suis ensible aux sentiments que vous me témoignez. L'on m'a ouvent peinte, très souvent avec un coloris auquel j'avoue ue je ne saurais atteindre, mais quelquefois aussi je perdais ans le tableau; le fait est pourtant que jamais ce n'était moi. n ne me permettait pas d'être une femme toute ronde, plus ttachée aux vertus bourgeoises qu'enflammée d'enthousiasme our l'héroïque; on ne voulait pas que je marchasse tout mplement. Et si le vol qu'on me faisait prendre était bien auessus de la hauteur à laquelle jamais mon ambition pouvait spirer, les chutes que l'on me faisait faire était [étaient] beauoup plus basses que mes principes ne me le feront jamais ire. Je l'espère du moins, et mon espérance maintenant est lus fondée encore parce que, à l'habitude de remplir mes evoirs et de suivre strictement mes principes, se joint l'amour e la médiocrité et le cours de mon septième lustre. Il serait op tard à 31 ans de refondre son caractère, et [de] changer sa çon de vivre et de penser. Ainsi, telle que je suis, mon her Monsieur, je la [le] serai pour le reste de ma vie, c'est-dire une femme qui est sensible à l'amitié et qui se ferait n plaisir réel de cultiver la vôtre. Donnez-m'en, je vous conre, des témoignages par vos lettres que je lis avec un plaisir exprimable.

C'est ma fille qui a été le lecteur de la dernière; son ère a mal aux yeux et m'a beaucoup inquiété par là; je

suis privée d'exercice pour lui tenir compagnie et nous lisons, ma fille et moi, tour à tour pour amuser le petit bonhomme. Ils vous assurent tous les deux de leur parfaite estime. Ces jeunes amis intéressent mon cœur, mais ne peuvent point encore le remplir entièrement. Ils ont, il est vrai, beaucoup de tendresse pour moi; elle est même très visible et aussi étendue que leur petit cœur est capable de ressentir, mais puis-je verser dans leur sein les sentiments qui, quelquefois, me préoccupent et demandrait [demandraient] à être épanchés. Si l'un d'eux, plus avancé déjà, le pourrait [pouvait], je ménage [ménagerais] cette âme sensible que je ne veux pas flétrir par l'empreinte des nuages qui, quelquefois, passent par ma tête. Je ne veux pas lui faire entrevoir tout ce que je crains pour elle, et combien ma santé chancelante me fait prévoir de douleurs et de dangers contre lequels [lesquels] elle doit se tenir en garde.

Mon prochain voyage à Pétersbourg sera l'époque de son entrée dans le monde. Le temps est si court, elle est si innocente; dans ce qu'on appelle le bon ton chez nous il y a tant d'autres choses plus essentielles que je voudrais fortement lui inculquer! et notre public est si peu indulgent, si prompt à juger sur les dehors, sur le maintien, que ma tête tourne quand je pense à mon arrivée dans votre ville. Si l'intérêt de mes enfants et l'établissement de ma fille ne me forçait [forçaient] d'y aller, je choisirais plutôt Dieu sait quelle pénitence pour n'y point être. Mais il faut finir comme l'on a commencé, et il faut que je fasse encore ce sacrifice à des enfants qui ont, jusqu'à présent, été le but de toutes mes actions. Mais je m'aperçois que j'ai donné un cours trop libre à ma plume et que mes sentiments si [s'y] sont peints sans contrainte; je ne sais si je dois vous en demander excuse.

Voudrez-vous bien me faire le plaisir de demander à Кошелевъ, qui vient d'Angleterre, les gants dont il a été chargé pour moi par Pouchkine, et me les envoyer par la poste.

1250. Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій — князю Александру Куракину.

1774 г. мая 8. Москва.

Получивъ приказаніе отъ его сіятельства вице-канцлера ереревести съ французскаго и умножить родословіе ихъ фамиліи, второе напечатано будетъ въ „Вивліоѳикѣ Россійской“ въ маѣ ѣсяцѣ, за долгъ почелъ я собрать и о фамиліи вашего сія-ельства, тѣмъ паче, что обѣ сіи фамиліи отъ одного происхо-ятъ родословца, литовскаго великаго князя Гедимина. Ваше іятельство изъ приложенной табели и описанія обстоятельнѣе семъ усмотрите. Если что найдете прибавить, благоволите ообщить г. Новикову, издателю ежемѣсячныхъ сочиненій Вивліоѳики“, къ коему я на сей почтѣ таковое же сообщилъ фамиліи вашего сіятельства описаніе для внесенія въ «Ви-ліоѳику». Если сіе примите, ваше сіятельство, въ знакъ моего ъ вашему сіятельству почитанія, то я тѣмъ и доволенъ буду.

Его сіятельству братцу вашему, а моему милостивому го-ударю князь Степанъ Борисовичу, прошу мое нижай-ее засвидѣтельствовать почитаніе и объявить, что покровскіе ители нетерпѣливо ожидаютъ его сюда пріѣзда.

1251. Княжна Агриппина Александровна Куракина — князю Александру Куракину.

1774 г. мая 12. Москва.

Довѣренность ваша ко мнѣ утверждаетъ, мой дорогой, ва-у дружбу. Вы меня знаете: когда я кого люблю, не могу съ имъ инако говорить, какъ прямымъ сердцемъ. Предмета ва-его новаго не знаю, хотя не сумнѣваюсь быть ему достой-ымъ вашего примѣчанія. Но дозвольте себѣ сказать, не со-ершенная ли это вѣтреность — въ сутки по тридцать разъ свои ысли перемѣнять; однихъ увѣрять, что о женитьбѣ больше е думаете, другимъ давать коммиссіи о навѣдываніи какого тзыва, самому-жъ о другой съ ума сходитъ. Скажите мнѣ аперь: чему изъ этихъ трехъ вещей вѣрить? Къ сожалѣнію

вижу, что въ мысляхъ вашихъ основанія еще никакого нѣтъ, для чего желаю и совѣтую вамъ ихъ преодолѣть и не вѣрить, чтобъ онѣ у васъ время занимали, чѣмъ сдѣлаетесь гораздо спокойнѣе.

Радуюсь, что я вамъ сдѣлала удовольствіе своимъ портретомъ. Только жалѣю, что вы его не за тотъ принимаете, что́ онъ есть. Онъ точно оригиналъ, а не копія съ того, что вы думаете; здѣсь увѣряли, будто онъ гораздо того сходнѣе.

1252. Павелъ Артемьевичъ Левашовъ—князю Александру Куракину.

1774 г. мая 15. Полоцкъ.

Какъ вашему сіятельству не безызвѣстно, что я выѣхалъ изъ Петербурга сего мая 8 числа, а теперь въ силу вашего повелѣнія намѣренъ я вамъ сообщить часть моего путешествія. Хотя-жъ я и сдѣлалъ нѣкоторыя примѣчанія, ѣдучи по дорогѣ отъ Петербурга до Пскова, какъ на положенія мѣстъ, селъ и городовъ, на разность добротъ земли и климата, но я на сей часъ сими подробностями васъ утруждать не буду, а сообщу вамъ полный журналъ моей ѣзды, по возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ; здѣсь же опишу только городъ Псковъ, куда пріѣхалъ я мая 11 числа. Оный городъ имѣетъ весьма красивое положеніе; главная онаго крѣпость, называемая „Средній Городъ", находится на высокомъ мѣстѣ, на самомъ мысу, между рѣкъ Псковомъ и Великой; окруженъ каменною стѣною и башнями такъ, какъ Москва, потомъ обнесенъ еще и другою каменною стѣною, окружностью на семь верстъ, но всѣ оныя стѣны и башни уже развалились. Катедральная церковь и епископскій домъ каменные, другихъ приходскихъ церквей около семидесяти; также есть нѣсколько и купеческихъ каменныхъ домовъ; прочее строеніе все деревянное и негодное. Климатъ весьма разнствуетъ отъ С.-Петербургскаго, потому что въ С.-Петербургѣ по отъѣздѣ моемъ деревья цвѣсти еще и не начинали, а во Псковѣ яблони и черемуха почти ужъ совсѣмъ отцвѣли. Городъ сей

великую имѣетъ способность къ торгамъ, но жители, по невѣжеству ихъ и по лѣности, весьма мало тѣмъ пользуются, и для того тутъ не много заживныхъ купцовъ находится.

Того-жъ 11 числа выѣхавши изъ Пскова, продолжалъ я мой путь чрезъ города Островъ и Опочки, которые никакого примѣчанія не заслуживаютъ, особливо Опочки; а 13 числа поутру въѣхалъ я въ россійскую Польшу. Тутъ примѣтилъ я многія хорошія распоряженія нынѣшняго псковской губерніи г. губернатора Михайлы Никитича Кречетникова, а именно: дорога хорошая, сдѣланная вновь, и построены по станціямъ хорошіе почтовые домы такъ, какъ въ Лифляндіи, и хотя еще все новое дѣло, однакоже проѣзжіе во всемъ услужены наилучшимъ образомъ.

14 числа пріѣхалъ я въ Полоцкъ. Оный городъ сидитъ на сливѣ рѣки Двины и Полотьи, на высокомъ и выгодномъ мѣстѣ; въ старину имѣлъ земляное укрѣпленіе, которое нынѣ почти совсѣмъ опустилось. Въ замкѣ находится катедральная каменная большая церковь и епископа унеятскаго домъ. Въ оной церкви хранятся мощи Святого Іезафата. Езувитская церковь изъ числа наилучшихъ въ Россіи церквей почитаться можетъ. Коллегія езувитская есть огромное зданіе; много и другихъ въ семъ городѣ церквей находится. Городъ весь величиною съ Тверь или нѣсколько больше. Г. губернаторъ меня весьма дружески принялъ и у себя въ домѣ мнѣ квартеру далъ; я у него ночевалъ, а нынѣ послѣ обѣда, т.-е. чрезъ три часа по заключеніи сего письма, въ предлежащій мнѣ путь отправлюсь до Могилева, по пріѣздѣ куда не оставлю вамъ сообщить и окончательное, хотя краткое описаніе здѣшнихъ предѣловъ.

1253. Иванъ Варѳоломеевичъ Страховъ—князю Александру Куракину.

1774 г. мая 17. Петербургъ.

Размѣряя по безпредѣльной моей сердечной преданности къ особѣ вашего сіятельства, можете вы, милостивый государь мой, легко себѣ вообразить, съ каковымъ душевнымъ обрадованіемъ имѣлъ я честь получить сегодня почтеннѣйшее и весьма лест-

ными израженіями для честолюбія моего преисполненное письмо вашего сіятельства. Принося вамъ, милостивый государь мой, нижайшую мою благодарность за таковый опытъ вашей ко мнѣ довѣренности, доношу вамъ, что я исполнилъ повелѣніе ваше, и посылалъ многократно къ издателю ежемѣсячныхъ сочиненій Николаю Ивановичу Новикову, съ которымъ я довольно коротко знакомъ, съ письмомъ, объясняющимъ желаніе ваше, но только не застали его дома. Я весьма сожалѣю, что я нахожу себя принужденнымъ отложить до завтрашняго дни увѣдомленіе мое о содержаніи отвѣта его, каковымъ онъ отзовется на письмо мое. Господина переводчика Бантыша-Каменскаго зовутъ Николай Николаевичъ. Что же касается до газетъ, то я, увидя завтре Матвѣя Матвѣевича, скажу ему отъ имени вашего о нихъ и надѣюсь, что онъ будетъ съ великимъ удовольствіемъ вамъ служить оными.

Князь Николай Борисовичъ получилъ письмо ваше къ лейденскому профессору и не отзывается къ вашему сіятельству ни словомъ о полученіи его. Сіе служить можетъ довольнымъ образцомъ его точности, съ каковою онъ обѣщался при мнѣ вести съ вами свою переписку. Онъ намѣряется отсюды ѣхать во вторникъ, слѣдовательно, вы и можете его еще имѣть случай пожурить за неисправность его, или, лучше сказать, неисполненіе своихъ обѣщаній.

1254. Le comte de Saldern cadet—au prince Alexandre Kourakin.

Altona, 21 mai (1er juin) 1774.

Vous avez raison d'être fâché que j'ai laissé vos deux lettres, dont la dernière m'était déjà parvenue le mois d'août passé, sans réponse. Je les ai reçues toutes deux décachetées. Je m'accuse moi-même, mais en même temps, cher ami, vous pouvez être persuadé que j'ai eu mes raisons, point du tout relatives à votre personne, mais bien à d'autres. Dispensez-moi d'en dire plus.

Mon frère est parti le 28 mai n. st. de Hambourg pour ller aux bains de Carlsbad. Les deux nymphes que vous nnaissez l'accompagnent; sa suite consiste en vingt-deux personnes. Un parent du même nom, mais fort éloigné, un médecin, n aumônier et son secrétaire Platho sont du nombre. Pour oi je n'ai pas voulu en être.

Je compte d'aller à la mi-juin à Pyrmont pour y prendre s eaux dont j'ai grand besoin. J'y irai en compagnie de M. et me de Rumohr de Bosée. Je serai, tout au plus tard vers fin de juillet, de retour ici. Je mène une vie tranquille, loigné du fracas du monde et au-dessus des mortifications aginaires qu'on m'a faites. Je ne vous dis rien de la tradition ession] du duché de Holstein et de l'échange contre les Comtés. ous en serez suffisamment informé.

Le fils de mon frère a été déclaré comte danois. Le Roi fait conseiller privé, et son père lui a apporté le cordon eu de Pologne.

Le jeune Holmer, qui est actuellement à la place de mohr à Eutin, Niemann, Phenning, Thienen et edderkop à Eutin et Blome de Hagen ont été décorés l'ordre de Ste-Anne. Le ministre d'Etat Prangen a eu, à ccasion de la tradition [cession] des Comtés, une gratification 200 louis d'or et, de la caisse de Holstein, 2000 écus. ur moi, au lieu d'un présent, j'ai reçu, à l'occasion de mon ppel de Copenhague, l'ordre de Danebrog gratis avec M. de angen. Avec une bonne économie, je n'ai qu'à payer peu peu les dettes que je fus obligé de contracter pour m'équiper allant à Copenhague, n'ayant eu pour cela, il y a quatre s, que 1000 écus pour les frais du [de] voyage, en y allant et ournant, et pour m'équiper. La Providence, qui m'a soutenu squ'ici, me laissera vivre si [assez] longtemps pour que je isse payer les dettes faites à cette occasion. Vous verrez par nt ce que j'ai l'honneur de vous écrire quel lot que j'ai tiré. . de Wolf a eu une gratification de 4000 écus, et les

membres du directoire à Kiel dont Niemann, Schutt, Christensen etc. ont eu une somme en général de 2000 écus.

Mais, mon cher ami, que faites-vous? Si vous êtes heureux et content je serai au comble de mes vœux. Je vous supplie instamment de me mettre aux pieds de mon illustre et respectable protecteur S. E. le comte de Panine. Si longtemps que mes yeux seront ouverts, j'implorerai le Tout-Puissant pour la conservation de ses jours précieux. Je n'oublierai jamais ce qu'il a fait pour moi et ma famille. Ma reconnaissance ne finira qu'avec mes jours. Que je serais flatté, s'il y aurait [avait] moyen d'avoir le portrait d'un si généreux bienfaiteur! Voudriez-vous y ajouter le vôtre, je vous aurais une double reconnaissance.

Le comte Chérémétev, le père, vient de m'envoyer, il y a quelques jours, une fort belle pelisse de zibeline. Cela me flatte beaucoup, voyant par là la satisfaction du père et l'amitié du fils.

Ayez la grâce, cher ami, de me dire ce que font tous les Russes que j'ai connus. Vous savez bien que nous sommes accoutumés nous deux de nous parler à cœur ouvert sans en faire des confidences à d'autres.

Que fait M. de Mesmacher que j'estime beaucoup. A-t-il espérance de réussir? J'en serais charmé au fond de mon âme.

Adressez à l'avenir vos lettres directement à moi à Altona près de Hambourg; cela vaut mieux.

1255. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. мая 22. [Москва].

Николаю Николаевичу Каменскому скажу вашу коммисcію. Вы хорошо сдѣлаете, если его подарите вещью такой, которая бы стоила вашего удовольствія. Между тѣмъ постарайтесь у дядюшки выпросить, чтобъ его въ секретари произвели; шесть лѣтъ какъ онъ еще Собакинымъ представленъ, и все ему обѣщали,—по сихъ поръ все медлятъ. Мы въ свой бытность сколько ни старались, но никакъ не предуспѣли: все успокоивалъ обѣщаніемъ.

1256. Князь Александръ Куракинъ—князю Степану Куракину.

1774 г. мая 25. Царское Село.

Ты знаешь мою искренность, мой любезный другъ, и что я на моемъ сердцѣ не могу никакъ удержать то, что на немъ лежитъ. Признаюсь тебѣ,—въ прошедшую пятницу, сколь сначала ни былъ доволенъ тебя видѣть, большую часть дня много на тебя досадовалъ и съ тою же досадою съ тобою простился, чтó ты, конечно, не упустилъ замѣтить. Разыщемъ, пожалуй, мой любезный другъ, отъ чего сіи волненія во мнѣ происходить могутъ; ужели я тебѣ какого зла желаю или тебя ненавижу? Ни то, ни другое. Всѣ свидѣтели, сколько я кровнымъ обязательствамъ привязанъ, и съ коликимъ жаромъ во мнѣ горитъ желаніе всѣхъ моихъ братьевъ равно, какъ и себя самого, въ наивышнемъ совершенствѣ, счастіи и достоинствѣ видѣть. Ревность моя столь сильно меня къ тому влечетъ, что, по примѣру моего собственнаго воспитанія, всѣ бездѣлицы въ наружныхъ ухваткахъ, какъ и въ прочемъ, равнодушнѣйшія, правда, въ своемъ зарожденіи, но въ своихъ слѣдствіяхъ для будущаго нашей жизни теченія наиважнѣйшія, въ тебѣ примѣчать, и объ оныхъ по ихъ существу, по возможности, и при всѣхъ случаяхъ тебѣ напоминать стараюся. Можетъ быть, мой любезный другъ, мое усердіе доводитъ меня непримѣтнымъ образомъ до непріятностей для тебя, можетъ быть, я тебѣ и досаждаю; но, зная мой предметъ, зная изъ какого добродѣтельнаго источника текутъ мои слова, долженъ ли ты на то глядѣть, чтó они въ себѣ прискорбнаго имѣть могутъ.

Ты не даромъ рожденъ хорошо: первое свойство благорожденія, отличающее насъ отъ толпы, есть доброе сердце,—твое никакъ ошибаться не должно въ моихъ подвигахъ, а еще болѣе непростительно тебѣ быть равнодушну при толикомъ горячемъ моемъ противъ тебя расположеніи. Со внутреннею печалью вижу я, мой любезный другъ, съ какою холодностью принимаешь всѣ мои дружескія замѣтки и совѣты. Чтó я говорю—съ холодностью!... Ты не можешь надъ собою выиграть, чтобы мнѣ

скрыть твоего негодованія. Разсуди, какъ оно мнѣ чувствительно. Разсмотри все самъ безпристрастно и дай мнѣ то утѣшеніе въ твоемъ завтрашнемъ отвѣтѣ, видѣть твоими поступками и читать, что ты въ полномъ удостовѣреніи, что послѣ отца и матери, которыхъ Божіимъ произволеніемъ, къ несчастію, лишилися, никто на свѣтѣ, по свойству всѣхъ своихъ непоколебимыхъ правилъ, тебѣ больше и искреннѣе другомъ быть не можетъ, какъ твой навсегда вѣрный братъ князь Александръ Куракинъ.

При душевныхъ объятіяхъ отъ меня любезнаго Алексѣя, напомни ему, пожалуй, его обѣщаніе въ своихъ упражненіяхъ имѣть иное и сходнѣйшее съ будущимъ его благомъ распоряженіе.

1257. Le prince Nicolas Youssoupov—au prince Alexandre Kourakin.

Mitau, 27 mai (7 juin) [1774].

Il n'y a rien de plus flatteur pour mon cœur sensible qu l'amitié, et il n'y a rien de plus rare qu'un ami. Vous savez mon cher Prince, combien je vous suis attaché. Je puis espére du retour. Une ancienne connaissance, votre façon de pense et votre cœur susceptible des sentiments d'amitié que j'ai pou vous, sont des garants trop sûrs et qui m'attachent à vous d plus en plus.

J'ai appris, le jour de mon départ de Pétersbourg, que vou étiez de retour en ville. J'ai couru le matin pour vous embrasse chez vous et vous n'étiez déjà plus. A présent que j'ai u instant à moi je le donne à mon ami. Je suis à Mitau depui dimanche au soir; je ne sais quand je continuerai mon voyag J'ai trouvé ma sœur en bonne santé, le Duc et la Duchess douairière ont beaucoup d'amitié et d'égards pour elle. Le messieurs qui sont attachés à la Cour font tout au monde pou lui faire voir à quel point ils lui sont dévoués. La vieille Duchess m'a pris en amitié, et, hier, j'ai soupé à sa maison de cam pagne. Elle a mille attentions pour moi et elle adore ma sœu

Vous ne sauriez croire, mon cher ami, combien j'ai été charmé de trouver tout le contraire de ce qu'on disait à Pétersbourg. Vous savez ce que je veux dire.

Je ne vous ai point envoyé les livres; je n'ai pas eu le temps de faire un catalogue, ni aucun arrangement à ce sujet. Voilà une mauvaise excuse, j'en conviens, mais pardonnez à ma paresse. Je l'ai laissée à Pétersbourg; vous voyez que, passé les frontières, elle m'a quitté. Adieu, mon cher Prince, écrivez-moi à Leyde, j'y serai bientôt. Je vous embrasse.

Assurez, je vous prie, de mes très humbles respects M. le comte de Panine. J'aurai l'honneur de lui écrire tout de suite que je serai à Leyde. Quand vous m'écrirez, mon cher ami, donnez-moi, je vous prie, des nouvelles de sa santé. Vous savez combien je lui suis attaché et combien je lui dois. Mes compliments à mon cher von Wiesin.

Mes respects aux demoiselles de la Cour et à Mme Maltiz. Si vous voyez la comtesse Chouvalov et le Comte, vous aurez la complaisance de les assurer de mes respects.

1258. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова—князю Александру Куракину.

[1774 г.] мая 28. Село Троицкое.

Получить ваше письмо, отъ 15 нынѣшняго мѣсяца, узнать, что вы благополучны, и тому порадоваться—это не удивительно, а удивительно то, что помянутое письмо писано молодымъ придворнымъ человѣкомъ, которому во всемъ доднесь счастіе споспѣшествуетъ: имя, чинъ, имѣніе, дарованіе и мѣсто, гдѣ жительство имѣетъ,—все купно обольщаетъ и лестью блеска отводить его могло-бъ отъ здравыхъ разсужденій, коими письмо ваше наполнено; вотъ что меня удивляетъ и радуетъ въ то же самое время. Вѣрьте, любезный князь Александра Борисовичъ, что я сердечное утѣшеніе имѣю въ безпрестанныхъ увѣреніяхъ объ основательности вашихъ размышленій, и что я радуюсь, воображая, что вы мой единоземецъ. Продолжайте быть тѣмъ, чѣмъ вы быть начали, тогда вы не только полезны

будете своему отечеству и тѣмъ самымъ счастливы будете, но сдѣлаете счастливою и ту, которая съ вами будетъ сопряжена состояніемъ и сердцемъ.

Чувствіе благородной гордости съ надменностью весьма различны, хотя, къ несчастью, у насъ мало умѣютъ одну отъ другой отдѣлять: одна происходитъ отъ счастливаго, или сладкаго увѣренія, что человѣкъ чувствуетъ возвышеніе духа своего, которое ни до какой низкости его не допуститъ для того, что онъ добродѣтель свыше всего ставитъ. Другая, напротивъ, рождается отъ внутренняго признанія недостатковъ и низкости своей, которое и заставляетъ брать на себя видъ спеси и надменности, думая чрезъ оное избѣжать справедливаго пренебреженія. Вы, конечно, одну чувствуете, и столько же похвально восчувствованіе оной съ твердостью въ себѣ сохраните, сколь похвально вы употребленіе оной въ счастливыхъ упоминаемыхъ вами земляхъ видѣли. Узнавъ васъ, нельзя не признаться, что вы выѣздъ вашъ изъ отечества въ желаемую пользу себѣ обратили. Мнѣ же, какъ истинному вамъ другу, остается желать, чтобы упражненія и все то, что вы заслуживаете, награждая ваши желанія, могло отвлечь васъ отъ досадъ и скуки, которой, оставаясь въ Россіи, человѣкъ вашего духа мыслей подверженъ.

Я со своей стороны сносной жизни здѣсь не вкушаю, какъ только въ деревнѣ. И вы изъ села ко мнѣ пишете, но то село не Троицкое, а Царское. О хозяйкѣ онаго я нѣкогда сказала: «Quel dommage qu'elle aie une Cour»; но важныя ея упражненія и все, что ее окружаетъ, препятствуютъ, чтобы великими ея дарованіями можно было пользоваться, почему вы остаетесь въ томъ положеніи, что друзьямъ вашимъ [слѣдуетъ] жалѣть о васъ, что вы при Дворѣ: сельская жизнь не можетъ быть подражаема, она или воистину существуетъ, или гнусное притворство тѣмъ бѣдняе жизнь ту представляетъ, отъ коей хотя наружностью убѣгать тѣ сами стараются, коимъ она по состоянію опредѣлена.

Таперь вамъ скажу, что, посвятивъ ужъ девять лѣтъ все время и жизнь свою моимъ дѣтямъ, я и сію большую жертву

имъ принесу, оставя прiятное мое здѣсь житiе, и конечно не позднѣе iюля мѣсяца у васъ въ Петербургѣ буду. Что же дому я нанять еще не велѣла, оно для того мною оставлено, что я на приморскую свою дачу прямо намѣрена възъѣхать и, недѣль пять тамъ живучи, буду имѣть довольно времени для прiисканiя дому самой.

1259. Le comte de Saldern cadet—au prince Alexandre Kourakin.

Altona, 30 mai (10 juin) 1774.

J'espère que ma lettre que je vous ai écrite, cher ami, il y a quinze jours, vous aura été bien rendue. J'aime trop la vérité pour ne pas rectifier aujourd'hui une faute qui s'est glissée involontairement dans ma dernière lettre où j'avais dit: „au lieu d'un présent je n'ai reçu que l'ordre de Danebrog gratis comme M. de Prangen“. J'ai reçu, cher Prince, en qualité de ministre du Grand-Duc, 600 écus et autant comme ministre de l'évêque de Lubeck, ainsi en tout 1200 écus. Les envoyés reçoivent 1200 écus, mais, n'ayant été que ministre tout court, on prétend que 600 écus sont d'observance ou d'étiquette si vous voulez. M. Mesmacher a reçu 2000 écus à son départ. Pardonnez la faute que j'ai faite par inadvertance, mais mon aveu présent le [la] réparera, à ce que j'espère. Je suis sur le point de partir pour Pyrmont. Je me réjouis d'apprendre par M. de Simoline que M. Mesmacher aura le poste d'Eutin.

1260. La princesse Catherine Dachkov—au prince Alexandre Kourakin.

Troïtskoé, [juin] 1774.

L'amitié que vous me témoignez, mon cher Prince, ne me permet pas de douter que vous ne soyez charmé de lire la copie de la lettre que Sa Majesté m'a fait la grâce de m'écrire; c'est pourquoi j'en joins une copie. Vous trouverez que cette lettre

méritérait d'être imprimée. Les sentiments éclairés et patriotique que Sa Majesté y exprime si bien, vous feront sans dout plaisir, et doivent toucher tout bon Russe.

Je suis maintenant à la veille de mon départ pour Mosco où je ne m'arrêterai que quinze jours. L'espérance de vous voi à Pétersbourg, et mon cher oncle aussi, diminue le chagri que j'ai de quitter cette chère retraite. Présentez-lui mes respect s'il vous plaît, et montrez-lui l'incluse. Au reste, j'espère qu vous me pardonnerez le peu d'ordre et de sens que vous trouvere dans cette épître. Les embarras qu'on a en quittant sa maison po se préparer ensuite pour un plus long voyage encore, et l'ord qu'il faut que je mette à ce qui doit être mis en œuvre sa moi, sont plus qu'absorbants pour les facultés d'une femm car, quand l'on a, chez nous, une maison et des terres, il fa avoir les connaissances universelles, savoir tout par soi-mêm ou être ruiné dans un court espace de temps. Il faut êt architecte, jardinier, écuyer, avocat, arpenteur et ouvrier com mun. Et comme je ne suis que l'intendant de mes enfants, q je n'ai d'autre bien que le leur, je ne saurais négliger plupart de ces fonctions; et, dans les cas, comme celui où je trouve à présent, que [où] les affaires s'accumulent, ma pauv tête n'y suffit pas. Mais je n'ai pas besoin de vous dire cel vous vous en apercevrez après la lecture de celle-ci.

1261. Le comte Serge Roumiantsev—au prince Alexandre Kourakin.

Dresde, 6 juin [1774].

Après la lettre que je vous ai écrite, mon cher cousin, Varsovie, j'y suis resté encore quelques jours. La bonté av laquelle on nous y a reçus, le grand nombre d'amuseme qu'on y trouve, et enfin la crainte même de paraître ing envers des personnes qui nous traitaient si bien, nous oblig [obligèrent] d'ajouter encore quelques jours à ceux que n nous étions proposé d'y rester. Pour vous donner une idée la manière dont nous avons été traités, je vous dirai, mon ch

ami, qu'il n'y avait point de jour où nous étions [fussions] à nous-mêmes. Parmi le grand nombre de dîners qu'on nous donna, le plus remarquable est certainement celui du prince Czartoryiski, palatin de Russie. Cela étonna si fort la ville (car il avait perdu l'habitude d'en donner) que le Roi même en parla à table et ajouta fort gracieusement: «Il est vrai que ces messieurs méritaient quelque chose d'extraordinaire».

Je vous fait part naïvement de toutes ces choses parce que je n'en tire aucune vanité, très persuadé que tous ces honneurs qu'on nous rend ne nous sont accordés qu'en faveur de mon père qui, s'il y a quelque droit, c'est particulièrement dans ce pays.

Voilà ce que j'avais à vous dire de Varsovie. Je vais vous parler maintenant de Dresde, en commençant par la Cour qui est toujours un objet fort intéressant par l'influence qu'elle a dans les coutumes, les opinions et les mœurs des particuliers.

Je vous avoue sincèrement que je n'y ai point vu de magnificence et de grandeur. Peut-être est-il difficile d'en trouver en sortant de Pétersbourg! Le château est assez mal meublé, les assemblées sont fort tumultueuses, et la personne de l'Electeur est quelquefois même confondue dans le désordre qui y règne. Pour ce qui regarde l'Electrice, elle me paraît belle et très polie, j'aurais même désiré qu'elle le fût un peu moins.

Il y a tant d'objets intéressants pour un voyageur dans cette ville qu'il me faudrait toute une année pour vous les dépeindre. La galerie, cependant, en est ce dont je ne puis m'empêcher de vous parler: si vous ne l'avez point encore vue, c'est une connaissance que vous acquerrez, et si vous l'avez déjà vue, j'espère que vous ne serez par fâché de vous en ressouvenir.

Le grand nombre de beaux tableaux qu'on y trouve est une des collections les plus rares qu'on ait faites encore dans ce genre. Mon jugement serait fort imprudent là-dessus, s'il n'était appuyé par le sentiment des plus grands connaisseurs, ou plutôt s'il n'était [pas] le leur même. J'y ai vu trois tableaux qui m'ont frappé: c'est la Vénus de [du] Titien, la Nuit de [du] Corrège et la

Madeleine du même maître; il y a encore beaucoup de Pauls Véronèses, de Raphaëls et de Giordanos qui, dans tout autre endroit, auraient seuls fait des chefs-d'œuvre. Après cela l'on trouve ici des cabinets d'histoire naturelle, de raretés et d'antiques [antiquités] dont je ne vous parlerai pas parce que le détail en serait prodigieux.

Direz-vous après cela, mon cher cousin, que je ne contente pas le désir que vous avez eu de connaître l'effet que produiraient sur moi les objets différents que je verrai dans mes voyages. Vous l'avez demandé; et comme mon plus grand soin a toujours été de vous satisfaire, je vous écris tout ce que mon jugement et mon peu de capacité me disent là-dessus. Mais si vous voulez connaître les sentiments de mon cœur, ils sont parfaitement voués à un cousin pour lequel j'ai une amitié sans bornes. Vous ne devineriez pas que c'est pour vous.

On dit ici que M. Potemkine est dans le Conseil; il sera certainement fort utile par la connaissance qu'il a de la guerre et du pays où elle s'est faite. C'est une nouvelle qui m'a fait bien du plaisir, mais je connais beaucoup de personnes qui n'en seront pas tout aussi aises que moi.

1262. Княгиня Наталія Александровна Репнина—князю Александру Куракину.

1774 г. іюня 9. Москва.

Пріѣхала я сюда въ четвергъ, пополуночи въ два часа, нашла весь домъ спящій, тихонько прошла въ передспальню и на канапей легла отдохнуть. Княжна вóды кушáетъ, и въ самый тотъ часъ передъ неё предстала, какъ поднесли ей первый стаканъ. Представить себѣ можешь, какъ и матушка была пріятно удивлена, услыша вдругъ мой голосъ! Всѣ мнѣ очень рады; только я безъ мѣры немогу и сегодня лѣкарство принимаю, боюся, чтобы не слечь. Пожалуй, препроводи сіе письмо Григорію Александровичу, я его сегодня по почтѣ получила изъ Варшавы. Здѣсь Москва меня встрѣтила съ не

управленіемъ, будто моего мужа везутъ въ Петербургъ и другого князь Юрія Долгорукова. Скажи, пожалуй, похоже ли что-нибудь на правду?

1263. Къ домовымъ дѣламъ князей Куракиныхъ приказъ.

1774 г. іюня 16.

При успѣваніи возрастомъ лѣтъ въ похвальномъ поведеніи и въ наукахъ князь Алексѣя Борисовича, отправить нынѣ къ нему на лѣтнее платье, заплатя деньги, кафтанной матеріи за восемь аршинъ по три рубля, за шитый шелкомъ камзолъ тридцать рублевъ, деньгами сто рублевъ для его карманнаго собственнаго расхода, да и впередъ, при проминованіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, пересылать всегда къ нему изъ домовыхъ доходовъ на карманные расходы по сту рублевъ сверхъ того, что на содержаніе его до сего производилось. Графъ Петръ Панинъ.

1264. Иванъ Варѳоломеевичъ Страховъ—князю Александру Куракину.

1774 г. іюня 23. Петербургъ.

Не простилъ бы я никогда себѣ, если бы медлительность въ дѣйствительномъ исполненіи приказанія вашего сіятельства происходила отъ единственнаго моего нераченія, а не отъ обстоятельствъ. Причиною оной недосуги, въ коихъ всѣ сіи дни находился г. Новиковъ, и былъ столь рѣдокъ, что съ великимъ трудомъ можно было его отыскать.

Теперь спѣшу я донести вамъ, милостивый государь мой, что я ѣздилъ вчерась къ нему и вручилъ ему извѣстныя вашего сіятельства примѣчанія, съ присовокупленіемъ точныхъ вашихъ словесныхъ мнѣ объясненій, чтобъ онъ въ примѣчаніяхъ ничего не перемѣнялъ и въ самомъ заглавіи вашей родословной внесъ то самое введеніе въ оную, которое находится въ изданной имъ родословной князей Голицыныхъ, и чтобъ отдалъ ее напечатать въ будущій іюль мѣсяцъ своей Вивліоѳики. Онъ, выслушавъ меня, согласился на исполненіе всѣхъ вашихъ желаній, кромѣ отданія ея въ печать въ будущемъ мѣсяцѣ. Онъ говоритъ, что онъ радъ бы оказать сію услугу вашему сіятельству, но сіе никакъ теперь сдѣлать не можетъ, потому что іюль мѣсяцъ уже

напечатанъ, но онъ конечно издастъ ее въ печать въ августѣ мѣсяцѣ. Онъ просилъ меня также засвидѣтельствовать вашему сіятельству его почтеніе и спросить васъ, что не угодно ли вамъ будетъ, чтобъ онъ присовокупилъ къ родословной вашей и поколѣнную таблицу точно такую, какую онъ издалъ при родословной князей Голицыныхъ. Я на сіе отвѣтствовалъ ему, что буду имѣть честь о семъ къ вамъ отписать и сообщу ему отвѣтъ, которымъ вы меня почтить изволите.

1265. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. іюня 30. [Москва].

Не могу понять, какъ вы моего письма не получили, которое я вамъ писала въ отвѣтъ на матерію, которую вы сегодня продолжаете. Но какъ Д[ашкова] сегодни отсюдова ѣдетъ, я не оставлю вамъ своего мнѣнія сказать. Правда, что дочь ея достоинствы, можетъ, имѣетъ, только она столько молода, что она сама о себѣ еще не знаетъ, а другіе о ней—того меньше. О Гагаринѣ вы знаете, какъ онъ ихъ боготворитъ; знаетъ же, что мать этого желаетъ, для того васъ смущаетъ чувствительностью дочерней, зная ваше мягкое сердце. Но представьте себѣ, мой дорогой другъ, какой она можетъ быть вамъ товарищъ и хозяйка въ своемъ домѣ въ разсужденіе своихъ лѣтъ. Кажется мнѣ, что вамъ никакой нужды нѣтъ спѣшить. Если же необходимо хотите и мысли своей не перемѣняете (хотя въ сегодняшнемъ вашемъ письмѣ вижу, что вы колеблетесь, и резонъ имѣете),—знайте, какъ одинъ разъ эту цѣпь на себя накинете, должны будете вѣкъ её сносить, для чего размышлять гораздо больше надо.

Не противурѣча этой партіи, я предпочту Г[оловкину]. Отставя интересъ, можете имѣть въ ней добрую жену и хорошую хозяйку, да и то не въ послѣднемъ, что будешь её одну имѣть и тещу безъ претенцій, которая всегда будетъ отъ васъ въ отсутствіи. До времени хотѣла молчать, однако прошу васъ не впасть въ восхищеніе, когда вамъ скажу, что они ждутъ нонѣшнимъ лѣтомъ сюда своего сына, безъ котораго рѣшиться

не хотятъ; сколько же слышу, родня вся этому свойству непротивна. Итакъ, думаю, вы во-время сюда пріѣдете, если не свяжетесь съ Дашковою. Я же ничего вамъ столько не желаю, какъ счастья и спокойствія, для чего совѣтую, сколь возможно, удаляться отъ поспѣшной женитьбы.

За пересылку письма моего бѣднаго Нелединскаго благодарствую. Очень ему обрадовалась и вмѣстѣ огорчилась. Пишетъ ко мнѣ, что поѣхалъ волонтеромъ въ корпусъ Каменскаго; если Богъ его помилуетъ и выведетъ,—можно сказать, что лбомъ счастіе свое пробилъ.

1266. Княгиня Наталія Александровна Репнина—князю Александру Куракину.

1774 г. іюня 30. Москва.

Благодарю тебя, мой любезный другъ князь Александръ Борисовичъ, за пріятное мнѣ твое письмо; радуюся, слыша, что ты весело время свое провождаешь. А я не такъ спокойна духомъ, какъ ты себѣ воображаешь: во-первыхъ, дѣла мои худо еще идутъ,—деревни не продаются; второе, свѣтлѣйшій князь меня очень сконфузилъ, увѣряетъ всѣхъ здѣсь, что по моего мужа посланъ курьеръ съ тѣмъ, чтобъ ему ѣхать къ Оренбургу. Бога ради отпиши, правда ли это? А мужъ мой, я чаю, за Дунаемъ теперь. Не повѣришь, какъ это все меня безпокоитъ. Помилуй, зачѣмъ его туда; мало ли воиновъ и безъ него? А я до того дожила, что не знаю, чего желать,—все нѣшто страшно кажется; а разсудила лучше отдаться на власть божескую: что́ Ему угодно, то́ пусть и будетъ.

Не знаю, что тебѣ, мой другъ, отвѣчать на то, что ты пишешь. La princesse Dachkov part aujourd'hui pour Pétersbourg и очень считаетъ на тебя. Ты меня разумѣешь, про что я говорю.

1267. Le baron Le Forf—au prince Alexandre Kourakin.

[Strasbourg, fin de juin ou commencement de juillet 1774].

Que penserez-vous de moi, mon Prince, d'avoir tant différé à répondre à la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire par M. le comte de Skavronski. J'ai d'abord imaginé, avant tout, qu'il fallait remplir votre objet, ainsi que celui de Mgr le prince de Galitsine, vice-chancelier, qui m'a recommandé particulièrement votre ami, et c'est ce qui m'a occupé, comme il vous l'aura mandé, ainsi que son digne compagnon de voyage qui me plaît infiniment, et qui me paraît fort attaché à notre cher Comte.

J'allais vous écrire, mon Prince, quand la sérénissime maison de Baden-Dourlach, Mgr et Mme la landgrave de Hesse-Hombourg et Mme la princesse Louise, sa sœur, arrivèrent à Strasbourg, ce que j'appris par un exprès qui me fut envoyé pour me rendre en ville, ce que j'exécutai à l'instant, ayant reçu quinze jours auparavant des lettres de Mmes les Princesses qui m'avaient prévenu et invité de venir en ville quand elles y seraient. J'ai eu l'honneur de présenter M. le comte de Skavronski et M. le capitaine Meyer à Leurs Altesses qui les ont très bien accueillis; et il m'a paru que Mme la princesse héréditaire de Baden et Mme la princesse Louise ont été fort aises de les revoir.

Le lendemain, Monsieur, je suis parti avec Mgr et Mme la landgrave de Hesse-Hombourg et Mme la princesse Louise pour la Suisse. Leurs Altesses sont de retour depuis hier à Lausanne d'où elles partiront demain pour Berne, Zurich, d'où elles retourneront en Allemagne, fort satisfaites du charmant voyage qu'elles viennent de faire, où elles se sont singulièrement plu à Genève et dans le pays de Vaud. Dès que Leurs Altesses auront pris la route de Berne, je me rendrai à Morges auprès de ma chère belle-sœur qui part dans quinze jours pour aller passer l'hiver à La Haye auprès de Mme la princesse de Galitsine, sa sœur; nous ne nous quitterons guère d'ici à ce temps-là.

Dès qu'elle sera partie, j'irai à Genève où je n'ai pas été depuis vingt ans, où je resterai une quinzaine de jours, d'où vous aurez sûrement de mes nouvelles. A mon retour en Alsace, je prendrai la liberté d'écrire à Mme la comtesse de Skavronski. Assurez-la de l'hommage de mon respect, ainsi que S. E. M. le grand-maître. Je lui dois cette déférence, d'autant plus que, de tous les temps, les Le Fort ont été fort attachés à la famille de Stroganov. J'aime et j'aimerai toute ma vie cet attachement noble et vertueux qui se perpétue d'une génération à l'autre.

1268. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 6 (17) juillet 1774.

Le mérite est vrai et grand, mon Prince, que vous vous faites vis-à-vis de l'université de Leyde, en persuadant aux seigneurs de la première distinction de passer ici le temps qu'ils ont consacré aux Muses. L'on fera tout au monde ici pour répondre à la bonne idée que vous leur avez fait naître, mon Prince; moi, surtout, je doublerai mes efforts pour même surpasser, s'il était possible, votre attente. Je serais au comble de mes vœux, si ces seigneurs, ayant fini leur terme ici, vous auraient [avaient] aussi quelque obligation de leur avoir dit du bien de notre académie. MM. de Roumiantsev doivent actuellement être à Carlsbad, où ils sont partis de Leipzig, il y a huit jours, ainsi il n'est pas probable qu'ils seront [soient] ici avant la fin du mois prochain. En attendant, je garde la lettre que vous m'avez adressée. M. le prince Youssoupov n'est pas non plus arrivé. Selon toute apparence, il s'est arrêté à Mitau. M. de Narichkine, dont l'oncle est le prince Narichkine, grand veneur de l'empire russe, demeure ici depuis deux mois, et se destine à passer ici une année. Oserais-je bien vous demander, mon Prince, s'il est de votre connaissance?

Le prince Volkonski, l'aîné, a été fort mal à Turin, mais il est rétabli.

Quant aux nouvelles, mon Prince, je n'ai [n'en ai] aucune qui mérite votre attention. Je n'ose pas écrire des grandes affaires. Vous qui travaillez dans le Cabinet, vous, mon Prince, étant à la source, ne pouvez attendre rien de nouveau d'un homme qui doit passer son temps dans les études. Voilà bien des questions du droit des gens qui vont s'ouvrir dans la Méditerranée et peut-être dans l'Archipel. Le monarque français continue de fixer l'attention de l'Europe sur ses démarches. Elles annoncent beaucoup de bon et de salutaire pour un royaume lequel, comme dit Voltaire, doit être très favorisé par la nature, puisque, depuis 80 ans et plus, les ministres ont cherché de [à] le ruiner et n'ont pu réussir. Qu'en [qu'il en] coûte si peu aux souverains de se faire respecter partout, et de se faire aimer de cœur et d'âme par leurs sujets! Le Roi, à présent, avec beaucoup moins de chances est-il moins heureux que son prédécesseur? S'il n'entre pas en société avec les livranciers [fournisseurs] de la Cour pour se faire payer bien cher leurs livraisons, pour retirer ensuite une partie du prix exorbitant que les financiers du Roi leur payent, sera-t-il moins riche? Je n'écris rien des bons mots qu'on fait sur le compte du feu Roi, ni du compliment qu'on a fait au Roi d'aujourd'hui en écrivant sous [au bas de] la statue de Henri IV „Resurrexit", puisque je suppose [que] toutes ces petites [petitesses] vous sont très connues.

M. Diderot est encore à La Haye; mais il n'y est pas vu de si bon œil que l'a été M. Lalande.

1269. Le prince Nicolas Youssoupov—au prince Alexandre Kourakin.

La Haye, 11 juillet [1774].

Je suis enfin arrivé en Hollande. J'avais mauvais temps, mauvais chemin, mauvais chevaux et mauvais gîte dans la Westphalie; depuis Hambourg jusqu'à Zwolle il n'y avait que sable et boue. J'ai été curieux de voir le port d'Amsterdam du côté de la mer, et je me suis embarqué. J'ai fait le trajet dans [en] 18 heures. Du [au] commencement, il n'y avait point

e vent, mais, quand nous fûmes en mer, le vent devint fort; out l'équipage était malade hormis moi, et je suis très charmé 'avoir fait ainsi cette découverte.

Je me suis arrêté un jour et demi à Amsterdam, de là, ai été à La Haye pour demander des recommandations pour eyde au prince Galitsine, et lui remettre la lettre, que avais pour lui, du Comte. J'y suis depuis hier et je repars e soir. J'ai trouvé M. Diderot à La Haye; il a fait imprier à Amsterdam un ouvrage que lui a remis M. Betski, titre: les établissements faits par notre souveraine. On ne arle ici que de nos conquêtes et du glorieux règne de notre rande Impératrice. [Par] la première poste j'écrirai à M. le omte; je ne le fais pas à présent, car je ne suis pas encore n état de lui faire un plan de mes études. Mais, mon cher mi, ayez pourtant la complaisance de lui dire que je suis arrivé.

Le nom de philosophe que Diderot s'attribue est ici dans out son jour, car on l'appelle, dans la maison du Prince, de e nom.

70. Compte pour M. le prince de Kourakin, à St-Pétersbourg, dans [de] l'achat et [de] xpédition d'une caisse de livres, embarquée, à son adresse, à bord du vaisseau du capitaine Jacob Jansen, pour St-Pétersbourg.

Amsterdam, 15 (26) juillet 1774.

Les conseils, par Shaftesbury. Description de l'Arabie, par Niebuhr. Dictionnaire s notions primitives. Eléments de littérature, par Batteux. Eraste ou l'ami de la unesse. Fables nouvelles, par Imbert. Histoire de la vie de Mahomet, par Turpin. émoires de Sternheim. Tons et clairette. Du théâtre. Eléments de la politique. istoire naturelle du thé. Histoire de l'Empire ottoman, par Mignot. Œuvres verses de Thomas. Politique naturelle. Roman philosophique. Sennemours et Rosalie. stème social. Théâtre complet de Voltaire. Anecdotes orientales. Anecdotes inoises. La nouvelle Clémentine. Les confidences réciproques. Fables nouvelles, r Dorat. Histoire de la querelle de Philippe de Valois et d'Edouard III (suite à istoire de la rivalité de la France). Histoire du comte de Saxe, par d'Espagnac. e l'homme et de la femme considérés dans l'état du mariage. L'homme de ttres et l'homme du monde. L'homme du monde éclairé par les arts. Journal voyage de Montaigne. Lettres nouvelles de Sévigné. Nouvelles historiques, par rnaud. Observations sur le commencement des sociétés, par Millar. Œuvres oésies de Gesner. Traité des lois civiles. Voyage autour du monde, par Banks et lander. Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie.

1271. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. іюля 17. Москва.

Не сумнѣваюсь, мой дорогой князь Александра Борисовичъ, что послѣднее къ вамъ письмо отъ княжны Репниной, до меня касательное, васъ въ безпокойствіе привело. Вслѣдствіе чего вамъ таперь скажу, что я крайне была больна: не знаю, отчего сдѣлались мнѣ жестокія гемороидальныя спазмы, которыя меня пять дней въ одномъ градусѣ держали, чему слѣдовала желчь. Таперь, слава Богу, боль гораздо уменьшилась, только несказанно слаба.

Головкинъ, сказываютъ, пріѣхалъ, только никто его не видалъ. Таперь о нихъ ничего вамъ сказать не могу, кромѣ того,—навѣрно знаю, что Шереметевъ ни съ какой стороны не препятствуетъ.

1272. Le comte Serge Roumiantsev—au prince Alexandre Kourakin.

Carlsbad, 18 (29) juillet 1774.

Que vous dirai-je à présent, mon cher cousin, de tout ce que vous avez mis dans votre lettre. La moindre de vos expressions m'y fait plaisir. J'ai tout lu avec avidité, excepté les endroits où vous parlez de moi, qui m'ont paru mauvais, et cela faute de sujet. Ne gâtez point, je vous supplie, une autre fois vos lettres charmantes par des compliments pareils. Il y a si peu de choses à dire là-dessus que vous n'en tirerez, en vérité, jamais rien de bon.

Vous me parlez de toutes les gratifications que l'Impératrice a faites à la malheureuse famille de Bibikov. Je crois que ce n'est que pour la précision et l'exactitude de la nouvelle que vous y mettez l'avancement du fils cadet au grade de sergent... Pardonnez-moi ce qui m'est échappé! Quoique à quelques centaines de milles de mon aimable cousin, j'aime encore à rire avec lui.

Vous voudrez, sans doute, que je vous parle de ce Carlsbad où je suis. C'est un lieu où il y a des eaux fort chau-

des et des journées très froides. Apprenez que j'y ai vu, au mois de juillet, le comte Fitzthum en habit fourré, et ce qui était de trop dans cet accoutrement n'était pas grand'chose. Il faut que je vous dise au plus vite tout ce qui s'y fait. On y guérit quelquefois, on ne s'y amuse pas, et le plus souvent, je crois, on prend les eaux assez inutilement, car il y a bien des personnes qui y viennent sans nul besoin. Nous en partons dans une semaine. M. Grimm, qui en a pris et qui s'en trouve fort bien, achèvera, vers ce temps-là, justement, sa cure.

Parmi les personnes qui y ont été cette année, la plus intéressante pour vous est sûrement M. Saldern, qui vient d'en partir. Il a vécu, ici, en très grand seigneur; tous les jours il avait une table de vingt couverts où nous assistions régulièrement, car il envoyait chaque matin pour nous en prier. La manière dont il nous a traités est au delà de tout ce que vous pouvez vous imaginer. Nous n'avions jamais d'autre nom que „mes chers amis", et vous pouvez bien juger d'après cela toutes les attentions et les petits soins qu'un titre pareil entraîne après lui. Tout ce que je vous ai dit n'est rien encore en comparaison de la façon dont il a fini son séjour. Que direz-vous de la générosité avec laquelle il a donné 100 ducats pour faire construire une salle à la fontaine de Sprudel, 500 florins pour les embellissements de la ville et quantité de présents tant au médecin Bechten, qui est l'exécuteur de ses volontés, qu'aux dames qui ont fréquenté le plus souvent sa maison. Il va à Spa, et l'année prochaine il retourne ici. Cette vie errante me fait croire qu'il est fort embarrassé de trouver un lieu où se fixer.

Rappelez-moi au souvenir de tous mes camarades de la Cour et, particulièrement, à [de] M. le chambellan Narichkine que j'aime beaucoup, quoique, peut-être, il ne fait [fasse] pas la même chose à mon égard. Grondez bien le petit cousin Galitsine de ce qu'il ne m'écrit pas.

1273. Иванъ Вареоломеевичъ Страховъ—князю Александру Куракину.

1774 г. іюля 19. С.-Петербургъ.

Сегодни видѣлся я съ г. Новиковымъ; онъ показыва мнѣ печатный листокъ, который долженъ выйтить изъ тисн нія въ наступающемъ мѣсяцѣ. Въ немъ нашелъ я все то, ч ваше сіятельство имѣть желали. Родословная ваша располож на очень хорошо и умѣстилась на одномъ листу. Теперь г. Н виковъ имѣетъ надобность въ гербѣ вашей фамиліи, котор онъ намѣренъ помѣстить, какъ то онъ учинилъ и съ родосло ной князей Голицыныхъ, въ концѣ вашей родословной. О просилъ меня, чтобъ я отписалъ къ вамъ о таковомъ его ж ланіи и просилъ ваше сіятельство о немедленной присылкѣ п чати вашей, съ которой онъ скопировать можетъ гербъ.

1274. Frédéric-Melchior Grimm—à la comtesse Catherine Roumiantsev.

Carlsbad, 20 (31) juillet [1774].

J'ose, Mme la Maréchale, recommander à vos bontés l deux lettres ci-jointes. MM. les comtes Roumiantse m'assurent que vous me permettez ces libertés-là. Quoiq vous ayez la bonté d'approuver le voyage qu'ils ont fait av moi à Carlsbad, je n'en suis pas encore tout à fait consol et je suis si peu en état de leur être bon à quelque cho que j'aurai longtemps sur le cœur de leur avoir fait pass ici trois semaines, que le délabrement de ma santé a exigé de moi. Cependant, M. le comte Nicolas a pris les eaux av moi de compagnie, et quoiqu'il se portât fort bien, il s'en po tera encore mieux après, car elles lui ont fait tout le bie imaginable. Pour le comte Serge, nous n'avons pu que le baig ner deux ou trois fois.

Nous partirons vendredi pour continuer notre route p Leipzig à Gotha et, de là, vers le Rhin pour gagner la Ho lande; mais il vaudra toujours mieux que vous continuie Mme la Maréchale, à adresser vos lettres à Berlin jusq

ce que nous mandions notre arrivée à La Haye, parce qu'il me sera plus aisé de diriger ces lettres depuis Berlin et de procurer à messieurs vos fils la consolation de les recevoir en route.

Partout où ils se sont montrés jusqu'à présent, ils ont réuni tous les suffrages; mais personne ne connaît, aussi bien que moi, tout ce qu'ils valent, pas même la plus respectable des mères, parce que sa tendresse craint toujours de s'exagérer un peu le bien qu'elle remarque dans ses fils et qu'elle n'ose, par conséquent, les mettre à leur juste valeur. La plus respectable des mères est aussi la plus justement et la plus tendrement chérie, et c'est ce qui m'attache particulièrement à messieurs vos fils. J'ose vous supplier, Mme la Maréchale, d'agréer l'hommage de mon profond respect, et je voudrais bien être en droit de le présenter aussi à Mme la comtesse de Bruce.

1275. Le prince Nicolas Youssoupov—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 21 juillet (1-er août) [1774].

En arrivant à Leyde j'ai reçu une de vos lettres que M. Oldecop m'a envoyée. Je vous remercie des nouvelles que vous m'avez données. J'ai écrit il y a deux postes à M. le comte, votre oncle; faites-moi savoir, mon cher Prince, s'il a reçu ma lettre. Aujourd'hui il y a 8 jours que j'étudie. J'ai remis votre lettre à M. Pestel, et je l'ai trouvé tel que vous me l'avez dépeint. Votre lettre m'a été d'un grand secours, car vous êtes bien dans son esprit. M. Allamand et lui m'ont comblé de politesses. Le premier s'est absenté pour deux semaines; mais le professeur Pestel me donne deux leçons par jour, le matin, pour le droit public, et l'après-dîner, pour l'histoire philosophique. Même le vendredi, il me donne [une] leçon, ce que d'ordinaire il ne fait pas. M. Allamand me fait faire un cours de physique; Kerroux me donne des leçons, tous les jours, pour la langue latine;

Mitchel, ministre anglais, m'apprend cette langue; la musique et le dessin occupe [occupent] le reste de mon temps. Mais quand les vacances finiront, je ferai un cours de botanique.

Je loge dans la Breet-Strat, à côté de la Cour de Hollande, car l'hôtel a changé de mains absolument, il est devenu juif au plus haut degré. Je suis assez bien logé pour la ville de Leyde. Mes livres et quelques tableaux assez jolis et les dessins occupent mes loisirs. Voilà, à la lettre, mes occupations et mes plaisirs. Je n'ai aucune connaissance, et je ne peux ni veux en chercher, car je fais tout pour profiter davantage du séjour que je ferai ici.

Dites-moi, mon cher Prince, si vous avez reçu toutes les lettres que je vous ai écrites de divers endroits, comme de Dantzig, Berlin et La Haye.

J'ai une demande à vous faire. Ayez la complaisance de vous informer si ma mère et ma sœur se porte [portent] bien, car depuis que j'ai quitté Mitau, où j'ai reçu des lettres de ma mère, je n'en reçois plus, ainsi que de mes sœurs qui m'ont juré de m'écrire toutes les postes, tandis que j'en reçois de mes connaissances presque toutes les postes. Je ne sais à quoi imaginer [attribuer] cette négligence de la part de mes sœurs.

1276. Le comte Nicolas Roumiantsev—au prince Alexandre Kourakin.

Leipzig, 22 juillet (2 août) 1774.

Quoi, mon cher ami, vous m'avez écrit une lettre charmante pleine de feu, d'esprit et d'amitié, et tout cela pour ne me plus écrire! Je ne puis comprendre votre procédé. Pouvez-[vous] avoir eu la méchanceté de ne m'avoir adressé votre lettre que dans l'intention de m'en faire désirer d'autres que je ne recevrai jamais! C'est de toute cruauté, et le pis est, que le mal est sans remède pour moi, à moins que vous ne changiez; il m'est impossible de me passer de votre amitié et, par conséquent, de votre correspondance. Ecrivez-moi, je vous en prie, et concilie

la vivacité de votre première et unique lettre, que j'ai reçue à Varsovie, avec le silence qui l'a suivie. Il n'est pas permis de se refroidir si vite envers ses amis, et de les traiter de cette façon. Je sais, par d'autres que par vous, que vous vous portez bien et que vous êtes toujours aussi aimable que vous l'avez été. Ma mère se loue beaucoup de vos procédés; ils ne m'étonnent pas, car je vous ai toujours su honnête. M'aimer peu est le seul défaut que je vous connaisse. Quoique je ne recevais [reçusse] rien de votre part, je vous aurais écrit si je n'en avais été empêché à Berlin par la maladie d'un de mes domestiques qui m'a causé beaucoup de chagrin et d'embarras; l'un et l'autre sont passés grâce au sort de ce monde où rien ne dure. A Carlsbad il m'a été plus impossible que jamais de vous écrire, puisque j'y ai pris les eaux et que toute correspondance est interdite alors; mais puisque ma cure est finie, et que je suis à Leipzig, je me suis mis à cette méchante lettre.

Berlin ne m'a pas si plu que Varsovie; du côté de la société il n'y a même aucune comparaison à faire. Mais cette ville et Potsdam encore plus frappent par l'esprit d'ordre et l'esprit militaire qui y règne [règnent]. Un Anglais, voyageur, en parlant de la dernière, a dit que c'était une caserne royale, et je crois qu'il a raison.

J'apprends, dans le moment, que la paix est faite. Ma joie est si grande qu'elle me fait tout oublier. Je n'ai pas la force de vous recopier le brouillon, et je vous l'envoie tel qu'il est.

Présentez mes respects à M. le comte, votre oncle; je suis sûr que cette nouvelle lui a fait grand plaisir. Quand on a son caractère et son amour pour la patrie, on ne peut apprendre avec indifférence que la paix dont elle avait besoin vient de lui être donnée. Adieu, mon cher ami, je crains de perdre l'esprit de joie. Pardonnez-moi mon barbouillage et écrivez-moi.

1277. Le comte Serge Roumiantsev—au prince Alexandre Kourakin.

Leipzig, 27 juillet (7 août) 1774.

Je viens de recevoir, à mon retour de Carlsbad, ici, votre lettre du 7 juillet qui m'a fait autant de plaisir que celles qui

l'avaient précédée. Si vous continuez toujours ainsi, mon cher cousin, je puis vous assurer que vous avez le véritable secret de dédommager de l'absence.

L'opinion que j'ai sur Berlin, et que vous me demandez absolument, n'est point trop favorable pour cette ville. Voilà pourquoi j'ai voulu vous la cacher, mais vous la saurez. Ce que j'en dirai n'est point comme le rigodon de Josué, il ne lui causera aucun dommage. Cette ville me déplaît infiniment, surtout pour la société qui y est insupportable. L'esprit de désunion, de méchanceté et de tracasserie qui y règne m'a laissé cette idée. Je plains, en vérité, ceux qui sont obligés d'y passer un mois, et je crois que je n'aurais pu y suffire. Dites-moi sincèrement ce que vous en pensez.

Pour ce qui regarde Carlsbad, je ne puis pas dire que nous nous y soyons fortement amusés. Ce n'est pas à peu près comme votre Pyrmont où l'on vient de tous côtés. Nous n'avons vu que des Allemands, parmi lesquels il y avait beaucoup de bonnes gens, mais peu d'aimables. La liberté et les aises avec lesquels on y vit, ont été les seuls agréments que nous y avons eus. A propos de votre Pyrmont, vous me dites que vous chantez avec Colombine; ils sont passés ces jours de fête. Mais vous me permettrez de ne pas y ajouter foi et de croire plutôt que vous chantez avec Mme Borozdine tout le contraire.

J'ai envoyé encore à ma mère une copie de la réponse que nous a faite le roi de Pologne à la lettre où nous l'avons remercié sur [de] l'indigénat accordé à mon père. Vous pouvez la lui demander, car vous m'écrivez que vous avez lu les précédentes avec plaisir.

1278. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. августа 7. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой! Два ваши письма получила, всё объ одной матеріи содержащія. Я сердечно жалѣю, что вы такъ привязались, чтó нимало не сходствуетъ

съ вашимъ честолюбіемъ. Съ нашей стороны довольно было сдѣлано: имъ сказано, что вы желаете съ ними своиться, а отъ нихъ по сіе время никакого отзыву нѣтъ, и живутъ всѣ въ деревнѣ, и никакого способу не вижу, чтобъ отъ нихъ добиться толку. Теперь и пуще долѣ проживутъ въ деревнѣ, что здѣсь мы всѣ въ великомъ безпокойствѣ. Итакъ, я вамъ совѣтую взять терпѣніе, чтобы не сдѣлать стыда. Незаподлинно я слышала, что у нихъ есть женихъ, за кого они намѣрены отдать, и невѣста, сказываютъ, согласна.

1279. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. августа 11. Москва.

Думаю, что возвращеніе къ вамъ князь С[тепана] Б[орисовича] не меньше вами было неожидаемо, мой дорогой князь Александра Борисовичъ, какъ нами сюда его пріѣздъ. Вы, конечно, согласитесь, что онъ съ лучшимъ основаніемъ возвратился, чѣмъ онъ былъ отъ васъ отправленъ. Имѣвъ постъ такой, что дядя Петръ Ивановичъ въ свой штатъ помѣстить не можетъ, и онъ о сю пору ни въ какой полкъ не опредѣленъ, для чего онъ ему совѣтуетъ, какъ и я всегда была тѣхъ мыслей, чтобъ онъ эту службу продолжалъ, не искавъ себѣ иного мѣста.

Вы любопытствуете знать о положеніи Петра Ивановича. Правду сказать, что онъ очень недоволенъ, считалъ, что его больше обласкаютъ, чѣмъ исполнили; ожидалъ, что его назовутъ «вступившій въ службу», ласкаяся тѣмъ,—когда будетъ произвожденіе, быть ровнымъ участникомъ. Но таперь видно, что и въ спискѣ его нѣтъ, такъ какъ всѣ дивизіи росписаны, что̀ его очень огорчило. Согласиться должно, что онъ на себя беретъ очень большое бремя. Желательно, чтобы Богъ ему способствовалъ во всѣхъ его предпріятіяхъ. Для письменныхъ дѣлъ онъ взялъ къ себѣ въ канцеляріи-директоры Веревкина, а въ земскіе Ченжина, что̀ здѣсь всѣхъ удивило и ему, правду сказать, не къ чести. Вотъ всё, что̀ о

немъ могу таперь вамъ сказать. Прибавлю то, что если не завтра, а послѣзавтра конечно отсюдова поѣдетъ.

Здѣшнія обстоятельствы гораздо успокоились. Правда, что были въ большомъ волнованіи, и множество домовъ отсюдова выѣхали. Мы никакъ не сбирались, считали остаться здѣсь до самой крайности; таперь, кажется, и всѣ могутъ возвратиться. Меня очень удивляетъ, если Дворъ рѣшиться сюда ѣхать остановится за неимѣніемъ кровли: первое, въ Кремлѣ все цѣло, что̀ было дворцомъ занято во время коронаціи; и то на нашей памяти было, что здѣсь дворецъ былъ построенъ въ шесть недѣль изъ собранныхъ домовъ, который 20 лѣтъ стоялъ. Итакъ, если прямо захотятъ, ничему невозможности нѣтъ. Этотъ пріѣздъ очень народъ ободрилъ бы.

Касательно о вашемъ дѣлѣ, мой дорогой, я уже къ вамъ писала и повторяю взять терпѣніе; въ негосіяцію по немъ вступить не съ кѣмъ: весь родъ въ деревнѣ, гдѣ, сказываютъ, пробудутъ до осени. Между тѣмъ увѣряю васъ, что съ моей стороны ничего упущено не будетъ, о чемъ учредилась я съ Балашовымъ, и совѣтую быть спокойнымъ, никому, кромѣ его, объ ономъ не отзываться.

1280. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. августа 18. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой! Сейчасъ письмо ваше, отъ 11-го, получила, которое меня порадовало, что вы сюда будете. О домѣ нашемъ мясницкомъ братъ графъ Никита Ивановичъ писалъ къ брату, что въ немъ намѣренъ жить, и онъ будетъ исправленъ. Марья Родивоновна взялась, и Плюскову приказано планъ со всего дому сдѣлать, и пошлютъ къ вамъ съ первой почтой. О деревянномъ домѣ не знаю, на сколько отданъ. Я думаю, другъ мой, что ты можешь у меня прожить до того времени, покуда Масальской съѣдетъ. А я тебѣ душою и сердцемъ рада, и князь Степану у меня квартера готова.

Писала бы больше, да мочи нѣтъ: я все это время отъ грусти насилу таскалась, а вчера брата отпустила; не могу здумать, какъ онъ перенесетъ, — чуть живъ поѣхалъ. Боже, ему омоги, чтобъ онъ свою коммиссію счастливо окончалъ, и чтобы мнѣ его видѣть здорова. Рада я очень, что братъ будетъ жить у насъ въ домѣ; мнѣ будетъ великая отрада, какъ вы сѣ здѣсь будете. Поручаю васъ Богу.

1281. Le comte de Saldern cadet—au prince Alexandre Kourakin.

Altona, 26 août (6 septembre) 1774.

Je suis allé à Pyrmont en compagnie de M. et Mme de Ruohr de Bosée. Je suis assez content des eaux. Il y avait ne nombreuse et brillante société, beaucoup de nos anciennes onnaissances; et vous sentez bien qu'on s'est beaucoup informé e vous et de ce que vous faites à présent. Entre autres, j'y i trouvé aussi la comtesse Golovkine qui vint nous voir à Leyde. Ce sera un voyage que je ferai vraisemblablement tous es ans. Mon frère y est venu après moi et y a rencontré le énéral Le Fort, qui demeure actuellement à Cassel. Il l'a ris avec lui à Schierensée; je n'en profiterai point, puisque je ompte rester tranquillement ici. On s'est trop mal pris avec oi l'année passée pour y retourner sitôt, et vous connaissez ssez le terrain pour vous dire là-dessus plus. L'ingratitude est mes yeux le vice le plus abominable.

Je suis extrêmement flatté du gracieux souvenir de S. E. comte de Panine. Je vous conjure de me conserver protection, car les circonstances peuvent facilement venir que j'en aurai besoin, et c'est la seule ressource qui e reste. Vous me faites trop d'honneur, cher ami, de e qualifier de conseiller des conférences du roi de Daemark: je ne le suis point. J'ai pris mon congé de S. A. I. Grand-Duc avant la tradition [cession]. Vous ferez la onclusion facilement vous-même. L'ordre n'est qu'un ornement,

et cela ne suppose pas qu'on entre par là dans le service de quelqu'un. Votre assurance par rapport aux deux portraits me suffit, et je ne doute point que vous ne renouvellerez [renouveliez] de temps en temps ma prière. La façon galante avec laquelle vous voulez me donner le vôtre me charme et sera d'un double prix pour moi.

Vous avez raison, cher ami, quand vous dites que je vis à Altona en philosophe. Je vis tranquille et éloigné du fracas du monde. Je fais le bien autant que je puis, et je me permets autant d'aisance que la raison et ma situation me le prescrivent. Quoique je monte tous les jours à cheval, je sens pourtant qu'une vie sédentaire ne convient pas trop à ma santé. Je suis occupé à arranger mes finances. J'ai encore besoin de l'année qui vient pour payer les dettes que mon séjour de Copenhague m'a fait contracter, quoique tout cela aurait [eût] pu être payé si mon frère aurait [eût] voulu faire pour moi ce qu'il a fait à l'occasion de la tradition [cession] pour Wolf et Prangen. Je suis sûr que S. E., votre oncle, l'aurait fait volontiers; mais n'en parlons plus, le moment favorable n'est plus. Si je vis, je compte sûrement faire un voyage en [dans] deux ans d'ici. La France ou la Russie me tentent. Je sais que j'y ai des amis et des protecteurs. Que diriez-vous si vous me verriez [voyiez] dans vos contrées? L'homme propose et Dieu dispose.

J'entends, cher ami, beaucoup de bien de vous, et cela me chatouille jusqu'au fond de l'âme. Continuez, cher ami, à établir votre réputation, mais ne vous perdez pas trop dans les amusements. Appliquez-vous et profitez du temps et de l'occasion qui ne reviennent jamais. Il y a trop de distractions pour les jeunes gens à Pétersbourg pour ne pas craindre qu'elles pourraient [puissent] vous entraîner trop. Faites un usage raisonnable de votre temps; faites, dans votre jeunesse, une récolte pour pouvoir semer dans un âge plus mûr. Si, à la réputation d'une bonne conduite, vous pourriez [pouviez] encore ajouter la réputation d'un homme qui s'applique sérieusement, je serais au comble de mes vœux.

Je ne sais si vous savez que Mme Graumann prétend épouser mon frère, et lui intentera même un procès en forme pour le forcer à satisfaire [à] son engagement de mariage fait avec elle, à ce qu'elle prétend, à Berlin, le 28 juin 1762, devant des témoins. Il faut qu'il soit un Hercule à l'âge de 64 ans, ou qu'elle [en] veut [veuille] à sa bourse, ce qui me paraît le plus probable. Tout cela ouvre une nouvelle porte à la risée et au blâme. Si j'étais à sa place, je m'accommoderais, et ce serait le plus sage. [Que] tout cela reste entre nous!

Je ne sais, cher ami, si vous avez déjà lu la nouvelle édition de l'histoire philosophique et historique du commerce de [des] deux Indes qui se débite à La Haye. Elle est infiniment supérieure à la première. M'imaginant que vous n'avez pas encore vu le premier tome, je vous copierai un passage dont vous jugerez vous-même, le voici:

„.... Mais il est encore plus doux et plus beau peut-être „de voir toute l'Europe peuplée de nations laborieuses qui „roulent sans cesse autour du globe pour le défricher et l'ap„proprier à l'homme; agiter, par le souffle vivifiant de l'industrie, „tous les germes reproductifs de la nature; demander aux „abîmes de l'Océan, aux entrailles des rochers ou de nouveaux „soutiens, ou de nouvelles jouissances; remuer et soulever la „terre avec tous les leviers du génie; établir entre les deux „hémisphères, par les progrès heureux de l'art de naviguer, „comme des ponts volants de communication, qui rejoignent „un continent à l'autre; suivre toutes les routes du soleil, franchir „les barrières annuelles et passer des tropiques aux pôles sous „les ailes des vents; ouvrir, en un mot, toutes les sources de „la population et de la volupté pour les verser par mille canaux „sur la face du monde. C'est alors, peut-être, que la divinité „contemple avec plaisir son ouvrage et ne se repent pas d'avoir „fait l'homme“.

1282. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. августа 28. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой, поздравляю васъ въ день ангела вашего. Боже, дай вамъ свою милость и долгій вѣкъ со всежелаемыми благополучіи. За письмо ваше и присланныя отъ васъ мнѣ сельди и шекулатъ благодарствую. Удивило меня, что вы и братъ мой повѣрили, что, будто, нашъ домъ отданъ въ наймы г. Орлову. У брата графа Петра Ивановича въ умѣ не бывало никому отдавать, а приказалъ изъ вашей суммы построить, потому что деревянное строеніе все сгнило. И теперь все подряжено, и къ брату графу Никитѣ Ивановичу планъ посланъ, и будетъ домъ лучшій въ Москвѣ. Боже, дай мнѣ дождаться, чтобъ я его встрѣтила тутъ въ домѣ. А ты, другъ мой, хорошо сдѣлаешь, когда прежде сюда пріѣдешь, и Масальскому сказано, чтобы вашъ домъ очистилъ. И о немъ графъ Петръ Ивановичъ не забылъ,—пишетъ, чтобы для васъ весь исправили.

1283. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. сентября 18. [Москва].

Касательно до вашего сюда пріѣзду по нонѣшнимъ обстоятельствамъ, какъ дворъ въ Москву сбирается, я не нахожу никакого подозрѣнія, если вы сюда прежде пріѣдете, въ разсужденіе того, что вы должны домъ свой основать. Итакъ, критикѣ никакой не можете быть подвержены, для чего думаю,—если вы ранѣе пріѣдете, ничего не испортите. Однако и то скажу, что утвердительнаго ничего нѣтъ. Фамилья вся еще въ деревнѣ до самаго перваго числа будущаго; въ томъ можете быть спокойны, что ни съ кѣмъ никакой негосіяціи нѣтъ.

Потеря сестринаго сына меня очень поразила, тѣмъ болѣе, что мы были обнадежены, что ему гораздо легче. Правда, что его сердцемъ жаль. Мнѣ и бѣдная сестра очень жалка, знаю, сколь она чадолюбива. Воображаю,—ей этотъ ударъ очень жестокъ.

1284. Le comte de Saldern cadet—au prince Alexandre Kourakin.

Altona, 19 (30) septembre 1774.

Je ne sais si vous avez reçu ma dernière en réponse de [à] la lettre que M. Mesmacher m'a apportée de votre part. Aujourd'hui, cher ami, il faut que je m'adresse à vous dans [pour] une affraire qui m'intéresse assez près. Je ne sais si vous vous souvenez que j'ai toujours eu des jeunes princes de feu [le] prince George une pension de cinq cents écus. Je l'ai tirée encore l'année passée. A cette heure, leur homme d'affaires ici, M. de Holmer, vient de recevoir l'ordre qu'on ne me doit plus la payer. Ayant eu leurs intérêts à observer [défendre] autrefois à Copenhague, le Prince aîné étant mort, et le cadet gardant la moitié de l'apanage de feu son frère, je vous avoue qu'il me paraît dur si l'on voudrait [voulait] cesser, à cette heure, de me continuer cette pension, ne sachant pas par où l'avoir mérité. Je ne sais, cher ami, ce qu'il me reste à faire dans cette situation. Je connais assez votre amitié et votre façon de penser pour douter un moment que vous ne ferez [fassiez] tous vos efforts pour parer ce coup. Je vous abandonne entièrement mes intérêts, et vous saurez mieux que moi, étant sur les lieux, comment vous y prendre. En cas de réussite, je vous supplie de faire en sorte que M. de Holmer reçoive un contre-ordre.

1285. Le comte Serge Roumiantsev—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 22 septembre (3 octobre) [1774].

Ma dernière lettre était encore d'Allemagne. Je l'ai quitté, ce Saint-Empire qui a tous les défauts de son titre, et le premier pas que j'ai fait en Hollande était celui de la surprise et de la joie. Je ne puis vous rien dire encore de ce pays, car le peu de temps que j'y suis ne me permet pas d'avoir des idées arrêtées. Je regarde tout, je réfléchis sur tout, et s'il en résultera [résulte] quelque chose, je vous le communiquerai.

Pour ce qui regarde Leyde, je l'ai trouvé tout conforme à l'idée que je m'en étais faite par votre description. Je n'ai point encore été dans [à] un collège [leçon], mais je connais déjà tous les professeurs. M. Pestel mérite certainement tous les éloges que vous en faites, autant par son caractère que par l'attachement qu'il a conservé pour vous.

Vous me demandez des nouvelles des Russes que j'y ai trouvés, et les voici. Il y en a deux: le prince Youssoupov et M. Narichkine. Le premier, selon le témoignage des professeurs mêmes, se donne beaucoup de peine et s'applique infiniment. On se tait sur le chapitre du second, apparemment qu'on le range dans la classe des étudiants ordinaires, qui ne font rien de trop. Pour ce qui regarde leur conduite, je ne peux vous en rien dire. La tranquillité de ce lieu, d'ailleurs, s'oppose, je crois, beaucoup à toutes sortes d'excès et d'extravagances.

Un de mes domestiques russes, arrivé ici, m'a dit que vous aviez voulu lui donner des lettres pour moi, mais qu'étant venu les chercher il ne vous a pas trouvé chez vous. Je regrette infiniment ce paquet, parce que, cette occasion étant sûre, vous auriez pu me mander une infinité de choses qu'il n'est pas permis de s'écrire par la poste.

1286. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. сентября 29. Москва.

Князь Александръ Борисовичъ, другъ мой! Благодарствую за письмо и за присланный мнѣ вашъ портретъ, который очень сходенъ, я всегда сходство предпочитаю мастерству. А старый, по вашему письму, отдала княгинѣ Аграфенѣ Михайловнѣ, она отъ него безъ ума: такъ рада. Я нетерпѣливо васъ къ себѣ ожидаю, квартера вамъ у меня готова.

1287. Le comte Nicolas Roumiantsev—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 2 (13) octobre [1774].

Je me trouve, enfin, à Leyde, mon cher ami, après avoir rôdé près de six mois par l'Allemagne. J'ai trouvé ici deux de vos lettres; j'ai vu M. de Pestel; je me suis loué une maison qui est celle que vous avez occupée; j'ai fait plusieurs arrangements sur la vie que nous allons mener et me suis dérobé, un moment, à toutes les affaires pour l'employer à vous écrire. Je l'ai fait, parce que je ne suis point accoutumé à me refuser des choses qui me font ce plaisir-là.

Toutes vos lettres sont charmantes, et pour y répondre et vous rendre la pareille, il faut une autre tête que la mienne. Les réflexions justes que vous faites sur les pays que vous avez vus prouvent que [vous] avez voyagé d'une façon peu commune; et pour vous imiter en cela, je commence par vous imiter en tout. Je me loge chez M. de Nagelsworth; je fais avec lui les accords qui ont subsisté entre vous deux, et renonce à aller souvent à La Haye. Je marche d'après vous, puissé-je en retirer le même fruit! Car il n'est pas question seulement de faire le même chemin, il faut le faire avec les mêmes yeux pour retirer le même résultat.

Vous n'oublierez pas aussi de me rappeler au souvenir de M. et Mme Talisine et de la princesse votre tante et la mienne. On dit qu'elle a perdu son fils; je le regrette, c'était un enfant charmant. Je ne puis sans amertume me figurer l'état de Mme votre tante, je le sens vivement puisque j'ai une mère, et que je sais, mieux que beaucoup d'autres, ce que c'est que la tendresse des parents.

1288. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. октября 6. [Москва].

Никогда въ вашихъ письмахъ столь удовольствія я не находила, какъ въ послѣднемъ, которое я отъ васъ, мой доро-

гой другъ, получила, за которое наичувствительно васъ благодарю. Совершенно радуюсь, слыша о неожидаемой перемѣнѣ противъ васъ, чтó, конечно, должно быть вамъ очень ласкательно. Кажется, это подаетъ надежду, что со временемъ обратится къ своимъ старымъ друзьямъ, чтó для общаго блага всѣмъ желать должно. Вы, конечно, благоразумно сдѣлаете, если прежде времени не отлучитесь отъ своей должности; время до зимы остается столь коротко, что нечувствительно, особливо въ забавахъ, пройдетъ, и для вашихъ предпріятій его довольно будетъ.

Въ евтомъ совершенно правы, что, во всякомъ случаѣ, лучше отдаться на Промыслъ Божій и вѣрить, что безъ Его воли ничто не исполнится. Я душевно рада для васъ все возможное сдѣлать, въ увѣреніе чего Балашова въ евто развѣдываніе употребила. Но возьмите же на все терпѣніе. Знаете, съ какими людьми дѣло имѣть должно; на заведеніе мнѣ съ ними знакомства никакого способу нѣтъ; вы знаете, что они никуда не ѣздятъ, а мнѣ ихъ искать будетъ очень прикро. Итакъ, иного способа нѣтъ, какъ стороной продолжать эту негосіяцію, для чего не испортить, если вы отзоветесь объ этомъ письмомъ къ Балашову и Аннѣ Поликарповнѣ.

1289. Communiqué de la distribution des rôles au prince Alexandre Kourakin.

[St-Pétersbourg], 16 octobre 1774.

M. le prince de Kourakin est prié de vouloir bien se charger du rôle de Valsain dans *Les fausses infidélités*, comédie en un acte et en vers de M. Barthe, et de celui de M. de Tieulette dans *La gageure imprévue*, comédie en prose et en un acte de M. Sedaine. Les personnes qui joueront avec lui dans les deux pièces sont:

Dans *Les fausses infidélités*,

Dorimène.... ....Mme la comtesse Soltikov.
Angélique.... ....Mme Néledinski.

Dormilly................M. le comte Razoumovski.
Mondor...............M. le comte Chérémétev.

Dans *La gageure imprévue*,

M. de Clainville........M. le comte Razoumovski.
Mme de Clainville ......Mme la comtesse Soltikov.
Mlle Adélaide ....Mme la Grande-Duchesse.
Gotte..................Mme la princesse Galitsine.
Dubois................M. le comte Chérémétev.
Lafleur ... .Mgr le Grand-Duc.

La première répétition des *Fausses infidélités* se fera mercredi prochain, à six heures après-midi.

On est prié de savoir son rôle par cœur.

1290. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 18 (29) octobre 1774.

Quand l'université possède à présent MM. les comtes de Roumiantsev, c'est à vous, mon Prince, qu'elle en a l'obligation. Le portrait est très ressemblant, que vous avez fait de ces seigneurs, et même je puis dire que leurs qualités aimables surpassent la description que vous en avez faite d'avance. Agréez donc, mon Prince, je vous supplie, mes très humbles remerciements de la bonne idée que [vous] avez faite [donnée] à ces seigneurs de mon empressement à les servir. Je ferai tous mes efforts pour vous convaincre qu'outre le mérite personnel des seigneurs distingués même par le nom seul qu'ils portent, l'idée de vous témoigner, mon Prince, ma vénération pour ce fait me dévouera entièrement à leurs intérêts.

La paix glorieuse et unique dans son genre qui humilie les Turcs et confond les envieux, sera un monument éternel de la gloire du règne de Catherine II. Heureux ce ministre dont le génie supérieur, à tant d'obstacles qu'il fallut surmonter, n'a jamais cessé, dans la conduite de toute cette guerre, d'être conséquent! Heureux ce héros, qui a eu l'occasion de montrer

ses talents d'une façon qui étonne l'Europe et sera un modèle pour tous ceux qui aspirent à l'honneur de devenir noms illustres dans le temple de Mars! Je ne saurais vous exprimer, mon Prince, combien la première nouvelle de cette paix a touché ma sensibilité. M. le prince de Youssoupov fut le premier avec lequel je m'en entretins, et nous fûmes tous les deux animés du même esprit, — de partiotisme et d'humanité. J'ai beaucoup admiré le traité même. On y voit bien la main du maître. Tous les cas possibles sont exprimés avec clarté et précision. Les pauvres Géorgiennes prieront, à l'avenir, jour et nuit, pour Sa Majesté, et l'humanité, qui s'intéresse, au fond, de ses semblables, consacrera cette action généreuse de Catherine II dans les annales de l'éternité comme une preuve des plus éclatantes que nous avons le bonheur de vivre dans le siècle philosophique.

Il vient de paraitre une brochure intitulée «Précis économique». Sans doute la copie en été [en a été] déjà envoyée à Pétersbourg. Le calcul est assez bien fait; mais je crains que les grands, intéressés de [à] soutenir les fermiers généraux, feront tout leur possible de [pour] s'opposer à cette nouveauté; et il me semble aussi que les droits de perception, deux sols sur la livre, ne suffiront pas et changeront, en conséquence, le calcul.

Je suis curieux [de savoir] quelle sera l'inspiration de Leurs Eminences renfermées dans le conclave? On assure que le pape est [a été] deux fois empoisonné, la première fois à Pâques et la seconde fois trois jours avant sa mort. La chose pressait, dit-on. Il n'y a point d'exemple d'une telle dissolution subite d'un corps mort. Je ne suis pas grand criminaliste, mais il me parait que si jamais les inquisitions et les punitions rigoureuses sont nécessaires, c'est en fait du [de] poison.

Le public souhaite et se flatte toujours en France que le Parlement sera [soit] rétabli. Mais, Monsieur, les tantes du Roi sont dans le parti opposé qui en fait une affaire de religion. Les quatre ministres à présent sont sûrement des seigneurs du [de] premier mérite. Je prends la liberté de vous adresser, mon Prince, avec la première occasion, la traduction française de m

fondements de la jurisprudence naturelle. Le traducteur est un savant français connu par des écrits. Comme ce livre renferme quelques sentiments que vous avez daigné approuver il y a quatre ans, je me flatte que vous voudrez bien lui accorder une place dans votre bibliothèque.

Dans ce moment arrive la nouvelle que Pougatchov est pris et garrotté. M. le général comte de Panine mérite des félicitations sincères, qu'il a fini cette affaire dans si peu de temps. Tout conspire à présent au bonheur de la Russie.

1291. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. ноября 13. [Москва].

О знаемомъ вамъ дѣлѣ ничего сказать не могу: мною это поручено Балашову, и ничего объ этомъ не слышу. Какъ и съ вами, мой другъ, всегда чистосердечна, объ этомъ вамъ скажу, что семья ихъ мнѣ ничуть не лестна, всегда казалась мудрена, а нонче и глупа, съ тѣхъ поръ, какъ мать возила сына рекомендовать Вѣрѣ Борисовнѣ, потому только, что онъ у зятя ея въ командѣ; больше никому въ городѣ этого нововыѣзжаго не казали. Слыша это, можно судить, каковы они всѣ.

Радуюсь, что вы своимъ представленіемъ, какъ и другіе, довольны; только мнѣ не нравится, что наши господа упражняются игрищемъ,—кажется, имъ веселѣе бы смотрѣть, чѣмъ самимъ себя казать. Если въ послѣдній,—это еще хорошо; буде вздумаютъ сдѣлать изъ этого привычку, будетъ не смѣшно; однако, чтобъ это между нами осталось.

1292. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. ноября 17. Москва.

Свадьба графа Разумовскаго меня удивила тѣмъ, что противъ воли отцовой онъ осмѣлился. А знавъ коротко проворство нынѣшней его супруги, не удивляюсь, что она его принудила на себѣ жениться.

Что же вы меня увѣряете, что этого не сдѣлаете,—я о васъ и не сумнѣваюсь. Какъ бы ты ни влюбливался (отъ чего, Боже, сохрани), въ предосужденіе себѣ не женися.

Княжна табакерку съ вашимъ портретомъ съ большимъ удовольствіемъ получила и тотчасъ обновила.

1293. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. ноября 17. Москва.

Таперь вамъ скажу, что домъ вашъ совсѣмъ исправленъ и очень сталъ тепелъ. Стараніемъ вашихъ опекуновъ, въ то время, какъ дядюшка Петръ Ивановичъ былъ въ Харьковѣ, онъ такъ опустошенъ, что больше нельзя; для чего мы приказали Соловьеву изъ Ельдегина для васъ привезти зеркаловъ, сколько тамъ найдется. Кресλы и канапея плетеныя; стулья здѣсь заказаны для васъ (четыре дюжины), которые уже почти готовы; двумя картёжными столами васъ отъ себя ссудимъ и въ спальню еще письменнымъ и маленькимъ столомъ. Жалѣю, что не имѣемъ, чѣмъ больше наполнить и украсить вашъ домъ.

Строеніе дворца, кажется, къ концу приходитъ, уже довольная часть деревяннаго строенія покрыта. Какъ безъ интригъ ничего не дѣлаютъ, думаю,—и объ этомъ вамъ правды не пишутъ: градодержателю хочется поудержать затѣмъ, что его сборныя вороты не поспѣютъ прежде, какъ къ Новому году.

1294. Княжна Агриппина Александровна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. декабря 4. [Москва].

Жалѣю, мой другъ, что не могу дому вашего снабдить столько, какъ бы желала, а что могу удѣлить, съ удовольствіемъ васъ ссужаю. Считала вамъ сдѣлать экономію, хотѣла изъ Ельдегина взять зеркалы, но по описи ихъ не нашлось, и такъ ихъ у васъ ни одного нѣтъ; здѣсь ихъ можете за дешевую цѣну изрядныхъ достать; впрочемъ, кажется, мебелевъ для васъ будетъ довольно.

Балашова вѣсти точныя отъ него мнѣ были, но я о нихъ вамъ умолчала затѣмъ, что обстоятельнѣе чего ожидаю, зная навѣрно, что они ни съ кѣмъ не обязались. А сколько я понимаю, кажется, руководство господъ Костюриныхъ всѣхъ больше въ этомъ способствуетъ; но нерѣшимость ихъ дѣла съ племянникомъ препятствуетъ имъ въ это теперь войти.

1295. Le prince Nicolas Youssoupov—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 8 (19) décembre 1774.

Vous me demandez, mon cher ami, que je vous dise comment j'ai distribué mes heures. Je vais vous le dire. Si cela vous ennuie bien, ce n'est pas de ma faute: „c'est toi qui l'as voulu“. Le matin, j'ai un collège [une leçon] de M. Pestel pour le droit public et celui de M. Allamand pour la physique, et une leçon en [de] latin, l'après-dîner, l'anglais, un collège [une leçon] d'histoire politique chez M. Pestel, le dessin, les mathématiques chez Fas, et la musique (deux leçons). Voilà ce que je fais, hormis samedi et dimanche que [où] les professeurs ne donnent point [de] collège [leçon]. Alors j'apprends l'italien. Les heures qui me restent, je les emploie, en partie, pour répondre au professeur en droit public qui me donne tous les jours les questions que je lui apporte les matins. Voilà, à peu près, mes occupations.

Je vais vous parler de nos plaisirs, ils sont à venir. On travaille à un feu d'artifice qui doit être tiré le 8 février, jubilé de l'Académie. Il y a eu quelques représentations de l'opéra flamand, assez mal exécutées, des concerts très tristes où je ne vais jamais, et voilà tous les plaisirs présents et à venir.

J'ai été voir la collection des tableaux qui se trouvent à Leyde chez M. Tac, médecin, qui est très jolie, et la belle collection d'estampes chez M. Harding. J'ai moi-même déjà une petite collection de tableaux que j'ai arrangés dans ma chambre. C'est l'unique dépense que je fais. Vous ne me recon-

naîtrez plus; j'ai beaucoup d'ordre dans les affaires, et j'ai un livre de comptes...

Vous ai-je écrit que nous dînons ensemble avec les comtes [Roumiantsev] à la *Cour de Hollande*?

1296. Княгиня Александра Ивановна Куракина—князю Александру Куракину.

1774 г. декабря 11. Москва.

Попремногу вамъ благодарствую, что вы меня такъ утѣшаете и мысли мои узнаёте. Мнѣ очень хотѣлось имѣть портретъ великой княгини, а вы и прислали, да и въ табакеркѣ, которая мнѣ очень мила, и тотчасъ её обновила. Жалѣю о томъ, что для меня убыточишься, за то тебя Богъ наградитъ своею милостью.

Я съ великимъ нетерпѣніемъ васъ ожидаю, а тебѣ, другъ мой, особливо буду рада,—не только, что вы пишете, что у меня намѣренъ мѣсяцъ прожить, хотя-бъ и все время; вы меня не обезпокоите. Брату моему скажите мой поклонъ. Мы сюда и брата графа Петра Ивановича ожидаемъ къ празднику. Итакъ, буде Богъ изволитъ, будемъ вмѣстѣ. Дай, Боже, въ радости это время проводить.

1297. La Coste de Mézières—au prince Alexandre Kourakin.

[1775].

Voici, mon Prince, l'épître dont je vous ai parlé hier. Il y a pour le moins dix mois qu'elle est faite, mais j'ai une si forte répugnance à faire l'auteur que, sans la confiance que me donne votre amitié, je crois qu'elle serait restée toujours dans mon portefeuille. Si elle avait le bonheur de ne pas déplaire à Son Excellence, et si M. le Comte voulait qu'elle devînt en quelque façon publique, au lieu de la faire imprimer ici, je le supplierais de me permettre de l'envoyer à Hambourg pour la faire insérer, sans mon nom, dans la gazette littéraire de ce pays-là, comme vous savez que j'ai déjà fait avec une épître à Mme la comtesse Chouvalov.

Je me souviens que vous m'avez demandé cette épître; je la joins ici avec prière de me la renvoyer ou rendre quand vous l'aurez lue, n'en ayant pas d'autre exemplaire moi-même.

Les ainsi.soit-il.

Bouquet à S. A. I. Mgr le Grand-Duc de toutes les Russies.

Ainsi soit-il, dit l'humble en sa prière,
en invoquant le ciel, en chassant le démon.
Ainsi soit-il, en baissant la paupière,
dit la nonnain qu'absout un penaillon.
Ainsi soit-il, répond Lise à sa mère
qui, dans trois mois, lui promet un époux.
Ainsi soit-il, s'écrie aussi Glicère,
en donnant à Pluton un vieux mari jaloux
qui, nuit et jour, la désespère.
Dans ce siècle dévot (ce n'est pas un mystère)
tous ceux qui forment des souhaits
ou qui de Dieu implorent les bienfaits,
font d'un Ainsi soit-il leur refrain ordinaire.
Combien d'Ainsi soit-il clandestins et secrets!
L'ambitieux, dans ses vastes projets,
La coquette, le fat, l'avide légataire,
les amants pour servir leurs désirs indiscrets,
le marchand, le plaideur, l'auteur et le libraire,
jusqu'au pauvre pêcheur, quand il tend ses filets,
tous ont recours à ce vieux formulaire,
et tous comptent sur ses effets.
Voyons de l'appliquer à de dignes objets.
C'est, Monseigneur, aujourd'hui votre fête,
Dès longtemps je le sais, et je me romps la tête
à vous composer un bouquet,
joli, bien frais, d'une forme nouvelle,
fait, en un mot, pour votre cabinet.

Mais, —je l'avoue avec regret,—
malgré les efforts de mon zèle,
mon projet a manqué tout net:
des fleurs vous avez la plus belle;
la rose même, en sa primeur,
lui cède en éclat, en fraîcheur,
et disparaîtrait auprès d'elle.
Ah! si des vœux partant du cœur,
pleins de respect, d'amour et de reconnaissance,
pouvaient obtenir le bonheur
d'être reçu de vous avec quelque indulgence,
je ne me plaindrais plus de mon insuffisance!
Sans fleurs, sans art, avec candeur,
je vous dirais: O Monseigneur!
Puissiez-vous, dans les bras d'une épouse chérie,
voir de la chaîne qui vous lie
chaque jour serrer les doux nœuds;
puisse l'auguste Natalie
un siècle encore vous rendre heureux;
et pour combler à la fois tous mes vœux,
les vôtres et ceux de l'Empire,
puisse naître de vous, avant qu'un an expire,
un fils qui ressemble à tous deux,
qui joigne à la douceur, aux charmes de sa mère,
l'esprit, les vertus de son père,
son âme grande et son cœur généreux,
et soit suivi de plus d'un frère!

Envoi.

Mon Prince! en plus beaux vers, un rimeur plus subtil
se fut expliqué, mais j'assure,
que nul, dans toute la nature,
plus ardemment que moi, n'eût dit: Ainsi soit-il.

1298. Instruction pour mes deux fils entrant au service.

[1775].

Mes chers, mes bien chers fils! Il y a déjà du temps que j'ai dessein de vous donner quelques conseils pour servir de règle à votre conduite et de vous écrire dans cette vue, n'étant pas à portée de vous voir, ni de vous parler, comme je faisais autrefois. J'exécute aujourd'hui cette résolution avec d'autant plus d'empressement que vous voilà placés par les grâces du Roi et abandonnés à votre propre conduite.

Jusqu'ici, mes chers amis, les dangers et la jeunesse n'ont pas été si fort à craindre pour vous qu'ils le seront désormais; sous les yeux et la direction des personnes qui ont éclairé votre conduite, vous avez pu facilement éviter les désordres qui perdent souvent ceux de votre âge, lorsqu'ils ont le malheur d'être abandonnés à eux-mêmes. Mais présentement que vous êtes officiers, que nous sommes obligés, votre digne mère et moi, de nous en rapporter à vous et de vous donner une liberté dont vous ne connaissez point encore les tentations et les pièges, je me fais un devoir de vous guider de loin et de nourrir dans vos cœurs les sentiments de religion et de vertu qui doivent être la base de vos actions et de votre conduite.

Vous avez, mes chers enfants, dans le courant de la vie, trois objets à remplir: vos devoirs envers Dieu, ceux envers vous-mêmes, et enfin l'obligation que vous devez aux autres et ceux avec lesquels vous serez obligés de vivre et de commercer.

Le premier et le plus important de tous est la religion. Vous en sentez, j'espère, la conséquence, et comme il n'y a rien dans la vie qui ne vous rappelle à son divin auteur, il faut profiter avec soin de toutes les occasions qui se présentent, pour lui marquer notre confiance, notre attachement et notre plus vive connaissance [reconnaissance].

Voyons à cette heure, mes chers amis, ce que vous vous devez à vous-mêmes. Cette obligation renferme trois objets,

Mais, —je l'avoue avec regret,—
malgré les efforts de mon zèle,
mon projet a manqué tout net:
des fleurs vous avez la plus belle;
la rose même, en sa primeur,
lui cède en éclat, en fraîcheur,
et disparaîtrait auprès d'elle.
Ah! si des vœux partant du cœur,
pleins de respect, d'amour et de reconnaissance,
pouvaient obtenir le bonheur
d'être reçu de vous avec quelque indulgence,
je ne me plaindrais plus de mon insuffisance!
Sans fleurs, sans art, avec candeur,
je vous dirais: O Monseigneur!
Puissiez-vous, dans les bras d'une épouse chérie,
voir de la chaîne qui vous lie
chaque jour serrer les doux nœuds;
puisse l'auguste Natalie
un siècle encore vous rendre heureux;
et pour combler à la fois tous mes vœux,
les vôtres et ceux de l'Empire,
puisse naître de vous, avant qu'un an expire,
un fils qui ressemble à tous deux,
qui joigne à la douceur, aux charmes de sa mère,
l'esprit, les vertus de son père,
son âme grande et son cœur généreux,
et soit suivi de plus d'un frère!

Envoi.

Mon Prince! en plus beaux vers, un rimeur plus subtil
se fut expliqué, mais j'assure,
que nul, dans toute la nature,
plus ardemment que moi, n'eût dit: Ainsi soit-il.

1298. Instruction pour mes deux fils entrant au service.

[1775].

Mes chers, mes bien chers fils! Il y a déjà du temps que j'ai dessein de vous donner quelques conseils pour servir de règle à votre conduite et de vous écrire dans cette vue, n'étant pas à portée de vous voir, ni de vous parler, comme je faisais autrefois. J'exécute aujourd'hui cette résolution avec d'autant plus d'empressement que vous voilà placés par les grâces du Roi et abandonnés à votre propre conduite.

Jusqu'ici, mes chers amis, les dangers et la jeunesse n'ont pas été si fort à craindre pour vous qu'ils le seront désormais; sous les yeux et la direction des personnes qui ont éclairé votre conduite, vous avez pu facilement éviter les désordres qui perdent souvent ceux de votre âge, lorsqu'ils ont le malheur d'être abandonnés à eux-mêmes. Mais présentement que vous êtes officiers, que nous sommes obligés, votre digne mère et moi, de nous en rapporter à vous et de vous donner une liberté dont vous ne connaissez point encore les tentations et les pièges, je me fais un devoir de vous guider de loin et de nourrir dans vos cœurs les sentiments de religion et de vertu qui doivent être la base de vos actions et de votre conduite.

Vous avez, mes chers enfants, dans le courant de la vie, trois objets à remplir: vos devoirs envers Dieu, ceux envers vous-mêmes, et enfin l'obligation que vous devez aux autres et à ceux avec lesquels vous serez obligés de vivre et de commercer.

Le premier et le plus important de tous est la religion. Vous en sentez, j'espère, la conséquence, et comme il n'y a rien dans la vie qui ne vous rappelle à son divin auteur, il faut profiter avec soin de toutes les occasions qui se présentent, pour lui marquer notre confiance, notre attachement et notre plus vive connaissance [reconnaissance].

Voyons à cette heure, mes chers amis, ce que vous vous devez à vous-mêmes. Cette obligation renferme trois objets,

savoir: le cœur, l'esprit et le corps. Dans le premier, attachez-vous aux vertus qui ont leurs sources dans le cœur, et que vous devez pratiquer par un principe d'amour pour vous-mêmes. La tempérance, la modération et la douceur vous y conduiront.

La tempérance consiste à éviter tous les excès quels qu'ils soient. Cette vertu est d'autant plus utile qu'elle contribue, plus que toute autre chose, à la conservation de la santé qui est le plus grand trésor dont on puisse jouir. Je mets, à la suite de la tempérance, tout ce qui peut, en général, vous mettre à couvert des accidents et malheurs qui sont les suites infaillibles du dérèglement [et] de la débauche.

La modération se reconnaît et se manifeste dans les paroles et dans les actions. Dans le premier, lorsqu'un homme est circonspect dans ses discours, qu'il garde le secret dans les choses qui le demandent, et qu'il ne dit rien qui puisse offenser les autres et lui mériter des reproches et des querelles. La démangeaison de parler a toujours fait un tort infini à ceux qui ont été travaillés de ce défaut, et il n'y a pas lieu d'en être surpris, car il est impossible qu'un grand parleur ne tombe souvent dans l'indiscrétion, la médisance et le mensonge, et que, par là même, il ne s'attire le mépris de ceux qui l'entendent et des affaires fâcheuses de la part de ceux qui font la matière de ses discours. Soyez donc, mes amis, très attentifs à ce que vous dites, et ne dites rien des absents que vous ne puissiez dire en leur présence et sans leur déplaire. S'il y a un état dans le monde où il soit dangereux de parler témérairement et avec indiscrétion, c'est, sans doute, celui que vous avez embrassé puisqu'un seul mot souvent coûte la vie à un parleur imprudent ou culbute son établissement et sa fortune.

Je passe de la modération qui doit régler les paroles et les discours à celle qui doit régner dans les actions et dans la conduite. Le premier objet qui se présente à moi dans cette vue, c'est le jeu. Je sais, mes chers enfants, et malheureusement par ma propre expérience, que cet amusement, quoique in-

nocent en lui-même, lorsqu'on ne le tourne pas en habitude, a des attraits très dangereux. Un homme serait bien sage s'il pouvait se sevrer entièrement de ce plaisir; mais comme il est rare que l'on ait assez de pouvoir sur soi-même pour faire ce sacrifice à la raison et à ses véritables intérêts, que, d'ailleurs, les jeux de commerce sont tellement à la mode, qu'on passerait pour misanthrope dans certaines compagnies si on y renonçait absolument, pour cet effet quiconque veut jouer doit, à mon avis, suivre les conseils que je vais vous donner.

Premièrement, il ne faut jouer que pour se divertir, et non pas dans la vue de gagner, parce que si l'amour du gain est de la partie, on commencera, comme dit le proverbe, en dupe, et l'on finira en fripon.

En second lieu, on doit jouer petit jeu et à proportion de ses facultés, jamais jusqu'au fond de sa bourse, et moins encore à crédit, car si l'on est épuisé ou endetté, on veut revenir à la charge pour réparer sa perte, et l'on se ruine pour lors ordinairement sans ressource.

En troisième lieu, les jeux de pur hasard devraient être totalement bannis de la conduite d'un homme sage: la réflexion, ni l'adresse n'y ayant aucune part, ils sont indignes de l'attachement d'un homme raisonnable et doivent être abandonnés à ceux qui n'ont pas l'art de bien penser, se livrent aveuglement aux caprices de la fortune, ou aux fourberies de certains joueurs de profession qui savent, par leurs tours et leurs supercheries, faire fléchir le sort en leur faveur.

Quand on sait se renfermer dans les bornes que je viens de prescrire, le jeu ne produit que rarement les querelles, les animosités, la misère et les autres inconvénients, qui naissent d'un amour excessif pour cet amusement et de la malheureuse habitude de jouer. J'appuie d'autant plus, mes chers amis, sur cet article que je sais ce que c'est, ayant vu plus d'une fois les inconvénients qui en résultent. Si vous avez donc de l'amitié pour moi, prêtez la plus grande attention aux conseils que je vous donne sur ce sujet.

Autre article sur lequel vous ne sauriez trop réfléchir, c'est celle de la dépense. Elle est nécessaire dans la vie, mais quand on passe les bornes d'une juste modération à cet égard on tombe ordinairement dans la pauvreté et la misère; c'est pourquoi, au nom de Dieu, soyez, mes bons amis, attentifs sur ce sujet et ne faites jamais rien qui puisse vous réduire aux extrémités, dont je viens de parler. Pour cet effet, il faut régler la dépense de son étàt, donner au besoin de la vie ce qui convient, se nourrir et s'habiller suivant ses facultés et ne donner à ses plaisirs qu'un peu de superflu s'il y en a.

Surtout, mes si chers enfants, pour l'amour de vous-mêmes, gardez-vous de faire les moindres dettes. Les dettes sont le plus grand fardeau qu'un homme puisse porter. On les contracte insensiblement en se flattant de pouvoir les payer; souvent on est dans l'impossibilité de les acquitter, il en résulte pour lors du chagrin, de l'embarras, de la misère, et, en un mot, une situation déplorable. La modération, mes bons amis, vous garantira de tout cela. L'économie est nécessaire aux riches, et, à plus forte raison, à ceux qui, comme vous, n'êtes point partagés du côté de la fortune. Ces avis que je vous donne, ces conseils que je vous trace, sont le seul bien que je suis en état de vous laisser, suivez-les, mes chers amis, ils vous serviront de patrimoine.

Je viens enfin à la troisième vertu, que je dois vous recommander relativement à vous-mêmes: c'est la douceur. Elle a beaucoup d'influence sur les affaires ordinaires de la vie, parce qu'elle contribue le plus efficacement au bonheur et à la tranquillité de ceux qui en suivent les préceptes et les inspirations. Un homme, dont les inclinations sont douces et paisibles, est estimé et considéré, mais un homme, dont le cœur est enflé d'orgueil et de vanité, se rend odieux et insupportable à tout le monde. Les fiers et les orgueilleux font difficilement leur chemin; haïs généralement de ceux qui les connaissent, ils sont croisés dans toutes leurs vues et leurs desseins, au lieu que chacun s'empresse de faire plaisir et rendre service à ceux

qui, par des manières douces et insinuantes, ont mérité l'estime et l'affection des autres.

La vertu que je vous recommande, mes chers amis, est de tous les états et de toutes les conditions, mais elle convient particulièrement à un officier. Cet état a les plus grandes prérogatives, mais il convient de se les conserver par une extrême politesse, des complaisances et des attentions. Nous ne sommes plus dans le siècle où l'on croyait follement qu'un homme de guerre était dispensé d'une attention de cette nature, et que, pour être brave, il fallait être brutal ou emporté. On a reconnu, depuis, que la valeur et le courage se trouvaient rarement avec la fierté et l'arrogance. Quand on a du cœur, on n'en fait pas parade mal à propos, et ce n'est que dans les occasions de devoir et de nécessité qu'il se manifeste; alors il faut se montrer, et remplir avec exactitude tous les engagements d'un honnête homme et d'un bon soldat.

Pour ce qui est de querelles particulières dans lesquelles on peut se rencontrer et se trouver engagé, il importe qu'un jeune homme s'étudie à connaître le véritable point d'honneur, pour éviter l'une ou l'autre de ces deux extrémités: l'une, de passer pour lâche et poltron, et l'autre, de se jeter dans de mauvais pas sans nécessité. Mais comme vous êtes encore jeunes et que vous manquez d'expérience, s'il vous arrivait quelque cas, où vous ne fussiez pas obligés de prendre votre parti sur-le-champ, et que [cela] vous parut pourtant intéresser votre honneur, consultez des officiers, dont le courage, la sagesse et la réputation sont bien établis et suivez les conseils qu'ils vous donneront.

Je ne dirai pas plus sur cet article, à ceci près que je prie le Seigneur de vous préserver de tous les événements qui pourraient vous engager dans des querelles et des disputes, dont les suites sont toujours funestes et pernicieuses.

Après vous avoir amplement parlé, mes chers fils, des vertus qui ont leur siège dans le cœur, et des vices qui leur sont opposés, l'ordre que je me suis prescrit m'appelle à vous entretenir des qualités de l'esprit qui peuvent rendre un homme

recommandable dans le monde. Il n'est pas donné à tous d'avoi un esprit vaste et distingué, ce serait même un mal que c talent ne fût pas plus borné dans les uns que dans les autres et de là vient aussi que la nature ou plutôt la Providence e a distribué les richesses par portions inégales. Mais cependant à moins que d'être imbécile, on en a toujours assez pour êtr en état de figurer avec honneur, lorsqu'on a soin de le culti ver. Voulez-vous suivre les moyens qu'on doit employer pour [à ce sujet? Je vais vous les indiquer en peu de mots.

Le commerce des gens d'esprit est d'un grand secours ceux qui souhaitent d'en acquérir ou de se perfectionner dan cet objet. Il n'y a qu'à les écouter avec attention. Cette atte tion excite ordinairement l'envie de les imiter, et cette envi produit ordinairement son effet. Mais il faut bien prendre gard de se tromper et de regarder comme gens d'esprit ou prend pour modèle ceux qui affectent de l'être et dont tout le mérit à cet égard, se réduit à jaser plus que les autres et à se sais impitoyablement de la conversation sans donner le temps à ceu qui les écoutent de respirer et de parler à leur tour.

La véritable pierre de touche en matière d'esprit, c'est l raison. Tout ce qui n'est pas de son ressort n'est qu'un pu verbiage qui fait souffrir les gens de bon goût, et qui n'éblou que les sots et les ignorants.

Mais ce n'est point assez, pour former son esprit, d'écout les discours de ceux qui sont en réputation d'en avoir; il fa aussi et principalement s'attacher à la lecture des livres où l'o peut puiser les connaissances nécessaires au genre de v qu'on a embrassé.

Il est temps de venir à ce que vous vous devez à vou mêmes par raport au corps. La première de vos obligations cet égard concerne la santé, mais comme je vous ai déjà exho à la tempérance, je me contenterai d'ajouter qu'un jeune hom destiné aux pénibles et fatigants travaux de la guerre doit durcir autant qu'il est possible pour que, dans un âge pl avancé, il soit en état de les supporter. Il ne doit pas tr

s'écouter et chercher ses aises, plutôt s'attacher à rendre sa complexion plus forte et son tempérament plus robuste.

C'est là le principal soin qu'on doit avoir de son corps, mais il y en a d'autres que l'on doit ne pas mépriser et qui concernent la netteté et la propreté. Un homme crasseux et négligé donne une triste opinion de lui-même et ne trouve pas un accès facile et favorable dans les compagnies où il cherche à s'introduire.

Il n'est pas nécessaire du tout pour être bien mis, d'être riche et magnifique dans ses ajustements. On peut être propre à petits frais et sans s'incommoder, lorsqu'on a soin de conserver dans la propreté et la netteté les habits les plus simples et l'équipage le plus uni, le moins composé. Je finis, par cet endroit, ce que j'avais à vous dire sur les attentions que vous devez donner [à] ce qui concerne votre corps, et, par le même, ce que j'avais dessein de vous dire sur vos obligations envers vous-mêmes.

Il ne me reste plus, mes bons amis, pour remplir mon objet, que de vous communiquer mes idées sur vos devoirs à l'égard des autres hommes que je réduis sous [à] trois classes, savoir: vos parents ou supérieurs, vos égaux et vos inférieurs. Je me flatte, mes chers enfants, que pour ce qui nous regarde, votre digne mère et moi, je me flatte, dis-je, que les mouvements de votre cœur vous inspireront tous ces sentiments qui nous sont dûs, sans avoir besoin de secours et qu'il soit besoin de vous les prêcher.

Pour ce qui est de vos supérieurs, vous devez les respecter, leur être soumis et remplir exactement tous les devoirs auxquels vous vous êtes appelés envers eux, et, en particulier, servir fidèlement et avec courage votre auguste maître. La crainte du péril ne doit jamais vous effrayer, lorsqu'il est question de remplir votre devoir et d'exécuter les ordres que vous avez reçus.

Je passe à vos égaux, et voici les conseils que vous devez suivre à leur égard. Il faut les captiver par des manières

obligeantes et polies, leur rendre vos services dans les occasion où vous pourrez le faire sans intéresser votre conscience, votr devoir, votre honneur et votre fortune. Parlez toujours d'eu avec ménagement; pour cet effet évitez dans les discours le railleries qui pourraient les irriter et jamais [ne] rapportez ou [ne publiez ce qui pourrait leur faire tort.

Ces devoirs sont bien naturels et raisonnables envers tou vos égaux, mais vous devez principalement les remplir enver vos amis et ceux qui vivent dans une étroite liaison avec vous

A propos des amis, je dois vous apprendre que ceux qui son véritablement tels sont d'un prix inestimable, mais qu'ils son bien rares. Souvent les dehors et le masque de l'amitié couvrent d très mauvaises intentions; vous devez donc extrêmement êtr sur vos gardes pour que vous ne soyez pas dupe à cet égard La sincère amitié ne se démentit jamais, au lieu que la fauss ne subsiste qu'aussi longtemps que l'ami prétendu trouve so compte avec vous.

J'achève enfin la tâche que je me suis imposée sur la ma nière dont vous devez vous conduire à l'égard de vos infé rieurs. Cette classe prescrit aussi des devoirs qui lui son propres et particuliers.

La Providence a mis tous les hommes dans la nécessité d s'entr'aider les uns les autres, en sorte que si les petits on besoin des grands, les grands ne sauraient se passer des petits Très souvent il est arrivé qu'une faveur faite à un homm qu'on croyait absolument hors d'état de le reconnaître, a sauv comme par miracle les bienfaiteurs, et qu'aussi une injur faite à un homme du dernier ordre et dont on méprisait l'impuissance a perdu sans ressource celui qui, par son rang, se richesses et son pouvoir, se croyait hors de la portée et de atteintes de ses plus puissants ennemis. Soyez donc affable avec ceux qui peuvent être vos inférieurs ou qui se trouven dans votre dépendance.

Un officier trouve rarement des soldats mutins et désobéissants lorsqu'il ne les châtie qu'à regret quand ils l'ont mérité;

au lieu que, s'il est dur à leur égard et qu'il les maltraite sans raison en passant les bornes de la discipline militaire, il devient l'objet de leur haine, de leur aversion, et il peut payer cher, dans un siège ou une bataille, le prix de sa violence ou de sa tyrannie; tandis qu'un autre officier qui aura su par ses bonnes manières gagner les soldats, les verra dans le péril et, à l'occasion, sacrifier leurs vies pour conserver la sienne.

Me voilà, mes chers, mes bien chers fils, arrivé à la fin de mon ouvrage; c'est à vous présentement, si vous souhaitez d'être heureux, à profiter de mes conseils. Vous commencez votre carrière, je vous donne des guides pour vous conduire, ils ne doivent pas vous être suspects, ils méritent au contraire toute votre confiance et votre attention, puisque vous les tenez de la main d'un père dont vous connaissez les sentiments et la tendresse, et que, de plus, ils sont fondés, dans plus d'un point, sur ma propre expérience et sur l'usage du monde que j'ai appris à force d'y avoir vécu. Je vous demande, dans l'éloignement qui nous sépare, comme une marque d'amitié, que vous relisiez ceci toutes les semaines; ce temps sera bien employé. J'ai fait mon devoir, mes chers, mes meilleurs amis, faites le vôtre. Je cherche votre prospérité, cherchez votre satisfaction. Mais comme tous nos efforts seraient vains et inutiles sans le secours du Seigneur, je le supplie avec toute l'ardeur dont je suis capable de les accompagner de sa bénédiction; recevez pour fin celle de votre très affectionné père Le Fort.

1299. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Riga, 7 janvier 1775.

Eh bien, mon cher Prince, me voici à Riga, ma ville native [natale], et que je ne connaissais pourtant point!

Que vous dirai-je, si non que je me porte bien, que je vous aime toujours beaucoup. En vérité, je vous regrette beaucoup, non seulement votre propre personne, mais encore votre

humeur que j'honorais du beau titre de maussade à cause de sa morale. Je loge au même café que vous occupiez, avec la différence que je n'occupe que le premier, le second étant pris pour un club qu'on m'a annoncé être [le] club des savants, les mardis, et des Anglais, les jeudis.

Je compte passer ici un jour pour me reposer, car, depuis notre départ, nous n'avons couché qu'une nuit à l'auberge; les chemins sont affreux et nous sommes excédés si fort que je n'ai pas la force de continuer à vous dire combien je vous aime, la plume, malgré moi, s'échappe de ma main; je m'assoupis, je sommeille déjà.

1300. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Riga, 8 janvier 1775.

Je ne voulais pas laisser passer une occasion aussi sûre que M. de Vœlkersam pour pouvoir réparer ma faute en ne commençant point par le détail de notre route, mais vous pouvez compter sur moi que ce n'est pas par paresse, mais par manque de temps; car nous n'avons pas eu le temps d'arriver à Riga, qu'on nous a dit que la poste partait dans une demi-heure, ainsi que je n'ai eu le temps que d'écrire à ma chère tante, Mme de Talisine. Mais à cette heure, je vais entrer en matière.

La première journée, en sortant de Pétersbourg, le chemin fut si bon et les nuits si claires que nous résolûmes d'aller la nuit pour pouvoir arriver plus tôt à Narva, ce qui arriva, car, au lieu de coucher à Coscova, nous continuâmes notre route et arrivâmes le lendemain, à huit heures du matin, à Narva, d'où nous partîmes à neuf heures en passant par la ville, quoi qu'il y avait [eût] un autre chemin par la rivière de Narova qui arrose cette ville; mais vous savez vous-même que la curiosité des jeunes gens ne se borne pas à voir une ville en la côtoyant, mais il faut la traverser pour l'accomplir [la satisfaire]. D'ailleurs, en passant par la ville, le chemin ne fut

s allongé de beaucoup. C'est là que j'ai vu, pour la première s, les débris d'un vieux château, c'est-à-dire le château de Jean; il fait voir encore à cette heure qu'elle [il] était ne résistance à supporter un long siège. La ville, en elle-me, est très bien ordonnée; on n'y voit point de maisons bois; toutes ont une assez bonne architecture, mais seule-nt d'un ancien goût. Elle a un faubourg des deux côtés; à sortie de la ville, du côté droit, on bâtit une grande mai- qui sera, à ce qu'on dit, le magasin.

Le chemin de la province d'Ingermanie [Ingrie] a été très n, mais celui de l'Esthonie est tout à fait différent du premier: la ge y est si profonde que tout le chemin en a été [était] uvert et nous avons été enfoncés quatre fois dans la neige. chemin de la province de Lieflandie [Livonie] est encore érent; c'est comme si c'était une autre saison. Il y a des lroits, où les prés étaient tout découverts, et sur le chemin me nous sentions des pierres.

J'oubliai de vous parler de la ville d'Iambourg; c'est une ite ville, mais jolie; il y a une place faite en centre [rond] par boutiques, au milieu de laquelle est un obélisque assez joli.

Pour la ville de Derpt [Dorpat] on lui fait trop d'honneur de la mer ville, elle ne mérite que le nom de village. Il n'y a de petites maisons entassées les unes sur les autres sans une architecture.

Il y a encore sur le chemin une ville nommée Walk, c'est tôt un village qu'une ville, et depuis cette ville le chemin abominable, et plus on avance près de Riga, plus il est raticable. Vous pourrez savoir davantage par notre journal uel nous travaillons ensemble, et qui va très bien jusqu'à te heure.

Nous nous portons tous bien, moi surtout, je mange encore antage que je ne mangeais à Pétersbourg, ainsi jugez de santé.

Je crois que ma chère tante, Mme de Talisine, n'a point e plaindre de nous, car nous lui écrivons le plus souvent

possible. Excusez-moi, je vous prie, devant elle que [si] mes lettres ne sont pas bien écrites pour l'écriture, mais je vous assure que je n'ai le temps que d'écrire comme je le fais, car vous devez me connaître, que je dois être bien appliqué pour donner une bonne forme à mes caractères. Donnez-moi, je vous prie, des nouvelles de notre frère Ivane, car je ne sais où il est, qu'est-ce qu'il sait et ce qu'il fait. S'il est chez ma tante, embrassez-le de ma part, ne le privez point de vos conseils, il en a besoin. Faites mes compliments à Mme de Maltitz, à Mlles ses filles et à mes cousines.

1301. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Libau, 13 janvier [1775].

Après bien des malheurs, bien des obstacles surmontés, nous voici, enfin, à Libau, ville, comme vous savez, ou comme vous ne savez pas, appartenant au duc de Courlande, et éloignée de 12 milles de Memel.

Que faire, mon cher Prince, j'ai beau me mettre dans la tête toute l'importance de mon voyage pour Leyde, de ce dont je devrai m'y occuper, ma folle jeunesse m'emporte toujours, et je suis tout aussi gai, tout aussi fringant que je l'étais lors de ces temps heureux où je faisais enrager votre prétendue philosophie. Enfin, c'était là mon plaisir, et ce le sera quand je reviendrai.

1302. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Stargard, 14 (25) janvier 1775.

De Riga, nous partîmes avec des izvochtchiks à raison de 10 ducats pour chaque paire jusqu'à Kœnigsberg, et, pour y arriver de Memel, nous enfilâmes, pendant plus de deux jours, tout le Curische-Haff; ce fut là que nous reprîmes la poste, et dans deux jours de temps nous arrivâmes à Dantzig, où nous restâmes un jour entier pour que M. de Thier ait eu [eût] le temps

de se pourvoir de l'argent nécessaire pour le reste de notre voyage. Il m'a chargé de vous dire que Thierca vous fait ses compliments et vous prie de vous ressouvenir que vous lui avez promis une chambre à Moscou pour y loger.

Pendant notre séjour à Dantzig la saison changea tout à fait: une pluic continuelle fit tant, que nous fûmes obligés de quitter nos patins et de prendre les roues. Je vais vous dire une chose qui va vous étonner: c'est que, aux environs de la ville de Stolpe, j'ai vu qu'on y labourait déjà la terre; mais depuis hier une petite gelée a achevé de gâter nos chemins de façon que nous ne pouvons pas faire plus de six milles par jour.

Ce fut à notre arrivée à Kerling que j'ai vu que le titre de prince fait beaucoup dans les pays étrangers, car sitôt que le lieutenant du colonel a su qu'il y avait un prince qui est venu coucher dans la ville, il ordonna sur-le-champ d'envoyer un de ses soldats pour garder notre voiture. En voyant venir ce soldat, nous ne savions ce que cela voulait dire et nous lui demandâmes pourquoi il est [était] venu. Il nous a répondu qu'il était envoyé de la part de son chef pour garder la voiture du Fürst Kurakin. C'est une politesse à laquelle je ne m'attendais nullement. Ne croyez pas, mon cher frère, que cela puisse faire quelque sensation sur moi, car soyez persuadé que je sais distinguer nos princes, qui sont des particuliers, d'avec les princes de leurs pays qui sont des princes dans toute la force du mot.

Notre voyage va assez heureusement; nous n'allons point vite à cette heure, ne voulant point nous exposer aux dangers qui peuvent arriver dans les ténèbres de la nuit, mais nous espérons aller avec plus de promptitude quand la nouvelle lune rendra les nuits plus claires qu'elles ne le sont à présent. Je ne vous fais point de description des villes où nous avons passé, vous pourrez mieux voir dans le journal que nous nous disposons d'envoyer à M. de Talisine avec M. de Thier. Nous le faisons, ensemble avec mon oncle, alternativement.

Je vous dirai encore que le roi de Prusse ne perd point le terrain, car tous les endroits lui appartenant, où j'ai passé,

je les ai tous trouvés labourés. La nature des terrains varie beaucoup; tantôt c'est de la terre grasse, tantôt c'est du sable. Les forêts de chêne y sont en grand nombre, seulement presque tous couronnés de vieillesse. Je loue beaucoup la manière de semer les forêts, c'est ce qu'on ne fait point chez nous et dont on a grand tort, car dans quelque temps d'ici la Russie, malgré la quantité des bois qui s'y trouve, en manquera certainement.

N'oubliez pas d'embrasser de ma part la belle cousine de Boutourline.

J'oubliai de vous faire mention d'un ancien désir qui est d'avoir, pendant mon séjour à Leyde, une copie de votre portrait et de Lisabetha Pétrovna.

1303. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Stargard, 14 (25) janvier 1775.

Nous arrivâmes à Stargard, à huit heures du soir, très fatigués, comme nous devions l'être après un voyage aussi pénible. Nous partîmes, comme vous savez, de Pétersbourg avec un hiver assez rigoureux; en approchant de Dantzig nous vîmes toutes les neiges se fondre, un ciel pur et serein semblait faire rajeunir tous les êtres, la verdure commençait déjà à paraître, le paysan labourait, les oiseaux chantaient le retour du printemps, et j'accompagnais leurs sons mélodieux de mes chants harmonieux.

A peine arrivés à Plato, nous nous aperçûmes le lendemain, au lever du grand astre, qu'il s'était fait une révolution totale, un vent impétueux soufflant du nord et chassant une neige très forte en recouvrit tous les prés; une petite gelée survenue tout d'un coup acheva de gâter tous nos chemins, en ne gelant que la superface [surface], mais laissant la terre toujours bourbeuse comme elle l'avait été.

Cela met un si grand obstacle à notre voyage, que nous ne pouvons plus faire plus de six milles par jour. Vous voyez,

qu'en marchant de la sorte, nous ne pouvons guère espérer d'être avant un mois à Leyde, ou peut-être même plus tard. Je vous avoue qu'un voyage aussi lent met ma patience à une furieuse épreuve. Tâchez de grâce, mon cher Prince, de nous donner de vos nouvelles, vous savez combien je vous aime pour savoir, en même temps, combien je désire connaître ce que vous faites, si vous êtes ce papillon léger, volant de belle en belle, folâtrant avec l'une, puis voltigeant vers l'autre pour lui conter fleurette, et si vous réussissez toujours.

N'oubliez pas d'assurer mes civilités à la charmante comtesse Boutourline, baisez-lui la main de ma part, c'est une pauvre consolation, je le sens, pour un homme éloigné de près de 300 lieues, mais enfin c'est une satisfaction que je vous procure.

1304. J. H. F. Oldecop—au prince Alexandre Kourakin.

[Amsterdam], 10 (21) février 1775.

Mes plus vifs remercîments pour les nouvelles communiquées; d'ici il n'y a pas beaucoup à marquer qui mérite attention, aussi le temps est bien stérile en nouvelles. Les yeux sont fixés comment les brouilleries des Anglais avec leurs colonies s'arrangeront. La guerre déclarée par l'empereur du Maroc à la République ne fera point éclat: ce barbare a maintenant assez d'affaires pour forcer Melilla, ville espagnole sur les côtes d'Afrique. L'Espagne se soucie fort peu sur [de] tout cela, et ne lui donne nulle inquiétude: il faut croire que cet ennemi méprisable, échouera dans son entreprise, M. Cherlocque, commandant de Melilla, étant un brave homme de guerre, avec une garnison de 2000 hommes; et s'il reste opiniâtre de vouloir prendre la place par assaut, elle lui pourra coûter bien cher et dix fois plus qu'il [elle] ne vaut.

J'ai l'honneur de vous envoyer ci-inclus le plan d'une nouvelle loterie arrêtée pour cette République. La continuation de cette loterie donne un bon revenu à l'Etat, et ce que l'on

profite avec elle, est employé pour amortir tout doucement les dettes de l'Etat. Il me semble, mon Prince, que l'on pourrait pratiquer tout le même pour le bien de l'Empire; l'homme aime à faire fortune, à gagner de l'argent, pour cela l'on risque, mais le sort décide. Si l'on voulait entreprendre une telle affaire, il fallait avoir des gens habiles et au fait, et il fallait avoir un plan général comment tout cela est réglé et arrangé.

1305. Le comte Serge Roumiantzev—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, [la seconde moitié de février 1775].

De toutes les choses qu'ils [le prince Alexis Kourakin et M. d'Apraxine] nous ont dites avoir été faites sans nous, les unes m'ont affligé (et vous devinerez facilement lesquelles), d'autres n'ont fait aucun effet sur moi, et je mets parmi celles-ci tout ce qu'on a débité sur mon compte à propos de certains vers. Dites donc, je vous prie, mon cher ami, à ceux qui prétendent que je ne suis venu ici que pour rimer, qu'ils n'ont qu'à s'adresser à M. Pestel et encore à quelques bonnes gens d'ici qui n'ont pas, il est vrai, leur pénétration, mais qui sont plus à même de leur en donner des nouvelles, ou plutôt ne leur dites rien car ils croiront que je pense à eux.

Si vous me demandez à présent ce que c'est que ces vers, je vous dirai qu'ils ont été faits à Berlin et que M. Grimm qui en est possesseur est cause qu'on les connaît hors de mon portefeuille. Voltaire les a eus malheureusement et, par le penchant qu'il a de tromper le monde, il a déjà dit dans une de ses brochures que je faisais parler la raison avec autant de force que de grâce; cet éloge m'a aussi peu flatté que ce que l'on dit de moi chez vous m'a mortifié. Tout ce que je crains, c'est que ces belles plaisanteries de vos oisifs ont pu chagriner ma mère, ce que je ne pourrais supporter. J'espère au reste, qu'à mon retour, j'aurai de quoi convaincre ces messieurs que je ne suis pas tout à fait un faiseur de bouquets à Iris et de madrigaux. En voilà assez sur une matière qui doit vous en-

nuyer autant que moi. Si je vous en ai parlé, c'est que j'ai cru être en devoir de vous instruire de la façon dont j'ai reçu cet effroyable coup à ma réputation. Il faut que je vous dise, mon cher cousin, que je prétends établir mes actions sur deux principes qui me paraissent suffisants: c'est de ne se laisser jamais gagner ni par les petites passions, ni par les petits événements. Croyez donc que je suivrai toujours mon chemin sans m'embarrasser de l'effet que cela doit produire sur l'esprit des mauvaises gens, et que, si je n'arriverai [arrive] pas à mon but qui est d'être utile à ma partie, c'est que la nature, en éloignement de moi, m'aura sans doute privé des moyens d'y parvenir et, en ce cas-là, c'est sa faute.

1306. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 16 (27) février 1775.

J'ai reçu votre lettre du 15 (26) janvier qui me fit beaucoup de plaisir et que je tâcherai de mettre en pratique le plus qu'il me sera possible. Ce fut le jour de mon arrivée ici que je fis la connaissance de M. de Pestel, homme de mérite, qui parle on ne peut mieux, qui a l'honnêteté et vraiment la noblesse de ses sentiments peintes sur sa figure. Soyez persuadé, mon cher ami, que je me suis livré à lui tout à fait, il en fera ce qu'il voudra; je sais que je suis en bonnes mains, et ma résolution est prise pour réparer le temps perdu; je ne le sais que trop, mais que faire, il faut oublier le passé et songer à l'avenir. Le lendemain de notre arrivée, le prince de Youssoupov nous a invités de venir dîner chez lui et où se trouvèrent M. de Pestel et M. Allamand. Avec ce dernier je fis aussi connaissance et qui [lequel] m'a paru avoir le caractère bien gai. Il s'est beaucoup informé de vous et du comte de Chérémétev, je n'ai point manqué de lui faire vos compliments, il en a été très satisfait.

Je vous dirai, mon cher frère, que la différence de tous les pays que j'ai passé à la Hollande, c'est la même chose que

l'enfer au paradis; en un mot, selon moi, rien ne peut être comparable à la variété charmante que l'on rencontre dans ces paysages jetés de côté et d'autre. Chaque paysan a son jardin, son parterre, d'un goût très joli et tout à fait particulier; le domaine de chacun d'eux est entouré d'un fossé assez large, ayant des petits ponts-levis.

Le troisième jour de notre arrivée nous partîmes le matin à La Haye pour nous présenter au prince de Galitsine, qui nous reçut un peu froidement, et de qui nous fûmes obligés de tirer les paroles de la bouche pour nous répondre. Il n'avait que sa machine d'électrie [électrique] en tête, qu'il devait essayer le même jour avec plusieurs physiciens. J'attribue cette froideur à la distraction qui le possède infiniment. Après nous être arrangés avec lui pour la somme que nous devions toucher, nous prîmes congé sans qu'il nous invitât à dîner. Mais nous n'eûmes pas le temps de revenir à la maison qu'un domestique de la Princesse vint pour nous dire qu'elle nous y invitait. Vous entendez bien que nous fûmes très charmés de cette invitation et nous nous y rendîmes à l'heure convenable. Le Prince n'y était point; la Princesse à mon avis est une femme unique; elle est belle, gaie, polie, instruite comme les femmes ne le sont pas communément, et elle nous a reçus avec toutes les politesses imaginables. Après avoir fait rouler la conversation avec cette charmante princesse sur diverses matières, nous partîmes à six heures du soir pour aller au spectacle. La représentation fut de Dupuis et Derounois qui fut passablement jouée, surtout l'acteur qui joua le Dère rendit ce rôle avec toute la tendresse imaginable. Pour la petite pièce nous avons eu pour ainsi dire une farce „Le maréchal-ferrant travesti", c'est-à-dire que les hommes remplaçaient les femmes, et les femmes remplaçaient les hommes, cela fut très plaisant. Ce qui m'a étonné à ce spectacle, c'est que le public y fût en chapeaux, se servant de la canne pour applaudir.

Le matin du jour de notre départ, nous allâmes voir le cabinet d'histoire naturelle appartenant au prince d'Orange; c'est une très belle chose, et il y a des pièces uniques. Il faut

vous dire que, pendant trois jours que nous fûmes à La Haye, l'aimable Princesse nous invitait toujours d'avance pour que nous venions chez elle dîner et souper. Enfin, je ne puis vous exprimer toutes les politesses qu'elle nous faisait, jusqu'à nous mener elle-même à la maison de plaisance du prince d'Orange pour nous y faire voir différents tableaux, et cette maison est, si vous vous en souvenez, éloignée de près d'une heure de la ville.

Vous me marquez, mon cher ami, dans votre lettre, que je vous fasse un petit détail du caractère et des usages des habitants de chaque pays. Je ne puis vous le faire à présent par le peu de temps que je suis resté dans les divers endroits de ma route, mais, dans deux ou trois mois, j'espère vous dépeindre le caractère des Hollandais; j'aurai, je crois, sur quoi m'étendre.

Nous avons loué une maison qui est vis-à-vis de *La Cour de Hollande* qu'occupent les comtes de Roumiantsev, et nous nous dépêchons le plus qu'il nous est possible pour nous arranger et nous mettre en train. Je ne puis vous faire encore par la présente la distribution de mon temps parce que M. de Pestel a dit que cela n'était point prêt, mais, pour [par] la première, j'espère vous le marquer.

Au sujet de Leyde, je sais à présent qu'il ne faut point voir par les yeux d'autrui. Suivant la peinture qu'on m'en a faite, je me le représentais comme un couvent, à ne voir dans toutes les rues que les professeurs et les pédants se promener avec la canne à la main et le chapeau rabaissé sur les yeux; mais, à cette heure, je vois que c'est une ville comme une autre qui renferme beaucoup d'habitants et qui, à mes yeux, est tout à fait charmante.

1307. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 20 février (1er mars) 1775.

C'est avec une satisfaction sensible que j'ai l'honneur de vous mander que M. le prince, votre frère, et M. le comte Apraxine sont arrivés avec M. de Moissy et, déjà, arran-

gés. Le profond respect que j'ai pour Mgr le comte Panine, cet attachement inviolable et parfait pour vous, mon Prince, qui ne finira qu'avec ma mort, les mérites personnels de ces deux seigneurs m'engagent de faire tout au monde pour leur être utile dans toutes les occasions. Faites-moi la grâce, mon Prince, d'entretenir la confiance dont ils m'honoreront, et de m'écrire de temps en temps, en quoi vous jugez que je puisse travailler encore plus pour leur rendre leur séjour plus agréable et plus intéressant. J'obéirai aux ordres de S. E. Mgr le comte Panine que vous m'avez indiqués, mon Prince, et lui ferai des rapports fidèles jusqu'à ce que Son Excellence me donne des ordres contraires, ce que [qui], comme j'espère, n'arrivera pas. Je me sens trop flatté par l'honneur de ces ordres pour ne m'y conformer pas avec autant de plaisir que de respect.

Permettez que je ne vous écris [écrive] rien encore de ces deux seigneurs, mais que je le diffère jusqu'à [ce] que j'eusse [j'aie] acquis une connaissance plus particulière de leurs talents. Tous les deux préviennent par leur abord et par leurs manières engageantes, aussi bien que par le zèle qu'ils marquent de mettre leur temps à profit. Ayant été à La Haye, et nous autres ayant eu aujourd'hui notre grand jour de jeûne ordonné par le Souverain, ce ne sera que demain que je pourrai commencer les leçons. Vous voyez par cela même, mon Prince, combien ils sont charmés de ne perdre point de temps, puisqu'ils ne font, pour ainsi dire, que d'arriver.

Ils occupent toute une maison qui appartient à Mme la baronne de Boetzlaer à La Haye. Cette maison est presque vis-à-vis de l'hôtel de Hollande, où vous avez demeuré autrefois. Ils peuvent parler MM. les comtes de Roumiantsev et M. le prince Youssoupov de leurs fenêtres, et moi je serai, au mois d'avril, tout près d'eux, ayant été contraint d'acheter la maison de feu M. Albinus, parce que celle que j'occupe va bientôt être habitée par le propriétaire. Je passe mes plus agréables heures dans la conversation de ces seigneurs, rien

ne manque à ma satisfaction que le seul plaisir de vous voir, mon Prince, au milieu d'eux.

MM. les comtes de Roumiantsev travaillent avec autant de fermeté que de succès. Ils ne perdent aucune heure de celles qu'ils ont destinées à leurs différentes occupations, et ces heures absorbent presque tout le jour et le soir en même temps. On ne saurait faire mieux. Je leur donne [fais] un cours de politique et y joint, dans les autres heures, l'histoire politique de l'Europe; j'ai même commencé l'histoire depuis la création du monde, et j'en ferai autant avec M. le prince, votre frère, et avec M. le comte Apraxine. Ensuite MM. les Comtes me font l'honneur d'assister à mes leçons du droit de nature et des gens. J'ai commencé par la métaphysique de l'homme, c'est-à-dire le lien entre l'âme et le corps, les facultés de l'âme, etc. Ensuite, nous avons fait ensemble le cours de mon petit Abrégé, dont, je crois, qu'il y aura, dans peu, une nouvelle édition, qui s'imprimera à Paris, que j'aurai le bonheur de présenter à S. E. Mgr le comte Panine et à vous, mon Prince, d'abord qu'elle sera achevée.

M. le prince Youssoupov s'applique à beaucoup de choses avec ardeur. Chez moi il se fait une étude de droit de nature et des gens, selon l'Abrégé de Pufendorf, lequel étant fini, je lui donnerai une introduction dans la jurisprudence qui se pratique dans les barreaux. Je lui dicte l'histoire politique de l'Europe, mais seulement depuis que la république romaine s'est mise en possession du gouvernement du monde; j'y ai ajouté une introduction dans le droit public d'Allemagne.

Les études de ces seigneurs réussissent très bien, tous font tous les jours des élaborations chez eux, et ainsi on se peut flatter d'une perspective très agréable pour l'avenir.

Je ne fais pas le détail des arrangements du prince, votre frère, et de M. le comte Apraxine, dans la supposition que M. de Moissy le fera. Je vous supplie d'être assuré que je cultiverai l'amitié de ce monsieur et concerterai toujours avec lui les moyens les plus propres de travailler au but commun que nous nous proposons.

1308. Moissy—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 20 février (3 mars) 1775.

Croiriez-vous, mon cher Prince, qu'il n'y a que huit jours révolus que nous sommes arrivés, et que notre machine est déjà montée, à peu de choses près, à tous égards. D'abord la façon dont MM. de Roumiantsev et le prince Youssoupov nous ont reçus, leur conduite réservée, sage en tout point et studieuse en tout genre, m'ont enchanté, en me tranquillisant sur la liaison qui devait naturellement se former entre eux et mes deux messieurs, et je suis parti de là pour penser que cette liaison ne pouvait pas être trop étroite, ce qui m'a déterminé à manger avec eux en ne faisant qu'une table pour le dîner seulement, attendu qu'ils ne soupent pas et que nous ne pouvons pas nous accommoder de cette sobriété. Nous dînons donc ensemble, ce qui fait une table de six couverts où nous trouvons trois avantages: celui d'avoir une meilleure nourriture, celui de ne pas être, si souvent, dans le cas de faire des extraordinaires, et, enfin, celui de former journellement mes deux élèves, même pendant le temps du dîner, à avoir une conversation relative aux études avec nos trois voisins qui les y engagent ainsi que moi. Ainsi le dîner, toute récréation qu'il est, n'est point un temps perdu. Quant au souper nous le faisons le plus léger possible en ne nous faisant jamais servir de viande: du poisson, des œufs, des légumes et quelques petites assiettes de dessert, voilà notre arrangement; nos voisins viennent assister à ce souper pour nous rendre la démarche que nous faisons de dîner chez eux. Je voulais que ce dîner fût servi alternativement, huit jours chez l'un et huit jours chez l'autre, pour conserver l'équilibre des puissances, mais on m'a fait observer que le transport du dîner chez nous nous ferait manger froid, et j'ai cédé à cette raison, d'autant que nous en avons moins d'embarras. Quant au reste de notre arrangement physique, l'attention que j'ai eue d'écrire d'avance de Dantzig à M. Pestel l'a mis à portée de nous trouver une maison

ntière, très décente et très commode, vis-à-vis de ces messieurs. Pour toutes les fournitures, meubles, entretien de la maison, tc., M. Pestel a tout arrangé et nous a fait tout donner avec e zèle et cette intelligence que vous lui connaissez. C'est un omme charmant, et de qui je fais un cas assez particulier pour e consulter sur tout ce qui peut en être susceptible dans mon dministration. M. Allamand, encore un homme très aimable t d'une société amusante. Sur le reste de notre vie physique, suis pied à pied le tableau que j'ai de la façon dont vous vez fait ici tous vos arrangements.

Venons aux études. La distribution du temps de toute la maine n'est pas encore totalement arrangée, ce n'est pas faute e mouvement de notre part pour y parvenir, ni de la part de I. Pestel qui s'en mêle soigneusement, mais certains maîtres nt très difficiles à combiner dans la variété des heures qu'ils euvent donner, vis-à-vis de celles qui restent à ces messieurs près celles déjà prises par MM. Allamand, Pestel et Fas, les ois maîtres essentiels et qui font la base du plan d'étude que i dû prescrire. Je ne vous ferai donc point cette fois-ci un bleau exact, jour par jour et heure par heure, de nos occutions, il faut que vous ayez la bonté de vous contenter de voir que nous avons déjà reçu la première leçon de M. Pestel matin, depuis 10 jusqu'à 11, sur la philosophie, par dictées, , ensuite, explication raisonnée, ce qui m'a paru convenir le ieux à la portée de l'intelligence de M. votre frère. M. Apraine s'est prêté à cet arrangement; ainsi, dans cette carrière, s deux messieurs marchent ensemble. Nous avons eu aussi, déjà, même professeur la première leçon du collège [cours] privé r l'histoire, vue d'un œil politique, expliquée verbalement et, suite, rédigée de mémoire par écrit sur différents cahiers, bon ordre. Aussitôt que ces messieurs sont rentrés à la main, c'est-à-dire à la sortie de ces deux leçons, M. votre ère a déjà commencé cette opération, et j'en ai été aussi ntent que je pouvais le désirer. Il a pris vraiment cœur au avail, et si cela continue, j'en espère tout. Nous avons aussi,

déjà, eu la première leçon de physique expérimentale de M Allamand qui la donne, comme vous savez, verbalement; ain même travail pour ces messieurs revenus à la maison sur cet leçon, qu'après celle de M. Pestel. Nous travaillons tous l jours à combiner les autres maitres qui seront, pour M. vot frère, un maître de mathématiques, un maître d'allemand, u maître à écrire [d'écriture], un maître de latin, un maître d'arm et un maître de mandoline. M. Apraxine a de plus un mait d'anglais, et a choisi le violon. Je voudrais qu'il eût un mait qui lui apprît à mettre plus de douceur dans son ton et da sa façon de me parler, il est très dur et je désespère d'adou son certain fond de caractère; c'est le seul chagrin que j ici, mais c'en est un réel. Sur cet article, je suis très cont de M. votre frère qui, heureusement, est plus honnête plus docile.

Ne doutez point de mon zèle, mon cher Prince, je s tout ce que je dois à la confiance dont vous m'honorez, toute mon existence y est consacrée.

Comme j'espère, mon cher Prince, que vous communique celle-ci à Mme Talisine et à S. E. le comte de Panin je vous prie de dire à la première que j'aurai l'honneur de l écrire quand le tableau de toutes les études sera rempli et mouvement, jour par jour et heure par heure. Depuis ma lett écrite, il y a, déjà, plusieurs maîtres arrangés pour des heur Je n'écris point encore à S. E. M. le comte Panine, com il me l'a prescrit, en me donnant le terme de deux mois p que tout soit en règle et en marche certaine, mais je vous p de lui dire que j'ai touché 5000 flor. de S. E. le prin Galitsine, qu'il m'a fait remettre à Leyde, par son va de chambre, sur la lettre de crédit que j'ai remise au Prin et qu'il a gardée. Quand à l'argent de M. Thier, M. Ap xine s'est arrangé avec lui sans que M. Thier m'en ait ri communiqué, et M. Apraxine m'en a remis 50 ducats.

1309. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 27 février (10 mars) 1775.

M. le lieutenant-colonel Tyr m'a promis de vous témoiter mes respects de bouche et de rendre justice à mes sentients. Il ne saurait jamais marquer ma reconnaissance et mon achement avec des couleurs aussi vives que j'en suis pétré. Combien souhaiterais-je de vous en convaincre, mon ince, non par des lignes, mais de bouche! N'y a-t-il point spérance que vous reviendrez [reveniez] dans ces contrées! ne le souhaite pas, puisque votre carrière présente est trop lle, et vous fait des présages trop heureux pour que vous issiez penser à faire des voyages. Mais si jamais une telle casion serait [était] compatible avec ces avantages et honneur i vous attendent, je serai au comble de mes vœux de vous voir.

M. le prince, votre frère, et M. le comte d'Apraxine ppliquent avec zèle. Le premier ne manque pas d'un jugent solide, ni le dernier d'une pénétration très facile. Je me erve, mon Prince, de vous en faire un tableau fidèle, quand serai un peu plus avancé avec ces seigneurs pour en pour juger.

Notre fête de jubilé a été fréquentée par une foule mense d'hommes, et même des personnes de la première tinction. On n'a pas manqué de dire publiquement combien us étions redevables à S. M. I. Catherine II, en lui soutant la continuation d'un règne glorieux. J'aurai l'honneur vous envoyer les harangues.

1310. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 27 février (10 mars) 1775.

Je ne voulais point laisser passer l'occasion favorable de . de Thiers sans avoir le plaisir de vous écrire et vous ertir un peu de notre arrangement.

Je vous dirai donc, que le second jour de notre arrivé de La Haye nous arrangeâmes des heures avec M. de Peste et M. Allamand, pour commencer le lendemain. Les heure sont, le matin pour le droit avec M. Pestel, de 10 à 11 heures Il nous a commencé de donner une idée de la philosophi avant d'entrer dans les droits. De 3 à 4, je vais chez M Allamand pour apprendre la physique expérimentale, et d là je vais chez M. de Pestel pour l'histoire; je l'ai commen cée depuis la création du monde pour me remettre sur ce qu j'aurais pu oublier; je suis à la prise de Troie par les Grecs

Je crois que vous avez une assez bonne opinion de moi pou croire que l'envie que j'ai d'apprendre ici est la même qu celle que j'avais pour la dissipation à St-Pétersbourg. Mais pour tant, si vous doutez, je vous dirai que ma journée est pris pour le travail depuis sept heures du matin jusqu'à dix heure du soir, mettant le dîner pendant deux heures; au reste, vou pourrez mieux le voir par la liste que je vous envoie, où son marquées toutes les heures des différentes occupations et le maîtres; elle est à peu près comme le temps que je m'occupe excepté quelques heures remplacées par d'autres. Tous les mai tres sont déjà arrangés, et nous avons pris le fil de nos étude en tâchant de nous arranger le plus qu'il nous était possibl suivant votre instruction. L'envie que j'ai de réparer le temp perdu me force toujours à travailler le plus que je peux, e j'ai pris sur moi de me mettre à l'ouvrage à sept heures d matin, de continuer jusqu'à une heure en reprenant le fil de études à trois heures.

Vous verrez, en lisant la liste que je vous envoie, que j n'ai pas trop de temps pour moi, c'est-à-dire pour baguenauder faire des visites, et nous tâcherons le moins qu'il nous ser possible d'aller chez Mme de Leyde qui est une femme d mérite et remplie de vertus, mais qui pourtant, si nous [y] allion trop souvent, nous ferait perdre beaucoup de temps, qui nou est plus précieux que toutes les richesses du Grand-Mogol e son titre de descendant de Noé. Si vous vous en souvenez, vou

devez vous rappeler, je le crois, que M. de Pestel nous a dit que le premier endroit où les hommes mirent les pieds après le déluge, ce fut la Bactérie [Bactriane] au nord-ouest des Indes, et que c'est là qu'est à cette heure le Grand-Mogol, d'où ils prennent le titre de descendants de Noé.

Voilà un petit passage de l'éloquence de M. de Pestel. Sans me vanter, je vous dirai que je suis déjà accoutumé à retenir la plus grande partie de ses leçons et de les coucher sur le papier. M. Kerroux m'enseigne le latin; il se propose de vous faire dans peu une très grande description sur les nouvelles de la ville; j'en suis très content, mais je ne sais s'il l'est pareillement de moi. Je ne vous fais point de détails de tout ce qui nous regarde, si vous m'aimez, vous ne devez point l'exiger, car le temps que j'ai, je le pèse au poids de l'or.

Semaine du prince Alexis de Kourakin.

Lundi matin.
Depuis 7 à 8 maître à écrire [d'écriture], M. Heiblom.
8—9 maître d'allemand, M. Schmidt.
9—10 mythologie, par M. de Moissy.
10—11 collège de droit chez M. de Pestel.
11—12 résumé de la leçon de 10.
12—1 mettre au net ce que M. de Pestel dicte.
Soir.
Depuis 2 à 3 maître [de] latin, M. Kerroux.
3—4 collège de physique, M. Allamand.
4—5 collège d'histoire.
5—6 maître de mandoline.
6—7 résumé de la leçon de 4.
7—8 résumé de la leçon de 3.
8—9 travail pour le latin.
Mardi matin.
Depuis 7 à 8 maître à écrire [d'écriture].
8—9 maître d'allemand.
9—10 préparation pour les mathématiques.
10—11 collège de droit.
11—12 résumé de 10.
12—1 mettre au net la même que lundi et les autres.
Soir.
Depuis 3 à 4 physique.
4—5 maître de mandoline.
5—6 maître de mathématiques.

6— 7 maître de latin.
7— 8 collège d'histoire.
8— 9 résumé de 7.
10—11 résumé de 3.

Mercredi matin.

Depuis 7 à 8 maître à écrire [d'écriture].
8— 9 maître d'allemand.
9—10 mythologie.
10—11 collège de droit.
11—12 résumé de 10.
12— 1 mettre au net ce qui a été dit ci-dessus.

Soir.

Depuis 2 à 3 maître de latin.
3 — 4 physique.
4 — 5 résumé de 3.
5 — 6 mandoline.
6 — 7 lecture libre avec M. de Moissy.
7 — 8 histoire, M. Pestel.
8 — 9 résumé de 7.

Jeudi matin.

Depuis 7 à 8 maître à écrire [d'écriture].
8— 9 maître d'allemand.
9—10 préparation aux mathématiques.
10—11 collège de droit.
11—12 résumé de 10.
12— 1 mettre au net.

Soir.

Depuis 3 à 4 physique.
4— 5 mandoline.
5— 6 mathématiques.
6— 7 latin.
7— 8 histoire.
8— 9 résumé de 7.
10—11 résumé de 3.

Vendredi matin.

Depuis 7 à 8 maître à écrire [d'écriture].
8— 9 maître d'allemand.
9—10 littérature, M. de Moissy.
10—11 mandoline.
11—12 préparation aux mathématiques.
12— 1 les mathématiques.

Soir.

Depuis 3 à 4 physique.
4 — 5 résumé de 3.
5 — 6 préparation au latin.
6 — 7 le latin.
7 — 8 préparation à l'allemand.
8 — 9 mythologie ou littérature.

S a m e d i m a t i n.

Depuis 7 à 8 maître à écrire [d'écriture].
8— 9 maître d'allemand.
9—10 promenade.
10—11 mythologie.
11—12 travail pour l'allemand.
12— 1 travail au latin.

S o i r.

Depuis 3 à 4, 4 — 5, 5 — 6 } révisition [exposé, sommaire] de tout ce qu'on a fait dans la semaine.
6 — 7 maître de latin.
7 — 8 mythologie et littérature avec M. de M o i s s y.
8 — 9 lecture libre, mais d'un livre instructif.

D i m a n c h e m a t i n.

Depuis 8 à 9 maître d'allemand.
9—10 lecture d'un livre de piété avec M. de Moissy.
10—11 correction des cahiers avec M. de Moissy.
11—12, 12— 1 } travail particulier des mathématiques.

S o i r.

Depuis 3 à 4 promenade ou lecture libre.
4 — 5 lecture avec M. de Moissy.
5 — 6 mythologie.
6 — 7 préparation au latin.
7 — 8 récréation.
8 — 9 idem.

Tous les résumés des leçons des collèges privés sont vus et corrigés par M. de Moissy.

1311. Le prince Nicolas Youssoupov—au prince Alexandre Kourakin.

[L e y d e], 27 f é v r i e r (10 m a r s) 1775.

J'étudie le plus qu'il m'est possible, et vous avez eu bien raison, mon ami, de parler avec éloge de M. P e s t e l; c'est bien vrai que les hommes comme lui sont rares, et je ne puis assez m'en louer et vous remercier de m'avoir conseillé de venir à Leyde. M. A l l a m a n d, malgré son âge très avancé, conserve toujours sa gaieté, et son collège [cours] est doublement intéressant: premièrement, par ses expériences, et [par] la façon dont il vous les fait voir et démontre les causes. J'ai commencé aujourd'hui un cours de chimie avec les R o u m i a n t s e v chez M. B r a n d t; j'avais déjà travaillé chez moi, car j'ai une très

grande envie de savoir bien la chimie, car, comme la physique fait voir les effets, par la chimie vous venez, pour ainsi dire, aux principes des causes.

Nous dînons tous les jours ensemble avec votre oncle et votre frère; ils s'appliquent beaucoup tous les deux et ont presque toutes leurs heures prises. Je les aime doublement, et pour leurs qualités personnelles, et pour ce [parce] que l'un est votre oncle et l'autre votre frère.

Nous sommes invités tous chez M. de Pestel à souper, et j'ai été, cet instant, avec M. Apraxine, votre frère et M. Moissy, chez Mme van Leyde pour lui faire une visite.

Je vous envoie le Conclave qui a fait tant de bruit à Rome, vous verrez que c'est peu de chose, peut-être en italien c'est mieux, car tous les airs qui y sont, sont parodiés de Métastase. Vous aurez la complaisance de le communiquer au Comte, peut-être voudra-t-il le lire, car cette brochure a fait assez de bruit.

1312. Le professeur Pestel—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 3 (14) mars 1775.

Le déménagement que j'ai fait depuis peu m'a pris tout le temps qui me reste des occupations indispensables, ce qui m'a empêché de vous réitérer plus tôt les assurances de mes respects.

Je suis charmé de pouvoir ajouter à la lettre que j'ai remise à M. Tyr, que mes espérances ne sont pas réfutées par l'événement. M. votre frère, mon Prince, et M. le comte Apraxine font jusqu'ici si bien en tout, travaillent avec tant de zèle et d'assiduité, et réussissent si bien, que c'est pour moi un véritable charme d'en être témoin tous les jours. Vous connaissez, mon Prince, la vivacité du génie de M. le Comte, mais je puis vous assurer que M. votre frère s'efforce de ne faire pas moins; il se fait aussi bien des idées claires et distinctes et montre partout du jugement. Sa plume se forme

de plus en plus. Ils m'ont dit qu'ils vous ont détaillé leurs ouvrages, ainsi je crains de vous ennuyer, en les répétant. J'espère qu'ils n'entreprendront pas trop à la fois. Jusqu'ici la multitude des objets dont ils se sont occupés, leur a fait du bien; si je remarque qu'avec le temps cette multiplicité leur paraît être désavantageuse dans le but principal qu'ils se proposent, je prendrai la liberté de leur dire ingénument là-dessus mon sentiment. S'il y a quelque chose à ajouter dans l'ordre des études que vous jugiez à propos, je vous prie, mon Prince, de me faire la grâce de m'en informer. M. de Moissy paraît aussi être content des arrangements qu'on a pris, du moins j'ai fait tout ce qu'il m'a été possible de faire, tout avec économie et décence. Je vous avoue, mon Prince, que je ne comprends pas comment ces messieurs ont pu déjà dépenser 5000 florins selon ce que M. le Comte et M. votre frère viennent de me dire, sans comprendre même sous [dans] cette somme le loyer de la maison. La table est meilleure que vous ne l'avez eue dans votre temps, mon Prince, et pourtant ils ne payent que le même prix.

Les fleurs d'Harlem ont frappé nos seigneurs russes, quoiqu'elles étaient [fussent] gâtées par la neige et ne ressemblent [ressemblassent] point, comme on m'assure, aux autres années.

Le prince de Holstein s'est arrêté un jour ici, et se plaît, dit-on, beaucoup en Hollande.

1313. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 9 (20) mars 1775.

Arrivés à Leyde, nous descendîmes d'abord à la *Cour de Hollande*, où les comtes Roumiantsev nous reçurent à bras ouverts, et, du premier instant, nous firent le portrait de leurs occupations avec des couleurs si vives et si agréables qu'ils nous firent regretter de n'en pouvoir pas faire encore autant. Après une demi-heure, M. Pestel vint nous rendre visite, et, du premier abord, il sut s'approprier nos cœurs et nous faire concevoir

pour lui une estime et un attachement inconcevables. Il nous dit que la maison était louée à raison de 1000 florins, et nous y sommes très commodément; au second étage nous avons chacun une chambre pour travailler qui donnent toutes dans un corridor; au premier est une salle à manger et une chambre pour y prendre les exercices de corps, à la suite de laquelle est une autre assez grande que nous destinâmes à la maîtresse du logis. Pour nos gens, ils sont logés au-dessus de nous, dans trois petites chambres à côté desquelles est un magasin pour les tourbes. J'oubliais de vous dire que nous avons une cave et 46 bouteilles de vin de Bordeaux dedans dont nous avons déjà fait l'emplette.

Après cet arrangement, et après avoir donné ordre de meubler notre maison afin de nous y établir d'abord à notre retour de La Haye, nous partîmes pour y aller. Je vous dirai tous bas, quoique je n'aie rien marqué à ma sœur, que le caractère distrait de notre envoyé, dont je n'avais encore idée m'étonna jusqu'au point de me rebuter. Il nous reçut d'abord très froidement, et après avoir jeté les yeux sur notre lettre de crédit, il nous dit que nous trouverions l'argent à notre retour à Leyde; mais il n'en fut rien, et ce ne fut que quatre jours après notre départ de La Haye que son valet de chambre nous le remit. Pour en revenir donc à mon récit, après une conversation assez stérile, il nous conseilla d'aller faire un tour au Skevlin ou au Bois. Nous comprîmes à peu près son idée, qui était celle apparemment de se débarrasser de nous, disant qu'il était au désespoir de ne pouvoir pas nous donner à dîner, que sa femme et lui devaient dîner en ville. Nous voulûmes donc nous retirer, mais, dans [à] l'instant des adieux, nous vîmes que nous ne devions point nous en prendre au mauvais caractère du Prince, mais uniquement à sa distraction et à son imagination frappée par une expérience d'électricité qu'il allait exécuter avec une compagnie de physiciens qu'il attendait; il nous admit pourtant aux expériences et nous [nous] rendîmes chez lui deux heures après l'avoir quitté

A peine fûmes-nous rendus à notre demeure, qui était au Lion d'or, que la Princesse, femme d'un caractère charmant et qui réunit les connaissances les plus philosophiques avec l'extérieur le plus gai, nous envoie prier de venir manger la soupe chez elle; nous y fûmes d'abord. Elle avait remis sa partie de ville à une autre fois et produit [produisit] sur nous et particulièrement sur moi un effet tout contraire à celui que son mari avait opéré. Elle nous reçut on ne peut pas mieux, nous admit à [un] souper qu'elle orna d'un petit concert, le lendemain [elle nous invita] à la promenade au bois, enfin, j'augure que si j'avais [j'étais] resté plus longtemps c'en était fait de moi, et plus d'académie à Leyde, car je sentais mon cœur s'en aller tout doucement.... Mais ma philosophie triompha de mon penchant amoureux, et, sans plus de délai, nous pliâmes bagage et le même jour, après dîner, nous nous rendîmes à Leyde. Dès le lendemain nous prîmes nos arrangements.

J'ai déjà assisté ainsi que votre frère, à deux collèges [leçons] chez M. P e s t e l, et deux chez M. A l l a m a n d, et je suis fou de ces deux personnes. Le maître de latin est fixé pour moi à quatre fois par semaine, celui de langue allemande, avec qui j'ai déjà commencé, et l'Anglais, de même à quatre fois. Pour le maître de mathématiques, je prends sa première leçon aujourd'hui; le maître de dessin, celui d'armes et de violon, ne sont pas encore déterminés [désignés], mais, dans le courant de la semaine, j'espère aussi faire leur connaissance.

Voilà, mon cher Prince, où nous en sommes. Dans quelque temps, que tout sera encore plus en ordre, je veux vous envoyer la liste de nos occupations journalières et de la façon dont les heures sont prises. L'histoire politique que je traite avec M. Pestel, j'y [je la] travaille dans le même genre que vous, c'est-à-dire que je fais un discours du contenu de la leçon (et cela chez moi) et que je lui montre ensuite. Pour la physique que je traite [étudie] avec M. Allamand, j'en fais autant, pour me souvenir davantage des principes et des définitions de chaque chose. Mais, quant au droit, je ne suis

et si M. votre frère n'a pas ce brillant excessif du génie. qui n'est pas toujours un bien, il aura quelque chose de bien préférable, —un esprit juste et un jugement solide. Quant aux caractères de ces deux jeunes seigneurs, ce serait, mon Prince, une ridicule présomption de ma part de vouloir vous en parler. Si je n'avais point eu l'honneur de vous connaître, je dirais que je ne connais rien de plus aimable que mes deux élèves. Au reste, ce serait en faire un faible éloge. Vous le savez, mon Prince, j'ai eu occasion, depuis vous, de voir assez particulièrement plusieurs jeunes seigneurs russes; un seul a semblé vouloir faire exception à la règle; lui seul aussi n'a pu se concilier l'estime de qui que ce soit; tous les autres se sont fait respecter, estimer, aimer.

1315. Moissy—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 17 (28) mars 1774.

Quoique je vous voie d'ici environné des plaisirs d'une Cour brillante et livrée à célébrer par des fêtes les douceurs d'une paix glorieuse qui immortalise votre souveraine, je ne crains point que la lettre d'un paisible et simple instituteur de Leyde soit ouverte avec distraction, lue avec indifférence, et jetée, ensuite, sur une table avec mépris. Je connais trop votre âme et le degré de chaleur de votre amitié fraternelle, pour avoir à soupçonner un pareil procédé; aussi, je me redresse en vous écrivant, et, de petit instituteur que je suis, je deviens, dans ce moment, un philosophe sensible, échauffé de la même tendresse fraternelle qui vous anime, et possédé de l'ardent désir d'inspirer à votre cher frère toutes les qualités que vous faites paraître, afin que, bientôt, il soit digne d'être votre frère à tous égards.

Pour parvenir à ce but, je vous envoie un détail, jour par jour et heure par heure, de toutes ses occupations chaque semaine; vous y verrez que son temps est bien rempli, suivant celui que les professeurs et les maîtres ont pu nous donner. J'aurais voulu disposer certaines heures de travail différemment,

pour mettre plus de rapports successifs entre la nature du travail qui occupe ce temps, mais cela ne m'a pas été possible, étant forcé de prendre les heures des professeurs et des maîtres, comme ils ont pu les donner, de ce qu'il leur en restait à notre arrivée.

Vous imaginez bien, mon cher Prince, que je broche sur le tout, je me suis réservé d›apprendre au cher frère la langue française, la mythologie en général, et comparée ensuite à l'histoire sainte, de corriger tous les résumés de ses trois collèges [cours] privés, pour lui former le style et une orthographe exacte, enfin, de faire avec lui des lectures utiles et agréables avec des observations tendant à lui former le goût sur la bonne et saine littérature.

Je vous parle vrai, je n'ai qu'à me louer jusqu'à présent de l'application qu'il met à profiter de toutes les leçons qu'il reçoit. Bon Dieu! quelle différence déjà de ce qu'était votre frère à Pétersbourg, et de ce qu'il est à Leyde; mais il faut que cela dure.

Une seule chose sur laquelle il me reste encore à désirer, c'est que votre cher frère veuille bien acquérir cette politesse de détail, cette urbanité aisée et enchanteresse qui nous fait aimer de tout le monde, telle qu'un homme de qualité doit l'avoir et telle que vous la possédez, mon cher Prince. Votre frère est en chemin d'y parvenir, mais il n'est qu'en chemin, et je ne vous cacherai pas qu'il a encore du terrain à parcourir pour arriver à ce but. Sur cela, je vous en peux dire autant de votre cher oncle; ainsi passons à autre chose.

Je vous prie de dire à S. E. le comte de Panine, en l'assurant de mon respect, que tout ce qui regarde ici l'administration qu'il m'a fait l'honneur de me confier est en si bon train, tant au moral qu'au physique, et que la machine que j'ai eu à monter marche déjà d'un pas si égal et si assuré, que je compte, sans rien précipiter, être en état, à la fin de la semaine prochaine, de lui envoyer le tableau bien détaillé de nos travaux, de nos dépenses et de notre conduite. Je prépare

ce tableau avec toute l'attention possible. Comme me l'a prescrit Son Excellence, tout se traite ici avec une économie décente, et un ordre dans la dépense qui me fera éviter tous les abus qui pourraient me surprendre, si je mettais moins d'attention. Dans cette dépense je me guide sur le mémoire qui vient de vous, et que Son Excellence m'a recommandé de consulter, surtout pour les articles que je ne puis fixer qu'avec le temps; en attendant donc que ce temps m'instruise à quoi ces articles monteront au juste, je les porte sur mon état tels qu'ils sont sur votre mémoire, que je sais par cœur. Ah! mon cher Prince, on voit bien, par ce mémoire, que vous n'avez pas l'âme financière, et que l'étude aride de l'arithmétique n'a pas été votre principal objet. Pardonnez donc si je vous observe ici que vous vous êtes trompé sur des articles trop fortement pour n'en pas faire note. Le premier, c'est l'article de la table que vous ne portez, pour deux personnes, qu'à 1100 fl., à raison de 5 fl. par jour, et qui va à 1800 fl. Le second article d'erreur, c'est le total de la dépense que vous ne tirez qu'à 9354 fl. et qui, selon tous vos articles mêmes, est de 10354 fl. Ces deux articles font 1700 fl. de plus, auquel votre mémoire des dépenses aurait dû se monter, et, ainsi, être porté, pour être juste, à 11054 fl. au lieu de 9354 fl. Ces deux erreurs de calcul se trouvent de même sur l'extrait des dépenses que vous avez donné au prince Youssoupov et à MM. de Roumiantsev.

Je ne vous fais cette observation qu'à cause de la nécessité où je suis de faire voir à Son Excellence que le total général de notre dépense, pour trois personnes, que je lui enverrai, sera en balance avec le total général de celle que vous avez faite par le mémoire en question pour deux personnes, et cela en ajoutant un tiers de plus au total de vos 11054 fl. que vous ne portez qu'à 9354 fl.

Ainsi, mon cher Prince, permettez-moi de vous dire, pour adoucir ma sévérité arithmétique que les quatre règles de cet art que vous entendrez le mieux, addition, soustraction, multipli-

cation et division, sera [seront]: pour l'addition, cette attention scrupuleuse que vous mettez à ajouter des connaissances nouvelles à toutes celles que vous avez déjà acquises; pour la soustraction, à écarter loin de vous toutes ces faiblesses qui peuvent faire voir que dans tout homme il y a toujours de l'homme; pour la multiplication, à donner à votre patrie, par l'entremise d'une femme aimable et vertueuse, des enfants dignes de vous trois; et pour la division, à bien distinguer le vrai d'avec le faux, le juste de l'injuste, et la saine morale d'avec les préjugés et les faux paradoxes. Cette arithmétique vaudra bien celle des comptoirs dont vous n'avez que faire. Pardonnez cette sortie morale qui s'est glissée sous ma plume; songez, cher Prince, que je suis à Leyde et que j'y respire journellement un air composé d'atomes philosophiques qui, par les ressorts cachés de la matière subtile, doit.... enfin, vous m'entendez, et je ne vous en dirai pas davantage, ma lettre pouvant devenir trop longue, malgré la bonne opinion que j'ai de vos bontés pour moi.

1316. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 17 (28) mars 1775.

Je me mets à écrire la présente avec le plus grand plaisir, sachant que vous [en] aurez un pareil de recevoir de mes nouvelles. Toutes nos études vont très bien jusqu'à présent, et comme je sais que vous [vous] intéressez à mon éducation, je me fais une grande joie de vous marquer dans cette lettre où j'en suis avec tous les maîtres.

Je vous dirai donc, mon cher Mentor, qu'avec M. de Pestel qui nous donne quatre fois collège [un cours] par semaine pour le droit, nous allons bientôt finir la science anthropologique; pour l'histoire nous [en] sommes à la fin des rois d'Egypte, nous avons commencé, selon votre conseil, depuis la création du monde; pour la physique nous [en] sommes aux machines simples de la mécanique; pour les mathématiques, je vais entrer bientôt dans la propriété de la pro-

priété des triangles; pour le latin je commence à expliquer les fables de Phèdre, de même dans l'Allemand; pour la mythologie M. de Moissy me crayonne dans son dictionnaire de la fable par Chompré; pour l'écriture, que je cultive tous les jours pour [en] être débarrassé au plus tôt, je [j'en] suis à la bâtarde; pour la musique, que j'apprends sur la mandoline, je commence à connaître les notes. Le maître d'armes et le manège ne sont point l'objet de mon application, car cela prendrait trop de temps, puis le manège pourra s'apprendre bien vite, et les armes, je ne les apprend point parce que les hommes que j'aurai à tuer pourront vivre plus longtemps. J'aime, comme [vous] voyez, l'humanité. La langue italienne, dans quelques mois d'ici, fera mon occupation et celle de M. Collitzi. Voilà un détail assez exact, mais, à ce que je crois, M. de Moissy vous en fera un plus long.

Au moment que j'écrivais cette lettre, j'ai reçu la vôtre datée du 10 (21) février; elle m'a fait le plus grand plaisir du monde, et ce n'est qu'avec un chagrin inexprimable que j'ai vu qu'elle finissait. Je voudrais toujours, surtout de vous, que les lettres ne finissent point; rien ne peut mieux m'occuper que la lecture de vos charmantes et instructives lettres, où vous dépeignez, avec un art singulier, toutes les vérités d'imperfection sur mon compte que je ne sens que trop, et que je voudrais anéantir (ce n'est que par le travail, je le sais); aussi je fais mon possible en m'appliquant de [à] les détruire.

C'est en vain, mon cher frère, que vous me reprochez dans votre lettre mon silence sur votre compte; non, soyez persuadé qu'aucun plaisir pour moi ne sera tel que celui de vous écrire, [à] vous qui êtes mon véritable ami. En vous je vois cette tendresse fraternelle qu'on vante tant dans les romans, et surtout dans celui de Castor et de Pollux. Je vous aime tant que si j'avais le bonheur d'avoir l'immortalité comme Castor, je n'aurais d'autres plaisirs que celui de la partager comme eux avec vous, et nous serions, certainement, leur

second tome dans le signe du zodiaque. Les nouveaux poètes n'ont qu'à vous prendre pour exemple et dépeindre les sentiments, les connaissances et la bonne manière dont vous vous servez pour me conduire dans le chemin de la vertu et me détourner de tous les dangers qui environnent la jeunesse.

Par M. le colonel de Thier je vous ai envoyé la liste de mon occupation, mais elle n'est point correcte, et M. de Moissy vous en envoie une que je suis ponctuellement. M. le professeur Pestel me donne des marques d'une très grande amitié, et plus je le vois, plus j'observe que c'est l'homme qui me tirera, pour ainsi dire, du néant, en m'éclairant de ce dont j'ai indispensablement besoin. Je veux, oui, je veux qu'à mon arrivée j'aie le bonheur de remplir tous vos souhaits, je prie toujours le Très-Haut pour la bénédiction dans mes travaux et la conservation de vos jours qui me sont très chers. Vous direz, peut-être, que c'est un compliment de lieux communs, mais mon cœur me l'a dicté, il est toujours ouvert pour vous, mon tendre ami.

Ces jours-ci nous avons soupé chez Mme de Leyde qui nous a fait beaucoup de politesses; avec elle nous avons joué aux cartes, la partie était de whist à 10 fl. Madame nous parlait beaucoup de vous et de M. de Saldern. Quand nous primes congé, elle nous invita à venir la voir souvent.

A présent, nous ne devons que rendre la visite à M. de Changuion qui ne vient que d'arriver de sa maison de campagne. Le temps ici est très mauvais, un vent continuel vient du nord et est si froid que l'on ne peut point aller sans surtout. Je m'en ressens déjà de la Hollande; des engelures terribles sont sur mes mains de même que sur celles des comtes Roumiantsev. J'ai consulté pour cela M. de Gaubius qui m'a dit qu'il fallait de la patience et point de remèdes, que c'était le tribut que chaque étranger payait ici. A présent je suis entièrement le costume de Leyde; mais je ne vous dis rien davantage car ce serait vous étouffer.

Dans votre paquet il y a une lettre pour le prince Etienne; je suis très content qu'il soit placé et, surtout, dans un endroit où vos conseils, ceux de tous nos parents pourront le détourner de faire le mal.

A cette heure que [où] je suis en train de vous parler, je vous communiquerai une de mes idées qui, à ce que je crois, est très bonne. C'est que je veux me former une bibliothèque, et, pour la former, il faut avoir de l'argent; donc mon idée est, pour qu'en la formant elle ne coûte pas trop cher, de vous prier de me procurer les 300 roubles que j'avais par an; je les emploierai à acheter de bons livres et cela ne paraîtra pas tant coûter, car 300 roubles ce n'est presque rien.

1317. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 17 (28) mars 1775.

Nous fûmes, il y a huit jours, chez Mme van Leyde, qui nous reçut avec la plus grande politesse; nous y soupâmes, et j'ai conçu pour cette dame, dès le premier abord, une estime particulière. Le prince Youssoupov fut invité avec nous. Elle nous parla beaucoup du comte Chérémétev, de M. de Saldern et de son cher prince Kourakin. Elle nous entretint de ce cher prince d'une façon à nous faire soupçonner ce que je n'ose dire. A propos, j'oubliais de vous gronder, que dans votre quadrille espagnol vous eûtes pour dame la petite cousine; elle est charmante à la vérité, mais vous méritiez pourtant un meilleur morceau. Pourquoi vous être laissé souffler la divine H. A.? Je ne vous reconnais plus à ce trait; la petite personne est très attrayante dans un petit cercle, mais quand il s'agit de faire le coq devant tout Moscou, vous pouviez choisir une héroïne qui ait une taille majestueuse, une démarche fière, un air aisé, un œil vif, enfin une déesse digne de vous. Ah! parbleu, à votre place j'aurai mieux jeté mon lot et j'aurai triomphé en dépit des jaloux.

1318. Charles von der Œsten-Sacken—au prince Alexandre Kourakin.

Copenhague, 28 mars (8 avril) 1775.

J'ai présenté deux requêtes touchant la terre de Randefer, une au gouvernement de Riga, et l'autre à l'Impératrice, par Pastoukhov, parce qu'on me disait que ces terres ne seraient pas données par ce gouvernement, mais par l'Impératrice même. Elle avait ordonné à Pastoukhov d'envoyer ma requête au sénat pour lui être présentée dans son temps avec celles des autres suppliants. Si cette affaire est remise à M. Kouzmine, il la trouvera sans doute, et il ne me convient pas d'en envoyer encore une troisième. Dailleurs, étant en possession de cette terre, il m'est égal si j'en reçois la continuation dans cette année séparément ou dans le temps que toutes ces terres seront données pourvu qu'on me la laisse alors.

Je vous fais mes sincères remercîments pour toutes les bontés que vous avez pour mon neveu Stackelberg. S'il réussit dans son projet, il vous le doit entièrement. Si je ne consultais que mon désir de voir mon neveu et son agrément de se trouver auprès d'un oncle qui l'aime, je ne balancerais pas à vous prier de l'envoyer ici, mais vous connaissez, mon cher Prince, les sociétés, le ton, etc. de Copenhague, le peu d'occasions à profiter quelque chose dans les études, etc., et vous conviendrez, pas ces raisons, avec moi, qu'il serait mieux pour lui d'être à Paris, Londres, Vienne ou Varsovie. Je préférerais presque Paris, parce que j'y ai quelques amis, comme Bariatinski, Golovkine et le vieux Gulffier. Ce serait le moyen de se rendre très habile dans la langue française et en bien d'autres sciences. Si je n'étais pas ici et dans un de ces endroits je ne demanderais pas mieux que de le prendre auprès de moi. Cependant, je laisse cette affaire à votre décision. Parlez-en à lui et particulièrement à mon frère, et réglez-la telle qus vous le jugerez à son avantage.

1319. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 29 mars (9 avril) 1775.

Les connaissances que nous fréquentons présentement à Leyde sont en plus grand nombre qu'auparavant, et ce nombre s'étend à six, sept maisons, où nous sommes très bien reçus, savoir: celle de M. Pestel, M. de Leyde, M. Changuion, M. La Pierre, M. Hubrecht, bourgmestre de la ville, son fils, le secrétaire, et la maison de M. le professeur Kalm, célèbre médecin, qui fut appelé à Leyde d'Utrecht pour remplacer M. Gaubius, et certainement il le mérite.

Ces maisons nous donnent de temps en temps des soupers et cherchent, pour ainsi dire, à fréquenter notre connaissance le plus qu'elles peuvent. Cet hiver s'est passé assez agréablement pour nous; outre les grands concerts que Vermülen donnait avec Collitzi il y a eu six à sept bals, quatre qu'a donnés Bax, par souscription, un qu'ont donné les étudiants et où nous fûmes invités et le dernier ce fut nous deux avec mon oncle qui le donnâmes à la ville, où tous ceux qui nous ont [avaient] fait des politesses furent invités de même que toutes les demoiselles que nous connaissons.

C'est à ces bals que les grâces d'une jeune demoiselle, la perfection de sa danse, la beauté de sa figure, la vivacité de ses yeux ont su toucher mon cœur et m'en ont rendu amoureux. Si vous voyez ses traits et sa personne en total vous m'approuveriez certainement dans mon goût, et ce qui m'est très agréable, c'est qu'elle-même n'est point indifférente à mon égard. Non seulement le dehors de sa figure a su me surprendre, mais son esprit, sa modestie et sa conduite sont, à mon avis, l'exemple des autres demoiselles. Ainsi vous voyez mon goût, décidez-le suivant la peinture que je vous en fais et marquez-le-moi dans votre première lettre. J'avoue que cela m'avait un peu dérangé dans mes études; mais comme à cette heure cette charmante personne est absente pour quelque temps, j'ai repris le fil de mes travaux, et quand même elle reviendrait je tâcherai de ne ja-

mais oublier l'objet pour lequel je suis venu ici. Ainsi vous pouvez être tranquille sur cela et ne pas croire que je perdrai mon temps. Vous voyez que je vous aime bien pour vous écrire tout aussi sincèrement que je viens de le faire.

Pendant le temps que la comtesse de Rasoumovski était ici, vous savez que nous y allions passer les soirées, c'est-à-dire depuis 9 heures jusqu'à $10^{1}/_{2}$ pendant les jours de collège et depuis 7 les samedis et les dimanches. Quoique ces visites étaient [fussent] dans une heure de loisir, pourtant cela ne laissait pas que de nous interrompre dans notre coutume ordinaire de nous coucher à 10 heures pour se lever de bonne heure le lendemain. Mais à présent comme elle est partie, ainsi nous sommes plus tranquilles et nous allons travailler à force de bras pour avancer dans nos occupations avec Pestel.

Il faut pourtant que je vous dise un mot du Comte et de la Comtesse. La première chose qui me vient toujours dans l'idée en parlant d'eux, c'est de dire qu'ils sont à plaindre, et cela est aussi très vrai, car après avoir vécu pendant quatre mois et plus dans une ville aussi triste que Leyde pour tous ceux qui ne s'y occupent pas, et après avoir dépensé 9000 florins, l'objet pour lequel ils sont venus, qui est la maladie de la Comtesse, ne leur a pas réussi, et Gaubius, à mon avis, a plus fait de mal que de bien dans le corps de cette personne, car elle sent plus de maux qu'auparavant. Outre cela, elle a eu une terrible scène avec Mme Golovine, qui demeure présentement à La Haye et qui viendra dans peu en Russie. Je ne veux pas vous dire cette scène, car je crois que vous la savez puisque le Comte l'a décrite à son frère le comte André et que la Comtesse l'a annoncée à la grande veneur [veneuse]. Après avoir essuyé tant de désagréments, ils ont pris la résolution, suivant les conseils de Gaubius, d'aller aux eaux d'Aix-la-Chapelle, et ils sont partis, comme je vous l'ai marqué, le 3 de ce mois.

J'ai oublié de vous dire que la semaine passée nous avons été à La Haye uniquement pour voir jouer Préville,

et certainement si nous n'y avions pas été ce serait une faute impardonnable. Je l'ai vu dans le Tartufe et le Mercure Galant. Dans ce dernier il a joué tous les cinq rôles, et à la dernière perfection. Comme c'était un bénéfice pour cet acteur, il y avait une foule inconcevable de monde, et nous, ayant prévenu le receveur quatre jours d'avance de nous avoir des places au balcon, nous fûmes obligés d'être sur le théâtre. Je vous avouerai que cette place était assez bonne pour moi, car j'étais le premier faisant spectacle et je voyais tout le monde se demander l'un l'autre: qui est ce jeune homme sur le théâtre? nous ne l'avons jamais vu, etc.

A présent, après avoir parlé de nos connaissances, de nos amusements d'ici, il est temps que je passe à l'article de nos occupations qui est le plus intéressant. Je vous dirai donc que, comme notre séjour ici est raccourci de beaucoup, ainsi nous avons été obligés d'aller le plus vite possible, c'est pourquoi aussi nous avons entrepris six différents ouvrages avec M. Pestel, savoir: l'histoire d'Allemagne, celle d'Angleterre, le droit naturel, le droit des gens, la politique et les disputes latines que nous avons tous les 15 jours avec M. Apraxine; l'un défend et l'autre oppose, et cela alternativement. Tous ces ouvrages ont chacun deux heures dans la semaine. De cette façon, je crois, nous avancerons plus vite et nous pourrons venir à bout de finir quelque chose. Nous suivons à présent le droit naturel d'après Pufendorf, le droit des gens d'après Vattel et la politique d'après Montesquieu. Pour les autres exercices, ils vont toujours le même train. Avec le professeur Allamand nous avons fini la politique et nous venons de commencer l'histoire naturelle. Tel est l'état de nos études; si quelques changements arrivaient, vous pouvez être sûr que je vous en avertirai.

Je crois que vous savez déjà, mon cher frère, l'intention de M. Apraxine d'amener avec lui en Russie un jeune homme suisse; il en a écrit au comte Panine. Si vous avez l'occasion d'en parler avec ce dernier, je vous prie de parler en

notre faveur et de croire que c'est une très bonne acquisition que M. Apraxine ferait pour lui et pour moi, car la langue latine et autres sciences ne pourraient point s'oublier puisque ce jeune homme les sait. D'ailleurs, il ne faut point croire que ce [qu'il] soit comme les autres français de son âge, vif, riant, une tête verte et ne parlant que pour se louer; il a, depuis le temps que nous sommes ici, toujours fréquenté notre compagnie, ainsi nons avons eu assez d'occasions d'être instruits de sa conduite, de ses mœurs et de sa façon de penser. Nous n'y avons rien trouvé que de bon; modeste, ayant la figure prévenante, il n'a jamais rien cherché d'autre à faire que de nous plaire et nous être utile. M. de Moissy est d'avis [avisé de] notre intention et il en a même écrit au comte de Panine. Les comtes de Roumiantsev, le prince Youssoupov et la comtesse et le comte de Rasoumovski sont tous du même sentiment. Ainsi tâchez, je vous prie, de déterminer nos parents de [à] nous accorder cette permission, et faites en sorte que nous ayons la réponse dans peu, car nous en avons besoin.

J'attends, depuis six mois, que vous m'avez promis, de m'envoyer encore de l'argent pour des livres, de même que de l'argent pour faire du linge, car pour cette partie je suis en très mauvais état. Dépêchez-vous, je vous prie, de m'envoyer l'argent des livres, car j'en ai acheté à crédit, ne voulant pas laisser les occasions favorables pour cela, et je dois payer avant le temps où je partirai pour Spa et, sans cela, je serai obligé d'emprunter 100 ducats à Oldecop. Voyez et faites ce qu'il vous plaira là-dessus, mais ne me laissez point sans argent.

1320. L.-G.-F. Kerroux—au prince Alexandre Kourakin.

[Leyde, avril 1775].

Je vais entamer une matière que je pourrai poursuivre dans d'autres lettres, si elle est de votre goût. En parlant, hier, de la noblesse hollandaise, il me vint une idée que je résolus de vous communiquer. Je voudrais, Monsieur, rechercher, en philo-

sophe, — passez-moi ce petit accès de vanité, — l'origine de la noblesse, examiner les devoirs auxquels elle est obligée envers la patrie, envers les autres hommes et envers elle-même. Enfin, les prérogatives de la naissance mises à part, je voudrais considérer si la vraie noblesse ne se trouve que dans le corps des nobles.

Vous voyez, Monsieur, que cette matière peut fournir quelques lettres, et que, traitée par une autre plume que la mienne, elle pourrait servir à l'instruction d'un jeune homme de votre rang, destiné par sa naissance, et, j'ose le croire, plus encore par ses belles qualités, à devenir un jour un des ornements de cet illustre corps.

J'ai dit que mes recherches seront purement philosophiques, parce que je ne prétends faire que peu ou point d'usage des faits historiques qui, presque toujours contredits, jettent souvent plus d'obscurité que de lumière sur des recherches de cette nature. Il s'ensuivra que mes conjectures pourront quelquefois avoir l'air de paradoxes; ce sera à vous, Monsieur, à me ramener, si vous croyez que je m'égare. Je commence.

Il est incontestable qu'originairement les hommes sont égaux, et que, considérés dans l'espèce, ils le sont tous encore. Tant qu'ils vécurent dans la simplicité de leur première origine, il n'y eut de différence entre eux que celle que la nature y mit, celle de l'âge. Le fils, par sa faiblesse, était nécessairement soumis à son père; mais cette dépendance ne durait que jusqu'à ce que les forces de l'un le missent en état de se passer des secours de l'autre. Alors tous rentraient dans leurs droits d'égalité primitive. L'amour, la reconnaissance, qui en était la source, la coutume, l'instinct, si vous voulez, continuaient à attacher le fils à son père, et tous les membres d'une même famille les uns aux autres. Mais cette union si nécessaire et si indispensable pour la conservation de l'espèce, ne constituait aucun degré d'inégalité entre les individus, et si les hommes avaient connu leurs vrais intérêts, ou plutôt, si la première société devenue trop nombreuse, n'eût fait éclore le germe des

passions qui n'avaient point eu le temps ou l'occasion de se développer, nous serions encore actuellement tous égaux. Mais les passions, source de nos biens et de nos maux, le furent aussi de l'inégalité parmi les hommes.

La nature, toujours semblable à elle-même, ne fit point les premiers hommes plus généralement parfaits que nous ne le sommes nous-mêmes. De nos jours, les enfants d'un même père causent souvent bien des troubles dans une famille; la prédilection des parents pour un de leurs fils, au préjudice des autres, occasionne quelquefois de petites guerres domestiques qui se terminent rarement à l'avantage de toutes les parties. Ces dissensions de famille, qui ne font presque plus sensation à présent, me représentent le tableau de la première querelle domestique, qui donna sans doute lieu à une scission entre les membres.

Imaginons, pour un moment, un père ayant deux fils de caractère opposé (et sûrement la supposition n'est pas gratuite): l'enfant soumis, d'un naturel doux et complaisant, aura concentré sur lui toute l'affection de ses parents; l'autre hautain, opiniâtre, violent, aura souffert avec peine que son frère eût une prédilection si marquée sur lui. Le chagrin de se voir moins aimé aura produit la jalousie, et cette passion irritée par l'orgueil, qui est le premier mobile de toutes les autres passions de l'homme, se sera tournée en inimitié et en haine. Quels effets, croyez-vous, Monsieur, que puissent produire toutes ces passions réunies? Les plus terribles, sans doute. L'homme tel que nous le connaissons actuellement, l'homme civilisé, peut parvenir, peut-être, à les masquer; mais l'homme de la nature, l'homme, encore barbare et ne connaissant de loi que celle de son propre bien-être, s'est laissé emporter à la fougue de son orgueil blessé, et le fils négligé a brisé avec violence tous les liens qui l'attachaient à ses proches. La dissimulation n'a pu être le vice de ces hommes agrestes, le seul vice, peut-être, qu'ils aient ignoré, et qui ne doit son existence qu'aux sociétés devenues nombreuses.

Accordez à notre jeune barbare tout ce qu'il faut pour en faire un héros, tel que la fable nous en a dépeint plusieurs, la force du corps, la présomption de se croire supérieur à ses semblables, de l'élévation dans l'âme, la témérité d'oser tout tenter pour se soustraire à l'indépendance: vous m'avouerez qu'il ne laissera pas languir longtemps des ressorts si actifs par eux-mêmes. Bientôt il se verra à la tête de tous les jeunes gens qui auront à se plaindre de leurs pères ou de leurs frères, ou que le désir de la liberté attachera à sa suite. Voilà mon jeune aventurier chef de parti. Ces jeunes gens rassemblés ne resteront point oisifs; déserteurs de la maison paternelle, ils cherchent une nouvelle demeure; toute la terre leur est ouverte; ils commencent par habiter les forêts; les cabanes s'élèvent peu à peu, et cette horde de jeunes bandits devient enfin une société qui aura bientôt des lois et des magistrats. Or, qui dit lois et magistrats met nécessairement de la différence entre les différents membres d'une même société. Celui qui fait des lois, se place par lui-même au-dessus de ceux à qui il les donne; et ceux qui sont chargés du soin de les maintenir et d'en punir les infracteurs, sont revêtus d'une autorité qui les rend supérieurs au reste des hommes qui composent le nouvel état.

Ce tableau que je crois naturel, et où je m'imagine voir l'origine de la noblesse, n'est point un tableau de fantaisie. L'histoire sainte et la profane, tous ceux qui ont fait celle des premiers hommes m'en ont fourni les couleurs; et si vous y faites attention, il est calqué sur celui qu'on nous fait du fondateur du plus grand empire qui ait jamais été. La nécessité, la violence, l'injustice, tous les vices de l'humanité jetèrent les premiers fondements de la superbe Rome.

Je m'arrête, Monsieur; je n'ai fait pour aujourd'hui qu'établir l'état de la question, en faisant sortir les hommes de leur égalité primitive. Dès qu'un homme a pu dire: je veux, et que d'autres hommes ont pu se résoudre à faire sa volonté, il a été leur maître. Et le premier qui osa essayer ce dangereux

langage et qui eut l'habileté de faire réussir ses prétentions, fut le premier noble, et la tige de notre noblesse actuelle. C'est ce que je tâcherai de prouver dans une seconde lettre, si vous m'y encouragez.

1321. Иванъ Ивановичъ Крокъ—князю Александру Куракину.

1775 г. апрѣля 3. [Петербургъ].

Доставленіе мнѣ церемоніймейстерскаго мѣста, послѣ двадцатишестилѣтней службы при министерскихъ дѣлахъ и по девятилѣтней бытности въ нынѣшнемъ полковничьемъ чинѣ, зависитъ единственно только отъ словеснаго о томъ представленія Ея Императорскому Величеству черезъ Григорія Александровича. Правда, я его превосходительству незнакомъ, но заступленіе государя цесаревича все наградитъ. Конечно, по послѣдній часъ жизни моей пребудетъ у меня въ свѣжей памяти милостивая и радостная Его Императорскаго Высочества готовность къ подкрѣпленію моего прошенія, о которомъ покорно прошу ваше сіятельство напамятовать милостивѣйшему государю нашему цесаревичу и довести до того, чтобы сіе дѣло, какъ можно скорѣе, начато и прежде, нежели число просителей умножится, окончено было.

1322. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 4 (15) avril 1775.

J'apprends, mon cher et aimable Prince, que vous faites le héros tous les jours à cheval avec le Grand-Duc, à la tête des troupes, tous les jours dans les fatigues, la poussière; vous allez en vérité devenir un chef d'armée et non un courtisan. Vous feriez bien, si vous courriez cette carrière, mais, entre nous soit dit, je crains que la mollesse ou au moins l'aisance à laquelle vous étiez habitué, ne vous fasse échouer dans un métier dont les lauriers, quoique glorieux, sont durs à acquérir.

Si vous voulez jeter les yeux sur la lettre que j'écris à notre ami Bibicov, vous verrez que mes idées bruyantes de Pétersbourg sont changées, elles ne respirent aujourd'hui que la paix et la douceur. Je ne suis plus un habitant des cités pompeuses, je suis un Diogène, je me cache aux injures de l'air, non dans un tonneau, mais dans une humble cabane, où je recueille les délices de l'étude. Toujours livré à ses attraits, je triomphe de mes passions, j'examine l'homme, ses vertus, ses revers. J'admire la nature, je la développe, je l'étudie, et voici, comme je coule les jours dont les plaisirs paisibles m'enchantent plus que ceux que je passais à Pétersbourg. Peut-être, qu'à mon retour, je mettrai comme vous ma philosophie de côté, je me livrerai aux plaisirs de Cithère, mais pour cela j'accumule ici les matériaux nécessaires.

J'aime d'abord et je respecte infiniment MM. Pestel et Allamand; leurs manières gracieuses tous les jours m'enchantent. Je vous dirai encore, mon cher Prince, que Kerroux vient de perdre sa femme; il est toujours très pénétré d'estime et d'attachement pour vous, Fas de même.

J'ai soupé chez Mmes Changuion, de Leyde et même chez M. La Pierre, dont les filles sont jolies.

1323. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 7 (18) avril [1775].

Je ne puis vous exprimer la joie que m'a causée votre lettre, car voilà déjà près de deux semaines que je n'ai point eu de vos nouvelles. Tout ce qui nous regarde va très bien ici; MM. les professeurs de Pestel et d'Allamand semblent être assez contents de nous; au reste, j'ai lieu de le présumer. A cette heure, je puis user de ces termes, car depuis que je suis ici, je commence à les connaître; c'est là l'objet de nos entretiens avec M. de Pestel. Bientôt nous allons finir toutes ces définitions et nous commencerons à parcourir les fondements de la jurisprudence, petit abrégé fait par M. Pestel lui-

même. Pour l'histoire nous sommes au royaume de Perse, et croyons dans quatre mois atteindre le siècle de Constantin; alors nous serons grands garçons, étant tirés de tous les événements fabuleux. Il ne nous les ménage point, même hier, parlant du royaume de Syrie, il nous a raconté la célébration de ses fêtes. C'est la plus plaisante chose du monde; pourtant je vous dirai que je suis très fâché qu'il nous mène de cette manière, car nous serons bien longtemps avant de sortir de toutes ces bêtises.

Nous avons à présent les vacances de Pâques, mais nous n'en profitons point, car MM. les professeurs ont été si obligeants, qu'ils nous donnent collège tout comme si c'était des jours ordinaires. De toutes mes occupations, celle qui se néglige un peu à cette heure, c'est la langue latine, car voilà près de deux semaines que Kerroux ne nous donne point de leçons, parce qu'il a eu le malheur (ou peut-être le bonheur) de perdre sa femme; mais il va nous reprendre dans trois ou quatre jours.

Je vous envoie, mon cher frère, ci-joint une brochure qui vous intéressera, non pas pour ce qu'elle vaut, mais parce que notre oncle a traité la même matière. C'est Pygmalion mis en vers libres. Faites part, je vous prie, de cette brochure à M. Lamery; dites-lui beaucoup de choses de ma part, et engagez-le de m'écrire. Savez-vous bien, que le trait de Dugué m'a fait dresser les cheveux; je ne puis concevoir comment on peut être aussi coquin pour vivre toujours sur les cotillons des femmes en les privant de leurs biens.

Je me suis prescrit ici un devoir tous les dimanches, pour me perfectionner dans la langue allemande, c'est d'écrire des lettres à M. de Pestel en cette langue, qui [qu'il] veut bien nous corriger et nous les rendre pour qu'elles nous servent d'exemples.

Toutes les personnes que je connais ici ne font que vous louer; j'en suis très content, et cela m'excite d'autant plus à vous ressembler, non pas dans le petit présent que vous a

fait Mme de Borch et votre fille du village, mais dans toutes vos autres qualités. Collitzi, qui m'a prié de vous présenter ses respects, me donne des leçons de mandoline. Sans me vanter, je vous dirai que j'en profite assez bien, je joue plusieurs airs d'opéra-comique et la chanson de Triste raison, car il me souvient que c'est la seule chanson que vous aimiez, et qu'on vous jouait toujours; je n'ai pas besoin de vous dire qui, car vous voyez assez souvent cette personne pour vous la rappeler. Au moment que je finissais cette lettre, je reçus celle de ma chère tante Mme de Talisine qui me marque la fonction dont vous avez été chargé pour fouetter notre frère Jean. Je me représente la mine que vous faisiez en le fouettant. Il l'a bien mérité; au reste, je ne vous le dis que par la description de ma chère tante.

1324. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 23 avril (4 mai) 1775.

La vie que je mène ici me paraît très bonne, utile, agréable et commode. Si ce n'était mes parents, certainement j'aurais préféré de vivre ici comme Socrate, entouré de livres et n'ayant aucune dissipation, plutôt que de recommencer la vie d'un fainéant entrant dans le tourbillon du monde où l'homme le plus zélé pour le travail aurait non seulement de la peine à apprendre quelque chose de nouveau, mais même serait obligé de prendre garde à ne pas oublier ce qu'il a pu apprendre, et à mettre en œuvre les principes utiles pour la société, excepté ceux qu'il aurait appris par habitude.

Mes meilleurs amis ici sont tous nos compatriotes (excepté M. de Narichkine, neveu du grand veneur, qui ne fait que voyager de La Haye à Amsterdam et d'Amsterdam à La Haye, entre nous soit dit), puis MM. les professeurs que je regarde non pas comme mes amis, mais comme mes Aristotes; en un mot, tous les maîtres ici sont de très bons enfants, surtout Kerroux et Collitzi que j'estime beaucoup.

Ces jours-ci, M. le professeur Allamand nous a proposé e venir avec lui à Harlem, pour voir les fleurs; vous vous maginez bien que nous ne nous sommes point refusés à son vitation. Je vous assure que c'est une chose superbe à voir, our un Russe surtout. Je vais vous faire avec une joie inexrimable un petit tableau de ce voyage.

Nous étant accordés ensemble pour partir à six heures du atin, nous nous rendîmes à la barque que l'on nomme ordiairement trekchcut. Le voyage fut un peu long, car il a uré quatre heures.

Les envirous de Harlem sont charmants, surtout les maions des MM. van Leyde. Arrivés à Harlem, la première chose ue nous fîmes ce fut de contenter le motif pour lequel nous sommes venus. Ayant vu toutes les fleurs nous revînmes à maison, et sachant que l'orgue était une chose à voir nous fûmes; cela m'a terriblement surpris, surtout quand on a oué en contrefaisant la voix humaine; on entendait pour ainsi ire la respiration que tout homme doit faire en chantant. près avoir vu tout ceci, nous allâmes au bois. C'est aussi ne belle chose, mais, selon moi, pas si belle que le parc de erlin, par où nous sommes passés en venant dans notre cher eyde.

Je n'ai rien à vous dire de plus au sujet de notre vie ici, xcepté que nous sommes très retirés, embourbés dans la étaphysique, et de tout le temps que nous sommes à Leyde, ous n'avons été qu'une fois chez Mme de Leyden et chez me de Changuion, cela n'a été que pour porter vos lettres.

Après avoir lu tout ceci, vous seriez peut-être étonné que e ne vous aie point parlé de mes études, et vous auriez eu aison de l'être, mais comme je sais que c'est là ce qui vous ntéresse le plus, je l'ai réservé pour la bonne bouche et vais, ès ce moment même, vous en parler.

M. le professeur Pestel, qui est l'homme qui nous veut e plus de bien, n'a point voulu se fier à ce que nous savions venant à Leyde; il nous a proposé que puisque nous comptions

rester deux ans ici, qu'il vaudrait mieux recommencer l
tout; c'est ce que nous avons fait, et, avant que d'entreprendr
à parcourir Pufendorf et Grotius pour le droit, il nous
proposé de nous donner, premièrement, un petit traité de la con
naissance de l'homme par rapport au corps et par rapport
l'âme. Il nous dictait divers paragraphes de mémoire et, aprè
nous les avoir dictés, s'ensuivait l'explication; et c'est cette expli
cation que nous couchions sur le papier. A présent que nou
venons de finir ceci, nous avons commencé un abrégé qui con
tient les fondements de la jurisprudence, et nous faisons no
résumés, non pas comme les comtes de Roumiantsev, qu
travaillent par questions, mais de la même manière que vou
c'est-à-dire en discours. Même M. le professeur de Peste
nous a conseillé de prendre ce parti parce qu'on a plusieur
objets sur lesquels on approfondit, au lieu que si l'on travaill
par questions, il n'y a qu'un seul des trente objets que M. l
professeur de Pestel explique en toute la leçon.

Dans l'histoire nous sommes à Alexandre le Grand. L
méthode que je viens d'entreprendre à cette heure est tou
différente et me paraît beaucoup meilleure que la première. Ca
premièrement, je n'écrivais l'histoire que sous la dictée de M. d
Pestel, mais à présent je me suis résolu de l'écouter et d
coucher par écrit la leçon que je viens d'entendre.

Pour le travail que je fais avec M. de Moissy, il es
toujours le même: il consiste dans la mythologie, la géogra
phie et dans la langue française.

Je suis certain que votre étonnement sera très considérabl
de voir que moi, qui apprends à écrire, n'aie pas pu vous écri
re la présente un peu mieux. Mais songez que si j'avais cher
ché à former bien les caractères, cela m'aurait pris un temp
infini et vous savez vous-même qu'il m'est au poids de l'or.

Mes compliments à Mme la baronne de Malditz et à tout
sa famille. Embrassez la cousine Boutourline de ma part
Mes respects à la princesse Stcherbatov, à Mlle de Chkou
rine et à la princesse Mestcherski, dont nous venons d'ap

rendre par les comtes Roumiantsev qu'elle va se marier bientôt avec M. de Zinoviev, le frère de Cathérina Alexéïevna; si cela est vrai, félicitez-la de ma part.

1325. Emmanuel Repey—au prince Alexandre Kourakin.

Pétersbourg, 27 avril 1775.

Je dirai à mon Prince que j'ai fait nettoyer la cour et toute la maison. D'ailleurs, M. Dubreuil, qui est parti pour Moscou, pour faire l'opération à Mlle Genouïov, aura l'honneur d'aller saluer mon Prince et le remercier des bontés que vous avez eues de lui accorder un logement, vous fera le rapport de l'ordre et de la propreté que je maintiens avec exactitude.

Les fêtes de Pâques se sont passées avec tranquillité, personne ne s'est enivré; mais nous ne cessons d'avoir toujours grand froid depuis que la rivière est débâclée. Il y a eu deux incendies: l'un, la maison du jardinier de la Cour, dans la semaine sainte, l'autre, près de la corderie, sur ce petit canal, vis-à-vis [de] la maison à [de] M. Krook, mais heureusement cela n'a pas eu de suite, les secours ont été portés très promptement; aussi, avant de me coucher, je fais la ronde partout, de crainte d'accident.

Mon Prince, comme les gains sont très petits présentement, j'ai pris chez moi un honnête homme qui me paye une pension assez considérable pour me dédommager des frais de nourriture; la Cour n'étant pas ici, les travaux et la vente sont très médiocres, c'est à quoi, mon Prince, je vous prie d'avoir égard. C'est pour cela que j'en donne avis à mon Prince afin que vous m'accordiez la permission de le tenir dans votre maison. J'attends cette grâce de vous.

1326. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

[Leyde, mai 1775].

Plus je suis bon à votre égard, et plus vous devenez u petit ingrat, qui mériterait toute ma colère, si des sentimen plus nobles, plus généreux, plus grands enfin, ne résidaie dans mon âme. Vous remarquez, je pense, par ces trois ligne que j'ai envie de vous écrire du Phébus, peut-être en para trez-vous étonné, mais en voici la raison. Depuis quelques jou nos libraires distribuent ici, avec succès, un drame nomm *M. Cassandre de Douet*. C'est une critique de tout ce qui été, en fait de drame; l'ami Diderot, Sedaine, d'Arnau etc. en ont pour leur compte. Imaginez-vous, mon cher, qu presque à la fin de chaque ligne, vous trouverez une cont nuation de .... ce qui veut dire une suspension de discou mêlée de surprises. Après vous trouverez ,.,.,..; c'est comm qui dirait des virgules entremêlées de points, après encore d points !!!! C'est un étonnement affreux, une sensation, u impression gigantesque, horrible, assommante etc., ornée d beaucoup de Ah! Ah! Ah! et d'Hélas! De plus, vous trouv rez encore une suite de points d'interrogation ????? C'est comm qui dirait le désir d'être instruit d'une chose, qui est si éto nante, si prodigieuse, qu'on a de la peine à la croire. Q vous dirai-je de plus? Vous jugerez suffisamment combien c drame est pathétique quand vous saurez qu'il est encore autr ment intitulé *Les effets de l'amour et du vert-de-gris*. Il y des vers superbes, d'une beauté—qui ne le sent pas—d'une bea toute éblouissante. Je vais vous en citer deux, qui sont des che d'œuvre: c'est une maîtresse qui s'appelle Jacqueline, et l'auteu adroitement, pour lui faire entendre qu'elle peut conquérir auta de cœurs qu'elle veut, met, dans une note, ce vers adressé l'Impératrice: En veux-tu, Catherine??? En voilà des conquête Et le change en celui: En veux-tu, Jacqueline??? En voilà d conquêtes! Encore un second que dit cette même Jacqueline à s amant lorsque tous deux sont dans le désespoir; il vous fer verser des larmes, j'en suis sûr, car le voici: Et ce petit coute

(qu'elle tire de sa poche) va m'unir avec toi, dans le même tombeau. Vous m'avouerez peut-être que cela est beau ou que vous n'avez pas de goût.

Mais ce serait peut-être vous donner une mauvaise opinion de moi, car après six mois que je vous régale de philosophie, commencer aujourd'hui d'une manière aussi peu philosophique, c'est vous faire sentir, ou que la tête m'a tourné, ou que je reprends cette gaieté folle que vous me connaissiez à Pétersbourg; cependant, si vous croyez l'un des deux ou tous les deux ensemble vous vous tromperez également. Je ne change point l'humeur triste, ou au moins peu gaie, que m'a donnée la Hollande, et j'espère aussi que la tête ne m'a pas tourné, ou il faudrait être bien malheureux que cela arrivât lorsque j'ai pour bouclier la philosophie entière qui ne me quitte jamais. Je vous dirai donc, que cette gaieté, que vous voyez dans cette lettre, vient de l'impression singulière qu'a fait sur moi ce M. Cassandre. Si je ne craignais pas de vous faire une dépense trop grande en vous faisant payer un paquet volumineux, je vous l'enverrais, mais de peur de cela, je ne le fais point. D'ailleurs, je pense que cette brochure aussi bien que celle de Beaumarchais intitulée *Le barbier de Séville*, assez drôle dans son genre, doivent être déjà en Russie ou y paraîtront bientôt.

Votre frère et moi, nous vous envoyons chacun une lettre pour le prince Gagarine, notre cher G. M.; il est, je pense, déjà marié et, peut-être, excitant en vous un peu de jalousie par son état, car, entre nous soit dit, de tout temps vous avez paru enclin au mariage, surtout lorsque le mariage pouvait vous promettre d'être accompagné des etc. que vous entendez aussi bien que moi.

Cessons pourtant de nous amuser de puérilités et parlons tout de bon en vous disant ce qui nous arrive ici. Tout irait, grâce à Dieu, fort bien, si votre frère n'engraissait terriblement (vous ne le reconnaîtriez pas, si vous le voyez à présent), et si, moi, je n'étais pas incommodé, car je le suis à pré-

sent; l'air de Hollande ne me va point du tout, mais motus n'inquiétez personne, car j'espère que M. Gaubius et moi nous vaincrons aisément quelques petits mauvais tours, que m santé voudrait me jouer. Quant au reste, tout va de même la même ardeur règne dans nos travaux, j'écorche mon allemand, mais je le parle le plus que je peux, c'est ce qui m fait penser que j'en viendrai enfin à bout; cette langue m coûte beaucoup de peine, mais ces peines disparaissent par l plaisir que la lecture de plusieurs auteurs allemands me procure. Pour mon anglais, je le lis passablement, pour le parler, c'est ce à quoi je pense devoir renoncer, car c'est, dit-on, très difficile pour les étrangers. Il est temps de finir ma boutique, le papier et le temps me manquent, je vous embrasse de cœur et d'âme. Si vous donnez encore des dîners à Alexandra Sergéïevna, faites-lui mes compliments et embrassez-la de ma part en dépit du mari.

1327. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 4 (15) mai 1775.

Quelquefois, dans notre patrie, en vous admirant, je vous ai jalousé, il en est de même ici. Les cœurs de tous ceux que je connais vous sont entièrement dévoués, et même je commence à soupçonner que parmi les instants que vous donniez à la philosophie pendant votre séjour à Leyde, vous en dérobiez aussi en faveur de Cythère, et la façon dont, ici, Mmes de L. C. et Mlles La P. parlent de vous, servent à me confirmer que, secouru de votre Mentor, vous donniez quelquefois dans la noblesse avec autant de chaleur que dans la bourgeoisie. Vous avez très bien fait, je voudrai pouvoir vous imiter, mais ne le puis. Livré sans relâche à l'étude de la philosophie, je me refuse à tout ce qui est matériel, et si la matière avait encore quelque attrait pour moi, même en en goûtant le plaisir, je serais philosophe, et, sans rougir, je dirais comme Diogène: Hominem planto.

Dois-je vous entretenir sur [de] ce que nous faisons? Si cela vous fait plaisir, je vais le faire. Nous suivons avec le professeur Pestel un abrégé qu'il a fait, intitulé *Introduction à la jurisprudence naturelle*, livre de beaucoup de mérite; nous le lisons avec lui, et couchons ensuite par écrit les réflexions qu'il a pu encore y joindre pendant notre collège. Ainsi, mon Prince, je crois que nous suivons en cela votre méthode, car le moindre mot qu'il nous dit pendant la leçon se trouve d'abord après. Il serait honteux de négliger une seule parole qui sort de la bouche de cet homme respectable et par son caractère et par ses lumières. Les dimanches, ordinairement, je lui écris en allemand et en latin pour m'apprivoiser un peu avec ces deux langues, dont l'acquisition m'est indispensable.

Adieu, mon cher Prince, je vous embrasse de cœur et d'âme, je vous recommande la cousine et toutes les jeunes filles de notre pays.

1328. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 5 (16) mai 1775.

Au sujet du conseil que vous me donnez pour pousser ma pointe auprès de la princesse de G., je n'aurais pas cru que ce soit [fût] vous qui m'écriviez, vous que je regardais comme un Socrate qui ne pouviez interrompre par rien le feu de votre zèle pour la morale et pour les autres parties de la philosophie, et qui allez parler de pointes à un homme qui a tout à fait oublié ce que c'est que la manière de s'adresser à une femme, et qui ne pense qu'à Grotius, Pufendorf, Pestel, S'Gravesande et Allamand, etc. A vous parler vrai, je puis vous assurer que mon étonnement fut très grand à vous voir écrire une lettre où vous parlez de pointe pour une femme qui ne demeure point à Leyde, vous qui savez que, par un ordre exprès, il m'est défendu de quitter Leyde; même la foire de La Haye qui nous a tentés, n'a pu nous forcer à rompre notre promesse et soyez persuadé que, quand je promets quelque chose, je le tiens de même, et que nulle tentation ne peut me forcer à sortir de Leyde pendant un an.

M. de Pestel, qui est ici la plus belle compagnie qu'on peut [puisse] fréquenter, a, tous les jeudis et dimanches au soir, assemblée dans sa maison; et, à toutes les assemblées hebdomadaires, nous, Russes, sommes invités, et l'on y voit de très belles personnes. Mme Pestel est la femme du monde la plus polie et la plus rigide pour l'ordre qui doit régner dans la société.

Comme je suis tout dévoué à exécuter les choses dans lesquelles vous pouvez me conseiller, je remplis, avec un plaisir unique, la demande que vous me faites à vous faire un petit détail de la vie des comtes Roumiantsev et du prince Youssoupov. Je vais vous le faire sincèrement selon ce que j'en peux connaître. En vous le faisant, je vous avertis, dès le commencement, qu'on ne peut trop louer leur conduite. Ils sont occupés du matin jusqu'au soir, ne sortent pour aller nulle part, font le moins de dépenses qu'ils peuvent, sans être vilains. M. de Pestel en est enchanté, et le prince de Youssoupov va, dans un mois, finir tous ses collèges avec ce dernier professeur, après quoi il compte aller en Angleterre.

Voilà tout ce qu'on peut dire d'eux; de plus ils nous marquent une amitié fraternelle, personne ne peut être plus lié que nous le sommes avec eux, et c'est ce qui me charme et rend la vie d'ici beaucoup plus agréable qu'elle ne l'aurait été sans cela.

Dès ce moment même je vais entrer dans une matière pour vous la dépeindre, laquelle il y a déjà près d'un mois que vous exigez, c'est celle du caractère des habitants du pays où je demeure. Je ne pouvais vous le faire avant, car vous avouerez vous-même qu'un homme, qui n'est que depuis un mois en ville, ne peut faire la description du caractère des habitants du pays où il demeure; c'est la raison pourquoi je ne vous l'ai point faite avant aujourd'hui. Mais comme voilà déjà trois mois que j'y suis, je puis hasarder à le faire suivant les remarques que j'ai pu faire.

Je vous dirai donc que les Hollandais sont des gens d'une taille médiocre, assez beaux, n'aimant le travail qu'en étant sûrs de gagner de l'argent, étant assez longs à faire une chose

très simple, mettant beaucoup de réflexion sur une chose qui ne vaut point la peine de penser une minute. Je ne vous dis ceci que par expérience, car, en faisant un pupitre tout simple, un menuisier était une heure à prendre les mesures et fut une semaine à le faire.

Pour les femmes du [de] bas étage, je vous dirai qu'elles sont très belles, mais que c'est dommage qu'elles soient infectées, à ce qu'on dit, d'une manière effroyable. Au sujet des Hollandais, j'oubliais de vous dire que je ne connais point de pays où l'homme puisse aimer tant l'argent; ils vexent on ne peut pas plus. Le mal que je trouve en eux, c'est qu'après avoir rassemblé de l'argent, ils ne s'en servent point et accumulent de plus en plus. C'est selon moi manquer de ce qu'on a. Voilà tout ce que je puis vous dire des Hollandais. Je sais que je ne vous annonce rien de neuf, parce que vous-même vous avez été en Hollande et que vous avez fait ces réflexions dans vos voyages, mais je vous montre par là ma façon de penser et ma façon d'examiner, c'est, à ce que je crois, ce que vous me demandez.

La nouvelle que les comtes de Roumiantsev nous ont communiquée au sujet de l'institution faite pour les équipages dans notre patrie, me paraît très bonne, mais, entre nous soit dit, je suis très content de n'être point dans ma patrie pour le présent, car mon sort serait d'aller toujours à cheval ou en carriole. Je plains fort la princesse Agraféna Mikhaïlovna, car elle sera obligée d'aller en carriole, et, pour une dame de la sorte, je crois que c'est un peu dur.

1329. Moissy—au prince Alexandré Kourakin.

Leyde, 5 (16) mai 1775.

Je suis toujours fort content de l'application à laquelle s'est livré M. votre frère depuis qu'il est ici; il avait grand besoin de ce changement d'existence, et il y a toute apparence qu'il l'a senti lui-même par l'attention qu'il met à profiter de toutes les lumières qui lui sont communiquées ici. Soyez toujours assuré que je ne néglige rien de tout ce qui dépend de moi

pour en faire un homme de probité, aimable dans la société et utile à la patrie. A proportion que ses idées se développent et se multiplient, son caractère devient plus liant, et sa manière d'agir plus relative à ce que ma tendresse, j'ose dire paternelle, désire de lui. Si la bonne volonté continue, il a en lui tout ce qu'il faut pour vous donner, par la suite, toute la satisfaction que vous pouvez désirer. M. Pestel et M. Allamand en sont tous deux très contents, ainsi que de votre cher oncle, dont M. votre frère a déjà presque atteint la capacité et l'intelligence sur toutes sortes de matières; le temps et mes soins compléteront cet ouvrage si bien commencé. Cette espérance, qui se tourne journellement en certitude, fait ici tous mes plaisirs; nous y menons une vie douce et innocente, en vivant en bonne intelligence; j'acquiers de nouveaux droits sur leur amitié, comme ils en acquièrent sur mon estime, et leur bonne conduite est la récompense des soins que j'ai pris jusqu'à ce jour à leur éducation. Ainsi, mon cher Prince, que votre tendresse fraternelle vous laisse dormir en repos.

1330. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину.

1775 г. мая 11 (22). Лейденъ.

Письмо ваше наполнено нравоученіями, которыя я буду стараться исполнять, сколько будетъ моихъ силъ, чтобы быть достойну вашей любви, столь мнѣ нужной. Чрезвычайно я былъ обрадованъ, что вы довольны расположеніемъ моихъ часовъ; будьте навсегда увѣрены, что я уже теперь не тотъ, который былъ въ своемъ отечествѣ, и часъ отъ часу стараюсь расположить свои часы, чтобы выиграть время для употребленія такой вещи, которая бы могла мнѣ быть полезна, и чтобы все недѣльное мое упражненіе могло меня наставить на ту путь, въ которой вы находитесь, и которую я съ нетерпѣніемъ желаю достигнуть.

Чѣмъ больше я въ здѣшнемъ городѣ обрѣтаюсь, тѣмъ онъ для меня кажется лучше и способнѣе къ наукамъ. Хотя еще я въ себѣ перемѣны чрезвычайной не нахожу, однако по другимъ вижу, что ежели отсюда выѣдешь, не профитовавши

упражненіемъ своего время, надобно такому быть дураку, что бы не смѣть показаться въ люди, и долженъ бы всю свою жизнь проводить, гоняя за зайцами, потому что профессоры такой хорошей манерою даютъ свои коллегіи, что никакъ нельзя, чтобъ отсюда выѣхать, не профитовавши ни въ чемъ.

Что касается до плану упражненія моихъ часовъ, о которомъ вы мнѣ пишете, что вы его казали всѣмъ, этимъ я очень доволенъ, ежели только могъ онъ нравиться моимъ благодѣтелямъ. При этомъ случаѣ вы, хотя меня принудить ихъ исполнять, написали, чтобъ я думалъ, что показка сего плану къ чему меня обязываетъ; но будьте увѣрены, что не эта показка можетъ меня обязать къ упражненію время, но желаніе, которое я имѣю исполнить приказы родни моей, и для своей собственной пользы.

Въ послѣднемъ письмѣ, которое я отъ васъ получилъ, вы мнѣ назначили, чтобъ я скоро отъ васъ ожидалъ письма на нѣмецкомъ языкѣ, но теперь я вамъ сказываю, чтобы вы отъ меня сами ожидали одно письмо на всѣхъ языкахъ, которыми я здѣсь упражняюсь. Извѣстіе, котораго вы отъ меня требуете, — о провожденіи празднаго моего время, на что я вамъ отвѣтствую и скажу, что его у насъ нѣтъ, и что всякій день начинаю я свое упражненіе въ 7 часовъ поутру, а оканчиваю въ 9 вечера, —время нашего ужина, окромѣ язычныхъ переводовъ, которые мы дѣлаемъ послѣ ужина. Въ воскресенье также мы имѣемъ девять часовъ упражненія, кромѣ чтеніевъ, которыя мы дѣлаемъ одни въ праздное воскресенье. Во всю недѣлю мы имѣемъ только два часа, чтобы гулять, т. е. въ субботу и въ воскресенье, которыми мы также профитуемъ для того, —не только надобно, чтобы думать о наукахъ и для просвѣщенія разума, но надобно также думать и о физическомъ сложеніи, чтобы дать натурѣ маленькіе способы для своей работы. Хотя я съ этой стороны не совсѣмъ ограбленъ, однако думаю, что это время не потеряно, потому что я не имѣю никакихъ другихъ сильныхъ движеніевъ, — ни фехтованіе, ни манежъ, ни танцы, это все я оставляю къ время моихъ вояжей, ежели они удадутся.

Вы, хотя войти во все, что касается до меня, просили, чтобъ я васъ увѣдомилъ о моей одеждѣ и о числѣ денегъ, которыя я беру для мелкихъ расходовъ. Отвѣтствуя вамъ на все, начну я одеждою и скажу вамъ, что я себѣ сдѣлалъ два кафтана, оба простые. А что касается до денегъ, которыя я здѣсь беру для мелкихъ расходовъ, — это бы было сущій вздоръ, что ихъ вамъ описывать, потому что, не имѣя ничего покупать, необходимо мои расходы должны быть очень малы.

А я въ великой теперь печали, потому что такъ толстѣю, что невѣроятно, и принужденъ кинуть кафтанъ тотъ, который я съ собою привезъ изъ Россіи, и принужденъ сдѣлать новый, потому что тотъ не лѣзетъ на плеча.

1331. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 14 (25) mai 1775.

Vous m'avouez que la Vermeule vous avait sauté aux yeux et vous me conseillez même, au milieu de mes travaux, de donner, si je peux, quelques instants à gagner les faveurs de cette personne. Je vous dirai, mon cher Prince, que je ne l'ai pas même vue, par conséquent j'ignore sa beauté; cela vous étonnera peut-être: je ne suis plus le jeune homme étourdi de Pétersbourg, toutes les matières profondes dont ici je m'occupe, étouffent en moi tout désir matériel, je vous le répète encore, je ne m'attache qu'au spirituel. Le ciel aujourd'hui est mon monde, et celui d'ici-bas n'aurait plus aucun attrait, s'il ne renfermait des gens que je chéris.

Les nouvelles de Moscou m'attristent beaucoup, et toutes les différentes scènes tragiques, qui y sont arrivées et qui nous ont été apportées ici, par des lettres aux comtes de Roumiantsev, sont très inquiétantes. Cette mort subite de la comtesse de Panine a dû être un coup affreux pour vos deux oncles. Le prince Repnine aussi doit, je pense, se faire regretter beaucoup; je vous dirai au moins, que la nouvelle de sa mort m'a le plus affecté ici. Les gazettes nous apprennent que Moscou est infecté de fièvres putrides et épidémiques; ma foi, je commence à craindre que cela ne soit vrai. Je vais maintenant satisfaire votre désir, en joignant ici une note de tout ce que je fais dans la journée.

Tous les jours à 6 heures je me lève, et même avant, pour travailler aux mathématiques et me préparer aux leçons que je dois prendre.

Lundi.	Mardi matin.	Mercredi matin.	Jeudi matin.	Vendredi.	Samedi.
à 8 heures, anglais.	à 8, latin.	à 8, latin.	à 8, latin.	à 8, latin.	à 8, latin.
— 9, latin.	— 9, anglais.	— 9, travail aux mathématiques.	— 9, promenade.	— 9, anglais.	— 9, promenade.
— 10, chez M. Pestel.	— 10, collège de droit.	— 10, collège de droit.	— 10, collège de droit.	— 10, travail aux mathématiques.	— 10, lecture avec Moissy.
— 11, écrire le collège.	— 11, item.	— 11 —	— 11 —	— 11, mathématiques.	— 11, dessin.
— 12, violon que je n'apprends point de Vermeule, mais d'un nommé Gautier.	— 12, violon.	— 12, violon.	— 12, violon.	— 12 —	— 12, violon.
Après dîner.	Après dîner.	Après dîner.	Après dîner.	Après dîner.	Après dîner.
à 3, collège de physique.	à 3, physique.	à 3, collège de physique.	à 3, collège de physique.	à 3, physique.	à 3, violon.
— 4, écrire le collège.	— 4 —	— 4 —	— 4 —	— 4 —	— 4, lecture avec Moissy.
— 5, mathématiques.	— 5, maître d'armes.	— 5, mathématiques.	— 5, maître d'armes.	— 5, lecture avec Moissy.	— 5, langue allemande, quelquefois deux heures.
— 6, collège d'histoire.	— 6, collège d'histoire.	— 6, collège de droit.	— 6, langue allemande.	— 6, langue allemande.	
— 7, écrire le collège.	— 7 —	— 7 —	— 7, collège de droit.	— 7, travail aux mathématiques.	
— 8, allemand.	— 8, lecture.		— 8, item.		

Dimanche à 8, langue allemande, à 10 h. jusqu'à midi, dessin. L'après-dîner [est] occupé ou à travailler pour le lundi ou à faire des visites. Voilà, mon cher Prince, tout ce à quoi ma journée se passe, je crois qu'elle est assez bien employée.

1332. Le baron Le Fort—au prince Alexandre Kourakin.

Strasbourg, 19 (30) mai 1775.

Je ne vous ai encore rien dit de M. le comte de Skavronski. Jusqu'à présent, vous m'avez reconnu pour un homme vrai, passionné pour tout ce qui peut vous être agréable, et ne désirant que d'avoir le bonheur de vous payer d'un juste retour pour toutes les marques d'amitié que vous m'avez données. Je peux, donc, vous dire, avec vérité, qu'il se conduit au mieux, qu'il a fait beaucoup de progrès depuis qu'il est dans ce pays-ci, et même qu'il sert souvent d'exemple aux autres. Je suis sûr qu'il fera honneur à notre université. Ce cher comte est bien reçu, ainsi que son digne compagnon de voyage, partout où ils ont été présentés. Savez-vous où ils sont à présent? Dans la grande ville d'où ils se rendront, avec M. le baron de Strogonov, son oncle, à Reims pour le sacre du Roi. Du jour de leur départ jusqu' à leur retour à Strasbourg, ils seront un mois absents. Le jour de leur départ ils sont venus me voir, et, d'après votre lettre, le Comte m'a promis de vous écrire de Paris. Dès qu'il sera de retour dans notre bonne ville, j'aurai l'honneur, mon Prince, de vous en rendre compte. Il paraît qu'il restera l'hiver prochain dans ce pays-ci, et je crois qu'on ne saurait faire mieux. Il a été, il y a quelques semaines, à Carlsruhe avec M. Meyer, du temps que les jeunes princes de Hesse-Darmstadt, avec lesquels il est fort lié, y étaient, et je sais qu'ils ont été très contents du séjour qu'ils y ont fait.

1333. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 25 mai (5 juin) 1775.

Comme je vous ai promis, mon cher ami, de vous faire un petit détail de la foire que nous avons eue ici, je ne puis y manquer et vais, dès ce moment même, commencer. Je vous dirai donc que Leyde alors m'a étonné; en aucune façon il ne

ressemblait à lui-même; le nombre d'étrangers de distinction, de marchands, de musiciens, de singes, d'animaux, des spectacles en grande quantité, tout cela a fait de Leyde (qui était ville de tranquillité et de recueillement) une [ville] de dissipation et de bruit. Tout cela pourtant n'empêchait point que nous ne fussions à l'ouvrage; même les professeurs nous ont donné collège, et la plupart des maîtres ont été exacts.

Vous connaissez assez que je ne suis point politique ni le cherche à l'être, c'est la franchise, mon frère, oui la franchise que j'augmente en moi. Je déteste ces cœurs faux, rampant devant la personne dont ils médisent en son absence; oui, mon frère, je vous le répète et je vous le dirai toujours que cette politique ne me plaît point du tout, peut-être cela me nuira-t-il si un jour je suis courtisan, mais j'aime mieux être franc et espérer des rangs par ce moyen que de le chercher par celui qu'emploient les courtisans (ne prenez point ceci pour vous, car vous savez que j'ai meilleure idée de vous). Quoique je sois un individu qui aspire à la faveur, cependant je la déteste sous le tableau que me représente un nombre infini de vos camarades; c'est ce qui m'obligera à me distinguer de ces courtisans, c'est-à-dire en suivant votre route; oui, mon cher frère, je ne puis me lasser de vous admirer dans votre conduite d'à présent et dans celle que vous avez menée étant à Leyde.

Pour revenir à ce que je voulais vous dire au sujet de la franchise, je reprends le fil de cette lettre et vous dis que puisque vous connaissez que la franchise est mon principal but, donc, je dois tâcher à y arriver, et vous le verrez clairement par une preuve que je vais vous en donner. Vous me connaissez assez de même que mon cœur, vous savez que l'inconstance règne dans moi au sujet de l'amour, eh bien, à la foire je passe devant les boutiques, je vois une grosse femme qui me crie de toute sa force que je lui achète quelque chose; moi, n'ayant pas de raison d'acheter à une première venue, je passe sans rien répondre faisant semblant de ne point entendre.

Le temps de notre dîner étant venu, je reprends le même chemin et quand je repasse devant cette même boutique, j'y vois une jeune fille jolie comme un cœur. Vous entendez bien que je n'ai point manqué une belle occasion: je m'approche de la boutique, j'adresse la parole à la fille, elle me répond gracieusement; j'achète des gants, c'est elle qui me les choisit à son goût, après je prends congé d'elle et je m'en vais. Voilà déjà mon cœur qui est enchaîné, qui ne pense plus qu'à elle et que j'ai eu toutes les peines du monde à oublier pendant le temps que j'étais aux collèges et que je faisais mes résumés. Quand tout cela était fini, je reprenais la route de la boutique et me postais auprès d'elle, parlant toujours de la pluie et du beau temps, parce que je craignais encore d'ouvrir la conversation sur la situation où était mon cœur. Deux jours entiers tout cela était dans le même train, mais le troisième, en rassemblant mes forces, je lui touche la main, la lui serre, à quoi elle ne me répond point. Dieu, dans quel trouble mon âme fut jetée! Pourtant, je tâchais de ne point montrer ma surprise à cause de la mère qui avait les yeux partout. Le quatrième jour la petite fille n'était point tant rigide, elle me jetait des coups d'œil agréables, me serrait la main, mais lorsque la mère le voyait, elle ne manquait pas de la gronder, non pas ouvertement pour cela, mais par des périphrases, métaphores, énumérations etc., car c'est une sciante commère que la mère. Pour moi, cette petite fille est cent fois plus belle que votre Vermeule que vous nous avez tant vantée, et pour laquelle vous avez tant perdu de moments à ce que vous dites. Le jour de la fin de la foire, ce jour fatal étant venu, elle est obligée de partir pour où elle loge. Je lui fais mes adieux, et je la laisse partir pénétré de douleur. Le jour de ce départ, je fus comme hébété à cause de la fin de la foire, mais cela n'a été que pour le jour même, mais le second, suivant les conseils du sage Pestel, je me repasse tout ce que j'ai fait dans la semaine bon ou mauvais, pour voir si je serai [suis] dans le cas de faire, une seconde fois, une action qui

peut [puisse] me rejeter dans le même inconvénient qu'elle m'a déjà fait. Faisant cette répétition, je vois que je n'ai pas travaillé avec exactitude aux études. Me voilà fâché contre moi-même; j'oppose ma raison à ma passion et, par bonheur, que la première a vaincu la seconde, car, sans cela, je n'aurais rien fait qui vaille, étant à Leyde.

Si, par malheur, la passion aurait [avait] agi sur moi une pareille chose qu'elle l'a faite sur Murrha et sur Médée, je suis sûr que le repentir serait la suite de cette action. Il est très heureux pour moi qu'elle soit partie, sans cela les études auraient pris une tournure tout à fait différente à [de] celle qu'elles ont à cette heure. Je vous demande, mon frère, à présent, si le récit que je vous fais de ma passion arrivée à la foire, n'est pas une marque de ma franchise. Ne craignez rien que cela puisse revenir de temps en temps, car sitôt que j'ai ouvert mon cœur à M. de Moissy, il m'a donné là-dessus tous les conseils qu'il est en droit de me donner et qui, certainement, me retiendront fort de tout ceci. Cela n'est arrivé que par de petites escapades, que j'ai entretenu ce feu follet et qui, à présent, est éteint par bonheur, et qui, j'espère, ne pourra se rallumer pendant mon séjour à Leyde.

Pendant tout le temps de la foire il y a eu six spectacles tous les jours, c'est-à-dire les comédiens français de La Haye, les fantoccini, les ombres chinoises, les sauteurs, les grandes marionnettes et les joueurs de gobelets, outre cela beaucoup de choses curieuses, comme un lion, un homme des bois, le paresseux des bois, un tigre, une sirène etc.: voilà tout ce que nous avons eu à notre foire. La dépense que j'y ai faite, ne s'est point montée à 25 florins. Pour ce qui regarde la foire, je n'ai rien à vous dire; et au sujet de nos études elles ont repris le même train, et tout va au mieux.

Je vous envoie ci-joint, mon cher ami, une galanterie de foire que j'ai faite à Kerroux en imprimant l'épître qu'il vous a faite. Seulement j'ai changé le nom parce que M. Youssoupov porte ici le même que vous avez porté. Il a été très content

de cela. Vous entendez bien que cette épître a été imprim à mes dépens.

1334. Moissy — au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 26 mai (6 juin) 1775.

La kermesse, qu'on appelle plus communément la foire d Leyde, a été un écueil de dissipation dont j'aurais craint l durée pour ces deux messieurs, et ce temps de dissipatio malgré moi, malgré eux-mêmes, et de leur propre aveu, pr nait sur eux. Des maîtres à cachet, peu exacts, ont fait d vides d'études qui ont autorisé cette dissipation. Heureuseme que ce temps, qui n'a duré que dix à douze jours, est pass sans aucun autre accident que quelques heures perdues, quelques paroles jetées au vent à quelques marchandes de chiffons, et quelques soupirs mal entendus de jeune homme sans expérience, comme vous l'avez déjà pu apprendre par la lettr dernière de M. votre frère, où il vous fait une peinture asse naïve de l'histoire de son cœur forain, et où il a fait une sorti contre les courtisans, qui n'était pas trop de mon goût, attend la façon tranchante dont il s'exprime sur leur compte. Me réflexions n'ont pas eu la force de la déterminer à rien effacer de tout ce qu'il vous a détaillé, et c'est son style et so âme toute nue que vous voyez. Je ne sais si vous en sere content, pour moi je désirerais qu'il eût un peu plus de docilit quand je lui donne mes avis sur les brouillons qu'il me montre, heureusement qu'il en a davantage sur toutes les correction que je puis faire entrer dans ses autres ouvrages.

Les résumés qu'il fait d'après les leçons de M. Pestel données verbalement tant sur le droit naturel que sur l'histoire politique, commencent à prendre une forme bien ordonnée, et il rédige ses leçons par écrit de sa propre minerve d'une façon à me satisfaire pour le fond des choses. Il n'y a que la pureté de la langue française qui lui manque, et qui lui manquera encore quelque temps s'il veut continuer de plaider

contre cette langue, quand mes corrections contredisent ce qu'il a écrit et ce qu'il pense. Il fait les progrès qu'il peut faire, eu égard au temps qu'il y a qu'il s'y applique, dans les trois langues qu'il étudie actuellement, savoir: l'allemand, l'italien et le latin. Les mathématiques ne vont pas aussi chaudement que je voudrais; mais ce n'est pas la faute de ces messieurs, mais bien celle de M. Fas qui se donne des vacances trop souvent, ce que, entre nous, je trouve d'autant plus mal qu'il est à l'année, comme vous savez, et non au cachet. Nous avons un M. Kerroux, maître de latin, qui en prend aussi à son aise. Je fais tout ce que je peux pour rallier les troupes quand elles s'écartent, et remplir les vides qui se font quelquefois dans les études réglées avec des études auxiliaires.

Pour M. Pestel et M. Allamand qui forment notre corps d'armée, cela va le mieux du monde; ils se déclarent ouvertement sur le contentement où ils sont de l'application, de l'exactitude et de l'intelligence de ces deux messieurs, et ce qui doit vous faire plaisir, mon cher Prince, c'est que M. votre frère marche à égale hauteur que M. son oncle, et, sans le dépareiller, lui sert d'accolade en tirant avec les mêmes forces à la même voiture.

Nos plaisirs sont toujours très simples, ils se réduisent à quelque temps de promenade convenable autour de la ville; de temps en temps, un dîner chez Mme de Leyde, un souper chez M. Pestel, voilà tout. Quand j'ai à faire à La Haye, ce qui est rare, j'y vais seul, et ces messieurs ne connaissent pas plus les environs de Leyde à deux portées de fusil de la ville, que le premier jour qu'ils y sont arrivés. Je suis, en cela, les intentions de S. E. le comte de Panine, qui a remis, à la seconde année de notre séjour ici, l'essor raisonnable que ces messieurs, avec moi, pourront prendre pour connaître quelques villes principales de la Hollande.

1335. Charles von der Œsten-Sacken—au prince Alexandre Kourakin.

Copenhague, 26 mai (6 juin) 1775.

Voici déjà, mon cher Prince, la troisième lettre que je vous écris, sans [en] avoir une seule de vous. Mon intention est de vous écrire aussi souvent qu'il me le sera possible, sans attendre toujours vos réponses. Si vous pensiez de même, j'aurais plus souvent de vos nouvelles, et ce serait me faire un grand plaisir. Je connais trop mon pays pour croire que je serai avec qui que ce soit dans une correspondance suivie, excepté avec vous. Vous aimez à écrire, vous écrivez bien et vous aviez de l'amitié pour moi, à moins que votre cœur ne soit corrompu depuis mon départ. Non, je ne le crois pas ni ne veux le croire. Mon ami le prince Kourakin, ferme dans ses sentiments vis-à-vis de ses amis, s'empressera toujours de les en convaincre plutôt par des faits que par des paroles. Dites-moi bientôt, mon cher Prince, tout ce qui vous regarde, donnez-moi ensuite les nouvelles de votre digne famille. Présentez mes très humbles respects à S. E. Mgr votre oncle. Je ne puis pas m'accoutumer ni ne m'accoutumerai jamais d'être éloigné de sa personne que je révère comme mon bienfaiteur et de qui j'ai goûté les bontés pendant vingt ans. Ne me laissez pas ignorer, je vous prie, ses intentions sur la continuation de ses services si nécessaires à l'Etat. Je crois que S. E., son frère, ce grand homme, se consolera de la perte qu'il vient de faire. Rentrera-t-il dans le service? S'il se souvient de moi, dites-lui que je suis l'admirateur sincère de ses grandes qualités.

Comment se porte Mme Talisine? Présentez-lui mes respects. Sa belle âme, bienfaisante, généreuse et constante dans l'amitié, ne sortira jamais de ma mémoire. Que fait le comte Pierre Rasoumovski et sa charmante épouse? Faites mes compliments à M. Talisine, au prince Gabriel Gagarine, Zagriajski, Samarine etc. Vous connaissiez à peu près les

personnes à qui je fais cas, surtout les femmes. Dites-leur de ma part tout ce que votre éloquence vous suggère.

Comment faire pour être instruit des choses intéressantes qui se passent chez vous. Vous savez tout, mon cher Prince, et vous pourriez m'en donner les meilleures et les plus sûres nouvelles. Parlez-m'en à demi-mot et je vous comprendrai. Éloigné et ignorant tout, ce serait me rendre un service essentiel: personne n'en est plus capable que vous.

En arrivant ici, la Cour et la noblesse étaient encore en ville, de façon que j'ai passé bien agréablement les premiers quinze jours; mais actuellement la ville est un désert et MM. mes collègues ne sont guère sociables, du moins pendant l'été. Je m'en accommode pour cette fois, ayant beaucoup à faire avec l'arrangement de ma maison. Elle appartient au vice-amiral Kaas dans l'Amalien-Straas; M. Rondel, ministre de Portugal, y a logé autrefois. Je ne sais si vous la connaissez, mais elle est bien jolie quoique petite, à juger par celles que les autres ministres occupent. L'on ne peut plus trouver des maisons à 600 écus, et je suis obligé d'en payer 1000. Le bel-étage est meublé de damas, de glaces, consoles, etc., le tout très bien arrangé. Il me faut acheter les meubles pour le premier étage, où je logerai, et pour le troisième destiné pour mes gens. Vous savez que les dîners ne sont guère de mode, mais que l'on aime beaucoup les soupers qui sont de trente à cinquante couverts. Je ne puis [en] avoir que trente dans ma maison, ainsi il faut donner d'autant plus souvent des soupers, et le moins que je pourrai faire c'est d'en donner trois ou quatre par mois. Ce n'est assurément pas par ostentation ou par légèreté que je m'embarquerai dans cette galère, mais c'est par une mûre réflexion et par une nécessité absolue. Je n'en dirai rien pourvu que mes gages me suffisent. Mais comptez l'arrangement et tout ce qu'il faut dans une maison pour pouvoir donner des soupers de trente couverts, tandis que je n'avais compté en donner que pour dix-huit.

1336. Emmanuel Repey—au prince Alexandre Kourakin.

St-Pétersbourg, 28 mai 1775.

J'ai été, mon Prince, à votre maison de campagne, mardi 26. Tout y est en bon ordre, je me suis fait ouvrir les appartements pour voir s'il n'y avait rien d'endommagé. Tout ce que le jardinier m'a dit, c'est de savoir ce que vous voulez que l'on fasse du foin; je lui ai dit que je vous écrirai en conséquence. Nous avons visité avec Zabaldaïev les greniers de la ville. Tout le côté où loge le tailleur et celui du canal, sont endommagés; il y a beaucoup d'ouvertures à la couverture [toiture] de la maison. Il faudrait, mon Prince, avant que les pluies ne viennent, faire les réparations nécessaires pour éviter que les planchers ne se pourrissent des eaux qui pourraient s'écouler. J'attends vos ordres pour les dites réparations.

A l'égard de mon pensionnaire, je vous prie d'être tranquille, d'être très persuadé qu'il ne s'allumera pas; c'est un jeune homme de 55 ans, dont les feux sont aux trois quarts éteints, à moins que la nature n'opère un miracle chez lui.

Il n'y a rien de nouveau dans notre ville, sinon les discours populaires qui disent que Sa Majesté ne reviendra que du mois de mai à [en] un an. Je souhaite que leur prophétie ne soit pas vraie; les peuples sont comme les astrologues, ils ne disent pas souvent la vérité.

1337. Княгиня Наталія Александровна Репнина—князю Александру Куракину.

1775 г. мая 28. Кіевъ.

Здравствуй и прощай, мой другъ князь Александръ Борисовичъ. Завтре, позавтракавши, ѣдемъ въ свой дальній путь. Желаю вамъ всякаго благополучія; не забывайте и насъ. Сегодни отправился Гагаринъ съ супругой и съ тещей въ Москву чрезъ вотчину сей послѣдней, и къ вамъ не прежде явятся, какъ къ Петрову дню, а, можетъ быть, и позже. Я любопытна знать, какъ вы найдете его княгиню; сколько я могла примѣтить, то достоинства ея весьма закрыты.

1338. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 28 mai (8 juin) 1775.

A propos, il faut que je vous dise quelque chose touchant notre foire. Vous savez déjà par les lettres de votre frère, que nous vîmes beaucoup de jolies marchandes, qui nous tentèrent beaucoup, cependant la philosophie l'a toujours emporté.

Entre autres amusements, les comédiens de La Haye vinrent jouer ici et après 4 ou 5 représentations plièrent bagage, car ils ne trouvèrent point leur compte et l'on y venait très peu.

Ils donnèrent cependant d'assez jolies pièces, surtout un opéra intitulé *La bataille d'Ivry* qui, dans peu, je crois, paraîtra en Russie; la musique en est très belle, surtout l'exécution de la bataille, qui se fait derrière le théâtre, fait un très bel effet.

Le rôle de Henri IV est aussi très beau. Mais cessons d'en parler, cela me ferait venir le désir de revoir ce spectacle, et pour un étudiant de Leyde cela serait hors de saison. C'est pourquoi, je ne continue point ma description et vais vous dire adieu, car je n'ai point le temps de vous en dire plus.

1339. Le prince Nicolas Repnine—au prince Alexandre Kourakin.

Vassilkov, 29 mai 1775.

C'est avec une satisfaction sincère que j'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 9 de ce mois. Je vous suis obligé pour toutes les nouvelles que vous m'y donnez, et suis sensible comme on ne peut davantage à toute l'amitié que vous m'y témoignez. Vous avez raison d'en avoir pour moi, car en vérité personne ne vous aime plus que je le fais. Je vois en vous vos parents qui étaient mes tendres et mes intimes amis.

Tout ce que vous me dites sur le souvenir de Monseigneur me flatte comme on ne peut plus; qu'il soit heureux, que la Russie et les honnêtes gens le soient aussi, c'est tout ce que je désire; je ne veux rien pour moi, je n'ai plus de frère, ni de fils, et ce que j'ai suffira pour mes filles et moi. Le bien de mon pays, le désir de mériter à juste titre le nom de bon patriote est tout ce qui me guide. Remplissez-vous du même esprit, mon ami. Il n'y a point de récompense qui puisse s'égaler à la satisfaction intérieure du cœur, et on l'a quand

on veut et qu'on fait le bien autant qu'il est en nous. Ne désirez les grandeurs, ni aucun grade si ce n'est dans la même intention et après vous être consulté avec vous-même, si vous êtes en état, par vos connaissances, de les remplir avec honneur, c'est votre cœur qui doit vous servir de boussole. Personne ne nous connaît autant que nous nous connaissons nous-mêmes. J'ai honte, en vérité, en y pensant, de vivre dans le siècle où nous sommes, je ne vois partout que rapines et négligence de devoirs; on ne connaît presque plus ce que c'est que le réellement honnête et le vraiment beau, mais en voilà assez; mon âge me rend trop moraliseur.

Je suis charmé que votre frère soit placé dans le régiment de Monseigneur, mais prenez garde qu'il s'en rende digne et mérite la grâce qu'il a reçue.

1340. Иванъ Страховъ—князю Александру Куракину.

1775 г. іюня 1. Москва.

Новаго ничего нѣтъ кромѣ того, о чемъ я надѣюсь, что ваше сіятельство знать уже изволите, какъ-то, напримѣръ, о переименованіи г. барона Стакельберга изъ министровъ въ послы и о пожалованіи ему ордена Св. Александра Невскаго. О кончинѣ удаленной датской королевы Матильды неизвѣстно еще того, надѣнутъ ли по ней трауръ, и отъ датскаго ли или лондонскаго двора будетъ нотификація о смерти ея. О воспослѣдовавшихъ въ Версаліи и Парижѣ народныхъ возмущеніяхъ,—онъ доходилъ до того, что разбивалъ среди дня амбары и домы хлѣбниковъ, грозя тѣмъ и впредь, если цѣна на хлѣбъ сбавлена не будетъ; онъ доходилъ и до такой крайности, что прибитыя на улицахъ деклараціи королевскія заметывалъ грязью и, вырывая у носящихъ оныя по улицамъ, рвалъ ихъ въ мелкіе куски и бросалъ имъ въ лицо. Всѣ сіи непорядки приписываются нерачительному наблюденію отъ полиціи порядка, за что и потерялъ мѣсто свое полицмейстеръ Lenoir.

Говорятъ также, что и генералъ-контролеръ Тюрго споспѣшествовалъ много къ сему новой своей системой въ финансахъ. Теперь наведено множество изъ разныхъ мѣстъ въ Парижъ и въ Версалію войска, по случаю чего и показалась новая брошюра подъ титуломъ „L'avis aux militaires“, въ которой доказывается, въ какихъ случаяхъ и до какого степени войски должны повиноваться своему государю. Обѣщаютъ къ намъ прислать ее, и если сіе исполнятъ, то вы, милостивый государь мой, будете, конечно, имѣть удовольствіе ее видѣть. Король прусскій сдѣлалъ въ своей арміи великое произвожденіе по случаю смотра разныхъ полковъ, экзерциціею коихъ былъ онъ, сколько извѣстно, весьма доволенъ. Пріѣхала сюды воложская принцесса Гика, супруга дяди нынѣшняго молдавскаго господаря, съ шестерыми дѣтьми, съ тѣмъ, чтобъ упасть къ стопамъ монаршимъ и просить о принятіи ея со всею фамиліею въ протекцію такъ, какъ гонимую безвинно въ своемъ отечествѣ. Третьяго дни пріѣхалъ сюды отъ его величества короля шведскаго любимецъ его оберъ-стальмейстеръ графъ Левенгоуптъ съ извѣщеніемъ о приближеніи его къ нашимъ границамъ. Сей графъ имѣетъ теперь чинъ генералъ-поручика и три ордена: Серафимскій, Звѣзды и Ваза. Онъ, будучи любимъ своимъ государемъ и участвуя много въ послѣдней революціи, произведенъ въ два года времени изъ поручиковъ въ теперешній чинъ. Я имѣлъ честь вчерась съ нимъ обѣдать у его сіятельства графа Никиты Ивановича и слышать, съ коликимъ восторгомъ говоритъ онъ о своемъ государѣ. Между прочими славными его дѣлами поставляетъ онъ и то, что сей молодой монархъ намѣренъ былъ, несмотря на дурноту погоды, сдѣлать всю сію предпринятую имъ фризскую поѣздку верхомъ.

1341. Etienne Apraxine—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 6 (17) juin 1775.

Dois-je vous parler de mes plaisirs? Je n'en ai d'autres que ceux que je puise dans mes livres ou dans le ressouve-

nir de ma patrie. Tantôt, c'est dans le sein de notre bienfaiteur commun que mon cœur croit s'épancher, tantôt c'est dans celui de mes parents, qui, tous les jours, me donnent de nouvelles preuves de leur tendresse, tantôt, c'est dans le vôtre, qui m'est aussi d'un très grand prix, tantôt, enfin, c'est dans le ressouvenir de mes anciennes amours, que je me promène. Après m'être récréé de cette façon, je retourne à mes livres, et voilà à peu près ce à quoi je passe mon temps.

Quant aux maisons que je pourrais fréquenter ici, je ne vais uniquement que chez M. Pestel, qui demeure à côté de nous, et cela, lorsque Madame son épouse nous invite à ses soupers très longs, qui m'ennuient furieusement, puisque, sans dire beaucoup de choses, nous restons depuis 9 jusqu'à 11 heures et 12 heures. Mmes Changuion et Leyde nous ont eu deux fois à dîner. Je vous dirai que chez la première l'on n'est point aussi gêné, son mari est un aimable homme. Quant à la seconde, c'est aussi une femme très estimable, mais sa maison ne m'a point semblé trop gaie; vous savez d'ailleurs, que je ne suis point ami des cérémonies, et qu'elles m'ont toujours fort impatienté.

Par tout ce que j'ai pu apercevoir dans votre lettre, je remarque que vous êtes très bien en Cour, qu'y faites-vous donc depuis tant de temps, sans vous décider au sort qui, à tous égards, doit vous appartenir? Vous languissez depuis près de trois années en Esthonie, tandis que rien ne vous ferait si bien que d'être député ministre à quelque Cour. Vous êtes d'âge, et, sans vous flatter, vous avez tout le mérite nécessaire pour occuper dignement une place que tant d'autres de nos chers et bons compatriotes n'ornent point du tout. Je sauterais de joie, si, pendant mon séjour à Leyde, j'apprenais que vous êtes justement ce que je désire que vous soyez. J'allais dire, que je ne vous conçois pas dans une conduite si peu active lorsque vous en avez les moyens, mais je me rétracte et je me ressouviens, soit dit sans vous fâcher, que c'est justement par cette inactivité que l'on doit vous recon-

naître. Je vois qu'il en sera de cela comme de cette C... dont vous étiez presque possesseur et que vous avez eu la maladresse de manquer par je ne sais quel scrupule ou quelle étourderie. Au reste, si vous croyez et que vous désirez [désiriez] voir en moi un Alcide (quoique petit à la vérité) endosser la cuirasse de Mars, je ne la porterai qu'avec gloire que quand je serai l'exécuteur de vos projets. Que vos conseils dirigent un jour la Russie et ne démentent point les préceptes, les qualités que vous avez, et les exemples de vos parents que vous avez devant les yeux. Pour moi, comme vous voyez, mes vues ne sont point si grandes, et vous savez, qu'il est bien plus aisé d'être un bon général qu'un grand ministre. Je travaille ici pour les deux, mais je sais pourtant que je ne me dirigerai que selon mes premières dispositions, qui vous sont assez connues.

Vous ne me dites jamais un mot de Nélédinski. Je m'étais tellement attaché à lui avant mon départ en admirant son bon cœur et son esprit, mais en plaignant en même temps ses égarements, que je ne puis y penser, sans un plaisir mêlé de regrets et de douleur, de le voir dans un état si malheureux, par les excès auxquels il s'est porté et qui certainement ont peut-être contribué à flétrir sa réputation. C'est toujours un bien bon garçon, sincère ami de ses amis.

1342. J. H. F. Oldecop—au prince Alexandre Kourakin.

Amsterdam, 9 (20) juin 1775.

Continuëz, mon Prince, que j'ose regarder comme mon respectable ami, de me favoriser de vos grâces, bienveillance et appui; vous avez le cœur noble et humain, et je sais votre affection pour moi, en revanche que je vous ai voué un attachement sincère et reconnaissant; il s'agit d'avoir la continuation de la très puissante protection de mon digne chef et votre très illustre oncle, moyennant de quelle haute grâce j'espère de voir

enfin une fois mon état sur un pied stable et durable. J'ai la grâce d'être avancé de translateur qui a 400 roubles d'appointements, à 50 sous, faisant 1000 f., au rang de conseiller honoraire qui donne 600 roubles, mais malheureusement, suivant le change, ainsi que ces 600 roubles ne portent que 1200 f., dont pour l'année passée on m'a encore défalqué 50 roubles pour les frais. Il me faut donc faire de nouveaux efforts auprès de mon très illustre chef sous l'appui de mes bienfaiteurs et gracieux amis pour être conseiller d'ambassade qui donne 1200 roubles, et, une fois réussi, je bénirai mon destin et je serai content; en attendant, le respect profond voué à votre illustre oncle me fait taire, n'osant l'approcher avec ma supplique ni l'ennuyer et l'importuner de mes sollicitations.

J'ai femme et trois enfants qui me coûtent bien cher, aussi le peu que j'ai hérité de mon défunt père, est passé ou perdu dans les banqueroutes des années 1763 et 1772 et 1773. Tout donc dépend de la protection et de la gracieuse bienveillance de mon digne et très illustre chef, et je me flatte une heureuse réussite, si une fois Son Excellence daigne considérer que mon grand'oncle, l'agent van der Burg, a résidé nombre d'années ici après la mort du résident Brands, que mon père, après la mort de son oncle van der Burg, a résidé ici depuis 1736 jusqu'au 30 septembre 1752, et que, depuis le 30 septembre 1752 jusqu'ici, c'est moi qui ai eu la haute grâce d'être chargé des affaires de la Cour impériale, étant près de vingt-trois ans que j'ai eu soin des affaires moi-même, tout cela pris ensemble, ne puis-je aspirer, mon Prince, au grade de conseiller d'ambassade? dites oui, et tâchez de vérifier cet aveu par une prompte réussite.

1343. Moissy—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 11 (22) juin 1775.

Notre machine va toujours assez bien à tous égards. M. votre frère paraît travailler de très bon cœur et j'ai tout lieu d'espérer, qu'avec le temps, il viendra à bout d'apprendre tout ce qu'il a

entrepris. Il a renvoyé son maître d'écriture, comme devenu inutile; les heures de ce maître sont remplies, en partie, par le maître d'armes, et, en partie, par d'autres objets d'étude. Je m'attacherai pendant les grandes vacances à ce que ces messieurs ne perdent pas leur temps, en multipliant les leçons des maîtres que l'on pourra avoir à la place de ceux qui vont nous manquer. Je redoublerai aussi, auprès de M. votre frère pendant ce temps, mes instructions sur la mythologie et sur la pureté de la langue française qu'il a encore grand besoin de connaître et de pratiquer dans tout ce qu'il a à écrire.

Je vous avertis, mon cher Prince, de ne faire aucun état [cas] des lettres de recommandation que nous avons données, ici, à un certain M. le chevalier de Portalés qui s'est dit aller voyager en Russie. Comme bon patriote, j'ai voulu l'obliger en lui donnant ces lettres, mais j'ai appris, depuis, qu'il n'est pas tel qu'il devrait être, c'est-à-dire digne par sa conduite que l'on s'intéresse à lui autant que j'ai cru qu'il le méritait.

1344. Духовное завѣщаніе кормилицы князя Александра Куракина Матрены Прокофьевой и расходъ на ея погребеніе.

1775 г. іюня 14. Москва.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Се азъ, раба Божія Матрона Прокопіева, въ цѣломъ своемъ умѣ и разумѣ, завѣщаю предъ отцомъ своимъ духовнымъ, іереомъ Михаиломъ Григоріевымъ. Если Господь Богъ преселитъ меня отъ жизни сея, то благословляю изъ моего экипажу: внучетомъ моимъ: Николаю—образъ Николая Чудотворца, риза и вѣнецъ кованая серебряная; Ивану—образъ Александра Свирскаго, риза и вѣнецъ кованая серебряная; образъ Владимірскія Богородицы въ окладѣ. Имъ же, внучетомъ, благословляю образъ Рождества Богородицы въ окладѣ. Дѣвкѣ Матронѣ—образъ въ жестяномъ кивотѣ, племянницѣ Марьѣ Васильевой—образъ безъ окладу, племянницѣ, Марьиной сестрѣ, отложить три чарки серебряныя, ложка серебряная-жъ. Изъ платья: племянницѣ Вѣрѣ—кофейная пара юстриновая, ей же рубахъ полдюжины; Марьѣ Васильевой—полшлафоракъ атласный стеганый, юбка той же матеріи; дѣвкѣ Матронѣ—кофта тафтяная темновишневая, юбка атласная рудожелтая. Три перстня и три кольца золотыхъ внучетомъ, двѣ табакерки—имъ же. Бывшему отцу моему духовному десять рублей, нынѣшнему то-жъ. Жемчугу два золотника съ половиною середняго продать и раздать на милостыню нищимъ. Денегъ осталось сто рублей.

Платья холодныхъ пять паръ, цвѣта чернаго, два солопа теплыхъ, шуба съ перехватомъ теплая, шубейка коротенькая, мантилья маленькая, салфетокъ дюжина, рубахъ двѣ дюжины (одна дюжина по приказу раздана), три скатерти ветхихъ, девять тарелокъ оловянныхъ, два чайника мѣдныхъ, двѣ кастрюльки, малый кофейникъ.

Сіе завѣщательное мое письмо писалъ по приказанію дочери своей духовной іерей Михаилъ Григоріевъ. Мая 20 числа 1775 г.

РАСХОДЪ.

Купленъ гробъ дубовый, дано 1 р. 25 к., молитва и вѣнчикъ 60 к., свѣчъ бѣлыхъ и простыхъ 2 р. 64 к., ладону 1 ф. 40 к., пшена, изюму на кутью 17 к., сахару для кутьи и подчивали гостей чаемъ 1 р. 75 к., гвоздей гробъ обивать 2 к., бѣлаго вина 1 р. 20 к., водки сладкой штофъ 1 р. 9 к., французской водки штофъ 1 р. 2 к., вина простого 1 р., для братіи вина штофъ 40 к., деньгами роздано нищимъ 35 к., извозчику дано 13 к., мяса свѣжаго 1 р. 20 к., курица живая 20 к., муки крупичатой 1 р., яицъ свѣжихъ 50 к., луку 5 к., молока 10 к., муки овсяной на кисель 10 к., сметаны 10 к., соли 10 к., блиновъ для стола 20 к., калачей 20 к., за могилу дано 60 к., солдатамъ дано 20 к., провожатому солдату дано 15 к., десятскому дано 5 к., дворнику Ѳомѣ дано (ходилъ за билетомъ) 15 к., извозчикамъ (тѣло возили и прочихъ, кто провожалъ) дано 1 р. 20 к., за погребеніе священникамъ съ причетники 9 р. 25 к., на сорокоустіе для поминовенія на четыре церкви по 2 р., того 8 р., за псалтирь въ шесть недѣль 4 р., за панихиды въ шесть недѣль 4 р., всего 43 р. 37 к.

[Далѣе рукою князя Александра Куракина]. По сему послѣднему завѣщанію мамы нашей общей привести все въ точное исполненіе, какъ она, покойная, пожелала. Притомъ же, какъ издержки на ея похороны изъ собственныхъ оставшихъ ея денегъ были употреблены, то возвратить оныя Ивану Соловьеву ея двумъ внучетамъ изъ казенной нашей суммы, и вписать въ расходъ сдѣланнымъ по моему приказанію для послѣдняго воздаянія за службу покойной. Князь Александръ Куракинъ. Сего 14 іюня 1775 г. Москва.

1345. Emmanuel Repey—au prince Alexandre Kourakin.

St-Pétersbourg, 15 juin 1775.

Quant aux maisons de campagne, je souhaite, mon Prince, que nous trouvassions des amateurs; jusqu'à présent il ne s'est présenté personne. J'ai parlé à plusieurs personnes qui me répondent que la saison est trop inconstante; pour le présent, ce ne sont que pluies et orages. Au moment même que j'écris ma lettre, il en fait un si considérable que l'eau du canal. est montée à près d'un pied du pavé; cela n'encourage pas les personnes qui auraient bonne envie d'aller passer quelques mois à la campagne.

Pour ce qui est du foin, Zabaldaïev m'avait dit que M. de Zibine l'avait fait faucher une année; je l'envoie chez lui; il avait donné sa parole, mais il l'a retirée en disant que cela lui reviendrait plus cher que celui que l'on achète au marché. Il faut faire en sorte de ne pas trouver un Normand qui manque à sa parole, je ferai tout mon possible pour trouver quelqu'un.

La Cour, mon Prince, n'a pas consulté vos intérêts dans ce moment; elle a enlevé tout le monde,—j'appelle une partie des gens à équipage,—pour nous laisser deux maisons de campagne et une récolte de foin à faire qui nous serait d'un grand secours si nous pouvions les louer, afin d'employer cet argent aux faux frais qu'il y a toujours à faire dans une maison.

J'ai mis mon pensionnaire dans les appartements du tailleur afin qu'ils soient entretenus et [qu'il soit] obligé à faire laver les planchers, une fois par semaine, afin de maintenir la propreté. C'est un homme seul qui est graveur en taille-douce; c'est lui qui a gravé le portrait de Sa Majesté et Mgr le Grand-Duc: il se nomme Radigués. Les autres logements sont occupés par les soldats comme je vous l'ai marqué, mon Prince, par mes précédentes. J'ai surtout bien recommandé le feu à ces bas officiers d'ordonnance, et la propreté.

Je vous envoie, mon Prince, mon mémoire ci-joint. De toutes les avances que j'ai faites, je vous supplie d'y avoir égard, et aux deux perruques que j'ai faites pour M. votre frère, le tout réuni ensemble me ferait, dans la circonstance présente, un bien infini.

1346. Le prince Alexis Kourakin—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 16 (27) juin 1775.

Mille remerciements, pour la lettre de change de 300 roubles que vous m'avez envoyée. C'est une nouvelle marque de votre amitié que je sens beaucoup. Soyez persuadé que cette lettre de change ne sera jamais employée à autre chose qu'au sujet pour lequel je vous l'ai demandée, et à mesure que j'achèterai des livres je vous en enverrai un catalogue pour savoir votre sentiment duquel je n'ai que trop besoin.

Les remerciements que je dois faire au comte Pierre pour sa bonté à mon égard seront dans une lettre que j'aurai l'honneur de lui écrire moi-même par la prochaine poste au même que nous écrirons au comte Никита Ивановичъ. Notre contentement est au-dessus de toutes expressions pour ce que le Comte et vous êtes contents de notre arrangement, moi surtout de ce que vous pouvez vous apercevoir de mes progrès; cela me donne une très bonne espérance pour l'avenir. Toutes nos études vont du même train, et vous devez en avoir quelques notions par les lettres que M. Pestel vous a écrites de même qu'au Comte et par celles que M. de Moissy envoie deux fois par mois, une au Comte et l'autre à Mme de Talisine.

Mes compliments à tous ceux qui veulent connaître ma santé, et je vous prierai en grâce de me marquer dans une de vos lettres si les nouveaux mariés M. de Spiridov et M. de Siniavine portent des cornes ou non.

1347. Le baron Le Fort—au prince Kourakin.

Strasbourg, 20 juin (1er juillet) 1775.

J'ai eu l'honneur par ma précédente du 1er juin de vous promettre, mon Prince, de vous donner des nouvelles de M. le comte de Skavronski dès qu'il serait de retour dans notre bonne ville: aujourd'hui j'ai celui de vous informer que ce cher Comte est de retour dans notre capitale, ainsi que son compagnon de voyage, et qu'ils jouissent tous les deux d'une santé parfaite, fort contents de leur premier et second voyage de Paris, ainsi que de celui de Reims, car il faut vous dire, Monsieur, que n'ayant été que très peu de jours dans la grande ville avant le sacre du Roi, l'occasion de M. de Stroganov et autres seigneurs de nos compatriotes, il n'a pas fallu beaucoup d'instance pour faire ce voyage une seconde fois; en effet, ils ont très bien fait, après une bonne année d'études bien suivies. Il est juste, à son âge, d'avoir à s'instruire dans le livre de la pluralité des Mondes. Je lui ai demandé s'il vous avait écrit de Paris comme il me l'avait promis; comme cela ne s'est pas fait, il aura cet honneur-là dans la huitaine.

Mme la princesse Louise, qui a passé peu de jours à Strasbourg, est venue voir Mme Le Fort à la campagne et nous a tous surpris bien agréablement le 10 juin. J'ai pris la liberté de faire à Son Altesse bien des questions sur la précieuse santé de Mme la Grande-Duchesse; et Mme la princesse Louise m'a assuré qu'elle allait beaucoup mieux. Dieu le veuille, et que j'en apprenne bientôt des nouvelles par elle-même! Voici une lettre, mon Prince, que je vous supplie de remettre à Son Altesse Impériale en l'assurant de l'hommage de mon très profond respect.

Comme Mme la Grande-Duchesse espérait de recevoir une réponse aussi favorable que je pouvais la désirer de Sa Majesté Impériale, je souhaite de toutes les puissances de mon âme de pouvoir bientôt annoncer à ma femme quelque agréable nouvelle qui répande la joie dans ma maison, et, pour ainsi dire, dans tout ce pays-ci et même au delà des Alpes, où il y a bien des personnes qui s'en réjouiront.

1348. Le prince Nicolas Youssoupov—au prince Alexandre Kourakin.

Leyde, 29 juin (10 juillet) 1775.

Les MM. de Roumiantsev vont nous quitter pour aller en Italie, et moi, j'ai pris le parti de rester ici jusqu'au mois de mars prochain. J'ai fini, il y a 15 jours, un collège [cours] de droit, de philosophie, d'histoire politique et d'histoire naturelle. Je suis, on ne peut davantage, content de M. de Pestel et [de] M. Allamand. M. Pestel continue, deux fois par semaine, de me répéter le collège [cours] de droit. L'étude a des charmes comme une maîtresse, avec la différence que la possession d'une maîtresse vous la fait connaître tout de suite, et l'étude vous donne toujours des [de] nouveaux désirs, et est une perspective où on ne peut jamais arriver; peut-être la comparaison cloche, vous devez en juger mieux que moi. Les livres ont rendu mon sang-froid. Je vous envie en honneur. Ce que je n'aurais pas assuré à personne en partant, que je n'ai pas touché une femme depuis que je suis parti du pays; voyez le grand effort? Nous ne voyons point de femmes que Mme de Leyde et Mme Pestel; chez la première j'ai été avec vos parents deux fois, et elles n'irritent point la concupiscence toutes les deux.

Pour revenir à moi, je reste ici pour prendre des collèges [leçons] de Runckenius et de Valkenen qui ont la bonté de se prêter à ma bonne volonté. Pendant mes heures libres, j'ai étudié le grec et le latin, et je me suis mis en

état de les entendre. Vous penserez que c'est une [de la] pédanterie, non, Monsieur, moi jamais je ne l'ai moins été, et plus on sait et plus on voit qu'on est ignorant. Je prends ces collèges [leçons] pour me rendre plus familières ces langues; que si je quittais à présent, je serais sûr de les oublier pendant mes voyages; le mois de mars et [est] le non plus ultra de mes études. Je continue la chimie chez M. Brandt, docteur et accoucheur de la ville, que M. Gaubius m'a recommandé; j'y vais avec les comtes Roumiantsev. L'hiver, je fréquenterai les collèges [cours] d'anatomie de Santifort.

J'ai eu l'honneur d'écrire à M. le comte, votre oncle; demandez-lui s'il approuve mon plan que j'ai pris la liberté de lui détailler.

Adieu, mon cher ami, portez-vous bien, amusez-vous; je voudrais, à mon retour, vous voir marié, des enfants qui vous appelleront papa, et qui ne mentiront pas.

Dites-moi, là, à l'oreille, qui sont celles sur qui vous jetez les yeux... ou le mouchoir: allons, de la confiance et je serai discret.

1349. Charles von der Œsten-Sacken—au prince Alexandre Kourakin.

Copenhague, 30 juin (11 juillet) 1775.

Ma maison est très jolie, mais trop petite, quoique je la paye aussi cher que celles des ministres de Naples et de Suède qui ont des palais en comparaison de la mienne. Le loyer des maisons est singulièrement enchéri. Le comte Cobentzel a pris celle de son prédécesseur au bout de la rue d'Amalienbourg et paye aussi 1000 écus. Tout est d'une cherté infinie. Les meubles qu'on trouve ici sont mauvais, mais ne laissent que de coûter beaucoup d'argent. Ceux que je suis obligé d'acheter pour mon usage me coûtent au delà de 2500 écus, et pour cela je n'ai rien que [qui] vaille. Mes arrangements économiques ne finiront pas sitôt. Vous savez que je n'avais rien et qu'il me faut tout acheter. Vous savez par expérience

ce qu'il faut pour avoir une maison montée. La première année me coûte furieusement, j'ai acheté une paire de chevaux entiers cap de more pour 250 écus. J'ai un cuisinier, un maître d'hôtel, deux valets de chambre, trois domestiques, un coureur, un portier, un cocher, un Hausknecht, une lingère et deux servantes, en tout quatorze personnes. Lorsque vous êtes invité quelque part, votre domestique ne peut pas vous servir à table comme chez vous, et cela fait qu'on est obligé d'avoir beaucoup de monde dans sa maison, et je n'en ai pas assez, comme vous le voyez.

M. de Liano s'est arrêté ici deux semaines; son séjour ici nous a procuré des dîners et des soupers, et il y a huit jours que je n'ai pas dîné à la maison. Mais c'est aussi fini avec son départ. Nous dînons tous les quinze jours chez le comte Bernstorf. Il donne à la vérité un dîner tous les lundis, mais il nous a partagés, comme feu son oncle a fait. Votre S[aldern] demeure à Altona et se promène souvent avec son cordon blanc sur un cheval blanc. Il vient de temps à [en] temps à Hambourg et mène d'ailleurs une vie tranquille. Je ne l'ai pas vu pendant mon séjour à Hambourg. L'autre veut toujours encore faire accroire qu'il est en correspondance et en crédit auprès de notre souveraine, et le malheur veut que plusieurs personnes en sont [soient] la dupe. Il est allé à Carlsbad, ayant toujours un grand train, vivant grandement. Son procès fameux avec cette femme à qui il avait promis le mariage étant sur le point d'être jugé, il a pris le parti de s'accommoder avec elle, moyennant une pension annuelle de 1200 écus qu'il lui donne, elle se désiste de sa prétention et lui rend sa promesse de mariage. Cette femme demeure à Hambourg. Voilà tout ce que je sais. Vous trouverez peut-être plus de lui dans les relations de Mesmacher.

Je vois par la description que vous faites du Danemark que vous connaissez très bien ce pays, oui, mon ami, vous avez raison en tout et, par conséquent, je ne vous en dirai rien de plus. Il faut voir l'hiver prochain, peut-être, trouvera-t-on

parmi les femmes de quoi se dédommager de la société d hommes. Nous aurons encore deux dames du corps diploma que. La comtesse Cobentzel et son mari sont des personn très aimables. Je soupe quelquefois chez eux en petite co pagnie, et c'est jusqu'ici ma meilleure récréation. Quelle diff rence entre notre pays et celui-ci!

1350. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину.

1775 г. іюля 3. Лейденъ.

Этому теперь двѣ недѣли, какъ у насъ ваканціи, и горо Лейденъ еще лучше сталъ, потому что ни одного штуден нѣтъ, и по этому резону еще меньше шуму. Не думайте, л безный братецъ, чтобы въ эти ваканціи мы много праздна времени имѣли,—напротивъ того, потому что всѣ наши масте прибавили намъ часовъ, также и г. Пестель, который на до сихъ поръ очень любитъ.

1351. La princesse Alexandre Repnine—au prince Alexandre Kourakin.

Khotine, 4 juillet 1775.

Enfin j'ai eu le plaisir, mon cher cousin, de recevoir u lettre de vous, et quoique occupée de différents nouveaux obje je ne veux point différer ma réponse. Vous me demandez vous faire le portrait de mes nouvelles connaissances, il f commencer par celles de Kiev. La princesse Gagarine que voyais souvent m'a paru fort aimable, elle m'a comblée politesses, je ne vous en dis pas davantage, parce que vo êtes à portée d'en juger vous-même, car elle est sûrement Moscou. Quant aux dames polonaises, j'ai trop peu vécu av elles pour pouvoir les connaître, quoiqu'elles aient beauco contribué à nous faire passer le temps agréablement. Penda que nous campions vis-à-vis de Khotine, il en est venu plusieu passer les fêtes avec nous et voir la cérémonie de l'échange. suis on ne peut plus fâchée que vous n'ayez pas été à port d'y assister. Nous étions toutes placées sur la montagne qui bor le Dniester et qui est fort escarpée, de façon que nous pûm

voir les deux marches, celles des Turcs aussi bien que la nôtre. Dans le camp de mon cher père le monde s'est rassemblé vers les 10 heures, et vers midi l'on s'est mis en chemin. La marche était ouverte par 500 fantassins, puis venait la suite du général Igelstrœm, après elle, celle du général Voïeïcov, mon cher père venait ensuite, précédé de 60 grenadiers, de 30 hussards et de toute sa maison; la marche était fermée par 30 cuirassiers, et l'on arriva au bord de la rivière vers les deux heures. L'on y avait préparé une collation. Pendant que mon cher père s'y arrêta, on fit passer des deux côtés les gens de la suite et les équipages, de sorte qu'il ne resta que les principales personnes. Il y avait sur le milieu de l'eau un bateau assez grand couvert et tapissé de drap rouge, lequel était attaché à une corde qui traversait la rivière pour conduire les barques; de notre côté il y avait une barque couverte extérieurement et intérieurement de drap rouge et ornée de guirlandes faites de feuilles d'arbres qui faisaient le plus bel effet du monde.

Du côté des Turcs, il y avait un pareil bateau couvert de drap vert sans ornements. Tout ceci fini, les deux ambassadeurs se mirent dans leurs bateaux qui s'avancèrent lentement; enfin, ils joignirent en même temps celui du milieu, ils s'entretinrent, et, après s'être touché la main, ils se séparèrent. La cérémonie faite, mon cher père, ayant à sa gauche le gouverneur de Khotine, alla à pied à la tente qu'avait occupée l'ambassadeur turc où on lui offrit des rafraîchissements. Il s'y arrêta une demi-heure et se mit ensuite sur un beau cheval que [dont] le pacha, gouverneur de Khotine, lui fit présent, et alla ainsi jusqu'à cette ville. Les deux bords du Dniester étaient garnis d'une infinité de monde, ce qui formait un spectacle charmant. Je ne vous dis rien de l'ambassadeur turc et de sa suite qui ont défilé devant nous, parce que vous les verrez. Je suis si excédée de chaleur que je n'ai pas le cœur de vous écrire davantage, je vous prie seulement d'être persuadé de ma sincère amitié.

Примѣчанія къ VII книгѣ „Архива князя Ѳ. А. Куракина".

№ 1094, стр. 11. „Въ Ольсаціи", т. е. въ Эльзасѣ.

№ 1094, стр. 13. „Но будемъ потомъ искать способъ".— Князь Борисъ Ивановичъ мѣшаетъ часто косвенную и прямую рѣчь между собою: вмѣсто „будемъ" здѣсь ожидалось бы „будетъ".

№ 1105, стр. 42. „Списокъ на французскомъ языкѣ здѣсь прилагаю",—означеннаго списка въ подлинномъ рукописномъ томѣ не имѣется.

№ 1109, стр. 50. „Маянскій", т. е. майнцскій.

№ 1113, стр. 57. „За валентеровъ", т. е. волонтеровъ.

№ 1116, стр. 60. „Своей говерніи", т. е. своего управленія.

№ 1116, стр. 61. „Изъ Финляндіи",—несомнѣнно, ошибка въ подлинникѣ; слѣдовало бы сказать „изъ Фрисляндіи".

№ 1116, стр. 64. „Они будутъ... примать наши резоны и тѣ резоны разсуждать, и ихъ важить", т. е. взвѣшивать, принимать во вниманіе; вага (нѣмецкое Wage) особаго устройства вѣсы, приспособленные для взвѣшиванія вещей громоздкихъ или очень тяжелыхъ.

№ 1119, стр. 74. „Безъ всякой парціалиты", т. е. безъ всякой партійности, безъ всякаго пристрастія.

На стр. 459—461 тома V „Архива князя Ѳ. А. Куракина" и на стр. 463—477 тома VI мы помѣстили библіографическій указатель писемъ и бумагъ, принадлежащихъ различнымъ представителямъ рода князей Куракиныхъ и уже попавшихъ въ печать. Нынѣ дѣлаемъ то же самое относительно князя Алексѣя Борисовича Куракина I.

Письмо князя А. Б. Куракина, отъ 14 мая 1795 г., князю Н. В. Репнину о томъ, что онъ готовъ вывозить въ свѣтъ молодыхъ кн. Чарторижскихъ и заботиться о нихъ. Сборникъ Императорск. историческ. общества, т. XVI, 1875 г., стр. 192.

Письмо его изъ Петербурга, отъ 28 ноября 1795 г., къ тому же о пребываніи въ Петербургѣ молодого графа Потоцкаго, который былъ порученъ ему княземъ Репнинымъ. 335—336.

Письмо его къ тому же, отъ 21 сентября 1796 г., о высыл слѣдующихъ королю польскому денегъ червонцами. 511.

Письмо его къ тому же, отъ 23 октября 1796 г., о назначе ніи чиновниковъ на вакантныя мѣста предсѣдателей палатъ в Литвѣ. 531—532.

Письмо его къ тому же, отъ 3 ноября 1796 г., съ прось бою разсмотрѣть табели о новыхъ налогахъ и о назначені чиновниковъ на должности предсѣдателей палатъ и прокуро ровъ. 538—539.

Приказъ его въ 1796 г. исправляющему должность петер бургскаго губернскаго прокурора объ отмѣнѣ пожалованія ба рону Николаи 1500 душъ въ Нарвскомъ уѣздѣ. Русская Ста рина, т. III, 1871 г., стр. 628.

Именные указы, объявленные имъ въ письмахъ: 1) при сутствующему въ царскосельской дворцовой конторѣ Изъѣзд никову—624, 2) губернаторамъ—629, 631, 632, 3) Сенату-630, 4) петербургскому гражданскому губернатору—630, 631 5) петербургскому губернскому прокурору—640.

Четыре письма его 1797 г. Русскій Архивъ 1887 г., II, стр. 155—156. (Изъ архива Харьковскаго намѣстничества)

Письмо его, отъ 30 марта 1797 г., изъ Москвы къ митро политу Гавріилу объ отданномъ подъ присмотръ учителѣ Сло цовѣ. Памятники новой русской исторіи. Сборникъ историче скихъ статей и матеріаловъ. Т. III, изд. А. Ф. Базуновымъ Спб., 1873 г., стр. 406—408. (Тутъ же отвѣтъ князю митро полита, письмо къ нему Словцова и высочайшій указъ объ осво божденіи послѣдняго).

Шесть писемъ его 1797—1798 гг. къ митрополиту новго родскому и петербургскому Гавріилу. Русскій Архивъ 1869 г. столб. 1641—1646.

Письмо его къ князю Ѳ. Н. Голицыну, куратору Москов скаго университета, отъ „ " августа 1798 г., съ просьбой помѣстить Сперанскаго студентомъ въ Московскій универси теть, съ замѣткою Я. К. Грота. Русскій Архивъ 1863 г., стл 442—444.

Письмо его новороссійскому генералъ-губернатору И. Я Селецкому, отъ 27 марта 1798 г., въ Екатеринославль о пре даніи землѣ тѣла Потемкина. Русскій Архивъ 1867 г., стл 214—216. Русская Старина, т. XIV, 1875 г., стр. 261 Древняя и Новая Россія 1878 г., т. III, стр. 80.

„Извѣстно Государю Императору, что тѣло покойнаго князя Потемкин

донынѣ еще не предано землѣ, а держится на поверхности, въ особомъ сдѣланномъ подъ церковью погребу, и отъ людей бываетъ посѣщаемо; а потому, находя сіе непристойнымъ, Высочайше соизволяетъ, дабы все тѣло, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и заглаженъ такъ, какъ бы его никогда не бывало".

Письмо его, отъ 30 декабря 1807 г., въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ, на имя петербургскаго губернатора, съ просьбою содѣйствовать распространенію С.-Петербургскаго журнала.

Циркуляръ его „о пустословіи", т. е. о нелѣпыхъ толкахъ, въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1809 г. Историческій Вѣстникъ, т. XXXV, 1889 г., стр. 246—247.

Депеши его государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву въ 1810 г., во время посольства къ Наполеону. Русскій Архивъ 1877 г., т. III, стр. 229, 256.

Частное письмо его графу Н. П. Румянцеву о томъ, какъ обгорѣлъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ на балѣ у князя Шварценберга. 256—257.

Письмо его изъ Тульчина, отъ 7 февраля 1814 г., къ герцогу Ришельё объ увольненіи имъ полицеймейстера Тучкова. Сборникъ Император. рус. ист. общества, т. LIV, Спб. 1886 г., стр. 393—395.

Письмо его, отъ 12 февраля 1825 г., графу С. Р. Воронцову. Архивъ князя Воронцова, т. XXX, 1884 г., стр. 484.

Записка его, разсмотрѣнная въ засѣданіи секретнаго комитета *) 22 января 1828 г., о гильдіяхъ. Сборникъ Императорскаго рус. ист. общества, т. LXXIV, Спб., 1891 г., стр. 248—252.

Мнѣніе его по поставкѣ вина въ откупное содержаніе 1828 г. —Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ 1861 г., книга II, отд. V (смѣсь), стр. 140—143.

„Усердіе къ государственнымъ пользамъ рождаетъ во мнѣ сильное желаніе видѣть уничтоженнымъ настоящее управленіе питейнаго сбора, нанесшее столь много вреда внутренней промышленности, и столь сильно разстроившее нравственность чиновниковъ сбора, кои, вопреки званію своему, участвовали неприличнымъ для нихъ занятіемъ, но кои могли бы быть полезны, въ отечествѣ, настоящей государственной службѣ и занимать приличныя по чинамъ и званію мѣста".

---

*) Этотъ комитетъ былъ учрежденъ 6 декабря 1826 г., по повелѣнію Императора Николая Павловича, для обсужденія разныхъ проэктовъ объ измѣненіяхъ по многимъ частямъ государственнаго управленія, найденныхъ послѣ кончины Императора Александра Павловича между хранившимися въ его кабинетѣ бумагами. Комитетъ нашелъ трудъ князя Алексѣя Борисовича достойнымъ уваженія и объявленія Высочайшей благодарности.

№ 1121, стр. 96. „Mon neveu le prince Gagarine".— Напомнимъ, что князь Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ былъ наряду съ графомъ Ѳедоромъ Апраксинымъ и княземъ Алексѣемъ Куракинымъ, опекуномъ надъ малолѣтнимъ Никитою Петровичемъ Панинымъ послѣ смерти графа Петра Ивановича Панина, въ 1789 г.

№ 1124, стр. 100. „Il me parle de sa charge .. et de ses préparatifs pour sa représentation". —Эта страница дѣлаетъ честь попечительному дѣду-дядѣ, но, кажется, его предусмотрительность не вполнѣ исправила племянника, и нѣкоторая впрочемъ привлекательная и безвредная, суетность до конца его не покидала. П. Б.

Князь Александръ Борисовичъ вообще придавалъ большое значеніе своимъ придворнымъ обязанностямъ и до самой опалы своей при Екатеринѣ, когда онъ принужденъ былъ удалиться въ свое саратовское имѣніе, почти всегда присутствовалъ на придворныхъ празднествахъ и обѣдахъ. Такъ, въ камеръ-фурьерскомъ церемоніальномъ журналѣ за 1776 г., изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1880 г., мы видимъ, что 28 января 1776 г. онъ кушалъ въ числѣ 16 особъ при обѣденномъ столѣ Государыни въ Эрмитажѣ, 30 января тоже, въ числѣ 16 особъ, 31 января въ столовой комнатѣ въ числѣ 24 особъ, 7 февраля тоже, въ числѣ 27 особъ, 8 февраля тоже въ Эрмитажѣ, за вторымъ столомъ, въ числѣ 10 особъ: „засѣданіе было (т. е. сидѣли) за двумя столами, по билетамъ; на столъ кушанье подаваемо было въ двѣ перемѣны, а въ третьей десертъ; во продолженіе стола играла духовая музыка въ волторны и кларнеты". 10 февраля князь кушалъ при обѣденномъ столѣ Ея Императорскаго Величества въ числѣ 23 особъ (тутъ же находился и флигель-адъютантъ Бибиковъ, виновникъ удаленія отъ Двора князя Александра Борисовича); 14 февраля тоже, въ числѣ 2[illegible] особъ, 25 февраля кушалъ вмѣстѣ съ Государыней въ домѣ графа И. Г. Чернышева, въ числѣ 15 особъ, 6 марта находился при обѣденномъ во Дворцѣ столѣ, въ числѣ 18 особъ, 13 марта тоже, въ числѣ 11 особъ, 20 марта тоже, въ числѣ 16 особъ, 4 апрѣля былъ форшнейдеромъ на парадномъ обѣдѣ въ честь принца прусскаго Гейнриха, 16 апрѣля находился въ свитѣ Ея Императорскаго Величества, Его Императорскаго Высочества и Его Королевскаго Высочества, въ числѣ трехъ камеръюнкеровъ; 6 мая былъ форшнейдеромъ на обѣдѣ въ присутствіи принца Гейнриха, 15 мая тоже; 28 мая обѣдалъ

ъ числѣ 30 лицъ; 29 мая былъ форшнейдеромъ за первымъ толомъ изъ пяти особъ, гдѣ находилась Императрица и русскій принцъ, „засѣдали по билетамъ“; 7 іюня присутвовалъ на обѣдѣ въ Эрмитажѣ въ числѣ 22 особъ; того е числа находился въ свитѣ Императрицы, отправившейся въ Царское Село; 13 іюня находился въ числѣ пяти лицъ въ витѣ Цесаревича Павла Петровича, провожавшаго принца Гейнриха до Риги; 15 августа обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ въ числѣ 0 лицъ; 21 августа также былъ въ Царскомъ у Императрицы. Стр. 54, 57, 60, 73, 76, 79, 87, 102, 111, 118, 126, 159, 91, 236, 261, 294, 296, 321, 327, 343, 481, 490).

№ 1125, стр. 102. „Анна Кирилловна... пожалована во фрейины“. — А. К. Разумовская вышла за брата фаворитова — Васильикова и кончила жизнь въ калужскомъ монастырѣ монахиней Агніей. Это — бабка директору Императорскаго Эрмитажа и прабка саратовскому помѣщику-археологу, хранителю Музея Саатовской Архивной Коммиссіи А. А. Васильчикову. П. Б.

№ 1126, стр. 102. „Mon oncle et mon frère“. — Дѣло детъ о С. С. Апраксинѣ, родномъ братѣ матери князей Куракиныхъ княгини Елены Степановны, и о князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ Куракинѣ, которому было тогда всего 13 лѣтъ. Степанъ Степановичъ былъ единственнымъ сыномъ извѣстнаго фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина. Онъ родился въ Ригѣ въ 1757 г. и еще въ колыбели, по случаю побѣды своего отца при Гросъ-Эгерсдорфѣ надъ пруссаками, былъ записанъ императрицею Елисаветою Петровною прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ; пяти лѣтъ, по указу Петра III, произведенъ въ капитаны; съ 1772 г. въ дѣйствительной службѣ, 1777 г. полковникъ, 1778 г. адъютантъ Екатерины II, 1781 г. бригадиръ, 1783 г. командиръ Астраханскаго драгунскаго полка, 1786 г. генералъ-майоръ, 1788 г. участвовалъ во взятіи Очакова, 1793 г.—во многихъ сраженіяхъ въ Польшѣ, 1798 г. генералъ отъ кавалеріи, въ томъ же году вышелъ въ отставку; 1801 г., съ воцареніемъ Александра I, вновь вступилъ на службу, 1803 г. назначенъ смоленскимъ воен. губернаторомъ; основатель смоленской гимназіи, владѣлецъ 27 тысячъ душъ крестьянъ; 1809 г. вышелъ окончательно въ отставку и жилъ съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, отличаясь широкимъ гостепріимствомъ; † 1827 г. февраля 8. Съ 1793 г. женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Голицыной, съ 1827 г. статсъ-дамѣ и съ 1841 г. оберъ-гофмейстеринѣ В. К. Елены Павловны; † 1854 г.

Муасси руководилъ воспитаніемъ С. С. Апраксина и князя Алексѣя Куракина въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ; онъ былъ человѣкъ весьма образованный, и его французскій языкъ въ письмахъ, а также при исправленіи тетрадей его учениковъ отличается замѣчательной правильностью. До него гувернеромъ былъ Вильнефъ.

№ 1127, стр. 105. „Il n'a cessé de témoigner son admiration pour la Souveraine", т. е. къ Екатеринѣ II.

№ 1128, стр. 105. „Болѣзнь тетки Катерины Борисовны", т. е. графини Бутурлиной, супруги фельдмаршала, урожденной княжны Куракиной; р. 1703 г. октября 26, † 1772 г. ноября 14; послѣ нея остался сынъ графъ Петръ-Іона Александровичъ, тайный сов.; р. 1734 г., † 1784 г., жен. на графинѣ Маріи Романовнѣ Воронцовой, и двѣ дочери: графиня Варвара Александровна за генералъ-поручикомъ княземъ Василіемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ и графиня Екатерина Александровна за генераломъ отъ инфантеріи княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ.

№ 1130, стр. 109. „Тетушка твоя Марья Степановна", т. е. Талызина, родная сестра княгини Елены Степановны, матери молодыхъ князей Куракиныхъ, ур. Апраксиной.

№ 1131, стр. 109. „Mme la chancelière", т. е. графиня Анна Карловна Воронцова, супруга канцлера Михаила Илларіоновича. П. Б.

№ 1133, стр. 115. Кашинскій – псевдонимъ князя Н. В. Репнина за границею.

№ 1134, стр. 115. Княжна Куракина вѣрно опредѣлила злоковарнаго Сальдерна, который овладѣлъ довѣріемъ графа Н. И. Панина и не ко благу Россіи. П. Б.

№ 1135, стр. 116. „M. de Borissov"—псевдонимъ князя Александра Борисовича во время его заграничной жизни.

№ 1135, стр. 117. „Je me contenterais encore de vous honorer, de vous estimer, de vous respecter dans le silence, sans oser peut-être m'avouer qu'il m'était permis d'avoir d'autres sentiments pour vous".—Со стороны Керру все начало этого письма является результатомъ не столько лести, сколько высокаго мнѣнія о князьяхъ Куракиныхъ, слава о богатствѣ и могуществѣ которыхъ проникала за границу еще со временъ междуцарствія. Замѣтимъ, что и въ мѣстническихъ счетахъ князья Куракины ставились выше многихъ князей рюрикови-

ней, даже знаменитѣйшихъ изъ нихъ. Такъ, въ челобитной Ивана Васильевича Шереметева, между прочимъ, мы читаемъ: „Ѳеодору *) мощно быть большимъ князь Михайлы Курбскаго". —А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга I, Спб., 1881 г., стр. 402.

Впрочемъ, наряду съ князьями Куракиными ставили князей Трубецкихъ, этихъ гордыхъ „державцевъ Трубчевскихъ", которые также происходили отъ Гедимина, т. е., по преданію, отъ старшаго сына Владиміра Святого Изяслава, рожденнаго не отъ подданной, какъ прочіе сыновья, а отъ владѣтельной княжны Полоцкой Рогнѣды. Весьма любопытно въ этомъ смыслѣ дѣло, изложенное на стр. 320—351 труда Маркевича о мѣстничествѣ (Кіевъ, ч. I, 1879 г.): „9 мая 7096 г. (1588 г.), у Николы на Угрѣшѣ приглашены были къ царскому столу бояринъ князь Ѳ. М. Трубецкой, да бояринъ князь Григорій Андреевичъ Куракинъ. Послѣдній билъ челомъ государю на перваго въ отечествѣ о счетѣ и у государева стола не былъ, не хотя сидѣть ниже князя Трубецкого". Дѣло кончилось тѣмъ, что ихъ признали равными.

Первымъ изъ членовъ рода князей Куракиныхъ далъ въ Европѣ высокое понятіе о своей фамиліи князь Борисъ Ивановичъ, хотя послѣдняго считали излишне расчетливымъ, преувеличивая свыше мѣры его въ сущности скромное состояніе. Вотъ что пишетъ о немъ одинъ изъ его современниковъ: „Kourakine était d'une branche de cette ancienne maison des Jagellons qui avait longtemps porté les couronnes de Pologne, de Danemark, de Norwège et de Suède. C'était un grand homme, bien fait, qui sentait fort la grandeur de son origine, avec beaucoup d'esprit, de tour et d'instruction. Il parlait assez bien français et plusieurs langues; il avait fort voyagé, servi à la guerre, puis été employé en différentes cours. Il ne laissait pas de sentir encore le russe et l'extrême avarice gâtait fort ses talents".— Le duc de Saint-Simon. Mémoires. Paris, Hachette, 1857, t. IX, page 225.

№ 1135, стр. 123—124. Отвѣтъ на загадку Керру, по нашему разумѣнію, это l'épée. Хвастливый французъ полученію шпаги отъ князя Куракина придавалъ особое значеніе.

№ 1137, стр. 126 и № 1168, стр. 179. Здѣсь любопытны извѣстія о князѣ Г. Г. Орловѣ. П. Б.

---

*) Князь Ѳедоръ Андреевичъ Куракинъ, бояринъ и дипломатъ, † 1567 г.

№ 1138, стр. 127. О путешествіи этой Демидовой имѣется цѣлая любопытная книга. П. Б.

№ 1155, стр. 155. „Je vois souvent M. votre oncle",— рѣчь идетъ о князѣ Николаѣ Васильевичѣ Репнинѣ, супругѣ родной тетки князей Куракиныхъ Наталіи Александровны, урожд. княжны Куракиной. П. Б.

„О послѣ французскомъ г. Оплешеевѣ",—не Аплечеевѣ ли или о Плещеевѣ?

Здѣсь упоминается Родіонъ. Александровичъ Кошелевъ, позднѣе другъ Императора Александра I; онъ происходилъ по матери отъ пастора Глюка. П. Б.

№ 1156, стр. 156. „Le prince Orlov est encore à Reval",— князь Орловъ ѣздилъ, вѣроятно, въ свой эстляндскій замокъ Лоде. П. Б.

№ 1157, стр. 157. „Нашъ Михайла Григорьевичъ скончался", т. е. М. Г. Собакинъ, представитель стариннаго боярскаго рода, одного корня съ Нагими, въ 14-омъ колѣнѣ отъ родоначальника своего Ольгерда Прега, во св. крещеніи Димитрія, выѣхавшаго въ 1294 г. изъ Даніи къ великому князю тверскому Михаилу Ярославовичу и женившагося на родной сестрѣ сего послѣдняго княжнѣ Ярославѣ Ярославовнѣ. Михаилъ Григорьевичъ въ 1744 г. былъ опредѣленъ членомъ въ Архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1747-1748 гг. составилъ проэктъ разбора Архива и мнѣніе о дѣлахъ его; 1760 г. начальникъ Московской конторы Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, завѣдывалъ оружейною палатою; 1762 г. д. с. сов.; 1767 г. тайный сов.; женатъ на княжнѣ Татьянѣ Васильевнѣ Гагариной. Онъ имѣлъ при высокомъ ростѣ очень красивую наружность, но былъ кривой, почему Екатерина II говорила о немъ: „C'est une belle maison, mais à une fenêtre". 1771 г. августа 8 Михаилъ Григорьевичъ былъ опредѣленъ товарищемъ къ генералу Еропкину для уничтоженія моровой язвы въ Москвѣ, и взялся сначала за дѣло съ большимъ усердіемъ, но вскорѣ зараза открылась среди его дворни, и тогда онъ заперся; императрица замѣнила его тайнымъ сов. Похвисневымъ и 5 января 1772 г. уволила его отъ всѣхъ дѣлъ. Михаилъ Григорьевичъ въ молодости писалъ стихи, а затѣмъ занимался исторіей, и въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ доселѣ хранится въ рукописи его трудъ „Извѣстіе о старинныхъ чинахъ и должностяхъ". Въ послѣдніе годы жизни своей онъ почему-то разсердился на единственнаго своего

племянника Петра Александровича Собакина (р. 1744 г., † 1821 г.) и захотѣлъ лишить его наслѣдства, состоявшаго изъ 2000 душъ крестьянъ. Пріѣхавши къ Еропкину, съ которымъ былъ связанъ тѣсною дружбою, сталъ со слезами просить успокоить его старость и дозволить укрѣпить за нимъ все свое имѣніе. Еропкинъ не согласился, и друзья разсорились. Но размысливъ хладнокровно и опасаясь для наслѣдника бо́льшаго вреда, Еропкинъ поѣхалъ къ Собакину и сказалъ ему: „Прости меня; я одумался и принимаю твой даръ съ дружескою благодарностью". Немедленно имѣніе укрѣплено было формальнымъ порядкомъ за Еропкинымъ. Когда Собакинъ умеръ, Еропкинъ послалъ сказать его племяннику, чтобъ онъ ѣхалъ для погребенія, и получилъ въ отвѣтъ: „Ты наслѣдникъ, ты и погребай".— „Нѣтъ, не я наслѣдникъ", велѣлъ ему сказать Еропкинъ, и на другой же день возвратилъ имѣніе. (Князь Лобановъ-Ростовскій. Родословная книга, т. II, стр. 232—233). Собакинъ скончался 6 февраля 1773 г. и, по своей старинной дружбѣ съ семействомъ князей Куракиныхъ, завѣщалъ въ пользу Страннопріимнаго дома, ими учрежденнаго въ Москвѣ, у Красныхъ воротъ, 25 тысячъ руб. Въ связи съ этимъ завѣщаніемъ опекуны князей Куракиныхъ 13 марта 1773 г. составили нижеслѣдующій протоколъ:

Вслѣдствіе того, что Михайла Григорьевичъ Собакинъ предъ кончиною своею прислалъ къ графу Петру Ивановичу, яко завѣщанному послѣ смерти своему душеприказчику, между прочими завѣщаніями пакетъ, запечатанный и подписной на имя кнеини Александры Ивановны Куракиной, въ которомъ она при возвращеніи своемъ нынѣ изъ Петербурга нашла вексель отъ г. Томаса ему, Михайлу Григорьевичу, въ двадцати пяти тысячахъ рубляхъ денегъ, подписной собственной Михайла Григорьевича рукою, къ полученію оныхъ денегъ ей, кнеинѣ, а при томъ и записку, писанную и подписанную собственною же его г. Собакина рукою, сего содержанія:

„Ежели князей Куракиныхъ богадѣльня состоять будетъ вѣчно, то по приложенному векселю и я мое вѣчно подаяніе туда пріобщаю, ежели же не вѣчно, то прошу отдать въ банкъ и проценты на тѣхъ богадѣльщиковъ употреблять, а потомъ капиталъ уже преложить его на богоугодное и полезное какое дѣло".

Сію записку она, кнеиня, обще и съ тѣмъ векселемъ, отдала въ опекунскій совѣтъ молодыхъ князей Куракиныхъ для произведенія онаго въ настоящее исполненіе; того ради сей совѣтъ опредѣляетъ по оному слѣдующее:

1. Означенную своеручную отъ покойника записку, приложа оригинально къ сему протоколу, хранить при немъ навсегда, истребуя ко оной отъ душеприказчиковъ его письменное свидѣтельство, что оное писано подлинно собственною покойника рукою.

2. Въ Бозѣ усопшаго покойнаго Михаила Григорьевича Собакина, яко означеннымъ подаяніемъ благотворителя устроенной и содержанной отъ дома князей Куракиныхъ на вѣчныя времена богадѣльни, къ поминовенію при закланіи безкровной жертвы у престола Христа Спасителя и правосуднаго Воздателя за всѣ благая внести достохвальное имя у построеннаго при оной больницѣ святого храма въ поминовенную роспись, обще съ создателями и содержателями онаго. И той богадѣльнѣ въ томъ храмѣ приказать, сверхъ общаго

съ создательми онаго поминовенія, нынѣ по немъ, въ Бозѣ усопшемъ Михаилѣ Григорьевичѣ, отправлять сорокоустіе, да каждый годъ, въ день кончины и тезоименитства его, исправлять по немъ же за упокой божественное служеніе.

3. По означенному векселю деньги отъ г. Томаса на первый случай, доколѣ новое и прибавочное содержаніе отъ опекунскаго совѣта о той богадѣльнѣ сдѣлано и монаршее утвержденіе для содержанія оной на вѣчныя времена исходатайствовано будетъ, нынѣ принявъ, взнести въ дворянскій банкъ на первый случай капиталомъ молодыхъ князей Куракиныхъ, для содержанія процентами онаго устроенной отъ дому ихъ по завѣщанію своихъ предковъ близъ Красныхъ воротъ богадѣльни, то чтобъ опредѣлено было указные проценты съ сей суммы ежегодно отпускать подъ росписку управителю сихъ князей впредь до другого объ ономъ капиталѣ и о содержаніи той богадѣльни распоряженія, дѣлающагося отъ опекуновъ сихъ князей.

4. Опекунскому совѣту приложить стараніе сдѣлать новое и такое о сей богадѣльнѣ распоряженіе, дабы, первое, изъ годового денежнаго прихода всѣхъ молодыхъ князей составленъ былъ капиталъ, съ котораго бы процентами содержалось въ той больницѣ богадѣльщиковъ прежнее число, но на такомъ лучшемъ состояніи, чтобы могли въ оную вступать не только разночинцы, да и заслуженные бѣдные офицеры и дворяне; второе, оный ихъ капиталъ соединя съ означеннымъ поданнымъ отъ покойнаго Михаила Григорьевича капиталомъ же, прибавить къ нынѣшнему числу богадѣльщиковъ толикое еще число, какое съ обоихъ тѣхъ капиталовъ проценты выносить могутъ съ прочими въ содержаніи оной всей больницы потребными расходами.

5. Сдѣлавъ такое объ означенной больницѣ новое распоряженіе съ утвердительнымъ штатомъ и капиталомъ отъ князей Куракиныхъ, приложить стараніе пріобрѣсти монаршее Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи обоихъ тѣхъ соединенныхъ капиталовъ на вѣчное содержаніе процентами съ оныхъ реченной богадѣльни, дабы ужъ никогда ни наслѣдники князей Куракиныхъ, и никто другой оныхъ капиталовъ и разрушенія той богадѣльни коснуться не могъ.

6. Сей протоколъ объявить прочимъ душеприказчикамъ и наслѣдникамъ покойнаго Михаила Григорьевича обще съ оригинальными собственноручными его, покойника, надписью на означенномъ векселѣ и запискою о повелѣніи его о той суммѣ; а княгиню Александру Ивановну просить, дабы она изволила сей протоколъ обще съ опекунами подписать для утвержденія на будущія времена и ея согласія о той суммѣ, къ полученію которой вексель на ея имя подписанъ былъ, съ котораго векселя и надписки сохранить копію у сего же протокола. К. А. Куракина. Графъ Н. Панинъ. Графъ П. Панинъ. Александръ Талызинъ. Графъ Өедоръ Апраксинъ.

№ 1163, стр. 174. Какъ благородны внушенія князя Репнина своему племяннику! П. Б.

№ 1167, стр. 178. L'abbé Chappe d'Auteroche родился въ Оверни въ 1722 г. и въ 1760 г., въ качествѣ члена парижской Академіи Наукъ, былъ посланъ въ Тобольскъ для наблюденія за прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца, что было исполнено имъ вполнѣ удачно. На пути изъ Петербурга до Тобольска онъ записывалъ всѣ свои впечатлѣнія, часто весьма ошибочныя, и издалъ ихъ въ книгѣ „Relation d'un voyage en Sibérie“, Paris, 1768, 2 vol. in-4°, гдѣ подвергалось рѣзкому осужденію многое изъ видѣннаго имъ въ Россіи. Это сочиненіе читалось нарасхватъ и заслужило высокую честь встрѣтить опроверженіе въ книгѣ, написанной самой Императрицей Екатериною II, подъ заглавіемъ „Antidote ou Réfutation du voyage en Sibérie, par l'abbé Chappe“, и напечатанной въ Амстердамѣ, у Рея, въ

1769—1771 гг., 6 т., въ 12 д. л. Другая критика на сочиненіе аббата появилась въ 1771 г. въ 12 д. л., подъ заглавіемъ „Lettre, d'un style franc et loyal, à l'auteur du Journal encyclopédique“.

№ 1167, стр. 179. „Je suis parti de Darmstadt avec un souvenir profondément gravé dans mon cœur“.—Князь Александръ Куракинъ увидалъ невѣсту Цесаревича прежде его самого и познакомился съ ея матерью знаменитою ландграфинею Каролиною. П. Б.

№ 1169, стр. 182. Слова „Ces pièces seraient autant de mémoires“ начинаютъ въ подлинномъ томѣ новую страницу и составляютъ, быть можетъ, продолженіе другого письма, начало котораго не сохранилось; слѣдуетъ впрочемъ отмѣтить, что предыдущая страница не имѣетъ подписи, а вверху цитированныхъ словъ нѣтъ ни даты, ни обозначенія мѣста.

№ 1175, стр. 192. „Князь Володимеръ Сергѣевичъ“, т. е. Долгоруковъ (см. алфавитъ). П. Б.

№ 1175, стр. 193. „Отъ князя Николая Васильевича утѣшительныя изъ Лондона имѣю письма“.—Князь Н. В. Репнинъ, подъ фамиліей Кашинскаго, лѣчился тогда за границей.

„Сею перемѣною мой Николай Петровичъ находится вторымъ камеръюнкеромъ“.—Здѣсь говорится о графѣ Н. П. Шереметевѣ. Званіе камеръюнкера было въ тѣ времена, несомнѣнно, почетнѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ соединялось съ дѣйствительною и постоянною службою при особѣ Государя.

№ 1176, стр. 194. „De mon temps, il n'était pas encore décidé si elle irait par mer ou par terre“,—ландграфиня съ тремя дочерьми поѣхала моремъ, и на высланномъ за нею фрегатѣ находился служившій во флотѣ графъ Андрей Разумовскій. П. Б.

№ 1179, стр. 198. Это дѣдъ нашей императрицы Маріи Александровны и женихъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, котораго, по приказу Фридриха II, она промѣняла на Павла Петровича. П. Б.

№ 1181, стр. 203. „Le grand chambellan“, т. е. графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ (ср. стр. 224). П. Б.

№ 1182, стр. 203. „Извозчиковъ нанять на мѣсяцъ съ восемью лошадьми“.—Надобность въ наемныхъ лошадяхъ можно объяснить лишь поспѣшностью приготовленій къ пріѣзду князя Александра Борисовича. Впрочемъ, въ № 1186 графъ П. И. Панинъ велитъ привести по этому случаю съ куракинскаго

Орловскаго коннаго завода цугъ собственныхъ лошадей. Куракинскія лошади были въ то время очень извѣстны, и князю Александру Борисовичу Куракину I, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, принадлежитъ устройство въ Россіи правильнаго коневодства. Такъ, въ запискахъ генерала елизаветинскихъ временъ Василія Александровича Нащокина мы, между прочимъ, читаемъ: „И съ того времени (т. е. съ 1734 г.) знатные господа, графъ Н. Ѳ. Головинъ, князь Куракинъ и другіе, немалымъ иждивеніемъ собственные конскіе заводы завели, а до сего великая была скудость въ Россіи въ лучшихъ лошадяхъ верховыхъ и каретныхъ“.—Русскій Архивъ 1883 г., т. II, стр. 275.

№ 1183, стр. 205. „Mon ancien compagnon“,—графъ Н. П. Шереметевъ. П. Б.

№ 1183, стр. 206. Графъ П. И. Панинъ жилъ тогда въ Москвѣ на Мясницкой, близъ Красныхъ воротъ (нынѣ домъ Липгардта, съ часами), и въ Михалковѣ (за Петровскимъ-Разумовскимъ), гдѣ онъ построилъ подобіе взятой имъ Бендерской крѣпости. Ему не дали фельдмаршалскаго чина, и онъ еще цѣлый годъ послѣ этого письма дулся на Екатерину, которая писала о немъ князю Михаилу Николаевичу Волконскому въ Москву: „Большой враль и мнѣ персональный оскорбитель“. П. Б.

№ 1185, стр. 210. „Mon petit ami Nélédinski“.—Ю. А. Нелединскій былъ малъ ростомъ; онъ учился въ Страсбургскомъ университетѣ и велъ въ то время весьма разгульный образъ жизни. П. Б.

№ 1188, стр. 211. „Боюся, чтобы вѣдомость о братѣ его не разстроила“.—Рѣчь идетъ, вѣроятно, о князѣ Петрѣ Васильевичѣ Репнинѣ, о которомъ упоминается также на стр. 239. Въ Россійской родословной книгѣ князя Долгорукова князя Петра Васильевича Репнина не значится (ч. I, стр. 272).

№ 1188, стр. 212. „Марьѣ Степановнѣ вручу сама твое письмо“, т. е. Талызиной.

„О сестрѣ моей“, т. е. о княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Лобановой-Ростовской.

„Яша ея жалокъ“,—здѣсь говорится о князѣ Яковѣ Ивановичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ. П. Б.

№ 1189, стр. 212—213. Старшій графъ Панинъ въ это время уже не помышлялъ болѣе о женитьбѣ; у младшаго было много дѣтей отъ перваго брака съ Татищевой, но они всѣ умерли въ дѣтствѣ, а отъ Маріи Родіоновны былъ только трехлѣтній сынъ; у князя Репнина сыновей не было; изъ Нелedин-

скаго не выходило человѣка государственнаго, а князья Лобановы, кажется, не отличались способностями. Такимъ образомъ, для поддержанія родства изъ всѣхъ внучатныхъ племянниковъ графа Никиты Ивановича наиболѣе подавалъ надеждъ отлично образованный князь Александръ Борисовичъ. Лукавый Сальдернъ имѣлъ свои виды, проча юнаго князя Куракина, которому тогда было всего 21 годъ, въ преемники нашему берлинскому послу князю В. С. Долгорукову. П. Б.

№ 1190, стр. 216. „Elle s'est adressée au prince Stcherbatov à Moscou",—вѣроятно, это князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ, другъ графа Н. П. Шереметева.

№ 1193, стр. 222. „Le restant de ma quatrième part restera dans la masse comme un fonds d'amortissement pour les 17 à 20 mille roubles que j'ai reçus de notre maison par-dessus mes frères, qui ne lui ont presque rien coûté en comparaison".—Заграничное путешествіе князя Александра Борисовича, продолжавшееся почти два съ половиною года (выѣхалъ въ январѣ 1770 г., вернулся въ іюнѣ 1773 г.), стоило такимъ образомъ до 20 тысячъ руб., изъ коихъ 10 тысячъ пошло на его пребываніе въ Англіи и Франціи. Вотъ приказъ графа П. И. Панина въ домовую господъ князей Куракиныхъ контору, отъ 6 августа 1771 г.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, яко дѣдъ родной и старшій опекунъ сихъ князей, преположилъ, чтобы князь Александру Борисовичу, кой въ нынѣшнемъ году уже имѣетъ окончать время, предопредѣленное ему на науки, сдѣлалъ поѣздку въ Европѣ по разнымъ знатнѣйшимъ дворамъ и мѣстамъ, на достойное породѣ своей воспитаніе, къ пріобрѣтенію себѣ познаній и лучшаго просвѣщенія, на которую поѣздку и опредѣляется ему, князю, 10 тысячъ рублевъ, изъ коихъ пять и потребно нынѣ доставить. Того ради домовая канцелярія и имѣетъ по полученіи сего изъ наличныхъ теперь сего дому денегъ немедленно перевести въ распоряженіе его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу; а когда и какимъ вѣрнымъ образомъ оная сумма туда отправлена будетъ, меня увѣдомить и подъ симъ приказомъ отмѣтить, который и пріобщить къ опекунскому протоколу.

№ 1193, стр. 223. Уже видна расчетливость въ соображеніи о томъ, сколько останется денегъ отъ того, что не будетъ обѣдать дома. П. Б.

№ 1193, стр. 224. „Pour assister à la noce", т. е. на свадьбѣ Цесаревича. П. Б.

№ 1193, стр. 225. Что происходило въ Лондонѣ, неясно. Въ это самое время состоялся отказъ Цесаревича отъ Голштиніи. П. Б.

„Le sénateur Adadourov",—это Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, кураторъ Московскаго Университета, учившій нѣкогда русскому языку и Екатерину. П. Б.

№ 1197, стр. 231. „La douairière“,—это графиня Анна Карловна Воронцова, р. 1722 г. декабря 7, † 1775 г. декабря 31. П. Б.

№ 1202, стр. 238. „Les bienfaits dont notre incomparable Souveraine a récompensé le plus vertueux des ministres“,—это награды графу Н. И. Панину послѣ бракосочетанія Цесаревича. П. Б.

№ 1203, стр. 239. „Басаманъ“ (употребительнѣе басонъ), отъ итальянскаго passamano, т. е. тесьма.

№ 1205, стр. 241. „Прошу отъ меня его княжнѣ сказать поклонъ“, т. е. княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Волконской, вышедшей потомъ за князя А. А. Прозоровскаго. П. Б.

Прибавимъ, что фельдмаршалъ и всѣхъ россійскихъ орденовъ кавалеръ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій приходится роднымъ прадѣдомъ издателю „Архива“ князю Ѳ. А. Куракину по матери его княгинѣ Юліи Ѳедоровнѣ, урожденной Голицыной.

„Вы стали очень женерезны“,—намекъ на обстоятельства, разсказанныя далѣе княземъ Степаномъ Борисовичемъ (стр. 244).

„Вашъ Богомъ данный дядюшка“, т. е. Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ.

„О Марьѣ Романовнѣ... умалчиваю“,—вѣроятно, здѣсь говорится о графинѣ Маріи Романовнѣ Бутурлиной, ур. графинѣ Воронцовой (р. 1737 г.), сестрѣ княгини Дашковой.

№ 1207, стр. 243. „Раздѣлила съ Марьей Родивоновной,“ т. е. графиней Паниной, которая отличалась весьма сварливымъ характеромъ (см. „Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина“ Брикнера, т. I, стр. 1).

№ 1207, стр. 243 и № 1286, стр. 330. Этихъ портретовъ, насколько намъ извѣстно, въ родѣ князей Куракиныхъ не сохранилось; тѣмъ не менѣе у князя Ѳ. А. Куракина, сестеръ его статсъ-дамы Е. А. Нарышкиной и А. А. Козенъ, а также у живущаго постоянно въ Петербургѣ князя Анатолія Александровича Куракина мы видѣли превосходные живописные портреты князя Александра Борисовича. Описаніе ихъ будетъ своевременно напечатано въ „Архивѣ“, а пока помѣщаемъ выдержку изъ извѣстнаго труда покойнаго хранителя Эрмитажа А. Васильчикова „Liste alphabétique de portraits russes“. St-Pétersbourg, 1875, t. I, page 449—459.

Kourakine (Prince Alexandre Borissovitch), né en 1752, fils du prince Boris-Léonce Alexandrovitch et de la

princesse Hélène Stépanovna. Il fut élevé d'abord avec le grand-duc Paul (Paul Ier), puis à l'université de Leyde; il accompagna l'empereur Paul à Berlin, à l'époque de son mariage, devint chambellan et, en 1780, maréchal de la noblesse de St-Pétersbourg. En 1781, il accompagna le Grand-Duc et la Grande-Duchesse lors de leur voyage comme comte et comtesse du Nord. Des lettres qu'il écrivit à l'aide de camp de l'Impératrice Bibikov furent interceptées; il y attaquait Potemkine. Kourakine fut éloigné du service. Il se retira sur ses terres. En 1796, Paul Ier le nomma conseiller privé, maréchal de la Cour, vice-chancelier, conseiller privé actuel et chevalier des ordres de St-André et de St-Alexandre, le tout dans l'espace de 2 mois à peine. Lors du couronnement de Paul Ier il reçut de grandes terres et une commanderie de Malte. En 1798, il cessa d'être vice-chancelier, mais reprit cette dignité en 1801. En 1806, il fut nommé ambassadeur à Vienne, et, en 1807, après la paix de Tilsit, conseiller privé actuel de la première classe. En 1809, il fut transféré à Paris, où il resta jusqu'en 1812. Il mourut à Weimar en 1818.

1. Portrait in-8° gravé au burin. Médaillon ovale, surmonté de lauriers, de palmes et d'une couronne de roses et entouré de guirlandes de laurier et de feuilles de chêne, ainsi que d'un encadrement carré. Le Prince est représenté en buste, de profil à gauche, sur fond noir. On voit au bas du médaillon un cartouche avec l'inscription:

Alexandre
Prince de Kourakin.

Au bas de la planche on lit:

Löschenkohl.

Rarissime.

2. Portrait in-folio gravé au burin. Médaillon rond, surmonté d'un nœud et de guirlandes de laurier. Le Prince est représenté en buste, de 3/4 à droite, avec un grand-cordon. Au bas du médaillon on voit un cartouche, portant au milieu un écusson rocaille aux armes des Kourakine, entouré de nuages. On lit des deux côtés de l'écusson:

Александръ Борисовичъ
Князь Куракинъ.

Au bas de la planche on lit, d'un côté:

J. Develly le 24 Decembre 1779 à St Petersbourg

et de l'autre côté:

Гр. А. Колпашниковъ 1783.

Très rare.

3. Portrait in-folio gravé au burin. Médaillon rond, surmonté d'un nœud passé dans un anneau et entouré d'un encadrement carré. Le Prince est représenté en buste, de $^3/_4$ à gauche, en cordon et plaque, avec son chapeau sous le bras gauche. On voit au bas du médaillon un cartouche, avec l'inscription:

Alexandre
Prince de Kourakin etc. etc. etc.

Au bas de la planche on lit, d'un côté:

Peint par le Chev. Roslin

et de l'autre côté:

Gravé par A. Radigues Aggrégé de l'Acad. des B. Arts de St P. 1779.

Très rare.

4. Portrait in-folio gravé en manière noire. Le Prince est représenté en buste, de $^3/_4$ à gauche, en cordon, plaque, etc., tenant son chapeau sous le bras gauche. Le portrait est entouré d'un encadrement carré. On lit au bas du portrait, d'un côté:

peint par Voile

de l'autre côté:

Gravé par James Walker Graveur de Sa Maj. Imp. et membre de l'Académie des beaux arts St Petersbourg

et plus bas, d'un côté des armes Kourakine on lit, en russe:

Князь
Александръ Борисовичъ Куракинъ
Государственный Вице-Канцлеръ и т. д. и т. д. и т. д.

et de l'autre côté, en français:

Le Prince
Alexandre Borisovitch Kourakin
Vice chancelier de l'Empire etc. etc. etc.

Très rare.

5. Portrait, grand in-folio, gravé en manière noire. Médail-

lon ovale, entouré d'un encadrement carré. Le Prince est représenté à mi-corps, de ³/₄ à gauche, en habit richement brodé, avec cordon, plaque, etc., ainsi qu'un manteau doublé d'hermine lui tombant des épaules. On lit au bas de la planche, d'un côté:

Peint par L. Vigée le Brun.

de l'autre côté:

Gravé par James Walker graveur de Sa Maj. Imp. et membre de l'Académie des beaux Arts St Petersbourg

et plus bas:

Alexandre Prince de Kourakin
Vice chancelier de l'Empire, Ministre du Conseil d'Etat,
Conseiller privé actuel, Sénateur,
Chambellan actuel de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, chevalier des ordres de St André,
de St Alexandre Newsky, de Ste Anne de la première classe,
Grand'croix de celui de St Jean de Jerusalem,
et chevalier des ordres de Dannemarck de Dannebrog et de celui de l'Union parfaite etc.
Published the 1st of October 1798 by Jas Walker St Petersbourg and Robt Wilkinson Cornhill. London.

Très rare.

6. Même portrait in-8⁰ gravé au pointillé. On lit au bas du portrait:

Alexander
Prince Kourakin

Anonyme.

7. Même portrait in-8⁰ gravé au pointillé. Ovale. On lit au bas de l'ovale:

Гравир. Θ. Алексѣевъ

et plus bas:

Князь Александръ Барисовичъ (sic)
Куракинъ

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ 1-го класса.

Изъ собранія портретовъ издаваемыхъ Платономъ Бекетовымъ.

8. Même portrait in-8° gravé sur acier. On lit au bas du portrait, d'un côté:

Carl und W. Otto in Darmstadt

de l'autre côté:

Gedr. v. E. Münch

et, plus bas, au milieu:

Alexander Fürst Kourakin

Dans: Blum—Ein russischer Staatsmann, etc.

9. Portrait grandissime in-folio gravé au pointillé. Le Prince est représenté en pied, debout et en face, en habit de drap d'or, culotte courte, bas et souliers, en cordons, plaques, etc. Il tient dans la main droite son chapeau et, de la main gauche, il s'appuie sur une table recouverte d'un riche tapis, sur laquelle se trouvent des papiers, un encrier et le buste de Paul Ier sur un socle orné du chiffre de l'Empereur et de l'aigle de Russie. Derrière le Prince, il y a un tabouret sur lequel est jeté le manteau de bailli de Malte, et, dans le fond, on voit une draperie, une colonne et le château Michel, résidence de Paul Ier. On lit au bas de la planche, d'un côté:

Peint par W. Baravikovsky

de l'autre côté:

Gravé à St Petersbourg par Jean et François Vendramini

et plus bas, des deux côtés des armes des Kourakine:

Le Prince Alexandre Borissowitsch de Kourakin.
Conseiller privé actuel, Ministre du Conseil d'Etât, Sénateur, Chancelier de tous les Ordres de l'Empire de Russie, Chambellan
actuel, ancien Vice Chancelier de l'Empire et Ministre des Affaires étrangères de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, Chevalier
de St André, de St Alexandre Newsky, de St Wladimir de la 1re classe, de Ste Anne de la 1re classe, des Ordres de Prusse de l'Aigle
noir et de l'Aigle rouge, de celui de Bavière de St Hubert, de ceux de Dannemarc de Danebrog et de l'union parfaite, et grand Croix de
l'Ordre Souverain de St Jean de Jérusalem. etc. etc. etc.

„Sehr schönes und seltenes Blatt s. gr. in-fol.“, dit Nagler en citant ce portrait.

L'original de ce portrait, de grandeur naturelle, appartient au prince Anatole Kourakine. № 663 de l'exposition.

10. Même portrait in-folio gravé au burin. Médaillon ovale. entouré d'un encadrement carré. Seulement en buste. On voit au bas du médaillon un cartouche portant au milieu les armes Kourakine, des deux côtés desquelles on lit:

Le Prince Alexandre Borissowitch Kourakin
né le 18 de Janvier 1752.
Conseiller privé actuel, Ministre du conseil d'état; Sénateur, Chancelier de tous les ordres et Chambellan actuel de S. M. l'Empereur de toutes les Russies, Son ancien ministre des affaires étrangères et Vice-Chancelier de l'Empire, Chevalier de tous les ordres de Russie, de Prusse, de Dannemarck, de Bavière et Bailli Grand Croix de l'ordre souverain de St Jean de Jerusalem.

Au bas de la planche, on lit, d'un côté:

Peint par W. Barovikovsky

et de l'autre côté:

Gravé par Ign. S. Klauber.

11. Même portrait in-8° gravé au pointillé, pareil au précédent. On lit au bas du portrait:

Tassaert. St

et plus bas:

Alexandre-Borissowitsch
Kourakine (Prince)
Vice-Chancelier de l'Empire
Chevallier (sic) *de tous les Ordres de Russie,*
Décoré du Grand-Aigle de la Légion d'Honneur
Né le 18 de Janvier 1752.
à Paris chez l'éditeur, rue de la Touraine F. 9. St Gin № 5.

12. Portrait grandissime in-folio impérial, gravé en manière noire. Le Prince est représenté en pied, debout, de 3/4 à droite, en habit de velours, culotte courte et souliers, en cordons, plaques, etc., s'appuyant de la main gauche sur une

table à moitié recouverte d'un tapis, sur laquelle on voit un livre avec le sceau de l'état et portant l'inscription: „Pax Tilsit $\frac{25\text{ Juni}}{7\text{ Juli}}$ 1807", le grand-cordon et la plaque de la légion d'honneur, ainsi qu'une statuette de Minerve. De la main droite, le Prince indique un temple qui se trouve dans le fond et qui porte sur le fronton l'inscription: „Templi Jani clausum". Outre ce temple on aperçoit encore dans le fond une draperie et une colonne. Sur le premier plan, à droite, il y a un riche tabouret sur lequel sont déposés le chapeau, l'épée et les gants du Prince. On lit au bas de la planche, d'un côté:

Peint par Chevalier (sic) *J. B. Lampi*

et de l'autre côté:

Gravé à Vienne par V. G. Kininger 1809

Plus bas, au milieu, on voit les armes des Kourakine avec toutes les décorations du Prince, et, au-dessus, la devise de l'ordre de St-André: „За вѣру и вѣрность". Des deux côtés des armes, on lit:

Alexandre Prince Kourakin
Conseiller privé actuel de la première Classe, Membre du Conseil d'Etât, Sénateur, Chancellier de tous les ordres de Russies,
Chambellan actuel de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, son Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire à Vienne et à Paris,
Chevalier des Ordres de St André, de St Alexandre Nevsky, Grand Croix de celui de Saint Wladimir de la première classe, de celui de Ste Anne de la première
Classe, Bailli de l'Ordre de St Jean de Jérusalem, Grand Cordon de la Légion d'honeur (sic) *de France, Chevalier des Ordres de Danemarck de l'Eléphant, de Daneborg* (sic)
et de l'Union parfaite, Chevalier des Ordres de l'Aigle noir et de l'aigle rouge de Prusse, de celui de St Hubert de Bavière etc. etc.

Très rare. Cité par Nagler. L'original de ce portrait, de grandeur naturelle, se trouve à St-Pétersbourg chez le prince Alexis Kourakine.

13. Portrait grand in-folio gravé au burin. Médaillon ovale, entouré d'un encadrement carré. Le Prince est représenté à mi-corps, de $^3/_4$ à droite, en habit de velours, avec cordons plaques, etc., et un manteau doublé d'hermine lui tombant des épaules. On voit au bas du médaillon un cartouche, portant au milieu un écusson aux armes des Kourakine. On lit des deux côtés de l'écusson:

Le Prince Alexandre Borissowitsch Kourakin
Conseiller-privé-actuel de la première classe, Membre du Conseil d'Etât, Sénateur, Chambellan, Ambassadeur
extraordinaire et Plenipotentiaire à Vienne et à Paris; Ancien Vice-chancelier de l'Empire et Ministre des
Affaires-étrangères de Sa Mté l'Empereur de toutes les Russies, Chancelier de tous les ordres, Chevalier de ceux de St André,
de St Alexandre-Newski, Grand-Croix de la première classe des ordres de St Wladimir et de Ste Anne, Bailli de l'Ordre
Souverain de St Jean de Jérusalem, Grand-Aigle de la Legion d'Honneur de France, Chevalier des Ordres de l'Elephant, du
Danebrog et de l'Union-parfaite de Dannemarck, de l'Aigle noir et de l'Aigle rouge de Prusse et de St Hubert de Bavière etc. etc. etc.

Au bas de la planche, en lettres à peine visibles, on lit encore:

Outkin. 1812.

Rarissime. Cette planche fut terminée à Paris par notre célèbre graveur Outkine, alors dans toute la force de son talent, quelques jours avant la rupture avec Napoléon, en 1812. Outkine eut à peine le temps de tirer quelques épreuves d'essai et de remettre la planche au prince Kourakine, lorsqu'il fut fait prisonnier et interné, avec les autres Russes qui se trouvaient en ce moment à Paris, dans l'intérieur de la France. L'ambassadeur, de son côté, dut quitter précipitamment Paris, et, dans le désordre d'un départ subit, la planche fut perdue, sans qu'on pût jamais la retrouver.

14. Portrait petit in-folio en biais, gravé en manière noire. Le Prince est représenté à mi-corps, de profil à gauche, sur

une chaise longue, en robe de chambre, le bras gauche enveloppé d'un linge. On lit au bas de la planche:

J. A. Rey del et sculp.

et plus bas:

Le Prince Alexandre Kourakin
dans son étât de Lazare de l'écriture Sainte
à Paris en Août 1810.

Rarissime. Collection Gennadi. Le 1er Juillet 1810, à l'occasion du mariage de Napoléon Ier avec l'archiduchesse Marie-Louise, l'ambassadeur d'Autriche, prince de Schwarzenberg, donna une fête monstre. La salle de bal prit feu. Le prince Kourakine, avec sa galanterie ordinaire, au moment de la fuite générale, céda le pas aux dames et ne profita pas des facilités pour fuir qui s'offraient à lui au commencement du désastre *). Il était très grand et très puissant de corps, mais maladif et faible des jambes; il fut renversé par la foule effarée et ne dut son salut qu'à son habit en drap d'or recouvert de pierreries, costume ordinaire du Prince les jours de gala, bien que la mode en fût depuis longtemps passée. Il n'en reçut pas moins de très fortes brûlures et une grande partie de ses diamants lui fut volée. A la suite de cet accident, le Prince se trouva en danger de mort. Dès qu'il se sentit mieux, il se fit transporter en robe de chambre et chapeau de paille sur un fauteuil doré à la maison de campagne qu'il avait louée à Neuilly. Tous ses valets de pied le précédaient deux à deux, et, derrière le fauteuil, marchait tout le personnel de l'ambassade, les secrétaires privés du Prince, etc. Cette étrange procession fit grand effet dans les rues de Paris. C'est à l'époque de sa convalescence à Neuilly que le Prince fit graver la planche que nous venons de décrire.

15. Portrait in-8° gravé au burin. Le Prince est représenté en buste, de profil à droite. On lit au bas:

Flatters. Fremy del. et sculp.

et plus bas:

Le Prince Kourakin.

Князь Александръ Борисовичъ вообще любилъ изображать себя во всѣхъ видахъ, а его огромная популярность въ Россіи

*) Parmi les victimes se trouvait la belle princesse de Schwarzenberg, femme de l'ambassadeur.

производила то, что еще въ наше время лица, ѣзжавшія на лошадяхъ между Сердобскомъ и Москвою, встрѣчали почти на каждой станціи гравированный портретъ князя. Въ біографическомъ очеркѣ Горленко „Живописецъ В. Л. Боровиковскій“ (Русскій Архивъ 1891 г.) упоминается портретъ князя Алексѣя Борисовича Куракина кисти Боровиковскаго, принадлежащій г-жѣ Горголи (книга II, стр. 289), поясной портретъ князя Александра Борисовича, бывшій на исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVIII ст. въ Петербургѣ въ 1870 г. и принадлежащій С. А. Гедеонову (книга II, стр. 288), поясной портретъ княгини Наталіи Ивановны Куракиной 1790 г., принадлежащій князю А. Б. Куракину (II, 288), портретъ князя Алексѣя Борисовича Куракина, бывшій на московской выставкѣ портретовъ, устроенной въ 1868 г. Обществомъ любителей художествъ (II, 289). Есть также гравюры съ портретовъ князя Александра Куракина Вендрамини, Клаубера, Тассарта и Уткина (II, 291; см. выше). Въ отчетѣ Чертковской библіотеки за 1866 г. въ числѣ новыхъ пожертвованій въ нее упоминается гравированный портретъ князя Александра Борисовича, полученный отъ М. М. Евреинова (см. Русскій Архивъ 1867 г., столб. 316).

Въ Русской Старинѣ, т. XXII, 1878 г., на стр. 192, упоминается о Жанѣ Вуалѣ, придворномъ живописцѣ, написавшемъ портретъ князя Александра Куракина.

У Д. А. Ровинскаго (Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Т. II, Спб. 1887 г.), на стр. 1145—1155, описываются гравированные портреты разныхъ представителей и представительницъ рода князей Куракиныхъ, а между ними 17 портретовъ князя Александра Борисовича Куракина, т. е. на два болѣе, чѣмъ у Васильчикова; съ двухъ портретовъ имѣются и снимки.

Въ историческомъ альбомѣ портретовъ извѣстныхъ лицъ XVI—XVIII ст., представленныхъ на выставку Общества поощренія художествъ 1870 г., находятся фотографическіе снимки съ портретовъ княгинь Куракиныхъ: Александры Ивановны, Елены Степановны, Наталіи Ивановны, князей Бориса Ивановича, Алексѣя и Александра Борисовичей.

Извѣстны также гравированные снимки Надеждинскихъ видовъ. Такъ, на стр. 43 отчета Императорской публичной библіотеки за 1861 г. къ наиболѣе замѣчательнымъ пріобрѣтеніямъ въ отчетномъ году причислены: „Vues des châteaux, temples,

jardins et parcs de S. Alt. le Prince Alexandre Borissovitch Kourakin, à Nadejdino" (13 гравюръ русскихъ художниковъ: В. Иванова, И. Ческаго, Андр. Березникова, по рисункамъ Причетникова и Малютина). Большое количество этихъ гравюръ доселѣ хранится въ селѣ Надеждинѣ.

Во второмъ выпускѣ сочиненія Ю. Б. Иверсена „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ", Спб., 1880 г., помѣщено описаніе медали *), выбитой княземъ Александромъ Бор. Куракинымъ въ память избавленія отъ опасности въ 1810 г. (стр. 326), и описаніе восьмиугольнаго жетона, сдѣланнаго, вѣроятно, въ Парижѣ послѣ 1809 г., потому что на немъ князь Александръ Борисовичъ уже названъ „conseiller privé de la première classe". На лицевой сторонѣ, на мантіи, покрытой княжескою короною, изображенъ гербовый щитъ князей Куракиныхъ, положенный на звѣзду ордена св. Андрея Первозваннаго, обвѣшанный цѣпью того же ордена и многими другими орденскими знаками, съ девизомъ „За вѣру и вѣрность". На оборотной сторонѣ надпись: „Alexandre |Prince de Kourakin|, conseiller |privé actuel| de la première classe etc. etc. etc." (стр. 327). Жетонъ этотъ восьмиугольный; изображеніе его на таблицѣ XXVI, № 10; величина его 3,55".

Собраніе русскихъ медалей, изданное, по Высочайшему повелѣнію, Археографическою коммиссіею. Выпускъ V, Спб., 1856 г. Медали въ честь достопамятныхъ мужей русскихъ. На табл. X, № 51, стр. 98, описана медаль въ память избавленія князя Александра Борисовича Куракина отъ опасности во время пожара на балу у князя Шварценберга, въ августѣ 1810 г. На лицевой сторонѣ: „Alexander Borissovicz princeps Kurakin. N. 18 Jan. A. 1752" **). Поясное изображеніе князя Куракина, обращенное влѣво, въ орденской лентѣ, со звѣздами св. Андрея Первозваннаго, св. Владиміра и Почетнаго Легіона. На обратной сторонѣ вырѣзано: „Divino auxilio ereptus flammis ad suorum omniumque felicitatem Parisiis I Julii. A. D. MDCCCX" ***). Надпись эта помѣщена въ 8 строкахъ и окружена вѣнкомъ изъ лавровыхъ и дубовыхъ вѣтвей. Работа Дроза.

№ 1209, стр. 244. „Былъ я у нашей больной тетки", т. е. у княгини Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской. „Обѣдалъ я у князя Ивана Ивановича", т. е. Лобанова-Ростовскаго.

*) Изображеніе ея—на табл. XXVI, № 6.

**) Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, родился 18 января 1752 г.

***) Божіею помощью исторгнутъ изъ пламени для блага близкихъ и общаго въ Парижѣ 1 іюля 1810 г.

Князь Степанъ Борисовичъ былъ большой любитель покушать, и неудивительно, что въ этомъ письмѣ онъ съ большою аккуратностью отмѣчаетъ, гдѣ ежедневно обѣдалъ и ужиналъ. Замѣтимъ, что онъ былъ основателемъ и матадоромъ Московскаго англійскаго клуба, уставъ котораго и списокъ членовъ за послѣднюю четверть XVIII в. доселѣ хранится въ Надеждинскомъ архивѣ. Онъ былъ непремѣннымъ участникомъ московскихъ выдающихся свадебъ и вообще торжествъ: „Скажу вамъ, пишетъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій князю Александру Борисовичу, что у насъ на сихъ дняхъ совершилась скоропостижная свадьба: дочь меньшая Аграфена Петровна Савелова вышла за оберъ-полицеймейстера нашего Глазова. Князь Степанъ Борисовичъ былъ архитриклиномъ сего брака; слѣдовательно, не дремали за столомъ гости".—Русскій Архивъ 1876 г., книга III, стр. 259. „Съ собственнымъ вашимъ праздникомъ въ гофшпитали*) поздравляю. Братецъ вашъ сегодня въ потѣ лица подвизаться будетъ".—Стр. 408.

№ 1209, стр. 245. „У Юрія Александровича", т. е. Нелединскаго-Мелецкаго.

№ 1211, стр. 247. „Александръ Ильичъ останется до пути",—Бибиковъ былъ на пути противъ Пугачева и къ своей смерти. П. Б.

№ 1213, стр. 250. Дѣло, о которомъ говоритъ княжна Агриппина Александровна, объяснено нами въ VI томѣ „Архива", стр. 479—480.

№ 1215, стр. 252—253. Означенное письмо было уже напечатано покойнымъ М. И. Семевскимъ, послѣ перваго его посѣщенія села Надеждина, въ Русской Старинѣ. Т. XLIX, 1888 г., стр. 690.

№ 1215, стр. 253. Какъ хорошо добродушный князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ выразилъ отношеніе офицера къ Пугачеву. П. Б.

№ 1216, стр. 253. „Les affaires sont, pour ainsi dire, les épiceries des plaisirs,"—вотъ тогдашняя матеріальная философія. П. Б.

№ 1217, стр. 255. А какъ бы хорошо было князю тогда же сочетаться бракомъ! П. Б.

Ферзономъ, вѣроятно, Ферзеномъ. П. Б.

---

*) Письмо отъ 9 мая 1795 г. Такъ названъ существующій доселѣ Страннопріимный домъ князей Куракиныхъ въ Москвѣ у Красныхъ воротъ, основанный въ 1742 г., съ домовою церковью въ честь Чудотворца Николая. И въ наше время 6 декабря и 9 мая раздается милостыня нищимъ.

„О Каровѣ вы уже знаете“,—генералъ Карръ, какъ извѣстно, струсилъ передъ Пугачевымъ. П. Б.

№ 1219, стр. 259. „Что изволите думать объ увѣнчанномъ предпріятіи Алексѣя Разумовскаго?... Вы можете вспомнить, что во время моей слѣпоты его нареченная долго служила цѣлью всѣхъ моихъ желаній“.—Рѣчь идетъ о графинѣ В. П. Шереметевой, бывшей на два года старше князя Александра Борисовича. (См. предисловіе).

Графиня Варвара Петровна Шереметева была бы, конечно, больше подстать нашему князю, чѣмъ была она жестокому своему супругу. П. Б.

№ 1220, стр. 260. „Мать имѣлъ самаго первѣйшаго дома“.—Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной, фрейлинѣ, внучатной сестрѣ Императрицы Елисаветы, и взялъ за нею 44 тысячи душъ крестьянъ и между прочимъ домъ на Воздвиженкѣ (теперь графа Шереметева) и подмосковное село Петровское (нынѣ Петровско-Разумовское). См. „Семейство Разумовскихъ“ А. А. Васильчикова. Т. I, Спб., 1880 г., стр. 93—97.

„Имъ очень близко своя графиня Екатерина Ивановна“, т. е. Головкина, ур. княжна Ромодановская, р. 1701 г. ноября 22, въ замужествѣ, съ 1722 г. апрѣля 8, за вице-канцлеромъ, д. т. с. графомъ Михаиломъ Гавриловичемъ Головкинымъ (р. 1699 г., † въ Сибири въ ноябрѣ 1755 г.), съ 1730 г. статсъ-дама, двоюродная сестра Императрицы Анны Іоановны, такъ какъ ихъ матери, Салтыковы, были родныя сестры; † 1791 г. мая 20; ея мужъ былъ родной дядя отца той графини Елисаветы Гавриловны Головкиной, на которую имѣлъ виды князь Александръ Борисовичъ.

№ 1221, стр. 262. „Дядюшкѣ Степану Степановичу“, т. е. Апраксину.

„Дочери князя Андрея Ивановича“.—Княжна Аграфена Александровна ошиблась въ отчествѣ Суворовой: ее звали Варварой Ивановной, а отца ея Иваномъ Андреевичемъ. П. Б.

№ 1222, стр. 262. „Князь Николаю Васильевичу“, т. е. Репнину.

№ 1222, стр. 263. „Табакерки у меня отправить головой не съ кѣмъ“, т. е. совершенно не съ кѣмъ. П. Б.

„Поговори князь Николаю Алексѣевичу“, т. е. Голицыну, отцу извѣстнаго князя Михаила Николаевича († 1863 г.). П. Б.

№ 1225, стр. 267. „A cause des fiançailles du duc de

Courlande avec Mlle la princesse de Youssoupov''.—Бракосочетаніе совершилось 1774 г. марта 6, но семейное счастье продолжалось недолго, и въ 1778 г. Евдокія Борисовна развелась съ своимъ мужемъ, какъ и первая его супруга, герцогиня Каролина-Луиза, ур. принцесса Вальдекская.

№ 1227, стр. 269. „La comtesse Elisabeth“,—это графиня Елисавета Кирилловна Разумовская, вскорѣ послѣ того похищенная графомъ Апраксинымъ. П. Б.

„Le superbe comte A“... Это графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій. П. Б.

№ 1228, стр. 270. Овцына—тетка князя Ларіона Ларіоновича Васильчикова. П. Б.

№ 1230, стр. 271. Паперсь, иначе паперсень, паперсня,—нагрудный ремень у лошади, нагрудникъ; ольстра—чехолъ для пистолета или ружья; пахвы, правильнѣе пахви, пахвейный ремень,—это нахвостникъ, т. е. ремень, идущій отъ задней сѣдельной луки къ хвосту (до сихъ поръ въ кавалеріи слышится: „сбить кого съ пахвей“, т. е. сконфузить). См. также „Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора“ Павла Савваитова. Спб. 1896 г.

№ 1232, стр. 272. „Mon cher cousin“.—Графы Николай Петровичъ и Сергѣй Петровичъ Румянцевы приходились князю Александру Куракину троюродными братьями. Мать ихъ графиня Екатерина Михаиловна была дочь извѣстнаго петровскаго фельдмаршала князя Михаила Михаиловича Голицына отъ второго его брака съ княжною Татіаною Борисовною Куракиной, родною сестрою дѣда князя Александра Борисовича.

№ 1232, стр. 273. „J'attends... votre oncle et votre frère“.—Рѣчь идетъ о С. С. Апраксинѣ и князѣ Алексѣѣ Куракинѣ, которые прибыли въ Лейденъ для науки въ февралѣ или мартѣ 1774 г.

№ 1233, стр. 274. „Que pensez-vous du trait de votre oncle au sujet de ses terres de Pologne?“—Пожалованныя Екатериною имѣнія графъ Н. И. Панинъ раздѣлилъ между своими сотрудниками Бакунинымъ, Фонвизинымъ и Убри (только потомство послѣдняго изъ нихъ сохранило эти земли). П. Б.

№ 1238, стр. 277. „Une traduction que j'ai faite pour Петръ Ивановичъ“, т. е. для графа П. И. Панина. Княгиня Дашкова считала графовъ Паниныхъ себѣ дядями; въ Москвѣ она угощала своимъ переводомъ младшаго изъ нихъ, а потомъ захотѣла похвастать и передъ старшимъ. Всѣ трое въ то время

уже относились почти враждебно къ Екатеринѣ. Тогда именно былъ самый разгаръ пугачевщины. Ученица Ѳ. Д. Бехтѣева по тому времени хорошо владѣла русскимъ письменнымъ языкомъ. П. Б.

№ 1247, стр. 289. Какая заботливая и сердечная проницательность видна въ письмѣ тетки. П. Б.

№ 1247, стр. 290. „Головкина вамъ голову свертѣла",—это была оставшаяся въ дѣвицахъ графиня Елисавета Гавриловна, внучка по матери графа А. И. Шувалова, и потому очень богатая. П. Б.

№ 1248, стр. 291. „M. Diderot est retourné".—Дидеротъ возвратился тогда изъ своей поѣздки въ Петербургъ, гдѣ пробылъ около полугода. П. Б.

№ 1248, стр. 292. „Je serais charmé de voir M. Grimm".—Гриммъ, окончивши воспитаніе дармштадтскаго наслѣднаго принца, съ которымъ онъ пріѣзжалъ въ первый разъ въ Петербургъ, взялся руководить двухъ сыновей графа Румянцева. П. Б.

„J'apprends la maladie dangereuse du roi le Bien-Aimé".—Людовикъ XV вскорѣ умеръ отъ оспы. П. Б.

№ 1249, стр. 293. „Mon septième lustre",—княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ шелъ тогда тридцать первый годъ; lustre значитъ пятилѣтіе и происходитъ отъ латинскаго lustrum (день очищенія, праздновавшійся римлянами каждыя пять лѣтъ).

№ 1249, стр. 294. „Notre public est si peu indulgent, si prompt à juger sur les dehors".—Свѣтскихъ успѣховъ для горбатой княжны Анастасіи Михайловны Дашковой ожидать было трудно, а мать, очевидно, искала ей супруга въ князѣ Александрѣ Борисовичѣ. П. Б.

№ 1250, стр. 295. Это первое письмо Н. Н. Бантыша-Каменскаго къ князю Александру Борисовичу, положившее начало продолжительной дружественной перепискѣ, которая окончилась только со смертью Николая Николаевича въ 1814 г. До этого письма князь Александръ Борисовичъ совсѣмъ не зналъ Каменскаго (см. стр. 298). Часть этой переписки, а именно 97 писемъ Николая Николаевича за 1791—1795 гг., напечатана въ Русскомъ Архивѣ 1876 г., книга III, стр. 257—284, 385—411. Считаемъ далеко не лишнимъ помѣстить здѣсь предисловіе къ нимъ П. И. Бартенева.

Нижеслѣдующія письма извлечены изъ семейнаго архива князей Куракиныхъ, хранящагося въ селѣ Надеждинѣ Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи. Обширный и многосодержательный архивъ этотъ въ большей половинѣ своей состоитъ изъ писемъ разныхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей къ

извѣстному въ русской исторіи и уже знакомому нашимъ читателямъ канцлеру князю А. Б. Куракину. Роскошь рѣдко уживается съ порядкомъ и расчетливостью; но въ этомъ отношеніи великолѣпный, покрытый брильянтами и окруженный множествомъ всяческой прислуги, князь Куракинъ составлялъ счастливое исключеніе: повидимому, изнѣженный и утопавшій въ довольствѣ представитель сластолюбиваго XVIII вѣка былъ въ то же время расчетливымъ хозяиномъ, умѣлъ находить смышленыхъ и исполнительныхъ секретарей и приказчиковъ и отлично велъ сельскохозяйственныя и даже торговыя и откупныя дѣла свои. Всякаго рода письменная работа была для него ежедневною потребностью. Въ то время, какъ другіе вельможи разорялись, не зная счета деньгамъ, обкрадываемые своими повѣренными, князь Куракинъ самолично управлялъ обширными своими помѣстьями, и блестящая обстановка не вводила его въ долги. Можетъ быть, именно этою стороною своей дѣятельности пріобрѣлъ онъ благорасположеніе и даже пріязнь императрицы Маріи Ѳеодоровны, хозяйственныя способности которой, примѣненныя къ благотворительнымъучрежденіямъ, принесли столько добра нашему отечеству.

Князь Куракинъ имѣлъ привычку не только сберегать получаемыя письма, но и переплетать ихъ по годамъ и лицамъ. Замѣтимъ при этомъ любопытную сноровку его: чтобы не подвергнуть письма нескромности переплетчика, онъ предварительно перекрещивалъ ихъ нитками, концы которыхъ припечатывались его гербовою печатью, такъ что переплесть было можно, а прочитать нельзя, не сломавъ печати. Многіе десятки томовъ *), въ красномъ тисненомъ сафьянѣ, служатъ нынѣ памятникомъ обширныхъ и продолжительныхъ письменныхъ сношеній князя Куракина.

Съ любезнаго и просвѣщеннаго дозволенія его правнучатнаго племянника, князя Ѳедора Алексѣевича Куракина, которому теперь принадлежатъ эти бумаги, печатаются здѣсь выдержки изъ писемъ, которыя писалъ къ князю А. Б. Куракину пріятель его Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, уже въ то время служившій въ Московскомъ архивѣ Иностранной коллегіи (впослѣдствіи начальникъ этого архива). Мѣсто служенія и великіе труды по русской исторіографіи не помѣшали Бантышу-Каменскому оставаться человѣкомъ наблюдательнымъ и воспріимчивымъ; а для князя Куракина, жившаго по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ въ своемъ Надеждинѣ, эти письма изъ Москвы служили вмѣсто газетъ, которыхъ въ то время у насъ почти не было, что однако не препятствовало малому числу тогдашняго книжнаго люда знать довольно близко совершавшіяся европейскія и русскія событія. Въ понятіяхъ и отзывахъ своихъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій былъ отголоскомъ Лобановско-Куракинскаго московскаго кружка, представителемъ котораго, по смерти братьевъ графовъ Паниныхъ, является племянникъ ихъ князь Н. В. Репнинъ. (Мы уже имѣли случай указать на эту обширную семью приверженцевъ великаго князя Павла Петровича). Всѣ письма Бантыша-Каменскаго къ великолѣпному князю Куракину, считавшемуся въ родствѣ съ царскимъ домомъ, такъ какъ родная прабабка его была сестрою первой супруги Петра Великаго, начинаются со слова „Monseigneur“!

№ 1250, стр. 295. „Отъ его сіятельства вице-канцлера“, т. е. отъ князя Александра Михайловича Голицына. П. Б.

Родословіе князей Куракиныхъ, о которомъ идетъ рѣчь (см. также № 1264, стр. 309), было напечатано въ изданіи Н. И. Новикова „Древняя Россійская Вивліоѳика“, ч. V, Спб., 1774 г., на стр. 395—419 (тамъ же помѣщенъ рисунокъ герба князей Куракиныхъ и родословная таблица этой фамиліи), и затѣмъ перепечатано въ III томѣ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“,

---

*) Слѣдуетъ оговориться, что уважаемый П. И. Бартеневъ могъ видѣть въ 1876 г. лишь часть Куракинскаго архива, который въ настоящую минуту заботами его владѣльца князя Ѳ. А. Куракина, пополненъ множествомъ фамильныхъ бумагъ и достигъ 1400 томовъ, между коими до 100 томовъ относятся къ Петровской эпохѣ.

стр. 385—396. Родословіе это въ оригинальномъ его видѣ, переписанное собственноручно княземъ Александромъ Куракинымъ, находится въ одномъ изъ томовъ Куракинскаго архива, принадлежащемъ нынѣ П. И. Щукину, владѣльцу извѣстнаго музея въ Москвѣ. Въ январѣ 1895 г. оно было списано нами и, по свѣркѣ съ новиковской родословной, оказалось тождественнымъ съ нею, за исключеніемъ мелочей чисто корректурнаго свойства, напримѣръ, у князя Александра Борисовича сказано про князя Бориса Ивановича, что въ 1684 г. онъ былъ пожалованъ спальникомъ къ Петру I, а у Новикова, или, вѣрнѣе сказать, у Н. Н. Бантыша-Каменскаго,—стольникомъ.

Замѣтимъ, что нашъ знаменитый исторіографъ Г. Ф. Миллеръ, послѣ своего ученаго путешествія по Сибири, сильно увлекался русскимъ родословіемъ и, между прочимъ, исторіей князей Куракиныхъ.—А. Барсуковъ. Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія. (По поводу книги П. Н. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства"). Спб. 1887 г., приложеніе къ LIV тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, стр. 25; тамъ же на страницѣ 95 замѣтка о гербѣ князей Куракиныхъ, помѣщенномъ у Петрова. Въ портфеляхъ Миллера, хранящихся при библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, между прочимъ находятся слѣдующія рукописи: 1) Родословіе князей Куракиныхъ (№ 279, I, тетрадь 24), 2) Родословная князей Куракиныхъ, на нѣмецкомъ языкѣ, отъ князя Андрея Ивановича Кураки-Булгакова до князя Бориса-Леонтія Александровича (№ 279, II, тетрадь 33), 3) Родословная таблица происшедшихъ отъ литовскаго корня князей Куракиныхъ, отъ начала XIV в. до половины XVIII в., на нѣмецкомъ языкѣ (№ 279, II, тетради 34, 43, 44; № 284, II, тетр. 13; № 285, II, тетр. 12).

№№ 1252 и 1253, стр. 296—297. Левашовъ и Страховъ—чиновники Иностранной коллегіи; ихъ письма имѣются и въ Архивѣ князя Воронцова. П. Б.

№ 1253, стр. 298. „Князь Николай Борисовичъ", т. е. Юсуповъ.

№ 1255, стр. 300. „Онъ еще Собакинымъ представленъ",—Михаилъ Григорьевичъ Собакинъ былъ начальникомъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. П. Б.

№ 1257, стр. 302. „Le Duc et la Duchesse douairière", т. е. Петръ, герцогъ Курляндскій и Семигальскій, крестникъ

Петра Великаго, сынъ извѣстнаго Бирона, р. 1724 г. января 24, † 1800 г. января 13, и мать его Бенигна-Готлибъ, ур. Тротта фонъ-Трейденъ, р. 1703 г. октября 4, † 1782 г. ноября 5.

„J'ai trouvé ma sœur en bonne santé",—княжна Евдокія Борисовна Юсупова была за герцогомъ курляндскимъ Петромъ Бирономъ. П. Б.

№ 1260, стр. 305. Княгиня Дашкова хвастаетъ письмомъ Государыни передъ 22-хлѣтнимъ княземъ Куракинымъ и впередъ располагаетъ къ себѣ графа Панина. П. Б.

№ 1261, стр. 307—308. Сикстинская Мадонна тогда еще не была куплена. П. Б.

№ 1266, стр. 311. „Свѣтлѣйшій князь меня очень сконфузилъ", т. е. князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, генералъ-фельдмаршалъ.

„La princesse Dachkov part aujourd'hui pour Pétersbourg и очень считаетъ на тебя", т. е. въ смыслѣ женитьбы на ея дочери.

№ 1267, стр. 312. „Auprès de Mme la princesse de Galitsine, sa sœur",—братъ барона Лефорта, генералъ Лефортъ былъ женатъ на графинѣ фонъ-Шметтау, родной сестрѣ княгини Амаліи Самуиловны Голицыной, супруги посла въ Гагѣ и Парижѣ князя Димитрія Алексѣевича Голицына.

№ 1267, стр. 313. „La comtesse de Skavronski".—Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, родной племянникъ Екатерины I, былъ женатъ на баронессѣ Маріи Николаевнѣ Строгановой. П. Б.

№ 1271, стр. 316. „Отъ княжны Репниной", т. е. отъ старшей дочери князя Николая Васильевича, Александры Николаевны; р. 1757 г., † 1834 г. декабря 23; въ супружествѣ за генераломъ отъ кавалеріи княземъ Григоріемъ Семеновичемъ Волконскимъ; продолжательница славнаго рода Репниныхъ, такъ какъ по Высочайшему указу, отъ 12 іюля 1801 г., сынъ ея князь Николай Григорьевичъ получилъ право писаться княземъ Репнинымъ-Волконскимъ.

№ 1272, стр. 316. „La malheureuse famille de Bibikov", т. е. семейство генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова, которому въ концѣ 1773 г. было поручено подавленіе Пугачевскаго бунта; это было начато имъ вполнѣ удачно, но, къ сожалѣнію, его здоровье не выдержало безпрерывнаго труда, и 9 апрѣля 1774 г. онъ скончался въ городѣ Бугульмѣ.

№ 1274, стр. 319. „La comtesse de Bruce".—Она была родная тетка молодыхъ графовъ Румянцевыхъ. П. Б.

№ 1277, стр. 322. „L'opinion que j'ai sur Berlin".— Лѣтъ черезъ десять графу С. П. Румянцеву пришлось быть нашимъ посланникомъ въ Берлинѣ, но его скоро смѣнили. П. Б.

№ 1278, стр. 323. „Мы всѣ въ великомъ безпокойствѣ",— вслѣдствіе успѣховъ Пугачева, которому московская чернь уже начинала выражать сочувствіе. П. Б.

№ 1279, стр. 324. „О чемъ учредилась я съ Балашовымъ",— этотъ Балашовъ, кажется, служилъ въ Московскомъ Сенатѣ и былъ отецъ извѣстнаго Александра Димитріевича. П. Б.

№ 1280, стр. 324. „Князь Степану у меня квартера готова", такъ какъ онъ не остался до окончанія экспедиціи противъ Пугачева. Это видно изъ письма графа П. И. Панина къ брату графу Никитѣ Ивановичу, отъ 10 августа 1774 г.:

„Препровождаю съ нашимъ князь Степаномъ Борисовичемъ настоящую мою реляцію... Князь Степана Борисовича избралъ я къ сей посылкѣ въ семъ намѣреніи, что не предвижу ни пользы, ни чести, ни выгоды войтить ему ко мнѣ въ прежнее при своемъ генералѣ званіе, къ такому на меня возложенному дѣлу, кое при самомъ начатіи обращается въ сыскную разбойникамъ экспедицію. И если бы ему необходимо ѣхать со мною было надобно, то не инако, какъ развѣ на своемъ иждивеніи, по собственному усердію и желанію молодому офицеру научаться всему тому, что можетъ по военному ремеслу случаться. Но гораздо-бъ полезнѣе и удобнѣе для него я поставлялъ вступить ему теперь генеральсъ-адъютантомъ къ князю Николаю Васильевичу *), или, по послѣдней мѣрѣ, когда сей употребленъ будетъ въ посольство, быть употреблену же къ оному посольству. Князя Лобанова **) я полагаю взять къ себѣ въ должност флигель-адъютанта для того, что сіе можетъ ему доставить скорѣе капитанскій чинъ и настоящее мѣсто дворянину службы. Пожалуйте, драгоцѣнный другъ, скажите мнѣ скорѣе ваше объ нихъ обоихъ преположеніе. Я на случай, есл князь Степану Борисовичу непремѣнно при мнѣ быть надобно, сдѣлаю распоряженіе такое, чтобъ онъ въ то мѣсто ко мнѣ поѣхалъ, которое я установлю главнымъ моимъ плацъ-дармомъ ко отправленію моего служенія".—Русск Архивъ 1876 г., т. II, стр. 16.

Степанъ Борисовичъ состоялъ тогда въ чинѣ премьер майора (ему было 20 лѣтъ отъ роду).—Сборникъ Русскаго ист рическаго общества, т. VI, 1871 г., стр. 86, 97.

№ 1280, стр. 324. „О домѣ нашемъ мясницкомъ",—бывш домъ А. Д. Меншикова, что нынѣ зданіе московскаго почтам послѣ ссылки Меншикова въ Сибирь, пожалованъ князю А ксандру Борисовичу I 1730 г. ноября 17; въ 1755-1770 въ немъ жила княгиня Александра Ивановна Куракина; та у нея была домовая церковь во имя Св. Троицы; въ 178 1783 гг. въ немъ проживалъ князь Степанъ Борисовичъ К ракинъ съ молодою супругою своею Наталіей Петровной, у Нарышкиной; въ 1783 г. мая 3 домъ этотъ проданъ армян с. сов. Ивану Лазареву, а въ 1789 г. перешелъ по куп

*) Фельдмаршалу Репнину.

**) Сынъ княгини Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской, княжны Куракиной.

крѣпости въ казну для помѣщенія московскаго почтамта. Въ дѣлахъ почтоваго департамента 1792 г., подъ № 24, значится купчая, изъ коей видно, что въ 1783 г. мая 3 этотъ домъ купленъ Лазаревымъ у князей: дѣйствительнаго камергера Александра и братьевъ его,—изюмскаго гусарскаго полка подполковника Ивана и камергера Алексѣя Борисовичей Куракиныхъ.—Барановъ. Опись Высочайшимъ указамъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ архивѣ, за XVIII в., ст. 3916.—А. Мартыновъ. Русскія достопамятности. Т. II. М., 1870 г., стр. 11, 12, 14, 16, 20. (Статья Розанова „Церковь Архангела Гавріила, въ Москвѣ, на Чистомъ прудѣ, или Меншикова башня").

№ 1280, стр. 325. „А вчера брата отпустила", т. е. графа П. И. Панина, выѣхавшаго противъ Пугачева. „Братъ будетъ жить у насъ въ домѣ", т. е. графъ Н. И. Панинъ во время бракосочетанія Павла Петровича.

№ 1286, стр. 330 и № 1328, стр. 403. Здѣсь говорится, по нашему предположенію, про княгиню Аграфену Михаиловну Барятинскую, ур. княжну Лобанову-Ростовскую, двоюродную сестру князя И. И. Лобанова-Ростовскаго, женатаго на княжнѣ Е. А. Куракиной, теткѣ молодыхъ князей Куракиныхъ.

№ 1288, стр. 332. „Со временемъ обратится къ своимъ старымъ друзьямъ", т. е. графамъ Панинымъ. Говорится про Екатерину. П. Б.

„А мнѣ ихъ искать будетъ очень прикро", т. е. трудно.

№ 1290, стр. 334. „J'ai beaucoup admiré le traité même".—Прелиминаріи мира писаны по-итальянски графомъ С. Р. Воронцовымъ, который былъ мастеръ выражаться ясно и точно. П. Б.

№ 1291, стр. 335. „Наши господа упражняются игрищемъ", т. е. великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня (ср. № 1289).

№ 1292, стр. 335. „Свадьба графа Разумовскаго меня удивила",—графъ Петръ Кирилловичъ Разумовскій, второй сынъ гетмана, въ то время юноша 23 лѣтъ, но уже въ чинѣ полковника, женился противъ воли отца на вдовѣ Софіи Степановнѣ Чарторижской, рожденной Ушаковой, которая была лѣтъ на пять его старше. Отецъ ея служилъ петербургскимъ губернаторомъ и съ 1762 г. назначенъ сенаторомъ, а первый мужъ ея былъ флигель-адъютантомъ Петра III и принадлежалъ къ польско-малороссійской фамиліи, происходившей отъ побочной вѣтви князей Чарторижскихъ. Графиня Софія Степановна была боль-

шая кокетка и мотовка, притомъ недальняго ума и очень плохого здоровья. Старикъ Разумовскій называлъ ее картузной бабой.—А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. II, Спб., 1880 г., стр. 148.

№ 1294, стр. 337. „Руководство господъ Костюриныхъ всѣхъ больше въ этомъ способствуетъ“.—Дѣло идетъ о графинѣ Головкиной. Костюрины были ей по матери родня. П. Б.

№ 1302, стр. 353. „Thierca vous fait ses compliments“,—„Тирка“—фамиліарное прозвище спутника князя Алексѣя Борисовича, майора Тира, котораго графъ Н. И. Панинъ часто употреблялъ для разныхъ порученій; впослѣдствіи онъ, повидимому, состоялъ адъютантомъ при фельдмаршалѣ графѣ П. А. Румянцевѣ-Задунайскомъ и упоминается въ письмахъ графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу. (Изд. графа Д. А. Толстого, Спб., 1888 г., стр. 205, 234).

„Je sais distinguer nos princes, qui sont des particuliers, d'avec les princes de leur pays qui sont des princes dans toute la force du mot“,—любопытное различеніе княжескаго титула у насъ и въ чужихъ краяхъ. П. Б.

У князя Александра Борисовича еще была свѣжа въ памяти печальная участь многихъ изъ его предковъ, когда-то владѣтельныхъ Божіею милостіею князей, сдѣлавшихся затѣмъ безправными московскими слугами, часто слагавшими голову на плахѣ. Такъ, при Грозномъ былъ насильственно постриженъ въ 1565 г. и казненъ въ 1567 г. бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Куракинъ, а въ 1575 г. и его братъ князь Петръ Андреевичъ.—См. т. I „Архива князя Ѳ. А. Куракина“, Спб., 1890 г., стр. 356.—Н. Я. Аристовъ. Невольное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII столѣтія. Древняя и Новая Россія, т. II, стр. 223.—Артемьевъ. Синодикъ Іоанна Грознаго. Отдѣльный оттискъ изъ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1847 г., стр. 46.—Синодикъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, найденный въ 1809 г. сенаторомъ К. М. Бороздинымъ въ числѣ ветхихъ рукописей, предназначенныхъ къ уничтоженію. Этотъ синодикъ, или поминанье по опальнымъ, былъ присланъ въ монастырь царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ за годъ до его кончины. Во II части его, на стр. 432, подъ № 79, записанъ престарѣлый бояринъ князь Петръ Андреевичъ Куракинъ, показанный въ послужномъ спискѣ 1576 г. „выбывшимъ“. По немъ въ числѣ другихъ опальныхъ,—избіенныхъ, потопленныхъ и сожженныхъ съ жены

ъ, и чады, и домочадцы, служилась соборомъ въ сыропуст-
ю субботу заупокойная обѣдня.—Устряловъ. Сказанія князя
рбскаго. Изд. II, Спб., 1842 г., стр. 409—411.—Князь
Щербатовъ. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ.
III, Спб., 1774 г., стр. 372 и прим. (здѣсь же подробная
писка изъ разрядныхъ книгъ о службѣ князя Петра Андрее-
а Куракина).—Систематическіе списки боярамъ, окольничь-
ъ и думнымъ дворянамъ съ 1468 г. до уничтоженія сихъ
новъ. Спб., 1833 г., стр. 6—10, 35.

№ 1302, стр. 354. „La belle cousine de Boutourline",—
жетъ быть, графиня Марія Романовна Бутурлина, ур. гра-
ня Воронцова, жена графа П. А. Бутурлина (р. 1734 г.,
1787 г.). П. Б.

Французскимъ слогомъ князь Алексѣй Борисовичъ уступалъ
ршему брату. П. Б.

„Une copie de votre portrait et de Lisabetha Pétrovna",—
, можетъ быть, графиня Елисавета Петровна Бутурлина, впо-
дствіи супруга тайн. сов. Адріана Ивановича Дивова; она
ходилась троюродной сестрою молодымъ князьямъ Кураки-
мъ, такъ какъ ея бабка графиня Екатерина Борисовна,
руга фельдмаршала, и дѣдъ сихъ послѣднихъ были родные
тъ и сестра.

№ 1314, стр. 376. „Un seul a semblé vouloir faire ex-
tion à la règle",—это, вѣроятно, Александръ Львовичъ
рышкинъ (см. стр. 330 и 394), а, можетъ быть, и князь
колай Алексѣевичъ Голицынъ (см. отзывы о немъ Пестеля и
форта, стр. 114, 175—176).

№ 1319, стр. 385. „Pendant le temps que la comtesse de
soumovski était ici",—это графиня Варвара Петровна Разу-
вская, ур. Шереметева. Mme Golovine—пріятельница Диде-
та, родная бабка графа С. С. Уварова, ур. княжна Голи-
на. П. Б.

№ 1321, стр. 391. „Черезъ Григорія Александровича",
е. Потемкина.

№ 1323, стр. 394. „Pour fouetter notre frère Jean".—
язь Иванъ Борисовичъ, которому былъ тогда пятнадцатый
ъ, воспитывался въ Сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ
пусѣ и отличался вообще плохимъ поведеніемъ. По обычаю,
го державшемуся въ княжескихъ семействахъ, дѣтей сѣкли не
ернеры или прислуга, а кто-нибудь изъ близкихъ родствен-
ковъ,—„княжеской рукою". Поклонникъ энциклопедистовъ

князь Александръ Борисовичъ съ розгою въ рукѣ долженъ былъ, дѣйствительно, представлять странное зрѣлище.

№ 1324, стр. 397. „Avec M. de Zinoviev, le frère de Cathérina Alexéïevna“,—въ родословной Зиновьевыхъ у князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго (ч. I, стр. 215) Екатерина Алексѣевна не упоминается. Не ошибся ли князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, и не говорится ли здѣсь о фрейлинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Зиновьевой, р. 1751 г., † 1836 г., съ 1771 г. іюля 29 бывшей въ замужествѣ за генералъ-поручикомъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ?

№ 1325, стр. 397. „A Mlle Genouïov“,—конечно, слово искаженное; можетъ быть, Mlle Зиновьева.

№ 1327, стр. 400. „Mmes de L., C. et Mlles La P.“, т. е. Mmes de Leyde, Changuion et Mlles La Pierre.

№ 1328, стр. 401. „La princesse de G.“, т. е. княгиня Амалія Самуиловна Голицына, супруга нашего посла въ Гагѣ.

№ 1330, стр. 404. „Мое упражненіе могло меня наставить на ту путь, въ которой вы находитесь“.—Любопытно, что князь Алексѣй Борисовичъ слово путь употребляетъ въ женскомъ родѣ, какъ доселѣ иногда слышится у простонародья. П. Б.

№ 1330, стр. 405. „О провожденіи празднаго моего время,“ т. е. времени, свободнаго отъ обычныхъ занятій.

„Ни фехтованіе, ни манежъ, ни танцы“.—Какъ мы увидимъ далѣе, князь Александръ Борисовичъ требовалъ обязательно отъ брата, чтобы тотъ бралъ уроки танцевъ; самъ онъ, по разсказамъ современниковъ, танцовалъ превосходно и былъ обычнымъ кавалеромъ Императрицы Маріи Θеодоровны. Такъ, во время коронаціи Императора Павла балъ въ Грановитой палатѣ открыла Императрица менуэтомъ съ княземъ Александромъ Борисовичемъ.—Записки генералъ-адъютанта графа Е. Θ. Комаровскаго. Русскій Архивъ 1867 г., стлб. 236.

№ 1331, стр. 406. „Cette mort subite de la comtesse de Panine“, т. е. Маріи Родіоновны, скончавшейся въ родахъ, всего 30 лѣтъ, и оставившей двухъ маленькихъ дѣтей: Никиту Петровича и Софію Петровну. П. Б.

№ 1336, стр. 416. „Sa Majesté ne reviendra que du mois de mai en un an“,—Екатерина возвратилась въ Петербургъ въ декабрѣ этого года. П. Б.

№ 1337, стр. 416. „Дальній путь“, т. е. Константинополь. П. Б.

№ 1339, стр. 417. Князь Н. В. Репнинъ ѣхалъ тогда въ

Хотинъ для ратификаціи мира съ турками. Любопытно, что онъ такъ дружески относился къ молодому племяннику своей супруги. П. Б.

№ 1341, стр. 420. „Sa maison ne m'a point semblé trop gaie",—послѣ безпечности, живости и распущенности петербургскихъ вечеровъ, лейденское общество должно было показаться нашей золотой молодежи нестерпимо чопорнымъ и скучнымъ (ср. отзывъ князя Александра Борисовича, книга V, стр. 356).

„Vous languissez depuis près de trois années en Esthonie". Итакъ, по мнѣнію С. С. Апраксина, Петербургъ въ Эстоніи. П. Б.

№ 1341, стр. 421. „Il est bien plus aisé d'être un bon général qu'un grand ministre".—Изъ С. С. Апраксина не вышло ни хорошаго генерала, ни искуснаго правителя. П. Б.

№ 1343, стр. 423. „Il a renvoyé son maître d'écriture".—Князь Алексѣй Борисовичъ писалъ вообще неразборчиво, а почеркъ его въ старости доступенъ лишь спеціалистамъ.

№ 1345, стр. 425. „Il se nomme Radigués",—это знаменитый граверъ на мѣди Антоній Радигъ; р. въ Реймсѣ въ 1721 г., въ 1764 г. былъ приглашенъ въ Петербургскую Академію художествъ; впослѣдствіи былъ ея совѣтникомъ; † въ 1809 г. въ Петербургѣ. Въ то время ему жилось, вѣроятно, не легко, и свою извѣстность онъ получилъ нѣсколько позже. Онъ гравировалъ еще портретъ князя Бориса-Леонтія Александровича Куракина, а въ 1779 г. и князя Александра Борисовича (см. стр. 448).

№ 1347, стр. 426. „Que j'en apprenne bientôt des nouvelles",—ожиданія исхода беременности великой княгини Наталіи Алексѣевны. П. Б.

№ 1351, стр. 430. Княжна Александра Николаевна Репнина—впослѣдствіи княгиня Волконская, статсъ-дама, оберъ-гофмейстерина. П. Б.

Что касается примѣчаній къ собственнымъ именамъ, встрѣчаемымъ въ настоящей книгѣ „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", то всѣ необходимыя объясненія и біографическія данныя помѣщены въ надлежащихъ мѣстахъ алфавитнаго указателя.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ СЕДЬМОЙ КНИГѢ

„АРХИВА КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА“.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

П.

Р.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННЫХЪ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ СЕДЬМОЙ КНИГѢ

„АРХИВА КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА".

А.

B.

C.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ „АРХИВА КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА".

Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина

1713 г.

Примѣчаніе 1-е. А обозначаетъ документы, представляющіе собою собственноручные подлинники, Б—подлинники, лишь подписанные собственноручно, В—собственноручные черновики, Г—черновики, лишь отчасти собственноручные, Д—черновики подьяческіе или руки разныхъ лицъ, Е—собственноручныя копіи, Ж—копіи подьяческія или руки разныхъ лицъ.

Примѣчаніе 2-е. Документы, отмѣченные звѣздочкою, помѣщены въ сокращенномъ видѣ, въ виду повтореній и по другимъ причинамъ. Обращенія въ письмахъ, а также обычныя заключительныя строки ихъ вообще выбрасывались.

Ред.

Бумаги князя Александра Борисовича Куракина 1771—1775 гг.

1123. 1772 г. мая 26. Графъ Н. И. Панинъ—барону Сальдерну	99	160, 101—102		Б.
1124. 1772 г. августа 15. Графъ Н. И. Панинъ—барону Сальдерну	99—100	160, 122—124		Б.
1125. 1772 г. октября 26. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	101—102	365, 73—76	12547	А.
1126. 1772 г. ноября 4. Князь Александръ Куракинъ—Муасси	102—104	977, 487—489	12557	В.
1127. 1772 г. ноября 16. Графъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ—князю Александру Куракину	104—105	441, 72	12558	А.
1128. 1772 г. ноября 21. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	105—106	365, 77—79	12559	А.
1129. 1772 г. ноября 24. Князь Александръ Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	106—108	977, 238—242	12560	А.
1130. 1772 г. декабря 2. Княгиня Н. А. Репнина—князю Александру Куракину	108—109	432, 34—35	12568	А.
1131. 1772 г. декабря 8. И. И. Крокъ—князю Александру Куракину . . .	109—110	441, 43—46	12573	А.
1132. 1772 г. декабря 10. Профессоръ Пестель—князю Александру Куракину	110—114	442, 9—16	12576	А.
1123*. 1772 г. декабря 15. Княгиня Н. А. Репнина—князю Александру Куракину	114—115	432, 36—37	12578	А.
1134*. 1772 г. декабря 21. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	115—116	365, 80—83	12582	А.
1135. 1772 декабря 22. Керру—князю Александру Куракину	116—125	443, 43—54	12583	А.
1136. 1772 декабря 27. Графъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ—князю Александру Куракину	125	441, 51—54	12584	А.
1137. 1772 г. декабря 29. И. И. Крокъ—князю Александру Куракину . . .	126	441, 47—50	12585	А.
1138. 1772 г. декабря 30. Князь Александръ Куракинъ—барону Сальдерну . . .	126—127	977, 503—505	12586	А.
1139. 1772 г. декабря 31. Князь Александръ Куракинъ—Цесаревичу Павлу Петровичу	127—130	977, 245—252	12587	А.
1140. [1773 г.]. Планъ путешествія по Италіи	131—134	973, 219—224	12591	В.
1141. [1773 г.]. Черновыя замѣтки князя Александра Куракина о чтеніи книгъ . . .	134—136	113, 12—18	12596	В.
1142. [1773 г.]. Различныя замѣтки князя Александра Куракина	137—139	114, 177—179	12607	В.
1143. [1773 г.]. Князь Александръ Куракинъ—NN	139—141	113, 62—67	12613	В.

1165*. **1773 г.** апрѣля 4. Баронъ Лефортъ—князю Александру Куракину. . . .	175—176	443, 29—32	12718 А.
1166. **1773 г.** апрѣля 6. Лейшерингъ—князю Александру Куракину. . . .	176—177	443, 69—70	12720 А.
1167. **1773 г.** апрѣля 7. Князь Александръ Куракинъ—Лейшерингу.	177—179	110, 16—18	12723 В.
1168. **1773 г.** апрѣля 8. И. И. Крокъ—князю Александру Куракину. . . .	179	443, 236—238	12724 А.
1169. **1773 г.** апрѣля 21. Графъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ—князю Александру Куракину	180—183	443, 250—257	12732 А.
1170. **1773 г.** апрѣля 26. Князь Александръ Куракинъ—графу Н. И. Панину .	183—184	977, 547—549	12735 В.
1171. **1773 г.** апрѣля 26. Князь Александръ Куракинъ—посланнику графу Сальдерну	185—187	977, 550—553	12736 В.
1172. **1773 г.** мая 10. Баронъ Сальдернъ—князю Александру Куракину. . . .	187—188	443, 168—169	12743 А.
1173. **1773 г.** мая 13. Графиня Кейзерлингъ—князю Александру Куракину . .	188—189	443, 67—68	12745 А.
1174. **1773 г.** мая 13. Князь Александръ Куракинъ—барону Сальдерну . . .	189—191	977, 566—569	12747 В.
1175. **1773 г.** мая 14. Князь Александръ Куракинъ—княгинѣ А. И. Куракиной	191—194	977, 570—574	12748 В.
1176*. **1773 г.** мая 14. Князь Александръ Куракинъ—княгинѣ А. А. Куракиной.	194—195	977, 575—576	12749 В.
1177. **1773 г.** мая 16. Князь Александръ Куракинъ—И. И. Кроку	195—196	977, 582—583	12751 В.
1178. **1773 г.** мая 16. Князь Александръ Куракинъ—графу Н. И. Панину .	196—198	977, 578—581	12752 В.
1179. **1773 г.** мая 18. Георгъ-Карлъ, ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій,—князю Александру Куракину.	198—202	972, 76—78	12754 А.
1180. **1773 г.** мая 29. И. И. Крокъ—князю Александру Куракину	202	443, 239—241	12766 А.
1181. **1773 г.** мая 29. Баронъ Сальдернъ—князю Александру Куракину. . . .	203	443, 171	12768 А.
1182. [**1773 г.** іюнь]. Записка Ивану Соловьеву, что исполнить къ прибытію сюда на сихъ дняхъ князя Александра Борисовича	203—205	1397, 166	12770 Б.
1183. [**1773 г.** іюнь]. Князь Александръ Куракинъ—графу Н. И. Панину	205—207	977, 597—599	12771
1184. **1773 г.** іюня 3. Князь Александръ Куракинъ—барону Сальдерну	207—209	160, 111—117	12773
1185. **1773 г.** іюня 18. Лефортъ—князю Александру Куракину	209—210	443, 33—36	12777 А.

1206. **1773 г.** октября 21. Графъ Сольмсъ—князю Александру Куракину . .	242—243	443,	79—80	12893 А.
1207. **1773 г.** октября 28. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	243	365,	136—137	12895 А.
1208*. **1773 г.** октября 30. Князь Алексѣй Куракинъ—княгинѣ А. И. Куракиной	243—244	110,	33—35	12897 А.
1209*. **1773 г.** октября 31. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину	244—245	401,	16—17	12901 А.
1210. **1773 г.** ноября 5. Графъ А. С. Мусинъ-Пушкинъ—князю Александру Куракину.	245—247	443,	264—267	12907 А.
1211*. **1773 г.** ноября 14. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину	247—248	401,	18	12912 А.
1212. **1773 г.** ноября 14. Георгъ-Карлъ, ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій,—князю Александру Куракину	248—250	972,	84—86	12913 А.
1213*. **1773 г.** ноября 14. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	250—251	365,	141—144	12914 А.
1214*. **1773 г.** ноября 21. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	251—252	365,	147—149	12919 А.
1215. **1773 г.** декабря 5. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину	252—253	401,	3	12930 А.
1216. **1773 г.** декабря 7. Профессоръ Пестель—князю Александру Куракину	253—254	443,	5—8	12931 А.
1217*. **1773 г.** декабря 8. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	254—255	365,	151—153	12932 А.
1218*. **1773 г.** декабря 11. Профессоръ Пестель—князю Александру Куракину	250	444,	160	12933 А.
1219. **1773 г.** декабря 16. Князь Александръ Куракинъ—графу П. И. Панину	256—260	110,	307—311	12938 Д.
1220*. **1773 г.** декабря 19. Княгиня А. А. Куракина—князю Александру Куракину.	260—261	365,	156—160	12939 А.
1221*. **1773 г.** декабря 19. Князь Степанъ Куракинъ—князю Александру Куракину	262	401,	4	12940 А.
1222. **1773 г.** декабря 23. Баронъ Г. Н. Строгановъ—князю Александру Куракину.	262—263	444,	399—402	12944 А.
1223. **1774 г.** января 2. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	263—264	365,	162	13009 А.
1224*. **1774 г.** января 4. Баронъ Лефортъ—князю Александру Куракину	264—267	444,	91—98	13012 А.
1225*. **1774 г.** января 7. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	267	378,	30—33	13016 А.

1244. [1774 г., конецъ марта или начало апрѣля]. Княгиня Е. Р. Дашкова—князю Александру Куракину	286—287	444, 74—76	13091 А.
1245. 1774 г. апрѣля 10. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	287—288	365, 173—174	13102 А.
1246. [1774 г.] апрѣля 12. Княгиня Е. Р. Дашкова—князю Александру Куракину . .	288—289	444, 77—78	13106 А.
1247*. 1774 г. апрѣля 14. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	289—290	365, 175—178	13108 А.
1248*. 1774 г. апрѣля 25. Профессоръ Пестель—князю Александру Куракину.	290—292	444, 150—155	13117 А.
1249. [1774 г.] мая 5. Княгиня Е. Р. Дашкова—князю Александру Куракину . .	293—294	444, 79—82	13131 А.
1250. 1774 г. мая 8. Н. Н. Бантышъ-Каменскій—князю Александру Куракину .	295	444, 327—328	13137 А.
1251*. 1774 г. мая 12. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину . .	295—296	365, 186—188	13142 А.
1252. 1774 г. мая 15. П. А. Левашовъ—князю Александру Куракину	296—297	444, 441—444	13143 А.
1253. 1774 г. мая 17. П. В. Страховъ—князю Александру Куракину	297—298	444, 437—440	13146 А.
1254. 1774 г. мая 21. Баронъ Сальдернъ—князю Александру Куракину . . .	298—300	444, 356—358	13151 А.
1255*. 1774 г. мая 22. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину . .	300	365, 189	13152 А.
1256. 1774 г. мая 25. Князь Александръ Куракинъ—князю Степану Куракину	301—302	401, 20—23	13155 А.
1257*. [1774 г.] мая 27. Князь Н. Б. Юсуповъ—князю Александру Куракину . .	302—303	444, 231—233	13159 А.
1258. [1774 г.] мая 28. Княгиня Е. Р. Дашкова—князю Александру Куракину.	303—305	444, 83—86	13160 А.
1259. 1774 г. мая 30. Баронъ Сальдернъ—князю Александру Куракину. . . .	305	444, 359	13161 А.
1260*. [1774 г. іюнь]. Княгиня Е. Р. Дашкова—князю Александру Куракину . .	305—306	444, 87—89	13163 А.
1261. [1774 г.] іюня 6. Графъ С. П. Румянцевъ—князю Александру Куракину . .	306—308	444, 207—211	13172 А.
1262*. 1774 г. іюня 9. Княгиня Н. А. Репнина—князю Александру Куракину . .	308—309	432, 62—63	13173 А.
1263. 1774 г. іюня 16. Графа П. И. Панина къ домовымъ дѣламъ князей Куракиныхъ приказъ	309	1397, 209	13180 Б.
1264. 1774 г. іюня 23. П. В. Страховъ—князю Александру Куракину	309—310	444, 450—452	13188 А.
1265*. 1774 г. іюня 30. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину .	310—311	365, 195—197	13193 А.

1286*. 1774 г. сентября 29. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	330	365, 217—218	13284 А.
1287*. [1774 г.] октября 2. Графъ Н. П. Румянцевъ—князю Александру Куракину	331	444, 236—237	13292 А.
1288*. 1774 г. октября 6. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	331—332	365, 219	13298 А.
1289. 1774 г. октября 16. Распредѣленіе ролей на придворномъ спектаклѣ .	332—333	996, 71	13303 А.
1290. 1774 г. октября 18. Профессоръ Пестель — князю Александру Куракину	333—335	444, 138—141	13306 А.
1291*. 1774 г. ноября 13. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	335	365, 243—245	13343 А.
1292. 1774 г. ноября 17. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину.	335—336	365, 239—240	13347 А.
1293*. 1774 г. ноября 17. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину	336	365, 241—242	13348 А.
1294*. 1774 г. декабря 4. Княжна А. А. Куракина—князю Александру Куракину.	336—337	865, 248—250	13361 А.
1295*. 1774 г. декабря 8. Князь Н. Б. Юсуповъ—князю Александру Куракину .	337—338	444, 251—253	13366 А.
1296*. 1774 г. декабря 11. Княгиня А. И. Куракина—князю Александру Куракину	338	365, 253—254	13369 А.
1297. [1775 г.]. Лакость де-Мезіеръ — князю Александру Куракину	338—340	441, 181—184	13385 А.
1298. [1775 г.]. Наставленіе барона Лефорта сыновьямъ при поступленіи ихъ на службу	341—349	441, 200—214	13386 Ж.
1299*. 1775 г. января 7. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину	349—350	445, 21—22	13466 А.
1300. 1775 г. января 8. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	350—352	378, 158—162	13467 А.
1301*. [1775 г.] января 13. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину. .	352	445, 17	13475 А.
1302. 1775 г. января 14. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	352—354	378, 153—156	13479 А.
1303. 1775 г. января 14. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину .	354—355	445, 23—25	13480 А.
1304. 1775 г. февраля 10. Ольдекопъ—князю Александру Куракину	355—356	433, 93—95	13496 А.
1305*. [1775 г., вторая половина февраля]. Графъ С. П. Румянцевъ—князю Александру Куракину	356—357	441, 139—142	13502 А.

1326. [1775 г. май]. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину	398—400	445, 58—61	13572 А.
1327. 1775 г. мая 4. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину. . . .	400—401	445, 41—44	13575 А.
1328*. 1775 г. мая 5. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину . .	401—403	378, 61—68	13576 А.
1329*. 1775 мая 5. Муасси—князю Александру Куракину.	403—404	445, 267—268	13577 А.
1330*. 1775 г. мая 11. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	404—406	378, 69—72	13583 А.
1331*. 1775 г. мая 14. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину	406—407	445, 45—49	13585 А.
1332*. 1775 г. мая 19. Баронъ Лефортъ—князю Александру Куракину. . . .	408	445, 179—184	13591 А.
1333*. 1775 г. мая 25. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину . .	408—412	378, 73—78	13596 А.
1334*. 1775 г. мая 26. Муасси—князю Александру Куракину.	412—413	445, 277	13597 А.
1335*. 1775 г. мая 26. Баронъ К. И. Остенъ-Сакенъ—князю Александру Куракину	414—415	427, 38—41	13598 А.
1336*. 1775 г. мая 28. Эмануилъ Репей—князю Александру Куракину. . . .	416	445, 313—315	13600 А.
1337. 1775 г. мая 28. Княгиня Н. А. Репнина—князю Александру Куракину . .	416	445, 4	13601 А.
1338*. 1775 г. мая 28. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину. . . .	416—417	445, 52—53	13602 А.
1339. 1775 г. мая 29. Князь Н. В. Репнинъ—князю Александру Куракину . .	417—418	432, 71—73	13603 А.
1340*. 1775 г. іюня 1. И. В. Страховъ—князю Александру Куракину	418—419	446, 133—136	13607 А.
1341*. 1775 г. іюня 6. С. С. Апраксинъ—князю Александру Куракину . . .	419—421	445, 62—65	13611 А.
1342*. 1775 г. іюня 9. Ольдекопъ—князю Александру Куракину	421—422	433, 111—116	13614 А.
1343*. 1775 г. іюня 11. Муасси—князю Александру Куракину.	422—423	445, 269—271	13620 А.
1344. 1775 г. іюня 14. Духовное завѣщаніе мамки князя Александра Куракина Матрены Прокофьевой и расходъ на ея погребеніе.	423—424	1397, 249—250	13622 Б.
1345*. 1775 г. іюня 15. Эмануилъ Репей—князю Александру Куракину. . . .	424—425	445, 321	13623 А.
1346*. 1775 г. іюня 16. Князь Алексѣй Куракинъ—князю Александру Куракину	425—426	378, 79—81	13625 А.
1347*. 1775 г. іюня 20. Баронъ Лефортъ—князю Александру Куракину. . . .	426—427	445, 187—190	13630 А.

ПОПРАВКИ

къ VII книгѣ „Архива князя Ѳ. А. Куракина“.

Страница	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Должно быть:
13	4	—	будемъ	будетъ
26	7	—	présenta	présentât
26	14	—	si tôt	sitôt
98	18	—	Boulogne	Bologne
114	24	—	la Haye	La Haye
117	12	—	heurenx	heureux
140	4	—	gents	gens
141	—	5	perpétuelles	perpétuelle
147	—	5	fût	fut
156	18	—	Toussadier	Foussadier
174	—	2	psa	pas
188	—	13	1773	1173
217	6	—	ou	où
223	17	—	miason	maison
233	8	—	apparemmeut	apparemment
270	—	11	Alxeandre	Alexandre
272	—	2	plaine	pleine
272	—	2	témoignage	témoignages
273	3	—	dirais	dirai
276	-	4	Васильевичъ	Владимiровичъ
281	18	—	la Haye	La Haye
285	—	1	toute	lettre
286	—	17	perdrai	prendrai
288	—	12	saisi	saisie
292	—	9	Freiberg	Fribourg
295	—	2	сходитъ	сходить
304	—	11	aie	ait
321	—	6	ui	lui
329	6	—	affraire	affaire
334	7	—	partiotisme	patriotisme
346	—	6	raport	rapport
376	15	—	1774	1775
380	2	—	Allemand	allemand
380	10	—	apprend	apprends
382	—	1	j'aurai	j'aurais
382	—	2	j'aurai	j'aurais
395	11	—	envirous	environs
400	—	9	L.	L.,
403	1	—	1338—1339	1328—1329
404	1	—	1339	1329

Монастыр. пр. при Петрѣ I, А. А. Нартовъ, през. Ак. н. († 1813 г.), А. К. Нартовъ, совѣт. Ак. н. († 1754 г.), И. М. Наумовъ, пис. († 1838 г.), Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, сен., пис. († 1829 г.), М. Я. Нарышкина, у. княжна Лобанова-Ростовская, с. оберъ-гофм. († 1854 г.), Н. Ѳ. Нарышкина, у. гр. Ростопчина, с. таврич. губ., И. И. Неплюевъ, послан. († 1773 г.), П. Х. Обольяниновъ, ген.-прокур. († 1841 г.), В. В. Оладьинъ, сек. кн. В. И. Куракина, А. Н. Оленинъ, д. т. с., дир. Имп. п. б., през. Имп. Ак. х., пис. († 1843 г.), М. Д. Олсуфьевъ, обер.-гофмар. († 1753 г.), гр. А. И. Остерманъ, ген.-адм. († 1747 г.), гр. И. А. Остерманъ, вице-канц. († 1811 г.), гр. К. И. Остенъ-Сакенъ, одинъ изъ воспитателей цес. Павла Петровича († 1808 г.), М. И. Отто, дипл., имп. Павелъ I, Палласъ, ак. († 1811 г.), гр. Н. И. Панинъ, канц., воспитатель цес. Павла Петровича († 1783 г.), гр. Н. П. Панинъ, мин. ин. д. († 1837 г.), гр. П. И. Панинъ, ген.-анш. († 1789 г.), имп. Петръ I, П. Н. Приклонскій, камерг., поэтъ, кн. А. А. Прозоровскій, фельдм. († 1809 г.), кн. А. П. Прозоровскій, бояринъ, гр. П. К. Разумовскій, обер.-камерг. († 1823 г.), кн. Н. А. Репнина, у. княжна Куракина, с. фельдм. († 1797 г.), кн. А. И. Репнинъ, фельдм. († 1826 г.), кн. Н. В. Репнинъ, фельдм. († 1801 г.), князь-кесарь Ѳ. Ю. Ромодановскій, († 1717 г.), гр. А. И. Румянцевъ, ген.-анш., послан. († 1745 г.), гр. Н. П. Румянцевъ, канц. († 1826 г.), гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій, фельдм. († 1796 г.), гр. С. П. Румянцевъ, д. с. с. († 1838 г.), П. С. Руничъ, сен., пис. († 1825 г.), А. А. Салтыкова, у. княжна Куракина († 1836 г.), кн. А. Н. Салтыковъ, тов. мин. вн. д. († 1837 г.), В. П. Салтыковъ, т. с., оберъ-камерг., Ѳ. С. Салтыковъ, морякъ и дипл. († 1715 г.), А. А. Самборскій, протоіерей, пис. († 1815 г.), Самуилъ, мит. кіев. († 1796 г.), бар. А. Н. Сердобинъ, воспитан. кн. Александра Вор. Куракина, герц. Серра-де-Капріоля, неаполит. пос., зять кн. А. А. Вяземскаго († 1822 г.), гр. Я. К. Сиверсъ, ген. († 1810 г.), бар. О. А. Соловьевъ, торг. агентъ († 1747 г.), гр. М. М. Сперанскій, въ молодости домаш. учит. у кн. Алексѣя Вор. Куракина († 1839 г.), Станиславъ II Августъ (кн. Понятовскій), послѣд. король польскій († 1798 г.), гр. П. А. Строгоновъ, ген.-ад. († 1817 г.), фонъ-Струве, дипл. († 1850 г.), В. С. Тамара, т. с., дипл., А. Г. Тепловъ, д. т. с., поч. оп. († 1826 г.), гр. П. А. Толстой, посолъ, чл. Верх. т. сов. († 1729 г.), Д. П. Трощинскій, мин. Юст. († 1829 г.), кн. Ю. Ю. Трубецкой, бояр., сен. († 1739 г.), И. А. Тутолминъ, дир. Моск. воспит. д. († 1813 г.), И. В. Тутолминъ, поч. опек. († 1815 г.), гр. О. П. Уваровъ. ген.-ад. († 1824 г.), бар. фонъ-Урбихъ, полн. мин. Петра I, кн. Ѳ. С. Урусова, бояр., теща кн. В. И. Куракина, Фанденбургъ, аген. Петра I въ Амстердамѣ, гр. Д. И. Хвостовъ, оберъ-прокур. Свят. Син., пис., кн. А. А. Чарторижскій, мин. ин. д. († 1861 г.), П. В. Чичаговъ, мор. мин., пис. († 1849 г.), П. А. Чичеринъ, ген. отъ кав. († 1848 г.), Шампаньи, фр. мин. ин. д. († 1834 г.), бар. П. П. Шафировъ, вице-канц. († 1739 г.), гр. Штакельбергъ. послан., И. И. Шуваловъ, основ. Моск. ун. и Ак. х. († 1797 г.), кн. А. Н. Щербатовъ, сен. († 1816 г.), кн. И. А. Щербатовъ, послан. († 1761 г.), Е. А. Энгельгардтъ, пис. († 1862 г.), Х. Ф. Энгельгардтъ, ад. кн. Потемкина († 1831 г.), гр. П. И. Ягужинскій, ген.-прокур., кабин.-мин. († 1736 г.), и мн. др.

Письма большинства означенныхъ лицъ имѣются за многіе годы и переплетены въ объемистые томы.

Кромѣ переписки, оффиціальной и частной, разнаго рода мемуаровъ, рукописныхъ сочиненій и дневниковъ, Надеждинскій архивъ хранитъ въ себѣ матеріалы по исторіи Мальтійскаго ордена въ Россіи, масонства и декабристовъ.

Содержаніе вышедшихъ шести томовъ.

I т. (подъ ред. издателя Русской Старины М. И. Семевскаго). 61 письмо Петра I кн. Б. И. Куракину. Исторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и ближнихъ къ нему людяхъ, сочиненная кн. Б. И. Дневникъ и путевыя замѣтки кн. Б. И. 1705—1708 гг. Автобіографія кн. Б. И. 1676—1709 гг. Воспоминанія кн. Б. И. о русско-шведской войнѣ 1700—1710 гг. Записка кн. Б. И. объ отношеніяхъ державъ къ Россіи и о прочихъ дѣлахъ политическихъ. 1708 г. Записка кн. Б. И. о войнѣ и мирѣ съ Швеціею. 1720 г. Родословіе кн. Куракиныхъ X—XIX вв.

II т. (подъ редакціею того же). 116 грамотъ, инструкцій и писемъ Петра I 1697—1724 гг. Грамоты и письма Екатерины I и Петра II 1725—1727 гг. Грамоты иностранныхъ государей московскимъ царямъ 1574—1688 гг. Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ при европейскихъ дворахъ 1709—1710 гг. Переписка кн. Б. И. 1710—1727. Матеріалы къ родословію кн. Куракиныхъ.

III т. (подъ редакціею Семевскаго и Смольянинова). Грамоты, инструкціи, указы и письма Петра I, записки, проекты и донесенія кн. Б. И. 1713—1723 гг. Матеріалы къ исторіи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1704—1709 гг. Статьи и замѣтки кн. Б. И. по разнымъ предметамъ 1698—1724 гг. Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1708—1710 гг. Переписка кн. Б. И. 1705—1720 гг. Généalogie historique des princes de Kourakin, issus de la maison ducale de Lithuanie, recueillie et mise en ordre par le baron de Serdobine 1805 г. Надписи на гробницахъ кн. Куракиныхъ въ Чудовѣ и Новоспасскомъ монастыряхъ 1643—1805 гг.

IV. т. (подъ ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1711 г. Грамоты царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича кн. Г. С. Куракину 1661—1676 гг. и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей кн. Н. Г. Куракину 1682 г. Статьи и замѣтки кн. Б. И. по разнымъ предметамъ и его переписка съ разными лицами 1698—1711 гг.

V т. (подъ ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1711—1712 гг. Фамильные документы и переписка 1661—1712 гг. Переписка кн. Але-

ксандра Б. Куракина съ отцомъ его кн. Б. А., съ гр. Паниными и др. родственниками, съ герцогомъ мекленбургскимъ Эрнестомъ и съ разными лицами, состоявшими при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, 1763—1770 гг. Souvenirs de voyage du prince A. Kourakin en Hollande et en Angleterre, à sa sortie de l'Université de Leyde durant les années 1770—1772.

VI т. (подъ ред. Смольянинова). Мемуары кн. Б. И. о посольствахъ 1713 г. Переписка его съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, гр. Г. И. Головкинымъ, кн. В. Л. Долгоруковымъ, А. А. Матвѣевымъ, барономъ П. П. Шафировымъ и др. 1712—1713 гг. „Souvenirs de voyage du prince Alexandre Kourakin" (окончаніе). Переписка кн. Александра Бор. съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, С. С. Апраксинымъ, гр. А. С. Мусинымъ-Пушкинымъ, гр. Н. И. и П. И. Паниными, профес. Пестелемъ, гр. Сальдерномъ, герцогомъ Эрнестомъ и др. 1770—1773 гг.

Списокъ рецензій объ «Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина».

Саратовскій Листокъ 1888 г. № 169, 1891 г. № 200 и 1894 г. № 97. Волжскій Вѣстникъ 1890 г. № 229. Правительственный Вѣстникъ 1890 г. № 263. Новое Время 1890 г. № 539. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1891 г. № 1. Русскій Вѣстникъ 1891 г. № 5, стр. 335—339. Вѣстникъ Европы 1891 г. № 9, стр. 310—339, 1894 г. № 5 и 1896 г. № 12. Книжный Вѣстникъ 1891 г. № 2. Новости 1891 г. № 65 и 1892 г. № 26. Сынъ Отечества 1892 г. № 25. Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Археологическимъ Институтомъ, 1892 г. № 9, стр. 198—207. Русская Старина 1892 г. № 10 и 1894 г. № 7. Историческій Вѣстникъ 1892 г. № 11, 1894 г. № 7 и 1897 г. № 1. Русская Мысль 1893 г. № 5. Московскія Вѣдомости 1890 г. № 270 и 1894 г. № 47. Саратовскій Дневникъ 1895 г. № 31. Journal de St-Pétersbourg 1895 г. № 88. Journal des Débats. 14 Avril 1897. Русское Обозрѣніе 1896 г. № 6. Наблюдатель 1896 г. № 6. Черниговскія Губ. Вѣд. 1896 г. № 699. Русскія Вѣдомости 1897 г. № 89. Народъ 1896 г. №№ 6—7. Нива 1896 г. № 11 ежем. лит. приложеній.

Указатель русскихъ дворянскихъ фамилій, доселѣ существующихъ и упоминаемыхъ въ первыхъ семи томахъ «Архива кн. Ѳ. А. Куракина».

Ададуровы, Анненковы, Апраксины (и гр.), Апухтины, Аргамаковы, Арсеньевы, Балакиревы, Балашовы, Балки, Барсуковы, Барятинскіе кн., Башмаковы, Безобразовы, Бекетовы, Бестужевы и Бестужевы-Рюмины, Бехтеевы, Бибиковы, Богдановы, Болотовы, Бороздины, Будлянскіе, Булгаковы, Бутурлины гр. Валуевы, Васильчиковы, гр., Вельяминовы-Зерновы, Веревкины, Веселовскіе, Внуковы, Воейковы, Волковы, Волконскіе кн., Воронцовы, Врангели гр., Всеволожскіе, Вяземскіе кн., Вязмитиновы, Гагарины кн. Глѣбовы, Голицыны кн., Головины, Головкины гр., Горбовы, Григоровы, Грушецкіе. Даниловы, Дашковы кн., Демидовы, Дмитріевы, и Дмитріевы-Мамоновы, Долгоруковы кн., Домашневы, Дубенскіе, Елагины, Елизаровы, Еропкины, Ершовы, Загряжскіе, Зиновьевы, Зотовы гр., Извольскіе, Измайловы, Кавелины, Казариновы, Каменскіе, Камынины, Карповы, Карташовы, Квашнины-Самарины, Кикины, Козловскіе кн. Козловы, Кокошкины, Кологривовы, Колычевы, Кондыревы, Корфы, Кошелевы, Красовскіе, Крашинскіе гр., Кропотовы, Ладыженскіе, Левашовы, Леонтьевы, Лихачевы, Лобановы-Ростовскіе кн., Ломаковскіе, Лопухины, Лукины, Львовы (и кн.). Макаровы, Макшеевы, Мартыновы, Масальскіе, Масловы, Мещерскіе кн., Морозовы, Мусины-Пушкины (и гр.), Мухановы, Мышецкіе кн., Нарышкины, Набоковы, Нехлюдовы, Нелединскіе-Мелецкіе, Неплюевы, Нероновы, Новиковы, Новосильцевы, Нолькенъ бар., Ностицы (и гр.), Овцыны, Огинскіе кн., Одоевскіе кн., Озеровы, Оладьины, Орловы (и кн.), Остафьевы, Остенъ-Сакены бар. и гр., Остерманы бар. и гр., Палены бар., Панины (и гр.), Пастуховы, Писаревы, Плохово, Полонскіе, Полянскіе, Порошины, Постниковы, Потемкины (и кн.), Потоцкіе гр., Протасовы, Протопоповы, Пушкины, Разумовскіе, Рагозины, Ребиндеры, Репнины кн., Ржевскіе, Ромодановскіе кн., Сабуровы, Салтыковы, Самарины, Сердобины бар., Сиверсы гр., Симолины, Синявины, Собакины, Соболевскіе, Соковнины, Солнцовы, Степановы, Стрекаловы, Стрѣшневы, Строгановы гр., Струковы, Сухотины, Сушковы, Талызины, Татищевы, Текутьевы, Тепловы, Тизенгаузенъ гр., Толстые (и гр.), Трубецкіе кн., Тургеневы, Убри, Ульянины, Урусовы кн., Ушаковы, Ферзены гр., Философовы, Хилковы кн., Хитрово, Хованскіе кн., Хотинскіе, Хрущевы, Чаадаевы, Черкасскіе кн., Чернышовы гр., Чичерины, Чоглоковы, Шаховскіе кн., Шереметевы (и гр.), Шидловскіе, Шиповы, Штакельберги бар. и гр., Штембоки гр., Шуваловы гр., Шулембурги гр., Щербатовы кн., Юрьевы, Юсуповы кн., Юшковы, Языковы, Яковлевы.

ЦѢНА (съ пересылкою)

I тома на простой бумагѣ............... **2** р., на веленевой **3** р.
II, III, IV, V и VI томовъ на простой бумагѣ. **3** „ „ „ **4** „

Спеціально-сдѣланные роскошные переплеты съ золотымъ тисненіемъ по 1 р. 50 к. съ пересылкою. Книги и переплеты высылаются, по желанію, наложеннымъ платежомъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія:

1. Въ Надеждинской конторѣ кн. Ѳедора Алексѣевича Куракина. Сердобскъ Саратовской губ.
2. Въ конторѣ Дома призрѣнія, учрежд. кн. Куракиными. Москва, Новая Басманная, близъ Красныхъ воротъ.

Arkhiv knizaia F.A. Kurakina
DK127 A68 v.6-7

OCT 8 1934
DEC 18 193
AUG 7 1936
AUG 07 1998
MAY 10 1937
MAY 10 1937
MAY 10 1937

874988
DK127
A68
v.6-7

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY